А. М. Заіончковскій

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853–1856 гг.

въ связи съ современной ей политической обстановкой

ТОМЪ I

Издано на средства Военнаго Министерства

6DK
214

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1908

6 ИИБ.

6DK
914

059
37

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Государю Императору

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всеподданнѣйше посвящаетъ

АВТОРЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ былъ предпринятъ по случаю истекшаго пятидесятилѣтія Восточной войны 1853—1856 годовъ и имѣетъ цѣлью освѣтить эту эпоху по не изданнымъ еще архивнымъ матеріаламъ. Нынѣ издаваемый первый томъ охватываетъ событія, предшествовавшія войнѣ, и кончается началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Все то, что относится къ эпохѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, изложено почти исключительно на основаніи архивныхъ документовъ, предшествующее же этимъ годамъ — большею частью по печатнымъ источникамъ, такъ какъ автору разрѣшено было пользоваться главными архивами лишь въ размѣрахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ эпохѣ Восточной войны 1853—1856 годовъ.

При изложеніи политической обстановки имѣлась въ виду главная цѣль представить фактическій ходъ событій, основываясь на достовѣрныхъ документахъ, по возможности безъ всякихъ собственныхъ выводовъ; этимъ авторъ руководствовался при составленіи своего труда, относя наиболѣе интересные и неизвѣстные въ печати документы въ отдѣльный томъ приложеній.

Настоящій томъ былъ подготовленъ къ печати еще къ началу Русско-Японской войны, но начавшаяся кампанія и послѣдующія событія замедлили печатаніе, и онъ выходитъ въ свѣтъ только въ настоящее время безъ какихъ-либо измѣненій и поправокъ.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность *Б. Ф. Кутыловскому*, принимавшему самое дѣятельное участіе въ его трудѣ, а также и прочимъ своимъ сотрудникамъ: *Н. А. Болотову*, *В. В. фонъ-Нотбекъ* и *С. И. Соважъ*. Иллюстрировано изданіе было при участіи *П. Я. Дашкова*, который любезно предоставилъ въ распоряженіе автора свою рѣдкую коллекцію и не отказалъ въ своихъ совѣтахъ. Нельзя не упомянуть также о самомъ отзывчивомъ отношеніи къ работамъ по собиранію матеріаловъ для настоящаго труда со стороны завѣдывающаго Собственной Его Величества Библіотекой *В. В. Щеглова* и чиновъ Государственнаго Архива.

А. Заіончковскій.

18 августа 1907 года.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Предисловіе		I
Глава	I. Вел. Кн. Николай Павловичъ до вступленія на престолъ	1
„	II. Императоръ Николай I до 1831 года включительно	39
„	III. „ „ до 1848 года	111
„	IV. Послѣдніе годы царствованія Имп. Николая I	175
„	V. Сношенія Россіи съ Турецкимъ Востокомъ до воцаренія Имп. Николая I	211
„	VI. Восточный вопросъ при Имп. Николаѣ I до Адріанопольскаго мира включительно	237
„	VII. То же послѣ Адріанопольскаго мира	259
„	VIII. Людовикъ-Наполеонъ и возстановленіе Имперіи во Франціи	299
„	IX. Святыя Мѣста	369
„	X. Посольство князя Меншикова	399
„	XI. Организація русскихъ военно-сухопутныхъ силъ къ началу Восточной войны	453
„	XII. Тактическое устройство и внутреннее состояніе русской арміи къ началу войны	529
„	XIII. Состояніе русскаго флота къ началу войны	595
„	XIV. Состояніе вооруженныхъ силъ Франціи, Англіи, Турціи и Сардиніи къ началу войны	657
„	XV. Обзоръ границъ и крѣпостей Россіи къ началу войны	691
„	XVI. Планы дѣйствій Россіи и Турціи въ предстоящей кампаніи и подготовка къ ней со стороны послѣдней	727
Карта съ показаніемъ дислокаціи русской арміи въ 1853 году, крѣпостей и театра военныхъ дѣйствій.		

Николай I

(съ грав. Г. Ріаль, по портр. Ф. Крюгеръ 1841 г.).

Глава I.

Въ событіяхъ, ознаменовавшихъ собою русскую исторію пятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, одну изъ главныхъ руководящихъ силъ представляетъ личность Императора Николая Павловича.

Въ теченіе почти тридцатилѣтняго царствованія этого Государя Европа видѣла въ немъ могущественнаго представителя и защитника установившейся системы общественной и политической жизни народовъ, а шестидесятимилліонная Россійская Имперія какъ бы всецѣло воплощалась въ особѣ своего Монарха. Непреклонная воля, рыцарскій характеръ, твердость убѣжденій, любовь къ своему государству и желаніе возвеличить Россію во внутреннемъ и внѣшнемъ отношеніяхъ на выработанныхъ Государемъ основаніяхъ — инстинктивно давали каждому чувствовать, что Императоръ Николай Павловичъ не уклонится отъ избраннаго пути, съ чѣмъ нельзя было не считаться. Въ его лицѣ западноевропейскія державы видѣли либо вѣрнѣйшаго союзника, либо неумолимаго врага; представители разныхъ партій одинаково сильно его ненавидѣли или почитали, но и тѣ и другіе безспорно въ равной мѣрѣ его боялись.

Поэтому изслѣдованіе современной Императору Николаю Павловичу жизни Россіи и даже отчасти политической исторіи Западной Европы невозможно безъ знакомства съ колоссальной и рыцарской личностью этого Государя.

I.

За нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія великаго князя Павла Петровича на престолъ, а именно — 25 іюня 1796 года, родился третій его сынъ, великій князь Николай Павловичъ, послѣдній изъ внуковъ Императрицы Екатерины II, появившихся на свѣтъ при ея жизни. У колыбели новорожденнаго великая Императрица назвала его „рыцаремъ“, и это наименованіе вполнѣ оправдалось царствованіемъ и кончиной Императора Николая.

По установленному при Императрицѣ Екатеринѣ порядку, великій князь Николай, съ самаго рожденія, поступилъ на попеченіе царственной бабки, но послѣдовавшая вскорѣ кончина Императрицы пресѣкла вліяніе ея на ходъ воспитанія великаго князя. Единственнымъ въ этомъ отношеніи наслѣдіемъ, оставленнымъ Екатериной своему третьему внуку, былъ превосходный выборъ няни, шотландки Лайонъ [1]), бывшей въ теченіе первыхъ семи лѣтъ его единственной руководительницей. Юный великій князь со всей силою души привязался къ своей первой воспитательницѣ, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ періодѣ нѣжнаго дѣтства „геройскій, рыцарски благородный, сильный и открытый характеръ няни Лайонъ“ положилъ отпечатокъ и на характеръ ея воспитанника [2]).

Послѣ воцаренія Императора Павла, воспитаніе великаго князя Николая и родившагося въ 1798 году четвертаго сына Михаила перешло въ руки родителей. Долго сдерживавшееся отчужденіемъ старшихъ сыновей чувство нѣжной привязанности должно было обильной волной хлынуть на младшихъ. И, дѣйствительно, Императоръ Павелъ страстно любилъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ [3]), особливо же великаго князя Николая Павловича. По словамъ барона М. А. Корфа, „онъ ласкалъ ихъ весьма нѣжно, чего никогда не дѣлала ихъ мать“. Строгая блюстительница чопорнаго этикета того времени, Императрица Марія Ѳеодоровна [4]) распространяла

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Имп. Ник. I. Его жизнь и царствованіе“. Спб., 1903 г.
[2]) Бар. М. А. Корфъ: „Матер. и черты къ біогр. Имп. Ник. I и къ ист. его царств.“. Сборн. И. Р. И. О., т. XCVIII.
[3]) Сборн. И. Р. И. О., т. XCVIII.
[4]) Собр. соч. А. И. Герцена, т. V.

его во всемъ объемѣ и на малолѣтнихъ великихъ князей, которые „въ первые годы дѣтства находились съ своей августѣйшей „матерью въ отношеніяхъ церемонности и холодной учтивости“ и „даже боязни; отношенія же сердечныя и притомъ самыя теплыя „наступили для нихъ лишь впослѣдствіи, въ лѣта отрочества и „юности“.

Смерть Императора Павла не могла не запечатлѣться въ памяти пятилѣтняго великаго князя Николая Павловича [1]). Это былъ первый ударъ судьбы, нанесенный ему въ періодъ самаго нѣжнаго возраста, ударъ, который, несомнѣнно, долженъ былъ въ будущемъ, при ознакомленіи съ обстоятельствами, сопровождавшими воцареніе Императора Александра I, оставить глубокій слѣдъ въ характерѣ Николая Павловича.

Въ судьбѣ великаго князя наступилъ, такимъ образомъ, новый переломъ, и съ этихъ поръ дѣло его воспитанія и образованія сосредоточилось всецѣло и исключительно въ вѣдѣніи вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, изъ чувства деликатности къ которой Императоръ Александръ воздерживался отъ всякаго вліянія на воспитаніе своихъ младшихъ братьевъ [2]).

„Единственнымъ“, по мнѣнію барона М. А. Корфа [3]), „не-„достаткомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны была излишняя, „можетъ-статься, ея взыскательность къ своимъ дѣтямъ и къ „лицамъ, отъ нея зависѣвшимъ“, и эта взыскательность, совмѣстно съ общими строгими порядками, господствовавшими въ то время при дворѣ [4]), и при характерѣ новаго воспитателя великаго князя, генерала Ламздорфа, окружила царственнаго ребенка той сферой суровости, которая впослѣдствіи иногда чувствовалась во внѣшнемъ проявленіи воли Николая Павловича.

Такая двойственность въ воспитаніи молодыхъ великихъ князей имѣла, впрочемъ, и болѣе общія основанія. Достаточно вспомнить характеръ Гатчинскаго двора временъ Павла Петровича,

---

[1]) Н. К. Шильдеръ въ своемъ трудѣ „Имп. Николай“ приводитъ слѣдующій разговоръ великаго князя Николая Павловича съ Императоромъ Павломъ 11 марта 1801 г., показывающій, что молодой великій князь находился въ томъ періодѣ развитія, которое позволяетъ предполагать въ немъ сознательное воспоминаніе о своемъ отцѣ. Въ этотъ вечеръ онъ обратился къ Императору Павлу со страннымъ вопросомъ, почему его называютъ Павломъ Первымъ.

— Потому что не было другого государя, который носилъ бы это имя до меня — отвѣчалъ ему Императоръ.

— Тогда — отвѣтилъ великій князь — меня будутъ называть Николаемъ Первымъ.

[2]) Замѣтка, писанная великой княгиней Анной Павловной.

[3]) Рукоп. дневн. барона Корфа. Собств. Его Велич. библіотека.

[4]) Корсаковъ: „Дѣтство и отрочество Николая Павловича“. Русск. Арх., 1896 г., кн. 2.

Императрица Марія Ѳеодоровна
(съ грав. Меку, по рис. Беннеръ).

въ которомъ странно смѣшивалась привитая прусская грубость съ сентиментальнымъ направленіемъ современной литературы.

Выборъ генерала Ламздорфа на должность воспитателя великаго князя былъ сдѣланъ еще Императоромъ Павломъ, но фактъ семнадцатилѣтняго пребыванія его при особѣ своего воспитанника и неизмѣнное благоволеніе къ нему Императрицы-матери несомнѣнно указываютъ, что генералъ этотъ вполнѣ удовлетворялъ педагогическимъ требованіямъ Маріи Ѳеодоровны.

Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ, во время своей предшествовавшей назначенію на должность воспитателя военной и административной дѣятельности, выказался, какъ человѣкъ съ благородными правилами, и, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ развитію этого свойства въ своемъ воспитанникѣ. Но принятые имъ воспитательные пріемы отличались жестокостью, имѣли исключительно грубо-карательный характеръ и часто состояли изъ тѣлесныхъ наказаній [1]). Ни самъ воспитатель великаго князя, ни такъ называемые „кавалеры", слѣдившіе за его воспитаніемъ,

---

[1]) Monseigneur le Grand-Duc Nicolas, значится, напримѣръ, въ донесеніи объ успѣхахъ вел. кн. Николая Павловича за 1 февраля 1806 года, après avoir assez bien appris le russe et l'arithmétique, a été très distrait et inattentif à la leçon du français, de sorte que son maître, se servant de la permission du général, a été obligé de poser la baguette sur la table pour réveiller l'attention de monseigneur; aussi en a-t-il été puni par la privation de tous les jeux et par une retraite absolue dans ses appartements..... И такими мѣрами наполнена большая часть донесеній.

насколько можно судить по дошедшимъ свѣдѣніямъ, никогда не примѣняли нравственнаго на ребенка воздѣйствія, къ которому, онъ, по своему врожденному характеру, долженъ былъ быть особенно чуткимъ. Имъ не удалось взять душевнаго и умственнаго міра великаго князя въ свои руки и дать ему надлежащее направленіе; все сводилось къ мѣрамъ укрощенія и подчасъ суровой борьбы съ природными качествами воспитанника.

А между тѣмъ складъ ума и характера Николая Павловича въ достаточной степени выяснился еще въ дѣтскомъ его возрастѣ. Настойчивость, стремленіе повелѣвать, сердечная доброта, страсть ко всему военному, духъ товарищества, выразившійся въ позднѣйшее время въ непоколебимой вѣрности союзамъ,— все это сказывалось еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и, конечно, подчасъ въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ [1]). Н. К. Шильдеръ въ своемъ жизнеописаніи Императора Николая Павловича рисуетъ его недостатки, присущіе большинству дѣтей, въ болѣе сильномъ видѣ. „Обыкновенно весьма серіозный, необщительный и задум„чивый, а въ дѣтскіе годы и очень застѣнчивый мальчикъ, Ни„колай Павловичъ точно перерождался во время игръ. Дремавшіе „въ немъ дурные задатки проявлялись тогда съ неудержимою „силою. Въ журналахъ кавалеровъ съ 1802 по 1809 года по„стоянно встрѣчаются жалобы на то, что „во всѣ свои движенія „онъ вноситъ слишкомъ много несдержанности“, „въ своихъ „играхъ онъ почти постоянно кончаетъ тѣмъ, что причиняетъ боль „себѣ или другимъ“, что ему свойственна „страсть кривляться и „гримасничать“, наконецъ, въ одномъ случаѣ, при описаніи его „игръ, сказано: „его нравъ до того мало общителенъ, что онъ „предпочелъ остаться одинъ и въ полномъ бездѣйствіи, чѣмъ „принять участіе въ играхъ. Этотъ странный поступокъ можетъ „быть объясненъ лишь тѣмъ, что игры государыни, его сестры, и „государя, его брата, нисколько не нравились ему, и что онъ „нисколько не способенъ ни къ малѣйшему проявленію снисхо„дительности“.

Такіе задатки юнаго великаго князя требовали особой заботливости и обдуманности въ направленіи его воспитанія, а его сердечность, склонность къ раскаянію и сожалѣнію о своихъ дурныхъ поступкахъ, а также чувство нѣжной привязанности къ

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Имп. Николай Первый. Его жизнь и царствованіе“.

окружающимъ, которое сохранялось навсегда [1]), несмотря иногда на жестокое съ нимъ обращеніе, казалось, давало возможность путемъ нравственнаго воздѣйствія, при нѣкоторой, впрочемъ, настойчивости, сгладить эти врожденные недостатки Николая Павловича. Письма великаго князя къ генералу Ламздорфу въ 1808 году и нѣкоторыя изъ донесеній состоявшихъ при немъ кавалеровъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ достаточной степени выставляютъ эти симпатичныя стороны его характера.

„Удовольствіе писать вамъ [2]) уменьшается упреками моей „совѣсти. Мои уроки вчера и третьяго дня не совсѣмъ хорошо „прошли... Осмѣливаюсь просить васъ, генералъ, простить мнѣ „эту погрѣшность и обѣщаюсь постараться больше ее не повто„рять“ [3]).

„Смѣю льстить себя [4]), что ваше превосходительство должны „были, по письмамъ моей дорогой матери и г. Ахвердова, остаться „довольнымъ моими аттестатами, по крайней мѣрѣ, я для этого „сдѣлалъ все возможное“ [5]).

Въ свою очередь, кавалеры, слѣдившіе за поведеніемъ великаго князя, доносили Императрицѣ-матери: „Во время урока „русскаго языка [6]), видя, что его (великаго князя) разсѣянность „меня огорчаетъ, онъ былъ такъ растроганъ, что бросился ко мнѣ „на шею, заливаясь слезами и не имѣя возможности произнести „слова [7]). Поведеніе его императорскаго высочества великаго князя „Николая было хорошее [8]). Онъ вообще былъ менѣе шумливъ,

---

[1]) Н. К. Шильдеръ въ оставшихся послѣ его смерти рукописныхъ матеріалахъ такимъ образомъ описываетъ отношенія Императора Николая Павловича къ своему бывшему воспитателю, генералу, впослѣдствіи графу, Ламздорфу: „Императоръ Николай, памятливый къ „добру, не забылъ старика, хотя въ свое время столько претерпѣвалъ отъ него гоненій. Въ „день своей коронаціи онъ прислалъ графу въ деревню съ особымъ фельдъегеремъ свой „портретъ. Когда же въ мартѣ 1828 года графъ Ламздорфъ умеръ, находясь въ Петербургѣ, „и его сынъ явился съ докладомъ Государю о желаніи отца быть погребеннымъ безо всякихъ „военныхъ почестей и при участіи однихъ родныхъ, то Николай Павловичъ отвѣчалъ: „На„дѣюсь, что вы меня не исключите изъ числа родныхъ“, и почтилъ своимъ присутствіемъ „погребальный обрядъ въ Анненской лютеранской церкви“.

[2]) Письмо великаго князя генералу Ламздорфу отъ 5 іюля 1808 года.

[3]) „Le plaisir que j'ai de vous écrire une lettre est diminué par les reproches de ma con„science. Hier et avant-hier mes leçons n'ont pas été tout à fait bonnes.... J'ose vous prier, mon „général, de vouloir bien me pardonner en vous promettant de tâcher de ne plus y retomber“.

[4]) Письмо отъ 19 іюля 1809 года.

[5]) „J'ose me flatter, que par les lettres de ma chère maman et de m-r Achverdof votre „excellence a dû être assez contente de mes attestats, du moins j'ai fait tout mon possible pour „en mériter de bons“.

[6]) Донесеніе отъ 27 февраля 1806 года.

[7]) „A la leçon russe, voyant, que ces distractions me faisaient de la peine, il en fut „tellement touché, qu'il se jeta à mon cou, fonpant en larmes et sans pouvoir proférer une parole“.

[8]) Донесеніе отъ 2 марта 1806 года.

„чѣмъ обыкновенно, и „причиной этому, по „всей вѣроятности, была „мысль о томъ, что онъ „долженъ исповѣды„ваться. Онъ долго оста„вался со своимъ свя„щенникомъ, отъ кото„раго вышелъ въ чрезвы„чайной степени растро„ганный и въ слезахъ“ [1]).

Александръ I
(съ рис. Г. Галактіонова).

Историкъ жизни Императора Николая Павловича не указываетъ, какимъ образомъ кавалеры великаго князя пользовались въ воспитательномъ отношеніи этими сторонами его характера [2]).

Наибольшія заботы Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ дѣлѣ воспитанія Николая Павловича заключались въ стараніи отклонить его отъ увлеченія военными упражненіями, которое обнаружилось въ немъ съ самаго ранняго дѣтства. Страсть къ технической сторонѣ военнаго дѣла, привитая въ Россіи рукою Императора Павла, пустила въ царской семьѣ глубокіе и крѣпкіе корни. Императоръ Александръ, несмотря на свой либерализмъ, былъ горячимъ приверженцемъ вахтъ-парада и всѣхъ его тонкостей; великій князь Константинъ

---

[1]) „La conduite de son altesse impériale monseigneur le grand-duc Nicolas a été bonne. „Il a été en général moins bruyant qu'à l'ordinaire, et la raison en fut probablement l'idée qu'il „devait se confesser. Il est resté longtemps avec son aumônier, qu'il a quitté extrêmement touché „et pleurant“.

[2]) Одинъ изъ кавалеровъ великаго князя, Арсеньевъ, въ 1809 году, какъ-то, во время своихъ продолжительныхъ наставленій Николаю Павловичу, получилъ отъ него въ отвѣтъ: „Вамъ это не нравится, а я привыкъ такъ дѣлать“. На другой день, когда прошелъ первый порывъ вспыльчивости, великій князь просилъ у Арсеньева извиненія, но отнюдь не изъ страха наказанія, а изъ чувства сожалѣнія, что онъ огорчилъ воспитателя, который былъ ему такъ преданъ. Сборн. Имп. Ист. Росс. Общ., т. XCVIII, стр. 72.

Павловичъ испытывалъ полное счастіе лишь на плацу, среди муштруемыхъ командъ [1]). Младшіе братья не уступали въ этой страсти старшимъ.

Великій князь Николай Павловичъ съ самаго ранняго дѣтства началъ выказывать особое пристрастіе къ военнымъ игрушкамъ и къ разсказамъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Лучшей для него наградой было разрѣшеніе отправиться на парадъ или разводъ, гдѣ онъ съ особымъ вниманіемъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ, останавливаясь даже на мельчайшихъ подробностяхъ [2]).

За исполненіе желанія Императрицы Маріи Ѳеодоровны отвлечь великаго князя отъ этой страсти воспитатели его взялись неумѣлыми руками; они не были способны направить умъ своего воспитанника къ преслѣдованію другихъ, болѣе плодотворныхъ идеаловъ. Напротивъ того, благодаря системѣ воспитанія, настойчиво проводимой Императрицей, склонность къ военной выправкѣ и къ внѣшностямъ военной службы получила въ глазахъ великаго князя всю прелесть запретнаго плода [3]). Эта склонность осталась въ немъ въ достаточной степени и въ зрѣломъ возрастѣ и невольно, какъ увидимъ ниже, отразилась на характерѣ образованія русской арміи. Но, въ то же время, неудачное стараніе отвратить великаго князя отъ всего военнаго не дало ему возможности получить правильное въ этой отрасли знаній образованіе и установить на прочныхъ основахъ свои выдающіяся природныя способности. Обозрѣніе военной дѣятельности Императора Николая Павловича заставляетъ удивляться замѣчательной широтѣ его военныхъ взглядовъ и правильности разсужденій, наравнѣ съ чрезмѣрнымъ иногда увлеченіемъ парадной стороной дѣла, при нахожденіи Государя передъ фронтомъ войскъ.

II.

Заботы объ обученіи и образованіи великаго князя сосредоточивались въ тѣхъ же неумѣлыхъ рукахъ воспитателей Николая Павловича. Они не только не могли внушить великому князю любви къ наукамъ, но сдѣлали все возможное, чтобы оттолкнуть

---

[1]) Корсаковъ: „Дѣтство и отрочество Николая Павловича". Русск. Арх., 1896 г., кн. 2. Шильдеръ: „Жизнь Императора Николая I".
[2]) П. Лакруа: „Исторія жизни и царствованія Императора Николая", вып. I, стр. 22.
[3]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый".

его отъ ученія. Въ учебномъ дѣлѣ заботы воспитателей направлены были къ тому, чтобы не дать юному великому князю времени увлекаться его любимымъ военнымъ дѣломъ и чтеніемъ военныхъ книгъ. Средствомъ для этого было выбрано такое распредѣленіе дня, которое оставляло въ распоряженіи воспитанника возможно менѣе свободнаго времени. Съ этою цѣлью, при дѣятельномъ участіи самой Императрицы, не только были составлены особыя таблицы лекцій съ подробнымъ исчисленіемъ количества часовъ ежедневныхъ занятій разными предметами, но и самый характеръ занятій былъ заключенъ въ очень опредѣленныя и тѣсныя рамки. „Великіе князья не должны даже по„зволять себѣ задавать пустыхъ вопросовъ [1]), относящихся къ „предмету, о которомъ съ ними толкуютъ, если эти вопросы „непосредственно не относятся къ необходимымъ объясненіямъ „для изученія самаго предмета, о которомъ имъ говорятъ“, наставляла Императрица Марія Ѳеодоровна генерала Ламздорфа [2]).

Выборъ назначенныхъ для Николая Павловича преподавателей также заставлялъ желать лучшаго. „Нѣкоторые изъ числа этихъ „наставниковъ“, говоритъ Н. К. Шильдеръ [3]), „были люди весьма „ученые, но ни одинъ изъ нихъ не былъ одаренъ способностью „овладѣть вниманіемъ своего ученика и вселить въ немъ ува„женіе къ преподаваемой наукѣ“. Много лѣтъ спустя, уже въ 1847 году, Императоръ Николай Павловичъ въ разговорѣ съ барономъ Корфомъ сдѣлалъ самъ рѣзкую характеристику своихъ педагоговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и системы своего образованія. „Совершенно согласенъ съ тобою“, сказалъ Государь, „что не надо „слишкомъ долго останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, „которые потомъ или забываются, или не находятъ никакого „приложенія въ практикѣ. Я помню, какъ насъ [4]) мучили надъ „этимъ два человѣка, очень добрые, можетъ-статься, и очень „умные, но оба несносныйшіе педанты: покойники Балугьянскій „и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ на смѣси всѣхъ языковъ, „изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, „нѣмецкихъ и Богъ вѣсть еще какихъ законахъ; другой —

---

[1]) Письмо Импер. Маріи Ѳеодоровны генералу Ламздорфу отъ 5 іюня 1806 года.

[2]) „Les grands-ducs ne doivent pas même se permettre de faire sur le sujet, que l'on „traite avec eux, des questions oiseuses, qui ne mènent pas directement à une explication néces„saire pour leur instruction de l'objet même, dont on leur parle“.

[3]) Н. К. Шильдеръ: „Импер. Николай Первый“, т. I, стр. 16.

[4]) Т.-е. великихъ князей Николая и Михаила Павловичей.

„что-то о мнимомъ „естественномъ“ правѣ. Въ прибавку къ „нимъ являлся еще Шторхъ со своими усыпительными лекціями „о политической экономіи, которыя читалъ намъ по своей „печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой „монотоніи. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ „мы или дремали, или рисовали „какой-нибудь вздоръ, иногда соб- „ственные ихъ карикатурные пор- „треты, а потомъ, къ экзаменамъ, „выучивали что-нибудь въ дол- „бяжку, безъ плода и пользы для „будущаго. По-моему, лучшая теорія „права — добрая нравственность, а „она должна быть въ сердцѣ не- „зависимо отъ этихъ отвлеченно- „стей и имѣть своимъ основа- „ніемъ религію. Въ этомъ моимъ „дѣтямъ также лучше, чѣмъ было „намъ, которыхъ учили только „креститься въ извѣстное время „обѣдни, да говорить наизусть раз- „ныя молитвы, не заботясь о томъ, „что дѣлалось въ душѣ“ [1]. Во время того же разговора Государь не упустилъ случая отдать дань уваженія добрымъ чувствамъ и настоящей любви къ родинѣ его бывшихъ кавалеровъ. Высказавъ свой взглядъ на патріотизмъ и идею народности, въ которыхъ, при всей ихъ необходимости, онъ признавалъ должнымъ избѣгать крайностей, Императоръ Николай Павловичъ прибавилъ, что съ этой стороны онъ ничего не можетъ приписать вліянію своихъ учителей, но очень многимъ обязанъ людямъ, въ обществѣ которыхъ онъ жилъ, а именно: Ахвердову, Арсеньеву и Маркевичу. „Они“, по словамъ Государя, „искренно любили Россію и, между „тѣмъ, понимали, что можно быть самымъ добрымъ русскимъ, „не ненавидя, однакожъ, безъ разбора всего иностраннаго“ [2]).

Съ собственноручнаго оформа Вел. Кн. Николая Павловича.

---

[1]) Бар. Корфъ: „Матеріалы и черты къ біограф. Имп. Николая I*. Рукопись. Собств. Его Вел. библіотека.

[2]) Тамъ же.

Легко можно предвидѣть, какъ, при такихъ условіяхъ, шло образованіе великаго князя. Познанія пріобрѣтались урывками, безъ опредѣленной связи, которая могла бы служить къ прочному и послѣдовательному развитію умственнаго кругозора. Да и выборъ самыхъ предметовъ преподаванія былъ сдѣланъ односторонне, безъ правильно выработанной программы. Больше всего обращалось вниманіе на предметы отвлеченные, умозрительные, и на языки, менѣе — на предметы реальнаго характера, а что касается военныхъ наукъ, то онѣ долгое время были совершенно изъяты изъ учебнаго курса будущаго верховнаго вождя милліонной арміи. Въ недостаточномъ знаніи русскаго языка Государь впослѣдствіи самъ сознавался, говоря, чтобы не судили его орѳографіи, такъ какъ на эту часть при его воспитаніи не обращали должнаго вниманія [1]). Онъ вообще писалъ бѣгло и безъ затрудненія, но не всегда употреблялъ слова въ собственномъ ихъ значеніи. Что касается до наукъ политическихъ, столь необходимыхъ монарху, то онѣ почти не входили въ программу образованія великаго князя. По словамъ В. А. Муханова [2]), Николай Павловичъ, окончивъ курсъ своего образованія, самъ ужаснулся своему невѣдѣнію и послѣ свадьбы старался пополнить этотъ пробѣлъ, но условія жизни разсѣянной, преобладаніе военныхъ занятій и свѣтлыя радости семейной жизни отвлекали его отъ постоянныхъ кабинетныхъ работъ. „Умъ его не обработанъ, воспитаніе его было небрежно“, писала объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ королева Викторія въ 1844 году [3]).

Не ко всѣмъ, однако, наукамъ великій князь относился съ одинаковымъ, по его словамъ, равнодушіемъ. Предметы отвлеченные, умозрительные, менѣе привлекали его вниманіе, и наврядъ ли онъ увлекался поэтическимъ образомъ героевъ древности; науки же прикладныя, имѣющія отношеніе къ практическому примѣненію, а также историческія событія недавняго прошлаго, были Николаю Павловичу особенно по душѣ.

Великій князь съ самаго ранняго дѣтства выказалъ большое пристрастіе къ строительному искусству, и эта склонность сохранилась въ немъ на всю жизнь. Легко владѣя карандашемъ,

---

[1]) Со словъ кн. Тенишева, Русск. Арх., 1878 г., III, 520.
[2]) Дневн. В. А. Муханова за 1855 г., Русск. Арх., 1897 г., кн. 1, стр. 88—90.
[3]) Въ письмѣ къ королю Бельгійскому Леопольду.

онъ примѣнялъ свой талантъ почти исключительно къ черченію геометрическихъ фигуръ, укрѣпленій, плановъ сраженій и къ рисованію войскъ. Его любовь къ прямымъ линіямъ и симметричнымъ построеніямъ воплотилась впослѣдствіи въ архитектуру Николаевскихъ временъ. При изученіи исторіи, юный великій князь особенно интересовался дѣятелями позднѣйшей эпохи, и здѣсь встрѣчались у него лица, которымъ онъ сочувствовалъ или же къ которымъ относился съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. Заключенія его о нѣкоторыхъ историческихъ личностяхъ характерны въ томъ отношеніи, что выказывали тѣ взгляды будущаго повелителя обширнѣйшей монархіи, которымъ онъ не измѣнилъ до конца своей жизни. Въ поведеніи Оттона II въ немъ возбуждало негодованіе то вѣроломство, съ которымъ этотъ государь поступилъ относительно высшаго класса населенія Рима (les principaux habitants de Rome) [1]). Въ судьбѣ Людовика XVI Николай Павловичъ видѣлъ кару, понесенную французскимъ королемъ за неисполненіе своего долга въ отношеніи государства. „Быть слабымъ не значитъ быть милосердымъ“, сказалъ онъ по этому поводу своему преподавателю. „Монархъ не имѣетъ права прощать вра„говъ отечества. Людовикъ XVI видѣлъ передъ собой настоящее „возмущеніе, скрытое подъ ложнымъ названіемъ свободы; онъ „сохранилъ бы отъ многихъ невзгодъ свой народъ, не пощадивъ „возмутителей“ [2]). Лучшею побѣдою генерала Бонапарта онъ признавалъ его торжество надъ анархіей. Особыя же симпатіи великаго князя вызывалъ Петръ Великій, и это поклоненіе памяти геніальнаго предка не покидало его до самой смерти.

Завѣтное желаніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны совершенно отстранить великаго князя Николая Павловича отъ изученія военныхъ наукъ не могло осуществиться въ полной мѣрѣ. Будущность, которая могла ожидать Николая Павловича, и воинственное настроеніе, охватившее Европу во время Наполеоновскихъ войнъ, „способствовали побѣдѣ нѣжной матери надъ „личными „вкусами“, и къ великому князю были приглашены профессора, „которые должны были прочитать военныя науки въ возможно „большей полнотѣ“ [3]). Для этой цѣли были выбраны извѣстный

---

[1]) Письмо къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 5 января 1813 г.

[2]) П. Лакруа, т. I, стр. 19 и 20.

[3]) Баронъ М. А. Корфъ: „Къ біограф. Николая Павловича“, рукопись. Собств. Его Вел. библіотека.

инженерный генералъ Оппермань и, въ помощь ему, полковники Джанотти и Маркевичъ [1]).

Графъ Паскевичъ (съ грав. Н. Уткина).

Н. К. Шильдеръ, усиленно останавливаясь въ своемъ жизнеописаніи Императора Николая Павловича на присущемъ великому князю увлеченіи вахтъ-парадами и мелочной техникой военнаго ремесла, къ сожалѣнію, почти не даетъ указаній о томъ, какимъ образомъ развились тѣ обширныя познанія военнаго дѣла, которыми безспорно обладалъ впослѣдствіи Императоръ Николай. Нѣтъ сомнѣнія, что великій князь весь свой досугъ удѣлялъ чтенію любимыхъ имъ военныхъ книгъ и, такимъ образомъ, въ значительной степени былъ обязанъ развитіемъ своихъ познаній самому себѣ; но надо думать, что большую роль въ этомъ отношеніи сыграли и первые руководители его военнаго образованія. Одно имя генерала Оппермана, какъ достойнаго представителя нашей военно-инженерной науки того времени, награды, которыми впослѣдствіи осыпалъ его Императоръ Николай Павловичъ, а также добрая память, которую онъ еще въ 1847 году сохранилъ о другомъ своемъ наставникѣ, Маркевичѣ [2]), подтверждаютъ, что преподаватели военныхъ наукъ пользовались несравненно большимъ уваженіемъ своего воспитанника, чѣмъ преподаватели остальныхъ предметовъ.

Свѣдѣнія о военномъ образованіи великаго князя крайне отрывочны, и нельзя составить себѣ понятія даже о тѣхъ вопросахъ, которые входили въ курсъ читавшихся ему лекцій; объ этомъ можно судить лишь приблизительно.

Обнаруженное съ самаго ранняго возраста влеченіе великаго князя къ инженерному искусству, да и самая спеціальность главнаго руководителя военнаго образованія, генерала Оппермана, даютъ основаніе предполагать, что большая доля вниманія была

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Импер. Николай Первый".
[2]) См. выше.

обращена на надлежащую подготовку будущаго генералъ-инспектора по инженерной части. Что же касается остальныхъ военныхъ предметовъ, то въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ сохранились указанія, что въ 1813 году великому князю преподавалась стратегія [1]), а съ 1815 года начались военныя бесѣды Николая Павловича съ генераломъ Опперманомъ.

Бесѣды эти состояли въ томъ, что великій князь читалъ разработанные имъ самимъ трактаты о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, или планы войны на заданную тему, и давалъ объясненія, относящіяся до подробностей представленной работы. Въ этомъ же году, между прочимъ, великій князь составилъ трактатъ „о войнѣ противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Польши", которымъ наставникъ остался очень доволенъ, заподозрѣвъ даже, что его ученикъ имѣлъ въ своихъ рукахъ мемуаръ, составленный на эту же тему однимъ русскимъ генераломъ [2]). Одновременно съ этимъ великій князь занимался съ Маркевичемъ „военными переводами", а съ Джаноттіи — чтеніемъ сочиненій Жиро и Ллойда о разныхъ кампаніяхъ, равно какъ разборомъ проекта „объ изгнаніи турокъ изъ Европы при извѣстныхъ данныхъ „условіяхъ" [3]).

Занятія эти, видимо, шли не безуспѣшно, такъ какъ въ журналахъ 1815 года генералъ Опперманъ отмѣчаетъ военныя дарованія Николая Павловича и совѣтуетъ ему читать подробныя исторіи замѣчательныхъ кампаній, черезъ что „неминуемо должны „совершенствоваться въ великомъ князѣ его блестящія военныя „способности, преимущественно состоящія въ талантѣ вѣрно и „ясно судить о военныхъ дѣйствіяхъ".

Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть еще объ одномъ неожиданномъ руководителѣ военнаго образованія великаго князя, а именно о будущемъ знаменитомъ „отцѣ-командирѣ", Иванѣ Ѳедоровичѣ Паскевичѣ. Знакомство съ нимъ состоялось въ Парижѣ въ 1815 г., послѣ чего „Николай Павловичъ", говоритъ Паскевичъ въ своихъ запискахъ, „постоянно меня звалъ къ себѣ и подробно „разспрашивалъ о послѣднихъ кампаніяхъ. Мы съ разложенными „картами по цѣлымъ часамъ вдвоемъ разбирали всѣ движенія и

---

[1]) „Dans la leçon d'art militaire j'ai lu dans Rocheaymon les différents cas où il est permis „de livrer bataille", писалъ великій князь Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 5 января 1813 года.
[2]) Н. Шильдеръ: „Вел. кн. Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 г.". Русск. Стар., 1901 г., № 6.
[3]) Н. К. Шильдеръ: „Импер. Николай Первый".

„битвы 12-го, 13-го и 14-го годовъ. Этому завидовали многіе „и стали говорить въ шутку, что онъ (великій князь) въ меня „влюбился. Его нельзя было не любить. Главная его черта, „которою онъ меня привлекъ къ себѣ, это — прямота и откро- „венность".

Въ программу военнаго образованія великаго князя не введены были, кажется, предметы, которые могли бы дать ему правильное понятіе о тѣхъ техническихъ мелочахъ военнаго дѣла, отъ которыхъ въ значительной степени зависитъ успѣхъ всякой военной операціи и безъ основательнаго знанія которыхъ самое изученіе высшихъ военныхъ наукъ не приноситъ пользы въ полной мѣрѣ. Ни съ требованіями, которыя можно предъявлять солдату, какъ физической и боевой единицѣ, ни съ техникой веденія боя, ни, наконецъ, со всѣми прочими элементами войны, которые составляютъ главный фундаментъ военныхъ познаній, великій князь въ своей молодости, видимо, не былъ основательно ознакомленъ, и это обстоятельство, совмѣстно съ другими неблагопріятными условіями, не осталось безъ вреднаго вліянія на состояніе нашей арміи въ эпоху царствованія Императора Николая Павловича. Выдающіеся, безспорно, военные таланты великаго князя перемѣшивались, при неполнотѣ его военнаго образованія, съ пустившими въ дѣтствѣ корни вахтъ-парадными тенденціями Александровской эпохи и породили тѣ послѣдствія, которыя и понынѣ служатъ основаніемъ для двойственности въ военной оцѣнкѣ Императора Николая Перваго.

Впрочемъ, въ оправданіе руководителей военнаго образованія великаго князя слѣдуетъ замѣтить, что въ то время не существовало ни тактики, ни военной исторіи, какъ науки, поставленной на почвѣ твердаго теоретическаго изслѣдованія; не существовало и литературы этихъ наукъ, которая на русскомъ языкѣ появилась гораздо позднѣе двадцатыхъ годовъ [1]).

III.

Курсъ образованія великаго князя долженъ былъ закончиться его путешествіемъ по Россіи и за границу. Настоятельное желаніе Николая Павловича участвовать въ дѣйствіяхъ освободительной

[1]) Ал. Савельевъ: „Первые годы Главнаго Инженернаго училища".

войны заставило, наконецъ, Императора Александра согласиться въ 1814 году на прибытіе его младшихъ братьевъ къ арміи, при чемъ Императоръ приказалъ состоять при нихъ генералъ-адъютанту Коновницыну. Въ этомъ назначеніи выразилось, кажется, единственное участіе Государя въ дѣлѣ воспитанія и образованія младшихъ великихъ князей, и выборъ, имъ сдѣланный, былъ, несомнѣнно, наиболѣе удачный. Опытный воинъ, покрывшій себя неувядаемыми лаврами, Коновницынъ соединялъ въ себѣ, при присущей ему добротѣ характера и всестороннемъ знакомствѣ съ военнымъ дѣломъ, всѣ необходимыя условія для выполненія возложенной на него задачи. Пробывъ при великихъ князьяхъ во время ихъ путешествій въ 1814 и 1815 годахъ, онъ былъ назначенъ въ слѣдующемъ году на постъ военнаго министра, и его плодотворная дѣятельность, какъ руководителя практическаго военнаго образованія великаго князя Николая Павловича, должна была прекратиться. Столь кратковременное пребываніе при августѣйшихъ юношахъ, сопряженное къ тому же съ перерывами и необходимостью сообразоваться со взглядами генерала Ламздорфа [1]), не могло принести имъ особенно существенной пользы, но во всякомъ случаѣ оно не осталось безъ благотворнаго вліянія.

При разставаніи съ великими князьями генералъ-адъютантъ Коновницынъ преподалъ имъ въ особомъ письмѣ рядъ совѣтовъ для будущей ихъ дѣятельности. Это письмо представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ въ отношеніи характеристики самого автора, такъ и потому, что въ немъ должны были отразиться подмѣченныя Коновницынымъ черты характера великихъ князей.

„Никакой добродѣтельный подвигъ“, писалъ онъ между прочимъ, „безъ напряженія духа, безъ труда не совершается. Слѣ„довательно, для благихъ и полезныхъ подвиговъ умъ напитанъ „быть долженъ добрыми познаніями, которыя украшаютъ и самую „старость. Чтобы непремѣнно занимать, питать разумъ, безъ „чего онъ, такъ сказать, засыпаетъ, возьмите на себя хоть одинъ „часъ въ день (но каждый день непремѣнно) занять разумъ ка-

---

[1]) „Vous voudrez décider le plan de leur voyage, cher Alexandre, et fixer le temps de „leur retour, pourvu que le bon Lamsdorff soit avec eux, mon âme est tranquille et le général „Konownitzin que vous leur avez donné, leur sera de même bien utile pour les connaissances „militaires qu'ils doivent acquérir dans ce voyage, pour lequel les conseils du digne m-r de „Laharpe leur seront de même bien utiles*. Изъ письма Импер. Маріи Ѳеодоровны къ Импер. Александру I отъ 26 апрѣля 1814 года.

„кою-либо наукою или познаніемъ, составивъ въ самомъ чтеніи „себѣ планъ, чтобы не перемѣшивать предметовъ въ одно время. „Въ разсужденіяхъ общихъ оскорблять никогда не должно, ниже „говорить о комъ худо; по единой неосторожности получите „недовольныхъ. Общая вѣжливость привлекаетъ, а надменность, „и еще болѣе грубость, лишитъ васъ большихъ и невозврат„ныхъ выгодъ. Держитесь людей такихъ, которые бы отъ васъ „ничего не желали, которые не ослѣплялись бы величіемъ ва„шимъ и съ надлежащимъ почтеніемъ говорили бы вамъ истину „и противорѣчили бы вамъ для воздержанія васъ отъ погрѣш„ностей. Если придетъ время командовать вамъ частями войскъ, „да будетъ первѣйшее ваше стараніе о содержаніи ихъ вообще „и о призрѣніи больныхъ и страждущихъ. Старайтесь улучшить „положеніе каждаго, не требуйте отъ людей невозможнаго. Крикъ „и угрозы только раздражаютъ, а пользы вамъ не принесутъ. „На службѣ надобно неминуемо людьми запасаться. Буде слу„чится вамъ быть въ военныхъ дѣйствіяхъ, принимайте совѣтъ „людей опытныхъ. Обдумайте оный прежде, нежели рѣшитесь „дѣйствовать“ [1])....

Отъѣздъ великихъ князей къ арміи былъ тяжелымъ испытаніемъ для Императрицы Маріи Ѳеодоровны, но она сознавала всю необходимость его, а потому и мирилась съ невольной разлукой. Императрица съ особой заботливостью обставила путешествіе своихъ сыновей, снабдивъ самыми подробными инструкціями лицъ, ихъ сопровождавшихъ, и давъ письменныя наставленія самимъ великимъ князьямъ. Эти прекрасныя наставленія охватывали всевозможные случаи и состояли изъ ряда высоконравственныхъ совѣтовъ, касающихся поведенія, занятій и времяпрепровожденія великихъ князей. Марія Ѳеодоровна не обходитъ молчаніемъ и спеціально военные предметы. Она настойчиво предостерегала сыновей отъ увлеченія мелочами военной службы, совѣтуя, напротивъ того, запасаться познаніями, создающими великихъ полководцевъ. „Слѣдуетъ“, писала Императрица, „изучить все, что касается до сбереженія солдата, которымъ такъ „часто пренебрегаютъ, жертвуя имъ красотѣ формы, безполез„нымъ упражненіямъ, личному честолюбію и невѣжеству началь„ника“ [2]).

---

[1]) Письмо ген.-ад. Коновницына помѣщено въ Приложеніи № 1.
[2]) Н. К. Шильдеръ: „Имп. Николай Первый“.

Императоръ Николай I
(съ грав. И. Рабинсконъ, по портр. Г. Дау).

Великимъ князьямъ не удалось принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, и они прибыли въ Парижъ, чтобы быть свидѣтелями славы Императора Александра и доблестной русской арміи. Возможность практическаго боевого опыта для Николая Павловича, къ сожалѣнію, ускользнула впредь до Турецкой войны 1828 года. Ему пришлось ограничиться лишь довершеніемъ своего общаго образованія.

Предложеніе Императора Александра воспользоваться пребываніемъ младшихъ братьевъ за границей, дабы они занялись усовершенствованіемъ своего образованія въ Парижѣ, подъ руководствомъ опытнаго ментора Лагарпа, и совершили путешествіе по Голландіи, Англіи и Швейцаріи, не встрѣтило сочувствія со стороны Маріи Ѳеодоровны, которая, въ видахъ нравственныхъ, опасалась продолжительнаго пребыванія сыновей въ столицѣ Франціи.

И въ данномъ случаѣ сказалась склонность великаго князя Николая Павловича ко всему военному; онъ осматривалъ въ Парижѣ предпочтительно учрежденія военныя, политехническую школу, домъ инвалидовъ, казармы, госпитали [1]).

Біографы Николая Павловича не даютъ почти никакихъ свѣдѣній, по которымъ можно было бы судить о вліяніи на него заграничныхъ поѣздокъ 1814 и 1815 годовъ. Можно развѣ упомянуть лишь о томъ, что во время этихъ поѣздокъ выяснилась любовь молодыхъ великихъ князей ко всему своему, родному, и, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, они „восхищались всѣмъ тѣмъ, что есть русское“. Тогда же на смотру въ Вертю 29 августа 1815 года Николай Павловичъ впервые выѣхалъ

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Имп. Николай Первый“.

передъ строй, командуя 2-й бригадой 3-й гренадерской дивизіи. Сообщая объ этомъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, генералъ-адъютантъ Коновницынъ прибавлялъ, что великіе князья, „командуя „своими частями наилучшимъ образомъ, пріобрѣли истинное ува- „женіе отъ войскъ, имъ подчиненныхъ, исправностью въ командѣ, „кротостью и снисхожденіемъ ко всѣмъ чинамъ".

Въ 1816 году были предприняты великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ обширныя путешествія по Россіи и Англіи.

Первое имѣло цѣлью ознакомленіе со своимъ отечествомъ въ административномъ, коммерческомъ и промышленномъ отношеніяхъ и состоялось опять подъ руководствомъ новаго лица, а именно генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова. Наставленіе для этого путешествія, разработанное съ особой тщательностью Императрицей Маріей Ѳеодоровной, старалось сдѣлать его особо поучительнымъ и преслѣдовало, между прочими цѣлями, необходимость для Николая Павловича пріобрѣсти популярность среди народа [1]).

Во время своего путешествія великій князь обязанъ былъ вести особые журналы, внося въ нихъ свои впечатлѣнія по гражданской и промышленной частямъ и отдѣльно по военной части. Эти журналы, веденные двадцатилѣтнимъ великимъ княземъ, только-что окончившимъ курсъ своего образованія, были бы крайне интересны для его характеристики, но, къ сожалѣнію, они неизвѣстны въ печати, и даже Н. К. Шильдеръ приводитъ лишь незначительныя выдержки изъ гражданскаго и военнаго ихъ отдѣловъ. Однако, и эти короткія выписки отмѣчаютъ нѣкоторыя черты автора журналовъ [2]). Отсутствіе поэтическихъ увлеченій, общихъ идей и поверхностныхъ разсужденій, реальный складъ ума съ правильнымъ и практичнымъ взглядомъ на вещи, большая наблюдательность, не упускающая изъ вида и мелочей, основательная и здравая оцѣнка положенія дѣлъ и любовь къ порядку — таковымъ рисуется Николай Павловичъ по отрывкамъ его собственноручнаго журнала.

„Нелицемѣрно и съ восхищеніемъ долженъ повторить", докладывалъ Голенищевъ-Кутузовъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ по возвращеніи изъ путешествія, „что Его Высочество повсюду „пріобрѣлъ отличное уваженіе, преданность и любовь отъ всѣхъ

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый".
[2]) Выписка помѣщается въ Приложеніи № 2.

„сословій. Я нерѣдко докладываю Его Высочеству, что всѣмъ „онымъ онъ обязанъ Вашему Императорскому Величеству; пра„вила, внушенныя при воспитаніи, Вашимъ Величествомъ были „предначертаны“ [1]).

Путешествіе въ Англію должно было, по словамъ Маріи Ѳеодоровны, не только удовлетворить любопытство великаго князя, но и обогатить его полезными познаніями и опытами [2]). Однако, въ то же время это путешествіе внушало и нѣкоторое опасеніе, совершенно, впрочемъ, неосновательное при выяснившемся уже характерѣ Николая Павловича, а именно: опасеніе, чтобы великій князь не слишкомъ увлекся свободными учрежденіями Англіи и не поставилъ ихъ въ прямую связь съ видомъ несомнѣннаго благосостоянія ея. Его характеръ успѣлъ уже настолько образоваться съ присущимъ ему трезвымъ, далекимъ отъ всякой мечтательности міросозерцаніемъ, что увлеченій въ конституціонномъ смыслѣ нельзя было предвидѣть.

И, дѣйствительно, во время своего пребыванія въ Англіи великій князь менѣе всего интересовался ораторскими преніями въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ, а также разговорами объ этихъ явленіяхъ англійской общественной жизни. Распространенные въ странѣ клубы и митинги также не встрѣтили сочувствія со стороны Николая Павловича. „Если бы“, сказалъ онъ по этому поводу Голенищеву-Кутузову, „къ нашему несчастію какой-ни„будь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, „дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога „повторить чудо смѣшенія языковъ или, еще лучше, лишить „дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое упо„требленіе“.

Четырехмѣсячное пребываніе великаго князя въ Англіи прошло въ разъѣздахъ по всѣмъ направленіямъ, для ознакомленія съ разными отраслями жизни этой, отличной отъ всѣхъ государствъ Европы, страны. Николай Павловичъ, по словамъ сопровождавшаго его Саврасова, не оставилъ своимъ вниманіемъ ни одного предмета, того заслуживавшаго, и своимъ ласковымъ обхожденіемъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и похвалу [3]). Этотъ отзывъ подтверждается и другими лицами его свиты.

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Имп. Николай Первый“.
[2]) Письмо къ Г. А. Гаинкѣ, Русск. Стар., 1876 г., т. XVII, стр. 219.
[3]) Письмо къ Имп. Маріи Ѳеодоровнѣ изъ Эдинбурга отъ 9 декабря 1816 года.

Симпатія ко всему военному и въ данномъ случаѣ не измѣнила великому князю. Имѣя возможность знакомиться съ самыми разнообразными политическими и государственными дѣятелями страны, которыми Англія тогда гордилась, онъ предпочиталъ общество и бесѣды съ представителями британской арміи [1]).

Императрица Александра Ѳеодоровна
(съ грав. Райтъ, по портр. Соколова).

Англія произвела на молодого великаго князя неизгладимое впечатлѣніе. Трезвость и положительность англійскаго ума не могли не прійтись по вкусу великому князю Николаю Павловичу. Симпатій его къ Англіи не могло поколебать, много лѣтъ спустя, даже то упорное противодѣйствіе, которое оказывалъ нашимъ начинаніямъ англійскій кабинетъ. Императоръ Николай никогда не оставлялъ мысли о союзѣ съ Великобританіею.

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый".

Лейбъ-медикъ принца Леопольда, Штокмаръ, занесъ въ свои записки описаніе наружности Николая Павловича въ это время. По его словамъ, онъ былъ необыкновенно красивый, плѣнительный молодой человѣкъ, прямой, какъ сосна, съ правильными чертами лица, открытымъ лбомъ, красивыми бровями, необыкновенно красивымъ носомъ, красивымъ маленькимъ ртомъ и точно очертаннымъ подбородкомъ. Онъ отличался очень приличными манерами, полными оживленія, но безъ натянутости и смущенія. Въ то же время великій князь привелъ англійское общество въ удивленіе своей изысканной вѣжливостью съ дамами и спартанской простотой образа жизни. „Повидимому, онъ обладаетъ рѣшительнымъ талантомъ ухаживать“, заканчиваетъ докторъ Штокмаръ свои воспоминанія о Николаѣ Павловичѣ [1]).

IV.

Рядомъ описанныхъ путешествій закончился полный курсъ образованія великаго князя, и въ слѣдующемъ 1817 году его уже ожидали радости семейнаго счастья. Въ этомъ году состоялся бракъ великаго князя съ принцессой прусской Шарлоттой [2]), и Николай Павловичъ достигъ „того единственнаго истиннаго и прочнаго счастья“, которое онъ находилъ въ теченіе всей жизни въ своей семьѣ и котораго онъ, воспитанный въ духѣ строгихъ семейныхъ началъ, такъ жаждалъ еще въ 1814 году [3]).

Съ этого времени начинается общественная дѣятельность великаго князя Николая Павловича, а потому не будетъ излиш-

---

[1]) Denkwürdigkeiten aus den Papieren des Freiherrn Christian Friedrich von Stockmar. Braunschweig, 1872.

[2]) Для характеристики взглядовъ Николая Павловича на семейныя отношенія приведемъ слѣдующій разсказъ В. А. Абазы (Русск. Арх., 1887 г., кн. 5):

Въ 1814 году онъ осматривалъ Ціорихское поле сраженія и узналъ, что супруга Наполеона I, Императрица Марія-Луиза, проѣзжала въ тотъ день черезъ Ціорихъ, направляясь въ Акеръ. Сопутствующіе великому князю ожидали, что онъ поторопится увидѣться съ нею, но ошиблись. Восемнадцатилѣтній Николай Павловичъ отвѣтилъ: „Гораздо пріятнѣе было бы „знать, что она, исполняя долгъ жены, отправляется, наконецъ, къ мужу на островъ Эльбу“, и продолжалъ свою печальную прогулку.

[3]) Въ этомъ году великій князь во время своего пребыванія въ Парижѣ познакомился съ герцогомъ Орлеанскимъ, отрадная картина семейнаго счастья котораго глубоко запала ему въ душу.

—Какое громадное счастье жить такъ, семьею! сказалъ великій князь герцогу.

—Это единственное истинное и прочное счастье, отвѣчалъ герцогъ Орлеанскій убѣжденнымъ тономъ (Lacroix, t. 1, p. 73).

нимъ набросать теперь общій контуръ этой выдающейся, великой личности.

Богато одаренный отъ природы тѣмъ практическимъ умомъ, который чуждъ всякихъ иллюзій и увлеченій, но зато полонъ здраваго и дѣловитаго взгляда на вещи, великій князь въ значительно большей степени проявлялъ способности къ анализу, чѣмъ къ творчеству; твердость разъ установившихся убѣжденій въ немъ очень часто шла въ ущербъ той гибкости ума, которая неразрывна съ легкимъ воспріятіемъ новыхъ идей, безспорно ведущихъ къ прогрессу, но и не чуждыхъ роковыхъ увлеченій. Эта отличительная черта способностей Николая Павловича была скорѣе пригодна къ развитію и педантичному проведенію въ жизнь какой-нибудь идеи въ одномъ направленіи, чѣмъ къ измѣненію ея путемъ хотя бы легкаго отклоненія въ сторону. Критическій складъ ума великаго князя дѣлалъ для него очень труднымъ измѣненіе образа мыслей, къ которому онъ могъ подходить только исподволь, путемъ всесторонней оцѣнки новыхъ факторовъ. Медленное поступательное движеніе ему было болѣе по сердцу, чѣмъ широкій размахъ творческой мысли.

Правильно поставленное образованіе служитъ къ уравненію природныхъ умственныхъ дарованій, но образованіе великаго князя Николая Павловича не соотвѣтствовало этимъ условіямъ, и онъ выступилъ на арену общественной жизни лишь съ тѣми богатыми дарами, которыми одѣлила его природа при рожденіи. „Изолированное положеніе великихъ князей“, говоритъ по этому поводу Корсаковъ, „созданное настойчивымъ и неуклоннымъ „стремленіемъ матери держать ихъ исключительно подъ своимъ „вліяніемъ, естественно должно было задерживать въ нихъ раз„витіе политической зрѣлости и опытности“ [1]).

Съ самаго ранняго возраста характеръ Николая Павловича, при высокихъ душевныхъ нравственныхъ качествахъ, которыя не измѣняли ему въ теченіе всей жизни, отличался непоколебимой твердостью [2]), высоко рыцарскими правилами, строгимъ исполненіемъ долга, сердечностью и нѣжной привязанностью къ окружавшимъ. Но, наряду съ этимъ, въ немъ безгранично были раз-

---

[1]) „Дѣтство и отрочество вел. кн. Николая Павловича“, Русск. Арх., 1896 г., кн. 2.

[2]) „Твердость его напоминала мужей древности, украшавшихся симъ качествомъ“, записалъ В. А. Мухановъ въ свой дневникъ 21 февраля 1855 г., Русск. Арх., 1897 г., кн. 2.

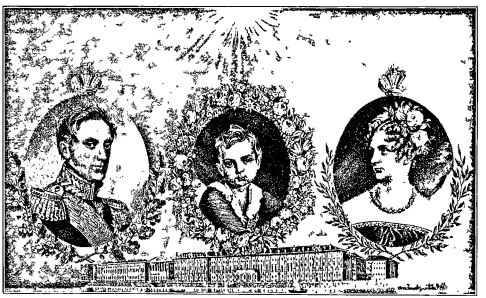
виты самолюбіе и вспыльчивость, соединенныя съ нѣкоторой долей строптивости и своеволія. Эти свойства характера нѣсколько затемняли рыцарски-благородную фигуру великаго князя при поверхностномъ знакомствѣ съ ней и способствовали ему въ пріобрѣтеніи несравненно болѣе порицателей, чѣмъ людей, сердечно преданныхъ, — суровая оболочка очень часто скрывала полную величія душу великаго князя.

Если воспитаніе великаго князя, подъ руководствомъ одаренной высокими добродѣтельными качествами Императрицы Маріи Ѳеодоровны, послужило къ развитію положительныхъ качествъ его характера, то, съ другой стороны, господствовавшая въ его воспитаніи система не могла повести къ смягченію отрицательныхъ сторонъ характера Николая Павловича. Теорія „око за око и зубъ за зубъ“ скорѣе должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ усиленіе крутого нрава великаго князя, а никоимъ образомъ не смягченіе его. Но эта система суровыхъ тѣлесныхъ наказаній имѣла еще и ту вредную сторону, что она привила въ Николаѣ Павловичѣ взглядъ на нихъ, какъ на главное воспитательное средство, отодвинувъ на второстепенный планъ систему нравственнаго воздѣйствія и милосердія, столь сроднаго его сердечной и нѣжной душѣ. Воспитатели великаго князя, по всей вѣроятности, забыли, а, можетъ-быть, и не знали мудраго совѣта Бецкаго, что „благородную душу должно воздерживать опасеніемъ „пренебреженія или безчестія, а не страхомъ вредительнаго наказанія“.

Страстное поклоненіе всему военному развило у великаго князя, совмѣстно съ понятіемъ о безпрекословной дисциплинѣ, понятіе о законности и долгѣ, какъ объ основныхъ догматахъ общественной и семейной жизни. До крайности властолюбивый и не допускавшій даже въ мелочахъ умаленія своего первенства, Николай Павловичъ былъ безпрекословно покорнымъ во всемъ волѣ Императора, своего брата, и своей матери. Чувство исполненія долга у великаго князя было развито до щепетильности, и ничто не могло отстранить его отъ исполненія того, что, по его мнѣнію, ему предписывалъ долгъ.

Къ этому же времени у Николая Павловича въ достаточной степени выяснилась любовь къ открытому, прямому образу дѣйствій, отвращеніе ко всякаго рода фальши, духъ товарищества и все это въ такихъ опредѣленныхъ и непоколебимыхъ формахъ, которыя соотвѣтствовали всему складу его характера.

Курсъ пройденныхъ имъ наукъ, а главное—способъ ихъ преподаванія, не могли, какъ было сказано выше, положительнымъ образомъ развить умъ и способности великаго князя. Онъ получилъ отрывочныя, безъ всякой логической связи и общихъ выводовъ, свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ знаній; свѣдѣнія эти были болѣе полны по тѣмъ предметамъ, которые нравились великому князю, и совершенно ничтожны по предметамъ, къ которымъ не сумѣли привлечь его вниманія.



Императоръ Николай I, Императрица Александра Ѳеодоровна и Цесаревичъ Александръ Николаевичъ
(съ грав. Т. Райтъ, по портр. Г. Дау).

Такое образованіе не могло соотвѣтствовать высокому положенію, которое занималъ Николай Павловичъ по своему рожденію, и впослѣдствіи, когда ему пришлось стать у кормила правленія, онъ не нашелъ въ своей теоретической подготовкѣ тѣхъ основъ, которыя помогли бы ему съ полной пользой и практичностью отдать любимой имъ Россіи, вмѣстѣ со своею жизнью, богатыя душевныя и умственныя силы, щедро данныя ему отъ природы.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, наставники и воспитатели великаго князя сумѣли не только поддержать въ немъ, но и развить любовь ко всему русскому, гордость своимъ отечествомъ; они помогли ему

сдѣлаться истинно русскимъ Царемъ, воплощавшимъ въ себѣ весь народъ, готовый всюду за нимъ слѣдовать. Императоръ Николай Павловичъ и шестидесятимилліонная сѣрая масса инстинктивно понимали другъ друга и обоюдно вѣрили въ несокрушимую силу одинъ другого. Въ этомъ качествѣ Николая Павловича заключалась та мощь, которая доводила, по словамъ всѣхъ современниковъ, до неописуемаго энтузіазма народныя массы при соприкосновеніи съ своимъ Царемъ, которая внушала къ нему обожаніе со стороны народа, несмотря на крутыя подчасъ мѣры въ его управленіи.

Дѣтство и юность Николая Павловича прошли между практическимъ изученіемъ всѣхъ господствовавшихъ въ то время тонкостей парадной и гарнизонной службы, сопряженныхъ съ суровымъ обращеніемъ и несоразмѣрными съ силами солдата требованіями, и теоретическимъ изслѣдованіемъ вопросовъ, относящихся до веденія войны. Великому князю не удалось получить прочнаго фундамента военныхъ познаній; онъ не былъ ознакомленъ ни практически, ни теоретически съ боевой техникой военнаго дѣла; она воплотилась для него въ тѣхъ односторонніхъ формахъ, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства на разводахъ, парадахъ и показныхъ маневрахъ.

Строевыя привычки юношескихъ лѣтъ оставили въ Николаѣ Павловичѣ слѣдъ на всю жизнь, который шелъ въ разрѣзъ съ его выдающимися военными дарованіями.

Таковой представляется намъ личность великаго князя Николая Павловича ко времени окончанія имъ образованія и вступленія на самостоятельный жизненный путь. Невольно напрашиваются на память слова, занесенныя В. А. Мухановымъ въ свой дневникъ на другой день послѣ смерти Императора Николая Павловича: „Если бъ, при столь многихъ прекрасныхъ свой„ствахъ, которыми былъ одаренъ покойный Императоръ, онъ „получилъ воспитаніе соотвѣтственно его великому назначенію, „то, безъ сомнѣнія, онъ былъ бы однимъ изъ великихъ вѣнце„носцевъ“ [1]).

V.

Первые шаги великаго князя Николая Павловича на поприщѣ общественной дѣятельности были сдѣланы при крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Русск. Арх., 1897 г., кн. 1, стр. 88—90.

Общество, которое его почти не знало, не только не проявило къ нему, юному, неизвѣстному, только-что собиравшемуся начать свою службу Отечеству, ни малѣйшаго чувства симпатіи, а, напротивъ, сразу отнеслось очень враждебно. Вигель, описывая въ своихъ запискахъ въѣздъ 20 іюня 1817 года въ столицу невѣсты великаго князя, принцессы Шарлотты, упоминаетъ о пристрастномъ въ дурную сторону отношеніи общества къ Николаю Павловичу. По словамъ автора, онъ прочелъ на лицѣ великаго князя уже въ то время предзнаменованіе „ужаснѣйшихъ преступныхъ страстей, которыя въ его царство„ваніе должны потрясти міръ". Далѣе, Вигель высказываетъ, что Николай Павловичъ былъ несообщителенъ, холоденъ и весь преданъ чувству своего долга; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и другимъ. „Въ правильныхъ чертахъ его „бѣлаго, блѣднаго лица была видна какая-то неподвижность, „какая-то безотчетная суровость. Никто не зналъ, никто не „думалъ объ его предназначеніи, но многіе въ неблагосклонныхъ „взорахъ его, какъ въ неясно писанныхъ страницахъ, какъ будто „уже читали исторію будущихъ золъ. Скажемъ всю правду, онъ „совсѣмъ не былъ любимъ" [1]).

Тяжелыя, по мнѣнію большинства, стороны характера Николая Павловича были всѣмъ извѣстны; о нихъ, по свойственной всему человѣчеству особенности, сообщенія быстро распространялись по всему городу; положительныя же его качества оставались извѣстными лишь тѣмъ немногимъ, которые или на себѣ лично ихъ испытали, или же сумѣли отличить ихъ подъ суровой иногда внѣшностью великаго князя. Кромѣ того, самая обстановка, въ которой ему приходилось жить и работать до вступленія на престолъ, не способствовала великому князю выказать себя въ полномъ объемѣ; отсутствіе обширной дѣятельности, при его привыкшей къ постоянному труду натурѣ, поневолѣ заставляло посвящать много времени мелочамъ, а врожденное и воспитанное въ немъ понятіе о чувствѣ долга ставило его само собою въ оппозицію той халатности, которая въ то время господствовала въ офицерской средѣ Петербургскаго гарнизона.

Служебная дѣятельность великаго князя Николая Павловича до вступленія его на престолъ состояла въ командованіи Л.-Гв.

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. 5, стр. 70.

Измайловскимъ полкомъ, 2-й бригадой 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и съ лѣта 1825 года этой дивизіей. При этомъ въ скромной должности командира бригады, вѣдающаго исключительно строевую подготовку войскъ, великому князю довелось пробыть слишкомъ семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ ему только и приходилось вращаться въ заколдованномъ кругу господствовавшей въ то время системы мирнаго образованія нашихъ войскъ. Если такая продолжительная дѣятельность въ одномъ направленіи должна была бы положить извѣстный отпечатокъ на всякаго человѣка, то воздѣйствіе ея на дѣятельную, сильную, прямую и привыкшую безпрекословно повиноваться натуру Николая Павловича должно было быть несравненно болѣе сильное.

Обученіе рекрутъ въ 1825 году (съ русск. грав. на дер., по рис. А. Васильева).

Но на ряду со строевой службой на великаго князя съ января 1818 года была возложена и другая обязанность, дававшая больше простора его самостоятельной дѣятельности. Съ этого времени онъ вступилъ въ исправленіе обязанности генералъ-инспектора по инженерной части.

Строевое образованіе нашей арміи того времени хорошо извѣстно. О немъ одинаково отзываются въ своихъ запискахъ всѣ современники, и русскіе и тѣ иностранцы, которымъ удавалось видѣть нашу армію.

Послѣ 1815 года, пишетъ по этому поводу будущій фельдмаршалъ Паскевичъ [1]), Барклай-де-Толли, подчиняясь желаніямъ Аракчеева, сталъ требовать красоты фронта, доходившей до акробатства; онъ свою высокую фигуру нагибалъ до земли, чтобы равнять носки гренадеръ. „Въ годъ времени", заканчиваетъ онъ, „войну забыли, какъ будто бы ея никогда и не „было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской лов-

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Импер. Николай Первый".

„костью“ [1]). Воцарившееся въ русской арміи направленіе согнало со сцены лучшихъ генераловъ и офицеровъ, и генералъ Нацмеръ совершенно справедливо внесъ въ свой дневникъ слѣдующую рѣзкую оцѣнку ихъ [2]): „Просто непонятны „тѣ ошибки, которыя дѣлались генералами, противно всякому „здравому смыслу. Мѣстность совершенно не принималась въ „соображеніе, равно какъ родъ войска, который для нея го„дится“.

Если такое направленіе обученія господствовало во всей арміи, то оно должно было пустить еще болѣе глубокіе корни въ гвардіи, на глазахъ Императора Александра и его сподвижника графа Аракчеева.

Въ такой-то обстановкѣ происходила первая строевая служба Николая Павловича, и онъ провелъ въ этомъ дѣлѣ не одинъ-два года, а цѣлыхъ восемь лѣтъ. Его натура требовала дѣятельности, а судьба оградила поле этой дѣятельности непроницаемымъ заборомъ экзерцирмейстерства Аракчеевскаго обученія. Понятно, что такая продолжительная практика не прошла для великаго князя безслѣдно.

Но, одновременно съ суровымъ обученіемъ солдатъ, среди офицеровъ гвардейскаго корпуса господствовала полная распущенность. „Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронтѣ“, пишетъ великій князь Николай Павловичъ въ своихъ замѣткахъ объ этомъ времени [3]); „уваженіе къ начальникамъ исчезло со„вершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правилъ, „ни порядка, а все дѣлалось совершенно произвольно и какъ бы „поневолѣ, дабы только жить со дня на день“.

Николай Павловичъ, воспитанный совершенно въ другомъ направленіи и съ другими взглядами на служебныя обязанности, не былъ способенъ потворствовать вкоренившейся распущенности. Изложимъ его собственными словами то положеніе, въ которомъ онъ оказался, командуя гвардейской бригадой [4]).

---

[1]) Почти то же самое говорятъ въ своихъ запискахъ прусскій генералъ Нацмеръ и нашъ извѣстный партизанъ Давыдовъ. Могущественная сила привычекъ мирнаго времени особенно видна изъ приведеннаго отрывка записки Паскевича. Какъ удивился бы онъ, если бы въ 1815 году ему кто-либо предсказалъ, что черезъ 25-30 лѣтъ онъ, фельдмаршалъ русской арміи, будетъ повторять съ гренадерскими носками эксперименты Барклая-де-Толли.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Импер. Николай Первый“.

[3]) Изъ собственноручныхъ записокъ Импер. Николая о событіяхъ 14 декабря 1825 г.

[4]) Изъ собственноручныхъ записокъ Импер. Николая о событіяхъ 14 декабря 1825 г.— Въ этой выдержкѣ мы помѣщаемъ только тѣ мѣста, которыя относятся къ интересующему насъ вопросу.

„Только-что вступилъ я въ командованіе бригадой, какъ „Государь, Императрица и Матушка уѣхали въ чужіе края. Изъ „всей семьи я съ женой и сыномъ остались одни въ Россіи. „Итакъ, при самомъ моемъ вступленіи въ службу, гдѣ мнѣ „наинужнѣе было имѣть наставника, брата-благодѣтеля, оставленъ „я былъ одинъ съ пламеннымъ усердіемъ, но съ совершенной „неопытностью.

„Я началъ знакомиться съ своей командой и не замедлилъ „убѣдиться, что служба шла вездѣ совершенно иначе, чѣмъ „слышалъ волю Государя, чѣмъ самъ полагалъ, разумѣлъ ее, „ибо правила были въ насъ твердо влиты. Я началъ взыскивать— „одинъ, ибо, что я, по долгу совѣсти, порочилъ, дозволялось „вездѣ, даже моими начальниками. Положеніе было самое труд- „ное; дѣйствовать иначе было противно моей совѣсти и долгу; „но симъ я явно ставилъ и начальниковъ и подчиненныхъ про- „тивъ себя, тѣмъ болѣе, что меня не знали, и многіе или не по- „нимали, или не хотѣли понимать.

„По мѣрѣ того, какъ началъ я знакомиться съ своими под- „чиненными и видѣть происходившее въ другихъ полкахъ, я „возымѣлъ мысль, что подъ симъ, т.-е. военнымъ распутствомъ, „крылось что-то важнѣе, и мысль сія постоянно у меня остава- „лась источникомъ строгихъ наблюденій. Вскорѣ замѣтилъ я, что „офицеры дѣлились на три разбора: на искренно усердныхъ и „знающихъ, на добрыхъ малыхъ, но запущенныхъ, и на рѣши- „тельно дурныхъ, т.-е. говоруновъ, дерзкихъ, лѣнивыхъ и совер- „шенно вредныхъ; но ихъ-то, послѣднихъ, гналъ я безъ мило- „сердія и всячески старался оныхъ избавиться, что мнѣ и удава- „лось. Но дѣло сіе было не легкое, ибо сіи-то люди составляли „какъ бы цѣпь черезъ всѣ полки и въ обществѣ имѣли покро- „вителей, коихъ сильное вліяніе сказывалось всякій разъ тѣми „нелѣпыми слухами и тѣми непріятностями, которыми удаленіе „ихъ изъ полковъ мнѣ отплачивалось“.

И, дѣйствительно, Николай Павловичъ былъ строгъ и взы- скателенъ со своими подчиненными; ни одно малѣйшее упущеніе по службѣ не проходило безнаказанно [1]). Но это не было, какъ многіе думаютъ, слѣдствіемъ его черствaго сердца, а примѣненіемъ строгой системы, соблюденіе которой такъ часто доставляло ему

---

[1]) Въ Приложеніи № 3 мы помѣщаемъ нѣсколько приказовъ великаго князя по бри- гадѣ и дивизіи, какъ образчикъ его взысканій.

душевныя муки [1]). Безпощадная строгость касалась только лицъ, которыя были извѣстны великому князю исключительно съ дурной стороны, и въ проступкахъ которыхъ онъ видѣлъ лишь одну злую волю. Наказанія же за случайные проступки очень часто влекли за собою стараніе великаго князя загладить свою строгость особымъ вниманіемъ, а въ случаѣ несправедливаго наказанія и публичнымъ извиненіемъ [2]). О неоднократныхъ такихъ извиненіяхъ даже въ то время, когда Николай Павловичъ былъ на престолѣ, упоминаютъ многіе изъ современниковъ.

Мартосъ, извѣстн. скульпторъ временъ Александра I и Николая I.

Случаи теплаго, сердечнаго отношенія къ своимъ подчиненнымъ, желаніе прійти имъ на помощь составляли далеко не рѣдкія исключенія въ этотъ періодъ жизни великаго князя. Даже въ тѣхъ немногихъ письмахъ къ нему Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которыя извѣстны въ печати [3]), неоднократно проглядываетъ заботливость Николая Павловича о семьяхъ подчиненныхъ ему офицеровъ и о матеріальной имъ помощи. Такіе поступки рѣдко доходили, по понятнымъ причинамъ, до суда публики, которой великій князь вырисовывался поэтому исключительно съ отрицательной стороны. Одинъ пустой и отчасти комичный даже случай лучше всего подтверждаетъ сердечное отношеніе Николая Павловича къ своимъ подчиненнымъ. Лѣтомъ 1825 года, когда онъ уже командовалъ дивизіей, генералъ-маіоръ Головинъ, одинъ изъ подчиненныхъ великаго князя, обратился къ нему съ просьбой дать изъ своей конюшни лошадь на парадъ, такъ какъ его собственная лошадь на репетиціи парада выбила его изъ сѣдла.

---

[1]) А. Савельевъ: „Первые годы Главнаго Инженернаго училища". Изъ разсказовъ современника, впослѣдствіи инженеръ-генерала А. З. Теляковскаго.

[2]) А. Савельевъ: „Первые годы Глави. Инженери. училища". Русск. Стар., 1875 года, тт. XII и XIII. „Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны" Дарагана.

[3]) Н. К. Шильдеръ: „Импер. Николай Первый". Русск. Стар. за 1903 годъ.

„Обратиться же въ теперешней моей крайности", заканчиваетъ генералъ Головинъ свою оригинальную просьбу, „мнѣ не къ „кому, кромѣ Вашего Императорскаго Высочества, не стыдясь „открыться передъ вами въ моемъ положеніи" [1]). Трудно согласовать суровость и жестокость великаго князя съ подобными обращеніями къ нему его подчиненныхъ!

Болѣе обширное поприще для самостоятельной дѣятельности Николаю Павловичу представляла его должность генералъ-инспектора по инженерной части.

Въ своемъ вступительномъ приказѣ онъ прежде всего обращалъ вниманіе чиновъ инженернаго корпуса на то, что „рев- „ностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, усердіемъ о пользѣ „государственной и отличнымъ поведеніемъ всякій заслужитъ „Государевы милости, а во мнѣ найдетъ усерднаго ходатая пе- „редъ лицемъ Его Величества. Но, въ противномъ случаѣ, за „малѣйшее упущеніе, которое никогда и ни въ какомъ случаѣ „прощено не будетъ, взыщется по всей строгости законовъ". Такимъ образомъ охранительному и карательному принципу и здѣсь было отведено первое мѣсто, но наравнѣ съ этимъ въ своей самостоятельной работѣ великому князю удалось достигнуть отличныхъ результатовъ, и „дѣятельность Николая Павловича, какъ „генералъ-инспектора, была во всѣхъ отношеніяхъ блестящая и „плодотворная; она принесла великую пользу государству, вызвавъ „къ жизни русскій инженерный корпусъ" [2]) и давъ ему то прочное основаніе, плодами котораго мы и понынѣ можемъ гордиться.

Въ дѣла инженернаго управленія великій князь вкладывалъ весь избытокъ присущей ему энергіи. Почти ежедневно онъ посѣщалъ подвѣдомственныя ему учрежденія; чувствуя въ себѣ недостатокъ познаній, онъ очень часто просиживалъ на лекціяхъ офицерскихъ и кондукторскихъ классовъ Главнаго Инженернаго училища, изучалъ строительное искусство, занимался черченіемъ и другими предметами, чтобы не быть вынужденнымъ утверждать строительные проекты, не понимая сути ихъ. Строго взыскивая съ подчиненныхъ за неудовлетворительныя постройки, Николай Павловичъ не отрицалъ и своей виновности, какъ лица, утверждающаго проекты. А. Савельевъ приводитъ случай, когда великій князь, налагая денежное взысканіе на одного инженернаго офицера, у

---

[1]) Это курьезное письмо помѣщается въ Приложеніи № 4.
[2]) Н. К. Шильдеръ: „Импер. Николай Первый".

котораго на постройкѣ свалился карнизъ, приказалъ сдѣлать вычетъ и изъ своего жалованья, какъ лица виновнаго въ утвержденіи проекта [1]).

Въ этотъ же періодъ жизни Николая Павловича обнаружились въ немъ и зачатки дѣятельности на пользу просвѣщенія, которая, въ извѣстныхъ рамкахъ и не лишенная нѣкоторой односторонности, красной чертой проходитъ черезъ все его царствованіе.

Возвращеніе сына инвалида на родину (съ англ. грав. на стали).

По идеѣ великаго князя и подъ его ближайшимъ руководствомъ была учреждена въ 1823 г. Школа Гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ которой будущіе гвардейскіе офицеры обучались военнымъ наукамъ. Наиболѣе любимымъ дѣтищемъ Николая Павловича было Главное Инженерное училище [2]), имъ созданное, организованное и поставленное на твердое и прочное основаніе. Не проходило сутокъ, чтобы великій князь не посѣтилъ своего училища и не вникалъ во всѣ подробности бытовой, учебной и строевой его жизни.

Въ первый же годъ по учрежденіи училища Николай Павловичъ обратился къ его воспитанникамъ съ наставленіемъ, въ которомъ проглядываютъ все тѣ же присущія ему правила жизни. „Кротость, согласіе и „безпрекословное повиновеніе властямъ“, писалъ великій князь, „суть отличительные признаки посвящающихъ себя военной „службѣ и въ особенности вступившихъ въ Главное Инженер„ное училище, гдѣ щедротами всеавгустѣйшаго Монарха открыты „всѣ способы къ пріобрѣтенію познаній, образующихъ инже„нера, предоставляя ему вмѣстѣ съ симъ вѣрный путь къ чести „и славѣ Отечества и собственной своей. Порядокъ и строгое „исполненіе возложенныхъ на каждаго обязанностей, будучи не-

[1]) А. Савельевъ: „Первые годы Главнаго Инженернаго училища“.
[2]) Нынѣ Николаевская Инженерная Академія и училище.

„преложными правилами, удобоисполняемыми во всякомъ воз-„растѣ и званіи, доведутъ до добродѣтелей, вышеупомянутыхъ „и необходимо нужныхъ во все время жизни“ [1]).

Но одновременно съ этой заботой о повиновеніи и нравственности великій князь проявилъ большую заботливость о надлежащей постановкѣ учебнаго курса. Программа училищныхъ курсовъ того времени даетъ понятіе о солидной подготовкѣ воспитанниковъ, какъ въ отношеніи общаго образованія, такъ и по ихъ спеціальности. Въ составъ преподавателей и профессоровъ приглашались лучшія силы тогдашней русской науки [2]).

Что касается до дисциплины, господствовавшей въ училищѣ, то она, разумѣется, мало отличалась отъ общаго направленія того времени, когда не признавались мудрые совѣты Бецкаго „за ошибки „выговаривать съ возможной умѣренностью и, употребляя стро-„гость, соединять ее съ пріятностью“. Офицеры и кондукторы были окружены цѣлою стѣною предупредительныхъ мѣръ, совершенно стѣснявшихъ ихъ свободу и ставившихъ ихъ на положеніе дѣтей. Карательныя мѣры сводились къ строгимъ наказаніямъ за маловажные проступки и иногда къ наказаніямъ, имѣющимъ оскорбительный для самолюбія молодыхъ людей характеръ. Но таковъ былъ духъ того времени, и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ обращеніе съ воспитанниками было еще болѣе сурово.

Великій князь, по крайней мѣрѣ, сумѣлъ у себя въ училищѣ нѣкоторымъ образомъ смягчить это общее жестокое направленіе выборомъ цѣлаго ряда гуманныхъ и просвѣщенныхъ начальниковъ. „Обращеніе этихъ лицъ съ молодежью, ласковое, привѣтливое, „взысканія, производимыя ими съ виновныхъ, настолько были „мягки, что возбуждали общую любовь къ этимъ начальникамъ“ [3]).

Кромѣ того, Николай Павловичъ своею заботливостью о воспитанникахъ, частымъ общеніемъ съ ними, а также ласками и баловствомъ, какъ своимъ, такъ и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, старался возвысить ихъ нравственный уровень, облегчить имъ то суровое обученіе, которое вошло въ систему Александровскаго времени [4]). И многіе изъ старыхъ инженеровъ до самой

---

[1]) Приказъ отъ 25 марта 1820 года.

[2]) Такъ, въ 1823 году среди преподавателей училища мы встрѣчаемъ имена Арсеньева и Талызина, извѣстныхъ ученыхъ и профессоровъ университета.

[3]) А. Савельевъ: „Первые годы Главнаго Инженернаго училища“.

[4]) Подробности объ обращеніи Николая Павловича съ воспитанниками читатели найдутъ въ вышепоименованномъ трудѣ А. Савельева.

смерти съ благоговѣніемъ вспоминали имя своего перваго генералъ-инспектора.

Скромной ролью бригаднаго командира и завѣдывающаго инженерной частью, имѣвшей въ то время второстепенное значеніе, ограничилась вся офиціальная дѣятельность Николая Павловича до вступленія его на престолъ. Онъ не былъ пріобщенъ ни къ какимъ высшимъ правительственнымъ совѣщаніямъ, не былъ ознакомливаемъ съ дѣлами государственными и вообще былъ совершенно удаляемъ отъ всего, что выходило изъ предѣловъ его служебной дѣятельности [1]).

„Соперничества Константина Павловича", писалъ одинъ изъ современниковъ той эпохи [2]), „Императоръ Александръ не боялся; „цесаревичъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ, и давно уже „говорилъ, что царствовать не хочетъ и не можетъ. Александръ „боялся превосходства Николая и заставлялъ его играть жалкую „и тяжелую роль пустого бригаднаго и дивизіоннаго командира, „начальника инженерной части, не важной въ Россіи. Вообра- „зите, каковъ бы былъ Николай съ своимъ благороднымъ, твер- „дымъ характеромъ, съ трудолюбіемъ и любовью къ изящному, „если бы его готовили къ трону хотя бы такъ, какъ при- „готовляли Александра".

И Николай Павловичъ, дѣйствительно, тяготился семилѣтнимъ пребываніемъ въ бездѣятельной должности бригаднаго генерала. Впрочемъ, признаки этого неудовольствія въ немъ выразились только однажды и то въ частномъ разговорѣ съ А. Ѳ. Орловымъ. Когда этотъ послѣдній сказалъ великому князю, что хочетъ отдѣлаться отъ бригады, то онъ, покраснѣвъ, воскликнулъ: „Ты— „Алексѣй Федоровичъ Орловъ, я—Николай Павловичъ; между „нами есть разница, и ежели тебѣ тошна бригада, то каково же „мнѣ командовать бригадой, имѣя подъ своимъ начальствомъ „весь инженерный корпусъ" [3]).

Трудно предположить, чтобы Николай Павловичъ рѣшился высказать Императору Александру тяготившее его положеніе: еще съ юныхъ лѣтъ его предупреждала Императрица Марія Ѳеодо-

---

[1]) Въ рукописномъ журналѣ Михайловскаго-Данилевскаго за 1819 годъ имѣется указаніе, что съ этого года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовать въ кабинетѣ Императора Александра при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ, но это свидѣтельство не подтверждается никакими другими источниками.

[2]) Записки Н. И. Греча (рукопись).

[3]) Рукописный дневникъ князя А. С. Меншикова за 15 ноября 1823 г.

ровна, хорошо знавшая характеръ своего старшаго сына, не начинать первымъ съ нимъ разговоръ о дѣлахъ [1]).

Въ 1824 году великій князь провелъ продолжительное время въ Пруссіи. Здѣсь, по своей склонности ко всему военному, онъ посвящалъ много времени знакомству съ прусскими войсками. Какъ гость и любимый зять короля, онъ могъ въ полной мѣрѣ удовлетворить свою любознательность и имѣлъ болѣе обширное поле наблюденія, чѣмъ въ Россіи, гдѣ его кругозоръ

Король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III.

сковывался рамкой должности бригаднаго командира. Великій князь присутствовалъ на крѣпостныхъ и обыкновенныхъ маневрахъ, на смотрахъ, на испытаніи новыхъ ружей и, наконецъ, былъ въ курсѣ дѣла многихъ работъ прусскаго военнаго министерства.

Своими впечатлѣніями великій князь дѣлился въ письмахъ съ Императоромъ Александромъ, и эти письма, скорѣе похожія на донесенія, интересны въ смыслѣ характеристики самого великаго князя и его военныхъ взглядовъ [2]). Въ нихъ проглядываетъ

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый".
[2]) Два изъ этихъ писемъ мы помѣщаемъ въ Приложеніи № 5.

все та же присущая ему наблюдательность, краткость и сжатость въ выраженіяхъ, отсутствіе всякихъ отвлеченностей, здравая оцѣнка всего видѣннаго и притомъ оцѣнка не только въ общихъ фразахъ, но съ принятіемъ во вниманіе всѣхъ деталей, которыя никогда не ускользали отъ вниманія великаго князя. Предлагая въ отчетѣ очень осторожно свое собственное сужденіе, онъ предпочиталъ приводить мнѣніе другихъ, болѣе компетентныхъ лицъ.

Между прочимъ, Николаю Павловичу пришлось присутствовать на испытаніи новыхъ, заряжавшихся съ казны карабиновъ. Давая Государю очень подробный отчетъ объ этомъ испытаніи, великій князь далеко не выказалъ себя такимъ противникомъ усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, каковымъ его привыкли считать. Въ этомъ отношеніи онъ привелъ только мнѣніе спеціалиста о пользѣ новаго оружія, но не для общаго употребленія изъ опасенія быстраго расхода солдатами носимыхъ патроновъ. Подобныя возраженія, какъ извѣстно, имѣли право гражданства и семьдесятъ пять лѣтъ спустя.

Продолжительное пребываніе великаго князя въ Берлинѣ не осталось въ то же время безъ вліянія на укрѣпленіе его симпатій къ прусской арміи, которыя, затѣмъ, не покидали его во всю жизнь.

За этотъ періодъ въ своей частной жизни Николай Павловичъ былъ лишенъ самостоятельности въ еще большей степени, чѣмъ въ служебной дѣятельности. Императрица Марія Ѳеодоровна продолжала смотрѣть на него, человѣка уже семейнаго, какъ на несовершеннолѣтняго еще юношу, и держала въ строгомъ повиновеніи. Эта страсть Маріи Ѳеодоровны стѣснять свободу своихъ младшихъ сыновей доходила до того, что великій князь Николай Павловичъ и великая княгиня Александра Ѳеодоровна получали отъ нея выговоры за то, что безъ позволенія уѣхали кататься изъ Павловска въ Царское Село и заѣхали къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ [1]).

Тяжелое служебное и общественное положеніе Николая Павловича какъ бы вознаграждалось его полнымъ семейнымъ счастьемъ. Въ свободное отъ службы и придворной жизни время онъ предавался радостямъ тихой семейной жизни въ Аничковомъ дворцѣ — жизни, къ которой онъ давно уже стремился и о которой не переставалъ мечтать. „Если кто-нибудь спроситъ", говорилъ онъ по этому поводу великой княгинѣ, „въ какомъ уголкѣ

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый".

„міра скрывается истинное счастье, сдѣлай одолженіе, пошли „его въ Аничковскій рай". И, дѣйствительно, ничего не могло быть трогательнѣе, какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими [1]).

Въ такой скудной обстановкѣ текла жизнь намѣченнаго уже наслѣдника русскаго престола до роковой минуты междуцарствія, которая, помимо воли великаго князя Николая Павловича, возвела его на тронъ.

И въ эти тяжелые дни междуцарствія Николай Павловичъ, отказываясь до послѣдней крайности отъ принадлежащаго ему права на престолъ, выказалъ то величіе своего характера и приверженность къ законности, которыя неизмѣнно отличали его съ самаго ранняго возраста [2]). Только 12 декабря 1825 года, окончательно убѣдившись въ непреклонномъ рѣшеніи цесаревича Константина Павловича не принимать великодушно предлагаемой ему короны, Николай Павловичъ принялъ бразды правленія, которымъ онъ всецѣло отдалъ послѣднія двадцать девять лѣтъ своей жизни.

Совершенно не посвященный въ вопросы высшей политики и не принимавшій никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ [3]), совершенно не зная требованій своего времени и внутренняго состоянія государства, великій князь Николай Павловичъ взошелъ на престолъ, будучи почти неизвѣстенъ, при общемъ противъ него предубѣжденіи [4]); лишь только многочисленные злые анекдоты о строгости великаго князя, распускаемые въ обществѣ недовольными имъ гвардейскими офицерами, встрѣтили первые шаги Николая Павловича на его новомъ трудномъ пути [5]). А между тѣмъ внутреннее положеніе Россіи въ это время находилось въ самомъ критическомъ состояніи.

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый".

[2]) Н. К. Шильдеръ въ своемъ трудѣ „Императоръ Николай Первый" очень подробно останавливается на выясненіи вопроса о томъ, было ли извѣстно Николаю Павловичу существованіе актовъ, узаконивавшихъ его вступленіе на престолъ, и оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ. Въ этомъ отношеніи интересно замѣтить, что въ придворномъ Берлинскомъ календарѣ за 1824 годъ Николай Павловичъ названъ Наслѣдникомъ Русскаго престола, а съ Берлинскимъ дворомъ у него были самыя близкія и сердечныя родственныя связи.

[3]) Записки гр. А. Д. Блудовой, Русск. Арх., 1893 г., кн. 1, стр. 91.

[4]) „Изъ зап. бар. Корфа", Русск. Стар., іюнь 1900 г.

[5]) А. И. Герценъ: „Собраніе сочиненій", т. VI.

Глава II.

I.

Особыя условія, при которыхъ протекло двадцатипятилѣтнее царствованіе Императора Александра Благословеннаго, легли тяжелымъ бременемъ на внутреннее состояніе государства.

Безпрерывныя войны въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ царствованія Александра I потребовали громаднѣйшихъ жертвъ, которыя, впрочемъ, окупились торжествомъ Россіи и высокимъ положеніемъ, занятымъ ею въ сонмѣ европейскихъ государствъ. Послѣднія десять лѣтъ давали, казалось, полную возможность положить прочную основу внутренняго благосостоянія государства, но этого не случилось. Императоръ Александръ пересталъ быть исключительно Русскимъ Царемъ, а сдѣлался монархомъ всей Европы.

Трудно себѣ представить, чтобы внутренняя жизнь страны могла испытать на себѣ въ теченіе только четверти столѣтія и въ продолженіе царствованія одного и того же государя примѣненія столь разнообразныхъ программъ, начиная съ либеральныхъ увлеченій первыхъ годовъ правленія и кончая суровой реакціей аракчеевскаго застоя. Такое непостоянство въ направленіи государственной дѣятельности являлось особенно опаснымъ потому, что оно началось съ полной распущенности послѣ суроваго гнета царствованія Павла Петровича и постепенно перешло къ еще болѣе суровому гнету, но основанному не на болѣзненности и

вспыльчивости желавшаго добра государя, а на узкости взгляда и умственной посредственности всевластнаго Аракчеева [1]).

Всѣ современники рисуютъ состояніе государства и умственное броженіе русскаго общества въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

П. Г. Дивовъ въ своемъ дневникѣ указываетъ на полное разстройство внутренняго управленія, на накопленіе во всѣхъ отрасляхъ администраціи такой массы горючаго матеріала, которая могла ежеминутно воспламениться. Въ дѣлахъ государственныхъ не было опредѣленнаго плана, все дѣлалось въ видѣ опыта, на пробу, всѣ блуждали впотьмахъ. „Разрушено все, что было „хорошаго и прекраснаго, и замѣнено пагубными новшествами, „которыя зачастую оказываются черезчуръ сложными и совер„шенно неудобоисполнимыми“ [2]).

Матеріальное благосостояніе государства находилось въ самомъ критическомъ положеніи. Народонаселеніе и торговля не оправились отъ ударовъ, нанесенныхъ имъ Отечественной войной; измѣнчивая торговая политика послѣдующихъ годовъ не только не содѣйствовала возстановленію благосостоянія, но, напротивъ, благодаря разрѣшенію въ 1819 году всеобщаго ввоза иностранныхъ товаровъ, произошло банкротство многихъ купцовъ и фабрикантовъ и неразрывное съ нимъ лишеніе народонаселенія работы. Тарифомъ 1823 года старались исправить сдѣланную ошибку, но причиненный вредъ былъ невознаградимъ.

Разореніе откупщиковъ и передача торговли виномъ въ руки казны были новымъ зломъ, подорвавшимъ состояніе страны. Оно повлекло за собою увеличеніе числа питейныхъ домовъ съ разными приманками для простого народа, возвышеніе цѣны на вино, установленіе стѣснительныхъ правилъ для виноторговцевъ. Все это имѣло единственной цѣлью увеличеніе доходовъ казны, но цѣли этой не достигло. „Первые годы точно принесли прибыль“, пишетъ по этому поводу одинъ изъ современниковъ [3]), „но „вскорѣ оказалось, что она была временная, ибо въ послѣдніе „годы уже не добираются многіе милліоны“. По словамъ декаб-

---

[1]) „Сначала былъ періодъ либерализма и филантропіи“, говоритъ по этому поводу декабристъ Штенгель въ своемъ письмѣ къ Императору Николаю Павловичу, „потомъ періодъ „мистицизма и, наконецъ, противныхъ мнѣній и дѣйствій тому и другому“. (Русск. Арх., 1895 г., кн. 1).

[2]) Дневникъ П. Г. Дивова.

[3]) Баронъ В. И. Штенгель. Русск. Арх., 1895 г., кн. 1, стр. 161—169.

риста Штенгеля, эта мѣра имѣла еще и другой, чисто нравственный недостатокъ. Она послужила соблазномъ для чиновниковъ, среди которыхъ стремленіе къ наживѣ стало выше понятій о чести, и тѣ, „кои при началѣ „за униженіе считали надзирать „за питейными домами, увидя, „что на сихъ людей обращается „вниманіе министра и вмѣстѣ съ „обогащеніемъ даются чины и „кресты, стали искателями сего „рода службы“ [1]).

Графъ В. П. Кочубей
(съ грав. Т. Райтъ, по портр. Брюллова).

Одновременно съ этимъ налоги на предметы первой необходимости были чрезмѣрно велики, недоимки же съ разореннаго населенія взыскивались съ неимовѣрной строгостью. Помѣщики, не внесшіе недоимокъ, брались въ опеку, а у казенныхъ крестьянъ продавался послѣдній скотъ и даже дома. Если прибавить сюда многолѣтніе неурожаи въ одной части Имперіи и полное отсутствіе сбыта хлѣба въ Приволжскихъ губерніяхъ, а также постоянные и безразсудные сборы крестьянъ въ рабочую пору для сооруженія дорогъ, проводимыхъ безо всякаго плана, то картина хозяйства страны ко времени вступленія на престолъ Императора Николая Павловича представится во всей своей грустной дѣйствительности. „Внутреннее положеніе государства въ отношеніи богатства есть „довольно страдательное“, доносила Императору Николаю Павловичу комиссія графа Кочубея, графа Толстого и князя Голицына уже въ 1828 году [2]). „Государство не имѣло еще времени по„правиться послѣ Отечественной войны, потому ли, что не были „приняты мѣры исправленія, или—что мѣры сіи были недоста„точны. Произведенія наши изобилуютъ почти вездѣ, но нѣтъ „онымъ сбыту, и цѣны на все удерживаются самыя низкія; обо„роты денежные почти ничтожны, и министръ финансовъ въ

[1]) Баронъ В. И. Штенгель. Русск. Арх., 1895 г., кн. 1, стр. 161—169.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ членовъ комиссіи графа Кочубея, графа Толстого и князя Голицына, представленный, по возвращеніи Государя изъ Турецкой кампаніи, 16 октября 1828 года.

„Комиссіи неоднократно отзывался, что онъ ожидаетъ, и сіе „вѣроятно, большихъ въ сборѣ податей недоимокъ".

Крѣпостное состояніе процвѣтало во всей своей силѣ, безъ всякаго стѣсненія правъ помѣщиковъ надъ крестьянами. Среди чиновниковъ замѣчался полный упадокъ чувства нравственнаго долга и любви къ родинѣ; единственнымъ двигателемъ ихъ дѣятельности была любовь къ стяжанію. Что касается до высшаго слоя общества, то либеральныя начала первыхъ годовъ царствованія Императора Александра I и заграничные походы въ революціонную Францію и во взволнованную новыми вѣяніями Германію не остались на него безъ вліянія. Живое сближеніе съ Европой, въ лицѣ образованнаго слоя нашей арміи, дало, по словамъ Аксакова [1]), побѣду надъ русскими умами обаятельнымъ формамъ европейской гражданственности, и русское общество, расколыхавшись, какъ море, отъ разразившейся надъ Россіей великой исторической бури, представляло зрѣлище необычайнаго умственнаго броженія. Подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ это броженіе вызывало къ жизни то тугендбунды, то иные союзы; во всякомъ случаѣ оно заставляло болѣе чувствительно относиться къ неурядицамъ, господствовавшимъ въ странѣ, и изыскивать средства къ улучшенію положенія. Однако, почва была мало подготовлена, и русская интеллигенція одинаково увлекалась англійской конституціей, швейцарской и американской республиками и нѣмецкимъ иллюминизмомъ, безъ всякаго соображенія, насколько это примѣнимо къ исторически сложившимся особенностямъ русской жизни [2]).

Внутреннее состояніе государства къ концу царствованія Императора Александра I лучше всего видно изъ заключительныхъ словъ записки А. Д. Боровкова, составленной имъ изъ мнѣній декабристовъ по этому вопросу [3]). Говоря о затруднительномъ положеніи вновь воцарившагося Государя, Боровковъ въ слѣдующихъ словахъ указываетъ на нужды государства: „Надобно да„ровать ясные, положительные законы, водворить правосудіе учре„жденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное „образованіе духовенства, подкрѣпить дворянстзо, упавшее и „совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ,

[1]) Изъ біографіи Ѳ. И. Тютчева. Русск. Арх., 1874 г.
[2]) „Императоръ Николай Павловичъ". Записки гр. А. Д. Блудовой. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1.
[3]) Русск. Стар., 1898 г., т. 96, стр. 353—362.

„воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, „направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, „улучшить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную „продажу людей, воскресить флотъ, поощрить частныхъ людей „къ мореплаванію, словомъ—исправить неисчислимые безпорядки „и злоупотребленія“ [1]).

Признаки распространившагося среди интеллигентной части общества неудовольствія „страдательнымъ“ положеніемъ страны были замѣтны, по словамъ декабриста Штенгеля [2]), уже въ 1809 году, но съ особенной быстротой оно начало распространяться въ реакціонный періодъ царствованія Императора Александра, къ концу котораго успѣло развиться въ огромный заговоръ, имѣвшій цѣлью ниспроверженіе существовавшаго государственнаго устройства.

Безотрадность внутренняго положенія Россіи чувствовалась и въ высшихъ сферахъ. Еще въ 1815 году юная великая княжна Анна Павловна упоминала въ своей перепискѣ, что внутреннія дѣла идутъ плохо, и что каждый день приноситъ въ этомъ отношеніи новыя подробности. Она сознавалась въ существованіи причинъ къ неудовольствію [3]), и, дѣйствительно, число недовольныхъ росло съ каждымъ днемъ. Кошелевъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ [4]) о либеральныхъ толкахъ, которыми были полны гостиныя 1818—1822 годовъ, и о всеобщихъ жалобахъ на слабость Императора Александра I въ его отношеніяхъ къ Меттерниху и Аракчееву. Неудовольствіе, по его словамъ, было сильное и всеобщее. „И старики, и люди зрѣлаго возраста, и, въ особен„ности, молодежь, словомъ чуть-чуть не всѣ, безпрестанно и безъ „умолка осуждали дѣйствія правительства, и одни опасались рево„люціи, а другіе пламенно ея желали и на нее полагали всѣ надежды“.

Правительство знало о существованіи большого числа недовольныхъ, но боролось съ ними только при помощи полиціи и шпіоновъ. И въ томъ и въ другомъ недостатка не было, но они, по преимуществу, сражались, по выраженію Н. К. Шильдера [5]), „съ „вѣтряными мельницами, между тѣмъ какъ въ тайныхъ обще„ствахъ спокойно обсуждался вопросъ о цареубійствѣ“.

---

[1]) См. также Русск. Стар., 1900 г., № 11, стр. 416—418, „Софія Петровна Свѣчина“.
[2]) Русск. Арх., 1895 г., кн. 1.
[3]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. I, стр. 59.
[4]) Записки А. И. Кошелева. Берлинъ, 1884 г.
[5]) „Императоръ Николай I. Его жизнь и царствованіе“, т. I, стр. 163.

Благодаря всему этому, по свидѣтельству Батенкова[1]), „тяжесть „двухъ послѣднихъ годовъ царствованія Александра I превосходила „все, что мы когда-либо воображали о желѣзномъ вѣкѣ. Всѣ „подведены уже были подъ одинъ уровень невозмутимаго безсилія, „и всѣ зависѣли отъ многочисленныхъ тайныхъ полицій".

Все это въ значительной степени оставалось сокрытымъ отъ великаго князя Николая Павловича, который, по его собствен-

Императоръ Николай I
(съ грав. Т. Райтъ).

нымъ словамъ, только смутно замѣчалъ вокругъ себя что-то ненормальное и лишь догадывался о существованіи какой-то противоправительственной организаціи.

Истинное положеніе дѣлъ предстало предъ Государемъ во всей своей неприглядной наготѣ только въ ужасные декабрьскіе дни 1825 года.

II.

Лишь съ минуты полученія въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ Императора Александра I обществомъ обратило вниманіе на мало знакомаго ему до тѣхъ поръ великаго князя Николая Па-

[1]) „Императоръ Николай I. Его жизнь и царствованіе", т. I, стр. 163.

вловича, которому суждено было занять первое мѣсто въ разыгрывавшейся драмѣ, и который черезъ нѣсколько дней предсталъ передъ глазами удивленной Европы во всемъ величіи своей духовной красоты.

Въ дни междуцарствія и исключительной по обстановкѣ борьбы изъ-за отказа отъ трона, Николай Павловичъ выказалъ рѣдкую приверженность къ законности, къ освященнымъ исторіей правамъ старшинства, замѣчательное отсутствіе честолюбія и желаніе отклонить отъ себя тяжелый жребій царствованія.

Во всемъ этомъ не было никакой рисовки своимъ положеніемъ: поступки Николая Павловича исходили исключительно изъ свойства его характера. „Никакого тутъ подвига нѣтъ", отвѣтилъ онъ членамъ Государственнаго Совѣта, удивлявшимся его великодушному отказу отъ своихъ правъ на престолъ; „въ моемъ „поступкѣ нѣтъ другого побужденія, какъ только исполнить „священный долгъ мой предъ старшимъ братомъ. Никакая сила „земная не можетъ перемѣнить мыслей моихъ по сему предмету „и въ этомъ дѣлѣ" [1]). И вся послѣдующая жизнь Николая Павловича является лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго имъ. Нѣсколько дней спустя, въ разговорѣ съ глазу на глазъ съ молодымъ офицеромъ Ростовцевымъ, великій князь имѣлъ случай еще разъ выяснить истинный смыслъ своего поведенія во время междуцарствія. На мольбу Ростовцева упросить Константина Павловича принять во избѣжаніе могущаго быть возмущенія корону, онъ откровенно отвѣтилъ ему, что ни убѣжденія Императрицы-матери, ни мольбы великаго князя не могли преклонить цесаревича принять корону, отъ которой онъ рѣшительно отрекся. „Мой „другъ", закончилъ великій князь свой разговоръ, „можешь ли ты „сомнѣваться, чтобы я любилъ Россію менѣе себя? Но престолъ „празденъ, братъ мой отрекается, я единственный законный „наслѣдникъ, Россія безъ царя быть не можетъ. Что же велитъ „мнѣ дѣлать Россія?" [2]).

Эта-то любовь къ Россіи и законности заставила Николая Павловича 12 декабря прекратить переговоры съ цесаревичемъ и принять Императорскій скипетръ. И случайно въ этотъ же день Николай Павловичъ получилъ съ разныхъ концовъ первыя извѣстія о громадномъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью низверженіе

---

[1]) Записка Госуд. Секр. А. Н. Оленина. Сборн. Имп. Росс. Ист. Общ., т. XX.
[2]) Записки Я. И. Ростовцева.

существующаго порядка и распространившемся по всей Имперіи. „Тогда только почувствовалъ я", пишетъ Николай Павловичъ въ своей запискѣ о Декабрьскомъ бунтѣ [1]), „въ полной мѣрѣ всю тя-„жесть своей участи и съ ужасомъ вспомнилъ, въ какомъ находился „положеніи. Должно было дѣйствовать, не теряя ни минуты, съ „полной властью, съ опытностью, съ рѣшимостью: я не имѣлъ „ни власти, ни права, на случай могъ только дѣйствовать черезъ „другого, изъ одного довѣрія ко мнѣ обращающагося, безъ увѣ-„ренности, что совѣту моему послѣдуютъ, и притомъ чувство-„валъ, что тайну подобной важности должно было наитщатель-„нѣйше скрывать отъ всѣхъ, даже отъ матушки, дабы ея не „испугать или преждевременно заговорщикамъ не открывать, что „замыслы ихъ уже не скрыты отъ правительства. Къ кому мнѣ „было обратиться — одному, совершенно одному, безъ совѣта!"

Въ роковой день 14 декабря Императоръ Николай Павловичъ подтвердилъ всѣми своими поступками справедливость сказанной имъ въ тотъ день утромъ фразы: „Если я хоть часъ буду „Императоромъ, то покажу, что этого достоинъ" [2]).

По свидѣтельству всѣхъ современниковъ, онъ выказалъ то присутствіе духа, личную отвагу и распорядительность, которыя во многомъ содѣйствовали успѣшному и быстрому усмиренію бунта и покорили ему сердца народныхъ массъ [3]). Къ сожалѣнію, бунтъ принялъ такіе размѣры, что прекратить его безъ кровопролитія являлось невозможнымъ. Трагическую минуту сознанія этой необходимости Государь описываетъ въ своей запискѣ такимъ образомъ: „Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, обратив-„шись ко мнѣ, сказалъ — Sire, il n'y a pas un moment à perdre, „on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille. — Я предчувство-„валъ сію необходимость, но, признаюсь, когда настало время, „не могъ рѣшиться на подобную мѣру, и меня ужасъ объялъ. —

---

[1]) Собств. Его Вел. библіотека.

[2]) Баронъ Корфъ: „Историческое описаніе".

[3]) „L'empereur Nicolas", писала по этому поводу гр. М. Д. Нессельроде 30 дек. 1825 г., „a su le même 14 prouver, qu'il était capable de gouverner les 50 millions d'âmes qui lui „sont échues par le destin. Le matin de ce jour l'on ignorait encore ses grandes qualités „que ces tristes circonstances firent éclorer subitement. Dans quelques heures par son courage, sa „présence d'esprit, sa fermeté, son humanité il sut se gagner les cœurs et la confiance de la „troupe, des habitants de sa capitale qui confièrent à la renommée avec enthousiasme ce qu'il a „été ce jour-là et ce qu'il continue à être". (Гос. Арх., разр. III, № 43). — Слѣдуетъ замѣтить, что графиня М. Д. Нессельроде, давшая въ своей перепискѣ весьма мѣткую характеристику современныхъ ей дѣятелей, вообще не отличалась особымъ пристрастіемъ къ личности Императора Николая Павловича.

„Vous voulez que je verse „le sang de mes sujets le „premier jour de mon „règne — отвѣчалъ я „Васильчикову. — Pour „sauver votre empire, ска- „залъ онъ мнѣ. Эти „слова меня снова при- „вели въ себя; опо- „мнившись, я видѣлъ, „что или должно мнѣ „взять на себя пролить „кровь нѣкоторыхъ и „спасти почти навѣр- „но все, или, поща- „дивъ себя, жертвовать „рѣшительно государ- „ствомъ“ [1]).

Николай I
(съ лит. Гернерь, 1826 г.).

Картечные выстрѣлы прекратили бунтъ 14 декабря, но за то взятый Государемъ „на „Исакіевской площади „первый урокъ на царство“ [2]) легъ тяжелымъ, неизгладимымъ отпечаткомъ на всю его жизнь. „Никто не въ состояніи понять ту жгучую „боль, которую я испытываю и буду испытывать во всю жизнь „при воспоминаніи объ этомъ днѣ“, признавался Николай Павловичъ французскому послу графу Лаферронэ вскорѣ послѣ своего воцаренія [3]).

Кончился декабрьскій бунтъ, но начались неисчислимыя для Россіи послѣдствія его.

Если самый день 14 декабря долженъ былъ произвести на молодого Государя тяжелое впечатлѣніе, то начавшееся надъ декабристами слѣдствіе открыло передъ нимъ полную ужасовъ картину, которая глубоко запала въ его душу.

Огромный заговоръ имѣлъ цѣлью истребленіе всей Царской фамиліи и, стремясь къ установленію въ Россіи новаго порядка

[1]) Собств. Его Велич. библіотека. Н. К. Шильдеръ: „Имп. Николай Первый“, т. I, стр. 290.
[2]) Собственныя слова Императора Николая Павловича.
[3]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. I, стр. 311.

вещей, не сообразованныхъ ни съ ея положеніемъ, ни съ ея историческимъ развитіемъ, велъ ее къ погибели; онъ оскорблялъ Николая Павловича въ его лучшихъ чувствахъ памяти къ „незабвенному ангелу“, какъ онъ всегда называлъ Императора Александра I, въ чувствахъ семьянина и человѣка, горячо любящаго свою родину. Но въ то же время заговоръ открывалъ передъ молодымъ Государемъ и неприглядную картину внутренняго состоянія Россіи.

День 14 декабря, по мнѣнію Н. К. Шильдера [1]), окончательно закалилъ характеръ Императора Николая. По мнѣнію Бисмарка, Императоръ Николай руководствовался послѣ этого въ своихъ дѣйствіяхъ убѣжденіемъ, что, по волѣ Божьей, онъ призванъ быть вождемъ защиты монархизма противъ надвигавшейся съ запада революціи. Самъ Государь въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ впечатлѣніе всего происшедшаго съ нимъ [2]). „Я твердо „убѣжденъ въ Божественномъ покровительствѣ, которое про„является на мнѣ слишкомъ ощутительнымъ образомъ, чтобы не „замѣчать его на всемъ, что случается со мной — и вотъ моя „сила, мое утѣшеніе и мой всегдашній руководитель“ [3]).

Въ своихъ отношеніяхъ къ участникамъ заговора молодой Государь строго отдѣлялъ то большинство, которое было вовлечено въ него по невѣдѣнію, отъ меньшинства зачинщиковъ и активныхъ дѣятелей. Если къ первымъ онъ относился со всѣмъ присущимъ ему милосердіемъ, то послѣднихъ считалъ достойными примѣрнаго наказанія. „Страшно сказать“, писалъ онъ цесаревичу Константину Павловичу [4]), „но необходимъ внушительный при„мѣръ, и такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ убійцахъ, „то ихъ участь не можетъ быть достаточна сурова“.

Такой строгій приговоръ не былъ вызванъ жестокосердіемъ или мстительностью Государя, а прочно установившейся системой, состоявшей въ томъ, что лучше наказать одного виновнаго, но зато спасти массу невинныхъ, а также всегдашнимъ подчиненіемъ у Николая Павловича въ дѣлахъ государственныхъ чувства человѣка обязанностямъ правителя. „Право миловать и щадить“, писалъ

---

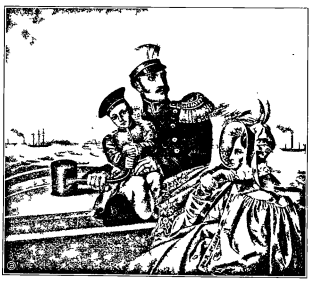
[1]) „Императоръ Николай Первый“, т. I, стр. 315.

[2]) Письмо къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 29 ноября (11 декабря) 1827 г.

[3]) J'ai la ferme conviction de cette protection divine qui s'exerce sur moi d'une manière trop palpable pour que je ne veuille l'apercevoir dans tout ce qui m'arrive, — et voilà ma force, ma consolation, voilà mon guide en tout.

[4]) Письмо отъ 15 декабря 1825 года.

онъ въ манифестѣ отъ 1 января 1826 года, „признавая драго-„цѣннѣйшимъ преимуществомъ данной намъ отъ Бога самодер-„жавной власти, мы съ восшествіемъ нашимъ на престолъ поло-„жили въ сердцѣ своемъ хранить сіе право во всей полнотѣ „его, какъ залогъ ввѣренный намъ отъ Бога, употребляя его „всегда сообразно благу общему и не въ ослабленіе правосудія, „на коемъ утверждаются „престолы и зиждется „благосостояніе царствъ „земныхъ".



Николай I съ семействомъ на катерѣ (съ русск. лит.).

По словамъ одного англійскаго дипломата, строгость Императора Николая „была скорѣе „вызвана необходимо-„стью, нежели собствен-„нымъ желаніемъ; она „возникла изъ убѣжде-„нія, что Россіей необ-„ходимо управлять твер-„дой и сильной рукой, „а не отъ врожденнаго „чувства жестокосердія „или желанія угнетать „своихъ подданныхъ"[1]).

Другой иностранный писатель[2]) находилъ, что „всѣ личныя „качества Николая Павловича наложили на него печать властелина, „сильнаго и могучаго самодержца народа, для управленія кото-„рымъ нужна твердая рука. Онъ наказывалъ строго, и скипетръ „его казался желѣзнымъ, но онъ не былъ жестокимъ. Отдѣльные, „сдѣлавшіеся извѣстными, случаи свидѣтельствуютъ о возвышен-„ности и даже нѣжности его сердца; но прежде всего онъ въ

---

[1]) The diplomatic reminiscences of lord Augustus Laftus, 1837—1862. London, 1892, 2 vol.

Слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что вообще, за немногими исключеніями, характеристика Императора Николая Павловича иностранными писателями отличается во всемъ, кромѣ, впрочемъ, его внѣшней политики, большей безпристрастностью и правдивостью, чѣмъ характеристика русскихъ писателей. Эти послѣдніе и донынѣ находятся подъ впечатлѣніемъ пристрастныхъ и партійныхъ отзывовъ современниковъ.

[2]) Изъ статьи газеты „Aftonbladet", отъ 5 марта 1855 года. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, U. W. V., 1855.

„каждомъ дѣлѣ былъ Государемъ, и частный человѣкъ уступалъ „мѣсто царю“ [1]).

Такимъ Николай Павловичъ остался до конца своей жизни. Выражая въ 1853 году императору Францу-Іосифу радость по случаю неудавшагося противъ него покушенія, Государь предостерегалъ его [2]) отъ излишняго милосердія, которое потворствуетъ подобнымъ попыткамъ. „Есть такого рода негодяи“, продолжалъ онъ, „которые не понимаютъ великодушія и, принимая его за „слабость, пользуются имъ въ своихъ гнусныхъ расчетахъ“ [3]).

Декабрьскія событія болѣзненно отозвались на Императорѣ Николаѣ еще въ двухъ отношеніяхъ. Онъ сталъ очень осторожно и недовѣрчиво относиться къ окружающимъ, въ особенности если онъ подозрѣвалъ ихъ въ критикѣ своихъ дѣйствій или вообще въ либеральномъ образѣ мыслей. Такая осторожность шла совершенно въ разрѣзъ съ прирожденной довѣрчивостью Николая Павловича, съ постоянствомъ его чувствъ и любовью къ правдѣ и откровенности. Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить ту двойственность, которая отличала всѣ сношенія Государя съ его приближенными. Если сравнить между собою показанія современниковъ, то они наглядно подтвердятъ эту двойственность: половина изъ современниковъ утверждаетъ, что Императоръ Николай любилъ и требовалъ, чтобы ему говорили правду, другая же половина съ одинаковой силой убѣжденія доказываетъ противное. „Это несчастье, что всѣ боятся говорить мнѣ „правду, и никто о томъ не думаетъ, насколько облегчили бы „мнѣ тяжесть царствованія, если бы говорили всегда правду“, жаловался Николай Павловичъ М. А. Паткуль [4]). „Ты знаешь“, замѣтилъ Государь однажды графу Киселеву, „какъ я терпѣливъ „въ разговорѣ наединѣ и выслушиваю всякій споръ, принимаю „всякое возраженіе. Тутъ я, пожалуй, позволю сказать себѣ и „дурака, хотя могу этому и не повѣрить. Но, чтобы назвали „меня дуракомъ публично, этого, конечно, никогда не допущу“ [5]). „Прошу генералъ-адъютанта Муравьева не вмѣшиваться въ то,

---

[1]) Одинъ изъ многихъ подобныхъ эпизодовъ разсказанъ въ „Воспоминаніяхъ изъ прошлаго“ кн. Варв. Репниной. Русск. Арх., 1870 г., кн. 2.

[2]) Собственноручное письмо Императора Николая Перваго къ императору Австрійскому отъ 1/13 февраля 1853 года. Государств. Архивъ.

[3]) „Il y a telle espèce de scélérat qui ne comprend pas la générosité, la prend pour de „la faiblesse et en profite dans ses exécrables calculs“.

[4]) Истор. Вѣстн., 1901 г., кн. 5, стр. 586.

[5]) Изъ Записокъ бар. М. А. Корфа. Русск. Стар., 1900 г., кн. 2.

„что до него не касается“, написалъ онъ же на одномъ мѣстѣ записки Муравьева въ 1834 году о состояніи нашей арміи [1]). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что вся записка была прочтена Государемъ съ полнымъ вниманіемъ, что можно заключить по собственноручнымъ его отмѣткамъ на поляхъ, съ изложеніемъ своего о ней мнѣнія.

Такая двойственность объясняется какъ чрезвычайно самолюбивымъ характеромъ Императора Николая Павловича и усвоенной имъ съ дѣтства наружной рѣзкостью обращенія, такъ и вкоренившейся въ немъ съ декабрьскаго бунта недовѣрчивостью къ людямъ. Любимая фраза Императора Николая: „Я съ трудомъ „даю свою довѣренность, но, давши разъ, не измѣняю ее“, является лучшимъ объясненіемъ его характера въ этомъ отношеніи. Впечатлѣніе обширнаго, тайно созрѣвшаго заговора побѣждало въ немъ врожденное чистосердечіе и свойственную его рыцарскому характеру любовь къ правдѣ. Онъ очень долго присматривался къ людямъ, въ особенности отличавшимся самостоятельнымъ характеромъ, и въ каждомъ ихъ сужденіи болѣе охотно видѣлъ желаніе критиковать, „умничать“, какъ онъ часто говорилъ, и вообще желаніе выказать свое недовольство. Слово правды со стороны такихъ людей принималось далеко не снисходительно. Но зато стоило только Государю увѣровать въ отсутствіе злонамѣренной критики и въ искреннюю преданность долгу службы — и обстановка мѣнялась: самая горькая истина была доступна сердцу Императора Николая Павловича и принималась имъ съ благодарностью [2]).

Эта вполнѣ естественная подозрительность Государя имѣла своимъ послѣдствіемъ двѣ печальныя особенности, отличившія его царствованіе. Его безграничнымъ довѣріемъ очень часто пользовались не люди, дѣйствительно ему преданные и радѣвшіе о пользѣ Государя, а лица, болѣе заботившіяся о томъ, чтобы сумѣть пріобрѣсти его довѣріе и сохранить расположеніе къ себѣ, скрывая отъ него все дурное [3]). Большинство изъ нихъ

---

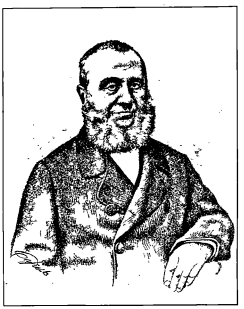
[1]) А. Заіончковскій: „Замѣтки Императора Николая Перваго на запискѣ Н. Н. Муравьева“. Воени. Сборн., 1903 г., № 2.

[2]) Цѣлая масса примѣровъ выслушиванія Императоромъ Николаемъ Павловичемъ съ благодарностью самостоятельныхъ мнѣній и горькихъ иногда истинъ помѣщены въ дневникахъ: барона М. А. Корфа (выдержки напечатаны въ „Русск. Стар.“), флигель-адъют. Аркаса (выдержки напечатаны въ „Истор. Вѣстн.“), отчасти князя А. С. Меншикова (рукопись) и во многихъ другихъ воспоминаніяхъ объ этой эпохѣ.

[3]) Характеръ отношенія къ Императору Николаю Павловичу приближенныхъ къ нему лицъ очень рельефно выясняетъ Н. Н. Муравьевъ въ своемъ рукописномъ дневникѣ за 1849—1854 года. Архивъ Гр. Гр. Черткова.

не чувствовало даже особой привязанности къ облагодѣтельствовавшему ихъ Николаю Павловичу. „Этотъ человѣкъ“, замѣчаетъ по этому поводу у себя въ дневникѣ князь П. П. Гагаринъ [1]), „не любимъ даже тѣми сердцами, которымъ онъ сдѣлалъ добро“ [2]).

Многія изъ лицъ, обладавшихъ выдающимися способностями и отличавшихся искренней преданностью къ Государю, не пользовались его довѣріемъ и стояли въ сторонѣ отъ дѣлъ [3]). Съ своей стороны, Императоръ Николай Павловичъ очень часто старался по мѣрѣ возможности сблизиться съ такими лицами и охотно дарилъ ихъ своимъ довѣріемъ, убѣдившись въ отсутствіи враждебности къ себѣ [4]), но не всегда это удавалось [5]). „Что мнѣ остается же“, восклицаетъ по этому поводу Муравьевъ [6]), „какъ не совершеннаго удаленія отъ сего „круга злобы, козней и личной „вражды, черезъ который только „доступенъ Государь, единый изъ „нихъ съ правилами прямоты и „чести?“



Князь П. П. Гагаринъ
(съ лит. А. Мюнстеръ, по фот. Деньеръ).

Отчасти благодаря этой особенности Государя, въ его царствованіе во главѣ управленія стояли люди, не всегда по своимъ качествамъ соотвѣтствовавшіе тому высокому положенію, которое они занимали; это особенно было замѣтно въ концѣ его тридцатилѣтняго правленія, когда люди прежнихъ царствованій сошли со сцены. По отзывамъ всѣхъ современниковъ, Императоръ Николай Павловичъ былъ, дѣйствительно, несчастливъ въ выборѣ

---

[1]) Дневникъ кн. П. П. Гагарина. Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, карт. 15.
[2]) „Cet homme n'est point aimé même des cœurs auxquels il a fait du bien“.
[3]) Упомянемъ между прочими Ермолова, Муравьева-Карскаго, Закревскаго и др.
[4]) Сперанскій, Пушкинъ, Муравьевъ-Карскій и др. Рукоп. дневн. Н. Н. Муравьева.—Воспоминанія Г. Д. Щербачева. Русск. Арх., 1890 г., т. I, стр. 118. „Старина и Новизна“ Р. А. Гримма.
[5]) Какъ, наприм., съ Ермоловымъ.
[6]) Русск. Арх., 1894 г., кн. 3.

людей [1]). Разочароваться въ своемъ выборѣ Государю пришлось, къ сожалѣнію, очень поздно, въ тяжелую годину Крымской войны. „Заставляетъ дрожать мысль о томъ", пишетъ одинъ изъ современниковъ этой эпохи [2]), „на какой высотѣ мы были „и какъ мы охотно и по собственной волѣ спустились такъ „низко, и все это потому, что люди, которые должны были „говорить истину Императору, скрывали ее отъ него [3]), потому „что наши посланники, въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ, „предпочитали сглаживать то, что они должны были говорить, „и что остальные поступали такъ же, какъ и они [4]).

Нельзя не отмѣтить здѣсь того факта, что развитію въ Императорѣ Николаѣ подозрительности много содѣйствовалъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ, мнѣнія котораго въ первые годы царствованія высоко цѣнились молодымъ Государемъ. Въ своихъ письмахъ во время слѣдствія по декабрьскому бунту цесаревичъ останавливается на поразившемъ его умъ обстоятельствѣ, что „списокъ арестованныхъ заключаетъ въ себѣ лишь фа„миліи лицъ, до того неизвѣстныхъ, до того незначительныхъ „самихъ по себѣ и по тому вліянію, которое они могли оказы„вать, что я смотрю на нихъ только, какъ на передовыхъ охот„никовъ или застрѣльщиковъ шайки, дѣльцы которой остались „сокрытыми на время" [5]). Поэтому цесаревичъ предлагалъ разыскивать подстрекателей и руководителей и не дѣлать никакихъ остановокъ, пока не будетъ найдена исходная точка всѣхъ происковъ.

---

[1]) Воспом. Д. К. Тарасова. Русск. Стар., 1872 г., т. VI. Критич. замѣтки А. Зиссермана. Русск. Арх., 1885 г., кн. 5 и др. Письма графини Нессельроде гр. Гурьеву. Госуд. Арх., разр. III и др.

[2]) Рукоп. дневникъ кн. П. П. Гагарина за 12 октября 1854 года. Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, карт. 15.

[3]) Интересна приводимая княземъ П. П. Гагаринымъ въ дневникѣ отъ 7 сентября 1854 г., между прочимъ, характеристика бывшаго въ то время военнымъ министромъ князя В. А. Долгорукова. „A présent que tout ce qui pense, que tout ce qui sent n'a qu'une idée, la Crimée, „on se redit tout ce que l'on sait qui y a rapport. C'est comme cela que j'ai su que le comte Nessel„rode sur une observation qu'on lui faisait à propos de la nécessité d'y envoyer des renforts avait „répondu: — Mais il y a un mois que j'en parle et reparle à Dolgorouky dont je n'ai pu obtenir „d'autre réponse que celle-ci: Sa Majesté ne m'a pas donné d'ordres à cet égard. — Ces mots-là „ne donnent-ils pas la mesure du ministre. Il a bien tout ce qu'il faut pour faire un favori. Extérieur, manières, caractère, organe, mais il paraît que cela ne suffit pas pour faire un homme d'Etat".

[4]) „Quand on pense à quelle hauteur nous étions et que nous sommes volontairement et „de plein gré descendus aussi bas, cela fait frémir, et tout cela parce que des gens qui devaient „dire la vérité à l'empereur la lui ont cachée, que tous nos ministres à l'étranger ont préféré „atténuer ce qu'ils avaient à dire, en vue de leur intérêt personnel et que d'autres ont fait „comme eux".

[5]) Письмо отъ 22 декабря 1825 года.

„Я держусь правила обрушиваться лишь на тѣхъ, которые „разоблачены", отвѣчалъ молодой Государь своему старшему брату [1]), но настойчивыя предостереженія Константина Павловича въ концѣ концовъ содѣйствовали утвержденію въ Императорѣ Николаѣ недовѣрія и подозрительной возбужденности. „Я желаю", писалъ онъ цесаревичу черезъ мѣсяцъ [2]), „и если Богу будетъ „угодно, я дойду до дна озера, будь, что будетъ" [3]).

Но печальныя событія, сопровождавшія воцареніе Николая Павловича, вызвали, сверхъ того, еще другое явленіе, а именно то нерасположеніе Государя ко всякому либеральному движенію, которое постоянно замѣчалось въ распоряженіяхъ Императора Николая. „Одаренный сильной волею и обширнымъ государ- „ственнымъ умомъ", пишетъ по этому поводу графъ Д. А. Толстой, „онъ твердою рукою повелъ Россію къ предположенной имъ „цѣли, стремясь неуклонно по пути, самимъ имъ избранному, „а такъ какъ характеръ этого великаго Государя былъ вполнѣ „національнымъ, то и вышло, что Россія не только безропотно, „но даже охотно за нимъ слѣдовала" [4]).

Роковыя событія 1825 года не остались безъ вліянія и на жизнь русскаго общества послѣдующаго тридцатилѣтія. Наступила естественная реакція, и на сценѣ появились консервативныя силы общества. Замѣчательно при этомъ, что реакція и застой не столько обнаруживались въ мѣрахъ правительства, сколько въ настроеніи самого общества, которое въ подавляющемъ большинствѣ цѣпко держалось существующаго, цѣнило только силу и успѣхъ и недружелюбно относилось ко всей западной культурѣ [5]). По словамъ одного изъ писателей [6]), въ русскомъ обществѣ того времени нигдѣ не замѣчалось умственнаго движенія, критической мысли, потребности въ высшемъ образованіи, не связанномъ съ привилегіями по службѣ, а тѣмъ болѣе сознанія необходимости серіозныхъ улучшеній общественныхъ условій. Вся оппозиція носила мелкій характеръ личныхъ пререканій губернскихъ предводителей съ губернаторами или состояла въ нападкахъ на полицію, рѣшавшуюся требовать съ

---

[1]) Письмо отъ 29 декабря 1825 года.
[2]) Письмо отъ 29 января 1826 года.
[3]) „Je veux et, s'il plaît à Dieu, j'irai au fond du lac, arrive ce qui voudra".
[4]) Историческая записка графа Д. А. Толстого. Арх. П. Я. Дашкова.
[5]) Кіевская университетская старина. Русск. Стар., 1899 г., № 6.
[6]) „Россія" Мекензи Уоллеса. Древняя и Новая Россія, 1879 г., октябрь.

помѣщиковъ недоимки или допускавшую поблажки ослушнымъ крѣпостнымъ. Даже въ зажиточныхъ усадьбахъ рѣдко можно было встрѣтить газету, а чтеніе книгъ было вообще не въ почетѣ. По словамъ Н. А. Энгельгардта [1]), декабристы погубили себя, надолго затормозили дѣло освобожденія крестьянъ, приготовили торжество бюрократіи и своей безтактностью обезсилили власть Монарха.

III.

Нравственное состояніе Императора Николая, по вступленіи его на престолъ, лучше всего выражается его собственными словами: „Я предчувствую свои обязанности, скоро узнаю ихъ „и сумѣю ихъ исполнить", говорилъ онъ французскому послу графу Лаферронэ [2]). „Въ 29 лѣтъ въ обстоятельствахъ, въ какихъ „мы находимся, позволительно страшиться задачи, которая, каза- „лось мнѣ, никогда не должна была выпасть мнѣ на долю, и къ „которой, слѣдовательно, я не готовился. Я никогда не молилъ „Бога ни о чемъ такъ усердно, какъ чтобы Онъ не подвергалъ „меня этому испытанію. Его воля рѣшила иначе; я постараюсь „стать на высотѣ долга, который Онъ на меня возлагаетъ. „Я начинаю царствованіе подъ грустнымъ предзнаменованіемъ „и съ страшными обязанностями. Я сумѣю ихъ исполнить".

„Никто не ощущаетъ большей потребности, чѣмъ я, быть „судимымъ со снисходительностью", писалъ Государь цесаревичу [3]). „Но пусть же тѣ, которые судятъ меня, примутъ во вниманіе, „какимъ необычайнымъ образомъ я вознесся съ поста недавно „назначеннаго начальника дивизіи на постъ, который занимаю „въ настоящее время, кому я наслѣдовалъ и при какихъ обсто- „ятельствахъ".

Въ такомъ положеніи молодому Государю было естественно искать опоры въ комъ-либо изъ ближайшихъ слугъ Императора Александра или въ старшихъ членахъ своей семьи. Но Александръ Павловичъ оставилъ въ наслѣдство своему брату только графа Аракчеева, личность котораго съ самыхъ первыхъ дней воцаренія Императора Николая представилась молодому Монарху въ полномъ

---

[1]) „Николаевская цензура". Истор. Вѣстн., 1901 г., № 11.
[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. I, стр. 346.
[3]) Письмо отъ 29 ноября (11 декабря) 1827 года.

Вице-канцлеръ графъ Нессельроде.

блескѣ своей непривлекательности [1]) и, разумѣется, не въ немъ онъ могъ искать опоры своему правленію.

Нѣсколько въ другомъ положеніи Государь находился относительно своей семьи. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ не прочь преподать своему державному брату рядъ совѣтовъ, которые, въ виду сыновней къ старшему брату почтительности со стороны Императора Николая и чувства долга, какъ къ передавшему ему престолъ [2]), должны были, въ особенности первоначально, оказывать большое вліяніе на Николая Павловича.

Въ своемъ письмѣ еще во время междуцарствія [3]) цесаревичъ, отказываясь окончательно отъ престола, давалъ наставленія своему младшему брату „ничего не мѣнять изъ того, что было сдѣлано „нашимъ дорогимъ, прекраснымъ и обожаемымъ усопшимъ, какъ „въ наиважнѣйшихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ.... Ничего не „мѣняйте въ установившейся политикѣ Нессельроде, который, „зная просвѣщенныя намѣренія Императора, ознакомитъ васъ „съ тѣмъ, чего онъ желалъ, и съ тѣмъ, что вознесло нашу „страну на верхъ славы. Ничего не нужно выдумывать, но, „дѣйствуя въ духѣ нашего покойнаго Императора, поддерживать „и укрѣплять то, что было сдѣлано имъ и что стоило ему „столькихъ трудовъ и, быть-можетъ, даже свело въ могилу, „такъ какъ физическая сторона поборола нравственную. Однимъ „словомъ, примите за основаніе, что вы лишь уполномоченный

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", тт. I и II.

[2]) „Vous qui avez été notre maître et qui pour moi l'êtes toujours au fond de mon cœur". Изъ письма Императора Николая цесаревичу Константину Павловичу отъ 30 марта (11 апрѣля) 1831 года.

[3]) Отъ 8 (20) декабря 1825 г.

„покойнаго благодѣтеля и что въ каждое мгновеніе вы должны „быть готовы отдать ему отчетъ въ томъ, что вы дѣлаете и что „сдѣлаете".

Но съ первыхъ же дней царствованія передъ Императоромъ Николаемъ открылись такія истины, которыя ему ясно показали, что положеніе Россіи требуетъ сильнаго врачеванія, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ.

Вся программа дѣятельности Николая Павловича по внутреннему управленію выразилась въ тѣхъ нѣсколькихъ словахъ, которыми онъ отвѣтилъ чрезвычайному послу Карла X, виконту де Сенъ-При, на намекъ его о необходимости преобразованій въ управленіи. Упомянувъ о томъ, что онъ лучше, чѣмъ кто-либо другой знаетъ о необходимости преобразованій, Государь высказалъ слѣдующій взглядъ: „Я отличалъ и всегда буду отли- „чать тѣхъ, кто хочетъ справедливыхъ преобразованій и желаетъ, „чтобы они исходили отъ законной власти, отъ тѣхъ, кто самъ „хотѣлъ бы предпринять ихъ и Богъ знаетъ какими сред- „ствами" [1]).

Что же касается до внѣшней политики, то, хотя Императоръ Николай и остался сторонникомъ Священнаго союза и готовъ былъ во всякое время протянуть совершенно безкорыстно руку помощи своимъ союзникамъ [2]), но по складу своего ума и характера онъ, по словамъ Шильдера [3]), „не могъ сдѣлаться сторон- „никомъ туманнаго космополитизма на религіозной подкладкѣ „и не могъ жертвовать русскими интересами въ пользу сообра- „женій какого-то высшаго порядка".

Неопытный и неподготовленный молодой Государь былъ, такимъ образомъ, совершенно одинокъ въ дѣлахъ управленія страной, если не считать болѣе будировавшаго и мѣшавшаго, чѣмъ помогавшаго ему цесаревича Константина Павловича [4]) и вице-канцлера графа Нессельроде. А между тѣмъ, послѣ пережитого сильнаго напряженія жизнь государства требовала энер-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. I, стр. 402.

[2]) „Подобныя узы", писалъ по этому поводу Императоръ Николай князю Паскевичу 2 марта 1835 года, „передаются отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ; я его (союзъ) насл- „довалъ отъ Александра Павловича и передамъ сыну; императоръ Фердинандъ получаетъ въ „наслѣдство отъ отца, моего друга, и дружбы моя ему принадлежитъ отнынѣ свято; въ этомъ „залогъ счастья народовъ! Новыя лица перемѣниться могутъ, но священныя правила никогда; „они вѣчны, какъ святыня" (Русск. Арх., 1897 г., кн. 1).

[3]) Тамъ же, стр. 349.

[4]) Роль цесаревича въ первые годы царствованія Императора Николая Павловича съ достаточной подробностью выяснена въ трудѣ Н. К. Шильдера: „Императоръ Николай Первый".

гичнаго и умѣлаго хозяина, для того, чтобы ввести ее въ русло покойнаго теченія и развитія.

Въ манифестѣ 13 іюля 1826 года Императоръ Николай ясно высказалъ тѣ руководящія основы, которымъ онъ былъ намѣренъ слѣдовать. „Не отъ дерзостныхъ мечтаній", писалось въ манифестѣ, „всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно „отечественныя установленія, дополняются недостатки, испра- „вляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовер- „шенствованія всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль „къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣ- „щенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, „для всѣхъ отверстымъ, всегда приняты будутъ нами съ благо- „воленіемъ: ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другого „желанія, какъ видѣть отечество наше на самой высокой степени „счастья и славы, Провидѣньемъ ему предопредѣленной". Для молодого Государя не прошла безслѣдно картина хаотическаго безпорядка въ законодательствѣ и администраціи, изображенная въ показаніяхъ декабристовъ. Государь, по словамъ графа Кочубея [1]), часто просматривалъ составленный для него изъ этихъ показаній сводъ и черпалъ изъ него много дѣльнаго. Уже въ концѣ перваго года своего царствованія Императоръ Николай рѣшилъ приняться самымъ энергичнымъ образомъ за усовершенствованіе внутренняго управленія государства. Съ этой цѣлью 6 декабря 1826 года имъ былъ образованъ, подъ предсѣдательствомъ графа В. П. Кочубея, особый секретный Комитетъ, назначеніе котораго лучше всего объясняется слѣдующей запиской Государя: „Занятія Комитета должны вкратцѣ состоять: „1. Въ пересмотрѣ и разборѣ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ „покойнаго Императора. 2. Въ пересмотрѣ нынѣшняго государ- „ственнаго управленія. 3. Въ изложеніи мнѣнія: 1) *Что предпо- „лагалось,* 2) *что есть,* 3) *что кончить оставалось бы.* „4. Въ изложеніи мнѣнія: *что нынѣ хорошо, что оставить „нельзя и чѣмъ замѣнить*..... Еженедѣльно увѣдомлять меня „при нашихъ свиданіяхъ объ успѣхѣ дѣла, которое я почитаю „*изъ важнѣйшихъ моихъ занятій и обязанностей*" [2]).

Дѣятельныя занятія секретнаго Комитета продолжались до апрѣля 1830 года; въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ онъ

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. II.
[2]) Сборн. Имп. Росс. Ист. Общ., т. LXXIV, стр. 16.

собирался только нѣсколько разъ, а потомъ окончательно прекратилъ свои занятія. Комитетъ въ своихъ работахъ затронулъ много насущныхъ вопросовъ по внутреннему управленію, но его предположенія не осуществились въ полномъ ихъ объемѣ. Вѣроятными причинами этого можно считать возраженія цесаревича Константина Павловича, а также возникшія въ то время французская и бельгійская революціи и польское возстаніе [1]), которыя на много охладили преобразовательный пылъ Императора Николая, заставляя его предполагать, что предлагаемыя ему мѣры болѣе разсчитаны на будущее, чѣмъ на настоящее. Во всякомъ же случаѣ нѣкоторыя части проектовъ Комитета имѣли несомнѣнное вліяніе на законодательные акты позднѣйшаго времени царствованія Императора Николая Павловича [2]).

Николай I на ночныхъ маневрахъ
(съ русск. лит., Собств. Его Вел. Библ.).

Не лишнимъ будетъ отмѣтить здѣсь, что Государь въ первые годы своего царствованія очень часто прибѣгалъ къ образованію особыхъ секретныхъ Комитетовъ для рѣшенія важныхъ вопросовъ внутренняго управленія, военныхъ дѣлъ и внѣшней политики [3]). Такимъ образомъ Императоръ Николай старался почерпнуть недостающую ему опытность въ мнѣніяхъ наиболѣе заслуженныхъ дѣятелей прошлаго царствованія и, при помощи ихъ, выработать себѣ программу дальнѣйшаго управленія. Въ позднѣйшее время, какъ и слѣдовало ожидать, обращеніе къ комитетамъ сдѣлалось

---

[1]) По крайней мѣрѣ, этого мнѣнія держался одинъ изъ дѣлопроизводителей Комитета, баронъ Корфъ, въ своемъ сочиненіи: „Жизнь графа Сперанскаго".

[2]) Сюда можно отнести: Новое положеніе о дворянскихъ выборахъ, учрежденіе почетнаго гражданства, ограниченіе продажи крестьянъ безъ земли, расписаніе должностей гражданской службы, измѣненіе условій пріобрѣтенія дворянства при помощи чина и пр.

[3]) Кромѣ вышеупомянутаго Комитета 6 декабря 1826 года, въ первые годы царствованія были собраны комитеты для выработки плана войны съ Турціей въ 1829 году, для выработки основаній нашихъ дальнѣйшихъ отношеній къ этой Имперіи и др.

рѣже, хотя по разнымъ отраслямъ управленія они встрѣчаются вплоть до пятидесятыхъ годовъ.

Но самымъ первымъ дѣломъ, занявшимъ Государя по вступленіи на престолъ, было правосудіе. „Я еще смолоду слышалъ „о недостаткахъ у насъ по этой части", говорилъ Николай Павловичъ Государственному Совѣту въ 1833 году [1]), „о ябедѣ, „о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ „или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, „нерѣдко между собою противорѣчивыхъ. Все это побудило „меня съ первыхъ дней моего правленія разсмотрѣть состояніе, „въ которомъ находится комиссія, учрежденная для составленія „законовъ".

По общему убѣжденію, какъ современниковъ, такъ и самого Императора Николая, дѣло упорядоченія законовъ было по плечу только Сперанскому, къ которому Государь относился съ большимъ и вполнѣ понятнымъ предубѣжденіемъ. И Николай Павловичъ сумѣлъ побороть въ себѣ личныя чувства для государственной пользы, передавъ дѣло приведенія въ порядокъ законовъ всецѣло въ руки Сперанскаго. Впрочемъ, недовѣріе къ опальному министру Александра I продолжалось недолго, и уже 1 іюля 1826 года Государь писалъ Дибичу о своемъ длинномъ разговорѣ со Сперанскимъ, который прошелъ спокойно и дружелюбно и кончился принесеніемъ послѣднимъ повинной [2]). Съ тѣхъ поръ ледъ началъ таять въ сношеніяхъ Николая Павловича со Сперанскимъ, и въ 1839 году извѣстіе о смерти этого знаменитаго государственнаго дѣятеля вызвало слѣдующія о немъ сужденія со стороны Государя: „Михаила Михайловича не всѣ по„нимали и не всѣ умѣли довольно цѣнить; сперва я и самъ въ „этомъ болѣе всѣхъ, можетъ-статься, противъ него грѣшилъ. „Мнѣ столько было наговорено о его превратныхъ идеяхъ, о его „замыслахъ; но потомъ время и опытъ уничтожили во мнѣ дѣй„ствіе всѣхъ этихъ наговоровъ. Я нашелъ въ немъ самаго вѣр„наго и ревностнаго слугу съ огромными свѣдѣніями, съ огром„ной опытностью, съ неустававшею никогда дѣятельностью" [3]).

Сперанскій былъ не единичнымъ примѣромъ привлеченія Николаемъ Павловичемъ къ государственной дѣятельности лицъ,

[1]) М. Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго", ч. II, стр. 300.

[2]) „J'ai eu une longue conversation avec Spéransky; elle s'est passée d'une manière fort „calme et amicale et онъ принесъ повинную" (Изъ бумагъ Шильдера. Арх. П. Я. Дашкова).

[3]) М. Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго", ч. II, стр. 308.

которыя, какъ ему казалось, относились къ нему враждебно или были противоположныхъ съ нимъ мнѣній. Онъ возвелъ въ графское достоинство и наградилъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго Ник. Сем. Мордвинова, мнѣнія котораго такъ часто и рѣшительно расходились съ мнѣніями правительства. Будучи предсѣдателемъ департамента Государственнаго Совѣта, Мордвиновъ, не стѣсняясь, высказывалъ свои взгляды на правительственныя мѣропріятія. Онъ защищалъ противъ графа Канкрина пользу желѣзныхъ дорогъ, ратовалъ противъ сосредоточенія въ вѣдѣніи казны разныхъ отраслей народнаго хозяйства, представлялъ Государю записки, указывающія на необходимость коренного преобразованія государственнаго устройства, смѣло критиковалъ министровъ, ихъ дѣятельность и взгляды [1]). Замѣчательно также сближеніе Государя и съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ Пушкинымъ, который чистосердечно раскаялся въ своихъ увлеченіяхъ и „обѣщался сдѣлаться другимъ“ [2]). Нѣсколько иной была участь еще одного выдающагося дѣятеля той эпохи, такъ называвшагося „проконсула Грузіи“, Ермолова, который подозрѣвался по запискѣ, найденной въ кабинетѣ Императора Александра, въ участіи въ замыслахъ декабристовъ [3]). Невозможность для Государя лично свидѣться съ Ермоловымъ не дала случая разсѣяться вкравшимся подозрѣніямъ, какъ это было со Сперанскимъ и Пушкинымъ, а послѣдовавшія вслѣдъ за симъ старанія новыхъ приближенныхъ молодого Монарха, Дибича и Паскевича, основанныя на личныхъ интересахъ, лишили Государя и Россію одного изъ выдающихся слугъ въ полномъ расцвѣтѣ его силъ.

Возлагая предварительное обсужденіе болѣе важныхъ дѣлъ по внутреннему управленію на Комитеты, Государь, со своей стороны, лично принялся съ неустанной энергіей за водвореніе порядка въ дѣлахъ. Изъ Зимняго Дворца раздался повелительный голосъ, направленный противъ распущенности чиновнаго міра Александровскихъ временъ и къ поддержанію попранной законности и правъ частныхъ лицъ. Давая своимъ неутомимымъ тру-

---

[1]) „Министръ народнаго просвѣщенія говоритъ: опасно учить крестьянъ читать и писать; министръ внутреннихъ дѣлъ говоритъ, что промышленность убиваетъ Россію; министръ финансовъ не идетъ далѣе, какъ займы дѣлать и налоги умножать; члены Государственнаго Совѣта утверждаютъ, что мужикъ русскій знаетъ пахать землю лучше, нежели ученый какой агрономъ и т. д.“ („Арх. гр. Мордвиновыхъ“, т. IX, Спб., 1903 г., съ цѣнными предисловіями и примѣчаніями В. А. Бильбасова).

[2]) Дневникъ бар. М. А. Корфа за 1848 годъ.

[3]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“.

домъ примѣръ приближеннымъ, Императоръ Николай въ рядѣ иногда очень рѣзкихъ резолюцій, относящихся къ дѣятельности высшихъ государственныхъ учрежденій, съ первыхъ же лѣтъ своего правленія встаетъ въ полный ростъ среди своихъ ближайшихъ сотрудниковъ.

Эти резолюціи являются крайне интересными для характеристики Государя, такъ какъ взгляды его, исходя изъ сущности характера, остались неизмѣнными въ теченіе всего тридцатилѣтняго царствованія, а слово никогда не расходилось съ дѣломъ.

М. М. Сперанскій
(съ грав. Т. Райтъ, по портр. Г. Дау).

„Мы всѣ на службѣ не „за тѣмъ, чтобы гулять, а „чтобы дѣло дѣлать". „Долж„но держаться неотступно „данныхъ приказаній и впредь „отнюдь не смѣть отъ нихъ „отступать". „Я уже не разъ „приказывалъ съ предложе„ніями, противными закону, „не смѣть входить... когда „законъ есть, должно его „соблюдать безъ изысканія „предлоговъ къ неисполне„нію"[1]). Въ одной изъ своихъ резолюцій на меморіяхъ Государственнаго Совѣта Императоръ Николай начерталъ: „Прочитавъ со вниманіемъ „журналъ Государственнаго Совѣта и особое мнѣніе князя Любец„каго, я долженъ замѣтить, что въ толико важномъ дѣлѣ въ Госу„дарственномъ Совѣтѣ съ неизвинительною легкостью пропущены „всѣ тѣ важныя обстоятельства, которыя княземъ Любецкимъ „весьма основательно выставлены. Не такъ я разумѣю обязан„ности членовъ, которыхъ мое довѣріе призвало къ сужденію въ „ономъ: вопросы, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе милліо„новъ, должны обсуживаться, а не пропускаться... Сколь не

[1]) С. М. Середонинъ: „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ".

„терплю я потери времени въ спорахъ, не на дѣлѣ основан-
„ныхъ, а на однѣхъ личностяхъ или пустословіи, столь я требую,
„чтобы всякое дѣло, а подавно толикой важности, обсуживалось
„съ надлежащимъ вниманіемъ“ [1]).

Въ то же время Николай Павловичъ старался сдѣлать нѣ-
которыя попытки децентрализаціи высшей власти предоставленіемъ
министрамъ большей самостоя-
тельности, которой они окон-
чательно лишились при арак-
чеевскомъ управленіи. Уже въ
1826 году послѣдовала Высо-
чайшая резолюція министрамъ
„не вносить въ Комитетъ (Ми-
„нистровъ) такихъ предметовъ,
„по которымъ разрѣшенія ихъ
„собственнаго совершенно до-
„статочно по власти, имъ даро-
„ванной“. Но привыкшіе къ
аракчеевской опекѣ министры
не такъ-то легко освоивались
съ предоставляемой имъ само-
стоятельностью, и въ 1827 году
Государю пришлось вторично
просить ихъ не обременять его
дѣлами, которыя они могутъ
сами разрѣшать [2]). Несмотря на
это, въ 1836 году Государю вновь было поднесено дѣло, въ ко-
торомъ вопросъ шелъ лишь о 75 р. 40 к.; оно вызвало строгое
повелѣніе „впредь съ подобными мелочами не входить“ [3]).

Графъ Бенкендорфъ, 1826 г.

Слѣдуетъ отмѣтить одну важную мѣру, принятую въ 1826 году
и оказавшую вліяніе на все послѣдовавшее царствованіе Импе-
ратора Николая. Въ этомъ году было учреждено Третье Отдѣле-
ніе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Идея этого новаго учрежденія находилась въ непосредствен-
ной связи съ событіями 14 декабря, и генералъ-адъютантъ Бен-
кендорфъ объясняетъ его появленіе стремленіемъ Государя къ

---

[1]) Госуд. Арх., Разр. III, № 164.
[2]) Высочайшая резолюція на одной изъ меморій Комитета Министровъ въ 1827 году.
[3]) С. М. Середонинъ: „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ“.

искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, а также и убѣжденіемъ, вызваннымъ внезапно открытымъ заговоромъ, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который сосредоточивался бы въ однѣхъ рукахъ.

Современный намъ историкъ жизни Императора Николая [1]) даетъ нѣсколько иное объясненіе причинамъ образованія Третьяго Отдѣленія, а именно находитъ его въ желаніи правительства устранить на будущее время всякую возможность повторенія декабрьскихъ событій и быть въ состояніи задушить въ самомъ зародышѣ всякій умыселъ враговъ существующаго порядка. Для достиженія подобной цѣли нельзя было попрежнему пренебрегать настроеніемъ общественнаго мнѣнія; отнынѣ надо было знать, что затѣвается въ обществѣ, какія мысли его волнуютъ, что въ немъ говорится, о чемъ оно размышляетъ. По мысли Государя лучшія фамиліи и приближенныя къ престолу лица должны были стоять во главѣ этого учрежденія и содѣйствовать искорененію зла. По словамъ современниковъ царствованія Николая Павловича, ожиданія и надежды въ этомъ смыслѣ не оправдались въ дѣйствительной жизни, первоначальная руководящая цѣль отступила на задній планъ, какъ бы стерлась въ памяти призванныхъ къ дѣлу исполнителей, и скопленное вѣками зло осталось неприкосновеннымъ на многіе годы.

Графиня Нессельроде въ своей характеристикѣ первыхъ годовъ царствованія Николая Павловича рисуетъ слѣдующую тяжелую обстановку, которая на много парализовала дѣятельность молодого Монарха. „Вамъ будетъ интересно узнать", писала она [2]), „что происходитъ въ странѣ, но мнѣ трудно васъ заинтересовать „въ этомъ отношеніи, такъ какъ я сама не могу разобраться „въ своихъ мысляхъ. Я знаю, что злословятъ менѣе, и это, „разумѣется, къ лучшему, что въ веденіи дѣлъ замѣчается больше „энергіи, хотя отъ этого они не двигаются и не разрѣшаются „съ большей справедливостью, несмотря на чрезвычайное желаніе „Государя достигнуть этого. Но для достиженія воли Государя „нужно еще столько и столько вещей, что установить это очень „трудно, въ особенности, если не пользуются всѣми средствами, „которыя могутъ привести къ такимъ результатамъ. Управляютъ „все тѣ же неспособные министры, а помощники, которыхъ имъ

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. I, стр. 466—468.
[2]) Въ письмѣ къ гр. Гурьеву отъ 9 сентября 1827 года. Госуд. Арх., Разр. III.

„дали, не могутъ ничего подѣлать, такъ что нельзя разсчитывать „на возрожденіе“ [1]). Свои печальныя сѣтованія графиня кончаетъ нѣсколькими сочувственными словами, относящимися лично къ Императору Николаю. „Намѣренія чисты, превосходны, отли„чаются большой искренностью, но замѣчено, что у него нѣтъ „чутья (le tact) относительно людей, и что каждый сдѣлан„ный имъ выборъ несчастливъ въ томъ смыслѣ, что онъ совер„шенно не достигаетъ цѣли. Тѣмъ не менѣе обращеніе Государя „и его расположеніе къ добру дѣлаютъ то, что его любятъ, и „это чувство упрочивается во всѣхъ слояхъ общества“.

Пребываніе Государя во время Турецкой кампаніи 1828 года при арміи, за границей, вызвало къ жизни рѣдкій фактъ учрежденія для управленія государствомъ особой комиссіи изъ графа Кочубея, графа Толстого и князя Голицына. Члены этой комиссіи, по возвращеніи Государя въ Петербургъ, представили ему отчетъ о состояніи страны, который является цѣннымъ документомъ въ отношеніи результатовъ первоначальнаго правленія Императора Николая. „Расположеніе умовъ внутри Имперіи“, такъ начинали свой докладъ члены комиссіи [2]), „есть вообще совершенно удо„влетворительно. Спокойствіе вездѣ было сохранено, и не видно „было нигдѣ и ни въ какомъ сословіи никакихъ порывовъ „къ новизнамъ“. Обращаясь къ правительственнымъ дѣламъ, они не только отдали должное сдѣланному лично Государемъ, но и рѣшились преподать ему нѣсколько совѣтовъ. „Извѣстно“, говорилось по этому поводу въ отчетѣ, „что намѣренія Вашего „Величества, частно въ разныхъ случаяхъ ознаменованныя, произ„вели весьма полезное внутри государства вліяніе. Таковы суть: „предписаніе о наблюденіи за успѣшнымъ производствомъ дѣлъ

---

[1]) Графиня Нессельроде вела свою переписку на французскомъ языкѣ; приводимъ подлинный текстъ этихъ отрывковъ: „Vous êtes très curieux de savoir ce qui se passe dans le „pays; il m'est difficile de vous intéresser à ce sujet, parce que je ne puis moi-même classifier „mes idées. Je sais que l'on glose moins, ce qui est certainement un mieux et qu'il règne plus „d'activité dans les affaires, sans qu'elles aillent ou soient jugées avec plus d'équité, malgré l'ex„trême désir qu'aurait le souverain, qu'il y en eût, mais pour cela il faudrait tant et tant de cho„ses, qu'il est très difficile de l'établir, surtout lorsqu'on n'embrasse pas tous les moyens qui y „conduisent. Ce sont les mêmes ministres ineptes qui gouvernent; les aides qu'on leur a don„nés ne peuvent rien; ainsi l'on ne peut s'attendre à une régénération... Les intentions sont pures, „parfaites, accompagnées d'une grande franchise, mais on a remarqué, qu'il n'a pas le tact des „hommes et que tout choix qu'il fait est malheureux en ce qu'il ne remplit point le but. Cepen„dant les formes de l'Empereur, sa volonté pour le bien font qu'il est aimé, que ce sentiment „se consolide dans toutes les classes“.

[2]) „Всеподданнѣйшій отчетъ членовъ Комиссіи графа Кочубея, графа Толстого и князя Голицына отъ 16 октября 1828 года“. Этотъ интересный отчетъ помѣщается въ Приложеніи № 6.

„и, въ особенности, уголовныхъ; уменьшеніе колодниковъ въ „тюрьмахъ; распоряженія къ прекращенію злоупотребленій при „рекрутскихъ наборахъ; облегченіе при производствѣ самой „тягостной для народа повинности исправленія и содержанія „дорогъ на тѣхъ стѣснительныхъ правилахъ, коими до послѣд„нихъ временъ въ отбываніи сей повинности руководствова„лись; сокращеніе отчасти во многихъ губерніяхъ земскихъ по„винностей вообще и многія другія мѣры въ частности, вы„годное впечатлѣніе произведшія. Но должно признаться, что „именно, по мѣрѣ оказаннаго уже Вашимъ Величествомъ благо„расположенія къ подданнымъ Вашимъ, всѣ внутри пребы„ваютъ въ нѣкоторомъ ожиданіи, что симъ не ограничите Вы, „Всемилостивѣйшій Государь, благотворныя намѣренія Ваши и „что общими и существенными мѣрами довершите Вы великое „предназначеніе Ваше. По мѣрѣ сихъ ожиданій и чувствъ при„знательности, благословенія общія доселѣ на Васъ вездѣ распро„странялись".

Все такимъ образомъ предвѣщало, что новое царствованіе поведетъ Россію по пути усовершенствованій, несмотря на неблагопріятныя событія 14 декабря. Но Императору Николаю Павловичу готовились еще новыя испытанія, которыя придали нѣкоторую односторонность всѣмъ благимъ начинаніямъ Государя.

IV.

Въ бытность великимъ княземъ Императоръ Николай Павловичъ большую часть времени посвящалъ военной службѣ, и хотя, по своему положенію командира полка и бригады, онъ былъ скорѣе подготовленъ къ строевой дѣятельности, но, какъ было замѣчено выше, ему были не чужды и теоретическія познанія военнаго дѣла въ болѣе широкомъ объемѣ.

Императоръ Николай съ дѣтства любилъ военное дѣло и какъ ремесло и какъ искусство, а потому трудно предположить, чтобы послѣ воцаренія эта любовь въ немъ уменьшилась. Напротивъ того, по мѣрѣ знакомства съ жизнью, военная среда сдѣлалась еще болѣе ему симпатичной, такъ какъ ея духовная сущность вполнѣ соотвѣтствовала нравственному міровоззрѣнію Государя.

Графъ Дибичъ-Забалканскій.

„Здѣсь, между сол-
„датами", говорилъ онъ
Шнейдеру [1]), „и посреди
„этой дѣятельности я чув-
„ствую себя совершенно
„счастливымъ. Здѣсь по-
„рядокъ, строгая закон-
„ность, нѣтъ умничанія и
„противорѣчія, здѣсь все
„одно съ другимъ схо-
„дится въ совершенномъ
„согласіи. Никто не от-
„даетъ приказаній, пока
„самъ не выучится по-
„виноваться; никто безъ
„права другъ передъ дру-
„гомъ не возвышается, все
„подчинено опредѣленной
„цѣли, все имѣетъ свое
„значеніе, и тотъ самый человѣкъ, который сегодня сдѣлалъ
„мнѣ по командѣ на караулъ, завтра идетъ на смерть за меня.
„Только здѣсь нѣтъ никакихъ фразъ, нѣтъ лжи, которую ви-
„дишь всюду. Здѣсь не поможетъ никакое притворство, по-
„тому что всякій долженъ рано или поздно показать, чего
„онъ стоитъ въ виду опасности и смерти. Оттого мнѣ такъ
„хорошо между этими людьми, и оттого у меня военное званіе
„всегда будетъ въ почетѣ. Въ немъ повсюду служба, и самый
„главный командиръ тоже несетъ службу. Всю жизнь человѣ-
„ческую я считаю ни чѣмъ инымъ, какъ службою: всякій чело-
„вѣкъ служитъ".

Одиннадцатилѣтній мирный періодъ, предшествовавшій воцаренію Николая Павловича, свелъ со сцены доблестныхъ представителей освободительныхъ войнъ и не далъ случая выдвинуться молодымъ силамъ, получившимъ практическую подготовку въ наполеоновскихъ кампаніяхъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи молодой Монархъ не получилъ богатаго наслѣдства отъ своего предшественника. Приходилось разсчитывать болѣе чѣмъ въ другихъ отрасляхъ управленія на собственныя силы, на

[1]) „Aus meinem Leben", von Louis Schneider. Berlin, 1879.

людей, случайно оказавшихся у дѣла, и на тѣхъ немногихъ, которые были лично извѣстны Государю.

Къ первымъ принадлежалъ начальникъ штаба Его Величества генералъ-адъютантъ Дибичъ, съ которымъ Государю приходилось имѣть непосредственныя и самыя дѣятельныя сношенія въ первое время воцаренія, а ко вторымъ — генералъ Паскевичъ, съ которымъ Государя связывала тѣсная дружба еще съ 1815 года, когда онъ въ Парижѣ изучалъ съ нимъ исторію наполеоновскихъ войнъ.

Впрочемъ, Паскевичъ, находясь въ первые годы царствованія Императора Николая на Кавказѣ, не могъ имѣть большаго вліянія. Этотъ періодъ былъ имъ употребленъ на пріобрѣтеніе совмѣстно съ титуломъ графа и чиномъ фельдмаршала славы непобѣдимаго полководца, которая имя его, по выраженію Императора Николая, присоединяла къ именамъ Румянцева и Суворова [1]). Но въ то же время выяснились и нѣкоторыя особенности характера этого государственнаго дѣятеля, который имѣлъ такое первенствующее значеніе въ жизни нашей арміи въ послѣдующую четверть вѣка. Пылкость нрава графа Паскевича, недовѣріе къ ближайшимъ помощникамъ, подозрительность и раздражительность его выказались въ такой степени, что заставили Императора Николая Павловича дважды напоминать ему о скромности, этой „истинной доблести великихъ людей“. А между тѣмъ подобныя черты характера молодого фельдмаршала принудили многихъ достойнѣйшихъ генераловъ искать новаго поприща дѣятельности внѣ Кавказскаго корпуса [2]).

Въ качествѣ главнаго совѣтника Государя по военнымъ дѣламъ первое мѣсто занялъ Дибичъ, несмотря на свой сварливый, по словамъ графини Нессельроде [3]), характеръ (malgré que c'est un brouillon). Человѣкъ безспорно талантливый [4]), но болѣе всего ловкій, Дибичъ въ своей дѣятельности преслѣдовалъ скорѣе личные интересы, чѣмъ пользу дѣла. Ему не удалось выказать ни твердости убѣжденій, ни смѣлости открытой поддержки передъ Государемъ своего мнѣнія, если оно шло въ разрѣзъ съ первоначальными мыслями Монарха, т.-е. именно тѣхъ ка-

---

[1]) Письмо Государя отъ 25 сентября 1829 года.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. II.

[3]) Въ письмѣ къ графу Гурьеву отъ 9 сентября 1827 года. Госуд. Арх., Разр. III.

[4]) „On dit qu'il (Дибичъ) manque entièrement de logique, c'est cependant lui qui mène „toutes les affaires militaires“, пишетъ въ томъ же письмѣ графиня Нессельроде.

чествъ, которыя были столь необходимы ближайшему сотруднику первыхъ годовъ царствованія Императора Николая. А между тѣмъ Николай Павловичъ именно и нуждался въ такихъ людяхъ. По словамъ одного изъ отличавшихся своею наблюдательностью современниковъ, Государь былъ „искрененъ въ обхожденіи, находчивъ, „но у него отсутствіе опытности и много необдуманной поспѣш„ности, что замѣчается, когда слѣдишь за его первыми побу„жденіями, и когда лица, докладывающія ему о дѣлахъ, не „осмѣливаются противорѣчить. Они вдвойнѣ неправы, такъ какъ „дознано, что онъ прислушивается къ правдѣ и часто под„дается хорошимъ совѣтамъ“ [1]).

Мирное теченіе военной службы было нарушено въ первые же годы царствованія Императора Николая войнами, сначала Персидской, а потомъ Турецкой и Польской. Наибольшее впечатлѣніе на Государя должна была произвести Турецкая война, такъ какъ первый годъ кампаніи онъ лично находился при арміи.

Главное начальствованіе надъ нашими арміями въ этомъ году представляло оригинальное и крайне неблагопріятное для успѣшнаго хода операцій явленіе. Во главѣ арміи былъ поставленъ отвѣтственный главнокомандующій, престарѣлый фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ, но при арміи же, не принимая, впрочемъ, на себя командованія, находился и Государь Императоръ и при немъ его начальникъ штаба, честолюбивый генералъ Дибичъ, который къ этому времени успѣлъ уже пріобрѣсти полное довѣріе Императора Николая.

Въ результатѣ главнокомандующій былъ стѣсненъ въ своихъ распоряженіяхъ, которыя мало-по-малу всецѣло перешли въ руки неотвѣтственнаго совѣтчика генерала Дибича. Къ несчастью, этотъ послѣдній искренно или не искренно сдѣлался сторонникомъ крайне неудачнаго плана, а Государь въ большей части случаевъ становился на сторону своего начальника штаба.

Нельзя не согласиться съ мнѣніями современниковъ [2]), что послѣдствія такого порядка вещей были бы для насъ еще болѣе неблагопріятны, если бы присущій Императору Николаю инстинктъ

---

[1]) „Il a de la franchise dans l'abord de l'à propos, mais pas d'expérience et beaucoup de „promptitude non raisonnée, ce qui se voit lorsque l'on suit ses premiers mouvements et que la „personne qui lui présente l'affaire n'ose le contredire. Elle a doublement tort, parce qu'il est „prouvé qu'il entend la vérité et cède souvent à une bonne raison“. Изъ письма графини Нессельроде графу Гурьеву отъ 8 ноября 1827 года. Госуд. Арх., Разр. III.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. II.

Графъ И. И. Дибичъ-Забалканскій
(съ грав. Т. Райтъ, по портр. Г. Дау).

и здравый военный смыслъ не помогали ему иногда исправлять пагубныя увлеченія своего начальника штаба.

Николаю Павловичу лично пришлось командовать войсками во время Буланлыкскаго сраженія 8 іюля 1828 года. По свидѣтельству одного очевидца — иностранца, „спокойствіе и выдержанность, съ которыми „Его Величество отдавалъ „свои распоряженія были удивительны и достойны самаго „опытнаго генерала (du général le plus consommé). Ни „одного нетерпѣливаго движенія, ни одной вспышки „даже тогда, когда адъютанты, плохо понявъ его приказанія, осмѣливались просить ихъ повторить. Онъ объяснялъ „ихъ имъ съ такой ясностью и точностью, которыя возбуждали „удивленіе у офицеровъ, уже опытныхъ въ командованіи войсками“ [1]).

И въ мирной обстановкѣ Императоръ Николай, въ особенности въ первые годы своего царствованія, старался бороться съ приступами врожденной ему горячности характера и поражалъ современниковъ умѣніемъ сдерживать себя. Описывая одинъ случай вспышки Государя, графиня Нессельроде прибавляетъ, что это была „единственная черта его (Государя) горячности, которую „можно привести, потому что поразительно, насколько онъ старается сдерживать себя, какъ онъ спокоенъ передъ войсками „даже тогда, когда они не выполняютъ чего-либо должнымъ

---

[1]) „Le calme et la tranquillité avec lesquels Sa Majesté donnait ses ordres étaient admirables, dignes du général le plus consommé. Aucun mouvement d'impatience, ni d'humeur, quand „même les aides de camp, qui avaient mal compris ses ordres, osèrent lui demander de les leur „répéter. Il les leurs expliquait avec une clareté et une précision, qui ont provoqué l'étonnement „des officiers qui ont toute l'habitude de commander“. Изъ письма датскаго посланника гр. Бломъ изъ-подъ Шумлы отъ 12 (24) іюля 1828 года. Военн. Учен. Арх., отд. II, № 4445.

„образомъ“ [1]). Самообладаніе Государя отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ и князь А. С. Меншиковъ [2]).

Рыцарь всегда и во всемъ, Николай Павловичъ возводилъ это свойство своего характера относительно военнаго званія въ какой-то культъ. Всѣ военныя доблести встрѣчали въ Государѣ самый сердечный отголосокъ, не завися отъ того, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ онѣ были проявлены. Королевская гвардія Карла X во время Іюльской революціи [3]) и англійскій адмиралъ подъ Навариномъ одинаково восхищали Императора Николая, и на храбрецовъ награды лились щедрою рукою [4]); всякій же позорный для военнаго поступокъ безпощадно клеймился Государемъ, при чемъ клеймилась не только личность, но и неодушевленные предметы, разумѣется, для поддержанія общей идеи чести военнаго званія. Такъ, въ 1829 году, фрегатъ „Рафаилъ“ спустилъ флагъ при встрѣчѣ съ турецкимъ флотомъ. Въ своемъ указѣ по этому поводу Императоръ Николай выражалъ надежду, что Черноморскій флотъ не оставитъ „Рафаила“ въ рукахъ турокъ, но „когда онъ будетъ возвращенъ во власть „нашу“, писалъ Государь, „то, почитая фрегатъ сей впредь не„достойнымъ носить флагъ россійскій и служить на ряду съ „прочими судами нашего флота, повелѣваю предать оный огню“ [5]).

---

[1]) Изъ переписки съ гр. Н. Гурьевымъ въ 1827 г. Госуд. Арх., Разр. III.

[2]) Изъ дневника кн. А. С. Меншикова: „19 іюня 1845 г. Съ Государемъ ѣздилъ въ „Кронштадтъ и на пути съ нимъ работалъ. Онъ училъ канонерскія лодки по стрѣлковымъ „сигналамъ, и хотя все дѣлалось, но не такъ, какъ ему хотѣлось. Онъ говорилъ, что Гейденъ, „улучшая, испортилъ начертанную имъ тактику, и потому приказалъ завтра привесть въ „Петергофъ по 4 человѣка съ каждой лодки для личнаго Высочайшаго обученія ихъ движе„ніямъ по горновымъ звукамъ, т.-е. пѣшее не по коннону, а по гребному...

„24 іюня. Забылъ отмѣтить, что на пѣшемъ лодочномъ ученьи, на Петергофскомъ „плацу, Государь крикнулъ на гр. Гейдена: *Извольте молчать*, и восклицаніе это было не „безъ дополненія; офицерамъ же толковалъ съ терпѣніемъ правила движенія съ вопросами, „понимаютъ ли, и непонимающимъ повторялъ“. Рукопись. Арх. кн. Н. Н. Гагарина.

[3]) „Молодцы ваши гренадеры королевской гвардіи“, выразился Государь въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Бургоэномъ. „Я желалъ бы воздвигнуть золотую статую каждому „изъ нихъ“. „Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques“ par le baron Paul de Bourgoin. Paris, 1864.

[4]) Замѣчательны награды, данныя командиру и офицерамъ брига „Меркурій“, выдержавшему 14 мая 1829 года трехчасовое сраженіе съ двумя турецкими кораблями въ виду всего непріятельскаго флота: „Капитанъ-лейтенанта Казарскаго произвести въ капитаны 2 ранга, „дать Георгія 4-го класса, назначить въ флигель-адъютанты, съ оставленіемъ при прежней „должности, и въ гербъ прибавить пистолеты. Всѣхъ офицеровъ—въ слѣдующіе чины, и у кого „нѣтъ Владиміра съ бантомъ, то таковой дать. Штурманскому офицеру, сверхъ чина, дать „Георгія 4-го класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ знаки отличія Военнаго ордена и всѣмъ офи„церамъ и нижнимъ чинамъ двойное жалованье въ пожизненный пенсіонъ. На бригъ „Меркурій“ „Георгіевскій флагъ“. Арх. Морск. Мин.

[5]) Указъ на имя адмирала Грейга 4 іюня 1829 года. Арх. Морск. Мин.—Существуетъ разсказъ, что потомству командира „Рафаила“ Стройникова было запрещено Императоромъ

Въ своихъ взглядахъ на образъ веденія военныхъ дѣйствій Государь былъ большой противникъ разнаго рода нелегальныхъ военныхъ хитростей, въ видѣ подкуповъ враговъ и прочихъ уловокъ, такъ часто допускаемыхъ цивилизованными государствами, и отзывался „съ крайнимъ омерзеніемъ“ противъ правительства, предпочитавшаго обращаться къ подкупу, вмѣсто того, чтобы рисковать на жестокое кровопролитіе [1]).

Кончилась мало успѣшная кампанія 1828 года, и Государь, желая согласовать образъ военныхъ дѣйствій кампаніи слѣдующаго года съ своими охранительными политическими намѣреніями, предполагалъ, согласно совѣтамъ Дибича, продолжать войну систематическимъ овладѣніемъ крѣпостями по Дунаю. Впрочемъ, присущій ему здравый военный взглядъ не останавливался исключительно на этой пагубной мысли, и Государь оканчивалъ свои предположенія надеждой, „смотря по обстоятельствамъ, отъ сего рода войны перейти къ дѣйствіямъ, болѣе наступательнымъ, ежели, по соображенію силъ и движеній непріятеля, въ открытомъ полѣ представится къ тому благопріятный случай“ [2]).

Но въ это время въ Петербургѣ случился весьма рѣдкій и отрадный фактъ. Генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ обратился къ Императору Николаю съ прямодушною рѣчью честнаго солдата и представилъ Государю записку, въ которой безпощадно критиковалъ весь ходъ кампаніи 1828 года въ Европейской Турціи [3]). Николай Павловичъ, самъ бывшій близкимъ участникомъ критикуемыхъ дѣйствій, по достоинству оцѣнилъ, однако, правдивое слово Васильчикова, и высказанныя имъ сужденія пали на благодарную почву. Государь освоился съ непреложной истиной, что на войнѣ, въ виду непріятеля, главнокомандующій долженъ руководствоваться исключительно собственными соображеніями, но что при подготовкѣ къ кампаніи слѣдуетъ призывать для обсужденія людей опытныхъ и способныхъ [4]).

Николаемъ когда-либо вступать въ бракъ, чтобы фамилія, опозорившая русскій флагъ, перестала существовать, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался холостымъ послѣдній представитель этой фамиліи. Намъ не удалось найти подтвержденія этого разсказа въ архивныхъ документахъ.

[1]) Дневникъ барона М. А. Корфа за 1849 годъ. Собств. Его Величества библіотека.

[2]) Письмо къ графу Паскевичу 15 ноября 1828 года.

[3]) Записка эта, „Aperçu sur la campagne de l'année 1828“, помѣщена въ приложеніяхъ ко 2-му тому труда Н. К. Шильдера: „Императоръ Николай Первый“.

[4]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. II.

19 ноября 1828 года, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, былъ собранъ комитетъ для обсужденія вопроса о планѣ кампаніи 1829 года, который рѣшилъ необходимость нанесенія непріятелю чувствительныхъ, сильныхъ ударовъ. Императоръ Николай не только присоединился къ мнѣнію комитета, но и высказалъ полную солидарность со взглядами Васильчикова [1]).

Императоръ Николай у Шумлы.

Записка Васильчикова имѣла и другое, весьма важное, послѣдствіе, а именно отказъ Государя отъ личнаго присутствія при арміи во время кампаніи слѣдующаго года, въ виду хорошо прочувствованнаго имъ неудобства нахожденія на одномъ театрѣ войны двухъ главныхъ квартиръ со всѣми присущими имъ разногласіями и недоразумѣніями. И замѣчательно, что Императоръ Николай, столь любившій военное дѣло, никогда въ теченіе своего продолжительнаго царствованія не присутствовалъ болѣе при своихъ арміяхъ во время военныхъ дѣйствій. Лишь за нѣсколько дней до своей кончины, когда Россія находилась въ крайне тяжеломъ положеніи, Николай Павловичъ, разочарованный въ своихъ приближенныхъ и въ особенности въ князѣ Паскевичѣ, выразилъ намѣреніе стать во главѣ своихъ армій, если къ врагамъ нашимъ присоединятся, какъ этого слѣдовало ожидать, наши традиціонные союзники—Австрія и Пруссія [2]). Но въ такомъ случаѣ въ лицѣ Государя верховная власть соединялась бы со властью главнокомандующаго, благодаря чему необходимое единство распоряженій не было бы нарушено.

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. II. См. примѣчанія.
[2]) Болѣе подробно объ этомъ обстоятельствѣ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ.

Честный и правдивый голосъ генералъ-адъютанта Васильчикова не только былъ выслушанъ и принятъ въ соображеніе, но повлекъ за собою самую тѣсную дружбу между Государемъ и имъ; въ теченіе своей послѣдующей дѣятельности, въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Васильчиковъ продолжалъ неоднократно высказывать Государю свои откровенныя, очень часто не сходныя съ волей Николая Павловича, мнѣнія, сохраняя за собой всегдашнее уваженіе со стороны Государя [1]). Невольно пожалѣешь, что, среди приближенныхъ Императора Николая, лица, подобныя Васильчикову, этому „рыцарю безъ страха и упрека", были исключительнымъ явленіемъ [2]), и невольно вспомнишь слова графини Нессельроде, что Императоръ „прислушивается къ правдѣ „и часто поддается хорошимъ совѣтамъ" [3]).

Вскорѣ за Турецкой кампаніей началась война противъ польскихъ мятежниковъ. Прославившійся Забалканскимъ походомъ графъ Дибичъ снова сталъ во главѣ русской арміи. Но ему не удалось поддержать своей славы полководца; неустойчивость въ мысляхъ и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ отличали Дибича въ продолженіе всей затянувшейся, по его винѣ, кампаніи.

Переписка Государя съ главнокомандующимъ во время этой продолжительной войны является яркой характеристикой военныхъ взглядовъ Императора Николая, которымъ онъ не измѣнилъ до конца своей жизни. Несмотря на неудачи и непонятный для него образъ дѣйствій графа Дибича, онъ ни въ чемъ не позволилъ себѣ стѣснять самостоятельности главнокомандующаго. Предлагая ему разные совѣты, Государь настоятельно требовалъ, чтобы они примѣнялись лишь въ мѣрѣ, соотвѣтствующей личнымъ взглядамъ главнокомандующаго, которому на мѣстѣ лучше видны всѣ обстоятельства дѣла, или же не примѣнялись бы совсѣмъ. Въ любимыхъ выраженіяхъ Николая Павловича, такъ часто встрѣчавшихся въ его перепискѣ съ лицами, поставленными имъ во главѣ армій, какъ въ эту, такъ и въ послѣдующія кампаніи,

---

[1]) Дневникъ барона М. А. Корфа.

[2]) Смотри выше.

[3]) „Я знаю", писалъ будущій министръ Валуевъ гр. Д. Н. Толстому въ августѣ 1848 года, „какъ составляются всеподданнѣйшіе доклады. Одинъ изъ вашихъ знакомыхъ, „безъ сомнѣнія умный и дѣловитый, говоря о какомъ-то Сенявинскомъ докладѣ и видя „лишь мой мундирный фракъ, а не меня, сказалъ мнѣ: Все дѣло въ томъ, какъ поднести „докладъ и какъ составить его, чтобы на немъ не могла лечь неблагопріятная резолюція. — „Это также", прибавляетъ Валуевъ, „различіе между буквою и духомъ, котораго Его Величе„ство не подозрѣваетъ". Арх. П. Я. Дашкова. Переписка гр. Д. Н. Толстого съ гр. П. А. Валуевымъ.

что онъ „не австрійскій гофкрихсратъ и за нѣсколько сотъ верстъ „не можетъ давать точныхъ указаній, какъ дѣйствовать", а предоставляетъ это усмотрѣнію главнокомандующихъ, выливается его правильный взглядъ на дѣло управленія арміями.

Война съ польскими мятежниками дала возможность Государю выказать свои обширныя военныя дарованія и познанія въ собственноручной запискѣ о планѣ военныхъ дѣйствій, относящейся къ началу апрѣля 1831 года. Помѣщая этотъ интересный документъ въ приложеніи [1]), упомянемъ здѣсь только, что графъ Паскевичъ, вступивъ послѣ смерти Дибича въ командованіе арміей, воспользовался почти въ полномъ объемѣ планомъ Государя и окончилъ кампанію въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Послѣ подавленія польскаго мятежа начался продолжительный мирный періодъ, обнимавшій, съ маленькимъ перерывомъ въ 1849 году, время вплоть до Восточной войны 1853—1856 годовъ. Военная дѣятельность Николая Павловича за этотъ долгій промежутокъ времени должна была сузиться до роли административной и воспитательной съ присущей мирной обстановкѣ односторонностью, но объ этомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

V.

„Ничего не мѣняйте въ установившейся политикѣ Нессель-„роде", такъ напутствовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ первые шаги своего царственнаго брата [2]), „который, зная просвѣ-„щенныя намѣренія Императора, ознакомитъ васъ съ тѣмъ, чего онъ „желалъ и съ тѣмъ, что вознесло нашу страну на верхъ славы".

Съ такимъ наставленіемъ старшаго брата, съ искреннимъ намѣреніемъ слѣдовать по стопамъ Императора Александра, будучи мало ознакомленъ съ областью международныхъ отношеній, Императоръ Николай выступилъ на политическую арену.

Программа Императора Александра вполнѣ характеризуется слѣдующими словами, сказанными имъ Шатобріану въ 1822 году: „Теперь не существуетъ болѣе политики англійской, французской, русской, прусской и австрійской, а существуетъ только „одна политика общая, которая, для спасенія всѣхъ, должна быть

---

[1]) См. Приложеніе № 7.
[2]) Письмо отъ 8 (20) декабря 1825 года.

„усвоена сообща народами и государями“ [1]). Но такой взглядъ не соотвѣтствовалъ чисто русскому прямому характеру Императора Николая. Онъ не допускалъ и мысли о возможности иностраннымъ дворамъ вмѣшиваться въ дѣла, исключительно касающіяся Россіи. Этотъ взглядъ молодого Государя инстинктивно высказался въ первый же день его воцаренія, когда 14 декабря, во время бунта, ганноверскій посланникъ графъ Дернбергъ предложилъ отъ имени своихъ товарищей нравствен-

А. П. Ермоловъ,
съ рис. съ нат. А. Чернышева, 1846 г. (Собр. П. Я. Дашкова).

ную поддержку молодому монарху. Императоръ Николай сразу сумѣлъ поставить дипломатовъ на свое мѣсто, отклонивъ ихъ поддержку, такъ какъ, по словамъ Государя, „это дѣло было „семейное, въ которое Европѣ нечего вмѣшиваться“ [2]). Съ такимъ же чувствомъ обереганія достоинства Россіи отклонялись и послѣдующія попытки европейскихъ державъ вмѣшиваться въ дѣла, исключительно касавшіяся нашего отечества.

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. I, стр. 349.
[2]) „Cette scène était une affaire de famille, à laquelle l'Europe n'avait rien à démêler“. Баронъ Корфъ: „Восшествіе“, стр. 159.

Но еще въ болѣе ясной формѣ вылилась эта черта Николая Павловича въ его отношеніяхъ къ унаслѣдованному имъ отъ Императора Александра Священному союзу. По справедливому замѣчанію Поццо-ди-Борго, относящемуся къ 1826 году [1]), этотъ союзъ принесъ существенную пользу другимъ, а не намъ. Англія, охраняемая союзниками, успѣла развить свою промышленность и торговлю; Австрія никогда не стѣснялась обязательствами союза, когда рѣчь шла объ ея матеріальныхъ пользахъ, или же были задѣты ея политическіе интересы. Священный союзъ служилъ ей лишь щитомъ отъ внутреннихъ потрясеній и внѣшнихъ враговъ. Пруссія также сумѣла воспользоваться поддержкою союза; не принимая участія въ пожертвованіяхъ, которыя союзъ требовалъ отъ другихъ, она успѣла совершить свои обширныя реформы внутри государства. И только Россія, въ своемъ идеальномъ увлеченіи принципами Священнаго союза, позволяла даже слабой Портѣ Оттоманской не исполнять относительно себя обезпеченныхъ трактатами обязательствъ. Императоръ Николай и въ этомъ унаслѣдованномъ имъ дѣлѣ сумѣлъ провести рѣзкую грань между вопросомъ чисто русскимъ и европейскимъ.

При вступленіи на престолъ Императоръ Николай Павловичъ нашелъ турецкія дѣла въ такомъ состояніи неопредѣленности и запутанности, которое требовало рѣшенія быстраго и категорическаго [2]).

Въ своихъ сношеніяхъ съ Турціей Государь немедленно отдѣлилъ личныя къ ней претензіи Россіи отъ греческаго вопроса, касающагося всей Европы. Признавая право Европы на совмѣстное разрѣшеніе послѣдняго вопроса, Императоръ Николай принялъ въ немъ лишь иниціативу для скорѣйшаго умиротворенія Греціи; что же касается собственно русско-турецкихъ дѣлъ, относящихся до соблюденія прежнихъ трактатовъ, то Государь не допускалъ

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. I, стр. 411.

[2]) Лекціи, читанныя въ 1838 году барономъ Брунновымъ Насл. Цесаревичу Александру Николаевичу.—Эти лекціи, хранящіяся въ рукописи въ нашемъ Государственномъ Архивѣ, представляютъ собой замѣчательный историческій документъ, въ которомъ съ полной рельефностью высказались взгляды нашего Министерства Иностранныхъ дѣлъ на политику, пресл. нами въ царствованіе Императора Николая. Нѣтъ сомнѣнія, что Государь, въ особенности въ первые годы своего царствованія, былъ по самому свойству своего характера сторонникомъ національной политики, но печальныя обстоятельства перваго пятилѣтія царствованія, обѣщаніе слѣдовать по стопамъ Императора Александра и, наконецъ, вліяніе опытнаго дипломата графа Нессельроде, совмѣстно съ другими побочными обстоятельствами, заставили Императора Николая все болѣе и болѣе отклоняться отъ намѣченнаго имъ первоначальнаго пути. Ту часть работы барона Брунова, которая касается царствованія Николая Павловича, мы помѣщаемъ въ полномъ объемѣ въ Приложеніи № 8.

мысли какого-либо въ этомъ посредничества Европы и повелъ дѣло съ энергіей, достойной великой державы, оскорбленной въ своихъ законныхъ правахъ [1]).

Русскимъ правительствомъ было предложено турецкимъ уполномоченнымъ подписать въ Аккерманѣ заранѣе приготовленную конвенцію, съ предупрежденіемъ, что, при неисполненіи этого, наши войска перейдутъ Прутъ. 25 сентября 1826 года требуемая конвенція была подписана, и этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ въ новой системѣ нашихъ сношеній съ Турціей. „Способъ пере„говоровъ, установленныхъ въ Аккерманѣ", восхищался по этому поводу баронъ Брунновъ, „далъ намъ возможность избѣгнуть „медленности, которая сопровождала наши прежніе переговоры „и затрудняла въ теченіе 14 лѣтъ успѣхъ нашихъ представленій „въ Константинополѣ" [2]).

Вызывающій образъ дѣйствій турецкаго правительства принудилъ, однако, Императора Николая въ скоромъ времени поддержать права Россіи съ оружіемъ въ рукахъ. Въ своемъ манифестѣ 14 апрѣля 1828 года Государь объявилъ, что цѣлью военныхъ дѣйствій не служатъ ни честолюбивыя намѣренія, ни желаніе завоеваній, ни низверженіе Оттоманской Имперіи, а твердая рѣшимость не класть оружія до тѣхъ поръ, пока Россія не получитъ справедливаго возмездія за прошедшее и основательныхъ гарантій спокойствія и увѣренности въ будущемъ.

Эти, такъ сказать, охранительныя начала, поставленныя цѣлью войны съ Турціей, сдѣлались девизомъ всей послѣдующей политики Николая Павловича, которая, по словамъ барона Брунова [3]), опредѣлялась тремя словами: *не тронь меня*. Но въ охраненіи указаннаго выше принципа Императоръ Николай былъ непоколебимъ и дѣйствовалъ съ настойчивостью, которая не давала возможности сомнѣваться въ конечныхъ ея результатахъ. Въ своемъ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ при Берлинскомъ дворѣ графомъ Агу (comte Agout) Государь высказался по этому поводу съ полной опредѣленностью. Онъ замѣтилъ графу Агу, что, если войнѣ не суждено кончиться въ 1829 году,

---

[1]) Отношенія Императора Николая къ Турціи будутъ нами подробно разсмотрѣны въ отдѣльной главѣ. Здѣсь же мы ихъ касаемся лишь въ мѣрѣ, необходимой для выясненія характера Государя.

[2]) „Le mode de négociation établi à Ackerman nous fit éviter les longueurs qui avaient „accompagné nos anciennes discussions et entravé depuis 14 ans le succès de nos démarches à „Constantinople". См. Приложеніе № 8.

[3]) „La politique de l'Empereur peut se résumer en trois mots: *не тронь меня*".

то онъ предприметъ третью, четвертую, пятую кампаніи; что онъ очень сожалѣетъ о необходимости пролить столько крови и принести столько жертвъ изъ-за мало значущихъ, повидимому, причинъ, но что честь и достоинство его Имперіи, равно какъ личное положеніе его, какъ преемника Императора Александра, не позволяютъ ему отклоняться отъ принятаго непоколебимаго рѣшенія. Однако, въ то же время Государь подтвердилъ слова своего манифеста, что онъ отказывается отъ всякихъ завоеваній и будетъ довольствоваться однимъ вознагражденіемъ за военныя издержки [1]).

Николай I
(съ грав. Т. Райтъ, 1832 г.).

Несмотря на подобныя заявленія и на безкорыстную, честную политику Николая Павловича, направленную исключительно къ охраненію существовавшихъ уже до него интересовъ Россіи, ему суждено было, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и впослѣдствіи внушать иностраннымъ дворамъ опасеніе относительно его честолюбивыхъ видовъ.

Характеръ политическихъ взглядовъ Государя невольно отражался и на характерѣ военныхъ дѣйствій. Опасаясь возбудить подозрѣніе въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ, онъ часто поддавался внушеніямъ не наносить врагу сильныхъ ударовъ и соразмѣрять военныя операціи съ вызвавшими ихъ правонарушеніями. Съ этимъ пришлось считаться и въ кампанію 1828 года, и въ роковую для Императора Николая войну 1853—1856 годовъ.

Успѣшныя дѣйствія графа Дибича въ Забалканскомъ походѣ 1829 года привели къ вопросу о дальнѣйшей судьбѣ Турціи. Этотъ важный и принципіальный вопросъ не былъ рѣшенъ молодымъ Государемъ лично, а былъ переданъ на обсужденіе первыхъ сановниковъ Государства. Единогласное рѣшеніе ихъ сохранить во что бы то ни стало существованіе слабой, разстроенной Турціи было принято Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ основу всей его дальнѣйшей политики на ближнемъ Востокѣ [2]), а закончившій войну Адріанопольскій миръ удивилъ Европу скромными требованіями, предложенными Россіею.

---

[1]) Müffling: „Aus meinem Leben". Berlin, 1855.
[2]) Подробнѣе объ этомъ будетъ изложено въ соотвѣтствующихъ главахъ.

Среди политическихъ дѣлъ, занимавшихъ въ началѣ новаго царствованія Европейскіе дворы, на первомъ мѣстѣ стояло разрѣшеніе греческаго вопроса, въ которомъ Императоръ Николай принялъ на себя иниціативу. Дѣло это было не чуждо намъ ни по нравственнымъ побужденіямъ, ни въ отношеніи нашихъ политическихъ интересовъ. Чувства русскаго народа возмущались при видѣ единовѣрной ему націи, способной къ самостоятельной жизни и страдающей подъ гнетомъ мусульманскаго фанатизма. Съ другой стороны, нельзя было допустить образованія въ сферѣ существенныхъ политическихъ интересовъ Россіи новаго государства, враждебнаго намъ по своему направленію. Этими двумя отправными точками Государь руководствовался въ своемъ образѣ дѣйствій въ греческомъ вопросѣ.

Національная политика Императора Николая на Востокѣ и состоявшееся соглашеніе съ Англіей и Франціей шли совершенно въ разрѣзъ съ желаніями всемогущаго князя Меттерниха, который въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра привыкъ руководить русской политикой, сообразуясь со своими собственными интересами. Однако, всемогущему канцлеру Габсбургской монархіи пришлось въ этомъ дѣлѣ встрѣтиться съ непреклонной волей и ясно выраженными взглядами русскаго Государя. Столь обычныя впослѣдствіи въ практикѣ австрійскаго кабинета запугиванія революціей не воздѣйствовали на Императора Николая въ желаемомъ направленіи; онъ остался вѣренъ своей политикѣ въ восточныхъ дѣлахъ, не нарушая обязанностей члена Священнаго союза въ отношеніи долга оказать помощь союзникамъ всегда, когда они потребуютъ этого отъ Россіи [1]).

Такая самостоятельность не могла нравиться князю Меттерниху и вызвала съ его стороны ту открытую враждебность къ политикѣ Императора Николая, которая отличала всѣ дѣйствія Австріи вплоть до Мюнхегрецкаго свиданія 1833 года [2]). Казалось, можно было радоваться, что Россіи надолго удалось отряхнуться отъ Меттерниховскаго кошмара и нѣсколько высвободить себя изъ сѣтей Священнаго союза, но Іюльская революція и Польское возстаніе вновь помогли торжеству австрійской программы.

Императору Николаю Павловичу пришлось бороться не только съ княземъ Меттернихомъ въ своемъ желаніи нѣсколько стряхъ-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. I, стр. 416.
[2]) Записки барона Бруннова. См. Приложеніе № 8.

нуть съ себя узы Священнаго союза и придать національный характеръ русской политикѣ; противъ этого возставалъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ, съ авторитетнымъ положеніемъ котораго Государю было считаться гораздо труднѣе. Цесаревичъ не жалѣлъ густыхъ красокъ, чтобы удержать Императора Николая въ руслѣ политическаго направленія, установившагося съ 1815 года. И собственный опытъ и взываніе къ памяти почившаго Императора—все было пущено въ ходъ съ этой цѣлью. Константинъ Павловичъ сознавался, что Императоръ Александръ былъ „жестоко обманутъ и проведенъ образомъ дѣйствій нашихъ „друзей, но, что въ то же время онъ былъ доволенъ подобнаго „рода направленіемъ дѣла, чтобы только избѣгнуть необходимости „имѣть столкновеніе съ турками", которое повлечетъ за собою страшное пробужденіе и сотрясеніе во всей Европѣ. Свое длинное нравоученіе цесаревичъ заканчивалъ напоминаніемъ о томъ принципѣ, котораго держался Александръ I и который требовалъ обращать все вниманіе въ сторону Европы [1]). Но особенно возмущало цесаревича поведеніе Императора Николая въ греческомъ вопросѣ, который онъ считалъ вопросомъ чисто якобинскимъ [2]) и изъ-за котораго вся политика была отложена въ сторону, также какъ и частные интересы европейскихъ государствъ [3]). „Греческое дѣло", писалъ цесаревичъ, „опиралось и опирается на „революціонныя головы всего свѣта; протянуть имъ руку, это „значитъ поставить себя наравнѣ и въ компанію съ ними.... Обще„ственное мнѣніе, какъ его называютъ въ наши дни, это чума, и „если правительства ему подчиняются и согласно съ нимъ дѣй„ствуютъ, то нѣтъ больше ничему границъ, такъ какъ оно также „перемѣнчиво, какъ вѣтеръ; правительства должны имъ руково„дить, но не слѣдовать за нимъ съ цѣлью имѣть на своей сто„ронѣ современное большинство. Нельзя допускать (admettre) у „другихъ то, чего не потерпѣли бы у себя" [4])....

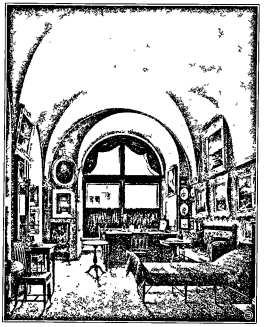
---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. I, стр. 416—418.

[2]) „Cette cause grecque est la cause du Jacobinisme pur et simple". Письмо къ Императору Николаю 7 (19) декабря 1827 года.

[3]) „Toute politique mise à part, ainsi que les intérêts particuliers des puissances européennes". Тамъ же.

[4]) „La cause grecque a été et est appuyée par toutes les têtes révolutionnaires du monde „entier, y prêter les mains, c'est se mettre de pair et compagnie avec eux... L'opinion publique, „comme on l'appelle de nos jours, est une peste, et si les gouvernements s'y soumettent et agis„sent d'après, il n'y a plus de bornes puisqu'elle est aussi versatile que le vent,—c'est au gou„vernement à la diriger et non de la suivre pour avoir la majorité du moment... Il ne faut pas „admettre chez autrui ce qu'on ne souffrirait chez soi"... Изъ письма къ Императору Николаю отъ 7 (19) декабря 1827 года.



Кабинетъ Николая I въ Зимнемъ Дворцѣ.

Но почва не была еще достаточно подготовлена къ воспріятію внушеній, усердно напѣваемыхъ изъ Вѣны и Варшавы, и Императоръ Николай Павловичъ неуклонно шелъ по намѣченному себѣ пути самостоятельнаго рѣшенія русско-турецкихъ вопросовъ, освобожденія Греціи, сердечнаго отношенія къ Франціи [1]), солидарности съ Англіей, при низведеніи обязательствъ Священнаго союза до оказанія лишь помощи союзникамъ, когда таковая потребуется. Роковыя событія, разразившіяся во Франціи и въ Россіи въ 1830 и 1831 годахъ, болѣе повліяли на перемѣну образа мыслей Императора Николая.

VI.

Іюльскіе дни въ Парижѣ впервые послужили для открытаго проявленія Государемъ той политики принципа, которая наложила отпечатокъ на всѣ послѣдующія дѣйствія его въ международныхъ сношеніяхъ. Поддержаніе монархической власти и законности Государь считалъ не частнымъ дѣломъ каждаго вѣнценосца въ отдѣльности, а общимъ дѣломъ всѣхъ монарховъ Европы, и въ рѣшительномъ подавленіи декабрьскаго бунта Императоръ Николай видѣлъ услугу, оказываемую имъ не только Россіи, но и всѣмъ европейскимъ правительствамъ [2]). „Одно изъ несчастій нашего „времени“, говорила, подъ впечатлѣніемъ Іюльской революціи, престарѣлая герцогиня Дюра, „что ни одинъ король не умѣетъ

---

[1]) Изъ „Записки Гизо“ въ выдержкахъ Русск. Арх., 1880 г., кн. I.

[2]) Изъ разговора Государя съ чрезвычайнымъ посломъ Карла X виконтомъ Сенъ-При 8 (20) января 1826 года. Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. I, стр. 400.

„умереть". „Другое заблужденіе", прибавляла къ этому С. П. Свѣчина [1]), „это не смотрѣть на королей, какъ на солидарныхъ „между собою, не относить къ себѣ взаимно опасности и оскор„бленія, предметомъ которыхъ они служатъ.... Хорошо, что „находится Государь, показывающій съ высоты престола душу, „опечаленную и разгнѣванную видомъ большихъ безпорядковъ" [2]).

И, дѣйствительно, событіями въ Парижѣ Императоръ Николай былъ оскорбленъ въ глубинѣ своихъ рыцарскихъ чувствъ. Съ береговъ Невы раздалось откровенное осужденіе свершившагося во Франціи, и хотя первая вспышка вскорѣ уступила мѣсто спокойной разсудительности, но тѣмъ не менѣе отношенія къ правительству Людовика-Филиппа продолжали оставаться въ ненормальномъ положеніи.

Тогдашній французскій посолъ при Петербургскомъ дворѣ, баронъ Бургоэнъ, приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ [3]) разговоръ съ Государемъ по поводу Іюльскихъ событій, замѣчательно рельефно обрисовывающій взгляды Императора Николая.

Строгій поборникъ законности, Государь не одобрялъ нарушенія конституціи Карломъ X и открыто порицалъ его образъ дѣйствій. „Если бы", сказалъ онъ Бургоэну, „во время кро„вавыхъ смутъ въ Парижѣ народъ разграбилъ домъ русскаго „посольства и обнародовалъ бы мои депеши, то всѣ были бы „поражены, узнавъ, что я высказывался противъ государствен„наго переворота; удивились бы, что русскій самодержецъ по„ручаетъ своему представителю внушить конституціонному ко„ролю соблюденіе установленной конституціи, утвержденной при„сягою".

Первыя неопредѣленныя извѣстія о Парижскихъ происшествіяхъ не возмутили, но обезпокоили Императора Николая; онъ предвидѣлъ ихъ въ поведеніи короля французскаго. Въ своемъ спокойномъ на этотъ разъ разговорѣ съ посломъ Государь обсуждалъ послѣдствія возмущенія и выражалъ твердую надежду на спасеніе монархическаго начала и на возведеніе на престолъ Франціи законныхъ наслѣдниковъ короля. Но обстановка совершенно измѣнилась, когда до Петербурга дошли вѣсти о захватѣ власти Людовикомъ-Филиппомъ.

---

[1]) Въ письмѣ къ графинѣ Нессельроде изъ Парижа отъ 13 ноября 1830 года.

[2]) С. П. Свѣчина. Русск. Стар., 1900 г., ноябрь.

[3]) „Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques" par le baron Paul de Bourgoin. Paris, 1864.

Императоръ Николай съ жаромъ высказалъ французскому представителю все отвращеніе къ установившемуся незаконному порядку вещей, котораго онъ рѣшилъ никогда не признавать, какъ не истекающаго изъ легитимной королевской власти. „Прин-„ципъ легитимизма“, добавилъ Государь, „вотъ что будетъ руко-„водить мною во всѣхъ случаяхъ.... Никогда не уклонюсь я отъ „моихъ принциповъ: съ принципами нельзя вступать въ сдѣлку, „я же не вступлю въ сдѣлку съ моей честью“.

Но, кромѣ своихъ личныхъ чувствъ, Государю, какъ правителю обширной Монархіи, приходилось считаться съ другими факторами. „Въ своихъ чувствахъ“, пишетъ по этому поводу Бургоэнъ, „симпатіяхъ и принципахъ онъ былъ увѣренъ, но „серіозная дѣйствительность минуты ставила его въ мучительную „нерѣшимость, въ большое недоумѣніе. Въ продолженіе нѣскол-„кихъ дней его осаждали самыми противоположными совѣтами: „воинственныя подстрекательства преобладали, но онъ не прене-„брегалъ соображеніями, которыя могли быть ему представлены „и въ другомъ смыслѣ“.

Спокойное обсужденіе Императоромъ Николаемъ совмѣстно съ французскимъ посломъ событій привело къ отмѣнѣ тѣхъ враждебныхъ мѣръ противъ Франціи, которыя Государь хотѣлъ принять въ порывѣ перваго раздраженія. Естественное влеченіе къ этой странѣ не покидало Николая Павловича и въ тяжелые дни Іюльскаго переворота. „Не теряйте изъ виду большую раз-„ницу между Англіей и мною“, замѣтилъ онъ Бургоэну на вы-сказанное этимъ послѣднимъ опасеніе возможнаго сближенія Франціи съ Англіей, въ случаѣ враждебности къ ней со стороны Россіи. „Несмотря на все то, что меня волнуетъ и что мнѣ „не нравится у васъ, я никогда не переставалъ интересоваться „судьбами Франціи. Всѣ эти дни меня безпокоила мысль, что „Англія, завидуя завоеванію Алжира, воспользуется вашими „смутами, чтобы отнять у васъ это прекрасное владѣніе. Что же „касается Австріи, то она трепещетъ за Италію; изъ-за этого „страха она сожалѣетъ о вашей новой революціи и потому „только безпокоится. Она никогда не будетъ сожалѣть о вашихъ „горестяхъ; мы же, напротивъ того, всегда счастливы, когда „Франція возрастаетъ въ силѣ и благоденствіи“.

Государь въ послѣдующихъ своихъ отношеніяхъ рѣзко отдѣлялъ Францію отъ ея революціоннаго правительства, которое онъ, вѣрный унаслѣдованному имъ Священному союзу, рѣшилъ

признать только по соглашенію со своими союзниками [1]). Но австрійскій и прусскій дворы, смотрѣвшіе на Священный союзъ далеко не съ той идеальной точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ на него Императоръ Николай, поспѣшили признать новый порядокъ правленія во Франціи безъ предварительнаго соглашенія

Императоръ Николай I
(съ литогр. В. Адама).

съ нами. Государю оставалось только послѣдовать ихъ примѣру. Рыцарская прямота Николая Павловича помѣшала ему скрыть свои взгляды и чувства по отношенію къ Іюльской монархіи искусными оборотами дипломатической рѣчи. Въ своемъ отвѣтѣ на собственноручное письмо короля Людовика-Филиппа Государь съ видимой неодобрительностью призналъ свершившійся фактъ

[1]) Интересные въ этомъ отношеніи взгляды Императора Николая высказаны имъ въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 17 (29) августа 1830 года, выдержка изъ котораго помѣщается въ Приложеніи № 9.

и не удостоилъ новаго короля французовъ соблюденіемъ обычныхъ формъ, установившихся въ перепискѣ между царственными особами. Николай Павловичъ не назвалъ себя въ отвѣтномъ письмѣ „добрымъ братомъ“ короля французовъ, власть котораго не исходила изъ принципа легитимности [1]).

Этими событіями опредѣлились отношенія Россіи къ правительству Людовика-Филиппа. Государь, вѣрный своему слову не отступать отъ принципа законности, но желая по возможности меньше вредить политическимъ сношеніямъ, любилъ при всякомъ случаѣ выставлять на видъ различіе, которое онъ дѣлаетъ между Франціей и ея королемъ; лаская французскую націю, онъ въ то же время относился враждебно къ новой династіи. „Это былъ „образъ дѣйствій“, говоритъ Гизо [2]), „обнаружившій довольно „странную непослѣдовательность въ представителѣ неограничен„ной монархіи, гдѣ обыкновенно стараются не нарушать тѣсной „связи, существующей между народомъ и его государемъ, по„читаемыхъ представителемъ и какъ бы воплощеніемъ ему под„властныхъ милліоновъ“.

Баронъ Брунновъ, съ своей стороны, даетъ слѣдующую характеристику Іюльской монархіи во Франціи и нашихъ отношеній къ ней [3]):

„Наши отношенія съ Тюильрійскимъ кабинетомъ“, пишетъ наиболѣе вліятельный дипломатъ царствованія Николая Павловича, „въ настоящее время сводятся къ полной ничтожности. Импера„торъ не разсчитываетъ на прочность порядка, установившагося „во Франціи, но, вѣрный своимъ принципамъ, онъ не вмѣши„вается во внутреннія дѣла этой страны и положительно ничего „не дѣлаетъ, чтобы вызвать въ ней перемѣну правленія... Его „Величество продолжаетъ жить въ мирѣ съ Франціей, пока она „будетъ вѣрна договорамъ, на которыхъ покоится европейское „общественное право. Только исключительно на этихъ условіяхъ „нашъ монархъ согласился установить съ нынѣшнимъ правитель„ствомъ отношенія, которыя существуютъ между двумя странами „послѣ событій 1830 года... Они по необходимости страдаютъ „отъ паденія престижа королевской власти при настоящемъ пра„вительствѣ (de la déconsidération dans laquelle la Royauté est

---

[1]) Приложеніе № 10.

[2]) „Гизо объ Императорѣ Николаѣ и его отношеніяхъ къ королю Людовику-Филиппу“. Русск. Арх., 1880 г., кн. 1.

[3]) См. Приложеніе № 8.

„tombée en France sous le régime actuel). Государь принимаетъ это „очень близко къ сердцу (en est péniblement affecté), такъ какъ „онъ чувствуетъ, насколько распущенность общественнаго строя „на Западѣ вліяетъ въ остальной Европѣ на все большее и „большее ослабленіе значенія законной власти".

„Французское правительство", продолжаетъ дальше свое повѣствованіе баронъ Брунновъ, „послѣ 1830 года никогда не дер„жалось прямого пути во всѣхъ важныхъ политическихъ вопро„сахъ; его дѣйствія были всегда въ противорѣчіи со словами, и „его сегодняшнія увѣренія опровергались его завтрашними по„ступками... Политика Франціи есть любопытное соединеніе про„тиворѣчій разнаго рода. Традиціи самыхъ удаленныхъ эпохъ и „самыя разнообразныя системы соединяются между собою. Высо„комѣрность (les prétentions) вѣка Людовика XIV на ряду съ сим„патіями къ Іюльской революціи, воспоминанія, честолюбіе и над„менность имперіи наравнѣ со скромностью реставраціи, желаніе „первенствовать внѣ и чувство слабости и угнетенія внутри „страны — вотъ въ нѣсколькихъ словахъ положеніе случайнаго „правительства посреди неуправляемой страны, положеніе пре„стола, воздвигнутаго на развалинахъ революціи. Такова Франція „нашихъ дней. Таковы причины, по которымъ Императоръ Все„россійскій въ письмахъ къ королю французовъ не называетъ его „Monsieur mon frère".

VII.

Не успѣлъ успокоиться Императоръ Николай отъ возмущавшихъ его душу событій Іюльской революціи, какъ его поразилъ новый, болѣе жестокій ударъ. Это было извѣстіе о бунтѣ въ Варшавѣ, сопровождавшемся измѣной польскихъ войскъ и удаленіемъ цесаревича изъ города. На благородную душу Государя поведеніе поляковъ должно было произвести особо удручающее впечатлѣніе, такъ какъ выказывало ихъ полную неблагодарность Императору Александру, возстановившему самостоятельное существованіе Польши и способствовавшему ея блестящему матеріальному благосостоянію, а также сопровождалось измѣной войскъ данной ими присягѣ; то и другое въ рыцарскихъ правилахъ Императора Николая причислялось къ самымъ тяжкимъ проступкамъ.

Поступки поляковъ тѣмъ болѣе возмущали Государя, что онъ лично ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя въ отношеніи строго законнаго своего поведенія въ качествѣ конституціоннаго короля, а также потому, что они произошли послѣ того, какъ онъ далъ столько доказательствъ своего расположенія къ полякамъ [1]). Онъ ни въ чемъ не стѣснилъ правъ Польши, дарованныхъ ей Императоромъ Александромъ, и свято исполнялъ всѣ обязанности, возлагаемыя на него конституціей. „Мы существуемъ „для упорядоченія общественной свободы и для подавленія зло„употребленія ею", писалъ онъ цесаревичу передъ открытіемъ Польскаго сейма въ Маѣ 1830 года въ отвѣтъ на предложеніе не открывать сейма [2]). И все это дѣлалось Государемъ исключительно въ видахъ той же законности, которая всегда и во всемъ стояла у него на первомъ мѣстѣ. Лично же онъ чувствовалъ неловкость положенія русскаго монарха въ королевствѣ Польскомъ, чувствовалъ все зло либеральной и преждевременной организаціи этого края, которую охранять присягнулъ самъ [3]).

Но зато изъ устъ новаго конституціоннаго короля полякамъ не удалось уже услышать проблематическихъ обѣщаній о возстановленіи Польши въ древнихъ ея размѣрахъ. Государь полагалъ это дѣломъ неосуществимымъ, пагубнымъ для Россіи, и считалъ, вопреки мнѣнію цесаревича, непристойнымъ убаюкивать поляковъ несбыточными надеждами. „Я не могу и не долженъ „дѣлать ничего непослѣдовательнаго", писалъ онъ цесаревичу Константину Павловичу по этому поводу [4]); „въ виду этого я со„вершилъ бы одну изъ непростительнѣйшихъ непослѣдователь„ностей, если бы нисколько не заботился, чтобы мои поступки

---

[1]) Доказательствомъ этому могутъ служить: коронованіе въ Варшавѣ, открытіе сейма, справедливость Императора въ дѣлѣ приговора сената въ борьбѣ его съ цесаревичемъ, покровительство фабричной промышленности даже въ ущербъ Россіи, его уваженіе къ польской національности, выразившееся въ дарованіи денежныхъ средствъ для реставраціи древняго замка королей польскихъ, и проч.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. II.

[3]) Изъ записокъ ген.-адъют. гр. А. К. Бенкендорфа.

По этому же поводу одинъ изъ польскихъ историковъ пишетъ: „Наши историки, смот„рящіе на вещи лишь сквозь призму 1831 года, говорятъ о презрѣніи и непоборимомъ „отвращеніи Императора Николая къ конституціонному устройству Польши. Въ этой оцѣнкѣ „можетъ заключаться доля правды, такъ какъ характеръ Государя съ трудомъ поддавался „малѣйшему раздѣлу власти; тѣмъ не менѣе, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ своего цар„ствованія, Императоръ Николай не только пальцемъ не затронулъ учрежденій Польши, но „не переставалъ выполнять свои обязанности конституціоннаго короля лучше, чѣмъ его пред„шественникъ"... Lisicki: Le Marquis Wielopolski. Vienne. 1880.

[4]) Изъ письма Императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу 24 октября (5 ноября) 1827 года.

„отвѣчали моимъ мыслямъ въ вопросѣ, составляющемъ одну изъ „важнѣйшихъ сторонъ моихъ обязанностей. Пока я существую, „я никоимъ образомъ не могу допустить, чтобы идеи о присо- „единеніи Литвы къ Польшѣ могли быть поощряемы, такъ какъ, „по моему убѣжденію, это вещь неосуществимая, и которая „могла бы повлечь за собою для Имперіи самыя плачевныя по- „слѣдствія. При всемъ томъ это не мѣшаетъ мнѣ быть столь же „хорошимъ полякомъ, какъ и хорошимъ русскимъ; я доказалъ „и при каждомъ случаѣ буду доказывать это строгимъ и вѣр- „нымъ соблюденіемъ и охраненіемъ привилегій, которыя нашъ „покойный ангелъ даровалъ королевству“...

Извѣстіе о бунтѣ въ Варшавѣ было для Николая Павловича совершенно неожиданнымъ. Онъ склоненъ былъ приписать это событіе увлекшемуся революціоннымъ движеніемъ на западѣ Европы меньшинству и разсчитывалъ еще вернуть поляковъ къ исполненію своего долга мирными средствами. Но событія быстро шли своимъ порядкомъ, и всѣ попытки Государя къ примиренію, въ видѣ возванія и манифеста къ войскамъ и народу Царства Польскаго [1]), въ которыхъ выражалась готовность примириться со всѣми, кто возвратится къ долгу, оказались тщетны.

„Если“, писалъ послѣ этого Императоръ Николай своему старшему брату [2]), „одинъ изъ двухъ народовъ и двухъ престо- „ловъ долженъ погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновеніе?.. „Мое положеніе тяжкое, моя отвѣтственность ужасна, но моя со- „вѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня въ отношеніи поляковъ“...

Послѣднія попытки примиренія Императоромъ Николаемъ были сдѣланы черезъ посредство полковника польской службы Тадеуша Вылежинскаго, присланнаго въ Петербургъ въ концѣ декабря 1830 года съ депешами къ князю Любецкому и графу Езерскому. Вылежинскій, сдѣланный Императоромъ Николаемъ за свой правильный образъ мыслей и дѣйствій флигель-адъютантомъ, удостоился лично представиться Государю, при чемъ онъ занесъ въ свои записки разговоръ, веденный съ Николаемъ Павловичемъ. Этотъ разговоръ является лучшей характеристикой образа мыслей и взглядовъ молодого Государя [3]).

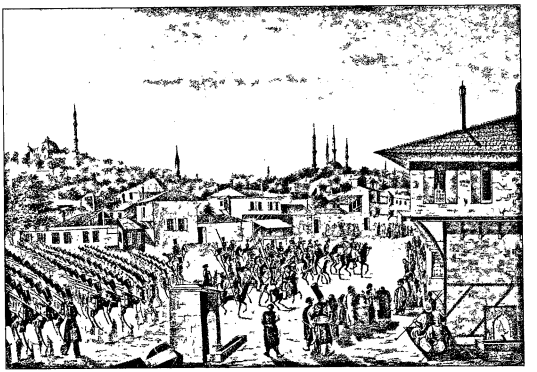
---

[1]) Отъ 5 (17) и 12 (24) декабря 1830 года.

[2]) Письмо Императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 8 (20) декабря 1830 года.

[3]) К. А. Военскій: „Николай I и Польша“. Истор. Вѣстн., 1903 г., №№ 4 и 5.

Императоръ Николай, по описанію Вылежинскаго, человѣкъ высокаго роста, строгой наружности, съ прекрасными правильными чертами лица и выразительной, полной величія, но суровой физіономіей. Въ теченіе разговора онъ нѣсколько разъ приходилъ въ сильное волненіе, но всегда во всѣхъ его пріемахъ проявлялось



Входъ русскихъ войскъ въ Адріанополь.

величіе, а въ голосѣ его звучали ноты мягкости и чистосердечія, которыя заставляли Вылежинскаго, несмотря на строгую наружность Государя, чувствовать къ нему невольное влеченіе. Вообще же Императоръ Николай производилъ на своего собесѣдника впечатлѣніе человѣка болѣе огорченнаго, чѣмъ негодующаго.

„Вы видите, что я спокоенъ“, началъ Государь свой разговоръ съ Вылежинскимъ, „а потому вы можете понять, что все, „что я буду говорить вамъ, не будетъ слѣдствіемъ какого-либо „увлеченія или гнѣва. Скажите сами, неужели я могъ ожидать „когда-нибудь революціи въ Польшѣ? Все было тамъ такъ пре„красно, и я, съ своей стороны, ни въ чемъ не могу упрекнуть „себя, какъ король польскій. Я вѣрно сохранилъ конституцію въ

„томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ее при вступленіи на тронъ, и „въ какомъ мнѣ оставилъ ее мой братъ Императоръ Александръ; „я въ ней не сдѣлалъ никакого измѣненія. Я отправился въ „Варшаву для коронаціи; я сдѣлалъ для Польши все то хорошее, „что только могъ, и я есть король польскій, король законный, и „останусь имъ всегда. Существовали, можетъ-быть, въ управленіи „Польшей нѣкоторые недостатки, но это была не моя вина; „надо было войти въ мое положеніе, надо было имѣть въ меня „вѣру. Я желалъ добра Польшѣ и сумѣлъ бы дать его ей въ „полной мѣрѣ [1])... Я не желалъ бы прибѣгать къ мѣрамъ стро- „гости и надѣюсь, что благоразумная часть націи возьметъ верхъ, „что народъ польскій сознаетъ свою ошибку, и что все войдетъ „въ порядокъ. Но я требую полнаго подчиненія, безъ всякихъ „условій, ибо я не имѣю намѣренія поступаться чѣмъ-либо. „Вспомните, что я Царь польскій, вашъ законный Монархъ и та- „ковымъ останусь всегда".

Императоръ Николай, несмотря на ясные намеки Вылежинскаго, что возстаніе охватило всю страну, какъ бы нарочно старался отогнать отъ себя мысль о невозможности примиренія; онъ все еще продолжалъ выражать увѣренность, что на поляковъ дѣйствуетъ иностранное вліяніе, которое Государь считалъ главнымъ поводомъ революціи. Николай Павловичъ очень прозрачно намекалъ на ту прекрасную роль, которую еще могъ сыграть Хлопицкій, провозглашенный главою временнаго правительства, „возстановивъ спокойствіе страны и направивъ ее по „пути долга и чести". Но сдержанные отвѣты Вылежинскаго не оставляли въ Государѣ никакой иллюзіи. Участь Польши была рѣшена слѣдующими заключительными словами Государя: „Остается „лишь одно средство, къ которому я долженъ буду прибѣгнуть, „какъ русскій Императоръ и какъ Царь польскій. Первый пу- „шечный выстрѣлъ съ вашей стороны, и я уже больше ни за что „не отвѣчаю; скажите это въ Варшавѣ"...

Поляки рѣшили предать жребію войны судьбу своего отечества. *„Кто изъ двухъ долженъ погибнуть"*, писалъ по этому поводу Императоръ Николай цесаревичу Константину Павловичу [2]).

---

[1]) Мы беремъ эти выдержки съ французскаго подлинника записки Вылежинскаго.

[2]) *„Qui des deux doit périr*, car il paraît que périr il faut, est-ce *la Russie* ou *la Pologne*? „Décidez vous-même. J'ai épuisé tous les moyens possibles pour prévenir un pareil malheur"... Изъ письма Императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3 (15) января 1831 года.

„*Россія или Польша,* такъ какъ, кажется, что кому-нибудь по„гибнуть надо? Рѣшите сами. Я исчерпалъ всѣ возможныя сред„ства, чтобы отклонить подобное несчастіе".

Продолжительное и ожесточенное сопротивленіе Польши съ оружіемъ въ рукахъ производило на Императора Николая тяжелое впечатлѣніе. „Все, что дѣлается, и все, что еще происходитъ въ „Польшѣ", писалъ Государь [1]), „очевидно доказываетъ, что прошла „пора великодушія; неблагодарность поляковъ сдѣлала его не„возможнымъ, и на будущее время во всѣхъ сдѣлкахъ, касаю„щихся Польши, все должно быть подчинено истиннымъ интере„самъ Россіи. Установивъ это положеніе, нельзя не согласиться, „что русскій интересъ не совмѣстимъ съ существованіемъ Поль„скаго королевства въ томъ видѣ, какъ оно было создано въ „1815 году и при условіи сохраненія имъ своей конституціи". Въ результатѣ Государь пришелъ къ тому заключенію, что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, неблагодарность которыхъ обнаружилась столь очевиднымъ образомъ. Мысль Императора Николая заключалась въ томъ, чтобы отказаться отъ владѣнія провинціями, находящимися на лѣвомъ берегу Вислы, но и не допустить образованія изъ нихъ новаго враждебнаго Россіи сильнаго государства. Эти свои предположенія Императоръ Николай не привелъ въ исполненіе, но замѣчательно, что во время возстанія 1863 года такія же мысли вновь проповѣдывались многими русскими людьми [2]).

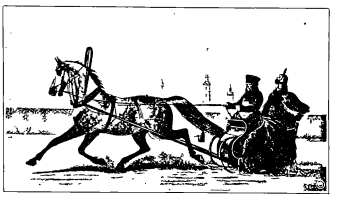
Двухдневный штурмъ Варшавы закончилъ жестокую братоубійственную войну. Будущее положеніе Польши опредѣлилось слѣдующими словами, сказанными Императоромъ Николаемъ барону Бургоэну: „Обоихъ насъ, моего брата Александра и меня, „подвергаютъ отвѣтственности за то, чего мы оба не дѣлали. Не „намъ принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Польши: это событіе уже „стоило Европѣ многихъ хлопотъ, пролило много крови и можетъ „пролить еще; но не насъ слѣдуетъ упрекать въ томъ. Мы должны „были принять дѣла такими, какими ихъ передали намъ. Я имѣю „обязанности, какъ Императоръ Россійскій. Я долженъ остерегаться „повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя породили нынѣшнюю крово„пролитную войну. Между поляками и мною можетъ существовать

---

[1]) Въ собственноручной запискѣ по польскому вопросу. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Докладъ 1830 г. Записка эта приведена въ Приложеніи XVIII ко II тому труда Н. К. Шильдера: „Императоръ Николай Первый".

[2]) Полное собраніе сочиненій А. С. Гейнса. СПб., 1898 г.

„лишь полнѣйшая недовѣрчивость... Развѣ я въ правѣ вернуться къ „раздѣлу, такъ давно исполненному тремя различными державами? „Всѣ сторонники поляковъ разглагольствуютъ объ этомъ на до„сугѣ. Они забываютъ, что я Россійскій Императоръ, что я дол„женъ принимать во вниманіе не только выгоды, но и страсти „моихъ русскихъ под„данныхъ и сочув„ствовать ихъ стра„стямъ въ томъ, что „онѣ имѣютъ въ себѣ „справедливаго“ [1]).



Николай I.

И, дѣйствительно, послѣ подавленія мятежа Императоръ Николай повелъ Польшу по намѣченному имъ пути благосостоянія, но не въ ущербъ интересамъ Имперіи, съ той твердостью и опредѣленностью, которыя отличали этого Государя во всѣхъ его дѣйствіяхъ и которыя сдѣлали немыслимымъ поднятіе польскаго вопроса даже въ тяжелую для Россіи годину Крымской войны. Поляки увидали передъ собой уже не конституціоннаго монарха, вѣрнаго данной имъ присягѣ, а грознаго судью ихъ дѣлъ, простившаго личныя оскорбленія, но желавшаго устроить счастье Польши, какъ составной части Россіи, вопреки самимъ полякамъ, всегда его разрушавшимъ [2]). „Увѣряю васъ“, сказалъ Государь польскимъ депутатамъ [3]), „что я стану благодѣтельствовать вамъ противъ вашей „воли. Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете испол„нять свои обязанности, мое отеческое попеченіе простется на „всѣхъ васъ, и, несмотря на все прошедшее, правленіе мое не „перестанетъ пещись о вашей пользѣ“.

Закончилась польская революція, но не окончилось то зло, которое она принесла Россіи. Кромѣ тяжелаго вліянія на характеръ Государя, она вызвала къ жизни польскую эмиграцію, которая разнесла по Европѣ ненависть противъ Россіи и подгото-

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. II.
[2]) Рѣчь Императора Николая къ польскимъ депутатамъ 4 октября 1835 года.
[3]) Тамъ же.

вила враждебное настроеніе общественнаго мнѣнія Запада противъ русскаго правительства, съ тѣхъ поръ выражавшееся при каждомъ удобномъ случаѣ и словомъ и дѣломъ [1]).

Возстаніе въ Польшѣ послужило отчасти и къ опредѣленію нашихъ международныхъ отношеній.

Императоръ Николай еще разъ имѣлъ случай показать западнымъ державамъ, что онъ не потерпитъ какого-либо иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи [2]). Французское правительство, съ своей стороны, избѣгало оскорблять насъ открытымъ сочувствіемъ возстанію, но радушно принимало эмиссаровъ мятежнаго правительства, убаюкивало ихъ разными надеждами и, совѣтуя продлить сопротивленіе развитіемъ партизанскихъ дѣйствій, одновременно вступило въ роль неудачнаго посредника въ Петербургѣ. Поведеніе англійскаго кабинета было къ намъ недоброжелательно, не доходя, однако, до предѣловъ открытаго сочувствія возставшимъ. Но занятіе нами Варшавы и уничтоженіе польской конституціи поколебало популярность англійскаго министерства, которое нашлось необходимымъ выразить въ лицѣ лорда Пальмерстона протестъ противъ нарушенія, по его мнѣнію, постановленій Вѣнскаго трактата. Отвѣтъ нашего правительства по этому поводу прекратилъ споръ, однако, „если англійскій „министръ и хранитъ молчаніе“, писалъ баронъ Брунновъ [3]), „то мы никоимъ образомъ не должны льстить себя мыслью, что „мы его побѣдили или убѣдили въ противномъ. Напротивъ того, „онъ съ грустью созерцаетъ настоящее подчиненіе Польши и оплакиваетъ укрѣпленіе въ ней нашей власти; въ свободѣ поляковъ „онъ разсчитываетъ видѣть противодѣйствіе нашему могуществу „и постоянное средство безпокоить наше правительство и мѣшать „ему такимъ образомъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ внѣ „Россіи“. Поведеніе же австрійскаго кабинета лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ Императора Николая: „Затѣи австрійцевъ „подлы, и двуличность гнусна, но не время съ ними ссориться… „Поведеніе нашихъ сосѣдей тѣмъ неблагоразумнѣе, что не даетъ „имъ права въ тяжелое для нихъ время просить нашей помощи, „и я, вѣрно, не пролью капли драгоцѣнной русской крови за ихъ „дѣло, ежели они произвольно нарушать станутъ трактаты, а для

---

[1]) Изъ записокъ польскаго епископа Буткевича. Русск. Арх., 1876 г., кн. 8.

[2]) „Бесѣда Императора Николая съ Бургоэномъ о Польшѣ“. Древняя и Новая Россія, 1879 г., октябрь, т. XV, стр. 1.

[3]) Лекціи, читанныя Наслѣднику Цесаревичу въ 1838 году. См. Приложеніе № 8.

„насъ однихъ считать ихъ будутъ святыми“ [1]). Остается, быть-можетъ, пожалѣть, что этотъ урокъ двуличности Австріи былъ нами такъ скоро позабытъ.

VIII.

Іюльская революція и Польское возстаніе не закончили собою всѣхъ треволненій первыхъ годовъ царствованія Императора Николая. Къ нимъ присоединились холера въ обѣихъ столицахъ, сопровождавшаяся возмущеніемъ въ Петербургѣ, и кровавый бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ.

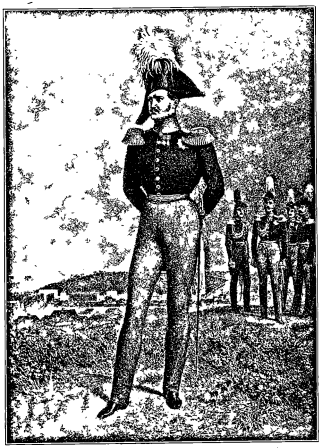
Въ эти тяжелые дни Государь выказалъ въ полномъ величіи тѣ черты своего характера, которыя привлекли къ нему народныя сердца въ день 14 декабря и которыя инстинктивно дѣлали его властелиномъ народныхъ массъ. И въ Москвѣ и въ Петербургѣ, среди зараженнаго города и бунтующей черни, и въ Новгородскихъ поселеніяхъ, среди обагренныхъ кровью своихъ офицеровъ поселянъ, Государь являлся первымъ, чтобы раздѣлить несчастіе своего народа, утѣшить его въ горестяхъ, вразумить заблудшихся и остановить бунтующихъ своимъ мужествомъ, равнымъ мужеству героевъ древности. Появленія его на Сѣнной площади среди взволнованной и разнузданной нѣсколькими днями безпорядковъ черни и въ Новгородскихъ поселеніяхъ могли бы считаться легендарными, если бы они не были историческими фактами.

Прекрасная, строго классическая наружность Императора Николая, его рыцарская фигура и прирожденное величіе, конечно, должны были играть не малое значеніе въ импонирующемъ вліяніи на народныя массы, но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ замѣчательнымъ обаяніемъ, съ той необыкновенной чарующей силой, которою богато одарила его природа, и вліянію которой, по словамъ современниковъ [2]), не могъ не подчиниться самый лютый врагъ Николая Павловича.

Если сравнить между собою многія сотни описаній наружности Императора Николая, то невольно поразишься однообразіемъ впечатлѣнія, которое производила его рѣдкая мужественная красота, воплощавшаяся только въ художественныхъ рѣзцахъ знаме-

---

[1]) Изъ письма Императора Николая къ князю Варшавскому отъ 18 (30) октября 1831 года.
[2]) Кюстинъ, баронъ Корфъ, Экштедтъ и др.



Николай I
(съ литогр., по рис. Раффе, 1837 г.).

нитыхъ ваятелей, при изображеніи ими идеальныхъ образцовъ классическаго міра. Эта красота не уменьшалась съ теченіемъ времени, и на 59 году своей жизни Императоръ былъ такъ же прекрасенъ и еще болѣе величественъ, чѣмъ въ молодые годы. „Я „увидѣлъ черты“, пишетъ одинъ изъ иностранцевъ [1]), „какими „изображаютъ намъ ге„роевъ древности: вы„сокій лобъ, проница„тельный, исполненный „достоинства взглядъ, „ростъ и формы Алкида. „Сдѣлавъ нѣсколько ша„говъ впередъ, онъ по„клонился на обѣ сто„роны, однимъ протя„нулъ руку, другихъ при„вѣтствовалъ милости„вою улыбкою, съ нѣкоторыми сталъ бесѣдовать то по-русски, „то по-французски, то по-нѣмецки, то по-англійски, и все „одинаково свободно. Ему все было извѣстно. Мысль и рѣчь „его переходили отъ востока къ западу, отъ юга къ сѣверу. За„мѣчанія его о разныхъ странахъ и объ ихъ взаимныхъ отноше„ніяхъ были такъ тонки и обличали такое глубокое знаніе, что, „забывъ Монарха, я дивился въ немъ только мыслителю. Откуда „находится у него время, чтобы имѣть обо всемъ такія вѣрныя и „положительныя свѣдѣнія и о каждой вещи произносить такое „справедливое и основательное сужденіе? Въ немъ сосредоточи„вается цѣлая администрація колоссальной Имперіи, ни одно „сколько-нибудь важное дѣло не рѣшается безъ него, просьба

[1]) Кюстинъ.

„послѣдняго его подданнаго восходитъ до него. Каждое утро, съ „раннихъ часовъ онъ работаетъ со своими министрами, каждая „ночь застаетъ его опять за рабочимъ столомъ“ [1]). „По такому „оригиналу“, пишетъ другой иностранецъ [2]), „Фидій могъ бы „лѣпить Зевса или Марса. Вся рыцарская наружность Императора „производила импонирующее впечатлѣніе, и я понялъ, какъ этотъ „гигантъ могъ однимъ мановеніемъ руки усмирить мятежную „толпу во время холерной эпидеміи“. Величественная осанка Государя, всѣ его движенія и жесты являлись естественнымъ дополненіемъ къ его царственной наружности, самой природой предназначенной воплощать въ себѣ бытіе обширнѣйшаго государства въ мірѣ. И если Наполеонъ I передъ каждымъ торжественнымъ выходомъ репетировалъ свою роль съ Тальма, то Николай I отъ природы обладалъ тѣмъ величавымъ достоинствомъ въ соединеніи съ простотой, той граціей въ соединеніи съ естественностью, которыя заставляли преклоняться передъ нимъ все окружающее и чувствовать во всемъ его величіи что-то неземное.

Но что особенно поражало въ Николаѣ Павловичѣ современниковъ, — это выраженіе его лица, которое было живымъ отпечаткомъ чувствъ, волновавшихъ Государя, и различныхъ оттѣнковъ его богато одаренной натуры. Безграничная доброта и любовь къ своему народу наравнѣ съ гнѣвомъ, нѣжность любящаго отца наравнѣ съ непоколебимой твердостью карающаго судьи, врожденная довѣрчивость и привитая печальнымъ опытомъ подозрительность, присущая ему простота сердечнаго человѣка и величіе Монарха, словомъ, всѣ обуревавшія душу его хорошія и дурныя чувства съ одинаковой силой отражались на его прекрасномъ лицѣ. Этимъ объясняется то различное и во всякомъ случаѣ сильное впечатлѣніе, которое Императоръ Николай производилъ на всѣхъ, его когда-либо видавшихъ. И „зимніе“ глаза, ледянившіе Герцена [3]), и то полное благородства и сердечности обращеніе, которое заставляло иностранца по чувствамъ и воспитанію Витгенштейна [4]), а также многихъ, ему подобныхъ, съ радостью жертвовать за Государя послѣдней каплей своей крови, были въ одинаковой мѣрѣ присущи Николаю Павловичу.

---

[1]) Эти строки принадлежатъ лицу, настроенному очень враждебно противъ системы правленія Императора Николая.

[2]) Фицтумъ-фонъ-Экштедтъ, стр. 14.

[3]) Полное собраніе сочиненій А. И. Герцена, т. VI.

[4]) Воспоминаніе князя Эмилія Витгенштейна. Русск. Стар., 1901 г., кн. 3.

„Я никогда не встрѣчала лица человѣческаго", писала графиня Блудова [1]), „которое до такой степени мѣнялось бы въ выраженіи, смотря по состоянію душевному, какъ оно мѣнялось у Николая Павловича. Его открытая, благородная натура была неспособна на ложь ни словомъ, ни дѣломъ, ни взглядомъ. Античная правильность въ чертахъ лица, высокій стройный станъ и что-то безсознательно повелительное въ поворотѣ головы придавали ему строгій и нѣсколько грустный видъ, когда онъ молчалъ или задумывался. Но какъ очаровательно просвѣтлялось лицо его, какъ оно озарялось при веселой мысли или нѣжномъ чувствѣ". Протоіерей Базаровъ такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него Императоромъ Николаемъ [2]): „Я остался на мѣстѣ, пораженный этой величавою фигурою необыкновеннаго человѣка и изнемогая подъ величіемъ его, устремленнаго на меня, взгляда. Я склонилъ передъ нимъ голову не по чувству только подданнической покорности, но по какому-то магническому вліянію величественнаго явленія, передъ которымъ,— казалось и чувствовалось — все должно преклоняться" [3]). — C'est un colosse idéal! восклицали иностранцы, при видѣ Императора Николая; — „Богатырь, богатырь!" восторженно твердилъ простой народъ; — „Орелъ!" — гордо говорили солдаты [4]).

Но классическое лицо Императора Николая рѣдко покидало выраженіе какой-то затаенной грусти. Было ли то слѣдствіемъ событій, омрачившихъ раннее дѣтство Государя, или слѣдствіемъ впечатлѣнія перваго дня воцаренія и постоянныхъ угрозъ покушенія на его жизнь изъ-за угла [5]), но онъ производилъ впечатлѣніе человѣка далеко не счастливаго. „На меня и на Альберта",

---

[1]) Записки гр. Блудовой. Русск. Арх., 1872 г., стр. 1227.

[2]) „Изъ воспоминаній протоіерея І. І. Базарова". Русск. Стар., 1901 г., кн. 3.

[3]) „Надобно отдать справедливость, Николай Павловичъ умѣлъ отъ души говорить „горячее слово, которое шло прямо въ душу. Выраженіе его лица въ минуты благоволенія „было чрезвычайно симпатично. Зато въ минуты гнѣва и раздраженія его наружность мгновенно измѣнялась". Воспом. Гр. И. Филипсона. Русск. Арх., 1883 г., кн. 6.

Другой современникъ, Фиддеборнъ, въ письмѣ къ тайн. сов. Тенгобарскому отъ 18 мая 1852 года изъ Вѣны (Госуд. Арх., Разр. XV, д. № 139) такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на вѣнцевъ пріѣздомъ Императора Николая.

„Оно не поддается описанію, все народонаселеніе имъ очаровано. — Вотъ Государь, „слышалось на каждомъ шагу, который долженъ служить образцомъ! — Дѣйствительно, нужно „сознаться, что весь образъ его дѣйствій способенъ наэлектризовать. Ему также не должно „быть неизвѣстнымъ, что онъ служитъ предметомъ всеобщаго удивленія".

[4]) Изъ записокъ стараго преображенца, кн. Н. К. Имеретинскаго. Русск. Стар., 1900 г., кн. 12.

[5]) Кн. Щербатовъ: Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. V.
Изъ записокъ Ѳ. Я. Маркевича. Русск. Арх., т. I, стр. 417.

писала королева Викторія [1]), „онъ производитъ такое впе„чатлѣніе, какъ будто этого „человѣка нельзя признать „счастливымъ, какъ будто на „немъ лежитъ тяжкимъ, бо„лѣзненнымъ бременемъ гро„мадная власть, соединенная „съ его положеніемъ. Онъ „рѣдко улыбается, а когда „появляется улыбка, она не „говоритъ о счастіи“ [2]).

Николай I
(съ лит. П. Петри, по рис. Г. Митрейтерь).

Но если сильно было впечатлѣніе, производимое Императоромъ Николаемъ на отдѣльныхъ лицъ, то оно принимало въ полномъ смыслѣ слова стихійные размѣры при общеніи его съ народомъ. По своему характеру, по своимъ взглядамъ, наконецъ, по всей своей природѣ, это былъ поистинѣ Русскій Царь, олицетворявшій въ себѣ одномъ могущественную націю [3]). Николай Павловичъ не преувеличивалъ своей моральной силы, говоря, что стоитъ ему сказать слово, и всѣ 60 милліоновъ встанутъ за нимъ, какъ одинъ человѣкъ. Энтузіазмъ народный при видѣ Государя доходилъ до неописуемыхъ размѣровъ. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, постоянный спутникъ Государя во всѣхъ его путешествіяхъ первыхъ годовъ царствованія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ

---

[1]) Въ письмѣ къ королю Леопольду Бельгійскому отъ 4 іюня 1844 года.

[2]) „И хотя онъ часто улыбался и апплодировалъ (въ театрѣ), но выраженіе его пре„краснаго лица было серіозное, даже грустное“, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ леди Блумфильдъ. Русск. Арх., 1899 г., кн. 1.

[3]) „Николай Павловичъ“, пишетъ гр. А. Д. Блудова, „одинъ изъ тѣхъ людей, которыми „движется цѣлое поколѣніе, потому что они какимъ-то инстинктомъ предчувствуютъ, такъ „сказать, внушенія и потребности своего времени, сочувствуютъ имъ и тѣмъ самымъ упра„вляютъ стремленіемъ, помогая ему, но вмѣстѣ и съ твердостью удерживая отъ безумной по„спѣшности, которая бы увлекла стремглавъ мимо цѣли въ пропасть“. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1, стр. 89, 90.

неожиданный пріѣздъ Императора Николая въ Москву въ мартѣ 1831 года [1]).

„Еще гулъ колоколовъ не замолкъ, а уже народъ и экипажи „со всѣхъ сторонъ устремились къ дворцу; началась толкотня, „давка; всѣ поздравляли другъ друга съ нечаянною радостью; „всѣ были въ восторгѣ и удивленіи. На дворцовой площади „происходило такое волненіе, что можно было бы принять его „за бунтъ, если бы на всѣхъ лицахъ не изображалось благо„говѣнія и радости, свидѣтельствовавшихъ, напротивъ, о народ„номъ счастіи. Въ 11 часовъ Государь вышелъ изъ дворца пѣш„комъ въ Успенскій соборъ; всѣ головы обнажились, загремѣло „многотысячное ура, и толпа до того сгустилась, что генералъ„губернаторъ князь Голицынъ и я насилу могли слѣдовать за Госу„даремъ, да и самъ онъ, при всѣхъ усиліяхъ народа раздаваться „передъ нимъ, едва могъ подвигаться впередъ. Только на какой„нибудь аршинъ очищалось вокругъ него мѣсто; онъ безпрерывно „останавливался и, чтобы пройти двѣсти шаговъ, раздѣляющихъ „дворецъ отъ собора, употребилъ, конечно, десять минутъ".

Императоръ Николай обладалъ въ высокой степени даромъ сердечнаго краснорѣчія; его мощное, истинно русское слово приводило простой народъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда ему удавалось слышать Государя, въ неописуемый восторгъ [2]). Ему было замѣчательно присуще свойство однимъ словомъ или взглядомъ ободрить или повергнуть въ уныніе присутствующихъ. „Бывало, взглянетъ милостиво", пишетъ Карцевъ [3]), „за счастье „почелъ бы отдать за него жизнь. Въ походѣ люди устали, еле „плетутся; проѣдетъ Государь, скажетъ слово, запляшутъ плясуны, „зальется пѣсня, забренчатъ бубны, и усталость забыта!" [4])...

И нельзя не согласиться съ словами барона Корфа, что Императоръ Николай зналъ и любилъ Россію, какъ зналъ и любилъ ее до него развѣ одинъ только Петръ Великій, а знаніе народа, согрѣтое любовью, всегда дѣйствуетъ съ электрическою силою [5]).

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. II.

[2]) Дневникъ барона М. А. Корфа за 1842 годъ.

[3]) Изъ воспоминаній стараго лейбъ-егеря Карцева, рукопись.

[4]) „Il y a eu aujourd'hui une grande parade à l'occasion de la promotion des officiers. „L'empereur a fait un discours qui a fait fondre en larmes tous les assistants et l'empereur „lui-même". Изъ дневника кн. П. П. Гагарина за 19 іюня 1854 г. Собств. Его Величества библіотека.

[5]) Дневникъ за 1842 годъ.

На иностранцевъ такое обожаніе русскимъ народомъ своего Царя производило особенно сильное и иногда непонятное впечатлѣніе. „Деспотическія желанія Императора Николая“, пишетъ одинъ изъ позднѣйшихъ историковъ Второй Имперіи [1]), „ко„тораго Провидѣніе наградило такимъ величіемъ, парили такъ „высоко, что они переставали быть ненавистными и требовали „безусловнаго повиновенія. Его самые несправедливые капризы, „его самыя ужасныя упрямства были окрашены чѣмъ-то въ родѣ „святой настойчивости. Будучи одновременно главой церкви и „гражданскаго управленія, онъ считалъ себя представителемъ „божественной власти. Уединенный по своему положенію, слу„шающій только тѣ совѣты, которые ему желательно выслушать, „онъ привыкъ въ небесахъ искать свѣта и въ торжественныя „минуты своей жизни не сомнѣвался, что его рѣшенія были „продиктованы ему самимъ небомъ. Отсюда происходила вся „опасность и въ то же время все величіе мистицизма, отсюда „происходили и мечтанія, которыя не удавалось разсѣять, такъ „какъ они основывались неизвѣстно на какихъ священныхъ „галлюцинаціяхъ, отсюда также происходила и широта взглядовъ, „которая разстраивала обыкновенное теченіе политики, и языкъ „на половину библейскій, на половину воинственный, который „непривычнымъ звукомъ раздавался въ дипломатическихъ канце„ляріяхъ и возбуждалъ религіозный энтузіазмъ съ одного конца „Святой Руси до другого“ [2]).

IX.

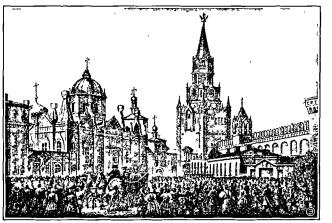
Треволненіями первыхъ шести годовъ царствованія Императора Николая заканчивается періодъ сформированія его, какъ человѣка и какъ Государя. Рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ произвелъ значительный переворотъ въ образѣ мыслей Николая Павловича и далъ особое развитіе нѣкоторымъ присущимъ ему съ дѣтства чертамъ характера.

---

[1]) „Histoire du Second Empire“. De la Gorce. Paris, 1899, T. I, p. 146.

[2]) „Jamais empereur“, пишетъ St-Ange, „n'avait inspiré à ses sujets de race moscovite „un attachement plus fanatique et, il est très vrai que partout où l'on voyait le czar avec sa „haute taille et son port impérial, on l'accueillait moins comme un homme que comme un demi-dieu. „Son orgueil s'était élevé avec sa position et sa puissance; il semblait quelquefois produire des „hallucinations mystiques, comme s'il avait voulu franchir les bornes assignées à la grandeur „humaine“. Арх. Канц. Военн. Мин. по снар. в. 1854 г., д. № 124.

Въ немъ еще болѣе рѣзкой чертой прошла грань между добрымъ, сострадательнымъ сердцемъ и благородными порывами [1]), съ одной стороны, и чувствомъ строгаго исполненія того, что онъ признавалъ своимъ долгомъ, своей святой обязанностью въ служеніи Отечеству, съ другой. Подъ вліяніемъ протекшаго въ жесткой обстановкѣ дѣтства, а отчасти и въ виду свойственной ему по природѣ рѣшительности, Императоръ Николай иногда облекалъ исполненіе своего долга въ суровую форму безпощаднаго пресѣченія зла. Вѣрный духу своего времени, онъ въ проступкахъ серіозныхъ былъ сторонникомъ мѣръ карательныхъ, строго убѣжденный въ томъ, что наказаніе одного виновнаго спасаетъ отъ гибели многихъ невинныхъ. Печальныя событія первыхъ годовъ царствованія, происшедшія въ Россіи и въ западной Европѣ, содѣйствовали окончательному утвержденію въ немъ этихъ воззрѣній. Сила закона и обязанности государя, какъ перваго охранителя его, стояли въ глазахъ Николая Павловича несравненно выше чувствъ человѣка. Одно поведеніе его въ день казни декабристовъ [2]) показываетъ, какъ въ лицѣ Государя жестоко страдалъ человѣкъ, вѣрный принятымъ на себя обязательствамъ [3]). „Je repousse le rôle de



Прибытіе Николая I въ Москву во время холеры 1831 г. (съ англ. грав. на стали).

---

[1]) „Дм. Вас. Дашковъ", пишетъ гр. Блудова, „сопровождавшій Государя въ Турецкой „кампаніи 1828 года, говорилъ, по возвращеніи, отцу моему, что тутъ, узнавъ Государя ближе, „онъ глубоко полюбилъ его, видя на каждомъ шагу его доброе, сострадательное сердце и „благородные порывы, его любовь къ Отечеству и сердечное сокрушеніе, когда было много „убитыхъ и раненыхъ". Воспом. гр. А. Д. Блудовой. Русск. Арх., 1874 г.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. I.

[3]) Кн. Варв. Репнина сообщаетъ слѣдующій разсказъ, слышанный ею отъ кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова.

„Только-что мы вышли съ Государемъ изъ дома, чтобы сѣсть въ поданную коляску, „какъ молодая дѣвушка бросилась къ нему въ ноги, рыдая и прося помилованія матери, „сосланной въ Березовъ, и въ истерикѣ упала подъ самую коляску. Государь поспѣшно „вернулся въ домъ. Поручивъ молодую дѣвушку попеченію стоявшихъ тутъ, я также вошелъ

„bourreau, et je ne veux user que de mon droit de gracier“ [1]) — въ этой фразѣ Императора Николая выражается вся борьба чувства и долга.

Подчинившись выработанной системѣ, Государь неуклонно слѣдовалъ ей и въ этомъ отношеніи правилъ Россіей желѣзной рукой. Отдѣльные факты изъ его царствованія могутъ показаться жестокими и даже пристрастными, но изслѣдованіе ихъ въ совокупности не оставляетъ сомнѣнія въ полной безпристрастности и сердечномъ отношеніи Государя даже къ виновнымъ. Утверждая смертный приговоръ надъ декабристомъ Рылѣевымъ, онъ въ то же время послалъ 3000 рублей его семьѣ и принялъ на себя заботы по воспитанію его дочери [2]). Узнавъ, что у привлеченнаго въ 1849 году капитана Менькова къ слѣдствію имѣется старушка мать, находившаяся въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, Государь секретно послалъ ей 1000 рублей [3]). Признавъ необходимымъ въ 1837 году лишить князя Дадіана въ рѣзкой формѣ флигель-адъютантскихъ вензелей, Императоръ Николай, для смягченія тяжелаго впечатлѣнія, которое это наказаніе должно было произвести на тестя князя Дадіана, барона Розена, здѣсь же передалъ эти вензеля сыну послѣдняго [4]). И смѣло можно сказать, что на одинъ случай, въ которомъ можно подозрѣвать, въ виду отсутствія достаточныхъ свѣдѣній, пристрастность или мстительность со стороны Николая Павловича, найдутся десятки случаевъ, фактически доказывающіе противное [5]).

„въ домъ и прямо въ свой кабинетъ, гдѣ, къ моему удивленію, засталъ Государя, стоявшаго „лицомъ къ окну. Онъ быстро обернулся ко мнѣ; лицо его было орошено слезами. Скажи, „скажи мнѣ, сказалъ онъ съ волненіемъ, можно ли ей простить? Я отвѣчалъ, что можно, но „что, по моему мнѣнію, лучше для этого дожаться дня его ангела“. Русск. Арх., 1870 г., кн. 2.

[1]) Изъ письма Императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 19 (31) декабря 1830 года.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. I.

[3]) Записки П. К. Менькова. Спб., 1897, т. II.

[4]) Императоръ Николай на Кавказѣ въ 1837 году. Русск. Стар., 1884 г., № 8.

[5]) Приведемъ здѣсь одинъ случай, разсказанный А. И. Савельевымъ (Русск. Стар., 1900 г., № 8, стр. 334).

Въ видахъ сбереженія мундировъ, ежедневно носимыхъ воспитанниками Инженернаго училища, построены были сѣрыя куртки съ кожаными локотниками, и приказано было ихъ надѣть, и, когда послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ приказаній младшаго и затѣмъ старшаго начальства воспитанники приказаній не исполнили, увѣдомили объ этомъ генералъ-инспектора по инженерной части, великаго князя Николая Павловича, проживавшаго тогда въ Аничковскомъ дворцѣ. Великій князь скоро пріѣхалъ. Послѣ выраженнаго великимъ княземъ ротѣ неудовольствія, и, когда на его приказаніе надѣть куртки не послѣдовало исполненія, великій князь обратился къ право-фланговому, это былъ Реймерсъ.

— Сейчасъ надѣть куртку! сказалъ великій князь.

— Простите, ваше высочество, мы не промѣняемъ нашего мундира на куртку фурштадта! отвѣтилъ Реймерсъ.

Обстановка жизни и царствованія Императора Николая не могла содѣйствовать уменьшенію врожденной его вспыльчивости, и Государь подверженъ былъ приступамъ гнѣва, которые проявлялись съ тою же силой, какъ и всѣ чувства, обуревавшія его могучую натуру [1]). Опасеніе подобныхъ вспышекъ клало извѣстный отпечатокъ на отношеніе къ Государю приближенныхъ къ нему лицъ: слово правды рѣдко доходило черезъ нихъ до высоты трона. Жесткая оболочка скрывала для большинства трезвый взглядъ Государя на вещи. „Я самъ не разъ ошибался", сказалъ Государь генералъ-адъютанту Бибикову [2]), „вѣрно, ошибаюсь нерѣдко теперь и, вѣрно, буду ошибаться и впредь; за „непреднамѣренныя ошибки я никогда не взыщу". Рыцарскому характеру Императора Николая было не чуждо сознаніе въ своей винѣ и удовлетвореніе обиженнаго даже въ видѣ публичнаго передъ нимъ извиненія [3]).

Обрисовавшіяся еще съ юношескихъ лѣтъ черты характера Николая Павловича не измѣнились и въ послѣдующіе годы, но пріобрѣли лишь болѣе опредѣленныя рельефныя формы. Онѣ были всецѣло перенесены имъ и въ дѣло управленія Государствомъ, что придало всему царствованію этого Государя отпечатокъ чего-то высоко благороднаго и рыцарскаго, но не всегда, къ сожалѣнію, соотвѣтствовавшаго, благодаря сложившейся международной обстановкѣ, истиннымъ интересамъ Россіи. Императоръ Николай во все время своего царствованія былъ окруженъ,

---

— Такъ ты надѣнешь лямку солдата! сказалъ великій князь и оставилъ училище.

Къ счастію, гнѣвъ великаго князя скоро прошелъ. Реймерсъ кончилъ курсъ наукъ и вышелъ въ офицеры, но только прапорщикомъ, котораго долго не производили въ слѣдующіе чины. На его счастіе, когда онъ былъ въ Инженерномъ училищѣ уже преподавателемъ ситуаціи, рисованія и перспективы, пріѣзжаетъ въ Инженерный замокъ Императоръ Николай Павловичъ. Государь, обойдя офицерскіе классы, вошелъ въ верхній кондукторскій классъ, гдѣ читалъ лекцію о перспективѣ и теоріи тѣней прапорщикъ Реймерсъ. Государь полюбовался рисунками кондукторовъ, сѣлъ на первую скамейку подлѣ кондуктора, прослушалъ всю лекцію, всталъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

Реймерсъ, поди ко мнѣ,—и когда Реймерсъ подошелъ, Государь обнялъ его со слезами на глазахъ и нѣсколько разъ повторилъ: прошлое забываю; мы попрежнему остаемся друзьями.

Вечеромъ въ тотъ же день изъ капитула орденовъ прислалъ былъ пакетъ съ орденомъ св. Владиміра 4-й степени на имя инженеръ-подпоручика Реймерса.

[1]) Записки флиг.-адъют. Н. А. Аркаса, рукопись. Дневникъ Н. Н. Муравьева за 1849—1853 гг., рукопись. Воспоминанія Докудовскаго. Рязань, 1898 г.

[2]) Дневникъ барона М. А. Корфа за 1850 годъ.

[3]) Записка гр. А. Д. Блудовой. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1. Депеша Баранта къ Тьеру изъ Москвы отъ 23 августа 1836 г. Русск. Арх., 1896 г., кн. 1. Письмо кап. Челищева, августъ 1835 года. Русск. Стар., 1897 г., кн. 4. Воспомин. стараго лейбъ-егеря Карцева, рукопись.

такъ сказать, сіяніемъ своихъ личныхъ высокихъ качествъ, черезъ призму которыхъ онъ смотрѣлъ на все окружающее; другіе же руководствовались въ своихъ поступкахъ иными основаніями. Борьба происходила совершенно различными оружіями — идеальнаго рыцарства и расчетливой практичности — и окончилась не въ пользу перваго. И замѣчательно то, что тяжелые уроки дѣйствительности мало способствовали измѣненію возвышенныхъ взглядовъ Императора Николая.

Графъ А. Ѳ. Орловъ
(съ лит., по портр. Крюгера).

Открытый и прямой образъ дѣйствій, отвращеніе ко всякимъ тайнымъ и фальшивымъ средствамъ, душевная потребность откровенно высказывать во всякой обстановкѣ свое одобреніе и неудовольствіе, открытое презрѣніе къ проявленіямъ отрицательныхъ чертъ человѣческой жизни и восхищеніе передъ ея положительными сторонами, сердечная доброта и простота Государя въ обращеніи — всѣ эти присущія Императору Николаю качества въ размѣрахъ, соотвѣтствовавшихъ его мощной натурѣ, отличали и его поведеніе, какъ Государя [1]).

И декабрьскій бунтъ, и іюльская революція и польскій мятежъ убѣдили Государя въ томъ, что во главѣ революціоннаго

---

[1]) Для ознакомленія съ этими чертами характера Императора Николая, кромѣ массы записокъ разныхъ современниковъ, особую цѣнность представляютъ записки барона М. А. Корфа, графа А. Х. Бенкендорфа и ежедневная переписка Государя съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ (Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14). Эта послѣдняя даетъ возможность по мелкимъ собственноручнымъ запискамъ Государя составить себѣ понятіе о высокихъ качествахъ Николая Павловича, какъ человѣка.

Программа настоящаго труда не даетъ намъ возможности остановиться на этомъ подробнѣе.

движенія въ бо̀льшей части стояли лица, ознакомившіяся съ ученіями новыхъ философовъ и различныхъ образовавшихся въ первую четверть девятнадцатаго столѣтія обществъ, но безъ надлежащей практической подготовки къ тому, чтобы сумѣть отдѣлить въ этихъ ученіяхъ полезное отъ разныхъ теоретическихъ увлеченій. Императоръ Николай увѣровалъ въ громадный вредъ распространенія среди мало подготовленной массы русской интеллигенціи этихъ ученій, да еще въ окраскѣ современныхъ, въ большей части случаевъ стоящихъ не на высотѣ своего призванія, мыслителей и публицистовъ, и ополчился противъ такого направленія литературы и образованія со всей страстностью своей могучей натуры и съ силой, равной вѣрѣ въ искореняемое этой борьбой зло. Насколько велико было въ этомъ отношеніи убѣжденіе Государя показываютъ слѣдующія строки изъ его письма къ князю Варшавскому [1]): „Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ „проекта конституціи для Россіи, найденный у Новосильцева въ „бумагахъ. Напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 чело„вѣкъ нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ, не поймутъ „или презрятъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ и, главное, „*не забудутъ*. Это пуще всего меня безпокоитъ... Начальникамъ „велѣть обращать самое бдительное вниманіе на сужденіе офи„церовъ и стараться и словами, и собственнымъ примѣромъ „доказывать, коликаго презрѣнія заслуживаютъ тѣ, кои подобнымъ „оружіемъ намъ вредить хотятъ".

Это пріобрѣтенное Императоромъ Николаемъ убѣжденіе положило яркій отпечатокъ на направленіе въ его царствованіе образованія юношества и развитіе мысли русскаго общества.

Изъ тѣхъ же источниковъ получила начало и появилась подозрительность Государя, въ особенности къ лицамъ, „будирующимъ", по его выраженію [2]). Къ такимъ лицамъ Императоръ Николай очень долго присматривался, прежде чѣмъ дарилъ ихъ своимъ довѣріемъ. Всякое ихъ свободное сужденіе очень часто принималось Государемъ, какъ поступокъ, враждебный лично противъ него [3]).

Исключительныя обстоятельства, сопровождавшія вступленіе Николая Павловича на престолъ, при отличавшей его всегда глу-

---

[1]) Отъ 14 сентября 1831 года.
[2]) „Воспом. о В. И. Анненковой". Н. И. Мердеръ. Истор. Вѣстн., 1902 г., № 10.
[3]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. I.

бокой религіозности, придали его характеру мистическій оттѣнокъ. Императоръ Николай видѣлъ въ этихъ обстоятельствахъ ясное доказательство Божественнаго промысла, и власть, данная ему „милостью Божіей“, имѣла для него особое религіозное значеніе. Считая всѣхъ монарховъ за одну семью, Государь сталъ во всемъ своемъ величіи на защиту принципа монархизма и законности во всей Европѣ. Если обстоятельства не всегда давали ему возможность фактически поддерживать этотъ принципъ, то во всякомъ случаѣ его правдивая натура не могла воздержаться отъ выраженія своего нравственнаго презрѣнія къ нарушителямъ законности [1]).

Со вступленіемъ на престолъ Императоръ Николай пересталъ жить своей частной жизнью; онъ весь предался служенію Россіи. Онъ, казалось, сознавалъ, какъ коротокъ періодъ человѣческой жизни для того, чтобы достигнуть видимыхъ результатовъ въ обширномъ дѣлѣ управленія громаднѣйшимъ государствомъ. Его непостижимой дѣятельности удивлялись всѣ современники. Всѣ бумаги и доклады, восходившіе до Государя, непремѣнно разрѣшались въ тотъ же день [2]). Графъ А. Х. Бенкендорфъ такъ описываетъ дѣятельность Государя во время путешествій. „Курьеры, ежедневно пріѣзжавшіе изъ Петербурга или „изъ арміи, были отправляемы обратно въ ту же ночь. Государь „ложился спать не раньше трехъ часовъ утра, чтобы только по„рѣшить и отослать всѣ безъ изъятія поступившія бумаги. Такимъ „образомъ доклады Государственнаго Совѣта, Комитета мини„стровъ, министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финан„совъ и начальниковъ арміи возвращались точно такъ же безъ

---

[1]) Приведемъ слѣдующій мелкій фактъ, характеризующій Императора Николая. Въ 1844 г., послѣ кончины великой княгини Александры Николаевны, король бельгійскій Леопольдъ не осмѣлился адресовать своего соболѣзнованія непосредственно Государю, а просилъ (письмомъ отъ 25 августа 1844 года) графа Орлова, съ которымъ онъ вмѣстѣ дрался въ рядахъ русскихъ войскъ подъ Феръ-Шампенуазомъ, повергнуть свои чувства Его Величеству, при чемъ вспоминалъ съ удовольствіемъ свое участіе въ боевыхъ подвигахъ нашей арміи.

Государь сдѣлалъ слѣдующую помѣтку на этомъ письмѣ:

„Remerciez de ma part pour l'intention et rien de plus; quant au reste cela vous regarde; „le passé ne ressemble pas au présent, et s'il se fût rappelé du passé il ne serait pas ce qu'il „est, un roi coiffé *du bonnet rouge*, mais pas d'une couronne. Amen*.

Орловъ въ своемъ, одобренномъ Государемъ, отвѣтѣ королю Леопольду писалъ между прочимъ:

„Cette armée où vous avez servi avec tant de distinction... est digne de tout l'intérêt que „vous lui témoignez. Un jour viendra peut-être où l'Europe Monarchique ruinée par l'hydre révo„lutionnaire aura besoin de ses services; alors obéissant à la voix de son souverain elle reparaîtra „de nouveau“... Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[2]) Изъ письма графа Орлова къ Д. П. Татищеву 24 декабря 1837 года, Русск. Арх., 1865 г.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ (съ лит. П. Иванова, по карт. Г. Чернышева).

„замедленія, какъ бы Госу-
„дарь проживалъ въ Петер-
„бургѣ, свободно располагая
„своимъ временемъ. Кромѣ
„того, онъ находилъ время
„ежедневно писать подроб-
„ныя письма къ Императрицѣ,
„перечитывать донесенія о
„здоровьѣ и ходѣ уроковъ
„своихъ дѣтей, перелисты-
„вать газеты и часто даже
„пробѣгать вновь появив-
„шіяся въ печати книги на
„русскомъ и французскомъ
„языкахъ“ [1]).

Всѣ личныя чувства и интересы Государя отступали передъ обязанностями „службы“, какъ Императоръ Николай не разъ называлъ свое царствованіе. Надо понять, что онъ, отличный семьянинъ, чувствовалъ, отправляясь въ бунтующія поселенія въ то время, когда Императрица находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности [2]). Даже такіе удары, какъ смерть взрослой и любимой дочери, великой княгини Александры Николаевны, ни на минуту не отвлекли его отъ государственныхъ дѣлъ [3]).

Подготовка наслѣдника престола и воспитаніе прочихъ дѣтей обращали на себя особое вниманіе Николая Павловича. Онъ всѣми силами старался оградить ихъ отъ того, что онъ испыталъ своимъ горькимъ опытомъ. Слова, сказанныя маршалу Мармону— „je veux faire de mon fils un homme avant d'en faire un prince“ [4])— легли въ основу воспитанія будущаго Царя-Освободителя. Цеса-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. II.

[2]) Тамъ же.

[3]) „L'empereur a été admirable comme père, comme souverain et comme chrétien“, писалъ по этому поводу графъ Орловъ княгинѣ Меттерних въ октябрѣ 1844 года. „Son amour „pour ses enfants vous est connu; vous pouvez donc juger de l'horrible douleur que lui a fait „éprouver la perte de sa fille, mais pas un instant les affaires du pays n'ont été négligées“... Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, портф. 14.

[4]) „Mémoires du maréchal Marmont duc de Raguse de 1792 à 1841“. Paris, 1857, t. VIII, p. 49.

ревичъ съ первой молодости присутствовалъ при всѣхъ докладахъ Государю и прочитывалъ представляемыя ему бумаги [1]), засѣдалъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ министровъ, а при отъѣздѣ Государя ему предоставлялось право рѣшать Высочайшимъ именемъ многія дѣла [2]). Одни имена лицъ, привлеченныхъ къ завѣдыванію образованіемъ наслѣдника, Жуковскій и Сперанскій, говорятъ сами за себя и вызываютъ невольное сравненіе съ дѣтствомъ Николая Павловича.

Нѣкоторыя мысли, высказанныя Государемъ по поводу воспитанія его дѣтей, крайне интересны и въ отношеніи личной характеристики Императора Николая. Восхваляя блестящія способности великаго князя Константина Николаевича, онъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что онѣ помрачаются „какою-то смѣшною и „безотчетною непріязнью ко всему западному, каково бы оно ни „было, и излишнимъ ультрапатріотизмомъ". Въ чтеніи курсовъ онъ требовалъ не останавливаться долго на отвлеченныхъ предметахъ, которые потомъ или забываются или не находятъ никакого приложенія въ практикѣ. На высказанное преподавателемъ сомнѣніе о томъ, знакомить ли великаго князя съ конституціонными планами, занимавшими Императора Александра, Государь отвѣчалъ: „Разумѣется, и непремѣнно; его надо вводить во все со всею „искренностью и ничего отъ него не скрывать" [3]).

Такова въ общихъ чертахъ полная благородства и высокихъ выдающихся качествъ личность Императора Николая. Тридцатилѣтнее тяжелое царствованіе, въ которое Государь вкладывалъ съ присущей ему горячностью всю свою жизнь, не могло пройти безслѣдно ни для его здоровья, ни для его характера. Постоянные внѣшніе успѣхи окончательно утвердили его въ вѣрности того направленія, по которому онъ повелъ Россію. Особенности его характера естественно должны были къ концу царствованія нѣсколько обостриться, мистицизмъ нѣсколько увеличиться. Французскій посолъ при Петербургскомъ дворѣ генералъ Кастельбажакъ даетъ слѣдующую характеристику Николая Павловича, относящуюся къ концу его царствованія [4]):

---

[1]) Собственноручныя помѣтки Государя на дипломатическихъ депешахъ того времени о прочтеніи ихъ наслѣдникомъ. Арх. Госуд. и Мин. Иностр. дѣлъ.

[2]) Дневникъ барона М. А. Корфа за 1841—1847 года.

[3]) Тамъ же, за 1847 годъ.

[4]) Въ письмѣ къ Тувенелю отъ 16 сентября 1853 года. „Nicolas 1er et Napoléon III" par L. Touvenel. Paris, pp. 218, 219.

„Императоръ Николай похожъ на Петра Великаго, Павла I „и рыцаря среднихъ вѣковъ, но, по мѣрѣ приближенія старости, „Павелъ I начинаетъ преобладать; необходимо ловить на лету его „благія вдохновенія и предупреждать плохія. Въ общемъ, это че„ловѣкъ и Государь очень оригинальный, котораго очень трудно „узнать — таково несоотвѣтствіе между его достоинствами и недо„статками. Онъ внушаетъ страхъ и уваженіе своей семьѣ и „всѣмъ, кто его окружаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто „онъ является самымъ простымъ и сердечнымъ человѣкомъ, „катаясь по ковру съ своими многочисленными внуками, которые „рвутъ его рѣдкіе волосы и мучатъ его всякимъ образомъ. Это „другъ вѣрный и очень часто выказывающій нѣжность, достойную „сердца молодой романтичной женщины, но въ то же время „жесткій и безпощадный (intraitable) къ малѣйшимъ ошибкамъ „и *никогда* не возстановляющій того, что имъ разрушено“ [1]).

Съ своей стороны, принцъ Евгеній Виртембергскій слѣдующими строками заканчиваетъ свои воспоминанія объ Императорѣ Николаѣ. — „Я сказалъ бы Императору Николаю — испытай свое „сердце, и ты увидишь, что оно благородно, доброжелательно и „склонно ко всему великому; не обманывай самого себя на счетъ „собственныхъ чувствъ. Протяни Европѣ братскую руку и не „дѣлай ни для кого исключенія... Ты самъ настолько великоду„шенъ, человѣколюбивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ твердъ и рѣ„шителенъ, что тебѣ предназначено играть блестящую роль во „главѣ могущественнѣйшаго государства. Тебѣ слѣдуетъ стать во „главѣ всякаго добраго начинанія и презирать крикуновъ, но если „ты не тиранъ, то не старайся же казаться имъ!“ [2]).

„L'empereur Nicolas tient de Pierre le Grand, de Paul I-er et d'un chevalier du moyen âge; „mais, en vieillissant, c'est le Paul I-er qui domine, et il faut saisir au vol ses bonnes inspirations „et prévenir les mauvaises. C'est, en somme, un homme et un souverain très excentrique et très „difficile à connaître, tant il y a de disparates entre ses qualités et ses défauts. Il inspire la „crainte et le respect à sa famille et à tout ce qui l'entoure, et, avec cela, il est souvent le plus „simple et le meilleur des hommes, se roulant sur son tapis avec ses nombreux petits-enfants „qui lui tirent ses rares cheveux et le tourmentent de toute façon. Il est ami sûr, et souvent d'une „délicatesse de cœur digne d'une jeune femme romanesque, et puis dur et intraitable pour les „moindres fautes, et ne revenant *jamais* quand il a brisé un de ses instruments“.

[1]) De la Gorce въ своей „Histoire du Second Empire“ даетъ слѣдующую характеристику Императора Николая: „Въ своемъ жестокомъ ремеслѣ Государя Николай встрѣчалъ менѣе „радостей, чѣмъ заботъ. Онъ блисталъ великолѣпнымъ собраніемъ качествъ Монарха, но не „обладалъ вѣрной прозорливостью государственнаго человѣка“.

[2]) „Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Würtemberg“, T. 4, 158.

Глава III.

I.

Принимая по вступленіи на престолъ министровъ и членовъ Государственнаго Совѣта, Императоръ Александръ II повторилъ имъ тѣ слова, которыя онъ часто слышалъ отъ покойнаго Государя Николая Павловича: „Ежели мнѣ не удалось достигнуть „успѣха, то это не отъ недостатка желанія и воли, а отъ недо„статка средствъ. Во всю мою жизнь я имѣлъ только одно же„ланіе—это покончить со всѣмъ жестокимъ и тягостнымъ, что я „долженъ былъ сдѣлать для счастья моей страны, чтобы тебѣ „оставить царствованіе легкое“ [1]).

Въ этихъ немногихъ словахъ выражается вся программа царствованія Императора Николая, программа тяжелаго и неблагодарнаго труда, который онъ принялъ на себя въ эпоху, подготовившую великія реформы его наслѣдника. Такимъ образомъ политика желѣзной для многихъ руки Николая Павловича не была слѣдствіемъ прихоти или желанія затормозить внутренній ростъ Россіи, а слѣдствіемъ строго обдуманной системы, основанной въ глазахъ Государя на суровой необходимости залѣчить тѣ зіяющія раны во внутреннемъ благоустройствѣ страны, которыя, при вступленіи на престолъ, открылись ему во всей наготѣ, и положить прочный фундаментъ для дальнѣйшаго поступательнаго движенія.

---

[1]) Si je n'ai pas réussi, ce sont les moyens, ce n'est ni le désir ni la volonté qui m'ont „manqué. Tant que j'ai vécu, je n'ai eu qu'un désir, c'était d'achever tout ce que je voyais de „dur et de pénible dans ce que j'avais à faire pour le bonheur de mon pays, afin de ne te „laisser qu'un règne facile“. Изъ рукописнаго дневника князя П. П. Гагарина за 25 февраля 1855 года. Собственная Его Величества библіотека.

Первыя мѣропріятія царствованія Императора Николая по внутреннему управленію показываютъ, что эта охранительная система явилась не сразу. Учрежденіе секретнаго комитета 6 декабря 1826 года доказывало желаніе Государя итти по пути реформъ, при чемъ эти реформы должны были явиться результатомъ всесторонняго ихъ обсужденія цѣлой группой лицъ опытныхъ и практически знакомыхъ съ потребностями государственной жизни.

Императоръ Николай вложилъ въ это дѣло всю присущую ему энергію; каждую недѣлю ему докладывалось о ходѣ занятій комитета. Но судьба не благопріятствовала реформаторской дѣятельности молодого Государя. Болѣе близкое знакомство съ положеніемъ дѣлъ внутри Имперіи, умственное броженіе и, наконецъ, открытые мятежи, въ связи съ общественнымъ движеніемъ, охватившимъ западъ Европы, привели его къ убѣжденію, что время для реформъ не настало. Государь одобрялъ большинство дѣлаемыхъ ему хорошихъ предложеній, но никогда не рѣшался ихъ осуществить, находя, что они болѣе разсчитаны на будущее и не пригодны для настоящаго.

Со времени происшедшаго, такимъ образомъ, перелома, который можно отнести примѣрно къ 1831 году, Императоръ Николай какъ бы поставилъ себѣ задачею временно не вводить новыя основанія въ управленіе Имперіей, а лишь восполнять пробѣлы въ существовавшемъ порядкѣ вещей, чинить обнаружившіяся ветхости государственнаго строя при помощи практическаго законодательства и улучшенія администраціи, содѣйствовать матеріальному благосостоянію страны развитіемъ торговли, промышленности, путей сообщенія и распространеніемъ среди населенія практическихъ познаній. Всю эту работу рѣшено было производить исключительно мѣрами правительственными, безъ всякаго участія общества, которое признавалось для этого неподготовленнымъ и которое, напротивъ, требовало въ глазахъ Государя особыхъ заботъ правительства въ отношеніи надлежащаго направленія его мыслей.

Такая консервативная программа внутренняго управленія въ общемъ была сохранена во все время царствованія Императора Николая.

Въ изложенныхъ причинахъ можно искать основанія всей внутренней политики этого Монарха. Гигантская работа правительства по упорядоченію законодательства, по приведенію въ должный порядокъ всѣхъ отраслей государственной жизни, по развитію

учебныхъ заведеній исключительно реальнаго, практическаго направленія составляютъ примѣчательную особенность царствованія Императора Николая Павловича. Но поспѣшность, съ которой онъ хотѣлъ заврачевать всѣ внутреннія раны страны, имѣла слѣдствіемъ нѣкоторую неопредѣленность цѣлей [1]), неудовлетворительность въ выборѣ средствъ, а въ общемъ направленіи правительственной воли противорѣчіе въ ея указаніяхъ, излишекъ въ требованіяхъ и, какъ неизбѣжную принадлежность всякаго переходнаго времени, страдательное состояніе общественнаго организма.

Графъ Клейнмихель
(съ геліогр., по рис. Соколовской).

Тайный совѣтникъ Позенъ въ своей запискѣ объ устройствѣ управленія государствомъ, поданной Императору Александру II 7 апрѣля 1856 года [2]), отмѣчаетъ слѣдующіе результаты благихъ по мысли мѣръ Императора Николая, на много, однако, умаленныхъ, благодаря недостатку тѣхъ средствъ, о которыхъ неоднократно говорилъ Государь. Упомянувъ о безуспѣшной дѣятельности комитета 6 декабря 1826 года, авторъ записки слѣдующими словами характеризуетъ внутреннюю дѣятельность нашего правительства.

„Обстоятельства безпрерывно возбуждали новые вопросы, „и правительство начало издавать законъ за закономъ, постано„вленіе за постановленіемъ. Всѣ они возникали случайно, часто „обрабатывались наскоро, безъ связи въ цѣломъ, безъ гармоніи „въ частяхъ; иногда и безъ практическаго взгляда на возмож„ность исполненія.... Составъ высшаго управленія чрезвычайно

---

[1]) Дневникъ П. Г. Дивова. Русск. Старина, 1900 г., кн. 4 и 7.
В. Я. Шульгинъ: Юго-Западный край. Древняя и Новая Россія, 1879 г., т. II.
[2]) Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, карт. 14.

„увеличился, департаменты и канцеляріи расширились и наполни-
„лись огромнымъ числомъ людей. Каждому хотѣлось дѣйствовать,
„имѣть вліяніе. Отсюда излишняя централизація, вредное много-
„дѣліе и всемертвящіе формализмъ и механизмъ. Каждое министер-
„ство и управленіе дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, мало заботясь
„о послѣдствіяхъ, какія принимаемыя имъ мѣры могутъ имѣть на
„части другого министерства [1]). Для нѣкоторыхъ частей Государ-
„ства учреждены особые комитеты, которымъ предоставлено окон-
„чательное рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ, до тѣхъ частей отно-
„сящихся. Это еще болѣе разрозняло дѣйствія высшаго управленія
„и передало участь многихъ дѣлъ первостепенной государственной
„важности на произволъ безотвѣтственныхъ канцелярій [2]). Кон-
„троля надъ дѣйствіями министровъ и главныхъ управленій нѣтъ.
„Правда, они представляютъ отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, но кто
„повѣряетъ эти отчеты, кто соображаетъ ихъ съ общими началами
„государственнаго устройства нашего; кто сличаетъ новые отчеты
„съ прежними? Напрасно думаютъ, что отчеты эти содержатъ
„въ себѣ показанія ложныя. Напротивъ, то, что въ нихъ показы-
„вается — показывается справедливо; но, къ несчастію, въ нихъ
„показываются только хорошія стороны управленія, а умалчивается
„о дурныхъ. Въ такомъ положеніи дѣло обнародыванія отчетовъ,
„конечно, болѣе приноситъ вреда, чѣмъ пользы, потому что между
„читающими ихъ находится много людей, зорко слѣдящихъ за
„всѣми правительственными мѣрами, и они-то, дѣлая повѣрки и
„сличенія, которыя необходимо бы дѣлать въ высшей точкѣ
„управленія, выводятъ заключенія весьма невыгодныя для прави-
„тельства, особенно когда заключенія эти вполнѣ оправдываются
„фактами, и каждый болѣе или менѣе въ собственномъ своемъ

---

[1]) Весьма характернымъ образчикомъ въ этомъ отношеніи служитъ споръ въ Государственномъ Совѣтѣ между графомъ Перовскимъ и графомъ Клейнмихелемъ, изложенный бароном Корфомъ въ своемъ дневникѣ. Разсказъ этотъ является очень правдивой иллюстраціей той стѣсняющей благія намѣренія Императора Николая обстановки, въ которой ему приходилось дѣйствовать, благодаря излишнему довѣрію къ кружку ближайшихъ сотрудниковъ. Мы помѣщаемъ его въ Приложеніи № 11.

[2]) Въ обширномъ дневникѣ барона М. А. Корфа, обнимающемъ все царствованіе Императора Николая и составляющемъ скорѣе жизнеописаніе этого Государя, можно найти подробныя свѣдѣнія о не всегда удачной роли этихъ комитетовъ и въ особенности Кавказскаго (дневникъ за 1845 годъ). Такимъ образомъ, благая по существу мысль Государя о коллективномъ обсужденіи вопросовъ очень часто выливалась въ неудачную форму, благодаря все тому же недостатку средствъ, который въ данномъ случаѣ выражался въ неудачномъ подборѣ людей.

Фактическая сторона дневника барона Корфа, какъ ближайшаго свидѣтеля и участника описывземыхъ событій, заслуживаетъ полнаго вниманія, тѣмъ болѣе что весь этотъ дневникъ былъ прочитанъ и исправленъ Императоромъ Александромъ II.

„положеніи видитъ справедливость дѣлаемаго упрека“ [1]). Въ новомъ законодательствѣ Позенъ находилъ несоотвѣтствіе съ нашими нравами, указывая между прочимъ, что формы гражданскаго судопроизводства оставались почти безъ измѣненія, и народъ въ тяжебныхъ дѣлахъ своихъ терпѣлъ прежнюю медленность и проволочку.

Таково было мнѣніе и многихъ другихъ современниковъ царствованія Императора Николая и нельзя за нимъ не признать значительной доли справедливости. Обширныя мѣропріятія Государя, предпринимавшіяся имъ по всѣмъ отраслямъ управленія государствомъ и въ особенности касавшіяся области законодательства, администраціи, нуждъ населенія, промышленности, торговли, образованія, арміи и флота, одно перечисленіе которыхъ заняло бы многія страницы, на много умалялись въ своемъ практическомъ примѣненіи, благодаря тѣмъ неудовлетворительнымъ органамъ, черезъ которые воля Государя приводилась въ исполненіе, и черезъ посредство которыхъ онъ знакомился съ дѣйствительнымъ состояніемъ страны. Этотъ оттѣнокъ дѣятельности Императора Николая являлся отчасти слѣдствіемъ особенности его характера, нѣкоторой подозрительности къ общественной дѣятельности и несчастливаго выбора приближенныхъ, черезъ заколдованный кругъ которыхъ лишь случайно проникали его взоры. Ему рѣдко удавалось слышать голосъ правды, который старался дойти до него. Онъ зналъ, что, несмотря на его реформы, корыстолюбивая администрація управляла страной, и что каждый день его именемъ производились несправедливости. Въ рѣдкихъ случаяхъ обнаруженія виновнаго Государь прибѣгалъ къ строжайшимъ наказаніямъ, желая самой строгостью пріостановить зло, но такъ какъ истина доходила до него неполной и запоздалой, то его строгость не всегда относилась къ настоящимъ виновнымъ и, не приводя къ цѣли, вызывала лишь упреки въ жестокости.

Дѣятельность Государя Николая Павловича была направлена преимущественно на улучшеніе матеріальнаго благосостоянія страны, главной основы ея духовнаго и умственнаго процвѣтанія. И въ этомъ отношеніи великимъ дѣламъ Государя отдаютъ должное даже лица, враждебно къ нему расположенныя. По словамъ

---

[1]) Позенъ представилъ Государю рядъ записокъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Приводимый отрывокъ входитъ въ записку: „О системѣ улучшеній по основнымъ предметамъ государственнаго управленія“.

Кокорева [1]), Николай Павловичъ, какъ хозяинъ русской земли, являлся послѣ Петра Великаго замѣчательнѣйшимъ дѣятелемъ. Въ его царствованіе началась, исключительно благодаря его личной настойчивости, постройка желѣзныхъ дорогъ [2]); Волга покрылась пароходами [3]), на многія тысячи верстъ были проведены шоссейныя дороги, и все это безъ помощи иностранцевъ, однѣми русскими силами. „Въ его царствова„ніе“, пишетъ Кокоревъ [4]), „московскіе „купцы въ Кремлев„скомъ дворцѣ не„однократно получали „изустные выговоры „за плохо пригото„вленныя фабричныя „издѣлія для Ки„тая; художественная „жизнь въ живописи „и архитектурѣ процвѣтала и оживлялась; въ его царствованіе „окончено размежеваніе земель; возникла и развилась золото„промышленность; казенные крестьяне получили самоуправленіе, „и, наконецъ, Россія получила сводъ законовъ“ [5]).

Николай I съ семействомъ въ Монплезирѣ въ Петергофѣ (съ лит. Бегрова).

Но вся плодотворная въ этомъ отношеніи дѣятельность Государя на много умалялась дурной и злонамѣренной администраціей. И официальныя донесенія того времени, и записки современниковъ единогласно свидѣтельствуютъ, что произволъ въ высшихъ инстанціяхъ [6]) и исключительная забота о личныхъ мелкихъ интересахъ въ низшихъ были общимъ явленіемъ во всѣхъ

---

[1]) Русск. Арх., 1887 г., кн. 7.

[2]) Кислинскій. Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ.

[3]) Въ этомъ отношеніи даетъ любопытныя данныя Н. А. Аркасъ въ своемъ дневникѣ. Рукопись.

[4]) Русск. Арх., 1887 г., кн. 7.

[5]) См. также: записки гр. А. Д. Блудовой. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1, и Біографію Императора Николая въ газетѣ Aftonbladet отъ 5 марта 1855 г. Арх. Мин. Ин. дѣлъ U. W. V., 1855.

[6]) Записки бывшаго инженера. Русск. Стар., 1900 г., кн. 1.

вѣдомствахъ [1]). Сравнивая между собою всѣ архивные документы и цѣлый рядъ записокъ современниковъ [2]), наврядъ ли можно признать сильно преувеличенными слѣдующія сужденія князя Петра Долгорукова въ его запискѣ: „О внутреннемъ состояніи Россіи“, поданной имъ Императору Александру II въ ноябрѣ 1857 года [3]): „Неудовольствіе общее возникло по причинѣ весьма „ясной и естественной: *между Царемъ и народомъ стоитъ дурная „и злонамѣренная администрація* [4]); легіонъ воровъ, извѣстный „подъ названіемъ бюрократіи, который заслоняетъ народъ отъ „Царя, а Царя отъ народа, обманываетъ и обкрадываетъ обоихъ. „Грустно сжимается сердце русскаго при взглядѣ на внутреннее „состояніе Россіи, на администрацію нашу. Что видимъ мы въ „ней? Преступное равнодушіе ко благу общему, презрѣнія до„стойное поползновеніе къ выгодамъ личнымъ; почти все въ ней „основано на обманѣ и плутняхъ, почти вездѣ мошенничество, „грабежъ; почти все продается, почти все покупается“.... [5]).

Государю было не безызвѣстно такое печальное состояніе администраціи. „Сначала я никакъ не могъ вразумить себя“, гово„рилъ онъ барону Корфу въ 1837 году [6]), „чтобы можно было „хвалить кого-нибудь за честность, и меня всегда взрывало, когда „ставили это кому въ заслугу; но послѣ пришлось поневолѣ „свыкнуться съ этой мыслью. Горько подумать, что у насъ бы„ваетъ еще противное, когда и я, и всѣ мы употребляемъ столько „усилій, чтобы искоренить это зло“. Но искоренить зло безъ содѣйствія самого общества и надлежащаго развитія его было не по силамъ даже такому человѣку, какимъ былъ Императоръ

---

[1]) „Въ Бессарабской области“, доносилъ начальникъ 5-го жандармскаго округа шефу жандармовъ 5 іюня 1853 года, „никто не можетъ быть ни исправникомъ, ни становымъ „приставомъ, ни городничимъ, ни даже мелкимъ служащимъ, не подвергнувъ себя еже„годному взносу условленной платы; вслѣдствіе сего опредѣленнымъ на мѣста предо„ставлено неограниченное право дѣлать и съ своей стороны налоги, грабежи, насилія и „всякаго рода противозаконія.... Это обширное поле для грабежей и воровства, дѣятельно „разрабатываемое губернаторомъ въ теченіе 19 лѣтъ!“... Арх. Канц. Военн. Мин., 1853 г., секр. д. № 75.

[2]) Рукописные дневники барона М. А. Корфа, кн. А. С. Меншикова, Н. Н. Муравьева, записки Лебедева (Русск. Арх., 1888 и 1889 гг.), дневникъ Муханова (Русск. Арх., 1897 г.) и многіе другіе.

[3]) Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, карт. 14. Рукоп. Императора Александра II, № 108.

[4]) Курсивомъ — фразы, подчеркнутыя Императоромъ Александромъ II.

[5]) „А что дѣлалось въ Казанской губерніи? Она походила на озеро, въ глубинѣ „котораго крупныя рыбы пожрали мелкихъ; на поверхности же его было тихо, и оно „блистало, гладкое, какъ зеркало“. Казанская Старина. С. Н. Кулябко. Русск. Стар., 1899 г., кн. 10.

[6]) Русск. Стар., 1899 г., кн. 6.

Николай. И въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, на немъ особенно отразилось вліяніе мятежныхъ событій, омрачившихъ первые годы царствованія этого Государя.

Являясь представителемъ началъ чистаго монархизма, Императоръ Николай Павловичъ по самому существу своего характера былъ далекъ отъ возможности допустить вмѣшательство голоса общественнаго мнѣнія въ правительственныя дѣла. Охраняя, по выраженію барона Корфа, всю „дѣвственность монархической власти“ [1]), Государь очень ревниво относился къ открыто высказываемымъ мнѣніямъ и предположеніямъ, которыя, согласно его убѣжденіямъ, должны исходить исключительно отъ верховнаго правительства. Такія сужденія онъ охотно выслушивалъ только съ глазу на глазъ и то при извѣстныхъ условіяхъ [2]). Самостоятельныя дѣйствія даже такихъ лицъ, которыя пользовались полнымъ довѣріемъ Государя, не всегда благосклонно принимались, какъ идущія въ разрѣзъ съ тѣмъ же принципомъ чистаго монархизма [3]). Правда, что неудовольствіе Государя обыкновенно продолжалось недолго, и онъ особенно цѣнилъ откровенный голосъ лицъ, близкихъ ему [4]), но щепетильность Императора Николая въ этомъ отношеніи все-таки оказывала свое связующее вліяніе. Въ этомъ Государѣ съ замѣчательной силой боролись чувства врожденной искренности и рыцарской прямоты съ привитымъ впослѣдствіи чувствомъ подозрительности, которое очень часто заставляло видѣть враждебность и поползновеніе на чистоту принципа монархизма почти въ каждомъ откровенно высказанномъ самостоятельномъ мнѣніи. „Онъ наидовѣрчивѣйшій изъ людей“, сказалъ Пушкинъ про Императора Николая [5]), „потому что самъ человѣкъ прямой; „а это-то и страшно. Онъ вѣритъ въ искренность людей, которые „часто его обманываютъ“. И, дѣйствительно, въ продолжительное царствованіе Императора Николая Павловича замѣчается рѣдкое

---

[1]) Дневникъ за 1851 годъ.

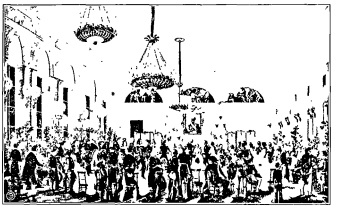
[2]) Дѣло о сословіяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1831 году. То же о передачѣ всѣхъ дорогъ изъ вѣдѣнія Министерства Внутреннихъ дѣлъ въ Главное Управленіе Путей Сообщеній (См. Приложеніе № 11) и многія другія.

[3]) Размолвка Государя съ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта кн. Васильчиковымъ въ 1840 году. Дневникъ бар. М. А. Корфа. Разсказы кн. Варшавскаго. Записки П. К. Меньшикова, т. II.

[4]) „Князь Васильчиковъ“, пишетъ баронъ Корфъ въ своемъ дневникѣ, „преданный Государю и Россіи всѣми чувствами и помыслами, часто говорилъ мнѣ, что идетъ всегда отъ „того начала, что Государь разсердится, покосится и — пройдетъ“. Всѣ размолвки между Государемъ и княземъ Васильчиковымъ, вызываемыя откровенными сужденіями послѣдняго, противными мнѣнію Государя, приводили къ еще большему сближенію этихъ двухъ лицъ.

[5]) А. С. Пушкинъ по запискамъ А. О. Смирновой. Русск. Арх., 1899 г., кн. I.

постоянство въ сохраненіи своего вліянія и положенія тѣми лицами, которымъ однажды удалось пріобрѣсти довѣріе Государя. Имена князя Варшавскаго, князя Меншикова, князя Васильчикова, графа Воронцова, Сперанскаго, Перовскаго, Клейнмихеля и многихъ другихъ красной нитью проходятъ черезъ все царствованіе Императора Николая, и суду безпристрастной исторіи предстоитъ опредѣлить, всѣ ли они достойно оправдали высокое довѣріе своего монарха.



Балъ въ губернскомъ городѣ во времена Николая I (съ акв., собств. Вел. Кн. Николая Михаиловича).

Съ другой стороны, развившаяся со временемъ въ Государѣ подозрительность къ свободному проявленію самостоятельнаго мнѣнія послужила къ пользованію ею для устраненія въ видахъ личныхъ цѣлей и ко вреду самого Государя многихъ выдающихся дѣятелей [1]); при этомъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлались особенно популярными среди русскаго общества, какъ бы въ видѣ невольнаго протеста противъ того заколдованнаго круга, который способствовалъ Императору Николаю Павловичу смотрѣть нѣсколько пристрастно на истинное положеніе дѣлъ.

Нельзя, однако, здѣсь не отмѣтить одной весьма характерной для такого выдающагося самолюбія, какимъ обладалъ Императоръ Николай, черты. Онъ охотно дѣлалъ всякія попытки для привлеченія людей даровитыхъ, но заслужившихъ его неудовольствіе, вновь къ государственной дѣятельности, и бывали случаи полнаго возвращенія довѣрія Государя къ такимъ лицамъ [2]).

На всю дѣятельность Императора Николая Павловича по внутреннему управленію государствомъ наложила свой особый отпечатокъ нелюбовь Государя или вѣрнѣе какое-то органическое

---

[1]) Н. Н. Муравьевъ, А. П. Ермоловъ, графъ А. А. Закревскій и др.

[2]) Цѣннымъ матеріаломъ для ознакомленія съ этой чертой характера Императора Николая можетъ служить дневникъ Н. Н. Муравьева-Карскаго за 1849—1854 гг.

отвращеніе къ революціоннымъ движеніямъ, которыя, какъ нарочно, во все время его царствованія волновали западъ Европы.

Государь не только видѣлъ въ нихъ непримиримаго врага священнаго принципа законности, но онъ всѣмъ своимъ существомъ признавалъ въ нихъ грознаго врага благоденствія народовъ. Тотчасъ же вслѣдъ за декабрьскимъ бунтомъ Государь объявилъ себя борцомъ на жизнь и смерть противъ этого зла современнаго общества [1]) и предался своей идеѣ со всемъ присущимъ его характеру постоянствомъ и твердостью, не измѣнивъ ей до конца своей жизни. Онъ былъ одинаково грозный въ этомъ отношеніи врагъ и у себя, внутри страны, и за границей. Личная переписка Императора Николая и вся его внѣшняя политика служитъ этому лучшимъ доказательствомъ. „Усиливающійся дурной духъ", писалъ онъ князю Варшавскому, „меня крайне заботитъ; нельзя довольно „обращать вниманія на сей предметъ, и нѣсколько строгихъ при„мѣровъ были бы необходимы, ежели бы возможно было кого „изобличить".... „Я начинаю раздѣлять надежду твою миръ на „сей годъ видѣть еще сохраненнымъ", писалъ Государь ему же въ 1834 году, „но, правду сказать, не знаю радоваться ли сему, „ибо зло съ каждымъ днемъ укореняется; наша же сторона „бездѣйствіемъ слабѣетъ, тогда какъ противная всѣми адскими „*своими способами* подкапываетъ наше существованіе"... [2]).

Такимъ направленіемъ мыслей Государя замѣчательно умѣло пользовались иностранные союзники въ личныхъ ихъ цѣляхъ [3]), а строгія мѣры внутри страны встрѣчали самое живое сочувствіе въ ближайшихъ сотрудникахъ Императора Николая Павловича. „Здѣсь все смирно и благополучно", доносилъ Государю князь Варшавскій въ 1845 году; „частыя наказанія имѣютъ свое хо„рошее съ этимъ народомъ.... Въ здѣшнемъ краѣ надобно каждые „шесть мѣсяцевъ вести такъ, чтобы они чувствовали, что есть „власть надъ ними".... [4]).

Вкоренившееся путемъ горькаго опыта въ Императорѣ Николаѣ воззрѣніе должно было болѣе всего отразиться на со-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый", т. I.

[2]) Кн. Щербатовъ: „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ". Приложенія къ тому пятому 1832—1847 гг. См. также переписку Императора Николая съ графомъ Орловымъ. Рукописный отдѣлъ Собственной Его Величества библіотеки.

[3]) Письма къ Императору Николаю императора австрійскаго и короля прусскаго. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Нѣкоторыя изъ нихъ будутъ приведены въ настоящемъ трудѣ.

[4]) Письма князя Варшавскаго къ Государю отъ 17 (29) іюля и 31 октября (12 *ноября*) 1845 года. Арх. П. Я. Дашкова.

стояніи русскаго общества, образованіи юношества и невольно затормозить разрѣшеніе столь близкаго сердцу Государя вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права.

II.

Почти тотчасъ по вступленіи на престолъ Императору Николаю Павловичу пришлось выслушать много совѣтовъ по вопросу о воспитаніи молодого поколѣнія, принадлежащему, по его словамъ, „къ числу тѣхъ важныхъ предметовъ, для преуспѣянія которыхъ „никакія пожертвованія не могутъ почитаться преувеличенными“ [1]). — Сужденіе замѣчательнѣйшее, говоритъ по этому поводу профессоръ Цвѣтаевъ, вполнѣ достойное, чтобы вырѣзать его золотыми буквами и всегда помнить при обсужденіи вопроса о просвѣщеніи въ нашемъ отечествѣ [2]).

Князь И. В. Васильчиковъ [3]), предупреждая Государя о заразѣ всего общества и необходимости спѣшить искорененіемъ зла, предлагалъ учрежденіе во всѣхъ губернскихъ городахъ кадетскихъ корпусовъ, въ которыхъ необходимое образованіе соединялось бы съ дисциплиной, и вообще считалъ полезнымъ воспитаніе въ чисто монархическомъ, а не разрушительномъ направленіи, предсказывая въ противномъ случаѣ опасность для спокойствія Имперіи. Графъ А. Х. Бенкендорфъ, проповѣдуя Пушкину, что нравственность, прилежное служеніе и усердіе нужно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному [4]), въ то же время рядомъ свѣдѣній, собираемыхъ Третьимъ Отдѣленіемъ, убѣждалъ Государя въ необходимости ограничительныхъ относительно образованія постановленій, а существованіе школы, открытой генераломъ Муравьевымъ въ своемъ имѣніи, въ которой „60 крестьянскихъ дѣтей воспитываются „столь хорошо, что въ теченіе четырехъ лѣтъ могутъ быть „управителями имѣній“ [5]), казалось шефу жандармовъ опаснымъ для существованія Государства. И мнѣніе графа Бенкендорфа

---

[1]) Отношеніе министра статсъ-секретаря Царства Польскаго Туркула отъ 5 (17) февраля 1847 года къ министру Народнаго Просвѣщенія графу Уварову.

[2]) Русск. Стар., 1901 г., кн. 1, стр. 20.

[3]) Въ письмѣ отъ 11 января 1826 года.

[4]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. I.

[5]) Военн. Учен. Арх., Отд. 1, д. № 1048.

Князь А. С. Меншиковъ (съ русск. лит.).

было далеко не единичнымъ; можно смѣло сказать, что оно раздѣлялось значительнымъ числомъ, если не большинствомъ лицъ, окружавшихъ Императора Николая Павловича, и притомъ лицъ, сохранившихъ въ потомствѣ за собою славу наиболѣе просвѣщенныхъ. Достаточно упомянуть о томъ искреннемъ ужасѣ, которымъ тридцать лѣтъ спустя было проникнуто каждое слово записокъ князя А. С. Меншикова при описаніи депутаціи крестьянъ, явившейся выразить ему благодарность за труды, понесенные во время Крымской войны, когда онъ узналъ, что среди нихъ также есть грамотные, которые читаютъ газеты [1]). Въ этомъ явленіи одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ вельможъ того времени готовъ былъ видѣть чуть ли не приближеніе свѣтопреставленія [2]).

И только одинъ голосъ поэта Пушкина шелъ въ разрѣзъ съ общими возгласами, раздававшимися вокругъ Императора Николая. Въ своей запискѣ „О народномъ воспитаніи“ онъ проводилъ ту основную мысль, что просвѣщеніе, подымая нравственный уровень общества, можетъ удалить поводы къ обще-

---

[1]) Рукописный дневникъ князя А. С. Меншикова за 1855 годъ.

[2]) Анненковъ уже въ эпоху реформъ, когда въ Государственномъ Совѣтѣ прошелъ вопросъ о всесословномъ образованіи, вернулся изъ засѣданія Совѣта со слѣдующими словами: „Случилось страшное, непоправимое несчастье для Россіи — подписано большинствомъ голосовъ „рѣшеніе о всесословномъ образованіи“. Воспом. о В. И. Анненковой. Н. И. Мердеръ. Истор. Вѣстн., 1902 годъ, кн. 10, стр. 96.

ственнымъ волненіямъ и смутамъ. Чѣмъ менѣе путей открыто для просвѣщенія, чѣмъ менѣе свободы предоставлено литературѣ, тѣмъ труднѣе достигается благая цѣль. Въ заключеніе Пушкинъ указывалъ на то обстоятельство, что „рукописныя пасквили на „правительство“ и другія возмутительныя вещи размножались именно тогда, когда литература была подавлена самою своенравною цензурою [1]).

Но наиболѣе сильное впечатлѣніе въ этомъ отношеніи на взгляды Государя произвела всеподданнѣйшая записка отъ 20 апрѣля 1826 года попечителя Харьковскаго университета Перовскаго [2]). Раскритиковавъ направленіе образованія въ эпоху Императора Александра I, когда наружный блескъ „подалъ по„водъ къ ложному мнѣнію, будто бы въ самомъ дѣлѣ Россія „просвѣщается“, авторъ записки указывалъ на два „упущенныя „изъ вида коренныя и ничѣмъ не опровергаемыя правила: „1) что истинное просвѣщеніе не состоитъ въ количествѣ „умствователей и полуученыхъ писателей и 2) что система „народнаго просвѣщенія необходимо должна быть примѣнена „къ системѣ правительства“. По этому Перовскій рекомендовалъ исключительное распространеніе познаній, основанныхъ на положительныхъ и точныхъ наукахъ. „Мы имѣемъ“, писалъ онъ, „нужду въ медикахъ, химикахъ, технологахъ, но весьма „сомнительно, чтобы появленіе въ отечествѣ нашемъ русскихъ „Кантовъ и Фихте принесло какую-либо оному пользу. Отвле„ченныя науки, какъ, напримѣръ, метафизика и другія, при„надлежатъ, такъ сказать, къ роскоши ума человѣческаго; а „роскошь сія, не ограниченная предѣлами умѣренности и не „приспособленная къ нуждамъ народа, еще юнаго, не можетъ „быть не вредна для онаго“.

Господствовавшіе среди приближенныхъ Императора Николая взгляды на образованіе и воспитаніе юношества находили въ немъ самомъ извѣстный откликъ. „Je vous avoue“, говорилъ Государь князю Меншикову [3]), „que je n'aime pas les envois à l'étran„ger; les jeunes gens en reviennent avec un esprit de critique qui „leur fait trouver, peut-être avec raison, les institutions de leur „pays défectueuses“.

---

1) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. II.
2) Записка эта напечатана въ Русск. Стар. 1901 г., кн. 5, стр. 363—365.
3) Рукописный дневникъ князя А. С. Меншикова за 21 мая 1827 года.

Результатомъ приведенныхъ воззрѣній явился рескриптъ Государя на имя министра народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова отъ 19 августа 1827 года, который, передавая дѣло образованія почти исключительно въ руки правительства, положилъ основаніе его направленію въ продолженіе всего царствованія Императора Николая. Въ этомъ рескриптѣ Государь, почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія страны, выражалъ желаніе, чтобы для него были установлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію государства. Какъ средство для этого, рескриптъ указывалъ на соотвѣтствіе предметовъ ученія и самыхъ способовъ преподаванія съ будущимъ предназначеніемъ обучающихся, „чтобы каждый вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими „понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ „познанія наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ „улучшенію его участи и, не бывъ ниже своего состоянія, также „не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ „по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться". Далѣе въ рескриптѣ упоминалось о дошедшемъ до Государя свѣдѣніи, что многіе изъ крѣпостныхъ людей обучались въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ этомъ усматривался двойной вредъ. „Съ одной стороны, молодые люди, „получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или ро„дителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища „уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ „въ классахъ и черезъ то препятствуютъ попечительнымъ „отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи заведенія; съ „другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, „пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, „не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости „онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они не„рѣдко въ унынiи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низ„кимъ страстямъ".

Для достиженія указанныхъ цѣлей образованія повелѣвалось прекратить доступъ крѣпостнымъ въ гимназіи и въ высшія учебныя заведенія, предоставивъ имъ попрежнему обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, въ которыхъ долженъ былъ быть введеннымъ курсъ ученія, „достаточный для воспитанія „людей низкихъ состояній въ государствѣ, стараясь въ особен„ности обогащать ихъ тѣми свѣдѣніями, кои, по образу

„жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ истинно „полезны“ [1]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1831 году, въ особой запискѣ, препровожденной, по Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, указывался вредъ отъ образо-

Филаретъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій (съ лит. Дарленгъ).

ванія молодыхъ людей за границей, откуда они „возвращаются „въ Россію съ самыми ложными о ней понятіями“, при чемъ Государственному Совѣту предлагалось разобрать вопросъ объ обязательномъ образованіи дѣтей въ Россіи. Записка эта кончалась повелѣніемъ обсудить вопросъ о запрещеніи принимать, черезъ

---

[1]) „Императоръ Николай“, пишетъ Мекензи Уоллесъ, „всегда чувствовалъ глубокую „антипатію къ философіи и ко всякимъ отвлеченнымъ идеямъ и хотѣлъ, чтобы его подданные „ограничивали свое вниманіе ихъ личными дѣлами и матеріальнымъ благосостояніемъ. Онъ „имѣлъ инстинктъ и убѣжденіе, что для обыкновенныхъ смертныхъ матеріальное благо„состояніе гораздо важнѣе, чѣмъ эти пустыя и превыспреннія похвалы, которыхъ горячо „добиваются мечтательные философскіе умы, и это инстинктивное убѣжденіе, повидимому, „нашло ясное и энергическое выраженіе у писателей новой школы“. Изъ сочиненія Мекензи Уоллеса „Россія“. Древняя и Новая Россія, XV, 1 октября 1879 г.

семь лѣтъ послѣ введенія новаго устава учебныхъ заведеній, на гражданскую службу лицъ, не окончившихъ полнаго курса ученія въ университетѣ или гимназіи, или не выдержавшихъ тамъ соотвѣтственныхъ экзаменовъ [1]).

Эта вполнѣ опредѣленно начертанная программа, благодаря все той же неудачной и чрезмѣрно угодливой администраціи, привела въ практическомъ ея примѣненіи къ отрицательнымъ результатамъ. Даже такой консерваторъ, какъ графъ Толстой [2]), жалуется, „что профессора были поставлены въ условія не слу„жителей просвѣщенія, а казенныхъ чиновниковъ".

Преподаваніе носило чуждый жизни школьный характеръ, ограничивалось скучнымъ чтеніемъ убогихъ записокъ и не имѣло никакого вліянія на развитіе и кругозоръ студентовъ [3]). Министерство народнаго просвѣщенія, чтобы задержать естественное развитіе учащейся молодежи, составило особыя программы преподаванія наукъ и указало черту, далѣе которой не должно было итти изученіе предмета. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было строго предписано, какъ можно легче касаться наукъ умозрительныхъ, а потому программы всѣхъ предметовъ и въ особенности философскихъ были крайне сокращены, да и по нимъ предметы читались въ искаженномъ видѣ, принаровленномъ къ заранѣе указанной цѣли [4]). Самый бытъ профессоровъ и отношеніе ихъ къ студентамъ носили патріархальный, учительскій характеръ, въ которомъ отразились многія темныя стороны тогдашняго общества [5]). Профессора жили своею кружковою жизнью, съ довольно скудными интересами и развлеченіями; студенты, въ свою очередь, были вполнѣ обособлены, и не было той соединяющей связи между одними и другими, которая питала бы духовной пищей учащуюся молодежь.

Искусственная обстановка, въ которой вращались студенты, и ограниченныя рамки, въ какія было поставлено дѣло народнаго образованія, не вездѣ достигали цѣли, несмотря на всю бдительность учебной администраціи, и либеральныя понятія проявлялись иногда тамъ, гдѣ менѣе всего ихъ ожидали. Эти вспышки либе-

---

[1]) Русск. Арх., 1873 г., стр. 2054, 2055.

[2]) Историческая записка графа Толстого на тему графа П. А. Валуева. Архивъ П. Я. Дашкова.

[3]) Кіевская университетская старина. Русск. Стар., 1899 г., кн. 7.

[4]) Тамъ же и „Записки Н. И. Мамаева". Истор. Вѣстн., 1901 г., кн. 4.

[5]) Барсуковъ: „Жизнеописаніе М. П. Погодина". Воспоминанія о профессорахъ Давыдовѣ, Шевыревѣ, Перевощиковѣ и др., въ Русск. Арх. и Русск. Стар.

рализма очень часто влекли за собою гибель многихъ молодыхъ людей, несмотря на ясно выраженную мысль Государя, что поступки ихъ слѣдуетъ считать школьническими и по школьнически же ихъ наказывать [1]).

Такая мрачная картина дѣла образованія невольно вызываетъ на сравненіе личныя мысли Императора Николая по этому вопросу, высказанныя имъ въ разговорѣ съ бароном Корфомъ по поводу лекцій, читанныхъ великому князю Константину Николаевичу [2]).

Насколько тяжелое состояніе столь важнаго въ дѣлѣ государственнаго благосостоянія вопроса зависѣло исключительно отъ исполнителей предначертанія Верховной власти, доказываетъ положеніе, въ которомъ находился Московскій университетъ съ начала сороковыхъ годовъ. Такіе профессора, какъ Грановскій, Буслаевъ, Соловьевъ и нѣкоторые другіе сумѣли въ немъ придать замѣтное движеніе самобытной научной мысли и не только обучать студентовъ наукамъ, но и раскрывать передъ ними высшія моральныя и общественныя задачи. Вліяніе въ этомъ отношеніи Московскаго университета постепенно начало обнаруживаться и на другихъ университетахъ, а черезъ нихъ и на самомъ обществѣ [3]). Вліяніе это продолжалось до роковыхъ событій 1848—49 годовъ, давшихъ новый толчекъ къ усиленію охранительнаго начала въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Параллельно съ системой, предпринятой въ отношеніи образованія, очевидно, должна была слѣдовать и система литературнаго надзора.

И здѣсь невольно обращаетъ на себя вниманіе значительное разногласіе между личными поступками Императора Николая и дѣйствіемъ различныхъ органовъ по надзору за печатью. Государь далеко не былъ врагомъ литературы и даже не относился къ ней равнодушно, а, напротивъ, истинные таланты по этой отрасли, также какъ и по всѣмъ другимъ, имѣли въ немъ достойнаго цѣнителя и покровителя. Среди своихъ многотрудныхъ обязанностей онъ находилъ время слѣдить за тѣмъ, что писалось у насъ и за границей [4]), и только

---

[1]) Изъ записокъ О. Я. Мирковича. Русск. Арх., 1890 г., т. I, стр. 433.
[2]) См. главу II.
[3]) Кіевская университетская старина. Русск. Стар., 1899 г., кн. 7.
[4]) Записки графа А. Х. Бенкендорфа.

этимъ можно объяснить, что, при недостаточномъ образованіи въ юности, Государь удивлялъ иностранцевъ своей всесторонней освѣдомленностью [1]). Отношеніе Императора Николая Павловича къ Пушкину [2]), Крылову, а впослѣдствіи къ Гоголю и нѣкоторымъ другимъ прибавляетъ еще одну свѣтлую черту къ характеристикѣ его выдающейся личности. Разрѣшеніе напечатать трагедію „Борисъ Годуновъ“ вызвало со стороны Пушкина слѣдующія хвалебныя слова по отношенію къ Императору Николаю: „Писанный „въ минувшее царствованіе „Борисъ Годуновъ обязанъ „своимъ появленіемъ не „только частному покрови„тельству, которымъ удо„стоилъ меня Государь, но „и свободѣ, смѣло дарован„ной Монархомъ писателямъ „русскимъ въ такое время „и въ такихъ обстоятель„ствахъ, когда всякое другое „правительство старалось бы „стѣснить и оковать книго„печатаніе“ [3]).

Христосованіе Николая I съ кадетами (съ франц. грав. на деревѣ).

Но насколько относился Государь съ уваженіемъ къ высокимъ образцамъ литературы и къ серіознымъ труженикамъ на этомъ поприщѣ дѣятельности, настолько же онъ не сочувствовалъ писателямъ, бравшимся съ легкостью за обсужденіе вопросовъ философскихъ и политическихъ [4]); въ нихъ онъ видѣлъ то зло, которое способствуетъ развитію среди мало подготовленной части общества

---

[1]) См. въ главѣ II разсказы Кюстина и Фицтумъ-фонъ-Экштедта, а также дневникъ барона М. А. Корфа за 1848 г.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. II.
Воспоминанія о Пушкинѣ Смирновой. Русск. Арх.

[3]) Въ письмѣ къ графу А. Х. Бенкендорфу, отъ 18 января 1831 г.

[4]) Интересна въ этомъ отношеніи помѣтка Государя на запискѣ графа Орлова отъ 9 ноября 1844 года, въ которой онъ сообщалъ о смерти знаменитаго баснописца Крылова: „Крайне сожалѣю; вотъ хорошо бъ было, ежели вся наша литературная дрянь исправилась „и наслѣдовала его чувствамъ“. Собств. Его Величества библіотека, шк. 115, карт. 14.

вредныхъ идей и ополчился противъ нихъ со всей силой своихъ твердыхъ убѣжденій [1]).

Наибольшимъ и вполнѣ справедливымъ нареканіямъ современниковъ подвергалась цензура Николаевской эпохи.

Черезъ полгода по вступленіи на престолъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ декабрьскаго бунта, Императоромъ Николаемъ былъ утвержденъ новый цензурный уставъ [2]), принадлежавшій перу министра народнаго просвѣщенія Александровской эпохи адмирала Шишкова. Этотъ суровый уставъ, допускавшій толкованіе сомнительныхъ и двусмысленныхъ мѣстъ въ худшую сторону, давалъ такой произволъ цензорамъ, который, по мѣткому выраженію С. Н. Глинки, позволялъ „и *Отче нашъ* истолковать якобинскимъ „нарѣчіемъ“ [3]). Но еще бо́льшее зло заключалось въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ сочиненія, кромѣ чистой поэзіи и беллетристики, проходили черезъ цензуру того или другого вѣдомства, которыя оберегали въ этомъ отношеніи свои интересы со щепетильностью, доходившей до наивности.

Однако, когда первыя впечатлѣнія, оставленныя 14 Декабря, улеглись, то въ послѣдующіе ближайшіе года, отмѣченные вообще намѣреніемъ Императора Николая итти по пути реформъ, было обращено вниманіе и на облегченіе цензурныхъ строгостей. Въ 1827 и 1828 годахъ дѣйствовалъ особый комитетъ для разрѣшенія вопроса о цензурѣ, результатомъ работъ котораго явился новый цензурный уставъ, утвержденный 22 апрѣля 1828 года и значительно облегчавшій постановленія устава 1826 года [4]). Но, тѣмъ не менѣе, комитетъ не счелъ возможнымъ ввести въ уставъ всѣ тѣ положенія, къ которымъ онъ пришелъ путемъ зрѣлаго разсмотрѣнія вопроса о цензурѣ. Многое онъ предоставилъ будущему развитію началъ, имъ установленныхъ и одобренныхъ Императоромъ Николаемъ,

---

[1]) Баронъ М. А. Корфъ въ своемъ дневникѣ за 7 мая 1848 года приводитъ слѣдующія знаменательныя слова Императора Николая: „Больше всего мнѣ досадны глупые взгляды „противъ Петра Великаго; досадно, когда говорятъ, а тѣмъ больше нестерпимо, когда „печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ, что могъ и даже болѣе, чѣмъ могъ, и въ правѣ ли мы „теперь, при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ, „критиковать его дѣйствія и унижать его славу, унижая черезъ то славу самой Россіи!“ Николай Павловичъ какъ будто предчувствовалъ, что его памяти также придется страдать отъ подобной же критики ближайшаго потомства.

[2]) 10 іюня 1826 г.

[3]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“, т. II.

[4]) Въ новомъ уставѣ между прочимъ постановлено было, чтобы цензора всегда за основаніе принимали явный смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольнаго толкованія ея въ дурную сторону.

до свѣдѣнія котораго доводились всѣ пренія, происходившія въ Комитетѣ [1]).

Вскорѣ затѣмъ наступившія событія 1830 и послѣдующихъ годовъ погасили свѣтлый лучъ, промелькнувшій для литературы, и въ административныхъ сферахъ, по словамъ Н. А. Энгельгардта [2]), развилась крайняя степень мыслебоязни, при чемъ литература очутилась въ положеніи заподозрѣнной, тайно злонамѣренной области. Это повело не къ развитію цензуры въ смыслѣ постановленій Комитета 1828 года, а, напротивъ, къ цѣлому ряду произвольныхъ административныхъ распоряженій, запутавшихъ цензурное дѣло сѣтью вредныхъ формальностей, которыя положили свой отпечатокъ и на умственное развитіе русскаго общества.

Курьезами цензуры того времени могутъ быть наполнены цѣлые тома [3]). Административныя лица этого учрежденія въ общемъ не обладали ни высшимъ образованіемъ, ни тѣмъ тактомъ, который требуется на такихъ отвѣтственныхъ мѣстахъ для того, чтобы сумѣть избѣжать крайностей въ ту или другую сторону. Въ царствованіе Императора Николая цензура, по выраженію барона Корфа [4]), часто и много грѣшила, то пропуская, не вѣдая того, статьи съ чрезвычайно дурнымъ и опаснымъ направленіемъ, то впадая въ самыя „нелѣпыя“ крайности [5]).

Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что и положеніе цензоровъ было поистинѣ безвыходное. Кромѣ цензурнаго устава и распоряженій своего непосредственнаго начальства, они должны были сообразоваться со всѣми требованіями и, скажемъ больше, со всѣми

---

[1]) Изъ бумагъ князя Одоевскаго. Русск. Арх., 1874 г.

[2]) Н. А. Энгельгардтъ: Очеркъ Николаевской цензуры. Истор. Вѣстн., 1901 г., кн. 9.

[3]) См. „Цензура въ царствованіе Императора Николая Перваго“. Русск. Стар. за 1903 годъ. „Очеркъ Николаевской цензуры“ Н. А. Энгельгардта. Истор. Вѣстн. за 1901 г. Письма А. С. Хомякова къ А. Н. Попову. Русск. Арх., 1884 г. и др.

[4]) Дневникъ за 1844 г.

[5]) Баронъ Корфъ приводитъ слѣдующія два, по его выраженію, „безподобные“ анекдота, относящіеся къ дѣйствіямъ цензуры въ 1844 году.

Въ Парижѣ обанкрутился одинъ банкирскій домъ, въ которомъ лишились значительныхъ суммъ пѣвецъ Тамбурини и Папа. Въ переводѣ статей о томъ изъ иностранныхъ газетъ цензура зачеркнула Папу, найдя неприличнымъ ставить имя главы римско-католической церкви на ряду съ именемъ опернаго артиста.

Въ газетахъ нашихъ, при объявленіи о пароходныхъ рейсахъ на 1844 годъ, было объявлено, что пароходъ „Николай“ отправится въ третью субботу мая мѣсяца, „Александра“ во вторую и „Наслѣдникъ“ въ первую. Отчего же, спрашивали многіе, такъ измѣненъ тутъ естественный порядокъ и говорится о времени отправленія третьяго парохода прежде второго, а второго прежде перваго? Оттого, что цензура не допустила назвать наслѣдника прежде Императрицы и Императрицу прежде Государя!

капризами постороннихъ вѣдомствъ. Графъ Клейнмихель возмущался, напримѣръ, что безъ его особаго разрѣшенія была издана частнымъ лицомъ тетрадь фасадовъ православныхъ церквей; генералъ-адъютантъ Адлербергъ протестовалъ противъ изданія частнымъ лицомъ безъ его вѣдома алфавита городовъ на трактахъ отъ Петербурга до Москвы [1]), а всѣ прочіе не отставали отъ первыхъ двухъ. И каждый входилъ съ непосредственными докладами къ Государю, безъ сношенія съ отвѣтственнымъ за цензуру министромъ народнаго просвѣщенія, и Высочайшимъ Именемъ прикрывалъ свои капризы. Графъ Клейнмихель не останавливался даже передъ отправленіемъ за непонравившуюся статью не подчиненныхъ ему цензоровъ на гауптвахту [2]). И въ результатѣ бѣдные цензора предпочитали ничего не допускать до печатанія, лишь бы пройти спокойно свой тернистый путь [3]).

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Такая постановка цензурнаго дѣла привела къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые были въ мысляхъ Императора Николая. Кромѣ угнетенія русской мысли и подавленія самостоятельной жизни русскаго общества, она повела къ установленію въ періодической печати особой привычки писать между строкъ [4]), а у читателей искать этого междустрочнаго

---

[1]) „Цензура въ царствованіе Императора Николая Перваго". Русск. Стар., 1903 г., кн. 5.
[2]) Герценъ: Полное собраніе сочиненій.
[3]) Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова. Русск. Стар., 1901 г., кн. 3, стр. 541.
[4]) Дневникъ барона М. А. Корфа, за 1849 годъ.

смысла даже тамъ, гдѣ его нѣтъ, а также къ распространенію иностранныхъ книгъ [1]) и къ развитію рукописной литературы, болѣе опасной, чѣмъ самое вредное книгопечатаніе [2]). Графъ Толстой слѣдующими словами характеризуетъ тогдашнее положеніе [3]):

„Журнальная пресса, подъ видомъ самыхъ невинныхъ ста-
„теекъ, распространяла тѣ же тлетворныя идеи и самыми недо-
„молвками возбуждала неудовольствіе публики, уже пріученной
„читать между строкъ, а цензура заглушала только голоса чест-
„ныхъ убѣжденій, которыя могли бы обличить официальную ложь.
„Затрудненія, поставленныя для сношеній Россіи съ Европою,
„не помѣшали русскимъ измѣнникамъ высылать къ намъ во мно-
„жествѣ экземпляровъ революціонные газеты и журналы, и „Коло-
„колъ“ сдѣлался общедоступною газетою, которая нарасхватъ
„читалась повсюду, подъ глазами близорукой и неспособной
„полиціи“.

Но тѣмъ не менѣе всѣ притѣсненія цензуры не помѣшали высшему расцвѣту нашей художественной литературы, который отличаетъ Николаевское царствованіе. „На протяженіи де-
„сятилѣтій“, справедливо замѣчаетъ Н. А. Энгельгардъ [4]), „столпи-
„лись таланты чрезвычайной силы, явились прямо геніи. Во всѣхъ
„областяхъ художества слова не изсякаемымъ ключемъ било
„свѣжее, вдохновленное творчество“.

Графиня Блудова въ своихъ воспоминаніяхъ [5]) приводитъ слѣдующія слова одного изъ членовъ Академіи Наукъ того времени: „Правда, мы меньше болтали всякаго вздору, и легкая
„литература страдала; но зато спросите сколько русскихъ именъ
„записано въ теченіе этого времени на страницахъ общей евро-
„пейской науки, истинной, серіозной, и вы увидите, что оно
„не пропало для умственнаго запаса поколѣній, слѣдующихъ за
„нами, не пропало для науки“ [6]).

Равнодушіе къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, вызванное административною системою, отразилось извѣст-

---

[1]) Записка К. Н. Лебедева. Русск. Арх., 1888 г., кн. 5. Письма А. С. Хомякова къ А. Н. Попову. Русск. Арх., 1884 года.

[2]) Записка князя Петра Долгорукова „О внутреннемъ состояніи Россіи“. Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, карт. 14. Рукоп. Имп. Александра II, № 105.

[3]) Рукописная записка графа Толстого на тему графа П. А. Валуева. Архивъ П. Я. Дашкова.

[4]) Очеркъ Николаевской цензуры. Ист. Вѣстн., 1901 г., кн. 9.

[5]) Русск. Арх., 1873 годъ.

[6]) Того же мнѣнія держится и Д. Иловайскій. „Взглядъ на русскую печать за послѣднія 18 лѣтъ“. Русск. Арх., 1874 г., стр. 224.

нымъ образомъ на политическомъ развитіи русскаго общества и его дѣятельности, которая процвѣтала подъ разными формами въ предшествовавшее царствованіе. Но оно нисколько не повредило развитію изящной словесности; напротивъ, изгоняя тѣ практическіе интересы, которые стремятся смутить, обезпокоить артистическое творчество и завладѣть вниманіемъ публики, оно развило то, что на тогдашнемъ языкѣ было извѣстно подъ именемъ „служенія музамъ". Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что царствованіе Императора Николая можетъ быть названо въ извѣстномъ смыслѣ золотымъ вѣкомъ русской литературы [1]).

И. С. Тургеневъ даетъ такую характеристику описываемой эпохи [2]): „Литературы, въ смыслѣ живого проявленія одной изъ „общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими столь „же и болѣе важными проявленіями ихъ, не было, какъ не было „личной свободы, а была словесность и были такіе словесныхъ „дѣлъ мастера, какихъ мы уже потомъ не видали".

Русское общество было какъ бы взято въ опеку и должно было жить и развиваться въ извѣстныхъ опредѣленныхъ для него рамкахъ [3]). Враждебныя дѣйствія появившейся за границей эмиграціи, процвѣтавшія тамъ ученія и недружелюбно настроенное къ Россіи общественное мнѣніе заставили наше правительство неблагосклонно смотрѣть на поѣздки за границу, и это выразилось въ постепенномъ стѣсненіи права выѣзда, обратившемся съ 1844 года для многихъ почти въ совершенное запрещеніе оставленія предѣловъ Россіи [4]). Общественная мысль, конечно, работала и въ то время, но работала исподволь, втихомолку, какъ бы подготовляя силы къ будущему, вполнѣ сознательному ходу впередъ. Въ эпоху царствованія Императора Николая возросли и созрѣли тѣ элементы, которые выказа-

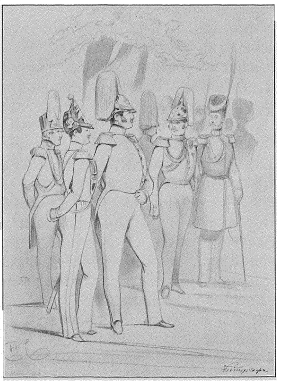
---

[1]) Мекензи Уоллессъ такъ описываетъ состояніе русскаго общества того времени: „Почти никто не интересовался общественными или иностранными дѣлами. Дѣйствія пра„вительства, за которыми слѣдили наиболѣе внимательно, были приказы о передвиженіяхъ „по службѣ и указы о наградахъ. Появленіе повѣсти Загоскина или Марлинскаго, двухъ „писателей, теперь почти забытыхъ, казалось несравненно болѣе важнымъ, чѣмъ какой бы „то ни было новый законъ, и такія событія, какъ французская рсволюція 1830 года, блѣднѣли „передъ появленіемъ новой поэмы Пушкина". Древняя и Новая Россія 1879 г., XV, 1 октябрь, стр. 103.

[2]) И. С. Тургеневъ: Литературныя воспоминанія.

[3]) „Мудрость управленія", говоритъ графъ П. Х. Граббе въ своей характеристикѣ двадцатипятилѣтія царствованія Императора Николая, „видна не только въ томъ, что дѣлается, „но и въ томъ, отчего оно воздерживается, предоставляя времени и постепенно подготовляя „для него матеріалы". Изъ записной книжки графа П. Х. Граббе. Русск. Арх., 1889 г., т. I, стр. 493.

[4]) Дневникъ барона М. А. Корфа за 1844 годъ.
Полное собраніе сочиненій А. И. Герцена.



Императоръ Николай I со свитой въ Петергофѣ (съ рис. съ нат. А. Чернышева, 1846 г.).

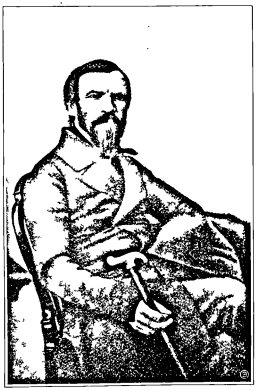
лись въ полную свою ширь въ реформахъ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Б. Н. Чичеринъ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) пониженіе общественнаго уровня въ Николаевскую эпоху именно въ верхнихъ слояхъ. Въ то время, какъ, по его словамъ, высшіе слои общества все болѣе и болѣе погружались въ раболѣпство и невѣжество, такъ какъ требовалась безусловная покорность при полномъ отсутствіи образованія, среднее дворянство хранило въ себѣ лучшія черты своего сословія. Въ Москвѣ оно сплачивалось въ общественные кружки, въ провинціи образовывало ряды независимыхъ помѣщиковъ. Чичеринъ проводитъ, однако, рѣзкую грань между тѣми и другими. „Безъ сомнѣнія", пишетъ онъ, „образъ мыслей образованныхъ помѣщиковъ того времени былъ либеральный, насколько это требуется отъ всякаго просвѣщеннаго человѣка. „Они цѣнили свободу, понимали потребность реформъ, но въ „нихъ не было ничего похожаго на тотъ оппозиціонный, воинствующій либерализмъ, съ которымъ я впослѣдствіи познакомился въ Москвѣ. Напротивъ, они уважали власть, въ которой видѣли охрану порядка и залогъ своего благосостоянія, „но, уважая ее издали, они не преклонялись передъ нею, дер„жали себя въ сторонѣ съ независимостью и достоинствомъ. „Причина этого различія понятна. Въ столицахъ живо чув„ствовался тотъ тяжелый деспотизмъ, который въ то время „безпощадно подавлялъ всякое живое движеніе мысли, всякое

[1]) Изъ воспоминаній Б. Н. Чичерина. Русск. Арх., 1890 г., т. I.

„свободное слово и обращалъ въ „преступленіе самые невинные „поступки“ [1]).

Вышеприведенныя слова относились, впрочемъ, къ незначительной части нашего общества. На большую же его часть стѣсненіе мысли и отсутствіе гласности дѣйствовали не только въ отношеніи полнаго умственнаго застоя, но и способствовали развитію дурныхъ инстинктовъ [2]), слѣдствіемъ чего, по словамъ одного изъ современниковъ [3]), была подавленность нравственнаго чувства русскаго общества, остановка его умственнаго развитія и безнаказанныя злоупотребленія, дошедшія до чудовищныхъ размѣровъ.



М. П. Погодинъ
(съ фот. съ нат.).

Замѣчательно при этомъ, что реакція и застой обнаружились не столько въ мѣрахъ правительства, сколько въ настроеніи самаго общества, которое въ подавляющемъ большинствѣ цѣпко держалось существующаго, не знало ничего лучшаго и недружелюбно относилось ко всему культурному. „Крѣпостной строй“, пишетъ одинъ изъ современниковъ [4]), „умственная темнота и моральное безразличіе господство„вали въ полной силѣ. Нигдѣ не замѣчалось умственнаго дви„женія, критической мысли, потребности въ высшемъ образо„ваніи, не связанномъ съ привилегіями по службѣ, а тѣмъ „болѣе сознанія необходимости серіозныхъ измѣненій и улучше„ній общественныхъ условій“.

Общее направленіе внутренней политики при Императорѣ Николаѣ отразилось роковымъ образомъ и на его всегдашней мысли объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависи-

---

[1]) Изъ воспоминаній Б. Н. Чичерина. Русск. Арх., 1890 г., т. I, стр. 515.
[2]) „Казанская старина“, Сообщ. С. Н. Кулябко. Русск. Стар., 1899 г., кн. 10, стр. 102.
[3]) Дневникъ Никитенко за 20 марта 1855 года.
[4]) Кіевская университетская старина. Русск. Стар., 1899 г., кн. 7.

мости [1]). По словамъ Шелгунова, Государь „не оставлялъ мысли „о преобразованіи крѣпостного права, но ему не пришлось довер- „шить того, что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ онъ начиналъ ка- „ждый годъ“ [2]). Императоръ Николай, говоритъ дальше Шелгуновъ, былъ окруженъ защитниками крѣпостного права. И, дѣйствительно, вплоть до 1848 года [3]) собирались, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, секретные комитеты для разрѣшенія этого вопроса. „Три раза начиналъ я это дѣло“, говорилъ онъ графу П. Д. Киселеву въ 1854 году, „и три раза не могъ продолжать: „видно, это перстъ Божій!“ [4]). О взглядахъ Императора Николая Павловича касательно облегченія участи крестьянъ, высказанныхъ имъ въ этихъ комитетахъ, можно отчасти судить по слѣдующимъ словамъ, сказаннымъ имъ дворянамъ въ 1847 году. „Земля, „заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, есть „наша дворянская, но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣ- „постномъ состояніи почти не по праву, а обычіемъ, черезъ „долгое время, не можетъ считаться собственностью, а тѣмъ „менѣе вещью“ [5]).

Насколько Императоръ Николай мало встрѣчалъ поддержки въ этомъ дѣлѣ со стороны своихъ ближайшихъ сотрудниковъ могутъ свидѣтельствовать откровенныя мысли одного изъ образованнѣйшихъ людей того времени, князя А. С. Меншикова, занесенныя имъ въ свой дневникъ. Въ особой запискѣ, протестующей противъ обезпеченія дворовыхъ людей, князь стращалъ Государя „негодованіемъ противъ правительства всего образо- „ваннаго класса“ и въ концѣ концовъ замѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что при обсужденіи этого вопроса Государь, при всемъ своемъ искусствѣ, не могъ скрыть „своей злобы“ къ дво- рянамъ [6]).

---

[1]) Ѳ. П. Еленевъ: „Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи“. Русск. Арх., 1886 г., кн. 7.

[2]) Сочин., т. II, стр. 637 и 638. Тоже см. Русск. Арх., 1887 г., кн. 6, стр. 262.

[3]) Изъ разсказовъ участника комитетовъ гр. П. Д. Киселева. См. также Русск. Арх., 1887 года, кн. 6, стр. 262.

[4]) „Въ виду волненій, происходившихъ въ 1848 году во Франціи, Германіи, Австріи „и Италіи, Императоръ Николай Павловичъ призадумался, и крестьянское дѣло было отложено „въ дальній ящикъ. А висѣло оно тогда на ниточкѣ“. Записки гр. М. Д. Бутурлина. Русск. Арх., 1898 г., кн. 1.

[5]) Смоленскіе дворяне и обязанные крестьяне. Русск. Стар., 1873 г., т. VIII.

[6]) Рукописный дневникъ князя А. С. Меншикова: „*26 января 1844 года*. Былъ съ до- „кладомъ у Государя и вручилъ ему записку о дворовыхъ людяхъ въ доказательство, что „предложенныя противъ помѣщиковъ понудительныя мѣры не только не нужны, но въ „особенности вредны по дурному вліянію, которое имѣть будетъ негодованіе противу

Послѣдняя попытка Государя къ уничтоженію крѣпостного права относится къ декабрю 1847 года, когда повелѣно было депутатамъ смоленскаго дворянства въ изъятіе изъ установившагося при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ обычая прибыть въ Петербургъ для принесенія благодарности за продолженіе дарованныхъ дворянству правъ.

„Я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый „дворянинъ Имперіи“, произнесъ между прочимъ Николай Павловичъ въ своей рѣчи депутатамъ [1]). „Земли принадлежатъ намъ, „дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашей „кровью, пролитою за Государство; но я не понимаю, какимъ „образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить „этого иначе, какъ хитростью и обманомъ, съ одной стороны, „и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ. „Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы „у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ „нѣтъ торговли, промышленности“. Отпуская депутатовъ, Государь поручилъ держать сказанное имъ въ секретѣ, но „пробудить смоленское дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ „приступить къ дѣлу“.

Одновременно съ этимъ журналамъ была предоставлена нѣкоторая свобода въ обсужденіи крѣпостного права.

Наступившія вскорѣ событія 1848 года заставили отложить вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права до наступленія новаго царствованія.

Во всякомъ случаѣ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ былъ проведенъ въ жизнь цѣлый рядъ мѣръ, послужившій къ улучшенію быта крестьянъ [2]), и Наслѣдникъ Престола, принимавшій дѣятельное участіе въ работахъ своего Отца, получилъ основательную подготовку для быстраго проведенія въ жизнь завѣтной мечты, которую не пришлось осуществить его предшественнику.

„правительства всего образованнаго класса, т.-е. того, который имѣетъ дворовыхъ людей „въ Имперіи. Государь сказалъ, что на второй недѣлѣ поста соберетъ у себя комитетъ „о дворовыхъ, а записку мою оставилъ у себя для прочтенія.

„*25 февраля 1844 года.* У Государя собрался комитетъ о дворовыхъ.... При всемъ „искусствѣ Государя злоба его къ дворянамъ не могла скрыться“.

[1]) Барсуковъ, кн. IX, ст. 305.

[2]) Сюда между прочимъ относится: уничтоженіе продажи крестьянъ безъ земли, приписка дворовыхъ людей къ землѣ, ограниченіе власти помѣщиковъ въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній, отличное устройство государственныхъ крестьянъ и пр.

III.

Цѣли, положенныя Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ основу его внѣшней политики, опредѣляются слѣдующими строками записки Государя къ Наслѣднику, при которой онъ препроводилъ ему для прочтенія отчетъ графа Нессельроде за двадцатипятилѣтіе своего царствованія. „Вотъ тебѣ мой отчетъ по „дипломатической части", писалъ Государь; „дай Богъ, чтобы уда„лось мнѣ тебѣ сдать Россію такою, „какою я стремился ее поставить, „сильной, самостоятельной и добро„дѣющей: намъ добро, никому — „зло" [1].

Инвалидъ и его семейство (съ русск. лит.).

Но средства къ достиженію этой цѣли, подъ вліяніемъ и личнаго характера Государя и, въ особенности, неблагопріятно сложившихся внѣшнихъ обстоятельствъ, приняли нѣсколько одностороннее направленіе, связанное со строго опредѣленнымъ характеромъ всей Николаевской политики.

Въ ряду этихъ обстоятельствъ отмѣтимъ прежде всего наслѣдіе, оставленное Императоромъ Александромъ I и ревниво охраняемое совѣтами цесаревича Константина Павловича. Надо вспомнить характеръ Императора Николая, обстоятельства его вступленія на престолъ, полное незнакомство съ дѣлами, обаяніе внѣшняго величія Россіи, созданное политикой Императора Александра, и обожаніе памяти брата, чтобы понять, что унаслѣдованные принципы не могли остаться для Николая Павловича пустымъ звукомъ [2]).

---

[1]) Всеподданнѣйшая записка графа Нессельроде, 20 ноября 1850 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

[2]) Анатолій Демидовъ, говоря въ своей рукописи, представленной послѣ смерти Императора Николая Перваго вдовствующей Императрицѣ о завѣщаніи Государя, собственноручно написанномъ въ 1844 году, прибавляетъ:

„Faisons remarquer que l'acte testamentaire de l'Empereur Nicolas I-er, écrit, il y a déjà „quelques années, par le Maître des plus vastes Etats du Monde, au milieu des circonstances

Въ первые годы царствованія его политика приняла, однако, направленіе настолько самостоятельное, что можно было разсчитывать на значительное умаленіе неблагопріятнаго вліянія Священнаго Союза, но событія 1830 и 1831 годовъ заставили въ корнѣ измѣнить взглядъ Императора Николая на ближайшія задачи внѣшней политики.

„Всеобщее волненіе, вызванное въ 1830 году паденіемъ „старшей линіи Бурбоновъ", говоритъ графъ Нессельроде въ своей всеподданнѣйшей запискѣ [1]), „дало въ скоромъ времени „новое направленіе политикѣ Вашего Величества, сообщивъ „Вашему царствованію тотъ характеръ, который составитъ отли„чительную его черту въ будущемъ. Вслѣдствіе этихъ перевороговъ Ваше Величество сдѣлались въ глазахъ всего міра пред„ставителемъ монархической идеи, поддержкою принциповъ по„рядка и безпристрастнымъ защитникомъ европейскаго равновѣсія... „Могучая рука Вашего Величества давала себя чувствовать вездѣ, „гдѣ были поколеблены престолы, и гдѣ общество, потрясенное „въ своихъ основахъ, склоняло главу подъ гнетомъ пагубныхъ „ученій"... Далѣе графъ Нессельроде останавливается на тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ указанныя выше начала проводились въ жизнь. „Ослабить по мѣрѣ возможности пагубный „союзъ, возникшій между іюльской монархіей во Франціи и „либеральной Англіей, препятствовать примѣненію на практикѣ „того принципа невмѣшательства, который эти державы ста„рались навязать кабинетамъ консервативныхъ монархій всякій „разъ, какъ по сосѣдству съ ними вспыхивало возстаніе, и ко„торый сами же онѣ первыя нарушали, поддержать колеблющееся „мужество двухъ монархическихъ державъ, выработать совмѣстно „съ ними единообразный планъ дѣйствій, склонивъ къ принятію „его и второстепенныя державы, подчиненныя ихъ вліянію— „такова была задача, преслѣдуемая Вашимъ Величествомъ" [2]).

„florissantes, favorables même à des vues ambitieuses si l'Empereur les avait eues, ne renferme „pas un chapitre, pas un mot de politique, ni pour l'intérieur, ni pour l'extérieur de l'Empire. „L'Empereur Nicolas savait que toute disposition de ce genre, émanant d'un souverain et d'un „Père, pouvait, à la première variation des faits politiques, restreindre ou entraver, jusqu'à un „certain point, la liberté d'action de son successeur".... Собственная Его Величества библіотека. Рукоп. Имп. Александра II, № 88.

[1]) Отъ 20 ноября 1850 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Этотъ всеподданнѣйшій юбилейный отчетъ помѣщается въ Приложеніи № 12.

[2]) Въ 1830 году Императоръ Николай, подъ впечатлѣніемъ іюльскихъ событій и противнаго его убѣжденію признанія державами короля Людовика-Филиппа, высказалъ въ собственноручной запискѣ свою политическую исповѣдь, которая является весьма ин-

Замѣчательнымъ документомъ для характеристики нашей внѣшней политики въ Николаевскую эпоху являются лекціи, читанныя въ 1838 году барономъ Брунновымъ Наслѣднику Цесаревичу. Какъ по выдающемуся положенію въ нашей дипломатической канцеляріи самого лектора, по значенію документовъ, на основаніи которыхъ составлены эти лекціи, а именно подлинныхъ актовъ нашего Министерства Иностранныхъ дѣлъ, такъ, наконецъ, и по цѣли, которую преслѣдовалъ баронъ Брунновъ,— подготовить въ извѣстныхъ взглядахъ будущаго Императора, эти лекціи являются лучшимъ и самымъ достовѣрнымъ выраженіемъ идей руководителей внѣшней политики Россіи. Но особенный интересъ труда барона Бруннова заключается еще въ томъ, что внимательное чтеніе его вызываетъ полное недоумѣніе относительно поведенія нашихъ дипломатовъ въ эпоху Крымской войны и въ частности относительно поведенія самого автора лекцій.

Помѣщая этотъ интересный документъ въ приложеніи [1]), мы ограничимся здѣсь выдержками изъ общаго обзора барономъ Брунновымъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ основывалась наша политика.

Политику Россіи баронъ Брунновъ опредѣляетъ тремя словами: *„не тронь меня“*, но дальнѣйшія его разсужденія показываютъ, что такое опредѣленіе было нѣсколько условно. Наше правительство, по словамъ автора лекцій, поставило за правило не вмѣшиваться въ чужія дѣла, пока не будетъ приглашено; оно рѣшило уважать установленную трактатами территоріальную карту Европы, но и не допускать никакого покушенія и со стороны другихъ державъ на установившійся порядокъ вещей и вообще сохранять въ Европѣ общій миръ, основанный на постановленіяхъ Вѣнскихъ и Парижскаго договоровъ.

Какъ извѣстно, Европейскій миръ былъ поставленъ Вѣнскими трактатами подъ гарантію союза пяти великихъ державъ, но на ряду съ нимъ существовалъ союзъ четырехъ державъ, исключительно направленный противъ будущихъ завоевательныхъ поползновеній Франціи [2]). Этотъ четверной союзъ, хотя впослѣдствіи и не былъ уничтоженъ, но былъ ослабленъ тѣмъ, что Англія

тереснымъ документомъ, опредѣляющимъ основные взгляды Николая Павловича. Записка эта въ переводѣ приведена во 2 томѣ труда Н. К. Шильдера: „Императоръ Николай Первый“; мы же въ Приложеніи № 13 прилагаемъ подлинный текстъ этого важнаго документа.

[1]) Приложеніе № 8.

[2]) Traité de Chaumont 1 mars 1814. Traité d'alliance de Paris 8 (20) novembre 1815. Protocole secret et militaire d'Aix la Chapelle 3 (15) novembre 1818.

мало-по-малу отдѣлилась отъ трехъ континентальныхъ державъ. Такое отдаленіе съ особенной силой выказалось во время министерства Каннинга, а революціонное возбужденіе 1830 года окончательно увлекло Великобританію на путь, противоположный принципамъ и интересамъ ея старыхъ союзниковъ. Вступившее вскорѣ въ управленіе страной министерство виговъ рѣшило для удержанія власти въ своихъ рукахъ соединиться съ французскимъ правительствомъ, „потому что", говоритъ Брунновъ, „положе-„нія, по которымъ „управляются обѣ „страны, одинаково „основаны на кон-„ституціонныхъ нача-„лахъ", и отдалиться отъ дворовъ русскаго, австрійскаго и прусскаго, такъ какъ ихъ форма правленія чисто монархическая.

Николай I на маневрахъ
(съ лит. Шмидта, по рис. Шварца 1844 г.).

„Эта громадная „ошибка англійскаго „министерства", по словамъ Бруннова, „удвоила зло, причиненное Іюльской революціей. Благодаря ей, „политическая система Европы была окончательно расшата́на. „Отношенія между государствами не основывались болѣе на ихъ „личныхъ *интересахъ,* но на *симпатіяхъ* общественнаго мнѣнія".

Такимъ образомъ съ этого времени Европа оказалась раздѣленной на два лагеря. Съ одной стороны, находились Англія и Франція, которыя старались распространить свое вліяніе на всѣ конституціонныя государства, а съ другой — Россія, Австрія и Пруссія, образовавшія консервативный союзъ, имѣвшій „цѣлью „сохранить существовавшій общественный строй и избавить его „отъ переворотовъ, которые ему грозили отъ революціоннаго „духа, къ несчастію, господствовавшаго въ Англіи и во Франціи".

Императоръ Николай придавалъ выдающееся значеніе поведенію Англіи, а потому главной цѣлью своей политики онъ поставилъ удержать по возможности Англію въ рядахъ четверного

союза. Надежда эта не покидала его до самаго разрыва передъ Крымской войной. И хотя 21 апрѣля 1834 года Англія заключила союзъ не съ монархическими державами, а, напротивъ, съ Франціей, Испаніей и Португаліей, и тѣмъ какъ бы окончательно опредѣлила направленіе своей дальнѣйшей внѣшней политики, но наше Министерство Иностранныхъ дѣлъ настойчиво старалось видѣть въ поведеніи Англіи какое-то временное ослѣпленіе. Баронъ Брунновъ съ увѣренностью доказывалъ, что „этотъ союзъ, столь „противный положенію обоихъ государствъ, не можетъ суще„ствовать вѣчно.... Время не замедлитъ разорвать узы, устроен„ныя людьми, руководившими политикой Англіи въ видахъ „личныхъ цѣлей, но не согласно хорошо понимаемымъ интересамъ „ихъ страны". По мнѣнію нашего дипломата, для этого со стороны Франціи нужны были только завоевательныя попытки, и Англія вновь обратилась бы къ своимъ прежнимъ союзникамъ. „Съ нашей „же стороны", поучаетъ баронъ Брунновъ, „не должно ничего „упускать не только для того, чтобы расторгнуть узы, связывающія „обѣ морскія державы, но со временемъ надо постараться уве„личить мало-по-малу между ними брешь, которая поведетъ къ „полному крушенію временнаго союза, не имѣющаго прочнаго „основанія".

Благодаря отдѣленію Англіи, по мнѣнію самого барона Брунова, политическая система, установленная въ 1814 и 1815 гг., въ 1834 году рухнула въ своемъ основаніи. Оставался только Парижскій договоръ 8 (20) ноября 1815 года, который къ „этому времени имѣлъ лишь историческое значеніе". Для Россіи явилась такимъ образомъ возможность воспользоваться свершившимся фактомъ и предоставить себѣ свободу дѣйствій. Но такое рѣшеніе совершенно не соотвѣтствовало интересамъ Австріи и Пруссіи, которыя въ теченіе почти двадцати лѣтъ съ замѣчательнымъ искусствомъ привыкли пользоваться союзными съ Россіей договорами исключительно въ видахъ собственныхъ выгодъ.

Австріей и Пруссіей, для удержанія нашего правительства отъ самостоятельной дѣятельности, было высоко поднято знамя борьбы противъ революціонныхъ началъ, которымъ наши союзники съ замѣчательнымъ умѣніемъ пользовались вплоть до кончины Императора Николая.

Россіи въ это время, по словамъ Бруннова, предстоялъ выборъ между двумя направленіями: или отдѣлиться отъ своихъ союзниковъ и сосредоточиться въ самой себѣ, или же остаться

вѣрной своимъ обязательствамъ относительно Австріи и Пруссіи, укрѣпить узы, уже связующія три континентальныя державы, и восполнить новыми договорами значеніе тѣхъ, которые рухнули, благодаря отдѣленію Англіи.

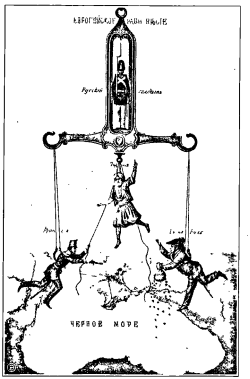
Полное уединеніе Брунновъ находилъ не только не внушающимъ въ то время никакого опасенія, но и на много упрощающимъ наше положеніе. Однако, въ такомъ образѣ дѣйствій онъ предвидѣлъ большую опасность въ будущемъ. „Франція „будетъ торжествовать, увидѣвъ Императора отдѣлившимся отъ „своихъ союзниковъ; она будетъ имѣть отъ этого всѣ выгоды, „такъ какъ незамѣтно распространитъ свое вліяніе на Германію. „Пруссія и Австрія, брошенныя Россіей, принуждены будутъ „одна за другой войти въ миролюбивое соглашеніе съ французскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ революціонныя докъ„трины, не встрѣчая болѣе сопротивленія ни съ какой стороны, „свободно распространятъ свое вліяніе на центръ Европы. Оплотъ, „который имъ въ настоящее время представляютъ Австрія и „Пруссія, уничтожится. Борьба мнѣній, процвѣтавшая въ то время „на берегахъ Рейна, будетъ перенесена на наши собственныя „границы. Однимъ словомъ, Россія, какъ и въ 1812 году, „должна будетъ снова бороться лицемъ къ лицу съ Франціей, „но эта борьба, осмѣлюсь сказать, въ настоящее время будетъ „болѣе опасна, чѣмъ тогда, потому что намъ предстоитъ побѣ„дить не только правильно организованнаго противника, но мы „должны будемъ противостоять непріятелю, еще болѣе грозному; „мы встрѣтимся съ тѣмъ революціоннымъ духомъ, который „скрытно подкапывается подъ самыя сильныя государства, и „интересы Россіи заключаются въ томъ, чтобы держать его въ „отдаленіи при посредствѣ странъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ „очага революціи.

„Поддерживать между нами и Франціей этотъ нравствен„ный барьеръ, созданный изъ державъ дружественныхъ и мо„нархій, прочно основанныхъ на принципахъ, сходныхъ съ „нашими,— вотъ истинный и постоянный интересъ Россіи“ [1]).

И, дѣйствительно, старанія нашего правительства укрѣпить тройственный союзъ континентальныхъ державъ являются путеводной звѣздой русскихъ дипломатическихъ канцелярій тридцатыхъ годовъ. Поведеніе ихъ въ этомъ отношеніи касательно

[1]) Курсивъ барона Бруннова.

Пруссіи и Австріи заставляетъ барона Бруннова восхищаться нашей „осторожностью, терпѣніемъ и ловкостью“. Приходилось считаться съ боязнью этихъ державъ, которую имъ внушало наше превосходство, и авторъ лекцій сознается, что онѣ тѣмъ болѣе будутъ къ намъ расположены, чѣмъ менѣе будутъ чувствовать вліяніе Россіи на ихъ положеніе. „Отсюда“, говоритъ Брунновъ, „происходитъ „та подозрительность со стороны „нашихъ союзниковъ, которая до„саднымъ образомъ затрудняетъ „взаимныя сношенія. Наши со„вѣты не всегда принимаются „такъ, какъ они этого заслужи„ваютъ. Не одинъ разъ Австрія „и Пруссія подозрѣвали со сто„роны Россіи намѣреніе внушить „имъ наши политическіе виды и „желаніе вовлечь ихъ въ поли„тическія комбинаціи, которыя „они считали противорѣчащими „ихъ интересамъ.... Онѣ всегда „предполагали, что мы ихъ хо„тимъ вовлечь въ войну, пер„вые удары которой обру„шатся на нихъ, и въ важ„номъ значеніи которой онѣ со„мнѣвались. Эта боязнь въ осо„бенности проявлялась въ Бер„линѣ“.



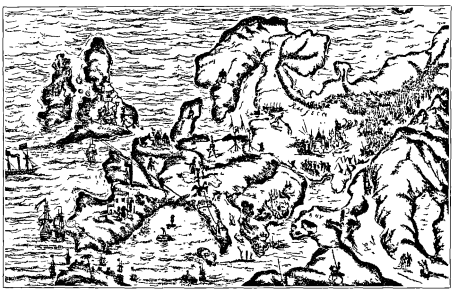
Карикатура на европейское равновѣсіе (съ русск. лит. того времени).

Оба кабинета боялись скомпрометировать себя передъ Франціей, и этотъ страхъ придавалъ всему ихъ поведенію оттѣнокъ нерѣшительности и слабости, который совершенно не соотвѣтствовалъ взглядамъ Императора Николая. Отсюда происходили серіозныя различія въ мнѣніяхъ трехъ державъ, и нашему правительству приходилось употреблять большія усилія для поддержанія хотя бы наружной солидарности между союзниками.

Австрія и Пруссія считали поддержаніе мира главнымъ условіемъ своего существованія, баронъ же Брунновъ полагалъ, что миръ при современномъ состояніи революціонной пропаганды для нихъ болѣе опасенъ, чѣмъ война, и что революціонныя ученія

во время мира надѣлаютъ этимъ державамъ болѣе вреда, чѣмъ во время войны.

Берлинскій министръ иностранныхъ дѣлъ Ансильонъ въ 1833 году сдѣлалъ слѣдующую характеристику положенія Пруссіи: „Мы не можемъ“, сказалъ онъ Бруннову, „измѣнить нашего по„веденія; мы не можемъ рисковать войной съ Франціей по крайней „мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается для насъ національ-



Карикатурная карта Европы 1830 г. (съ англ. грав. Маклина).

„нымъ дѣломъ. Мы не можемъ ее предпринять, пока общественное мнѣніе насъ не поддержитъ“. Князь Меттернихъ относительно положенія Австріи высказался нѣсколько въ другихъ выраженіяхъ. „Сравните обѣ монархіи“, говорилъ онъ Бруннову же въ 1835 году. „Россія — какъ вашъ Императоръ. Она молода, полна силъ. Она „можетъ позволить себѣ большія усилія безъ вреда для своего „здоровья. Теперь взгляните на Австрію. Мы стары; наше тѣло „уже испытано годами. Мы не можемъ позволить себѣ какихъ„либо опытовъ; мы живемъ только въ силу осторожности и „умѣренности“.

Тѣмъ не менѣе нашему правительству удалось въ 1833 году заключить въ Мюнхенгрецѣ союзный договоръ съ Австріей, къ которому впослѣдствіи присоединилась и Пруссія. Этотъ договоръ послужилъ основой для нашей дальнѣйшей политики и состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ актовъ.

Первый актъ касался солидарности въ дѣйствіяхъ и взаимной защиты союзниковъ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ поддержки революціонныхъ движеній со стороны Франціи. Согласно этому акту, союзныя державы рѣшили въ будущемъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла этой страны, но въ то же время отнюдь не допускать распространенія внѣшняго вліянія французскаго правительства и во всякомъ случаѣ не позволять ему смущать спокойствіе другихъ державъ „фатальнымъ ободреніемъ дѣятельности революціонной пропаганды".

Такая мѣра, по словамъ Бруннова, была вызвана тѣмъ, что „Іюльская Франція присвоила себѣ право громогласно провозглашать, что если когда-либо возстаніе вспыхнетъ внѣ ея границъ, „и третья держава захочетъ вмѣшаться, чтобы возстановить „порядокъ, то она не допуститъ такого вмѣшательства, которое „считаетъ противнымъ независимости народовъ".

Противовѣсомъ этому принципу и долженъ былъ служить первый актъ Мюнхенгрецкаго договора [1]). Союзныя державы признавали за каждымъ независимымъ государемъ право приглашать себѣ на помощь, въ случаѣ внутреннихъ волненій или внѣшней опасности, любого изъ независимыхъ государей, который можетъ принять или отклонить это предложеніе. Если такая помощь будетъ подана, то ни одно изъ государствъ не приглашенныхъ не имѣетъ права вмѣшиваться ни подъ предлогомъ помѣшать обѣщанной помощи, ни съ цѣлью дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ. И если бы такое вмѣшательство имѣло мѣсто, то вооруженныя дѣйствія этого государства будутъ разсматриваться Россіей, Австріей и Пруссіей, какъ направленныя противъ нихъ.

„Этимъ актомъ", восклицаетъ баронъ Брунновъ, „общественное право Европы возстанавливалось въ своихъ основаніяхъ, солидарность тройственнаго союза вновь подтверждалась и, наконецъ, общій миръ былъ огражденъ отъ „опасностей, которыми ему угрожало развитіе революціонныхъ „идей".

Второй актъ Мюнхенгрецкаго договора касался восточныхъ дѣлъ. Необходимость его заключалась въ желаніи нашего правительства привлечь Австрію къ нашей программѣ дѣйствій въ Турціи, чтобы въ будущемъ, въ случаѣ какихъ-либо тамъ проис-

[1]) Подписанъ въ Берлинѣ 3 (15) октября.

шествій, „морскія державы не были бы въ состояніи увлечь ее „въ комбинацію, направленную *противъ насъ*“ [1]).

Согласно этому акту, договарившіяся державы обязывались остаться вѣрными своему рѣшенію въ поддержаніи Оттоманской Имперіи подъ главенствомъ существовавшей династіи и рѣшили посвятить этой цѣли въ полномъ взаимномъ соглашеніи всѣ средства, которыя будутъ въ ихъ власти. Во исполненіе этого, обѣ державы будутъ противодѣйствовать всякой попыткѣ противъ *независимости* верховной власти въ Турціи, и онѣ не только не признаютъ новаго порядка вещей, но войдутъ въ соглашеніе относительно принятія сообща самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы предупредить опасность, которая можетъ грозить ихъ собственнымъ странамъ отъ измѣненія, происшедшаго въ положеніи Оттоманской Имперіи.

Вторымъ параграфомъ секретнаго акта, приложеннаго къ этому договору, опредѣлялось поведеніе Россіи и Австріи, въ случаѣ паденія Турціи. Въ такомъ случаѣ обѣ державы обязывались дѣйствовать въ полномъ согласіи по вопросу о возстановленіи въ ней такого порядка, который обезпечивалъ бы спокойствіе ихъ собственныхъ странъ, а также права, установленныя прежними трактатами, и не нарушалъ бы политическаго равновѣсія Европы [2]).

И, наконецъ, третій актъ, подписанный въ Мюнхенгрецѣ, касался польскихъ дѣлъ.

Въ чрезмѣрномъ восхваленіи барономъ Брунновымъ заслугъ русской дипломатіи по поводу заключенія Мюнхенгрецкаго договора нельзя не видѣть нѣкоторой односторонности. Безспорно, что, въ виду отрицательнаго отношенія западныхъ державъ и въ особенности Англіи къ Ункіаръ-Искелесскому договору, союзъ съ Австріей являлся естественнымъ, но, съ другой стороны, несомнѣнно, что въ Мюнхенгрецѣ австрійскій канцлеръ, князь Меттернихъ, достигъ своей давнишней, завѣтной цѣли стѣснить свободу дѣйствій Россіи по отношенію къ Турціи обязательствомъ ничего не предпринимать на Востокѣ безъ полнаго предварительнаго сношенія съ Австріей. Попытки къ заключенію такого договора были сдѣланы имъ еще въ 1831 году [3]), но въ то время почва еще не была достаточно подготовлена, и предложеніе

---

[1]) Курсивъ барона Бруннова.

[2]) Подлинный текстъ этого договора помѣщенъ въ Приложеніи № 14.

[3]) Донесеніе Татищева графу Нессельроде отъ 17 (29) августа 1831 года. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Vienne, 1831, II.

Графъ К. В. Нессельроде
(съ грав. Р. Майеръ, по портр. Крюгера).

австрійскаго канцлера не встрѣтило благопріятнаго пріема со стороны Императора Николая [1]).

Насколько этотъ союзъ былъ пріятенъ для Австріи, можно судить изъ слѣдующаго донесенія князя М. Д. Горчакова (отъ 11 сентября 1834 года), который былъ посланъ въ Брюннъ на австрійскіе маневры.

„Изъ всѣхъ его „словъ", писалъ онъ о своемъ разговорѣ съ императоромъ Францемъ, „видно, что въ „трудныхъ обстоятельствахъ, коихъ скораго „приближенія ожидаетъ „не скрывая, онъ считаетъ первѣйшею опорою союзъ Государя Императора. Онъ „повторилъ мнѣ въ разныхъ разговорахъ, можетъ-быть, болѣе „десяти разъ, что находится *въ авангардѣ* и что полагаетъ „величайшимъ счастіемъ имѣть могущественнаго союзника, который не только подастъ ему руку помощи въ случаѣ внѣшней „войны, но, если нужно, посодѣйствуетъ къ прекращенію внутреннихъ безпорядковъ (разумѣя Галицію и Венгрію). Вашъ Госу„дарь", говорилъ онъ неоднократно, „не только будетъ дѣйство„вать дружно со мною, но обезпечитъ мой тылъ" [2]).

Въ Мюнхенгрецѣ завязалась тѣсная личная дружба между престарѣлымъ австрійскимъ императоромъ и Государемъ, имѣвшая рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ политическихъ событій.

---

[1]) „Voilà le grand désir de Metternich", написалъ онъ на вышеприведенномъ донесеніи Татищева, „celui d'être à la tête des affaires, clair et nettement prononcé; or comme nous „savons à quoi nous en tenir sur lui par les antécédents, je n'y consentirai qu'en cas où la „Prusse le voudrait et nous le proposerait de son côté".

[2]) Военн. Учен. Арх., Отд. 1, д. № 696.

Императоръ Францъ просилъ дружбы и покровительства Императора Николая своему слабому и болѣзненному наслѣднику и объявилъ, что въ своемъ духовномъ завѣщаніи поставитъ послѣднему въ обязанность ничего не предпринимать безъ совѣта Государя [1]). Личное знакомство съ Меттернихомъ, а, главное, общее нерасположеніе ко всѣмъ революціоннымъ проявленіямъ, сблизили нѣсколько Императора Николая съ этимъ замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, но не затмили въ немъ истинной его оцѣнки. „Меттернихъ теперь будетъ все", писалъ Государь Паскевичу послѣ смерти императора Франца [2]). „Покуда „польза Австріи будетъ съ нами оставаться въ союзѣ, дотоль „намъ на него надѣяться можно; но характеръ его таковъ, что „къ нему я никогда никакого совершеннаго довѣрія имѣть „не могу".

Пожертвовавъ своей самостоятельностью относительно Турціи, мы въ глазахъ нашихъ дипломатовъ пріобрѣли, по крайней мѣрѣ, спокойствіе на Западѣ, образовавъ при помощи тройственнаго союза оплотъ противъ революціонныхъ стремленій Франціи и Англіи. Баронъ Брунновъ въ своихъ лекціяхъ даже упоминаетъ о намѣченномъ распредѣленіи между союзниками ролей для поддержанія защищаемыхъ ими основъ. Пруссія должна была слѣдить за безопасностью сѣверныхъ подверженныхъ нападенію Франціи границъ, Австрія слѣдила за южными странами, а Россія составляла центръ и въ то же время резервъ коалиціи. Такимъ образомъ она отвѣчала за спокойствіе Царства Польскаго, не упускала изъ виду Галицію, Позенъ, Венгрію; она должна была обезпечить миръ на Востокѣ, распространяя свое вліяніе отъ Дуная до Босфора и употребляя всѣ усилія, чтобы избѣжать въ этихъ странахъ событій, которыя могли бы серіозно поколебать миръ всего свѣта.

Такое распредѣленіе ролей, по мнѣнію Бруннова, опредѣляло и образъ дѣйствій союзныхъ державъ въ каждомъ частномъ случаѣ. При недоразумѣніяхъ въ Швейцаріи, Италіи и Германіи нашъ кабинетъ не считалъ необходимымъ высказываться первымъ; иниціативу дѣйствій онъ предоставлялъ Вѣнѣ и Берлину. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ вопросахъ, непосредственно касающихся Россіи, къ каковымъ относились главнымъ образомъ

---

[1]) Дневникъ князя А. С. Меншикова за 1 октября 1833 года.
[2]) Въ письмѣ изъ Петербурга отъ 15 (27) марта 1835 года.

Польскія и Турецкія дѣла. „Во всѣхъ этихъ случаяхъ“, пишетъ Брунновъ, „Императоръ не ожидаетъ мнѣнія союзниковъ, а „лично принимаетъ мѣры, которыя обезпечиваютъ спокойствіе „и благосостояніе его государства!“ Такъ онъ дѣйствовалъ на Вислѣ и на Босфорѣ и „такъ будетъ дѣйствовать каждый разъ, „когда будетъ призванъ разрѣшать вопросы, имѣющіе вліяніе „на исключительно *русскіе интересы*“ [1]).

Эта охранительная система существовала до Крымской войны. Увѣренность русской дипломатіи въ прочности заключенныхъ союзовъ, и рыцарская довѣрчивость Императора Николая къ своимъ союзникамъ и въ особенности къ энергичному молодому императору австрійскому, имѣвшему къ тому же случай использовать всю силу вѣрности союзамъ со стороны Россіи, опредѣлили направленіе нашей политики при возникшихъ въ пятидесятыхъ годахъ недоразумѣніяхъ съ Портой Оттоманской.

Однако, и современные дипломаты сознавали нѣкоторую странность союза, который могъ отъ насъ многое потребовать и въ то же время ничего намъ не давалъ. „Спокойствіе Россіи“, пишетъ баронъ Брунновъ, „существенно обезпечивается его „(союза) сохраненіемъ. Это истина, которая должна быть оцѣнена, „такъ какъ въ противномъ случаѣ трудно было бы понять, почему „Россія старается поддерживать союзы, которые налагаютъ на „нее жертвы, и отъ которыхъ она не можетъ надѣяться получить „никакихъ выгодъ“.

Но, прибавимъ къ этому, что ревностное слѣдованіе охранительнымъ началамъ, вылившимся въ форму Мюнхенгрецкаго и Берлинскаго договоровъ, и выдающаяся по характеру личность Императора Николая, которой были противны всякія полумѣры, повлекли за собою рѣзкіе нападки на Россію и ея Государя публицистовъ всей западной Европы, не исключая и охраняемой Германіи, и вооружили противъ насъ общественное мнѣніе всего Запада. Когда, по словамъ Тютчева [2]), Николай Павловичъ посѣщалъ Германію, то онъ казался въ сонмѣ нѣмецкихъ властителей верховнымъ надъ ними повелителемъ. Такое тяготѣніе Россіи заставляло германское общество видѣть въ ней помѣху своимъ либеральнымъ стремленіямъ и, еще болѣе, стремленіямъ къ политическому единству.

---

[1]) Курсивъ барона Бруннова.
[2]) Русск. Арх., 1874 г., стр. 72—162.

Верхомъ совершенства являются общія заключительныя разсужденія барона Бруннова. Они замѣчательно ярко обрисовываютъ то искусственное колесо, въ которомъ вертѣлась наша политика, и дѣлаютъ понятнымъ фальшивое международное положеніе, въ которомъ мы очутились во время Крымской войны. Весь тонъ разсужденій Бруннова показываетъ, какъ глубоко вѣрили наши дипломаты во все величіе скомбинированной ими системы, какое самомнѣніе руководило ими при обсужденіи творенія ихъ рукъ.

Императоръ Николай I, выѣзжающій въ фіакрѣ изъ посольства въ Вѣнѣ въ 1835 г.
(съ литогр., по рис. А. Бенуа).

„Отдадимъ себѣ со„вершенно искренно", пишетъ баронъ Бруновъ, „отчетъ о цѣнѣ, „которую мы должны „придавать этимъ союзамъ. Постараемся избѣжать при этомъ „двойной ошибки. Примемъ во вниманіе лишь наименьшее „значеніе союзовъ для нашихъ интересовъ и не будемъ тре„бовать отъ дружбы союзниковъ болѣе, чѣмъ они могутъ „дать".

„Надо сознаться, что если Россіи удалось въ теченіе восьми „лѣтъ [1]) поддержать среди очень трудныхъ обстоятельствъ общій „миръ, то это только потому, что она успѣла противоставить „*консервативную систему* тройственнаго союза соединеннымъ „усиліямъ двухъ морскихъ державъ. Только одинъ тотъ фактъ, „что Австрія и Пруссія *за насъ*, способенъ остановить часто„любивые планы Франціи и разстроить недоброжелательныя на„мѣренія Англіи. Ни та, ни другая не предпримутъ ничего „рѣшительнаго, такъ какъ не пожелаютъ ссориться сразу съ „тремя континентальными державами".

Эта солидарность Россіи, Австріи и Пруссіи производила въ глазахъ барона Бруннова самое лучшее вліяніе на поведеніе Англіи и Франціи.

---

[1]) Писано въ 1838 году.

„Обѣ державы“, продолжаетъ онъ, „считаютъ единеніе „континентальныхъ державъ болѣе сильнымъ, чѣмъ оно есть „въ дѣйствительности, и это убѣжденіе спасло Европу отъ „общаго потрясенія. Стоитъ только Франціи замѣтить ослабле„ніе узъ между тремя кабинетами, какъ несомнѣнно она по„дыметъ тонъ; Англія, съ своей стороны, станетъ болѣе вы„сокомѣрна и съ большимъ рвеніемъ начнетъ преслѣдовать „ужасный планъ пропаганды своего политическаго вліянія и „навязывать всѣмъ остальнымъ государствамъ конституціонныя „формы правленія“.

Въ концѣ концовъ баронъ Брунновъ предсказывалъ, что въ случаѣ расторженія консервативнаго союза можетъ осуществиться мечта Наполеона объ общей монархіи, но уже на подкладкѣ революціонныхъ началъ. „Однако“, говоритъ онъ далѣе, „до тѣхъ „поръ, пока будетъ существовать консервативный союзъ, такое „несчастіе не можетъ имѣть мѣста въ полной своей силѣ. Пропа„ганда прежде, чѣмъ дойти до насъ, потратитъ свои силы и „разобьется объ Австрію и Пруссію. Наши правильно понимаемые „интересы будутъ всегда заключаться въ ободреніи и подкрѣ„пленіи нашихъ союзниковъ въ ужасной борьбѣ съ противникомъ, „который ихъ ежедневно атакуетъ тысячами различныхъ спо„собовъ. Мы не должны скрывать отъ себя всей опасности этой „борьбы. Положеніе нашихъ союзниковъ стало болѣе труднымъ. „Смерть императора Франца невознаградимая потеря для Австріи. „Значеніе власти тамъ все болѣе и болѣе уменьшается. Съ другой „стороны, Пруссія заключаетъ въ себѣ опасные элементы для вну„треннихъ волненій и несогласій...

„Въ такомъ положеніи наши союзники болѣе чѣмъ когда-либо „нуждаются въ попеченіи и благорасположеніи Императора. Онъ „ихъ единственная опора, только отъ него они могутъ ожидать „откровенныхъ, дружественныхъ и безкорыстныхъ совѣтовъ. Роль „примирителя, которая, такимъ образомъ, принадлежитъ нашему „Августѣйшему Монарху, имѣетъ первенствующее значеніе для „будущаго спокойствія континента. Но эта задача сопряжена „и съ огромными затрудненіями. Россія призвана руководить „своими союзниками, *не первенствуя* надъ ними; она должна „ихъ подкрѣплять, не позволяя имъ чувствовать, насколько ей „извѣстна ихъ слабость; однимъ словомъ, она должна под„держивать ихъ, заставляя забывать тяжесть руки, которая ихъ „направляетъ.

„Отъ большаго или меньшаго успѣха, съ которымъ Россія „выполнитъ эту трудную задачу, будетъ зависѣть судьба конти- „нентальнаго союза, а также и спокойствіе Австріи и Пруссіи... „Торжество революціонныхъ идей на берегахъ Дуная и Одера „насъ ближе касается, чѣмъ билль о реформахъ и іюльскія барри- „кады. Вотъ почему мы должны смотрѣть на дѣло монархизма „въ Пруссіи и Австріи, какъ на вопросъ, который непосред- „ственно касается Россіи. Въ этомъ заключается практическая „цѣль нашихъ союзовъ, такъ какъ интересы Австріи, Пруссіи и „наши нравственно сливаются въ одинъ общій интересъ...

„Мы не должны требовать отъ нашихъ союзниковъ, при не- „посредственномъ ихъ сношеніи съ Франціей, нравственнаго му- „жества, которое всегда является слѣдствіемъ силы и котораго „поэтому нечего искать ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ... Вотъ по- „чему каждый разъ, когда предстоитъ обратиться къ Франціи съ „общимъ рѣшительнымъ заявленіемъ, Государь предварительно „спрашиваетъ своихъ союзниковъ, какими средствами они рѣ- „шили поддержать свои заявленія...

„Другое правило, котораго мы должны придерживаться въ „нашихъ сношеніяхъ съ союзниками, чтобы не впасть въ до- „садную ошибку, это не ожидать отъ нихъ никакого актив- „наго содѣйствія, въ случаѣ осложненія между нами и мор- „скими державами на Востокѣ. Въ этомъ отношеніи мы не „должны имѣть никакой иллюзіи относительно поведенія Пруссіи „и Австріи.

„Первая будетъ сопровождать насъ самыми лучшими пожe- „ланіями, даже употребитъ свои добрыя услуги, чтобы сгладить „то различіе во взглядахъ, которое будетъ существовать между „нами и Англіей или Франціей, но она не приметъ прямого „участія въ борьбѣ, которая возгорится съ тѣмъ или другимъ „государствомъ. Государь, съ своей стороны, не требуетъ отъ „Пруссіи ничего сверхъ того, что мы можемъ отъ нея ожидать.

„Что касается до Австріи, то ея положеніе, въ случаѣ ослож- „неній на Востокѣ, для насъ также впередъ опредѣлено, благодаря „заблаговременнымъ объясненіямъ, которыя состоялись по этому „поводу между обѣими державами. Если мы подвергнемся неспра- „ведливому нападенію, то Вѣнскій дворъ выскажется за насъ; онъ „приметъ военныя предосторожности со стороны Запада, чтобы „удерживать Францію, и чтобы помѣшать осложненіямъ на Во- „стокѣ отразиться на спокойствіи остальной Европы. Но онъ не

Императоръ Николай I.

„дойдетъ до оказанія „намъ матеріальной по- „мощи, чтобы, дѣйстви- „тельно, посодѣйство- „вать окончить войну „въ нашу пользу.

„Россія въ этомъ „случаѣ должна будетъ „разсчитывать только на „свои собственныя сред- „ства. Помощь союзни- „ковъ будетъ исклю- „чительно *отрицатель- „наго* характера (d'une „nature toute négative), „т.-е. мы будемъ имѣть „преимущество не имѣть „ихъ противъ насъ. Слѣ- „довательно, наша за- „падная граница будетъ „совершенно прикрыта, „но мы не имѣемъ „никакой надежды на „прямую помощь ни со „стороны Пруссіи, ни „со стороны Австріи".

Какъ видно изъ приведеннаго отрывка, баронъ Брунновъ довольно вѣрно представлялъ себѣ будущую роль нашихъ союзниковъ, въ случаѣ нашего столкновенія съ морскими державами на почвѣ Восточнаго вопроса. Однако, предостерегая своего Августѣйшаго слушателя отъ всякихъ *иллюзій* въ этомъ отношеніи, онъ поддавался имъ самъ, воображая, будто Австрія будетъ прикрывать наши границы, и какъ бы не замѣчая германскихъ національныхъ стремленій. Дѣйствительное или предполагаемое противодѣйствіе этимъ стремленіямъ вызвало въ трудную эпоху Крымской войны недружелюбное къ намъ отношеніе германскаго народа, чувствъ котораго не могъ не принимать во вниманіе даже ближайшій нашъ союзникъ — берлинскій дворъ. Замѣчательно, что графъ Нессельроде въ иллюзіяхъ шелъ гораздо дальше барона Бруннова. Во всеподданнѣйшемъ

отчетѣ за 1833 годъ [1]) онъ утверждалъ, что Мюнхенгрецкая конвенція обѣщаетъ намъ, въ случаѣ осложненій на Востокѣ, видѣть Австрію съ нами, а не противъ насъ, а годъ спустя увѣрялъ, что, убѣжденная въ нашемъ безкорыстіи, Австрія согласилась играть на Востокѣ второстепенную роль нашего сателлита [2]).

IV.

Въ своихъ сношеніяхъ съ морскими державами наша дипломатія преслѣдовала ту же цѣль полнаго уединенія революціонной Франціи, для чего необходимо было уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить ея союзъ съ Англіей. Эта трудная задача и легла въ основу дѣятельности нашего Министерства Иностранныхъ дѣлъ тѣмъ болѣе, что она вполнѣ соотвѣтствовала и личнымъ симпатіямъ Императора Николая къ Великобританіи. Но всѣ попытки къ сближенію не приводили ни къ чему. Лондонскій кабинетъ смотрѣлъ на Россію, какъ на самаго грознаго противника конституціоннымъ началамъ, которымъ покровительствовала Англія, а общественное мнѣніе этой страны обвиняло насъ въ честолюбивыхъ замыслахъ на Востокѣ и въ желаніи захватить Константинополь [3]). Особенная вражда къ Россіи обнаружилась послѣ заключенія нами въ 1833 году съ Турціей Ункіаръ-Искелесскаго договора, который дѣлалъ насъ защитниками Оттоманской Имперіи въ случаѣ внѣшней опасности, предоставляя за это въ нашу пользу единственное преимущество закрытія проливовъ. Этотъ актъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на морскія державы, которыя не могли радоваться усиленію нашего вліянія въ Турціи, а легкость пріобрѣтенія такого вліянія заставляла ихъ опасаться столь же легкаго, при нашемъ желаніи, полнаго подчиненія Порты Оттоманской [4]). Насколько англійское общество относилось недружелюбно къ намъ въ тридцатыхъ ѣодахъ прошлаго столѣтія, можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что, когда, въ 1838 году, имѣлась въ виду поѣздка Наслѣдника Цесаревича въ Лондонъ, то нашъ посолъ графъ Поццо-ди-Борго совѣтовалъ обождать съ этой

---

[1]) Мартенсъ: „Собр. Тракт.", т. IV, стр. 463.
[2]) Ibid., 467.
[3]) Лекціи барона Бруннова.
[4]) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée par un ancien diplomate, t. I, p. 5.

поѣздкой, въ виду враждебнаго настроенія англійскаго общественнаго мнѣнія [1]).

При такихъ обстоятельствахъ наше правительство рѣшило держаться въ отношеніи великобританскаго кабинета выжидательнаго образа дѣйствій и, не уступая ему ничего, ждать, пока доброе согласіе между обѣими морскими державами нарушится самой силой событій.

Такой политики мы держались до 1840 года, когда истекалъ срокъУнкіаръ-Искелесскаго договора, противъ котораго обѣ морскія державы протестовали еще при самомъ его заключеніи. Франція и Англія рѣшили объявить его уничтоженнымъ. Французскій посолъ въ Константинополѣ, генералъ Гильемино (Guilleminot), даже изслѣдовалъ вопросъ о высадкѣ въ Крыму и намѣтилъ Евпаторію, какъ одинъ изъ наиболѣе выгодныхъ для этого пунктовъ [2]). Крымская кампанія грозила осуществиться на четырнадцать лѣтъ раньше.

Но въ это же время настало давно ожидаемое разногласіе между Англіей и Франціей, которой удалось обнаружить поползновеніе первой на Египетъ. Русское правительство рѣшило воспользоваться образовавшейся брешью и не только стало на сторону Англіи, но и пошло на уступки относительно ея. Оно добровольно отказалось отъ возобновленіяУнкіаръ-Искелесскаго договора, который былъ замѣненъ, подписаннымъ 3 (15) Іюля 1840 года всѣми великими державами, кромѣ Франціи, трактатомъ о закрытіи Константинопольскихъ проливовъ для военныхъ судовъ всѣхъ странъ, „пока Порта будетъ находиться въ мирѣ „съ державами".

Хотя графъ Нессельроде въ своей всеподданнѣйшей запискѣ [3]) и говоритъ, что этимъ трактатомъУнкіаръ-Искелесскій договоръ былъ уничтоженъ только для вида, въ дѣйствительности же онъ имъ былъ яко бы увѣковѣченъ подъ другою формою, и что „новый договоръ, подписанный всѣми державами, воспрещая входъ „въ Дарданеллы иностраннымъ военнымъ судамъ, обезпечивалъ „насъ впредь отъ нападенія со стороны моря", но въ этихъ словахъ нельзя не признать большой дозы самообольщенія. Новый актъ навсегда закрывалъ выходъ русскому флоту изъ Чернаго

---

[1]) Ф. Мартенсъ: Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. XII.
[2]) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée par un ancien diplomate, t. I, p. 8.
[3]) Отъ 20 Ноября 1850 года.

моря, оставляя проливы свободными для входа въ него иностранныхъ эскадръ, въ случаѣ нашей войны съ Турціей; кромѣ того, онъ уничтожалъ возможность исключительнаго протектората Россіи надъ этой страной, поставивъ ее подъ опеку всей Европы.

Такъ велики были уступки, сдѣланныя нами Англіи съ исключительной цѣлью уединить Францію и расторгнуть англо-французскій союзъ, „столь враждебный нашимъ политическимъ интересамъ и столь пагубный для положенія консервативныхъ державъ“ [1]).

Графъ К. А. Поццо-ди-Борго (съ геліогр., по портр. К. Брюллова).

Но радость петербургскаго кабинета продолжалась недолго. Во Франціи скомпрометировавшее страну министерство пало; Гизо, замѣнившій Тьера, вновь вошелъ въ соглашеніе съ руководителемъ англійской политики Пальмерстономъ, а 1 (13) Іюля 1841 года была подписана новая конвенція о проливахъ, являющаяся повтореніемъ конвенціи 1840 года, но уже за подписью и Франціи. Этой конвенціи въ Петербургѣ не желали, но вынуждены были на нее согласиться. Такимъ образомъ русскому вліянію на берегахъ Босфора былъ нанесенъ тяжелый ударъ; Турція была поставлена подъ опеку и Франціи, чѣмъ наши интересы ставились въ прямое соприкосновеніе съ той „революціонной“ страной, которую столькими жертвами русскимъ интересамъ мы старались отдалить отъ себя.

Наше вліяніе въ Турціи съ этихъ поръ начало замѣтно и быстро падать. Въ 1842 году Австрія посадила князя Александра Карагеоргіевича на сербскій престолъ, и Россіи пришлось примириться съ этимъ фактомъ; въ 1843 году Греція превратилась въ конституціонное государство и окончательно вышла изъ-подъ нашего вліянія; Пруссіи удалось добиться провозглашенія въ Турціи

[1]) Всеподданнѣйшая записка графа Нессельроде отъ 20 Ноября 1850 года.

равноправности протестантовъ съ православными и католиками. И во всѣхъ этихъ вопросахъ Англія явно дѣйствовала противъ насъ, хотя графъ Нессельроде въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1840 годъ не усматривалъ между Россіей и Англіей ничего, кромѣ пустыхъ предубѣжденій, и высказывалъ увѣренность, что Лондонская конвенція 1840 года установитъ на будущее время между обѣими державами глубокое чувство взаимнаго довѣрія и уваженія.

Замѣчательнѣе всего то, что авторомъ конвенціи 1840 года явился тотъ же баронъ Брунновъ, который въ 1838 году составилъ упоминаемый выше обширный трудъ по русской политикѣ подъ видомъ лекцій Наслѣднику Цесаревичу. Въ 1839 году онъ былъ назначенъ посломъ въ Лондонъ, и съ тѣхъ поръ фальшивый взглядъ на наши отношенія съ Англіей укрѣплялся въ возрастающей прогрессіи вплоть до Крымской войны. Надо думать, что баронъ Брунновъ былъ убѣжденнымъ фанатикомъ выгоды для насъ конвенціи 1840 года; онъ былъ въ то время искренно увѣренъ въ руссофильствѣ главы англійскаго министерства, Пальмерстона, котораго называлъ „Сеидомъ“ Россіи, и откровенныя слова англійскаго посла при вѣнскомъ дворѣ Гордона, что „только мы „(англичане) одни выиграемъ отъ конвенціи о проливахъ, такъ „какъ принципъ закрытія исключительно выгоденъ только намъ“, не убѣдили русскаго дипломата въ его ошибочномъ предположеніи.

Въ 1844 году со стороны нашего правительства была сдѣлана новая серіозная попытка къ сближенію съ Англіей. Императоръ Николай, видя всю искусственность докладовъ, какъ своего канцлера, такъ и лондонскаго посла, и убѣдившись, что всѣ сдѣланныя до тѣхъ поръ уступки Англіи ни на шагъ не сблизили ее съ Россіей, совершенно неожиданно для всѣхъ рѣшилъ самъ отправиться въ Лондонъ, чтобы путемъ личныхъ переговоровъ устранить всегдашнее предубѣжденіе англичанъ противъ нашихъ завоевательныхъ намѣреній относительно Турціи.

Графъ Нессельроде въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1844 годъ [1]) придаетъ слѣдующую окраску поѣздкѣ Государя въ Лондонъ.

„Каждый разъ“, писалъ канцлеръ, „когда приходится опредѣ„лять характеръ нашихъ сношеній съ Англіей, необходимо брать

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1844 годъ: „Aperçu de l'état et du caractère de nos relations avec les grandes Puissances. Angleterre“. Гос. Арх., Разр. III, № 91. См. Приложеніе № 15.

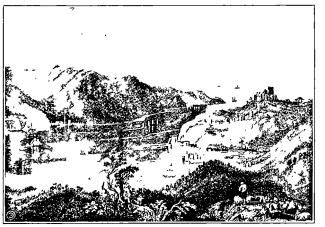
„за исходную точку отношеніе этой державы къ Франціи, такъ „какъ оно неизбѣжно на нихъ вліяетъ. Поэтому и въ прошломъ „году я обратилъ особое вниманіе Вашего Величества на взаимное „положеніе этихъ двухъ правительствъ. Въ началѣ 1844 года, „благодаря въ особенности визиту королевы Викторіи къ французскому королю, между двумя странами возстановилось положеніе „вещей, которое французскіе министры назвали *сердечнымъ соглашеніемъ* (entente cordiale). Тюильрійскій кабинетъ, увѣренный, „что это соглашеніе поведетъ къ измѣненію во взаимныхъ отношеніяхъ между обоими государствами, въ высшей степени его „превозносилъ и старался дать понять Европѣ, что это есть возстановленіе прежняго союза. Наши союзники очень легко повѣрили такому объясненію безъ чрезмѣрнаго, однако, безпокойства, но тѣмъ не менѣе съ этого времени кабинетъ Вашего „Величества позволилъ себѣ, несмотря на поднятый шумъ, думать, „что это дружественное соглашеніе, преувеличенное въ томъ „значеніи, которое ему старались придать, скоротечно по своимъ „результатамъ и болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное“... Далѣе графъ Нессельроде упоминалъ, что наши частныя сношенія съ Англіей постепенно становились болѣе ясными и опредѣленными. Въ доказательство улучшенія отношеній канцлеръ указывалъ на то обстоятельство, что до сихъ поръ англійскіе министры, отчасти изъ опасенія передъ возбужденнымъ противъ насъ общественнымъ мнѣніемъ, отчасти изъ угоды Франціи, избѣгали упоминать о выказываемыхъ нами увѣреніяхъ въ дружбѣ и довѣріи, но въ 1844 году обстановка измѣнилась, и представитель англійскаго правительства торжественно заявилъ на ежегодномъ банкетѣ русской колоніи въ Лондонѣ о томъ значеніи, которое Великобританія придаетъ дружбѣ Россіи, и громко выразилъ желаніе видѣть Императора Николая въ Англіи. Личное приглашеніе королевы придало желанію Англійскаго кабинета официальную форму.

Хотя такая манифестація въ пользу Россіи была вызвана не искреннимъ желаніемъ сближенія съ нами, а личными счетами съ Франціей, съ цѣлью противодѣйствовать распространенному Гизо слуху о политическомъ значеніи путешествія королевы Викторіи въ Э (Eu), но оно совпадало съ давнимъ желаніемъ Императора Николая войти въ соглашеніе съ Англіей.

Поѣздка была окружена какой-то особой таинственностью. До послѣдней минуты никто изъ приближенныхъ не подозрѣвалъ

настоящей цѣли путешествія Государя, и всѣ предполагали, что онъ ѣдетъ въ Киссингенъ для пользованія минеральными водами [1]).

Пребываніе Николая Павловича въ Лондонѣ не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на англійское общество [2]) и въ особенности на тѣхъ лицъ, съ которыми Государю пришлось имѣть личное сношеніе. Величественная наружность Императора Николая, простота въ обращеніи, любезность и щедрость, а также политическія объясненія съ министрами — все понравилось въ Лондонѣ, и появленіе Государя на улицѣ вызывало рукоплесканія толпы. „Госу-„дарь побѣдилъ пред-„ставителей всѣхъ пар-„тій", пишетъ княгиня Ливенъ [3]), „и въ минуту „своего отъѣзда онъ „пользовался громадной „популярностью... Съ Пальмерстономъ онъ обошелся очень мило-„стиво, а Пиль и Абердинъ въ восторгѣ отъ него". Съ своей стороны, графъ Нессельроде отмѣчалъ огромное политическое значеніе впечатлѣнія, произведеннаго Государемъ, на наши сношенія съ англійскимъ правительствомъ. „Разбирая въ частныхъ разгово-„рахъ съ министрами королевы", пишетъ канцлеръ [4]), „всѣ со-„временные важные вопросы, а также и тѣ, которые могутъ „представиться въ будущемъ, Ваше Величество придали имъ тотъ „опредѣленный характеръ, который съ давняго времени не могли „достигнуть ни всѣ депеши Вашего кабинета, ни всѣ попытки „Вашего представителя въ Лондонѣ. Съ этого времени улучшеніе „нашихъ сношеній съ англійскимъ правительствомъ съ каждымъ



Часть Босфорскаго пролива (съ англ. грав. на стали).

---

[1]) Изъ записокъ А. А. Окуловой. Русск. Арх., 1896 года, кн. 1, стр. 610.

[2]) Королева Викторія писала, между прочимъ, королю Бельгійскому Леопольду 4 Іюня 1844 года: „Разумѣется, этотъ пріѣздъ великое событіе для насъ и знакъ большой къ намъ „учтивости; здѣшній народъ очень польщенъ этимъ визитомъ".

[3]) Истор. Вѣстн., 1901 г., кн. 2.

[4]) См. Приложеніе № 15.

„днемъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ“. И, дѣйствительно, рыцарскій характеръ Государя, благородство и твердость его рѣчи, откровенное и прямое изложеніе своихъ политическихъ видовъ пріобрѣли ему нѣсколько поклонниковъ среди государственныхъ людей Великобританіи. Съ другой стороны, откровенныя и прямыя заявленія Государя относительно необходимости русско-англійскаго соглашенія на берегахъ Босфора на случай смерти „больного человѣка“ не достигали цѣли; они, напротивъ, вселяли въ англійскихъ политическихъ дѣятелей, какъ замѣчаетъ профессоръ Мартенсъ, нѣкоторую подозрительность относительно цѣлей нашей восточной политики. Исключеніемъ среди нихъ явился глава тогдашняго кабинета, лордъ Абердинъ. Вѣра этого государственнаго дѣятеля въ твердость слова Императора Николая была такъ велика, что и черезъ десять лѣтъ, наканунѣ Крымской войны, онъ оставался въ Англіи единственнымъ защитникомъ безкорыстія намѣреній русской политики, несмотря на непослѣдовательное поведеніе нашей дипломатіи.

Сэръ Роберть Пиль
(съ англ. грав. на деревѣ).

Можно полагать, что поѣздка Императора Николая Павловича въ Лондонъ явилась нѣсколько неожиданной и для самого графа Нессельроде; по крайней мѣрѣ канцлеръ не находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Государя въ путешествіи, и былъ въ то время въ отпуску, за границей. Но въ августѣ мѣсяцѣ, уже послѣ возвращенія Императора, состояніе здоровья графа Нессельроде вызвало для него необходимость пользованія морскими купаньями въ Англіи и пребыванія въ Лондонѣ. Здѣсь, въ продолжительныхъ разговорахъ съ лордомъ Абердиномъ, обсуждались рѣчи Государя, и это обсужденіе вылилось въ форму особаго меморандума, который и даетъ намъ возмож-

ность ознакомиться съ политической цѣлью и результатами самой поѣздки.

Главнымъ предметомъ бесѣдъ Государя съ министрами Великобританіи были наши отношенія къ Турціи и желаніе Императора Николая добиться письменнаго соглашенія по этимъ вопросамъ и даже союзнаго договора съ Англіей. Можно думать, что связывать себя въ будущемъ какимъ-либо письменнымъ договоромъ не входило въ расчеты лорда Абердина. Франція въ то время не угрожала никакимъ интересамъ Англіи; съ ней еще только недавно было заключено „сердечное соглашеніе", возведенное Гизо чуть ли не въ тѣсный союзъ, и, такимъ образомъ, Государю не удалось довести до конца начатое имъ дѣло. Но черезъ мѣсяцъ обстановка измѣнилась. Поведеніе Франціи относительно Англіи становилось мало-по-малу вызывающимъ, дѣйствія французовъ въ Таити и Марокко начинали угрожать интересамъ англичанъ, и осторожный лордъ Абердинъ сталъ опасаться, что дѣло можетъ дойти до вооруженнаго столкновенія.

При такихъ условіяхъ онъ самъ заговорилъ съ барономъ Брунновымъ о возможности заключенія Россіей и Англіей оборонительнаго и наступательнаго союза при предстоящемъ пріѣздѣ графа Нессельроде въ Лондонъ [1]).

„Разумѣется, мы еще не пришли къ этому", говорилъ онъ нашему удивленному дипломату, „но не надо слишкомъ смѣяться. „Я хорошо помню, какъ въ день Виндзорскаго парада Государь „сказалъ королевѣ, что она можетъ разсчитывать на всѣ его „войска. Можетъ прійти время, когда мы въ нихъ будемъ „нуждаться". Черезъ нѣсколько дней, послѣ полученія извѣстія о бомбардировкѣ французами Танжера, разговоръ на эту же тему между нашимъ посломъ и англійскимъ министромъ вновь возобновился, при чемъ лордъ Абердинъ просилъ взглянуть на это дѣло серіозно, а не какъ на шутку. Весьма характерна и помѣтка Императора Николая на этомъ письмѣ барона Бруннова. „Да, важное дѣло", написалъ Государь. „Я готовъ буду, ежели „*Англіи* угрожать будетъ опасность; но *самъ* не начну, а буду „сидѣть у моря и ждать погоды. Вотъ плоды подлости 14 лѣтъ!

---

[1]) Конфиденціальное письмо барона Бруннова графу А. Ф. Орлову изъ Лондона отъ 8 (20) августа 1844 года.
Собственная Его Величества библіотека, шк. 115, порт. 14.

„Кончится тѣмъ, что предсказывалъ, и *меня же* будутъ просить „*о помощи*. Вотъ слава Россіи, какъ я ее понимаю, и тогда „съ нами Богъ!“ [1]).

Такимъ образомъ переговоры графа Нессельроде съ лордомъ Абердиномъ начались при самыхъ благопріятныхъ для насъ условіяхъ.

Государственный канцлеръ въ своемъ донесеніи Государю изъ Лондона отъ 19 сентября 1844 года [2]) упоминаетъ о приглашеніи лорда Абердина воспользоваться его пребываніемъ въ этомъ городѣ, чтобы „сговориться по тѣмъ вопросамъ, по ко„торымъ Россія и Англія должны высказаться, и на окончательное „разрѣшеніе которыхъ ихъ полное взаимное согласіе должно „произвести полезное вліяніе“. Упомянувъ о состоявшемся между канцлеромъ и первымъ министромъ соглашеніи по дѣламъ Сиріи и Персіи, графъ Нессельроде отдаетъ Государю отчетъ о послѣдовавшемъ обмѣнѣ мыслей между нимъ и лордомъ Абердиномъ по вопросу, болѣе важному, по которому Государь во время своего пребыванія въ Лондонѣ достигъ результатовъ, превзошедшихъ всякія ожиданія графа Нессельроде.

„Уже баронъ Брунновъ“, пишетъ канцлеръ, „познакомилъ „меня въ подробностяхъ съ объясненіями, которыя Ваше Величе„ство имѣли съ англійскими министрами на счетъ общаго состоянія „Оттоманской Имперіи. Лордъ Абердинъ, съ своей стороны, вы„сказалъ мнѣ, какъ онъ былъ счастливъ получить изъ устъ „Вашего Величества объясненія, столь успокоительныя для всѣхъ „друзей мира. Съ этой стороны взаимное обязательство, являв„шееся результатомъ этого объясненія, мнѣ казалось драгоцѣн„нымъ какъ для нихъ, такъ и для насъ. Все то, что могло „клониться къ болѣе точному опредѣленію сути этого обязатель„ства, я считалъ неоспоримо полезнымъ и поэтому позволилъ „себѣ, Государь, составить представляемый меморандумъ, который „сообщилъ лорду Абердину и, такимъ образомъ, еще разъ „предоставилъ его обсужденію намѣренія и виды британскаго „кабинета касательно вопросовъ будущаго, которые вызываются „положеніемъ Турціи“.

Лордъ Абердинъ нашелъ эту работу превосходно составленной и удостовѣряющей главныя основанія обмѣна мыслей между

---

[1]) Письмо барона Бруннова помѣщено въ Приложеніи № 16.
[2]) См. Приложеніе № 17.

Государемъ и имъ; „онъ безъ оговорокъ далъ свое согласіе на „предначертанный въ меморандумѣ образъ дѣйствій для настоя„щаго и на предварительныя обязательства, которыя намѣчены „для будущаго".

Не упустилъ графъ Нессельроде затронуть въ своихъ разговорахъ съ лордомъ Абердиномъ и старинной мечты нашего кабинета привлечь Англію по всѣмъ политическимъ вопросамъ на сторону консервативнаго союза. Великобританскій министръ, съ своей стороны, находилъ, по словамъ канцлера, что настоящіе интересы Англіи, какъ и прежде, находятся въ тѣсномъ единеніи

Медаль, по случаю пребыванія Императора Николая въ Лондонѣ въ 1844 году.

съ консервативными кабинетами, и обѣщался приложить свои усилія къ скрѣпленію этого единенія.

Меморандумъ графа Нессельроде [1]) начинается указаніемъ на взаимное убѣжденіе Россіи и Англіи, что, въ видахъ сохраненія общаго мира и въ видахъ ихъ взаимныхъ интересовъ, желательно Порту Оттоманскую поддержать въ состояніи независимости и въ тѣхъ территоріальныхъ предѣлахъ, въ которыхъ она находилась въ то время. Поэтому для обѣихъ державъ одинаково важно соединить свои усилія, чтобы укрѣпить существованіе Турціи и удалять всѣ опасности, которыя могутъ угрожать ея спокойствію. Съ этой цѣлью признавалось необходимымъ не безпокоить ее разными дипломатическими придирками (des tracasseries) и не вмѣшиваться безъ крайней къ тому необходимости въ ея внутреннія дѣла.

Чтобы провести эту систему въ жизнь, рекомендовалось не терять изъ вида двухъ вещей.

---

[1]) См. Приложеніе № 18.

Порта одержима постояннымъ желаніемъ освободиться отъ обязательствъ, которыя на нее налагаютъ договоры, заключенные съ другими державами; она всегда разсчитываетъ это сдѣлать безнаказанно, надѣясь на взаимную зависть державъ. Необходимо разубѣдить Порту въ этомъ заблужденіи, и польза всѣхъ кабинетовъ требуетъ дать ей почувствовать ошибку ея поведенія всякій разъ, когда она будетъ пренебрегать своими обязательствами относительно одного какого-либо государства, и настойчиво убѣдить ее въ необходимости дать справедливое удовлетвореніе.

Графъ К. В. Нессельроде въ кабинетѣ Мин. Иностр. дѣлъ (съ акв. Гарсени).

Въ положеніи Порты существуетъ еще другое затрудненіе — это необходимость соединить уваженіе къ верховной власти султана, основанной на мусульманскихъ законахъ, со вниманіемъ къ интересамъ христіанскаго населенія имперіи. Это затрудненіе имѣетъ реальную подкладку. При настоящемъ состояніи умовъ въ Европѣ, державы не будутъ спокойно смотрѣть на притѣснительныя дѣйствія противъ христіанскихъ народностей Турціи, вызываемыя религіозной нетерпимостью. Необходимо безпрестанно давать чувствовать эту истину турецкимъ министрамъ и убѣдить ихъ въ томъ, что они могутъ разсчитывать на дружбу и поддержку великихъ державъ только при условіи обращенія съ христіанскими подданными Порты съ мягкостью и религіозной терпимостью. Съ своей стороны, иностранные представители державъ должны употребить все свое вліяніе, чтобы удержать этихъ послѣднихъ въ подчиненіи верховной власти султана. Руководимые подобнымъ принципомъ, они должны дѣйствовать въ полномъ согласіи между собою; всякія предостереженія, дѣлаемыя Портѣ, должны носить отпечатокъ полнаго единодушія, безъ какого-либо исключительнаго превосходства. Слѣдуя такой системѣ, представителямъ великихъ державъ скорѣе всего удастся достигнуть успѣха въ ихъ намѣреніяхъ, не вызывая осложненій, угрожаю-

щихъ спокойствію Оттоманской Имперіи. Если всѣ державы чистосердечно присоединятся къ такому образу дѣйствій, то тогда можно надѣяться на сохраненіе существованія Турціи.

„Нельзя, однако, не признаться самому себѣ", продолжаетъ далѣе графъ Нессельроде, „сколько элементовъ распаденія заключаетъ въ себѣ эта имперія. Непредвидѣнныя обстоятельства „могутъ ускорить ея паденіе, не позволивъ дружественнымъ „державамъ его предупредить. Но такъ какъ человѣческому „разуму не дана возможность заблаговременно установить способъ „дѣйствій въ видахъ той или другой неожиданности, то будетъ „преждевременно разсуждать о случайностяхъ, которыя могутъ „осуществиться. Среди той неувѣренности, которая существуетъ „относительно будущаго, одна основная мысль достойна поистинѣ „практическаго примѣненія: опасность, которая можетъ произойти „отъ катастрофы съ Турціей, на много уменьшится, если Россія „и Англія согласятся между собою относительно способа дѣйствій „въ этомъ случаѣ. Это согласіе будетъ тѣмъ болѣе благотворно, „что оно встрѣтитъ полное одобреніе со стороны Австріи, между „которой и Россіей существуетъ полное сходство взглядовъ на „турецкія дѣла, въ видахъ общаго интереса сохраненія мира. „Остается только желать присоединенія къ этому соглашенію „Англіи, чтобы придать ему еще большую силу".

Выяснивъ далѣе выгоды такого соглашенія между Россіей и Англіей и упомянувъ, что общія основанія его были установлены во время пребыванія Государя въ Лондонѣ, а меморандумомъ они лишь подтверждаются, канцлеръ устанавливалъ, что, въ случаѣ какихъ-либо неожиданностей въ Турціи, Россія и Англія соглашаются дѣйствовать совмѣстно, имѣя въ виду слѣдующія цѣли:

1) „Стараніе поддержать существованіе Оттоманской Имперіи „въ настоящемъ ея видѣ до тѣхъ поръ, пока эта политическая „комбинація будетъ возможна.

2) „Если мы будемъ предвидѣть, что Оттоманская Имперія „должна погибнуть, то предварительно должны согласиться отно„сительно новаго порядка вещей, который долженъ будетъ за„мѣнить нынѣ существующій, и совмѣстно заботиться о томъ, „чтобы эта перемѣна не нарушала спокойствія нашихъ собствен„ныхъ странъ и правъ, обезпеченныхъ трактатами, и не мѣшала бы „поддержанію европейскаго равновѣсія".

Въ заключеніе графъ Нессельроде высказывалъ увѣреніе, что къ соглашенію должна будетъ примкнуть и Франція; такимъ

образомъ, возможность столкновенія между великими державами будетъ устранена, и общій миръ въ Европѣ будетъ поддержанъ даже среди самыхъ критическихъ обстоятельствъ.

Вотъ въ чемъ заключалась сущность нашей политики, какъ она выразилась въ переговорахъ Императора Николая въ Лондонѣ. Въ каждомъ словѣ меморандума замѣчается полное отсутствіе ся честолюбивыхъ замысловъ, и Императора Николая скорѣе можно обвинить въ томъ, что онъ, для обезпеченія мира, окончательно подчинилъ русскую самостоятельность въ дѣлахъ Востока европейскому концерту, чѣмъ въ какихъ-либо поползновеніяхъ на цѣлость турецкихъ владѣній. Это было соглашеніе охранительное, но никоимъ образомъ не наступательное. Николай Павловичъ, оберегая Россію съ присущей ему энергіей отъ революціонныхъ волненій, болѣе чѣмъ кто-либо сознавалъ нежелательность европейской войны. Считая себя огражденнымъ отъ революціонныхъ движеній со стороны запада своимъ вліяніемъ на Австрію и Пруссію, онъ, очевидно, обращалъ наибольшее вниманіе на югъ, какъ потому, что тамъ наши владѣнія непосредственно соприкасались съ турецкими, такъ и потому, что Турція былъ тотъ очагъ, въ которомъ сосредоточивались интересы большинства великихъ европейскихъ державъ. Осложненія въ дѣлахъ Востока легко могли вызвать войну и революціонное броженіе.

Меморандумъ графа Нессельроде имѣлъ значеніе лишь изложенія обмѣна мыслей между Государемъ и лордомъ Абердиномъ, но не представлялъ изъ себя документа, съ которымъ должно было бы считаться англійское правительство и послѣ ухода перваго министра отъ дѣлъ. На вопросъ лорда Абердина о томъ, угодно ли Государю, чтобы меморандумъ хранился въ архивахъ обоихъ кабинетовъ, или же Его Величество предпочтетъ устное обязательство англійскихъ министровъ [1]), Императоръ Николай приказалъ отвѣтить, что, напротивъ, „онъ будетъ особенно удо„влетворенъ, если документъ такого выдающагося значенія будетъ „сохраняться въ архивахъ обоихъ кабинетовъ въ свидѣтельство „ихъ соглашенія, которое, съ своей стороны, онъ рѣшилъ свято „соблюдать“ [2]). По этому поводу происходила длинная переписка между нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и посломъ въ

---

[1]) Донесеніе графа Нессельроде Императору Николаю изъ Лондона отъ 6 (18) октября 1844 года. Гос. Арх., Разр. III, № 104.

[2]) Письмо графа Нессельроде барону Брунову отъ 27 октября (8 ноября) 1844 года. Гос. Арх., Разр. III, № 104.

Лондонѣ, которая привела къ очень оригинальному выполненію ясно выраженной воли Императора Николая.

Баронъ Брунновъ предложилъ лорду Абердину обмѣняться письмами съ графомъ Нессельроде, въ которыхъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ сообщалъ бы главѣ великобританскаго правительства, что Государь удостоилъ своимъ утвержденіемъ меморандумъ, а лордъ Абердинъ въ своемъ отвѣтѣ долженъ былъ признать, что этотъ документъ „точно выражаетъ принципы, установленные во время пребыванія Его Величества въ Англіи“ [1]). Послѣ нѣсколькихъ дней обдумыванія, англійскій министръ согласился на закрѣпленія мыслей, выраженныхъ въ меморандумѣ, обмѣномъ съ графомъ Нессельроде секретными письмами, имѣющими личный и дружественный характеръ.

Императоръ Николай въ Лондонѣ въ 1844 г.

Надо отдать справедливость барону Бруннову, который откровенно высказалъ свое мнѣніе, что эта формальность „ничего „не прибавитъ къ обязательной силѣ соглашенія“ [2]), заключеннаго во время пребыванія Государя въ Лондонѣ [3]). Графъ же Нессельроде, отправляя барону Бруннову свое письмо для врученія лорду

---

[1]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде отъ 21 ноября (3 декабря) 1844 года, №№ 10 и 11. Гос. Арх., Разр. III, № 104.
Письма эти помѣщены въ Приложеніяхъ №№ 19 и 20.

[2]) Тамъ же.

[3]) Императоръ Николай на письмѣ барона Бруннова написалъ: „A merveille“.

Абердину, требовалъ замѣны его, со стороны послѣдняго, подобнымъ же письмомъ, которое „служило бы удостовѣреніемъ согласія англійскаго правительства на принципы, изложенные въ меморандумѣ, и дало бы новую силу соглашенію, заключенному устно во время пребыванія Государя въ Лондонѣ“ [1]).

Великая Княгиня Елена Павловна (съ лит. И. Гефелихъ, по рис. Крихуберъ, 1847 г.).

Въ дѣйствительности текстъ обоихъ писемъ, которыми обмѣнялись главы кабинетовъ, поражаетъ своимъ различіемъ. Графъ Нессельроде своимъ письмомъ [2]) выполнялъ „пріятный долгъ“, увѣдомляя благороднаго лорда, что „Его Величество удостоилъ своимъ полнымъ одобреніемъ документъ, предназначенный удостовѣрить все то, что было сказано между нимъ и министрами королевы во время пребыванія Государя въ Лондонѣ. Императоръ находитъ, что меморандумъ отлично выполняетъ это условіе, что онъ заключаетъ самый вѣрный отчетъ объ его разговорахъ съ вами и вашими коллегами, и что принципы, которые онъ устанавливаетъ, будутъ самымъ вѣрнымъ руководителемъ въ нашемъ общемъ согласномъ поведеніи въ дѣлахъ Востока“. Лордъ Абердинъ, съ своей стороны [3]), ограничился только выраженіемъ удовольствія узнать, что Государь соблаговолилъ признать точность меморандума, „заключающаго въ себѣ сущность разныхъ разговоровъ, которыми я былъ удостоенъ Его Императорскимъ Величествомъ во время пребы-

[1]) Графъ Нессельроде барону Бруннову отъ 16 декабря 1844 года. Гос. Арх., Разр. III, № 104.
Письмо это помѣщено въ Приложеніи № 21.
[2]) См. Приложеніе № 22.
[3]) См. Приложеніе № 23.

„ванія его въ здѣшней странѣ“ и выразилъ надежду на солидарность взглядовъ при обмѣнѣ мнѣній съ графомъ Нессельроде во время его пребыванія въ Лондонѣ, которыя онъ надѣялся имѣть въ виду при всѣхъ сношеніяхъ по дѣламъ Востока.

Такимъ образомъ мы давали торжественное обѣщаніе передъ министрами Великобританіи слѣдовать въ нашей политикѣ на Востокѣ выработанной меморандумомъ программѣ и не предпринимать ничего безъ согласія Англіи, а въ обмѣнъ за это получали лишь неопредѣленное увѣдомленіе лично отъ лорда Абердина въ формѣ, совершенно не обязательной для великобританскаго правительства.

Смѣемъ думать, что не надо быть и дипломатомъ, чтобы придать должную оцѣнку обоимъ документамъ. Баронъ Брунновъ препроводилъ въ Петербургъ письмо лорда Абердина, не упомянувъ ни словомъ объ его оригинальной редакціи [1]), и, видимо, былъ очень доволенъ достигнутыми имъ результатами; графъ Нессельроде, съ своей стороны, ничего противъ него не возражалъ, и нѣтъ данныхъ думать, чтобы онъ выяснилъ Государю, что отвѣтъ лорда Абердина совершенно не соотвѣтствовалъ желанію, категорически выраженному Императоромъ Николаемъ своему канцлеру.

Одновременно съ веденіемъ переговоровъ объ обмѣнѣ писемъ на барона Бруннова была возложена задача подготовить почву для будущихъ сообщеній, которыми Государь предполагалъ обмѣняться съ великобританскимъ кабинетомъ на счетъ тѣхъ новыхъ комбинацій, которыя могли бы со временемъ замѣнить существовавшій въ Турціи порядокъ вещей [2]). На это письмо нашъ Лондонскій посолъ отвѣтилъ длиннымъ разсужденіемъ, которое настолько характерно, что мы приведемъ его почти въ полномъ объемѣ, тѣмъ болѣе, что оно разъясняетъ поведеніе Императора Николая передъ началомъ кровавой драмы пятидесятыхъ годовъ [3]).

Начавъ съ заявленія, что лордъ Абердинъ сознаетъ всю политическую важность намѣренія Русскаго Государя не ожидать крушенія Оттоманской Имперіи для того, чтобы начать думать

---

[1]) Письмо барона Бруннова къ графу Нессельроде отъ 9 (21) января 1845 года помѣщено въ Приложеніи № 22.

[2]) См. Приложеніе № 19.

[3]) Письмо барона Бруннова графу Нессельроде отъ 21 ноября (3 декабря) 1844 года, № 11. Гос. Арх., Разр. III, № 104. Французскій текстъ этого письма помѣщенъ въ Приложеніи № 20.

о средствахъ возстановленія на ея развалинахъ новаго порядка вещей, баронъ Брунновъ переходитъ къ характеристикѣ современнаго положенія этого вопроса.

„Я хорошо знаю", пишетъ онъ про лорда Абердина, „что его „система будетъ состоять въ предоставленіи нашему Августѣйшему „Монарху заботы принять на себя иниціативу въ этомъ важномъ „дѣлѣ. Тогда онъ сообразитъ, могутъ ли предложенныя комби- „націи согласоваться съ интересами и видами Англіи. Съ своей „стороны, онъ ничего не представитъ впередъ.

„Таково же было положеніе, въ которомъ Государь нашелъ „англійскихъ министровъ во время своего пребыванія въ этой „странѣ. Его Величество удостоитъ вспомнить, что въ эту эпоху „сэръ Робертъ Пиль и лордъ Абердинъ воздержались отъ сооб- „щенія какой-либо мысли о томъ, *что надо будетъ дѣлать* [1]), „если Оттоманская Имперія рухнетъ.

„Я думаю, что я не ошибусь, увѣряя, что въ настоящее „время англійскіе министры не имѣютъ никакого реальнаго пред- „положенія относительно этого вопроса будущаго. Но такъ какъ „нѣтъ ничего болѣе труднаго, какъ удалить изъ головы англій- „скаго министра ложную мысль, которая успѣла уже пустить „въ ней корни, то я смотрю, какъ на счастливое обстоятельство, „что великобританскій кабинетъ не намѣтилъ себѣ опредѣленнаго „плана относительно могущихъ быть случайностей въ судьбѣ „Турціи. По крайней мѣрѣ, мы будемъ имѣть преимущество не „бороться съ программой, пустившей глубокіе корни въ умахъ „министровъ, и которая, можетъ-быть, совершенно не будетъ „соотвѣтствовать видамъ нашего Августѣйшаго Монарха". Далѣе баронъ Брунновъ совѣтуетъ вести переговоры съ Англіей относительно будущаго устройства Турціи возможно медленнѣе, отнюдь не торопясь, и мысли свои основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ:

„Право первенства въ предварительныхъ сношеніяхъ по „турецкимъ дѣламъ, которое предоставилъ намъ великобританскій „кабинетъ, фактъ совершенно новый въ исторіи нашихъ поли- „тическихъ сношеній съ Англіей... Ставшій въ настоящее время „у власти консервативный кабинетъ поставилъ за правило въ „дѣлахъ Востока всѣмъ пяти державамъ дѣйствовать одновременно. „Я думаю, что онъ убѣдился въ невозможности полной одно-

[1]) Курсивъ барона Бруннова.

Императоръ Николай I
(съ набр. съ нат. А. Чернышева, 1846 г.).

„временности дѣйствій. „Для того, чтобы по„литическое движеніе „было хорошо на„правлено, необходимо, „чтобы толчекъ былъ „данъ съ какой-нибудь „стороны. Вотъ что ан„глійскіе министры от„лично почувствовали, „когда оказались передъ „лицемъ Государя. Они „увѣровали въ него. „Они были поражены „простотой и силой его „языка, когда онъ имъ „объявилъ, что не хо„четъ быть владыкой „Константинополя, но и „не допуститъ тѣмъ „болѣе Англію имъ за„владѣть. Съ тѣхъ поръ „они сказали сами себѣ, „что монархъ, который „такъ откровенно вы„сказываетъ свои мыс„ли, есть тотъ, съ кото„рымъ придется рѣшить судьбу Оттоманской Имперіи, если это „политическое тѣло рушится. Съ тѣхъ поръ англійскій кабинетъ „вступилъ на новый путь. Онъ взялъ за правило прежде согла„шаться съ Россіей, а потомъ совѣщаться съ другими европей„скими державами". „Правило" это было, очевидно, создано розовымъ воображеніемъ нашего лондонскаго посла.

Далѣе авторъ письма переходитъ къ общимъ разсужденіямъ относительно необходимости осторожно работать для развитія всякой новой политической системы, чтобы не испортить ее въ самомъ началѣ, такъ какъ только въ такомъ случаѣ слова Государя принесутъ наилучшіе плоды; имъ надо дать развиваться мало-по-малу и созрѣвать при помощи времени. Въ особенности такой образъ дѣйствій необходимъ, благодаря нерѣши-

тельному и имѣющему мало вѣры въ самого себя характеру лорда Абердина.

Съ другой стороны, успѣхъ всего дѣла много зависѣлъ отъ оборота событій въ Турціи. Англійскіе министры, по словамъ Бруннова, находились всецѣло подъ впечатлѣніемъ извѣстій, присылаемыхъ имъ изъ Константинополя. То они вѣрили въ вѣчное существованіе Порты, то они считали ея паденіе событіемъ возможнымъ и попеременно переходили отъ надежды къ страху. Страдфордъ Канингъ, великобританскій посолъ въ Константинополѣ, дѣлалъ это состояніе неувѣренности вдвойнѣ тягостнымъ. Онъ судилъ событія по своимъ личнымъ ежедневнымъ впечатлѣніямъ. Если турецкіе министры ему льстили, то Порта въ его глазахъ должна была существовать вѣчно; если они имъ пренебрегали, то она находилась наканунѣ катастрофы. Въ декабрѣ 1844 года онъ представлялъ положеніе Турціи въ очень непривлекательныхъ краскахъ: подкупъ и неспособность министровъ, закоренѣлый фанатизмъ, наравнѣ съ желаніемъ льстить мнѣнію Европы нѣкоторыми проблематическими уступками въ пользу райи, работа въ этомъ направленіи французскаго посланника съ цѣлью успокоенія періодической печати, полное внутреннее неустройство страны — такова была въ общихъ чертахъ нарисованная Страдфордомъ Канингомъ картина положенія Турціи.

Это донесеніе Великобританскаго посла дало поводъ барону Бруннову убѣждать лорда Абердина въ неизбѣжности паденія Турціи и въ необходимости заблаговременно обсудить послѣдствія такого событія. Къ сожалѣнію, авторъ письма, увлекаясь красотою своихъ собственныхъ разсужденій, не сообщаетъ, по обыкновенію, мыслей, высказанныхъ его собесѣдникомъ. А между тѣмъ подобный же разговоръ Императора Николая въ 1853 году съ великобританскимъ посломъ въ Петербургѣ, Сеймуромъ, привелъ къ совершенно другимъ печальнымъ результатамъ [1]). Канцлеръ, одобривъ въ своемъ отвѣтѣ барону Бруннову [2]) его образъ дѣйствій, подтвердилъ только непремѣнную волю Императора Николая, чтобы Константинополь не принадлежалъ ни Россіи, ни Франціи, ни Англіи, и что онъ никогда не согласится на возстановленіе Византійской Имперіи.

---

[1]) Императоръ Николай на этомъ письмѣ барона Бруннова сдѣлалъ слѣдующую помѣтку: „Nous en parlerons“.

[2]) См. Приложеніе № 21.

Въ послѣдующія десять лѣтъ, вплоть до Крымской кампаніи, баронъ Брунновъ, видимо, исполнялъ намѣченную имъ самимъ себѣ программу. Онъ продолжалъ льстить своему Монарху и, трудно сказать съ какой долей искренности, представлять англійскую политику въ совершенно превратномъ видѣ. Считая себя необыкновенно искуснымъ дипломатомъ, онъ былъ убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ надъ англійскими государственными людьми и воображалъ себя способнымъ направлять ихъ дѣятельность въ духѣ нашихъ желаній. Нижеприводимыя его депеши свидѣтельствуютъ обо всемъ этомъ съ неопровержимой убѣдительностью.

Глава IV.

I.

Наступалъ памятный въ лѣтописяхъ Европы 1848-й годъ. Казалось, что въ ней все было спокойно, и дипломатическія канцеляріи великихъ державъ не предвидѣли нигдѣ грозныхъ осложненій. Лишь изъ Сициліи доходили вѣсти о народномъ волненіи, которому, впрочемъ, никто не придавалъ какого-либо значенія. А между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ Европы незамѣтно собирались темныя тучи, которыя разразились грозой самымъ неожиданнымъ образомъ.

Въ Петербургѣ зимній сезонъ, отличавшійся въ этомъ году большимъ оживленіемъ, подходилъ къ концу. 21 февраля, въ субботу на масленой, изъ Варшавы была получена депеша, поразившая всѣхъ своею неожиданностью. Она сообщала о происшедшей во Франціи перемѣнѣ. Король Людовикъ-Филиппъ отказался отъ престола въ пользу своего малолѣтняго внука, графа Парижскаго, съ передачей регентства, впредь до совершенно-лѣтія новаго короля, въ руки его матери, вдовствующей герцогини Орлеанской. Извѣстіе это, по словамъ барона Корфа [1]), разнеслось по городу съ быстротою молніи, но никто не могъ предполагать, что въ то время для королевской власти во Франціи была уже близка и окончательная развязка.

На слѣдующій день, въ воскресенье, у Наслѣдника Цесаревича въ Аничковомъ дворцѣ вся Императорская фамилія и высшее

[1]) Дневникъ барона М. А. Корфа за 1848 годъ.

общество веселились на „folle journée“, которая должна была закончиться блестящимъ баломъ. Въ пять часовъ быстрыми шагами вошелъ въ залу, гдѣ шли танцы, Императоръ Николай съ бумагами въ рукахъ, „произнося какія-то непонятныя для слушателей „восклицанія о переворотѣ во Франціи и о бѣгствѣ короля“.

Государь былъ взволнованъ до глубины души. Въ паденіи нелюбимаго „короля баррикадъ“ онъ видѣлъ давно предсказываемую имъ кару Божію и наказаніе за произведенный восемнадцать лѣтъ тому назадъ обманъ, а также за попраніе строгой законности и принципа легитимизма. Но наравнѣ съ этимъ Императоръ Николай былъ озабоченъ торжествомъ революціи.

Явившись вечеромъ вторично на балъ, онъ обратился къ группѣ присутствовавшихъ тамъ лицъ со слѣдующими словами, которыя съ обычной откровенностью выказывали чувства Государя: „Voilà donc la comédie jouée et finie, et le coquin à bas. „Voilà bientôt dix-huit ans qu'on me taxe d'imbécile, quand je dis „que son crime trouvera sa punition encore ici-bas, et pourtant mes „prévisions viennent de s'accomplir“ [1]). „По дѣломъ ему, прекрасно, „безподобно!“ [2]).

Съ своей стороны, Императрица говорила въ кружкѣ приближенныхъ ей лицъ, что бывшій король, вѣроятно, не разъ вспоминалъ въ своемъ бѣгствѣ изъ Парижа о нашемъ Государѣ, и что образъ Императора Николая долженъ былъ преслѣдовать его, какъ страшный призракъ [3]).

На петербургское общество извѣстіе о февральской революціи произвело, по словамъ современниковъ, очень сильное впечатлѣніе. Чувствовалось, что въ этомъ водоворотѣ страстей Россія не останется въ сторонѣ, и что вполнѣ опредѣленные взгляды ея Государя не замедлятъ указать тотъ путь, по которому ей надлежитъ слѣдовать въ общей сумятицѣ, охватившей западъ Европы. Даже въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта болѣе говорилось о французскихъ событіяхъ, чѣмъ о текущихъ дѣлахъ. Всеобщее возбужденіе росло по мѣрѣ полученія новыхъ извѣстій изъ Парижа и въ особенности вѣстей о начавшихся волненіяхъ въ Германіи, т.-е. въ ближайшемъ съ нами сосѣдствѣ.

---

[1]) „Вотъ, наконецъ, комедія разыграна и окончена, и бездѣльникъ палъ. Вотъ уже „скоро восемнадцать лѣтъ, какъ меня считаютъ глупцомъ, когда я говорилъ, что его престу„пленіе будетъ наказано еще здѣсь, на землѣ, а между тѣмъ мои предсказанія сбылись“.

[2]) Дневникъ барона М. А. Корфа за 1848 годъ.

[3]) Тамъ же.

Князь П. М. Волконскій.

Еще на балу у Наслѣдника Государь замѣтилъ, что „коммунисты и радикалы между нѣмцами легко могутъ, пожалуй, „затѣять что-нибудь подобное „и у себя“, и въ порывѣ перваго сильнаго впечатлѣнія высказалъ мысль о постановкѣ на военную ногу 300-тысячной арміи, имѣя въ виду отправить ее на Рейнъ для укрощенія революціонной гидры [1]). Смѣлый, правдивый голосъ старика князя П. М. Волконскаго, поддержанный совѣтами графа Орлова и графа Киселева, былъ услышанъ, однако, Императоромъ Николаемъ, подчинившимъ, какъ это неоднократно бывало, свои личныя чувства требованіямъ государственной мудрости [2]). Отлично знавшій характеръ своего Государя, графъ П. Д. Киселевъ болѣе всего опасался, что рыцарскія чувства Императора Николая относительно его союзниковъ заставятъ подъ первымъ впечатлѣніемъ принять рѣшеніе, не соотвѣтствующее истиннымъ интересамъ Россіи. „Не давайте только воли чувству великодушія „относительно вашихъ союзниковъ“, смѣло предостерегалъ Государя графъ Павелъ Дмитріевичъ [3]).

По всей вѣроятности, подъ впечатлѣніемъ этихъ разговоровъ Императоромъ Николаемъ была утверждена слѣдующая инструкція

---

[1]) Баронъ Корфъ приводитъ въ своихъ запискахъ со словъ графа Киселева очень характерный разсказъ, относящійся къ поведенію князя Варшавскаго въ эту эпоху. „Въ фельдмаршалѣ явно отражались тѣ же фазы, черезъ которыя прошелъ и Государь. Сперва онъ „дышалъ самымъ восторженнымъ героическимъ духомъ и одною лишь войною. Къ веснѣ, „говорилъ онъ, мы можемъ выставить 370 тыс. войска, а съ этимъ пойдемъ и раздавимъ „всю Европу!...— Кому же командовать этой арміей, возражалъ Киселевъ!—Кому? А на что же „Паскевичъ? Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы? Кто во всей новѣйшей исторіи „счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ *пять* штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. „Авось Богъ дастъ ему и теперь не ударить лицемъ въ грязь!

„Но прошло нѣсколько дней, и Паскевичъ совсѣмъ перемѣнилъ тонъ; онъ уже началъ „говорить о безполезности внѣшнихъ съ нашей стороны дѣйствій, о большей необходимости „охранять внутреннее спокойствіе и пр.“ (Русск. Стар., 1900 г., кн. 3).

[2]) Записки В. И. Панаева; Дневникъ барона М. А. Корфа.

[3]) Изъ записокъ барона Корфа (Русск. Стар., 1900 г., кн. 3).

нашему послу въ Парижѣ, которую канцлеръ препроводилъ ему 3 (15) марта 1848 года [1]), и которая вполнѣ ясно опредѣляла роль Россіи относительно послѣдовавшаго во Франціи переворота. „Дорогой Киселевъ, послѣ парижскихъ событій васъ всѣ будутъ „спрашивать, включая сюда, можетъ-быть, и господина Ламартина, „что хочетъ и что будетъ дѣлать Россія? Вы должны отвѣчать: „она хочетъ мира и поддержанія въ Европѣ территоріальнаго „распредѣленія, намѣченнаго Вѣнскимъ и Парижскимъ трактатами. „Она не хочетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и не „приметъ никакого участія во внутреннихъ распряхъ, которыя „могутъ ее поколебать; она никакимъ образомъ не будетъ вліять „на выборъ націей себѣ правительства. Въ этомъ отношеніи „Россія будетъ придерживаться самаго строгаго нейтралитета. „Но какъ только Франція выйдетъ изъ своихъ предѣловъ или „атакуетъ одного изъ союзниковъ Императора, или если она „будетъ поддерживать внѣ своихъ границъ революціонное дви- „женіе народовъ противъ ихъ законныхъ государей, то Императоръ „придетъ на помощь атакованной державѣ и въ особенности „своимъ болѣе близкимъ союзникамъ, Австріи и Пруссіи, всѣми „своими силами. Такого языка вы должны держаться, и въ такомъ „духѣ я отвѣчаю представителямъ дипломатическаго корпуса, „ожидая времени, когда намъ можно будетъ публично объявить „виды и намѣренія Императора“ [2]).

„Въ эти смутныя времена“, замѣчаетъ баронъ Корфъ, „поло- „женіе Императора Николая было, конечно, однимъ изъ самыхъ „тягостныхъ. Съ его привязанностью къ монархическому началу, „имѣя близкихъ ему и его семьѣ почти во всѣхъ дворахъ Гер- „маніи, а въ одномъ изъ нихъ и родную дочь, онъ принужденъ „былъ бездѣйственно смотрѣть, какъ падали вокругъ него цари „и престолы, и какъ отъ дерзостнаго буйства страстей разрушалась „вся святыня исконныхъ политическихъ вѣрованій.... Но, поистинѣ, „тутъ мы и научились познавать все величіе духа нашего Мо- „нарха“.... Императоръ Николай и въ эти тяжелые дни ни въ „чемъ не измѣнилъ порядка своихъ обычныхъ занятій, находилъ время даже для второстепенныхъ дѣлъ, казался веселымъ, и во время отдыха его рѣчь попрежнему изобиловала остроумными шутками.

---

[1]) Гос. Арх., Разр. III, № 165 (1848 г.).
[2]) Французскій подлинникъ въ Приложеніи № 24.

А между тѣмъ возбужденныя на западѣ волненія подходили въ своемъ движеніи къ востоку къ нашимъ границамъ. Въ Берлинѣ начались „Мартовскіе дни“, смуты въ Австріи и Венгріи принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

Императоръ Николай слѣдилъ за событіями съ озабоченнымъ вниманіемъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ усилить свои войска на западной границѣ и въ особомъ торжественномъ актѣ громогласно возвысить передъ лицемъ народа и Европы свой голосъ по поводу происходившихъ событій и высказать чувства, его волновавшія. Результатомъ такого рѣшенія былъ надѣлавшій столько шуму манифестъ 14 марта.

Въ тиши своего кабинета, среди массы текущихъ заботъ и въ возбужденномъ отъ свершавшихся кругомъ тяжелыхъ событій состояніи, изливалъ Государь въ собственноручномъ проектѣ этого историческаго документа тѣ мысли, которыя наполняли все его существо. Вѣра въ Божественное провидѣніе, во власть, исходящую отъ Бога, въ то полное единеніе, которое существуетъ между Русскимъ Царемъ и многомилліонной Россіей и которое такъ же ясно сознавалось Императоромъ Николаемъ, какъ и каждымъ его подданнымъ, наконецъ, несомнѣнное рѣшеніе всего русскаго народа стать до единаго на стражѣ исконныхъ его традицій, все это съ полной опредѣленностью вылилось изъ-подъ пера Николая Павловича.

Окончательная редакція манифеста была возложена на барона Корфа. Описывая минуты, когда онъ читалъ Государю свой трудъ, баронъ Корфъ замѣтилъ, что на глазахъ Императора появились слезы. „Видно было, что онъ всей душой слѣдилъ за „этимъ выраженіемъ завѣтныхъ его мыслей и чувствъ“.

Однако, Государь очень хорошо сознавалъ, что манифестъ будетъ читаться не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ слова русскаго Монарха въ обращеніи къ своему народу могутъ быть превратно истолкованы, а потому, несмотря на собственное благородное увлеченіе и на восторги Корфа, онъ приказалъ изготовленный проектъ показать графу Нессельроде, который, по словамъ Государя, былъ „очень взыскателенъ на выра„женія и въ теперешнихъ обстоятельствахъ совершенно въ томъ „правъ“.

Обоимъ цензорамъ мыслей Государя, и графу Нессельроде и барону Корфу, пришли на умъ тождественныя замѣчанія относительно впечатлѣнія, которое манифестъ можетъ про-

П. Д. Киселевъ (съ русск. лит.).

извести на Европу, но они не рѣшились открыто ихъ высказать, а оставили ихъ до всеразрѣшающей критики времени „про себя".

Манифестъ 14 марта производилъ грозное и величественное впечатлѣніе. Въ немъ громовою струной звучало возмущеніе „разливающимися по-„всемѣстно съ наглостью мя-„тежемъ и безначаліемъ" и „дерзостью, угрожающей въ „безуміи своемъ Россіи" и „го-„товность въ союзѣ со святой „Русью" защищать честь русскаго имени и неприкосновенность предѣловъ Россіи. Онъ заканчивался увѣренностью, что древній призывъ „за вѣру, Царя и отечество" предукажетъ путь къ побѣдѣ, и религіознымъ возгласомъ: „Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, „яко съ нами Богъ!" [1]).

Впечатлѣніе, произведенное манифестомъ въ Россіи, было громадное. Когда Цесаревичъ прочелъ его собравшимся у него командирамъ и адъютантамъ отдѣльныхъ частей войскъ гвардіи, то раздалось восторженное, несмолкаемое „ура". Всѣ бросились цѣловать руки Цесаревича, и сцена достигла высшей степени умиленія [2]). Въ церквахъ, вслѣдъ за чтеніемъ манифеста, пѣлся тропарь: „Спаси, Господи, люди Твоя".

Но на ряду съ общимъ возбужденіемъ раздавались и болѣе спокойные, недоумѣвавшіе голоса. Такое обращеніе къ народу находили преждевременнымъ, не вызваннымъ обстоятельствами, такъ какъ Государству не угрожала никакая опасность. Многіе, подъ вліяніемъ манифеста, были искренно убѣждены, что Россія уже подверглась новому вторженію двунадесяти языковъ. Въ народѣ пошелъ говоръ о появленіи антихриста [3]).

---

[1]) Приложеніе № 25.
[2]) Дневникъ барона М. А. Корфа за 1848 годъ.
[3]) Н. Барсуковъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. IX, стр. 261, 262.

Въ Европѣ манифестъ произвелъ впечатлѣніе не менѣе сильное, чѣмъ въ Россіи, хотя и толковался тамъ весьма разнообразно. Одни желали въ немъ видѣть гордый вызовъ, брошенный сѣвернымъ гигантомъ торжествующей революціи, другіе — лишь новое подтвержденіе политической программы Императора Николая Павловича: „не тронь меня, я никого „не трону".

Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Канцлеръ графъ Нессельроде поспѣшилъ истолковать передъ Европой въ своемъ органѣ „Journal de St-Pétersbourg" смыслъ манифеста именно въ этомъ духѣ. Наше Министерство Иностранныхъ дѣлъ объясняло Европѣ, что Россію не слѣдуетъ „представлять себѣ „какимъ-то страшилищемъ", что она только не потерпитъ, „чтобы чуземные возмутители раздували въ ея предѣлахъ пламя „мятежа", а равно, „чтобы, въ случаѣ измѣненія политическаго „равновѣсія и иного какого-либо распредѣленія областей, подобное „измѣненіе обратилось бы къ ущербу Имперіи". Внѣ указанныхъ случаевъ „она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ" [1]).

Въ то время, какъ общественное мнѣніе Европы смотрѣло на манифестъ 14 марта, какъ на открытый вызовъ популярнымъ идеямъ, охватившимъ большинство населенія Запада, взоры потрясенныхъ правительствъ обращались съ упованіемъ на Россію, которая, выражаясь словами одного изъ современныхъ русскихъ іерарховъ, стояла „непоколебимо, яко гора Сіонъ, среди все„мірныхъ треволненій" [2]).

---

[1]) Современная лѣтопись. Сынъ Отечества 1848 г., № 4. Полный текстъ помѣщенъ въ Приложеніи № 26.

[2]) Слово преосв. Иннокентія по прочтеніи Манифеста 14 марта. Спб., Син. тип., 1848 г.

Всѣ правительства Германіи потеряли головы, и парившій надъ ними исполинскій образъ Императора Николая особенно рельефно возвышался. Всѣ только на него и надѣялись, отъ него одного ждали себѣ спасенія [1]). Въ Европѣ, народы которой протягивали руку симпатіи республикѣ, царило полное смятеніе. „Даже Англія", говоритъ Герценъ, „покачнулась на своихъ среднев„вѣковыхъ основахъ. Франція естественно становилась главою „всемірнаго движенія.... Депутація за депутаціей являлись къ вре„менному правительству съ рѣчами сочувствія и братства. Поляки, „итальянцы, нѣмцы, американцы, ирландцы, англійскіе демократы „и чартисты наперерывъ заявляли свою дружбу и удивленіе. „И это не были праздныя слова. Достаточно только вспомнить, „что происходило въ 1848 году въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Миланѣ, „Римѣ, въ южной Германіи, въ Познани и въ самой Бельгіи. „Ни въ какую эпоху имперіи Франція не имѣла такого вліянія на „всю Европу, какъ въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ; правительства „были сбиты съ толку, народы за Францію; испугъ былъ такъ „великъ, что прусскій король и австрійскій императоръ соглашались „на демократическія уложенія [2])"....

Благородство чувствъ Императора Николая и безкорыстіе его политики въ годы революцій и потрясеній Европы признаютъ даже иностранные историки, менѣе всего способные увлекаться Россіей.

„Русское вліяніе", говоритъ одинъ изъ нихъ [3]), „всегда зна„чительное среди нѣмецкихъ владѣтельныхъ домовъ, необыкно„венно усилилось и достигло своего апогея послѣ февральскаго „потрясенія. Оставшись внѣ революціонной бури, которая охватила „почти всѣ государства контингента, Имперія царей казалась „самымъ крѣпкимъ оплотомъ началъ порядка и консервативнаго „духа. „Покоряйтесь народы, яко съ нами Богъ!" восклицалъ Импе„раторъ Николай въ знаменитомъ манифестѣ, и монархическая „Европа, не удивляясь особенно языку, который дѣлалъ въ нѣ„которомъ смыслѣ Бога участникомъ непомѣрной человѣческой „гордости, лишь восхищалась Государемъ, который съ замѣчатель„нымъ безкорыстіемъ трудился надъ возстановленіемъ законныхъ „властей и надъ сохраненіемъ мірового равновѣсія.

---

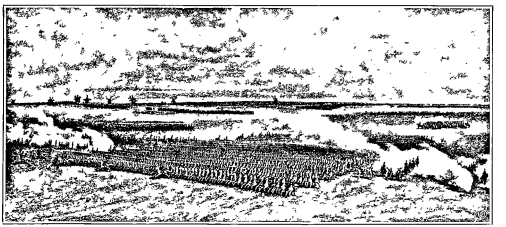
[1]) Воспоминанія протоіерея Базарова. Русск. Стар., т. 105, кн. III, стр. 524.
[2]) А. И. Герценъ. Сочиненія, т. 4, стр. 321, 322.
[3]) J. Klaczko. „Deux chanceliers", p. 16, 19.

„Справедливость требуетъ признать, что въ эти тревожные „годы сѣверный самодержецъ пользовался своимъ вліяніемъ и „мечемъ единственно для укрѣпленія пошатнувшихся престоловъ „и для охраненія трактатовъ. Онъ защищалъ Данію, къ которой „уже въ то время потянулась хищная рука Германіи, и съ го- „рячностью занялся приведеніемъ державъ къ соглашенію по этому „вопросу, благодаря которому удалось вырвать изъ рукъ нѣмцевъ „столь жадно захватываемую жертву. Онъ непосредственно вмѣ- „шался въ Венгерскую войну и помогъ, при помощи своей арміи, „раздавить возстаніе, потрясшее до самыхъ основаній древнюю „имперію Габсбурговъ, которая была обезсилена и внутренними „волненіями и двукратнымъ началомъ завоевательной войны со „стороны Піемонта. Мало расположенный и по своимъ убѣ- „жденіямъ и по своимъ интересамъ поддерживать объединенную „Германію, „первая мысль которой была мысль о захватѣ, а первый „окликъ воинственнымъ кличемъ [1])“, онъ способствовалъ всѣмъ „своимъ вліяніемъ возстановленію германской конфедераціи на „основаніяхъ, предшествовавшихъ 1848 году. Узы родства и „дружбы, которыя соединяли его съ берлинскимъ дворомъ, ни- „когда не были столь сильны, чтобы заставить хоть на минуту „отказаться отъ поддержки верховной власти германскихъ госу- „дарей и независимости государствъ; несмотря на искреннюю „привязанность, которую онъ питалъ къ своему „зятю-поэту“, „онъ не избавилъ Фридриха-Вильгельма IV отъ эвакуаціи гер- „цогствъ, ни отъ тяжелыхъ Ольмюцкихъ условій.... Въ этотъ „историческій моментъ Императоръ Николай былъ окруженъ „вполнѣ заслуженнымъ ореоломъ истиннаго величія и неизмѣ- „римаго престижа, который отразился и на лицахъ, являвшихся „представителями той политики Государя, непреклонной твердости „и прямоты которой никто не осмѣливался отрицать“.

Дѣйствительно, древняя монархія Габсбурговъ находилась въ это время на краю гибели. Каждая изъ ея разрозненныхъ въ національномъ отношеніи частей стремилась обособиться или влиться въ составъ единоплеменныхъ имъ государствъ. Одного слова Императора Николая было достаточно, чтобы Австрійская Имперія перестала существовать на картѣ Европы, какъ самостоятельное государство. Но онъ былъ далекъ отъ подобныхъ идей. Государь находилъ, что единство австрійской державы,

[1]) Выраженіе циркулярной депеши графа Нессельроде отъ 6 іюля 1848 года.

основанное на общности религіозныхъ вѣрованій и историческаго прошлаго, должно быть поддержано [1]). Побѣды Радецкаго надъ пьемонтцами, взятіе мятежной Вѣны княземъ Виндишгрецомъ и вѣрность предводительствуемыхъ баномъ Елачичемъ хорватовъ внушали Императору Николаю чувства живой радости, не только какъ близкіе его сердцу подвиги военной доблести и вѣрности присяги, но и какъ успѣхъ союзнаго ему монарха. „Ура! герою „Радецкому и нашему фельдмаршалу“, начерталъ Государь на депешѣ барона Медема отъ 17 мая 1848 года, сообщавшей о рѣшительной его побѣдѣ у Навары [2]). Австрійскіе полководцы



Маневры русской кавалеріи въ лагерѣ подъ Вознесенскомъ 1837 г.
(съ лит. Лемерсье, по рис. Раффе).

были богато одарены русскими орденами, которые они получили на много раньше австрійскихъ [3]).

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ въ Австріи произошло событіе чрезвычайной важности. Слабоумный императоръ Фердинандъ отказался отъ престола, на который вступилъ восемнадцатилѣтній эрцгерцогъ Францъ-Іосифъ, объявленный только наканунѣ своего воцаренія совершеннолѣтнимъ.

„Благоволите, Государь“, писалъ онъ 2 декабря 1848 года Императору Николаю Павловичу [4]), „перенести на меня часть „тѣхъ чувствъ довѣрія и расположенія, многочисленныя дока-

[1]) Докладъ графа Нессельроде 15 іюня 1848 года.
[2]) Записки барона М. А. Корфа.
[3]) Тамъ же.
[4]) Гос. Арх., карт. № 4065.

„зательства которыхъ до самой своей смерти получалъ славной „памяти императоръ Францъ.... Я надѣюсь, что мои политическіе „принципы и характеръ управленія позволятъ мнѣ пріобрѣсти „похвалу Вашего Величества“ [1]). Черезъ двѣ недѣли въ новомъ письмѣ австрійскій императоръ высказывалъ уже надежду, что Государь поддержитъ его и Австрію своей дружбой, а въ крайнемъ случаѣ и матеріальной помощью. Онъ взывалъ къ памяти своего дѣда, императора Франца, который при послѣднемъ свиданіи съ Николаемъ Павловичемъ просилъ его покровительства своимъ преемникамъ, говоря, что умретъ спокойно, лишь получивъ подобное обѣщаніе нашего Государя. Князь Виндишгрецъ въ своемъ благодарственномъ письмѣ также счелъ необходимымъ напомнить объ этомъ Императору Николаю.

Но такія напоминанія, конечно, были излишни. Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ на донесеніи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ Фонтона о возможности австрійскаго обращенія къ великодушію Императора Николая Павловича, Государь начерталъ: „И я отвѣчу на ихъ призывъ, и они во мнѣ не ошибутся“.

Не только, однако, чувство вѣрности данному слову и кажущейся общности политическихъ принциповъ имѣло въ этомъ случаѣ вліяніе на рѣшимость Государя оказать Австріи вооруженную помощь. Тѣсная связь, обнаруженная между венгерскимъ возстаніемъ и польской революціонной пропагандой въ сопредѣльной намъ Галиціи, а также въ западныхъ областяхъ Имперіи, придавала такому рѣшенію значеніе и съ точки зрѣнія собственныхъ государственныхъ интересовъ. Затушить по ту сторону границы пламя готовившагося возстанія было гораздо легче и безопаснѣе чѣмъ бороться съ нимъ въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ [2]).

Всеподданнѣйшія донесенія князя Варшавскаго представляли положеніе Царства Польскаго въ усиленно сгущенныхъ мрачныхъ краскахъ, что не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію вещей [3]); рѣдкія попытки заграничныхъ революціонеровъ, подавляемыя къ тому же въ теченіе восемнадцати лѣтъ рѣшительными мѣрами намѣстника, не встрѣчали подготовленной среди населенія почвы. А между тѣмъ донесенія князя Варшавскаго вызвали

---

[1]) Французскій подлинникъ см. въ Приложеніи № 27.

[2]) См. также „Воспоминанія стараго служаки“ А. Алексѣенко (Русск. Арх., 1890 г., кн. 3). „Взглядъ на революціонное движеніе“ В. А. Абазы (Русск. Арх., 1887 годъ).

[3]) Архивъ дипломатической канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора; Записки П. К. Менькова, т. 2.

чрезмѣрное утомленіе нашихъ войскъ, поставленныхъ въ необходимость совершать постоянныя передвиженія по всему западному краю и предоставленіе Виленскому, Ковенскому и Бессарабскому генералъ-губернаторамъ чрезвычайныхъ полномочій по охраненію общественнаго спокойствія [1]). Называя Паскевича въ одномъ изъ писемъ къ нему „зодчимъ стѣны“, благодаря которой „Богъ „помогъ намъ стать противъ постигшей другихъ гибели“, Государь сокрушался о томъ, что приходится лишь „смотрѣть, быть „осторожнымъ и ждать, сколь это ни тяжело“ [2]). Но „зодчій „стѣны“ въ своемъ воображеніи рисовалъ себѣ картины очень мрачныя и въ своей душѣ серьезно ожидалъ ежеминутнаго повторенія въ Варшавѣ кровавыхъ событій конца 1830 года.

О нравственномъ состояніи варшавскихъ властей лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующая записка генералъ-адъютанта князя Горчакова къ коменданту Александровской цитадели графу Симоничу, относящаяся къ 1848 году [3]): „Имѣются свѣдѣнія, что „сегодня долженъ вспыхнуть мятежъ; между прочимъ хотятъ „закидать матрацами и прочими предметами ровъ цитадели. Этотъ „послѣдній проектъ не имѣетъ никакого здраваго смысла. Тѣмъ „не менѣе фельдмаршалъ мнѣ приказалъ предупредить васъ объ „этомъ и просить быть насторожѣ сегодня и послѣдующіе дни „и не только ночью, *но и днемъ*“ [4]).

Подобнаго рода донесенія изъ Варшавы совмѣстно съ извѣстіемъ о приближеніи къ нашей границѣ изъ Буковины венгерскихъ повстанцевъ, подъ предводительствомъ польскаго революціоннаго генерала Бема, вызвали со стороны Государя распоряженіе „не ожидать, чтобы онъ къ намъ приближался, но, перейдя „границу, итти навстрѣчу и истребить его“ [5]).

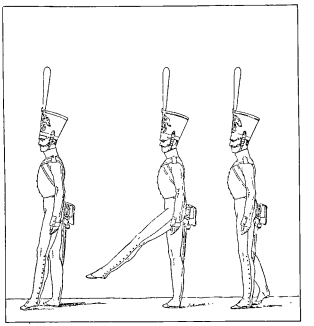
Благодаря изложеннымъ обстоятельствамъ, просьба императора Франца-Іосифа о нашей помощи въ подавленіи венгерскаго мятежа встрѣтила полную готовность Императора Николая оказать вооруженное содѣйствіе своему союзнику. „Мы „въ немъ не откажемъ“, гласилъ манифестъ 26 апрѣля 1849 года. „Призвавъ въ помощь правому дѣлу Всевышняго вождя браней

---

[1]) Указы отъ 19 марта 1848 года.
[2]) Письмо отъ 2 (14) января 1849 года. Собств. Его Велич. библіотека.
[3]) Изъ архива П. Я. Дашкова.
[4]) Переводъ съ французскаго.
[5]) Императоръ Николай князю Варшавскому 5 (17) января 1849 года. Собств. Его Велич. библіотека.

„и Господа побѣдъ, Мы повелѣли разнымъ арміямъ нашимъ „двинуться на потушеніе мятежа и уничтоженіе дерзкихъ зло„умышленниковъ, покушающихся потрясти спокойствіе и нашихъ „областей. Да будетъ съ Нами Богъ, и никто же на Ны!“

Впечатлѣніе, произведенное этимъ манифестомъ на русское общество, по словамъ барона Корфа [1]), было неблагопріятное. Многіе говорили, что намъ нѣтъ причины вступаться за другихъ, когда у самихъ неспокойно, намекая на надѣлавшую первоначально много шуму исторію Петрашевскаго; другіе же не сочувствовали оказанію помощи именно Австріи, „вѣроломная политика ко„торой довольно извѣстна „по исторіи“, и которая, въ случаѣ нашей нужды, конечно, не придетъ намъ на помощь.



Школа маршировки (съ русск. грав.).

Государь прибылъ въ Варшаву, чтобы находиться ближе къ театру военныхъ дѣйствій. Онъ поддерживалъ самую оживленную переписку съ руководившимъ боевыми операціями фельдмаршаломъ княземъ Паскевичемъ, и въ этихъ письмахъ, свидѣтельствующихъ о военныхъ талантахъ Императора, съ особой опредѣленностью проявились также его чуткость къ неразлучнымъ съ войной страданіямъ, его забота о солдатѣ и глубокое сознаніе своей отвѣтственности передъ Богомъ и совѣстью за свершающіяся событія.

Черезъ два мѣсяца кампанія кончилась, обнаруживъ несоотвѣтствіе полководческихъ талантовъ князя Варшавскаго съ тѣмъ ореоломъ славы, который окружалъ его среди современниковъ. Періодъ кампаніи, предшествовавшій сдачѣ арміи Гёргея, даже временно поколебалъ престижъ „отца-командира“ въ глазахъ

[1]) Изъ записокъ барона Корфа (Русск. Стар., 1900 г., кн. 4).

Императора Николая [1]). Это была какъ бы прелюдія къ разочарованіямъ 1854 года. Но послѣдовавшая вслѣдъ за тѣмъ безкровная сдача Гёргея сгладила плохое впечатлѣніе, получившееся отъ веденія всей кампаніи.

Венгерская армія сложила оружіе передъ русскими войсками, „прибѣгая къ посредничеству Нашему", какъ гласитъ манифестъ 17 августа 1849 года, „для испрошенія великодушнаго помилованія „у своего законнаго повелителя. Исполнивъ Нашъ обѣтъ свято, „повелѣли Мы нынѣ торжествующимъ войскамъ Нашимъ возвра„титься въ свои предѣлы. Съ благодарнымъ сердцемъ къ пода„телю всѣхъ благъ отъ глубины души восклицаемъ: Да, во„истину съ Нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко „съ Нами Богъ!"

Но здѣсь произошло одно обстоятельство, положившее печальный отпечатокъ на отношеніе къ намъ венгерской націи въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Ея армія охотно сдалась русскимъ войскамъ, предупредивъ, что она будетъ драться до послѣдняго, если появятся австрійцы, или если имъ будутъ выданы венгерскія войска. Императоръ Николай потребовалъ безусловной сдачи, но обѣщалъ ходатайствовать передъ законнымъ правительствомъ о милосердіи, въ дарованіи котораго былъ увѣренъ. Гёргею же было предложено, если онъ хочетъ, поселиться въ Россіи. Милосердіе было обѣщено, но не было исполнено на дѣлѣ [2]). Преимущество, оказанное венгерцами русскимъ войскамъ, и необходимость прибѣгнуть въ тяжелую годину внутреннихъ потрясеній къ русской помощи не могли не оставить горькаго осадка и въ отношеніяхъ спасенной такими исключительными средствами Австріи къ Россіи.

II.

Императоръ Николай, глубоко вѣровавшій въ Божественный источникъ монархизма и въ неприкосновенность данныхъ монархамъ отъ Бога правъ, не могъ смотрѣть одобрительно на попытки своего зятя, короля прусскаго, ввести полуконституціонныя измѣненія въ системѣ управленія государствомъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, насколько могъ, защищалъ свои пред-

[1]) Рукописныя записки Н. Н. Муравьева (Архивъ Г. Г. Черткова).
[2]) Архивъ дипломатической канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора.

положенія, доказывая Государю, что идея объединенія провинціальныхъ прусскихъ ландтаговъ въ одинъ общій ни въ чемъ не нарушаетъ началъ монархическаго управленія.

„Я не ослабилъ моей короны", писалъ король [1]), „я не пере„мѣнилъ стараго, естественнаго, патримоніальнаго устройства моего „государства". Но эти восклицанія не убѣждали Императора Николая, который на много раньше указывалъ королю, что „рево„люціонная пропаганда дѣлаетъ новыя завоеванія, и что число „враговъ общественнаго порядка увеличивается съ ужасающей „скоростью" [2]); за нѣсколько же недѣль до февральскаго переворота, поколебавшаго Францію, онъ предсказывалъ наступленіе страшныхъ бѣдствій, противъ которыхъ слѣдуетъ бороться не словами, а дѣйствіемъ. „Скажите мнѣ замолчать", пишетъ Государь [3]), „и мое молчаніе будетъ ненарушимо, но если говорить, „то я буду говорить только правду" [4]).

Предсказанія Императора Николая сбылись, и вслѣдъ за паденіемъ Людовика-Филиппа начались волненія и въ Германіи. Государь всѣми силами старался поддержать мужество упавшаго духомъ короля прусскаго, колебавшагося относительно выбора пути, по которому ему надлежало слѣдовать.

Фридрихъ-Вильгельмъ не допускалъ и мысли о торжествѣ революціонныхъ принциповъ въ порядкѣ управленія Пруссіей, но въ то же время ему казалось возможнымъ воспользоваться приподнятымъ настроеніемъ націи для осуществленія своей завѣтной мысли объединить Германію подъ главенствомъ прусской короны. Погоня за этими двумя цѣлями, совмѣстно со слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ короля, увлекавшагося поэзіей и мистицизмомъ и всегда находившагося подъ впечатлѣніемъ быстро мѣнявшагося въ разныя стороны настроенія, въ концѣ концовъ посадила его между двухъ стульевъ и заставила его державнаго зятя, которому поведеніе короля причиняло массу хлопотъ, выразиться о немъ характернымъ образомъ, что „нашъ прусскій „союзникъ очень слабъ".

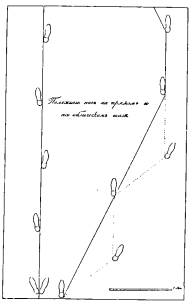
Объединенная Германія въ рукахъ такого властелина, какимъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ, не могла обезпечить спокойствія Европѣ, да, кромѣ того, образованіе ея шло совершенно въ раз-

---

[1]) Письмо отъ 12 декабря 1847 года.
[2]) Императоръ Николай королю Прусскому 2 января 1846 года.
[3]) Въ письмѣ къ королю Прусскому 6 января 1848 года.
[4]) „Dites-moi taire et mon silence sera imperturbable, mais parler, je parlerai toujours vrai".

рѣзъ съ трактатами 1815 года, а потому Императоръ Николай старался всей силой своего авторитета и родственныхъ вліяній поддержать въ извѣстномъ направленіи увлекающагося, не безъ большой, однако, дозы эгоистическихъ поползновеній, короля прусскаго.

Переписка между обоими монархами, относящаяся къ этому времени, обрисовываетъ весьма рельефно колеблющійся характеръ Фридриха-Вильгельма и дружественный, но рѣшительный и не отступающій отъ своихъ принциповъ тонъ Императора Николая. Желаніе перваго „вырвать изъ рукъ демагоговъ опасное „и фатальное оружіе германской націо„нальности“ [1]) вызвало со стороны Государя призывъ оставаться „le sauveur „de l'Allemagne et de la bonne cause“, стоять смѣло на высотѣ положенія и не отступать передъ задачей, указанной Провидѣніемъ [2]); однако, въ этихъ словахъ вовсе не заключалось призыва къ какому-либо измѣненію устройства Германіи, не соотвѣтствовавшаго трактатамъ 1815 года. Называя предлагаемую ему франкфуртскимъ парламентомъ корону объединенной Германіи „собачьимъ ошейникомъ“ [3]), король въ то же время принялъ депутацію этого парламента и, выслушавъ ее, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ объявилъ, что „въ ея „словахъ узнаетъ голосъ германскаго народа“.



Рисунокъ изъ устава первой половины XIX столѣтія.

Но Императоръ Николай Павловичъ не могъ, при свойственной ему прямотѣ, смотрѣть такъ двойственно на вещи. Онъ называлъ франкфуртскій парламентъ „Tas de vauriens“ [4]) и устами нашего посла въ Берлинѣ барона Мейендорфа заявилъ, что „Пруссія не имѣетъ права становиться во главѣ Германіи, „и что такое ея стремленіе не опирается ни на право, ни на „факты“ [5]).

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ Императору Николаю 17 (29) февраля 1848 года.
[2]) Императоръ Николай Фридриху-Вильгельму 29 февраля (12 марта) 1848 года.
[3]) Фридрихъ-Вильгельмъ Бунзену 5 мая 1849 года.
[4]) Надпись на депешѣ Медема изъ Вѣны 16 (28) ноября 1848 года.
[5]) Баронъ Мейендорфъ канцлеру 27 ноября 1849 года.

Прусскій дворъ началъ стараться создать такіе факты, и послѣ разгрома франкфуртскаго парламента берлинскій кабинетъ направилъ всѣ усилія, чтобы объединить германскія государства подъ главенствомъ Пруссіи. Первоначально было предположено образованіе федеральнаго государства съ королемъ прусскимъ во главѣ, который, вслѣдъ за образованіемъ такого государства, заключилъ бы союзъ съ Австріей. Но этотъ проектъ постигла неудача. Послѣ этого въ Берлинѣ рѣшили по крайней мѣрѣ сгруппировать вокругъ Пруссіи меньшія государства и создали Эрфуртскую унію. Въ отвѣтъ на это Австрія, на основаніи трактатовъ 1815 года, созвала на Франкфуртскій сеймъ представителей всѣхъ германскихъ владѣній, при чемъ на ея призывъ откликнулись даже многіе изъ членовъ прусской „уніи".

Германія раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, и среди всѣхъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ, поглотившихъ западную Европу, готовилась вспыхнуть междоусобная брань между главными нѣмецкими державами, союзницами Россіи, на полномъ единеніи съ которыми, какъ извѣстно, Императоръ Николай строилъ зданіе своей политики за послѣднія восемнадцать лѣтъ. Допустить такую войну, которая къ тому же дала бы могущественное средство распространить успѣхъ „дѣла революціи" на самой границѣ нашихъ предѣловъ, Государь, разумѣется, не могъ. Настало время, когда Императоръ Николай Павловичъ пришелъ къ заключенію, что пора возвысить свой мощный голосъ и перейти въ умиротвореніи своихъ нѣмецкихъ союзниковъ отъ словъ къ дѣлу.

Онъ рѣшительно высказался противъ прусской политики, скорбѣлъ о томъ, что „добрая, старая, приверженная къ законности Пруссія" перестала существовать, и откровенно дѣлился этимъ своимъ мнѣніемъ съ королемъ [1]). Государь не допускалъ удаленія Австріи изъ Германіи, и, по его порученію, баронъ Мейендорфъ не разъ говорилъ королю, что „Императоръ не можетъ „понять, какимъ образомъ ревностный защитникъ монархическаго „начала и охранительнаго союза съ Австріей можетъ создавать „планы, прямо противоположные тому, что онъ защищалъ въ теченіе всей жизни" [2]).

Въ маѣ 1850 года Государь находился въ Варшавѣ. Сюда прибыли принцъ прусскій Вильгельмъ изъ Берлина и князь

---

[1]) Императоръ Николай королю Прусскому 14 сентября 1848 года.
[2]) Баронъ Мейендорфъ канцлеру 8 сентября 1849 года.

Шварценбергъ изъ Вѣны. Король Фридрихъ-Вильгельмъ не упустилъ по этому случаю патетически воскликнуть: „Наступила „минута возванія къ Императору, чтобы онъ рѣшилъ споръ „между Австріей и Пруссіей!“ [1]).

Въ рѣшеніи Государя сомнѣнія быть не могло. Онъ склонился на сторону Австріи, такъ какъ этого требовала и неприкосновенность трактатовъ 1815 года. Прусской политикѣ пришлось временно отступить отъ намѣченной цѣли, хотя она и подчинилась этому не сразу.

Она начала играть на другой стрункѣ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ пытался внушить Императору Николаю недовѣріе къ австрійцамъ, жаловался на ихъ недобросовѣстность, на вступленіе ихъ войскъ въ герцогство Гессенское и на военныя приготовленія въ Богеміи. Наконецъ, король сообщилъ Государю, что онъ рѣшился мобилизовать свою армію. Но и это не помогло. Императоръ Николай сообщилъ королю, что не имѣетъ никакихъ основаній сомнѣваться въ доброй вѣрѣ вѣнскаго кабинета и настоятельно совѣтовалъ своему зятю не вводить Пруссію въ опасности, съ которыми она не въ силахъ бороться [2]). Фридриху-Вильгельму пришлось подчиниться и отстранить отъ дѣлъ представителя объединительной политики генерала Радовица.

Разставаясь съ нимъ, король въ письмѣ къ Радовицу прощался не только съ министромъ, но и съ собственной несбывшейся мечтой. „Посылаю вамъ“, писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ, „слово печали, вѣрности и надежды. Я подписалъ указъ „объ увольненіи васъ отъ должности министра иностранныхъ „дѣлъ, и Богъ свидѣтель удученія моего сердца. Я принужденъ „былъ, я — вѣрный вашъ другъ, хвалить васъ публично за рѣ„шеніе удалиться отъ дѣлъ“....

Замѣнившій Радовица баронъ Мантейфель просилъ свиданія у австрійскаго перваго министра князя Шварценберга, которое и состоялось въ Ольмюцѣ въ присутствіи нашего посланника при берлинскомъ дворѣ барона Мейендорфа. Пруссія уступила, и трактаты 1815 года не подверглись никакому измѣненію.

Нѣкоторому охлажденію отношеній Государя къ Пруссіи содѣйствовали также польскія дѣла и вопросъ о датскихъ герцогствахъ.

---

[1]) Записка барона Мейендорфа отъ 10 мая 1850 года.
[2]) Письмо отъ 7 ноября 1850 года.

Императоръ Николай Павловичъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ требовалъ отъ берлинскаго кабинета подавленія смутъ въ Познани и возмущался, что, несмотря на увѣренія прусскаго правительства, познанскіе поляки „продолжаютъ пользоваться по-„кровительствомъ своей такъ называемой національности". Государь даже объявилъ королю Фридриху-Вильгельму, въ порывѣ недовѣрія къ многочисленнымъ увѣреніямъ его кабинета, очень рѣдко согласовавшимся по польскимъ дѣламъ съ дѣйствитель-

Баронъ Мейендорфъ, русскій посолъ въ Берлинѣ (съ фот. съ нат.).

ными поступками, что лишь тогда повѣритъ наказанію польскаго революціоннаго агитатора Мѣрославскаго, когда узнаетъ, что его дѣйствительно повѣсили [1]).

Вмѣшательство Пруссіи въ датскія дѣла вызвало еще болѣе рѣшительныя мѣры со стороны Императора Николая. Общегерманское движеніе откликнулось, какъ извѣстно, и волненіемъ въ Голштиніи, при чемъ возставшіе голштинцы были поддержаны прусскими войсками. Узнавъ объ этомъ, Государь поручилъ барону Мейендорфу выразить берлинскому кабинету сожалѣніе по поводу несправедливаго нападенія на Данію и объявить, что

[1]) Императоръ Николай Фридриху-Вильгельму 3 іюля 1848 года.

Россія не можетъ остаться безучастной зрительницею происходившаго [1]). Черезъ десять дней послѣдовало новое заявленіе нашего Двора, требовавшее отъ пруссаковъ немедленной пріостановки военныхъ дѣйствій и въ противномъ случаѣ угрожавшее разрывомъ [2]).

Пруссія смирилась, и у Императора Николая Павловича стало одной заботой меньше. „Ouf! en voilà un de moins!“ воскликнулъ онъ, узнавъ о заключенномъ въ Мальмё перемиріи.

Изъ приведеннаго краткаго обзора видно, какъ не легка была роль охранителя пошатнувшихся устоевъ политическаго быта Европы, защитника чистаго монархическаго начала и неприкосновенности существовавшихъ трактатовъ, которую добровольно принялъ на себя Императоръ Николай, отчасти въ видѣ наслѣдства отъ своего предшественника, а отчасти въ силу собственнаго глубокаго внутренняго убѣжденія въ справедливости избраннаго образа дѣйствій. Можно спорить о пользѣ того или другого акта внѣшней политики этого Государя для Россіи, какъ, напримѣръ, участія вооруженной силой въ подавленіи венгерскаго возстанія [3]), но нельзя отрицать благородства побужденій, которыми онъ руководствовался, и не удивляться прямотѣ, твердости и великодушію, которые отличали Императора Николая Павловича во всѣхъ поступкахъ его внѣшней политики.

Этотъ Государь сознавалъ все величіе своего сана, все значеніе своего царственнаго долга, которыя не были для него лишь пустымъ словомъ или формой, и онъ безуспѣшно хотѣлъ вселить такое же сознаніе въ сердца всѣхъ вѣнценосныхъ главъ Европы [4]).

---

[1]) Канцлеръ барону Мейендорфу 15 апрѣля 1848 года.

[2]) Канцлеръ барону Мейендорфу 26 апрѣля 1848 года.

[3]) Въ своей политической запискѣ отъ 24 мая 1854 года, поданной Императору Николаю, Погодинъ замѣчаетъ, что „политика Россіи возбудила противъ нея слѣпую ненависть „народовъ и доставила ей черную неблагодарность государей, вольную или невольную, это „въ итогѣ все равно; касательно законнаго порядка, онъ сохранился, и то только отчасти, „въ смежныхъ государствахъ *къ новому ея вреду*—слѣдовательно, политика ея была не вѣрна „и должна перемѣниться, хотя для Европы она была, можетъ-быть, *спасительна*, если не „популярна, и доставила Императорамъ Александру и Николаю титло европейскихъ благо„дѣтелей“ (Собств. Его Велич. библіотека, шк. 115, карт. 14. Рукописи Императора Николая I, № 77).

[4]) Баронъ Корфъ занесъ въ свои записки за 1850 годъ слѣдующій эпизодъ: „Лѣтомъ „на морскихъ водахъ въ Остенде, куда собиралось много польскихъ эмигрантовъ, одинъ „изъ нихъ, молодой князь Чарторійскій, за какимъ-то торжественнымъ у нихъ обѣдомъ „предложилъ тостъ, предваривъ заранѣе, что его товарищи ему удивятся, а именно—à la „santé de l'Empereur Nicolas, du dernier Souverain de l'Europe, qui reste encore digne de ce titre! „И этотъ тостъ былъ принятъ съ общею симпатіей, почти съ восторгомъ“....

Императоръ Николай не далъ титула „брата“ королю Людовику-Филиппу, получившему престолъ не „Божьей милостью“, но выдвинувшемуся, благодаря революціонной смутѣ; онъ не поколебался отказать въ этомъ имени и новому императору французовъ, Людовику-Наполеону, хотя и признавалъ заслуги послѣдняго по водворенію порядка во Франціи. Государь не снисходилъ до разрѣшенія вступать въ полемику съ печатными проявленіями непріязненнаго по отношенію къ Россіи общественнаго мнѣнія. „Величественное молчаніе на общій лай“, написалъ онъ по этому поводу на одной изъ политическихъ записокъ М. П. Погодина, „приличнѣе сильной державѣ, чѣмъ журнальная перебранка“ [1]).

Вообще эта записка Погодина представляетъ большой интересъ, благодаря многочисленнымъ замѣткамъ Государя. Замѣтки эти свидѣтельствуютъ, что онъ съ замѣчательной ясностью отдавалъ себѣ отчетъ въ политическомъ положеніи Европы. Государь считалъ „неоспоримымъ“, что Австрія не могла бы устоять въ годину бѣдствій безъ нашей помощи; отлично сознавалъ, что, кромѣ императора, въ Вѣнѣ есть правительство, съ которымъ приходилось считаться, дипломатія, враждебная намъ бюрократія— „однимъ словомъ, много каналій“, но отрицалъ выполнимость предъявленнаго Погодинымъ къ Австріи требованія, чтобы она была для насъ союзницей, готовой принести всякую жертву. „Это невозможно“, замѣтилъ Государь на поляхъ; а мнѣніе автора, что намъ выгоднѣе имѣть Австрію врагомъ, чѣмъ другомъ, онъ коротко назвалъ „чепухой“. Императоръ Николай возлагалъ упованіе лишь на Бога и далеко не раздѣлялъ восторженныхъ увлеченій Погодина относительно нашихъ „естественныхъ союзниковъ“ — славянскихъ народностей Турціи и Австріи. Зато Государь вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ историка о необходимости освобожденія турецкихъ славянъ именно нами, такъ какъ въ противномъ случаѣ это будетъ сдѣлано другими державами во вредъ Россіи. „Совершенно такъ“, замѣтилъ онъ на запискѣ, подчеркнувъ разсужденія Погодина [2]).

Если и можно отмѣтить одну, можетъ-быть, не совсѣмъ обоснованную черту во внѣшней политикѣ Императора Николая, то это только то, что онъ прилагалъ къ западно-европейскимъ отношеніямъ и событіямъ тотъ принципъ самодержавія,

---

[1]) Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Доклады 1853 года.
[2]) Приложеніе № 28.

Баронъ О. Мантейфель, Прусск. Мин. Ин. Дѣлъ (съ лит. Лантъ).

который сложился всей исторической жизнью и бытомъ исключительно среди русскаго народа, въ которомъ заключается могущественная сила Россіи и исключительно одной ей принадлежащая особенность, всегда отличавшая и отличающая Русское государство отъ остальныхъ націй. Западный абсолютизмъ далеко не обладалъ жизненностью и мощью русскаго самодержавія. Онъ роковымъ образомъ долженъ былъ рушиться, и Императоръ Николай, защищая его, поддерживалъ зданіе, обреченное судьбой на неминуемое паденіе.

А между тѣмъ, наравнѣ съ могучей силой Государя, высоко державшаго знамя своихъ убѣжденій, въ Европѣ росла сила сопротивленія многочисленнаго класса германскихъ націоналистовъ и либераловъ всѣхъ странъ, проводившихъ совершенно противоположные принципы. Отчаявшись въ возможности склонить Россію на свою сторону, они объявили ей или, вѣрнѣе, ея Государю бумажную войну, на которую Императоръ Николай отвѣчалъ полнымъ презрѣніемъ. Общественное мнѣніе было на сторонѣ этой партіи, которой, такимъ образомъ, легко было убѣдить всѣхъ въ томъ, что Россія является страшнымъ чудовищемъ, готовымъ поглотить весь образованный міръ [1]). Одинъ изъ выдающихся представителей партіи объединенія Германіи Стокмаръ даже отождествлялъ дѣятельность Императора Николая съ дѣятельностью.... Меттерниха.

Мѣры, предпринимаемыя по отношенію къ польской народности и къ римско-католической церкви, сосредоточеніе войскъ

---

[1]) „Der Czar gegenüber der europeischen Anarchie". L. 1849 (Арх. Канц. В. мин., 1851 г., секр. д. № 33). „Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart", Jos. Sporschil. L. 1849 (Тамъ же).

на западной границѣ, вмѣшательства въ дѣла Дунайскихъ княжествъ Австріи и Даніи — все это давало достаточную пищу въ Германіи, Франціи, Италіи и Англіи для безчисленныхъ статей и брошюръ, направленныхъ противъ Россіи. Общественное мнѣніе повсюду было противъ насъ, и, по свидѣтельству протоіерея Базарова [1]), въ Германіи матери пугали дѣтей именемъ Императора Николая. „Европа“, говорилъ по этому поводу самъ Государь [2]), „никогда не проститъ намъ нашего спокойствія и нашихъ „заслугъ“.

Но зато никогда, быть-можетъ, Россія не пользовалась въ Европѣ бо́льшимъ престижемъ и значеніемъ. Императоръ Николай Павловичъ казался верховнымъ вершителемъ судебъ нашей части свѣта: передъ нимъ преклонялись правительства и дрожали народы. Немудрено было проникнуться чувствомъ особой гордости; оно естественно усилилось въ Государѣ, чѣмъ многія изъ близкихъ ему лицъ были смущены. Баронъ Остенъ-Сакенъ, при первомъ свиданіи съ Государемъ послѣ покоренія Венгріи, вынесъ тяжелое впечатлѣніе о перемѣнѣ, въ немъ происшедшей. „Государь произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе“, говорилъ онъ окружающимъ [3]); „знаете, что онъ сильно возгордился. Я увѣренъ, что эта кампанія его погубитъ“.

Тѣмъ болѣе тяжелы должны были быть готовившіеся удары судьбы, которые Императоръ Николай принялъ съ присущимъ ему величіемъ.

III.

Революціонный ураганъ, пронесшійся надъ центральной Европой, произвелъ глубокое впечатлѣніе на русское общество и на правительственные круги. Приводимые Н. П. Барсуковымъ въ его сочиненіи „Жизнь и труды М. П. Погодина“ [4]) отзывы современниковъ являются яркимъ свидѣтельствомъ испытаннаго ими душевнаго потрясенія. И. С. Аксаковъ признавался, что у него духъ захватило, когда онъ увидѣлъ „отреченіе Запада отъ „всѣхъ началъ, которыми онъ управлялся во всю свою исторію“.

---

[1]) Русск. Стар., 1901 г., кн. 3, стр. 522.
[2]) Записки графини А. Д. Блудовой (Русск. Арх., 1893 г., кн. 1, стр. 96).
[3]) Дневникъ В. А. Муханова за 1 февраля 1862 годъ (Русск. Арх.).
[4]) Книга IX.

Гоголь поддавался испугу. „Все, что разсказываютъ пріѣзжіе „о парижскихъ происшествіяхъ“, писалъ онъ, „просто страхъ: „совершенное разложеніе общества. И это тѣмъ болѣе без- „отрадно, что никто не видитъ никакого исхода и выхода“. Жу- ковскій называлъ происшествія въ Германіи событіями „чудовищ- ными“. Ему казалось, что въ нихъ проявилась ложь западной циви- лизаціи, раздавливающей своимъ грузомъ страну и „все святое“. Погодинъ былъ пораженъ не менѣе другихъ и искалъ забвенія въ занятіяхъ своими историческими изслѣдованіями. „Новыя „страшныя извѣстія изъ Берлина“, занесъ онъ въ свой дневникъ 10 октября 1848 года. „Страшное совершается, а мы стоимъ, „разиня ротъ“ [1]).

Но наше правительство не дремало въ принятіи внутреннихъ мѣръ предосторожности. Забота объ огражденіи Россіи отъ вліянія революціоннаго духа заслонила собой всѣ другія задачи внутрен- ней политики и вылилась въ форму сильной реакціи, продолжав- шейся до окончанія Крымской войны.

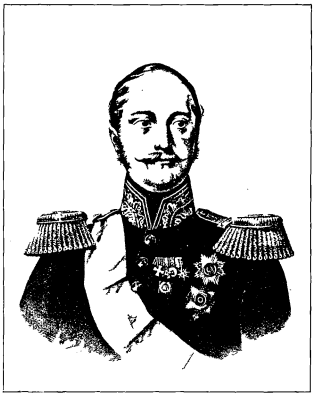
Императоръ Николай, какъ защитникъ освященныхъ вѣковой традиціей началъ монархизма и основаннаго на нихъ порядка, считалъ своимъ долгомъ принять всѣ мѣры для огражденія ихъ отъ революціонныхъ посягательствъ.

Принимая 21 марта 1848 года депутатовъ С.-Петербургскаго дворянства, Государь обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой очень рельефно проводилъ мысль о необходимости сплоченія консервативныхъ элементовъ для борьбы съ разрушительными вѣяніями. „Забудемъ всѣ неудовольствія“, говорилъ Императоръ [2]), „всѣ непріятности одного къ другому. Подайте между собою руку „дружбы, какъ братья, какъ дѣти родного края, такъ, чтобы „послѣдняя рука дошла до меня, и тогда, подъ моею главою, „будьте увѣрены, что никакая сила земная насъ не потревожитъ“. Государь просилъ дворянъ наблюдать за мыслями и нравствен- ностью учащейся молодежи, рекомендовалъ осторожность въ бе- сѣдахъ съ дворовыми людьми или въ ихъ присутствіи, успокоилъ помѣщиковъ относительно неприкосновенности ихъ правъ на землю и сообщилъ о принятыхъ имъ мѣрахъ, чтобы журналы не дозволяли себѣ впредь печатать статей, возбуждающихъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, и вообще статей неблаговидныхъ.

---

[1]) Барсуковъ, кн. IX, стр. 271.
[2]) По редакціи графа В. П. Завадовскаго (Русск. Стар., 1883 г.).

Настроеніемъ Императора Николая Павловича не упустили, конечно, воспользоваться приближенные, какъ по вопросу о крѣпостномъ правѣ, такъ и по другимъ отраслямъ внутренняго управленія. Цензура преслѣдовала съ безпощадной строгостью самые отдаленные намеки на зловредность крѣпостного права и изъяла его изъ круга предметовъ, о которыхъ можно было говорить въ печати. Въ казенныхъ изданіяхъ начали появляться восхваленія закрѣпощенія крестьянъ, а наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, напечатанное въ 1852 году, приводитъ въ его защиту даже тексты Священнаго Писанія. Крѣпостное право, согласно наставленію, рекомендовалось беречь и охранять, какъ учрежденіе божественное; послушаніе своимъ помѣщикамъ приравнивалось къ соблюденію Божьихъ заповѣдей. П. Д. Киселевъ имѣлъ полное основаніе сказать своему племяннику Милютину, что „вопросъ о крестьянахъ лопнулъ“ [1]).



Императоръ Николай I
(съ грав., по рис. К. Афанасьева, 1852 г.).

Но наибольшее впечатлѣніе на общество произвели два мѣропріятія той эпохи: учрежденіе „негласнаго комитета“ 2 апрѣля 1848 года по надзору за періодической печатью и литературой и сокращеніе пріема молодежи въ университеты.

Академикъ К. С. Веселовскій [2]) передаетъ ходившія въ 1848 году въ „хорошо освѣдомленныхъ кругахъ“ извѣстія о возникновеніи „негласнаго комитета“. Разсказывали, что пользо-

[1]) Барсуковъ, кн. IX, стр. 315.
[2]) „Отголоски старой памяти“ (Русск. Стар., 1899 г., кн. 10).

вавшійся особымъ благоволеніемъ Государя статсъ-секретарь баронъ М. А. Корфъ [1]) счелъ произведенную событіями во Франціи тревогу весьма подходящимъ временемъ для того, чтобы отличиться особымъ усердіемъ въ глазахъ Императора и въ награду получить давно желаемый министерскій портфель. Баронъ нашелъ себѣ союзника въ лицѣ бывшаго попечителя московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строгонова, котораго не трудно было убѣдить, что находившаяся въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія цензура не представляется достаточнымъ оплотомъ противъ наплыва революціонныхъ идей съ Запада, и что необходимо было сдѣлать ее болѣе дѣйствительной, установивъ строгій и бдительный надзоръ за ея дѣятельностью.

Самъ баронъ Корфъ объясняетъ въ своихъ запискахъ участіе въ дѣлѣ образованія негласнаго комитета слѣдующимъ образомъ:

„Среди жаркой тревоги, вдругъ овладѣвшей всѣми нами „вслѣдствіе парижскихъ вѣстей, нельзя было не обратить вни„манія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала, „Отечественныя записки“ и „Современникъ“. Оба, пользуясь „малоразумiемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать „Богъ знаетъ что и по проповѣдуемымъ ими, подъ разными „иносказательными, но очень прозрачными для посвященныхъ „формами, коммунистическимъ идеямъ могли сдѣлаться не без„опасными для общественнаго спокойствія“. Убѣдивъ себя, что доведеніе до свѣдѣнія Государя, въ особенности „въ такое опасное „время“, о столь неблагонадежномъ направленіи журналистики будетъ исполненіемъ священнаго долга, баронъ Корфъ переслалъ составленную имъ записку Наслѣднику Цесаревичу. Дѣло было передано въ руки шефа жандармовъ графа Орлова, на всеподданнѣйшемъ докладѣ котораго Государь написалъ: „Необходимо „составить особый комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли „дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли дан„ныя каждому программы? Комитету донести мнѣ съ доказатель„ствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, „т.-е. министра народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ „чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять, подъ „предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, изъ

[1]) Мы умышленно останавливаемся нѣсколько подробно на этой подпольной сторонѣ дѣла, чтобы показать обстановку, сопровождавшую нѣкоторыя мѣропріятія Императора Николая Павловича.

„дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря „барона Корфа, генералъ-адъютанта графа Строгонова 2-го и „статсъ-секретаря Дегая. Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и за„нятія комитета начать немедля".

Такимъ образомъ министерскій портфель вновь ускользнулъ изъ рукъ барона Корфа, но зато къ жизни былъ призванъ новый органъ для надзора и за журналами, и за цензорами, и, наконецъ, за самимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ видно, не принадлежалъ Императору Николаю, который, получивъ въ столь тревожное время донесеніе лица, пользовавшагося его полнымъ довѣріемъ, о вредномъ направленіи литературы, не могъ не принять соотвѣтствующихъ мѣръ. И надо отдать справедливость, что мѣры эти были приняты въ самомъ безпристрастномъ видѣ; надзоръ не былъ возложенъ на одно какое-либо лицо, а на цѣлую коллективную группу, подъ предсѣдательствомъ пользовавшагося извѣстностью „наиболѣе просвѣщеннаго" человѣка своего времени князя А. С. Меншикова. Но форма, въ которую вылилась эта мѣра, получила, къ сожалѣнію, очень нежелательное направленіе и наложила тяжелый отпечатокъ на послѣдній періодъ царствованія Императора Николая Павловича. Иниціатору особаго надзора надо было оправдать въ глазахъ Государя правоту возведеннаго имъ обвиненія.

И, дѣйствительно, комитетъ энергично принялся за дѣло. Онъ проектировалъ нѣкоторыя измѣненія цензурныхъ правилъ, дѣлалъ внушенія редакторамъ журналовъ и цензорамъ и въ самомъ скоромъ времени успѣлъ доказать на дѣлѣ свою „несомнѣнную „пользу". „Въ результатѣ", какъ говоритъ баронъ Корфъ [1]), „у Государя явилась мысль учредить, подъ непосредственнымъ „своимъ руководствомъ, всегдашній безгласный надзоръ за дѣй„ствіями нашей цензуры. Съ этой цѣлью, вмѣсто прежняго вре„меннаго комитета, учрежденъ былъ, 2 апрѣля, постоянный, изъ „члена Государственнаго Совѣта Д. П. Бутурлина, статсъ-секре„таря Дегая и меня, съ обязанностью представлять всѣ замѣ„чанія и предположенія свои непосредственно Государю".

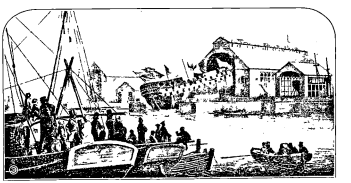
Призвавъ къ себѣ Бутурлина и Корфа, Императоръ Николай Павловичъ объявилъ, что поручаетъ имъ дѣло надзора за печатью по своему „безграничному" довѣрію. „Какъ самому мнѣ некогда

[1]) Записки за 1848 годъ.

„читать всѣ произведенія нашей литературы, то вы станете „дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, „а потомъ мое уже будетъ дѣло расправляться съ виновными“ [1]).

Комитетъ 2 апрѣля 1848 года существовалъ во все остальное время царствованія Императора Николая Павловича и былъ упраздненъ только въ 1856 году, по докладу того же барона Корфа, который болѣе всѣхъ способствовалъ его учрежденію.

Дѣятельность комитета отличалась рѣзко реакціоннымъ направленіемъ. Во главѣ его, какъ было уже сказано, стоялъ Д. П. Бутурлинъ, доходившій въ своемъ усердіи къ искорененію вольнодумныхъ мыслей до смѣшныхъ крайностей. Даже нѣкоторыя выраженія въ молитвахъ ему казались угрожающими общественному спокойствію. Акаѳистъ Покрову Богородицы особенно привлекалъ вниманіе усерднаго предсѣдателя. Выраженія въ родѣ „радуйся, „незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ.... „совѣты неправедныхъ князей разори“ казались ему „опасными“ и подлежащими исключенію въ интересахъ общественнаго порядка. На замѣчанія, что и въ Евангеліи есть выраженія, осуждающія злыхъ правителей, онъ отвѣчалъ, переходя, впрочемъ, въ шутливый тонъ: „Такъ что жъ? если бы Евангеліе не было „такой извѣстной книгой, конечно, надо бы было цензурѣ „исправить ее“ [2]).



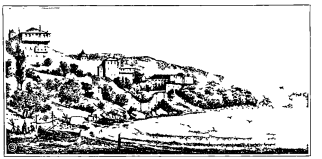
Спускъ линейнаго корабля въ Петербургѣ, 1851 г. (съ русск. лит.).

Впрочемъ, вскорѣ по учрежденіи комитета духовная литература была изъята изъ круга его дѣйствій, и Бутурлину не пришлось произвести новаго исправленія церковныхъ книгъ. Но зато въ другихъ областяхъ печати, и въ особенности въ періодической, цензура, запуганная комитетомъ, принимала совершенно невѣроятныя мѣры предосторожности. Одинъ цензоръ не допускалъ

---

[1]) Записки за 1848 годъ.
[2]) Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.

въ ученомъ сочиненіи графа А. С. Уварова „О греческихъ древностяхъ, открытыхъ въ южной Россіи“, перевода надписей, въ которыхъ встрѣчалось слово „демосъ“—народъ; другой не позволилъ писать объ убитыхъ римскихъ императорахъ, что они „убиты“; третій въ учебникѣ физики не разрѣшалъ выраженія „силы природы“; четвертый остановилъ печатаніе ариѳметики, потому что между цифрами какой-то задачи нашелъ рядъ „подозрительныхъ“ точекъ [1]). Члены комитета немногимъ отставали отъ цензоровъ. Они распорядились, напримѣръ, перепечатаніемъ посвященія Наслѣднику Цесаревичу въ книгѣ Арсеньева „Статистическіе очерки Россіи“, найдя необходимымъ вычеркнуть слова: „и „съ какимъ участіемъ „Вы скорбѣли о раз- „ныхъ преградахъ къ „свободному развитію „новой лучшей жизни „народа“, и сдѣлали выговоръ, за помѣщеніе статьи, разрѣшенной къ печати самимъ Государемъ [2]).



Русскій монастырь на Аѳонѣ.

Реакціонное направленіе отразилось и на жгучемъ вопросѣ о воспитаніи юношества. Революціонные лозунги „свобода, братство, равенство“ легко западали въ душу впечатлительной молодежи. Франція казалась имъ какимъ-то чуднымъ горниломъ, изъ котораго на весь міръ шли лучи свѣта и тепла. Это увлеченіе въ концѣ концовъ разразилось въ Петербургѣ надѣлавшей много шума, но въ дѣйствительности ребяческой исторіей тайнаго общества Петрашевскаго. Глава этого общества, если его можно только такъ назвать, Петрашевскій, нѣсколько оригинальный, но ничѣмъ не выдававшійся человѣкъ, собиралъ у себя на вечера самое разнообразное, случайное общество молодыхъ чиновниковъ, офицеровъ и учащейся молодежи, придавая себѣ и этимъ собраніямъ какую-то особенную таинственность. Въ дѣйствительности же здѣсь безъ всякой связи обсуждались только общіе политическіе вопросы и передавались другъ другу статьи подпольной, очень распро-

[1]) Записки Никитенко.
[2]) Записки барона Корфа.

страненной, благодаря притѣсненію цензуры, литературы. Навряд ли кто-либо изъ участниковъ этихъ собраній, посѣщая ихъ, имѣлъ какія-либо болѣе серіозныя цѣли, чѣмъ отвѣдать сладость запретнаго плода. Но неожиданное открытіе въ столь тревожное время обширнаго, какъ тогда говорили, заговора Петрашевскаго произвело на правительственныя сферы и общество большое впечатлѣніе. Болѣе всего пострадали отъ этого сами петрашевцы и направленіе образованія молодежи.

Строгіе блюстители порядка не упустили представить Государю настроеніе части учащагося юношества и отдѣльныхъ случаевъ ея увлеченій въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Вредное вліяніе на умы молодежи было приписано изученію древнихъ языковъ и исторіи грековъ и римлянъ. „Съ 1849 года", пишетъ профессоръ Иловайскій[1]), „преподаваніе классическихъ языковъ было ограничено, „а вскорѣ потомъ греческій языкъ былъ почти исключенъ изъ „гимназической программы. И ударъ, нанесенный классическому „элементу, не имѣлъ никакой другой цѣли, кромѣ того отдаленнаго „соображенія, по которому древніе язычники являлись опасными „для общественнаго порядка, ибо классическій міръ былъ по „преимуществу міръ республиканскій". Грановскій, съ своей стороны, въ 1850 году дѣлился съ Герценомъ слѣдующими мыслями[2]): „Положеніе наше становится нестерпимѣе день ото дня. Всякое „движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой... „Есть отъ чего сойти съ ума!"

Одной изъ такихъ мѣръ, по мнѣнію современниковъ, было установленіе комплекта студентовъ въ университетахъ. Среди петербургскаго общества слухъ объ этомъ носился еще съ 1848 года, но, по свидѣтельству барона Корфа[3]), всѣ отказывались ему вѣрить до появленія въ маѣ 1849 года объявленія ректора С.-Петербургскаго университета о прекращеніи пріема студентовъ, въ виду полнаго ихъ комплекта. „Установленіе комплекта", продолжаетъ баронъ Корфъ, „возбудило въ то время общее неудовольствіе и „даже въ людяхъ, самыхъ благонамѣренныхъ, общее сокрушеніе".

Эта мѣра шла въ разрѣзъ съ просвѣтительными стремленіями Императора Николая Павловича, который въ продолженіе своего царствованія основалъ цѣлый рядъ учебныхъ заведеній. Государь

---

[1]) Д. Иловайскій. „Уроки исторіи" (Русск. Арх., 1874 г., стр. 802).
[2]) А. И. Герценъ. Сочиненія, томъ VII.
[3]) Записки за 1849 годъ.

въ данномъ случаѣ руководствовался высшимъ интересомъ огражденія государственнаго и общественнаго порядка отъ опасности зараженія молодежи западными революціонными идеями, но былъ далекъ отъ мысли стѣснить самое образованіе. Вскорѣ по установленіи комплекта были сдѣланы изъятія для богословскихъ факультетовъ и для медицинскаго въ Юрьевѣ (Дерптѣ) [1]).

Почти одновременно съ указанной выше непопулярной мѣрой установленія комплекта студентовъ портфель министра народнаго просвѣщенія перешелъ въ руки князя Ширинскаго-Шахматова, при назначеніи котораго петербургскіе остряки не безъ нѣкотораго основанія говорили, что въ его лицѣ русскому просвѣщенію данъ не только *шахъ,* но и *матъ* [2]).

Будучи генералъ-инспекторомъ по инженерной части, Государь зналъ князя Ширинскаго-Шахматова, какъ исполнительнаго чиновника инженернаго департамента. Перейдя въ министерство народнаго просвѣщенія, бывшій начальникъ отдѣленія занималъ послѣдовательно посты директора канцеляріи, департамента и, наконецъ, товарища министра графа Уварова. Въ 1849 году онъ подалъ Государю записку „о необходимости преобразовать препо-„даваніе въ нашихъ университетахъ такимъ образомъ, чтобы „впредь всѣ положенія и выводы науки были основаны не „на умствованіяхъ, а на религіозныхъ истинахъ въ связи съ бого-„словіемъ“ [3]). Призвавъ къ себѣ Ширинскаго и выслушавъ его объясненія, Государь сказалъ Цесаревичу: „Чего же намъ искать „еще министра просвѣщенія? Вотъ онъ найденъ“.

Передавая это событіе, баронъ Корфъ замѣчаетъ, что „Импе-„раторъ Николай, несмотря на все свое моральное величіе, былъ „смертный и, слѣдовательно, не чуждъ человѣческихъ ошибокъ. „Управленіе Шахматова доказало, что можно быть хорошимъ „казуистомъ, не будучи государственнымъ человѣкомъ, что хорошій „начальникъ отдѣленія не есть еще непремѣнно хорошій ми-„нистръ“...

Митрополитъ Филаретъ, привѣтствуя назначеніе Ширинскаго министромъ, а А. С. Норова его товарищемъ, писалъ: „Сіи, ко-

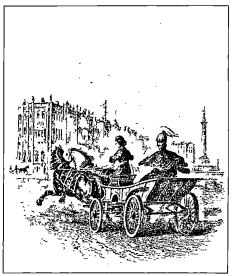
---

[1]) Баронъ Корфъ передаетъ въ своихъ запискахъ со словъ великой княгини Елены Павловны, что причиной установленія комплекта въ университетахъ было желаніе Государя побудить молодыхъ людей итти въ военную службу. „Au moins“, прибавила великая княгиня, „voilà comme j'ai entendu l'Empereur se prononcer devant moi et je vous répète ce qu'il a dit „en ma présence“.

[2]) Записки барона Корфа.

[3]) Тамъ же.

нечно, пожелаютъ просвѣщать восточнымъ свѣтомъ“ [1]). Но новый министръ вовсе, повидимому, не находилъ нужнымъ пользоваться какимъ бы то ни было „свѣтомъ“. Посѣтивъ Московскій университетъ, онъ заявилъ, что „польза философіи не доказана, а вредъ „отъ нея возможенъ“, и въ представленномъ по Высочайшему повелѣнію докладѣ предложилъ изъять изъ преподаванія „философіи „теорію познанія, метафизику и нрав„ственную философію“. Съ тѣхъ поръ въ университетахъ читались лишь логика и психологія, при чемъ преподаваніе послѣдней было возложено на профессоровъ богословія [2]).



Фельдъегерь
(съ англ. грав., на стали).

Въ порывѣ общаго усердія администраціи не устояли и славянофилы. Третье отдѣленіе сообщило министру народнаго просвѣщенія, что московскіе славянофилы смѣшиваютъ приверженность свою къ русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ. Они, „явно недоброжелательствуя нынѣшнему порядку „вещей, въ заблужденіи мыслей „своихъ безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше Отечество ко вре„менамъ равноапостольнаго князя Владиміра“ и, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Ивану и Константину Аксаковымъ и Хомякову, были сдѣланы „внушенія“, но это на нихъ „не подѣйствовало“. Въ виду такого упорства и чтобы „разъ на„всегда положить предѣлъ распространенію такого образа мыслей „и предупредить строгія, но справедливыя взысканія правительства, „которымъ подвергаются цензоры“, начальникъ штаба шефа жандармовъ, генералъ Дубельтъ, предложилъ прекратить изданіе органа славянофиловъ „Московскій Сборникъ“ и запретить Ивану Аксакову быть редакторомъ какого бы то ни было періодическаго изданія. Не довольствуясь этимъ, Дубельтъ рекомендовалъ сдѣлать „наистрожайшее внушеніе“ братьямъ Аксаковымъ, Хомя-

[1]) Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. 11, стр. 20.
[2]) Тамъ же.

кову, Кирѣевскому и князю Черкасскому за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія и воспретить даже представлять къ напечатанію свои сочиненія [1]). Воспрещеніе это было отмѣнено лишь съ наступленіемъ новаго царствованія.

Во время разгара революціонныхъ волненій, естественно, подверглись крайнему стѣсненію и сношенія русскихъ подданныхъ съ западной Европой. Заграничныя путешествія стали на нѣкоторое время почти невозможны. Когда же волненія улеглись, и жизнь западноевропейскихъ народовъ вошла въ нормальную, хотя и не прежнюю колею, то Императоръ Николай Павловичъ вновь сталъ менѣе строгъ въ этомъ отношеніи; однако, разрѣшая заграничные отпуски людямъ пожилымъ, онъ продолжалъ отказывать въ этомъ состоявшей на государственной службѣ молодежи [2]).

Опасенія, внушенныя нашему правительству революціонными вѣяніями, были сильно преувеличены. Никто не могъ въ Россіи и думать серьезно о потрясеніи основъ нашего незыблемаго государственнаго устройства. Въ ней сознавались частные недостатки общественнаго строя, лучшіе умы съ нетерпѣніемъ ожидали отмѣны крѣпостного права, устройства правосудія, оживленія дѣятельности общества, но никто не предполагалъ возлагать надежду на революціонныя волненія и смуты. Всѣ упованія направлялись къ престолу и къ самодержавной власти Русскаго Царя. Народныя массы обожали Государя и въ немъ лишь искали источника удовлетворенія своихъ справедливыхъ желаній. „Ничто не могло сравниться", писалъ баронъ Корфъ [3]) о пребываніи Императора Николая въ Москвѣ въ 1849 году, „съ тѣми громкими выра-
„женіями народной преданности, которыя сопровождали Государя
„въ вербное воскресенье, когда онъ, отслушавъ обѣдню во
„дворцѣ, пошелъ въ соборъ. Весь переходъ былъ усыпанъ,
„унизанъ народомъ; въ окнахъ, на крышахъ, на церковныхъ ку-
„полахъ, на колокольнѣ Ивана Великаго, вездѣ лѣпились люди.
„Едва Царь показался въ дворцовыхъ дверяхъ въ казачьемъ
„кафтанѣ и въ шапкѣ на головѣ, народъ хлынулъ къ подъѣзду съ
„воплями радости. Забывали все, лѣзли другъ на друга, на двери,
„на стѣны, позволяли полиціи бить и толкать себя, а проходу
„Государю все-таки не давали, бросаясь цѣловать ему руки и ноги,

---

[1]) Барсуковъ, кн. 12, стр. 133.
[2]) Записки барона Корфа.
[3]) Записки за 1849 годъ.

„такъ что 600 или 700 шаговъ до Успенскаго собора онъ шелъ „цѣлые четверть часа.... Таковы были", кончаетъ баронъ Корфъ, „въ эту эпоху общаго превращенія на Западѣ *наши* баррикады!"

Но среди изъявленій народнаго восторга Государь былъ грустенъ. Онъ какъ бы предчувствовалъ тяжелыя испытанія, которыя судьба готовила ему и Россіи послѣ двадцатипятилѣтняго славнаго царствованія. „Въ немъ", пишетъ одинъ изъ современниковъ [1]), „замѣтили какую-то особую мрачность или, что называется, „mauvaise humeur". Французскій посолъ въ Петербургѣ, маркизъ Кастельбажакъ, сообщалъ въ Парижъ [2]), что „Императоръ Николай „постарѣлъ на десять лѣтъ; онъ, дѣйствительно, физически и „нравственно боленъ" [3]). Англійскій врачъ Грэнвиль, изслѣдовавшій Государя въ іюнѣ 1853 года, писалъ Пальмерстону, что Императоръ Николай боленъ неизлечимо, и что онъ можетъ прожить не болѣе двухъ лѣтъ [4]). Саксонскій дипломатъ Фицтумъ-фонъ-Экштедтъ, представлявшійся Государю около того же времени, замѣтилъ, что въ его рѣчахъ звучала трагическая нота. „Чувствовалось", записалъ Экштедтъ, „какъ тяжело легло на него бремя двадцати-„семилѣтняго правленія, которое онъ почти одинъ несъ въ теченіе „человѣческой жизни. Взглядъ его омрачился" [5]).

И, дѣйствительно, въ судьбѣ Императора Николая Павловича было нѣчто глубоко трагическое. Вознесшись на вершину человѣческаго величія, Государь былъ до глубины души проникнутъ святостью своего призванія, мечталъ объ укрощеніи революціи, о мирной жизни народовъ, основанной на соблюденіи трактатовъ и традиціоннаго политическаго устройства Европы, объ усиленіи законнаго нравственнаго и политическаго вліянія Россіи на Востокѣ и, вмѣсто этого, послѣ многолѣтнихъ трудовъ суровый рокъ не избавилъ его отъ полнаго трагизма несчастія видѣть въ послѣдніе годы жизни постепенное крушеніе того, во что онъ вѣрилъ и на что всецѣло ушли двадцать девять лѣтъ царствованія и жизни этого исполина и рыцаря въ душѣ и на дѣлѣ, Императора Николая. Въ Европѣ устанавливался новый порядокъ, въ Турціи распоряжались англичане, а внутреннее состояніе Россіи казалось безотраднымъ,

---

[1]) Записки барона Корфа за 1851 годъ.

[2]) Кастельбажакъ Тувенелю 11 февраля 1854. „Nicolas I-er et Napoléon III", p. 333.

[3]) „L'Empereur Nicolas a vieilli de dix ans. Il est réellement malade, physiquement et „moralement".

[4]) Фицтумъ-фонъ-Экштедтъ, стр. 19.

[5]) Тамъ же, стр. 12 и 13. Переводъ съ нѣмецкаго.

и Государь не могъ не увидѣть, что его труды и усилія были парализованы той стѣной офиціальной неправды и условностей, которую не проникалъ даже его орлиный взоръ. Передъ окончаніемъ жизненнаго пути судьба ни въ чемъ не дала ему пощады. Даже тѣ святыя въ глазахъ Государя чувства вѣрности союзамъ, дружбы, благодарности, которыя онъ съ младенческихъ лѣтъ ставилъ выше всего на свѣтѣ и которымъ вѣрно служилъ до гробовой доски, были оскорблены самымъ безпощаднымъ и безцеремоннымъ образомъ. Переходя въ вѣчность, онъ сохранилъ вѣру лишь въ свою семью, а также въ доблести и нравственную мощь своего народа, поражавшаго свѣтъ своимъ героизмомъ на далекомъ уголкѣ Крымскаго полуострова.

Графъ К. В. Нессельроде (съ нѣм. грав. на стали).

И въ день кончины Императора Николая Павловича, когда поверхностные умы рѣшались приписывать именно ему всѣ бѣдствія родной страны [1]), болѣе глубокіе мыслители лучше поняли покинувшаго свѣтъ монарха. „Смерть „доказала нравственную правоту „человѣка“, писалъ Хомяковъ Аксакову [2]), „который столько казался виновнымъ; впрочемъ, я его „всегда считалъ правымъ, какъ вы знаете, и винилъ не лицо, „а систему“. Его ошибки, по словамъ того же Хомякова [3]), были ошибки въ понятіяхъ и системѣ, но „онъ былъ честный „труженикъ, который дѣйствовалъ подъ ложно приложеннымъ

[1]) „Cet homme“, занесъ въ свой дневникъ князь П. П. Гагаринъ 19 августа 1855 года, „pendant plus de 25 ans a eu un immense prestige. Il a fallu ces cruelles années d'épreuves pour „le lui enlever. Y a-t-il justice à lui attribuer nos malheurs, à y voir le résultat de ses fautes? „Je crois pouvoir répondre affirmativement, malgré la longue habitude d'admirer son caractère, la „force de son sentiment impérial et des qualités incontestables. Sans doute, il a été mal servi, „mais n'en est-il pas lui-même coupable? Après un règne aussi long ne devait-il pas connaître „les hommes et devait-il prendre l'adulation, le mutisme et la crainte qu'il inspirait pour des „qualités dans ses serviteurs? Peut-être ne croyait-il pas à son orgueil? Et pourtant il en a été „la victime“ (Собств. Его Велич. библіотека).

[2]) Русск. Арх., 1884 г., кн. 4.

[3]) Въ письмахъ Гильфердингу (Русск. Арх., 1878 г., стр. 380).

„нравственнымъ закономъ, и, слѣдовательно, онъ правъ передъ „судомъ совѣсти".

Въ этой нравственной правотѣ заключается не только тайна громаднаго вліянія, которымъ пользовался Императоръ Николай Павловичъ во всей Европѣ, но и тайна той духовной мощи, которая проявлялась во всю свою ширь при общеніи Царя со своимъ народомъ.

Глава V [1]).

I.

Первоначальныя сношенія Россіи съ ближнимъ Востокомъ долгое время имѣли характеръ преимущественно религіозный и торговый, хотя, впрочемъ, одновременно съ этимъ въ Московской Руси уже со времени паденія Константинополя проявлялось сознаніе ея политическихъ задачъ относительно Турціи. Вмѣстѣ съ большой скорбью, вызванной извѣстіемъ объ уничтоженіи Византійской Имперіи, въ Москвѣ все болѣе и болѣе распространялось убѣжденіе, что Россія должна быть преемницей этой Монархіи. Еще старецъ Филофей писалъ великому князю Василію Ивановичу, что нельзя и говорить о паденіи Греческаго государства, такъ какъ оно только перемѣстилось, и „нынѣшнее Ромейское царство есть Россійское царство". Москва — третій Римъ — сіяетъ паче солнца, а „четвертому Риму не бывать".

Несомнѣнно, что такое мнѣніе раздѣлялось и самими Московскими царями, но они еще не признавали возможнымъ заявлять

---

[1]) Даниловскій: Россія и Турція. Спб. 1878 г. — Sorel: „L'Europe et la révolution". — Пыпинъ: „Вѣстникъ Европы", Славянскій вопросъ по выводамъ И. Аксакова. 1886 г. — Поповъ: „Россія и Сербія". 1869 г. — М. И. Богдановичъ: Исторія царствованія Императора Александра I. — Шильдеръ: Императоръ Павелъ I. — Шильдеръ: Императоръ Александръ I. — Татищевъ: Внѣшняя политика Императора Николая I. Спб. 1887 г. — Мартенсъ: Собраніе трактатовъ и конвенцій, I, II, VIII, IX, XII. — Бар. Розенъ: Исторія Турціи. — Бухаревъ: „Россія и Турція", Историческій очеркъ. Спб. 1878 г. — Жигаревъ: „Русское полѣсіе въ восточномъ вопросѣ". Москва. 1896 г. — Поповъ: „Россія и Сербія". Москва. 1869 г. — Даниловскій: „Россія и Европа". Спб. 1871 г. — Синклеръ: „Восточный вопросъ". Спб. 1878 г. — Ed. Engelhardt: „La Turquie et le Tanzimat". Paris. 1882. — М. Погодинъ: Историко-политическія письма и записки. Москва. 1874 г. — Adolf Beer: Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Prag & Leipzig. 1883. — А. Г. Жомини: Etude diplomatique sur la guerre de Crimée. Paris. 1874. — Т. Юзефовичъ: „Договоры Россіи съ Востокомъ". Спб. 1869 г. — Рамбо А.: „Живописная исторія древней и новой Россіи". Москва. 1878 г.

политическія требованія, а заботились лишь о возстановленіи торговли съ Востокомъ, прерванной преграждениемъ турками стараго торговаго пути „изъ Варягъ въ Греки". Съ этой цѣлью въ 1497 году Плещеевымъ былъ заключенъ съ Турціей отъ имени Іоанна III договоръ о свободной торговлѣ русскихъ въ Азовѣ и Каффѣ. Съ другой стороны, старанія Цесаря, Папы и Польши заключить съ Москвой наступательный противъ Турціи союзъ не могли до самаго конца шестнадцатаго столѣтія поколебать ея осторожной политики. И замѣчательно то, что, несмотря на такую видимую безучастность Московскихъ государей къ судьбѣ балканскихъ народовъ, послѣдніе смотрѣли на Москву, какъ на свою будущую избавительницу. Венеціанскій резидентъ при Оттоманской Портѣ въ письмѣ къ своему сенату въ 1576 году прямо свидѣтельствуетъ о „неограниченномъ „довѣріи болгаръ, сербовъ и „грековъ" къ Россіи.

Медаль Ивана Грознаго съ надписью „Самодержецъ Ромейскій".

Крайняя осторожность русской политики по отношенію къ Турціи проявлялась и въ послѣдующее время, хотя война съ „поганымъ басурманомъ" почиталась какъ бы религіознымъ долгомъ и заслугой передъ христіанствомъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ первый болѣе открыто сочувствовалъ идеѣ борьбы за освобожденіе балканскихъ народовъ и даже повелѣлъ гостившимъ въ Москвѣ греческимъ купцамъ просить всѣхъ монаховъ и епископовъ въ турецкихъ владѣніяхъ молиться о царѣ и совершать за него литургію.

Первое столкновеніе Московскаго Государства съ Турціей было вызвано украинскими дѣлами. Оно закончилось заключеннымъ въ 1681 году на двадцать лѣтъ перемиріемъ въ Бахчисараѣ, по которому Порта отказалась отъ притязаній на лѣвобережную Украйну. Въ слѣдующемъ же году, при ратификаціи этого акта, она, сверхъ того, обѣщала не препятствовать паломничеству русскихъ людей въ Іерусалимъ.

Перемиріе, однако, продолжалось недолго. Султанъ Мустафа II попытался возвратить Турціи утраченное политическое значеніе, чѣмъ вызвалъ образованіе противъ себя „Священнаго союза“ изъ Россіи, Польши, Австріи и Венеціи. Это былъ первый союзъ между Россіей и вѣнскимъ дворомъ. Совмѣстныя дѣйствія привели къ заключенію при посредствѣ Англіи и Голландіи Карловицкаго мира, при чемъ уже тогда обнаружилась извѣстная рознь между интересами московскаго и вѣнскаго дворовъ. Послѣдній заключилъ даже отдѣльный миръ съ Портой, вопреки условіямъ

Аллегорія побѣды христіанства надъ исламомъ (собственноручный оформъ Петра Великаго 1698 г., Амстердамскій Музей).

союза и протестамъ русскаго представителя. По Карловицкому миру къ Московскому Государству отошелъ Азовъ съ его округомъ.

Болѣе точное опредѣленіе условій предварительнаго Карловицкаго договора было поручено думному дьяку Емельяну Украинцеву. Украинцевъ, подобно тому, какъ много лѣтъ спустя другой русскій посолъ, прибылъ въ Стамбулъ на военномъ кораблѣ, остановился съ пушечной пальбой у стѣнъ сераля и грозно потребовалъ отъ Порты исполненія предъявленныхъ условій, а въ томъ числѣ передачи Гроба Господня отъ латинянъ грекамъ и свободнаго русскаго судоходства по Черному морю. Отъ перваго требованія, однако, посолъ отказался послѣ того, какъ ему объяснили, что султанъ воленъ распоряжаться въ своей имперіи,

и что „государь государю не указываетъ“. Самъ переводчикъ Маврокордато заявилъ послу, что вопросъ о Гробѣ Господнемъ есть вопросъ внутренняго управленія, который можетъ быть разрѣшенъ по жалобѣ іерусалимскаго патріарха, или о которомъ русскій царь особо можетъ писать султану, но что включать о немъ постановленія въ мирный договоръ нельзя. Что касается до предоставленія русскимъ судамъ свободнаго плаванія по Черному морю, то противъ этого горячо возстали англійскій и голландскій представители, и это наше требованіе было Портой отклонено. Въ концѣ концовъ 3 іюля 1700 года Украинцеву удалось заключить Константинопольскій трактатъ, статья 4-я котораго утверждала переходъ къ Россіи Азова съ его округомъ, а статья 12-я обусловливала „московскаго „народа мирянамъ и инокамъ вольное употребленіе ходить во святой „градъ Іерусалимъ“ безъ платежа какихъ бы то ни было податей и „нечиненіе ни единой досады живущимъ въ странахъ Государ„ства Оттоманскаго московскимъ и россійскимъ духовнымъ“.

Одиннадцать лѣтъ спустя, извѣстная Прутская неудача заставила насъ отказаться отъ Азова и прочихъ завоеванныхъ отъ турокъ земель, а также разорить вновь построенные города. Послѣдовавшими затѣмъ Константинопольскими договорами 1712 и 1713 годовъ были разрѣшены нѣкоторые частные пограничные вопросы, а трактатомъ 5 ноября 1720 года Порта согласилась на пребываніе въ Константинополѣ русскаго резидента.

Но эти миролюбивыя отношенія и даже общіе интересы въ Персіи, съ которой ко времени смерти Петра Великаго Россія и Турція вели войну, не уничтожили сознанія на берегахъ Невы и Босфора глубокой политической розни между обоими государствами. Турки ясно понимали, что послѣ достиженія береговъ Балтики русская политика естественно должна была устремиться на югъ, для расширенія границъ государства до береговъ Чернаго моря и для обезпеченія ихъ отъ безпокойнаго сосѣдства крымскихъ татаръ и кавказскихъ горцевъ. Порта дѣлала все возможное для пріостановленія поступательнаго движенія Россіи къ югу, и петербургскій Верховный Тайный Совѣтъ предвидѣлъ неминуемый разрывъ съ турками, „понеже по турецкимъ поступкамъ войны „съ ними миновать не возможно“. Это вызвало съ нашей стороны необходимость искать вновь союза съ вѣнскимъ дворомъ, который и былъ заключенъ въ 1726 году.

Австрія съ большой для себя выгодой воспользовалась нашимъ союзомъ и помощью въ начавшейся ея войнѣ съ Франціей, но

не отвѣтила тѣмъ же при послѣдовавшемъ затѣмъ столкновеніи Россіи съ Турціей.

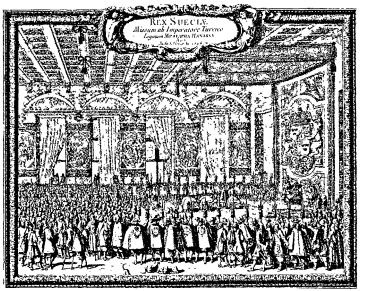
Русское правительство, начавъ военныя дѣйствія противъ Оттоманской Порты, потребовало отъ вѣнскаго двора условленной помощи, но этотъ послѣдній, насколько было возможно, медлилъ, завелъ переписку объ особой военной конвенціи и двинулъ противъ турокъ свои войска лишь послѣ одержанныхъ Ласси и Минихомъ побѣдъ и по взятіи нами Очакова. Въ виду успѣховъ русскаго оружія французы стали хлопотать о мирѣ, который и былъ заключенъ 18 сентября 1739 года въ Бѣлградѣ при посредствѣ французскаго посла маркиза де-Вильнева.

Этотъ „медіаціею его христіаннѣйшаго величества“ заключенный „постоянный, вѣчный и ненарушимый миръ“ вовсе не соотвѣтствовалъ успѣхамъ русскаго оружія въ предшествовавшую кампанію. Статья 2-я Бѣлградскаго трактата опредѣляла, что „границы обѣихъ Имперій быть имѣютъ тѣ, какъ учреждены и „постановлены были въ прежнихъ трактатахъ“, а по 3-й статьѣ Азовская крѣпость „имѣетъ вовсе разорена быть“, а „земля той „крѣпости имѣетъ остаться пустая и между двумя Имперіями „барьерою служить будетъ“. Та же 3-я статья постановляла, „чтобы „Россійская держава ни на Азовскомъ, ни на Черномъ морѣ „никакой корабельный флотъ ниже иныхъ кораблей имѣть и „построить не могла“. Идея странъ буферовъ между двумя государствами повторяется и въ статьѣ 6-й, въ которой было сказано: „Быть тѣмъ кабардамъ вольнымъ и не быть подъ владѣніемъ ни „одного, ни другаго Имперія, но токмо за барьеру между обоими „Имперіями служить имѣютъ“. Слѣдующія статьи договора подтверждали права русскихъ паломниковъ и духовныхъ лицъ, обѣщали дружеское соглашеніе о титулѣ Ея Всероссійскаго Величества и постановляли, что русскіе резиденты въ Константинополѣ будутъ „содержаны и почитаны противъ министровъ прочихъ „наизнатнѣйшихъ державъ“.

Въ послѣдующее двадцатипятилѣтіе вниманіе нашей политики было исключительно обращено на западъ, и наши столкновенія съ Турціей прекращаются вплоть до первой турецкой войны Императрицы Екатерины II.

Успѣхи въ это время русской политики въ Польшѣ вызвали опасенія западныхъ державъ и въ особенности Франціи, которая пользовалась значительнымъ вліяніемъ въ Константинополѣ. Въ январѣ 1768 года Оттоманская Порта потребовала отъ русскаго

резидента Обрезкова удаленія нашихъ войскъ изъ Польши. Требованіе это было заявлено въ столь рѣшительной формѣ, что Обрезковъ обѣщалъ удовлетворить его въ мѣсячный срокъ. Однако, вспыхнувшее вслѣдъ за тѣмъ въ Польшѣ движеніе, извѣстное подъ именемъ Барской конфедераціи, сдѣлало невозможнымъ выводъ оттуда нашихъ войскъ. Обѣ стороны начали усиленно готовиться къ войнѣ. Мы на этотъ разъ рѣшили дѣйствовать не только на сухомъ пути, въ Молдавіи,



Пріемъ турецкаго посольства въ Стокгольмѣ 1636 г. (съ шведск. грав., по рис. Дальберга).

въ Крыму и на Кавказѣ, но и со стороны моря, отправивъ флотъ въ Средиземное море съ цѣлью поднять возстаніе черногорцевъ и грековъ.

Въ своемъ манифестѣ отъ 19 января 1769 года къ балканскимъ славянамъ Императрица упоминала о „лютости турецкой", которой „свѣтъ православнаго христіанства погашается", о томъ, что Петръ Великій и Императрица Анна Іоанновна пытались освободить балканскіе народы отъ „томительства", и приглашала эти народы „потщитися содѣйствовать" русскому оружію.

Уничтоженіе турецкаго флота при Чесмѣ и побѣды Румянцева въ Молдавіи привели къ мирнымъ переговорамъ, которые закончились подписаніемъ знаменитаго Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата 10 іюня 1774 года.

По 3-й статьѣ этого трактата крымскіе татарскіе народы были объявлены независимыми отъ Порты, подъ самодержавною властью собственнаго ихъ хана Чингисскаго поколѣнія. Этимъ постановленіемъ упрощались наши будущія отношенія къ Крыму и сѣверному побережью Чернаго моря, и являлась возможность занять со временемъ эти области безъ нарушенія турецкихъ верховныхъ правъ.

Другія важнѣйшія постановленія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора относились къ защитѣ христіанскихъ подданныхъ султана и были изложены въ 7, 14, 16 и 17 статьяхъ. Дипломатическая полемика, возгорѣвшаяся наканунѣ Крымской войны по поводу значенія и предѣловъ примѣненія статей этого договора, заставляетъ привести здѣсь ихъ подлинный текстъ.

Ст. 7-я. „Блистательная Порта обѣщаетъ твердую защиту „христіанскому закону и церквамъ онаго, равнымъ образомъ дозволяетъ министрамъ Россійскаго Императорскаго Двора дѣлать „по всѣмъ обстоятельствамъ въ пользу какъ воздвигнутой въ „Константинополѣ упомянутой въ 14 артикулѣ церкви, такъ и „служащихъ въ оной разныя представленія и обѣщаетъ принимать „оныя въ уваженіе, яко чинимыя довѣренной особой сосѣдственной и искренно дружественной Державы".

Ст. 14-я. „Россійскому Высочайшему Двору, по примѣру „другихъ державъ, позволяется, кромѣ домашней въ домѣ министра церкви, воздвигнуть въ части Галата, въ улицѣ, Бей-Оглу „называемой, публичную Грекороссійскаго исповѣданія церковь, „которая всегда подъ протекціей оной Имперіи министровъ „остаться имѣетъ и никакому притѣсненію или оскорбленію „подвержена не будетъ".

Статья 16-я спеціально относилась къ княжествамъ Валахскому и Молдавскому и обязывала Порту, во-первыхъ, „не препятствовать, „какимъ бы то образомъ ни было, исповѣданію христіанскаго „закона, совершенно свободнаго, такъ же какъ созиданію церквей „новыхъ и поправленію старыхъ, какъ то прежде сего уже было, „и..... признавать и почитать духовенство съ должнымъ оному „чину отличіемъ" и, во-вторыхъ, согласиться также, „чтобы по „обстоятельствамъ обоихъ сихъ княжествъ министры Россійскаго „Императорскаго Двора, при Блистательной Портѣ находящіеся, „могли говорить въ пользу сихъ двухъ княжествъ, и обѣщаетъ „внимать оные съ сходственнымъ къ дружескимъ и почтительнымъ „Державамъ уваженіемъ".

Статья 17-я опредѣляла, что въ возвращенныхъ Портѣ Оттоманской Архипелагскихъ островахъ „христіанскій законъ не „будетъ подверженъ ни малѣйшему притѣсненію, также какъ „и церкви онаго, ниже будетъ препятствовано къ перестраива„нію или поправленію оныхъ; люди же, въ нихъ служащіе, „равнымъ образомъ не имѣютъ быть оскорбляемы, ниже при„тѣсняемы".

Такимъ образомъ значительная часть Кучукъ-Кайнарджійскаго договора касается обезпеченія религіозныхъ правъ христіанскаго населенія Турціи, дарованныхъ имъ побѣдами русскаго войска; но, надо сознаться, что этотъ общій смыслъ договора былъ въ большей степени стѣсненъ его буквальнымъ текстомъ, который ограничивалъ право вмѣшательства Россіи лишь нѣкоторыми турецкими провинціями и къ эпохѣ Крымской войны низвелъ значеніе его до полнаго ничтожества.

Успѣшная борьба съ турками вызвала появленіе извѣстнаго „Греческаго проекта" Потемкина. Онъ предлагалъ въ своемъ „великомъ планѣ восточной системы" изгнать турокъ изъ Европы и образовать Греческое царство съ русскимъ великимъ княземъ на престолѣ. Графомъ Безбородко была даже составлена въ 1782 году подробная записка о раздѣлѣ Оттоманской Имперіи и о возстановленіи Греческой монархіи. По этой запискѣ предполагалось вѣнскому двору предоставить въ его торговыхъ интересахъ укрѣпиться на Средиземномъ морѣ, а Англіи, Франціи, Испаніи и Венеціи передавались острова на Архипелагѣ или порты и округи въ Мореѣ и по берегамъ Африки.

По поводу греческаго проекта Императрица Екатерина вступила въ переписку съ своимъ союзникомъ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ, который, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился на петербургскія предложенія, и въ 1787 году, вслѣдъ за присоединеніемъ къ Россіи Крыма, на столбѣ близъ только-что основаннаго Севастополя повелѣно было начертать знаменитую надпись: „Дорога въ Константинополь".

Въ этомъ же году вспыхнула новая война Россіи съ Турціей, такъ какъ Порта не могла дружелюбно относиться къ столь открыто проявляемымъ замысламъ петербургской политики.

Впрочемъ, успѣхи этой политики возбуждали недружелюбіе къ Россіи не только въ Турціи, но и во многихъ европейскихъ государствахъ. Даже австрійскій посолъ въ Константинополѣ предупреждалъ свое правительство о томъ, что Кучукъ-Кайнарджійскій

трактатъ и занятіе береговъ Чернаго моря даютъ Россіи слишкомъ большой перевѣсъ въ дѣлахъ турецкаго Востока, и что „поддержка „Оттоманской Имперіи не будетъ болѣе зависѣть отъ государствъ „Европы, а лишь отъ доброжелательства Россіи". Особенное же волненіе по поводу послѣдовавшаго присоединенія Крыма къ Россіи выказалъ версальскій дворъ. Онъ вошелъ съ представленіемъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, указывая на мнимыя опасности, угрожавшія Европѣ, и приглашалъ Австрію и Пруссію вступить въ союзъ для противодѣйствія замысламъ петербургской политики; при этомъ французское правительство предлагало соотвѣтствующее территоріальное вознагражденіе себѣ и своимъ союзникамъ. Однако, въ Вѣнѣ и Берлинѣ французскія предложенія встрѣтили весьма холодный пріемъ, а Императрица Екатерина рѣшительно отклонила дипломатическое посредничество версальскаго двора.

Взятіе города Каффы гетманомъ Сагайдачнымъ (съ русск. грав. на деревѣ XVII ст.).

Открытый разрывъ между Россіей и Турціей былъ, въ виду такого положенія Европы, нѣсколько отсроченъ, но когда Императрица приняла титулъ царицы Херсонеса Таврическаго, то Оттоманская Порта стала дѣятельнымъ образомъ готовиться къ будущей войнѣ. Къ этому времени у нея нашлись и неожиданные союзники въ лицѣ Англіи и Пруссіи.

Первая, теряя свои сѣверо-американскія колоніи, устремила всѣ свои взоры на Индію, и установленіе свободнаго сообщенія съ Южной Азіей стало для нея вопросомъ первостепенной важности. Поэтому англичане старались не только не допустить, чтобы этотъ путь былъ прегражденъ владѣніями столь могущественной державы, какой являлась Россія, но даже чтобы русское вліяніе не сдѣлалось преобладающимъ на берегахъ Босфора. Съ своей стороны, король прусскій былъ недоволенъ союзомъ Россіи съ Австріей и тѣмъ противодѣйствіемъ, которое его планы вообще встрѣчали въ Петербургѣ.

15 (27) іюля 1787 года великій визирь вручилъ нашему посланнику Булгакову ультиматумъ, которымъ требовалось признаніе отдавшагося подъ покровительство Россіи грузинскаго царя

Ираклія турецкимъ подданнымъ, отозваніе русскихъ консуловъ изъ Ясс, Бухареста и Александріи, подчиненіе турецкому осмотру всѣхъ русскихъ судовъ, выходившихъ изъ Чернаго моря, и выдача укрывшагося въ Россіи молдаванскаго господаря Маврокордато. Вскорѣ Порта стала дѣйствовать еще рѣшительнѣе, требуя возвращенія Крыма, а затѣмъ, заключивъ Булгакова въ Семибашенный замокъ, объявила Россіи 12 (24) августа 1787 года войну за „нарушеніе трактатовъ захватомъ земель".

Исполнялось, такимъ образомъ, горячее желаніе Потемкина; война, долженствовавшая повести къ выполненію Греческаго проекта, началась. Петербургскій дворъ былъ такъ увѣренъ въ возможности легко справиться съ Турціей, не прибѣгая къ посторонней помощи, что изъявленіе императоромъ Іосифомъ готовности ополчиться на турокъ и даже извѣстіе объ отозваніи изъ Константинополя австрійскаго посла были приняты на берегахъ Невы довольно холодно.

Въ февралѣ 1788 года появилась царская грамота сербамъ, черногорцамъ и „всѣмъ родственнымъ знаменитымъ славянскимъ „народамъ", которой они призывались къ борьбѣ съ турками. Грамота достигла своей цѣли: возстали албанцы, македонцы и сербы, а греки создали даже флотъ, который съ нѣкоторымъ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ турокъ.

Война, однако, затянулась, а политическія отношенія въ Европѣ складывались между тѣмъ не въ пользу Россіи. Пруссія успѣла заключить въ 1789 году союзъ съ Турціей, а въ слѣдующемъ году и съ Польшей, обѣщая послѣдней свободное преобразованіе ея государственнаго устройства. Король шведскій Густавъ III также объявилъ намъ войну, требуя оставленія Финляндіи и заключенія съ Турціей мира на основаніяхъ Бѣлградскаго договора.

Такая неблагопріятная политическая обстановка заставила Императрицу Екатерину заявить въ Берлинѣ, что она согласна заключить миръ съ Портой Оттоманской на условіяхъ подтвержденія этой державой Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, а также уступки Россіи Аккермана и земель по Днѣстру, и признанія независимости Молдавіи и Валахіи.

Порта отвергла эти условія, и продолжавшаяся война дала возможность русскимъ войскамъ покрыть себя неувядаемой славой.

Между тѣмъ политическій горизонтъ омрачался все болѣе и болѣе. Вѣрный союзникъ Россіи австрійскій императоръ Іосифъ скончался, а его преемникъ поспѣшилъ заключить съ Турціей

отдѣльный миръ, и возвратить ей завоеванные провинціи и города, оставивъ за собой лишь Орсову. Англія и Пруссія открыто заявили въ Петербургѣ, что онѣ не допустятъ нарушенія на Востокѣ statu quo ante bellum и начали готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Но петербургскій дворъ, несмотря на крайне неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, оставался непреклоннымъ и съ своей стороны готовился къ рѣшительной борьбѣ съ коалиціей, въ которую входили Англія, Пруссія, Голландія и Польша. Британскій флотъ направился уже въ Балтійское море, прусскія войска подошли къ Курляндіи, польскія вступили въ Волынь.

Въ это трудное для Россіи время разыгралась французская революція, и Императрица Екатерина не замедлила воспользоваться тревогой монархическихъ дворовъ въ Европѣ. „Я ломаю себѣ „голову", писала она въ 1791 году, „чтобы пододвинуть вѣнскій и „берлинскій дворы въ дѣла французскія. У меня много предпріятій „неоконченныхъ и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не „мѣшали". Революція въ Европѣ сыграла на этотъ разъ по отношенію внѣшней политики Россіи не ту роль, которую ей пришлось сыграть, шестьдесятъ лѣтъ спустя.

Образованіе въ маѣ 1791 года союза противъ французской революціи изъ Австріи, Англіи, Испаніи и Сардиніи развязало руки Императрицѣ Екатеринѣ. Порта, видя себя оставленной, признала, послѣ пораженія при Мачинѣ, необходимость покориться, и 11 августа 1791 года были подписаны предварительныя мирныя условія. Самый миръ былъ заключенъ графомъ Безбородко въ Яссахъ 29 декабря 1791 года.

Ст. 2-я Ясскаго мирнаго трактата подтверждала Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ, актъ 1783 года о присоединеніи къ Россіи Тамани и Крыма, а также конвенцію 1779 года и торговый трактатъ 1783 года.

Слѣдующая статья устанавливала рѣку Днѣстръ границей между Россіей и Турціей, при чемъ всѣ завоеванныя россійскими войсками земли и крѣпости, а въ томъ числѣ Аккерманъ и Измаилъ, возвращались Блистательной Портѣ.

4-я статья подтверждала въ особенности постановленіе Кучукъ-Кайнарджійскаго договора относительно княжествъ Молдавіи и Валахіи, при чемъ Порта обязывалась сложить съ княжествъ всѣ старые счеты, не требовать никакой контрибуціи и освободить ихъ на два года отъ всякой дани и тягостей.

6-й статьей Порта обязывалась обуздывать народы, обитавшіе на лѣвомъ берегу пограничной рѣки Кубани, и отвѣтствовать за чинимые ими убытки.

II.

Миръ въ Яссахъ не соотвѣтствовалъ, такимъ образомъ, успѣхамъ нашего орудія, и его заключеніе было вызвано, какъ изложенными выше политическими осложненіями въ Европѣ, такъ и необходимостью приняться за другія „неоконченныя предпріятія“ Императрицы Екатерины. Онъ является заключительнымъ актомъ екатерининской политики въ Восточномъ вопросѣ и, въ связи съ подтверждаемыми имъ прежними договорами, свидѣтельствуетъ о значительныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ Россіей.

Набѣгъ казаковъ на Константинополь (съ оформа Раминь-де-Хоге).

Границы Россіи распространились до Чернаго моря, и этимъ обезпечивались какъ наши торговые интересы, такъ и политическое вліяніе на дѣла турецкаго Востока. Заботы русскаго правительства при заключеніи мирныхъ договоровъ о „твердой защитѣ Портой Оттоманской христіанскаго закона и церквей онаго“ возвысили его нравственный престижъ въ глазахъ христіанскихъ народностей Турціи и создали ему право вмѣшательства въ ихъ религіозныя дѣла.

Съ другой стороны, политика Императрицы Екатерины II вызвала всеобщее недовѣріе Европы. Греческій проектъ, заявленіе о желаніи занять Константинополь и частичное приведеніе этихъ замысловъ въ исполненіе — все это не могло не внушить подозрѣній тѣмъ государствамъ, которыя издавна имѣли въ Левантѣ жизненные экономическіе и политическіе интересы.

Величіе Россіи ослѣпляло петербургскихъ сановниковъ. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины была составлена, напримѣръ, графомъ Зубовымъ записка, извѣстная подъ названіемъ „общихъ политическихъ соображеній“. Авторъ этой записки

проводилъ ту идею, что въ составъ Россіи должны войти въ полномъ объемѣ не только Турція, но также и Австрія, Пруссія, Польша, Данія и Швеція. Такой планъ не могъ, разумѣется, вызвать особеннаго сочувствія дворовъ упомянутыхъ государствъ и явился лишь новымъ основаніемъ для обвиненія нашего правительства въ честолюбивыхъ замыслахъ и въ посягательствахъ на независимость чуть ли не всѣхъ европейскихъ націй.

Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, круто повернулъ съ пути, по которому шла наша политика въ теченіе предшествовавшаго царствованія. Онъ отказался отъ системы территоріальныхъ пріобрѣтеній, и его внѣшняя политика должна была „обратиться „въ удаленную совершенно отъ всякаго желанія завоеванія“.

Независимо отъ другихъ причинъ, которыя могли вліять на волю Императора Павла, охранительная политика оправдывалась внутреннимъ экономическимъ разстройствомъ, въ которомъ находилась Россія въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины. Но миролюбіе петербургскаго двора и „пренужное отдохно„веніе Россіи“ продолжались недолго, такъ какъ правительство вскорѣ изъявило намѣреніе „противиться всевозможными мѣрами „неистовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу „совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ и благонравія“.

Императоръ Павелъ приступилъ къ коалиціи Австріи и Англіи противъ „богомерзкаго“ французскаго правительства и, обезпокоенный французскими планами относительно Египта, заключилъ союзъ съ Турціей. 23 декабря 1798 года въ Константинополѣ былъ заключенъ трактатъ, цѣль котораго состояла въ сохраненіи неприкосновенности владѣній обѣихъ сторонъ и въ противодѣйствіи французскимъ замысламъ на „ниспроверженіе „закона Божія, престоловъ государскихъ и всякаго порядка“.

Русская эскадра вице-адмирала Ушакова принудила французовъ очистить захваченные ими Іонические острова, изъ которыхъ, на основаніи русско-турецкой конвенціи 21 марта 1800 года, была образована самостоятельная республика, подъ покровительствомъ Россіи и Турціи.

Но къ этому времени идеи Императора Павла приняли другое направленіе. Онъ былъ недоволенъ и Пруссіей, не приставшей къ коалиціи, и Австріей, благодаря которой русскія войска оказались въ тяжеломъ положеніи въ Швейцаріи, и Англіей, захватившей островъ Мальту и не возвращавшей его мальтійскому ордену, гросмейстеромъ котораго былъ Павелъ Петровичъ. Идея защиты

справедливости и отвлеченныхъ принциповъ уступила мѣсто екатерининской идеѣ заботы объ интересахъ Россіи.

Выраженіемъ такой перемѣны въ мысляхъ Государя явилась записка, составленная, по его приказанію, графомъ Ростопчинымъ. Въ этой запискѣ политика петербургскаго двора подвергалась рѣшительной критикѣ, и прямо указывалось, что единственнымъ руководителемъ дѣйствій первой державы въ мірѣ — Россіи — должны быть ея собственные интересы. Ростопчинъ приводилъ въ примѣръ Пруссію, сумѣвшую округлить свои владѣнія. Онъ предлагалъ для того, чтобы доставить Россіи „новыя богатства, „моря и славу" и превозносить имя Императора Павла, „выше „всѣхъ государей, живущихъ по смерти въ храмѣ безсмертія", а изъ заключить союзъ съ мятежной, но уже успокоенной Франціей и приступить къ раздѣлу оттоманскихъ владѣній. Турцію авторъ записки называлъ *безнадежно больнымъ человѣкомъ* и изъ ея наслѣдія отдавалъ Россіи „Романію, Булгарію и Молдавію", а изъ Греціи и острововъ Архипелага учреждалъ республику, выражая надежду, что со временемъ греки сами подойдутъ подъ скипетръ Россійскій [1]). Австріи, которая „подала столь справедливыя при- „чины къ негодованію" [2]), авторъ предлагалъ отдать Боснію, Сербію и Валахію [3]), Франціи — Египетъ, а Пруссію предполагалось вознаградить землями въ сѣверной Германіи.

2 октября 1800 года Императоръ возвратилъ Ростопчину его записку съ надписью: „Апробую планъ вашъ во всемъ; „желаю, чтобы вы приступили къ исполненію онаго: дай Богъ, „чтобъ по сему было".

Но зданіе Ростопчинской политики рушилось въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 года.

Императоръ Александръ Благословенный, съ своей стороны, считалъ существованіе Турціи залогомъ спокойствія и безопасности Россіи и своему послу въ Вѣнѣ приказалъ оказывать возможное содѣйствіе сохраненію Оттоманской Имперіи, такъ какъ ея безсиліе и плохое внутреннее управленіе „служатъ драгоцѣннымъ „ручательствомъ безопасности". Въ то же время нашему послу въ Парижѣ, графу Моркову, который доносилъ о томъ, что Наполеонъ заводитъ разговоръ о паденіи Турціи, было предписано отвѣчать

---

[1]) „Можно и подвесть", замѣтилъ при этихъ словахъ Императоръ Павелъ Петровичъ.
[2]) „Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!" помѣтка Государя.
[3]) „Не много ль?" замѣтилъ Государь.

опредѣленно, что Россія не имѣетъ никакихъ противъ нея враждебныхъ плановъ [1]).

Однако, такое дружелюбное отношеніе петербургскаго кабинета къ Портѣ не отвратило ее отъ сближенія съ Франціей,

Аллегорическое изображеніе положенія Турціи (съ голл. грав. Ф. Бутатсъ начала XVII стол.).

которая, не добившись соглашенія съ Петербургомъ, обратила свои взоры на Константинополь.

Вспыхнувшее въ 1804 году возстаніе сербовъ выставлялось французскимъ посломъ въ Константинополѣ Себастіани дѣломъ интригъ Россіи, хотя на самомъ дѣлѣ петербургскій кабинетъ не только не поддерживалъ сношенія съ возставшими сербами, но, наоборотъ, отклонялъ всякое общеніе съ ними. И, дѣйствительно, поданная Императору Александру записка сербскаго митрополита въ Венгріи Стратимировича, въ которой онъ просилъ объ освобожденіи сербовъ и объ образованіи сербскаго государства

[1]) Деп. Канц. Воронцова отъ 24 декабря 1802 года.

подъ главенствомъ одного изъ русскихъ великихъ князей, была возвращена автору, а на длинное прошеніе, привезенное сербскими депутатами въ Петербургъ въ октябрѣ 1804 года, послѣдовалъ отвѣтъ, предлагавшій имъ направиться въ Константинополь, гдѣ ихъ законныя требованія будутъ поддержаны русскимъ посломъ.

Тѣмъ не менѣе Себастіани удалось убѣдить Порту въ непріязненныхъ намѣреніяхъ Россіи, что вызвало принятіе ряда враждебныхъ противъ насъ мѣръ, которыя выразились въ закрытіи для русскихъ судовъ проливовъ и въ смѣщеніи господарей Дунайскихъ княжествъ.

Русскій посолъ Италійскій потребовалъ немедленной отмѣны упомянутыхъ распоряженій, а также охраны Іоническихъ республикъ противъ нападеній Али-паши. Для поддержки этихъ требованій наша южная армія приблизилась, подъ начальствомъ генерала Михельсона, къ турецкой границѣ, а, затѣмъ, къ концу 1806 года заняла Дунайскія княжества, при чемъ генералъ Михельсонъ началъ формировать сербскіе волонтерскіе отряды.

18 (30) декабря 1806 года Порта официально объявила намъ войну, надѣясь на поддержку Франціи и не обращая вниманія на угрозы англичанъ, флотъ которыхъ прошелъ Дарданеллы и которые требовали уступки Россіи обоихъ княжествъ. Австрія въ этой борьбѣ осталась нейтральной, несмотря на предложеніе петербургскаго кабинета присоединить къ ея владѣніямъ Боснію и Сербію, взамѣнъ согласія на присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи.

Тѣмъ временемъ Восточный вопросъ вступилъ въ новый фазисъ. Въ Тильзитскомъ договорѣ нашлась тайная статья, гласившая, что если Порта не согласится на французское посредничество и не заключитъ съ Россіей мира въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня врученія ей французской ноты, то договаривающіяся стороны примутъ мѣры для освобожденія отъ ига и притѣсненія турками всѣхъ областей Европейской Турціи, за исключеніемъ Румеліи съ Константинополемъ.

Однако, соперничество Россіи и Франціи въ дѣлахъ Турціи не прекратилось, и заключенное 12 (24) августа 1807 года, при посредствѣ французскаго генерала Гильемино, перемиріе въ Слободзеѣ не удовлетворило Императора Александра, такъ какъ въ немъ не упоминалось о присоединеніи къ Россіи Дунайскихъ княжествъ. Наполеонъ не соглашался на такое расширеніе нашихъ

границъ и лишь неудачи въ Испаніи склонили его къ заключенію въ 1808 году въ Эрфуртѣ конвенціи, по которой онъ признавалъ за Россіей право на присоединеніе Молдавіи и Валахіи. Результатомъ этой конвенціи было предъявленіе петербургскимъ дворомъ къ Портѣ цѣлаго ряда требованій, въ числѣ которыхъ были: уступка Дунайскихъ княжествъ, признаніе русскаго протектората надъ Грузіей, Имеретіей и Мингреліей и самостоятельность Сербіи, подъ покровительствомъ Россіи и Турціи.

Но въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ обстоятельства перемѣнились. На сторону Турціи стали встревоженныя нашимъ союзомъ съ Наполеономъ Австрія и Англія. Эскадра послѣдней вновь появилась въ Дарданеллахъ, и 3 января 1809 года былъ заключенъ англо-турецкій союзъ.

Вслѣдствіе отказа Порты удовлетворить наши требованія, война возобновилась, но велась вяло и не приводила къ рѣшительнымъ результатамъ. Съ другой стороны, разрывъ Россіи съ Франціей представлялся все болѣе вѣроятнымъ и наконецъ неминуемымъ. Нашему главнокомандующему Кутузову было послано повелѣніе заключить миръ съ Турціей въ возможно непродолжительномъ времени. Это повелѣніе было исполнено въ Бухарестѣ 16 мая 1812 года, послѣ уничтоженія Кутузовымъ главнаго корпуса турецкихъ войскъ.

Бухарестскій мирный договоръ подтвердилъ (ст. 3) всѣ заключенные до него между Россіей и Портой трактаты, конвенціи, акты и постановленія, не отмѣненные позднѣйшими договорами. Онъ признавалъ (ст. 4) границей въ Европѣ рѣку Прутъ и лѣвый берегъ Дуная до Килійскаго устья, а относительно Азіатской границы (ст. 6) опредѣлялъ, что „границы возстанавли„ваются совершенно такъ, какъ оныя были прежде до войны и „какъ постановлено въ третьей статьѣ предварительныхъ пунктовъ. „Вслѣдствіе чего Россійскій Императорскій Дворъ отдаетъ и возвра„щаетъ Блистательной Портѣ Оттоманской..... крѣпости и замки, „внутри сей границы лежащіе и оружіемъ его завоеванные". Впослѣдствіи эта статья вызвала рядъ недоразумѣній, такъ какъ, по толкованію министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева, она должна была опредѣлять лишь, что Россія возвращаетъ только области, ею завоеванныя, а не присоединенныя къ ней добровольно. По 8-й статьѣ договора Порта даровала сербамъ прощеніе и общую амнистію, а также „всѣ тѣ выгоды, коими пользуются подданные ея острововъ Архипелагскихъ..... и даетъ имъ возможность

„чувствовать дѣйствіе великодушія ея, предоставивъ имъ самимъ „управленіе внутреннихъ дѣлъ ихъ".

Бухарестскій договоръ былъ заключенъ въ неблагопріятное для Россіи время, когда она всѣ свои помыслы направляла къ борьбѣ съ нашествіемъ Наполеона. Поэтому требованія, предъявленныя Портѣ, были самыя умѣренныя, и въ Петербургѣ подумывали не только о мирѣ съ Турціей, но и о союзѣ съ нею.

Недовольными остались лишь сербы, которымъ Порта обѣщала гораздо болѣе того, что имъ было предоставлено 8-й статьей Бухарестскаго трактата. Поэтому они прервали начавшіеся послѣ войны въ Нишѣ переговоры и вновь возстали. Но турецкія войска успѣли разсѣять мятежные отряды, вожди которыхъ или погибли или скрылись, подобно Кара-Георгію, за границу. Въ Сербіи остался только Милошъ Обреновичъ, вскорѣ ставшій фактическимъ и нравственнымъ вождемъ народа.

III.

Надежды восточныхъ славянъ на близкое освобожденіе отъ турецкаго владычества расцвѣли съ новой силой послѣ паденія Наполеоновской имперіи, но имъ суждено было, и то отчасти лишь, исполниться въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ.

Участники Вѣнскаго конгресса исключительно заботились о торжествѣ началъ легитимности и политическаго равновѣсія; ихъ идеаломъ было охраненіе дореволюціоннаго statu quo, а также поддержаніе полнаго застоя и спокойствія. Эти начала они примѣняли и къ Оттоманской Имперіи, которой хотѣли даже гарантировать неприкосновенность владѣній. Однако, такому поступку воспротивились Россія и Англія.

Въ февралѣ 1815 года появилась русская циркулярная нота о томъ, что Европа изъ естественнаго сочувствія къ единовѣрцамъ и изъ гуманныхъ началъ международнаго права, соединяющаго цивилизованные народы въ одну семью, обязана оградить турецкихъ христіанъ отъ звѣрскихъ преслѣдованій. Однако, заступничество за угнетаемыхъ христіанъ первоначально ограничивалось одними словами, и просившіе о немъ въ Вѣнѣ сербскіе депутаты получили въ отвѣтъ: „Вы должны дѣйствовать одни".

Необходимость вмѣшательства Европы въ турецкія дѣла стала выясняться лишь съ 1821 года, когда вспыхнуло греческое возстаніе.

Весною этого года сынъ молдавскаго господаря и генералъ русской службы Александръ Ипсиланти перешелъ изъ Бессарабіи въ Молдавію и сталъ во главѣ движенія, которое одновременно возгорѣлось въ Мореѣ и другихъ греческихъ областяхъ, а также и на островахъ Архипелага. Въ мартѣ Ипсиланти отправилъ въ Петербургъ письмо, прося заступничества Россіи, къ которой обращались, по его выраженію, мольбы десяти милліоновъ христіанъ. На этотъ призывъ графъ Каподистрія отвѣчалъ Ипсиланти упреками [1]) въ томъ, что онъ осмѣлился въ своихъ прокламаціяхъ объщать возставшимъ содѣйствіе великаго государства, при чемъ было замѣчено, что если подъ этимъ государствомъ онъ подразумѣвалъ Россію, то жестоко ошибся, такъ какъ Россія останется неподвижной. Одновременно Ипсиланти былъ исключенъ изъ службы, и ему былъ запрещенъ возвратъ въ Россію.

Графъ Каподистрія не замедлилъ также сообщить въ Константинополь, что Императоръ Александръ „громко и торжественно „осуждаетъ революціонныя движенія, угрожающія новыми не„счастіями греческимъ областямъ Оттоманской Имперіи“.

Между тѣмъ европейскіе кабинеты встревожились возможностью активнаго вмѣшательства Россіи въ дѣла турецкаго Востока и приписывали ей честолюбивые замыслы.

Князь Меттернихъ принялся усиленно ломиться въ открытыя двери, убѣждая Императора Александра [2]) въ томъ, что греческое возстаніе „есть послѣдствіе заранѣе обдуманнаго плана, прямо „направленнаго противъ самой страшной для революціонеровъ „силы, противъ союза монарховъ съ цѣлью возстановленія закон„наго порядка и его охраненія“.

Порта, озлобленная борьбой съ греческимъ возстаніемъ, искала опоры въ мусульманскомъ фанатизмѣ. Въ мечетяхъ былъ прочитанъ фирманъ о заговорѣ христіанъ противъ правовѣрныхъ, и возбужденная толпа произвела страшную рѣзню во многихъ городахъ, не исключая и Константинополя, гдѣ погибъ вселенскій патріархъ, схваченный фанатиками въ церкви въ день Св. Пасхи. Дипломатическое вмѣшательство по этому поводу русскаго посла барона Строганова привело къ переговорамъ, въ которыхъ Порта проявила крайнюю раздражительность, а вслѣдъ затѣмъ рядомъ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 26 марта 1821 года.
[2]) Записка отъ 26 апрѣля (8 мая) 1821 года.

принятыхъ мѣръ явно нарушила трактаты съ нами. Тогда баронъ Строгановъ предъявилъ 6 (18) іюля 1821 года ультиматумъ, въ которомъ говорилось, что хотя, на основаніи Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, Россія можетъ оказывать христіанамъ покровительство на всемъ пространствѣ владѣній Оттоманской Порты, но что „Императорскій кабинетъ предпочитаетъ сослаться на „принятое всѣми христіанскими державами обяза-„тельство поддерживать общее единеніе и безопасность“. Ультиматумъ требовалъ, чтобы Порта возвратила христіанской вѣрѣ ея преимущества, возстановила разрушенныя церкви, даровала амнистію всѣмъ возставшимъ, которые изъявятъ покорность въ опредѣленный срокъ, а также, чтобы она назначила господарей въ Дунайскія княжества и вывела бы изъ нихъ войска. Неисполненіе этихъ требованій въ восьмидневный срокъ, по словамъ ультиматума, „узаконивало защиту грековъ“. Послѣ нѣкотораго колебанія Порта отвѣтила, что принятыя ею противъ возставшихъ мѣры необходимы и вполнѣ естественны, и баронъ Строгановъ 29 іюля 1821 года со всѣмъ посольствомъ выѣхалъ въ Одессу.

Александръ Ипсиланти
(съ грав. Ремy).

Разрывъ дипломатическихъ сношеній на этотъ разъ не привелъ къ войнѣ, такъ какъ одновременно между Петербургомъ и Вѣной шла переписка о предложенномъ графомъ Нессельроде совокупномъ вмѣшательствѣ великихъ державъ для воз-

становленія порядка на турецкомъ Востокѣ [1]). Переписка эта закончилась составленіемъ въ Вѣнѣ особаго протокола, по которому Порта должна была признать право вмѣшательства Россіи, съ цѣлью защиты христіанъ, очистить Дунайскія княжества и назначить уполномоченныхъ для совмѣстнаго съ русскими уполномоченными разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Россія и Австрія обезпечивали Портѣ, съ своей стороны, обладаніе греческими областями на условіяхъ дарованія имъ самоуправленія. Въ случаѣ же непринятія Портой условій протокола, Австрія обязывалась порвать съ ней дипломатическія сношенія.

Такая редакція протокола не была одобрена Меттернихомъ, который не пожелалъ его подписать, находя, что заключенные Россіей съ Турціей трактаты не даютъ намъ права покровительства христіанамъ въ возставшихъ областяхъ. Въ своемъ меморандумѣ отъ 19 апрѣля 1822 года князь Меттернихъ предлагалъ, чтобы рѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ и обезпеченіе прочнаго мира на Востокѣ было ввѣрено особой конференціи изъ представителей союзныхъ державъ и турецкихъ уполномоченныхъ.

Съ этой запиской Меттерниха была связана судьба графа Каподистріи. Онъ совѣтовалъ отвѣтить Вѣнскому кабинету въ томъ смыслѣ, что Россія предпочитаетъ ожидать событій, сохраняя за собой полную свободу дѣйствій; но это предложеніе не встрѣтило сочувствія Императора Александра, и Каподистрія былъ удаленъ. Государь полагалъ въ то время, что „нѣтъ политики „русской, французской, австрійской, прусской, а есть лишь общая „политика для общаго всѣхъ народовъ счастія“ [2]).

На Балканскомъ полуостровѣ между тѣмъ событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Собравшееся въ Эпидаврѣ греческое національное собраніе обнародовало 15 (27) января 1822 года актъ независимости и отправило своихъ депутатовъ на конгрессъ монарховъ въ Веронѣ; они не были приняты монархами и ограничились обнародованіемъ въ Анконѣ предназначавшейся для конгресса декларації къ народамъ Европы. Это обращеніе греческаго народа встрѣтило повсюду живѣйшее сочувствіе, и во всѣхъ странахъ стали образовываться филэллинскіе союзы и комитеты.

---

[1]) Деп. гр. Головкину 22 іюня (4 іюля) 1821 года.
[2]) Собственныя слова Государя Шатобріану на Веронскомъ конгрессѣ.

Петербургскій кабинетъ продолжалъ оставаться на прежней точкѣ зрѣнія общаго съ союзными державами воздѣйствія на Оттоманскую Порту. Графъ Нессельроде издалъ новый меморандумъ, въ которомъ предлагалъ образовать изъ греческихъ владѣній Турціи три княжества — Восточной, Западной и Южной Греціи. Для обсужденія этихъ предложеній рѣшено было созвать въ Петербургѣ конференцію союзныхъ державъ. Англія не пожелала принять участія въ этой конференціи и рѣшительно стала на сторону возставшихъ грековъ. Въ февралѣ 1824 года въ Лондонѣ былъ устроенъ для греческаго національнаго правительства заемъ въ 20 милліоновъ франковъ, и блокада греческихъ портовъ турецкими судами была признана недѣйствительной.

Между тѣмъ упомянутая выше конференція собиралась въ Петербургѣ два раза, въ іюнѣ 1824 и въ февралѣ 1825 годовъ, и послѣ долгихъ преній пришла къ довольно платоническому заключенію, что слѣдуетъ „убѣдить Порту въ необходимости „допустить для прекращенія волненій на Востокѣ вмѣшательство „великихъ континентальныхъ державъ“.

Такое постановленіе конференціи не имѣло, разумѣется, никакого практическаго результата, и греки, потерявъ всякую надежду на помощь Россіи и континентальной Европы, искали единственной опоры въ Англіи. Въ августѣ 1825 года засѣдавшее въ Навпліи греческое національное собраніе постановило передать „священное сокровище національной независимости и свободы „и политическое существованіе Греціи подъ защиту Великобританіи“.

Тогда только петербургскій кабинетъ призналъ невозможнымъ дальнѣйшее бездѣйствіе. Графъ Нессельроде запросилъ Вѣну и Берлинъ, что слѣдуетъ предпринять, если Порта не дастъ убѣдить себя въ необходимости вмѣшательства. Отвѣты прусскаго и австрійскаго дворовъ, объявившихъ себя противниками убѣжденія Порты силою и всякихъ по отношенію къ ней мѣръ принужденія, окончательно открыли глаза петербургскимъ государственнымъ людямъ. Императоръ Александръ повелѣлъ своимъ представителямъ при союзныхъ дворахъ сообщить имъ, что отнынѣ въ восточныхъ дѣлахъ Россія будетъ руководствоваться своимъ собственнымъ интересомъ. Мысль о неизбѣжности войны была вполнѣ усвоена Государемъ, которому, однако, не суждено было привести ее въ исполненіе.

IV.

Бросая общій взглядъ на наши отношенія къ турецкому Востоку со времени паденія Константинополя и до воцаренія Императора Николая Павловича, невольно приходится прежде всего отмѣтить ту нравственную связь, которая существовала между Россіей и подвластными Турціи христіанскими народностями съ первыхъ дней утвержденія Оттоманской Имперіи въ Европѣ.

Слабость Московскаго Государства въ началѣ этой эпохи и его отдаленность, а впослѣдствіи и насущныя потребности Россіи, направлявшія ея дѣятельность въ другую сторону, не придавали этой нравственной связи большого реальнаго значенія. Она выражалась только тѣмъ, что во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ Турціей наши государи являлись передъ Портой ходатаями за своихъ единовѣрцевъ. Но, по мѣрѣ роста Россіи и сближенія ея границъ съ Балканскимъ полуостровомъ, единеніе ея съ подвластными Турціи христіанами все болѣе и болѣе увеличивалось. Вооруженныя столкновенія Россіи съ Портой начинаютъ понемногу становиться сигналомъ для возстанія тѣхъ христіанскихъ народностей, которыя сохранили еще подъ гнетомъ турецкаго ига свою жизненную силу.

Одновременно съ этимъ и въ русско-турецкихъ трактатахъ отводится все большее и большее мѣсто заботѣ объ обезпеченіи христіанскихъ народностей и ихъ религіи. Кульминаціоннымъ въ этомъ отношеніи пунктомъ является царствованіе Императрицы Екатерины II, которая заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора дала могущественнѣйшій толчекъ къ самостоятельной жизни большинства христіанскихъ народностей турецкаго Востока. Въ то же время этотъ договоръ предоставилъ Россіи фактическое право защиты христіанскихъ жителей нѣкоторыхъ турецкихъ провинцій и нравственное покровительство надъ всѣми подвластными Портѣ христіанами. Пріобрѣтеніе нами сѣвернаго берега Чернаго моря сближало Россію съ опекаемыми ею народностями и еще болѣе увеличивало ея значеніе въ этомъ отношеніи.

Къ сожалѣнію, мѣняющаяся въ разныхъ направленіяхъ политика послѣдующихъ двухъ царствованій на много умалила значеніе дѣйствій великой Екатерины и внесла въ отношенія христіанъ турецкаго Востока къ Россіи тотъ разладъ, который, при доброй помощи заинтересованныхъ въ турецкихъ дѣлахъ

европейскихъ государствъ, на много поколебалъ нравственное ея среди нихъ значеніе.

Въ особенности обильно печальными послѣдствіями въ этомъ отношеніи царствованіе Императора Александра. Оно въ корнѣ подорвало довѣріе къ намъ христіанъ и впервые вызвало оставшееся съ нашей стороны безъ отвѣта толкованіе европейскими кабинетами Кучукъ-Кайнарджійскаго договора не по духу его, а по буквѣ, исключительно примѣненной къ положенію Турціи конца XVIII столѣтія. Въ концѣ же царствованія Императора Александра Благословеннаго была впервые предъявлена Европой, въ лицѣ князя Меттерниха, претензія на коллективное разрѣшеніе дѣлъ христіанскаго Востока.

Въ теченіе царствованія этого Государя можно отмѣтить также зародышъ того преувеличеннаго значенія, которое дипломаты петербургскаго двора начали придавать всевозможнымъ нотамъ, меморандумамъ и депешамъ. Изъ средства подготовительнаго, долженствовавшаго служить исключительно къ выясненію общихъ взглядовъ и намѣреній, мнили сдѣлать ихъ средствомъ, рѣшающимъ судьбы народовъ. Родоначальникъ такого направленія вице-канцлеръ графъ Нессельроде, казалось, полагалъ, что интересы государства исключительно зависятъ отъ убѣдительности его нотъ, забывая, что въ міровыхъ вопросахъ ноты хороши только тогда, когда поддержаны твердой рѣшимостью довести дѣло до конца. И замѣчательно, что въ этотъ періодъ признаваемаго исключительнаго могущества нотъ и трактатовъ не было обращено вниманія на различіе въ толкованіи Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, которое обнаружилось уже съ достаточной ясностью.

Но, кромѣ тѣхъ нравственныхъ цѣлей, которыя преслѣдовала Россія въ постоянной борьбѣ съ Турціей, ей приходилось заботиться и объ удовлетвореніи своихъ жизненныхъ интересовъ, требовавшихъ открытаго выхода въ Черное море и обезпеченія границъ отъ нападенія дикихъ кочевниковъ. Благодаря успѣшнымъ войнамъ Императрицы Екатерины, мы достигли на югѣ нашихъ естественныхъ границъ.

Такое законное тяготѣніе къ югу не могло, разумѣется, нравиться тѣмъ государствамъ, торговые и политическіе интересы которыхъ соприкасались съ Турціей; но Россія до екатерининской эпохи не внушала большого опасенія, а потому и не встрѣчала существенныхъ препятствій къ достиженію своихъ плановъ. Ве-

личіе же, пріобрѣтенное ею за время царствованія Императрицы Екатерины II, а, главное, обширные восточные проекты нашихъ государственныхъ людей конца восемнадцатаго столѣтія заставили нѣсколько иначе смотрѣть на миссію Россіи на ближнемъ Востокѣ. И хотя съ воцареніемъ Императора Александра Благословеннаго въ основу русской политики легло сохраненіе до послѣдней возможности существованія слабой Турціи, но вышеуказанные проекты и двойственная относительно Порты политика Императора Александра Павловича дали возможность созрѣть общему убѣжденію въ исключительно завоевательныхъ намѣреніяхъ Россіи относительно Порты Оттоманской. Вся послѣдующая политика Александра I, девизомъ которой съ высоты трона признавалось поглощеніе русскихъ интересовъ интересами общеевропейскими, не уменьшила недовѣрія къ Россіи, но зато отодвинула ее въ дѣлахъ Востока на второстепенный планъ.

Александръ и Дмитрій Ипсиланти (съ оффорта Г. Валентинэ).

Изложенный періодъ русско-турецкихъ сношеній даетъ также возможность опредѣлить и отношеніе иностранныхъ дворовъ къ исторической миссіи Россіи. Наиболѣе заинтересованной въ этомъ смыслѣ выказала себя Австрія, отличіе взглядовъ которой выяснилось еще съ 1700 года; образъ же ея дѣйствій во время нашихъ столкновеній съ Портой оставался всегда одинаковъ. Почти въ такомъ же положеніи находилась и Англія, которая только однажды, во время ея борьбы съ Наполеономъ, стала на сторону русскихъ требованій. Къ концу же разсматриваемаго періода ея вліяніе не только въ Турціи, но и среди христіанскаго населенія южной части этой Имперіи упрочилось на счетъ уменьшившагося вліянія Россіи. Что же касается до Франціи и Пруссіи, то обѣ эти державы въ русско-турецкихъ дѣлахъ находили лишь средство давленія на Россію въ видахъ тѣхъ или другихъ своихъ интересовъ.

Таково было наслѣдіе по дѣламъ Востока, которое принялъ на себя юный Императоръ Николай Павловичъ. Оно далеко не находилось въ томъ блестящемъ состояніи, въ которомъ было оставлено его бабкой, и чуждому замысловъ уничтоженія Турціи и захвата Константинополя Государю Николаю Павловичу пришлось вынести на своихъ плечахъ подозрительность Европы, которая, сама того не замѣчая, играла въ руку всесвѣтной въ то время повелительницѣ морей.

Глава VI.

I.

Императоръ Николай Павловичъ объявилъ своимъ первымъ дипломатическимъ актомъ [1]), что въ дѣлахъ внѣшней политики онъ будетъ руководствоваться завѣтами предшествовавшаго царствованія и строго придерживаться началъ, обезпечивавшихъ миръ Европы со времени Вѣнскаго конгресса.

Что же касается до запутанныхъ въ то время восточныхъ дѣлъ, то Государь различилъ въ нихъ двѣ категоріи фактовъ, изъ которыхъ одна представляла многочисленныя нарушенія Турціей заключенныхъ съ нами трактатовъ и составляла въ глазахъ Государя наше частное дѣло съ Портой Оттоманской; другая же касалась событій, въ которыхъ были затронуты интересы и прочихъ европейскихъ государствъ.

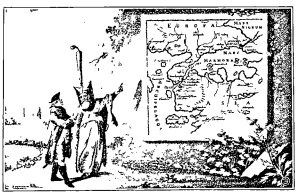
Вопреки трактатамъ съ Россіей, Порта продолжала содержать свои войска въ Дунайскихъ княжествахъ, отказывалась возстановить въ нихъ существовавшій до 1821 года порядокъ, не признавала правъ сербскаго народа, обезпеченныхъ условіями Бухарестскаго трактата, отказывалась покончить споры относительно восточнаго побережья Чернаго моря и оставила безъ отвѣта протестъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Съ другой стороны, южная часть Балканскаго полуострова и острова Архипелага

---

[1]) Цирк. нота гр. Нессельроде, отъ 14 декабря 1825 года, представителямъ иностранныхъ державъ.

были охвачены возстаніемъ, которое вызывало сочувствіе общественнаго мнѣнія какъ въ Россіи, такъ и въ прочихъ странахъ Европы.

Циркулярная нота графа Нессельроде о восточныхъ дѣлахъ, относящаяся къ 17 (29) марта 1826 года, рѣзко отличала нарушеніе Портой трактатовъ съ Россіей отъ прочихъ турецкихъ дѣлъ. Что касается первыхъ, то Государь, не питая никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, желалъ только точнаго исполненія договоровъ и рѣшилъ, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ силѣ. Считая это дѣло исключительно русскимъ, онъ предъявлялъ Портѣ непосредственныя требованія и ожидалъ ея отвѣта безъ чьего-либо посредничества. Иного взгляда Императоръ Николай держался въ греческомъ вопросѣ. Признавая разрѣшеніе недоразумѣній между Греціей и Турціей дѣломъ международнымъ, которое должно быть поконченнымъ съ общаго согласія великихъ державъ, онъ въ немъ не принималъ на себя исключительнаго почина и даже не считалъ возможнымъ высказать свои соображенія, пока положеніе Россіи относительно Порты Оттоманской оставалось неопредѣленнымъ. Программа Императора Николая въ этомъ отношеніи выказалась въ сообщеніи вице-канцлера графа Нессельроде Вѣнскому кабинету, что Государь желаетъ видѣть въ греческомъ вопросѣ Россію, поставленную „на одну линію съ другими державами-посредницами".



Карта Константинопольскихъ проливовъ XVIII ст. (съ грав. И. Нильсонъ).

С. С. Татищевъ, разбирая циркулярную ноту 17 марта 1826 года, правильно замѣчаетъ, что въ этомъ важномъ дипломатическомъ документѣ политика Императора Николая обнаружилась во всемъ своемъ нравственномъ величіи. Твердый, хотя умѣренный тонъ, строго ограниченныя, но настойчиво выраженныя требованія, признаніе европейскихъ интересовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимость съ оружіемъ въ рукахъ защищать права, принадлежащія Россіи по договорамъ, глубокое сознаніе собственныхъ правъ и достоинства—все это произвело неотразимое впечатлѣніе на чуже-

земные дворы, которые начали наперерывъ совѣтовать Турціи подчиниться нашимъ требованіямъ.

Однако, державы все-таки не вѣрили безкорыстію Россіи, а что касается до Англіи, то она была серіозно обезпокоена русско-турецкими несогласіями.

Для принесенія Императору Николаю Павловичу поздравленій съ восшествіемъ на престолъ, лондонскій дворъ отправилъ въ Петербургъ героя Ватерлоо, герцога Веллингтона. Государь отклонилъ его посредничество въ спорѣ съ Портой изъ-за нарушенія трактатовъ, но охотно вступилъ въ переговоры относительно общаго разрѣшенія греческаго вопроса. Результатомъ такого рѣшенія былъ подписанный въ концѣ марта 1826 года—со стороны Россіи графомъ Нессельроде и княземъ Ливеномъ, а со стороны Великобританіи герцогомъ Веллингтономъ—„протоколъ", которымъ договаривающіяся стороны устанавливали начало будущаго устройства Греціи [1]).

Согласно 1-й статьи этого протокола, Греція должна была оставаться въ зависимости отъ Порты и платить ей разъ навсегда опредѣленную дань, но управляться властями, избираемыми самими греками при нѣкоторомъ лишь участіи Порты въ ихъ назначеніи. Имъ предоставлялась полная свобода совѣсти, торговли и внѣшнихъ сношеній, а мусульманскія земли, которыя должны были войти въ составъ вновь образуемой Греціи, предполагалось выкупить.

Слѣдующія статьи протокола опредѣляли общее посредничество петербургскаго и лондонскаго дворовъ въ Константинополѣ, совмѣстную выработку подробностей прекращенія греко-турецкой распри и подтверждали, что договаривавшіяся стороны не ищутъ ни расширенія территоріи, ни исключительнаго вліянія, ни особыхъ торговыхъ преимуществъ, которыя не были бы доступны прочимъ націямъ. Въ заключеніе протоколъ постановлялъ сообщить конфиденціально о состоявшемся соглашеніи въ Вѣну, Берлинъ и Парижъ, приглашая кабинеты великихъ державъ присоединиться къ дѣлу примиренія турокъ съ греками.

Одновременно съ установленіемъ изложенныхъ выше отправныхъ точекъ съ Великобританіей, Россія вела частные переговоры съ Турціей по дѣламъ, касающимся ея личныхъ интересовъ. 24 марта нашъ повѣренный въ дѣлахъ Минчаки вручилъ Портѣ послѣдній ультиматумъ, требовавшій въ шестинедѣльный срокъ эвакуаціи

---

[1]) Протоколъ 23 марта (4 апрѣля) 1826 года.

Дунайскихъ княжествъ, исполненія 8-й статьи Бухарестскаго договора, освобожденія сербскихъ депутатовъ и отправленія къ русской границѣ уполномоченныхъ для веденія переговоровъ по спорнымъ вопросамъ.

Порта, подъ вліяніемъ совѣтовъ европейскихъ державъ подчиниться русскимъ требованіямъ, выразила нотой отъ 1 (13) мая, т.-е. еще до истеченія назначеннаго срока, свое согласіе на ультиматумъ Минчаки. Графъ Нессельроде, сообщая объ этомъ успѣхѣ иностраннымъ дворамъ, замѣчалъ, что, при дальнѣйшихъ переговорахъ съ Портой, Государь намѣренъ дѣйствовать съ настойчивостью и энергіей, которыя, какъ показалъ счастливый недавній опытъ, составляютъ необходимое условіе успѣха.

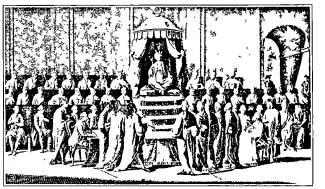
1 іюля открылись въ Аккерманѣ переговоры русскихъ и турецкихъ уполномоченныхъ, которые явились живой иллюстраціей только-что приведенныхъ словъ графа Нессельроде. Турецкимъ представителямъ было сообщено, что Государь, предвидя ихъ попытки протянуть время, приказалъ еще въ Петербургѣ заготовить проектъ конвенціи, которую имъ остается только подписать. „Какіе же это переговоры!“ восклицали турецкіе комиссары, кладя, однако, свои подписи на приготовленномъ документѣ. Возстаніе янычаръ, вызвавшее внутреннія неурядицы, и разстройство арміи лишали Порту какой-либо возможности сопротивляться.

Заключенная въ Аккерманѣ конвенція имѣла „единственной „цѣлью отвратить всякій поводъ къ дальнѣйшимъ несогласіямъ „и обезпечить во всей ихъ силѣ исполненіе Бухарестскаго и „всѣхъ прочихъ трактатовъ“.

Первая статья этой конвенціи опредѣляла, что всѣ условія договора, заключеннаго въ Бухарестѣ 16 мая 1812 года, подтверждаются во всемъ ихъ пространствѣ и будутъ имѣть такую же силу, какъ если бы Бухарестскій договоръ былъ внесенъ въ нее отъ слова до слова.

Третьей статьей Блистательная Порта обязывалась въ шестимѣсячный срокъ возобновить гатти-шерифы 1802 года относительно правъ и преимуществъ Молдавіи и Валахіи, и дополнить ихъ приложеннымъ къ конвенціи отдѣльнымъ актомъ, который устанавливалъ участіе Россіи въ управленіи Дунайскими княжествами. Согласно этому акту господарями княжествъ должны были назначаться мѣстные природные бояре, избираемые въ качествѣ кандидатовъ боярами диванов̀ъ каждой области и утверждаемые Портой. Срокъ пребыванія господарей въ должности полагался

семилѣтній, и преждевременное смѣщеніе ихъ допускалось не иначе, какъ съ согласія русскаго посланника. Самовольное сложеніе съ себя званія господаря требовало также согласія нашего двора. Установленіе и точное опредѣленіе податей и повинностей въ обоихъ княжествахъ должно было быть сдѣлано господарями совмѣстно съ боярами дивановъ, на основаніяхъ постановленій гатти-шерифа 1802 года. „Господари", гласилъ далѣе отдѣльный актъ, „ни въ какомъ случаѣ не должны дозволять себѣ ни „малѣйшаго отступле-„нія отъ сего правила. „Они должны принимать „со вниманіемъ и ува-„женіемъ представленія „посланника Его Импе-„раторскаго Величества, „а равно представленія, „кои по его предписа-„нію будутъ дѣлаемы „отъ россійскихъ кон-„суловъ, какъ по сему „предмету, такъ и от-„носительно сохраненія „иныхъ правъ и преимуществъ сего края, особенно же во всемъ „томъ, что касается до соблюденія положеній и условій, въ „семъ актѣ означенныхъ". Эти же „положенія и условія" касались всѣхъ существенныхъ вопросовъ внутренняго управленія княжествами.



Аллегорическое изображеніе положенія Турціи въ серединѣ XVIII ст.
(съ грав. В. Джонсъ, по рис. Н. Филипсъ).

Пятая статья Аккерманской конвенціи отличалась нѣсколько иронической редакціей. Она говорила о тщательномъ радѣніи Порты къ точному соблюденію постановленій Бухарестскаго договора относительно сербскаго народа, „имѣющаго полное право „на ея милость и великодушіе". Блистательная Порта должна была установить совмѣстно съ сербскими депутатами мѣры для утвержденія обѣщанныхъ трактатами преимуществъ, которыя „бу-„дутъ справедливой наградой за доказанную на опытѣ вѣрность „къ Имперіи Оттоманской".

Но этимъ не ограничились заботы Императора Николая Павловича о сербскомъ народѣ. Онѣ вызвали присоединеніе къ Аккерманской конвенціи второго отдѣльнаго акта, исключительно ему посвященнаго.

„Непредвидѣнныя препятствія“, писалось въ этомъ актѣ, „принудили отложить сіе дѣло“, т.-е. дарованіе сербамъ преимуществъ, но Порта немедленно должна была приступить къ соотвѣтственнымъ распоряженіямъ и обязывалась увѣдомить Россійскій Императорскій Дворъ обо всемъ, что ею будетъ сдѣлано въ исполненіе VIII статьи Бухарестскаго договора, а также сообщить ему утвержденный гатти-шерифомъ фирманъ, которымъ сербскому народу будутъ дарованы обѣщанныя преимущества. Преимущества эти, какъ видно изъ перечисленныхъ въ отдѣльномъ актѣ требованій сербской депутаціи, касались свободы богослуженія, выбора начальниковъ, независимости внутренняго управленія, возвращенія отторгнутыхъ отъ Сербіи округовъ, податныхъ реформъ, свободы торговли и многихъ другихъ вопросовъ, въ достаточной степени обезпечивавшихъ самостоятельную жизнь и развитіе сербскаго народа.

Но Аккерманская конвенція, имѣвшая цѣлью обезпечить за Россіей преимущественное вліяніе на Востокѣ, не достигла конечныхъ результатовъ. Униженные при ея заключеніи турки затаили въ себѣ безсильную злобу, и ихъ ненависть къ намъ стала проявляться все опредѣленнѣе, а недовѣріе иностранныхъ дворовъ къ нашей политикѣ—все сильнѣе. Недовѣріе это стало проникать повсюду, находя нѣкоторое удовлетвореніе въ порицаніи энергичныхъ пріемовъ нашихъ представителей въ Аккерманѣ. „Поведеніе „русскихъ въ этомъ дипломатическомъ походѣ“, писалъ сердобольный Генцъ австрійскому посланнику Оттенфельсу, „поразило „меня въ сердце; ничего болѣе насильственнаго и болѣе вѣро„ломнаго не бывало даже въ дипломатическихъ актахъ Наполеона“.

Чувства Порты по отношенію къ намъ вскорѣ обнаружились по поводу рѣшеннаго Петербургскимъ протоколомъ русско-англійскаго вмѣшательства въ несогласія между султаномъ и возставшими греками. На врученную 10 марта 1827 года ноту, касательно греческаго вопроса, Порта отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ. Англіи она указала, что не вмѣшивается въ распри лондонскаго правительства съ ирландскими католиками, а русскому посланнику напомнила, что наши уполномоченные въ Аккерманѣ заявили, что не предъявляютъ никакихъ требованій относительно грековъ. Реисъ-эффенди счелъ необходимымъ добавить еще, что вмѣшательство Россіи и Англіи противно началу самостоятельности верховной власти каждаго государства, и что „оттоманы скорѣе уйдутъ изъ „Европы, чѣмъ допустятъ чужое вмѣшательство между государемъ

„и его подданными, разрушающее верховную власть и независи-
„мость“.

Въ своихъ заявленіяхъ Порта находила нѣкоторую поддержку въ политикѣ вѣнскаго и берлинскаго кабинетовъ, которые отказались присоединиться къ постановленіямъ Петербургскаго протокола 4 апрѣля 1826 года. Меттернихъ заявилъ при этомъ, что такой дипломатическій актъ, становясь на защиту мятежа, является прямымъ оскорбленіемъ священному союзу.

Зато англо-русская декларація встрѣтила самый радушный пріемъ въ Парижѣ. 24 іюня (6 іюля) 1827 года въ Лондонѣ былъ подписанъ представителями Россіи, Англіи и Франціи трактатъ о замиреніи Греціи, по которому эти три державы рѣшили предложить Портѣ свое посредничество. Трактатъ въ общемъ повторялъ постановленія Петербургскаго протокола, но былъ дополненъ особой секретной статьей, согласно которой договаривавшіяся державы рѣшили обратиться къ Портѣ съ заявленіемъ, что онѣ принуждены сблизиться съ греками, установить съ ними торговыя сношенія, а также назначить въ Грецію своихъ и принять греческихъ консуловъ. Если бы въ теченіе мѣсяца между Портой и греками не состоялось перемирія, то три державы обязывались принять мѣры къ прекращенію военныхъ дѣйствій и послать соотвѣтствующія инструкціи командирамъ своихъ средиземныхъ эскадръ. Въ заключеніе договаривающіяся стороны предоставили своимъ лондонскимъ представителямъ условиться о дальнѣйшихъ мѣрахъ, на случай отказа Порты или грековъ согласиться на примирительныя предложенія.

Коллективная нота трехъ державъ приглашала Порту принять эти условія и предупреждала ее, что, въ случаѣ отказа, державы „для прекращенія положенія, несовмѣстимаго съ истинными ин-
„тересами Порты, съ безопасностью торговли и со спокойствіемъ „Европы“ прибѣгнутъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ.

Но турецкое правительство отвергло предложенія трехъ державъ. Въ совѣтѣ султана не думали, чтобы онѣ рѣшились на мѣры принужденія, и нельзя не сознаться, что этотъ взглядъ турецкихъ сановниковъ имѣлъ за собою нѣкоторыя основанія.

Князь Меттернихъ, ревностный защитникъ легитимности, напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы не допустить въ греко-турецкую распрю вооруженнаго вмѣшательства Европы. Австрійскій посланникъ въ Константинополѣ успокаивалъ Порту увѣреніями, что въ сущности ни одно правительство не сочувствуетъ мятежу; при

этомъ повторялись выраженія русской ноты начала 1826 года, что „дѣло Россіи есть дѣло исполненія договоровъ, а не поддержка возстанія, противнаго праву", а также рѣзкія слова Императора Николая о грекахъ, будто бы сказанныя имъ эрцгерцогу Фердинанду д'Есте [1]). Князь Меттернихъ, получивъ отъ австрійскаго посла въ Лондонѣ успокоительныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ англичанъ и убѣдившись изъ бесѣдъ съ русскимъ и французскимъ представителями въ Вѣнѣ въ миролюбіи Россіи и Франціи, предложилъ Портѣ добрыя австрійскія услуги въ ея спорѣ съ тремя державами. Оттоманское правительство радостно ухватилось за такое предложеніе, но въ это время грянула вѣсть о Наваринскомъ погромѣ.

Битва у Перекопа 1736 г. (съ нѣм. грав. того времени).

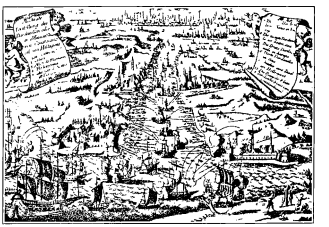
Адмиралы трехъ союзныхъ въ дѣлѣ освобожденія Греціи державъ получили, согласно Лондонскому договору, приказаніе помѣшать прибытію въ Морею новыхъ подкрѣпленій изъ Египта, при чемъ имъ было предписано вступить въ бой лишь въ случаѣ форсированія турецкимъ флотомъ проходовъ, съ цѣлью высадки десанта. Ибрагимъ-паша пожелалъ оставить со своимъ флотомъ Наварин и отправиться въ Патрасъ, но получилъ въ этомъ отказъ отъ адмирала Кондрингтона. Взбѣшенный паша продолжалъ съ особой жестокостью опустошать Морею, что принудило адмираловъ предложить ему возвратиться въ Египетъ. Рядъ неожиданныхъ при этомъ обстоятельствъ и привелъ 20 октября къ бою у Наварина трехъ соединенныхъ эскадръ съ турецкимъ флотомъ, который былъ при этомъ совершенно уничтоженъ.

Эта побѣда произвела сильное и неодинаковое впечатлѣніе на Императора Николая Павловича и на его министра иностранныхъ дѣлъ. Государь былъ очень доволенъ энергіей адмираловъ, а графъ Нессельроде полушутливо замѣчалъ въ своемъ письмѣ къ нашему представителю въ Вѣнѣ Татищеву, что было бы

[1]) „Я ихъ зову не греками, а бунтовщиками", повторилъ Государь нѣсколько разъ.

вообще недурно, если бы дипломаты уступили мѣсто адмираламъ, доказавшимъ, что они умѣютъ разрѣшать запутанные вопросы.

Наваринскій погромъ повелъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ съ обѣихъ сторонъ. Реисъ-эффенди нотой отъ 9 ноября 1827 года потребовалъ отъ пословъ трехъ державъ вознагражденія за уничтоженный флотъ, удовлетворенія за нарушеніе нейтралитета и обѣщанія воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло умиротворенія Греціи. По первымъ двумъ пунктамъ послы отклонили требованія Порты, такъ какъ было дознано, что первое нападеніе у Наварина сдѣлали турки; относительно же вмѣшательства въ греческія дѣла они подтвердили, что ихъ правительства твердо рѣшились достигнуть умиротворенія средствами, указанными въ ихъ союзномъ договорѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого представители Россіи, Франціи и Англіи заявили Портѣ черезъ своихъ драгомановъ, что останутся въ Константинополѣ лишь въ томъ случаѣ, если Порта возобновитъ съ ними офиціальныя сношенія, установитъ перемиріе съ греками и торжественно заявитъ, что даруетъ имъ изложенныя въ Лондонскомъ трактатѣ права и преимущества, какъ только греки представятъ приличное по этому поводу прошеніе султану. Совѣтъ турецкихъ сановниковъ единогласно отвергъ требованія пословъ, которые вскорѣ покинули оттоманскую столицу.



Эскадра Спиридова въ Дарданеллахъ въ 1770 г. (съ грав. И. Виллъ).

Вслѣдствіе такого оборота дѣлъ русское правительство въ концѣ декабря 1827 года выступило съ двумя предложеніями.

Прежде всего графъ Нессельроде сообщилъ въ Лондонъ, что Императоръ Николай Павловичъ намѣренъ твердо держаться началъ договора 6 іюля и съ точностью исполнить обязательство не дѣлать на счетъ Турціи территоріальныхъ пріобрѣтеній и не

добиваться какихъ-либо новыхъ исключительныхъ торговыхъ преимуществъ. Государь шелъ даже дальше такого увѣренія и, видя въ сохраненіи Турціи прямой интересъ Россіи, готовъ былъ подтвердить свое желаніе новымъ особымъ трактатомъ. Кромѣ того, наше правительство предлагало Лондонской конференціи, состоявшей изъ представителей Россіи, Франціи и Великобританіи, принять нѣкоторыя понудительныя противъ Порты мѣры, которыя заставили бы ее подчиниться требованіямъ державъ. Въ числѣ этихъ мѣръ были намѣчены занятіе русскими войсками Дунайскихъ княжествъ, очищеніе территоріи будущей Греціи отъ египетскихъ войскъ и охраненіе ее союзнымъ флотомъ отъ новыхъ вторженій турокъ. Но приведеніе въ исполненіе намѣченнаго предлагалось нами только въ томъ случаѣ, если Порта откажется принять въ восьмидневный срокъ новый ультиматумъ державъ, приглашающій ее вступить въ переговоры о замиреніи Греціи на извѣстныхъ уже условіяхъ.

Однако, предложенія графа Нессельроде не вызвали сочувствія лондонскаго кабинета, во главѣ котораго стоялъ тогда герцогъ Веллингтонъ. Онъ отвѣчалъ, что Лондонскій трактатъ имѣлъ цѣлью обезпеченіе мира въ греческихъ областяхъ, а не войну съ Турціей, и предлагалъ ограничиться только занятіемъ Коринѳскаго перешейка, очищеніемъ Мореи отъ турецкихъ войскъ и организаціей автономнаго управленія этой области. Въ то же время лондонскій кабинетъ совѣтовалъ привлечь къ общему дѣлу умиротворенія Греціи Австрію и Пруссію, что, по его мнѣнію, должно было повліять на рѣшимость султана присоединиться къ постановленіямъ трактата 6 іюля.

Натянутое положеніе между Россіей и Турціей безпокоило уже обѣ нѣмецкія державы и въ особенности Австрію, которая начала даже стягивать войска въ Трансильванію. Князь Меттернихъ рѣшился на совершенно неожиданный шагъ, а именно выступилъ съ предложеніемъ признать Грецію независимой. Онъ полагалъ, что, обративъ вниманіе дипломатовъ на новый вопросъ, онъ предотвратитъ русско-турецкую войну, возможныя послѣдствія которой возбуждали въ немъ разныя опасенія.

Но было уже поздно. Послѣ ряда враждебныхъ намъ и противныхъ трактатамъ мѣръ, султанъ обнародовалъ 8 (20) декабря манифестъ, въ которомъ обвинялъ Россію въ подстрекательствѣ грековъ къ возстанію и въ стремленіи стереть исламъ съ лица земли. Манифестъ этотъ, призывая мусульманъ къ борьбѣ съ

невѣрными, присовокуплялъ, что „война не будетъ, подобно пред-„шествовавшимъ, борьбой изъ-за областей и границъ. Намъ пред-„стоитъ сражаться за вѣру и за наше національное существованіе. „Всѣ мы одинаково, богатые и бѣдные, большіе и малые, должны „взирать на эту борьбу, какъ на священный долгъ".

Конечно, Россія не могла оставить вызова Порты безъ отвѣта. 2 (14) Апрѣля 1828 года послѣдовали Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны Турціи и декларація нашего кабинета, излагавшая причины войны и цѣли, которыя мы были намѣрены преслѣдовать. По словамъ упомянутаго документа, Россія не стремилась ни къ завоеваніямъ на счетъ Турціи, ни къ ея паденію, но къ обезпеченію безопасности и свободы торговли, къ возобновленію и утвержденію договоровъ и къ оказанію помощи христіанскимъ народамъ, поставленнымъ этими договорами подъ ея покровительство. Далѣе декларація присовокупляла, что Россія считаетъ долгомъ чести привести въ исполненіе договоръ 6 іюля, но, чуждаясь революціонныхъ средствъ, она не стремится вызвать возстанія христіанскихъ народностей Турціи, хотя для этого было бы достаточно одного ея слова.

II.

Кампанія 1828 года, завершенная взятіемъ русскими войсками въ присутствіи Императора Николая Павловича Варны, не привела, однако, къ рѣшительнымъ результатамъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался князь Меттернихъ съ цѣлью вызвать посредничество державъ къ окончанію русско-турецкой распри, а въ особенности съ цѣлью приведенія въ исполненіе своей старой мечты— поставить отношенія Россіи съ Турціей подъ контроль Европейскаго ареопага.

И, дѣйствительно, находившаяся въ то время подъ его вліяніемъ Порта заявила о необходимости заключенія мира не иначе, какъ при участіи Европы и за ея коллективнымъ ручательствомъ.

Императоръ Николай, съ своей стороны, не только не уклонялся отъ заключенія мира, а даже шелъ ему навстрѣчу, но, разумѣется, не на условіяхъ, внушаемыхъ княземъ Меттернихомъ. Нашъ кабинетъ сообщилъ Портѣ черезъ датскаго посланника въ Константинополѣ, что Государь согласенъ даже немедленно за-

ключить перемиріе, если Турція выразитъ намѣреніе вступить въ переговоры о мирѣ.

Одновременно съ этимъ Государь не забывалъ и греческихъ дѣлъ, особенно заботясь о томъ, чтобы обуздать греческія тайныя общества и уничтожить въ Греціи революціонныя стремленія, чего можно было достигнуть только установленіемъ въ этой странѣ монархическаго образа правленія.

10 (22) Марта 1829 года представителями державъ въ Лондонѣ была подписана Лондонская конвенція, въ которой вновь были выработаны основанія будущаго устройства Греціи. Эта страна должна была оставаться подъ верховнымъ главенствомъ султана, но управляться государемъ христіанскаго вѣроисповѣданія, не принадлежащимъ, однако, къ царствующимъ домамъ Россіи, Франціи и Великобританіи. Сѣверной границей новаго государства была намѣчена линія между Эгейскимъ и Іоническимъ морями, отъ залива Воло до залива Арто, а связь его съ Турціей выражалась уплатой ежегодной дани въ размѣрѣ полуторамилліона піастровъ.

Медаль въ память Адріанопольскаго мира.

Императоръ Николай Павловичъ согласился, съ своей стороны уполномочить возвращавшихся въ Константинополь французскаго и англійскаго пословъ вести переговоры съ Портой по греческому вопросу на выработанныхъ Лондонской конференціей основаніяхъ. Но представителямъ этихъ державъ не удалось убѣдить Порту въ необходимости согласиться на предложенія Европы.

Эта необходимость выяснилась для Турціи лишь послѣ новыхъ нашихъ побѣдъ и приближенія арміи генерала Дибича въ началѣ августа 1829 года къ Адріанополю. Тогда только въ Константинополѣ поняли, что дальнѣйшая борьба можетъ повести къ уничтоженію турецкаго владычества въ Европѣ, и султанъ обратился къ Государю съ просьбой о мирѣ.

Переговоры, однако, затянулись, и Императоръ Николай, опасаясь ихъ неуспѣха, поручилъ Дибичу занять Дарданеллы, чтобы воспрепятствовать появленію „незваныхъ гостей для вмѣшательства и вреда дѣламъ нашимъ“.

Такое вмѣшательство видимо безпокоило Государя, и уже въ концѣ августа онъ вновь писалъ Дибичу: „При неуспѣшности

„переговоровъ вы должны немедленно двинуться къ Константино-„полю, обезпечивъ себя со стороны Дарданелль... Овладѣвъ Кон-„стантинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до по-„лученія которыхъ положительно откажетесь войти въ какіе-либо „переговоры какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни „было". Въ письмѣ же къ Дибичу отъ 1 сентября Государь замѣчалъ: „Англійское министерство совершенно поражено успѣ-„хами нашего оружія до такой степени, что Абердинъ сказалъ „нашимъ: ради Бога не обходитесь съ нами по-Дибичевски и „пощадите нашу честь. Они видятъ и не боятся болѣе паденія „Оттоманской Имперіи, но боятся узрѣть насъ *владыками* Кон-„стантинополя!" Императоръ Николай подчеркнулъ пять разъ слово „владыками".

Приказанія, о которыхъ Государь предупреждалъ въ письмахъ Дибича, должны были зависѣть отъ хода совѣщаній образованнаго въ Петербургѣ, сначала подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, а потомъ и самого Императора, особаго Тайнаго Комитета.

Работы Комитета открылись докладомъ одобренной Государемъ записки вице-канцлера графа Нессельроде, доказывавшаго, что „никакой другой порядокъ вещей не возмѣститъ намъ выгоды „имѣть сосѣдомъ государство слабое, постоянно угрожаемое ре-„волюціонными стремленіями своихъ вассаловъ и вынужденное „покориться волѣ побѣдителя". При этомъ вице-канцлеръ Нессельроде находилъ невозможнымъ разрѣшить вопросъ о судьбѣ Оттоманской Имперіи безъ участія другихъ державъ, такъ какъ подобный актъ затрогивалъ существеннѣйшія ихъ интересы. Мнѣніе это вполнѣ раздѣлялъ и министръ юстиціи Дашковъ, который въ доложенной Комитету запискѣ проводилъ ту идею, что цѣль Россіи распространять свое вліяніе между сосѣдними народами можетъ быть удобнѣе всего достигнута продленіемъ существованія Турціи. Комитету было доложено также и письмо графа Каподистріи, который предлагалъ созданіе на развалинахъ Европейской Турціи пяти государствъ: Дакіи, Сербіи, Македоніи, Эпира и Эллады и образованіе изъ Константинополя съ окружающей территоріей вольнаго города, въ которомъ засѣдалъ бы конгрессъ конфедераціи упомянутыхъ государствъ.

Комитетъ, послѣ незначительныхъ преній, высказалъ *единогласное* мнѣніе, что выгоды сохраненія Оттоманской Имперіи въ Европѣ превышаютъ его невыгодныя стороны, и что разрушеніе

Турціи противно истиннымъ интересамъ Россіи. Благоразуміе требовало предупредить паденіе Турціи и воспользоваться всѣми обстоятельствами для заключенія почетнаго съ ней мира, но, если бы Оттоманская Имперія рушилась, то Россія прежде всего должна озаботиться, чтобы никакая посторонняя держава не предупредила ее занятіемъ проливовъ; при этомъ вопросъ объ участи земель, входившихъ въ составъ Турецкой Имперіи, долженъ быть разрѣшенъ соглашеніемъ съ прочими державами.

Согласно этимъ заключеніямъ Комитета, къ графу Дибичу были отправлены инструкціи для заключенія мира, но онѣ были получены слишкомъ поздно. Миръ былъ заключенъ въ Адріанополѣ 2 сентября, за два дня до перваго засѣданія Петербургскаго Комитета.

До Дибича вò-время не дошло даже Высочайшее повелѣніе объ уступкѣ намъ Турціей Батума и Карса, что и не было включено въ Адріанопольскій мирный договоръ. Тѣмъ не менѣе Государь удостоилъ этотъ договоръ своимъ одобреніемъ и въ письмѣ къ Дибичу отъ 22 сентября замѣчалъ даже, что Адріанопольскій миръ „самый славный изъ когда-либо заключенныхъ, и вы сумѣли „придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ „такой войны. Наша умѣренность зажметъ рты всѣмъ нашимъ „клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашей совѣстью".

Суть Адріанопольскаго мирнаго трактата заключалась въ слѣдующемъ:

По 3-й его статьѣ Порта уступала намъ устья Дуная, до впаденія въ море Георгіевскаго гирла, со всѣми островами, образуемыми рукавами рѣки, но безъ права устраивать тамъ какія-либо укрѣпленія или вообще заведенія, кромѣ карантинныхъ.

Статья 4-я передавала во владѣніе Россіи крѣпости Ахалкалаки и Ахалцыхъ и весь восточный берегъ Чернаго моря отъ устья Кубани до поста Св. Николая включительно.

Статья 5-я постановляла, что „поелику княжества Молдавское „и Валахское подчинили себя особыми капитуляціями верховной „власти Блистательной Порты, и поелику Россія приняла на себя „ручательство въ ихъ благоденствіи, то нынѣ сохраняются имъ „всѣ права, преимущества и выгоды, дарованныя въ тѣхъ капи„туляціяхъ или же въ договорахъ, между обоими Императорскими „Дворами заключенныхъ, или же, наконецъ, въ гатти-шерифахъ „въ разныя времена изданныхъ. Посему онымъ княжествамъ „предоставляется свобода богослуженія, совершенная безопасность, „народное независимое управленіе и право безпрепятственной

„торговли". Въ отдѣльномъ же, приложенномъ къ договору, актѣ постановлялось, что господари Молдавіи и Валахіи будутъ возводимы въ это званіе на всю жизнь, и что имъ предоставляется власть постановлять, по совѣщаніи съ диванами, все, относящееся до внутреннихъ дѣлъ въ княжествахъ, а также, что Порта Оттоманская не оставитъ за собою никакого укрѣпленнаго мѣста на лѣвомъ берегу Дуная и не позволитъ ни одному магометанину имѣть жительство въ княжествахъ. Мусульмане, владѣвшіе въ княжествахъ не насильственно пріобрѣтенными недвижимыми имуществами, обязывались продать ихъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ. Правительству каждаго княжества дозволялось содержать вооруженную силу для карантинной и внутренней службы, а также для охраны границъ. Всѣ подати и повинности, несомыя по отношенію къ Портѣ, замѣнялись одной, ежегодно уплачиваемой, суммой, размѣръ которой предполагалось опредѣлить впослѣдствіи. Въ заключеніе Порта обязывалась утвердить составленные во время занятія княжествъ русскими войсками уставы внутренняго управленія этихъ областей.

Пріемъ князя Репнина султаномъ въ 1775 г. (съ грав. Березникова).

Не забыта была Адріанопольскимъ мирнымъ договоромъ и Сербія. По 6-й его статьѣ Порта обязывалась „возвратить не„медленно Сербіи шесть округовъ, отъ сей области отторгнутыхъ, „и такимъ образомъ навсегда обезпечить спокойствіе и благо„состояніе вѣрнаго и покорнаго сербскаго народа. Утвержденный „гатти-шерифомъ фирманъ о приведеніи въ дѣйствіе постановленій „отдѣльнаго акта Аккерманской конвенціи будетъ изданъ и „офиціально сообщенъ Россійскому Двору въ теченіе одного „мѣсяца со дня подписанія настоящаго договора".

Статья 7-я предоставляла русскимъ подданнымъ право свободной морской и сухопутной торговли въ Турціи и обязывала

Порту открыть проходъ черезъ проливы, какъ русскимъ судамъ подъ купеческимъ флагомъ, такъ и торговымъ судамъ всѣхъ державъ, состоящихъ въ дружбѣ съ Турціей. Въ случаѣ нарушенія этой статьи Порта предоставляла Россіи право „принять таковое „нарушеніе за непріязненное дѣйствіе и немедленно поступить въ „отношеніи къ Имперіи Оттоманской по праву возмездій".

Слѣдующими двумя статьями Порта обязывалась возмѣстить русскимъ подданнымъ понесенные ими съ 1806 года убытки въ суммѣ 1½ милліона голландскихъ червонцевъ и уплатить нашему правительству приличное военное вознагражденіе. Вознагражденіе это было исчислено въ 10 милліоновъ голландскихъ червонцевъ, уплачиваемыхъ въ сроки, назначенные Императоромъ Всероссійскимъ, при чемъ очищеніе турецкой территоріи нашими войсками должно было производиться по мѣрѣ уплаты этой суммы. Крѣпость Силистрія и Дунайскія княжества оставались въ нашихъ рукахъ до окончательной расплаты.

Наконецъ, по 10-й статьѣ Адріанопольскаго мирнаго договора Турція присоединялась къ акту Лондонской конференціи 10 (22) марта 1829 года относительно границъ и устройства Греціи.

Остальныя статьи трактата касались второстепенныхъ постановленій и подтверждали во всей ихъ силѣ всѣ прежніе договоры, конвенціи и постановленія между обоими правительствами, которые не были отмѣнены позднѣйшими трактатами.

Такимъ образомъ Адріанопольскій трактатъ, хотя и былъ заключенъ Дибичемъ до сообщенія ему постановленій Тайнаго Комитета, отражалъ въ своихъ статьяхъ настроеніе Императора Николая Павловича и окружавшихъ его лицъ. Онъ щадилъ самолюбіе Порты и ея права на европейскія области, находившіяся подъ оттоманскимъ владычествомъ.

Великодушіе Государя и умѣренность русскихъ требованій признавались даже повсюду за границей. Тотъ самый Генцъ, который въ столь рѣзкой формѣ возмущался по поводу переговоровъ въ Аккерманѣ, удивлялся великодушію Государя при заключеніи Адріанопольскаго мирнаго договора. „Умѣренность „понятіе относительное", писалъ онъ, „но въ случаѣ, подобномъ „настоящему, оно должно одинаково распространяться на побѣди„теля и на побѣжденнаго. Въ сравненіи съ тѣмъ, что могли „требовать русскіе, и требовать безнаказанно, они потребовали „очень мало. Я не говорю, чтобы у нихъ достало силы разрушить

„турецкое владычество въ Европѣ, не подвергаясь европейскому „противодѣйствію, но они могли потребовать уступки княжествъ „и Болгаріи до Балканъ, половины Арменіи и, вмѣсто десяти „милліоновъ, пятьдесятъ, при чемъ Порта не имѣла бы силы, а „никто изъ ея друзей желанія этому воспрепятствовать".

Если сравнить Адріанопольскій договоръ со всѣми предшествовавшими ему мирными трактатами съ Турціей, не исключая и Кучукъ-Кайнарджійскаго, то невольно бросается въ глаза отсутствіе у Императора Николая Павловича завоевательныхъ стремленій и обиліе достигнутыхъ имъ результатовъ въ отношеніи обезпеченія правъ христіанскихъ народностей Турціи. Адріанопольскій миръ, принимая во вниманіе извѣстный характеръ Государя, долженъ былъ служить прочнымъ указаніемъ программы дальнѣйшей политики петербургскаго двора относительно Турціи и долженъ былъ успокоить страхъ Европы на счетъ поползновеній Великой Сѣверной Державы на Константинополь. Съ другой стороны, почти исключительныя заботы Россіи при заключеніи этого договора о судьбѣ восточныхъ христіанъ укрѣпили духовную связь между нею и опекаемыми ею народностями и дали ей предпочтительное надъ всѣми другими державами нравственное право на вмѣшательство въ ихъ дальнѣйшую судьбу. Адріанопольскій договоръ покрылъ, такимъ образомъ, Кучукъ-Кайнарджійскій, и, четверть вѣка спустя, Россія, казалось бы, могла основывать свое право на вмѣшательство въ дѣла христіанскаго востока исключительно на этомъ договорѣ и на томъ обстоятельствѣ, что она одна не ограничивалась въ вопросѣ освобожденія христіанскихъ народностей Турціи, на подобіе остальныхъ державъ, болѣе или менѣе платоническими мѣрами, а неоднократно боролась за него вооруженной силой.

III.

Но, несмотря на въ высшей степени умѣренный свой характеръ, Адріанопольскій мирный договоръ возбудилъ сильное неудовольствіе въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Стоявшій во главѣ лондонскаго кабинета лордъ Абердинъ указывалъ въ январѣ 1830 года на „опасныя" послѣдствія Адріанопольскаго мира. Онъ находилъ, что этотъ миръ закрѣплялъ за Россіей преобладающее вліяніе на Востокѣ и предоставлялъ ей исключительное господство на Чер-

Гр. И. А. Каподистрія, президентъ Греціи (съ грав. К. Майеръ).

номъ морѣ. Благородному лорду казалось, что англійской торговлѣ впредь уже прекращенъ доступъ черезъ названное море въ Турцію и Персію, что размѣръ военнаго вознагражденія превышаетъ финансовыя силы Турціи, и что вообще усиленіе русскаго вліянія опасно для независимаго существованія Оттоманской Имперіи и при этомъ противорѣчитъ заявленіямъ, сдѣланнымъ нашимъ правительствомъ до начала военныхъ дѣйствій.

Еще далѣе зашелъ въ своемъ удрученномъ настроеніи лучшій австрійскій полководецъ, графъ Радецкій. Въ запискѣ, поданной императору Францу, онъ доказывалъ, что Адріанопольскій миръ низвелъ Австрію на степень второстепенной державы, такъ какъ освобожденныя при содѣйствіи Россіи балканскія области, Молдавія, Валахія, Сербія и Греція, будутъ подчиняться исключительному ея вліянію. Этимъ миромъ, говорилъ Радецкій, положенъ предѣлъ расширенію Австріей своей территоріи, и ей слѣдовало сто лѣтъ назадъ занять устья Дуная. Въ настоящее же время они попали въ руки Россіи, отъ которой будетъ зависѣть благосостояніе и будущность Габсбургской монархіи.

Взгляды Радецкаго раздѣлялъ и австрійскій канцлеръ Меттернихъ, который, для ослабленія русскаго вліянія на Востокѣ, рѣшилъ испробовать еще одно средство. Онъ изобрѣлъ идею общеевропейской коллективной гарантіи независимости Оттоманской Имперіи и предложилъ созвать для рѣшенія этого вопроса особую конференцію. На это Государь повелѣлъ отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ, находя, что предложеніе державъ равносильно приглашенію Россіи принять мѣры противъ себя же, и что онъ никогда не признаетъ основательности питаемаго къ его политикѣ недовѣрія.

Въ свою очередь, графъ Нессельроде въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу на много опредѣленнѣе высказалъ

мысли нашего правительства на счетъ существованія Турціи. „По „мнѣнію Государя“, писалъ онъ, „монархія эта, вынужденная отнынѣ „существовать подъ покровительствомъ Россіи и повиноваться ея „волѣ, болѣе отвѣчаетъ нашимъ политическимъ и торговымъ „интересамъ, чѣмъ всякая новая комбинація, которая вынудила „бы насъ либо слишкомъ распространить путемъ завоеваній наши „владѣнія, либо замѣнить Оттоманскую Имперію государствами, „которыя не замедлили бы соперничать съ нами въ могуществѣ, „цивилизаціи, промышленности и богатствѣ“.

Такое вѣчное сдерживаніе стихійнаго движенія турецкихъ христіанъ къ освобожденію и къ образованію независимыхъ государствъ наврядъ ли соотвѣтствовало личнымъ взглядамъ Государя, какъ это будетъ видно ниже при ознакомленіи съ перепиской Императора Николая Павловича въ эпоху, предшествовавшую Крымской войнѣ. Оно могло имѣть мѣсто лишь до тѣхъ поръ, пока Турція представляла изъ себя способный къ самостоятельному въ нѣкоторой степени существованію организмъ; когда же въ пятидесятыхъ годахъ Государь убѣдился въ неспособности Оттоманской Порты къ независимой жизни, то онъ первый подалъ голосъ въ пользу образованія на Балканскомъ полуостровѣ, въ случаѣ паденія Турціи, ряда отдѣльныхъ христіанскихъ государствъ, предоставляя имъ право самобытнаго существованія.

Греческія дѣла шли своимъ порядкомъ. Члены Лондонской конференціи обратились къ нашимъ представителямъ, требуя заявленія, что 10-я статья Адріанопольскаго договора не отмѣняетъ правъ союзниковъ на устройство судьбы Греціи. Истинныя причины такого требованія были весьма рельефно выражены въ письмѣ князя Меттерниха отъ 24 Ноября 1829 года къ австрійскому послу въ Лондонѣ князю Эстергази. „Главное“, писалъ онъ, „чтобы перемѣны въ судьбахъ Востока не были привилегіей „одной Россіи“.

Въ послѣдующихъ своихъ совѣщаніяхъ конференція пошла далѣе Адріанопольскаго договора. Протоколомъ 3 февраля 1830 года она провозгласила Грецію независимымъ государствомъ, но отодвинула ея границы къ югу, оставивъ подъ турецкимъ владычествомъ часть Этоліи и Акарнаніи. Греческій престолъ былъ предложенъ принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому, несмотря на то, что, вслѣдствіе его женитьбы на англійской принцессѣ, онъ имѣлъ титулъ англійскаго принца и получалъ пожизненную пенсію изъ великобританскаго казначейства. Далѣе протоколъ постано-

влялъ, что жители новаго королевства будутъ пользоваться полной свободой вѣроисповѣданія, но впослѣдствіи это постановленіе было, по настоянію нашихъ представителей, дополнено другимъ, по которому права иныхъ исповѣданій не должны были наносить ущерба правамъ господствующей православной церкви.

Принцъ Леопольдъ отказался отъ предложеннаго ему престола, такъ какъ конференція не признала возможнымъ гарантировать для Греціи 60-милліонный заемъ и отодвинуть къ сѣверу границу новаго государства, въ видахъ его безопасности. Конференція стала искать для Греціи другого короля и особымъ протоколомъ заявила, что три державы-покровительницы твердо рѣшились привести въ исполненіе постановленія 3 февраля, къ которымъ присоединились какъ Порта, такъ и греческое правительство.

Между тѣмъ во Франціи вспыхнула іюльская революція, а въ Англіи стали во главѣ правленія виги. Событія эти отразились въ Греціи сильнымъ броженіемъ въ оппозиціонномъ лагерѣ, тотчасъ же замѣченномъ стоявшимъ во главѣ временнаго правленія графомъ Каподистрія, который еще въ началѣ августа выражалъ опасенія за судьбу греческаго государственнаго „суденышка".

Революціонное броженіе, руководимое Кондуріоти, Маврокордато и Міаулисомъ, привело къ открытому возстанію противъ правительства на островѣ Гидра, гдѣ конституціонная комиссія успѣла захватить власть въ свои руки. Міаулису удалось даже завладѣть въ іюлѣ 1831 года всѣми правительственными боевыми судами, изъ которыхъ онъ образовалъ флотилію для защиты возставшихъ острововъ. Тогда графъ Каподистрія обратился за содѣйствіемъ къ представителямъ и адмираламъ трехъ державъ, но французскій и англійскій адмиралы не сочли нужнымъ принять активное участіе въ международной войнѣ, и только русскій адмиралъ Рикордъ атаковалъ у Пароса мятежную эскадру.

Съ этой минуты оппозиція противъ правленія Каподистріи приняла яркій антирусскій оттѣнокъ, при чемъ главнымъ обвиненіемъ правителю выставлялась его преданность Россіи. 28 сентября 1831 года онъ палъ отъ руки убійцъ. Сенатъ тотчасъ же образовалъ верховную административную комиссію, подъ предсѣдательствомъ Августина Каподистріи, брата убитаго, но сторонники конституціи продолжали держать въ своихъ рукахъ цѣлыя области.

Адмиралу Рикорду, поддерживавшему временное правительство Августина Каподистріи, было весьма трудно согласовать свои

дѣйствія съ политической программой нашего представителя при греческомъ правительствѣ, Рикмана, который старался поддержать фикцію единомыслія трехъ державъ. Въ сущности этого единомыслія не было, что должно было отразиться самымъ серіознымъ образомъ на внутреннемъ состояніи Греціи. „Англія хотѣла", по словамъ барона Бруннова [1]), „навязать во что бы то ни стало „новому государству конституціонный порядокъ; нашъ кабинетъ „противился этому всѣми зависящими средствами.... Объ морскія „державы желали бы обратить Грецію въ передовой постъ кон„ституціонной Европы, установивъ въ ней порядокъ, враждебный „принципамъ Россіи и противный нашему вліянію на Востокѣ..... „Вѣрно понятые интересы наши совѣтуютъ намъ никогда не „допускать, чтобы Греція распространила свою территорію и свое „политическое значеніе за предѣлы, нынѣ ей положенные".....

И, дѣйствительно, посѣянныя въ долгій періодъ возстанія и поддерживаемыя французами и англичанами конституціонныя идеи распространялись въ Греціи все болѣе и болѣе. Когда возрожденная, послѣ признанія нами короля Людовика-Филиппа, Лондонская конференція предложила протоколомъ 7 марта 1832 года корону принцу Оттону Баварскому, то греческіе мятежники приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ихъ вождь Коллети подошелъ во главѣ своихъ отрядовъ къ самой Навплiи и торжественно вступилъ въ нее 29 марта, въ тотъ самый день, когда отрекшійся отъ власти Августинъ Каподистрія отплывалъ на русскомъ военномъ суднѣ изъ Греціи, увозя изъ неблагодарнаго отечества останки своего убитаго брата.

Въ январѣ 1833 года король Оттонъ появился въ своемъ новомъ королевствѣ. Сопровождавшее его регентство, которое должно было управлять страною до совершеннолѣтія короля, занялось умиротвореніемъ Греціи, при чемъ видимо склонялось на сторону революціонной партіи. Однако, вслѣдствіе нашихъ представленій въ Мюнхенѣ и нерасположенія короля Людовика къ либеральнымъ порядкамъ, конституція, обѣщанная грекамъ, не была имъ дарована.

Одновременно съ этимъ замѣчается и сильное паденіе нашего вліянія въ Греціи. Обращеніе двора съ нашими представителями было настолько холодное, что замѣнившій Рикмана посланникъ

---

[1]) Рукоп. зап., составл. въ 1838 году для изложенія Наслѣднику Цесаревичу хода политич. событій въ Европѣ. Приложеніе № 8.

Катакази громко выражалъ мнѣніе, что присутствіе русскаго посла въ Аѳинахъ совершенно излишне. Въ 1833 году извѣстные сторонники Россіи были даже привлечены къ суду за заговоръ противъ регентства и основныхъ законовъ государства. Наконецъ, посланный въ Аѳины въ 1835 году ко дню достиженія королемъ Оттономъ совершеннолѣтія генералъ-адъютантъ графъ Строгоновъ свидѣтельствовалъ о полномъ паденіи русскаго вліянія въ Греціи и о „ростѣ разрушительныхъ идей и стремленій „извѣстной партіи, желающей введенія въ странѣ конституціон-„наго порядка".

Глава VII.

I.

Война съ Россіей прервала начатую въ Турціи послѣ упраздненія янычаръ преобразовательную дѣятельность султана Махмуда, который, подобно своему отцу Селиму III, сознавалъ необходимость коренного переустройства Оттоманской имперіи и введенія ее въ составъ цивилизованныхъ государствъ.

Неудачный исходъ кампаніи 1828—1829 годовъ и паденіе вліянія центральной государственной власти внутри страны затянули дѣло реформъ, тѣмъ болѣе, что султанъ или, вѣрнѣе, его приближенные не проявляли уже въ этомъ дѣлѣ той энергіи, которой они отличались при усмиреніи янычаръ. Могущественное мусульманское духовенство, напрягавшее всѣ свои силы, чтобы сохранить господствующее въ странѣ положеніе, и развращенное чиновничество, ревниво оберегавшее собственные интересы, сплотились вмѣстѣ, чтобы противодѣйствовать проведенію реформъ. Впрочемъ, надо сознаться, что и у самого султана не было въ этомъ отношеніи ни опредѣленной программы, ни дѣятельныхъ сотрудниковъ. Онъ высказывалъ противорѣчивыя мысли, колебался и, по справедливому замѣчанію одного изъ историковъ турецкихъ реформъ, „оставался туркомъ при горячемъ желаніи перестать имъ быть“ [1]). Оттоманская имперія находилась въ полнѣйшемъ разстройствѣ и, несмотря на нѣкоторыя податныя реформы, правительство не могло свести въ своемъ хозяйствѣ концовъ съ концами. Одну

[1]) Ed. Engelhardt: „La Turquie et le Tanzimat“, t. I, p. 23.

только армію кое-какъ удалось организовать въ тактическомъ отношеніи, при чемъ административная ея часть попрежнему продолжала оставаться въ хаотическомъ безпорядкѣ. Окончательное паденіе Имперіи оттомановъ казалось неминуемымъ, и въ Вѣнѣ серіозно подумывали о необходимости ея раздѣла.

Между тѣмъ подобные проекты шли въ разрѣзъ съ опредѣлившейся уже политикой нашего кабинета, на которой отразились извѣстныя заключенія тайнаго Петербургскаго Комитета [1]) о необходимости въ интересахъ Россіи сохраненія существованія слабой Турціи. Адріанопольскій миръ вполнѣ достигалъ указанной цѣли и, по общему мнѣнію современниковъ, ставилъ Оттоманскую имперію въ полную зависимость отъ петербургскаго двора. „Этотъ миръ", по словамъ вице-канцлера графа Несельроде [2]), „упрочилъ преобла-
„дающее вліяніе Россіи на Востокѣ". Австрійскій посолъ въ Константинополѣ писалъ князю Меттерниху по поводу его заключенія, „что Рос-
„сія исключила Турцію изъ числа не-
„зависимыхъ державъ, и въ мир-
„номъ трактатѣ она найдетъ все, что
„захочетъ". Подобныя же мысли волновали и самого всесильнаго канцлера Австрійской имперіи, который утверждалъ, что Адріанопольскій миръ отдалъ Турцію на произволъ ея могущественнаго сосѣда.

Константинъ Ипсиланти (съ оффорта Г. Валентинѣ).

Также думали и въ Петербургѣ. Нашъ кабинетъ поставилъ себѣ цѣлью утвердить исключительное вліяніе Россіи на Босфорѣ, при чемъ достиженіе такого положенія казалось ему совмѣстимымъ съ сохраненіемъ Турціи, какъ особаго политическаго организма, который, однако, долженъ былъ дѣйствовать подъ нашимъ руководствомъ. Мы считали возможнымъ положить предѣлъ колебаніямъ султана и направить его реформаторскую работу, согласно

---

[1]) См. главу VI.

[2]) Въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу. Татищевъ: „Внѣшняя политика Императора Николая I", стр. 340.

политическимъ интересамъ Россіи и въ духѣ желаній ея Монарха. Императоръ Николай не безъ нѣкотораго увлеченія относился къ этой программѣ и даже считалъ возможнымъ принятіе султаномъ Махмудомъ христіанской вѣры, исповѣдуемой большинствомъ его подданныхъ. Государь бесѣдовалъ по этому вопросу съ пріѣзжавшимъ въ Петербургъ послѣ войны турецкимъ посломъ Халиль-пашей [1]).

И, дѣйствительно, послѣ заключенія Адріанопольскаго мира замѣчается въ отношеніяхъ Россіи къ Турціи цѣлый рядъ уступокъ и покровительственныхъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью поддержать призракъ самобытнаго существованія Оттоманской имперіи и привлечь ее на сторону могущественнаго сѣвернаго сосѣда. Конвенціей 14 апрѣля 1830 года Императоръ Николай уменьшилъ военную контрибуцію съ Турціи на 2 милліона червонцевъ, не считая ранѣе подареннаго Портѣ за признаніе независимости Греціи милліона червонцевъ; уплата же остальной суммы была разсрочена на ежегодные взносы, по милліону каждый. Далѣе, Государь отказался отъ десятилѣтней оккупаціи Дунайскихъ княжествъ и повелѣлъ вывести изъ нихъ наши войска, какъ только Турція уплатитъ, независимо отъ контрибуціи, вознагражденіе за убытки русскихъ подданныхъ. До полной же уплаты контрибуціи въ нашихъ рукахъ должна была оставаться только крѣпость Силистрія и дорога, ведущая къ ней черезъ княжества. Вліяніе наше въ Константинополѣ возрастало съ каждымъ днемъ, такъ что въ іюлѣ 1830 года австрійскій повѣренный въ дѣлахъ, баронъ Оттенфельдъ, доносилъ своему правительству изъ Царьграда, что „ничего здѣсь „не дѣлается безъ согласія русской миссіи, и всѣ покровитель„ствуемыя Россіей и единовѣрныя ей народности напереры„ищутъ ея поддержки для успѣшнаго проведенія своихъ дѣлъ“.

Преобладающее положеніе Россіи вызвало, конечно, усиленное противодѣйствіе прочихъ державъ. Борьба изъ-за вліянія приняла рѣшительный характеръ на почвѣ египетскаго вопроса, глубоко затронувшаго судьбы мусульманскаго Востока.

Проведеніе реформъ во всей Оттоманской имперіи, не удавшееся султану Махмуду, было въ частности съ успѣхомъ осуществлено однимъ изъ пашей въ подвластной ему провинціи. Египетскій паша Мехмедъ-Али сумѣлъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ создать у себя сильную армію и флотъ, упорядочить финансы,

[1]) Н. Н. Муравьевъ: „Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году“.

обезпечивъ своей казнѣ доходъ болѣе ста милліоновъ франковъ въ годъ, и задумалъ образовать изъ Египта новое могущественное государство, обративъ свою столицу Александрію въ новый центръ всемірной торговли.

Энергичный паша распространилъ свои владѣнія въ Африкѣ, усмирилъ арабскихъ шейховъ, возставшихъ противъ султана, и, получивъ за эти услуги отъ падишаха титулъ защитника Мекки и Медины, былъ сдѣланъ управителемъ Аравіи. Но честолюбивый Мехмедъ-Али не ограничился предоставленными ему узкими рамками и, видя слабость Турціи и непопулярность султана Махмуда, онъ потребовалъ отдачи въ свое управленіе Сиріи. Порта, по обыкновенію, медлила отвѣтомъ, а нетерпѣливый египетскій паша отправилъ въ Сирію, подъ предлогомъ разрѣшенія своихъ споровъ съ правителемъ этой страны, значительную армію подъ предводительствомъ своего сына Ибрагима. Послѣ взятія египтянами Сенъ-Жанъ-Дарка и побѣды надъ высланнымъ противъ нихъ турецкимъ корпусомъ при Гомеѣ, вся Сирія перешла въ фактическое владѣніе Ибрагима, передъ которымъ, успѣвшимъ вскорѣ занять горные проходы въ Таврѣ, лежалъ открытымъ путь въ Малую Азію и въ Константинополь.

Побѣды египетскаго паши происходили въ концѣ 1831 года и въ первой половинѣ 1832 года, когда Турція до нѣкоторой степени уже успѣла забыть внушительный урокъ войны, законченной Адріанопольскимъ миромъ, а также и великодушные дары Императора Николая. Кромѣ того, Блистательная Порта находилась въ то время подъ вліяніемъ бурныхъ европейскихъ событій—революціи во Франціи, низведшей съ престола одушевленнаго дружбой къ Россіи короля Карла X, и возстанія въ Польшѣ, которое привело на берега Босфора многихъ эмигрантовъ. Англійская и французская дипломатіи, съ своей стороны, дѣятельно трудились надъ уничтоженіемъ нашего вліянія на Порту и достигли въ этомъ отношеніи полнаго успѣха.

Вѣдѣніе иностранными дѣлами Имперіи оттомановъ перешло въ руки недружелюбно къ намъ настроеннаго Неджиба, который началъ искать поддержки у западныхъ державъ и отправилъ въ Лондонъ чрезвычайнаго посла съ просьбой о помощи англійскаго флота противъ Египта. Но великобританское правительство, несмотря на поддержку турецкихъ ходатайствъ Пальмерстономъ, отказалось принять активное участіе въ спорѣ султана съ его непокорнымъ вассаломъ. Однако, новыя побѣды египтянъ вызвали

усиленную дѣятельность европейской дипломатіи. Лондонскій, парижскій и вѣнскій кабинеты пришли къ заключенію о необходимости общаго вмѣшательства въ турецко-египетскую распрю и пригласили участвовать въ этомъ и нашъ кабинетъ.

Въ правительственныхъ сферахъ Петербурга замѣчалось, между тѣмъ, по дѣламъ ближняго Востока два разныхъ направленія мыслей относительно предстоявшаго намъ образа дѣйствій. Одна партія, во главѣ которой стоялъ командовавшій войсками въ Дунайскихъ княжествахъ П. Д. Киселевъ, находила необходимымъ оказаніе Портѣ сильной матеріальной поддержки, взамѣнъ признанія ею за нами права покровительства турецкимъ христіанамъ и уступки намъ на берегахъ Босфора гавани съ укрѣпленнымъ пунктомъ. Это утвердило бы за Россіей „неоспоримое „преобладаніе“ на Востокѣ. Другая партія, во главѣ съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, прежде всего стремилась къ сохраненію союзныхъ отношеній съ Австріей, Пруссіей и Великобританіей и болѣе всего боялась нашей политической обособленности. Перевѣсъ получила партія рѣшительныхъ дѣйствій, но съ нѣкоторыми уступками противоположному мнѣнію.

Аллегорическое изображеніе рѣшенія Восточнаго вопроса (съ голл. грав. начала XVIII столѣтія).

Петербургскій кабинетъ отклонилъ предложеніе западныхъ державъ о совмѣстномъ вмѣшательствѣ и вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Портой Оттоманской. Однако, наши самостоятельныя дѣйствія отличались неполнотой и нерѣшительностью, почему и не привели къ прочнымъ результатамъ.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 7 января 1833 года графъ Нессельроде излагалъ мысль, что „Россія не можетъ до„пустить, чтобы Турція стала сильна настолько, чтобы получила „возможность служить постоянной угрозой русскимъ владѣніямъ „и интересамъ“. По словамъ вице-канцлера, въ этомъ заключалась „основная цѣль русской политики“. Нельзя не признать

такого выраженія нашего знаменитаго дипломата въ достаточной степени опредѣленнымъ. Надо думать, что цѣль политики петербургскаго двора заключалась не въ слабости Турціи, а въ силѣ Россіи и въ утвержденіи ея преобладающаго, даже исключительнаго вліянія на турецкомъ Востокѣ. По крайней мѣрѣ, такъ понималъ цѣль русской политики Императоръ Николай, который неоднократно это высказывалъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ и неуклонно стремился къ подобной цѣли. Сохраненіе существованія слабой Турціи до послѣдней къ тому возможности признавалось Государемъ, какъ средство къ достиженію цѣлей своей политики, при чемъ онъ никогда не задавался мыслью, въ случаѣ нежелательнаго паденія Турціи, окончательно разрѣшить Восточный вопросъ одному, безъ участія другихъ заинтересованныхъ державъ.

Тяжелое положеніе Порты, вызванное честолюбивыми замыслами Мехмеда-Али, предоставляло намъ случай возстановить утраченное вліяніе на Босфорѣ. Какъ только въ Петербургѣ было получено извѣстіе о враждебныхъ противъ султана дѣйствіяхъ египетскаго паши, Государь немедленно приказалъ нашему консулу въ Египтѣ снять гербъ, спустить флагъ и прекратить сношенія съ мѣстными властями. Вслѣдъ за этимъ изъ Петербурга былъ отправленъ къ султану и Мехмеду-Али съ чрезвычайнымъ порученіемъ генералъ-лейтенантъ Н. Н. Муравьевъ, который долженъ былъ передать султану собственноручное письмо Императора Николая, въ которомъ Государь порицалъ мятежъ и подтверждалъ свою вѣрную дружбу къ Махмуду, несмотря на то, каковъ бы ни былъ ходъ событій [1]). Что касается до Мехмеда-Али, то Муравьевъ долженъ былъ высказать ему осужденіе Государя, какъ охранителя мира на Востокѣ, и посовѣтовать, немедленно прекратить военныя дѣйствія, обратиться для переговоровъ о мирѣ непосредственно къ своему сюзерену.

Отправляя чрезвычайнаго посла, Императоръ Николай напутствовалъ его слѣдующими словами [2]): „Я хочу показать султану „мою дружбу. Надобно защищать Константинополь отъ нашествія „Мехмеда-Али. Вся эта война ни что иное, какъ послѣдствіе воз„мутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ Европой и, въ особенности, „Франціей. Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ „головъ. Нынѣ онѣ далѣе распространили вліяніе свое и возбудили

---

[1]) Татищевъ: „Внѣшняя политика Императора Николая I", стр. 349.
[2]) Н. Н. Муравьевъ: „Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году", стр. 9 — 13.

„египетскую войну... Надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ „зла и безпорядка; надобно показать вліяніе мое въ дѣлахъ „Востока".

Прибытіе Муравьева въ Константинополь и извѣстіе о готовности нашего Черноморскаго флота отплыть по первому требованію султана въ Босфоръ были встрѣчены Портой съ глубокимъ недовѣріемъ къ нашимъ намѣреніямъ. Турецкое правительство находилось въ то время подъ вліяніемъ Франціи и относилось съ большимъ подозрѣніемъ къ поѣздкѣ Муравьева въ Египетъ, опасаясь вмѣшательства нашего посла въ переговоры Порты съ ея мятежнымъ вассаломъ [1]). Недовѣріе было такъ велико, что прибывшій вслѣдъ за Муравьевымъ въ Александрію отъ имени султана Халилъ-паша даже уклонился отъ свиданія съ нашимъ уполномоченнымъ и не увѣдомилъ его о своихъ мирныхъ переговорахъ съ египетскимъ пашей.

Тѣмъ не менѣе продолжавшееся побѣдоносное движеніе арміи Ибрагима такъ подѣйствовало на султана, что онъ рѣшился, наконецъ, обратиться за помощью къ Россіи, и Государь немедленно повелѣлъ принять мѣры къ скорѣйшему удовлетворенію турецкихъ ходатайствъ. Эскадра адмирала Лазарева вышла изъ Севастополя къ Босфору, генералу Киселеву было приказано двинуть за Дунай двадцати-пятитысячный корпусъ войскъ и, независимо отъ этого, въ Одессѣ садился на транспортныя суда десятитысячный отрядъ, предназначенный для охраны Босфора; начальство надъ этимъ отрядомъ ввѣрялось возвращавшемуся изъ Египта Муравьеву. Въ инструкціи, данной начальнику десантнаго отряда, указывалось, между прочимъ, занять по укрѣпленному пункту на обоихъ берегахъ Босфора, что Муравьевымъ не было выполнено, какъ по неопредѣленности самаго приказанія, такъ и въ виду несоотвѣтствія топографическимъ свойствамъ побережья.

Прибытіе въ Босфоръ русской эскадры вызвало крайнее безпокойство, какъ въ руководящихъ турецкихъ кругахъ, такъ и среди европейскихъ дипломатовъ. На нашей сторонѣ, по всей вѣроятности, находились только султанъ и двое или трое его совѣтниковъ; остальные же турецкіе сановники считали пребываніе нашихъ войскъ и флота въ Босфорѣ болѣе опаснымъ, чѣмъ побѣды Мехмеда-Али. Поэтому старанія французскаго посла

1) Муравьевъ: „Русскіе на Босфорѣ", стр. 78.

въ Константинополѣ уладить распрю съ египетскимъ пашею при его посредствѣ нашли подготовленную почву, и Порта просила отослать нашу эскадру обратно.

Однако, Мехмедъ-Али не принялъ французскихъ предложеній, и его войска заняли Смирну. Это вновь вынудило султана обратиться къ Россіи съ просьбой о присылкѣ сухопутныхъ войскъ.

Появленіе русскихъ знаменъ и русскаго флага у самыхъ воротъ Царьграда вызвало сильное возбужденіе въ Парижѣ и Лондонѣ. Эскадры западныхъ державъ, въ свою очередь, направились къ столицѣ Турціи, но были остановлены у Дарданеллъ и въ заливѣ Вурла, вслѣдствіе рѣшительнаго требованія нашего правительства.

Карикатура на Восточный вопросъ 1833 г. (съ англ. грав.).

Чтобы избавиться отъ дальнѣйшаго пребыванія нашихъ войскъ на Босфорѣ, англо-французской дипломатіи оставалось послѣднее средство — убѣдить турокъ въ необходимости заключить миръ съ египетскимъ пашей. Будущій реформаторъ Турціи, Решидъ-бей, вмѣстѣ съ французскимъ уполномоченнымъ Варенномъ отправился въ станъ Ибрагима, гдѣ и былъ подписанъ мирный договоръ, передавшій Сирію во владѣніе Мехмеда-Али, а Аданскій округъ по сѣверную сторону Таврскихъ проходовъ въ личное владѣніе его сына Ибрагима.

II.

Въ виду неблагопріятнаго оборота дѣлъ въ Константинополѣ Императоръ Николай рѣшилъ отправить туда чрезвычайнымъ посломъ генералъ-адъютанта графа А. Ф. Орлова, на котораго возлагалось все руководство переговорами съ турками и начальствованіе надъ нашими сухопутными и морскими силами, сосредоточенными на Востокѣ.

Графъ Орловъ прибылъ въ Константинополь вслѣдъ за заключеніемъ мира съ Мехмедомъ-Али пашей, а потому онъ не

могъ уже придать болѣе рѣшительнаго направленія нашему вмѣшательству въ турецко-египетскую распрю, и ему оставалось только удивляться, почему наши представители въ Константинополѣ такъ медлили приглашеніемъ генерала Киселева выступить съ его корпусомъ изъ Придунайскихъ княжествъ къ Царьграду [1]). Но, считая заключенный миръ непрочнымъ, нашъ посолъ старался подготовить почву къ тому, чтобы „послѣ второго призыва намъ „прійти уже такъ, чтобы занять все". Вселяя въ туркахъ убѣжденіе въ большой пользѣ, которая можетъ произойти для нихъ отъ дружбы и покровительства такой могущественной державы, какъ Россія, Орловъ вполнѣ успѣлъ въ достиженіи своей цѣли. „Здѣсь нѣтъ другого вліянія, кромѣ русскаго", писалъ онъ

Медаль въ память пребыванія русскихъ войскъ на Босфорѣ.

П. Д. Киселеву. „Самые яркіе изъ министровъ должны были „спустить флагъ передъ непоколебимой волей султана; даже общественное мнѣніе отчасти за насъ, таковъ плодъ удивительнаго „поведенія нашихъ войскъ и флота... Я придерживаюсь съ турками „системы ласкать одной рукой, сжимая другую въ кулакъ, и это „привело меня къ счастливому успѣху".

И, дѣйствительно, пребываніе Орлова въ Константинополѣ завершилось подписаніемъ 26 іюня 1833 года союзнаго съ Турціей Ункіаръ-Искелесскаго договора, первоначальная идея котораго была дана султаномъ генералу Муравьеву вслѣдъ за высадкой нашихъ войскъ на берега Босфора. Императоръ Николай Павловичъ отнесся очень благосклонно къ такой мысли, считая осуществленіе ея соотвѣтствующимъ утвержденію политическаго вліянія Россіи на Востокѣ, при чемъ текстъ самаго договора былъ выработанъ въ Петербургѣ и одобренъ Государемъ.

---

[1]) Въ письмѣ къ П. Д. Киселеву: („Вѣшн. пол. Императора Николая I". Татищевъ, стр. 374 — 376).

Первая статьяУнкіаръ-Искелесскаго договора указывала, что „поелику союзъ имѣетъ единственною цѣлью взаимную защиту „противъ всякаго покушенія, то Ихъ Величества обѣщаютъ со„гласоваться откровенно касательно всѣхъ предметовъ, которые „относятся до ихъ обоюднаго спокойствія и безопасности и на „сей конецъ подавать взаимно существенную помощь и самое „дѣйствительное подкрѣпленіе“.

Статьей третьей Россія обязывалась предоставить въ распоряженіе Блистательной Порты, если бы обстоятельства побудили эту послѣднюю вновь искать посторонней помощи, свои сухопутныя и морскія силы, какія будутъ признаны необходимыми.

Отдѣльная и секретная статья устанавливала, что „Бли„стательная Порта, взамѣнъ помощи, которую она, въ слу„чаѣ нужды, обязана подавать по силѣ правилъ взаимности „явнаго договора, должна будетъ ограничить дѣйствія свои въ „пользу Императорскаго Россійскаго Двора закрытіемъ Дарда„нельскаго пролива, т.-е. не дозволять никакимъ иностраннымъ „военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни „было предлогомъ“.

Въ пятой статьѣ договора обѣ стороны выражали чистосердечное намѣреніе, чтобы ихъ обязательство сохраняло силу до отдаленнѣйшихъ временъ, но, принимая во вниманіе, что новыя обстоятельства могутъ потребовать измѣненій въ договорѣ, постановили „опредѣлить срокъ его дѣйствія на восемь лѣтъ“.

Способу веденія самыхъ переговоровъ баронъ Брунновъ даетъ слѣдующую характеристику: „Никогда“, говоритъ онъ, „ни „одни переговоры не были ведены въ Константинополѣ съ боль„шей тайной и не были окончены съ большей быстротой. Осо„бенное искусство графа Орлова заключалось въ томъ, что онъ „привлекъ къ нимъ (чтобы не сказать увлекъ) главныхъ совѣт„никовъ султана... Всѣ они были вынуждены принять на себя „отвѣтственность за договоръ, подписанный ими вмѣстѣ, при чемъ „они продолжали опасаться другъ друга и удивлялись, видя имена „свои одни возлѣ другихъ“.

Въ нашихъ дипломатическихъ сферахъУнкіаръ-Искелесскому договору приписывалось громадное значеніе. Онъ долженъ былъ завершить рядъ усилій для утвержденія преобладающаго вліянія Россіи на Востокѣ и начать собою эру нашего дѣятельнаго участія въ управленіи судьбами населяющихъ его народовъ. По сло-

вамъ графа Нессельроде [1]), этимъ договоромъ мы достигали двухъ важныхъ преимуществъ. Онъ долженъ былъ пріостановить честолюбивые замыслы египетскаго паши и прекратить на будущее время колебанія Порты между Англіей, Франціей и Россіей, которая одна обязалась формальнымъ трактатомъ оказывать ей помощь и покровительство. „Мы получили", заканчиваетъ графъ Нессельроде, „законное основаніе для вооруженнаго вмѣшательства въ турецкія дѣла".

Заключеніе Ункіаръ-Искелесскаго договора признавалось большинствомъ современниковъ и позднѣйшихъ историковъ, какъ полное торжество русской политики на Востокѣ, и подписаніе его было встрѣчено дружнымъ хоромъ восторговъ. „Отношенія Порты къ Россіи", писалъ по этому поводу баронъ Розенъ [2]), „походили на полную подчиненность, смягчаемую лишь умѣлымъ и пріятнымъ обхожденіемъ Бутенева". И донынѣ многіе считаютъ этотъ договоръ „искуснѣйшимъ шахматнымъ ходомъ" нашей дипломатіи [3]), трактатомъ, „достойно довершающимъ рядъ славныхъ нашихъ договоровъ съ Портой" [4]). Искусственность русско-турецкой дружбы сознавалась только Императоромъ Николаемъ и Н. Н. Муравьевымъ, отличнымъ знатокомъ Востока. „Россія", занесъ онъ въ свои записки [5]), „давній врагъ Турціи, поддерживаетъ упадающее царство сіе, и Турція должна положить лучшія свои надежды на Россію".

Что касается до Государя, то онъ высказалъ свое мнѣніе еще за четыре мѣсяца до Ункіаръ-Искелесскаго договора въ разговорѣ съ австрійскимъ посломъ Фикельмонтомъ объ участіи Россіи въ турецко-египетской распрѣ и объ оказанной султану помощи. „Я не скрою отъ васъ", сказалъ Государь [6]), „что эта приносимая мною жертва слишкомъ противорѣчитъ нашимъ прежнимъ отношеніямъ къ Турціи, чтобы Россія могла чувствовать удовольствіе, оказывая помощь султану. Этому препятствуютъ наши религіозныя убѣжденія". Замѣтивъ далѣе, что Россія отказалась въ своей восточной политикѣ отъ преслѣдованія цѣлей, намѣченныхъ Императрицей Екатериной, Государь

---

[1]) Секретное письмо къ князю Ливену отъ 24 іюля 1833 года.
[2]) „Исторія Турціи", т. 1-й, стр. 223.
[3]) Бутковскій: „Сто лѣтъ Австрійской политики", II, стр. 4.
[4]) Татищевъ: „Внѣшняя политика Имп. Николая I", стр. 331.
[5]) „Русскіе на Босфорѣ", стр. 47.
[6]) Фикельмонтъ—кн. Меттерниху 1 февраля 1833 года.

закончилъ свой разговоръ слѣдующимъ образомъ: „Я желалъ „бы поддержать Турецкую имперію, но, если она падетъ, то я „не хочу ничего изъ ея обломковъ. Мнѣ ничего не нужно“...

Весьма вѣроятно, что сообщеніе Фикельмонта о такомъ категорическомъ заявленіи Императора Николая повліяло на сочувственное отношеніе австрійскаго кабинета къ заключенному нами договору. Какъ вѣнскій, такъ и берлинскій дворы даже поздравили Государя съ успѣхомъ, что вызвало саркастическое замѣчаніе Пальмерстона: „Легко угодить Меттерниху!“

Впрочемъ, дружба Австріи къ намъ имѣла въ то время своимъ основаніемъ и особыя причины, а именно страхъ передъ

Памятникъ пребыванію русскихъ войскъ на Босфорѣ въ 1833 году (съ русск. лит.).

революціоннымъ духомъ, торжествовавшимъ во Франціи и пробуждавшимся во всей западной Европѣ. Баронъ Брунновъ особенно подчеркиваетъ происшедшее въ это время охлажденіе между Австріей и Англіей, которая, „увлекшись вліяніемъ пре„образовательныхъ идей, послѣдовала политическому и нравствен„ному импульсу Франціи“. Вѣнскій дворъ лишился друзей на западѣ, почему въ этомъ отношеніи онъ вновь обратилъ взоры свои на востокъ.

Но зато Ункіаръ-Искелесскій договоръ былъ принятъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Послы этихъ державъ 27 августа заявили Блистательной Портѣ, что ихъ правительства считаютъ договоръ недѣйствительнымъ и оставляютъ за собою свободу и независимость дѣйствій. Такой же протестъ былъ предъявленъ англійскимъ посломъ нашему

вице-канцлеру въ нотѣ отъ 17 (29) октября. „Если бы по„становленія этого трактата“, было сказано въ нотѣ, „могли бы въ бу„дущемъ привести къ вооруженному вмѣшательству Россіи во „внутреннія дѣла Турціи, to the „British Government will hold itself „at liberty to act upon such occa„sion in any manner, which the „circumstances of the moment may „appear to require, equally as if the „Treaty above mentionned were not „in existence“. Британское и французское правительства оставили за собой свободу дѣйствій, „какъ „если бы Ункіаръ-Искелесскій до„говоръ вовсе не существовалъ“.

Ибрагимъ-Паша
(съ русск. грав., по рис. Богги, 1826 г.).

Наше правительство заявило въ двухъ отвѣтныхъ нотахъ [1]) англійскому и французскому посламъ, что оно не понимаетъ причинъ неудовольствія, и что, вѣроятно, оба правительства не ознакомились съ договоромъ, такъ какъ иначе они ничего не имѣли бы противъ акта, заключеннаго „dans un esprit pacifique et conservateur“. Въ концѣ отвѣта петербургскій кабинетъ присовокупилъ, что Императорское правительство, несмотря на протесты Англіи и Франціи, намѣрено въ своихъ сношеніяхъ съ Турціей придерживаться указанному образу дѣйствій, не обращая вниманія на ничѣмъ не мотивированныя ихъ заявленія [2]).

Такой отвѣтъ въ Лондонѣ былъ найденъ „жесткимъ и высоко„мѣрнымъ“. Англійскій кабинетъ съ усиленной дѣятельностью началъ подыскивать себѣ союзниковъ, но всѣ его старанія не увѣнчались успѣхомъ. Австрія и Пруссія признали Ункіаръ-Искелесскій договоръ безъ всякихъ оговорокъ, Швеція предупредила о своемъ строгомъ нейтралитетѣ, если дѣло дойдетъ до англо-русскаго столкновенія, а правительство Людовика-Филиппа согласилось только на военную демонстрацію противъ Россіи,

[1]) 24 октября 1833 года.
[2]) Мартенсъ: „Сборникъ трактатовъ“, т. XII, стр. 45 и 46.

но не считало возможнымъ вступать съ нами въ дѣйствительную войну.

Въ Лондонѣ должны были смириться передъ свершившимся фактомъ. Великобританскій посолъ въ Петербургѣ вручилъ графу Нессельроде новую ноту, заявлявшую на этотъ разъ, что русско-турецкій договоръ не повредитъ добрымъ отношеніямъ между обоими правительствами, а лордъ Пальмерстонъ сильно понизилъ тонъ въ своихъ бесѣдахъ съ нашимъ посломъ въ Лондонѣ княземъ Ливеномъ; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ выражать опасенія относительно увеличенія нашего черноморскаго флота, протестовалъ противъ укрѣпленія Аландскихъ острововъ и жаловался на наши вооруженія.

Англійская „любезность“ [1]) заставила и нашъ кабинетъ быть нѣсколько предупредительнѣе. Князю Ливену было поручено объяснить Великобританскому правительству, что черноморскій флотъ не увеличенъ, а балтійскій содержитъ судовъ не болѣе того числа, которое было во времена Екатерины II, и что „укрѣпленія“ Аландскихъ островововъ сводятся къ постройкѣ казармъ для двухъ баталіоновъ, которыя, разумѣется, не могутъ угрожать безопасности Великобританіи.

Къ этому же времени относится свиданіе Императора Николая съ королемъ прусскимъ въ Шведтѣ, и съ императоромъ австрійскимъ въ Мюнхенгрецѣ, закрѣпленное союзными договорами между тремя континентальными монархами, договорами, которые, какъ извѣстно, направили дальнѣйшее теченіе русской политики въ особое, нѣсколько своеобразное русло. Въ Мюнхенгрецѣ, между прочимъ, была заключена и особая секретная конвенція, имѣвшая, по мнѣнію современниковъ, цѣлью расчлененіе Оттоманской имперіи [2]).

Заключенію конвенціи предшествовалъ приведенный уже выше разговоръ Государя съ графомъ Фикельмонтомъ, а также переговоры между австрійскимъ канцлеромъ и нашимъ посломъ въ Вѣнѣ Татищевымъ. Мысли, высказанныя при этомъ княземъ Меттернихомъ, вполнѣ согласовались и съ предначертаніями Императора Николая. Знаменитый австрійскій дипломатъ заявилъ, что въ случаѣ паденія Турціи, онъ не допускаетъ возможности возникновенія на ея

---

[1]) „Comme le gouvernement anglais demande avec politesse des explications sans les „exiger“. (Изъ письма графа Нессельроде къ князю Ливену отъ 4 января 1834 года).

[2]) Мартенсъ: „Сборникъ трактатовъ“, т. IV стр. 445.

мѣстѣ какого-либо могущественнаго государства, способнаго угрожать Россіи и Австріи. Послѣдняя „предпочла бы учрежденіе „независимыхъ государствъ Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Босніи, „Болгаріи и Албаніи, изъ которыхъ христіанскія будутъ находиться „подъ властью князей, а мусульманскія—хановъ. Австрія ни за „что не допуститъ, чтобы государь, который получитъ берега „Босфора и сдѣлаетъ Константинополь своею столицею, принялъ „титулъ императора“ [1]).

Сущность Мюнхенгрецкой конвенціи 18 Сентября 1833 года заключалась въ слѣдующемъ:

Россія и Австрія обязывались поддерживать существованіе Оттоманской имперіи подъ управленіемъ царствовавшей династіи и „противостоять общими силами всякой комбинаціи, которая „наносила бы ущербъ правамъ верховной власти въ Турціи или „учрежденіемъ регентства, или же совершенной перемѣной династіи“. Особыми добавочными и секретными статьями договаривавшіяся стороны обязывались препятствовать распространенію власти египетскаго паши на европейскія провинціи Турціи, если Оттоманской имперіи будетъ суждено перестать существовать, и дѣйствовать въ полномъ согласіи относительно всего, что касается порядка, „имѣющаго замѣнить нынѣ существующій“.

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ ставило состоявшееся съ Австріей соглашеніе въ непосредственную связь съ Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ. Насколько послѣдній, по мнѣнію органовъ графа Нессельроде, обезпечивалъ наше преобладающее вліяніе на Востокѣ, настолько же вновь подкрѣпленный союзъ съ Австріей и Пруссіей являлся могучимъ оплотомъ противъ англо-французскихъ стремленій и низводилъ Австрію къ роли второстепенной или, вѣрнѣе, къ безпрекословному слѣдованію за нами.

Въ дѣйствительности же дѣло обстояло нѣсколько иначе. Англія и Франція напрягали всѣ усилія, чтобы вернуть утраченное на берегахъ Босфора вліяніе, а Австрія и не думала отрекаться отъ преслѣдованія своихъ личныхъ цѣлей.

Замѣнившій князя Ливена на посту нашего посла въ Великобританіи графъ Медемъ убѣдился изъ бесѣдъ съ англійскими государственными людьми, что нѣтъ возможности увѣрить Англію въ безкорыстіи русской политики, что ея кабинетъ будетъ пользоваться всякимъ случаемъ „nuire à notre intimité avec la Porte“,

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ“, т. IV, стр. 445.

и если британское правительство готово вступить съ нами въ соглашеніе для поддержанія Оттоманской имперіи, то единственно съ цѣлью контролировать степень нашего вліянія [1]).

И это не было лишь мнѣніемъ лицъ, стоявшихъ въ то время во главѣ великобританскаго правительства, а руководящимъ началомъ всегдашняго отношенія этого правительства къ нашей политикѣ на Востокѣ. Въ декабрѣ 1834 г. министерство лорда Грея должно было уступить мѣсто торіямъ, и графъ Медемъ услыхалъ отъ Роберта Пиля и Веллингтона то же самое, что ему пришлось раньше слышать отъ Пальмерстона [2]). Герцогъ Веллингтонъ старался даже разъяснить нашему предст. вителю, что Ункіаръ-Искелесскій договоръ самъ по себѣ вовсе не обезпечиваетъ преобладающаго положенія Россіи на Востокѣ. „Вѣдь само Импера-„торское правительство", говорилъ онъ, „убѣждено „и намъ доказываетъ, что договоръ не имѣетъ дѣйствительнаго „значенія (importance réelle) — такъ почему бы, съ согласія сул-„тана, и не отмѣнить акта, возбуждающаго ненависть во всѣхъ „странахъ и въ особенности въ Англіи".

Аллегорическое изображеніе 2-й Турецкой войны (съ грав. Энгельбрехтъ).

Профессоръ Мартенсъ, приводя изъ донесенія графа Медема это извлеченіе, замѣчаетъ, что извѣстное уваженіе, съ которымъ Императоръ Николай относился къ герцогу Веллингтону, не осталось безъ вліянія на рѣшеніе Государя не возобновлять Ункіаръ-Искелесскаго трактата.

Въ мартѣ 1835 года физіономія лондонскаго правительства вновь измѣнилась, и во главѣ его сталъ кабинетъ лорда Мельбурна, имѣя министромъ иностранныхъ дѣлъ лорда Пальмерстона, который свою дѣятельность по отношенію къ Россіи ознаменовалъ цѣлымъ рядомъ враждебныхъ протестовъ [3]). Величавое спокойствіе петер-

---

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ", т. XII, стр. 54.
[2]) Тамъ же, стр. 56.
[3]) Тамъ же, стр. 60 — 63.

бургскаго двора окончательно вывело изъ терпѣнія благороднаго лорда, который въ припадкѣ раздраженія объявилъ графу Поццоди-Борго, нашему новому послу въ Лондонѣ, что „Европа спала „слишкомъ долго; она пробуждается, чтобы положить предѣлъ „системѣ захватовъ, которую Императоръ желаетъ примѣнять на „всѣхъ концахъ своего обширнаго государства. Англія должна „исполнить свою роль покровительницы независимости народовъ". Одновременно съ враждебностью лондонскаго кабинета шло и возбужденіе общественнаго мнѣнія Англіи противъ Россіи.

Но лордъ Пальмерстонъ не ограничивался пререканіями съ нашими представителями въ Лондонѣ, а преслѣдовалъ и болѣе существенную цѣль противодѣйствія русскому вліянію въ Константинополѣ, которая настойчиво выполнялась англійскимъ посломъ при Портѣ лордомъ Понсонби.

Придравшись къ пустому случаю оскорбленія англійскаго подданнаго Черчилля, представитель Великобританіи потребовалъ смѣны реиса-эфенди Акифа-паши и извѣстнаго своею приверженностью къ Россіи начальника султанской гвардіи Ахмеда. Уклончивый отвѣтъ Порты вызвалъ со стороны лорда Понсонби громовую ноту, въ которой онъ утверждалъ, что Россія, Австрія и Пруссія на совѣщаніи въ Теплицѣ рѣшили раздѣлить Турецкую имперію, которая продолжаетъ существовать единственно благодаря Великобританіи. Испуганная Порта поспѣшила замѣнить Акифа-пашу англійскимъ кандидатомъ Хулусси-пашей, всѣ приверженцы Россіи, во главѣ съ сераскиромъ Хозревомъ-пашей, были отстранены отъ своихъ мѣстъ или удалены въ ссылку, и среди совѣтчиковъ султана перевѣсъ перешелъ на сторону противниковъ русско-турецкаго соглашенія.

Въ 1837 году русскому вліянію въ Константинополѣ былъ нанесенъ новый ударъ назначеніемъ на постъ реиса-эфенди Решидъ-паши, который являлся олицетвореніемъ танзимата, т.-е. реформъ Турціи. Решидъ-паша поставилъ себѣ цѣлью заслужить довѣріе западно-европейскихъ державъ и всю свою дѣятельность направилъ на упорядоченіе финансовъ государства и экономической жизни страны. Появился цѣлый рядъ гатти-шерифовъ о наказаніяхъ за продажность чиновниковъ, объ обезпеченіи ихъ постояннымъ содержаніемъ, объ отмѣнѣ податныхъ откуповъ, и, что всего важнѣе, Порта вступила въ переговоры съ западными державами о торговыхъ трактатахъ. Такой договоръ съ Великобританіей былъ заключенъ 16 августа 1839 года, и онъ несомнѣнно

явился однимъ изъ могучихъ средствъ для упроченія въ Константинополѣ вліянія державъ, которыя имѣли наиболѣе значительные торговые обороты съ Оттоманской имперіей.

III.

Бороться съ морскими державами въ Турціи на почвѣ экономическаго вліянія и торговли намъ представлялось невозможнымъ. Порта могла искать русскаго покровительства и защиты въ минуту непосредственной военной опасности, но въ обыкновенное время, когда дѣло касалось исключительно экономическихъ интересовъ, наша дружба не имѣла для турокъ особаго значенія. Поэтому вліяніе наше въ Царьградѣ естественно падало, хотя петербургскій кабинетъ и сознавалъ, что „главная опасность въ „Константинополѣ, и Бутеневу слѣдуетъ быть весьма бдитель„нымъ, чтобы Порта намъ не измѣнила“ [1]).

Нельзя искать причины умаленія нашего значенія на берегахъ Босфора въ ошибкахъ русскихъ дипломатовъ; она лежала болѣе глубоко, а именно въ руководящихъ основахъ нашей политической программы относительно Турціи, принятой послѣ Адріанопольскаго мира. Секретный Комитетъ 1829 года поставилъ цѣлью русской политики имѣть сосѣдомъ Турцію слабую, неспособную къ внутреннему и внѣшнему росту, а потому вполнѣ естественно, что мы и не могли поддерживать турецкихъ реформъ, направленныхъ къ укрѣпленію и обновленію Имперіи оттомановъ. Мы считали ее обреченной на неминуемое въ ближайшемъ будущемъ паденіе и заблаговременно желали условиться съ Англіей и Австріей относительно новаго устройства судьбы турецкихъ областей.

Совершенно другого взгляда придерживался въ этомъ отношеніи лордъ Пальмерстонъ. Онъ являлся убѣжденнымъ защитникомъ живучести Турціи и возможности ея долгаго и самостоятельнаго существованія. „Я расположенъ думать“, писалъ онъ сэру Бульверу въ концѣ 1838 года [2]), „что ежедневно развивающіяся „сношенія между Турціей и прочими странами Европы должны въ

---

[1]) Помѣтка Императора Николая на донесеніи графа Поццо-ди-Борго отъ 30 сентября 1838 года (Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ“, т. XII, стр. 73).

[2]) Татищевъ: „Внѣшняя политика Императора Николая I“, стр. 471.

„непродолжительномъ времени разъяснить недостатки турецкой „системы и повести къ различнымъ въ ней улучшеніямъ".

Что касается до французскаго правительства, то, сочувствуя Мехмеду-Али, оно не было расположено поддерживать цѣлость Оттоманской имперіи, но оно, подобно Англіи, опасалось нашего преобладанія на Востокѣ и нисколько не сомнѣвалось въ завоевательныхъ замыслахъ Россіи.

Австрія въ этомъ отношеніи была спокойна, такъ какъ знала, что Императоръ Николай не нарушитъ даннаго имъ въ Мюнхенгрецѣ слова [1]), но князя Меттерниха смущали другія обстоятельства. Онъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы на Востокѣ не было никакихъ потрясеній, а поэтому одинаково опасался и покровительствуемыхъ Англіей „улучшеній", которыя ему казались „революціонными", и исключительнаго вліянія Россіи на Порту, которое могло повести къ возбужденію среди турецкихъ славянъ и вызвать нежелательныя осложненія.

Аллегор. изобр. Чесменской битвы (съ грав. И. Нильсонъ).

Лордъ Пальмерстонъ и князь Меттернихъ одинаково были убѣждены, что единственнымъ средствомъ разрѣшенія Восточнаго вопроса можетъ служить установленіе общеевропейскаго покровительства надъ Турціей и подвластными ей народами. Болѣе откровенный лордъ Пальмерстонъ опредѣленно заявилъ, что прежде всего Портѣ необходимо отдѣлаться отъУнкіаръ-Искелесскаго трактата. Единственное средство для этого онъ видѣлъ въ „погруженіи его въ какой-либо общій договоръ такого же рода".

Случай для осуществленія желанія великобританскаго министра вскорѣ представился.

Кутахійскій миръ не удовлетворилъ Мехмеда-Али, и онъ продолжалъ стремиться къ завѣтной своей цѣли — независимости Египта; султанъ Махмудъ, въ свою очередь, желалъ возстановить утраченную власть въ захваченныхъ египтянами областяхъ и унизить

---

[1]) „Jamais l'Empereur n'oubliera ce qu'il a promis à Muenchengraetz à son auguste ami et „allié, l'Empereur François". (Вице-канцлеръ Татищеву 13 мая 1837 года). Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ", т. IV, стр. 477.

гордаго вассала. Столкновеніе между противниками дѣлалось неизбѣжнымъ, и всѣ державы усиленно занялись принятіемъ мѣръ къ его предупрежденію.

Лондонскій кабинетъ вступилъ въ переговоры съ парижскимъ съ цѣлью заставить Мехмеда-Али отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ плановъ, и идея руководителя англійской политики состояла въ томъ, чтобы, въ случаѣ надобности, великобританскій, французскій и русскій флоты оказали бы Портѣ поддержку на морѣ, а Австрія на сушѣ.

Между тѣмъ осложненія на Востокѣ развивались съ большой быстротой. Султанъ Махмудъ отправилъ противъ египтянъ отборную армію Гафиза-паши, которая вступила въ апрѣлѣ 1839 года въ Сирію. Это еще болѣе обезпокоило лорда Пальмерстона, который немедленно обратился къ парижскому кабинету съ новымъ предложеніемъ принять мѣры для предупрежденія возможнаго пораженія Турціи и вторичнаго исканія ею опоры у одной Россіи. Съ этой цѣлью великобританскій кабинетъ предлагалъ обратиться и въ Вѣну для совмѣстнаго представленія Россіи о необходимости заключить общеевропейское соглашеніе, въ видахъ поддержки Оттоманской имперіи. Мысли лорда Пальмерстона встрѣтили самое живое сочувствіе въ Вѣнѣ и Парижѣ. Результатомъ начавшейся оживленной дипломатической переписки явилось приглашеніе австрійскимъ дворомъ прочихъ державъ къ участію въ совѣщаніи по дѣламъ Востока, которое предполагалось собрать въ Вѣнѣ. Франція и Англія уже заблаговременно выразили свое согласіе на эту мѣру, и такимъ образомъ удача предпринятаго западными державами дипломатическаго шага зависѣла отъ рѣшенія Россіи.

Нашъ кабинетъ, однако, рѣшительно отказался отъ участія въ совѣщаніи. Графъ Нессельроде въ своей депешѣ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ Струве объяснялъ этотъ отказъ такими соображеніями [1]): Англія и Франція, по мнѣнію вице-канцлера, вовсе не имѣли въ виду сохраненія независимой Турціи, какъ залога безопасности Россіи. Онѣ только стремились къ учрежденію тамъ порядка, прямо враждебнаго нашимъ интересамъ, и задались мыслью освободить Порту изъ-подъ вліянія Россіи, поставивъ ее подъ покровительство всѣхъ европейскихъ державъ. Подобную общеевропейскую гарантію графъ Нессельроде совершенно основательно полагалъ исключительно направленною противъ

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ", т. IV, стр. 481.

насъ, „поэтому", прибавлялъ онъ, „требовать отъ насъ, чтобы мы „дали Портѣ такую гарантію, значитъ требовать отъ насъ невоз- „можнаго и безразсуднаго".

Этотъ отвѣтъ нашего кабинета привелъ въ отчаяніе князя Меттерниха, который до того вышелъ изъ себя, что рѣшился замѣтить Струве, будто „пришло для Россіи время сбросить маску, „которою она закрывается, когда дѣло касается Восточнаго „вопроса" [1]).

Между тѣмъ въ депешѣ вице-канцлера Татищеву отъ 24 августа 1839 года точка зрѣнія русскаго правительства была выражена болѣе опредѣленно. Графъ Нессельроде объяснялъ, что Россія готова спеціально поручиться за исполненіе соглашенія между Портой и Египтомъ, но при условіи, что Франція и Англія подпишутъ декларацію объ отказѣ ихъ отъ идеи общей гарантіи цѣлости Оттоманской имперіи, провозгласятъ закрытіе Дарданеллъ и Босфора для военныхъ судовъ, какъ во время мира, такъ и во время войны, и откажутся отъ введенія своихъ эскадръ въ Мраморное море, въ случаѣ появленія русскихъ войскъ на берегахъ Босфора [2]).

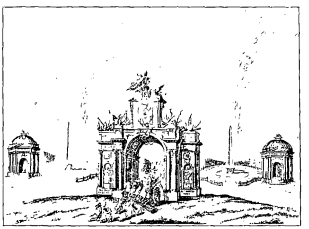
Возможность такого факта уже предвидѣлась въ нашихъ дипломатическихъ кругахъ. Еще въ половинѣ 1838 года графъ Поццо-ди-Борго совѣтовалъ нашему правительству серіозно готовиться къ тому времени, когда султанъ обратится къ Россіи за помощью, и рекомендовалъ, чтобы эта помощь была оказана значительной арміей, потому что, „только занявъ прочно Босфоръ и „Дарданеллы, Россія можетъ спокойно ожидать событій". И, дѣйствительно, въ 1839 году Турція сразу лишилась государя, арміи и флота. Султанъ Махмудъ скончался вскорѣ послѣ побѣды египтянъ надъ Гафизъ-пашею, а черезъ нѣсколько дней египетскому пашѣ передалась и турецкая эскадра, подъ флагомъ Ахмеда-Февзи-паши.

Однако, новый султанъ Абдулъ-Меджидъ не обратился къ намъ за помощью, а вступилъ въ переговоры съ Мехмедомъ-Али, предлагая ему удовольствоваться наслѣдственнымъ владѣніемъ Египтомъ. Честолюбивый вассалъ этимъ не ограничился и потребовалъ предоставленія ему управленія всей имперіей въ званіи верховнаго визиря. Порта сочла тогда необходимымъ обратиться за помощью къ представителямъ всѣхъ державъ.

---

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ", т. IV, стр. 483.
[2]) Тамъ же, т. XII, стр. 71.

Посланники, а въ томъ числѣ и нашъ представитель Бутеневъ, собрались на совѣщаніе у австрійскаго интернунція и рѣшили предъявить Портѣ общую ноту, въ которой заявляли, что согласіе Россіи, Австріи, Франціи, Великобританіи и Пруссіи въ египетскомъ вопросѣ обезпечено. Это заявленіе, по словамъ лорда Понсонби, „придало Портѣ силу и мужество, чтобы противиться „требованіямъ паши и защищать права султана".



Фейерверкъ въ Царскомъ Селѣ по случаю мира съ Турціей (съ русск. грав. конца XVIII ст.).

Въ дѣйствительности же, въ виду отказа петербургскаго двора отъ возможности общеевропейской гарантіи Оттоманской имперіи, согласія между державами еще не существовало, хотя его и можно было предвидѣть, благодаря образовавшейся группировкѣ державъ.

1833 годъ въ Турціи повториться не могъ, и о призывѣ нашихъ войскъ султаномъ нельзя было и думать. Абдулъ-Меджидъ вполнѣ подчинился вліянію Англіи, которая поддерживала Решидапашу въ его реформаторской дѣятельности, и былъ далекъ отъ мысли возобновлять съ намиУнкіаръ-Искелесскій договоръ. Вѣнскій кабинетъ, видимо, также склонялся на сторону англійской политики; Франція, соединясь съ Англіей противъ Россіи, по словамъ графа Поццо-ди-Борго, „положитъ громадную тяжесть" [1]).

Такая политическая комбинація, являясь прелюдіей обстановки 1854 и 1855 годовъ, дѣлала вѣроятнымъ открытое столкновеніе Россіи съ Европой на почвѣ турецкихъ дѣлъ еще за четырнадцать лѣтъ до разгорѣвшейся впослѣдствіи Восточной войны. Въ виду этого, говоритъ профессоръ Мартенсъ [2]), является понятнымъ рѣшеніе Императора Николая Павловича предупре-

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ", т. XII, стр. 73.
[2]) Тамъ же.

дить скрѣпленіе союза великихъ западно-европейскихъ державъ противъ Россіи.

Но у Государя были и другія побужденія не отказываться отъ вступленія въ общіе переговоры. Онъ, какъ извѣстно, стремился къ возстановленію Шомонскаго союза 1814 года, съ цѣлью сплотить между собою консервативныя государства Европы, а въ томъ числѣ и Великобританію, эту „vieille „amie et alliée“, къ которой питалъ особое расположеніе, несмотря на неблагопріятные отзывы нашихъ дипломатовъ объ ея государственныхъ людяхъ. И эта симпатія Государя къ Англіи особенно укрѣпилась во время пребыванія въ Петербургѣ великобританскимъ посломъ лорда Дюргема, искренно полюбившаго Россію. Выгода сердечнаго соглашенія между обоими государствами, въ видахъ поддержанія европейскаго мира и ихъ собственныхъ интересовъ, сознавалась, впрочемъ, и руководителями внѣшней политики этихъ странъ. „Какъ только Россія и „Англія придутъ къ соглашенію“, говорилъ лордъ Пальмерстонъ [1]), „то миръ въ Азіи будетъ обезпеченъ“ [2]). Графъ же Нессельроде былъ того мнѣнія, что между Россіей и Англіей не существуетъ никакихъ недоразумѣній, кромѣ простыхъ предубѣжденій. По его словамъ [3]), Россія не желаетъ ни оспаривать у Англіи ея морского вліянія, ни дѣлать изъ Средиземнаго моря русскаго

Баронъ Ф. Брунновъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ (съ лит. Бельярь, по фот. Пирсонъ).

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ“, т. XII, стр. 53.
[2]) „Dès que la Russie et l'Angleterre s'entendent, la paix de l'Asie est assurée“.
[3]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ“, т. XII, стр. 160.

озера, ни уничтожать Имперію оттомановъ, ни, наконецъ, низвергнуть британское владычество въ Индіи [1]).

Порученіе отвлечь Великобританію отъ совмѣстныхъ дѣйствій и союза съ Франціей было съ 1839 года возложено на нашего посланника въ Штутгартѣ, барона Филиппа Бруннова, и такая задача была не изъ легкихъ. Графъ Поццо-ди-Борго еще въ апрѣлѣ этого года доносилъ изъ Лондона [2]), что англійское общественное мнѣніе заражено дуновеніемъ правительства (par le souffle du gouvernement) и возбуждено противъ Россіи, и что дѣятельность англійскаго кабинета обнаруживала планъ систематической враждебности противъ насъ. И, дѣйствительно, великобританское правительство въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы жаловаться на русскую политику. Оно обвиняло насъ въ подстрекательствѣ персидскаго шаха въ походѣ на Гератъ и въ желаніи утвердить наше вліяніе въ Афганистанѣ, спорило съ нами по дѣламъ Турціи и Бельгіи, оспаривало наши права на восточномъ побережьѣ Чернаго моря, считало Ункіаръ-Искелесскій договоръ недѣйствительнымъ и обвиняло наше правительство, по поводу его заключенія, въ стремленіи поработить Турцію и захватить ея владѣнія.

Баронъ Брунновъ долженъ былъ одновременно вести въ Лондонѣ переговоры о дѣлахъ турецкихъ, персидскихъ и греческихъ [3]). Наиболѣе важными были переговоры о Турціи, въ которыхъ нашъ кабинетъ пошелъ на большія уступки относительно Англіи. Россія соглашалась на свое участіе въ коллективной гарантіи турецко-египетскаго соглашенія, отказалась отъ возобновленія Ункіаръ-Искелесскаго договора и принимала на себя обязательство явиться, въ случаѣ надобности, на Босфорѣ съ вооруженной силой, не на основаніи своего частнаго договора съ Портой, а въ качествѣ уполномоченной представительницы всей Европы. Эти предложенія нашъ кабинетъ обусловливалъ, однако, отказомъ морскихъ державъ отъ объявленія неприкосновенности владѣній Оттоманской имперіи, ихъ согласіемъ на закрытіе проливовъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй и отказомъ Франціи и Англіи отъ посылки въ Мраморное море военныхъ флотовъ для охраненія турецкой столицы.

---

[1]) „Ni lutter d'influence maritime avec les Anglais, ni faire un lac russe de la Méditerranée, „ni briser l'Empire Ottoman, ni renverser la puissance britannique aux Indes".

[2]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ", т. XII, стр. 83.

[3]) Тамъ же, стр. 110.

Великобританское правительство приняло наши предложенія съ нескрываемымъ удовольствіемъ, и баронъ Брунновъ счелъ себя въ правѣ утверждать, что „Англія пока еще не съ нами, но она „уже болѣе и не съ Франціей“ [1]). Нельзя не признать такого заключенія нашего дипломата нѣсколько поспѣшнымъ. Конечно, отказъ Россіи отъ возобновленія Ункіаръ-Искелесскаго договора и отъ самостоятельнаго отношенія къ Турціи, съ замѣной его коллективнымъ воздѣйствіемъ всѣхъ державъ, представлялся для Великобританіи такимъ большимъ успѣхомъ, что англійскіе министры готовы были нѣсколько разойтись съ Франціей, но подобное охлажденіе было временное и скорѣе вызывалось текущими политическими размолвками частнаго характера на почвѣ египетскаго вопроса [2]). И, дѣйствительно, въ январѣ 1840 года добрыя отношенія между морскими державами вновь возстановились, и Пальмерстонъ заявилъ французскому послу, что онъ „никогда не „думалъ разрывать союза съ Франціей и въ особенности прино„сить его въ жертву Россіи“. По его словамъ, соглашеніе съ нами состоялось по одному лишь вопросу; по всѣмъ прочимъ союзъ съ Франціей остается въ прежней силѣ.

Однако, с.-джемскій кабинетъ не сразу принялъ наши предложенія и потребовалъ внесенія въ будущую конвенцію поправки, допускавшей появленія флотовъ западныхъ державъ въ Дарданеллахъ одновременно съ появленіемъ нашихъ военныхъ силъ на Босфорѣ. Императорское правительство согласилось и на эту поправку, но переговоры, благодаря новымъ требованіямъ лорда Пальмерстона, еще затянулись. Англійскій министръ выдвинулъ вопросъ объ участіи въ европейской конференціи по дѣламъ Востока также и Турціи и прилагалъ новыя усилія для достиженія соглашенія между Великобританіей и Францією. Онъ всѣми силами убѣждалъ французскаго посланника Гизо воспользоваться настроеніемъ Россіи, чтобы ввести Восточный вопросъ въ европейское международное право. „Достаточно будетъ для всѣхъ“, говорилъ Пальмерстонъ, „если держава, стремящаяся къ исключительному „протекторату надъ Турціей, откажется отъ него и свяжетъ себя „договоромъ“.

---

[1]) „L'Angleterre n'est pas encore à nous, mais elle n'est plus à la France“.

[2]) Какъ извѣстно, Франція покровительствовала Мехмеду-Али и желала предоставить ему на наслѣдственномъ правѣ не только Египетъ, но и всю Сирію; англійское же правительство не находило согласнымъ со своими интересами образованіе сильнаго египетскаго государства.

А. П. Бутеневъ, управл. посол. въ Константинополѣ (съ фот. съ нат.).

Но французское правительство относительно Египта осталось при своемъ мнѣніи, а кабинетъ лорда Мельбурна не рѣшался заключить конвенціи, въ которой не приняла бы участія и Франція. Только рѣшительное заявленіе Пальмерстона о выходѣ изъ состава кабинета поколебало, наконецъ, упорство его товарищей. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ объяснялъ, что если европейскія державы не воспользуются сговорчивостью Россіи, то она возьметъ обратно свои предложенія и будетъ стремиться къ заключенію новаго Ункіаръ-Искелескаго договора съ Турціей, но въ еще болѣе неблагопріятной для Англіи формѣ. Оттоманская имперія раздѣлится, такимъ образомъ, на двѣ части, изъ которыхъ Египетъ будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Франціи, а собственно Турція — въ рукахъ Россіи; при этомъ въ обѣихъ частяхъ англійское вліяніе будетъ совершенно уничтожено, и великобританскіе торговые интересы нарушены [1]). Лордъ Пальмерстонъ даже лично отправился къ королевѣ и представилъ ей по этому поводу докладъ, на которомъ она поставила собственноручную надпись: „Highly approved".

При такихъ обстоятельствахъ была заключена конвенція 3 (15) іюля 1840 года между Россіей, Австріей, Пруссіей, Англіей и Турціей; въ ней не приняла участія только Франція.

Первой статьей конвенціи четыре державы приняли на себя обязательство соединить свои единодушныя усилія къ побужденію Мехмеда-Али согласиться на условія, предложенныя ему султаномъ.

Вторая статья опредѣляла дѣйствія державъ, въ случаѣ отказа египетскаго паши согласиться съ предложеніемъ договаривающихся державъ. Онѣ обязывались въ этомъ случаѣ

[1]) Татищевъ: „Внѣшняя политика Императора Николая I", стр. 516 и 517.

оказать султану вооруженную помощь, предварительно принявъ мѣры къ прекращенію морского сообщенія между Египтомъ и Сиріей.

По третьей статьѣ, державы обязывались принять сообща мѣры для защиты Константинополя, если Мехмедъ-Али направитъ туда свои войска, при чемъ военныя силы договаривающихся государствъ должны оставаться въ турецкой столицѣ лишь столько времени, сколько потребуетъ султанъ.

„Эта мѣра", говорится въ четвертой статьѣ, „не будетъ отмѣнять стараго права Оттоманской имперіи, въ силу котораго военнымъ судамъ иностранныхъ державъ во всѣ времена запрещалось входить въ Дарданельскій и Босфорскій проливы". Султанъ рѣшился сохранять это начало, а державы обязывались уважать такое рѣшеніе [1]).

Пруссія, съ своей стороны, объявила особымъ протоколомъ 2 (14) августа, что, въ случаѣ возникновенія вооруженнаго столкновенія между державами изъ-за Восточнаго вопроса, ея участіе въ конвенціи не пойдетъ далѣе строгаго нейтралитета.

Представители Россіи, Австріи, Великобританіи и Пруссіи въ сентябрѣ мѣсяцѣ подписали новый протоколъ, которымъ соглашались при выполненіи обязательствъ, принятыхъ на себя конвенціей 3 іюля, не искать никакого увеличенія территоріи, ни исключительнаго вліянія въ Турціи и торговыхъ преимуществъ въ ней для своихъ подданныхъ. Уполномоченный Порты Хекибъ-паша принялъ къ свѣдѣнію эту декларацію.

Заключеніе конвенціи вызвало взрывъ негодованія во Франціи, и парижскій кабинетъ, обвинивъ Англію въ „измѣнѣ", началъ готовиться къ открытому разрыву. Дѣло едва не дошло до вооруженнаго столкновенія между объими морскими державами, и Императоръ Николай поручилъ барону Бруннову объявить великобританскому правительству, что русская эскадра немедленно придетъ на помощь къ англичанамъ [2]). Тучи, однако, вскорѣ разсѣялись. С.-Жанъ д'Акръ былъ взятъ турецкими войсками, подвезенными англо-австрійской эскадрой, а великобританскій флотъ появился подъ флагомъ адмирала Непира у Александріи, и Мехмедъ-Али былъ принужденъ принять условія лондонской конференціи. Франція, видя свое одиночество и невозможность

---

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ", т. XII, стр. 135.
[2]) Тамъ же, стр. 146 и 147.

дальнѣйшей борьбы за египетскаго пашу, вновь начала искать сближенія съ Англіей.

Это дало возможность лорду Пальмерстону сдѣлать дальнѣйшій шагъ къ довершенію своей завѣтной мечты подчинить турецкія дѣла общему надзору европейскаго концерта. Онъ обратился съ вопросомъ къ барону Бруннову, не сочтетъ ли наше правительство своевременнымъ заключить новую, болѣе опредѣленную конвенцію о проливахъ, но на этотъ разъ и при участіи Франціи. Парижскій кабинетъ, дѣйствительно, предлагалъ заключить новый договоръ, который гарантировалъ бы неприкосновенность Турціи, проводилъ бы христіанскія пожеланія въ пользу населенія Сиріи, а также разрѣшалъ бы вопросы о суэцкомъ коммерческомъ пути и о закрытіи проливовъ.

Но французскій проектъ въ полномъ его объемѣ встрѣтилъ самое рѣшительное противодѣйствіе не только со стороны барона Бруннова, но и лорда Пальмерстона. Въ покровительствѣ христіанской религіи въ Сиріи русскій посланникъ и англійскій министръ одинаково видѣли право вмѣшательства Франціи во внутреннія дѣла Турціи, что представлялось вполнѣ нежелательнымъ [1]). Были отвергнуты также предложенія о гарантіи неприкосновенности Оттоманской имперіи и вопросъ о суэцкомъ коммерческомъ пути и, такимъ образомъ, изъ всего французскаго предложенія былъ принятъ лишь одинъ послѣдній пунктъ о закрытіи проливовъ.

Новая конвенція о проливахъ была подписана представителями Россіи, Австріи, Франціи, Великобританіи, Пруссіи и Турціи 1 (13) іюля 1841 года и отличалась отъ 4-й статьи конвенціи предыдущаго года тѣмъ, что устанавливала закрытіе проливовъ, „пока Порта находится въ мирѣ“ [2]).

Нельзя не признать, что такая оговорка давала Турціи полную возможность пропускать во время войны суда своихъ союзниковъ черезъ проливы, а потому глубоко ошибался баронъ Бруновъ, высказывая свою искреннюю радость по случаю подписанія международнаго акта, въ составленіи котораго онъ принималъ такое дѣятельное участіе. Съ своей стороны, и Императоръ Николай, проникнутый побѣдными донесеніями своего посла, полагалъ, что лондонская конвенція навсегда обезпечивала полную безопасность

---

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ“, т. XII, стр. 151.
[2]) Тамъ же, стр. 158.

нашихъ владѣній на Черномъ морѣ [1]). Послѣдующія событія показали, что это обезпеченіе являлось мнимымъ, и въ 1854—1855 гг. англо-французскій флотъ свободно бомбардировалъ русское черноморское побережье.

Іюльская конвенція 1841 года послужила къ началу возстановленія согласія между Англіей и Франціей, которое не замедлило еще болѣе укрѣпиться послѣдующими событіями. Осенью этого года на смѣну министерства лорда Мельбурна явился кабинетъ Роберта Пиля и лорда Абердина, не участвовавшихъ въ причиненіи Франціи дипломатическаго пораженія, а пріѣздъ въ эту страну королевы Викторіи окончательно довершилъ новое скрѣпленіе англо-французской дружбы.

Наше правительство совершенно ошибочно полагало, что баронъ Брунновъ успѣлъ окончательно похоронить эту дружбу, и еще въ 1850 году графъ Нессельроде не успѣлъ отказаться отъ этого заблужденія. Въ своемъ обзорѣ нашей внѣшней политики, представленномъ Государю ко дню двадцатипятилѣтія вступленія на престолъ, канцлеръ, между прочимъ, писалъ, что конвенціи 1840 и 1841 годовъ „сохранили навѣки“ Ункіаръ-Искелесскій договоръ, хотя и отмѣненный „по виду“, и „обезпечили „насъ отъ какого бы то ни было нападенія съ моря“. При этомъ графъ Нессельроде выражалъ свою увѣренность, что „замѣшатель-„ства на Востокѣ имѣли однимъ изъ важнѣйшихъ для насъ по-„слѣдствій распаденіе англо-французскаго союза“ [2])....

Одержанные англійской дипломатіей успѣхи и непосредственное участіе Великобританіи въ усмиреніи Мехмеда-Али сильно подняли ея вліяніе на турецкомъ Востокѣ. Центръ тяжести Восточнаго вопроса перемѣстился, благодаря ловкому шахматному ходу, въ Лондонъ.

IV.

На Балканскомъ полуостровѣ событія, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ.

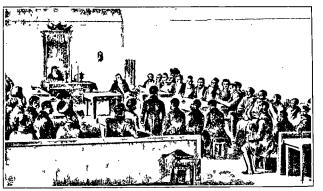
Молдавія и Валахія отдѣльнымъ актомъ Аккерманской конвенціи 1826 года и Адріанопольскимъ мирнымъ трактатомъ были

---

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ“, т. XII, стр. 154 и 155.
[2]) Гос. Арх., 1850 г., № 323. См. Приложеніе № 12.

поставлены подъ особое покровительство Россіи, и для управленія этими княжествами предполагалось выработать особые уставы.

Въ 1828 году, въ началѣ возгорѣвшейся русско-турецкой войны молдавскій и валахскій господари были смѣнены „за на„влеченіе на себя крайняго неудовольствія Государя“, и во главѣ мѣстнаго управленія сталъ особый русскій полномочный предсѣдатель дивановъ генералъ-адъютантъ П. Д. Киселевъ. Составленіе же органическихъ уставовъ обоихъ княжествъ было возложено на особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ нашего генеральнаго консула Минчаки, который долженъ былъ руководствоваться инструкціей, выработанной статсъ-секретаремъ Дашковымъ.



Засѣданіе бояръ въ Бухарестѣ (съ лит. Лемерсье, по рис. Раффе).

Въ 1831 году работы комитета были окончены, статуты выработаны, одобрены и приняты валахскимъ и молдавскимъ диванами. На основаніи заключенной въ Петербургѣ въ 1834 году особой конвенціи Порта обязывалась утвердить органическій статутъ обоихъ княжествъ и обнародовать его отдѣльнымъ гатти-шерифомъ, по изданіи котораго наши войска должны были очистить княжества. И, дѣйствительно, послѣ назначенія въ апрѣлѣ этого года Михаила Стурдза молдавскимъ господаремъ, а Александра Гика валахскимъ, наши войска покинули княжества, несмотря на доводы П. Д. Киселева, который въ особой секретной запискѣ [1]) убѣждалъ, что „Россія въ теченіе сто„лѣтія не для того подвигалась впередъ, чтобы остановиться „на берегахъ Прута“. Восемь лѣтъ управленія господаря Гики прошли довольно спокойно, но въ 1842 году собраніе бояръ обратилось на него съ жалобой въ Петербургъ и въ Константинополь. Въ Бухарестъ, въ качествѣ чрезвычайнаго комиссара, былъ немедленно отправленъ генералъ Дюгамель, на основаніи разслѣдованія котораго петербургскій кабинетъ по-

[1]) Татищевъ: „Внѣшняя политика Императора Николая I“, стр. 328.

требовалъ отъ Порты смѣщенія Гики. Господаремъ былъ избранъ Георгій Бибеско.

Въ томъ же 1842 году произошли волненія и въ Сербіи. Этой страной управлялъ князь Милошъ Обреновичъ, признанный еще фирманомъ 1830 года наслѣдственнымъ княземъ сербскаго народа. Вообще упомянутый фирманъ предоставлялъ Сербіи почти полную самостоятельность. Онъ обезпечивалъ княжеству свободу вѣроисповѣданія, передавалъ внутреннія дѣла страны въ управленіе князя и совѣта старѣйшинъ, не допускалъ турецкихъ чиновниковъ вмѣшиваться въ сербскія дѣла, запрещалъ мусульманамъ селиться въ Сербіи и предоставлялъ князю содержать въ Константинополѣ агентовъ для сношеній съ Портою. Зависимость Сербіи отъ Турціи выражалась только платежемъ ежегодной дани и оставленіемъ турецкихъ гарнизоновъ въ сербскихъ крѣпостяхъ [1]).

Баронъ Брунновъ замѣчаетъ по этому поводу въ лекціяхъ, читанныхъ Наслѣднику Цесаревичу [2]), что фирманъ 1830 года не былъ формально признанъ нашимъ кабинетомъ. „Въ наши „виды", писалъ баронъ, „не входитъ давать слишкомъ большого „развитія власти правителя, неправильная администрація котораго „уже вызвала много жалобъ со стороны сербовъ. Объявленное „Милошу неудовольствіе Государя внушаетъ ему опасенія, ко„торыя наталкиваютъ его на ложную дорогу и побуждаютъ „искать у иностранныхъ державъ опоры противъ Россіи". Свои объясненія баронъ Брунновъ заканчивалъ разсужденіемъ о неблагодарности народовъ, которая „служитъ намъ поводомъ къ „тому, чтобы не итти далѣе и не эмансипировать вполнѣ (турец„кихъ) областей".

Петербургскій кабинетъ дѣйствовалъ въ смыслѣ ограниченія власти непріятнаго ему сербскаго князя. Нашъ представитель въ Бухарестѣ Рикманъ поддерживалъ сношеніе съ сербскими великошами, которые желали достигнуть политическаго положенія румынскихъ бояръ, и, по нашему настоянію, Порта издала въ 1838 году особый фирманъ, который ограничивалъ власть сербскаго князя въ пользу образованнаго изъ великошъ сената. Вслѣдъ за этимъ князь Милошъ отрекся отъ власти, и, послѣ смерти его старшаго сына Милана, сербскимъ княземъ сдѣлался младшій сынъ Михаилъ.

---

[1]) Поповъ: „Россія и Сербія", т. I, стр. 236.
[2]) См. Приложеніе № 8.

Однако, такая перемѣна не дала спокойствія княжеству. Противъ новаго режима возстали сербскіе либералы, такъ называемые „уставобранители", пользовавшіеся поддержкой турецкаго коменданта Бѣлградской крѣпости. Князь Михаилъ принужденъ былъ бѣжать, а созванная временнымъ правительствомъ скупщина избрала княземъ Александра Карагеоргіевича. Порта утвердила этотъ выборъ безъ предварительнаго сношенія съ петербургскимъ кабинетомъ, чѣмъ вызвала крайнее неудовольствіе со стороны Императора Николая, который рѣшилъ даже послать въ Сербію особаго чрезвычайнаго комиссара и вступилъ въ переговоры съ Австріей о пропускѣ въ Сербію двадцатитысячнаго отряда русскихъ войскъ. Дѣло, однако, окончилось мирно, такъ какъ Александръ Карагеоргіевичъ добровольно отказался отъ своего званія, а вновь созванная скупщина избрала его вторично. Порта утвердила новое избраніе, но на этотъ разъ съ нашего согласія.

Въ началѣ сентября 1843 года произошелъ переворотъ и въ Греціи, преобразовавъ это государство въ конституціонную монархію. Во главѣ правительства стали представители либеральной партіи, приверженцы Великобританіи и Франціи. Наше правительство отозвало послѣ этого изъ Аѳинъ своего представителя, Катакази, и на его мѣсто не былъ назначенъ новый посланникъ. Въ 1844 году Россія признала все-таки новый порядокъ въ Греческомъ королевствѣ.

Имѣвшая мѣсто въ томъ же году поѣздка Императора Николая въ Англію не принесла въ отношеніи нашей Восточной политики тѣхъ плодовъ, на которые, со свойственнымъ ему оптимизмомъ, разсчитывалъ баронъ Брунновъ. Хотя графомъ Нессельроде и былъ составленъ послѣ бесѣдъ съ лордомъ Абердиномъ одобренный англійскимъ министромъ меморандумъ, который напоминалъ въ своихъ выводахъ пункты Мюнхенгрецкой конвенціи, но ему не было суждено получить обязательную силу [1]). Предубѣжденіе лондонскаго кабинета не было разсѣяно, и спустя четыре года противоположность нашей и англійской политики на Востокѣ проявилась во всей своей рѣзкости. И, дѣйствительно, по мнѣнію графа Нессельроде [2]), „двѣ причины содѣйствовали всеобщему „возстанію народовъ: безсмысленная страсть къ демократическимъ „установленіямъ и сумасбродная идея перестроить общественное

---

[1]) См. главу III.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ за 1848 годъ. Арх. М. И. д., карт. Д.

„право на воображаемомъ прин-„ципѣ расы, языка и національ-„ности“, между тѣмъ какъ англійское правительство избѣгало „всякой войны идей“ и поддерживало революціонныя движенія чуть ли не во всѣхъ странахъ Европы.

Волненія коснулись также и балканскихъ областей. Въ Валахіи вспыхнуло возстаніе; господарь Бибеско отрекся отъ власти и уѣхалъ въ Австрію, а въ Бухарестѣ было организовано временное правительство, которое ввело, вмѣсто органическаго статута, либеральную конституцію. Султанъ, по совѣту англійскаго посла, отправилъ въ Бухарестъ своего комиссара, Сулеймана-пашу, который, получивъ отъ временного правительства 20 тысячъ червонцевъ, началъ дѣйствовать въ его пользу; онъ для вида распустилъ это незаконное правительство, образовавъ, вмѣсто него, намѣстничество, въ составъ котораго вошли, однако, всѣ тѣ же члены, и сталъ доказывать необходимость введенія реформъ. Лордъ Пальмерстонъ, съ своей стороны, горячо поддерживалъ эту идею и успокоился только тогда, когда русская оккупація княжествъ стала совершившимся фактомъ.

Александръ Гика, молдаванскій господарь (съ австр. лит.).

Наше правительство принуждено было заняться выработкою мѣръ, могущихъ предотвратить въ будущемъ повтореніе смутъ, и потребовало отъ Порты заключенія особаго договора касательно тѣхъ измѣненій, которыя предполагалось ввести въ управленіе княжествами. Желаніе Россіи было исполнено въ формѣ особой декларації, подписанной 19 апрѣля 1849 года на дачѣ великаго визиря Балтѣ-Лиманъ.

Согласно заключенному договору, избраніе господарей замѣнялось назначеніемъ ихъ на семилѣтній срокъ властью султана; дарованный княжествамъ въ 1831 году органическій уставъ сохранялъ свою силу; созывъ собраній бояръ отмѣнялся, а для

пересмотра существовавшихъ установленій въ Яссахъ и Бухарестѣ учреждались ревизіонные комитеты изъ „заслуживающихъ уваженіе“ бояръ. Кромѣ того, до возстановленія въ княжествахъ спокойствія, тамъ должны были оставаться отряды русскихъ и турецкихъ войскъ, силою отъ 25 до 30 тысячъ каждый. Послѣ водворенія въ обѣихъ провинціяхъ спокойствія, въ нихъ должно было остаться по 10 тысячъ человѣкъ съ каждой стороны, а „по окончаніи работъ по органическому улучшенію и укрѣпленію „внутренняго спокойствія въ обѣихъ странахъ“ войска должны были очистить княжества, но оставаться наготовѣ немедленно вступить въ нихъ снова. Пребываніе русско-турецкихъ войскъ въ княжествахъ въ дѣйствительности ограничилось болѣе коротким срокомъ, и къ началу 1851 года оккупація этихъ провинцій была окончена. Объ этомъ съ особой энергіей хлопоталъ между прочимъ и лордъ Пальмерстонъ, который создавалъ себѣ, такимъ образомъ, друзей среди либеральныхъ румынскихъ бояръ и ихъ многочисленныхъ приверженцевъ.

Враждебное настроеніе англійскаго правительства къ Россіи обнаружилось также по поводу требованія, предъявленнаго Портѣ петербургскимъ и вѣнскимъ кабинетами относительно выдачи участниковъ Венгерскаго возстанія, которые нашли убѣжище въ Турціи. Наши требованія опирались при этомъ на статью 2-ю Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, истинный смыслъ которой съ большой энергіей оспаривался лордомъ Пальмерстономъ. Неодинаковое толкованіе статей этого договора, обнаружившееся уже въ серединѣ первой половины прошлаго вѣка, вновь всплывало, такимъ образомъ, наружу и вновь прошло незамѣченнымъ для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что баронъ Брунновъ, хотя и доказывалъ лорду Пальмерстону правильность нашей ссылки на Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ, но въ своемъ секретномъ донесеніи графу Нессельроде признавалъ возраженія англійскаго министра „parfaitement juste“ [1]).

Великобританскимъ посломъ въ Константинополѣ въ то время уже былъ сэръ Стрэдфордъ Каннингъ, впослѣдствіи знаменитый лордъ Редклифъ, который совѣтовалъ султану противиться нашимъ требованіямъ. Однако, вопреки этимъ совѣтамъ, султанъ отправилъ въ Петербургъ Фуада-эфенди съ особымъ порученіемъ

[1]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ“, т. XII, стр. 256.

къ Императору Николаю. Это неповиновеніе султана вызвало бурю со стороны англійскаго посла, который не постѣснился пригласить эскадру адмирала Паркера приблизиться къ турецкой столицѣ, и адмиралъ прошелъ мимо спокойно его созерцавшихъ турецкихъ батарей и замковъ черезъ Дарданеллы и бросилъ якорь въ Мраморномъ морѣ. Такое безпримѣрное нарушеніе конвенцій 1840 и 1841 годовъ о закрытіи проливовъ вызвало справедливое негодованіе Императора Николая Павловича. На представленномъ по этому поводу графомъ Нессельроде докладѣ Государь написалъ: „Il est bon de répondre à ce goujat de Palmerston, que ses mena-„ces ne nous effraient pas, ni que nous ne souffrirons pas d'ingé-„rence dans nos affaires directes avec la Porte. Tout cela peut être „dit poliment, mais dignement et fortement".

Но на этотъ разъ наше столкновеніе съ Турціей уладилось безъ участія британской дипломатіи. Императоръ Николай рѣшилъ не настаивать на первоначальномъ нашемъ требованіи и ограничился лишь нѣкоторыми мѣрами относительно польскихъ выходцевъ изъ русскихъ подданныхъ; они должны были подлежать удаленію изъ Турціи, кромѣ лицъ, принявшихъ мусульманство [1]). Бесѣды же барона Бруннова съ Пальмерстономъ относительно входа въ Мраморное море англійской эскадры окончились предписаніемъ адмиралу Паркеру вернуться въ Архипелагъ и заявленіемъ лорда Пальмерстона, что „этого болѣе не случится".

Въ 1850 году произошло событіе, по поводу котораго наша дипломатія въ своемъ спорѣ съ Англіей нашла себѣ союзника во французскомъ правительствѣ. Въ этомъ году домъ поставившаго себя подъ покровительство Великобританіи португальскаго еврея Пачифико былъ разграбленъ въ Аѳинахъ уличною толпою. Греческое правительство предлагало выдать пострадавшему вознагражденіе по дѣйствительной его стоимости, но еврей Пачифико желалъ получить въ нѣсколько десятковъ разъ больше. Англійское правительство, для поддержанія требованія Пачифико, блокировало греческіе берега и конфисковало греческія суда; однако, противъ такихъ дѣйствій лорда Пальмерстона одновременно возстали и баронъ Брунновъ и французскій посолъ въ Лондонѣ Друэнъ-де-Люисъ, который называлъ такую мѣру „вопіющимъ злоупотребленіемъ". Съ своей стороны, графъ Нессельроде отправилъ въ Лондонъ 7 февраля 1850 года ноту, въ которой напоминалъ великобри-

[1]) Татищевъ: „Внѣшняя политика Императора Николая", стр. 606, 607.

танскому кабинету, что Грецiя—государство, созданное въ такой же мѣрѣ Россiей и Францiей, какъ и Великобританiей, и что одной изъ этихъ державъ не можетъ принадлежать право разрушить общее ихъ дѣло, покушаясь на неприкосновенность Грецiи и на униженiе ее передъ всѣмъ свѣтомъ. „Пріемъ, который будетъ „оказанъ нашимъ представленiямъ", такъ заканчивалъ свою ноту графъ Нессельроде, „прольетъ свѣтъ на характеръ отношенiй, „который мы должны ожидать со стороны Англiи; скажу болѣе, „онъ выяснитъ положенiе „Англiи въ отношенiи всѣхъ „державъ, большихъ и ма„лыхъ, побережье кото„рыхъ повергаетъ ихъ опас„ности внезапнаго напа„денiя" [1]). Несмотря на справедливость нашихъ доводовъ, лордъ Пальмерстонъ не счелъ возможнымъ согласиться съ требованiями графа Нессельроде. Въ своемъ отвѣтѣ отъ 2 апрѣля онъ доказывалъ законность предъявленныхъ къ Грецiи претензiй и дѣйствiй англiйскаго флота. Его популярность, послѣ блестящей побѣды въ палатѣ общинъ надъ оппозицiей, достигла къ этому времени своего апогея.

Карик. на обученiе французами турецкихъ войскъ (съ русск. грав. XVIII ст.).

Императоръ Николай былъ видимо разочарованъ въ своихъ симпатiяхъ къ Англiи, но, находясь подъ впечатлѣнiемъ донесенiй барона Бруннова, онъ полагалъ, что виною всей враждебности политики великобританскаго кабинета былъ исключительно лордъ Пальмерстонъ, тогда какъ остальные государственные люди этой страны, въ родѣ лордовъ Исллингтона, Абердина, Дж. Росселя, Дэрби и другихъ, придерживаются мнѣнiй, болѣе согласныхъ съ видами нашей политики. Когда въ декабрѣ 1851 года, Пальмерстонъ вышелъ изъ состава кабинета, то баронъ Брунновъ привѣтствовалъ это событiе, какъ радостное предзнаменованiе перемѣны направленiя англiйской дипломатiи, и, считая политическую

[1]) Мартенсъ: „Собранiе трактатовъ", т. XII, стр. 262, 263.

карьеру Пальмерстона окончательно погребенной, даже написалъ подробный „некролокъ“ этого государственнаго дѣятеля [1]). А между тѣмъ ровно черезъ годъ погребенный нашимъ посломъ Пальмерстонъ снова сталъ министромъ въ кабинетѣ лорда Абердина.

Тѣмъ временемъ англійское вліяніе на Востокѣ продолжало возрастать и укрѣпляться. Пальмерстонъ былъ увѣренъ въ возможности обновленія Оттоманской имперіи при посредствѣ устраненія причинъ недовольства христіанскихъ подданныхъ султана и „утвержденія, такимъ образомъ, его престола на прочномъ и „широкомъ основаніи“ [2]).

Англія поддерживала реформаторскую дѣятельностъ Решидапаши, которая началась провозглашеніемъ гатти-шерифа 3 ноября 1839 года, обѣщавшаго всѣмъ, безъ различія вѣроисповѣданія, подданнымъ султана безопасность жизни, чести и имущества. Въ 1841 году Решидъ-паша былъ временно удаленъ отъ дѣлъ, но реформаторская дѣятельность оттоманскаго правительства продолжалась. Она, соображаясь во всемъ съ западными образцами, совершалась при участіи иностранцевъ и сводилась къ переорганизаціи вооруженныхъ силъ (новый военный законъ 1843 года), къ упорядоченію внутренняго управленія и финансовъ и къ признанію нѣкоторыхъ правъ за христіанскими подданными султана. Усовершенствованіе арміи производилось, между прочимъ, при посредствѣ прусскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ наибольшимъ расположеніемъ султана пользовался будущій фельдмаршалъ Мольтке. Но господствующее вліяніе въ Константинополѣ принадлежало въ это время великобританскому послу сэру Стрэдфорду Каннингу или „великому послу“, какъ называли его турки.

О нашемъ „преимущественномъ вліяніи“ въ дѣлахъ ближняго Востока въ то время не могло уже быть и рѣчи. Вотъ что говорилъ по этому поводу одинъ изъ современниковъ, хорошо ознакомленный съ положеніемъ вещей въ Турціи [3]). „Ежели „страна, ищущая вліянія, изъ-подъ личины благонамѣренности „выкажетъ неловко иные замыслы и дастъ основательный поводъ „сомнѣваться въ искренности ея дружбы или, при обнаруженіи

---

1) Приложеніе № 29.

2) Пальмерстонъ Стрэдфорду Каннингу 7 ноября 1849 года.

3) Мих. Волковъ: „Что довело Россію до настоящей войны“. Рукописная записка, представленная авторомъ князю Александру Михайловичу Горчакову 6 мая 1856 г. Записка эта помѣщается въ Приложеніи № 30.

„своихъ требованій, забудетъ о началахъ умѣренности, приличія „и права, въ такомъ случаѣ вліяніе ея непремѣнно исчезнетъ. „На мѣсто довѣрія явится недовѣрчивость, и чувство благорас- „положенія вамѣнится отвращеніемъ. Для поддержанія вліянія необ- „ходима также послѣдовательность въ дѣйствіяхъ. Кто льститъ „сегодня мнѣ, а завтра врагу моему, тотъ лишается общаго до- „вѣрія и уваженія; кто сегодня грозенъ, а завтра уступчивъ, „тотъ никому не страшенъ; кто, смѣло высказавъ свое требо- „ваніе, не окажетъ твердости въ поддержаніи его, а уступитъ „передъ сопротивленіемъ постороннихъ лицъ, тотъ подвергнетъ „себя заслуженному презрѣнію; кто предприметъ дѣло, не имѣя „подъ рукою достаточныхъ средствъ для достиженія своей цѣли, „тотъ выйдетъ изъ дѣла побитый и отброшенный. Въ сихъ „короткихъ строкахъ заключается исторія сношеній нашихъ съ „Востокомъ или, лучше сказать, съ Оттоманской имперіей въ те- „ченіе послѣдняго сорокалѣтія. Одинъ только пятилѣтній періодъ, „протекшій съ 1829 по 1833 годъ, составляетъ исключеніе изъ „общей жалкой картины нашихъ неудачъ на Востокѣ".

Авторъ записки рѣзко критикуетъ союзный русско-турецкій договоръ 1833 года, и нельзя не признать за этой критикой большой доли справедливости. Вмѣсто того, чтобы удовольство- ваться ослабленіемъ Оттоманской имперіи посредствомъ постепеннаго раздробленія ея на самостоятельныя государственныя единицы, мы пожелали сразу стать полными хозяевами на Босфорѣ, и наша дипломатія не нашла для этого лучшаго средства, какъ Ункіаръ-Искелесскій договоръ. „Въ С.-Петербургѣ", говоритъ по этому поводу Волковъ, „забыли, что Махмудъ не имѣлъ ни „силы, ни желанія, ни возможности привести когда-нибудь этотъ „договоръ въ исполненіе".

Необходимость, кромѣ того, являться въ глазахъ христіанскихъ народностей Оттоманской имперіи союзникомъ и „другомъ" султана и желаніе защищать повсюду, даже въ Турціи, установившіяся политическія и общественныя отношенія вызвали недружелюбныя къ намъ чувства почти во всемъ населеніи Балканскаго полуострова.

„Оттоманское правительство и мусульмане", пишетъ Волковъ, „почитали насъ людьми лукавыми, неловкими и слабыми. Въ глазахъ „христіанъ союзный договоръ съ Портой казался явной измѣной... „Въ Сербіи нашими ошибками мы отбивали смѣлость и духъ у „нашихъ приверженцевъ, а неприличными выходками противъ

„западной партіи раздражали сію послѣднюю до чрезвычайности, „не внушая ей ни малѣйшаго страха, ибо эта партія, подъ покро- „вительствомъ Турціи, Англіи и Франціи, никого не опасалась“... Когда въ Ѳессаліи, Эпирѣ и южной Албаніи усилилось эллин- ское народное движеніе, то „нашъ дворъ“, замѣчаетъ Волковъ, „наистрожайшимъ образомъ приказалъ своему представителю „въ Аѳинахъ объявить грекамъ, ѳессалійцамъ, эпиротамъ и „арнаутамъ, что султанъ есть его первый другъ и союзникъ, „и что, ежели кто изъ „помянутыхъ племенъ „дерзнетъ противъ „султана возстать, то „русская армія всту- „питъ въ ряды войскъ „султана“...

Видъ Константинополя
(съ франц. грав. нач. XVIII ст.).

Послѣ Адріано- польскаго мира ру- мыны были испол- нены благодарности къ Русскому Монарху. „Они“, по словамъ автора приводимыхъ записокъ, „называютъ „его отцомъ, возсо- „здателемъ ихъ утраченной народности, великимъ покровителемъ „восточныхъ христіанъ и, лаская себя тою обманчивою на- „деждою, что русское правительство не отступитъ впредь отъ „свободолюбивыхъ идей, коими проникнуты молдо-валахскія и „сербскія постановленія, устроенныя подъ личнымъ надзоромъ „русскихъ сановниковъ и одобренныя русскимъ дворомъ, пре- „даются всѣмъ сладкимъ мечтамъ обольщенныхъ людей. Но „эти мечты скоро разсѣиваются. Либеральная политика графа „Киселева уступаетъ мѣсто воздѣйствію, и это воздѣйствіе „тѣмъ сильнѣе тяготитъ на сербахъ и румынахъ, что осу- „ществленіе мыслей русскаго правительства поручается чинов- „никамъ второстепеннымъ... Агенты русскаго правительства сво- „ими гордыми пріемами оскорбляютъ личность и достоинство „князей, унижаютъ чувства народности, дѣлаются гонителями вся- „каго свободолюбиваго человѣка, объявляютъ неловкую войну „Западу, преслѣдуютъ того, кто не ихъ рабъ, превращаютъ дома

„свои въ вертепы интригъ и своей необдуманной готовностью „угождать Высочайшему Двору доводятъ всѣхъ благомыслящихъ „людей въ княжествахъ до отчаянія, такъ что народы, любившіе „Россію, какъ мать, исполняются непріязнею къ ихъ благотвори„тельницѣ".

Упомянувъ далѣе о нашихъ бѣглыхъ раскольникахъ и крѣпостныхъ, проживающихъ въ предѣлахъ Турціи, и присутствіе которыхъ за Дунаемъ не способствовало усиленію вліянія Россіи среди балканскихъ христіанъ, Волковъ отмѣчаетъ недружелюбное къ намъ отношеніе константинопольской православной церкви и ея патріарха. „Представитель Россіи есть въ глазахъ его есте„ственный покровитель православія на Востокѣ, но съ тѣмъ усло„віемъ, что онъ не дозволитъ себѣ ни запроса, ни разбора, ни „порицанія, ни надзора по дѣламъ Вселенской церкви... Патріархъ „и Синодъ боятся одной Порты и потому ей одной и хотятъ „угождать". Дѣло въ томъ, что, несмотря на частую смѣну патріарховъ, самостоятельность церкви въ ея внутреннемъ управленіи не нарушается; власть переходитъ изъ рукъ въ руки, но она остается все той же самостоятельной властью, относящейся крайне подозрительно ко всякому внѣшнему покровительству.

Таковы въ общемъ нѣсколько односторонніе выводы Волкова. Не удивительно, что наше вліяніе на турецкомъ Востокѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ признаетъ вліяніемъ мнимымъ. Оно таковымъ и было на самомъ дѣлѣ.

Глава VIII.

I.

Конецъ 1850 года былъ особенно знаменателенъ для Россіи. Истекало четверть вѣка со дня вступленія Императора Николая Павловича на престолъ, и современникамъ казалось, что Россія стала, по крайней мѣрѣ во внѣшней политикѣ, на вершинѣ могущества и блеска.

Министры привѣтствовали державнаго юбиляра отчетами обо всемъ, сдѣланномъ въ теченіе двадцатипятилѣтняго царствованія Государя по разнымъ отраслямъ управленія, и въ этомъ отношеніи былъ особенно примѣчателенъ отчетъ графа Нессельроде, неизмѣнно державшаго въ своихъ рукахъ въ продолженіе всего царствованія Императора Николая портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Блескъ славы Государя невольно долженъ былъ озарить и его постояннаго сотрудника по руководству внѣшней политикой.

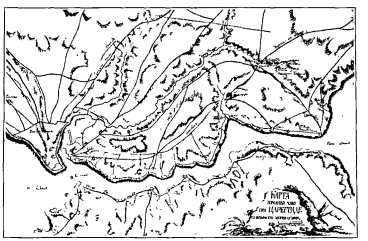
„Положеніе Россіи и ея Властелина“, писалъ графъ Нессельроде [1]), „не было съ 1814 года еще никогда столь блестящимъ и „столь великимъ“. Канцлеръ въ особенности настаивалъ на заслугахъ петербургскаго кабинета въ отношеніи охраненія пошатнувшагося историческаго порядка въ Европѣ, вызваннаго переворотами, которые произошли въ этой части свѣта, начиная съ 1830 года. Привѣтствуя Государя отъ лица всего міра, какъ представителя монархической идеи, охранителя началъ порядка и защитника европейскаго равновѣсія, онъ упоминалъ въ своемъ поздравленіи, что могучая рука Императора Николая давала себя

[1]) Приложеніе № 12.

чувствовать „повсюду, гдѣ колебались престолы, гдѣ подкопанное общество ослабѣвало подъ натискомъ возмутительныхъ ученій".

Одну изъ задачъ нашей политики графъ Нессельроде видѣлъ въ достиженіи разрыва „зловреднаго союза, который установился между іюльской Франціей и Англіей", или по крайней мѣрѣ въ обезпеченіи остальныхъ государствъ Европы отъ тѣхъ „пагубныхъ" идей, распространенію которыхъ содѣйствовали обѣ западныя державы.

Но нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи самоувѣренность канцлера была основана на очень зыбкомъ фундаментѣ.



Карта Босфорскаго пролива
(съ подлинника, принадл. кн. М. И. Кутузову-Смоленскому).

Графъ Нессельроде, какъ это было изложено выше [1]), полагалъ франко-британскій союзъ расторгнутымъ, благодаря подписанію лондонскихъ протоколовъ 1840 и 1841 годовъ о проливахъ, и былъ увѣренъ, что эти акты навсегда обезпечатъ безопасность нашихъ черноморскихъ береговъ. Онъ заявилъ объ этомъ въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ Государю и въ своемъ юбилейномъ отчетѣ, хотя, казалось бы, что имѣвшій мѣсто въ сентябрѣ 1849 года входъ англійской эскадры адмирала Паркера въ Дарданеллы, во время нашего спора съ Турціей о выдачѣ венгерскихъ и польскихъ выходцевъ, долженъ былъ бы убѣдить графа Нессельроде въ противномъ.

[1]) См. главу VII.

Канцлеръ вообще радужно смотрѣлъ на успѣхи нашей восточной политики. „Старательно избѣгая“, говоритъ онъ въ своемъ юбилейномъ докладѣ, „обязываться территоріальной гарантіей по „отношенію къ упадающему государству, чтобы этимъ не связать „впередъ будущности Россіи, Ваше Величество въ настоящемъ дер„жались всегда начала поддержки цѣлости оттоманскихъ владѣній, „такъ какъ сосѣдство этого государства при относительной его „слабости, которая явилась слѣдствіемъ нашихъ прежнихъ завое„ваній, представляется при настоящихъ условіяхъ наиболѣе удоб„нымъ для нашихъ коммерческихъ и политическихъ интересовъ“.

Бой русскихъ съ татарами у Перекопа (съ голл. грав. конца XVII ст.).

Переходя къ позднѣйшимъ, взволновавшимъ Европу событіямъ 1847—1849 годовъ, которыя не только уничтожили престолъ іюльской Франціи, но и „потрясли до самыхъ основаній наиболѣе „древнія и прочныя монархіи“, графъ Нессельроде рисуетъ въ слѣдующихъ словахъ поведеніе нашего кабинета въ эту тревожную эпоху:

„Со времени этого опустошительнаго кризиса“, пишетъ канцлеръ, „угрожавшаго нашей внутренней безопасности и оставив„шаго насъ въ Европѣ безъ союзниковъ, какъ между народами, „такъ и между правительствами, положеніе Вашего Император„скаго Величества стало еще болѣе высокимъ и могущественнымъ, чѣмъ было до того времени. Событія 1848 года возве„личили то призваніе охранителя, ту роль спасителя порядка,

„которую провидѣніе предназначило Вамъ съ 1830 года. Въ то „время, какъ Великобританія, ошибочно увлеченная своей эгоистич-„ной политикой, пользовалась общимъ хаосомъ, чтобы сѣять но-„выя зерна безпорядка, и проявляла свое могущество только при-„тѣсненіемъ малыхъ государствъ, Ваше Величество пользовались „своимъ могуществомъ лишь для того, чтобы вносить успокоеніе, „энергично возвышая голосъ въ пользу правыхъ и слабыхъ и „провозглашая уваженіе къ трактатамъ и къ освященнымъ ими „территоріальнымъ владѣніямъ".

Канцлерскій докладъ ссылался на усмиреніе нами Валахіи, на поддержку королевства Обѣихъ Сицилій противъ „злой воли" англійскаго правительства, на сохраненіе неприкосновенности Даніи противъ „грубыхъ притязаній" германской демократіи и противъ менѣе открытыхъ прусскихъ вожделѣній. Графъ Нессельроде не забылъ о нашей дипломатической поддержкѣ Австріи въ ея итальянскихъ дѣлахъ и о вооруженной помощи въ ея борьбѣ съ возставшими мадьярами. Упомянувъ далѣе о переговорахъ, которые двукратно происходили въ Варшавѣ въ 1850 году между вызванными туда Государемъ представителями Австріи и Пруссіи, канцлеръ поздравлялъ Императора Николая съ успѣхомъ въ достиженіи соглашенія между непримиримыми до того стремленіями обѣихъ нѣмецкихъ державъ и со спасеніемъ такимъ образомъ Германіи отъ новой тридцатилѣтней войны, а Европы отъ всеобщаго потрясенія. „Въ теченіе четверти вѣка", такъ заканчивалъ графъ Нессельроде свое поздравленіе, „Ваше Величество пріобрѣли много „данныхъ для благодарности Европы. Но, я не боюсь этого ска-„зать, юбилейный годъ Вашей дѣятельности оказался самымъ „славнымъ, если истинная слава государей главнымъ образомъ „основана на проявленіи благодѣтельнаго вліянія на судьбы міра „въ интересахъ спокойствія всего свѣта".

Краткій юбилейный докладъ канцлера яркими красками рисуетъ основные принципы политики петербургскаго кабинета, которымъ онъ придерживался въ послѣднія двадцать лѣтъ царствованія Императора Николая. Въ основу ея, съ одной стороны, ложилось „спокойствіе человѣчества", т.-е. обезпеченіе мирной, не смущаемой никакими новшествами жизни европейскихъ государствъ и народовъ, а, съ другой — обереганіе слабой, „падающей" Турціи, не связывая, однако, этимъ обереганіемъ будущности Россіи, а готовясь, наоборотъ, къ моменту неминуемой смерти улегшагося у береговъ Босфора „больного человѣка".

Повидимому, графъ Нессельроде и не подозрѣвалъ, каковы будутъ конечные результаты такой политики. Правда, онъ упоминаетъ въ своемъ отчетѣ о томъ, что мы остались въ Европѣ безъ союзниковъ, „какъ между народами, такъ и между правительствами“, но эта „splendid isolation“ ему казалась лишь возвеличивающей могущество и блескъ Россіи. Наши дипломаты были убѣждены, что все идетъ къ лучшему и радужными снами убаюкивали олимпійское спокойствіе канцлера.

Въ особенности достойны вниманія въ этомъ отношеніи депеши барона Брунова изъ Лондона, которыя производили впечатлѣніе, совершенно не соотвѣтствовавшее дѣйствительному положенію дѣлъ. Всѣ донесенія барона отличались особымъ покровительственно-снисходительнымъ тономъ касательно Англіи, ея политики и ея государственныхъ людей; одержимый большимъ самомнѣніемъ, чрезмѣрно увлеченный неотразимой силой своего краснорѣчія и слога, баронъ Брунновъ не замѣчалъ печальной дѣйствительности и держалъ въ заблужденіи наше правительство.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя наша нота о незаконности принудительнаго воздѣйствія Великобританіи на слабую Грецію по поводу дѣла еврея Пачифико [1]) и произвела нѣкоторое нравственное впечатлѣніе на англійское общественное мнѣніе, но никакого практическаго результата она не имѣла. Въ отвѣтѣ отъ 2 апрѣля 1850 года лордъ Пальмерстонъ опровергалъ обвиненіе въ злоупотребленіи силою и доказывалъ законность предъявленныхъ Греціи требованій. Вторая нота графа Нессельроде по этому же дѣлу вызвала даже рѣзкій отпоръ, сдѣланный благороднымъ лордомъ нашему посланнику. „Вы насъ учите, какъ учатъ маленькихъ дѣтей“, воскликнулъ онъ барону Брунову, „и обращаетесь съ нами, какъ съ дѣтьми!“ [2]). Русскій посолъ удовольствовался этимъ выраженіемъ, находя, что продолжать разговоръ безполезно [3]).

Вообще баронъ Брунновъ въ своихъ сношеніяхъ съ лондонскимъ кабинетомъ довольствовался сознаніемъ, что англійскіе министры — люди безтолковые. По его мнѣнію, они были упрямцы, зараженные „странностью англійскаго духа“, въ силу котораго хотѣли одного, а поступали совершенно противоположно своему желанію [4]). Баронъ Брунновъ считалъ большимъ успѣхомъ съ своей

---

[1]) См. главу VII.

[2]) „Vous nous faites la leçon comme on la fait aux enfants et vous nous traitez comme tels“.

[3]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде 23 апрѣля 1850 года.

[4]) Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ“, т. XII, стр. 256.

стороны, когда услышалъ отъ лорда Лэнсдоуна по дѣлу Пачифико заявленіе, что подобная исторія больше не повторится, „такъ какъ „англійскому правительству и безъ того много хлопотъ".

Но Императора Николая Павловича не такъ-то легко было удовлетворить, какъ его представителя въ Лондонѣ; Государь не скрывалъ, что однихъ словъ для него недостаточно, что ему нужны и дѣла. Къ сожалѣнію, изъ-за стилистическихъ упражненій нашихъ дипломатовъ дѣлъ совсѣмъ не было видно; ихъ увидали въ Петербургѣ лишь тогда, когда вспыхнула война съ Турціей, и послѣдовалъ разрывъ съ западными державами.

Дизраэли
(съ англ. грав.).

Баронъ Брунновъ былъ убѣжденный или, можетъ-быть, кажущійся сторонникъ обособленности Россіи не только въ нравственномъ и умственномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи; по крайней мѣрѣ онъ таковымъ выставлялъ себя въ донесеніяхъ графу Нессельроде, которыя всегда читались Императоромъ Николаемъ. Яркой иллюстраціей взглядовъ этого, наиболѣе знаменитаго изъ нашихъ дипломатовъ середины прошлаго столѣтія, можетъ служить слѣдующій, повидимому, пустой фактъ: въ началѣ 1851 года въ Лондонѣ устраивалась первая международная выставка, и баронъ Брунновъ настойчиво просилъ канцлера, насколько возможно, ограничить выдачу заграничныхъ паспортовъ, увѣряя [1]), что русскимъ подданнымъ нечего дѣлать въ Лондонѣ на выставкѣ. „Ничему полезному они здѣсь не научатся", писалъ нашъ посланникъ [2]), „среди общаго съѣзда авантюристовъ и „революціонныхъ промышленниковъ, собирающихся въ Лондонѣ „отовсюду". Это разсужденіе вызвало помѣтку Государя: „C'est „aussi mon opinion", на которую, по всей вѣроятности, и было разсчитано.

---

[1]) Донесеніе отъ 22 января 1851 года.
[2]) Татищевъ: „Внѣшняя политика Императора Николая I", стр. 269.

Окружавшая Императора Николая среда и обособленность нашего правительства рельефно выказались въ вышеприведенныхъ словахъ. Изъ опасенія вліянія революціонныхъ идей на болѣе образованную часть русскаго общества мы отказывались даже отъ знакомства съ чисто матеріальнымъ прогрессомъ Европы.

Баронъ Брунновъ часто бесѣдовалъ съ престарѣлымъ лордомъ Веллингтономъ, который „сокрушался о деморализаціи англійскаго „народа и предсказывалъ ему всевозможныя бѣдствія“ [1]). Онъ не одобрялъ поведенія великобританскаго правительства, которое давало у себя пріютъ политическимъ эмигрантамъ, а между тѣмъ подобная дѣятельность лондонскаго кабинета съ особенной силой проявилась послѣ смутнаго періода 1847—1849 годовъ: итальянскій революціонеръ Мадзини открылъ въ Лондонѣ публичную подписку на заемъ для новаго возстанія въ Италіи; Кошутъ совершалъ тріумфальное путешествіе по англійскимъ городамъ, а выходцы изъ всѣхъ странъ находили тамъ широкое гостепріимство и средства для своей пропаганды.

Графъ Нессельроде настойчиво приказывалъ барону Бруннову энергично протестовать противъ образа дѣйствій великобританскаго правительства и противъ „вопіющаго нарушенія имъ международ„наго права“. Но лордъ Пальмерстонъ не обращалъ никакого вниманія на наши протесты, а нашъ посолъ утѣшалъ себя мыслью, что всему виною лишь этотъ сварливый англійскій министръ, и что съ его уходомъ наступитъ перемѣна къ лучшему.

Баронъ Брунновъ радовался назначенію въ началѣ 1851 года посломъ въ Петербургъ сэра Гамильтона Сеймура, вмѣсто предложеннаго Пальмерстономъ лорда Коулэя, и рекомендовалъ новаго посла, какъ „дипломата старой англійской школы, которая не„сравненно выше новой“ [2]). Подъ старой школой нашъ посолъ разумѣлъ представителей идей Вѣнскаго конгресса, которые заполняли свои донесенія, вмѣсто точныхъ свѣдѣній и фактовъ, безконечными повтореніями упомянутыхъ идей и стилистическими тонкостями.

Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ не оправдалъ, однако, ожиданій барона Бруннова. Сравнивая депеши этихъ двухъ выдающихся представителей среди нашихъ и англійскихъ дипломатовъ того времени, легко убѣдиться, что они принадлежали къ совершенно

---

[1]) Татищевъ: „Внѣшняя политика Императора Николая I“, стр. 271.
[2]) Тамъ же, стр. 274.

разнымъ школамъ. Нашъ лондонскій представитель не пропускалъ случая пощеголять общими идеями и характеристиками лицъ и фактовъ съ точки зрѣнія, наиболѣе подходящей ко взглядамъ Государя [1]). Вызванный въ Петербургъ въ 1851 году, баронъ Брунновъ написалъ цѣлый рядъ записокъ по разнымъ текущимъ политическимъ вопросамъ. Въ одной изъ нихъ онъ высказывалъ общее мнѣніе, что англійское правительство не думаетъ о будущемъ; по его словамъ, это вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру англійской администраціи, во главѣ которой находится первый министръ, могущій разсчитывать остаться у кормила правленія не болѣе какъ въ теченіе пяти лѣтъ. „Въ подобномъ взглядѣ“, продолжаетъ баронъ Брунновъ, „есть что-то узкое и глубоко „эгоистичное, что должно быть противно нашему кабинету, виды „котораго болѣе простираются къ будущему, такъ какъ у насъ „власть убѣждена въ своей продолжительности... Глава англій- „скаго кабинета заботится о выполненіи своего долга только въ „теченіе того времени, которое опредѣляется границами его пар- „ламентскихъ полномочій“ [2]).

Такимъ образомъ нашему дипломату казалось, что Англія не имѣетъ никакой постоянной опредѣленной политики, и что все зависитъ отъ личнаго взгляда министра и срока его парламентскаго полномочія. Онъ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о силѣ общественнаго мнѣнія, ни о сознаніи англійскимъ обществомъ и парламентомъ жизненныхъ задачъ и цѣлей націи. Мы совершенно упускали изъ виду, что въ основныхъ вопросахъ внѣшней политики англійскіе государственные люди самыхъ различныхъ партій держались одного и того же мнѣнія, что Веллингтонъ и Пиль съ одной стороны, а Пальмерстонъ и Мельбурнъ съ другой, хотя и принадлежали къ противоположнымъ политическимъ лагерямъ, говорили и поступали одинаково, когда дѣло касалось Ункіаръ-Искелесскаго договора или египетскаго вопроса. Думать, какъ думалъ баронъ Брунновъ, что англійскій образъ правленія „ставитъ личную политику министровъ на мѣсто госу-

---

[1]) Для характеристики барона Брунова весьма цѣннымъ матеріаломъ являются всѣ его донесенія, хранящіяся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, и частная переписка съ графомъ Нессельроде, хранящаяся въ Государственномъ Архивѣ.

[2]) „Dans cette manière de voir il y a quelque chose d'étroit et de profondément égoïste, „qui doit répugner à notre Cabinet dont les vues portent sur l'avenir, parce que le pouvoir chez „nous a la conviction de sa permanence... Le chef du cabinet anglais ne s'acquitte que de son „devoir ministériel pour la durée du temps qui constitue pour lui la limite de son mandat „parlementaire“.

„дарственной“ [1]), значило глубоко заблуждаться относительно условій англійской государственной жизни. Это заблужденіе, во многомъ раздѣляемое и въ Петербургѣ, было одной изъ причинъ нашей неподготовленности къ послѣдовавшему въ 1854 году разрыву съ Англіей.

Лордъ Пальмерстонъ (съ англ. грав. на стали).

Интересно сопоставить вышеприведенное мнѣніе барона Бруннова со слѣдующими словами извѣстнаго англійскаго историка Крымской войны [2]). „Народъ, какъ „и государь, можетъ подчи„ниться воинственной стра„сти и потребовать отъ са„мыхъ миролюбивыхъ мини„стровъ исполненія его на„сильственныхъ приказаній. Но въ общемъ интересы, страсти и „слабости, влекущіе къ войнѣ, скорѣе могутъ возникнуть въ „одномъ человѣкѣ, чѣмъ въ собраніи общественныхъ дѣятелей, „именуемомъ министерствомъ. Правда, такой кабинетъ также „будетъ раздѣлять чувства справедливаго народнаго озлобленія, „но онъ не легко подчинится чувству фанатизма, тщеславія, „нетерпѣнія или страха, такъ какъ, если одинъ изъ членовъ „кабинета и будетъ обуреваемъ этими недостатками, то опас„ность можетъ быть часто устранена общимъ совѣщаніемъ“. Далѣе англійскій историкъ переходитъ къ характеристикѣ такихъ отвѣтственныхъ министровъ, которые, по его нѣсколько одностороннимъ словамъ, являются, въ отличіе отъ министровъ монархій, дѣятелями въ области общественной. „У нихъ имѣются „близкія и постоянныя связи съ людьми таланта и дѣла, ко„торые во всѣхъ великихъ государствахъ составляютъ постоян-

[1]) „.....substitue une politique personnelle à une politique d'Etat“. Мартенсъ: „Собраніе трактатовъ“, т. XII, стр. 275.

[2]) Kinglake: „L'invasion de la Crimée“. T. I.

„ный составъ правительствъ; поэтому даже если бы такой ми-„нистръ былъ новичкомъ на своемъ посту, то во всякомъ случаѣ „онъ близко знаетъ великіе завѣты страны и чувствуетъ, въ чемъ „состоятъ ея истинные интересы".

Дѣятельность лорда Пальмерстона представлялась барону Бруннову отрывочной и непослѣдовательной, и онъ даже не подозрѣвалъ ея связи съ настроеніемъ и чувствами англійской націи. Вообще дипломаты „старой школы" не обращали никакого вниманія на эти чувства; для нихъ существовали только ихъ кабинеты, переговоры, трактаты и ноты — народовъ и исторіи они не видѣли.

Лордъ Пальмерстонъ, увлеченный своею популярностью, вступилъ въ декабрѣ 1851 года въ тайные переговоры съ французскимъ представителемъ и, не посовѣтовавшись даже со своими товарищами по министерству, призналъ переворотъ, совершенный во Франціи принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ. Такой самовольный поступокъ вызвалъ отставку всемогущаго министра [1]). Баронъ Брунновъ считалъ его окончательно сошедшимъ съ политической сцены [2]), въ доказательство чего приводилъ даже слова одного изъ своихъ вліятельныхъ пріятелей въ Лондонѣ, который увѣрялъ, что Пальмерстонъ будетъ послѣднимъ, къ которому королева обратится для сформированія кабинета.

Нашъ посолъ не упустилъ при этомъ случаѣ составить даже „для сохраненія въ нашихъ государственныхъ архивахъ" очень интересный документъ, представляющій нѣчто въ родѣ некролога лорда Пальмерстона, написаннаго барономъ Брунновымъ подъ впечатлѣніемъ его отставки [3]).

Упомянувъ о томъ, что въ теченіе сорокатрехлѣтней своей дѣятельности лордъ Пальмерстонъ былъ членомъ палаты

---

[1]) Баронъ Брунновъ, говоря въ своей депешѣ канцлеру отъ 19 (31) декабря 1851 года, № 187, объ отставкѣ лорда Пальмерстона, приводитъ слѣдующій мелкій, но ярко характеризующій несимпатичную личность этого министра фактъ. Послѣ своей отставки Пальмерстонъ отказался передать, государственную печать своему преемнику, лорду Гренвилю, или кому-либо другому, кромѣ королевы. Въ назначенный королевой часъ пріема Пальмерстонъ не прибылъ, и она, уже привыкшая къ постояннымъ опаздываніямъ лорда, прождала его на этотъ разъ цѣлый часъ, но Пальмерстонъ не пожаловалъ вовсе. Обида королевы Викторіи еще больше увеличилась, когда Пальмерстонъ *прислалъ* печать, не потрудившись вручить ее лично. (Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852, I).

[2]) Депеши отъ 19 (31) декабря 1851 года и 15 (27) января 1852 года. Въ послѣдней депешѣ баронъ Брунновъ замѣчаетъ, впрочемъ, въ выноскѣ, что французскій посланникъ, графъ Валевскій, держится по этому поводу другого мнѣнія. „Nous verrons", самодовольно прибавляетъ баронъ Брунновъ. (Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852, I—IV).

[3]) Этотъ документъ помѣщается въ приложеніи № 29.

общинъ и тридцать четыре года занималъ важные государственные посты, баронъ Брунновъ замѣчаетъ, что этимъ онъ обязанъ своему девизу „flecti non frangi“ — гнуть безъ ломки. Но всему есть конецъ; Пальмерстонъ палъ, и „можно сказать“, пишетъ нашъ дипломатъ, „что судьба, измѣнивъ ему среди столкновенія раз„личныхъ интересовъ, взяла на себя задачу научить его великой „истинѣ, что нѣтъ ничего болѣе губительнаго и болѣе рокового „для всякаго государственнаго человѣка, какъ отсутствіе принци„повъ. У лорда Пальмерстона ихъ не было“.

Однако, баронъ Брунновъ не отрицалъ за безпринципнымъ министромъ нѣкоторыхъ руководящихъ идей. Пальмерстонъ, какъ общественный дѣятель, „обладалъ въ высшей мѣрѣ духомъ господ„ства. По его мнѣнію, въ Европѣ не было никого, кромѣ Англіи, „кто былъ бы призванъ господствовать надъ міромъ. Все должно „было уступать передъ этой страстью, для которой онъ жертво„валъ самыми важными соображеніями, относящимися къ охра„ненію общественнаго порядка. Часто задавали себѣ вопросъ, „почему онъ старался съ такимъ жаромъ навязать другимъ пред„ставительный образъ правленія? Причина этому была очень про„стая. Онъ повсюду старался ослабить верховную власть, чтобы „государства, сдѣлавшіяся, благодаря этому, менѣе сильными и „менѣе независимыми въ своихъ дѣйствіяхъ, стали болѣе доступ„ными англійскому вліянію. Это было мечтой его честолюбія“. Баронъ Брунновъ не замѣчалъ, что въ Англіи также дѣйствовалъ представительный режимъ.

Другой цѣлью политики лорда Пальмерстона было „сдѣлать „Францію орудіемъ англійскаго преобладанія на континентѣ, не „позволяя, однако, ей преслѣдовать свою самостоятельную по„литику“. Этимъ нашъ дипломатъ объясняетъ, почему Пальмерстонъ былъ „поочередно врагомъ, союзникомъ, противникомъ и помощ„никомъ всѣхъ чередовавшихся во Франціи правительствъ..... „Республика пугала его не тѣми несчастіями, которыя она пред„вѣщала Европѣ, а тѣмъ значеніемъ, которое она могла придать „Франціи, если бы движеніе умовъ предоставило ей преобла„дающее вліяніе на континентѣ. Вотъ здѣсь-то всѣ расчеты „лорда Пальмерстона и оказались неправильными (commencé par „porter tous à faux). Онъ рѣшилъ, что для того, чтобы не позво„лить республиканской Франціи играть первую роль на конти„нентѣ, Англіи необходимо опередить ее и стать во главѣ общаго „движенія въ Европѣ. Въ этомъ заблужденіи“, заключаетъ баронъ

Брунновъ, „я нахожу причины политическихъ ошибокъ, совер-
„шенныхъ лордомъ Пальмерстономъ сначала въ Италіи, а потомъ
„и по отношенію венгерскихъ дѣлъ“.

Взглядъ нашего лондонскаго представителя вполнѣ раздѣлялся и графомъ Нессельроде. „Вы не можете ошибаться, баронъ“, писалъ онъ Бруннову [1]), „во впечатлѣніи, которое здѣсь произвело паде-
„ніе лорда Пальмерстона. Послѣ той ожесточенной борьбы, которую
„мы должны были выдержать противъ Пальмерстона, послѣ всего
„того зла, которое принесла Европѣ его суетливая и пристрастная
„политика, мы не можемъ достаточно нарадоваться, видя, что руко-
„водство внѣшней политикой Англіи перешло въ другія руки“ [2]).

Дипломаты старой школы, виднымъ представителемъ которой былъ баронъ Брунновъ, какъ бы не замѣчали, что западная Европа преобразуется въ силу присущей ей исторической необходимости, и если при этомъ, по выраженію графа Нессельроде, колебались „даже самыя старыя и почтенныя монархіи“, то только потому, что ихъ правительства не были на высотѣ новыхъ условій жизни западно-европейскаго общества.

II.

„Французская революція 1848 года“, говоритъ извѣстный историкъ современной Европы Сеиньобасъ [3]), „состояла въ рас-
„ширеніи политическихъ правъ на всѣхъ взрослыхъ французовъ;
„она однимъ толчкомъ перевела Францію отъ правленія, осно-
„ваннаго на извѣстномъ цензѣ избирателей, къ правленію демо-
„кратическому и совершила рѣзкій переворотъ въ условіяхъ
„политической жизни. Іюльская монархія предоставляла всю власть
„въ управленіи немногочисленному классу обладателей имуще-
„ственнаго ценза; вся политическая жизнь страны сосредоточи-
„валась въ собраніяхъ двухсотфранковыхъ избирателей, въ палатѣ,
„министрахъ и королѣ; остальная нація не принимала въ этой
„жизни никакого участія“.

---

[1]) Отъ 15 января 1852 года, № 23. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852.

[2]) „Vous ne pouviez vous méprendre, M. le B^{on}, sur l'impression que devait produire
„ici la chute de Ld Palmerston. Après les luttes si animées que nous avons eues à soutenir contre
„lui, après tout le mal qu'a fait en Europe sa politique tracassière et passionnée, on conçoit que
„nous ne saurions assez nous féliciter de voir remise en d'autres mains la direction de la politique
„extérieure de l'Angleterre“.

[3]) Seignobas: „Histoire politique de l'Europe contemporaine“, p. 142.

Революція совершилась неожиданно, и вначалѣ никто не зналъ, къ чему приведутъ уличные безпорядки, происшедшіе въ первые дни смуты. Даже руководители тайныхъ обществъ, бывшіе свидѣтелями безпорядковъ 22 февраля, заявляли, что революція невозможна, а 24 числа отъ правительства короля Людовика-Филиппа уже ничего не осталось. На слѣдующій день новое временное правительство провозгласило республику, при чемъ было созвано Учредительное собраніе, которое было избрано всеобщей подачей голосовъ по кантонамъ и состояло изъ 900 членовъ. Новому правительству пришлось на первыхъ порахъ бороться съ партіей соціалистовъ, особенно сильной въ Парижѣ, но движеніе это было скоро подавлено генераломъ Кавеньякомъ, послѣ кровопролитнаго боя на улицахъ столицы.

Конституція, выработанная Учредительнымъ собраніемъ, передавала законодательную власть особой палатѣ изъ 750 членовъ, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ, а исполнительная власть вручалась на четыре года президенту республики, которому, на подобіе президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, предоставлялось право избирать своихъ министровъ. При этомъ очень долго спорили о томъ, кѣмъ долженъ былъ выбираться президентъ республики, всеобщимъ голосованіемъ или законодательнымъ собраніемъ. Ламартинъ защищалъ первый способъ, и Учредительное собраніе согласилось съ его доводами. Предложеніе отстранить отъ выбора въ президенты членовъ царствовавшихъ во Франціи династій было отклонено, и 10 декабря 1848 года избраннымъ оказался принцъ Шарль-Луи-Наполеонъ Бонапартъ, получившій 5.400.000 голосовъ противъ 1.400.000 голосовъ, поданныхъ за генерала Кавеньяка, и 370.000 голосовъ за кандидата соціалистовъ Ледрю-Роллена.

Новый президентъ французской республики родился въ апрѣлѣ 1808 года, въ періодъ наибольшей славы своего великаго дяди. Онъ былъ сынъ Людовика Бонапарта, въ то время короля Голландіи, и Гортензіи-Евгеніи Богарнэ, падчерицы императора Наполеона I.

По отзывамъ близкихъ лицъ, король Людовикъ былъ человѣкъ способный и образованный, но отличался странностями характера, которыя отчасти объясняются постигшей его въ ранней молодости весьма докучливой болѣзнью [1]). Королева Гортензія,

[1]) Ferdinande Girandau: „Napoléon III intime“, p. 12.

креолка, получившая свѣтское воспитаніе въ духѣ восемнадцатаго вѣка, не была чужда, при открытомъ характерѣ и высокомъ благородствѣ, фривольныхъ увлеченій, которыя давали нѣкоторыя основанія предположеніямъ о внѣбрачномъ происхожденіи будущаго императора французовъ. Отсутствіе короля Людовика при рожденіи и крещеніи Луи-Наполеона являлось какъ бы подтвержденіемъ упомянутыхъ предположеній [1]), но, съ другой стороны, извѣстно также, что въ іюнѣ 1807 года король и королева

Королева Гортензія (съ рис., сдѣланн. ею самой).

голландскіе жили вмѣстѣ въ тихомъ уединеніи въ Пиринеяхъ, въ Котерэ, и лицо, на которое впослѣдствіи указывала молва, было въ то время имъ до такой степени чуждо, что королю и королевѣ его представилъ мѣстный префектъ. Извѣстно также, что воспреемниками молодого принца были императоръ и императрица, и Наполеонъ I всегда относился къ сыну королевы Гортензіи, какъ къ законному представителю своего дома; въ 1815 году онъ прощался съ нимъ въ Мальмезонѣ съ особой нѣжностью и любовью.

---

[1]) Майковъ: „Гортензія Богарнэ". Русск. Стар., 1900 г., стр. 594 и слѣд.

Послѣ паденія имперіи Наполеона I, королева Гортензія, принявшая титулъ герцогини Сенъ-Лё (de Saint-Leu), принуждена была покинуть Францію и поселиться, съ разрѣшенія союзныхъ державъ, въ Швейцаріи, въ кантонѣ Санъ-Галленъ, безъ права выѣзда оттуда. Однако, швейцарское правительство отказало герцогинѣ въ гостепріимствѣ, и ей пришлось поочередно имѣть пребываніе въ Констанцѣ, въ Аугсбургѣ, въ Баваріи и, наконецъ, съ 1817 года въ виллѣ Арененбергъ, въ швейцарскомъ кантонѣ Тургау (Thurgovie).

Принцъ Людовикъ-Наполеонъ, будущій Имп. Наполеонъ III, въ 6-льтн. возр. (съ франц. мин. того времени).

Здѣсь протекла ранняя юность принца Луи, изрѣдка уѣзжавшаго къ отцу во Флоренцію, на смѣну старшаго брата, Наполеона, который постоянно находился при королѣ Людовикѣ и только на нѣсколько недѣль въ году пріѣзжалъ въ Арененбергъ.

Постоянное общество матери несомнѣнно должно было оказать очень большое вліяніе на характеръ молодого принца. Подобно королевѣ Гортензіи, ея сынъ отличался наружнымъ спокойствіемъ, любезнымъ обхожденіемъ, мечтательностью и нѣкоторой нерѣшительностью въ дѣйствіяхъ. Необыкновенная, почти сказочная судьба его дяди естественно вызывала въ принцѣ Луи чувства глубокаго удивленія и неопредѣленной

грусти, которыя особенно рѣзко проявились при полученіи извѣстія о смерти Наполеона I. Для мечтательности открывался широкій просторъ. Исторія народовъ казалась калейдоскопомъ событій, направляемыхъ рокомъ, который выдающіяся роли предоставлялъ своимъ избранникамъ. Принцъ сталъ вѣрить въ предопредѣленіе, въ „свою судьбу", въ „звѣзду", которая должна поставить его во главѣ всемірной исторической драмы [1]).

Онъ, подобно своему геніальному дядѣ, искалъ случая выдвинуться и въ 1829 году хотѣлъ поступить волонтеромъ въ нашу армію, но намѣреніе это не было осуществлено не только вслѣдствіе нежеланія Императора Николая, но и вслѣдствіе рѣшительнаго отказа короля Людовика, который писалъ сыну, что, „кромѣ „случая законной защиты, т.-е. кромѣ случая защиты своего „отечества, война есть варварство и жестокость, отличающаяся „отъ жестокости дикарей и звѣрей лишь большимъ искусствомъ „и хитростью. Можно участвовать въ войнѣ только ради своей „страны".....

Въ 1830 году оба сына короля Людовика, Наполеонъ и Луи, приняли дѣятельное участіе въ революціонныхъ безпорядкахъ, вызванныхъ итальянскими конституціоналистами. Принцами при этомъ руководило желаніе пробить первую брешь въ столь ненавистной имъ системѣ 1815 года, воскресить въ Италіи завѣты французской революціи, которую они отожествляли съ наполеоновскимъ цезаризмомъ. Старшаго изъ братьевъ ждала смерть отъ болѣзни, въ Форли, а младшій, Луи, долженъ былъ, послѣ усмиренія возстанія, вернуться въ Арененбергъ. Здѣсь онъ предался литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ были „Rêveries politiques", и продолжалъ посѣщать артиллерійскую школу въ Тунѣ (Thoune).

Въ 1833 году принцъ Луи отправился въ Англію для свиданія со своимъ дядей, графомъ Сюрвилье, т.-е. королемъ Іосифомъ, который послѣ смерти герцога Рейхштадтскаго остался

---

[1]) Эту черту Луи-Наполеона подмѣтилъ и баронъ Брунновъ. „Ce qui me frappe surtout", писалъ онъ канцлеру въ концѣ 1851 года, „c'est que le prince Louis, dominé en toute chose „par une pensée de prédestination, se croye obligé de marcher sur les traces de son oncle, „guidé comme lui par une certaine fatalité. Je me souviens un jour l'avoir entendu parler „de *son étoile* comme d'une destinée qui devait irrévocablement l'amener au pouvoir. Il m'a dit „cela à Londres longtemps avant son élection.....

„Cela cesse d'être de la politique", кончаетъ баронъ Брунновъ; „c'est de l'astrologie".....

(Изъ депеши къ канцлеру отъ 26 декабря 1851 года, № 199. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852, I).

главой дома Бонапартовъ, а по возвращеніи изъ этой поѣздки продолжалъ свои занятія исторіей, изучая особенно усердно ея наполеоновскій періодъ во Франціи. Въ то же время принцъ не забывалъ и любимой имъ артиллеріи; въ 1834 году имъ былъ даже изданъ учебникъ артиллеріи, который доставилъ автору почетный чинъ капитана федеральной артиллеріи.

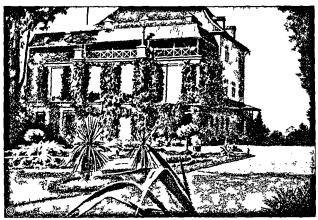
Въ 1835 году возникъ проектъ женить принца Луи-Наполеона на португальской королевѣ донѣ Маріи. По мысли друзей, португальскій престолъ долженъ былъ служить принцу первой ступенью къ будущему императорскому престолу. Но Луи-Наполеонъ не поддался искушенію и замѣтилъ, что это слишкомъ кружная дорога, и что онъ предпочитаетъ прямую [1]). Къ тому же принцъ въ это время увлекался своей кузиной, принцессой Матильдой, дочерью короля Жерома; однако, предполагаемый обѣими сторонами бракъ не состоялся по причинамъ матеріальнаго характера.

Эта неудача еще болѣе обострила въ Луи-Наполеонѣ чувство нелюбви къ тогдашнему французскому правительству, которое изгнало изъ отечества и унизило семью великаго императора. Въ умѣ мечтательнаго принца, подогрѣтомъ и практическими соображеніями, уже тогда зародилась мысль послѣдовать примѣру возвратившагося съ острова Эльбы дяди, явиться во Францію, увлечь армію и страну славными воспоминаніями и совершить новый государственный переворотъ. Въ концѣ октября 1836 года Луи-Наполеонъ прибылъ въ Страсбургъ, гдѣ его уже ожидалъ полковникъ артиллеріи Водре, который убѣдилъ своихъ подчиненныхъ, что въ Парижѣ вспыхнула революція, и что король свергнутъ съ престола. Посланные полковникомъ Водре патрули арестовали дивизіоннаго генерала и префекта, а принцъ Луи-Наполеонъ, одѣтый въ историческій костюмъ „императора“, отправился со своимъ „штабомъ“ въ казармы 46-го полка. Но здѣсь солдаты не такъ легко поддались убѣжденію, что передъ ними находится настоящій императоръ, а когда въ казарму вбѣжалъ командиръ полка, подполковникъ Таландье, то дѣло претендента было совершенно проиграно. Рѣшительный командиръ прямо направился къ „императору“. „Въ одну минуту“, говоритъ официальный рапортъ генерала Вуароля, „Луи-Наполеонъ Бона-„партъ и негодяи, принявшіе его сторону, были арестованы, а

[1]) Girandau, p. 51.

„ордена, въ которые они нарядились, были сорваны солдатами „46-го полка“ [1]).

Принца арестовали и отправили въ Парижъ; туда же поспѣшила и королева Гортензія, которая обратилась къ королю Людовику-Филиппу съ просьбой о помилованіи ея сына. Съ своей стороны, король вовсе не желалъ усиливать возбужденія, которое страсбургская исторія вызвала въ населеніи. Онъ ограничился отправкою принца Луи-Наполеона безъ всякаго суда въ Америку на суднѣ „Андролида“. Принцъ протестовалъ противъ отдѣленія его отъ сотоварищей по неудавшемуся предпріятію и просилъ милости короля для „увлекшихся „славными воспомина„ніями старыхъ солдатъ, „судьбу которыхъ онъ, „единственный винов„никъ, раздѣлить не „можетъ“ [2]).



Замокъ Арененбергъ.

По прибытіи въ Америку принцу стало извѣстно, что полковникъ Водре и другіе участники страсбургскаго покушенія были оправданы ассизнымъ судомъ; это извѣстіе, независимо отъ радости за спасеніе товарищей неудавшагося предпріятія, служило Луи-Наполеону доказательствомъ чувствъ націи, которыя оказались весьма благопріятными для осуществленія замысловъ американскаго изгнанника.

Принцъ не остался долго за океаномъ. Извѣстіе о тяжелой болѣзни королевы Гортензіи заставило его покинуть Соединенные Штаты въ іюнѣ 1837 года и прибыть въ августѣ въ Арененбергъ. Въ началѣ октября королева скончалась, и французское правительство, не видя болѣе причинъ для пребыванія Луи-Наполеона въ Швейцаріи, просило федеральное правительство объ его удаленіи. Вскорѣ просьба смѣнилась требованіемъ, под-

[1]) Kinglake, t. I, p. 184.
[2]) Girandau, p. 61.

держаннымъ приблизившимся къ швейцарской границѣ двадцатитысячнымъ корпусомъ. Но королева Гортензія и ея сынъ во время своего продолжительнаго пребыванія въ Швейцаріи снискали большую привязанность жителей этой страны, которые съ тѣхъ поръ, какъ принцъ принялъ поднесенное ему въ 1832 году званіе почетнаго гражданина Тургаускаго кантона, считали его своимъ соотечественникомъ.

Швейцарцы не испугались угрозъ и уже готовились къ войнѣ съ могущественнымъ сосѣдомъ, но принцъ рѣшился предупредить столкновеніе и переселился въ Англію. Его пребываніе въ этой странѣ имѣло весьма серіозныя послѣдствія. Связи, которыя Луи-Наполеонъ создалъ себѣ за время своего пребыванія въ англійскомъ обществѣ и въ политическихъ сферахъ, помогли ему черезъ много лѣтъ укрѣпить единеніе между Великобританіей и Франціей и устранить мѣшающее этому единенію обоюдное недовѣріе [1]).

Между тѣмъ страсбургская неудача не охладила у Луи-Наполеона вѣры въ его звѣзду, и во время пребыванія въ Лондонѣ онъ продолжалъ изыскивать средства произвести во Франціи государственный переворотъ. Принцъ воспользовался пребываніемъ въ Лондонѣ генералъ-адъютанта Шильдера и всѣми силами старался съ нимъ познакомиться; однако, Шильдеръ, зная нерасположеніе Государя къ претенденту, по мѣрѣ возможности уклонялся отъ этого знакомства. Но случай свелъ ихъ, и Луи-Наполеонъ, высказавъ тѣ высокія чувства, которыя ему внушала личность Императора Николая, просилъ Шильдера доложить Государю, что одного его слова будетъ достаточно, чтобы онъ, Луи-Наполеонъ, свергнулъ короля Людовика-Филиппа съ престола [2]). Нечего и говорить о томъ пріемѣ, который это сообщеніе встрѣтило со стороны Императора Николая.

Вскорѣ послѣ этого правительство Людовика-Филиппа рѣшило перевезти во Францію останки великаго императора. Наполеоновская легенда вновь начала господствовать надъ умами французовъ, и принцъ Луи-Наполеонъ, неутомимый въ созданіи разныхъ плановъ возстановленія имперіи, рѣшился повторить предпріятіе, такъ неудачно окончившееся въ Страсбургѣ.

---

[1]) Girandau, p. 79.

[2]) Изъ разсказовъ ген.-ад. Шильдера, сообщенныхъ его сыномъ Н. К. Шильдеромъ.

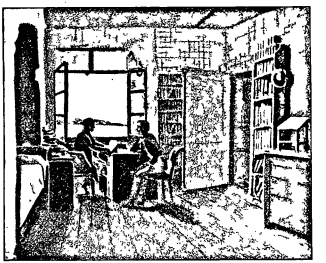
Онъ издалъ книгу „Idées Napoléoniennes“, въ которой перваго императора французовъ называлъ „исполнителемъ духов-„наго завѣщанія республики, ускорившимъ царство свободы“. Авторъ проводилъ идею, что „природа демократическаго ре-„жима состоитъ въ томъ, что онъ воплощается въ единомъ „человѣкѣ“. Двѣ поддерживаемыя принцемъ газеты „Le Capital“ и „Le Commerce“ распространяли бонапартистскія идеи по Франціи. Сторонникамъ Луи-Наполеона было не трудно убѣдить его, что по ту сторону Ламанша умы были достаточно подготовлены къ перевороту. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ булонское предпріятіе было, однако, такъ же неудачно, какъ и страсбургское. Принцъ, а также и всѣ его сподвижники, кромѣ двухъ убитыхъ и спасшагося бѣгствомъ Персиньи, были схвачены, и на этотъ разъ носителя наполеоновскихъ традицій ожидалъ судъ. Принцъ сумѣлъ держать себя передъ судилищемъ пэровъ съ достоинствомъ и мужествомъ. „Являясь представи-„телемъ политической идеи“, сказалъ Луи-Наполеонъ, „я не могу „признать судьями моихъ поступковъ и моей воли это поли-„тическое судилище. Если вы представители побѣдителя, то мнѣ „нечего ждать справедливости, а милостиваго благородства отъ „васъ я не приму“ [1]). Присужденный къ пожизненному заключенію, принцъ былъ помѣщенъ въ тюрьму крѣпости Гамъ въ тотъ самый день, когда высланный за останками Наполеона корабль „Belle Poule“ появился въ виду острова Св. Елены.

Будущій императоръ французовъ проявилъ во время своего заключенія замѣчательную дѣятельность. Онъ прочелъ массу книгъ, написалъ рядъ статей по волновавшимъ Европу текущимъ политическимъ вопросамъ и по военному искусству, издалъ „Историческіе отрывки“ объ Англіи, брошюру „Объ устраненіи паупе-ризма“, поднялъ вопросъ о прорытіи въ средней Америкѣ канала для соединенія Тихаго и Атлантическаго океановъ за много лѣтъ до начала его разрѣшенія, составилъ весьма цѣнную записку о сахарной промышленности и очень интересный томъ „О прошедшемъ и будущемъ артиллеріи“. Обширная корреспонденція Луи-Наполеона и его пребываніе, хотя и въ заключеніи, на французской территоріи способствовали образованію и сплоченности партіи бонапартистовъ, а несчастная судьба принца привлекала къ нему сердца многихъ.

---

[1]) Girandau, p. 85; Kinglake, t. I, p. 188.

Въ 1844 году умеръ старшій представитель дома Бонапартовъ, графъ Сюрвилье, бывшій король Іосифъ испанскій, а, два года спустя, гамскій узникъ получилъ извѣстіе объ опасномъ состояніи здоровья своего отца. Онъ обратился къ французскому правительству съ просьбой разрѣшить ему отправиться исполнить сыновній долгъ по отношенію къ больному отцу и давалъ честное слово вернуться обратно. Отказъ въ этой просьбѣ вызвалъ рѣшеніе принца бѣжать изъ заключенія, что ему и удалось сдѣлать 25 мая 1846 года. Докторъ Канно доставилъ одежду рабочаго, и переодѣтый Луи-Наполеонъ, неся на плечахъ доску, которой онъ закрывался отъ встрѣчавшихся по дорогѣ лицъ, благополучно миновалъ всѣ посты часовыхъ и черезъ два дня прибылъ въ Лондонъ.



Внутренность замка Арененбергъ.

Черезъ два съ небольшимъ года принцъ Луи-Наполеонъ сталъ во главѣ французскаго правительства и въ теченіе послѣдующихъ двадцати-двухъ лѣтъ игралъ выдающуюся роль на политическомъ горизонтѣ Европы. Киселевъ приводитъ слѣдующую характеристику этого замѣчательнаго человѣка, сдѣланную очень близкимъ ему лицомъ, графомъ Морни [1]): „На ряду съ неоспори„мымъ умомъ, большой природной храбростью, пріятностью въ „обращеніи и со спокойной и хладнокровной наружностью, ко„торая ему даетъ большое преимущество передъ живыми и „наглыми французами, его голова наполнена разными теоріями, „химерами и упрямствомъ, а его сердце настолько же скрытно и „недовѣрчиво, насколько неблагодарно и мстительно“. Морни прибавилъ къ этому, что, несмотря на иногда великодушныя

[1]) Депеша Киселева канцлеру отъ 20 февраля (3 марта) 1852 года, № 19 (Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France — 1852).

побужденія Луи-Наполеона, онъ считаетъ его способнымъ на все, даже на жестокость [1]).

Съ своей стороны, новѣйшій историкъ Второй Имперіи [2]) даетъ слѣдующую характеристику личности будущаго императора: „Наполеонъ III часто былъ своимъ собственнымъ министромъ; „онъ прятался отъ своихъ друзей почти столько же, какъ и отъ „своихъ враговъ, и во многихъ случаяхъ корреспонденціи его „офиціальныхъ агентовъ показывали только изнанку его намѣреній. „Судьба Наполеона — небывалая! Происшествія, случившіяся въ „молодости, сдѣлали его заговорщикомъ; во время же долгаго „досуга своего плѣна, онъ оцѣпенѣлъ въ мечтаніяхъ.... Мечта„тель и заговорщикъ! онъ имъ былъ на тронѣ и въ жизни. „Мечтатель необыкновенный — съ полной властью выполнять свои „мечты; еще болѣе необычайный заговорщикъ, который, имѣя „въ рукахъ всѣ средства офиціальной власти, предпочиталъ под„земныя мины открытымъ переговорамъ, секретныхъ агентовъ „аккредитованнымъ дипломатамъ, тайныя сборища совѣтамъ, тайну „гласности... По необходимости прибѣгая прежде къ таинствен„ности, Наполеонъ пристрастился къ ней по привычкѣ или по „вкусу, и ему доставляло удовольствіе запутывать свои слѣды до „такой степени, что онъ самъ путался въ нихъ. Все было въ „Наполеонѣ противорѣчиво. То онъ велъ сложныя интриги, какъ „будто бы изучалъ Макіавеля, то покровительствовалъ гуман„нымъ утопіямъ въ степени, достойной подражанія Донъ-Кихоту. „Онъ доводилъ и, странная вещь, въ однихъ и тѣхъ же „предпріятіяхъ расчетъ до двоедушія и безкорыстіе до обмана. „Его мечтанія, одновременно честолюбивыя и тщедушныя, не были „мечтаніями ни ума посредственнаго, ни ума святого. Болѣе всего „Наполеона приводила въ ужасъ рутина. Онъ дѣлалъ много оши„бокъ, но дѣлалъ ихъ съ видомъ такого тріумфатора и глубокаго „мыслителя, что ослѣплялъ своихъ друзей и на нѣкоторое время „сбивалъ съ толку своихъ враговъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, „когда его дѣйствія были противорѣчивы или низки, его рѣчи „высоко и широко парили, сильно превосходя общечеловѣческую

---

[1]) „A côté d'une intelligence incontestable, de beaucoup de courage naturel, d'une grande „aménité dans les manières et d'une apparence de calme et de sangfroid qui lui donne beaucoup „d'avantages sur les Français vifs et pétulants, sa tête est remplie de théories, de chimères et „d'obstination, et son cœur est aussi dissimulé et défiant, qu'ingrat et vindicatif". Il a ajouté que malgré des instincts quelquefois généreux, il le croyait cependant capable de tout, même de cruauté....

[2]) P. de la Gorce: „Histoire du Second Empire". Paris 1899, t. I, pp. 33—35.

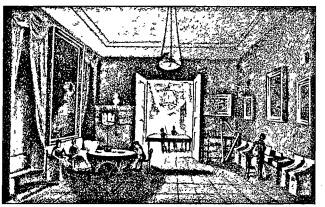
„среду. Слѣдуя традиціямъ наполеонидовъ, онъ выказывалъ пре-
„зрѣніе къ теоріи, *къ идеалогіи,* и въ то же время показалъ себя
„теоретикомъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Изъ всѣхъ теорій Людо-
„вика-Наполеона самой знаменитой была теорія націонализма, и
„на этомъ пути его химеры дошли до преступнаго ослѣпленія.
„У него были поступки благородные, вдохновленія великодушныя,
„но со всегдашнимъ перемѣшиваніемъ того, что производитъ
„лишь эффектъ, и того, что дѣйствительно величественно. Не имѣя
„совершенно возможности сдѣлаться государственнымъ человѣ-
„комъ, онъ въ то же время сдѣлался отличнымъ механикомъ;
„съ замѣчательнымъ и глубоко разсчитаннымъ искусствомъ онъ
„берегъ свой театръ, чтобы забавлять, захватывать врасплохъ
„и ослѣплять свой народъ и Европу. Однимъ словомъ, характеръ
„Наполеона III можно резюмировать такимъ образомъ: съ каче-
„ствами необыкновенными, онъ включалъ въ себя все то, что
„дѣлаетъ властелина гибельнымъ; онъ имѣлъ намѣренія великія,
„но не имѣлъ здраваго смысла для ихъ практическаго примѣненія
„и мудрой предусмотрительности, которая одна только можетъ
„помочь провести ихъ въ жизнь".

III.

При первомъ извѣстіи о февральской революціи Людовикъ-Наполеонъ появился въ Парижѣ, но обращенная къ нему просьба временного правительства не создавать своимъ присутствіемъ новыхъ затрудненій для Франціи заставила принца поспѣшить оставить эту страну. Онъ не пожелалъ даже явиться кандидатомъ на выборахъ въ Національное собраніе и, несмотря на это, былъ сразу избранъ въ четырехъ департаментахъ. Республиканцы сильно встревожились такимъ успѣхомъ, и правительство распорядилось объ арестѣ принца, ссылаясь на неотмѣненный еще указъ 1816 года, на основаніи котораго были удалены изъ Франціи всѣ члены семейства Бонапартовъ. Людовикъ-Наполеонъ сложилъ свои полномочія, но новый выборъ въ шести департаментахъ убѣдилъ принца въ силѣ бонапартійской партіи. Онъ занялъ мѣсто въ Національномъ собраніи, и естественное теченіе событій возвело его въ санъ президента.

Новому президенту пришлось на первыхъ же порахъ вести упорную борьбу съ Законодательнымъ собраніемъ и съ министрами.

Большинство собранія отличалось республиканскими убѣжденіями и вовсе не желало возстановленія имперіи; министры же, и въ особенности непримиримый Дюфоръ, создавали президенту рядъ затрудненій, которыя связывали его дѣятельность. Принцъ даже не могъ добиться отъ собранія увеличенія своего цивильнаго листа. Всякія попытки сближенія съ выдающимися представителями палаты остались безъ результата, и для того, чтобы сохранить власть въ своихъ рукахъ, президенту оставалось прибѣгнуть къ установленію непосредственнаго соприкосновенія съ избравшими его милліонами населенія. Съ этой цѣлью принцъ началъ совершать путешествія по странѣ и произносить рѣчи, которыя вызывали одобреніе массъ, а иногда и неподдѣльный энтузіазмъ. Облеченный, какъ глава исполнительной власти, правомъ назначать на должности, распредѣлять награды и знаки отличія, Людовикъ-Наполеонъ исподволь подготовлялъ себѣ сторонниковъ среди лицъ высшаго военнаго и гражданскаго управленія.



Внутренность замка Арененбергъ.

Неудача въ попыткѣ приблизить къ себѣ лучшіе элементы Національнаго собранія заставила президента окружить себя людьми, „готовыми на все, лишь бы ожидаемая награда была велика“ [1]). Первое мѣсто въ этомъ кружкѣ занималъ графъ Морни [2]), биржевой спекулянтъ, организаторъ разныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, депутатъ временъ іюльской монархіи, но человѣкъ, одаренный недюжинными способностями, съ положительнымъ, энергичнымъ и рѣшительнымъ характеромъ, и человѣкъ, который ясно видѣлъ цѣль возстановленія имперіи. Въ отношеніи характера Морни, можетъ-быть, уступалъ смѣлому Флери, который

---

[1]) P. de la Gorce: „Histoire du Second Empire“, t. I.

[2]) По свидѣтельству Майкова („Гортензія Богарнэ“, Русск. Стар., 1900 г., кн. 9, стр. 599), сынъ матери Людовика-Наполеона, Гортензіи Богарнэ, и графа Флахо.

не былъ способенъ отступить передъ какой бы то ни было опасностью. Этотъ офицеръ президентской свиты нашелъ въ Алжирѣ кандидата на постъ военнаго министра въ лицѣ генерала Сентъ-Арно, человѣка безъ нравственныхъ устоевъ, но обладавшаго умѣніемъ вселять довѣріе въ подчиненныхъ, весьма способнаго и готоваго на всякій рискъ. „Солдатъ, со скудной со„вѣстью и рѣдкой энергіей“, говоритъ de la Gorce [1]), „онъ при„выкъ къ свободнымъ экспедиціямъ въ Африкѣ и въ разогнаніи „парламента видѣлъ только набѣгъ, болѣе блестящій и имѣющій „большія послѣдствія, чѣмъ всякій другой“. Къ обществу „братьевъ“ принадлежали также Персиньи, спасшійся во время Булонской авантюры, Мопа, назначенный префектомъ полиціи, и секретарь принца Моккаръ.

Въ маѣ 1852 года истекалъ срокъ четырехлѣтнихъ полномочій президента; легко можно было предвидѣть, что новые выборы не пройдутъ безъ сильнаго потрясенія, безпорядковъ и смутъ. Сторонники Людовика-Наполеона старались воспользоваться настроеніемъ испуганной буржуазіи; они убѣждали всѣхъ, что избѣжать потрясенія страны возможно только отмѣной статьи конституціи, которая запрещала вторичное избраніе оставляющаго свой постъ президента, и введеніемъ закона, опредѣлявшаго болѣе продолжительный срокъ президентскихъ полномочій. Президенту оставалось снискать симпатіи народныхъ массъ, и здѣсь судьба пришла ему на помощь.

31 мая 1850 года Національное собраніе приняло составленный консервативными элементами законъ, который, вопреки конституціи, ограничивалъ избирательное право. Хотя принцъ и былъ иниціаторомъ этого закона, но послѣ принятія его онъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ и въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ потребовалъ отмѣны новаго постановленія. Слова президента произвели огромное впечатлѣніе на массу населенія, которая отвернулась отъ парламента и была убѣждена, что единственнымъ защитникомъ ея правъ является обитатель Елисейскаго дворца.

По мѣрѣ приближенія времени выбора новаго президента и задуманнаго Людовикомъ-Наполеономъ государственнаго переворота, партія ближайшихъ сотрудниковъ принца значительно увеличивалась. Къ заговору примкнули начальникъ парижскаго гарнизона, генералъ Маньянъ, генералы Лавостинъ и Віейра,

[1]) „Histoire du Second Empire“, t. I.

командиръ и начальникъ штаба національной гвардіи, а также многіе другіе представители арміи.

Въ концѣ ноября 1851 года генералъ Маньянъ собралъ у себя двадцать генераловъ, которымъ объявилъ, что, можетъ-быть, имъ скоро придется усмирять безпорядки въ Парижѣ и способствовать отмѣнѣ республиканской конституціи. При этомъ извѣстіи генералы бросились въ объятія другъ друга. За нѣсколько дней до предѣшеннаго переворота къ числу сторонниковъ его примкнулъ и директоръ государственной типографіи.

Самый переворотъ совершился 2 декабря, въ годовщину коронаціи Наполеона I и Аустерлицкаго сраженія. „Съ замѣча-„тельными искусствомъ и предусмотрительностью, но и не безъ „достаточной доли счастливой случайности дѣло было покончено „быстро, съ небольшимъ кровопролитіемъ, и 5 декабря Парижъ „уже окончательно успокоился“ [1]); нѣсколько дней спустя, успокоились и департаменты.

Президентъ издалъ декретъ, которымъ присвоивалъ себѣ право подвергать ссылкѣ участниковъ тайныхъ обществъ, и образовалъ особыя смѣшанныя судныя комиссіи для безапелляціоннаго суда надъ лицами, оказавшими сопротивленіе перевороту. Всего подверглось аресту $26^1/_2$ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ $6^1/_2$ тысячъ были безусловно освобождены и 5 тысячъ оставлены подъ надзоромъ полиціи; 10 тысячъ осужденныхъ были сосланы въ Алжиръ и Кайенну на каторгу, а 80 республиканскихъ депутатовъ были изгнаны изъ предѣловъ Франціи.

Въ своей прокламаціи отъ 2 декабря Людовикъ-Наполеонъ объявилъ, что онъ исполняетъ „обязанность охраненія республики „обращеніемъ къ единственному властелину—народу“, и публичная подача голосовъ была назначена на 20 декабря. Результатъ былъ обезпеченъ заранѣе принятыми мѣрами [2]). Около $7^1/_2$ милліоновъ голосовъ было подано за формулу: „народъ желаетъ сохраненія „власти Людовика-Наполеона Бонапарта и даетъ ему необходимыя „полномочія на составленіе конституціи на основаніяхъ, предло-„женныхъ имъ въ прокламаціи 2 декабря“, т.-е. на основаніяхъ возврата къ системѣ Наполеона I, „которая дала уже Франціи „спокойствіе и счастіе“.

---

[1]) P. de la Gorce: „Histoire du Second Empire“, t. I.
[2]) А. И. Герценъ: „Сочиненія“, т. IX; „Былое и Думы“, стр. 87.

Согласно новой конституціи, исполнительная власть ввѣрялась президенту, который избирался на десять лѣтъ и былъ отвѣтственъ лишь передъ народомъ, объявлявшимъ свою волю плебисцитами. Президентъ имѣлъ право заключать трактаты, объявлять войну, провозглашать осадное положеніе, назначать на всѣ должности, и онъ одинъ пользовался законодательной иниціативой. Всѣ должностныя лица присягали президенту въ вѣрности, министры зависѣли только отъ него, и ему же принадлежало право утверждать и обнародывать законы, а также и право помилованія. Кромѣ президента, правительство новой республики состояло изъ государственнаго совѣта, который подготовлялъ законы, изъ избираемаго всеобщей подачей голосовъ законодательнаго корпуса, на который возлагалось обсужденіе законовъ и вотированіе бюджета, и изъ второго собранія, впослѣдствіи названнаго сенатомъ; онъ состоялъ изъ лицъ, назначаемыхъ президентомъ, и долженъ былъ играть роль „стража конституціи и „общественной свободы".

Н. Д. Киселевъ,
русскій посолъ въ Парижѣ.

Первоначальная дѣятельность Людовика-Наполеона, какъ президента республики, вызвала полное одобреніе монарховъ континентальныхъ державъ и во главѣ ихъ Императора Николая. Обузданіе революціонныхъ элементовъ, водвореніе порядка, рѣшительность и энергія, которыми отличались всѣ дѣйствія президента въ ограниченіи республиканскихъ идей, при недостаточно еще выяснившейся истинной цѣли поползновеній принца, вызвали чувства искренней симпатіи къ нему со стороны нашего Госу-

даря [1]), который проявлялъ ихъ во всѣхъ мелочахъ, способныхъ щадить самолюбіе новаго главы государства.

Государственный переворотъ произвелъ большое впечатлѣніе какъ въ консервативныхъ, такъ и въ либеральныхъ лагеряхъ Европы; для всѣхъ стало ясно, что возстановленіе имперіи во Франціи является дѣломъ ближайшаго будущаго. Кошутъ пришелъ въ отчаяніе и произнесъ въ Филадельфіи жгучую рѣчь противъ Людовика-Наполеона, предвидя въ парижскихъ событіяхъ начало общаго переворота [2]). Слухи о появленіи въ будущемъ имперіи во Франціи вскорѣ дошли и до Петербурга. „Читала ли „ты уже письмо Фрица“ [3]), обратился Государь къ Императрицѣ за обѣдомъ 22 декабря 1851 года [4]); „онъ доходитъ до того, „что говоритъ будто Людовикъ-Наполеонъ ранѣе конца буду„щаго года будетъ нашимъ товарищемъ. Я позволяю себѣ со„мнѣваться въ этомъ. Пусть онъ будетъ всѣмъ, чѣмъ хочетъ, „хотя бы великимъ муфтіемъ, если ему это нравится; но что „касается до императорскаго или королевскаго титула, то я не „думаю, что онъ будетъ настолько неосторожень, чтобы его до„биваться“ [5])...

Въ началѣ января 1852 года принцъ Людовикъ-Наполеонъ обратился къ Императору Николаю Павловичу съ письмомъ [6]), въ которомъ онъ въ весьма обдуманныхъ выраженіяхъ извѣщалъ Государя о происшедшемъ во Франціи переворотѣ. „Возра„стающая и несправедливая непріязнь Законодательнаго собранія“, писалъ принцъ, „повторяющіяся покушенія на ограниченіе моей „власти и дѣятельность старыхъ партій угрожали Франціи „анархіей, которая скоро могла бы объять и всю Европу. Я уже „поручилъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества о мѣрахъ, „которыя въ столь серіозныхъ обстоятельствахъ я считалъ себя „обязаннымъ принять, ставя право и общественное спасеніе „выше законности, сдѣлавшейся безсильной“.

---

[1]) См. переписку Императора Николая съ княземъ Варшавскимъ за эти года. Собств. Его Велич. Библ. Рукоп. Отд. Имп. Николая Павловича.

[2]) Бодиско—канцлеру 23 декабря 1851 г. (4 января 1852 г.), № 47. (Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Washington, 1852).

[3]) Такъ въ домашнемъ кругу Государя назывался прусскій король.

[4]) „Записки барона М. А. Корфа“. Русск. Стар., 1900 г., кн. 7, стр. 53.

[5]) „As-tu déjà lu la lettre de Fritz. Il va jusqu'à dire, qu'avant la fin de l'année prochaine „Louis-Napoléon deviendra notre collègue. Je me permets d'en douter. Qu'il devienne tout ce „qu'il voudra, grand Mouphti même, s'il lui plaît; mais quand au titre d'Empereur ou de Roi, „je ne crois pas qu'il soit assez imprudent pour y viser“.....

[6]) Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France, 1852.

Упомянувъ затѣмъ о всенародномъ голосованіи, уполномочившемъ его составить новую конституцію, принцъ приходилъ къ заключенію, что такимъ образомъ создается единство власти, „получившей достаточную силу, чтобы обезпечить и утвердить „общественный порядокъ..... Правительство будетъ особенно „заботиться о поддержаніи внѣшняго мира и о болѣе близкихъ „отношеніяхъ къ кабинету Вашего Величества“ [1]).....

Государь не замедлилъ отвѣтомъ. Онъ поспѣшилъ послать принцу „искреннія поздравленія“ по поводу почти единогласнаго избранія, которое на десять лѣтъ продлило срокъ его президентскихъ полномочій и предоставило Людовику-Наполеону право дать своей странѣ новую конституцію.

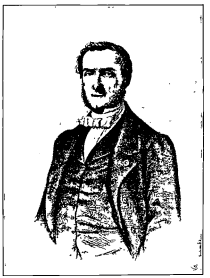
„Франція“, писалъ далѣе Государь [2]), „спасенная вашей энер„гіей отъ опасностей, которыми ей угрожали злостныя намѣренія „враговъ общественнаго порядка, вторично призвала васъ руко„водить ея судьбами и торжественно подтвердила то довѣріе, „которое она питаетъ къ вашимъ патріотическимъ чувствамъ, а „также къ началамъ порядка и власти, внесенными вами въ „управленіе..... Ничто не могло быть для насъ болѣе пріятнымъ, „какъ ваши увѣренія въ заботливости о великихъ интересахъ „сохраненія всеобщаго мира и ваше желаніе видѣть все болѣе „укрѣпляющимися тѣ отношенія добраго согласія, которыя, къ „счастью, существуютъ между Россіей и Франціей. Будьте „увѣрены, что, съ своей стороны, мы приложимъ особливую „заботливость къ еще большему сближенію, и вы всегда встрѣтите „въ насъ полную готовность соединиться съ вами для совмѣстной „защиты священнаго дѣла сохраненія общественнаго порядка, „спокойствія Европы, независимости и территоріальной цѣлости „ея государствъ и уваженія существующихъ трактатовъ“ [3]). Послѣднія слова служили какъ бы напоминаніемъ Людовику-Наполеону о существованіи Вѣнскаго трактата, который исключалъ возможность возвращенія дома Бонапартовъ на французскій престолъ.

Но, кромѣ подозрѣній, питаемыхъ въ Петербургѣ къ императорскимъ поползновеніямъ президента, тамъ не особенно довѣряли и его миролюбивымъ заявленіямъ. На депешѣ барона Брун-

---

[1]) Подлинникъ помѣщенъ въ Приложеніи № 31.
[2]) Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France, 1852.
[3]) Подлинникъ помѣщенъ въ Приложеніи № 32.

нова [1]), описывавшей впечатлѣніе, которое произвелъ въ Англіи декабрьскій переворотъ, Императоръ Николай сдѣлалъ слѣдующую помѣтку [2]): „Я увѣренъ, что если Франція начнетъ войну, то „первые ея удары будутъ направлены не противъ Германіи, а „скорѣе противъ Англіи, такъ какъ *тамъ* это болѣе вѣроятно, „чѣмъ возможно“ [3]). Убѣжденіе Государя, съ одной стороны, основывалось на увѣренности, что „разъ навсегда удалось расторгнуть „пагубный союзъ Великобританіи и Франціи“ [4]), а съ другой—на утвержденіяхъ Бруннова, что Англія совершенно неспособна къ внѣшней войнѣ, для которой не можетъ выставить болѣе 20-25 тысячъ человѣкъ [5]).



Друэнъ-де-Люисъ
(съ франц. рис. того времени).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что одновременно съ двумя предъидущими депешами нашъ лондонскій посолъ прислалъ и третью [6]), въ которой изложилъ свой разговоръ по поводу возможнаго возстановленія имперіи во Франціи съ лордомъ Гренвилемъ. Англійскій министръ замѣтилъ при этомъ, что Россія и Англія находятся по отношенію къ этой странѣ въ различныхъ условіяхъ. Россія отдѣлена отъ Франціи громаднымъ разстояніемъ и свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. „Англія же поставлена въ совершенно иныя условія. „Между Парижемъ и Лондономъ сообщенія сдѣлались почти „моментальны, и всякій вопросъ требуетъ немедленнаго отвѣта. „Если бы правительству ея величества пришлось бы выска„заться по вопросу о перемѣнѣ титула принцемъ Людовикомъ„Наполеономъ, то оно должно было бы опредѣленно отвѣ-

---

[1]) Отъ 26 декабря (7 января) 1851/1852 года, № 201.

[2]) Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852, I.

[3]) „Je suis convaincu que si la France pousse à la guerre, les premiers coups seront „dirigés non contre l'Allemagne, mais bien contre l'Angleterre, car *là*, c'est possible plus qu'on „ne le pût“.

[4]) Вышеприведенныя слова графа Нессельроде.

[5]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде 26 декабря (7 января) 1851/1852 года, № 202. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852, I.

[6]) Отъ того же числа, за № 200. Тамъ же.

„тить за или противъ; желаніе же обусловливать признаніе „имѣло бы въ Парижѣ значеніе отказа или по крайней мѣрѣ „явнаго недоброжелательства. Впечатлѣніе отъ такого поступка „отозвалось бы на отношеніяхъ между обѣими странами; оно „равнялось бы разрыву. Общественное мнѣніе страны не нашло бы „оправданій для поведенія правительства ея величества, если бы „оно вызвало безпокойство, сопряженное съ такимъ положеніемъ „вещей, и тѣмъ болѣе изъ-за отказа признать титулъ, предоста- „вляющій главѣ французскаго правительства ту власть, которой „въ дѣйствительности онъ облеченъ уже въ настоящее время".

Времена измѣнились съ тѣхъ поръ, когда союзники объявили, что „не будутъ вести переговоровъ съ Бонапартомъ, а также съ „кѣмъ бы то ни было изъ его дома", и... „правительство ея бри- „танскаго величества оказалось въ необходимости отказаться отъ „этихъ заявленій и вести переговоры съ принцемъ Людовикомъ- „Наполеономъ въ качествѣ президента республики". Въ своихъ доводахъ лордъ Гренвиль ссылался между прочимъ на примѣръ герцога Велингтона, который призналъ перемѣну династіи, поло- жившей конецъ правленія старшей линіи Бурбоновъ [1]). Противъ этого мѣста депеши барона Бруннова Императоръ Николай сдѣ- лалъ помѣтку: „Ceci est un triste aveu de l'impardonnable sottise „qu'a fait alors le maréchal" [2]).

Въ отдѣльномъ письмѣ къ графу Нессельроде [3]) баронъ Брун- новъ благодарилъ судьбу, что ко времени происшедшаго во Франціи переворота Пальмерстонъ сошелъ со сцены. „Возблагодаримъ Бога, „что Пальмерстонъ насъ покинулъ, такъ какъ онъ могъ бы по- „пробовать заварить серіозную драму. Я не знаю хорошо почему, „но онъ очень симпатизировалъ принцу Людовику. Одинъ со „своею звѣздою, орлами и тремястами тысячъ штыковъ, а другой „со своимъ духомъ господства, враждой къ Австріи и злобой „противъ всего континента могли бы завести насъ очень далеко. „Но это кончено" [4])... Вѣрнѣе было бы написать — это начинается.

---

[1]) Подлинникъ помѣщенъ въ Приложеніи № 33.

[2]) „Это есть печальное подтвержденіе непростительной глупости, которую сдѣлалъ „тогда фельдмаршалъ".

[3]) Отъ 26 декабря (7 января) 1851/1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852, IV.

[4]) „Remercions le Ciel d'être quittés de lord Palmerston. Il aurait pu essayer de mettre „en scène un drame sérieux. Le prince Louis, je ne sais trop pourquoi, s'était passionné pour lui. „L'un avec son étoile, ses aigles et ses 300 m. bayonnettes, l'autre avec son esprit de domination, „son animosité contre l'Autriche, sa rancune contre tout le Continent, auraient pu nous conduire „fort loin. C'est fini"....

И, дѣйствительно, весь 1852 годъ прошелъ въ подготовкѣ къ провозглашенію имперіи со стороны Людовика-Наполеона, въ стараніи остановить его отъ этого шага со стороны Императора Николая и въ переговорахъ между тремя континентальными монархами относительно тѣхъ условій, на которыхъ могла бы быть признана имперія во Франціи.

IV.

Графъ Нессельроде счелъ необходимымъ секретно сообщить вѣнскому двору отвѣтъ Императора Николая на увѣдомленіе Людовика-Наполеона о произведенномъ имъ переворотѣ, и глава австрійскаго кабинета, князь Шварценбергъ, поспѣшилъ увѣрить нашего канцлера въ полномъ согласіи взглядовъ Австріи со взглядами петербургскаго кабинета и пообѣщать, что, если бы Людовикъ-Наполеонъ объявилъ себя императоромъ, то императоръ Францъ-Іосифъ выскажется по этому вопросу не иначе, какъ по предварительному соглашенію со своими близкими союзниками, Императоромъ Всероссійскимъ и королемъ Прусскимъ [1]).

Въ особомъ меморандумѣ, который былъ приложенъ къ депешѣ князя Шварценберга [2]), Вѣнскій кабинетъ признавалъ, что возстановленіе имперіи есть цѣль Людовика-Наполеона. „Поло-„вина Франціи“, говоритъ меморандумъ, „объявлена въ осадномъ „положеніи, печать скована, выдающіеся люди, противодѣйствія „которыхъ опасался президентъ, большею частью изгнаны изъ „страны или заключены въ тюрьму, соціалистская партія разда-„влена, легитимисты запуганы“. Обрисовавъ достигнутое такимъ образомъ возстановленіе порядка, князь Шварценбергъ приходитъ къ тому заключенію, что искушеніе для принца слишкомъ велико, а потому Европѣ необходимо готовиться къ провозглашенію во Франціи имперіи. Наиболѣе важнымъ и необходимымъ въ этомъ отношеніи обстоятельствомъ князь Шварценбергъ полагалъ соглашеніе между петербургскимъ, вѣнскимъ и берлинскимъ кабинетами въ полной тождественности ихъ поведенія относительно Людовика-Наполеона; по его мнѣнію, это произвело бы самое

---

[1]) Шварценбергъ—Лебцельтеру 29 декабря 1851 года. См. Приложеніе № 34.
[2]) Приложеніе № 35.

лучшее впечатлѣніе и послужило бы примѣромъ для другихъ державъ.

Австрійскій меморандумъ разсматривалъ провозглашеніе имперіи съ точки зрѣнія трактатовъ и съ точки зрѣнія естественнаго права и удобства. Въ первомъ случаѣ вопросъ разрѣшался 2-й статьей союзнаго акта 20 ноября 1815 года, которая навсегда устраняла домъ Бонапартовъ отъ французскаго престола; во второмъ же случаѣ австрійское правительство считало возможнымъ „отойти отъ буквы „трактатовъ, сохраняя ихъ духъ". Сравнительно съ 1815-мъ годомъ условія перемѣнились, и „въ настоящее время, „а также и въ ближайшемъ будущемъ", пишетъ князь Шварценбергъ, „мы по„лагаемъ Людовика-Наполеона луч„шимъ и единственнымъ охранителемъ „порядка во Франціи". Строго придерживаясь трактатовъ 1815 года, не слѣдовало бы признавать принца президентомъ, но, если это уже сдѣлано, то остается только перемѣна въ титулѣ, т.-е. перемѣна словесная, которая имѣетъ лишь чисто звуковое значеніе. „Мы не думаемъ", замѣчаетъ австрійскій министръ, „чтобы во„просъ имѣлъ характеръ принципіальный. Отъ насъ не будутъ „требовать, чтобы мы признали Людовика-Наполеона государемъ „по собственному праву, а еще менѣе, чтобы мы объявили за„конными и справедливыми средства, употребленныя имъ для „достиженія престола. Время поднимать принципіальный вопросъ, „по нашему мнѣнію, прошло".

Персиньи
(съ фот. съ нат. Майеръ).

Указавъ далѣе на особое положеніе Великобританіи, которая „поспѣшитъ признать новую имперію и привязать ее къ себѣ „узами благодарности", австрійскій меморандумъ приходитъ къ заключенію, что „многія соображенія какъ бы совѣтуютъ нашимъ „государямъ подчинить высшимъ интересамъ и миролюбію то „чувство внѣшняго достоинства, которое заставляло бы ихъ „колебаться въ признаніи равенства ранга личности такого рода, „какъ Людовикъ-Наполеонъ". Въ заключеніе князь Шварценбергъ совѣтовалъ признать имперію лишь при соблюденіи нѣкоторыхъ

условій. Новый императоръ долженъ былъ дать монархамъ увѣреніе, что перемѣна правленія коснется лишь только внутренняго управленія Франціи, оставивъ неприкосновенными ея внѣшнія отношенія, основанныя на соблюденіи существующихъ трактатовъ, что онъ не предприметъ завоевательной политики своего дяди, и если бы онъ задумалъ основать во Франціи новую династію наполеонидовъ, то союзные государи не должны принимать на себя никакихъ обязательствъ.

На приведенное сообщеніе австрійскаго правительства съ нашей стороны послѣдовалъ отвѣтъ [1]), который не раздѣлялъ взгляда князя Шварценберга на отношеніе державъ къ исповѣдываемымъ ими принципамъ въ отношеніи святости существовавшихъ трактатовъ, но въ то же время соглашался, что признаніе Людовика-Наполеона императоромъ вызывается силою вещей и „желаніемъ всѣхъ друзей мира и порядка, чтобы онъ „удержался у власти". Графъ Нессельроде соглашался, что это признаніе необходимо поставить въ ограничительныя рамки, которыя, съ своей стороны, предлагалъ въ слѣдующемъ видѣ: 1) Державы признаютъ за Людовикомъ-Наполеономъ императорскій титулъ единственно изъ вниманія къ положенію Франціи и къ услугамъ, оказаннымъ принцемъ дѣлу охраненія общественнаго порядка, но при условіи, если онъ обяжется уважать трактаты и территоріальное равновѣсіе Европы; 2) такое признаніе *временнаго факта* не можетъ противорѣчить законности и непокрываемымъ давностью правамъ Бурбонскаго дома, и 3) державы никогда не признаютъ за Людовикомъ-Наполеономъ правоспособности къ основанію династіи и къ передачѣ своей власти и титула другому лицу изъ своей семьи. Подобное же сообщеніе было отправлено и нашему представителю въ Берлинѣ [2]).

Прусское правительство было вполнѣ солидарно въ своихъ взглядахъ съ петербургскимъ кабинетомъ [3]) и ставило князю Шварценбергу упрекъ касательно отношенія его къ существовавшимъ трактатамъ, которые надо было соблюдать или же измѣнить по общему соглашенію, отнюдь не выдѣляя Англіи. Въ заключеніе же нашъ посолъ увѣдомлялъ, что „король прусскій и его кабинетъ рѣшили дѣйствовать въ полномъ согласіи

---

[1]) Графъ Нессельроде — барону Мейендорфу 9 января 1852 г. См. приложеніе № 36.
[2]) Канцлеръ—Будбергу 10 января 1852 г., № 12. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Berlin, 1852.
[3]) Будбергъ—канцлеру 28 декабря (9 января) 185½, № 218. См. приложеніе № 37.

„съ Россіей, и окончательное установленіе отношеній, которое „они примутъ касательно Франціи, всецѣло находится въ рукахъ „Его Императорскаго Величества". Императоръ Николай призналъ желательнымъ сообщить великобританскому кабинету смыслъ происшедшаго обмѣна мыслей, но въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ придерживаться выработаннаго образа мыслей, не стѣсняясь направленіемъ, которое Англія пожелаетъ принять.

Такимъ образомъ и Австрія и Россія сознавали необходимость признать имперію во Франціи, но съ извѣстными обязательствами, которыя надлежало предъявить будущему императору. Однако, при самомъ началѣ переговоровъ по этому вопросу было уже замѣтно значительное несходство во взглядахъ между обѣими монархіями на характеръ требованій, которыя предполагалось предъявить будущей имперіи. Въ то время, какъ Австрія почти исключительно заботилась объ обезпеченіи своей безопасности и цѣлости своихъ земель, Россія и согласная пока съ ней во всемъ Пруссія на первое мѣсто ставили сохраненіе въ предѣлахъ возможности существовавшихъ трактатовъ и поддержаніе принципа законности.

Графъ Нессельроде, сообразуясь со взглядами нашего правительства, поручилъ русскому послу въ Парижѣ Н. Д. Киселеву отклонять принца Людовика-Наполеона отъ принятія императорскаго титула, при чемъ Государь внушалъ это съ своей стороны французскому послу въ Петербургѣ генералу Кастельбажаку [1]).

Различіе взглядовъ нашего и австрійскаго правительствъ было вскорѣ обнаружено и въ Парижѣ. „Я уже знаю", сообщаетъ Киселевъ въ своей депешѣ отъ 12 (24) января [2]), „что президентъ „устанавливаетъ различіе между отношеніями къ нему вѣнскаго „и двухъ другихъ сѣверныхъ дворовъ. Онъ говоритъ, что „Австрія ему болѣе благопріятствуетъ, чѣмъ Россія и Пруссія, и „я потому обращаю на эти слова вниманіе Императорскаго кабинета, что они доказываютъ, что г. Гюбнеръ [3]) здѣсь или князь „Шварценбергъ въ Вѣнѣ дали понять принцу Людовику-Наполеону, что ихъ правительство не откажетъ въ признаніи имперіи во Франціи". Вообще въ этой депешѣ нашъ посолъ въ Парижѣ останавливалъ вниманіе петербургскаго кабинета, какъ

---

[1]) Канцлеръ—Киселеву 10 января 1852 г., № 17. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France, 1852.
[2]) Приложеніе № 38.
[3]) Австрійскій посолъ въ Парижѣ.

Гр. Валевскій, Мин. Ин. дѣлъ Наполеона III (съ лит. Лафось).

на необходимости полной солидарности трехъ континентальныхъ державъ, при которой Людовикъ-Наполеонъ не рискнетъ на враждебныя противъ Европы дѣйствія, такъ и на обнаружившуюся уже двуличную политику Австріи. „Болтуны Елисейскаго дворца", заканчиваетъ Киселевъ, „уже говорятъ объ „интимныхъ отношеніяхъ съ „Австріей; съ другой стороны, Гюбнеръ избѣгаетъ „съ нѣкоторыхъ поръ говорить со мною о дѣлахъ и вообще испытываетъ „стѣсненіе при встрѣчѣ со „мною".

Нѣкоторое различіе въ отношеніяхъ этихъ двухъ кабинетовъ къ главѣ французскаго правительства было, впрочемъ, замѣтно и въ обращеніи государей къ принцу-президенту. Въ то время, какъ Императоръ Николай называлъ его „grand et bon ami", императоръ Францъ-Іосифъ писалъ „très cher grand ami" [1]).

Въ своихъ депешахъ за первую половину 1852 года [2]) Киселевъ доносилъ, что онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы въ вѣжливой формѣ представлять принцу всю невыгоду провозглашенія имперіи и все благорасположеніе къ нему Императора Николая; въ концѣ же концовъ онъ, какъ и многіе изъ приближенныхъ къ Людовику-Наполеону, пришли къ тому убѣжденію, что имперія будетъ рано или поздно возстановлена — обстоятельства могутъ заставить отложить ея провозглашеніе, но не отмѣнить. Нашъ посолъ не упускалъ при этомъ случая подчеркнуть мелочное самолюбіе и большую мстительность будущаго императора французовъ.

---

[1]) Приложеніе № 39.
[2]) Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France, 1852.

Между тѣмъ петербургскій кабинетъ продолжалъ заботиться о возможномъ сохраненіи принциповъ Вѣнскаго конгресса. Графъ Нессельроде, восхваляя въ своей депешѣ къ барону Бруннову [1]) Людовика-Наполеона за его „твердость, энергію и за начало „порядка и власти, которыхъ онъ придерживается", находилъ все-таки невозможнымъ согласиться со взглядами великобританскаго кабинета о свободномъ признаніи имперіи. Онъ просилъ лорда Гренвиля оставить по крайней мѣрѣ Людовика-Наполеона въ сомнѣніи относительно рѣшенія правительства королевы Викторіи, чтобы этимъ его удержать отъ преслѣдованія „чесно-„любивыхъ намѣреній".

Наши переговоры по тому же поводу съ дворами вѣнскимъ и берлинскимъ шли своимъ порядкомъ. Князь Шварценбергъ [2]), соглашаясь со всѣми принципіальными доводами графа Нессельроде, тѣмъ не менѣе затруднялся найти формулу ограниченій, не оскорбительную для будущаго императора французовъ, и работалъ надъ проектомъ декларацiи, которую можно было бы предъявить принцу Людовику-Наполеону.

Въ февралѣ проектъ былъ готовъ и присланъ въ Петербургъ [3]). Князь Шварценбергъ предлагалъ тремъ сѣвернымъ дворамъ не принимать, въ случаѣ провозглашенія Людовика-Наполеона императоромъ, окончательнаго рѣшенія, не вступивъ въ предварительное между собою соглашеніе. Этотъ случай не будетъ самъ по себѣ поводомъ къ разрыву съ новымъ властелиномъ, а тѣмъ болѣе къ войнѣ, и признаніе Людовика-Наполеона императоромъ послѣдуетъ лишь послѣ полученія отъ него гарантій въ миролюбивой политикѣ и положительныхъ увѣреній въ томъ, что онъ не стремится къ территоріальнымъ измѣненіямъ. Наконецъ, признаніе Россіей, Австріей и Пруссіей Людовика-Наполеона императоромъ будетъ признаніемъ только одного факта, а не права. Въ заключеніе князь Шварценбергъ объяснялъ, что союзныя державы, конечно, не должны признавать за принцемъ права основывать династію, и если бы онъ передалъ власть кому-нибудь изъ членовъ своей семьи, то союзники рѣшатъ, могутъ ли они допустить вторичное отступленіе отъ трактата 1815 года.

---

[1]) 15 января 1852 г., № 21. См. приложеніе № 40.

[2]) Баронъ Мейендорфъ — канцлеру 22 января (3 февраля) 1852 г., № 13. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Vienne, 1852 — I.

[3]) Приложеніе № 41.

Послѣднее предположеніе австрійскаго кабинета вызвало слѣдующую помѣтку Императора Николая: „Этого много; не надо „даже позволять и думать, что можно будетъ продолжать увертываться отъ существующихъ трактатовъ“ [1]). Слѣдствіемъ этой замѣтки было наше сообщеніе вѣнскому двору, что мы не считаемъ возможнымъ включить въ свою декларацію предположенія о преемникѣ Людовика-Наполеона, такъ какъ это противорѣчило бы заявленію о непризнаніи за нимъ права основывать династію [2]).

Программу своихъ дѣйствій по отношенію къ Людовику-Наполеону Государь изложилъ въ собственноручномъ письмѣ къ королю прусскому отъ 21 февраля (4 марта) 1852 года [3]). По мнѣнію Императора Николая, въ виду возможнаго нападенія со стороны Франціи, необходимы были полное согласіе и единомысліе трехъ союзныхъ государей, хотя Государь считалъ такое нападеніе маловѣроятнымъ [4]), если со стороны союзниковъ не будетъ вызова щепетильному правителю Франціи [5]). „Въ заключеніе“, заканчиваетъ Государь свое письмо, „я думаю, что надо „оставаться спокойными, старательно избѣгать всего, что можетъ „возбудить Людовика-Наполеона, напоминая ему, однако, при „каждомъ удобномъ случаѣ, наше уваженіе къ трактатамъ *и не-„поколебимое рѣшеніе никогда отъ нихъ не отступать* [6]), а въ „то же время усердно подготовлять наши силы, чтобы, если „Господь пошлетъ войну, она была ведена въ общемъ согласіи „и съ возможной энергіей“.

Однако, принцъ-президентъ находилъ, что именно отношенія нашего правительства для него оскорбительны. Въ письмѣ къ генералу Кастельбажаку онъ жаловался на депешу, адресованную канцлеромъ Н. Д. Киселеву, хотя эта депеша, по словамъ графа Нессельроде [7]), повторяла лишь въ формѣ благожелательныхъ совѣтовъ тѣ же разсужденія, которыя самъ принцъ приводилъ въ своемъ письмѣ, какъ доказательство отсутствія у него намѣренія

---

[1]) „Ceci est de trop; il ne faut même pas laisser croire qu'on pourrait continuer à éluder „les traités existants“.

[2]) Приложеніе № 42.

[3]) Приложеніе № 43.

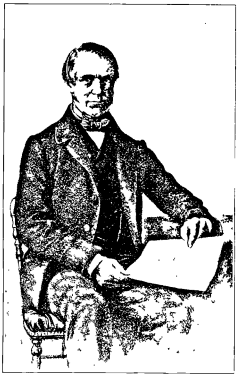
[4]) „Je persiste à croire cette agression fort peu probable“.

[5]) Такимъ вызовомъ, по мнѣнію Государя, было бы предлагаемое прусскимъ королемъ публичное провозглашеніе ненарушимости трактатовъ съ 1815 по 1848 годъ (Письмо короля прусскаго, доложенное 23 февраля 1852 г. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Доклады, 1852).

[6]) Курсивъ подлинника.

[7]) Всеподданнѣйшій докладъ 1 марта 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Доклады, 1852.

провозгласить себя императоромъ. У канцлера явились сомнѣнія въ искренности разсужденій президента, и онъ затруднялся понять, какимъ образомъ при такихъ условіяхъ Людовикъ-Наполеонъ можетъ утверждать, что, принимая титулъ императора, онъ дѣйствовалъ бы въ интересахъ Европы [1]).



Лордъ Коулей, англ. пос. въ Парижѣ (съ англ. лит., по фот. Пирсонъ).

Впечатлѣніе неискренности письмо принца-президента произвело и на Императора Николая, который сдѣлалъ на докладѣ графа Нессельроде слѣдующую отмѣтку [2]): „Такое же впечатлѣніе „это письмо произвело и на меня; „вмѣсто того, чтобы жаловаться „на Россію, нужно вспомнить, „мнѣ кажется, что только *одна* [3]) „Россія съ самаго начала давала „доказательства благорасположенія „къ Людовику-Наполеону, и я „достовѣрно могу сказать, что до сихъ поръ я былъ *единственный,* который не питалъ къ нему личнаго недовѣрія. „Я не скрываю, что впредь этого не будетъ, такъ какъ все, „что принцъ говоритъ, порождаетъ недовѣріе къ его буду„щимъ намѣреніямъ; та *безусловная необходимость,* которою „онъ оправдываетъ перемѣну титула, какъ онъ это назы„ваетъ, въ дѣйствительности очень неопредѣленна и не пред„ставляетъ никакой увѣренности. Остальныя обвиненія до„ходятъ до глупости, и смѣхъ есть лучшій отвѣтъ на нихъ. „Я свободенъ для пріема генерала Кастельбажака въ часъ „дня; будьте добры увѣдомить его, что я буду ожидать,

---

[1]) Интересно замѣтить, что еще 2 февраля Тюрго поручалъ Кастельбажаку сообщить нашему правительству, что Людовикъ-Наполеонъ и не думаетъ объ императорскомъ санѣ, и что его благородное сердце не можетъ перенести несправедливыхъ подозрѣній. (Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France, 1852).

[2]) Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Доклады, 1852.

[3]) Курсивы подлинника.

„какъ тотъ разъ, внизу, въ часъ. Это будетъ очень инте-
„ресно. Уфъ!“ [1]).

Въ Вѣнѣ не соглашались принять предлагаемое нашимъ кабинетомъ открытое противодѣйствіе династическимъ попыткамъ Людовика-Наполеона. Князь Шварценбергъ былъ даже пораженъ предположеніемъ, что мы какъ бы считаемъ возможнымъ огласить выработанныя союзными дворами условія признанія императорскаго титула во Франціи [2]). Онъ полагалъ, что это соглашеніе останется тайнымъ, а принцу будетъ данъ отвѣтъ, возможно меньше затрогивающій самолюбіе наполеонидовъ. Черезъ три недѣли императоръ Францъ-Іосифъ отправилъ въ Петербургъ особаго уполномоченнаго, графа Монсдорфа, который долженъ былъ представить Государю австрійскую редакцію предполагаемой, въ случаѣ провозглашенія во Франціи имперіи, общей деклараціи державъ [3]).

Вѣнскій проектъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ [4]): „Его величество, императоръ австрійскій, принимая во
„вниманіе состояніе Франціи и услуги, оказанныя Людовикомъ-
„Наполеономъ поддержанію общественнаго порядка въ этой странѣ,
„и увѣренный, что политическая программа, которой онъ выра-
„зилъ намѣреніе слѣдовать, есть, при современныхъ обстоятель-
„ствахъ, лучшая гарантія общаго мира, могущаго быть сохранен-
„нымъ только при точномъ соблюденіи существующихъ трактатовъ и поддержаніи территоріальнаго распредѣленія, на которомъ
„покоится европейское равновѣсіе, признаетъ возвышеніе прези-
„дента французской республики въ императорскій санъ и будетъ
„поддерживать съ нимъ дружескія сношенія“. Далѣе въ депешѣ говорилось, что текстъ сообщенія подлежитъ измѣненію въ зависимости отъ тѣхъ условій, при которыхъ произойдетъ принятіе Людовикомъ-Наполеономъ императорскаго сана.

---

[1]) „C'est tout juste l'effet que la lettre a produit sur moi; loin de se plaindre de la Russie, „il me semble, que c'est la Russie *seule* qui, dès son début, n'a donné que des preuves de bien-„veillance à L.-Napoléon, et je puis dire avec vérité que j'ai été le *seul* jusqu'à ce moment, qui „n'ait pas eu de défiance personnelle envers lui. Je ne cache pas qu'il n'en sera plus de même „pour l'avenir, car ce que dit le prince doit faire naître la défiance de ses intentions futures, „*la nécessité absolue* au bout de laquelle il place un changement de titre, comme il l'appelle, „est certes fort vague et n'offre aucune sécurité. Le reste de ses accusations passe à l'absurde, „et en rire est la meilleure réplique. J'ai tout le loisir de recevoir aujourd'hui à une heure „le g. Castelbajac, veuillez donc le faire avertir que je l'attendrai, comme l'autre jour, en bas et „à 1 heure. Ce sera fort amusant. Ouf!“

[2]) Баронъ Мейендорфъ — канцлеру 7 (19) марта 1852 г., № 41. См. приложеніе № 44.

[3]) Баронъ Мейендорфъ — канцлеру 20 марта (1 апрѣля) 1852 года, № 52. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Vienne, 1852—1.

[4]) Приложеніе № 45.

Переговоры въ концѣ концовъ привели къ принятію тремя союзными дворами австрійскаго проекта безъ измѣненія [1]); въ сопровождавшемъ этотъ проектъ протоколѣ осталась даже статья, говорившая о возможномъ назначеніи Людовикомъ-Наполеономъ себѣ преемника, противъ которой мы первоначально возставали.

V.

Между тѣмъ наши отношенія съ правительствомъ принца-президента постепенно улучшались. 5 апрѣля графъ Нессельроде отправилъ Киселеву одобренную Государемъ депешу [2]), въ которой восхвалялась рѣчь, произнесенная принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ при открытіи высшихъ государственныхъ учрежденій. Десять же дней спустя, генералъ Кастельбажакъ передалъ Государю „note confidentielle et personnelle à S. M. l'Empereur Nicolas“ [3]), въ которой говорилось, что принцъ сумѣетъ восторжествовать надъ искушеніями, какими являлись бы петиціи о возстановленіи имперіи со стороны областныхъ совѣтовъ и частныхъ собраній, а также и желаніе арміи, но „если монархисты пожелаютъ вы-„двигать свои права, не признаваемыя націей, то принцъ снова „прибѣгнетъ къ общему голосованію для торжественнаго признанія „себя императоромъ“.

Наше правительство было прекрасно освѣдомлено о томъ, что происходило во Франціи. Кромѣ содержательныхъ донесеній Киселева, графъ Нессельроде получилъ въ концѣ апрѣля обширное письмо проводившаго въ Парижѣ свой отпускъ старшаго совѣтника Министерства Иностранныхъ дѣлъ К. К. Лабенскаго. Въ этомъ замѣчательномъ письмѣ [4]) авторъ разсматриваетъ три вопроса. Первый касается прочности и силы власти Людовика-Наполеона. Лабенскій находитъ ее весьма сильной. „Армія ее „поддерживаетъ, народъ за нее. Устали отъ анархіи, боятся „угрозъ соціализма. Съ общества довольно болтовни трибунъ и „злоупотребленія свободой прессы. Оно хочетъ спокойствія, не „заботясь о томъ, каковъ человѣкъ, который его приноситъ“.

---

[1]) Приложеніе № 46.
[2]) Канцлеръ — Киселеву 5 апрѣля 1852 года, № 152. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France, 1852.
[3]) 15 апрѣля 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France, 1852.
[4]) Приложеніе № 47.

Со временемъ, конечно, общество проснется. Ему надоѣстъ бездѣйствіе, оно почувствуетъ свое униженіе, познавъ тотъ деспотизмъ, которымъ его надѣлила смѣлая кучка авантюристовъ и задолжавшихъ заговорщиковъ. Людовикъ-Наполеонъ дѣлаетъ неправильный расчетъ, думая исключительно опираться на низшіе классы. „Нельзя управлять Франціей, не обращая вниманія на „общественное мнѣніе". Общество также послушно нѣкоторому закону тяготѣнія, и всегда кончается тѣмъ, что мнѣніе высшихъ классовъ опускается и распространяется въ низшихъ.

Вопросъ о возстановленіи имперіи, по мнѣнію Лабенскаго, долженъ разрѣшиться положительно, хотя и неизвѣстно когда именно. Трудно предвидѣть что-либо, когда приходится имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ Людовикъ-Наполеонъ. Отношенія къ нему Европы и въ особенности наши предостереженія произвели на него угнетающее впечатлѣніе. Онъ постарается убѣдить Европу въ необходимости возстановленія имперіи посредствомъ народныхъ манифестацій. Онъ отправится путешествовать; „къ привѣтствіямъ арміи присоединятся привѣтствія департамен„товъ, и по возвращеніи сенатъ займется заключеніемъ дѣла". Лабенскій въ точности предвидѣлъ теченіе событій.

Авторъ письма не предполагалъ, чтобы возстановленіе имперіи угрожало Европѣ неотложной войной. „У васъ, графъ, есть время „свободно закончить курсъ лѣченія въ Киссингенѣ", заключилъ Лабенскій свое интересное письмо.

Киселевъ, съ своей стороны, также сообщалъ, что не слѣдуетъ ожидать немедленнаго провозглашенія имперіи. Народъ и армія благопріятно расположены къ Людовику-Наполеону, но далеки отъ энтузіазма, и президентъ хорошо сознаетъ тѣ политическія затрудненія, которыми должно сопровождаться принятіе имъ императорскаго титула [1]).

Въ это время Императоръ Николай былъ въ Берлинѣ. Туда прибылъ съ особымъ порученіемъ отъ принца-президента къ Государю баронъ Гекеренъ, который, въ качествѣ бывшаго офицера нашей гвардіи [2]), былъ принятъ Императоромъ Николаемъ „condamné et gracié". Онъ изложилъ передъ Государемъ виды Людовика-Наполеона относительно возможнаго измѣненія

---

[1]) Депеши Киселева—канцлеру отъ 6 (18) мая и 28 мая (9 іюня) 1852 г., №№ 49 и 55. Выдержки изъ нихъ помѣщены въ приложеніяхъ №№ 48 и 49.

[2]) Баронъ Гекеренъ — офицеръ Кавалергардскаго полка, убившій на дуэли поэта Пушкина.

формы правленія и надежды на поддержку державъ въ его борьбѣ съ революціонными партіями, при чемъ замѣтилъ, что принцъ-президентъ, съ своей стороны, готовъ дать всякія гарантіи своего миролюбія и уваженія къ трактатамъ; онъ даже приступитъ къ разоруженію.

Въ отвѣтъ на заявленія Гекерена Государь замѣтилъ, что никто въ Европѣ не признавалъ такъ открыто, какъ онъ, заслугъ принца дѣлу поддержанія порядка, и никто такъ искренно не аплодировалъ всѣмъ дѣйствіямъ Людовика-Наполеона, при помощи которыхъ онъ учредилъ во Франціи твердое правительство, опирающееся на прочное основаніе консервативныхъ началъ. Съ другой стороны, Императоръ Николай не скрылъ, что не видитъ необходимости измѣнять въ чемъ-либо прекраснаго положенія принца, но если бы такой случай имѣлъ мѣсто, то Его Величество выскажется о немъ лишь по полученіи гарантій, о которыхъ упомянулъ баронъ Гекеренъ. Когда же посолъ коснулся вопроса о наслѣдственности, то Государь остановилъ его слѣдующими словами: „Я не хочу знать намѣреній Людовика-Наполеона въ „этомъ отношеніи; онъ человѣкъ честный, и я полагаюсь на „него“ [1]). Достойно вниманія, что въ разговорѣ съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ тотъ же Гекеренъ не считалъ нужнымъ говорить о разоруженіи, а по вопросу о наслѣдственности замѣтилъ, что „Людовикъ-Наполеонъ не думаетъ передать власть кому-либо „изъ членовъ своей фамиліи, такъ какъ онъ ихъ презираетъ“ [2]).

Во избѣжаніе возникновенія „сомнѣній относительно словъ, „сказанныхъ Государемъ барону Гекерену“, текстъ разговора былъ сообщенъ для свѣдѣнія нашему послу въ Парижѣ [3]).

Въ тотъ же день графъ Нессельроде сообщилъ Киселеву, что, благодаря путешествію Государя, установилось между тремя сѣверными монархами полное единомысліе по вопросу о провозглашеніи Людовика-Наполеона императоромъ. „Какъ только это „событіе совершится“, писалъ канцлеръ [4]), „вы должны сговориться „съ послами австрійскимъ и прусскимъ, чтобы прежде всего „получить отъ Людовика-Наполеона гарантіи его миролюбивыхъ

---

[1]) Подробное изложеніе разговора съ барономъ Гекереномъ помѣщено въ приложеніи № 50.

[2]) Баронъ Мейендорфъ—Сенявину 17 (29) мая 1852 г., № 73. Арх. Мкн. Ин. дѣлъ. Vienne, 1852—I.

[3]) Канцлеръ—Киселеву 15 (27) мая 1852 г., № 14. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France, 1852.

[4]) Депеша отъ 15 (27) мая, № 15. Тамъ же.

Баронъ Гекеренъ (съ лит. по рис. Л. Вагнеръ 1844 г.).

„намѣреній и *форменное обяза-*
„*тельство* [1]) уваженія существую-
„щихъ трактатовъ и установленнаго
„ими территоріальнаго распредѣ-
„ленія“ [2]). По полученіи этихъ гарантій Киселевъ долженъ былъ признать императорскій титулъ Людовика-Наполеона посредствомъ извѣстной уже декларації, которая была выработана тремя дворами.

Путешествіе Государя и его переговоры съ союзниками, конечно, обратили на себя вниманіе французскаго правительства. Парижскій посолъ въ Вѣнѣ де-Лакуръ (de Lacour) обратился къ графу Буолю, который послѣ князя Шварценберга занялъ постъ перваго министра, съ соотвѣтствующимъ запросомъ, носившимъ частный характеръ, а потому вѣнскому кабинету легко было оставить этотъ запросъ безъ опредѣленнаго отвѣта. Но графъ Буоль предвидѣлъ, что вопросъ повторится въ офиціальной формѣ, и предлагалъ союзнымъ кабинетамъ отвѣчать въ томъ смыслѣ, что три двора, на случай новыхъ событій во Франціи, установили совмѣстность и тождественность своихъ дѣйствій, не опредѣляя пока ихъ ближайшаго характера [3]).

Континентальныя державы рѣшили, послѣ установившагося между ними соглашенія, сдѣлать попытку привлечь на свою сторону и Англію. Съ этой цѣлью ихъ представители вступили въ тайные переговоры съ лордами Дерби и Мальмсбери. Хотя англійскій кабинетъ дружески откликнулся на призывъ союзниковъ, но вскорѣ оказалось, что, по выраженію барона Бруннова, „мы не могли надѣяться на вполнѣ благопріятный результатъ“ [4]).

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) „Vous auriez à vous concerter avec vos collègues d'Autriche et de Prusse pour obtenir „d'abord de la part de Louis-Napoléon des garanties de ses intentions pacifiques et *l'engagement „formel* de respecter les traités existants et les circonscriptions qu'ils ont établis“.

[3]) Фонтонъ — Сенявину 23 мая (4 іюня) 1852 г., № 77. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Vienne, 1852 — I.

[4]) „Nous ne saurions nous en promettre un résultat absolument décisif“.

Великобританскіе министры прямо заявили [1]), что, руководствуясь началомъ полнаго права каждой независимой націи выбирать себѣ любой образъ правленія, Англія признаетъ Людовика-Наполеона императоромъ безъ всякихъ условій. Но лордъ Дерби, находя, что было бы полезно получить отъ президента обязательство въ уваженіи трактатовъ и въ сохраненіи территоріальнаго разграниченія Европы, предлагалъ заключить съ принцемъ-президентомъ конвенцію, въ которой онъ далъ бы эти обязательства за отмѣну статьи, устранявшей Бонапартовъ отъ верховной власти во Франціи. Англійская точка зрѣнія существенно отличалась отъ точки зрѣнія трехъ континентальныхъ державъ, и трудно понять, почему баронъ Брунновъ полагалъ, что переговоры съ британскимъ кабинетомъ принесли пользу „нашимъ дружественнымъ и довѣрчивымъ сношеніямъ съ „Англіей“ [2]).

Наше правительство, очевидно, не могло согласиться на лондонскія предложенія. Конвенція съ Людовикомъ-Наполеономъ въ такомъ видѣ являлась бы частичнымъ пересмотромъ трактатовъ 1814 и 1815 годовъ, о чемъ мы не хотѣли и думать. Императоръ Николай на депешѣ барона Бруннова положилъ по этому поводу слѣдующую отмѣтку [3]): „Вопросъ о наслѣдствен„ности мнѣ кажется непреодолимымъ препятствіемъ въ этомъ „проектѣ; наслѣдственность не можетъ быть принята, и нѣтъ „сомнѣнія, что президентъ, безъ предварительно даннаго на это „согласія, никогда не согласится ни на какое обязательство“.

Иначе смотрѣли на это англичане. Они, видимо, раздѣляли мнѣніе Веллингтона, приведенное въ одной изъ депешъ барона Бруннова [4]). Указавъ на Наполеона I, Карла X и Людовика-Филиппа, знаменитый фельдмаршалъ замѣтилъ, говоря про Францію: „Каждое царствованіе тамъ кончалось изгнаніемъ. Такимъ „образомъ, наслѣдственность во Франціи нельзя принимать въ рас„четъ, какъ вещь вѣроятную. Это только одно предположеніе“.

Въ своей депешѣ баронъ Брунновъ касался также весьма важнаго вопроса о необходимости щадить, по примѣру Англіи, щепетильность представителя верховной власти во Франціи. Это условіе, прибавляетъ баронъ, „будетъ болѣе всего чувствительно

---

[1]) Приложеніе № 51.
[2]) Приложеніе № 52.
[3]) Тамъ же.
[4]) Приложеніе № 53.

„для нашего Августѣйшаго Монарха. Онъ любитъ только истину; „онъ относится съ уваженіемъ только къ тому, что основано на „законности, правѣ и справедливости. По долгу Государя и по „желанію сохранить свѣту благоденствіе мира, онъ сумѣлъ уже „принести не одну жертву для спокойствія Россіи и Европы. „Но это будетъ жертва лично для него“.....

VI.

Между тѣмъ президентъ неуклонно стремился къ осуществленію своей цѣли. Онъ установилъ на 15 августа торжественное празднованіе дня рожденія Наполеона I не только во Франціи, но и во французскихъ посольствахъ, миссіяхъ и консульствахъ за границей. У насъ всякое внѣшнее торжество было запрещено. На послѣдовавшемъ по этому поводу докладѣ сенатора Сенявина [1]) Государь написалъ: „Совершенно согласенъ; разумѣется, что „день рожденія *самого* президента можетъ быть празднованъ, „какъ по обычаю водится при здѣшнихъ иностранныхъ миссіяхъ; „но нѣтъ никакого приличія праздновать рожденіе покойнаго „Наполеона у насъ, откуда препровожденъ былъ съ подобающей „честью отъ Москвы до Ковны. Не только въ Берлинъ и въ „Вѣну, написать слѣдуетъ и въ Парижъ и въ Лондонъ“.

Депеша канцлера съ этимъ распоряженіемъ [2]) была доставлена Киселеву распечатанной. Въ ней говорилось, что событія, связанныя съ днемъ рожденія Наполеона I, не покрыты исторической давностью и могли бы возбудить страсти въ Польшѣ и чувство народной гордости въ Россіи. Далѣе канцлеръ довольно наивно спрашивалъ, не есть ли празднованіе 15 августа пробный шаръ со стороны Людовика-Наполеона?

Событія вскорѣ разсѣяли сомнѣнія графа Нессельроде. „Здѣсь все похоже“, доносилъ Киселевъ [3]), „на приближеніе къ „будущему возстановленію имперіи“ [4]); черезъ нѣсколько же дней онъ сообщалъ [5]), что „общее ожиданіе перемѣны, о которой „говорятъ, какъ о вещи, долженствующей на дняхъ совершиться,

---

[1]) 25 іюня 1852 г. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Доклады, 1852.
[2]) Отъ 30 іюля 1852 г., № 249. Арх. Мин. Ин. дѣлъ, 1852, Paris.
[3]) Депеша отъ 11 (23) сентября 1852 г., № 71. Тамъ же.
[4]) Tout semble marcher et s'apprêter ici à un prochain rétablissement de l'Empire“.
[5]) Въ депешѣ отъ 17 (29) сентября, № 73. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

„оставляетъ очень мало сомнѣнія въ замѣнѣ въ болѣе или менѣе „близкомъ будущемъ республики имперіей“ [1]).

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ, а именно 9 октября, Людовикъ-Наполеонъ произнесъ въ Бордо свою знаменитую рѣчь, которая поставила прямо на очередь вопросъ о возстановленіи въ его лицѣ имперіи [2]). Дальнѣйшее путешествіе принца-президента по Франціи походило уже на тріумфальное шествіе, а его возвращеніе въ Парижъ вызвало восторженную встрѣчу со стороны народа. На аркѣ у Аустерлицкаго моста красовалась надпись „La ville de „Paris à Louis-Napoléon, Empe„reur“, и народныя массы повсюду кричали: „Vive l'Empe„reur“ [3]). На слѣдующій день въ официальномъ „Moniteur“ появилась замѣтка, которая заявляла, что, „въ виду блестя„щей манифестаціи всей Фран„ціи“ въ пользу „возстановле„нія имперіи, президентъ счи„таетъ своей обязанностью по„совѣтоваться съ сенатомъ“.

К. К. Лабенскій
(съ нѣмецк. литогр.).

Въ своемъ посланіи къ сенату Людовикъ-Наполеонъ бросилъ вызовъ Европѣ, указавъ, что возстановленіе имперіи будетъ „мирной местью“ за трактаты 1814 и 1815 годовъ [4]).

Между тѣмъ переговоры между державами по этому предмету вошли въ новую стадію. Англичане начинали опасаться морской демонстраціи со стороны Франціи и полагали, что она предприметъ экспедицію въ защиту Испаніи отъ поползновеній

---

[1]) „L'attente générale d'un changement dont on parle actuellement partout comme d'une „chose qui est à la veille de s'accomplir, ne laisse au fond que peu de doute sur le remplacement „plus ou moins prochain de la République par l'Empire“.

[2]) Приложеніе № 54.

[3]) Куракинъ — канцлеру 4 (16) октября 1852 г., № 5. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Paris, 1852.

[4]) Приложеніе № 55.

Соединенныхъ Штатовъ на островъ Кубу [1]), что, разумѣется, лондонскому кабинету было бы пріятнѣе, чѣмъ болѣе близкая экспедиція безпокойной сосѣдки. Великобританскіе министры начинали чувствовать, по словамъ барона Бруннова [2]), что „имперія не „всегда будетъ означать миръ“ [3]), и это заставило ихъ болѣе внимательно отнестись къ предложенію континентальныхъ державъ о выработкѣ совмѣстныхъ условій признанія новаго императора. Британскій кабинетъ пришелъ къ убѣжденію [4]), что неудобно признавать за новой главой французскаго правительства титулъ Наполеона III, такъ какъ „этотъ титулъ придавалъ бы его власти „законное происхожденіе, какого она никогда не будетъ имѣть „въ глазахъ англійскаго правительства, такъ какъ оно можетъ „признать въ Людовикѣ-Наполеонѣ лишь власть, истекающую „изъ народнаго избранія, но не по праву преемственности“. Противъ этого мѣста депеши Государь отмѣтилъ: „C'est cela“. Когда лордъ Мальмсбери замѣтилъ французскому послу въ Лондонѣ, графу Валевскому, на его увѣдомленіе о намѣреніи Людовика-Наполеона принять титулъ Наполеона III, что этотъ титулъ „заставилъ бы лгать исторію“, французскій посланникъ былъ непріятно смущенъ. Въ результатѣ англійское правительство рѣшило сговориться по этому вопросу съ союзными дворами.

Мнѣніе нашего двора можно было предвидѣть. На депешѣ барона Бруннова Государь написалъ: „Очень хорошо; мое мнѣніе „называть его *Louis-Napoléon, Empereur des Français* и только. „Если онъ будетъ сердиться, тѣмъ хуже для него, а если онъ „станетъ дерзкимъ, то Киселевъ покинетъ Парижъ“ [5]).

Въ исполненіе приведенной резолюціи Государя 29 октября графъ Нессельроде сообщилъ нашимъ представителямъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ обширный меморандумъ [6]), въ которомъ излагалась точка зрѣнія петербургскаго кабинета. Въ частномъ же письмѣ къ барону Бруннову [7]) канцлеръ приводилъ многочисленныя основанія, которыя должны были убѣдить англичанъ, что признаніе императора французовъ подъ именемъ Наполеона III

---

[1]) Баронъ Брунновъ — канцлеру 21 октября (2 ноября) 1852 г., № 233. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852.
[2]) Тамъ же.
[3]) „L'Empire ne sera pas toujours la paix“.
[4]) Приложеніе № 56.
[5]) Тамъ же.
[6]) Приложеніе № 57.
[7]) Приложеніе № 58.

невозможно, и отказъ державъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть оскорбителенъ для Франціи, такъ какъ онъ касается не самой имперіи и не императора, а цифры III, которая уничтожала бы существовавшіе трактаты.

Самъ меморандумъ повторялъ эти разсужденія на пятнадцати страницахъ, писанныхъ, впрочемъ, довольно размашистымъ почеркомъ. Онъ начинался замѣчаніемъ, что майскій протоколъ соглашенія трехъ державъ не предвидѣлъ возможности, „которой мы „отказываемся вѣрить,—такъ она безразсудна“, приставки къ имени будущаго императора Наполеона цифры III. Признать ее значило бы отрицать все прошедшее, и союзныя державы не могутъ согласиться на такой титулъ. „Государь не сдѣлаетъ этого, „такъ какъ онъ рѣшился не забывать памяти своего покойнаго „брата, связанной со славной для Россіи эпохой“.

Графъ Нессельроде предлагалъ державамъ немедленно принять необходимыя мѣры предосторожности, чтобы Людовикъ-Наполеонъ не думалъ, что „онъ можетъ отважиться на все“. Канцлеръ рекомендовалъ предупредить президента, такъ какъ, „можетъ-быть, предвидѣнное непризнаніе его державами не оста„нется безъ вниманія... Иначе же можетъ наступить минута, когда „ни одной изъ сторонъ нельзя будетъ отступить съ честью“. Замѣчаніе относительно цифры III относилось также и къ титулу Алжирскаго короля, если бы президентъ пожелалъ его принять, и къ титулу Протектора Святыхъ мѣстъ, котораго Императорскій кабинетъ несомнѣнно не признаетъ.

Государь одобрилъ меморандумъ, вычеркнувъ изъ него лишь неудачную ссылку графа Нессельроде на примѣръ Людовика-Филиппа, не назвавшагося ни Людовикомъ XIX, ни Филиппомъ V.

Въ началѣ ноября, отправляя бывшаго въ отпуску Киселева обратно въ Парижъ, Императоръ Николай обратился къ принцу-президенту съ собственноручнымъ письмомъ [1]). „Никто болѣе „меня“, писалъ Государь, „не оцѣнитъ энергіи вашего характера, „вашего умѣнья управлять страной и вашего участія въ подавленіи „во Франціи анархіи и въ возстановленіи порядка. Но чѣмъ „искреннѣе мои чувства, тѣмъ мнѣ больнѣе было узнать, что „вы намѣреваетесь вступить на путь, который васъ поставитъ „внѣ Европы. Всѣ державы единодушно признаютъ новую форму „правленія, которую Франція, въ полной своей независимости,

[1]) Приложеніе № 59.

Баронъ Гюбнеръ, австр. пос. въ Парижѣ (съ лит. А. Лемуанъ).

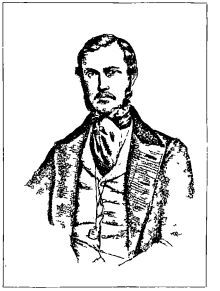
„готова себѣ дать. Но онѣ не „могутъ принять положенія, въ „которое вы ихъ поставите, за„ставляя ихъ однимъ призна„ніемъ династическаго имени, „которое вы желаете принять, „отказаться отъ политическаго „прошлаго. Изъ уваженія къ „себѣ онѣ не могутъ согла„ситься объявить ничтожными „и недѣйствительными собы„тія, договоры, наконецъ, весь „порядокъ вещей, который „Европа признаетъ существую„щимъ 38 лѣтъ. Не ставьте „ихъ въ это положеніе. Избѣ„гайте возбуждать вопросъ, за„ключающій зачатки споровъ, „щепетильностей, непримири„мыхъ требованій и безъ нужды „возжигающій страсти прež„нихъ лѣтъ. Мы всѣ желаемъ „жить съ вами въ добромъ „согласіи, не отнимайте же „отъ насъ средствъ для этого. Историческіе факты не могутъ „быть стерты словами. Примите ихъ въ прошедшемъ, какъ мы „принимаемъ въ настоящемъ измѣненія, вызываемыя вашимъ вос„шествіемъ на императорскій престолъ. Я уполномочиваю моего „посланника развить передъ вами всю мою мысль по этому пред„мету и ограничиваюсь пожеланіями, чтобы въ этомъ важномъ слу„чаѣ Провидѣніе вдохновило васъ рѣшеніемъ, сообразнымъ какъ „съ вашими интересами, такъ и съ интересами остального міра".

Дѣлая изъ чувства долга эту послѣднюю попытку, Государь едва ли могъ думать, что письмо отъ 5 ноября измѣнитъ рѣшеніе президента.

Тѣмъ временемъ въ дипломатической перепискѣ возникли вопросы этикета, связанные съ предстоящимъ признаніемъ неминуемаго уже измѣненія во Франціи формы правленія.

Австрійскій дворъ, въ противность прежняго мнѣнія князя Шварценберга, началъ склоняться къ тому убѣжденію, чтобы

государи въ своихъ обращеніяхъ къ новому императору французовъ писали ему: „Monsieur mon frère“ [1]). Графъ Нессельроде возбуждалъ вопросъ о томъ, какъ поступить аккредитованнымъ при президентѣ представителямъ союзныхъ державъ, если бы онъ пригласилъ ихъ на торжество возстановленія имперіи, и предлагалъ, чтобы они явились въ Тюильри только въ томъ случаѣ, если цѣль торжества не будетъ упомянута, и вслѣдъ за провозглашеніемъ объявили бы о прекращеніи своихъ полномочій [2]). Второстепенныя нѣмецкія державы испрашивали въ Вѣнѣ соотвѣтствующихъ инструкцій, и австрійскій кабинетъ объявилъ, что его представитель останется въ Парижѣ, но будетъ считать свои полномочія прекратившимися [3]). Лордъ Мальмсбери продолжалъ еще говорить о невозможности признанія титула Наполеона III, и графъ Буоль радовался соглашенію съ с.-джемскимъ кабинетомъ, „къ которому несомнѣнно при„мкнутъ петербургскій и берлинскій „дворы“ [4]); въ своей инструкціи послу въ Парижѣ онъ прямо указывалъ на необходимость выказать передъ французскимъ правительствомъ полную солидарность союзныхъ дворовъ.



Тувенель
(съ франц. рис. того времени).

Король прусскій также интересовался вопросомъ о формѣ обращенія къ новому императору въ кабинетныхъ письмахъ и хотя упоминалъ о наименованіи „mon frère“, которое было дано покойнымъ королемъ Людовику-Филиппу, но рѣшилъ во всемъ слѣдовать указаніямъ нашего кабинета [5]). Король склонялся къ мысли, предложенной лордомъ Мальмсбери, о созывѣ конференціи для установленія программы поведенія четырехъ великихъ державъ

---

[1]) Приложеніе № 60.

[2]) Циркулярная депеша графа Нессельроде отъ 6 ноября 1852 года, №№ 394—396. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852.

[3]) Приложеніе № 61.

[4]) Приложенія №№ 62, 63 и 64.

[5]) Мантейфель—Рохову 31 октября 1852 г.; Будбергъ—канцлеру 6 (18) ноября 1852 г., №№ 119 и 122. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Prusse, Berlin, 1852.

по отношенію къ Франціи. Онъ вообще смотрѣлъ на Людовика-Наполеона, какъ на бичъ Божій, называлъ его „воплощенной „революціей“ и „хищной птицей“ [1]). Онъ боялся колебаній Австріи и Англіи и писалъ Бунзену, что „исторія не обезчеститъ лишь „Императора Николая и его—короля“ [2]).

Великобританскій кабинетъ, дѣйствительно, колебался. Онъ удовлетворился объясненіями Людовика-Наполеона лорду Коулею, что принятіе имъ титула Наполеона III не угрожаетъ ни Англіи, ни Европѣ. Принцъ высказалъ, что всѣ правительства, бывшія во Франціи съ 1815 года, онъ считаетъ законными, что его власть имѣетъ единственнымъ основаніемъ народную волю, и онъ не называетъ себя по преемственности своего рода Наполеономъ V и начало царствованія будетъ считать со дня провозглашенія имперіи.

Лордъ Мальмсбери сообщилъ барону Бруннову эти объясненія принца съ видимымъ удовольствіемъ [3]). Но нашъ посланникъ такого удовольствія не высказалъ. „Если Людовикъ-Наполеонъ“, писалъ баронъ, „не первый, а третій, то онъ продолжаетъ „серію, начатую до него; это очевидно“. Къ удивленію барона Бруннова англійскій министръ не убѣдился этой логикой. Онъ замѣтилъ, что цифра III есть простая ариѳметическая формула, теряющая всякое династическое значеніе, если она не опирается на наслѣдственное право, отъ котораго Людовикъ-Наполеонъ самъ отказывается. Лордъ Дерби вполнѣ раздѣлялъ взгляды своего товарища и находилъ, что меморандумъ графа Нессельроде является нѣсколько запоздавшимъ, а его разсужденія неприложимыми послѣ новыхъ объясненій французскаго правительства. Англійскіе министры предлагали собрать конференцію въ Лондонѣ, но баронъ Брунновъ возсталъ противъ этой мысли, такъ какъ конференція „не будетъ имѣть опредѣленнаго основанія, если „британское правительство, находясь изо дня въ день подъ „вліяніемъ объясненій, органомъ которыхъ служитъ лордъ Коулей, „удовлетворится тѣмъ порядкомъ вещей, на который три союзные „двора могутъ смотрѣть съ совершенно иной точки зрѣнія [4])…..

---

[1]) „Aus dem Briefwechsel Friedrich-Wilhelms IV und Bunsen“ Леопольда Ранке, стр. 295—300.

[2]) Будбергъ — канцлеру 6 (18) ноября 1852 г., № 121. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Berlin, 1852.

[3]) Приложеніе № 65.

[4]) „И это именно то, чего я хочу избѣжать“, замѣтилъ Государь противъ этого мѣста депеши Бруннова.

„Тамъ, гдѣ не имѣется твердо установившагося рѣшенія настаи-„вать общими силами на системѣ, ясно опредѣленной, необходимо „спасти по крайней мѣрѣ полную независимость взглядовъ „каждаго кабинета. Нашъ кабинетъ судитъ настоящее положеніе „такъ, какъ оно ему представляется. Онъ воспользуется впослѣд-„ствіи полной свободой дѣйствій и приметъ то, что его удовле-„творитъ, и отвергнетъ не подходящее къ этимъ условіямъ". Это мѣсто разсужденій нашего посла удостоилось слѣдующей отмѣтки Государя: „Bravo, merci, Brunnow!".

Баронъ Брунновъ искалъ утѣшенія у австрійскаго посланника, и эти два дипломата пришли къ заключенію, что великобритан-скіе министры „окончатъ принятіемъ цифры III въ видѣ молча-„ливаго допуска, если не въ видѣ точнаго признанія. Они скло-„няются къ рѣшенію, избавляющему ихъ отъ опредѣленнаго по-„ложенія, котораго они не въ силахъ долго удержать".

Мѣрка какой-то салонной трусости и отваги, личной чести и личной обидчивости примѣнялась нашимъ дипломатомъ къ дѣятельности англійскихъ министровъ. Въ депешѣ нѣтъ ни одного слова о политическихъ интересахъ Великобританіи и о значеніи для насъ и для нея дружбы съ будущей французской имперіей. Эти донесенія производили такое впечатлѣніе, что будто нашъ дипломатъ, зная рыцарскія и благородныя чувства Императора Николая, писалъ ихъ не для того, чтобы освѣдомить свое правительство объ истинномъ положеніи дѣлъ, а единственно съ цѣлью заслужить похвалу за смѣлыя, рыцарскія рѣчи, обра-щаемыя къ „трусливымъ" англійскимъ министрамъ.

Включеніе вопросовъ чести въ политическіе переговоры было органическимъ недугомъ нашей дипломатіи, которая къ тому же не ограничивалась заботами только о чести одной Россіи. Графъ Нессельроде вполнѣ сходился съ барономъ Брунновымъ относи-тельно отклоненія созыва конференціи въ Лондонѣ и продолжалъ убѣждать Англію въ необходимости не признавать титула Напо-леона III. „Покажемъ ему", пишетъ канцлеръ, „что есть вопросы, „въ которыхъ великія державы не сдѣлаютъ уступокъ; ихъ и такъ „сдѣлано много. По несправедливому требованію г-на Жерома „Бонапарта, за нимъ признано право первенства передъ послан-„никами, хотя онъ не принцъ крови, а простой французскій чинов-„никъ..... Если мы", замѣчаетъ далѣе графъ Нессельроде, „по-„пустимся теперь европейской честью, то можемъ быть увѣрены, „что Людовикъ-Наполеонъ пойдетъ еще далѣе и будетъ совершать

Графъ Гацфельдтъ, прусск. пос. въ Парижѣ (съ лит. Э. Де-Мезонъ, 1856 г.).

„свою „мирную месть“ [1]) въ „Бельгіи, Савойѣ, Тунисѣ, „Марокко, Константинополѣ“. Канцлеръ, упомянувъ между прочимъ о вызовѣ, брошенномъ президентомъ державамъ въ его посланіи Сенату [2]), счелъ долгомъ отмѣтить, что Императоръ Николай въ вопросѣ о цифрѣ III считаетъ замѣшанной свою честь [3]).

Тѣмъ временемъ Куракинъ сообщалъ изъ Парижа, что между президентомъ и англійскимъ посломъ лордомъ Коулей установились близкія отношенія и Друэнъ-де-Люисъ заявилъ австрійскому представителю о признаніи Англіей титула „Наполеонъ III“ [4]). Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ объяснялъ также законность этого титула генералу Кастельбажаку [5]). „Гдѣ же“, писалъ онъ, „хотятъ ви„дѣть во всемъ этомъ намѣреніе уничтожить предшествовавшія „событія, заставить Европу отречься отъ того, что она сдѣлала? „Это неосновательное подозрѣніе, которымъ можно прикрывать „лишь предвзятое неблагорасположеніе, но это не есть серіозный „доводъ, на который могло бы опираться правительство разсу„дительное и благорасположенное. Мы не просимъ Европу от„казываться отъ совершенныхъ ею актовъ, но мы надѣемся, что „она не будетъ отрицать и нашихъ и не упразднитъ царствованія „Наполеона II, хотя оно и продолжалось только восемь дней“ [6])…..

---

[1]) Его выраженіе въ посланіи къ Сенату.

[2]) Приложеніе № 66.

[3]) Приложеніе № 67.

[4]) Шифрованная депеша Куракина — канцлеру 10 (22) ноября 1852 года, № 30. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Paris, 1852.

[5]) Друэнъ-де-Люисъ — Кастельбажаку 15 ноября 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. France, 1852.

[6]) „Où voit-on dans tout cela la prétention de supprimer les faits intermédiaires, d'obliger „l'Europe à renier ce qu'elle a fait? C'est une supposition gratuite, qui peut couvrir un parti

Въ бесѣдѣ съ Куракинымъ [1]) французскій министръ высказался совершенно откровенно. Онъ замѣтилъ, что Англія вполнѣ удовлетворилась его объясненіями, и что, если другія государства будутъ придерживаться системы недовѣрія и недоброжелательства, то имъ нечего будетъ удивляться, въ случаѣ Франція бросится въ объятія Великобританіи и постарается привлечь къ этому союзу еще нѣкоторыя государства континента. „Развѣ можемъ мы „оставить нашихъ друзей“, объяснилъ Друэнъ-де-Люисъ свою мысль, „для тѣхъ, которые намъ показываютъ только холодность „и дурное расположеніе?“ [2]). Свой разговоръ представитель принца-президента закончилъ восхищеніемъ личностью Императора Николая. „Я не знаю, что я далъ бы“, заключилъ онъ, „чтобы отправиться „къ вамъ и находиться лицомъ къ лицу съ вашимъ великимъ „Монархомъ!“ [3]).

Усилія французскаго правительства не привели, однако, ни къ какому результату. Почти уже наканунѣ провозглашенія имперіи графъ Нессельроде продолжалъ спорить противъ доводовъ представителей Людовика-Наполеона. Упомянувъ въ своей депешѣ къ Киселеву [4]) о различіи, существующемъ между принципомъ чистаго монархизма и властью, данною волею народною, канцлеръ выражалъ сомнѣніе, чтобы въ нравственномъ отношеніи такая имперія могла служить гарантіей общаго спокойствія. Но на этотъ исключительно французскій вопросъ графъ Нессельроде смотрѣлъ, какъ не касавшійся Европы, и всѣ свои возраженія направлялъ противъ наслѣдственныхъ предположеній принца-президента. „Намъ говорятъ“, писалъ канцлеръ, „что императоръ „Наполеонъ II царствовалъ юридически и фактически, что онъ „былъ провозглашенъ палатами, и что правительственные акты „издавались отъ его имени. Это, можетъ-быть, хорошо для Франціи, „но для Европы дѣло обстоитъ иначе. Для Европы съ 1814 года „самъ Наполеонъ I переставъ царствовать во Франціи; онъ въ

„pris de mauvais vouloir, mais ce n'est pas un argument sérieux que puisse objecter un gouver-„nement sensé et bienveillant. Nous ne demandons pas à l'Europe de renier ses actes, mais nous „entendons ne point renier les nôtres et ne pas supprimer le règne de Napoléon II, n'eût-il duré „que huit jours“.....

[1]) Куракинъ—канцлеру 15 (27) ноября 1852 года, № 35. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

[2]) „Pourrons-nous abandonner nos amis pour ceux qui ne nous montreront que de la „froideur ou du mauvais vouloir?“

[3]) „Je ne sais ce que je ne donnerais pas pour aller chez vous, pour me trouver face „à face avec votre grand Monarque!“

[4]) Отъ 19 ноября 1852 года, № 414. Депеша эта была доставлена Киселеву распечатанной. Она помѣщена въ приложеніи № 67.

„1815 году не могъ отказываться отъ престола въ пользу не-
„присутствовавшаго сына, который для остального міра не цар-
„ствовалъ поэтому ни юридически, ни фактически... Вотъ двѣ
„исторіи и два международныхъ права (droits publics), открыто
„выставленныя на видъ".

Разсужденія канцлера встрѣтились въ дорогѣ съ депешей Киселева [1]), подробно описывавшей аудіенцію 17 (29) ноября, въ которой онъ вручилъ Людовику-Наполеону вышеприведенное письмо Государя. Нашъ посолъ началъ съ увѣренія, что Императоръ Николай питаетъ по отношенію къ принцу чувства „благо-
„склонности, сочувствія и симпатіи", что Государь „удивлялся его
„откровенности и смѣлости" и умѣетъ цѣнить услуги, оказанныя имъ поддержанію порядка и власти. Съ своей стороны, Людовикъ-Наполеонъ, прочитавъ письмо, сказалъ Киселеву, что могъ бы отвѣтить Императору его же словами, которыя примѣняются не къ державамъ, а къ принцу. „Я не могу принять положенія", прочиталъ онъ, „которое меня обязываетъ отказаться отъ про-
„шлаго и объявить несуществовавшимъ все то, что меня касается
„такъ близко, не посягнувъ на достоинство Франціи и мое. Я
„увѣренъ, зная характеръ Императора, что онъ сказалъ бы, что
„я дѣлаю подлость, не принимая имени, которому я всѣмъ обя-
„занъ, и которое составляетъ всю мою силу".

Киселевъ совѣтовалъ принцу писать Государю откровенно и свободно, но въ то же время убѣждалъ его отказаться отъ принятія имени Наполеона III и подвергъ рѣзкой критикѣ выраженіе посланія президента сенату „vengeance pacifique", придавая преувеличенное значеніе этому болѣе эффектному, чѣмъ существенному выраженію. Въ заключеніе нашъ посолъ обратилъ вниманіе своего собесѣдника на то, что Россія всѣми мѣрами старается никого не обидѣть, но это вызвало въ отвѣтъ со стороны президента грустный вздохъ: „Ah, cependant!"

Все это происходило почти наканунѣ провозглашенія имперіи, когда было уже извѣстно, что Англія признаетъ цифру III, и что эта цифра несомнѣнно будетъ принята новымъ императоромъ.

---

[1]) Приложеніе № 68.

VII.

Французскимъ сенатомъ еще за мѣсяцъ до вышеприведенной аудіенціи нашего посланника было принято предложеніе комиссіи о „возстановленіи императорскаго достоинства въ пользу Людо-„вика-Наполеона и его „потомства". 21 ноября нов. ст. было всенародное голосованіе, а 1 декабря законодательный корпусъ провозгласилъ результаты плебисцита, при чемъ за предложеніе сената было подано 7.824.189 голосовъ противъ 253.145 голосовъ, и воздержалось отъ голосованія болѣе двухъ милліоновъ гражданъ.

Императоръ Наполеонъ III.

Въ ночь на 2 декабря, тотчасъ по окончаніи подсчета, въ замокъ Сенъ-Клу, гдѣ проживалъ президентъ, отправились въ каретахъ, предшествуемыхъ факелами, сенаторы, депутаты и государственные совѣтники. Новый императоръ на ихъ привѣтствія отвѣтилъ, что онъ разсчитываетъ на сотрудничество „независимыхъ людей, которые ему помогутъ „своими совѣтами и введутъ его власть въ надлежащія границы, „если бы она когда-либо ихъ перешагнула". Свой пріемъ Наполеонъ III закончилъ словами: „Я не только признаю правитель-„ства, которыя мнѣ предшествовали, но въ нѣкоторомъ смыслѣ „я наслѣдую то, что ими сдѣлано хорошаго или дурного.... „Мое царствованіе начинается не съ 1815 года, а съ настоящей „минуты, когда вы сообщаете мнѣ волю націи"....

Офиціальное увѣдомленіе о преобразованіи верховной власти во Франціи было сдѣлано Друэнъ-де-Люисомъ 2 декабря [1]). „Новый императоръ", писалъ французскій министръ, „вступаетъ „милостью Божественнаго Провидѣнія на престолъ вслѣдствіе „почти единогласнаго призыва французскаго народа... Я спѣшу „исполнить приказаніе главы государства и сообщить черезъ васъ „правительству Императора Всероссійскаго объ его восшествіи „на престолъ. Это преобразованіе въ политической конституціи „Франціи требуетъ, по обычаю, чтобы дипломатическіе предста„вители, аккредитованные въ Парижѣ, такъ же, какъ и представи„тели императора французовъ при иностранныхъ дворахъ, полу„чили новыя вѣрительныя грамоты. Однако, пока исполнится „эта двойная формальность, мнѣ будетъ пріятно поддерживать „съ вами офиціозно сношенія, соотвѣтствующія доброму со„гласію, которое существуетъ и не перестанетъ существовать „между нашими правительствами. Дѣйствительно, если Франція „избираетъ себѣ образъ правленія, наиболѣе подходящій къ ея „нравамъ, преданіямъ и къ мѣсту, занимаемому ею въ мірѣ, „если возстановленіемъ монархіи ея интересы получаютъ га„рантію, которой имъ недоставало, то въ этомъ нѣтъ ничего, „что могло бы измѣнить ея внѣшнее положеніе. Императоръ „признаетъ и одобритъ все то, что въ теченіе четырехъ лѣтъ „призналъ и одобрилъ президентъ республики. Та же рука, та же „мысль будутъ управлять судьбами Франціи, а опытъ, совершен„ный при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, достаточно дока„залъ, что французское правительство, ревниво оберегая свои „права, равно уважаетъ чужія и придаетъ величайшую цѣну со„храненію общаго мира"...

Императоръ Николай нашелъ это сообщеніе весьма удовлетворительнымъ. На препроводительной депешѣ Киселева, въ которой онъ между прочимъ сообщалъ о собраніи у него посланниковъ для выработки общаго отвѣта, Государь написалъ [2]): „Я нахожу французское сообщеніе очень приличнымъ; соединеніе „*у Киселева* англійскаго министра со всѣми другими примѣча„тельно; можетъ-быть, отвѣтъ всѣхъ четырехъ будетъ одинаковъ" [3]).

---

[1]) Приложеніе № 69.

[2]) Киселевъ—канцлеру 20 ноября (2 декабря) 1852 года, № 77. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Paris, 1852.

[3]) „Je trouve la pièce française fort convenable; le fait de la réunion du ministre anglais „avec les autres *chez Kissélew* est digne de remarque; peut-être sera-t-il possible que notre „réponse à tous quatre soit identique".

Тѣмъ временемъ дипломатическія перья продолжали скрипѣть въ канцеляріяхъ всѣхъ европейскихъ кабинетовъ. Все еще продолжалъ обсуждаться вопросъ о цифрѣ „III“ и о томъ, должны ли государи писать императору французовъ: „Monsieur mon frère“, или какъ-нибудь иначе.

Еще въ то время, когда предполагалось, что Англія не приметъ цифры „III“, Австрія высказывала мнѣніе, что новому императору придется писать „frère“, потому что такое обращеніе примѣнялось и къ королю Людовику-Филиппу [1]). Что касается до поднятаго графомъ Нессельроде вопроса о династической цифрѣ, то, по мнѣнію графа Буоля, онъ можетъ быть оставленъ открытымъ, если новое французское правительство не затронетъ его въ своихъ сообщеніяхъ само [2]). Черезъ нѣсколько дней австрійскій министръ сообщилъ нашему представителю Фонтону свой взглядъ въ болѣе опредѣленной формѣ [3]). По его мнѣнію, три державы должны настаивать на слѣдующемъ: 1) признаніе ими перемѣны образа правленія во Франціи должно послѣдовать одновременно; 2) если Людовикъ-Наполеонъ раньше не дастъ гарантій относительно трактатовъ и территоріальныхъ границъ, то упомянуть объ этихъ гарантіяхъ въ актѣ признанія; 3) не признавать цифры „III“, и если будетъ о ней рѣчь во французскомъ сообщеніи, то отвергнуть ее заявленіемъ, что для державъ Наполеонъ II никогда не царствовалъ, и 4) майскій протоколъ по вопросу о наслѣдственности долженъ оставаться въ силѣ. Графъ Буоль затрогивалъ вопросъ и объ обращеніи „mon frère“. Онъ заявлялъ, что Австрія согласна на это обращеніе, если его предпочтутъ два другіе двора, но, съ своей стороны, она предпочла бы титулъ „sire“, такъ какъ не признаетъ за Людовикомъ-Наполеономъ династическаго права ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Эти предложенія австрійскаго правительства были утверждены слѣдующей помѣткой Императора Николая на депешѣ Фонтона: „Для насъ не мо„жетъ быть вопроса о Наполеонѣ III, такъ какъ эта цифра не„лѣпость; обращеніе должно быть: „Его величеству, императору „французовъ“, *совершенно коротко,* и подписано не „братъ“, а

---

[1]) Графъ Буоль — графу Мендорфу 11 ноября 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Autriche, 1852.

[2]) Графъ Буоль — графу Мендорфу 21 ноября 1852 года. Тамъ же.

[3]) Фонтонъ — канцлеру 21 ноября (2 декабря) 1852 года, № 165. См. приложеніе № 70.

„только „Францъ-Іосифъ“, „Фридрихъ-Вильгельмъ“ и „Николай“, „а, если возможно, то и „*Викторія*“ [1]).

Прусскій дворъ въ половинѣ ноября, съ своей стороны, заявилъ [2]), что онъ „безъ колебанія принимаетъ всѣ возможныя „послѣдствія твердаго и энергичнаго положенія, которое три кон„тинентальныхъ державы и Англія сообща примутъ противъ бу-

Князь А. М. Горчаковъ
(съ портр. масл. красками, Мин. Ин. дѣлъ).

„дущаго императора французовъ“ [3]). Но прусская „attitude ferme“ поколебалась, когда стало извѣстно настроеніе великобританскаго правительства, и когда французскій представитель Вареннъ объяснилъ прусскимъ министрамъ, что цифра „III“ имѣетъ лишь „внутреннее“ значеніе и не можетъ относиться къ внѣшнимъ сношеніямъ Франціи. „Вотъ какъ!“ иронически замѣтилъ Императоръ Николай на поляхъ депеши нашего посла [4]).

---

[1]) „Il ne peut être question pour nous de Napoléon III, car ce chiffre est absurde: l'adresse „doit être: à S. M. l'Empereur des Français *tout court*, et signée non frère, mais tout court „François-Joseph, Frédéric-Guillaume et Nicolas et, s'il est possible, *Victoria*“.

[2]) Баронъ Мантейфель — Рахову 26 ноября.

[3]) „Il accepte sans hésitation toutes les conséquences possibles d'une attitude ferme et „énergique que prendront en commun les trois puissances continentales et l'Angleterre vis-à-vis „du futur empereur des Français“.

[4]) Будбергъ—канцлеру 22 ноября (4 декабря) 1852 г., № 132. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Berlin, 1852.

Представители державъ въ Лондонѣ, собравшись у лорда Мальмсбери, старались выработать правила общаго по отношенію къ Франціи поведенія и составили меморандумъ [1]), согласно котораго они установляли, что происшедшая въ этой странѣ перемѣна правительства есть ея внутреннее дѣло, почему державы не находятъ нужнымъ высказываться по поводу этой перемѣны и будутъ продолжать съ Франціей отношенія добраго согласія, какъ съ прежними ея правительствами. Въ виду происшедшихъ съ 1815 года измѣненій, державы рѣшились признать принца-президента императоромъ французовъ, что должно было служить для Франціи гарантіей ихъ миролюбивыхъ намѣреній. Меморандумъ останавливался на данныхъ Людовикомъ-Наполеономъ объщаніяхъ относительно охраненія общаго спокойствія, выражалъ надежды державъ на исполненіе этихъ объщаній и заявлялъ, что державы будутъ защищать освященный трактатами statu quo. Онъ былъ помѣченъ 3 декабря для того, чтобы предшествовать отправленной лорду Коулею депешѣ о высылкѣ ему въ Парижъ новыхъ кредитивныхъ грамотъ [2]).

Три дня спустя, баронъ Брунновъ сообщалъ о послѣдовавшихъ въ палатахъ лордовъ и общинъ объясненіяхъ лорда Мальмсбери и сэра Дизраэли касательно происшедшей во Франціи перемѣны и о томъ, что великобританское правительство, удовольствовавшись объясненіями новаго императора, признало эту перемѣну безъ всякихъ ограниченій [3]). Это извѣстіе вызвало слѣдующую замѣтку Государя: „Все это похоже на то, когда „дѣти говорятъ, когда боятся — дядюшка, боюсь! Въ этомъ меня „окончательно убѣдили донесенія Горчакова [4]), которыя я получилъ „сегодня вечеромъ. Любопытно, какъ наивно со стороны англій-„скихъ министровъ сознаніе страха; это печально". Такое мнѣніе Государя можно поставить въ связь съ другой болѣе ранней депешей Бруннова [5]), въ которой говорилось объ опасеніяхъ лорда Абердина и другихъ министровъ по поводу слуховъ, что Людовикъ-Наполеонъ, „кажется, задумалъ нападеніе на Англію".

Донесенія изъ Парижа давно уже подтверждали близкія отношенія, установившіяся между президентомъ и лордомъ Коулей,

---

[1]) Приложеніе № 71.

[2]) Баронъ Брунновъ — канцлеру 22 ноября (4 декабря) 1852 года, № 287. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852.

[3]) Приложеніе № 72.

[4]) Нашъ представитель при виртембергскомъ дворѣ.

[5]) Приложеніе № 73.

а потому надо было ожидать, что Великобританія одною изъ первыхъ признаетъ императора Наполеона III [1]), что въ дѣйствительности и случилось; при этомъ кабинетныя письма всѣхъ поторопившихся признать имперію дворовъ начинались формулой: „Monsieur mon frère".

Киселевъ, сообщая объ этомъ [2]), замѣчаетъ, что „все вни-„маніе Тюильрійскаго дворца теперь обращено въ сторону Россіи. „Съ огромнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ извѣстій, какой пріемъ „именно у насъ встрѣтятъ сообщеніе о перемѣнѣ правленія и „рѣчь въ Сенъ-Клу, и считаютъ дни, когда можетъ прибыть „признаніе изъ Петербурга" [3]).

У насъ между тѣмъ не торопились и продолжали бесѣдовать съ Вѣной, Берлиномъ и Лондономъ. Австрійцы спорили съ англичанами о томъ, что цифра „III" при имени Наполеона является самымъ формальнымъ „отказомъ отъ всей прошедшей „исторіи" [4]), сообщали о томъ же въ Петербургъ и безпокоились о формулѣ „frère" въ кабинетныхъ письмахъ. При этомъ Австрія вновь заявляла, что она согласна на такое наименованіе, но предпочитаетъ короткое „sire" [5]). Государь написалъ противъ этого мѣста вѣнской депеши: „Sire et Votre Majesté et pas de frère". Графъ Нессельроде находилъ болѣе подходящими свои предложенія, и Императоръ Николай замѣтилъ на его докладѣ [6]): „Я совершенно согласенъ съ вами относительно сообщеній, „которыя нужно сдѣлать въ Парижъ; мы ограничимся тѣмъ, „о чемъ говорили. Я также остаюсь при рѣшеніи подписаться „очень коротко, какъ я это дѣлалъ до сихъ поръ — *votre ami* „Nicolas".

Но черезъ нѣсколько дней взгляды графа Буоля измѣнились, и онъ выражалъ нашему представителю сожалѣніе о томъ, что поднялъ вопросъ о титулѣ „frère", такъ какъ отказъ Наполеону

---

[1]) Первымъ поторопился вручить свои грамоты неаполитанскій посланникъ, сдѣлавшій это чуть ли не на другой день послѣ провозглашенія имперіи. За нимъ быстро послѣдовали Англія, Бельгія, Швейцарія, Сардинія, Испанія, Нидерланды и Данія. (Депеши барона Брунова и Киселева. Арх. Мин. Ин. дѣлъ).

[2]) Киселевъ — канцлеру 27 ноября (9 декабря) 1852 г., № 83. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

[3]) „Toute l'attention des Tuileries est à present tournée vers la Russie. C'est de chez „nous qu'on attend avec le plus d'impatience et de curiosité la nouvelle comment la notification „et le discours de St-Cloud auront été accueillis et jugés et l'on compte les jours pour savoir „quand la reconnaissance pourra arriver de St-Pétersbourg".

[4]) Графъ Буоль - графу Коллоредо 27 ноября 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Autriche, 1852.

[5]) Приложеніе № 74.

[6]) Приложеніе № 75.

въ такомъ обращеніи, при одновременномъ признаніи его императоромъ, являлся бы „проявле„ніемъ недовольства, мало согласнымъ съ достоинствомъ дер„жавъ“ [1]).

Баронъ Буркеней, предст. Австріи въ Парижѣ (съ лит. Лантэ).

Несмотря на видимыя колебанія Австріи, въ намѣреніяхъ петербургскаго кабинета не произошло никакихъ измѣненій. 5 декабря графъ Нессельроде докладывалъ проекты депешъ новому французскому правительству, и Государь написалъ на докладѣ [2]): „Отлично, и больше нечего при„бавлять. Можетъ представиться „и долженъ быть предвиденъ „одинъ только случай, хотя и „мало вѣроятный, это, если ми„нистръ не приметъ писемъ безъ „обращенія *„monsieur mon frère“;* „въ этомъ случаѣ официальная „дѣятельность прекратится, и онъ испроситъ новыхъ приказаній. „Я думаю, что, можетъ-быть, было бы полезно сговориться съ „Вѣной и Берлиномъ, чтобы наши министры въ данномъ случаѣ „поступили одинаково“ [3]).

Фонтону было сообщено въ Вѣну, что наши вѣрительныя грамоты не будутъ заключать обращенія „frère“ [4]). Въ другой же депешѣ, отправленной ему въ тотъ же день [5]), канцлеръ вновь подробно излагалъ наши взгляды на цифру III и замѣчалъ, что его проекты отличаются большей опредѣленностью, чѣмъ австрій-

---

[1]) Приложеніе № 76.

[2]) Докладъ канцлера отъ 5 декабря 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Доклады, 1852.

[3]) „C'est parfait, et il n'y a rien à y ajouter. Un seul cas, quoique peu probable, peut „cependant se présenter et doit être prévu, c'est celui où il se vérifierait que le ministre n'accep„terait point de lettres, sans l'ajouté *de monsieur mon frère;* dans ce cas les fonctions officielles „de Kisséleff devront cesser, et il demandera de nouveaux ordres. Je crois qu'il serait peut-être „utile d'en revenir également à Vienne et Berlin pour que nos ministres observent le cas „échéant la même règle de conduite“.

[4]) Канцлеръ — Фонтону 6 декабря 1852 года, № 449. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Vienne, 1852.

[5]) Приложеніе № 77.

скіе. Однако, въ рѣшительный моментъ графъ Нессельроде поколебался и 7 декабря представилъ Государю слѣдующія соображенія [1]): „Такъ какъ исключеніе „mon frère“ представитъ пилюлю, „которую новому императору будетъ труднѣе всего проглотить, „а, съ другой стороны, было бы достойно сожалѣнія, если бы „этотъ вопросъ этикета привелъ къ разрыву съ Франціей, „то я счелъ бы полезнымъ въ частномъ письмѣ снабдить Кисе„лева нѣкоторыми доказательствами, способными убѣдить Людо„вика-Наполеона, что Ваше Величество не руководствовались „никакимъ личнымъ противъ него предубѣжденіемъ“. Государь не только одобрилъ идею Нессельроде, но приказалъ сообщить его письмо австрійскому и прусскому посланникамъ.

Авторъ письма [2]) совѣтовалъ Киселеву „faire un peu d'archéologie“ и объяснить французскому правительству, что прежде всѣ государи царствовали исключительно Божьей милостью, и, называя себя братьями, они признавали именно это родящее ихъ начало. Такое родство не существуетъ между ними и новыми властелинами народнаго и демократическаго происхожденія. Самъ Наполеонъ подчеркнулъ эту разницу, называя свое правительство самымъ законнымъ изъ всѣхъ. „Конечно, будутъ неудобства“, заключалъ графъ Нессельроде, „какъ они были при Людовикѣ„Филиппѣ, но теперь насъ будетъ *трое*“.

Канцлеръ заблуждался—мы были одни. Спустя три дня послѣ отправленія депешъ Киселеву, Будбергъ донесъ изъ Берлина [3]), что король считаетъ сыновнимъ своимъ долгомъ не отказывать Наполеону въ обращеніи „monsieur mon frère“, потому что его отецъ именно такъ писалъ королю Людовику-Филиппу. Императоръ Францъ-Іосифъ также сообщалъ въ Берлинъ о своемъ согласіи на обращеніе „frère“, и нашему посланнику стоило большого труда уговорить своего австрійскаго товарища не сообщать прусскому правительству этого рѣшенія, такъ какъ оно еще можетъ перемѣниться по полученіи въ Вѣнѣ нашихъ депешъ отъ 6 декабря [4]).

Надеждамъ нашего посланника не было суждено осуществиться. Изъ Вѣны пришелъ окончательный отвѣтъ о принятіи обѣими германскими державами въ письмахъ къ Людовику-На-

---

[1]) Приложеніе № 78.
[2]) Приложеніе № 79.
[3]) Приложеніе № 80.
[4]) Будбергъ—канцлеру 14 (26) декабря 1852 г., № 147. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Berlin, 1852.

полеону обращенія „mon frère“ [1]). Будбергу удалось только добиться предписанія прусскому посланнику въ Парижѣ не вручать своихъ грамотъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты грамоты Киселева [2]). Графъ Буоль поведеніе своего двора объяснялъ необходимостью согласовать поступки и рѣчи обоихъ германскихъ государствъ, ролью австрійскаго императора въ Германскомъ союзѣ и географическимъ положеніемъ Австріи [3]). Въ депешѣ же къ графу Менсдорфу графъ Буоль добавлялъ [4]), что, по справкамъ въ архивахъ вѣнскаго двора, императоры признавали титулъ „frère“ за Наполеономъ I, Людовикомъ-Филиппомъ и за польскими королями, которые, подобно Людовику-Наполеону, были монархами по избранію. „Это жалко“, замѣтилъ Государь на депешѣ австрійскаго министра. „Разумѣется, я останусь непоколебимъ въ моемъ „рѣшеніи. Но поведеніе графа Буоля неизвинительно“.

Графъ Нессельроде [5]) не скрылъ передъ вѣнскимъ кабинетомъ дурного впечатлѣнія, произведеннаго на Императора Николая уклоненіемъ отъ общей формы, при чемъ напомнилъ, что наши кредитивныя грамоты написаны согласно формулы, „предпочитаемой“ Австріей и „признанной“ Пруссіей. Свои доводы нашъ канцлеръ заканчивалъ объясненіемъ личныхъ чувствъ Государя и напоминаніемъ о публично брошенной Людовикомъ-Наполеономъ перчаткѣ въ его извѣстномъ посланіи. Видимо, графъ Нессельроде не могъ еще отрѣшиться отъ языка средневѣковыхъ поединковъ.

Однако, убѣжденія его на Австрію не подѣйствовали: она даже не предписала своему представителю въ Парижѣ пріостановить врученіе грамотъ до пріема писемъ Киселева, а только поручила ему не испрашивать въ этомъ случаѣ аудіенціи, снестись со своимъ правительствомъ и объяснить французскому министру, что русская формула „sire“ и „bon ami“ не является обидной, если Россія не требуетъ отъ императора французовъ и для себя иной формы [6]). Нашему же представителю графъ Буоль заявилъ, что продолжительное задерживаніе передачи Наполеону австрійскихъ грамотъ, если бы онъ не принялъ вѣрительныхъ писемъ Киселева, является невозможнымъ, такъ какъ Австрія не можетъ отдѣлиться отъ другихъ германскихъ дворовъ и предоставить

[1]) Будбергъ—канцлеру 17 (29) декабря 1852 г. Тамъ же.
[2]) Будбергъ—канцлеру 18 (30) декабря 1852 года, № 149. Тамъ же.
[3]) Фонтонъ—канцлеру 17 (29) декабря 1852 г., № 185. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Vienne, 1852.
[4]) Приложеніе № 81.
[5]) Приложеніе № 82.
[6]) Приложеніе № 83.

В. П. Титовъ,
русск. посл. въ Константинополѣ
(съ фот. съ нат.).

свободное поле одной Англіи [1]). Австрійскій министръ оправдывался при этомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что формула обращенія не обсуждалась на майскихъ переговорахъ державъ [2]). Впрочемъ, вѣнскій и берлинскій дворы заявили, что согласіе трехъ державъ остается ненарушимымъ, и, по сообщенію Киселева, это согласіе производило сильное впечатлѣніе на французское правительство.

„Дѣло въ томъ, что здѣсь „чувствуютъ", пишетъ Киселевъ [3]), „съ какой плотной и соединенной „силой имѣютъ дѣло, и каковы бы „ни были хвастовство и самодо„вольный видъ стоящихъ у власти „лицъ послѣ ихъ торопливыхъ „развѣдокъ, ихъ озабоченность „усиливается изо дня въ день „при видѣ, что даже самыя ма„ленькія нѣмецкія государства не могутъ показывать своей оди„ночной уступчивости, и что Россія есть единственный ключъ того „единенія, существованіе котораго до сихъ поръ считали невоз„можнымъ или по крайней мѣрѣ невѣроятнымъ.... Весь свѣтъ „понимаетъ, что это могущественная рука нашего Монарха, ко„торая держитъ и направляетъ единеніе такой силы, такъ какъ „ни для кого не секретъ, что государства германской конфеде„раціи ни на что не рѣшатся безъ соединенной воли Австріи и „Пруссіи, а что эти послѣднія рѣшатъ и сдѣлаютъ только то, „что въ своей мудрости рѣшитъ и сдѣлаетъ Государь" [4]). Впрочемъ,

---

[1]) Фонтонъ—канцлеру 22 декабря (3 января) 1852/3 года, № 189. Арх. Мин. Ич. дѣлъ. Vienne, 1852.

[2]) Графъ Буоль—графу Менсдорфу 31 декабря 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Autriche, 1852.

[3]) Киселевъ—канцлеру 16 (28) декабря 1852 года, № 87. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Paris, 1852.

[4]) „Le fait est qu'on sent ici à quelle puissance compacte et unie on a affaire et quels „que soient la jactance et les airs dégagés des hommes au pouvoir après les reconnaissances qui „se pressent et se suivent, leur préoccupation augmente de jour en jour en voyant que pas

далѣе Киселевъ сознавался, что нетерпѣніе Баваріи и Виртемберга признать новаго императора французовъ достигло послѣднихъ предѣловъ, и они болѣе не ожидали бы примѣра Австріи и Пруссіи.

Нашъ представитель въ Парижѣ сдѣлалъ, съ своей стороны, все возможное, чтобы ослабить впечатлѣніе уклоненія въ вѣрительныхъ письмахъ изъ Петербурга отъ обращенія „monsieur mon frère“ и облегчить новому императору французовъ ихъ пріемъ. Положеніе Киселева въ особенности затруднилось, благодаря полученному изъ Берлина черезъ французскаго посла увѣдомленію, что оба нѣмецкіе двора приняли обычную въ такихъ случаяхъ форму.

Онъ передалъ Друэнъ-де-Люису официальное письмо [1]), въ которомъ сообщалъ удовольствіе Императорскаго правительства по поводу представленныхъ новымъ императоромъ гарантій мира и уваженія къ трактатамъ, а также сообщалъ о полученіи имъ новыхъ кредитивныхъ грамотъ, копію которыхъ, а также копію нашихъ оговорокъ относительно цифры „III“ [2]) онъ передалъ французскому министру. Относительно послѣдняго документа Киселевъ, впрочемъ, замѣтилъ, что онъ предназначенъ лишь для храненія въ архивѣ, а относительно кредитивныхъ грамотъ повторилъ разсужденія канцлера изъ области „археологіи“.

Друэнъ-де-Люисъ не сдался на убѣжденія Киселева и заявилъ, что, по его личному мнѣнію, наши вѣрительныя письма не могутъ быть приняты. Французскіе писатели добавляютъ, что при этомъ онъ замѣтилъ, что „петербургскій дворъ очень молодъ, „чтобы порывать традиціи или создавать новыя“ [3]).

Французскій министръ не измѣнилъ своего взгляда и послѣ свиданія съ графомъ Гацфельдомъ и Гюбнеромъ, которые его предупредили, что, въ случаѣ отказа въ пріемѣ грамотъ Киселева, они пріостановятся со врученіемъ своихъ. Это вызвало только ядовитое замѣчаніе Друэнъ-де-Люиса, что онъ послѣ этого не понимаетъ ихъ присутствія въ Парижѣ, и ему остается

„le petit Etat allemand n'ose prouver isolément sa déférence et que la Russie est la véritable „clef de voûte de cet ensemble et de cette union dont jusqu'ici on croyait l'existence impossible „ou pour le moins improbable..... Tout le monde comprend aussi que c'est la main puissante „de notre Auguste Maître qui tient et dirige l'ensemble de cette force, car ce n'est un secret „pour personne que les Etats confédérés de l'Allemagne ne décideront rien sans la volonté „combinée de l'Autriche et de la Prusse et que ces deux dernières ne décideront et ne feront „que ce que décidera et fera la sagesse de l'Empereur“...

[1]) Приложеніе № 84.

[2]) Приложеніе № 85.

[3]) P. de la Gorce, t. I, p. 117.

по дѣламъ Австріи и Пруссіи непосредственно обращаться къ русскому представителю.

Существенную услугу Киселеву въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ оказалъ Морни. Убѣдившись въ благорасположеніи Императора Николая къ новому императору французовъ, онъ уговорилъ послѣдняго принять наши грамоты. Морни указалъ Наполеону, что для него важнѣе всего фактъ признанія, а не форма, что сущность письма Государя благожелательна, и что принятіе грамотъ не вызоветъ обвиненій въ трусости, такъ какъ во всей Европѣ только и рѣчи, что объ отважныхъ воинственныхъ замыслахъ новаго властелина Франціи.

Наполеонъ сдался на эти доводы и принялъ Киселева въ торжественной аудіенціи 5 января. Въ отвѣтъ на привѣтствіе посланника и заявленія о дружескихъ чувствахъ Государя, онъ сказалъ, что не можетъ дать болѣе очевиднаго доказательства цѣнѣ, которую онъ придаетъ этимъ заявленіямъ, какъ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ онъ выше ставитъ сущность, а не форму, и, съ своей стороны, сдѣлаетъ все, чтобы поддержать лучшія отношенія съ Россіей. Girandeau разсказываетъ [1]), что Наполеонъ произнесъ при этомъ: „Поблагодарите Императора Николая за то „имя, которое ему угодно было мнѣ дать; я особенно имъ тро„нутъ, такъ какъ братьевъ не выбираютъ, а выбираютъ друзей". Киселевъ, однако, о такой фразѣ не упоминаетъ въ своемъ подробномъ рапортѣ и ограничивается сообщеніемъ, что пріемъ и бесѣда въ кабинетѣ Наполеона отличались дружескимъ характеромъ [2]).

Съ своей стороны, и Императоръ Николай былъ доволенъ оборотомъ, который приняло дѣло. Онъ высказалъ это удовольствіе генералу Кастельбажаку, прибавивъ, что благодаренъ за него Наполеону. „Мое довѣріе принадлежитъ ему", сказалъ Государь, „и я надѣюсь, что онъ дастъ мнѣ свое, какъ другу, „потому что для меня выраженія имѣютъ смыслъ, а не простыя „слова" [3]).

Такимъ образомъ вопросъ о признаніи имперіи во Франціи и о возобновленіи съ ней дипломатическихъ сношеній былъ, наконецъ, разрѣшенъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что отступленіе въ послѣднюю минуту двухъ нѣмецкихъ державъ

---

[1]) Стр. 151.
[2]) Приложеніе № 86.
[3]) G. Rothan: „L'Europe et l'avènement du Second Empire", p. 410.

отъ общаго соглашенія сдѣлало въ глазахъ французскаго правительства и народа виновной въ томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое произвели на нихъ всѣ переговоры, исключительно болѣе всѣхъ расположенную къ Франціи Россію, и отъ этого впечатлѣнія французскіе историки не могутъ отрѣшиться до послѣдняго времени.

Графъ Кларендонъ,
секр. Иностр. дѣлъ въ Лондонѣ
(съ лит. С. Мэзонъ, 1856 г.).

Графъ Нессельроде тѣмъ не менѣе остался очень доволенъ результатами нашей политики по отношенію къ Франціи. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1852 годъ[1]) канцлеръ писалъ: „Насколько переворотъ „2 декабря прошлаго года, пре„кратившій во Франціи анархію „и водворившій тамъ силу и „власть, можетъ привѣтство„ваться съ общественной точки „зрѣнія, настолько возстановленіе имперіи, бывшей прежде „источникомъ многихъ смутъ, должно вызвать раздумье и безпо„койство..... Спасти по крайней мѣрѣ духъ трактатовъ, буквою „которыхъ пришлось пожертвовать, признать новую имперію въ „приличной формѣ и въ приличныхъ условіяхъ, оговорить при „признаніи настоящаго факта наши права въ будущемъ, а прежде „всего придать признанію великихъ державъ видъ согласія и соли„дарности и показать Франціи Европу, рѣшившуюся обуздать „всякую попытку завоеваній—таковъ былъ предметъ нашихъ пере„говоровъ и нашей дипломатической переписки съ другими дер„жавами..... Ваше Величество высокимъ своимъ положеніемъ, „извѣстной твердостью своего характера оказали большое вліяніе „на способъ окончательнаго признанія имперіи. На васъ были „обращены всѣ взгляды вашихъ союзниковъ. Отъ васъ они „ожидали перваго поощренія“.

[1]) Приложеніе № 87.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи канцлеръ не забылъ ни объ отказѣ Государя при пріемѣ барона Гекерена касаться вопроса о наслѣдственности новой имперіи, ни о запрещеніи празднованія консульствами 15 августа, ни о доказательствахъ невозможности признанія цифры „III“, что было бы, по мнѣнію графа Нессельроде, равносильно сознанію, что Европа заключала трактаты съ фиктивными монархами или съ узурпаторами. „Что же станетъ“, восклицалъ онъ, „съ обязательствами, которыя мы заключали съ „этими призраками, съ трактатами, съ территоріальнымъ status quo, „съ европейскимъ равновѣсіемъ? Всѣ постановленія, опубликованныя въ теченіе 38 лѣтъ, подрываются въ основаніи, или по „крайней мѣрѣ вновь подлежатъ обсужденію!“

Но въ особенности канцлеръ былъ доволенъ отказомъ Наполеону въ титулѣ „frère“, который вызвалъ въ немъ раздраженіе и горечь и, только благодаря вмѣшательству близкаго лица и Англіи, не вывелъ его изъ границъ „осторожности и умѣренности“. Высокомѣріе Наполеона принуждено было склониться передъ Россіей, потому что, объясняетъ графъ Нессельроде, „отказывая въ имени „брата“, Ваше Величество не внимали „только внутреннему чувству, которое противилось слѣдованію „за всѣми превращеніями правительственной власти во Франціи „и необходимости обращаться, какъ съ равными, съ призрачными „властелинами, поочередно возводимыми капризной судьбой на „тронъ. Въ глубинѣ этого самаго отвращенія таилась политическая мысль. Слѣдовало, чтобы Людовикъ-Наполеонъ понесъ „наказаніе за свое наглое посланіе и притворство, съ которымъ „онъ, провозглашая себя болѣе законнымъ государемъ изъ всѣхъ, „противоставилъ свой демократическій принципъ нашему“. Все это канцлеръ называлъ „une conduite amicale, pacifique, bienveillante, mais en même temps vigilante et ferme“ и заявлялъ, что такой же политической системы предполагается слѣдовать и въ тернистомъ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ.

Глава IX.

I.

Мѣста, связанныя съ воспоминаніями о важнѣйшихъ событіяхъ земной жизни Іисуса Христа, съ древнѣйшихъ временъ особо почитались христіанами. Слабѣющая Византійская Имперія, въ предѣлахъ которой они находились, не могла защитить ихъ отъ нападеній азіатскихъ завоевателей. Въ 614 году Іерусалимъ былъ взятъ войсками персидскаго царя Хазрая, увезшаго въ плѣнъ мѣстнаго патріарха Захарія и захватившаго съ собою въ Персію Крестъ Господень.

Императоръ Ираклій, одержавшій надъ персами рядъ побѣдъ, освободилъ въ 628 году патріарха изъ плѣна и самъ торжественно ввезъ святой Крестъ обратно въ Іерусалимъ. Шесть лѣтъ спустя, патріархъ Софроній былъ принужденъ сдать городъ арабамъ, но при этомъ успѣлъ уговорить халифа Омара не вступать въ храмъ Гроба Господня, и, кромѣ того, ему удалось получить указъ, признававшій права мѣстныхъ христіанъ на ихъ храмы. Одинъ изъ преемниковъ Омара, халифъ Эль-Хакемъ, приказалъ въ 1010 году разрушить этотъ храмъ, но онъ вновь былъ возстановленъ въ 1048 году на средства императора Константина Мономаха.

Въ 1053 году послѣдовало раздѣленіе церквей, которое первоначально не вызывало никакихъ разногласій между представителями ихъ на мѣстахъ земныхъ страданій Іисуса Христа, и іерусалимскій патріархъ Симеонъ даже обращался за помощью къ

папѣ Урбану II. Въ 1099 году святой городъ былъ взятъ крестоносцами, которые ввели тамъ латинскую іерархію, строили новыя церкви и монастыри, гдѣ помѣщали гробницы іерусалимскихъ королей и знатнѣйшихъ рыцарей. Но изгнавшій крестоносцевъ изъ Іерусалима султанъ Саладинъ оказалъ при распредѣленіи Святыхъ Мѣстъ между представителями разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій явное предпочтеніе своимъ египетскимъ подданнымъ—коптамъ и абиссинцамъ, а также грекамъ,

Видъ Іерусалима (съ грав. Лебедева, по рис. М. Чернецова).

поддерживаемымъ императоромъ Исаакомъ Комненомъ, съ которымъ Саладинъ находился въ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе въ главномъ храмѣ и у Гроба Господня могли служить священники всѣхъ вѣроисповѣданій, при чемъ латиняне пользовались часовней св. Магдалины.

Въ послѣдующіе года, вплоть до конца первой половины XIII вѣка, крестоносцамъ удавалось отвоевывать нѣкоторыя Святыя Мѣста, но они не смогли удержать Палестины подъ своею властью. Однако, вслѣдъ за крестоносцами потянулись въ святую землю монахи разныхъ католическихъ орденовъ, которые получали отъ египетскихъ султановъ право на пребываніе тамъ, а отъ папъ

благословляющія буллы. Особенною дѣятельностью отличались францисканцы, которые въ XIV вѣкѣ владѣли лишь маленькимъ пріютомъ въ Виѳлеемѣ, а сто лѣтъ спустя, стали уже хозяевами великолѣпнаго собора Рождества. Патріархъ Досиѳей разсказываетъ въ своей исторіи Іерусалима, что латиняне захватили этотъ храмъ хитростью въ то время, когда греческіе монахи ушли праздновать пасху въ Іерусалимъ. Впослѣдствіи греки вновь завладѣли храмомъ, но за католиками осталась „la Ste-Crèche", подземелье св. Ясель, гдѣ была поставлена украшенная французскимъ гербомъ большая серебряная звѣзда, которая особенно почиталась паломниками. Въ 1515 г. султанъ Селимъ, завоевавшій Сирію и Египетъ, призналъ въ Іерусалимѣ первенство арабскаго патріарха Досиѳея, который хранилъ ключи церкви Вознесенія, а черезъ пять лѣтъ преемникъ Селима, Солиманъ, передалъ ключи отъ храма на храненіе одному семейству, происходившему отъ Магомета, съ правомъ взимать за входъ въ святыню Гроба Господня особую плату; при этомъ наибольшая плата была установлена съ франковъ, т.-е. съ католиковъ [1]).

Обыкновенно надъ латинскими монастырями въ святой землѣ развивались флаги разныхъ западныхъ государствъ и чаще всего Франціи, короли которой считали себя покровителями католической вѣры на Востокѣ. Въ 1740 году между Франціей и Портой былъ заключенъ особый договоръ, подъ названіемъ капитуляцій [2]), которыми опредѣлялись права латинской церкви въ Святыхъ Мѣстахъ. Согласно 32-й статьи этихъ капитуляцій „епископы и другія „католическія духовныя лица, находящіяся подъ главенствомъ „королей Франціи, къ какой бы націи они ни принадлежали, мо„гутъ отправлять богослуженіе въ мѣстахъ, гдѣ они находятся „издавна". Статья 33-я опредѣляла, что „латинскіе монахи, какъ „пребывающіе нынѣ, такъ и пребывавшіе въ прежнія времена, „внутри и внѣ Іерусалима и въ храмѣ святого Гроба, назы„ваемомъ Камамэ, останутся владѣльцами своихъ мѣстъ паломни„чества такъ же, какъ они владѣли ими прежде; никто не будетъ „ихъ безпокоить и требовать отъ нихъ податей".

Но въ то время, когда Франція утверждала такимъ образомъ свое вліяніе въ святой землѣ, на сѣверѣ послышались первые

---

[1]) „Notice historique sur les Sts-Lieux de Jérusalem". Гос. Арх., разр. XI, д. № 1228. P. de la Gorce: „Histoire du Second Empire", t. I, pp. 135—138. Oesterns papers, t. I, p. 24.

[2]) „Articles des capitulations Françaises ayant trait aux églises et aux religieux". Oesterns papers, t. I, p. 5.

раскаты грозы, которой было суждено сломить могущество оттомановъ и воскресить христіанскій Востокъ. Миних одерживалъ побѣды надъ турками и готовился, покоривъ Молдавію, переправиться черезъ Дунай, а тридцать-четыре года спустя, былъ заключенъ знаменитый Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ. Взоры православныхъ восточныхъ христіанъ съ надеждой устремились на Россію. Іерусалимскіе патріархи переселились въ Константинополь и, опираясь на наше заступничество, начали вести тамъ борьбу съ „франками“ изъ-за обладанія Святыми Мѣстами, такъ что, когда въ 1808 году сгорѣлъ храмъ Воскресенія, то Порта, несмотря на протесты посланника Наполеона I, генерала Себастіани, признала за греками право его возобновленія, на основаніи прежнихъ хатти-шерифовъ.

Въ 1850 году іерусалимскій патріархъ обратился къ Портѣ за разрѣшеніемъ исправить главный куполъ храма Господня, и одновременно съ этимъ бельгійская миссія въ Константинополѣ возбудила вопросъ о возобновленіи могилъ іерусалимскихъ королей-крестоносцевъ. Тогда же въ Парижѣ появилась брошюра католическаго священника Борэ, направленная противъ Россіи и православнаго палестинскаго духовенства, которое онъ обвинялъ въ незаконныхъ захватахъ у латинянъ нѣкоторыхъ Святыхъ Мѣстъ. Брошюра была очень сочувственно встрѣчена во Франціи, и принцъ-президентъ, желая привлечь на свою сторону могущественное въ то время по своему вліянію на народъ католическое духовенство, предписалъ французскому послу въ Константинополѣ, генералу Опику (Aupik), напомнить въ энергичныхъ выраженіяхъ султану Абдулъ-Меджиду о неприкосновенности правъ латинянъ въ Іерусалимѣ.

„Поднимая этотъ вопросъ“, говоритъ Тувенель [1]), „принцъ „Людовикъ-Наполеонъ совершенно не подозрѣвалъ послѣдствій, „которыя могутъ повлечь за собой его требованія. Мысль о воз„можномъ столкновеніи съ Россіей вовсе не являлась въ пред„ставленіи принца-президента и его совѣтниковъ, мало знакомыхъ „съ этимъ темнымъ вопросомъ. Истина заключалась въ томъ, что „поддержка клерикальной партіи была нужна для внутренней по„литики принца Людовика-Наполеона“.

Генералъ Опикъ началъ съ того, что поставилъ Портѣ категорическій вопросъ, признаетъ ли она, *да* или *нѣтъ*, трактаты

[1]) L. Thouvenel: „Nicolas I et Napoléon III“, p. 3.

1740 года? Несмотря на наши предостереженія [1]), оттоманское правительство вступило въ переговоры на почвѣ этого трактата, сдѣлавъ лишь оговорку о необходимости принять при этомъ во вниманіе прежніе и новые правительственные ея акты, которые опредѣляютъ положеніе вещей къ 1850 году. Однако, французскій посолъ настоялъ на своемъ, и Порта, признавъ капитуляціи 1740 года, предложила образованіе комиссіи для разсмотрѣнія актовъ, на которыхъ представители обоихъ вѣроисповѣданій въ Палестинѣ основывали свои права [2]).

Графъ Буоль, Австр. Мин. Ин. дѣлъ (съ лит., по фот. Пирсонъ).

Генералъ Опикъ потребовалъ при этомъ для католиковъ владѣнія большой церковью въ Виѳлеемѣ, часовней Рождества, въ которой должна быть установлена, вмѣсто похищенной, новая серебряная звѣзда, часовней могилы Богородицы и семью аркадами въ храмѣ Гроба Господня; онъ потребовалъ также приведенія купола въ то состояніе, въ которомъ этотъ послѣдній находился до пожара 1808 года [3]). Его поддерживали въ этомъ требованіи представители прочихъ католическихъ государствъ, Бельгіи, Австріи [4]), Испаніи, Сардиніи, Португаліи и Неаполя [5]). Что касается до Великобританіи, то ея посолъ получилъ предписаніе воздержаться отъ дѣятельнаго участія въ спорѣ о Святыхъ Мѣстахъ.

---

[1]) Приложеніе № 88, а также генералъ Опикъ—Кору 12 августа 1850 года и Али-пашѣ 23 февраля 1851 года (Oesterns papers, t. I, pp. 8 и 13).

[2]) Али-паша—генералу Опику 30 декабря 1850 года. Oesterns papers, t. I, p. 10.

[3]) Генералъ Опикъ—Али-пашѣ 28 мая 1850 года. Тамъ же, т. I, стр. 4.

[4]) Австрія опиралась при этомъ на статьи Карловицкаго, Пассаровицкаго, Бѣлградскаго и Систовскаго трактатовъ (Клецъ—Али-пашѣ 3 февраля 1851 года. Тамъ же, т. I, стр. 14).

[5]) Депеша Каннинга отъ 5 іюня 1850 года. Тамъ же.

Въ отвѣтъ на наши представленія въ Парижѣ по поводу возникшаго спора французское правительство заявило, что оно считаетъ поднятый вопросъ второстепеннымъ, и возбудило его только для того, „чтобы пріобрѣсти на выборахъ расположеніе „и голоса духовенства“; послѣ же переворота 2 декабря самъ президентъ высказалъ, что французскій посланникъ въ Константинополѣ преступилъ свои инструкціи, но тѣмъ не менѣе наше правительство, будучи вѣрнымъ защитникомъ правъ православной вѣры, внимательно отнеслось къ предотвращенію грозившей ей опасности. „Во всѣхъ стадіяхъ этихъ переговоровъ“, говорится въ отчетѣ графа Нессельроде [1]), „увѣщанія нашего правительства „приходили на помощь слабой Портѣ, и мы первые предостере„гали ее противъ роковыхъ послѣдствій, которыя могли быть „результатомъ этой слабости“.

Дѣйствительно, споръ, который Портѣ приходилось разрѣшить, былъ чрезвычайно щекотливаго характера. Въ 1740 году католики владѣли Гробомъ Господнемъ подъ обоими куполами и аркадой, отдѣляющей его отъ греческой церкви, южной половиной Голгоѳы и часовней Адама съ могилами Готфрида Бульонскаго и Балдуина, разрушенными въ 1811 году, гротомъ нахожденія Св. Креста и многими другими Святыми Мѣстами въ Іерусалимѣ и внѣ его; они владѣли также большимъ Виѳлеемскимъ храмомъ, три ключа котораго, отъ центральнаго и боковыхъ входовъ, находились во владѣніи латинскихъ монаховъ [2]).

Трудно было согласовать существованіе такихъ преимуществъ католиковъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1740 году, съ фактическими преимуществами греческаго духовенства, основанными на цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ султанскихъ фирмановъ и гатти-шерифовъ [3]).

Въ январѣ 1851 года нашъ посланникъ Титовъ сообщалъ, что „Порта принимаетъ участіе въ своихъ греческихъ подданныхъ“ и имѣетъ твердое намѣреніе поддержать православное вѣроисповѣданіе [4]), между тѣмъ на дѣлѣ турецкая комиссія склонялась на сторону Франціи, въ особенности благодаря энергичному настоянію прибывшаго въ Константинополь въ концѣ апрѣля новаго французскаго посла Лавалета [5]).

---

[1]) Приложеніе № 88.
[2]) Oesterns papers, t. I, p. 20.
[3]) Oesterns papers, t. I, p. 26.
[4]) Депеши Титова — канцлеру 4 (16) января и 29 января (10 февраля) 1851 года, №№ 1 и 10. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.
[5]) Титовъ—канцлеру 24 апрѣля (6 мая) 1851 года, № 54. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

Императоръ Николай, обезпокоенный такимъ оборотомъ дѣла, счелъ необходимымъ въ личномъ письмѣ къ султану [1]) подтвердить свой опредѣленно сложившійся взглядъ, что, въ связи съ заявленіями Титова, произвело въ Константинополѣ сильное впечатлѣніе и вызвало со стороны султана обѣщаніе постараться удовлетворить желаніе Государя [2]). Но Лавалетъ также проявилъ необыкновенную энергію и поставилъ вопросъ на почву національной чести. Онъ заявилъ сэру Каннингу, что „скорѣе удалится „отъ дѣлъ, чѣмъ станетъ орудіемъ униженія своей страны, и „если бы дѣло зависѣло отъ него, то онъ безъ колебанія при„звалъ бы флотъ для блокады Дарданеллъ, чтобы привести споръ „къ удовлетворительному исходу“ [3]).

Приведя эти слова Лавалета, англійскій посланникъ замѣчалъ, что, по его наблюденіямъ, турецкіе министры склоняются въ сторону Франціи не потому, чтобы этого требовало правильное рѣшеніе вопроса, а потому, что имъ кажется менѣе опаснымъ уступить вліянію Франціи, чѣмъ допустить торжество русскаго вліянія на христіанъ греческаго исповѣданія, состоящихъ въ турецкомъ подданствѣ. Впрочемъ, Каннингъ не вмѣшивался въ то время въ споръ двухъ вліяній и только оставался внимательнымъ его зрителемъ. Въ депешѣ отъ 30 декабря [4]) онъ сообщалъ между прочимъ своему правительству, что Лавалетъ началъ уже угрожать Портѣ тулонской эскадрой.

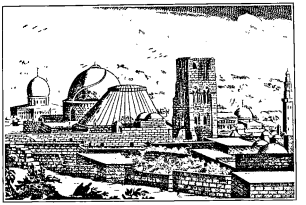
Лавалетъ, дѣйствительно, не унимался. Несмотря на увѣренія, данныя намъ французскимъ правительствомъ, онъ заявилъ Портѣ, что въ Парижѣ вполнѣ одобряютъ его дѣйствія [5]). При такихъ обстоятельствахъ оттоманское правительство рѣшило избрать средній путь и предложило нѣкоторыя уступки католикамъ, взамѣнъ за другія уступки, въ пользу грековъ [6]). Іерусалимскій патріархъ согласился на такое рѣшеніе, которое удовлетворяло и наше правительство, при условіи, однако, что исправленіе купола Гроба Господня будетъ предоставлено исключительно грекамъ.

Въ Константинополѣ были изготовлены проекты фирмана и отвѣтнаго письма Государю. Фирманъ отклонялъ бо́льшую часть пре-

---

[1]) Отъ 7 сентября 1851 года. См. Приложеніе № 89.
[2]) Каннингъ—Пальмерстону 17 октября 1851 года. Oesterns papers, t. I, p. 18.
[3]) Каннингъ—Пальмерстону 4 ноября 1851 года. Тамъ же, стр. 19.
[4]) Oesterns papers, t. I.
[5]) Титовъ—канцлеру 4 (16) января 1851 г., № 1. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.
[6]) Али-паша—Лавалету 9 февраля 1852 года. Oesterns papers, t. I, p. 36.

тензій католиковъ, называя ихъ несправедливыми, и торжественно подтверждалъ изданные въ прежнія времена въ пользу грековъ акты [1]). При этомъ Титову было обѣщано, что дѣйствительнаго врученія латинянамъ ключей отъ Виѳлеемскаго храма не будетъ, и ему сообщались секретныя по этому поводу инструкціи, которыя должны были быть посланы іерусалимскому пашѣ. Въ письмѣ же султана Государю [2]) заявлялось, что „современное состояніе святынь будетъ „вполнѣ сохранено, утверждено и обезпечено", и что „прежнія права, „дарованныя православ-„нымъ подданнымъ сул-„тана, увеличены, въ цѣ-„лости сохранены и обез-„печены". Одновременно съ этимъ Порта издала другой фирманъ, которымъ за латинянами признавалось право исправленія принадлежавшихъ имъ Святыхъ Мѣстъ и сооруженій, „безъ „нарушенія правъ другихъ „исповѣданій [3])".



Внѣшній видъ церкви Гроба Господня (съ франц. грав. начала XVIII столѣтія).

Нашъ кабинетъ былъ доволенъ такимъ исходомъ дѣла, и канцлеръ сообщалъ Киселеву шифрованной депешей, что рѣшеніе вопроса было гораздо болѣе удовлетворительно, чѣмъ можно было ожидать отъ мелочности турокъ и самохвальства (rodomontades) Лавалета [4]).

Впрочемъ, исходомъ дѣла былъ не менѣе доволенъ и французскій посолъ. Порта не сообщила ему фирмана, препровожденнаго петербургскому двору, а тѣмъ болѣе секретнаго предписанія іерусалимскому пашѣ, но увѣдомила его о своемъ рѣшеніи особой, намъ неизвѣстной нотой [5]), противъ которой онъ не протестовалъ [6]). Прощальная аудіенція Лавалета у султана передъ

---

[1]) Приложеніе № 90.

[2]) Отъ 29 января (10 февраля) 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Turquie, 1852.

[3]) Фирманъ въ пользу латинянъ, приложенный къ нотѣ отъ 8 февраля 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Paris, 1853, I.

[4]) Канцлеръ—Киселеву 10 апрѣля 1852 г., № 168. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Paris, 1852.

[5]) Приложеніе № 91.

[6]) Въ историческомъ обзорѣ (Приложеніе № 88) говорится о протестѣ Лавалета, „содержаніе котораго намъ осталось неизвѣстнымъ". Французскіе историки о такомъ протестѣ не упоминаютъ.

отъѣздомъ въ отпускъ отличалась особенно блестящимъ характеромъ, что, впрочемъ, нашъ представитель Озеровъ объяснилъ охлажденіемъ англо-турецкихъ отношеній [1]). Вскорѣ Лавалетъ вернулся обратно въ Константинополь, хотя, по донесеніямъ барона Бруннова, Людовикъ-Наполеонъ былъ недоволенъ его поведеніемъ въ вопросѣ о Святыхъ Мѣстахъ [2]).

Во время отсутствія посла французскій повѣренный въ дѣлахъ узналъ о существованіи даннаго намъ фирмана, въ которомъ требованія католиковъ признавались несправедливыми, и выразилъ по этому поводу Портѣ неудовольствіе французскаго правительства [3]). Это вызвало уклоненіе Порты отъ признанія за греками права на перестройку купола, который было рѣшено ремонтировать на средства султана съ негласнымъ возмѣщеніемъ султанской кассы изъ суммъ іерусалимскаго патріарха. Оттоманское правительство подъ разными предлогами откладывало также торжественное провозглашеніе въ Іерусалимѣ даннаго въ пользу православныхъ фирмана, хотя Озеровъ и настаивалъ на исполненіи этого до возвращенія Лавалета. Наконецъ, ему удалось получить обѣщаніе, что отправляемый въ Египетъ съ особымъ порученіемъ Афифъ-бей заѣдетъ на обратномъ пути въ Іерусалимъ и приметъ тамъ мѣры къ выполненію фирмана, но данныя Афифу инструкціи отличались такой неопредѣленностью, что возбуждали у нашего представителя сомнѣніе въ искренности намѣреній Порты [4]).

Съ этихъ поръ вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ принимаетъ болѣе рѣзкій оборотъ и постепенно пріобрѣтаетъ обще-европейскій интересъ.

II.

Въ Константинополь вернулся изъ отпуска Лавалетъ, придавъ своему въѣзду въ столицу оттомановъ особую торжественность. Не безъ труда получивъ разрѣшеніе турецкаго правительства на проходъ черезъ Дарданеллы, подъ предлогомъ осмотра султаномъ

---

[1]) Озеровъ—канцлеру 14 (26) марта 1852 года, № 50. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Constantinople, 1852.

[2]) Баронъ Брунновъ—канцлеру 19 (31) мая 1852 года, № 121. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Londres, 1852.

[3]) Озеровъ—канцлеру 24 мая и 9 іюня 1852 г., №№ 77 и 80. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Constantinople,1852.

[4]) Озеровъ—канцлеру 24 іюня 1852 года, № 101. Тамъ же.

судовъ новой конструкціи, одного изъ лучшихъ французскихъ кораблей „Charlemagne“, онъ бросилъ якорь у дворца падишаха, „желая своимъ высокомѣріемъ и рѣзкостью произвести на турокъ „необходимое ему давленіе“ [1]).

Французскій посолъ потребовалъ отъ Порты особой декларацiи, которая разъясняла бы, что данный грекамъ фирманъ ни въ чемъ не измѣняетъ ноты въ пользу латинянъ и силы договора 1740 года. Такая нота, исторгнутая угрозой двинуть французскій флотъ къ берегамъ Сиріи, была, какъ доносилъ Озеровъ [2]), дана Лавалету, но существованіе ея старательно скрывалось отъ нашего посольства.

Съ этихъ поръ положеніе оттоманскаго правительства по отношенію къ спорящимъ сторонамъ стало невозможнымъ. Оно дало противорѣчивыя обѣщанія и никакъ не могло ихъ исполнить. Фуадъ-эффенди слѣдующими словами характеризовалъ современное положеніе: „Титовъ заявилъ Портѣ, что онъ оставитъ Константи„нополь со всѣмъ посольствомъ, если Порта позволитъ себѣ „малѣйшее отступленіе отъ status quo, а Лавалетъ угрожаетъ „блокадой Дарданеллъ французскимъ флотомъ, если она сохранитъ „status quo [3])“.

Порта попробовала, какъ и всегда въ затруднительныхъ случаяхъ, сдѣлать нѣчто неопредѣленное, полагая, что обѣ стороны войдутъ въ ея положеніе и удовлетворятся полууспѣхами.

Ко времени прибытія Афифъ-бея въ Іерусалимъ, туда для наблюденія за исполненіемъ фирмана торжественно въѣхалъ нашъ консулъ Базили въ сопровожденіи греческаго патріарха. Французскій консулъ Ботта также пріѣхалъ, чтобы, съ своей стороны, наблюдать за исполненіемъ данныхъ Портой Франціи обѣщаній. Въ храмѣ Гроба Господня собрались патріархи, консулы и представители властей. Выкуривъ въ сосредоточенномъ молчаніи свою трубку, Афифъ-бей произнесъ рѣчь объ отеческихъ заботахъ султана, обо всѣхъ его подданныхъ и объявилъ, что падишахъ собственнымъ иждивеніемъ возобновитъ куполъ. Потомъ всѣ отправились въ храмъ Богородицы и Геѳсиманіи. Здѣсь турецкій комиссаръ прочелъ султанское ираде, которымъ латинянамъ разрѣ-

---

[1]) Письмо Озерова—Сенявину 28 іюля (9 августа) 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Constantinople, 1852.

[2]) Депеши Озерова—канцлеру отъ 4 (16) и 14 (26) сентября 1852 года, №№ 118 и 129. Тамъ же.

[3]) Депеша полк. Розе изъ Константинополя 20 ноября 1852 года. Oesterns papers, t. I.

шалось производить службу въ храмѣ, ни въ чемъ не измѣняя алтаря и его украшеній. Католики, ожидавшіе торжества надъ православными, пришли въ ужасъ и возмущались предложеніемъ служить литургію на алтарѣ, украшенномъ греческими тканями, вмѣсто латинскаго полотна. Но еще болѣе возмутились греки, когда Афифъ-бей ушелъ, не прочитавъ въ ихъ пользу никакого фирмана. На требованіе Базили оттоманскій комиссаръ сначала отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, о какомъ фирманѣ идетъ рѣчь, а потомъ заявилъ, что его инструкціи не говорятъ ни о какомъ прочтеніи фирмана. Съ своей стороны, новый великій визирь, Мехмедъ-Али-паша, на требованія Озерова отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, если его предшественники торжественно обѣщали не читать фирмана. Наше правительство считало Мехмеда-Али заслуживающимъ довѣрія и его отвѣтъ Озерову приписывало „à la pernicieuse „influence de Fuad-pacha".

Али-паша, вел. визирь эпохи Вост. войны (съ лит. Де-Мезонъ, 1856 г.).

Въ концѣ ноября Озеровъ получилъ отъ нашего правительства [1]) два приказанія: открыто выразить Портѣ неудовольствіе Государя по поводу поведенія ея въ Іерусалимѣ и секретно сообщить оттоманскому правительству, что мы готовы оказать ему помощь, въ случаѣ несправедливаго нападенія Франціи. Но нашъ представитель счелъ неудобнымъ дѣлать это послѣднее сообщеніе [2]), такъ какъ великій визирь „показалъ себя совершенно недо-„стойнымъ этого" [3]). И, дѣйствительно, Порта оказалась уже слишкомъ подчинившейся французскому вліянію. Латиняне не

[1]) Приложенія №№ 92 и 93.
[2]) Письмо Озерова—канцлеру 4 (16) декабря 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.
[3]) „Qu'il s'en est montré tout à fait indigne".

только получили ключи отъ сѣверо-восточныхъ и южныхъ дверей Виѳлеемскаго храма, но ключъ отъ главнаго портала, бывшаго до того времени въ исключительномъ владѣніи грековъ. Это произошло между прочимъ и вслѣдствіе почти единогласнаго рѣшенія созваннаго султаномъ совѣта. Нѣкоторые улемы держали сначала сторону Россіи, въ пользу которой склонялись также султанша Валидэ и отчасти визирь Мехмедъ-Али, но въ концѣ восторжествовало вліяніе Фуада-эффенди, который убѣдился, что всѣ иностранные представители по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ высказались противъ насъ [1]).

Порта, однако, вскорѣ сообразила, что зашла слишкомъ далеко. Февральскій фирманъ въ пользу грековъ былъ въ концѣ концовъ прочитанъ въ мѣстномъ совѣтѣ Іерусалима и занесенъ въ книги, хотя, вопреки обычаю, латинскіе делегаты и не были приглашены для выслушанія фирмана.

Двойственное поведеніе Порты не могло не вызвать сильнаго неудовольствія нашего двора. Озерову было приказано холодно держаться относительно турецкихъ министровъ и, въ случаѣ вопросовъ съ ихъ стороны по поводу сосредоточенія войскъ 5-го корпуса, отвѣчать, что онъ, хотя и не увѣдомленный официально, считаетъ естественной такую мѣру, въ виду затрудненій, которыхъ, впрочемъ, Порта можетъ избѣжать, если будетъ вести себя болѣе согласно съ принятыми по отношенію къ намъ обязательствами [2]). Съ другой стороны, Базили совѣтовалъ патріарху Кириллу запечатать главныя двери Виѳлеемскаго храма и ѣхать въ Константинополь жаловаться султану [3]).

Вопросъ видимо обострялся, и баронъ Брунновъ, наблюдавшій изъ Лондона за ходомъ событій, замѣчательно ясно предвидѣлъ послѣдствія русско-французскаго конфликта, возникшаго на почвѣ іерусалимской „querelle des moines". „Если", писалъ въ началѣ декабря нашъ лондонскій посланникъ [4]), „мы начнемъ дѣй-„ствовать болѣе рѣшительно, французы скажутъ, что мы посягаемъ „на независимость Порты, и что они обязаны явиться къ ней на „помощь. Они въ такомъ случаѣ будутъ стараться увлечь Англію „на свою сторону подъ предлогомъ защиты правъ султана отъ

---

[1]) Озеровъ—канцлеру 15, 24 ноября, 1 и 4 декабря 1852 года, №№ 159, 165, 168 и 170. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

[2]) Канцлеръ—Озерову 30 декабря 1852 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

[3]) Озеровъ—канцлеру 24 декабря (5 января) 1852/3 г., № 178. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

[4]) Приложеніе № 94.

„нашихъ поползновеній. Если Порта будетъ имѣть слабость согла-„ситься съ такимъ объясненіемъ и обратится также къ Англіи, то „эта послѣдняя будетъ поставлена въ очень фальшивое положеніе. „Надо во что бы то ни стало помѣшать, чтобы дѣла приняли такой „оборотъ".

Государь подчеркнулъ это мѣсто депеши и сдѣлалъ слѣдующую помѣтку: „Это подтверждаетъ наши подозрѣнія, и Брунновъ „правъ. Надо опредѣлить образъ дѣйствій".

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своей депеши нашъ лондонскій посолъ совѣтуетъ въ томъ случаѣ, если мы примемъ по отношенію къ Турціи твердое положеніе, объявить, что это дѣлается для защиты независимости султана противъ французскихъ притязаній, при чемъ онъ самъ рѣшился убѣждать англійскихъ министровъ, „что мы хотимъ защищать султана, но не нападать „на него".

Конецъ депеши Бруннова, очевидно, противорѣчилъ ея началу; единственнымъ правильнымъ судьей въ вопросѣ по отношенію державъ къ султану являлся онъ самъ, и если Порта утверждала, что мы на нее нападаемъ, то наши увѣренія въ ея защитѣ не могли встрѣтить довѣрія.

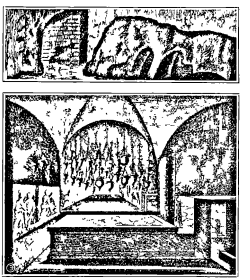
Въ Англіи въ это время произошелъ министерскій кризисъ, и баронъ Брунновъ ограничился изложеніемъ своей точки зрѣнія лордамъ Дерби и Мальмсбери, указывая на необходимость охранять миръ на Востокѣ [1]). Англійскіе министры, съ своей стороны, заявили только, что они вообще не одобряютъ дѣйствій Лавалета и предписали великобританскимъ представителямъ въ Константинополѣ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ споръ о Святыхъ Мѣстахъ. На этой депешѣ Бруннова Государь сдѣлалъ слѣдующую помѣтку: „Слѣдовало бы теперь же, чтобы „поступать откровенно, прибавить, что отказъ насъ удовлетворить „необходимо приведетъ къ войнѣ, *которой мы не желаемъ* [2]), „и которая столь же мало согласна съ интересами Англіи; поэтому „было бы справедливо, если бы англійское правительство заговорило „твердо въ Парижѣ и Константинополѣ".

Съ береговъ Босфора споръ переходилъ на международную почву. Графъ Нессельроде въ письмѣ Киселеву 8 декабря [3])

---

[1]) Приложеніе № 95.
[2]) Курсивъ подлинника.
[3]) Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

впервые указываетъ на „guerre à outrance que nous fait Lavalette“ и на дерзкія рѣчи (insolent langage) этого французскаго дипломата. Киселевъ говорилъ по этому поводу съ Друэнъ-де-Люисомъ въ самый день врученія своихъ вѣрительныхъ грамотъ и получилъ увѣреніе, что „французское правительство вовсе не намѣрено „поднимать изъ-за Святыхъ Мѣстъ политическаго вопроса, и что „самыя положительныя въ этомъ смыслѣ инструкціи уже посланы „въ Константинополь“ [1]). Съ другой стороны, нашъ канцлеръ былъ видимо озабоченъ тѣмъ оборотомъ, который принимали дѣла. Онъ говорилъ англійскому послу, сэру Гамильтону Сеймуру, что не видитъ основанія (terme moyen), могущаго привести къ соглашенію, но, что онъ готовъ разсмотрѣть вопросъ съ самыми миролюбивыми чувствами [2]).



Гробъ Господень
(съ франц. грав. начала XVIII стол.).

Что касается до Императора Николая, то онъ видѣлъ въ интригахъ Лавалета озлобленіе противъ него Людовика-Наполеона и рѣшилъ принять энергичныя мѣры, чтобы настоять на выполненіи своихъ требованій. „Думаю, что „L.-Napoléon“, писалъ Государь князю Варшавскому [3]), „будетъ „на меня очень золъ (по поводу „frère“), хотя явно, можетъ-„быть, и не покажетъ, но искать будетъ вредить изъ-подъ „руки. Уже и теперь видно его дурное вліяніе въ Царьградѣ „по дѣламъ Святыхъ Мѣстъ. Турки съ ума сходятъ и вы-„нуждаютъ меня къ посылкѣ чрезвычайнаго посольства для „требованія удовлетворенія; но вмѣстѣ вынуждаютъ къ нѣ-„которымъ предварительнымъ мѣрамъ осторожности. Почему я „теперь же сбираю резервные и запасные баталіоны и батареи „5-го корпуса. Ежели дѣло приметъ серіозный оборотъ, тогда не „только приведу 5-й корпусъ въ военное положеніе, но и 4-й, ко-„торому вмѣстѣ съ 15-й дивизіей придется итти въ княжества

[1]) Киселевъ—канцлеру 29 декабря (10 января) 1852/3 г., №№ 95. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.
[2]) Депеша Сеймура отъ 31 декабря 1852 года. Oesterns papers, t. I.
[3]) 25 декабря (6 января) 1852/3 г. Собств. Его Вел. библ., шк. 115, карт. 14.

„для скорѣйшаго занятія, покуда 13-я и 14-я дивизіи сядутъ на „флотъ для прямого дѣйствія на Босфоръ и Царьградъ.... Но „дай Богъ, чтобы обошлось безъ этого, ибо рѣшусь на то только „въ крайности. Зачать войну не долго, но кончить и какъ кон„чить—одинъ Богъ знаетъ какъ".

Отправленіе въ Константинополь чрезвычайнаго посольства, о которомъ Государь упомянулъ въ своемъ письмѣ, было ему предложено графомъ Нессельроде въ докладѣ 13 декабря [1]). Упомянувъ о пристрастномъ поведеніи Порты по отношенію къ разрѣшенію спора о Святыхъ Мѣстахъ, канцлеръ обратилъ вниманіе Государя, что французскія требованія въ Константинополѣ за послѣднее время стали поддерживаться представителями Англіи и Пруссіи, которые прежде воздерживались отъ всякаго вмѣшательства. „При такихъ обстоятельствахъ", продолжаетъ канцлеръ, „кажется необходимымъ, чтобы покровительственное вліяніе Россіи „и благородныя намѣренія Вашего Величества проявились въ „Константинополѣ посредствомъ чрезвычайнаго особаго посольства, которое было бы уполномочено поддержать офиціальныя „и секретныя дѣйствія нашего повѣреннаго въ дѣлахъ и прибавить „къ этому новые, болѣе настойчивые совѣты". Чрезвычайный посланникъ, „хранитель мыслей и носитель словъ Государя", долженъ былъ, по предложенію графа Нессельроде, напомнить султану объ исполненіи данныхъ имъ въ письмѣ къ Государю обѣщаній и укрѣпить стойкость и мужество падишаха и его министровъ, обѣщая помощь, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій со стороны Людовика-Наполеона.

Въ концѣ доклада канцлеръ переходитъ къ вопросу о другой возможной цѣли чрезвычайнаго посольства. Въ своихъ требованіяхъ Франція опиралась на трактатъ 1740 года, которому мы могли противопоставить лишь общія выраженія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата. Было бы поэтому желательно, писалъ графъ Нессельроде, „заключить и противопоставить французскимъ капи„туляціямъ трактатъ или конвенцію, которая возобновляла бы и „дополняла сущность Кайнарджійскаго трактата относительно по„кровительства и преимуществъ, которыми должны пользоваться „въ Турецкой Имперіи православная религія и ея духовенство". Надо, впрочемъ, оговориться, что первоначальнымъ авторомъ этой идеи былъ не канцлеръ, а удаленный отъ дѣлъ великій ви-

[1]) Приложеніе № 96.

зирь Решидъ-паша, который секретно сообщилъ свою мысль нашему повѣренному въ дѣлахъ и при посредствѣ русскаго вліянія хотѣлъ вновь занять утраченный постъ. Канцлеръ предостерегалъ, однако, что на мѣстѣ слѣдуетъ удостовѣриться въ возможности осуществленія идеи Решида.

Въ другомъ своемъ докладѣ [1]), замѣчая, что Озеровъ не нашелъ возможнымъ дѣлать секретныхъ сообщеній турецкимъ министрамъ, открыто сочувствовавшимъ Франціи, графъ Нессельроде вновь возвращается къ мысли, что представленіе султану истиннаго положенія дѣлъ и освѣщеніе его относительно опаснаго состоянія Турціи должны быть возложены на особаго чрезвычайнаго, высокопоставленнаго и облеченнаго довѣріемъ Государя посланника. Миссія посланника, при поддержкѣ ея военными приготовленіями, должна была, по мнѣнію канцлера, быть успѣшна, но если бы успѣхъ не былъ достигнутъ, то оставалось прибѣгнуть „à la dernière raison des rois", т.-е. къ войнѣ. Графъ Нессельроде сознавалъ, что войну придется вести не съ Турціей, а съ Франціей и притомъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Она ловко воспользуется предубѣжденіемъ, существующимъ въ Европѣ относительно нашихъ завоевательныхъ плановъ на Востокѣ, и будетъ ссылаться на такой незначительный предлогъ, какъ ключи отъ Виѳлеемскаго храма, которымъ мы пользуемся для осуществленія своихъ воинственныхъ намѣреній.

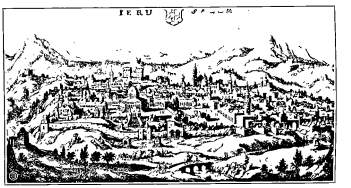
Старанія французскаго кабинета въ особенности подѣйствуютъ на Англію, которая въ лучшемъ случаѣ если и не обратится противъ насъ, то будетъ соблюдать вооруженный нейтралитетъ. Остается Пруссія, которая въ самомъ благопріятномъ случаѣ можетъ оказать намъ только матеріальную поддержку. Въ виду такихъ соображеній канцлеръ находилъ цѣлесообразнымъ подробно и откровенно объяснить лондонскому и вѣнскому кабинетамъ причины нашего неудовольствія на Турцію и заявить имъ о нашихъ миролюбивыхъ и безкорыстныхъ намѣреніяхъ.

„Мы совершили бы большую ошибку", заключаетъ графъ Нессельроде, „поднимая въ настоящее время вопросъ о раздѣлѣ „и составляя предположенія о неизвѣстномъ будущемъ; этой „ошибкой поспѣшили бы воспользоваться наши недруги. Пред„убѣжденные и завистливые умы не преминули бы усмотрѣть въ

[1]) Приложеніе № 97.

„нашихъ заявленіяхъ доказательства, что мы желаемъ не сохра„ненія, а паденія Оттоманской Имперіи". Поэтому канцлеръ высказывалъ мнѣніе не сообщать великобританскому правительству мыслей Государя о возможномъ паденіи Турціи, изложенныхъ въ особой запискѣ [1]); подобное сообщеніе было тѣмъ болѣе безполезно, что „англійское правительство всегда держалось начала не „связывать себя по отношенію къ неопредѣленной будущности".

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ въ концѣ 1852 года. Чувствовалось, что споръ греческихъ монаховъ съ францисканцами въ Іерусалимѣ росъ съ каждымъ днемъ и пріобрѣталъ видъ и значеніе борьбы Россіи съ Европой на почвѣ турецкаго Востока.



Видъ Іерусалима
(съ нѣм. грав. начала XVII ст. М. Меріанъ).

„Человѣческой судьбѣ свойственно", говоритъ позднѣйшій историкъ Второй Имперіи [2]), „что небольшія, долго продол„жающіяся разногласія глухо подготовляютъ сердца къ обидѣ „и гнѣву и вдругъ разражаются огромной ссорой, которая „является внезапно и заставляетъ забыть все остальное". Вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ былъ лишь прологомъ къ великой исторической драмѣ.

III.

Графъ Нессельроде, говоря въ своемъ докладѣ Государю о возможности обращенія къ „dernière raison des rois", имѣлъ основанія взирать на будущее съ нѣкоторой тревогой. Изъ-за спора о Святыхъ Мѣстахъ во всей своей сложности вставалъ Восточный вопросъ, который, по выраженію одного дипло-

[1]) См. приложеніе № 98.
[2]) P. de Gorce, t. I, p. 144.

мата, въ сущности являлся вопросомъ между западной Европой и Россіей.

Въ то время, когда въ Петербургѣ готовились къ отправкѣ въ Царьградъ чрезвычайнаго посольства, которое должно было убѣдить Порту подчиниться нашимъ требованіямъ, канцлеръ исключительно заботился о томъ, чтобы наши дѣйствія не возбуждали на западѣ Европы никакихъ сомнѣній. Онъ старался, по рецепту барона Бруннова, убѣдить державы въ нашемъ неисчерпаемомъ миролюбіи и въ нашихъ симпатіяхъ къ султану, которыя не отступаютъ даже передъ возможностью защищать его отъ энергичныхъ домогательствъ Франціи.

Императоръ Николай придерживался нѣсколько иного сравнительно со своимъ канцлеромъ взгляда. Увѣренный въ себѣ, онъ не видѣлъ необходимости убѣждать кого-либо въ своемъ безкорыстіи и въ своемъ миролюбіи. Однако, опасаясь, что новая война съ Турціей потрясетъ устои владычества оттомановъ въ Европѣ у самаго ихъ основанія, Государь считалъ необходимымъ заблаговременно опредѣлить будущее устройство Балканскаго полуострова, хотя бы въ общихъ чертахъ.

Въ бѣглыхъ собственноручныхъ замѣткахъ [1]), о которыхъ графъ Нессельроде упоминалъ въ своемъ докладѣ, Государь ставилъ себѣ рядъ вопросовъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій къ разрѣшенію возникшихъ съ Турціей недоразумѣній и выяснялъ могущія произойти отъ этого послѣдствія. Возгорѣвшаяся война могла бы, по мнѣнію Императора Николая, окончиться паденіемъ Оттоманской Имперіи, даже въ случаѣ помощи имъ со стороны французовъ и нашего вооруженнаго столкновенія съ послѣдними, которое предполагалось гдѣ-нибудь у Дарданеллъ, послѣ занятія нашимъ десантомъ Константинополя.

Вопросъ о возстановленіи Турціи послѣ войны былъ оставленъ Государемъ безъ отвѣта, но зато онъ довольно опредѣленно высказался о характерѣ устройства Балканскаго полуострова, въ случаѣ изгнанія турокъ изъ Европы. Императоръ Николай считалъ невозможнымъ оставить за нами всѣ европейскія области Турціи, но онъ не считалъ также удобнымъ возстановленіе Византійской Имперіи и присоединенія турецкихъ провинцій къ Греціи. „Наименѣе плохой изъ всѣхъ плохихъ комбинацій“ Государю казалось присоединеніе къ Россіи Молдавіи, Валахіи и части

[1]) Приложеніе № 98.

Болгаріи до Кюстенджи, объявленіе независимыми остальной Болгаріи и Сербіи, передача побережій Адріатическаго и Эгейскаго морей—Австріи, Египта, Кипра и Родоса—Англіи, Крита—Франціи и острововъ Архипелага—Греціи. Константинополь могъ бы быть объявленъ вольнымъ городомъ, при чемъ предполагалось на Босфорѣ имѣть русскій гарнизонъ, а на Дарданеллахъ—австрійскій.

Невозможно, конечно, эти наброски считать программой Императора Николая; они являются лишь доказательствомъ стремленія Государя выяснить себѣ возможную судьбу народовъ Балканскаго полуострова и его политическаго устройства, на случай паденія Турціи.

Указаніе на то, что Государя въ это время не покидала забота о судьбѣ европейскихъ провинцій Турціи, какъ возможное послѣдствіе будущей войны, имѣется и въ запискахъ Фицтума фонъ Экштедта, относящихся къ концу 1852 года. Разговаривая за обѣдомъ съ графомъ Зичи, Государь замѣтилъ, что настало время удалить турокъ изъ Европы, положить конецъ ихъ хозяйничанію на Балканскомъ полуостровѣ и угнетенію ими христіанъ. Эти слова онъ поручалъ передать въ Вѣнѣ, добавивъ, что разсчитываетъ на союзъ и дружбу императора Франца-Іосифа. „Графъ Нессельроде покачалъ бы головой", замѣчаетъ авторъ записокъ, „если бы услышалъ такія рѣчи, и, поправляя очки, „сказалъ бы—Мой Государь не дипломатъ!"

Дѣйствительно, Императоръ Николай не всегда слѣдовалъ совѣтамъ своего канцлера, который, какъ мы видѣли, болѣе всего опасался поднимать Восточный вопросъ въ полномъ его объемѣ.

Встрѣтивъ на балу у Великой Княгини Елены Павловны англійскаго посла сэра Гамильтона Сеймура, Государь удостоилъ его милостивой бесѣдой и между прочимъ сказалъ: „Вамъ изв„ѣстны мои чувства къ Англіи, и я повторю то, что сказалъ „раньше: обѣимъ нашимъ странамъ предназначено жить въ добр„омъ согласіи, и я убѣжденъ, что такъ и будетъ... Необхо„димо, чтобы англійское правительство и я, я и англійское прави„тельство были въ лучшемъ согласіи, и эта необходимость никогда „не ощущалась такъ сильно, какъ въ настоящее время. Я прошу „васъ передать эти слова лорду Рёсселю. Если мы согласны, то я „болѣе не безпокоюсь о западѣ Европы; то, что подумаютъ „сдѣлать другіе, имѣетъ мало значенія. Что же касается до Турціи,

Де-Буркенэ
(съ фот. А. Браунъ).

„то эта страна находится въ кри-
„тическомъ положеніи и можетъ
„намъ надѣлать много хлопотъ".

Англійскому дипломату было желательно, разумѣется, вывѣдать болѣе подробно мысли Государя, а потому онъ постарался вызвать своего августѣйшаго собесѣдника на продолженіе разговора. „Турція", замѣтилъ Государь, „находится въ полномъ „разстройствѣ; эта страна какъ бы „распадается. Ея паденіе будетъ „большимъ несчастіемъ, и было бы „весьма важно, если бы Россія и „Англія условились относительно бу-
„дущаго и не предпринимали бы „ничего, не предупредивъ взаимно „другъ друга. У насъ на рукахъ „человѣкъ больной и сильно боль-
„ной. Я говорю откровенно, что „было бы большимъ несчастіемъ, если бы онъ скончался на дняхъ „и въ особенности раньше, чѣмъ будетъ заключено необходимое „соглашеніе".

Слѣдующій разговоръ между Государемъ и Сеймуромъ происходилъ 22 января. Коснувшись честолюбивыхъ и широкихъ замысловъ Императрицы Екатерины II, Государь замѣтилъ своему собесѣднику: „Наслѣдовавъ ея обширныя владѣнія, я не наслѣ-
„довалъ ея видѣній или, если хотите, проектовъ. Наоборотъ, моя „страна такъ обширна и находится въ столь счастливомъ во всѣхъ „отношеніяхъ положеніи, что съ моей стороны было бы без-
„разсудно желать увеличенія земель и большаго могущества, „чѣмъ у меня есть". Но тѣмъ не менѣе судьба Оттоманской Имперіи не могла оставаться для Россіи безразличной.

„Въ этой имперіи", говорилъ Государь, „живетъ нѣсколько „милліоновъ христіанъ, интересамъ которыхъ я долженъ оказы-
„вать покровительство, и это право обезпечено за мною тракта-
„тами. Я могу сказать по правдѣ, что пользуюсь этимъ правомъ „съ воздержаніемъ и умѣренностью, при чемъ откровенно при-
„знаю, что съ нимъ иногда связаны стѣснительныя обязанности, „но я не могу отступить передъ исполненіемъ совершенно яснаго

„долга. Наша религія въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ „Россіи, перенесена къ намъ съ Востока, и есть чувства и обя- „занности, которыхъ иногда не должно упускать изъ виду".

Переходя къ вопросу о будущности Турціи, Государь продолжалъ:

„Какъ бы мы всѣ ни желали продлить существованіе боль- „ного человѣка (а я прошу васъ вѣрить, что, подобно вамъ, „желаю продолженія его жизни), онъ можетъ умереть неожиданно. „У насъ нѣтъ власти воскрешать мертвецовъ. Если Турецкая „Имперія падетъ, то она падетъ, чтобы не подняться болѣе. „Поэтому я и спрашиваю васъ, не лучше ли раньше подгото- „виться къ этой возможности, чѣмъ втянуться въ хаосъ, пута- „ницу и въ общеевропейскую войну".

На замѣчаніе Сеймура, что великобританскіе государственные люди держатся правила не связывать Англіи въ отношеніи возможныхъ въ будущемъ событій, Императоръ Николай сказалъ, что это, конечно, хорошее правило, но было бы чрезвычайно важно для Россіи и Англіи сговориться настолько, чтобы событія не захватили ихъ врасплохъ.

Лондонскимъ свѣдѣніямъ о жизненныхъ элементахъ Оттоманской Имперіи Государь не придавалъ особаго значенія, такъ какъ нашъ представитель въ Константинополѣ, Титовъ, постоянно сообщалъ о полномъ разстройствѣ всего механизма Турецкой Имперіи.

„Я повторяю вамъ", говорилъ Государь англійскому дипломату, „что больной умираетъ, и мы не должны допускать, чтобы „это событіе произошло для насъ неожиданно". Распаденіе Турціи, при предварительномъ соглашеніи державъ, по мнѣнію Императора Николая, не вызвало бы особенныхъ потрясеній. „Фак- „тически", замѣтилъ Государь, „Дунайскія княжества образуютъ „государство, подъ моимъ покровительствомъ, и такое положеніе „могло бы продолжаться. Сербія могла бы получить такую же „форму правленія. То же можно сказать о Болгаріи: я не вижу „причинъ, мѣшающихъ этой странѣ образовать самостоятельное „государство. Что касается Египта, то для меня ясно значеніе „его для Англіи. Все, что я могу сказать, это то, что, если вы „возьмете, въ случаѣ раздѣла оттоманскаго наслѣдства, Египетъ, „то я не буду дѣлать особыхъ возраженій".

Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ въ сообщеніи своему правительству о разговорѣ съ Императоромъ Николаемъ счелъ долгомъ

отмѣтить, что, „не желая дать повода Государю думать, что „англійскій дипломатъ se laisserait prendre à pareilles ouvertures“, объяснилъ ему, что англійскіе виды на Египетъ „не идутъ „далѣе обезпеченія скорыхъ и вѣрныхъ сообщеній съ Индіей“ [1]). Великобританская скромность проявилась здѣсь во всемъ своемъ блескѣ; впрочемъ, Императоръ Николай не придалъ ей большого значенія. Онъ имѣлъ для этого много данныхъ. Англійская дипломатія не допускала Египта до чрезмѣрнаго усиленія и даже разссорилась изъ-за Мехмеда-Али съ покровительствовавшей ему Франціей, а въ настоящее время эта нація хозяйничаетъ надъ Ниломъ, какъ во владѣніяхъ индійскихъ раджей.

Разговоры Государя съ Сеймуромъ послужили исходной точкой переговоровъ, которые должны были вестись секретно, но, годъ спустя, англійское правительство дало имъ пристрастную огласку съ цѣлью убѣдить общественное мнѣніе Европы въ честолюбивыхъ замыслахъ нашего правительства.

Истинный свѣтъ на предметъ и цѣль этихъ переговоровъ бросаютъ превосходныя собственноручныя замѣтки Императора Николая на депешѣ лорда Рёсселя Сеймуру отъ 9 февраля 1853 г., сообщенной намъ въ копіи [2]).

Предупредивъ о полной откровенности своего отвѣта, англійскій министръ высказывалъ въ этой депешѣ соображенія, что въ дѣйствительности ничего не произошло такого, что бы требовало рѣшенія Восточнаго вопроса; споръ о Святыхъ Мѣстахъ въ сущности являлся споромъ между Россіей и Франціей и, по мнѣнію англійскаго правительства, не затрогивалъ сферы внутренняго управленія Турціи. Лордъ Рёссель говорилъ о невозможности опредѣлить время паденія имперіи оттомановъ, о томъ, что наше соглашеніе съ Англіей въ предвидѣніи паденія Турціи можетъ, вопреки желанію обѣихъ сторонъ, ускорить паденіе этого государства, такъ какъ такое соглашеніе нельзя будетъ хранить втайнѣ, и оно придастъ силы всѣмъ врагамъ Турціи. Благородный лордъ относился съ особой похвалой къ той политикѣ, которой Императоръ Николай придерживался до того времени по отношенію къ Турціи, и которая „сдѣлаетъ его имя болѣе славнымъ, чѣмъ „имена знаменитыхъ государей, стремившихся къ безсмертію пу„темъ ничѣмъ не вызываемыхъ завоеваній“.

---

[1]) Kinglake, t. I, pp. 74 79.
[2]) Приложеніе № 99.

Англійскій министръ давалъ далѣе нашему правительству совѣты, что нужно дѣлать для успѣха такой политики. „Было „бы желательно“, писалъ онъ, „чтобы по отношенію къ Турціи „всѣ державы проявляли наибольшее терпѣніе, чтобы всѣ ихъ „требованія къ ней являлись скорѣе предметомъ дружествен„ныхъ переговоровъ, а не энергичныхъ заявленій; всякія военныя „и морскія демонстраціи для принужденія султана къ исполненію „требованія той или другой державы должны быть, по возможно„сти, избѣгаемы, и рѣшеніе возникшихъ въ предѣлахъ вѣдѣнія „Порты споровъ должно происходить по взаимному соглашенію ве„ликихъ державъ, а не требоваться у Турціи подъ угрозой силы“.

Видъ Іерусалима (съ франц. грав. Дартуа, начала XVIII столѣтія).

Императоръ Николай, по поводу англійскихъ соображеній, сдѣлалъ на поляхъ депеши лорда Рёсселя слѣдующія замѣчанія:

Споръ о Святыхъ Мѣстахъ „можетъ привести къ войнѣ, а „война можетъ легко окончиться паденіемъ Оттоманской Имперіи „въ особенности, если бы война возникла вслѣдствіе совершаю„щихся въ Черногоріи ужасовъ, къ которымъ христіанскія на„родности не могутъ оставаться безучастными, предвидя для себя „такую же судьбу“. Необходимо доказать султану, что „разореніе „Черногоріи недопустимо, какъ равно и подданство Портѣ этой „страны, которая ей не принадлежитъ и на которую въ теченіе „столѣтія простирается наше покровительство“.

„Здѣсь не затрогивается вопроса“, замѣчаетъ далѣе Государь, „о распоряженіи владѣніями султана; дѣло идетъ только объ опре„дѣленіи, на случай паденія Турціи, того, что было бы противно „нашимъ и англійскимъ интересамъ, чтобы не дѣйствовать про„тивно имъ. Ничего болѣе не нужно“.

Императоръ Николай не находилъ основательными опасенія англійскаго министра о томъ, что соглашеніе между обоими

кабинетами повліяетъ на ускореніе паденія Оттоманской Имперіи. Текстъ соглашенія предполагалось сообщить Франціи только въ случаѣ неминуемаго наступленія предвидѣнныхъ событій. „Я „не вижу надобности", писалъ Государь, „говорить о согла- „шеніи раньше времени, потому что моя цѣль состоитъ только „въ томъ, чтобы не стать въ противорѣчіе съ Англіей, и един- „ственно съ этой цѣлью я придаю обмѣну нашихъ мнѣній самую „секретную форму. Онъ не можетъ происходить съ пользой офи- „ціальнымъ путемъ и остается строгой тайной между королевой „и мною".

Императоръ Николай выразилъ свое удовольствіе по поводу заявленія лорда Рёсселя, что у Англіи нѣтъ желанія овладѣть Константинополемъ, и обѣщанія ни съ кѣмъ не входить, въ предвидѣніи паденія Турціи, ни въ какіе переговоры, не согласившись предварительно съ Россіей. „Это увѣреніе цѣнно", замѣтилъ Государь, „потому что оно доказываетъ, какое тождество стремленій „существуетъ между Англіей и Россіей. Гораздо легче итти рука „объ руку при установленіи предначертаній, которыя не имѣютъ „другой цѣли, кромѣ *предупрежденія* того, чего ни Англія, ни „Россія никогда не могли бы допустить".

Совѣтъ ласково обращаться съ Турціей вызвалъ замѣчаніе Государя, что такое обращеніе примѣняется, „но безполезно, и „именно это можетъ вызвать войну и всѣ ея послѣдствія".

Руководствуясь приведенными отмѣтками, графъ Нессельроде изложилъ взгляды нашего правительства сэру Гамильтону Сеймуру [1]). Канцлеръ объяснилъ, что бесѣды Государя вовсе не имѣли цѣлью предложить Англіи какой-либо *планъ* дѣйствій на случай паденія Турціи, а только объясниться не столько насчетъ того, что каждая изъ сторонъ желаетъ, сколько насчетъ того, что ей нежелательно, и Государь избралъ для этого форму секретнаго частнаго разговора съ представителемъ королевы. Паденіе Оттоманской Имперіи есть, конечно, событіе неопредѣленнаго и далекаго будущаго, но оно можетъ наступить и наступить вдругъ. Черногорскій вопросъ обострялся, и во время разговора Государя съ Сеймуромъ трудно было предвидѣть его скорое и мирное разрѣшеніе. Вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ также находился въ неопредѣленномъ положеніи и могъ вызвать весьма серіозныя осложненія, „если самолюбіе и угрозы Франціи будутъ продолжать

[1]) Приложеніе № 100.

„дѣйствовать на Порту и заставятъ ее отказать намъ въ какомъ „бы то ни было удовлетвореніи, и если, *съ другой стороны,* „оскорбленное уступками, сдѣланными католикамъ, чувство право- „славныхъ заставитъ возстать противъ султана огромное боль- „шинство его подданныхъ".

Что касается до ласковаго обращенія съ Портой, то, по мнѣнію графа Нессельроде, такая мѣра была бы дѣйствительна, если бы всѣ державы примѣняли эту систему. Но не такъ дѣйствовала Франція, всѣ требованія которой поддерживались демонстраціями: „c'est à la bouche du canon qu'elle a présenté ses réclamations". Россія и Австрія должны были послѣдовать этому примѣру, такъ какъ иначе невозможно дѣйствовать по отношенію къ правительству, которое становится сговорчивымъ только подъ вліяніемъ угрозы. Нота оканчивалась выраженіемъ взаимнаго удовольствія по поводу высказаннаго обѣими сторонами увѣренія въ отсутствіи желанія обладать Константинополемъ и по поводу заявленія лорда Рёсселя, что Англія не войдетъ ни съ кѣмъ въ соглашеніе на случай паденія Турціи, не сговорившись предварительно съ нами. Прочитавъ канцлерскую депешу, Государь сдѣлалъ на ней отмѣтку: „Cela peut aller ainsi, je pense". Въ этихъ словахъ какъ будто сквозитъ указаніе на недостаточную полноту или нѣкоторую неясность ноты.

Эту недосказанность графъ Нессельроде старался восполнить въ депешахъ и письмахъ къ барону Бруннову. Не могло быть сомнѣній въ томъ, что характеръ дальнѣйшаго хода событій на Востокѣ зависѣлъ преимущественно отъ Англіи; ея вліяніе въ Парижѣ и въ Константинополѣ легко могло бы способствовать разрѣшенію недоразумѣній на Востокѣ въ духѣ нашихъ желаній. Въ частномъ письмѣ графа Нессельроде къ барону Бруннову отъ 2 января 1853 года [1]) эта точка зрѣнія изложена весьма опредѣленно. Канцлеръ исходилъ изъ той мысли, что новый императоръ французовъ не можетъ не питать завоевательныхъ стремленій, такъ какъ въ противномъ случаѣ возстановленіе имперіи было бы смѣшно (ridicule). Но завоеванія въ западной Европѣ вызвали бы несомнѣнную коалицію противъ Франціи, которая могла бы повлечь за собою новое паденіе наполеонидовъ; поэтому властелину этой страны оставалось только обратиться на Востокъ. Такое предпріятіе могло показаться Наполеону, по

[1]) Приложеніе № 101.

мнѣнію канцлера, легко осуществимымъ. „Соединенныя морскія силы Турціи, Англіи и Франціи будутъ имѣть большой перевѣсъ надъ русскимъ флотомъ. Проникнуть въ Черное море, разорить тамъ русскую торговлю, сжечь приморскіе города, снабдить подкрѣпленіями кавказскихъ горцевъ, — все это, соединившись втроемъ, не требуетъ очень

Л. Г. Сенявинъ, тов. мин. Иностр. дѣлъ (съ фот. съ нат.).

„разорительныхъ жертвъ“... Въ такомъ видѣ графъ Нессельроде представлялъ себѣ цѣли Наполеона, полагая, что „задача противодѣйствовать французскимъ планамъ есть спеціальное дѣло Англіи“.

Канцлеръ какъ бы не замѣчалъ страннаго противорѣчія въ своихъ выводахъ; онъ допускалъ возможность совмѣстныхъ дѣйствій Франціи, Англіи и Турціи для уничтоженія нашей торговли и морского могущества на Черномъ морѣ и въ то же время обращался къ содѣйствію Англіи для предупрежденія той же возможности.

Одновременно съ тѣмъ, когда графъ Нессельроде искалъ сближенія съ Великобританіей, а баронъ Брунновъ успокаивалъ

изъ Лондона [1]), что лорду Стрэдфорду Редклифу, отправлявшемуся посломъ въ Константинополь, даны „des instructions plus „sages", и что лордъ Абердинъ старается предупредить возможныя при характерѣ этого посла осложненія „par des règles de „conduite conçues dans un bon esprit", лордъ Кларендонъ писалъ тому же самому лорду Стрэдфорду [2]):

„Цѣль вашей миссіи внушить Портѣ благоразуміе и осто-
„рожность въ отношеніи тѣхъ державъ, которыя будутъ побу-
„ждать ее къ удовлетворенію ихъ требованій. На васъ возлагается
„обязанность употребить всѣ усилія, чтобы отвратить войну и
„склонить державы къ дружелюбному разрѣшенію споровъ"....
Государства, обращающіяся къ Портѣ „въ диктаторскомъ, чтобы
„не сказать угрожающемъ, тонѣ, могутъ ускорить разложеніе
„Турецкой Имперіи и вызвать катастрофу, предупредить которую
„желали бы всѣ".

Лорду Стрэдфорду предписывалось повидаться проѣздомъ черезъ Парижъ съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и подтвердить, что британское правительство сознаетъ тождественность интересовъ Франціи и Англіи на Востокѣ, и никакія случайности не могутъ нарушить ихъ согласія въ дѣлѣ поддержки независимости Турціи.

Что касается до султана, то великобританскій посолъ долженъ былъ ему откровенно выяснить, въ чемъ заключается опасность положенія, рекомендовать Портѣ особую осторожность въ дѣйствіяхъ и предупредить командующаго мальтійской эскадрой быть наготовѣ, въ случаѣ опасныхъ осложненій, отплыть къ Дарданелламъ.

А между тѣмъ баронъ Брунновъ сообщалъ въ частномъ письмѣ графу Нессельроде отъ 9 (21) февраля [3]), что ему еще никогда не удавалось имѣть такого полнаго и быстраго успѣха. Онъ былъ увѣренъ, что убѣдилъ Англію и побѣдилъ Порту слѣдующей фразой, сказанной турецкому послу: „Mandez à votre „gouvernement, que c'est pour lui la 11-me heure". Если турки, по мнѣнію барона, не окончательно глухи, то князь Меншиковъ сумѣетъ ихъ убѣдить.

---

[1]) Отъ 24 января 1853 года.
[2]) 24 января (5 февраля) 1853 года. Oesterns papers, t. I, p. 80.
[3]) Выдержки помѣщены въ приложеніи № 102.

IV.

Зимою 1852—1853 годовъ въ турецкихъ провинціяхъ западной части Балканскаго полуострова вспыхнули безпорядки, и турецкая армія, подъ начальствомъ Омера-паши, разоряла Черногорію. Все это происходило на границѣ Австріи, которая не могла оставаться равнодушной къ вспыхнувшему раздору и приняла мѣры, чтобы его потушить въ самомъ началѣ. Съ чрезвычайнымъ посломъ императора Франца-Іосифа, графомъ Лейнингеномъ, былъ отправленъ въ Константинополь ультиматумъ, требовавшій немедленнаго отозванія турецкихъ войскъ изъ предѣловъ Черногоріи.

Появленіе австрійскаго чрезвычайнаго посла въ Стамбулѣ произвело нѣкоторый переполохъ среди мѣстныхъ дипломатовъ. Они не знали, дѣйствуетъ ли вѣнскій кабинетъ вполнѣ самостоятельно, или по соглашенію съ нами. Сначала преобладало второе предположеніе, и, какъ видно изъ донесеній Балабина, Лавалетъ возмущался поведеніемъ Австріи; по его мнѣнію, Австрія не имѣла права предъявлять подобныхъ требованій независимой Турціи, и послѣдняя должна ей отказать [1]). Такой совѣтъ и данъ былъ Портѣ великобританскимъ и французскимъ представителями [2]); отказъ Австріи былъ уже заготовленъ, но не посланъ, благодаря содѣйствію Озерова, который убѣдилъ Фуада-пашу въ необходимости сдѣлать уступки. Однако, сдѣланныя уступки не удовлетворили графа Лейнингена, который собирался уже покинуть Константинополь.

Въ дѣло пришлось вмѣшаться Императору Николаю. „Я не „знаю, каково будетъ твое рѣшеніе“, писалъ Государь императору Францу-Іосифу [3]), „но, каково бы оно ни было, ты можешь „быть впередъ увѣреннымъ, что, если послѣдуетъ война между то- „бой и Турціей, то это будетъ равносильно тому, что Турція объ- „вила войну мнѣ. Я поручаю князю Меншикову сообщить это „въ Константинополѣ, а пока ставлю на военное положеніе 4 и „5-й корпуса, а также Черноморскій флотъ, и мы будемъ готовы“. Инструкціи, данныя одновременно съ этимъ Озерову, заставили

---

[1]) Донесеніе Балабина, полученное въ Петербургѣ 4 февраля 1853 года. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

[2]) Депеши Озерова 26 и 31 января и 4 февраля 1853 года, №№ 12, 14 и 16. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

[3]) Отъ 11 (23) февраля 1853 года. Приложеніе № 103.

Порту отказаться отъ всякаго сопротивленія и принять австрійскія требованія безъ всякихъ оговорокъ.

Поведеніе Государя во всемъ этомъ дѣлѣ является лучшимъ доказательствомъ отсутствія у него тѣхъ кажущихся завоевательныхъ намѣреній, въ которыхъ его такъ сильно обвиняли наши западные недоброжелатели. Разрывъ между Австріей и Турціей былъ бы прекраснымъ предлогомъ для выполненія такихъ плановъ, но Императоръ Николай, съ своей стороны, сдѣлалъ все, чтобы его предупредить.

Впрочемъ, подъ конецъ миссія графа Лейнингена встрѣтила поддержку и со стороны дипломатовъ западныхъ державъ. Лаваллетъ сообщилъ даже Озерову, что онъ сильно содѣйствовалъ уступчивости турокъ. Съ нѣкоторой вѣроятностью это возможно допустить, если принять во вниманіе, что Англія и Франція дѣйствовали сообща, а австрійское правительство отрицало фактъ какого-либо соглашенія съ нами [1]).

---

[1]) Kinglake, t. I, p. 64.

Глава X.

I.

Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ подготовлялось отправленіе въ Константинополь чрезвычайнаго, облеченнаго особымъ довѣріемъ Государя посла, который при существовавшихъ трудныхъ обстоятельствахъ могъ бы добиться у Порты не только исполненія нашихъ требованій относительно Святыхъ Мѣстъ, но и установленія необходимыхъ гарантій въ томъ, что права православной церкви впредь не будутъ нарушаемы.

Выборъ лица, на которое можно было бы возложить выполненіе такого важнаго порученія, являлся дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ. Графъ А. Ѳ. Орловъ и графъ П. Д. Киселевъ, не разсчитывая на успѣхъ задуманнаго предпріятія, уклонились отъ его выполненія, и выборъ Государя остановился на генералъ-адъютантѣ свѣтлѣйшемъ князѣ Меншиковѣ. Этотъ выборъ обусловливался и тѣмъ, что Императоръ Николай желалъ въ своемъ послѣ въ Турцію видѣть не только дипломата, но и лицо, способное, въ случаѣ надобности, руководить морскими и сухопутными военными операціями [1]). Такимъ условіямъ, по мнѣнію Государя, наиболѣе удовлетворялъ князь А. С. Меншиковъ [2]).

Князь Александръ Сергѣевичъ, по словамъ бывшаго канцлера князя Горчакова [3]), обладалъ замѣчательнымъ природнымъ умомъ

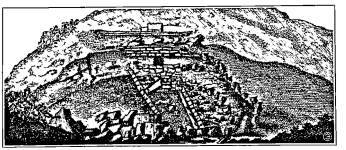
---

[1]) Изъ разсказа кн. А. М. Горчакова. „Записки П. К. Менькова", т. I, стр. 17 и 18.

[2]) *Изъ дневника князя Меншикова* за 19 января 1853 года: „Былъ у Государя; „онъ объяснилъ мнѣ свою политику, прибавивъ, что избралъ меня для командованія арміей и „флотомъ и посломъ—предвѣстникомъ мира или войны".

[3]) Записки П. К. Менькова, т. I, стр. 17 и 18.

и къ тому же получилъ самое разностороннее образованіе, но, какъ замѣчаетъ Горчаковъ, къ сожалѣнію, его „умъ и образованіе „затемнялись истиннымъ или напускнымъ безсердечіемъ. Ко всему „на свѣтѣ онъ относился саркастически, злобно и развѣ по мень„шей мѣрѣ насмѣшливо. Отсюда происходилъ тотъ неизсякаемый „источникъ всѣхъ его остротъ, всѣхъ злыхъ, но мѣтко выска„занныхъ имъ bons „mots".



Силоамская купель
(съ грав., по рис. Н. Де-Брюинь).

И, дѣйствительно, князь Александръ Сергѣевичъ сохранилъ о себѣ въ потомствѣ память, какъ человѣкъ необыкновеннаго ума, обладавшій къ тому же весьма злымъ и острымъ языкомъ.

Не задаваясь цѣлью писать біографію этого дѣятеля первой половины прошлаго столѣтія чуть ли не по всѣмъ отраслямъ государственной жизни, остановимся, однако, нѣсколько на личности, съ которой такъ неразрывно связана эпоха Восточной войны пятидесятыхъ годовъ [1]).

Какъ человѣкъ обширнаго ума, князь Меншиковъ, поставленный во главѣ многихъ отраслей государственнаго управленія, долженъ былъ бы оставить потомству хоть какіе-либо положительные слѣды своей дѣятельности. Но ихъ не видно ни въ одномъ изъ тѣхъ дѣлъ, во главѣ которыхъ становился князь Александръ Сергѣевичъ. А дѣятельность его была обширна и, главное, разнообразна. И дипломатомъ, и морякомъ, и администраторомъ, и, наконецъ, главнокомандующимъ сухопутной арміей довелось быть князю Меншикову, и всюду онъ вносилъ достаточную долю

[1]) Въ нашихъ рукахъ находился собственноручный дневникъ князя, веденный имъ ежедневно чуть ли не съ 1810 года и до послѣднихъ лѣтъ его жизни. Надо полагать, что этотъ дневникъ былъ любимымъ дѣтищемъ автора, человѣка, по своему характеру, вообще весьма скрытнаго. Порядокъ, въ которомъ онъ содержался, точность, съ которой въ него записывалось все, касающееся личности самого князя, служатъ тому ручательствомъ. Смѣемъ думать, что такой дневникъ, веденный болѣе полустолѣтія изо дня въ день, въ достаточной степени можетъ обрисовать личность его автора. Замѣчательно, что въ дневникѣ кн. Меншикова, при самомъ подробномъ описаніи всего того, что касалось физическаго существованія его личности, нѣтъ ни одного теплаго слова объ интересахъ государственныхъ и общественныхъ, съ которыми онъ такъ близко соприкасался.

эгоизма, самомнѣнія, равнодушія; что касается до талантовъ, то злой рокъ, видимо, не далъ ему возможности проявить на дѣлѣ ту разнородность ихъ, которою его такъ щедро надѣляли.

Свойства характера князя Меншикова, скрытность и присущая ему, по отзывамъ современниковъ, способность остраго и ѣдкаго слова заставляли опасаться князя и приписывать ему тѣ качества, которыхъ онъ не сумѣлъ или не имѣлъ въ дѣйствительности случая выказать.

Непомѣрное себялюбіе, громадное самолюбіе и самомнѣніе, обширная начитанность, отсутствіе привязанности къ кому бы то ни было и къ чему бы то ни было, недовѣрчивость къ окружающимъ, неумѣніе распознавать людей и несомнѣнная личная храбрость—вотъ въ немногихъ словахъ тотъ обликъ, въ которомъ въ дѣйствительности рисуется князь Меншиковъ [1]).

Впослѣдствіи, при изложеніи фактической стороны Восточной войны, личность князя Александра Сергѣевича выяснится болѣе подробно сама собой.

По нѣкоторымъ намекамъ дневника князя Меншикова можно предполагать, что канцлеру былъ не особенно пріятенъ его выборъ въ чрезвычайные послы [2]), и этотъ вопросъ былъ окончательно рѣшенъ только 18 января, при чемъ графъ Нессельроде счелъ необходимымъ снабдить князя Меншикова, сверхъ данныхъ ему полномочій и кабинетнаго письма, цѣлымъ рядомъ письменныхъ инструкцій [3]).

Канцлеръ въ своемъ докладѣ Государю [4]) слѣдующимъ образомъ рисуетъ поведеніе чрезвычайнаго посла въ Константинополѣ: онъ прежде всего долженъ прямо и настоятельно потребовать обнародованія данныхъ намъ фирмановъ безъ малѣйшаго отступленія отъ обычныхъ формальностей. Турецкіе министры, конечно, предложатъ нѣкоторыя измѣненія для согласованія фирмана съ признаннымъ за латинянами правомъ владѣть ключами отъ Виѳлеемскаго храма. Князь Меншиковъ долженъ былъ согласиться на это, но при условіи опубликованія другого, объясняющаго отступленіе въ пользу католиковъ, фирмана и отмѣны всѣхъ осталь-

---

[1]) Совершенно иного взгляда на кн. Меншикова придерживается его бывшій адъютантъ Панаевъ („Воспоминанія“ помѣщены въ Русск. Стар.).

[2]) Изъ дневника за 17 января: „При докладѣ Нессельроде положено спросить меня, „могу ли я на будущей недѣлѣ отправиться въ путь, а между тѣмъ полковника Ковалевскаго „послать въ Черногорію, но *Нессельроде не далъ мнѣ знать о семъ*“. (Курсивъ подлинника).

[3]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Картонъ „Доклады 1854 г.“.

[4]) Приложеніе № 104.

ныхъ данныхъ имъ въ ущербъ православнымъ преимуществъ, при чемъ признаніе Портой правъ греческой церкви должно было быть изложено въ особой, заключенной съ нами конвенціи или *сенедѣ*.

Но самая богатая по послѣдствіямъ часть всеподданнѣйшаго доклада канцлера заключалась въ томъ, что онъ предлагалъ обязать нашего посла отказаться вести переговоры съ потерявшимъ довѣріе петербургскаго кабинета Фуадомъ-эфенди, если бы султанъ избралъ послѣдняго для этой цѣли, и долженъ былъ предложить Портѣ заключеніе союзнаго оборонительнаго договора въ томъ случаѣ, если бы Франція мѣшала Турціи своими угрозами удовлетворить наши требованія.

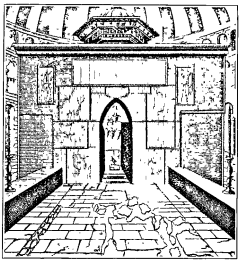
Краткій и опредѣленный докладъ Государю вылился въ цѣлый рядъ очень обширныхъ и менѣе опредѣленныхъ письменныхъ инструкцій, которыми напутствовалъ графъ Нессельроде нашего чрезвычайнаго посла [1]).

Въ первой инструкціи канцлеръ обращалъ вниманіе князя Меншикова на тѣ основанія, которыми руководствовался петербургскій кабинетъ въ своей политикѣ относительно Турціи послѣ Адріанопольскаго мира, и на всегдашнее желаніе Государя поддерживать съ этой страной отношенія *благосклонныя, миролюбивыя* и даже снисходительныя. Такое поведеніе графъ Нессельроде объяснялъ „какъ слабостью этого государства и его внутренними „смутами, такъ и большею частью несправедливыми притязаніями „другихъ державъ". Выяснивъ дальше особое значеніе для насъ въ данную минуту удачнаго рѣшенія вопроса о Святыхъ Мѣстахъ, канцлеръ повторялъ въ общемъ вышеприведенный свой всеподданнѣйшій докладъ. Въ этой инструкціи новой является только одна мысль о связи уступокъ католикамъ съ общимъ преобразовательнымъ движеніемъ, охватившемъ министровъ Порты и заставлявшемъ ихъ принимать мѣры, къ которымъ совершенно не подготовлены мусульманскіе и христіанскіе подданные султана. Наставленіе заканчивалось новымъ повтореніемъ о нежеланіи Государя ускорять распаденіе Оттоманской Имперіи, которое необходимо должно послѣдовать „за первымъ серьезнымъ ударомъ, „который наши войска ей нанесутъ".

Вторая, секретная инструкція, составленная подъ впечатлѣніемъ „новѣйшихъ извѣстій изъ Константинополя", производитъ

[1]) Приложенія №№ 105, 106, 107, 108 и 109.

нѣсколько странное впечатлѣніе. Начинаясь выраженіемъ почти полной увѣренности въ благополучномъ исходѣ посольства князя Меншикова, она неожиданно переходила къ изложенію поведенія посла, въ случаѣ отказа Порты въ удовлетвореніи нашихъ требованій. Князю Меншикову предписывалось въ такомъ случаѣ испросить торжественную аудіенцію, заявить на ней объ оставленіи Константинополя со всею миссіей, протестовать противъ неправильныхъ дѣйствій Порты и возложить отвѣтственность за происшедшій разрывъ на совѣтниковъ султана, которые противились принятію нашихъ предложеній. Угроза о выѣздѣ должна была быть исполнена черезъ три дня.



Часовня Гроба Господня (съ франц. грав. начала XVIII ст.).

Третья инструкція, которая также ссылалась на полученныя изъ Константинополя извѣстія, имѣла совершенно иной характеръ. Она говорила о нравственномъ состояніи султана, находившагося подъ вліяніемъ угрозъ Франціи и сознанія неисполненнаго долга передъ Россіей, при чемъ канцлеръ выводилъ отсюда предположеніе о возможности со стороны султана и визиря искренняго желанія сблизиться съ нами. Въ такомъ случаѣ князю Меншикову предлагалось въ своихъ переговорахъ „дойти до предложенія оборонительнаго союза". Цѣлью такого союза должна была быть защита Порты отъ протектората Франціи надъ Іерусалимомъ, чего, видимо, добивался Людовикъ-Наполеонъ; мы, съ своей стороны, взамѣнъ этого, требовали только подписанія съ нами отдѣльной конвенціи по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ.

Еще въ одной секретной инструкціи графъ Нессельроде объяснялъ чрезвычайному послу цѣль дѣйствій нашихъ противниковъ. По словамъ канцлера, она заключалась въ томъ, чтобы ослабить русское вліяніе на турецкомъ Востокѣ, поставивъ католическое исповѣданіе въ особенное преимущественное положеніе. Въ турецкихъ министрахъ графъ Нессельроде видѣлъ слѣпое орудіе скорѣе политической, чѣмъ религіозной пропаганды, „и мы

„оказываемъ“, писалъ канцлеръ, „услугу султану и его имперіи, „обращая его вниманіе на преступную дѣятельность турецкихъ „министровъ“. Въ заключеніе авторъ инструкціи напоминалъ, что каково бы ни было теченіе переговоровъ касательно заключенія оборонительнаго союза, не слѣдуетъ пріостанавливать дѣла объ исполненіи фирмана относительно Святыхъ Мѣстъ, такъ какъ „въ „этомъ отношеніи обязательства Порты относительно насъ вполнѣ „положительны“.

Графъ Нессельроде не ограничился этими инструкціями. Въ тотъ же день онъ далъ князю Меншикову еще одну, касавшуюся поведенія нашего посла по отношенію къ аккредитованнымъ при султанѣ представителямъ великихъ державъ.

Канцлеръ началъ съ Франціи. По его словамъ, политика Императора Николая имѣла цѣлью ослабить нравственными неудачами вліяніе новаго французскаго правительства, поэтому князь Меншиковъ долженъ былъ по отношенію къ французскому представителю въ Константинополѣ держаться вѣжливо, но твердо, не выказывая ни желанія войны, ни боязни передъ ней. Примирительныя предложенія, сдѣланныя французскимъ правительствомъ въ Петербургѣ, навели графа Нессельроде на мысль, что въ Парижѣ стало преобладать болѣе спокойное настроеніе, почему онъ предоставлялъ личному усмотрѣнію князя Меншикова придать тотъ или другой характеръ сношеніямъ съ французскимъ дипломатомъ, который долженъ былъ замѣнить пылкаго Лавалета.

Весьма интересны взгляды канцлера на отношенія къ намъ другихъ державъ. По его мнѣнію, мы еще не достигли полнаго согласованія нашихъ видовъ съ видами великобританскаго правительства, но „достаточно возстановленія во Франціи наполеони„довъ и воспоминаній, съ этимъ связанныхъ, чтобы возстано„вить между нами и Англіей нѣкоторую общность интересовъ „(une certaine communion d'intérêts)“. Графъ Нессельроде высказывалъ полное удовольствіе по поводу пріема, который встрѣтили въ Лондонѣ наши сообщенія относительно политики Императорскаго кабинета въ вопросѣ о Святыхъ Мѣстахъ; онъ былъ увѣренъ, что англійскій посолъ въ Константинополѣ получитъ инструкціи, проникнутыя довѣріемъ къ нашей консервативной и умѣренной политикѣ. Поэтому канцлеръ предлагалъ князю Меншикову убѣждать англійскаго представителя полковника Розе въ нашемъ миролюбіи и склонять къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ для охраны мира на Востокѣ.

Что касается до Австріи и Пруссіи, то инструкція указывала на полное согласіе ихъ взглядовъ съ нашими, и особенно подчеркивалась въ этомъ отношеніи Австрія. Эта католическая держава поняла, по словамъ канцлера, что Людовикъ-Наполеонъ заботился не о католицизмѣ, а о подрывѣ русскаго вліянія, и отказалась содѣйствовать французской политикѣ, такъ какъ такія предложенія „скрывали хитро задуманную цѣль ослабленія ея связи съ Россіей". Въ доказательство полнаго согласія нашихъ взглядовъ и интересовъ, канцлеръ ссылался на посольство графа Лейнингена и выражалъ надежду, что князь Меншиковъ встрѣтитъ въ австрійскомъ представителѣ союзника, который будетъ защищать одно и то же дѣло и стремиться къ одному и тому же результату.

Къ инструкціямъ князя Меншикова были приложены краткое обозрѣніе исторіи вопроса о Святыхъ Мѣстахъ [1]) и проектъ предполагавшейся къ заключенію съ Портой конвенціи [2]).

Согласно первой статьи этого проекта, договаривавшіяся стороны постановляли, что православная религія будетъ пользоваться постояннымъ покровительствомъ Блистательной Порты, и наши посланники въ Константинополѣ будутъ имѣть право дѣлать ей по этому поводу представленія. Вторая и третья статьи обезпечивали права, преимущества и несмѣняемость четырехъ восточныхъ патріарховъ. Четвертой статьей Порта обязывалась передъ Императорскимъ дворомъ хранить и поддерживать права іерусалимскаго греческаго патріарха въ Іерусалимѣ и внѣ его не во вредъ, однако, другимъ христіанскимъ общинамъ. Пятая статья обязывала султана издать гатти-гамаюнъ, который признавалъ бы всѣ прежде данные іерусалимской греческой церкви фирманы и съ точностью указывалъ тѣ Святыя Мѣста, которыя были съ древнихъ временъ предназначены для православныхъ и католиковъ. Наконецъ, согласно послѣдней статьи, Порта принимала на себя обязательство предоставить въ Іерусалимѣ въ распоряженіе нашего правительства мѣсто для постройки тамъ русской церкви и странноприимнаго дома.

Чрезвычайный посолъ былъ снабженъ также проектомъ отдѣльнаго и секретнаго акта оборонительнаго союза съ Турціей [3]). Въ первой статьѣ этого документа выражалась готовность Импе-

---

[1]) Приложеніе № 88.
[2]) Приложеніе № 110.
[3]) Приложеніе № 111.

Князь А. С. Меншиковъ въ Константинополѣ (съ нѣм. грав. на деревѣ).

ратора Всероссійскаго оказать султану вооруженную помощь въ томъ случаѣ, если бы какая-нибудь держава рѣшилась напасть на него потому только, что онъ, пользуясь своими верховными правами, признаетъ за православными подданными Оттоманской Имперіи ихъ вѣковыя права и преимущества. Впрочемъ, авторъ проекта трактата оговаривался, что „такого „случая никакимъ обра„зомъ нельзя ожидать „или опасаться". Во второй статьѣ указывалось, что, въ случаѣ наступленія предусматриваемыхъ трактатомъ неожиданныхъ событій, договаривающіяся стороны опредѣлятъ количество сухопутныхъ и морскихъ силъ, какія наше правительство отправитъ на помощь Портѣ.

28 января князь Меншиковъ откланялся Государю, получивъ приказаніе „угрожать туркамъ признаніемъ независимости кня„жествъ" [1]), а 29 числа поторопился отправиться въ путь.

Но отъѣздъ не избавилъ князя Александра Сергѣевича отъ многочисленныхъ письменныхъ наставленій канцлера. Онъ подтверждалъ ему вслѣдъ [2]) всегдашнее свое желаніе дѣйствовать не въ смыслѣ отнятія у католиковъ дарованныхъ имъ правъ, а въ смыслѣ соотвѣтственнаго увеличенія правъ православныхъ; радовался благорасположенію Лондона и Парижа и предупреждалъ относительно ожидаемаго въ Константинополѣ сопротивленія со

[1]) Рукописный дневникъ кн. А. С. Меншикова за 1853 годъ. Арх. кн. Н. Н. Гагарина.
[2]) Письмо отъ 12 февраля 1853 г., № 63. Госуд. Арх., разр. XI, № 1226.

стороны Лавалета и полковника Розе; сообщалъ о скоромъ прибытіи въ Стамбулъ Редклифа и новаго французскаго посла Лакура, выражая радость по поводу послѣдняго и искреннее пожеланіе князю Меншикову покончить все дѣло до пріѣзда перваго [1]). Канцлеръ послалъ также князю копію депеши барона Бруннова [2]), въ которой сообщалось, что полковникъ Розе получилъ инструкцію склонять Порту къ уступчивости, и что англійское правительство будетъ содѣйствовать выполненію нашихъ желаній въ Парижѣ.

16 февраля пароходъ-фрегатъ „Громоносецъ“, на которомъ находился князь Меншиковъ, сопровождаемый генералъ-адъютантомъ Корниловымъ, генераломъ Непокойчицкимъ и многочисленной свитой, бросилъ якорь въ Буюкъ-дере. Чрезвычайный посолъ былъ встрѣченъ всей русской колоніей и многочисленной толпой грековъ, которые съ радостными криками провожали его до русскаго дворца въ Перу. Султанъ привѣтствовалъ пріѣхавшаго черезъ своего церемоніймейстера Кіамиль-бея [3]).

Съ этой минуты начинается послѣдній, самый рѣшительный актъ дипломатическаго воздѣйствія на Порту.

II.

Черезъ день послѣ своего пріѣзда въ Константинополь князь Меншиковъ отправился съ официальнымъ визитомъ къ великому визирю, во фракѣ [4]). Онъ началъ свою бесѣду съ заявленія визирю, что „не можетъ имѣть никакого довѣрія къ „Фуаду-эфенди“ (турецкому министру иностранныхъ дѣлъ) по вопросу, ему порученному, и просилъ назначить для переговоровъ другое лицо [5]). „Мое заявленіе“, пишетъ князь, „смутило визиря;

---

[1]) Письмо отъ 20 февраля 1853 г. Госуд. Арх., разр. III, № 124.

[2]) Отъ 9 (21) февраля 1853 г., № 33. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Londres, 1853.

[3]) Рукописный дневникъ кн. А. С. Меншикова.

[4]) Во время этого визита произошелъ маленькій эпизодъ, который западной печатью былъ раздутъ до громадныхъ размѣровъ. Отправляясь къ визирю, князь Меншиковъ имѣлъ сверхъ фрака надѣтымъ пальто, въ которомъ онъ и вошелъ въ первую комнату помѣщенія, занимаемаго турецкимъ сановникомъ. Предполагая, что до комнаты, гдѣ состоится свиданіе, еще далеко, онъ вошелъ въ пальто въ слѣдующую комнату, гдѣ, къ своему удивленію, встрѣтилъ великаго визиря. Князь поторопился освободиться отъ неподходящаго костюма.

Всѣ европейскія газеты воспользовались этимъ случаемъ, чтобы убѣдить читающую публику, что князь Меншиковъ явился на аудіенцію къ султану въ пальто.

[5]) Кн. Меншиковъ — канцлеру 25 февраля (9 марта) 1853 года, № 2. Госуд. Арх., разр. XI, № 1226.

„по выходѣ же отъ него, я, желая подтвердить свои слова дѣй-
„ствіемъ и показать, какъ мало цѣню Фуада-эфенди, не сдѣлалъ
„ему обычнаго визита вѣжливости. Это произвело большое впеча-
„тлѣніе и вызвало неудовольствіе Порты, а Фуадъ подалъ въ
„отставку".

Англійскій и французскій повѣренные въ дѣлахъ обратились къ обиженному министру съ настойчивой просьбой остаться на своемъ посту; особенно настаивалъ на этомъ полковникъ Розе. Фуадъ, однако, ушелъ, а князь Меншиковъ поторопился сдѣлать визитъ его преемнику Рифату-пашѣ, котораго ему рекомендовали, какъ „человѣка достойнаго, съ довольно порядочными правилами", но также съ большимъ недостаткомъ: „онъ никогда не желаетъ „принять на себя ни малѣйшей отвѣтственности" [1]).

Съ первыхъ же дней прибытія нашего чрезвычайнаго посла въ Константинополь начались недоразумѣнія между нимъ и временнымъ представителемъ Англіи полковникомъ Розе, который желалъ присвоить себѣ право контроля надъ нашими переговорами съ Портой. „Assaut repoussé du colonel Rose, qui veut connaître mes „instructions", занесъ князь Меншиковъ въ свой дневникъ за 19 февраля [2]). „Visite du colonel Rose", записалъ онъ черезъ нѣсколько дней, „préoccupé d'un avis de son consul d'Odessa sur nos „préparatifs de guerre" [3]).

Французскій представитель, Бенедетти, держалъ себя по отношенію къ нашему послу совершенно иначе и первоначально прилагалъ старанія къ дружелюбному разрѣшенію вопроса о Святыхъ Мѣстахъ [4]).

Опредѣлились къ этому же времени и отношенія князя Меншикова къ главѣ православной церкви въ Константинополѣ. Черезъ привѣтствовавшаго его по случаю пріѣзда отъ имени патріарха митрополита онъ просилъ послѣдняго передать вселенскому патріарху его упреки относительно безпорядковъ въ духовномъ управленіи, невѣжества духовенства и относительно тѣхъ преимуществъ, которыя они уступили другимъ исповѣданіямъ [5]).

---

[1]) Агриполо—князю Меншикову 21 февраля (5 марта) 1853 года. Госуд. Арх., разр. XI, № 1234.

[2]) Рукописный дневникъ.

[3]) Дневникъ за 28 февраля.

[4]) Изъ дневника князя Меншикова за 2 марта: „Visite de M. Benedetti; son désir d'une „entente préalable avec l'ambassade française sur les questions des Sts-Lieux".

[5]) Дневникъ за 1 марта 1853 года.

Только черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда въ Константинополь князь Меншиковъ удостоился торжественной аудіенціи у султана. Такая задержка объяснялась турками перемѣною министра иностранныхъ дѣлъ, но въ дѣйствительности она была слѣдствіемъ старанія полковника Розе задержать ходъ переговоровъ до прибытія въ Константинополь великобританскаго посла лорда Редклифа. Рѣзкое поведеніе князя Меншикова съ Фуадомъ дало поводъ утверждать, что возложенное на него порученіе имѣетъ враждебный характеръ, при чемъ турецкіе министры и ихъ англійскіе совѣтники допускали даже возможность дерзкаго обращенія нашего чрезвычайнаго посла съ султаномъ. Князю Александру Сергѣевичу пришлось увѣрять Рифата-пашу, что онъ „умѣетъ говорить съ „монархомъ съ подо„добающимъ уваже„ніемъ“ [1].

Аудіенція кн. Меншикова у султана. Май 1853 г. (съ лит. К. Ланцеделли).

Аудіенція съ соблюденіемъ обычнаго церемоніала происходила 24 февраля, послѣ чего послѣдовалъ частный пріемъ султаномъ нашего посла въ присутствіи министра иностранныхъ дѣлъ и наиболѣе почтеннаго драгомана. Князь Меншиковъ вручилъ падишаху письмо Государя, котораго султанъ, видимо, не ожидалъ и былъ до такой степени смущенъ, что посолъ счелъ нужнымъ не дѣлать никакихъ упрековъ, „de ne pas augmenter l'espèce d'effroi „qu'il semblait éprouver“. Для успокоенія султана князь Меншиковъ замѣтилъ, что, конечно, Государь жалуется, но дѣлаетъ это, какъ другъ, желающій добра и независимости Турціи и радующійся увеличенію ея сухопутныхъ и морскихъ силъ. Падишахъ отвѣчалъ отрывочными фразами о недоразумѣніяхъ, ко-

[1]) Кн. Меншиковъ—гр. Нессельроде 25 февраля (9 марта) 1853 года, №№ 3 и 4. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1226.

торыя разъяснятся, и успокоился лишь тогда, когда разговоръ перешелъ на другія темы.

Письмо Императора Николая было написано внушительнымъ тономъ [1]). Признавая, что отправленіе князя Меншикова въ Константинополь является актомъ дружбы и союза, Государь тѣмъ не менѣе не скрывалъ чувствъ „глубокаго прискорбія и „удивленія", вызванныхъ въ немъ поведеніемъ султана, и указывалъ на „серьезныя послѣдствія", которыя такое поведеніе можетъ повлечь за собою. Конецъ письма касался возможнаго скрѣпленія союза между Россіей и Турціей, въ случаѣ возникновенія какихъ-нибудь осложненій или опасности для Турціи, при чемъ этотъ союзъ могъ бы привести къ соглашенію, которое прекратило бы всякія притязанія, несовмѣстимыя съ независимостью и спокойствіемъ Оттоманской Имперіи.

Меншикову все болѣе и болѣе приходилось разочаровываться въ точности нашихъ дипломатическихъ свѣдѣній и въ англійскомъ повѣренномъ въ дѣлахъ полковникѣ Розе. Вмѣсто ожидаемой помощи и поддержки нашихъ требованій, которыя предсказывали баронъ Брунновъ и графъ Нессельроде, полковникъ Розе дѣйствовалъ въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Послѣ отказа князя Меншикова познакомить его съ полученными инструкціями, англійскій дипломатъ сталъ почти въ открытую оппозицію нашему послу. Является нѣсколько непонятной такая скрытность князя Александра Сергѣевича, такъ какъ канцлеръ ему писалъ, что программа нашихъ дѣйствій уже сообщена лондонскому кабинету и встрѣтила тамъ самый прекрасный пріемъ.

Въ дѣйствительности слѣдуетъ оговориться, что сообщеніе это нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было сдѣлано с.-джемскому кабинету въ самой общей формѣ, и англійское правительство и даже нашъ представитель при лондонскомъ дворѣ подробно ознакомились съ инструкціями князя Меншикова только въ апрѣлѣ, при чемъ до свѣдѣнія перваго онѣ были доведены лордомъ Страдфордомъ Редклифомъ.

Отчасти благодаря такой скрытности и поведенію чрезвычайнаго посла, миссія князя Меншикова возбуждала все большее и большее недовѣріе среди западныхъ дипломатовъ. Французскій повѣренный въ дѣлахъ, Бенедетти, съ своей стороны, счелъ необходимымъ передать Портѣ записку, въ которой предостерегалъ

[1]) Приложеніе № 112.

турокъ отъ опасности, „parce que le but de l'ambassade serait peut-„être de lier la Porte par quelque acte, comme celui de Hounkiar-„Iskélessi, dont l'Europe s'est donné tant de peine pour sauver la „Turquie“ [1]). Полковникъ же Розе, даже получивъ изъ Лондона приказаніе объявить Портѣ, что с.-джемскій кабинетъ считаетъ наши требованія основанными на правѣ, „n'a pas pu se décider à „prendre une attitude passive et paraît s'être accorder avec M. Be-„nedetti pour engager la Porte à employer des moyens dilatoires“ [2]).

Офиціальные переговоры князя Меншикова съ Портой начались 4 (16) марта, когда нашъ посолъ сообщилъ Рифату-пашѣ устную ноту, заключавшую перечень всѣхъ провинностей турецкихъ министровъ передъ Россіей по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ [3]), и передачу эту сопровождалъ указаніемъ, что время однихъ словъ миновало, и впредь необходимо положительное обезпеченіе отъ повторенія прошедшаго [4]). Князь Меншиковъ предлагалъ турецкимъ министрамъ вникнуть въ смыслъ его словъ и уяснить суть его посольства.

Такимъ образомъ, не ознакомившись съ обстановкой и со степенью вліянія различныхъ партій въ Константинополѣ, нашъ посолъ съ первыхъ шаговъ принялъ тонъ таинственный и угрожающій, который давалъ обильную пищу недоброжелателямъ Россіи, заставилъ съ недовѣріемъ относиться ко всякимъ, даже самымъ справедливымъ требованіямъ нашего посла и придалъ будущимъ переговорамъ характеръ, очень затруднявшій ихъ успѣшное окончаніе.

Князь Меншиковъ, послѣ перваго объясненія съ Рифатомъ-пашою, далъ Портѣ нѣсколько дней „pour préparer le sultan et les „ministres aux demandes que nous allions formuler et dont je leur „avais déjà fait pressentir la nature“ [5]). Онъ предполагалъ, что въ теченіе этого времени султанъ пригласитъ его къ себѣ, но такъ какъ этого не случилось, то 10 (22) марта онъ имѣлъ второе частное совѣщаніе съ Рифатомъ-пашою. Наши требованія относительно Святыхъ Мѣстъ [6]) и даже относительно включенія турецкихъ

---

[1]) Аргиропуло—князю Меншикову 21 февраля (5 марта) 1853 года. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1234.

[2]) Кн. Меншиковъ—канцлеру 12 (24) марта 1853 г., № 17. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

[3]) Приложеніе № 113.

[4]) Кн. Меншиковъ—канцлеру 5 (17) марта 1853 года, № 6. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1226.

[5]) Кн. Меншиковъ—канцлеру 12 (24) марта 1853 года, № 14. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1226.

[6]) Богдановичъ: „Восточная война“, т. I, стр. 40—46; Oesterns papers, t. I.

سلطان عبدالمجيد خان

Султанъ Абдулъ-Меджидъ
(съ лит. Лемерсье, по рис. Ланть).

обязательствъ по этому поводу въ особый торжественный актъ [1]) не смутили турецкаго министра, что дало князю Меншикову надежду достигнуть успѣха безъ большихъ затрудненій.

Но совершенно иначе Рифатъ-паша отнесся къ предложенію о заключеніи особой конвенціи, касающейся гарантіи нашихъ правъ въ будущемъ [2]). При чтеніи проекта этого документа, сопровождавшагося весьма рѣшительной нотой нашего посла, „лицо Рифата видимо „потемнѣло"; онъ показался князю Меншикову „сильно взволнованнымъ „и нѣсколько мгновеній „не могъ ни слова про„изнести".

Одновременно съ этимъ нашъ посолъ принялъ мѣры къ тому, чтобы предостеречь султана отъ превратныхъ толкованій нашихъ требованій. Онъ поручилъ Озерову объяснить ихъ смыслъ первому секретарю султана Феридуэфенди и увѣрить его, что они сводятся лишь къ подтвержденію нашихъ правъ по прежнимъ трактатамъ, что мы не желаемъ ничего новаго, стѣсняющаго верховную власть султана, и что наши предложенія имѣютъ безусловно мирный характеръ [3]).

---

[1]) Приложеніе № 114.
[2]) Приложеніе № 115.
[3]) Кн. Меншиковъ—канцлеру 12 (24) марта 1853 года, № 16. Госуд. Арх., разр. XI, № 1226.

Князь Меншиковъ не забывалъ, впрочемъ, и возможныхъ послѣдствій неудачи его посольства. Адмиралъ Корниловъ и генералъ Непокойчицкій изслѣдовали берега Босфора и даже совершили поѣздку въ Смирну и Пирей, чтобы убѣдиться, что число французскихъ и англійскихъ судовъ на этихъ морскихъ станціяхъ не превышаетъ обыкновеннаго. По мнѣнію князя, Порта не въ состояніи была выслать въ море болѣе пяти военныхъ кораблей, а въ Константинополѣ находилось войскъ не болѣе 30 тысячъ при 144 орудіяхъ [1]).

Тѣмъ временемъ переговоры продолжались. Наши требованія относительно Святыхъ Мѣстъ предполагалось передать на обсужденіе совѣта, а проектъ конвенціи предварительно долженъ былъ быть представленъ султану. Рифатъ-паша счелъ долгомъ замѣтить при этомъ, что, по его „opinion intime et toute privée“, мы правы, но что заключеніе конвенціи будетъ трудно. „Ce ne sont point „les articles de votre projet“, сказалъ Рифатъ, „qui m'effrayent; ils „ne me paraissent nullement forts, c'est le principe même qui ne „me paraît point acceptable“ [2]).

19 (31) марта у турецкаго министра происходила конференція, продолжавшаяся свыше семи часовъ, на которой нашъ и турецкій представители пришли къ соглашенію относительно большей части вопросовъ, касавшихся Святыхъ Мѣстъ. Было установлено, что ключъ отъ Виѳлеемскаго храма не дастъ латинянамъ особыхъ правъ на этотъ храмъ, что серебряная звѣзда будетъ объявлена пожалованной отъ щедротъ султана всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, виѳлеемскіе сады будутъ въ вѣдѣніи обѣихъ сторонъ, а прилегающія къ Святымъ Мѣстамъ зданія гаремовъ разрушены. Остались неразрѣшенными только вопросы о подробностяхъ перестройки купола въ храмѣ Гроба Господня и о порядкѣ богослуженій разныхъ исповѣданій въ этомъ храмѣ [3]).

Въ Петербургѣ между тѣмъ замѣчалось уже нѣкоторое нетерпѣніе, вызываемое медленностью переговоровъ. Графъ Нессельроде, разъясняя еще разъ князю Меншикову сущность нашего проекта конвенціи, указывалъ, что цѣль ея состоитъ въ болѣе точномъ и ясномъ опредѣленіи нашего права покрови-

---

[1]) Кн. Меншиковъ—канцлеру 12 (24) марта 1853 года, № 19. Тамъ же.

[2]) Кн. Меншиковъ—канцлеру 14 (26) марта 1853 года, № 20. Госуд. Арх., разр. XI, № 1226.

[3]) Князь Меншиковъ—канцлеру 24 марта (5 апрѣля) 1853 года, № 22. Госуд. Арх., разр. XI, № 1226.

тельствовать Восточной церкви въ предѣлахъ Оттоманской Имперіи, чѣмъ это было опредѣлено Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ; такимъ образомъ нашу конвенцію можно было бы противоставить французскимъ капитуляціямъ 1740 года. Графъ Нессельроде не придавалъ значенія ни названію, ни формѣ договора, но желалъ лишь, чтобы онъ имѣлъ силу и цѣнность трактата. „Ce qui nous paraît le plus important", писалъ канцлеръ [1]), „c'est que les irrésolutions du sultan ne se prolongent pas trop et „que nos adversaires ne profitent de cette indécision et des retards „qui en résultent pour faire perdre à la mission de votre altesse le „caractère de célérité et de vigueur qui doit en assurer le succès".

Къ концу марта, повидимому, можно было надѣяться, что мы достигнемъ полнаго успѣха. Канцлеръ писалъ князю Меншикову [2]), что обѣщанія, данныя Портой французамъ [3]), не противорѣчатъ нашимъ требованіямъ, и если французское правительство не имѣетъ еще какихъ-либо намѣреній, то „l'entente et l'arrange-„ment réciproquement équitables, qu'on nous propose, ne nous sem-„blent pas difficiles à établir". Канцлеръ только добавлялъ, что необходимо убѣдить французское правительство такъ же, какъ и другія католическія державы, что, требуя отъ Порты „des garanties „pour le maintien inaltérable des immunités dont nos coreligionnaires „de l'Orient n'ont cessé de jouir depuis les premiers temps de la „conquête, nous ne réclamons rien de blessant pour la dignité des „gouvernements qui accordent leur protection aux établissements ca-„tholiques de la Palestine".

Бесѣды князя Меншикова съ прибывшимъ въ Константинополь французскимъ посломъ Лакуромъ также подтверждали благопріятное направленіе парижскаго кабинета. Хотя Лакуръ и началъ съ заявленія, что „c'est une question de dignité pour les deux „empires", но въ концѣ концовъ согласился съ нашими предложеніями относительно ключей Виѳлеемскаго храма, порядка богослуженія въ Геѳсиманскомъ вертепѣ и даже возобновленія купола подъ наблюденіемъ іерусалимскаго патріарха [4]). Свѣдѣнія о миро-

[1]) Графъ Нессельроде—князю Меншикову 20 марта 1853 года, № 113. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

[2]) 31 марта 1853 года, № 143. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

[3]) Входъ и право богослуженія въ Виѳлеемскомъ и Геѳсиманскомъ храмахъ, возобновленіе католическаго монастыря, прилегающаго къ храму Воскресенія, и пріобрѣтеніе султаномъ нѣсколькихъ домовъ для этого монастыря.

[4]) Кн. Меншиковъ—канцлеру 4 (16) и 14 (25) апрѣля 1853 года, №№ 28 и 33. Госуд. Арх., разр. XI, № 1226.

любіи французскаго правительства князь Меншиковъ получалъ и съ другихъ сторонъ [1]).

Что касается до Англіи, то баронъ Брунновъ сообщалъ нашему послу [2]), что великобританское правительство находитъ поведеніе полковника Розе неправильнымъ и несогласнымъ съ видами лондонскаго кабинета. Его же требованіе, обращенное къ адмиралу Дундасу, о приближеніи англійской эскадры къ турецкимъ берегамъ, не исполненное, впрочемъ, адмираломъ, порицалось, и, по

Видъ Константинополя (съ русск. грав., по нѣм. рис. начала XVII столѣтія).

возвращеніи лорда Редклифа въ Константинополь, полковникъ Розе долженъ будетъ покинуть столицу оттомановъ.

Черезъ Петербургъ также приходили весьма успокоительныя извѣстія. Князю Меншикову была сообщена копія депеши лорда Кларендона Сеймуру [3]), въ которой великобританскій министръ сообщалъ, что лондонскій кабинетъ не испытываетъ никакого страха по поводу тревожныхъ слуховъ, доходящихъ изъ Константинополя, такъ какъ онъ „неоднократно получалъ личныя увѣ„ренія Государя о рѣшеніи его поддерживать независимость Турец„кой Имперіи, и если бы намѣренія Его Величества по отношенію „къ этому важному вопросу измѣнились, то они были бы откро„венно сообщены правительству королевы". Признавая далѣе, что положеніе, занятое французскимъ правительствомъ, можетъ вызвать осложненія, лордъ Кларендонъ выражалъ надежду, что этихъ осложненій можно будетъ избѣжать, благодаря Государю, кото-

---

[1]) Аргиропуло—кн. Меншикову 29 марта (10 апрѣля) 1853 года. Гос. Арх., разр. XI, № 1234.

[2]) 24 марта (5 апрѣля) 1853 года, № 151. Гос. Арх., разр. XI, № 1226.

[3]) Приложеніе № 116.

рый, навѣрное, предпишетъ своему послу не требовать ничего, что оскорбило бы честь и интересы Франціи.

Графъ Нессельроде послѣ этого вполнѣ увѣровалъ, что англійское правительство смотритъ на событія совсѣмъ иначе, чѣмъ полковникъ Розе, и съ облегченіемъ сообщалъ нашему послу дошедшія до него вѣсти, что „le terrible Stratford Canning est dans „les mêmes dispositions que son gouvernement“ [1]).

Казалось такимъ образомъ, что все обстоитъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Вопросъ объ удовлетвореніи нашихъ требованій по поводу торжественнаго объявленія фирмана о правахъ греческаго вѣроисповѣданія въ Святыхъ Мѣстахъ былъ разрѣшенъ удовлетворительно, при чемъ, по словамъ Меншикова, „оконча„тельному соглашенію сему много способствовалъ лордъ Ред„клифъ“ [2]). Однако, вслѣдъ за этимъ нашъ чрезвычайный посолъ добавлялъ: „Но это его (Редклифа) доброжеланіе миновалось, и „я встрѣчаю сильное сопротивленіе въ полученіи обязательства, „обезпечивающаго въ будущемъ положеніе настоящаго времени, „какъ относительно Святыхъ Мѣстъ, такъ и православнаго духо„венства“.

III.

Уже въ половинѣ марта князю Меншикову стало извѣстно, что турецкіе министры не находили возможнымъ скрывать предмета нашихъ переговоровъ отъ представителей прочихъ державъ и въ особенности отъ всевластнаго англійскаго посла. Въ то же время ясно обнаружился и взглядъ Порты на предлагаемую нами конвенцію. Рифатъ-паша умолялъ оставить эту идею. „Во имя „Бога“, говорилъ онъ одному изъ лицъ посольства, „будьте умѣ„ренны; не толкайте насъ въ объятія другихъ“ [3]).

Князь Меншиковъ не замедлилъ сообщить въ Петербургъ [4]) свои подозрѣнія на счетъ знакомства лорда Редклифа при посредствѣ турецкихъ министровъ съ нашими требованіями и на счетъ таинственныхъ бесѣдъ послѣднихъ съ великобританскимъ представителемъ, при чемъ до свѣдѣнія князя изъ этихъ бесѣдъ дошли лишь слова Мехмеда-Али и Рифата-паши: „Cela nous est impos-

[1]) Приложеніе № 117.
[2]) Приложеніе № 118.
[3]) Приложеніе № 119.
[4]) Приложеніе № 120.

„sible“. Они, замѣтилъ по этому поводу нашъ посолъ, могли относиться равно къ нашимъ предложеніямъ, какъ и къ предложеніямъ англійскаго представителя.

Князь Меншиковъ начиналъ предвидѣть возможность отказа Порты отъ заключенія договора, который обезпечивалъ бы въ будущемъ наше право на покровительство православной церкви въ предѣлахъ Оттоманской Имперіи. Онъ сообщилъ въ Петербургъ [1]) заявленіе великаго визиря о невозможности удовлетворить наше требованіе о конвенціи и спрашивалъ, долженъ ли онъ довести свою настойчивость по этому предмету даже до риска выѣзда посольства изъ Константинополя, или же можетъ въ крайнемъ случаѣ удовлетвориться обмѣномъ нотъ или другими тождественными заявленіями, не имѣющими формы трактата? Противъ перваго вопроса Императоръ Николай написалъ: „Oui“, а противъ второго замѣтилъ: „Traité ou convention m'est fort égal“. Въ концѣ запроса нашего посла Государь начерталъ: „Я не имѣю ничего „добавить; все ясно изложено въ послѣднихъ инструкціяхъ, и я „настаиваю на ихъ исполненіи“.

Съ другой стороны, турки продолжали упрямиться; князь Меншиковъ, со свойственной ему любовью къ остротамъ, ихъ упрямство изобразилъ въ слѣдующемъ напутствіи одному изъ отъѣзжающихъ въ Петербургъ чиновниковъ его канцеляріи: „Прибавь, „развѣ, что я здоровъ, что часто ѣзжу верхомъ, что теперь „объѣзжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что ло„шадь эту зовутъ.... султанъ“ [2]).

Въ дальнѣйшихъ переговорахъ нашъ посолъ рѣшился слѣдовать совѣту, изложенному въ турецкомъ стихотвореніи, любезно присланномъ ему Зиверомъ-эфенди: „Кто скоро бѣжитъ, тотъ „всегда встрѣчаетъ много препятствій, а чѣмъ тише ѣдешь, тѣмъ „вѣрнѣе достигнешь цѣли“ [3]). Онъ сообщалъ канцлеру [4]), что слишкомъ угрожающій тонъ не повлечетъ за собой уменьшенія турецкой щепетильности и опасеній относительно предлагаемой конвенціи, поэтому князь принялъ предложеніе Рифата-паши разсматривать конвенцію по отдѣльнымъ пунктамъ.

Нашъ посолъ не уяснилъ себѣ истинной цѣли турецкаго министра, который заботился только о томъ, чтобы выиграть

---

[1]) Приложеніе № 121.
[2]) „Русская Старина“ 1875 года, кн. III.
[3]) Секр. донес. кн. Меншикову отъ 4 апрѣля 1853 года. Гос. Арх., разр. XI, д. № 1250.
[4]) Кн. Меншиковъ—канцлеру 24 марта (5 апрѣля) 1853 года, № 23. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

время, въ надеждѣ на поддержлу иностранныхъ державъ. И, дѣйствительно, лордъ Стрэдфордъ Редклифъ, видя, что заключеніе предлагаемой княземъ Меншиковымъ конвенціи можетъ повести къ утвержденію нашего вліянія въ Константинополѣ и на всемъ турецкомъ Востокѣ, проявилъ замѣчательную дѣятельность съ цѣлью воспрепятствовать успѣху посольства князя Меншикова.

Этой личности не безъ вѣскихъ основаній приписывались всѣ наши неудачи въ восточной политикѣ. Обладая характеромъ,

Лордъ Редклифъ (Стрэдфордъ Каннингъ).

весьма самостоятельнымъ и тяжелымъ, лордъ Стрэдфордъ Редклифъ представлялъ изъ себя типъ, отъ котораго всѣ старались избавиться. Его не хотѣли держать въ Лондонѣ въ составѣ кабинета; назначеніе его посломъ въ Петербургъ было отклонено Императоромъ Николаемъ еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ и вызвало въ немъ чувство горечи къ Государю, высокія качества котораго привлекали къ себѣ сердце этого англійскаго государственнаго дѣятеля, несмотря на полную противоположность взглядовъ Императора Николая и лорда Редклифа. Вѣсть о назначеніи его посломъ въ Парижъ также не встрѣтила одобренія со стороны французскаго правительства. Благородному лорду пришлось посвятить свою продолжительную дѣятельность дѣламъ турецкаго Востока.

Это былъ человѣкъ, обладавшій большими способностями и огромной силой ума и характера, но въ то же время напра-

влявшій всю свою энергію въ узкихъ рамкахъ только одной отрасли дѣятельности, что мѣшало ему обладать обширнымъ кругозоромъ. Такія качества лорда Страдфорда „придавали силу и „величіе его дѣятельности на дипломатическомъ полѣ“ [1]).

Редклифъ свою продолжительную дѣятельность въ столицѣ оттомановъ посвятилъ борьбѣ противъ усиленія нашего вліянія на Босфорѣ, которое онъ считалъ невыгоднымъ для интересовъ Великобританіи на Востокѣ. Желаніе достигнуть намѣченной цѣли дошло до размѣровъ фанатизма, и онъ поставилъ задачею своей жизни борьбу съ нами на почвѣ восточныхъ дѣлъ.

Способъ обращенія съ турками и находчивость въ самыхъ затруднительныхъ дипломатическихъ осложненіяхъ дали возможность лорду Страдфорду высоко поднять среди турокъ свой личный авторитетъ и значеніе Англіи. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ былъ всемогущъ въ Константинополѣ. Турецкіе министры преклонялись передъ нимъ, искали у него покровительства и совѣта. Князю Меншикову пришлось, такимъ образомъ, имѣть дѣло не только съ Портой, но главнымъ образомъ съ лордомъ Редклифомъ, искусившимся въ дипломатіи, превосходно изучившимъ константинопольскій театръ дѣйствій и пользовавшимся довѣріемъ турокъ. Очевидно, что борьба была очень неравная, хотя самъ лордъ Страдфордъ признавалъ, что нашъ посолъ „бла-„горазуменъ, и ему можно довѣрять“.

Вернувшись изъ отпуска къ своему посту, великобританскій представитель поспѣшилъ сдѣлать, въ сопровожденіи своего драгомана, графа Пизани, визиты даже не имѣющимъ вѣса турецкимъ сановникамъ. Онъ привезъ отъ Дж. Рёсселя, Пальмерстона и Абердина письма къ Решиду-пашѣ, игравшему въ дѣлѣ нашихъ переговоровъ съ Портой весьма двойственную роль [2]). Этотъ послѣдній поспѣшилъ на другой же день явиться къ англійскому послу со своимъ сыномъ Али-Галибъ-пашою [3]).

Очевидно, что бесѣды лорда Страдфорда во время этихъ визитовъ касались посольства князя Меншикова, такъ какъ онъ по всему Константинополю искалъ копій нашихъ трактатовъ съ

---

[1]) Kinglake: „L'invasion de la Crimée“, t. II, p. 36.

[2]) Между прочимъ Решидъ-паша подалъ намъ мысль потребовать отъ Порты трактата, который служилъ бы противовѣсомъ французскимъ капитуляціямъ 1740 года.

[3]) Секретныя донесенія князю Меншикову отъ 28 марта (7 апрѣля) 1853 г. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1260.

турками и послѣ многихъ поисковъ нашелъ ихъ въ бельгійской миссіи [1]).

Въ бесѣдѣ съ нашимъ посломъ у лорда Редклифа „сквозило „подозрѣніе о домогательствѣ у Порты вступить въ оборони„тельный съ нами союзъ“ [2]); самъ же онъ доносилъ своему правительству, что онъ не скрылъ отъ князя Меншикова знакомства съ нашими предложеніями [3]). „Я, съ своей стороны“, доносилъ онъ лорду Кларендону [4]), „принимая во вниманіе основательность „справедливыхъ его (князя Меншикова) доводовъ и не скрывая „между прочимъ, что мнѣ извѣстны и его послѣднія предло„женія, старался склонить его къ уступкамъ, высказывая свое „убѣжденіе, что предложенія князя встрѣтятъ отпоръ среди дер„жавъ, наиболѣе расположенныхъ къ Портѣ“.

Изъ бесѣдъ съ австрійскимъ представителемъ Редклифъ убѣдился, что вѣнскій кабинетъ стоитъ на сторонѣ Англіи, а его представитель терпѣть не можетъ князя Меншикова [5]), предложенія котораго клонятся „къ утвержденію русскаго вліянія на „Востокѣ въ ущербъ независимости Турціи“.

Сообщенія нашего посла отъ 14 (26) апрѣля носили уже угрожающій относительно успѣха дѣла характеръ. Западное вліяніе получило рѣшительный перевѣсъ, и представители державъ усматривали въ требуемой нами конвенціи нарушеніе верховныхъ правъ султана [6]). Въ частномъ письмѣ канцлеру отъ того же числа [7]) Меншиковъ сообщалъ заявленіе Редклифа, что съ европейской точки зрѣнія наша конвенція съ Турціей „offre des grandes diffi„cultés“. Письмо было наполнено слухами о приглашеніи визиремъ флотовъ западныхъ державъ, и сказанная Редклифомъ фраза потерялась до такой степени, что Императоръ Николай сдѣлалъ на письмѣ отмѣтку: „Toute cette expédition ne présente „rien du tout“.

---

[1]) Князь Меншиковъ—барону Бруннову 26 марта (7 апрѣля) 1853 года. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1236.

[2]) Тамъ же.

[3]) Oesterns papers, t. I, p. 150.

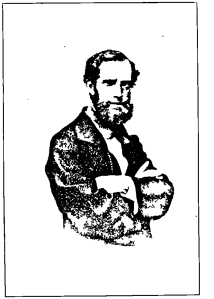
[4]) Отъ 3 (15) апрѣля 1853 года.

[5]) Л. Редклифъ—Кларендону 11 апрѣля 1853 г. (Oesterns papers): „Австрійскій по„вѣренный въ дѣлахъ, очевидно, получилъ инструкціи конфиденціально сообщаться со мною „по всѣмъ текущимъ дѣламъ. Онъ сказалъ мнѣ, что его правительство вполнѣ довольно „тѣмъ, что мною сказано въ Вѣнѣ и въ особенности по отношенію къ Россіи“ (Перев. съ англійскаго).

[6]) Приложеніе № 122.

[7]) Госуд. Арх., разр. III, д. № 124.

Англійскій посолъ неуклонно слѣдовалъ установившейся у него точкѣ зрѣнія. Когда великій визирь и Рифатъ-паша явились къ нему за совѣтомъ относительно предложеній князя Меншикова, то лордъ Редклифъ далъ турецкимъ сановникамъ такую программу [1]): „Ста-„райтесь отдѣлить вопросъ о Святыхъ „Мѣстахъ отъ всякаго дальнѣйшаго „русскаго предложенія, каково бы оно „ни было. Ваше поведеніе касательно „перваго пункта, кажется, было пра-„вильно, и оно имѣетъ шансы на успѣхъ. „Всякій разъ, какъ только князь Мен-„шиковъ сдѣлаетъ вамъ новыя предло-„женія, вы можете отказаться отъ пере-„говоровъ, предварительно требуя пол-„наго разъясненія ихъ сущности, про-„странства и основанія. Если, раз-„сматривая ихъ, вы найдете, что такія „предложенія создаютъ въ пользу иностранной державы такое „вліяніе на христіанскихъ подданныхъ Порты, которое можетъ „вызвать опасность или серіозныя неудобства для осуществленія „верховныхъ правъ султана, то вы не совершите ошибки, откло-„нивъ ихъ".



Балабинъ, сов. посольства въ Константинополѣ (съ фот. съ нат.).

„Личный характеръ Императора Николая", продолжалъ дальше дѣйствительный руководитель турецкой политики, „его отношенія „къ другимъ христіанскимъ дворамъ, его частыя заявленія объ ува-„женіи самостоятельности Турецкой Имперіи не допускаютъ мысли, „чтобы для достиженія цѣли онъ рѣшился прибѣгнуть къ силѣ".

Графъ Нессельроде увѣрялъ князя Меншикова [2]), что Редклифъ ведетъ въ Константинополѣ свою частную политику, а не политику англійскаго правительства, и что лордъ Абердинъ и Гамильтонъ Сеймуръ говорятъ совсѣмъ иное сравнительно съ тѣмъ, что говоритъ великобританскій посолъ въ Константинополѣ. Но навряд ли нашъ канцлеръ былъ правъ въ этомъ отношеніи. Въ приведенной выше депешѣ Редклифа отразилась вся англійская

[1]) Редклифъ—Кларендону 6 апрѣля 1853 года. Oesterns papers, t. I, p. 125.
[2]) Гр. Нессельроде—кн. Меншикову 11 апрѣля 1853 года, № 165. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

политика на турецкомъ Востокѣ, имѣвшая цѣлью не допустить тамъ нашего вліянія и въ то же время по возможности избѣжать войны. Англійскій посолъ искренно радовался удовлетворительному ходу переговоровъ о Святыхъ Мѣстахъ, но съ присущей ему страстностью и неоправдываемымъ недовѣріемъ отнесся къ нашему желанію конвенціи, противъ которой онъ ополчился со всей силой убѣжденнаго фанатика. Онъ продолжалъ настоятельно совѣтовать турецкому министру отдѣлить вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ отъ остальныхъ нашихъ требованій [1]), идти навстрѣчу въ первомъ и отклонять остальныя. Замѣчательно то, что князь Меншиковъ подобное раздѣленіе вопросовъ считалъ очень выгоднымъ шахматнымъ ходомъ со своей стороны, при помощи котораго полагалъ довести до успѣшнаго конца и свои остальныя требованія.

8 Апрѣля нашъ посолъ вручилъ Рифату-пашѣ новую словесную ноту [2]). Въ ней князь Меншиковъ указывалъ, что „тутрецкій министръ видѣлъ двуличность своихъ предшественниковъ „и долженъ былъ понять, до какой степени они проявили неува„женіе къ особѣ Государя Императора, и до какой степени про„стирается великодушіе Его Величества, дающее Портѣ средство „выйти изъ затрудненій, которыя были созданы недобросовѣст„ностью (mauvaise foi) ея министровъ". Упомянувъ о желаніи Государя получить прочное обезпеченіе для будущаго, нота замѣчаетъ, что Государь „les veut formelles, positives et assurant „l'inviolabilité du culte professé par la majorité des sujets chrétiens „tant de la Sublime Porte que de la Russie, et enfin par l'Empe„reur Lui-même".

Далѣе нота требовала отъ турецкаго правительства: 1) изданія объяснительнаго фирмана, составленнаго по обоюдному соглашенію и касающагося ключей отъ Виѳлеемскаго храма, звѣзды, Геѳсиманскаго грота и виѳлеемскихъ садовъ; 2) Верховнаго указа объ исправленіи турецкимъ правительствомъ купола храма Гроба Господня при участіи греческаго патріарха и безъ вмѣшательства делегатовъ другихъ вѣроисповѣданій, а также о задѣлкѣ оконъ, выходящихъ въ этотъ храмъ, и о разрушеніи прилегающихъ къ нему гаремныхъ построекъ. Князь Меншиковъ присовокуплялъ, что по этимъ пунктамъ онъ обязанъ требовать формальнаго удовлетворенія.

---

[1]) Лордъ Редклифъ—лорду Кларендону 20 апрѣля 1853 года. Oesterns papers, t. I, p. 155.
[2]) Приложеніе № 123.

Третье требованіе касалось *сенеда* или конвенціи, гарантирующей точное status quo преимуществъ православнаго вѣроисповѣданія и Святыхъ Мѣстъ, находящихся въ его исключительномъ или совмѣстномъ съ другими исповѣданіями владѣніи. „Россія", замѣчалъ князь Меншиковъ, „не требуетъ у Порты политическихъ „уступокъ. Ея желаніе состоитъ въ успокоеніи умовъ увѣрен„ностью въ сохраненіи того, что есть и что практиковалось во „всѣ времена". Требованіе это хотя и не отличалось столь рѣшительнымъ характеромъ, какъ два первыя, но было также выражено въ настойчивой формѣ, и князь Меншиковъ заканчивалъ свою ноту фразой, что отъ отвѣта турецкаго министра будутъ зависѣть дальнѣйшія дѣйствія чрезвычайнаго посла, согласныя прежде всего съ достоинствомъ представляемаго имъ правительства и исповѣдуемой его Государемъ вѣры [1]).

Настойчивость князя Меншикова имѣла извѣстную поддержку и въ сообщеніяхъ изъ Петербурга. „Требуя заключенія конвенціи", писалъ графъ Нессельроде нашему послу 11 апрѣля [2]), „Импера„торъ руководствовался соображеніями высшаго порядка, которыхъ „не въ состояніи понять въ Константинополѣ, а, можетъ-быть, „и въ другихъ мѣстахъ. Его Величество не преслѣдуетъ въ томъ, „что въ настоящее время онъ требуетъ отъ Турціи, политическихъ „цѣлей, а слѣдуетъ голосу своей совѣсти и исполняетъ долгъ „Государя, защищая церковь, которой ученіе исповѣдуетъ онъ и „его подданные". Поэтому, заключаетъ графъ Нессельроде, мы требуемъ не протектората надъ христіанскимъ населеніемъ Турціи, а только формальнаго обѣщанія Порты уважать преимущества, которыми пользовались ея православные подданные. Форма конвенціи или обязательной ноты для канцлера была безразлична, но, прибавляетъ графъ Нессельроде, Государь не можетъ допустить, чтобы его намѣренія подвергались сомнѣнію, и чтобы переговоры слишкомъ затягивались. Князь Меншиковъ уполномочивался дать Портѣ для отвѣта опредѣленный срокъ.

Въ частномъ же письмѣ канцлеръ совѣтовалъ князю [3]) прежде всего заботиться о томъ, чтобы въ надвигающемся восточномъ кризисѣ не допустить Англію и Францію соединиться противъ насъ и съ этой цѣлью оберегать щепетильность лорда Редклифа.

---

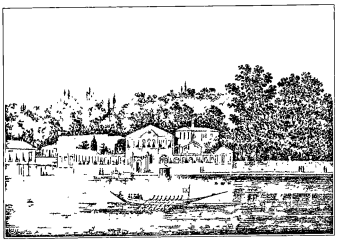
[1]) Эта нота уже 11 (23) апрѣля, т.-е. черезъ три дня послѣ ея врученія, сообщалась лордомъ Редклифомъ своему правительству. (Oesterns papers, t. I, p. 157).

[2]) Приложеніе № 124.

[3]) Отъ 11 апрѣля 1853 года. Госуд. Арх., разр. III, д. № 124.

Графъ Нессельроде какъ бы уже въ то время предвидѣлъ неудачу миссіи князя Меншикова и въ концѣ письма выражалъ желаніе, чтобы „оно застало его со всѣмъ персоналомъ посольства еще въ Константинополѣ, а не въ Одессѣ“.

Корреспонденція канцлера встрѣтилась въ дорогѣ съ донесеніемъ нашего посла [1]) объ успѣхѣ переговоровъ относительно Святыхъ Мѣстъ и о томъ, что по вопросу о конвенціи посолъ сталкивается „со слѣпымъ и упорнымъ противодѣйствіемъ Порты“, и что лордъ Редклифъ остается непоколебимымъ въ своемъ враждебномъ отношеніи къ заключенію нами новой конвенціи съ Турціей. „Турція“, говорили западные совѣтники турокъ, „дая Россіи новое свидѣтельство благорасположенія къ православнымъ, усилитъ ея вліяніе въ ущербъ верховнымъ правамъ султана. Европа неукоснительно работаетъ надъ противодѣйствіемъ этому вліянію; она не позволитъ, чтобы труды соединенныхъ усилій неожиданно ускользнули бы отъ нея“.



Русское посольство въ Константинополѣ (съ рис. съ нат. К. Букэ).

Редклифъ не стѣснялся въ совершенно открытомъ выраженіи своихъ взглядовъ. Въ бесѣдѣ съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Озеровымъ онъ замѣтилъ [2]), что наше желаніе заключить торжественный актъ конвенціи неосторожно и несправедливо. То положеніе, „которое создаютъ вамъ въ Турціи религіозныя симпатіи“, сказалъ англійскій дипломатъ, „всегда вызываетъ подозрѣнія. Каждый вашъ новый успѣхъ на этомъ поприщѣ вызоветъ подозрительность не только Порты, но и всѣхъ насъ, западныхъ сосѣдей. Противъ васъ образуется лига“... Австрійскому же повѣренному въ дѣлахъ Редклифъ прямо сказалъ, что если съ нашей стороны про-

[1]) Приложеніе № 122.
[2]) Приложеніе № 125.

явятся по отношенію къ Портѣ „давленіе и угрозы“, то Англія не замедлитъ присоединиться къ Франціи. Князь Меншиковъ взывалъ о новыхъ инструкціяхъ и указывалъ на необходимость увѣдомить барона Бруннова о ходѣ переговоровъ въ Константинополѣ [1]).

Но новыя инструкціи не прибывали, и приходилось дѣйствовать на основаніи того, что предлагалось въ депешѣ канцлера отъ 31 марта [2]), т.-е. потребовать отъ Рифата-паши принятія нашихъ предложеній въ трехдневный срокъ и, въ случаѣ неисполненія этого требованія, объявить цѣль посольства оконченной и выѣхать изъ Константинополя. Князь Меншиковъ колебался и не зналъ какъ лучше поступить при измѣнившихся обстоятельствахъ, какъ примирить то, что говорилъ Редклифъ, съ тѣмъ, что писали объ англійской политикѣ графъ Нессельроде и баронъ Брунновъ.

У нашего посла, отлично знавшаго чистоту намѣреній Государя, оставалось въ рукахъ еще одно рѣшительное средство, которое, можетъ-быть, помогло бы довести до успѣшнаго конца порученное ему дѣло. Такъ какъ князю Меншикову было извѣстно, что всѣ секретные переговоры его съ турецкими министрами тотчасъ же сообщались великобританскому представителю, то не слѣдовало окутывать ихъ какой-то таинственной завѣсой, которая заставляла подозрительнаго лорда Редклифа предполагать за ней нѣчто, ему еще неизвѣстное и особенно опасное для англійскихъ интересовъ. Откровенное объясненіе, на которое неоднократно напрашивался англійскій посолъ, могло бы принести пользу. „Lord Redcliff“, занесъ князь Меншиковъ въ свой дневникъ [3]), „me fait confidentiellement „demander la copie du projet; je le laisse confidentiellement sans „réponse“.

IV.

23 апрѣля (5 мая) нашъ чрезвычайный посолъ передалъ Портѣ новую ноту, требуя отвѣта въ теченіе пяти дней [4]); въ противномъ случаѣ князь Меншиковъ предполагалъ угрожать разрывомъ, но считалъ возможнымъ принять предложеніе совмѣстнаго раз-

[1]) Кн. Меншиковъ—гр. Нессельроде 20 апрѣля (2 мая) 1853 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 122.

[2]) № 144. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

[3]) Рукописный дневникъ кн. А. С. Меншикова 10 (22) апрѣля 1853 года.

[4]) Кн. Меншиковъ—гр. Нессельроде 24 апрѣля (6 мая) 1853 года, № 37. Госуд. Арх., разр. XI, № 1226

бора проекта сенеда, не допуская въ немъ существенныхъ измѣненій [1]).

Нота [2]) ссылалась на то, что отвѣтъ на требованія, предъявленныя княземъ Меншиковымъ еще 7 апрѣля, былъ полученъ лишь 23 числа, при чемъ онъ касался только первыхъ двухъ предложеній и совершенно умалчивалъ о послѣднемъ, касавшемся гарантіи правъ православной церкви, въ видѣ сенеда. Поэтому посолъ, „en renfermant cette fois ses réclamations dans les dernières „limites des directions supérieures", требовалъ соглашенія, основанія котораго должны были состоять въ слѣдующемъ:

Православная восточная вѣра, ея духовенство, церкви и владѣнія будутъ на будущее время пользоваться подъ управленіемъ султана преимуществами и правами, которыя признаны за ними ab antiquo.

Новый объяснительный фирманъ о Святыхъ Мѣстахъ долженъ имѣть значеніе формальнаго обязательства передъ Императорскимъ Правительствомъ.

Въ Іерусалимѣ русское духовенство и паломники будутъ пользоваться преимуществами, которыя признаны за другими народностями.

Всѣ эти пункты составятъ предметъ особаго сенеда, который будетъ служить доказательствомъ взаимнаго довѣрія обоихъ правительствъ.

Нота заключалась замѣчаніемъ, что неполученіе отвѣта до 28 апрѣля возложитъ на посланника самыя прискорбныя обязательства.

Къ ней былъ приложенъ и самый проектъ сенеда [3]), нѣсколько отличавшійся отъ первоначальнаго проекта, который былъ составленъ въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ. Нота объясняла это отличіе примирительнымъ настроеніемъ нашей политики, благодаря чему, были приняты во вниманіе секретныя замѣчанія Рифата-паши на первоначальный проектъ.

Княземъ Меншиковымъ была выпущена первая статья первоначальнаго проекта, согласно которой наши представители въ Константинополѣ должны были пользоваться правомъ дѣлать представленія о нуждахъ греко-россійской церкви и ея духовенства.

---

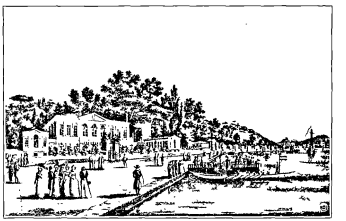
[1]) Интересно отмѣтить, что эта нота сообщалась лордомъ Редклифомъ своему правительству въ тотъ же день, когда сообщалъ о ней и князь Меншиковъ. Oesterns papers, t. I.

[2]) Приложеніе № 126.

[3]) Приложеніе № 127.

Это измѣненіе представляло большую уступку, не вознаграждавшуюся ссылкой на прежніе договоры, по которымъ „министры „Россійскаго Императорскаго Правительства въ Константинополѣ „могли ходатайствовать лишь по дѣламъ одной построенной въ „Константинополѣ церкви и служащихъ въ оной".

Въ новый проектъ сенеда не были также включены статьи, относившіяся къ выбору и преимуществамъ всѣхъ православныхъ патріарховъ Востока, а только внесена статья, касавшаяся одной іерусалимской церкви, ея патріархата и епископовъ, по которой Порта обязывалась хранить, безъ ущерба прочимъ вѣроисповѣданіямъ, права и преимущества этой церкви, дарованныя оттоманскими императорами.



Русское посольство въ Константинополѣ (съ акв. нач. XIX ст. К. Букэ).

Статьей 4-й проекта князя Меншикова требовалось точное исполненіе двухъ султанскихъ фирмановъ отъ 30 января (11 февраля) 1852 года и объ исправленіи купола, а также сохраненіе status quo относительно владѣнія Святыми Мѣстами.

Въ послѣднихъ двухъ статьяхъ говорилось объ отведеніи въ Іерусалимѣ мѣста для русскаго храма, странноприимнаго дома и госпиталя и о сохраненіи въ силѣ всѣхъ прежнихъ договоровъ нашихъ съ Портою.

Отвѣтъ на наши предложенія относительно Святыхъ Мѣстъ, о чемъ упоминала нота князя Меншикова, заключался въ препровожденныхъ ему 23 апрѣля двухъ султанскихъ фирманахъ [1]). Согласно первому изъ нихъ, куполъ храма Гроба Господня подлежалъ исправленію турецкимъ правительствомъ, при чемъ іерусалимскому патріарху предоставлялось право слѣдить за правильностью исправленія формы купола; этимъ фирманомъ повелѣвалось также задѣлать окна турецкихъ жилищъ, пробитыя въ куполѣ.

[1]) Приложенія №№ 128 и 129.

Другой фирманъ давалъ объясненія относительно преимуществъ латинянъ на Виѳлеемскій храмъ. Данный имъ ключъ, по толкованію фирмана, свидѣтельствовалъ лишь объ ихъ правѣ входа въ храмъ, но не предоставлялъ имъ ни владѣнія этимъ храмомъ, ни права совершать въ немъ службу. Новая серебряная звѣзда въ вертепѣ объявлялась даромъ султана, который не давалъ особыхъ преимуществъ ни одному изъ вѣроисповѣданій. Фирманъ подтверждалъ также порядокъ службы у могилы Пресвятой Богородицы, при чемъ первенство давалось грекамъ, за которыми слѣдовали армяне, а потомъ уже латиняне. Виѳлеемскіе сады и прочія Святыя Мѣста, находившіеся въ общемъ или отдѣльномъ владѣніи каждаго вѣроисповѣданія, должны были оставаться въ такомъ же положеніи и на будущее время.

Такимъ образомъ наши требованія относительно Святыхъ Мѣстъ были окончательно удовлетворены. Оставался не рѣшеннымъ вопросъ о сенедѣ.

Турки, по обыкновенію, старались затянуть переговоры. Рифатъ-паша предложилъ черезъ нашего драгомана Аргиропуло князю Меншикову [1]) принять участіе въ особомъ совѣщаніи, въ которомъ съ турецкой стороны должны были присутствовать, кромѣ Рифата-паши, еще великій визирь и сераскиръ. „Намъ „необходимы", сказалъ турецкій министръ, „разъясненія: что вы „требуете гарантію или права вмѣшательства. Мы поспоримъ, „сговоримся и, я надѣюсь, придемъ къ удовлетворительному „результату".

Въ своихъ дѣйствіяхъ министры Порты Оттоманской строго слѣдовали указаніямъ лорда Редклифа. Въ бесѣдахъ съ Рифатъ-пашой этотъ послѣдній совѣтовалъ [2]) заявить князю Меншикову, что его требованія затрогиваютъ верховныя права султана, и если дѣло касается международнаго положенія Турціи, то его надо разрѣшить совмѣстно со всѣми державами, подписавшими трактатъ 1841 года. Великому визирю и сераскиру Редклифъ прямо сказалъ, что, по своему внутреннему убѣжденію, онъ находитъ конвенцію, которую предлагалъ князь Меншиковъ, совершенно невозможной къ принятію (as inadmissible). На вопросъ же великаго визиря, можетъ ли Порта разсчитывать на приближеніе

---

[1]) Аргиропуло—кн. Меншикову 26 апрѣля (8 мая) 1853 года. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1234.

[2]) Лордъ Редклифъ—Кларендону 9 мая (27 апрѣля) 1853 года. Oesterns papers, t. I, p. 176.

англійской средиземной эскадры, посолъ отвѣчалъ, что „въ на-
„стоящемъ положеніи вопросъ имѣетъ преимущественно нрав-
„ственный характеръ, и поэтому съ затрудненіями слѣдуетъ бо-
„роться только нравственными средствами, а не демонстраціями,
„которыя способны только увеличить тревогу и вызвать неудо-
„вольствіе".

Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ тотъ самый графъ Нессельроде, который выражалъ опасенія, что его письма даже не застанутъ Меншикова въ Константинополѣ, считалъ долгомъ придавать своимъ всеподданнѣйшимъ докладамъ яркій розовый оттѣнокъ. Въ докладѣ отъ 26 апрѣля [1]) онъ сообщалъ объ успѣшномъ ходѣ переговоровъ по вопросамъ, касающимся Святыхъ Мѣстъ, и замѣчалъ, что только вопросъ о гарантіяхъ на будущее время *еще* встрѣчаетъ затрудненія, которыя, впрочемъ, будутъ сглажены, когда князь Меншиковъ получитъ послѣдніе приказанія. Государь вѣрнѣе своего канцлера видѣлъ положеніе дѣлъ и надписалъ на докладѣ: „Будемъ надѣяться, но не будемъ „спѣшить вѣрить успѣху; съ этимъ Редклифомъ можно всего „опасаться".

Государь не ошибался. Великобританскій посолъ откровенно высказалъ въ бесѣдѣ съ Озеровымъ [2]) свои соображенія по поводу нашихъ требованій, касавшихся заключенія сенеда или конвенціи. Онъ началъ съ указанія на „безпокойство, которое мы „внушаемъ Европѣ", приглашалъ князя Меншикова удовлетвориться достигнутымъ уже успѣхомъ и жаловался, что „его пра-„вительство не было предупреждено о нашихъ намѣреніяхъ отно-„сительно покровительства православному вѣроисповѣданію". Все болѣе и болѣе увлекаясь своей рѣчью, Редклифъ совѣтовалъ намъ бросить почву трактатовъ и совмѣстно съ нимъ стремиться къ улучшенію положенія турецкихъ христіанъ во имя человѣколюбія. „Мои мнѣнія въ этомъ отношеніи", прибавилъ англійскій дипломатъ, „до такой степени во мнѣ укоренились, что если бы „я встрѣтилъ неодобреніе моего правительства, то предпочелъ бы „скорѣе оставить службу, чѣмъ отъ нихъ отказаться".

Озеровъ возражалъ на доводы лорда Стрэдфорда, и бесѣда закончилась предложеніемъ послѣдняго внести нѣкоторыя измѣненія въ предлагаемый нами актъ.

---

[1]) Приложеніе № 130.
[2]) Приложеніе № 131.

Князь Меншиковъ изъ приведеннаго разговора вывелъ заключеніе, что Редклифъ станетъ менѣе упорствовать, „въ особенности, если мы немного польстимъ его самолюбію“ [1]). Очевидно, что нашъ посолъ недостаточно изучилъ своего противника, или не желалъ придать должнаго значенія его словамъ.

Сущность своего разговора съ Озеровымъ лордъ Редклифъ повторилъ въ письмѣ къ князю Меншикову [2]). Въ своемъ отвѣтѣ нашъ посолъ доказывалъ [3]), что его требованія „не нарушаютъ

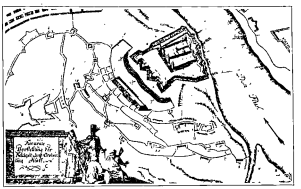
Решидъ-Паша.

„ни верховныхъ правъ султана, ни независимости его правительства, ни его отношеній къ союзникамъ“. Онъ призналъ также несправедливымъ упрекъ въ неисполненіи обѣщаній, данныхъ нашимъ правительствомъ кабинету королевы, и, съ своей стороны, отмѣтилъ отсутствіе содѣйствія удачному выполненію его посольства со стороны лорда Редклифа, какъ великобританскаго посла. Свое письмо князь Меншиковъ заключалъ невозможностью для русскаго представителя играть въ Константинополѣ второстепенную роль, почему онъ и полагалъ ждать отвѣта Порты на послѣднее его сообщеніе, а потомъ поступить, согласно инструкціямъ, полученнымъ изъ Петербурга.

---

[1]) Приложеніе № 131.
[2]) Отъ 8 мая (26 апрѣля) 1853 г. Госуд. Арх., разр. XI, № 1226.
[3]) Приложеніе № 132.

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Рифатъ-паша, до истеченія назначеннаго ему княземъ Меншиковымъ пятидневнаго срока, обратился къ нему съ просьбой о свиданіи въ загородномъ дворцѣ великаго визиря. Нашъ посолъ отказался отъ приглашенія, и Рифатъ-паша прислалъ ему записку [1]), въ которой ограничился выраженіемъ досады („je suis fâché"), что князь отсутствовалъ на дружескомъ свиданіи, и что „идеи и „соображенія его свѣтлости не могли согласоваться съ его „(Рифата-паши) доброжелательными предложеніями".



Планъ осады Азова (съ нѣм. грав. того времени).

„Вотъ отвѣтъ Рифата", замѣчалъ князь Меншиковъ. „Онъ сухъ и подвергся измѣненію у великаго визиря. Былъ приготовленъ и другой отвѣтъ, прочитанный Рифатомъ Шавари, черезъ котораго его предполагалось доставить. Онъ былъ гораздо любезнѣе и повторялъ просьбу о свиданіи до срока „(отвѣта)".

Съ этой минуты на сцену болѣе открыто выступаетъ новое дѣйствующее лицо, Решидъ-паша, двойственная игра котораго была уже отмѣчена ранѣе.

На слѣдующій послѣ неудавшагося у великаго визиря свиданія день князь Меншиковъ обратился за содѣйствіемъ къ Решиду-пашѣ, который занималъ передъ тѣмъ постъ великаго визиря и пользовался значительнымъ вліяніемъ въ совѣтѣ султана. Нашъ посолъ убѣдительно просилъ турецкаго сановника [2]) довести, если возможно, до свѣдѣнія султана, что положеніе становится очень серіознымъ. „Я васъ заклинаю", писалъ князь Меншиковъ, „любовью, которую вы должны питать къ благосостоянію и устойчивости вашей страны, и преданностью султану, вашему государю, немедленно представить ему картину настоящаго положенія „и того, что оно повлечетъ за собою".

---

[1]) Приложеніе № 133.
[2]) Приложеніе № 134.

Въ тотъ же день князь Меншиковъ получилъ офиціальный отвѣтъ Порты на свои требованія [1]). Онъ былъ наполненъ увѣреніями въ мирѣ и дружбѣ, существовавшими между обоими государствами во всѣ времена, обѣщаніемъ заняться дѣломъ о русской церкви и о страннопріимномъ домѣ въ Іерусалимѣ, а также о русскомъ духовенствѣ, „насколько это не наноситъ ущерба „верховнымъ правамъ Порты", но что касается до сенеда, то турецкій отвѣтъ съ замѣчательной точностью повторялъ доводы Редклифа противъ его заключенія. Порта, говорилось въ нотѣ, сохраняетъ и утверждаетъ права греческаго вѣроисповѣданія, „но „заключеніе по столь щекотливому вопросу между обоими пра„вительствами сенеда, который уничтожаетъ основные устои неза„висимости, противно, какъ это очевидно для всѣхъ, правамъ „правительствъ и въ корнѣ подрываетъ ихъ верховную независи„мость". Рифатъ-паша заканчивалъ свою ноту увѣдомленіемъ, что Порта намѣревается еще разъ провозгласить передъ лицомъ всего міра тѣ мѣры, которыя обезпечатъ ея христіанскимъ подданнымъ ихъ права и преимущества, что должно быть достаточной для всѣхъ гарантіей.

Въ отвѣтъ на изложенное князь Меншиковъ предупредилъ Рифата-пашу [2]), что если Порта будетъ продолжать уклоняться отъ соглашенія, то ему придется считать свое посольство оконченнымъ, и что онъ не можетъ принять турецкой ноты, какъ отвѣта, сообразнаго съ достоинствомъ Государя Императора, а потому назначилъ новый срокъ до 2 (14) мая. Въ то же время нашъ посолъ жаловался, что отвѣтъ Порты отличается недовѣріемъ къ Императорскому правительству и сомнѣніями въ его намѣреніяхъ. „Это „сомнѣніе", писалъ князь Меншиковъ, „высказывается въ то время, „когда Императоръ съ сердечной откровенностью обращается къ „дружбѣ своего августѣйшаго союзника и не требуетъ ничего „болѣе, какъ торжественнаго доказательства его заботъ о право„славной вѣрѣ, которая исповѣдуется Россіей, и естественнымъ „защитникомъ которой является Государь".

30 апрѣля нашъ посолъ обратился къ Фериду-эфенди [3]), излагая ему сущность послѣднихъ обоюдныхъ нотъ, и просилъ доложить султану о необходимости другого направленія политики

---

[1]) Приложеніе № 135.
[2]) Приложеніе № 136.
[3]) Приложеніе № 137.

его министровъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ переговоры будутъ прерваны, и наше посольство оставитъ Константинополь. Князь Меншиковъ ходатайствовалъ также о томъ, чтобы султанъ далъ ему 1 или 2 мая аудіенцію безъ свидѣтелей и выражалъ при этомъ мнѣніе, что свиданіе можетъ предупредить неисчислимыя несчастія.

Однако, надеждамъ, возлагаемымъ княземъ Меншиковымъ на объясненіе съ султаномъ, не суждено было оправдаться, такъ какъ за день до его обращенія къ Фериду-эфенди султаномъ былъ принятъ въ особой аудіенціи лордъ Редклифъ. Онъ объяснилъ повелителю оттомановъ, что „Порта должна нравственными мѣрами „противодѣйствовать русскимъ требованіямъ, которыя, дѣйстви„тельно, не могутъ быть приняты, въ виду серіозныхъ и спра„ведливыхъ основаній; такое же начало лишь нравственнаго сопро„тивленія должно быть принято и въ случаѣ оккупаціи княжествъ— „не по слабости или отчаянію, а въ расчетѣ на симпатіи друже„ственныхъ и независимыхъ правительствъ“ [1]).

Султанъ ознакомилъ англійскаго посла съ послѣдними документами, касавшимися переговоровъ съ княземъ Меншиковымъ, и выразилъ надежду на поддержку Англіи. Лордъ Страдфордъ, принявъ самый таинственный видъ, сообщилъ султану, что „онъ „уполномоченъ потребовать отъ начальника морскихъ силъ коро„левы въ Средиземномъ морѣ держать свою эскадру наготовѣ“ — тайна, которую благородный лордъ не сообщилъ даже ни одному изъ турецкихъ министровъ. Торжественность и таинственность, съ которыми было передано это извѣстіе, произвели ожидаемое впечатлѣніе, и султанъ окончательно примкнулъ къ Великобританіи. Впрочемъ, князь Меншиковъ разсчитывалъ на вліяніе Решида-паши, который успѣлъ представить султану записку о положеніи, созданномъ отношеніями Порты къ нашему послу и его требованіямъ.

Бросивъ якорь между Чераганскимъ дворцомъ и домомъ великаго визиря Мехмеда-Али-паши, князь Меншиковъ ожидалъ, что аудіенція состоится въ субботу, 2 мая, а не въ пятницу, но случилось иначе, и въ 10 часовъ утра 1 мая нашъ посолъ предсталъ передъ султаномъ [2]). Изложивъ поводы нашего неудовольствія Портой, князь Меншиковъ подчеркнулъ „безусловную не-

[1]) Oestern papers, t. I, p. 213.
[2]) Приложеніе № 138.

„обходимость“ гарантіи передъ Государемъ правъ православнаго исповѣданія, на что султанъ отвѣтилъ нѣсколькими несвязными словами о желаніи и надеждѣ установить сердечное согласіе между обѣими имперіями и о довѣріи къ безкорыстной политикѣ Императора Николая.

Нашъ посолъ коснулся другой стороны дѣла. Онъ указалъ на опасность обращенія русско-турецкаго вопроса въ обще-европейскій, что можетъ повести къ низведенію Турціи до роли

Медали въ память второй Турецкой войны.

Греціи, Бельгіи или Швейцаріи. „Это предупрежденіе“, замѣчаетъ князь Меншиковъ, „которое относилось къ мало вѣроятной бу-„дущности, казалось, произвело сильное впечатлѣніе на султана“.

Аудіенція окончилась извиненіемъ въ обращеніи къ посредничеству отставного министра Решида-паши и просьбой рѣшительнаго отвѣта на наши требованія съ предупрежденіемъ о тѣхъ тяжелыхъ обязанностяхъ, которыя, въ случаѣ новой отсрочки, послу пришлось бы выполнить.

Слѣдствіемъ аудіенціи князя Меншикова была состоявшаяся въ тотъ же день отставка великаго визиря, постъ котораго за-

нялъ Мустафа-паша. Смѣщенный визирь Мехмедъ остался въ совѣтѣ въ качествѣ сераскира, Рифатъ-паша сдѣлался предсѣдателемъ совѣта, уступивъ свой портфель министра иностранныхъ дѣлъ Решиду-пашѣ. Лордъ Редклифъ сообщалъ своему правительству, что вновь назначенный составъ министровъ принадлежалъ къ противникамъ Россіи [1]).

3 (15) мая нашъ посолъ лично отправился къ новому министру [2]) и узналъ, что его послѣднія предложенія встрѣчаются съ сильнымъ противодѣйствіемъ большинства членовъ совѣта. „Я долженъ былъ", пишетъ князь Меншиковъ, „обратиться къ Ре„шиду со строгой рѣчью. Я ему объявилъ, что, исчерпавъ всѣ „средства примиренія и достигнувъ послѣднихъ предѣловъ усту„покъ, я не могу заставлять Императорскій кабинетъ ожидать „яснаго и точнаго отвѣта, и что послѣдній долженъ быть данъ „въ кратчайшій срокъ".

Вслѣдъ за княземъ Меншиковымъ Решида посѣтилъ лордъ Редклифъ, визитъ котораго продолжался два часа. Вечеромъ нашъ посолъ получилъ отъ турецкаго министра просьбу о новой отсрочкѣ въ пять или шесть дней, въ виду необходимости для вновь назначенныхъ министровъ ознакомиться съ вопросомъ [3]). Хотя, какъ замѣчаетъ нашъ посолъ въ своей депешѣ къ канцлеру, эта турецкая нота должна была бы повлечь за собой разрывъ сношеній съ Портой, но, въ виду полученныхъ свѣдѣній о рѣшительной поддержкѣ Решидомъ нашихъ предложеній въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и въ виду затруднительнаго положенія, въ которомъ оказался новый турецкій министръ, нашъ посолъ согласился отсрочить свой отъѣздъ. Онъ устно заявилъ, что врученіе официальной ноты о своемъ отъѣздѣ откладываетъ до 6 мая, если до того времени вопросъ не получитъ удовлетворительнаго разрѣшенія [4]). Князь Меншиковъ признавался канцлеру, что онъ имѣлъ на это очень слабую надежду.

Въ частномъ письмѣ къ графу Нессельроде, писанномъ въ тотъ же день, но уже на „Громоносцѣ" [5]), князь Александръ Сергѣевичъ сообщалъ, что его переѣздъ на пароходъ и видимыя

---

[1]) Лордъ Редклифъ—Кларендону 2 (14) мая 1853 года. Oestern papers, t. I.

[2]) Приложеніе № 139.

[3]) Решидъ-паша—князю Меншикову 3 (15) мая 1853 г. Госуд. Арх., разр. XI, № 1246.

[4]) Въ письменномъ сообщеніи Решиду-пашѣ не былъ указанъ срокъ до 6 мая. Приложеніе № 140.

[5]) Приложеніе № 141.

приготовленія посольства къ отъѣзду произвели въ Константинополѣ глубокое впечатлѣніе, и „страхъ, который охватилъ всѣхъ, „былъ бы полезенъ для успѣха“, если бы вообще можно было на него надѣяться. Но, замѣчаетъ нашъ посолъ, самъ лордъ Редклифъ не только не опасался разрыва нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Портой, а, напротивъ, „привыкалъ къ мысли, что „оккупація княжествъ будетъ необходимымъ послѣдствіемъ этого „разрыва“.

5 (17) мая въ Константинополѣ былъ собранъ совѣтъ изъ всѣхъ министровъ и высшихъ чиновъ Порты, включая сюда даже отставныхъ, престарѣлаго Хозрева-пашу и Фуада-эфенди. Въ немъ приняли также участіе шейхъ-уль-исламъ, важнѣйшіе улемы и пять провинціальныхъ губернаторовъ.

Необыкновенно дѣятельный лордъ Редклифъ утромъ въ день совѣта и наканунѣ навѣстилъ большую часть созванныхъ на совѣтъ сановниковъ, „чтобы“, какъ говоритъ князь Меншиковъ [1]), „убѣдить ихъ подавать голоса противъ насъ и принять проектъ „отвѣта, который уже заблаговременно былъ заготовленъ въ „англійскомъ посольствѣ и переданъ бывшему великому визирю „Мехмеду-Али“.

Вліяніе Редклифа въ Константинополѣ было такъ велико, что въ его присутствіи исчезала послѣдняя тѣнь самостоятельности турокъ. „Resserrée entre une flotte et une ingérence hors de „toute mesure“, замѣчаетъ князь Меншиковъ [2]), „cette indépendance „est désormais un mot vide de sens, et il ne nous reste qu'à nous „prémunir contre le danger sérieux que présente une pareille situation „pour le repos de la Turquie et la paix générale“.

Въ совѣтѣ султана ненависть къ Россіи вспыхнула самымъ яркимъ образомъ. Мехмедъ-Али даже рѣшился требовать наступательной противъ насъ войны. Онъ съ особеннымъ торжествомъ указывалъ на возможность заключенія союза съ Сардиніей, которая, видимо, уже тогда соображала шансы будущаго содѣйствія морскимъ державамъ. Князю Меншикову этотъ союзъ казался принадлежащимъ къ „domaine du ridicule“ [3]).

Совѣтъ султана сорока двумя голосами противъ двухъ высказался за отказъ удовлетворить наши требованія.

---

[1]) Приложеніе № 142.
[2]) Князь Меншиковъ—барону Бруннову 8 (20) мая 1853 г. Госуд. Арх., разр. XI, № 1236.
[3]) Приложеніе № 143.

На слѣдующій день, 6 мая, Решидъ-паша лично сообщилъ князю Меншикову рѣшеніе совѣта, которое заключалось въ слѣдующемъ [1]):

Обнародовать верховный указъ, обезпечивающій status quo Святыхъ Мѣстъ въ Іерусалимѣ, при чемъ впредь никакое измѣненіе во владѣніи этими мѣстами не должно было допускаться безъ предварительнаго соглашенія съ Россіей и Франціей.

Выдать Константинопольскому патріарху фирманъ, охраняющій православную вѣру.

Аллегор. изобр. положенія Турціи въ сер. XVIII ст. (съ грав. И. Виль).

Послать князю Меншикову объяснительную ноту [2]) и предложить ему сенедъ, который имѣлъ бы силу трактата и касался передачи намъ въ Іерусалимѣ мѣста для постройки русской церкви и странноприимнаго дома.

Князь Меншиковъ рѣзко отказалъ въ пріемѣ такихъ сообщеній, и Решиду-пашѣ оставалось только выразить ему сожалѣніе о невозможности господствовать надъ положеніемъ. Нашему послу казалось, что турецкій министръ стыдился того, что былъ вынужденъ высказать; въ дѣйствительности же онъ торопился закончить бесѣду и отправиться на Босфоръ, гдѣ въ лодкѣ поджидалъ окончанія свиданія лордъ Редклифъ, уже бесѣдовавшій рано утромъ съ Решидомъ. „Вотъ что", горько замѣчаетъ князь Меншиковъ, „англійскіе агенты называютъ независимостью Турціи".

Предполагая, что намѣреніе Порты издать торжественный фирманъ въ пользу православной церкви скрываетъ ея желаніе утвердить лишь духовныя права, совершенно умалчивая о гражданскихъ, князь Меншиковъ 6 (18) мая обратился къ ней съ „нотой разрыва" [3]). „Отстраняя съ недовѣріемъ", писалъ нашъ посолъ, „требованія Императора въ пользу греко-россійской пра-

[1]) Приложеніе № 142.

[2]) Проектъ этой ноты былъ доставленъ князю Меншикову сыномъ Решида-паши 8 мая. Онъ помѣщенъ въ Приложеніи № 144.

[3]) Приложеніе № 145.

„вославной вѣры, Блистательная Порта не оказала должнаго ува-
„женія своему Августѣйшему Союзнику". Сдѣлавъ далѣе очеркъ послѣдняго періода переговоровъ, князь Меншиковъ заявилъ:

что онъ считаетъ свою миссію оконченной;

что нашъ Дворъ не можетъ, не поступаясь своимъ достоинствомъ, оставлять своего представителя въ Константинополѣ, почему весь составъ посольства, исключая директора коммерческой канцеляріи, выѣзжаетъ оттуда;

что отказъ въ гарантіи повлечетъ для нашего правительства необходимость искать ее въ собственномъ могуществѣ, и

что всякое уклоненіе отъ status quo правъ Восточной церкви будетъ разсматриваться, какъ нарушеніе существующихъ трактатовъ и какъ непріязненное по отношенію къ Россіи дѣйствіе.

Одновременно съ этимъ князь Меншиковъ обратился къ Решиду-пашѣ съ частнымъ письмомъ [1]), въ которомъ выражалъ пожеланіе, чтобы ему удалось осуществить соглашеніе и въ болѣе счастливой обстановкѣ возобновить союзъ между двумя государями.

Такимъ образомъ офиціальный разрывъ наступилъ. Однако, попытка австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который просилъ князя Меншикова отсрочить, если возможно, принятое рѣшеніе, дала нашему послу новый призракъ надежды на успѣхъ [2]). Князь увѣдомилъ Решида-пашу, что онъ могъ бы удовольствоваться новымъ проектомъ ноты, который онъ вмѣстѣ съ этимъ сообщалъ турецкому министру [3]).

Новое предложеніе князя Меншикова заключалось въ томъ, чтобы ему, какъ представителю русскаго правительства, было дано самое торжественное увѣреніе въ заботливости султана о православномъ вѣроисповѣданіи. Чтобы сдѣлать это увѣреніе болѣе опредѣленнымъ и восполнить статьи прежнихъ трактатовъ, оно должно было сопровождаться слѣдующей декларацією Оттоманскаго правительства:

1) православное восточное исповѣданіе, его духовенство, церкви, имущество и религіозныя установленія будутъ пользоваться въ будущемъ, безъ малѣйшаго ущерба, правами и преимуществами, признанными за ними ab antiquo, и что, въ силу начала высшей справедливости, они будутъ пользоваться преимуществами, даруемыми другимъ исповѣданіямъ;

---

[1]) Отъ 6 (18) мая 1853 года. Госуд. Арх., разр. XI, № 1243.
[2]) Приложеніе № 146.
[3]) Приложеніе № 147.

2) фирманы отъ 15 февраля 1852 года и 23 апрѣля (5 мая) 1853 года будутъ буквально исполнены и точно соблюдаемы, чтобы навсегда сохранить status quo Святыхъ Мѣстъ, находящихся въ исключительномъ или совмѣстномъ съ другими исповѣданіями владѣніи грековъ;

3) по требованію Императорскаго правительства будетъ назначена мѣстность для русской церкви и странноприимнаго дома, которые будутъ находиться подъ особымъ наблюденіемъ русскаго генеральнаго консула въ Сиріи и Палестинѣ, и, наконецъ,

4) объ исполненіи этихъ верховныхъ рѣшеній будутъ изданы фирманы и указы должностнымъ лицамъ и патріархамъ, а о разрѣшеніи частныхъ вопросовъ, а также вопросовъ, не вошедшихъ въ настоящую ноту, послѣдуетъ соглашеніе въ будущемъ.

Решидъ-паша, получивъ этотъ проектъ, немедленно отправился въ англійское посольство, гдѣ умолялъ драгомана упросить лорда Редклифа уступить нашимъ послѣднимъ требованіямъ. „Представьте ему наше положеніе“, восклицалъ турецкій министръ. „Вѣдь своимъ сопротивленіемъ онъ толкаетъ насъ въ пропасть... „вѣдь можетъ образоваться русская партія, и англійскій посолъ „потеряетъ свое вліяніе“ [1]).

Самъ Редклифъ отрицаетъ существованіе такихъ просьбъ, а также тотъ фактъ, что Решидъ-паша въ своей неуступчивости слѣдовалъ только его совѣтамъ [2]). Во всякомъ случаѣ извѣстно, что лордъ Страдфордъ, желая своему мнѣнію придать въ глазахъ турокъ болѣе авторитета, собралъ у себя представителей Франціи, Австріи и Пруссіи для совмѣстнаго разсмотрѣнія вопроса объ отношеніи Турціи къ нашимъ требованіямъ. Дипломаты, конечно, уклонились отъ прямого отвѣта и составили меморандумъ, въ которомъ заявляли, что „по вопросу, касающемуся свободы дѣй„ствій и верховныхъ правъ султана, Решидъ-паша есть лучшій судья „того, какъ слѣдуетъ дѣйствовать“; послы же „не считаютъ себя „въ правѣ излагать свое мнѣніе“ [3]). Это не помѣшало лорду Страдфорду утверждать, что представители державъ выразили мнѣніе, „совершенно согласное съ мнѣніемъ турецкаго министра (an opinion „essentially identical with that of the Turkish Minister“ [4]).

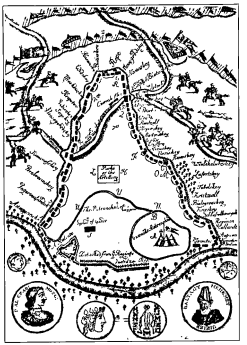
---

[1]) Приложеніе № 146.

[2]) Oestern papers, t. I, pp. 236—238.

[3]) Прилож. къ деп. Озерова отъ 14 (25) мая 1853 года, № 28. Госуд. Арх., разр. XI, № 1247.

[4]) Oestern papers, t. I, p. 220. Слѣдуетъ замѣтить, что, по мнѣнію Озерова (Госуд. Арх., разр. XI, № 1246), меморандумъ „exprime sous une forme déclinatoire une opinion contraire à „nos demandes“.



Лагерь подъ Прутомъ въ 1711 г. (съ грав. В. Гогарта).

Князю Меншикову оставалось покинуть Константинополь. Уѣзжая изъ столицы Оттомановъ, онъ счелъ необходимымъ письменно заявить Решиду-пашѣ [1]), что всякій изданный Портою актъ, который будетъ стремиться ослабить гражданскія преимущества православнаго духовенства, хотя бы и утверждая его духовныя права, будетъ считаться актомъ непріязненнымъ по отношенію къ Россіи и ея религіи. Князю Меншикову было извѣстно, что объ опубликованіи именно такого акта очень хлопоталъ лордъ Редклифъ.

„Громоносецъ“ ушелъ въ море; со зданія нашего посольства были сняты флагъ и гербы, и въ Константинополѣ остался — и то лишь въ качествѣ частнаго лица — нашъ бывшій повѣренный въ дѣлахъ Озеровъ. Ему пришлось бесѣдовать съ англійскимъ руководителемъ турецкой политики, котораго отъѣздъ князя Меншикова смутилъ и лишилъ энергіи [2]). Увѣряя Озерова, что онъ вовсе не стремился къ разрыву, а только „раздѣлялъ общій взглядъ турокъ и европейцевъ на „наши требованія“, Редклифъ старался узнать, возможенъ ли пріемъ въ Петербургѣ чрезвычайнаго турецкаго посольства, а также заключеніе договора безъ „общихъ гарантій“ для православной вѣры.

V.

Въ Петербургѣ, гдѣ „до послѣдней минуты“ надѣялись на успѣхъ посольства князя Меншикова [3]), неудача произвела самое сильное впечатлѣніе и чрезвычайно огорчила Императора Николая.

[1]) Приложеніе № 148.
[2]) Приложеніе № 149.
[3]) Графъ Нессельроде—князю Меншикову 19 мая 1853 г. Госуд. Арх., разр. XI, № 1227.

На слѣдующій день послѣ прибытія „рокового фельдъегеря“ Государь подѣлился волновавшими его чувствами съ княземъ Варшавскимъ.

„И такъ“, писалъ онъ [1]), „вотъ плоды образа дѣйствій, на „который я такъ неохотно согласился, бывъ впередъ увѣренъ, „что ни къ чему не приведетъ и только прибавитъ важности „неуспѣху по торжественности, данной посылкѣ Меншикова. „Ежели бы, какъ я хотѣлъ, поступили мы, какъ австрійцы, *стра-*„*щая,* вѣроятно, имѣли бы тотъ же успѣхъ, что они. Послѣд-„ствіемъ — война. Однако, прежде чѣмъ приступить къ дѣй-„ствіямъ, занявъ княжества, дабы всѣмъ доказать, сколько я до „крайности желаю избѣжать войны, рѣшаюсь послать требованіе „послѣднее туркамъ, удовлетворить меня въ восьмидневный срокъ; „ежели нѣтъ, то объявляю войну“.

Государь знакомилъ князя Варшавскаго съ выработанной программой дальнѣйшихъ дѣйствій, въ основу которой ложилось не нанесеніе Турціи рѣшительныхъ ударовъ, а послѣдовательный рядъ мѣръ, которыя могли бы заставить ее уступить, сохраняя ее дальнѣйшее существованіе. Воздѣйствіе на Турцію предполагалось въ слѣдующей постепенности: занятіе Придунайскихъ княжествъ, блокада Босфора, предложеніе Австріи занять Герцоговину и Сербію и, какъ крайность, объявленіе независимости всѣхъ этихъ турецкихъ провинцій. „И тогда“, пишетъ Государь, „врядъ ли Турецкая Имперія устоитъ, и, вѣроятно, будутъ вездѣ „бунты христіанъ, и настанетъ послѣдній часъ Оттоманской Им-„періи“. Переходитъ Дуная Государь не предполагалъ—„развѣ „Имперія (Турецкая) рушится, да и тогда скорѣе пошлю флотъ“.

Въ своемъ письмѣ Императоръ Николай останавливался и на поведеніи англійскаго правительства по отношенію къ нашимъ требованіямъ въ Константинополѣ. „Покуда хочу полагать, что „Каннингъ дѣйствовалъ по-своему, не согласно данной ему ин-„струкціи отъ своего правительства, что скоро откроется. Но „ежели и правительство одобряетъ его дѣйствія, то это было бы „величайшее вѣроломство. Но и это меня не остановитъ; буду „итти своимъ путемъ по долгу моего убѣжденія, какъ надо „достоинству Россіи“. Свое письмо Государь заканчивалъ слѣдующимъ грустнымъ восклицаніемъ: „Сколько мнѣ все это на старости „прискорбно, отгадаешь; желалъ бы кончить жизнь въ покоѣ!“

---

[1]) Приложеніе № 150.

Императоръ Николай не желалъ войны. Онъ только подчинялся своему долгу, „какъ надо достоинству Россіи". Но, видимо, война приближалась; ее чувствовали всѣ, о ней повсюду говорили. Было нѣчто непримиримое между столкнувшимися на почвѣ Восточнаго вопроса интересами, и эту непримиримость нессельродовская дипломатія не имѣла силъ устранить. Задача превышала ея силы, знанія и средства.

Государь отдавалъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что всякое внѣшнее потрясеніе можетъ вызвать острый кризисъ на Востокѣ. „J'admais", писалъ Государь на докладѣ графа Нессельроде еще 5 апрѣля [1]), „que l'avenir de l'Empire Ottoman est incertain; l'expres„sion est juste, mais par là même cela indique que l'on ne peut ni „dire que sa fin est éloignée, comme il n'est pas possible d'affirmer „qu'elle ne soit rapprochée; tout est *incertain,* et il faut être prêt à „tout" [2]).

Хотя упорство Порты приписывалось у насъ почти исключительно интригамъ лорда Редклифа, который дѣйствовалъ на свой личный страхъ [3]) и рискъ, тѣмъ не менѣе сознаніе важности исторической минуты и отвѣтственности за будущее вызвало со стороны нашего кабинета еще одну попытку склонить султана къ удовлетворенію требованій, заявленныхъ чрезвычайнымъ посломъ.

Графъ Нессельроде не рѣшился сразу предложить Государю прибѣгнуть по отношенію къ Турціи къ военно-политическому воздѣйствію, хотя о немъ уже давно говорилось. Князь Меншиковъ еще 14 марта писалъ канцлеру, что, въ случаѣ необходимости активной поддержки нашихъ требованій, было бы лучше всего занять Карсъ, Баязетъ и побережье Чернаго моря до Трапезунда, такъ какъ подобная мѣра не вызвала бы ни броженія среди славянскихъ народностей Оттоманской Имперіи, ни особаго протеста или вооруженнаго вмѣшательства Франціи и Англіи [4]).

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1853. Доклады.

[2]) „Я допускаю, что будущность Оттоманской Имперіи неопредѣленна; выраженіе пра„вильно, но это именно и указываетъ, что невозможно ни предсказывать ея близкій конецъ, „ни утверждать, что онъ далекъ; все неопредѣленно, и надо готовиться ко всему".

[3]) Въ письмѣ къ князю Меншикову отъ 5 (17) мая баронъ Бруннов увѣрялъ, что англійское правительство „остается въ совершенной неизвѣстности насчетъ окончательнаго „рѣшенія, къ которому поведутъ дѣйствія его посла", и что въ сущности англійскіе министры и даже Редклифъ заботятся болѣе о томъ, чтобы наша конвенція съ Турціей произвела выгодное впечатлѣніе на англійскую публику и всего менѣе о томъ, какой вредъ конвенція нанесетъ Турціи.

Приложеніе № 151.

[4]) Князь Меншиковъ—канцлеру 14 (26) марта 1853 г. Госуд. Арх., разр. III, д. № 124.

Графъ Нессельроде полагалъ, что отъѣздъ князя Меншикова изъ Константинополя долженъ былъ произвести на Порту достаточно отрезвляющее впечатлѣніе, и она, быть-можетъ, радостно ухватится за случай, который ей дастъ возможность примириться съ Россіей. Онъ написалъ Решиду-пашѣ одобренное Государемъ письмо [1]). Указавъ въ немъ на крайнюю умѣренность нашихъ требованій и на старанія князя Меншикова избѣжать малѣйшаго оскорбленія щепетильности Порты, графъ Нессельроде замѣчалъ, что Решидъ слишкомъ прозорливъ, чтобы не предвидѣть послѣдствій разрыва нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей. „Достоинство Его Величества", говорилось далѣе въ письмѣ, „интересы его „Имперіи, голосъ его совѣсти не позволятъ ему „переносить оскорбленій... „Онъ долженъ требовать „и получить удовлетвореніе и обезпечить себя „отъ ихъ повторенія въ „будущемъ.

Русско-турецкіе переговоры въ Фокшанахъ 1772 г. (съ нѣм. грав. того времени).

„Черезъ нѣсколько недѣль войска получатъ приказаніе „перейти границу Имперіи, но не для того, чтобы вести съ султаномъ войну, которую Его Величество не желалъ бы предпринимать противъ Государя, котораго онъ всегда считалъ искреннимъ „союзникомъ и доброжелательнымъ сосѣдомъ, а чтобы получить „матеріальныя гарантіи до того времени, когда обращенное къ „болѣе справедливымъ чувствамъ оттоманское правительство дастъ „Россіи нравственное обезпеченіе, котораго она напрасно домогалась въ теченіе двухъ лѣтъ...

„Да поспѣшитъ ваше превосходительство, по испрошеніи „согласія его величества султана, подписать эту ноту [2]) безъ „измѣненій и переслать ее не позднѣе восьми дней нашему послу „въ Одессу, гдѣ онъ долженъ еще находиться".

---

[1]) Приложеніе № 152.
[2]) По послѣднему проекту князя Меншикова.

Письмо это не могло отклонить Оттоманскую Порту отъ избранной ею системы отказа въ нашихъ требованіяхъ. Въ Константинополѣ положеніе дѣлъ сильно измѣнилось въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ дней, которые послѣдовали за отъѣздомъ князя Меншикова. Лордъ Редклифъ получилъ за это время депешу лорда Кларендона, въ которой великобританскій министръ сообщалъ послу, что „придется прибѣгнуть къ силѣ, какъ къ послѣднему „и неизбѣжному средству для защиты Турціи противъ *не вызван-* „*наго* нападенія и для охраны ея независимости, которую Велико- „британія призвана поддержать“ [1]). Англійская средиземная эскадра получила приказаніе подчиниться всякому требованію константинопольскаго посла, несмотря на могущія произойти отъ этого послѣдствія [2]).

Объ эскадры, французская и англійская, подошли почти къ самымъ Дарданелламъ и остановились въ Безикской бухтѣ. Турки чувствовали себя въ полной безопасности.

По совѣту англійскаго посла, Порта обнародовала торжественные акты объ обезпеченіи религіозныхъ правъ христіанскихъ подданныхъ султана. Греческому іерусалимскому патріарху Германосу были посланы фирманы, въ которыхъ говорилось, что „съ вѣчно славнаго дня восшествія султана на престолъ „и согласно съ обязанностью калифа и съ высокимъ призва- „ніемъ государя, оттоманское правительство никогда не перста- „вало, слѣдуя искренней и доброжелательной волѣ султана, по- „свящать всѣ свои усилія и внимательно наблюдать, чтобы всѣ „классы подданныхъ безъ всякаго исключенія пользовались пол- „ною охраной, а въ особенности полнымъ спокойствіемъ въ „отношеніи ихъ религіи и ихъ духовныхъ дѣлъ“. Въ концѣ фирмана патріарху предоставлялось право ходатайствовать передъ Блистательной Портой по поводу всякаго нарушенія религіозныхъ привилегій его паствы [3]).

Обнародованіе такого рода документовъ должно было, по мнѣнію лорда Редклифа, произвести самое выгодное для Турціи впечатлѣніе въ глазахъ общественнаго мнѣнія всего образованнаго міра. Самъ посолъ посѣтилъ патріарховъ и епископовъ всѣхъ вѣроисповѣданій и увѣрялъ ихъ, что онъ три года работалъ,

---

[1]) Oestern papers, t. I, p. 197.
[2]) Тамъ же, стр. 199.
[3]) Фирманъ конца мѣсяца Шабана 1269 года. Oestern papers, t. I, pp. 338, 339.

Чтобы довести Порту до признанія и обезпеченія свободы религіи. У Решида-паши былъ устроенъ торжественный пріемъ, на который поочередно являлись патріархи православный и армянскій, представители католическаго и протестантскаго духовенства и, наконецъ, еврейскіе раввины [1]).

Послѣ этихъ торжествъ великій визирь встрѣтилъ довольно холодно Аргиропуло, который привезъ ему письмо графа Нессельроде. Замѣчаніе нашего директора коммерческой канцеляріи о приведеніи на военное положеніе части русскихъ войскъ и о „возбужденіи умовъ въ Россіи, могущемъ увлечь за собою пра„вительство, вопреки его желанію [2])", не произвело, повидимому, на Решида-пашу никакого впечатлѣнія. Зато въ Петербургѣ, просматривая донесеніе Аргиропуло, Императоръ Николай Павловичъ написалъ противъ этого замѣчанія рѣзкія слова: „C'est bête".

Въ Константинополѣ отвѣтъ на письмо графа Нессельроде, конечно, составлялся при ближайшемъ участіи лорда Редклифа; дѣятельно помогалъ Решиду и французскій посолъ [3]). Визирь начиналъ съ увѣренія [4]), что султанъ проявлялъ всегда особое вниманіе къ Русскому Императору, какъ къ искреннему союзнику и доброму сосѣду, что Порта глубоко огорчена разрывомъ, происшедшимъ, быть-можетъ, вслѣдствіе того, что „недостаточно „хорошо была понята невозможность для нея подтвердить дипло„матическимъ актомъ дарованныя греческому вѣроисповѣданію „привилегіи".

Порта надѣялась „отъ признанной мудрости князя Меншиков„кова", что онъ останется доволенъ турецкимъ проектомъ ноты. Решидъ-паша сознавался, что князь Меншиковъ допустилъ въ своемъ проектѣ сенеда нѣкоторыя измѣненія, но что эти измѣненія не коснулись сущности самаго акта, который продолжалъ являться дипломатическимъ обязательствомъ, „не могущимъ согла„соваться ни съ независимостью Оттоманскаго Правительства, ни съ „правами его верховной власти". По мнѣнію Решида-паши, „такую „невозможность нельзя называть отказомъ и превращать ее въ „вопросъ чести Его Величества Императора Всероссійскаго".

Далѣе Решидъ-паша говорилъ о нашемъ недовѣріи къ Портѣ, объ изданіи облеченнаго султанскимъ гатти-шерифомъ фирмана о

---

[1]) Аргиропуло—Балабину 29 мая 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.
[2]) Аргиропуло—князю Меншикову 28 мая (9 іюня) 1853 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.
[3]) Балабинъ—кн. Меншикову 4 (16) іюня 1853 г., № 9. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1226.
[4]) Приложеніе № 153.

правахъ и привилегіяхъ греческой церкви, о противорѣчіи между нашими мирными завѣреніями и намѣреніемъ вступить военными силами въ предѣлы Турціи.

„Я надѣюсь“, писалъ въ заключеніе Решидъ, „что Русскій Дворъ „довѣрчиво оцѣнитъ искренность и законность поступковъ Блистательной Порты и приметъ во вниманіе дѣйствительную для „нея невозможность удовлетворить предъявленнымъ ей требованіямъ. Я увѣряю ваше превосходительство, что какъ только эта „невозможность будетъ оцѣнена по достоинству, то Блистательная Порта не поколеблется отправить въ С.-Петербургъ

Медаль на взятіе Хотина (съ грав. Д. Ходовецкаго).

„чрезвычайнаго посла для возобновленія переговоровъ и для „выработки, при участіи правительства Императора Всероссійскаго, „соглашенія, которое, будучи угодно Его Величеству, было бы „вмѣстѣ съ тѣмъ пріемлемо Портой безъ нарушенія принципа ея „независимости и верховной власти султана“.

Послѣ отправленія письма Решида-паши къ графу Нессельроде лордъ Редклифъ посѣтилъ патріарховъ греческаго и армянскаго, настаивая на томъ, чтобы они поднесли адресы султану въ благодарность за фирманы, которые подтверждали ихъ привилегіи. Греческій патріархъ [1]) согласился на адресъ, но рѣшительно отказался упомянуть въ немъ, что будетъ молиться за успѣхи турецкаго оружія. Что касается армянскаго патріарха, то онъ обѣщалъ лишь, что армяне будутъ вести себя такъ же, какъ

[1]) Балабинъ—кн. Меншикову 4 (16) іюня 1853 г., № 9. Госуд. Арх., разр. XI, д. № 1226.

греки. Составленный въ греческомъ патріархатѣ адресъ подписали двадцать представителей высшаго духовенства, двадцать именитыхъ грековъ и десятка четыре купцовъ и ремесленниковъ. Сообщая объ этомъ, Аргиропуло замѣчаетъ [1]), что „при испол„неніи формальности подписанія адреса бросалась въ глаза пора„зительная холодность, при чемъ многія лица удалились передъ этимъ“, и что „вмѣшательство лорда Редклифа вызвало вели„чайшее негодованіе грековъ“.

Но до этого негодованія англійскому послу не было никакого дѣла. Онъ стремился произвести на Европу выгодное для Турціи впечатлѣніе и цѣли этой достигъ. Онъ представилъ міру Оттоманскую Порту въ совершенно новомъ видѣ благотворительницы своихъ христіанскихъ подданныхъ, надѣляющей ихъ всѣхъ, безъ различія, широкими правами, которыя превосходили даже наши требованія относительно православнаго вѣроисповѣданія, уступчивой и мирной, но непоколебимо защищающей свое право независимости и государственнаго верховенства [2]). Общественное мнѣніе склонилось, за немногими исключеніями, на сторону Турціи. Циркулярная нота Порты была встрѣчена въ Европѣ съ нескрываемымъ сочувствіемъ, наша — съ недовѣріемъ.

Аллегор. изобр. Турецкой войны 1788 г. (съ грав. Энгельбрехть).

Турецкій циркуляръ [3]) сообщалъ, что „хотя вопросъ о Свя„тыхъ Мѣстахъ былъ разрѣшенъ къ общему удовлетворенію, но „князь Меншиковъ заявилъ совершенно другія по существу тре„бованія, которыя относились къ греческой религіи и къ духовен„ству. Честь Порты заставляетъ ее охранять нынѣ и въ будущемъ „религіозныя права и преимущества духовенства, церквей и мона„стырей оттоманскихъ подданныхъ греческаго вѣроисповѣданія,

---

[1]) Донесеніе изъ Перы отъ 3 (15) іюня 1853 года. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

[2]) По настоянію Редклифа, Порта издала особый приказъ губернаторамъ провинцій, приглашая ихъ наблюдать, чтобы, при возникшихъ затрудненіяхъ, населеніе не причинило никакихъ притѣсненій русскимъ подданнымъ (Oestern papers, t. I).

[3]) Онъ приложенъ къ донесенію Балабина — Озерову 27 мая (8 іюня) 1853 г., № 4. Приложеніе № 154.

„дарованныя въ прежнія царствованія и утвержденныя е. в. сул-
„таномъ... Но входить въ соглашеніе съ иностраннымъ правитель-
„ствомъ въ видѣ сенеда (обязательный актъ), конвенціи или ноты,
„имѣющей такую же силу и цѣнность, о правахъ и привилегіяхъ
„(хотя бы только относящихся къ церквамъ и къ культу) большей
„части своихъ подданныхъ было бы противно независимости и
„верховнымъ правамъ державы, дающей такое обязательство".

Циркуляръ увѣрялъ далѣе, что Порта не питаетъ никакой вражды къ русскому Августѣйшему Двору, и что, „принимая во „вниманіе извѣстныя чувства справедливости Императора, она „надѣется, что Государь не начнетъ военныхъ дѣйствій, и что „постоянные принципы его политики, свидѣтелемъ которыхъ „является весь міръ, не позволятъ ему предпринять ничего изъ „того, что стоитъ въ противорѣчіи съ данными всѣмъ европей-„скимъ дворамъ положительными завѣреніями". Въ концѣ циркуляра упоминалось о нашихъ вооруженіяхъ, которыми и объяснялись предпринимаемыя Портой военныя мѣры предосторожности.

Графъ Нессельроде, съ своей стороны, старался бороться съ предубѣжденіями искусно направляемаго противъ насъ общественнаго мнѣнія Западной Европы. Его циркулярная депеша отъ 30 мая (11 іюня) [1]) начиналась съ указаній на преувеличенные толки, вызванные отъѣздомъ князя Меншикова и перерывомъ дипломатическихъ сношеній съ Оттоманской Портой и полемикой съ западной прессой, которая приписывала нашему кабинету завоевательные замыслы, а также намѣреніе установить религіозный протекторатъ надъ православнымъ населеніемъ Турціи. Графъ Нессельроде заявлялъ, что Государь не желаетъ разрушенія Оттоманской Имперіи и считаетъ сохраненіе *status quo* лучшимъ средствомъ предупрежденія международныхъ осложненій.

„Что касается протектората надъ греко-русскимъ вѣроисповѣ-„даніемъ въ Турціи", говорилъ нашъ циркуляръ, „то для охра-„ненія его интересовъ намъ не нужно никакихъ другихъ правъ, „кромѣ тѣхъ, которыя обезпечены за нами договорами, нашимъ „положеніемъ и вліяніемъ, истекающимъ изъ религіозной симпатіи „между 50 милліонами православныхъ русскихъ и большинствомъ „христіанскихъ подданныхъ султана, вліяніемъ древнимъ, вліяніемъ „неизбѣжнымъ, какъ вытекающимъ изъ фактовъ, а не изъ словъ, „вліяніемъ, которое засталъ Императоръ при вступленіи своемъ на

[1]) Приложеніе № 155.

„престолъ, и отъ котораго онъ не можетъ, изъ-за несправедли-„выхъ подозрѣній, отказаться, не отрекаясь отъ славнаго наслѣдія „своихъ августѣйшихъ предшественниковъ.

„До какой степени были неосновательны всѣ распростра-„няемые по поводу миссіи князя Меншикова слухи, ясно изъ того, „что эта миссія никогда не имѣла другой цѣли, какъ разрѣшеніе „вопроса о Святыхъ Мѣстахъ".

Въ дальнѣйшемъ изложеніи канцлеръ замѣчалъ, что упомянутый вопросъ былъ возбужденъ не нами, и что нашъ кабинетъ предвидѣлъ грустныя послѣдствія этого возбужденія. Дарованіе латинянамъ привилегій, нарушающихъ вѣковыя права грековъ, вызвало вмѣшательство Государя, которое повлекло за собой назначеніе комиссіи улемовъ и торжественное обѣщаніе султана сохранить всѣ издревле признанныя за греками религіозныя права.

Графъ Нессельроде жаловался далѣе на слабость, изворотливость и двуличность оттоманскихъ властей, напоминалъ, что вышеупомянутый фирманъ былъ прочитанъ въ Іерусалимѣ лишь послѣ долгихъ проволочекъ и многократныхъ настаиваній, что не помѣшало туркамъ нарушать его постановленія. „Самымъ рѣзкимъ наруше-„ніемъ явилась передача латинскому патріарху ключа отъ главнаго „входа Виѳлеемскаго храма. Эта передача противорѣчила точнымъ „словамъ фирмана. Она глубоко задѣла духовенство и все насе-„леніе греко-россійскаго вѣроисповѣданія, ибо по идеямъ, приня-„тымъ въ Палестинѣ, владѣніе ключомъ означаетъ само по себѣ „владѣніе всѣмъ храмомъ.

„Такое забвеніе самыхъ положительныхъ обѣщаній, данныхъ „въ письмѣ султана къ Императору, такое несомнѣнное нару-„шеніе довѣрія, отягченное вдобавокъ поведеніемъ и неприличи-„ными заявленіями совѣтниковъ султана, очевидно, было доста-„точно для того, чтобы нашъ Августѣйшій Государь, оскорблен-„ный въ своемъ достоинствѣ, въ своемъ дружескомъ довѣріи и „въ своемъ религіозномъ чувствѣ, общемъ съ чувствомъ его наро-„довъ, тотчасъ потребовалъ самаго торжественнаго удовлетворенія".

Государь не воспользовался случаемъ, чтобы разрушать Оттоманскую Имперію. У него не было такихъ намѣреній. Онъ избралъ мирный путь переговоровъ.

Миссія князя Меншикова имѣла два предмета, относившихся къ дѣлу о Святыхъ Мѣстахъ:

1) „установить, вмѣсто потерявшаго значеніе фирмана, новое „соглашеніе, которое, не отнимая у латинянъ того, что они пріі-

„обрѣли въ послѣднее время, объяснило бы по крайней мѣрѣ „эти уступки отнюдь не побѣдой надъ греко-россійскимъ вѣро„исповѣданіемъ, и возстановливало бы нарушенное равновѣсіе“.

2) „укрѣпить это соглашеніе актомъ, который былъ бы для „насъ удовлетвореніемъ въ настоящее время и гарантіей на бу„дущее“.

Несмотря на разныя затрудненія, первая цѣль была достигнута, но, по словамъ циркуляра графа Нессельроде, „достигнуть „соглашенія было да„леко не все“. Необходима была гарантія его исполненія, и эту именно гарантію Государь считалъ удовлетвореніемъ за нанесенное его достоинству оскорбленіе.

Карикатура на освобожденіе Греціи (съ англ. грав. Макклинъ).

Циркуляръ переходитъ далѣе къ оцѣнкѣ турецкихъ возраженій противъ предложенной княземъ Меншиковымъ конвенціи, сводившихся къ тому, что она противорѣчила бы независимости и верховнымъ правамъ Порты. Графъ Нессельроде ссылался на договоръ временъ реформаціи и находилъ, что *въ принципѣ* конвенція не противорѣчила бы международнымъ обычаямъ, и что, опять *лишь въ принципѣ,* все равно, къ какому числу подданныхъ султана она относилась бы.

„На дѣлѣ“, писалъ далѣе графъ Нессельроде, „религіозный „протекторатъ уже существуетъ, и предлагаемая форма конвенціи „ничего бы не прибавила къ этому протекторату. Кайнарджійскій „договоръ, по которому Порта обязалась охранять въ своихъ „владѣніяхъ христіанское исповѣданіе и его церкви, устанавли„ваетъ въ достаточной мѣрѣ наши права наблюденій и замѣчанія. „Эти права вновь вошли и еще болѣе ясно указаны въ Адріа„нопольскомъ договорѣ, подтверждавшемъ всѣ прежнія. Вотъ, „слѣдовательно, уже около 80 лѣтъ намъ фактически принадле„жатъ признанные актами права, противъ которыхъ нынѣ возра„жаютъ“.

„Конвенція“, говорилось далѣе, „не дастъ намъ никакого пре„имущества, которое не принадлежало бы намъ ранѣе, и кото„рымъ мы не могли бы давно злоупотреблять, если бы наши „намѣренія были таковы, каковыми ихъ предполагаютъ“.

Циркуляръ напоминалъ, что вопросъ о формѣ соглашенія представляется второстепеннымъ, и что князь Меншиковъ сдѣлалъ Портѣ рядъ уступокъ, предлагая, вмѣсто конвенціи, менѣе торжественную форму сенеда, отказываясь отъ статей о сохраненіи духовныхъ и матеріальныхъ преимуществъ, издревле дарованныхъ Портой всѣмъ четыремъ православнымъ патріархамъ, и, наконецъ, соглашаясь замѣнить сенедъ односторонней нотой, проектъ которой прилагался при циркулярѣ.

Несмотря на умѣренность выраженій и на миролюбивый тонъ циркулярной депеши графа Нессельроде, она не могла умиротворяюще повліять на политическія страсти, систематически возбуждаемыя нашими недоброжелателями. Депеша самымъ категорическимъ образомъ подтверждала наше право протектората надъ православными подданными Порты и даже указывала, что нашъ кабинетъ имѣлъ полную возможность злоупотреблять этимъ правомъ. Но именно это-то право отрицалось кабинетами морскихъ державъ, а общественное мнѣніе обвиняло насъ въ желаніи оформить протекторатъ конвенціей или сенедомъ для того, чтобы имѣть возможность имъ злоупотреблять. Графъ Нессельроде, всегда столь осторожный и расчетливый въ выраженіяхъ, на этотъ разъ недостаточно оцѣнилъ поводы всеобщаго къ намъ недовѣрія. Его циркуляръ какъ бы подтверждалъ недружелюбныя догадки и злостныя обвиненія, которыя сыпались на нашу политику во всей, за немногими исключеніями, западноевропейской прессѣ.

О впечатлѣніи, произведенномъ въ Константинополѣ циркуляромъ графа Нессельроде, можно судить по слѣдующему, нѣсколько одностороннему, донесенію Аргиропуло князю Меншикову [1]): „Циркуляръ Императорскаго правительства произвелъ здѣсь гро„мадный успѣхъ.... Лакуръ ведетъ себя менѣе шумливо, въ чемъ „нѣкоторые видятъ іезуитство. Лордъ Редклифъ постоянно нахо„дится въ томъ же пароксизмѣ; онъ суетится, онъ озлобленъ, „бѣгаетъ, инспектируетъ крѣпости, присутствуетъ при измѣреніи „воды въ Босфорѣ, и вообще онъ находится всюду. Его раз„говоръ, то угрожающій, то миролюбивый и успокаивающій, въ

[1]) Отъ 13 (25) іюня 1853 года изъ Константинополя. Госуд. Арх., разр. XI, д. 1226.

„зависимости отъ лицъ и обстоятельствъ. Три дня тому назадъ „онъ сказалъ Николаевичу, который мнѣ это передалъ, не дѣлая „секрета, что онъ постарается убѣдить Порту не смотрѣть на „занятіе княжествъ, какъ на дѣйствіе враждебное, и что если „Россія пообѣщаетъ не завладѣвать оттоманской территоріей и не „вызывать тамъ возмущенія, то его правительство повѣритъ слову „Государя; но онъ не увѣренъ, приметъ ли Франція эти обѣщанія. „Другимъ онъ говорилъ, что первоначальная ошибка была сдѣлана „полковникомъ Розе, призвавшимъ флотъ, чѣмъ Англія была втя- „нута въ споръ, а также тѣмъ, что она тотчасъ же не отступила. „Съ другой стороны, его дѣйствія и слова, такъ же какъ дѣй- „ствія и слова его приближенныхъ, не соотвѣтствуютъ этимъ сооб- „щеніямъ“ [1]).

---

[1]) „La Circulaire du Ministère Impérial a fait fureur ici...

„Monsier Lacour contient sa conduite peu bruyante, que quelques-uns croient être jésuitique; „Lord Redcliff est toujours dans le même paroxysme; il s'agite, il est irrité, il court, il fait des „inspections des places fortes, il assiste au mesurage des eaux du Bosphore, enfin il est partout. „Son langage est tantôt menaçant, tantôt pacifique et conciliant, selon les personnes et les cir- „constances. Il y a trois jours, il disait à Monsieur Nicolaevitch, qui me l'a rapporté sous le sceau „du secret, qu'il tâchait de persuader la Porte de ne pas considérer l'occupation des Principautés „comme un acte d'hostilité, que si la Russie promettait, qu'elle n'avait pas des projets d'entamer „le territoire Ottoman, ni d'y exciter des révoltes, son cabinet ajouterait foi à la parole de l'Em- „pereur, mais il n'était pas sûr si la France accepterait ces assurances. A d'autres il dit que la „première faute a été commise de la part du colonel Rose, qui avait invité les flottes; que depuis „lors l'Angleterre se trouvait engagée, et qu'elle n'a pas reculé par la suite. D'une autre part „ses actions et ses paroles, ainsi que celles de son entourage, ne répondent pas à ses confi- „dences“.

Глава XI.

I.

Къ началу Восточной войны военно-сухопутныя силы Россійской Имперіи состояли изъ *регулярныхъ* и *иррегулярныхъ* войскъ.

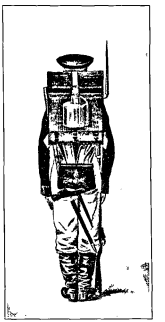
Регулярная армія подраздѣлялась на войска *дѣйствующія* или линейныя, которыя главнымъ образомъ и предназначались для боевыхъ дѣйствій въ полѣ, составляя существеннѣйшую часть нашихъ вооруженныхъ силъ, и войска *резервныя* и *запасныя*, назначеніе которыхъ состояло какъ въ пополненіи дѣйствующихъ войскъ, такъ отчасти и въ образованіи новыхъ частей.

На двухъ вышеперечисленныхъ категоріяхъ нашей регулярной арміи собственно и основывалась боевая сила государства; на поддержаніе ихъ въ должномъ состояніи почти исключительно и обращалось вниманіе правительства. Остальные виды нашихъ регулярныхъ вооруженныхъ силъ, какъ-то *мѣстныя войска*, назначавшіяся преимущественно для внутренней службы, и *вспомогательныя*, имѣвшія характеръ административный, хозяйственный и полицейскій, не предназначались для борьбы съ врагомъ внѣшнимъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что въ описываемую эпоху, при неожиданно нагрянувшей необходимости быстро развернуть наши вооруженныя силы, частямъ различныхъ категорій на самомъ дѣлѣ приходилось выполнять назначенія, къ которымъ онѣ по существу своему совершенно не были предназначены.

Дѣйствующая пѣхота подраздѣлялась на *линейную* и *легкую*, которую составляли егерскіе и карабинерные полки и стрѣлковые баталіоны.

Ни въ организаціи, ни въ обученіи и вооруженіи никакого различія между линейной и легкой пѣхотой, кромѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ, въ сущности не было. Линейная пѣхота отличалась лишь болѣе рослыми людьми, а егеря по существовавшему обычаю преимущественно передъ другими высылались для дѣйствія въ стрѣлковой цѣпи и для выполненія задачъ, требующихъ особой подвижности и легкости.



Рядовой Владимірскаго пѣхотнаго полка (Интендантскій музей).

Вся пѣхота къ началу 1853 года [1]) состояла въ общемъ изъ 110-ти полковъ [2]), 9-ти стрѣлковыхъ [3]) и 84-хъ линейныхъ баталіоновъ, при чемъ послѣдніе преимущественно были расположены въ отдаленныхъ окраинахъ государства [4]).

Подраздѣленіе полковъ на баталіоны было разнообразное, отъ 3-хъ до 5-ти баталіоновъ въ полку. Но большая часть нашей пѣхоты, а именно 72 пѣхотныхъ и егерскихъ полковъ, которые входили въ составъ шести армейскихъ корпусовъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи, подраздѣлялись каждый на 4 баталіона.

Баталіоны состояли изъ 4-хъ ротъ, силою въ 230 рядовыхъ при 4-хъ офицерахъ и 20-ти унтеръ-офицерахъ въ ротѣ. Въ дѣйствительности, составъ ротъ въ мирное время былъ нѣсколько менѣе указаннаго, такъ какъ, примѣрно, по 100 человѣкъ отъ баталіона находились въ безсрочномъ отпуску, составляя на случай войны нѣчто въ родѣ современнаго запаса [5]).

Линейные баталіоны по своей численности подходили къ пѣхотнымъ, а стрѣлковые содержались въ нѣсколько меньшемъ составѣ, а именно они имѣли по 180-ти нижнихъ чиновъ въ ротѣ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Въ на-

---

[1]) См. приложеніе № 156.

[2]) 10 гвардейскихъ, 12 гренадерскихъ, 4 карабинерныхъ, 42 пѣхотныхъ и 42 егерскихъ.

[3]) Л.-гв. Финскій, Гренадерскій, Кавказскій и 6 армейскихъ.

[4]) 18 грузинскихъ, 16 черноморскихъ, 13 кавказскихъ, 10 оренбургскихъ, 15 сибирскихъ и 12 финляндскихъ.

[5]) Число чиновъ въ частяхъ войскъ всѣхъ родовъ оружія показано въ приложеніи № 157.

чалѣ же войны стрѣлковые баталіоны были доведены до тысячнаго состава [1]).

Пѣхотные полки и часть линейныхъ баталіоновъ были соединены въ 30 пѣхотныхъ дивизій [2]) и 6 отдѣльныхъ бригадъ [3]); стрѣлковые же баталіоны были приданы непосредственно къ корпусамъ.

Дивизіи въ общемъ состояли изъ 4-хъ полковъ [4]), соединенныхъ въ двѣ бригады, при чемъ первыя бригады составляли два пѣхотныхъ, а вторыя—два егерскихъ полка.

Кавалерія подраздѣлялась на *тяжелую* (кирасирскіе и драгунскіе полки) и *легкую* (уланскіе и гусарскіе полки).

Всѣхъ кавалерійскихъ полковъ имѣлось 59 [5]), изъ которыхъ 23 тяжелыхъ и 36 легкихъ [6]).

Полки подраздѣлялись на эскадроны, по 6 эскадроновъ въ кирасирскихъ полкахъ, по 10 эскадроновъ въ драгунскихъ и по 8 эскадроновъ въ остальныхъ полкахъ. Во всѣхъ полкахъ имѣлось 454 дѣйствующихъ эскадрона. Въ строевомъ отношеніи каждые два эскадрона составляли дивизіонъ.

Кавалерійскіе полки были соединены въ 15 дивизій разнообразнаго наименованія и состава, включая сюда и резервную уланскую дивизію, на самомъ дѣлѣ состоявшую изъ 4-хъ дѣйствующихъ уланскихъ полковъ [7]).

Каждый эскадронъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, имѣлъ по 15 рядовъ во взводѣ, что составляло 133 конныхъ нижнихъ чина въ эскадронѣ и, кромѣ того, 35 пѣшихъ нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ 10 человѣкъ въ мирное время, какъ и въ пѣхотѣ, находились въ безсрочномъ отпуску [8]).

Полевая артиллерія [9]) состояла всего изъ 135 батарей, въ томъ числѣ 106 пѣшихъ и 29 конныхъ. Всѣ пѣшія и 14 конныхъ батарей были сведены въ 28 пѣшихъ и 7 конно-артилле-

---

[1]) Пр. В. Мин. 1853 г., № 72.

[2]) 3 гвардейскихъ, 3 гренадерскихъ и 24 армейскихъ.

[3]) Кавказская гренадерская резервная, 3 бригады грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ и 2 бригады кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ.

[4]) См. приложеніе № 158.

[5]) См. приложеніе № 156.

[6]) 12 кирасирскихъ, 11 драгунскихъ, 20 уланскихъ и 16 гусарскихъ.

[7]) См. приложеніе № 159.

[8]) Ср. Полн. Собр. Св. Зак. Росс. Имп., ст. 23556, т. XXIV (1849 г.) и ст. 25918, т. XXVII (1852 г.). Пр. В. Мин. 1849 г., № 102.

[9]) Рук. для арт. сл., изд. по Выс. пов. въ 1853 г. Арх. канц. Военн. Мин. д. по сн. в. 1853 г., № 73/а.

рійскихъ бригадъ [1]). Всѣ бригады и батареи, за исключеніемъ гвардейскихъ, были, сверхъ того, соединены въ 10 артиллерійскихъ дивизій, по числу имѣвшихся въ нашей арміи, кромѣ гвардейскаго, пѣхотныхъ корпусовъ. Соединенія артиллерійскихъ частей въ дивизіяхъ были очень разнообразны [2]). Большею частью артиллерійская дивизія состояла изъ 3-хъ бригадъ, по 4 батареи, при чемъ въ общемъ числѣ 12-ти батарей дивизіи одна треть была тяжелыхъ батарей и двѣ трети легкихъ [3]).

Въ составѣ полевой арміи въ общемъ на каждый пѣхотный полкъ приходилось по одной пѣшей батареѣ и на каждые два кавалерійскихъ полка по одной конной батареѣ.

Въ военное время большинство пѣшихъ батарей полагалось 12-ти орудійнаго состава, но въ мирное время онѣ состояли въ 8-ми орудійной запряжкѣ; матеріальная же часть остальныхъ 4-хъ орудій хранилась въ складахъ и арсеналахъ, а люди находились въ безсрочномъ отпуску.

Всего же въ полевой артиллеріи состояло въ мирное время 1134 орудія (902 пѣшихъ и 232 конныхъ) и въ военное время 1446 орудій (1214 пѣшихъ и 232 конныхъ).

Для снабженія войскъ огнестрѣльными припасами имѣлись *летучіе и подвижные артиллерійскіе парки* [4]). Летучихъ парковъ было 4, изъ которыхъ два въ уменьшенномъ составѣ; каждый паркъ состоялъ изъ 110 зарядныхъ ящиковъ, въ которыхъ возилось 6.612 зарядовъ и 84.780 патроновъ. Подвижныхъ парковъ было 19, состоявшихъ каждый изъ 120 парковыхъ повозокъ, въ которыхъ полагалось возить 7276 снарядовъ (по 150 на орудіе), 537 пудовъ пороха и 410.400 патроновъ.

Летучіе парки, назначеніе которыхъ состояло въ первоначальномъ пополненіи запасовъ въ войскахъ, имѣли въ мирное время бóльшую боевую готовность и бóльшую подвижность сравнительно съ готовностью подвижныхъ парковъ.

Инженерныя войска состояли изъ 9-ти саперныхъ баталіоновъ, по 4 роты каждый, и 2-хъ конно-піонерныхъ дивизіоновъ, имѣвшихъ по два эскадрона. При обоихъ конно-піонерныхъ дивизіонахъ, сверхъ того, состояло по одному понтонному парку изъ 16-ти кожаныхъ понтоновъ и 4-хъ козелъ.

---

[1]) 3 гвардейскихъ и 12 полевыхъ конныхъ батарей въ бригады не соединялись.
[2]) См. приложеніе № 160.
[3]) См. приложеніе № 156.
[4]) Болѣе подробно см. въ приложеніи № 161.

Саперные баталіоны въ мирное время были сведены въ 3 саперныя бригады [1]).

Составъ каждой роты, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, былъ одинаковъ, по 250 человѣкъ, изъ которыхъ въ мирное время 25 человѣкъ находилось въ безсрочномъ отпуску. Конно-піонерные эскадроны въ военное время имѣли по 15-ти конныхъ рядовъ во взводахъ; въ мирное время по 30 человѣкъ находилось въ безсрочномъ отпуску [2]).

Барабанщикъ 11 артиллерійск. бригады (Интендантскій музей).

Высшимъ соединеніемъ бо́льшей части дѣйствующихъ или полевыхъ войскъ служили *корпуса,* которыхъ имѣлось всего 14: гвардейскій, гренадерскій, шесть армейскихъ пѣхотныхъ корпусовъ, гвардейскій и два армейскихъ резервныхъ кавалекавалерійскихъ и резервной уланской дивизій, а 2-й изъ двухъ драгунскихъ дивизій и конно-піонернаго дивизіона съ соотвѣтствующей конной артиллеріей.

Кромѣ соединенія въ корпуса, бо́льшая часть полевыхъ и иррегулярныхъ войскъ, а также часть резервныхъ и вспомогательнаго назначенія входили, въ зависимости отъ своего распорійскихъ корпуса и отдѣльные корпуса: Кавказскій, Оренбургскій и Сибирскій [3]).

Составъ корпусовъ былъ крайне разнообразенъ [4]), но бо́льшая ихъ часть состояла изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, одной кавалерійской, одной артилерійской дивизіи соотвѣтствующихъ номеровъ, одного стрѣлковаго и одного сапернаго баталіоновъ также соотвѣтствующихъ номеровъ. Резервные кавалерійскіе корпуса состояли 1-й изъ двухъ армейскихъ

---

[1]) Сводная, 1-я и 2-я саперныя бригады. Въ сводной бригадѣ считались саперные баталіоны гвардейскій и гренадерскій, въ первой—1, 2 и 3-й баталіоны, во второй—4, 5 и 6-й баталіоны. Кавказскій саперный баталіонъ находился при Кавказскомъ корпусѣ. Въ составъ саперныхъ бригадъ, кромѣ дѣйствующихъ баталіоновъ, входили: въ сводную—учебный саперный баталіонъ съ резервной ротою, въ первую—1-й резервный саперный баталіонъ, во вторую—2-й резервный саперный баталіонъ.

[2]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., ст. 25995 т. XXVII и Выс. пов. отъ 18 февр. 1852 г.

[3]) Росп. сух. войскъ, испр. по 25 декабря 1852 г.

[4]) См. приложеніе № 162.

ложенія и командиаго подчиненія, въ составъ особыхъ высшихъ соединеній, существовавшихъ у насъ и въ мирное время.

Такимъ образомъ 4 армейскихъ корпуса, расположенные по нашей западной границѣ, входили въ составъ такъ называемой *Дѣйствующей арміи;* гвардейскіе и гренадерскіе корпуса, а также учебныя и образцовыя части подчинялись одному общему *Главнокомандующему гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами,* а части войскъ, квартировавшія въ Финляндіи, наименовались *войсками, въ Финляндіи расположенными.*

Штаты дѣйствующихъ войскъ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія [1]) отличались двумя особенностями отъ штатовъ настоящаго времени.

Нынѣ въ мирное время полевыя войска, представляя изъ себя, за исключеніемъ кавалеріи, лишь кадръ, содержатся въ значительно меньшемъ числѣ, чѣмъ въ военное время, и при мобилизаціи увеличиваются почти въ два раза призывомъ подъ знамена запасныхъ нижнихъ чиновъ.

Въ виду короткихъ сроковъ дѣйствительной службы, среди населенія имѣется въ достаточномъ количествѣ необходимый для пополненія полевыхъ войскъ запасъ обученныхъ людей. Въ эпоху же Восточной войны различія между штатами дѣйствующихъ войскъ въ мирное и военное время почти не существовало; ихъ составляли только тѣ нѣсколько человѣкъ на роту (около 25 чел.), которые находились въ безсрочномъ отпуску и при мобилизаціи призывались въ свои части.

Другую особенность штатовъ того времени составляло громадное число нестроевыхъ нижнихъ чиновъ въ войсковыхъ частяхъ; эту особенность можно объяснить характеромъ бывшаго войскового хозяйства, при которомъ почти всѣ потребности полковъ удовлетворялись своими средствами.

Въ общемъ число нестроевыхъ чиновъ къ строевымъ составляло въ пѣхотѣ 7%, въ кавалеріи 13% и въ артиллеріи 20%.

II.

Резервныя и запасныя войска предназначались для формированія особыхъ резервныхъ и запасныхъ частей, а также для скораго пополненія въ случаѣ надобности временного некомплекта

[1]) См. приложеніе № 157.

дѣйствующихъ войскъ. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что нѣкоторыя войсковыя части, нося въ то время названіе резервныхъ, по своей организаціи и назначенію въ дѣйствительности ничѣмъ не отличались отъ дѣйствующихъ войскъ, въ составъ которыхъ, какъ было упомянуто выше, онѣ и входили. Такія части назывались резервными лишь въ качествѣ стратегическаго резерва дѣйствующей арміи.

Назначеніе резервныхъ войскъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ настоящее время, исполняли лишь нѣкоторыя резервныя и всѣ запасныя части, для которыхъ въ мирное время или совсѣмъ не содержалось или же содержались небольшіе кадры. При мобилизаціи резервныя и запасныя части формировались посредствомъ призыва офицеровъ и нижнихъ чиновъ, находившихся въ безсрочномъ и продолжительномъ отпускахъ. Эти нижніе чины, составляя единственный подготовленный запасъ вооруженныхъ силъ Государства, причислялись къ дѣйствующимъ, резервнымъ или запаснымъ войскамъ по принадлежности, въ зависимости отъ того, на пополненіе какой категоріи они предназначались.

Сообразно съ этимъ, имѣвшійся среди населенія запасъ обученныхъ людей подраздѣлялся на три разряда [1]).

Къ первому разряду принадлежали нижніе чины, которые предназначались на пополненіе рядовъ частей дѣйствующихъ войскъ, не содержимыхъ въ мирное время; ко второму разряду причислялись нижніе чины, долженствовавшіе укомплектовывать резервныя войска, а къ третьему—запасныя.

Соотвѣтственно такому подраздѣленію отпускныхъ на разряды, 46 губерній Европейской Россіи и Царство Польское были раздѣлены на три полосы, при чемъ губерніи, входившія въ первую полосу, заключали въ себѣ отпускныхъ перваго разряда, губерніи, составлявшія вторую полосу, отпускныхъ второго разряда, а губерніи третьей полосы включали въ себѣ запасъ для пополненія третьей категоріи.

При распредѣленіи губерній по полосамъ [2]) принималась во вниманіе скорѣйшая готовность дѣйствующихъ войскъ, затѣмъ уже резервныхъ и запасныхъ. Въ виду этого въ первую полосу входили губерніи, ближайшія къ нашимъ западнымъ и

---

[1]) Арх. К. В. Мин. по сн. в. д. 1853 г., № 31: „Записка о прив. в. на военн. пол.“.
[2]) См. приложеніе № 163.

южнымъ границамъ, а также и къ пунктамъ расположенія большей части нашихъ дѣйствующихъ войскъ; во вторую полосу входили центральныя губерніи, а въ третью—восточныя и сѣверовосточныя.

Указанный способъ распредѣленія отпускныхъ имѣлся, впрочемъ, въ виду лишь при общей мобилизаціи арміи; при частной же мобилизаціи для пополненія какъ дѣйствующихъ, такъ резервныхъ и запасныхъ войскъ, отпускные брались только изъ губерній той полосы, которая оказывалась ближайшей къ мѣсту расположенія войскъ, приводимыхъ на военное положеніе.

Об.-офиц. Черниг. пѣх. п. въ походной формѣ (Интендантскій музей).

Такъ какъ въ сущности большинство резервныхъ войскъ ничѣмъ не отличалось отъ запасныхъ, то въ дальнѣйшемъ изложеніи объ эти категоріи будутъ разсматриваться вмѣстѣ.

Резервныя войска подраздѣлялись на *постоянныя* и *состоящія изъ отпускныхъ*[1]).

Постоянные резервы, всегда содержимые налицо, имѣли цѣлью какъ подготовку части рекрутъ въ мирное время, такъ и немедленное укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ, на случай выступленія въ походъ, формированіе запасныхъ частей и обученіе отпускныхъ при общихъ сборахъ.

Резервы же, комплектуемые отпускными нижними чинами, подраздѣлялись, въ свою очередь, на имѣющіе небольшіе кадры, и не имѣющіе таковыхъ.

Запасныя войска также раздѣлялись на имѣющія и не имѣющія кадровъ.

Кадры резервныхъ и запасныхъ частей состояли въ мирное время изъ небольшихъ командъ, которыя предназначались для наблюденія за сохранностью имущества распущенныхъ частей и для исполненія разныхъ хозяйственныхъ потребностей при сборѣ войскъ.

Отпускные, приписанные къ частямъ, имѣвшимъ постоянные кадры, собирались, въ случаѣ призыва на службу, къ

---

[1]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., Отд. III, д. № 977. Пол. 1849 г. о пост. рез. кав. и конн. арт. Пол. о пѣш. арт. рез.

этимъ кадрамъ; остальные же собирались въ нѣсколько опредѣленныхъ пунктовъ, въ которыхъ и производилось ихъ формированіе.

Въ мирное время на дѣйствительной службѣ во всѣхъ кадрахъ резервныхъ и запасныхъ войскъ числилось [1]) 490 офицеровъ, 13.270 нижн. чин. и 5336 стр. и арт. лошадей [2]).

Для пѣхоты существовали *резервные* и *запасные баталіоны,* которые за немногими исключеніями въ мирное время содержались лишь въ видѣ незначительныхъ кадровъ, въ составѣ 1 офицера и 22 нижнихъ чиновъ каждый. Въ военное же время для 84 полковъ гренадерскаго и шести армейскихъ корпусовъ полагалось изъ нихъ формировать по 2 баталіона на каждый полкъ, въ томъ числѣ одинъ резервный и одинъ запасный.

Въ каждой дивизіи эти баталіоны сводились въ резервную бригаду, въ которой такимъ образомъ получалось 8 баталіоновъ—4 резервныхъ и 4 запасныхъ. Три резервныхъ бригады каждаго корпуса соединялись въ резервную дивизію этого корпуса.

Для остальныхъ частей пѣхоты формировались, примѣнительно къ изложенному, резервные или запасные баталіоны гвардейскіе, линейные, стрѣлковые и проч.

Резервныя и запасныя части пѣхоты образовывали такимъ образомъ въ мирное время 16 баталіоновъ и 168 кадровъ, которые разворачивались въ военное время въ 196 баталіоновъ, сведенныхъ въ 8 резервныхъ дивизій, 1 полу-бригаду и 1 отдѣльный резервный стрѣлковый баталіонъ.

Резервную и запасную кавалерію [3]) въ военное время образовывали резервные и запасные эскадроны, которые формировались по расчету на каждый кавалерійскій полкъ отъ 1 до 3-хъ эскадроновъ, что всего составляло 115 эскадроновъ (56 резервныхъ и 59 запасныхъ).

Въ мирное время изъ этого числа содержались лишь: 1) постоянный кавалерійскій резервъ въ составѣ 24-хъ резервныхъ эскадроновъ первыхъ шести армейскихъ кавалерійскихъ дивизій, которые были сведены въ *резервную легкую кавалерійскую дивизію,* 2) запасный эскадронъ при Нижегородскомъ драгунскомъ полку и 3) 48 кадровъ для прочихъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ.

---

[1]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1851 годъ.
[2]) Подр. см. приложеніе № 164.
[3]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., Отд. III, № 977 и Арх. К. В. Мин. по сн. в. 1853 г., д. № 31.

Постоянные резервные эскадроны содержались въ составѣ 20-ти конныхъ рядовъ во взводѣ, носили форму своего полка и назывались 9-ми эскадронами, при чемъ въ мирное время служба ихъ ничѣмъ не отличалась отъ службы дѣйствующихъ полковъ. Въ военное же время они предназначались для немедленнаго укомплектованія соотвѣтствующихъ полковъ и для сформированія для нихъ запасныхъ частей изъ отпускныхъ, которые собирались къ этимъ эскадронамъ въ ежегодные учебные сборы.

48 постоянныхъ кадровъ резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ состояли каждый изъ 1 офицера, 10 строевыхъ рядовыхъ и 1 писаря [1]) и содержались въ кавалерійскихъ округахъ военныхъ поселеній при складахъ вооруженія и обмундированія этихъ частей.

Резервныя и запасныя части пѣшей артиллеріи [2]) въ военное время состояли изъ 8 резервныхъ артиллерійскихъ бригадъ шести-батарейнаго состава (по три резервныхъ и запасныхъ батареи), для формированія которыхъ въ мирное время содержался постоянный пѣшій артиллерійскій резервъ изъ кадровъ резервныхъ и запасныхъ батарей, въ составѣ отъ одного до двухъ взводовъ на каждую резервную и запасную батарею военнаго времени.

Кадры эти въ мирное время были сведены въ сводныя резервныя батареи и бригады 12-ти орудійнаго состава въ батареѣ, имѣя запряженными только 4 орудія и 1 ящикъ на батарею.

Во всѣхъ сводныхъ резервныхъ батареяхъ было 120 орудій, изъ которыхъ запряженными 40.

Число орудій въ батареяхъ, формируемыхъ въ военное время, не было точно опредѣлено и каждый разъ назначалось особымъ Высочайшимъ приказомъ [3]). Во время Восточной войны батареи формировались самаго разнообразнаго состава, отъ 12-ти до 2-хъ орудійнаго.

Ежегодные учебные сборы отпускныхъ нижнихъ чиновъ производились какъ при сводныхъ резервныхъ бригадахъ, такъ и при прочихъ артиллерійскихъ частяхъ.

Резервныя и запасныя части конной артиллеріи въ военное время состояли изъ 12-ти конно-артиллерійскихъ батарей 8-ми ору-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., изд. 1852 г., т. XXVII, ст. 2705.

[2]) Росп. сух. войскъ 1852 г. Рук. для арт. сл., изд. 1853 г. Всеподд. отч. В. М. за 1851 г. Арх. В. Уч. Ком., Отд. III, № 977 и Арх. К. В. Мин., 1852 г., д. № 32 и 1853 г., д. № 95, ч. I.

[3]) Арх. К. В. Мин. по си. в. 1853 г., д. № 31 и Рук. для арт. сл., изд. 1853 г.

дійнаго состава, кромѣ гвардейской, которая имѣла 12 орудій; всего 100 орудій. Въ мирное же время содержались кадры только для 6-ти батарей, составлявшихъ *постоянный конно-артиллерійскій резервъ* изъ 6-ти полу-батарей (всего 24 орудія), сведенныхъ въ 3 сводныя резервныя конно-артиллерійскія батареи.

Постоянный резервъ имѣлъ своимъ назначеніемъ быстрое укомплектованіе дѣйствующихъ батарей первыхъ шести конно-артиллерійскихъ бригадъ, а также формированіе для нихъ запасныхъ частей и ежегодное обученіе въ учебныхъ сборахъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ.

Казакъ 2 пѣш. бат. Черноморск. казачьяго войска.

Для прочихъ резервныхъ батарей военнаго времени никакихъ кадровъ въ мирное время не содержалось.

Резервныя и запасныя части инженерныхъ войскъ [1]) въ мирное время состояли изъ 3-хъ резервныхъ саперныхъ баталіоновъ съ 6-ю понтонными парками, одной резервной саперной роты и 4-хъ кадровъ, каждый изъ 1 офицера, 10 строевыхъ и 1 нестроевого нижнихъ чиновъ.

Въ военное время изъ этихъ частей предполагалось сформировать 4 резервныхъ и 2 запасныхъ саперныхъ баталіона, 6 понтонныхъ ротъ съ понтонными парками, 1 запасную роту, резервный и запасный конно-піонерные эскадроны.

Войска мѣстныя и вспомогательнаго назначенія не имѣли, какъ сказано выше, прямого боевого значенія, но въ то же время составляли необходимую принадлежность арміи. Къ нимъ слѣдуетъ отнести:

Мѣстные артиллерійскіе парки [2]), которые предназначались для храненія и снабженія войскъ снарядами, зарядами и патронами.

Такихъ парковъ въ Европейской Россіи было 62, и каждый изъ нихъ имѣлъ патроновъ на одну пѣхотную дивизію, на $^1/_3$ стрѣл-

---

[1]) Прик. по в. вѣд. 1851 г., № 115 и 1852 г., № 22.

[2]) Рук. для арт. сл., изд. въ 1853 г. Всеп. отч. В. Мин. за 1852 г. Росп. сух. в. за 1852 г.

коваго баталіона, на $^1/_3$ кавалерійской дивизіи и снарядовъ на одну артиллерійскую бригаду [1]).

На Кавказѣ парковые запасы содержались въ 17-ти пунктахъ въ разномъ количествѣ, смотря по мѣстной потребности.

Осадные артиллерійскіе парки [2]), въ составъ которыхъ входила матеріальная часть артиллеріи и снаряды, потребные для осады крѣпостей. Всего имѣлось 2 осадныхъ парка, Кавказское осадное отдѣленіе и 2 запасныхъ отдѣленія [3]).

Гарнизонная артиллерія, состоявшая изъ гарнизонныхъ и лабораторныхъ артиллерійскихъ ротъ. Первыя изъ нихъ предназначались для дѣйствій при крѣпостныхъ орудіяхъ, а вторыя для приготовленія боевыхъ припасовъ. Всего состояло въ крѣпостяхъ $97^1/_2$ гарнизонныхъ и 6 лабораторныхъ ротъ.

Осадные инженерные парки [4]) заключали въ себѣ шанцевый инструментъ и матеріальную часть инженернаго вѣдомства, необходимые для осады крѣпостей.

Таковыхъ парковъ имѣлось 2, въ Ригѣ и Бендерахъ, подраздѣленныхъ каждый на 4 отдѣленія, съ матеріальною частью въ отдѣленіи, достаточною для осады одной крѣпости.

Полевой инженерный паркъ, составлявшій подвижный запасъ разнаго инструмента для саперныхъ баталіоновъ, дѣйствующихъ противъ непріятеля.

Корпусъ Внутренней стражи [5]), состоявшій изъ гарнизонныхъ баталіоновъ и уѣздныхъ инвалидныхъ и этапныхъ командъ. Части эти предназначались для несенія внутренней службы въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но, кромѣ того, на командировъ гарнизонныхъ баталіоновъ возлагались нѣкоторыя обязанности нынѣшнихъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ по веденію учета и призыву на службу безсрочно отпускныхъ, по пріему рекрутъ, конвоированію ихъ и проч.

Всего въ Корпусѣ Внутренней стражи состояло 52 гарнизонныхъ баталіона, 2 полубаталіона, 564 уѣздныхъ инвалидныхъ команды, 296 этапныхъ и 5 соляныхъ командъ.

Части вспомогательнаго назначенія состояли изъ *Корпуса жандармовъ* и *учебныхъ и образцовыхъ войскъ;* послѣднія пред-

---

[1]) См. приложеніе № 165.
[2]) Арх. Канц. В. Мин. по сн. в., 1853 г., д. № 31.
[3]) См. приложеніе № 166.
[4]) Росп. сух. в. въ 1852 г. Арх. К. В. Мин. по сн. в., 1853 г., д. № 31. Св. В. Пост. 1838 г., ч. I, кн. 2, ст. 1369—1391.
[5]) Св. В. Пост. 1839 г., ч. I, кн. 2, ст. 1307—1357.

назначались какъ для подготовки унтеръ-офицеровъ, такъ и для распространенія въ арміи однообразной техники сложнаго въ то время военнаго артикула.

Къ этой же категоріи войскъ слѣдуетъ отнести: подвижныя инвалидныя роты, подвижные арсеналы и военно-рабочія роты.

Къ особенностямъ военной организаціи пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія слѣдуетъ отнести и *военныя поселенія* [1]), доживавшія, впрочемъ, въ то время свои послѣдніе года.

Основанныя въ 1811 году, онѣ имѣли цѣлью сокращеніе расходовъ на содержаніе арміи посредствомъ образованія особаго военно-земледѣльческаго сословія, на подобіе австрійскихъ граничаръ.

Идея основателя заключалась въ томъ, чтобы въ будущемъ возложить комплектованіе и содержаніе всей арміи исключительно на военныя поселенія, освободивъ остальное населеніе отъ рекрутскихъ наборовъ, а государственное казначейство отъ матеріальной тяготы содержанія арміи.

Къ 1831 году военныя поселенія достигли своего наивысшаго развитія, при чемъ тогда же выяснилась вся несостоятельность принятой системы, повлекшая за собой ихъ коренное преобразованіе.

Къ началу Восточной войны организація военныхъ поселеній въ общемъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ: они состояли изъ *дѣйствующей* и *поселенной* частей. Къ первой принадлежала вся выставляемая поселеніями, на общихъ основаніяхъ рекрутской повинности, боевая сила, а ко второй вся масса населенія съ ихъ землями, угодьями и всякаго рода хозяйственными учрежденіями.

Поселенную часть составляли: 1) *25 Округовъ военнаго поселенія кавалеріи,* расположенныхъ въ южной Россіи и находящихся въ вѣдѣніи инспектора резервной кавалеріи; 2) *Округъ военнаго поселенія пѣхоты,* составлявшій поселенныя роты Охтенскаго порохового завода; 3) *9 округовъ пѣхотныхъ солдатъ* въ Новгородской, Витебской и Могилевской губерніяхъ, и 4) *Военное поселеніе на Кавказѣ.*

Военные поселяне и пахотные солдаты имѣли опредѣленный земельный надѣлъ [въ округахъ пахотныхъ солдатъ по 6 $^1/_2$ деся-

[1]) Св. Воени. П. 1838 г., ч. I, кн. 4, ст.ст. 2232 — 4260; Гр. Чернышевъ. „Ист. обозр. военн. сух. упр. за 1855 — 1880 гг.“; Богдановичъ „Ист. обз. военн. упр. въ Росс. за 1855—1880 гг.“.

тинъ на каждую душу [1])] и были освобождены отъ всѣхъ государственныхъ податей и земскихъ повинностей. Взамѣнъ этого, пахотные солдаты были обложены оброкомъ, а кавалерійскіе округа продовольствовали кавалерію, въ нихъ расположенную; кромѣ того, и тѣ и другіе обязывались производить въ своихъ округахъ всѣ общественныя работы.

Рекрутская повинность отбывалась военными поселянами на общемъ основаніи, при чемъ поселенная ихъ часть, хотя и подчинялась воинскому порядку и дисциплинѣ и носила собственную форменную одежду, но обученію военному дѣлу не подвергалась.

Штабъ-лекарь и лекарь (Интендантскій музей).

Къ 1 января 1853 года въ военныхъ поселеніяхъ и округахъ пахотныхъ солдатъ состояло: 728.688 душъ обоего пола и на Кавказѣ 1344 души; у нихъ имѣлось 88.114 головъ лошадей, 163.929 головъ воловъ, 558.263 овцы и 367.033 штуки прочаго рогатаго скота. Земли подъ ними числилось всего 3.452.686 дес., капитала — 6.036.077 руб. и запасовъ въ хлѣбныхъ магазинахъ — 1.337.794 четв. [2]). На продовольствіи состояло 81.472 челов. и 31.382 лошади.

Кромѣ регулярныхъ войскъ, въ составъ нашей арміи входили, какъ входятъ и въ настоящее время, войска *иррегулярныя* [3]), состоявшія изъ казаковъ и инородческихъ частей.

Поселенные на окраинахъ Государства, соприкасавшихся съ безпокойными сосѣдями, и обязанные охранять эти окраины, казаки за свою службу изстари пользовались обширными льготами сравнительно съ прочимъ населеніемъ Имперіи. Взамѣнъ этихъ льготъ, они несли службу на особыхъ, болѣе тяжелыхъ основа-

---

[1]) Арх. Канц. Воени. Мин. Всеподд. отч. за 1852 г.

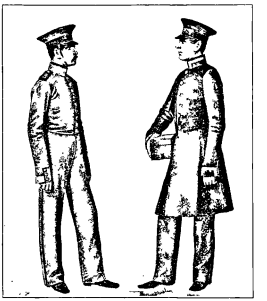
[2]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1850 г.

[3]) Св. В. Пост. 1838 г., ч. I, кн. 2, ст. 1641—2672. Богд. Ист. оч. военн. упр. въ Россіи за 1855—1880 гг. Росп. сух. в. за 1852 г.

ніяхъ, являясь на нее съ собственными лошадьми, вооруженіемъ, снаряженіемъ, обмундированіемъ и проч.

Всѣ казачьи войска и инородческое населеніе Кавказскаго и Оренбургскаго края несли службу внутреннюю — въ предѣлахъ своего войска, линейную или кордонную службу — для охраны границъ и внѣшнюю службу — внѣ предѣловъ своего войска.

Въ мирное время казачьи войска выставляли неопредѣленное и различное, въ зависимости отъ требованія правительства, число частей; въ военное же время, по первому призыву, каждое войско обязано было выставлять опредѣленное число частей, составлявшихъ „комплектъ“ войска [1]).



Нестроевой и фельдшеръ (Интендантскій музей).

Въ отношеніи организаціи казачьи части нѣсколько отличались отъ регулярныхъ и имѣли вообще болѣе легкій, подвижной характеръ, такъ какъ всѣ тяжести ихъ перевозились на вьюкахъ, а не въ обозѣ.

Въ 1853 году въ вѣдѣніи Военнаго министерства находились *Донское, Черноморское, Кавказское линейное, Уральское, Астраханское, Дунайское, Оренбургское, Азовское, Сибирское линейное, Забайкальское и Башкиро-Мещерское казачьи войска.*

Донское казачье войско въ военное время выставляло комплектъ въ 58 дѣйствующихъ конныхъ полковъ шестисотеннаго состава и 14 конно-артиллерійскихъ батарей. Въ мирное же время на службѣ состояло 34 конныхъ полка и 4¼ батареи.

Комплектъ *Черноморскаго* войска составляли гвардейскій дивизіонъ, 12 пѣшихъ баталіоновъ, 3 конныхъ батареи и гарнизонная пѣшая артиллерійская рота; въ мирное же время изъ нихъ

[1]) См. приложеніе № 167.

на службѣ находились 4 баталіона, конная батарея и артиллерійская рота.

Кавказское линейное войско полагалось въ комплектѣ 18 конныхъ полковъ шестисотеннаго состава и 3-хъ конныхъ батарей; почти всѣ эти части находились на службѣ и въ мирное время при Кавказскомъ корпусѣ и на Кавказской линіи.

Комплектъ *Уральскаго* войска состоялъ изъ гвардейскаго дивизіона и 12-ти шестисотенныхъ конныхъ полковъ, изъ которыхъ въ мирное время на службѣ находилось только два дивизіона.

Комплекты остальныхъ казачьихъ войскъ въ общемъ были меньшей численности и имѣли исключительной цѣлью мѣстную службу, а потому они здѣсь не перечисляются.

Къ числу *инородческихъ войскъ* относились между прочимъ л.-гв. Крымско-Татарскій эскадронъ, находившійся въ вѣдѣніи новороссійскаго генералъ-губернатора, Закавказскій конно-мусульманскій полкъ, состоявшій при дѣйствующей арміи, Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и Балаклавскій греческій баталіонъ, состоявшіе на службѣ при Кавказскомъ корпусѣ, и нѣкоторые другіе.

Численность [1]) арміи къ 1 января 1853 года выражалась слѣдующими цифрами [2]):

на дѣйствительной службѣ подъ знаменами въ регулярныхъ войскахъ состояло *27.581 генераловъ и офицеровъ и 911.150 нижнихъ чиновъ;*

въ безсрочномъ и годовомъ отпускахъ числилось *244 генераловъ и офицеровъ и 212.433 нижнихъ чина.*

Такимъ образомъ общая наличность обученныхъ людей регулярной арміи опредѣлялась въ *27.745 генераловъ и офицеровъ и 1.123.583 нижнихъ чина.*

Во всѣхъ иррегулярныхъ войскахъ числилось по спискамъ *3647 генераловъ и офицеровъ и 242.203 нижнихъ чина;* изъ нихъ въ частяхъ, находившихся на дѣйствительной службѣ, состояло 89.168 человѣкъ.

Итакъ, во всей русской арміи состояло по спискамъ **31.392 генераловъ и офицеровъ и 1.365.786 нижнихъ чиновъ,** изъ коихъ

---

[1]) Всеподд. отч. В. Мин. за 1852 и 1853 гг.
[2]) См. приложеніе № 168.

къ 1 января 1853 года дѣйствительно несли службу **1.000.318 нижнихъ чиновъ.**

Въ общемъ штатномъ числѣ всѣхъ войскъ (вмѣстѣ съ иррегулярными) составляли: пѣхота—$^{2}/_{3}$, кавалерія—$^{1}/_{5}$, артиллерія—$^{1}/_{13}$ и инженерныя войска—$^{1}/_{38}$.

Численность прочихъ родовъ оружія относилась къ пѣхотѣ какъ: кавалерія—1:3$^{1}/_{3}$, артиллерія—1:8$^{3}/_{4}$, инженерныя войска—1:26$^{1}/_{2}$. Казачьи войска составляли $^{1}/_{11}$ часть всѣхъ регулярныхъ войскъ [1]).

III.

Бѣглый обзоръ организаціи нашей арміи передъ Восточной войной указываетъ на слѣдующія ея особенности:

1. Армія состояла изъ двухъ, рѣзко отличавшихся по своимъ качествамъ, частей.

Дѣйствующія войска, которыя въ мирное время содержались почти въ такомъ же составѣ, какъ и въ военное, представляли изъ себя вполнѣ подготовленную и сплоченную въ долгіе годы мирнаго обученія боевую силу, которая при приведеніи арміи на военное положеніе весьма мало измѣнялась приливомъ въ нее отпускныхъ и была готова немедленно выступить въ походъ. Но зато за этой, отличной по своему составу, арміей государство фактически уже не имѣло правильно организованныхъ и хоть сколько-нибудь подготовленныхъ вооруженныхъ силъ.

Незначительные по количеству и весьма слабые по своему составу кадры резервныхъ и запасныхъ войскъ никоимъ образомъ не могли служить гарантіей ихъ надлежащей и скорой формировки и подготовки. Малая готовность этой категоріи войскъ увеличивалась еще тѣмъ, что при мобилизаціи въ резервныя и запасныя части вливалось лишь весьма незначительное количество обученныхъ людей, въ видѣ безсрочноотпускныхъ; бо́льшая же часть состояла изъ рекрутъ, представлявшихъ собою совершенно сырой матеріалъ.

Такія качества резервныхъ и запасныхъ войскъ являлись слѣдствіемъ существовавшаго въ то время во всѣхъ государствахъ, за исключеніемъ отчасти Пруссіи, взгляда, по которому въ евро-

[1]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1852 г.

пейскихъ арміяхъ обращали исключительное вниманіе на содержаніе полевыхъ войскъ, составлявшихъ почти всю боевую силу государства.

Если сравнить силу нашей постоянной арміи мирнаго времени послѣднихъ годовъ царствованія Императора Николая Павловича и силу ея въ настоящее время, то постоянныя арміи, въ эти отдѣленныя другъ отъ друга полувѣковымъ періодомъ эпохи, окажутся почти одинаковыми, но зато какая громадная разница замѣчается при переходѣ арміи на военное положеніе. Силы современной арміи увеличиваются въ нѣсколько разъ, при чемъ соотвѣтствующая организація ея дѣлаетъ бо́льшую часть этой арміи ко времени столкновенія съ непріятелемъ почти одинаковой по своимъ боевымъ качествамъ.

Причиной такого различія служатъ не только сильные кадры резервныхъ войскъ, нынѣ содержимыхъ и въ мирное время, но и нахожденіе среди населенія цѣлой массы подготовленнаго боевого матеріала, въ видѣ запасныхъ нижнихъ чиновъ, которые при мобилизаціи вступаютъ въ ряды арміи; пятьдесятъ же лѣтъ тому назадъ подготовленный боевой запасъ существовалъ лишь въ зачаткѣ, въ лицѣ незначительнаго числа безсрочноотпускныхъ и увольняемыхъ въ годовой отпускъ нижнихъ чиновъ. Лицъ этой категоріи по спискамъ числилось къ 1 января 1853 года на милліонную армію всего 212.433 человѣка.

Причина такого незначительнаго запаса состояла во всеобщемъ въ то время убѣжденіи, что получить армію съ хорошими боевыми качествами возможно только при весьма продолжительныхъ срокахъ службы, въ 15 или 20 лѣтъ. Очевидно, что люди, пробывшіе подъ знаменами столь долгій срокъ, были по окончаніи службы по большей части неспособны, какъ по своему возрасту, такъ и по состоянію своего здоровья, поступить въ случаѣ войны вновь въ ряды войскъ.

Императоръ Николай Павловичъ рядомъ принятыхъ мѣръ положилъ основаніе организаціи резервныхъ войскъ и ревниво оберегалъ ихъ отъ поползновеній начальниковъ, не оцѣнившихъ надлежащимъ образомъ основной идеи ихъ назначенія. „Не ошибайся въ отношеніи резерввовъ“, писалъ Государь князю Горчакову 20 октября 1853 года [1]). „Въ прежнія „войны резерввовъ въ полномъ смыслѣ значенія слова, *какъ*

[1]) Собств. Его Вел. библіотека, Рукоп. отд., шк. 115, портф. 14.

„*я его понимаю* [1]), не было. Оттого полки таяли, не по-„лучая подкрѣпленія или получая голыхъ, не обутыхъ, изну-„ренныхъ рекрутъ; полки таяли, гибли и за ними — *никого!* „Теперь на каждый полкъ 2 баталіона резерва, въ немъ по-„ловина старые, надежные солдаты, а другая изъ рекрутъ, и „*черезъ 6 мѣсяцевъ* каждый полкъ получитъ не менѣе *600* чело-„вѣкъ укомплектованія; стало, къ веснѣ полки будутъ опять „комплектованы и надежно. Но, чтобъ это *возможно* было, „надо резервамъ быть на мѣстѣ, въ покоѣ и не обременять „ихъ сверхъ мѣры караулами и другими посторонними забо-„тами, а еще менѣе употреблять ихъ безъ крайности противъ „непріятеля"...

Примѣрно съ 1834 года Государь началъ принимать мѣры и къ образованію среди населенія подготовленнаго запаса людей, увольняя старшіе сроки службы преждевременно въ такъ назы-ваемые безсрочные отпуска. Этотъ первообразъ нынѣшняго запаса имѣлъ очень мало общаго съ современнымъ. Онъ былъ весьма незначителенъ, такъ какъ люди увольнялись въ безсрочный отпускъ лишь послѣ безпорочнаго прослуженія подъ знаменами 15-ти или 20-ти лѣтъ, въ количествѣ около 17.000 человѣкъ ежегодно; къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще 10.000 человѣкъ, увольняемыхъ въ годовой отпускъ.

Въ дѣйствительности же людей, годныхъ для поступленія вновь на службу изъ безсрочнаго отпуска, было еще менѣе, чѣмъ числилось по спискамъ; престарѣлый возрастъ отпускныхъ дѣлалъ процентъ не являвшихся весьма значительнымъ, а ихъ самихъ мало пригодными къ перенесенію тягостей военнаго вре-мени.

Нельзя не отмѣтить этотъ первый шагъ къ образованію у насъ запаса, предпринятый исключительно по иниціативѣ Государя Николая Павловича и проведенный въ жизнь, благодаря его настой-чивымъ требованіямъ. Мысль объ уменьшеніи сроковъ службы съ цѣлью накопленія обученныхъ людей среди населенія казалась въ то время большинству военныхъ дѣятелей и даже такому вы-дающемуся генералу, какъ Муравьевъ-Карскій, преступной; они считали, что такая мѣра, несомнѣнно, поведетъ къ ухудшенію арміи, лишая ее лучшихъ солдатъ и наполняя молодыми и не втянутыми въ работу рекрутами. Особенно безпокоилъ ихъ унтеръ-офицерскій

[1]) Курсивъ подлинника.

вопросъ, какъ будто бы въ пятнадцатилѣтній срокъ службы нельзя было подготовить хорошихъ и въ особенности опытныхъ унтеръ-офицеровъ [1]).

Лишь только двадцать лѣтъ спустя, послѣ огромныхъ успѣховъ пруссаковъ во время Франко-Прусской войны у насъ при-

Н. Н. Муравьевъ (съ лит. В. Тимма, по рис. Карадини).

обрѣли право гражданства короткіе сроки службы и неразрывно связанное съ нимъ накопленіе среди населенія запаса обученныхъ людей, первоначальную идею которыхъ съ такимъ трудомъ проводилъ въ жизнь Императоръ Николай Павловичъ въ послѣдніе годы своего царствованія.

---

[1]) Муравьевъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы указать Государю на пагубность мѣры, столь ревниво имъ оберегаемой; въ своемъ собственноручномъ дневникѣ онъ также неоднократно затрогивалъ этотъ наболѣвшій въ его душѣ вопросъ.

„Я объявилъ Государю", писалъ онъ въ своемъ дневникѣ въ 1834 году, вскорѣ послѣ введенія безсрочно отпускныхъ, „что черезъ сіе армія лишается послѣднихъ людей, къ службѣ „годныхъ, и что за отпускомъ сихъ послѣднихъ останутся только одни рекруты и молодые „люди, коими полки теперь наполнены. Я не имѣлъ права", продолжаетъ онъ, „говорить Госу„дарю о неудобствахъ, которыя произойдутъ отъ сего въ самомъ краѣ и деревняхъ, которые

Такой характеръ организаціи нашей арміи приводилъ къ замѣчательнымъ фактамъ. Уже лѣтомъ 1854 года, когда война еще не достигла своего полнаго напряженія, у насъ не хватало войскъ для одновременной готовности къ борьбѣ по всей западной границѣ и въ Крыму. Какой грустью и безсиліемъ дышатъ многія письма Государя къ князю Горчакову и къ князю Меншикову въ 1854 году, въ ожиданіи высадки въ Крыму, когда Государь сознавалъ, что Крымскую армію необходимо усилить, но у него не было больше свободныхъ войскъ.

„Теперь къ этой опасности", писалъ, напримѣръ, Государь князю Горчакову 7 іюля 1854 года [1]), „присоединилась другая — „вѣроятіе весьма скораго нападенія на Крымъ. Мысль весьма „полезную образованія отряда къ сторонѣ Перекопа вполнѣ и я „раздѣляю. Назначить же мнѣ пѣхоту въ сей отрядъ *не откуда, „ибо уже ничѣмъ не располагаю* [2]) съ той поры, какъ князь „Иванъ Федоровичъ [3]) взялъ, меня не спрося, 16-ю дивизію въ „Молдавію. Крайне желательно наискорѣе отправить хоть одну „бригаду съ двумя батареями къ Перекопу. Обсуди, откуда послать „наилучше, и сейчасъ же распорядись... Кажется, выборъ долженъ „пасть на 16-ю дивизію, *но я не гофрихсрать;* необходимость „тебѣ ставлю на видъ, образъ же дѣйствій предоставляю тебѣ".

„наполнятся людьми безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни, отъ чего можно было ожидать „большихъ безпорядковъ" (Русск. Арх., 1894 г., кн. 9).

Въ своемъ дневникѣ за іюль 1850 года Муравьевъ вновь возвращается къ волнующему его вопросу о безсрочно отпускныхъ: „Къ симъ мыслямъ", пишетъ онъ, „еще болѣе обратишься, „когда взглянешь на предстоящій роспускъ нижнихъ чиновъ въ безсрочный отпускъ. До 15.000 „расходятся по отпускамъ, и мѣста ихъ должны наполниться людьми изъ резервовъ и рекру- „тами, нынѣ набираемыми. Отличные полки наши разстроятся до чрезвычайности. Увидутъ „лучшіе солдаты, унтеръ-офицеры, фельдфебеля, музыканты; всѣ унтеръ-штабы разстроятся. „Толчокъ для арміи ужасный, и едва ли она когда-либо отъ того поправится. Не менѣе того „весною потребуютъ, чтобы корпусъ былъ представленъ опять въ томъ же видѣ, какъ онъ „нынѣ представлялся!.. Мало было опыта прошедшихъ двухъ годовъ съ этими резервами, „истощившими казну и не принесшими никакой дѣйствительной пользы для укомплектованія „арміи, которая наполнилась людьми, незрѣлыми въ образованіи своемъ или отвыкшими отъ „тягостной службы. Но Государь или не знаетъ о томъ, или не хочетъ знать того, а упор- „ствуетъ въ гибельной для Россіи и арміи системѣ безсрочно отпускныхъ, черезъ что онъ „надѣется имѣть внутри Имперіи огромную армію, готовую представиться на первый его „призывъ" (Рукоп. Архивъ Гр. Гр. Черткова).

Другой современникъ этой эпохи, П. К. Меньковъ, также въ своихъ запискахъ (ч. II, стр. 109) возсталъ противъ безсрочно отпускныхъ. „Система безсрочно отпускныхъ", пишетъ онъ, „отнявъ въ полкахъ кадры старыхъ солдатъ, изгнала тотъ воинственный духъ, одуше- „вляемый которымъ войска наши творили чудеса храбрости. Некому разсказать молодымъ сол- „датамъ о славныхъ подвигахъ товарищей, о былыхъ битвахъ и походахъ!... Воспоминанія „теперешняго солдата оканчиваются или блестящимъ разводомъ или неудачнымъ парадомъ!"

[1]) Собств. Его Вел. библ., Рукоп. отд., шк. 115, порт. 14.

[2]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[3]) Паскевичъ.

И въ такомъ положеніи находилась могущественнѣйшая монархія съ 60-ти милліоннымъ населеніемъ, которая содержала въ мирное время милліонную армію подъ ружьемъ!

2. Другую особенность организаціи того времени составляло несоразмѣрно большое отношеніе небоевого элемента къ общей численности постоянной арміи.

Эта категорія войскъ въ лицѣ корпуса Внутренней стражи и разныхъ вспомогательныхъ частей включала въ свои ряды 218.515 человѣкъ, что уменьшало боевую численность арміи почти на 17% [1]).

Такая же несоразмѣрность боевого элемента къ нестроевому замѣчалась, какъ было сказано выше, и въ отдѣльныхъ частяхъ полевыхъ войскъ, гдѣ цифра нестроевыхъ составляла отъ 7 до 20% всего состава части.

3. Обращаетъ на себя вниманіе также большое разнообразіе въ составѣ тактическихъ единицъ. Въ пѣхотѣ число баталіоновъ въ полкахъ измѣнялось отъ 3-хъ до 5-ти, что не вызывалось никакими тактическими соображеніями. Въ кавалеріи большинство полковъ имѣло по 8-ми и 10-ти эскадроновъ, что дѣлало ихъ неудобными въ отношеніи командованія ими однимъ лицомъ. Въ этомъ отношеніи неудобенъ былъ также и 12-ти орудійный составъ батарей.

Разнообразіе тактическихъ единицъ, впрочемъ, не всегда являлось слѣдствіемъ принятой системы и очень часто происходило и отъ побочныхъ причинъ, главная среди которыхъ заключалась въ желаніи уменьшить расходы на содержаніе арміи [2]).

Существованіе конно-піонерныхъ дивизіоновъ также не оправдывало надеждъ, на нихъ возлагавшихся. Понтонные парки, которые при нихъ состояли, дѣлали конно-піонеръ недостаточно подвижными для слѣдованія съ кавалеріей, а малое ихъ число имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что они никогда не участвовали въ дѣлѣ. Въ теченіе сорокадвухлѣтняго своего существованія конно-

---

[1]) Въ настоящее время у насъ въ арміи эта цифра уменьшена до 6,5%. Редигеръ: „Комп. и устр. воор. силы".

[2]) „Кончили мы смѣту и не безъ труда", писалъ Государь князю Варшавскому 20 декабря 1851 года. „Несмотря на всѣ прибавки доходовъ и на убавки въ расходахъ 7 милл. „дефициту! Вынужденъ расформировать 4 уланскихъ полка, два первой уланской и два „6-й легкой дивизіи, соединивъ кирасирскія и бывшую 2-ю уланскую въ одинъ корпусъ и „причисливъ остающіеся 2 уланскіе полка къ 6-й легкой"... Собств. Его Вел. библ., Рукоп. отд., шк. 115, порт. 14.

піонеры только въ 1828 году были два раза употреблены въ дѣло съ спеціальной цѣлью и, наконецъ, въ 1862 году были совершенно упразднены.

Система военныхъ поселеній, въ свою очередь, не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій. Вмѣсто воиновъ-пахарей, поселяне являлись простыми хлѣбопашцами, обязанными продовольствовать квартировавшія у нихъ войска. Чисто военныя качества къ нимъ не привились, къ чему, впрочемъ, со стороны правительства въ послѣднее время почти и не прикладывалось никакихъ стараній. Одною изъ слабыхъ сторонъ военныхъ поселеній былъ крайне дурной составъ офицеровъ, куда офицеры „сбывались" изъ дѣйствующихъ войскъ; да, впрочемъ, и само начальство военныхъ поселеній болѣе предпочитало офицеровъ, вышедшихъ изъ солдатъ. Въ финансовомъ отношеніи военныя поселенія также не принесли ожидаемой отъ нихъ пользы. Они были окончательно упразднены въ 1857 году.

IV.

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія *комплектованіе арміи нижними чинами* производилось у насъ по рекрутскому уставу 1831 года.

Военная служба по этому уставу не была общеобязательной; отъ нея были освобождены всѣ дворяне, купцы, почетные граждане, дѣти священнослужителей и вообще всѣ классы общества, возвысившіеся надъ общимъ уровнемъ податного сословія. Она была такимъ образомъ обязательна [1]) только для солдатскихъ дѣтей, мѣщанъ, крестьянъ и вообще для лицъ податныхъ сословій.

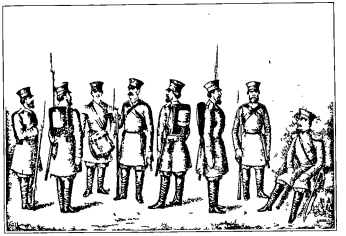
Но, кромѣ поступленія на военную службу нижними чинами на основаніи рекрутскаго устава, таковыми зачислялись крестьяне, по желанію помѣщиковъ, по приговорамъ сельскихъ обществъ, а также и по приговорамъ судовъ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ отдавались не только лица, которыя принадлежали къ сословіямъ, обязаннымъ рекрутскою повинностью, но и къ изъятымъ отъ нея по своему происхожденію.

Вся тягость военной службы ложилась такимъ образомъ на бѣднѣйшіе классы населенія; около 20% общаго числа жителей

[1]) Св. В. П., 1838 г., т. V, ч. II, кн. 1, ст. 1—4.

Имперіи имѣли право на освобожденіе отъ рекрутской повинности [1]). Тѣмъ не менѣе средства населенія Россіи, при существовавшихъ срокахъ службы, въ количественномъ отношеніи далеко превосходили требуемое отъ него число рекрутъ.

И, дѣйствительно, за восемнадцать лѣтъ, съ 1835 по 1854 г., было принято на службу всего 1.436.711 рекрутъ, что составляло около 80 тысячъ человѣкъ въ годъ [2]). Лицъ же, подлежавшихъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ рекрутской повинности, считалось около 25 милліоновъ; если исключить отсюда около двухъ третей всего числа неспособными, то годныхъ къ службѣ оставалось около 8 милліоновъ. Штатное число войскъ относилось къ этой массѣ, какъ $1:7\frac{1}{2}$, и одинъ служившій приходился на 26 душъ мужескаго пола, подлежавшихъ повинности.



Государственное ополченіе 1854 г. (съ лит. И. Шевалье).

Рекрутская повинность не была личной, а *общинною,* при которой правительство предъявляло свои требованія къ извѣстной группѣ населенія, а не къ отдѣльнымъ лицамъ; рекруты же выставлялись отъ семействъ, принимая въ расчетъ число имѣвшихся въ семействѣ рабочихъ рукъ.

Возрастъ принимаемыхъ на службу по набору былъ опредѣленъ отъ 20-ти до 35-ти лѣтъ; это условіе держало массу лицъ податного состоянія въ теченіе пятнадцати лѣтъ въ неопредѣленномъ положеніи ожиданія рекрутчины. Съ другой стороны, и армія получала слишкомъ много рекрутъ старшихъ возрастовъ, которыхъ трудно было обучить, и которые вливали въ армію значительный контингентъ пожилыхъ солдатъ. За года 1851-й, 1852-й и 1853-й, напримѣръ, отношеніе числа рекрутъ по возрастамъ

---

[1]) Петровъ. Русская военная сила.

[2]) Истор. обз. военн. сух. упр. 1825—1850 гг. Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1851—1853 гг.

къ общему числу принятыхъ было слѣдующее [1]): моложе 20-ти лѣтъ около 6%, отъ 20-ти до 25-ти лѣтъ—73%, отъ 25-ти до 30-ти—14% и отъ 30-ти до 35-ти—6%, т.-е. болѣе четвертой части принятыхъ находилось въ возрастѣ, не совсѣмъ соотвѣтствовавшемъ требованіямъ военной службы.

Сроки дѣйствительной службы [2]) были установлены отъ 22-хъ до 25-ти лѣтъ. Прослужившіе безпорочно 15 лѣтъ увольнялись въ безсрочный отпускъ, во время котораго они ежегодно собирались на одинъ мѣсяцъ въ учебные сборы.

Такіе продолжительные сроки службы, кромѣ указаннаго уже выше недостатка въ отношеніи количества и качества запаса обученныхъ людей, который образовывался среди населенія Имперіи, представляли для арміи и населенія еще много другихъ неудобствъ. Служба отнимала рекрута изъ его среды на столь продолжительное время, что онъ возвращался домой, совершенно отвыкнувъ отъ условій жизни своей среды и уже мало пригодный къ работѣ. На рекрутовъ въ населеніи смотрѣли поэтому, какъ на заживо погребенныхъ, и сдача въ рекруты, „рекрутчина", какъ ее называли, наводила на населеніе ужасъ. Для уклоненія отъ службы среди призываемыхъ въ сильной степени было развито членовредительство, а побѣги въ войскахъ были явленіемъ заурядным, такъ что въ законахъ о наградахъ предусматривалось даже награжденіе ротныхъ и эскадронныхъ командировъ „за неимѣніе бѣ-„жавшихъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ" въ относительно короткій трехлѣтній промежутокъ времени [3]).

Общинный характеръ воинской повинности вносилъ еще одинъ нежелательный элементъ въ составъ арміи, а именно достаточное количество наемниковъ [примѣрно около 10.000 чел. въ годъ] [4]), хотя правительство и старалось бороться съ этимъ зломъ при помощи выпуска зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій, по числу добровольно поступившихъ въ армію охотниковъ. Квитанціи эти могли быть перепродаваемы изъ рукъ въ руки и освобождали

---

[1]) Всеподл. отч. Военн. Мин. за соотв. года.

[2]) Св. В. Пост. 1838 г., т. V, ч. II, кн. 1.

[3]) „Тогдашніе солдаты всѣхъ полковъ, а Московскаго въ особенности", пишетъ историкъ этого полка, „были положительно охвачены манією къ побѣгамъ, и не проходило дня, чтобы „изъ какой-либо роты не бѣжало два или три человѣка; жестокія наказанія за это шпицру-„тенами отъ 400 до 1500 ударовъ не останавливали отчаянныхъ любителей свободы... Такимъ „образомъ въ первой половинѣ 1836 года изъ полка бѣжало 102 чел.". Исторія 65-го пѣх. Моск. п., стр. 386.

[4]) Петровъ. „Русская военная сила".

отъ службы лице, ихъ предъявлявшее. Такихъ квитанцій не хватало на всю массу лицъ, желавшихъ освободиться отъ службы, и потому, какъ сказано выше, многіе прибѣгали къ найму замѣстителей. Въ нравственномъ отношеніи замѣстители не представляли, конечно, изъ себя надежнаго элемента въ войскахъ.

Отдача въ рекруты по приговору судовъ, по приговору крестьянскихъ обществъ и по назначенію помѣщиковъ также не служила на пользу войскамъ.

Въ „Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ", изданія 1845 года, перечисленъ, напримѣръ, длинный рядъ проступковъ, за которые допускалась отдача въ солдаты въ наказаніе, взамѣнъ ссылки на поселеніе. Помѣщики, въ свою очередь, отдавали крестьянъ въ солдаты преимущественно въ наказаніе и вообще сбывали въ войска самыхъ негодныхъ людей [1]).

Все это вливало въ армію людей порочныхъ, которые не могли способствовать возвышенію нравственнаго уровня войскъ, а, что еще хуже, поддерживало въ населеніи взглядъ на военную службу, какъ на наказаніе, а не какъ на священную обязанность защиты Отечества.

Солдатскія дѣти и кантонисты [2]) по самому своему происхожденію относились къ числу обязанныхъ военною службою. Солдатскими дѣтьми считались всѣ сыновья нижнихъ чиновъ не дворянскаго сословія, прижитые во время нахожденія ихъ отцовъ на дѣйствительной службѣ и въ отставкѣ, а также всѣ незаконнорожденные солдатками мальчики. Кантонистами же назывались солдатскія дѣти, которыя состояли въ заведеніяхъ военныхъ кантонистовъ, имѣвшихся при частяхъ войскъ, или жили при родителяхъ, служащихъ въ полкахъ. Такимъ образомъ въ составѣ арміи получалось потомственное сословіе солдатъ, приносившее въ военномъ отношеніи очень мало пользы и безусловно вредное въ обще-государственномъ отношеніи.

Сынъ солдата поступалъ въ кантонисты ребенкомъ и, лишенный вліянія семьи, воспитывался въ суровой казарменной обстановкѣ. По окончаніи же дѣйствительной службы подъ

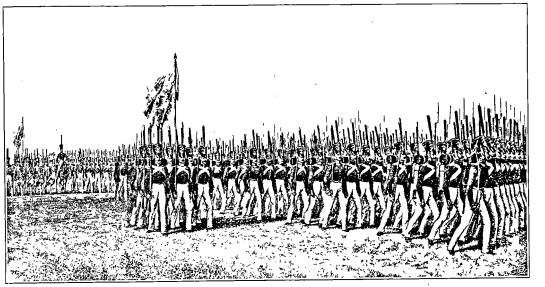
---

[1]) „Въ Россіи", пишетъ П. А. Обнинскій въ своихъ походныхъ замѣткахъ, „для разбойниковъ и мошенниковъ двѣ ссылки, одна въ Сибирь, другая на военную службу. Душегубецъ, грабитель и поджигатель, если только онъ молодъ и годится въ рекруты, или закономъ приговаривается въ солдаты, или помѣщики не жалѣютъ ни денегъ, ни поклоновъ, чтобы послѣ похвастать передъ сосѣдями: „Упекъ, батюшка, своего мошенника Фильку-то въ солдаты; слава Богу, квитанція будетъ, издержки свои вороч у"... Русск. Арх., 1891 г., кн. 3.

[2]) Св. В. П., 1838 г., т. V, ч. II, кн. 1, ст. 65—176.

знаменами онъ оказывался совершенно одинокимъ и оторваннымъ отъ той среды, въ которой ему приходилось доживать свой вѣкъ.

Во время своего пребыванія въ кантонистахъ дѣти подвергались большей, сравнительно съ другими, смертности и, развиваясь физически хуже своихъ деревенскихъ сверстниковъ, усту-



Церемон. маршъ пѣхоты въ сомкн. взводн. колоннахъ (съ лит., по рис. Раффэ).

пали въ этомъ отношеніи остальной массѣ рекрутъ. Живя съ юныхъ лѣтъ среди солдатъ, кантонисты, очевидно, не могли отличаться и хорошей нравственностью.

Императоръ Николай ясно сознавалъ всю невыгоду и несправедливость существовавшей рекрутской повинности, но не въ силахъ былъ бороться съ установившимся положеніемъ. „Всякій „наборъ", говорилъ Государь князю А. С. Меншикову 14 марта 1845 года [1]), „счетомъ съ 500 или другого участка душъ, а „также вербовкою, есть мѣра неправильная, и справедлива лишь „одна конскрипція, обязывающая всѣхъ служить, но много пре„пятствій существуетъ къ ея введенію". — „Вотъ что ожидаетъ „насъ по таковымъ понятіямъ о справедливости!" саркастически закончилъ князь Александръ Сергѣевичъ свои воспоминанія объ этомъ разговорѣ.

[1]) Рукоп. дневн. кн. А. С. Меншикова.

Въ Царствѣ Польскомъ воинская повинность отбывалась на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, по системѣ конскрипцій. Повинность эта была общеобязательною, но не личной, и ей подлежали почти всѣ сословія, при чемъ на семейное положеніе призываемыхъ обращалось очень мало вниманія. Кому поступать на службу опредѣлялось жребіемъ, который прежде всего тянули молодые люди въ возрастѣ отъ 20-ти до 22-хъ лѣтъ, а послѣ того въ постепенности люди старшихъ возрастовъ до пополненія всего требуемаго числа призываемыхъ.

Кромѣ обязательнаго поступленія на службу, наше законодательство допускало для лицъ привилегированныхъ сословій и поступленіе по добровольному желанію, при чемъ потомственные дворяне, лица, окончившія курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, и купцы первыхъ двухъ гильдій поступали на сокращенные сроки службы.

При распредѣленіи рекрутъ въ войска, руководствовались главнымъ образомъ только внѣшнимъ ихъ видомъ, при чемъ лучшіе и рослые люди назначались въ гвардію. Раскольники и попавшіеся „въ буйствахъ и дерзостяхъ“ назначались на Кавказъ и въ Сибирь; отданные въ солдаты за дурное поведеніе — преимущественно въ гарнизонныя и военно-рабочія части; бродяги и преступники—во внутренніе гарнизонные и линейные баталіоны.

Въ разные роды оружія люди назначались безъ всякаго разбора, не принимая во вниманіе ни склада ихъ, ни способностей къ тому или другому роду службы. Зато заботы о ранжировкѣ солдатъ доходили до невѣроятнаго. Не только въ полкахъ, но въ ротахъ и эскадронахъ люди подбирались рябые къ рябымъ, курносые къ курносымъ, красавчики къ красавчикамъ. Роты и взводы старались составить изъ людей одинаковыхъ по цвѣту волосъ, по длинѣ усовъ, бакенбардъ и т. д. [1]).

Но долгіе сроки службы давали возможность подготовлять, безъ особаго напряженія силъ молодыхъ рекрутъ, отлично знающихъ свое дѣло солдатъ; отличные унтеръ-офицеры образовывались въ полкахъ сами собою. Солдаты глубоко проникались духомъ военной службы и традиціями своей части; они смотрѣли на полкъ, какъ на свой родной домъ и семью, съ которыми было связано все ихъ существованіе.

Что касается казачьяго населенія, то отбываніе военной службы было обязательно для всѣхъ казаковъ почти безъ всякаго исклю-

[1]) Записки Алабина.

ченія. Сроки службы были для офицеровъ въ 25 лѣтъ и для казаковъ въ 30 лѣтъ; но на дѣйствительной службѣ они не находились непрерывно все это время, а, прослуживъ отъ одного до трехъ лѣтъ, увольнялись на льготу по домамъ впредь до новаго поступленія на службу черезъ такой же приблизительно срокъ времени. Кому изъ казаковъ подлежало въ каждомъ данномъ случаѣ итти въ составъ выставляемыхъ войскомъ строевыхъ частей, опредѣлялось очередными станичными списками, при чемъ, по семейному и имущественному положенію, въ исключительныхъ случаяхъ допускались или временное освобожденіе отъ службы или же отсрочка, но никоимъ образомъ не полное освобожденіе.

Къ 1 января 1853 года на дѣйствительной службѣ всего состояло 53% штатнаго состава казачьихъ „комплектовъ“ или 39% списочнаго, такъ какъ вообще списочное число служилыхъ казаковъ превосходило штаты выставляемыхъ комплектовъ; при этомъ 1 служащій приходился среднимъ числомъ на 7,3 казаковъ, обязанныхъ службою.

Комплектованіе арміи *унтеръ-офицерами* не встрѣчало до Восточной войны никакихъ затрудненій, какъ благодаря продолжительнымъ срокамъ службы, такъ и тѣмъ несложнымъ требованіямъ, которыя предъявлялись къ унтеръ-офицерамъ.

Строевыя части пополнялись ими при помощи производства добровольно поступившихъ на службу и поступившихъ по набору; нѣкоторая же часть унтеръ-офицеровъ пополнялась кантонистами и нижними чинами, прошедшими курсъ учебныхъ частей.

Для первой категоріи лицъ, унтеръ-офицерское званіе было переходной степенью для производства въ офицеры; процентъ унтеръ-офицеровъ изъ послѣдней категоріи былъ вообще весьма незначителенъ, такъ что главный контингентъ ихъ ложился на производимыхъ изъ поступившихъ на службу по набору [1]) по прослуженіи ими въ строю не менѣе трехъ лѣтъ.

Для подготовки унтеръ-офицеровъ пѣхоты и кавалеріи въ самыхъ частяхъ не существовало никакихъ школъ и учебныхъ командъ, и знаніе грамотности для производимыхъ не было обязательнымъ. Въ законѣ указывалось только, „чтобы назначаемые „къ производству въ унтеръ-офицерское званіе знали совер-

[1]) Св. В. П. 1838 г., т. V, ч. II, кн. 1.

„шенно порядокъ службы и вѣрный шагъ... чтобы были добраго „и трезваго поведенія и... чтобы при всѣхъ такихъ качествахъ „производимы были въ унтеръ-офицеры преимущественно имѣю„щіе знаки отличія военнаго ордена“ [1]).

Школами же для спеціальной подготовки унтеръ-офицеровъ пѣхоты и кавалеріи служили 4 карабинерные полка, ежегодно выпускавшіе до 1000 человѣкъ, учебный эскадронъ и школы кантонистовъ. Унтеръ-офицеры, выходившіе изъ этихъ спеціальныхъ школъ, не удовлетворяли современниковъ ни своими нравственными, ни строевыми качествами [2]).

Въ артиллеріи для производства въ фейерверкеры требовалось, какъ правило, окончаніе трехгодичнаго курса дивизіонной или бригадной школы по весьма обширной программѣ, до геометрической съёмки включительно.

Унтеръ-офицеры инженерныхъ войскъ также подготавливались въ особыхъ бригадныхъ школахъ.

V.

Комплектованіе арміи *офицерами* [3]) производилось при помощи: 1) выпуска изъ военно-учебныхъ заведеній, 2) производства добровольно поступавшихъ на службу нижними чинами и 3) производства нижнихъ чиновъ, поступавшихъ на службу по набораме.

Военно-учебныя заведенія, дававшія право на выпускъ офицерами, были: Пажескій и 15 кадетскихъ корпусовъ, Школа Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, Дворянскій полкъ, Михайловское артиллерійское, Главное Инженерное училища и Школа топографовъ.

Кадетскіе корпуса имѣли цѣлью воспитывать и образовывать молодыхъ дворянъ для всѣхъ родовъ военной службы.

---

[1]) „У насъ, обыкновенно, унтеръ-офицеры самые красивые и ловкіе люди“, пишетъ одинъ изъ современниковъ той эпохи въ своемъ официальномъ докладѣ, „но нисколько не „лучшіе какъ по нравственности своей, такъ и по знанію службы“. Арх. Воен. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.

[2]) „Мнѣ удалось также объяснить Наслѣднику вредъ, который получаемъ отъ на„значенія къ намъ людей изъ гарнизонныхъ баталіоновъ и въ особенности унтеръ-офицеровъ „изъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ, мальчишекъ, знающихъ только одни ружейные „пріемы, безнравственныхъ, и которымъ нельзя поручить никакой части“. Рукописн. дневн. Н. Н. Муравьева за 1853 годъ.

[3]) Св. В. Пост. 1838 г., т. III, кн. 3.

Всѣ корпуса представляли собою закрытые интернаты; кадеты воспитывались на казенный счетъ или на счетъ дворянства и состояли на полномъ казенномъ содержаніи.

Курсъ обученія состоялъ изъ предметовъ общеобразовательныхъ, проходимыхъ въ общихъ классахъ, и спеціально военныхъ, которые составляли курсъ спеціальныхъ классовъ. Объемъ общеобразовательныхъ предметовъ соотвѣтствовалъ программамъ среднеучебныхъ заведеній, при чемъ особое вниманіе обращалось на естественные и математическіе предметы. Въ спеціальныхъ классахъ, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, проходились механика, законовѣдѣніе, физическая географія, статистика, артиллерія, фортификація, тактика и топографія. Провинціальные корпуса не имѣли спеціальныхъ классовъ, и юноши по окончаніи общаго курса отправлялись въ Петербургъ въ Дворянскій полкъ, гдѣ и проходили курсъ спеціальныхъ классовъ.

Князь В. А. Долгорукій, военный министръ (съ лит. Мюнстерь, по рис. П. Борель).

Лучшіе воспитанники по окончаніи курса выпускались офицерами въ гвардію, слѣдующіе выходили въ артиллерію и саперы, а уже остальной составъ въ армейскую пѣхоту и кавалерію. Малоуспѣшные изъ кадетъ выпускались изъ перваго спеціальнаго класса въ линейные баталіоны или же по окончаніи общихъ классовъ и по достиженіи девятнадцатилѣтняго возраста во внутреннюю стражу.

Программа курса кадетскихъ корпусовъ, какъ можно видѣть, была достаточно обширна, и корпуса должны были бы давать хорошее общее и военное образованіе, но самая постановка учебнаго дѣла не была вполнѣ удовлетворительна и мало способствовала умственному развитію кадетъ. Занятые цѣлый день въ клас-

сахъ и на строевыхъ занятіяхъ, мальчики имѣли только одинъ-полтора часа времени на приготовленіе уроковъ.

Такой срокъ слѣдуетъ признать крайне недостаточнымъ, въ особенности принимая во вниманіе слабую подготовку поступавшихъ въ корпуса мальчиковъ, не всегда удачный составъ преподавателей и большое число учениковъ (35 и болѣе) въ каждомъ учебномъ отдѣленіи. Не всѣ ученики могли поэтому слѣдить за курсомъ одинаково, и уже съ младшихъ классовъ появлялись отсталые, которые, по мѣрѣ подвиганія выпуска впередъ, отставали все больше, сидѣли по два и по три года въ одномъ классѣ и назначались въ концѣ концовъ по малоуспѣшности до окончанія курса въ войска унтеръ-офицерами или вовсе исключались изъ корпуса. Въ общемъ числѣ до окончанія курса доходила только половина изъ кадетъ, поступившихъ въ младшіе классы.

Что касается до внутренней жизни кадетъ, то корпусное начальство входило въ нее мало и нисколько не вліяло на смягченіе нравовъ, въ которыхъ было много грубаго и дикаго [1]). Отличительными чертами кадетскаго быта были дружба, тѣсное товарищество кадетъ между собою и общее крайне суровое направленіе. Старшіе кадеты давали тонъ всей кадетской жизни, а младшіе имъ слѣпо повиновались. Кадетъ, отличавшійся физической силою, ловкостью, молодцеватостью и находившійся въ оппозиціи къ начальству, всегда пользовался особымъ почетомъ и уваженіемъ товарищей [2]). Любимыя игры кадетъ также носили характеръ занятій, развивающихъ физическую силу, ловкость и терпѣніе; игры эти часто переходили въ ожесточенныя драки не только между кадетами, но и между цѣлыми классами, а въ лагеряхъ—такъ и между корпусами. Во всѣхъ классахъ кадеты составляли такъ называемыя „классныя общества“, имѣвшія своихъ коноводовъ и свои обычаи, которымъ они слѣпо подчинялись, при чемъ кадетскій самосудъ имѣлъ большое значеніе, и имъ особенно строго карались трусость, выдача товарища, жалоба начальству, невыносливость и т. п.

Примѣняемыя въ корпусахъ наказанія могли только способствовать еще большему ожесточенію кадетскихъ нравовъ. Самымъ обычнымъ наказаніемъ были розги, которыми мальчики наказывались и за дурные баллы, и за плохое знаніе фронта, и за мало-

---

[1]) Записки П. К. Менькова, т. II, стр. 15.
[2]) Лалаевъ. Истор. очеркъ военн. учебн. завед.

важные проступки; болѣе серіозные проступки зачастую наказывались 100—200 ударами розогъ [1]).

Но кадетскіе корпуса имѣли и свои положительныя стороны. Столь цѣнные въ военномъ дѣлѣ высокій духъ товарищества и взаимной выручки глубоко внѣдрялись въ каждаго кадета и клали отпечатокъ на всю его дальнѣйшую службу; кадетская жизнь закаляла юношей и подготовляла изъ нихъ людей, способныхъ съ легкостью переносить всѣ невзгоды военной жизни. Изъ нихъ, при отсутствіи внѣшняго лоска и невысокомъ умственномъ развитіи, выходили, однако, честные служаки, преданные своему долгу службы офицеры, которые сроднились съ нею съ юныхъ лѣтъ и любили ее.

Отъ остальныхъ военно-учебныхъ заведеній нѣсколько отличались Михайловское Артиллерійское и Главное (нынѣ Николаевское) Инженерное училища. Въ нихъ давалась болѣе солидная научная подготовка и существовали особые офицерскіе классы, преобразованные въ настоящее время въ Артиллерійскую и Инженерную Академіи. Воспитанниками этихъ училищъ пополнялся въ незначительномъ числѣ офицерскій составъ артиллерійскихъ и саперныхъ частей.

Во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ полагалось по штату 8556 воспитанниковъ, но эта съ перваго взгляда большая цифра въ дѣйствительности была очень недостаточна для подготовки необходимаго для арміи числа офицеровъ. За десятилѣтіе съ 1845 по 1855 годъ, число воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній (безъ Артиллерійскаго и Инженернаго), кончавшихъ полный курсъ, составляло въ среднемъ лишь 7% всего числа воспитывавшихся въ этихъ заведеніяхъ [2]), а за все время царствованія Императора Николая Павловича изъ этихъ же учебныхъ заведеній было всего выпущено около 17.000 офицеровъ, что составитъ въ годъ около 560 человѣкъ или треть всего числа офицеровъ, потребныхъ для арміи. Да и эта треть почти исключительно поступала на укомплектованіе гвардіи и спеціальныхъ родовъ оружія.

---

[1]) „Педагогіи, какъ науки", пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о кадетахъ сороковыхъ годовъ Н. А. Крыловъ, „не было; объ ней въ кадетскихъ корпусахъ даже не помышляли. Насъ сѣкли, учили по программамъ въ классахъ и по уставамъ въ ротахъ. Выучивши, „выпускали въ офицеры, распредѣляли въ полки и батареи, гдѣ мы, въ свою очередь, учили „солдатъ не тому, что требуется на войнѣ, а въ то же время сами учились пить и въ карты „играть. „Бурса" Помяловскаго — ровесница кадетскихъ корпусовъ сороковыхъ годовъ. Въ то „время не удивлялись, какъ воспитываютъ наше духовенство для нравственныхъ проповѣдей „въ народѣ; никто не смѣлъ критиковать и ту систему, которая употреблялась для воспитанія „дворянъ на всѣ поприща государственнаго служенія". Истор. Вѣстн., 1901 г., кн. 9.

[2]) Лалаевъ. Историч. очеркъ военно-учеби. заведеній 1880 г.

Главный контингентъ офицеровъ армейской пѣхоты и кавалеріи пополнялся производствомъ дворянъ и вольноопредѣляющихся, поступившихъ по добровольному желанію на службу нижними чинами. Небольшая лишь часть этихъ лицъ принадлежала къ окончившимъ курсы различныхъ учебныхъ заведеній; большинство же изъ нихъ имѣло самое ограниченное общее домашнее образованіе или же принадлежало къ лицамъ, не окончившимъ курса кадетскихъ корпусовъ и гражданскихъ гимназій.

Намѣстникъ Кавказскій князь М. С. Воронцовъ.

Молодые люди эти при поступленіи на службу, т.-е. при зачисленіи ихъ юнкерами, должны были выдержать самый незначительный экзаменъ по общеобразовательнымъ предметамъ при штабѣ корпуса или при какомъ-нибудь кадетскомъ корпусѣ. Насколько ничтожны были въ этомъ отношеніи требованія, предъявлявшіяся будущимъ офицерамъ, можно судить по программѣ, установленной для юнкеровъ при штабѣ 2-го армейскаго корпуса уже въ 1857 году, послѣ Крымской кампаніи, которая, какъ извѣстно, дала сильный толчокъ къ увеличенію образовательнаго ценза нашихъ офицеровъ.

Эта программа [1]) обязывала довести по русскому языку юнкеровъ до той степени грамматически правильнаго и яснаго изложенія на бумагѣ своихъ мыслей, которое требуется отъ дѣловыхъ бумагъ. Знаніе ариѳметики должно было быть доведено до того, чтобы каждый численный житейскій или служебный вопросъ былъ рѣшаемъ безъ затрудненія. При изученіи исторіи обращалось особое вниманіе на указанія обучаемымъ, какимъ образомъ развивались главныя начала русской жизни: самодержавіе, православіе, народность. Что же касается французскаго и нѣмецкаго языковъ,

[1]) Записки П. К. Меньковa, т. II, стр. 224.

то они должны были составлять послѣдній предметъ занятій, и рекомендовалось стараться, чтобы юнкера умѣли хоть отличить книгу, написанную на одномъ языкѣ отъ написанной на другомъ. При этомъ никакихъ военныхъ познаній, кромѣ уставовъ, отъ офицеровъ армейской пѣхоты и кавалеріи не требовалось.

Князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій (съ грав. К. Майеръ, по портр. Крюгера).

Вся эта категорія лицъ получала офицерскіе чины уже безъ экзамена, по прослуженіи въ званіи унтеръ-офицера отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ для студентовъ, 2-хъ лѣтъ — для дворянъ и отъ 4-хъ до 12-ти лѣтъ — для прочихъ вольноопредѣляющихся, въ зависимости отъ правъ ихъ по состоянію [1]).

Легкость поступленія на службу унтеръ-офицеромъ или, какъ тогда называли, юнкеромъ на казенномъ содержаніи и легкость, такимъ образомъ, достиженія офицерскаго чина безъ экзамена привлекали на военную службу лицъ, которыя не могли найти другихъ средствъ къ существованію.

До производства въ офицеры въ полкахъ юнкерамъ также негдѣ было учиться и расширять свои научныя познанія, тѣмъ болѣе, что для самостоятельныхъ занятій не было никакихъ побудительныхъ причинъ: всякій зналъ, что будетъ произведенъ въ офицеры безъ экзамена. Живя на службѣ полковой жизнью и

---

[1]) По свидѣтельству командира Колыванскаго пѣхотнаго полка полковника Пересѣтова, напримѣръ, офицеры 10-й пѣхотной дивизіи были такъ малограмотны, что полковые командиры съ трудомъ могли выбирать полковыхъ адъютантовъ. „Восп. Г. Д. Щербачева". Русск. Арх., 1890 г., т. I.

принадлежа по рожденію и воспитанію къ офицерской средѣ, юнкера часто находились въ обществѣ офицеровъ, скуднымъ, благодаря разбросанности чуть ли не поодиночкѣ по глухимъ деревнямъ, въ умственномъ отношеніи и богатомъ кутежами и картежной игрой. Такая обстановка, само собою разумѣется, не могла содѣйствовать надлежащему направленію гибкой воли молодыхъ людей, избравшихъ себѣ военную карьеру.

Нижніе чины, поступавшіе по набору, могли быть произведены въ офицеры послѣ прослуженія въ званіи унтеръ-офицерскомъ отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ и по выдержаніи особаго экзамена при штабѣ дивизіи изъ катехизиса, чтенія, письма, ариѳметики (включительно до тройного правила), составленія бумагъ, относящихся къ обязанностямъ младшихъ офицеровъ, а также уставовъ гарнизоннаго, лагернаго, форпостной службы и строевого, до баталіоннаго ученія включительно [1]). Кромѣ того, всѣ унтеръ-офицеры общихъ сроковъ службы, представляемые къ производству въ офицеры, собирались на цѣлый годъ къ корпуснымъ штабамъ для испытанія ихъ по службѣ.

Унтеръ-офицеры, выполнившіе всѣ вышеуказанныя условія, могли отказаться отъ офицерскаго чина, и тогда они, состоя на службѣ, получали шевроны и двѣ трети прапорщичьяго жалованья. Послѣ прослуженія пяти лѣтъ со времени отказа отъ производства въ офицеры имъ давалась пожизненная пенсія въ размѣрѣ получаемаго ими содержанія.

Эта послѣдняя мѣра служила причиной тому, что очень многіе изъ унтеръ-офицеровъ, пройдя весь тотъ несложный искусъ, который требовался для производства въ офицеры, отказывались отъ чина, предпочитая воспользоваться представляемыми имъ преимуществами. Да и, дѣйствительно, матеріальное положеніе ихъ, при условіи солдатскихъ требованій, было несравненно лучше матеріальнаго положенія производимыхъ въ офицеры; они могли выйти съ пенсіей въ отставку почти на семь лѣтъ раньше, чѣмъ ихъ сверстники — офицеры. Къ тому же многихъ устрашала и жизнь въ совершенно непривычной имъ новой средѣ; офицерскій эполетъ не служилъ связью между дворяниномъ и простолюдиномъ, протянувшимъ солдатскую лямку около полутора десятковъ лѣтъ, и этотъ послѣдній всегда держался въ сторонѣ отъ остальнаго общества офицеровъ.

---

[1]) Св. В. Пост. 1838 г., ч. II, кн. I, ст. 611.

Число офицеровъ этой категоріи вообще было незначительно— около 9% общаго состава армейской пѣхоты и около 8% армейской кавалеріи [1]). Такимъ образомъ установившееся общее мнѣніе, что въ нашей арміи того времени было много офицеровъ изъ солдатъ, поступившихъ по набору, или „бурбоновъ", какъ ихъ тогда называли, не совсѣмъ справедливо; въ особенности это касается, какъ увидимъ ниже, полевыхъ войскъ.

Все изложенное выше о пополненіи арміи офицерами показываетъ, что корпусъ офицеровъ того времени, принадлежа по своему происхожденію почти въ полномъ составѣ къ одному дворянскому сословію, очень различался между собою въ отношеніи пріобрѣтеннаго какъ общаго, такъ и военнаго образованія. Незначительный контингентъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній представлялъ изъ себя ко времени производства въ офицеры людей съ достаточнымъ по тому времени общимъ и военнымъ образованіемъ; главная же масса офицеровъ, которая и давала тонъ армейской офицерской средѣ, отличалась, за немногимъ исключеніемъ, полнымъ отсутствіемъ общаго и военнаго образованія.

Но этотъ разнородный по умственной подготовкѣ составъ офицеровъ далеко не равномѣрно распредѣлялся по разнымъ частямъ нашихъ вооруженныхъ силъ. Въ то время, какъ гвардія и спеціальные роды оружія были почти исключительно укомплектованы офицерами изъ военно-учебныхъ заведеній, главныя составныя части нашихъ вооруженныхъ силъ — армейская пѣхота и кавалерія имѣли офицеровъ почти исключительно изъ юнкеровъ. Въ 1853 году, напримѣръ, изъ военно-учебныхъ заведеній въ гвардію и спеціальные роды оружія было выпущено 249 человѣкъ, а въ остальныя войска 206 человѣкъ; во время войны въ 1855 году это соотношеніе еще болѣе увеличилось въ пользу первой категоріи, куда было выпущено 430 человѣкъ изъ 678-ми окончившихъ курсъ [2]).

На армейскую пѣхоту приходилось 12% изъ окончившихъ кадетскіе корпуса, 9% производимыхъ изъ поступившихъ по набору и 79% изъ юнкеровъ.

Въ свою очередь, и въ армейской пѣхотѣ было замѣтно большое различіе въ составѣ офицеровъ между отдѣльными видами ея. Наилучшій составъ былъ въ гренадерскихъ и армейскихъ

---

[1]) Русск. Инв., 1863 г., № 81.
[2]) Всеподд. отч. Главн. нач. военн. уч. зав.

полкахъ и въ стрѣлковыхъ баталіонахъ; въ линейныхъ баталіонахъ составъ офицеровъ былъ уже значительно хуже, а во Внутренней Стражѣ совершенно слабый, при чемъ цѣлый рядъ лицъ, производимыхъ въ офицеры изъ учебныхъ войскъ, назначался исключительно въ эту послѣднюю. Такая неудовлетворительность корпуса офицеровъ Внутренней Стражи признавалась даже официально. Такъ, въ 1853 году, когда, по недостатку офицеровъ въ пѣхотѣ, повелѣно было прикомандировать туда офицеровъ изъ Внутренней Стражи, то въ перепискѣ по этому поводу встрѣчается цѣлый рядъ запросовъ о томъ, достойны ли они перевода въ армейскіе полки [1]).

Остается сказать еще нѣсколько словъ о подготовкѣ офицеровъ къ службѣ Генеральнаго штаба. Для этой цѣли въ 1832 году была учреждена Военная Академія, состоявшая изъ двухъ курсовъ, теоретическаго и практическаго. Офицеры поступали въ Академію по выдержаніи особаго, установленнаго экзамена, но до 1839 года допускался переводъ въ Генеральный штабъ и безъ прохожденія курса Академіи.

Сама Академія далеко не представляла изъ себя того первокласснаго высшаго учебнаго заведенія, которое впослѣдствіи дало Государству столько выдающихся дѣятелей на всѣхъ поприщахъ. Изъ нея, по словамъ современниковъ [2]), сдѣлали заведеніе школьниковъ. Отъ офицеровъ требовали не изученія предметовъ и обсужденія ихъ со всѣхъ сторонъ, а безусловнаго повторенія записокъ профессоровъ и ихъ учебниковъ.

Несмотря на незначительный штатъ Академіи (25—27 офицеровъ на курсѣ) въ ней не было полнаго комплекта слушателей, такъ какъ среди офицеровъ было мало желающихъ туда поступать. Съ 1852 года поэтому пришлось на много увеличить преимущества по службѣ, предоставляемыя успѣшно окончившимъ Академію, и, несмотря на это, въ арміи ощущался полный недостатокъ офицеровъ Генеральнаго штаба. Къ 1 января 1853 года всего налицо ихъ состояло 274 человѣка [3]). Во время войны этотъ недостатокъ чувствовался особенно сильно, и въ перепискѣ того времени между начальствомъ дѣйствующей арміи и военнымъ министромъ встрѣчается цѣлый рядъ просьбъ о присылкѣ офице-

---

[1]) Общ. Арх. Гл. шт., отд. 5, ст. I, 1857 г., д. № 174.
[2]) Зап. П. К. Менькова, т. II, стр. 21 и 23.
[3]) Всеподд. отч. Воени. Мин. за 1852 г.

ровъ Генеральнаго штаба „въ виду крайней въ нихъ необходимости“ [1]).

Вообще корпусъ офицеровъ того времени, по словамъ современниковъ [2]), отличался беззавѣтной храбростью, но зато и очень узкимъ военнымъ кругозоромъ, какъ слѣдствіе недостаточнаго военнаго образованія и воспитанія. Боязнь отвѣтственности и недостатокъ вѣры въ себя были причиной тому, что наши генералы и офицеры во время военныхъ дѣйствій не умѣли въ огромномъ большинствѣ случаевъ пользоваться благопріятными обстоятельствами и избѣгать неблагопріятныхъ. По словамъ многихъ современниковъ, въ этомъ заключалась причина большинства нашихъ неудачъ [3]).

VI.

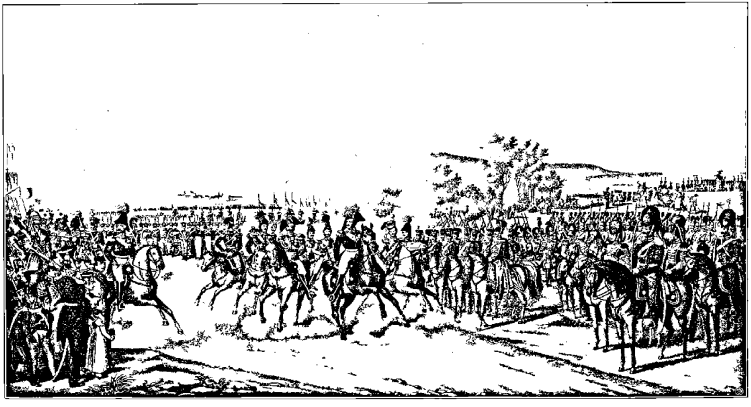
Къ 1853 году наша *пѣхота и кавалерія* были почти исключительно вооружены гладкоствольными, заряжавшимися съ дула кремневыми и ударными ружьями; лишь весьма незначительная часть имѣла ружья нарѣзныя, но также заряжавшіяся съ дула [4]).

Состоявшія въ то время на вооруженіи кремневыя гладкоствольныя ружья были образцовъ 1828 года (пѣхотное, саперное и драгунское) и 1833 года (казачье и кавалерійскій карабинъ). Калибръ всѣхъ этихъ ружей—7 линій [5]), прицѣлъ, не мѣняющійся для разныхъ дистанцій. Вѣсъ пѣхотнаго ружья со штыкомъ — $11\frac{1}{2}$ фунт., сапернаго и казачьяго также со штыкомъ—$9\frac{1}{3}$ фунт.; казачье ружье и карабинъ штыковъ не имѣли и вѣсили $6\frac{3}{4}$ фунт. Огонь заряду сообщался при помощи искры, происходившей отъ удара курка съ кремнемъ по огниву, которая зажигала порохъ, насыпанный на особой „полкѣ“.

Ударныя гладкоствольныя ружья образцовъ 1845 и 1852 гг. (пѣхотное), 1847 года (драгунское) и 1846 года (казачье) отличались отъ кремневыхъ главнымъ образомъ способомъ сообщенія огня заряду, которое производилось при посредствѣ удара курка по капсюлю.

---

[1]) Арх. Военн. Уч. Ком., отд. II, д. № 3713.
[2]) Арх. Канц. Военн. Мин., секр. д. 1854 г., № 150. Дон. Военн. Мин. кап. Эльстона.
[3]) Тамъ же.
[4]) Рук. къ арт. сл., изд. 1853 г.
[5]) Калибръ иностранныхъ ружей былъ менѣе 6 лин., что давало имъ большую дальность и настильность сравнительно съ нашими.



Николай I со свитой на маневрахъ (съ нѣмецкой гравюры, по рисунку Клейста).

Нарѣзное оружіе состояло изъ штуцеровъ стрѣлковыхъ баталіоновъ образца 1843 года (Литтихскій) и Гартунга, оба ударные, и кавалерійскихъ кремневыхъ штуцеровъ образца 1818 года. Первые имѣли по два широкихъ винтообразныхъ нарѣза, послѣдній—восемь винтовыхъ нарѣзовъ. Калибръ также 7 линій [1]), прищѣлы на разныя дистанціи. Вѣсъ Литтихскаго штуцера со штыкомъ былъ почти 13 фунт.; штуцеръ Гартунга былъ передѣланъ изъ драгунскаго ружья и отличался очень плохими качествами [2]). Пули для гладкихъ ружей, сферическія свинцовыя, вѣсомъ въ 6 зол. 56 дол., и для Литтихскихъ штуцеровъ, цилиндрострѣльчатыя, вѣсомъ въ 7 зол. и 75 дол.

Изъ гладкоствольнаго оружія можно было стрѣлять въ пѣхотѣ до 300 шаг., изъ драгунскихъ ружей до 250 шаг. и изъ карабиновъ до 200 шаг., при чемъ вѣроятность попаданія въ мишень въ ростъ человѣка доходила: изъ пѣхотныхъ ружей на 200 шаг.—до 50% и на 300 шаг.—до 30%, изъ кавалерійскихъ карабиновъ—до 40% и 16%. Свыше указанныхъ разстояній стрѣльба считалась невѣрной и сила удара пули недостаточной. Эти офиціальныя свѣдѣнія были, впрочемъ, опровергнуты опытами, которые производились подъ Севастополемъ во время Крымской кампаніи и которые показали возможность стрѣльбы изъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей до 600 шаг. съ вполнѣ достаточной силой удара [3]). Дальность прямого выстрѣла была 150—200 шаг., при стрѣльбѣ же на большія разстоянія приходилось мѣнять точку прицѣливанія.

Штуцера давали возможность стрѣлять—пѣхотные на 1120 шаг., а кавалерійскіе на 400 шаг., при чемъ вѣроятность попаданія изъ Литтихскихъ штуцеровъ въ мишень человѣческаго роста была: съ 500 шаг.—55%, съ 600 шаг.—50% и съ 800 шаг.—27%.

Заряжаніе ружей было крайне медленное и неудобное и могло производиться, только стоя; потеря шомпола ставила солдата въ невозможность стрѣлять. Самый процессъ заряжанія производился въ 12 пріемовъ; для этого надо было скусить бумагу патрона, высыпать порохъ изъ патрона въ дуло, опустить пулю въ стволъ, дослать ее и прибить шомполомъ, затѣмъ насыпать у кремневыхъ ружей порохъ на полку, а у ударныхъ одѣть капсюль. Заряжаніе

---

[1]) Кавалерійскій штуцеръ—$6^3/_4$ линіи.
[2]) Рукоп. зап. Н. Н. Муравьева за 1853 г. Собств. Гр. Гр. Черткова.
[3]) Рукоп. дневн. к.-л. Асланбекова. Севаст. музей.

штуцеровъ требовало особой тщательности, такъ какъ пули своими выступами вводились въ нарѣзы ствола, а въ кавалерійскихъ штуцерахъ онѣ еще обертывались пластыремъ. Особенно трудно было заряжать ихъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, когда нагаръ покрывалъ внутренность нарѣзовъ и дѣлалъ почти невозможнымъ вхожденіе пули въ стволъ [1]).

Скорость стрѣльбы изъ кремневыхъ ружей была около одного выстрѣла въ минуту, да и то въ хорошую погоду; въ дурную же порохъ на полкѣ дѣлался сырымъ и иногда вовсе не загорался. Стрѣльба изъ ударныхъ ружей производилась немного скорѣе.

Для полной характеристики ружей того времени слѣдуетъ упомянуть и о невозможномъ обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое дѣлало его совершенно непригоднымъ для главнаго назначенія—стрѣльбы. Солдатъ, по ходу самаго обученія и предъявляемыхъ ему требованій, полагалъ, что ружье ему дано главнымъ образомъ для ружейныхъ пріемовъ и отчасти для дѣйствія штыкомъ; на стрѣльбу же онъ смотрѣлъ, какъ на вещь второстепенную. Съ своей стороны начальствующія лица съ преступной халатностью относились къ сохраненію оружія и къ вкорененію у нижнихъ чиновъ правильнаго понятія о назначеніи и сбереженіи ружей. Съ ними обращались такъ, чтобы сдѣлать ихъ лишь болѣе пригодными къ щегольскимъ, звенящимъ ружейнымъ пріемамъ и придать имъ наружный блескъ.

Чтобы лучше отбивались темпы при исполненіи ружейныхъ пріемовъ, винты въ ружьяхъ нарочно расшатывались, затравки буквально разсверливались и выполировывались. Внутренность стволовъ была окончательно испорчена неумѣлой чисткой. Все это дѣлало наши ружья не только совершенно непригодными къ цѣльной стрѣльбѣ, но и небезопасными вообще при стрѣльбѣ изъ нихъ [2]).

Артиллерійскіе штабъ-офицеры, ежегодно осматривавшіе въ войскахъ оружіе, относились къ этому дѣлу совершенно безучастно, а между тѣмъ на нихъ лежала обязанность распространенія среди войскъ правильнаго взгляда на сбереженіе и опрятность оружія [3]). Ружья со сломанными штыками, со стволами тонкими, какъ листъ

---

[1]) Записки и разсказы современниковъ.

[2]) Русск. Стар., дек. 1900 г. „Изъ зап. стар. Преобр. кн. Н. К. Имеретинскаго". Алабинъ. „Четыре войны", стр. 1—8. Русск. Арх. 1884 г., № 6. „Изъ зап. стар. Преобр.".

[3]) Русск. Стар., дек. 1900 г. „Изъ зап. кн. Н. К. Имеретинскаго".

жести, и испещренными раковинами составляли оборонительное и наступательное вооруженіе нашей пѣхоты [1]).

Высшія начальствующія лица, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, не только не обращали никакого вниманія на сохраненіе ружей въ пригодномъ для стрѣльбы видѣ, но, напротивъ, своими требованіями доводили извращенное понятіе въ войскахъ о назначеніи и содержаніи ружей до чудовищныхъ размѣровъ [2]). Донесенія же о состояніи ружей сводились къ удостовѣренію объ ихъ исправности [3]).

И только съ открытіемъ военныхъ дѣйствій начались въ обиліи со всѣхъ сторонъ жалобы на никуда негодное состояніе ружей, которыя „безъ явной опасности рѣшительно въ дѣло не „годились". Такими жалобами наполнены въ нашихъ архивахъ обширныя дѣла [4]).

Къ 1 января 1853 года [5]) Гвардейскій и 2-й армейскій пѣхотные корпуса были вооружены новыми ударными ружьями; гренадерскій, 1-й, 3-й, 4-й и 5-й корпуса и 17-я дивизія 6-го корпуса—ударными, передѣланными изъ кремневыхъ; остальныя части пѣхоты—кремневыми ружьями. Всѣ стрѣлковые баталіоны имѣли Литтихскіе штуцера и, кромѣ того, по 24 застрѣльщика въ каждомъ изъ баталіоновъ дѣйствующей пѣхоты были вооружены штуцерами Гартунга или Литтихскими. Саперные баталіоны имѣли драгунскія ружья и по 24 штуцера Гартунга на каждый баталіонъ. Драгуны имѣли ружья драгунскаго образца и по 15 человѣкъ въ каждомъ эскадронѣ штуцера Гартунга; кирасиры, уланы и гусары имѣли карабины, а фланговые ряды во взводахъ уланъ и гусаръ—штуцера. Во всей кавалеріи, за исключеніемъ Гвардейскаго и 2-го резервнаго кавалерійскаго корпусовъ, ружья были кремневыя.

Вооруженіе значительной части нашей дѣйствующей пѣхоты кремневыми ружьями является непонятнымъ, такъ какъ къ 1 января 1853 года въ нашей арміи было уже изготовлено 790.044 ударныхъ ружья, число, съ избыткомъ хватающее на снабженіе всей дѣйствующей пѣхоты [6]).

---

[1]) „Записки П. К. Менькова", т. II, стр. 111.
[2]) Приказы по частямъ 1-й гв. пѣх. див. и нѣкоторымъ другимъ.
[3]) Рап. ген.-ад. Лидерса 1 марта 1853 г., № 226. Арх. К. В. Мин. по сн. в. 1852 г., д. № 11, ч. I.
[4]) Общ. Арх. Гл. шт., 6 отд., 1 ст., 1855 г., № 315 и В. Уч. Арх. Гл. шт., отд. 2, 1855 г., № 3626.
[5]) Всеподд. отч. В. Мин. за 1851, 1852 и 1853 гг.
[6]) Всеподд. отч. за 1851 и 1852 гг.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ треть французской и половина англійской армій были вооружены къ началу войны нарѣзнымъ оружіемъ, и ихъ штуцера мѣтко стрѣляли на 800 до 1200 шаговъ, мы въ каждомъ корпусѣ имѣли вооруженныхъ штуцерами по одному стрѣлковому баталіону и по 96 человѣкъ въ полку, что составляло въ цѣломъ корпусѣ 1810 штуцеровъ на 42.208 ружей, т.-е. лишь $^1/_{23}$ часть всей дѣйствующей пѣхоты.

Преимущество союзниковъ въ вооруженіи производило во время начавшихся военныхъ дѣйствій тяжелое нравственное впечатлѣніе на наши войска и въ особенности на начальствующихъ лицъ.

Наша легкая артиллерія, по ихъ донесеніямъ, едва успѣвала сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, какъ лишалась большей части своей прислуги и лошадей; что касается до нашихъ ружей, то ихъ прямо исключали изъ отдѣла огнестрѣльнаго оружія. Но въ то же время въ этихъ жалобахъ проглядывала традиціонная боязнь увлеченія огнемъ [1]) и увѣренность въ невозможности соединить въ одномъ солдатѣ умѣніе дѣйствовать огнемъ и штыкомъ. „Увеличеніе числа штуцеровъ", доносилось военному министру, „на „столько же увеличитъ у насъ число стрѣлковъ, разсчитывающихъ „на свою пулю, на сколько уменьшитъ число солдатъ, работающихъ „штыкомъ".

Въ чемъ же заключалась причина такого съ нашей стороны пренебреженія къ усовершенствованному нарѣзному оружію? Трудно согласиться съ мнѣніемъ многихъ, что мы „прозѣвали" введеніе нарѣзного оружія въ иностранныхъ арміяхъ. Оно для насъ не было новостью, такъ какъ еще во времена Екатерины II часть егерскихъ баталіоновъ была вооружена такимъ оружіемъ [2]), да и наши военные агенты за границей еще за нѣсколько лѣтъ до войны предупреждали наше правительство о перевооруженіи армій сосѣднихъ государствъ [3]). Нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, что и Государь Николай Павловичъ отрицалъ положительныя свойства усовершенствованнаго оружія. Кромѣ показанія весьма пристрастнаго въ своихъ разсказахъ современника, генерала Докудовскаго [4]), въ офиціальныхъ источникахъ не встрѣчается никакого намека на подтвержденіе этого мнѣнія.

---

[1]) Арх. Канц. Военн. Мин., 1854 г., секр. д., № 150. Рап. военн. мин-ру кап. Эльстона.
[2]) Богдановичъ. Истор. оч. военн. упр. 1855—1880 гг.
[3]) Донес. ген. Штакельберга. Арх. К. В. Мин., 1853 г., секр. д. № 16.
[4]) Восп. Докудовскаго, стр. 212.

Скорѣе есть основаніе предполагать, что мысль о скорѣйшемъ введеніи штуцеровъ безпокоила Государя. „Наслѣдникъ сказалъ „мнѣ", занесъ въ свой дневникъ за 1853 годъ Н. Н. Муравьевъ [1]), „что у Государя давно намѣреніе снабдить стрѣлковые баталіоны „швейцарскими штуцерами новаго изобрѣтенія малаго калибра „и тогда Литтихскіе передать въ пѣхоту, а также отпустить „швейцарскихъ штуце„ровъ и въ гусарскіе „полки".

Окрестности Нарвы
(съ франц. грав., по рис. Кленце).

Изъ всей переписки Государя и записокъ современниковъ видно, что онъ во время своихъ многочисленныхъ смотровъ войскамъ обращалъ вниманіе на обученіе стрѣльбѣ и лично смотрѣлъ стрѣльбу въ цѣль [2]).

„Смотрами и ученіями гвардіи", писалъ Государь князю Варшавскому 25 іюля 1852 г. [3]), „былъ я отмѣнно доволенъ; стрѣляли „въ цѣль артиллерія и пѣхота изумительно хорошо, отрадно!"

Причиной нашей отсталости въ вооруженіи слѣдуетъ скорѣе признать традиціонное направленіе нашей тактики, проповѣдовавшей энергичное наступленіе и атаку холоднымъ оружіемъ, при содѣйствіи подготовки атаки лишь огнемъ артиллеріи. На увлеченіе стрѣльбой смотрѣли, какъ на вещь, противодѣйствующую энергіи и порыву атаки [4]) и деморализующую войска. Таково было мнѣніе большинства людей и не только людей общаго уровня, но даже и выдающихся боевыхъ военныхъ дѣятелей.

Когда въ 1834 году въ Петербургѣ, послѣ удачныхъ опытовъ съ ружьемъ Роберта, отличавшимся большей скорострѣльностью, предполагали вооружить имъ нашу пѣхоту, то Муравьевъ докладывалъ Великому Князю Михаилу Павловичу, что „введеніемъ сего „ружья сдѣлаютъ совершенно противное тому, что надобно (ибо

---

[1]) Рукоп. зап. Н. Н. Муравьева. Собств. Гр. Гр. Черткова.
[2]) Рукоп. зап. одного изъ современниковъ.
[3]) Собств. Его Вел. библ., Рукоп. отд., карт. 115, портф. 14.
[4]) Рап. кап. Эльстона военн. мин. Арх. К. В. Мин. 1854 г., секр. д., № 150.

„и нынѣ уже пѣхота наша безъ мѣры и надобности стрѣляетъ), „что привычку сію надобно бы извести въ войскахъ, а не „усиливать оружіемъ, дающимъ способъ къ сему; что у насъ съ „симъ ружьемъ войска перестанутъ драться, и не достанетъ ни„когда патроновъ“ [1]).

Если обратить вниманіе на исторію развитія огнестрѣльнаго оружія за истекшія послѣ Крымской войны пятьдесятъ лѣтъ, то вышеприведенные взгляды Муравьева встрѣтятся въ той или другой формѣ не одинъ разъ, да и въ настоящее время навряд ли можно отказать имъ въ нѣкоторыхъ правахъ гражданства [2]).

Нельзя также признать справедливымъ мнѣніе, что болѣе усовершенствованное оружіе нашихъ враговъ было главной причиной нашихъ неудачъ. Послѣ Крымской войны въ двухъ Европейскихъ войнахъ, Франко-Прусской и Русско-Турецкой, побѣдителями оказались стороны, хуже вооруженныя! Среди всѣхъ невзгодъ Крымской эпопеи недостатокъ нашего вооруженія занималъ во всякомъ случаѣ не первое мѣсто.

Кромѣ оружія, состоявшаго въ мирное время въ употребленіи въ войскахъ, полагалось имѣть запасъ его въ складахъ артиллерійскаго вѣдомства [3]), какъ для снабженія имъ людей, призываемыхъ при мобилизаціи для пополненія дѣйствующихъ, резервныхъ и запасныхъ войскъ, такъ и на случай сформированія новыхъ частей войскъ, для текущихъ потребностей и проч. Но къ 1 января 1853 года [4]) въ дѣйствительности запасъ ружей едва достигалъ половины того, который полагалось содержать [5]); что же касается до качества ружей, то, какъ выше уже было замѣчено, большинство изъ нихъ было непригодно для стрѣльбы.

Ручное огнестрѣльное оружіе приготовлялось у насъ на трехъ оружейныхъ заводахъ: Сестрорѣцкомъ (близъ С.-Петербурга), Тульскомъ и Ижевскомъ (Вятской губерніи). Производительность этихъ заводовъ вполнѣ обезпечивала потребность арміи [6]).

Огнестрѣльныхъ припасовъ полагалось имѣть [7]) въ пѣхотѣ на каждое ружье 100 патроновъ (60 въ сумкѣ и 40 въ патронныхъ ящикахъ) и у драгунъ 70 (40 въ лядункѣ и 30 въ

---

[1]) Дневн. Н. Н. Муравьева. Русск. Арх. 1894 г., кн. 3.
[2]) Писано до Русско-Японской войны 1904—1905 годовъ.
[3]) По положенію 1850 г. Всеподд. отч. за 1851 и 1852 гг.
[4]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1852 г.
[5]) См. вѣдом. въ приложеніи № 169.
[6]) Записка ген.-ад. Ростовцова Наслѣдн. Цес. 31 мая 1853 г. Рукоп. Арх. П. Я. Дашкова.
[7]) См. подробн. вѣд. въ приложеніи № 170.

ящикѣ); въ парковыхъ же запасахъ состояло на каждое пѣхотное ружье дѣйствующихъ войскъ по 24, а на каждый штуцеръ только по 17 патроновъ.

Такое распредѣленіе запасовъ никоимъ образомъ не могло соотвѣтствовать дѣйствительной потребности. Застрѣльщики, вооруженные штуцерами, шли обыкновенно въ дѣло съ самаго начала и вели преимущественно огнестрѣльный бой, тогда какъ баталіоны открывали огонь гораздо рѣже. Запасъ штуцерныхъ патроновъ оказывался поэтому недостаточнымъ, а число патроновъ для пѣхотныхъ ружей превышало дѣйствительную въ нихъ потребность. И, въ самомъ дѣлѣ, уже въ декабрѣ 1853 года князь М. Д. Горчаковъ возбудилъ ходатайство объ увеличеніи въ парковыхъ запасахъ вдвое количества штуцерныхъ патроновъ [1]).

Вообще существовавшій передъ войной въ нашей высшей военной администраціи расчетъ, что „для одной кампаніи въ европейской войнѣ *весьма достаточно* имѣть на каждое ружье не „болѣе 140 патроновъ“ [2]), былъ основательно опровергнутъ наступившей кампаніей.

VII.

Вооруженіе полевой артиллеріи [3]) къ 1853 году состояло изъ 6-ти, 12-ти фунтовыхъ пушекъ и $^1/_4$ и $^1/_2$ пудовыхъ единороговъ; эти послѣдніе представляли изъ себя собственно укороченную пушку, приспособленную главнымъ образомъ для стрѣльбы разрывными снарядами. Единороги были годны къ тому же и для навѣсной стрѣльбы подъ небольшими сравнительно углами возвышенія.

Всѣ орудія полевой артиллеріи были мѣдныя, гладкостѣнныя и заряжающіяся съ дула; огонь сообщался черезъ скорострѣльную трубку посредствомъ фитиля. Въ 1853 году на вооруженіи были орудія системы 1838 года и разныхъ системъ, проектированныхъ до этого года [4]). Орудія всѣхъ этихъ системъ мало отличались другъ отъ друга.

Всѣ полевыя орудія стрѣляли картечью и, кромѣ того, 6-ти фунтовая пушка—ядрами ($6^7/_8$ ф. вѣс.), 12-ти фунтовая—

---

[1]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/и, за 1853 г.
[2]) Арх. К. В. Мин. по сн. в. 1852 г., д. № 15. Отн. Инсп. вс. арт., 9 апр. 1853 г.
[3]) Всѣ числовыя данныя о вооруженіи нашей полевой артиллеріи см. прилож. № 171.
[4]) Рук. къ арт. службѣ, изд. 1853 г. *Цессель.* Курсъ артилл., изд. 1852 и 1857 гг.

ядрами (14½ ф. вѣс.) и картечными гранатами, единороги — обыкновенными (вѣсомъ 10 и 20 фунт.) и картечными гранатами.

Всѣ снаряды были чугунные, сферическіе. Обыкновенныя гранаты были пустотѣлыя, начиненныя порохомъ; онѣ рвались на 8-10 кусковъ, которые разбрасывались на 80-300 саженей. Картечныя гранаты начинялись свинцовыми ружейными пулями, убивавшими человѣка въ 100 саж. отъ мѣста разрыва.

Скорость стрѣльбы доходила до 1½-2 выстрѣловъ въ минуту изъ 6-ти фунтовыхъ пушекъ и до 1-1½ выстрѣловъ изъ прочихъ орудій. Наибольшей мѣткостью отличались 12-ти фунтовыя

Типы кавказскихъ войскъ.

пушки и полупудовые единороги, при чемъ наибольшій предѣлъ попадаемости въ мишень размѣровъ взводной колонны на 400 саж. дистанціи при стрѣльбѣ ядрами и обыкновенными гранатами былъ изъ первыхъ 56% и изъ вторыхъ 40%, а на 500 саж. — 38% и 22%.

При стрѣльбѣ на бо̀льшія дистанціи преимущественно употреблялись гранаты или же стрѣльба настильно-рикошетными выстрѣлами; лучшими результатами стрѣльбы этого послѣдняго вида считалось попаданіе отъ 25% до 30% выпущенныхъ снарядовъ. Стрѣльба картечною гранатою была менѣе мѣтка и давала для 6-ти фунтовой пушки на 300 саж. — 26% попаданій, а на 500-600 саж. — 15%; изъ 12-ти же фунтовой на эту послѣднюю дистанцію попадало всего 12%.

Предѣльной дальностью для картечнаго выстрѣла считалось 250-300 саж. при 21% попаданій.

При такихъ свойствахъ артиллерійскаго огня этотъ родъ оружія не могъ служить тѣмъ могущественнымъ орудіемъ для подготовки атаки, какимъ онъ безспорно является въ настоящее время. И, дѣйствительно, въ сраженіи подъ Алмой непріятельскіе стрѣлки не дали даже приблизиться нашей батареи 17-й бригады на дистанцію хорошаго прицѣльнаго выстрѣла, выведя въ самое короткое время изъ строя 50% людей и лошадей убитыми и ранеными. При наступленіи же нашихъ войскъ, какъ, напримѣръ, это было въ Инкерманскомъ сраженіи, огонь легкихъ батарей становился столь слабымъ, что пѣхотѣ приходилось прокладывать себѣ дорогу штыками и огнемъ своихъ гладкоствольныхъ ружей, безъ содѣйствія артиллеріи.

Но если въ отношеніи ручного оружія мы на много отстали отъ нашихъ враговъ, то въ отношеніи артиллеріи этой разницы не было, и наша артиллерія „по мѣткости своей стрѣльбы и по „спокойствію прислуги оказалась на много выше непріятельской“ [1]).

Различныя свойства орудій, входившихъ въ составъ полевой артиллеріи, вызвали необходимость организаціи разнообразнаго вида батарей. Въ полевыхъ войскахъ такимъ образомъ у насъ были батарейныя батареи, въ составъ которыхъ входили 12-ти фунтовыя пушки и $^1/_2$ пудовые единороги, а также легкія и конныя батареи — изъ 6-ти фунтовыхъ пушекъ и $^1/_4$ пудовыхъ единороговъ.

Лафеты для полевыхъ орудій были деревянные, съ одинаковыми для всѣхъ системъ передками; зарядные ящики двухколесные, съ оглобленной упряжкою и не приспособленные къ посадкѣ на нихъ прислуги. Орудія легкихъ батарей запрягались четырьмя лошадьми, а батарейныхъ и конныхъ шестью лошадьми; на ящики полагалось по три лошади. На каждую лошадь такимъ образомъ приходилось груза въ пѣшей артиллеріи отъ $20^1/_4$ до $18^2/_3$ пуда (безъ прислуги и ѣздовыхъ), а въ конной около 14 пудовъ. Такую нагрузку, принимая въ особенности въ расчетъ еще грузъ прислуги и утомленіе лошадей въ военное время, слѣдуетъ для пѣшей артиллеріи признать чрезмѣрной. Открывшаяся кампанія, дѣйствительно, по словамъ современниковъ [2]), указала на малую подвижность нашей артиллеріи.

---

[1]) Арх. Канц. В. Мин., 1854 г., секр. д., № 150. Изъ донес. кап. Эльстона военному министру.

[2]) Арх. Канц. Военн. Мин., 1854 г., секр. д., № 150.

Въ военное время на каждое батарейное орудіе полагалось по три и на каждое легкое орудіе по два зарядныхъ ящика. Это позволяло возить на каждое орудіе въ передкахъ и зарядныхъ ящикахъ отъ 120 до 170 снарядовъ [1]). Кромѣ того, въ подвижныхъ паркахъ къ 1 января 1853 года состояло снарядовъ на каждое орудіе по расчету военнаго времени около 100 штукъ и въ мѣстныхъ паркахъ — около 350, т.-е. на каждое полевое орудіе имѣлось въ запасѣ около 450 снарядовъ, что съ избыткомъ превосходило положенную норму.

Что касается до состоянія, въ которомъ въ дѣйствительности находилась матеріальная часть нашей полевой артиллеріи передъ войной, то, къ сожалѣнію, приходится повторить то же, что выше говорилось о состояніи ручного огнестрѣльнаго оружія [2]). То же преступное нерадѣніе начальствующихъ лицъ, единственная забота которыхъ была направлена, кажется, къ тому, чтобы представить Государю свои части въ наружномъ блескѣ и тѣмъ избѣжать его законнаго гнѣва.

Запасъ полевой артиллеріи для частей, не содержащихся въ мирное время, и для обыкновенныхъ расходовъ полагался въ 1622 орудія [3]); къ 1-му же января 1853 года налицо состояло орудій въ запасѣ лишь 1272. Такой некомплектъ произошелъ отъ переформированія батарей 2, 3 и 4 пѣхотныхъ корпусовъ въ 12-ти орудійный составъ, отъ новаго формированія пѣшихъ резервныхъ и конныхъ запасныхъ батарей и отъ замѣны артиллеріи прежней конструкціи.

Въ составъ *осадной артиллеріи* входили 24-хъ и 18-ти фунтовыя пушки, пудовые единороги, ½, 2-хъ и 5-ти пудовыя мортиры [4]). Всѣ эти орудія были мѣдныя, заряжаемыя съ дула.

Наибольшая мѣткость стрѣльбы изъ пушекъ и единороговъ опредѣлялась 50% попаданій на 350 саж. въ мишень, длиною въ 2 саж. и вышиною въ 9 футъ.

Снаряды для всѣхъ орудій были сферическіе, чугунные. Изъ пушекъ стрѣляли только сплошными ядрами, изъ единороговъ гранатами, изъ мортиръ бомбами. Гранаты и бомбы были одинаковаго устройства, съ пустотою и разрывнымъ зарядомъ внутри,

---

[1]) См. прилож. № 172 и Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3321.
[2]) Восп. Г. Д. Щербачева. Русск. Арх. 1890 г., т. I, ст. 256.
[3]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1852 г.
[4]) См. приложеніе № 173.

при чемъ гранатами назывались снаряды, вѣсившіе менѣе одного пуда, а бомбами — болѣе.

Для обороны *крѣпостей* [1]) употреблялись всѣ орудія, какъ новѣйшихъ, такъ и старыхъ образцовъ, входившія въ составъ осадной и полевой артиллеріи, и, кромѣ того, 36-ти фунтовыя и 3-хъ пудовыя бомбовыя пушки.

Всѣ эти орудія были чугунныя, гладкостѣнныя, заряжаемыя съ дула; изъ мѣди были только $^1/_2$ пудовыя и часть 5-ти пудовыхъ мортиръ для приморскихъ крѣпостей.

Въ Севастополѣ преимущественно для сильнаго картечнаго огня употреблялись во время Восточной войны еще каронады, т.-е. пушки для прицѣльной стрѣльбы на близкихъ разстояніяхъ. Онѣ были 12-ти, 18-ти, 36-ти и 68-ми фунтовыя и, за недостаткомъ мортиръ, примѣнялись также для навѣсной стрѣльбы. Съ этой цѣлью каронадамъ придавали искусственнымъ образомъ углы возвышенія до 30^0.

Мѣткость крѣпостныхъ орудій [2]) допускала попаданіе около 50% ядрами въ мишень около 14 футъ длины и 9 футъ высоты, на разстояніи отъ 250 до 400 саж., въ зависимости отъ образца орудія. Наибольшая досягаемость 3-хъ пудовой бомбовой пушки была 2085 саж. и пудового единорога—1700 саж.

Стрѣльба рикошетная при благопріятныхъ условіяхъ производилась на разстояніи до 1000 саж. Стрѣльба картечными бомбами изъ бомбовыхъ пушекъ производилась на разстояніи до 1100 саж.

Въ приморскихъ крѣпостяхъ противъ флота можно было дѣйствовать изъ 18-ти, 24-хъ, 30-ти и 36-ти фунтовыхъ пушекъ съ 1500 саж., изъ 3-хъ пудовыхъ бомбовыхъ—съ 1700 саж., изъ пудовыхъ единороговъ—съ 1300 саж.

Скорость стрѣльбы изъ крѣпостныхъ орудій при полномъ числѣ номеровъ была слѣдующая: изъ пушекъ въ 2 минуты—отъ 1-го до 2-хъ выстрѣловъ, изъ единороговъ—1 выстрѣлъ и изъ бомбовыхъ пушекъ въ 3 минуты—1 выстрѣлъ [3]).

Снаряды въ крѣпостной артиллеріи употреблялись такого же рода, какъ въ осадной и полевой, но, кромѣ того, примѣнялись: брандскугели, т.-е. бомбы, начиненныя, вмѣсто пороха, кусками

---

[1]) См. приложеніе № 174.
[2]) См. приложеніе № 174.
[3]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4277.

зажигательнаго состава, который загорался при выстрѣлѣ и при полетѣ снаряда билъ струею изъ 3—5 отверстій, дѣлаемыхъ въ снарядѣ; каленыя ядра для стрѣльбы по деревяннымъ судамъ, которыя калились въ особыхъ ядрокалительныхъ печахъ и имѣли свойство при попаданіи даже въ совершенно сырое дерево тотчасъ же его зажигать; гранатная картечь для стрѣльбы до 150 саж., заключавшая въ картечномъ корпусѣ 8-ми и 3-хъ фунтовыя гранаты, ручныя гранаты, 3-хъ фунтоваго калибра, которыя употреблялись въ послѣдній періодъ обороны на разстояніи не болѣе 17 саж.

Къ числу вооруженія крѣпостей принадлежали также и крѣпостныя ружья, предназначавшіяся больше всего для борьбы съ непріятелемъ, ведущимъ передъ крѣпостью саперныя работы.

Калибръ этихъ ружей $8^1/_3$ лин., вѣсъ около $26^1/_2$ фунт., вѣсъ пули 13,42 зол. Заряжались ружья съ казны и имѣли каналъ съ нарѣзами. Мѣткость такихъ ружей была незначительна: въ мишень около 1 саж. въ квадратѣ на 600 шаговъ попадало отъ 10% до 15%.

Крѣпостные штуцера, сохраняя тотъ же калибръ, имѣли болѣе тяжелую пулю (17,9 зол.) и заряжались съ дула. Своими балистическими свойствами они значительно превосходили ружья. Мѣткость штуцеровъ была хороша: въ мишень вышеприведенныхъ размѣровъ на 600 шаговъ попадало 93% и на 900 шаговъ 58% выпущенныхъ пуль.

Всего положено было имѣть въ крѣпостяхъ 2630 крѣпостныхъ ружей, состояло же въ дѣйствительности около половины. Что касается до крѣпостныхъ штуцеровъ, то они были заказаны въ Льежѣ, но, въ виду начавшейся войны, не были къ намъ доставлены [1]).

Слѣдуетъ упомянуть еще о появившихся во время Крымской войны у союзниковъ ракетахъ, которыя они бросали съ большого разстоянія преимущественно съ цѣлью производства пожаровъ. У насъ, въ Севастополѣ, также было организовано ракетное отдѣленіе, но оно, просуществовавъ нѣсколько мѣсяцевъ и не будучи ни разу примѣнено въ дѣло, было расформировано [2]).

Артиллерійскія орудія главнымъ образомъ изготовлялись: мѣдныя — на С.-Петербургскомъ и Брянскомъ арсеналахъ, а чу-

---

[1]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254. Письмо военн. мин. кн. Меншикову 25 января 1854 г.

[2]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254. Письмо кн. Меншикова военн. мин. отъ 4 мая 1854 г. и зап. Г. Д. Щербачева. Русск. Арх.

гунныя — на чугунно-литейномъ Александровскомъ заводѣ въ Петрозаводскѣ и на заводахъ Верхне-Туринскомъ и Камско-Воткинскомъ.

Но и крѣпостная артиллерія по своему состоянію въ дѣйствительности находилась не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ остальные роды оружія [1]). „Въ Севастополѣ", говорится въ запискѣ, поданной князю Меншикову въ январѣ 1854 года [2]), „по малочисленности гарнизона невозможно назначить къ орудіямъ того „числа людей, которое необходимо для безостановочнаго дѣйствія изъ оныхъ; если же при этомъ принять въ соображеніе „тяжесть большихъ калибровъ, неповоротливость лафетовъ, необходимость всякій разъ при заряжаніи входить по ступенькамъ „на поворотную платформу, наконецъ, отдаленность пороховыхъ „погребовъ, то, конечно, отъ приморскихъ батарей можно ожидать самой рѣдкой стрѣльбы. При такой медленности стрѣльбы „въ особенности важно имѣть ручательство въ вѣрности выстрѣловъ, а между тѣмъ по самому способу дѣйствія изъ крѣпостныхъ орудій трудно ожидать мѣткой пальбы по быстро движущемуся судну; наводить орудіе можно не иначе, какъ стоя на „поворотной платформѣ, стрѣлять же только тогда, когда номеръ, „наводившій орудіе, поставитъ трубку и успѣетъ сойти внизъ, на „что нужно время. Номеръ съ пальникомъ сообщаетъ огонь заряду, стоя на скамейкѣ, сбоку орудія; но при употребленіи „фитиля и даже палительной свѣчи случается, нерѣдко, что мяконъ нѣсколько отсырѣвшей скорострѣльной трубки загорается „только по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, а этого времени „уже достаточно для непріятельскаго судна, чтобы выйти изъ„подъ дѣйствія выстрѣла"...

Порохомъ армія наша снабжалась изъ трехъ заводовъ: Охтенскаго, Шостенскаго и Казанскаго. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія всѣ три завода вмѣстѣ могли изготовлять въ годъ около 85.000 пудовъ пороха. Самые заводы къ этому времени были въ очень разстроенномъ состояніи — строенія ветхи, машины плохи, контроль слабъ [3]).

Запаса пороха [4]) полагалось имѣть въ готовомъ видѣ около 500.000 пудовъ и въ матеріалахъ на 125.000 пудовъ, но къ

---

[1]) Арх. Морск. Мин., Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 45.
[2]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4277.
[3]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1850 г.
[4]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1852 г.

1 января 1853 года не хватало около 96.000 пудовъ готоваго пороха и матеріаловъ на 30.000 пудовъ пороха.

Холодное оружіе [1]) въ нашихъ войскахъ имѣлось слѣдующихъ видовъ:

Въ пѣхотѣ у нижнихъ чиновъ—тесаки (въ линейной пѣхотѣ), клинковые штыки отъ штуцеровъ (въ стрѣлковыхъ баталіонахъ), саперные ножи (въ пѣхотѣ Кавказскаго корпуса, у саперъ и пѣшихъ артиллеристовъ); у офицеровъ этихъ же родовъ оружія — полусабли на поясной портупеѣ. Тесаки только стѣсняли солдатъ при ходьбѣ, какъ оружіе — были плохи, и владѣнію ими никто и никогда не обучался; при наличіи штыка они къ тому же являлись совершенно лишними. Саперные ножи представляли изъ себя еще менѣе серіозное оружіе и главнымъ образомъ предназначались для бивачныхъ работъ.

Католическая церковь въ Назаретѣ (съ голл. грав., по рис. Н. Де-Брюинь).

Въ кавалеріи уланы и гусары, кромѣ указаннаго выше огнестрѣльнаго оружія, имѣли кавалерійскія сабли съ кривымъ клинкомъ, уланы, кромѣ того, въ обѣихъ шеренгахъ пики; драгуны имѣли сабли съ шашечными клинками, а 9-е и 10-е эскадроны еще и пики; кирасиры имѣли палаши съ прямыми клинками и переднія шеренги пики; казаки — шашки и пики, кромѣ Кавказскихъ и Черноморскихъ, которые, вмѣсто пикъ, имѣли кинжалы.

Вообще вооруженіе кавалеріи было самое разнообразное, и въ составъ его входило много лишняго; уланы и пикинерные эскадроны драгунъ представляли изъ себя, можно сказать, ходячіе арсеналы.

Съ большой похвалой современники отзывались о пикахъ. „Наши златоустовскія пики дѣлаютъ чудеса, если судить по „тѣмъ ужаснымъ ранамъ, которыя встрѣчаются у плѣнныхъ „и мертвыхъ, оставленныхъ въ нашихъ рукахъ“ [2]).

---

[1]) Рук. для арт. сл., изд. 1853 г. Висковатовъ. Ист. опис. од. и воор. Росс. войскъ, тт. 19 30, изд. 1862 г.

[2]) Арх. Канц. Военн. Мин. 1854 г., секр. д. № 150. Изъ донес. кап. Эльстона военн. мин.

VIII.

Въ *обмундированіи* войскъ того времени совершенно забывалось главное назначеніе одежды для солдата: дать ему укрытіе отъ непогоды, сохранить его силы и здоровье и дать возможность удобно передвигаться и удобно дѣйствовать оружіемъ.

Ни одному изъ этихъ условій обмундированіе нашихъ войскъ не удовлетворяло. Въ формахъ одежды преслѣдовалась только одна цѣль—грозный видъ всего строя и воинственный и красивый видъ каждаго воина, взятаго въ отдѣльности. Поэтому войска наряжали въ предметы, крайне неудобные и, по большей части, не только безполезные во время войны, но даже и вредные [1]).

Впрочемъ, такой взглядъ на обмундированіе и снаряженіе солдата не былъ исключительной принадлежностью нашей арміи того времени. Лишь много позднѣе Крымской войны, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ опытовъ французскаго военнаго министерства, началъ пріобрѣтать повсюду права гражданства вопросъ о соотвѣтствіи ноши солдата его силамъ и о гигіеничности его обмундированія.

Наша армія передъ Крымской войной была одѣта слѣдующимъ образомъ [2]): мундиры узкіе, съ перехватомъ въ таліи, двубортные, съ лацканами для гвардіи и уланъ и однобортные для остальныхъ; они были длиною только до таліи, съ фалдами сзади; рукава узкіе, съ перехватомъ у кисти; воротники высокіе, стоячіе, безъ вырѣза спереди; они застегивались доверху на крючки и, плотно охватывая шею, заставляли голову держать неподвижно. Въ гусарскихъ полкахъ существовали доломаны, ментики, куртки и венгерки, съ жгутами на груди. Въ войскахъ Кавказскаго корпуса мундиры были съ фалдами кругомъ. Шаровары, суконныя зимою и полотняныя лѣтомъ; въ кавалеріи рейтузы въ обтяжку. Шаровары, кромѣ походовъ, всегда носились на выпускъ. Шинели длинныя, однобортныя, со стоячимъ воротникомъ, шились въ талію, въ обтяжку, такъ что подъ шинель, кромѣ мундира, ничего нельзя было поддѣть. На походѣ полы шинелей

---

[1]) Арх. Канц. Военн. Мин. 1854 г., секр. д. № 150.
[2]) Висковатовъ. Ист. опис. од. и воор. Росс. войскъ, изд. 1862 г.

для удобства подгибались на высоту колѣнъ, а иногда углы ихъ отворачивались въ стороны и пристегивались у пояса, открывая такимъ образомъ ноги почти до пояса.

Солдатское мундирное сукно было толстое, безъ ворса, чернаго цвѣта, по качеству очень схожее съ нынѣшнимъ шинельнымъ сукномъ. О качествѣ же шинельнаго сукна того времени можно судить уже потому только, что шинель, вѣсившая обыкновенно около $8^1/_2$ фунтовъ, послѣ дождя вѣсила до 23 фунтовъ [1]).

Головные уборы у большей части войскъ состояли изъ касокъ черной лакированной кожи, съ двумя козырьками, подборной чешуей, большимъ гербомъ и многими мѣдными украшеніями. Каски вѣсили болѣе двухъ фунтовъ, связывали солдата и дѣлали его неподвижнымъ; нагрѣтыя солнцемъ, онѣ причиняли головную боль и мѣшали стрѣлять. Ихъ мѣдныя украшенія дѣлали войска видимыми издали. Этотъ головной уборъ былъ настолько стѣснителенъ, что въ началѣ войны разрѣшено было на походѣ ихъ бросить [2]) и ограничиться только фуражками, похожими на нынѣшнія, которыя въ обыкновенное время предназначались для домашняго обихода. У гусаръ головными уборами служили высокіе кивера, въ видѣ усѣченныхъ конусовъ широкимъ основаніемъ кверху; уланы имѣли киверъ такой же высоты, но съ перехватомъ въ средней части и съ четырехугольнымъ верхомъ. Высокіе головные уборы въ кавалеріи были также обременительны и мѣшали, особенно драгунамъ, снимать ружья со спины. По отзывамъ современниковъ, лучшимъ головнымъ уборомъ былъ уланскій. Кавказскія войска, вмѣсто касокъ, имѣли низкія, круглыя шапки изъ овечьяго мѣха, съ суконнымъ верхомъ.

Неудобство существовавшихъ головныхъ уборовъ, впрочемъ, сознавалось и нашей военной администраціей, которая изыскивала лучшіе образцы для введенія ихъ въ арміи [3]).

Къ *боевому снаряженію* войскъ принадлежали тѣ предметы, которые были необходимы имъ въ бою, на походѣ и отдыхѣ, чтобы сдѣлать войска нѣсколько независимыми отъ обозовъ.

Такимъ образомъ солдатъ имѣлъ на себѣ запасное, кромѣ одѣтаго, обмундированіе, бѣлье, сапоги, сухари, а въ кавалеріи

---

[1]) Военн. Сборн. 1862 г., № 3.
[2]) Арх. Канц. Военн. Мин., 1855 г., секр. д. № 9.
[3]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4328. Письмо военн. мин. кн. Меншикову 6 окт. 1854 г.

и запасъ фуража, патроны, шанцевой инструментъ и разныя мелочи для содержанія себя и лошади въ порядкѣ.

Въ пѣхотѣ и пѣшей артиллеріи эти вещи распредѣлялись между ранцемъ и патронной сумой.

Ранцы изъ тюленей и телячьей кожи, болѣе полуаршина въ квадратѣ, вѣсили около $4^1/_2$ фунтовъ и носились на спинѣ на широкихъ ремняхъ, перекрещивавшихся на груди. Сверху къ ранцу привязывался цилиндрической формы чемоданчикъ для укладки въ него шинели или мундира и металлическій котелокъ или манерка для воды. Ранецъ съ полной укладкой вѣсилъ 28,81 фунтовъ [1]).

Патронная сума, въ которую укладывались всѣ носимые солдатомъ патроны, была кожаная, большихъ размѣровъ (5×6 вершк.) съ металлическими украшеніями и вѣсила безъ патроновъ 2,7 фунта. Она носилась на широкомъ ремнѣ черезъ лѣвое плечо подъ ранцемъ назади, ниже поясницы.

Тяжесть всего носимаго пѣхотнымъ солдатомъ доходила до 77 фунтовъ; ежели же сюда прибавить еще вѣсъ тесака и шанцевого инструмента, который по очереди носили люди задней шеренги (на роту 20 топоровъ, 10 лопатъ, 5 кирокъ и 5 мотыгъ), то вѣсъ увеличится до 87 фунтовъ, т.-е. 2 пуда и 7 фунт. Цифра эта еще болѣе увеличивалась въ ненастную погоду отъ намоканія шинелей.

Ни въ одной арміи того времени солдатъ не былъ такъ нагруженъ, какъ нашъ. Общій вѣсъ носимаго солдатами иностранныхъ армій былъ: во Франціи 56 фунт., въ Англіи 61 и въ Пруссіи 65 фунтовъ.

Все снаряженіе нашего солдата, кромѣ его тяжести, отличалось и очень неудобною пригонкою [2]). Грудь его была слишкомъ стѣснена узкимъ мундиромъ и ранцевыми ремнями, слѣдствіемъ чего было часто открывавшееся у людей на походѣ кровохарканье, а вскрытіе труповъ людей, умершихъ во время переходовъ, большею частью обнаруживало переполненіе легкихъ кровью [3]). Пригонка патронныхъ сумъ также дѣлала неудобнымъ доставаніе патроновъ, которые на бѣгу часто къ тому же разсыпались.

Въ кавалеріи и конной артиллеріи полный походный вьюкъ состоялъ изъ сѣдла, чемодана для вещей, двухъ сумъ, двухъ

---

[1]) Пр. В. Мин., 1851 г., № 120. Военн. Сборн. 1862 г., № 3.

[2]) Записки Алабина. Зап. Генерищи „Русск. ст.“, 1877 г., кн. 10. Зап. ген. Сталя. Рукопись. Музей Севаст. обороны.

[3]) „Изнанка Крымской войны“. Военн. Сборн. 1858 г., № 4.

саквъ, киты для сѣна и котелка. Всѣ эти предметы заключали въ себѣ огромное количество вещей [1]), что доводило тяжесть груза, носимаго лошадью (включая сюда и вѣсъ всадника), до 8-9 пудовъ.

Вьюкъ, приторачиваемый спереди и сзади сѣдла, представлялъ изъ себя, въ особенности благодаря парадной одеждѣ, которая всегда возилась съ собой, двѣ горы, способствовавшія къ скорому набиванію лошадямъ спинъ и дѣлавшія посадку на коней вещью акробатическою.

Всѣ предметы для обмундированія и снаряженія солдата, какъ и всѣ прочія потребности арміи, вполнѣ удовлетворялись внутреннимъ производствомъ страны, безъ необходимости прибѣгать къ пріобрѣтенію ихъ за границей [2]).

IX.

Различные виды снабженія нашей арміи состояли въ слѣдующемъ:

Для *продовольствія* нижнихъ чиновъ отпускались ржаная мука или печеный хлѣбъ, гречневая крупа, мясо, соль и винныя порціи [3]).

Основаніемъ продовольствія служилъ ржаной хлѣбъ, котораго полагалось на человѣка 3 фунта въ день, и каша изъ $^1/_4$ ф. крупъ на каждаго. Мяса полагалось лишь по 7 ф. въ мѣсяцъ на каждаго строевого нижняго чина; нестроевые получали половину, а денщики вовсе не получали. Винныя порціи нижнимъ чинамъ отпускались вообще въ значительномъ размѣрѣ, при чемъ не только въ какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ или во время усиленныхъ лагерныхъ занятій, но нѣкоторымъ частямъ и всегда. Такъ, напримѣръ, войска, расположенныя въ губерніяхъ Царства Польскаго и въ нѣкоторыхъ другихъ, получали въ годъ по 156 чарокъ водки.

Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, когда продовольствіе нижнихъ чиновъ производилось при неблагопріятныхъ условіяхъ, отпускались для улучшенія артельныхъ суммъ особыя добавочныя

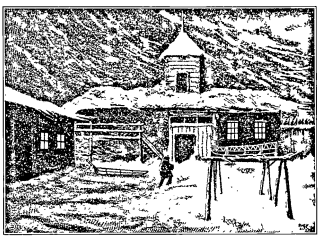
---

[1]) Прик. Военн. Мин. 1853 г., № 78.
[2]) Зап. г.-ад. Ростовцова Насл. Цес. 31 мая 1853 г. Рукопись. Арх. П. Я. Дашкова.
[3]) Св. В. Пост. 1838 г., т. X, кн. 3, стр. 482—499.

порціонныя деньги, въ гвардіи по 3½ коп. на человѣка и въ арміи по 1¼ коп.

Провіантъ и деньги отпускались не на полное число дней въ году, а только на 360 дней.

Денежные оклады были малы, хотя бы только для сноснаго довольствія солдатъ, поэтому приходилось изыскивать особыя средства, чтобы хозяйственнымъ способомъ покрывать недостатокъ отпускаемыхъ на продовольствіе суммъ.



Русскій постъ на Аляскѣ
(съ англійской гравюры на деревѣ).

Въ военное время ежедневная дача провіанта оставалась та же самая, а увеличивалось лишь число мясныхъ и винныхъ порцій. Мясо въ этомъ случаѣ отпускалось въ размѣрѣ ½ ф. на человѣка, строевымъ по 3 раза, а нестроевымъ по 2 раза въ недѣлю.

Провіантское довольствіе въ военное время разсчитывалось казною на наличное число людей, и никакая экономія по этимъ отдѣламъ не допускалась [1]).

Фуражное довольствіе [2]) было установлено въ размѣрѣ ежедневнаго отпуска на каждую строевую и артиллерійскую лошадь отъ 4 до 3 гарнцовъ овса, отъ 15 до 10 ф. сѣна и отъ 3 до 2 ф. соломы, при чемъ этотъ фуражъ отпускался на 30 дней въ мѣсяцѣ.

Только большая часть гвардейской кавалеріи и артиллеріи получали фуражъ на круглый годъ; прочимъ же кавалерійскимъ частямъ фуражъ отпускался на 11 и 10 мѣсяцевъ въ году, остальное же время года лошади должны были довольствоваться на пастбищахъ, отводимыхъ отъ обывателей. Подъемныя лошади получали овса 2¼ гарнца и сѣна 20 фунт. и то только на 6 мѣсяцевъ въ году.

---

[1]) Уст. для упр. арм. 1846 г.
[2]) Св. В. Пост. 1838 г., т. X, кн. III, ч. 4, ст.ст. 506, 510.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ фуражъ отпускался не натурою, а деньгами, по цѣнамъ, утверждаемымъ два раза въ годъ.

Въ военное время [1]) фуражъ полагался въ томъ же количествѣ, какъ и въ мирное время, при чемъ опредѣленіе сроковъ довольствія сухимъ фуражомъ и подножнымъ кормомъ дѣлалось властью главнокомандующаго.

Фуражное довольствіе генераламъ и офицерамъ выдавалось въ военное время въ видѣ особыхъ денежныхъ или натуральныхъ раціоновъ, число которыхъ зависѣло отъ количества лошадей, полагавшихся и ѣть каждому офицеру.

Денежное довольствіе составляли жалованіе, столовыя, квартирныя для тѣхъ офицеровъ, которые не имѣли квартиры натурою, и разныя выдачи въ особыхъ случаяхъ.

Окладъ годового жалованія [2]) полнаго генерала въ круглыхъ цифрахъ былъ 1394 р., генералъ-майора 838 р., полковника 502 р., капитана 307 р. и прапорщика 209 р. Гвардейскіе офицеры получали жалованіе двумя чинами выше армейскихъ. Квартирныя деньги отпускались въ предѣлахъ отъ 857 р. (полный генералъ) до 57 р. (поручикъ) въ годъ.

Столовыя деньги, какъ и теперь, были принадлежностью не чиновъ, а нѣкоторыхъ должностей, и выдавались лицамъ, дѣйствительно ихъ исполнявшимъ. Таковыя деньги полагались всѣмъ строевымъ начальникамъ до командировъ баталіоновъ, дивизіоновъ и батарей включительно. Командирамъ корпусовъ, напримѣръ, полагалось 2802 руб. столовыхъ, полковымъ командирамъ 980 руб. и баталіоннымъ 280 руб.

Жалованіе нижнихъ чиновъ колебалось отъ 27 р. 45 к. въ годъ (гвардейскій фельдфебель) до 2 р. 70 к. въ годъ (рядовой армейской пѣхоты).

Въ военное время за границей жалованіе полагалось по усиленнымъ окладамъ [3]).

Жалованіе и столовыя выдавались по третямъ года впередъ.

Предметами *вещевого довольствія* [4]) солдаты снабжались натурою черезъ опредѣленные сроки, которые каждая вещь должна

---

[1]) Уст. для упр. арм. 1846 г.

[2]) Общ. Арх. Гл. шт. Подр. раскл. ден. дов. на осн. Высоч. ман. 1 іюля 1839 г. и прик. Военн. Мин. 1840 г., №№ 51—74.

[3]) Уст. для упр. арм. 1846 г.

[4]) См. прилож. № 175.

была выслужить. Изъ одежды самый продолжительный срокъ полагался для шинелей — 3 года. Сапогъ солдату выдавалось двѣ пары въ годъ. Въ военное время для носки вещей полагались сроки, одинаковые съ мирнымъ временемъ, и только въ случаѣ необходимости съ особаго Высочайшаго разрѣшенія отпускалась третья пара сапогъ.

Матеріалы для обмундированія были грубые и непрочные, едва выдерживавшіе установленные сроки. Шинели даже въ мирное время никогда не выслуживали трехъ лѣтъ [1]). Въ военное же время всѣ вещи изнашивались еще скорѣе; одежда сильно ветшала, и больные солдаты переполняли военно-врачебныя заведенія [2]).

Квартирное довольствіе существовало для офицеровъ деньгами или натуральное; для нижнихъ чиновъ только натурой.

Войска располагались въ казенныхъ и городскихъ казармахъ или на квартирахъ по отводу у обывателей.

Главная масса нашихъ войскъ была расположена на обывательскихъ квартирахъ, такъ какъ число казармъ къ тому времени было крайне ничтожно [3]).

Расположеніе по обывательскимъ квартирамъ практиковалось двоякое [4]): просторное, когда нижніе чины должны были размѣщаться съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждаго приходилось не менѣе кубической сажени воздуха, и тѣсное, когда нижніе чины помѣщались по двое и больше въ каждой избѣ, а лѣтомъ и въ сараяхъ.

Расходы вообще по воинскому постою не входили въ бюджетъ военнаго министерства, а относились на земскіе и городскіе сборы и составляли „постойную повинность“ населенія, которая вѣдалась особыми присутствіями о земской повинности.

Постойная повинность ложилась весьма неравномѣрно на разныя мѣстности Государства и особенно была тяжела для тѣхъ губерній, гдѣ скоплялась масса войскъ, какъ-то для Петербургской и губерній, соприкасавшихся съ нашей западной границей.

Неравномѣрность, а, слѣдовательно, и несправедливость существовавшей квартирной повинности, неудобной къ тому же для войскъ и для жителей, заставили Императора Николая Павло-

---

1) Военн. Сбори. 1861 г., № 6.

2) Затлеръ. „Зап. о прод. в. въ военн. время“.

3) Въ 1860 г. казармы для полев. в. имѣлись всего въ 65-ти пунктахъ. Аничковъ. „Военн. хозяйство“.

4) Св. В. П. 1838 г., т. X, кн. III, ст.ст. 1223 — 1412.

Н. Н. Анненковъ
Новороссійскій генералъ-губернаторъ
(съ лит. А. Мюнстеръ, по рис. Борель).

вича принять рядъ мѣръ съ цѣлью замѣны натуральной повинности болѣе справедливою денежною. Около пятидесяти городовъ перешли на этотъ новый видъ довольствія, и войска размѣщались въ такихъ городахъ въ строеніяхъ, спеціально нанятыхъ и приспособленныхъ для этой цѣли [1]).

Порядокъ ремонтированія нашей арміи лошадьми изложенъ въ приложеніи № 176.

Всѣ виды довольствія войска получали отъ *двухъ различныхъ вѣдомствъ: провіантскаго,* которое снабжало ихъ провіантомъ и фуражемъ, и *комиссаріатскаго,* снабжавшаго войска деньгами, вещами, а также вѣдавшаго хозяйственною частью военно-врачебныхъ заведеній и ремонтированіемъ лошадей.

Въ мирное время обязанности провіантскаго вѣдомства распредѣлялись между полевыми управленіями, состоявшими при Дѣйствующей арміи и при отдѣльныхъ корпусахъ, и Центральнымъ управленіемъ—при военномъ министерствѣ [2]).

Комиссаріатское вѣдомство управлялось Комиссаріатскимъ департаментомъ военнаго министерства, отъ котораго и исходили всѣ распоряженія по этому отдѣлу довольствія войскъ [3]).

Съ приведеніемъ арміи на военное положеніе, всѣ виды ея довольствія, какъ по провіантской, такъ и по комиссаріатской и госпитальной частямъ, ввѣрялись генералъ-интенданту арміи, при чемъ организація подвѣдомственныхъ ему учрежденій и кругъ ихъ дѣятельности существенно измѣнялись и расширялись [4]).

---

[1]) Аничковъ. „Военн. хозяйство", изд. 1860 г.
[2]) Подробности и устройство ихъ см. прилож. № 177.
[3]) Подробнѣе см. тамъ же.
[4]) Подробнѣе см. въ прил. № 177.

Общее устройство въ военное время системы продовольствія въ связи съ планомъ войны принадлежало власти главнокомандующаго. Генералъ-интендантъ арміи являлся начальникомъ всей провіантской и комиссаріатской частей и на немъ лежала обязанность изысканія всѣхъ средствъ для ихъ довольствія.

Вообще система учрежденій провіантскаго и комиссаріатскаго вѣдомствъ была и въ мирное и въ военное время очень сложна.

Въ мирное время всѣ учрежденія имѣли характеръ мѣстный; въ военное же они были частью мѣстныя, частью подвижныя. Корпусные командиры и начальники дивизій въ обоихъ случаяхъ не были поставлены въ необходимость принимать участіе въ обезпеченіи войскъ продовольствіемъ, и строевое управленіе арміи было совершенно отдѣлено отъ интендантскаго.

Военный министръ передъ началомъ войны доставлялъ главнокомандующему [1]) всѣ свѣдѣнія о запасахъ, имѣвшихся на случай войны.

Этотъ послѣдній, принимая во вниманіе и запасы, имѣвшіеся въ подвѣдомственномъ ему управленіи, дѣлалъ распоряженія о сближеніи и размѣщеніи всѣхъ этихъ запасовъ соотвѣтственно предполагаемому плану кампаніи; въ то же время онъ назначалъ дополнительное заготовленіе необходимыхъ предметовъ на базѣ и во внутреннихъ губерніяхъ. Мѣстныя учрежденія заготовляли и хранили эти запасы и, оставаясь попрежнему въ вѣдѣніи своихъ департаментовъ, расходовали ихъ не иначе, какъ по распоряженію генералъ-интенданта арміи [2]).

Общее состояніе и организація провіантской и комиссаріатской частей офиціально признавались неудовлетворительными еще до войны. Сложность организаціи увеличивала и безъ того крайній формализмъ и безконечную переписку, которые, въ свою очередь, замедляли производство операцій, требовавшее въ военное время особой быстроты. Контрольныя отдѣленія, напримѣръ, главныхъ полевыхъ провіантской и комиссаріатской комиссій должны были имѣть отъ десяти до пятнадцати тысячъ однѣхъ шнуровыхъ книгъ и тетрадей [3]).

Въ дѣятельности комиссаріатскаго департамента было замѣтно постоянное стремленіе сосредоточивать у себя подробныя

---

[1]) Уст. объ управл. арміями 1846 г.
[2]) Болѣе подробно въ придож. № 177.
[3]) Затлеръ. „Зап. о прод. въ военн. время", ч. II.

распоряженія по такимъ даже предметамъ, которые, на основаніи законовъ, были предоставлены власти и отвѣтственности комиссаріатскихъ комиссій. Эти послѣднія, пріученныя къ постоянному руководству департамента въ дѣлахъ по довольствію войскъ, обращались къ нему съ такими вопросами, которые положительно разрѣшались данными имъ въ руководство постановленіями, и прикрывали такимъ образомъ почти всѣ свои незаконныя дѣйствія предписаніями и разрѣшеніями начальства... Подобное направленіе, истекая изъ формъ бюрократически охранительныхъ, влекло за собою запутанность въ дѣлахъ и увеличивало поводы къ злоупотребленіямъ [1]).

Войсковое хозяйство фактически всецѣло находилось въ рукахъ командировъ частей; ближайшіе его въ этомъ отношеніи помощники, казначей и квартермистръ, хотя и выбирались общимъ составомъ офицеровъ части, но всегда, подъ давленіемъ командира, и по закону они нисколько не ограничивали его власти; они не имѣли даже права выражать своихъ мнѣній, если видѣли, что дѣйствія командира части неправильны.

Полковые командиры были единственными отвѣтчиками за продовольствіе и состояніе имущества своей части; они являлись какъ бы комиссіонерами, обязанными содержать ввѣренный ихъ управленію полкъ за опредѣленную, отпускаемую казною сумму, и все хозяйство части становилось въ полную зависимость отъ личности ея начальника.

Существовавшія табели, съ своей стороны, много содѣйствовали безпорядочности хозяйства.

По нѣкоторымъ частямъ казенные отпуски не соотвѣтствовали дѣйствительной потребности, а по многимъ статьямъ полкового хозяйства отпусковъ отъ казны и вовсе не полагалось. Перерасходы по однѣмъ частямъ приходилось покрывать такимъ образомъ усиленною экономіей по другимъ, и употребленіе остатковъ находилось въ полной зависимости отъ командировъ полковъ.

Съ своей стороны, высшее начальство, зная, что въ полкахъ остаются экономическія деньги, предписывало часто производить такіе расходы, которые по закону не полагались. Они покрывались изъ остатковъ по нѣкоторымъ отдѣламъ, которые офиціально

---

[1]) Количество содержимыхъ налицо къ 1 января 1853 года провіантскихъ и комиссаріатскихъ запасовъ показано въ приложеніи № 178.

назывались „благоразумной экономіей“, а въ общежитіи „без-„грѣшнымъ доходомъ“ [1]).

Отчетность по хозяйству была чисто формальная, и по ней нельзя было составить себѣ яснаго представленія о дѣйствительномъ состояніи и израсходованіи полковыхъ суммъ и имущества; она состояла лишь въ правильномъ показаніи расходовъ, согласно штатовъ, табелей, числа людей и лошадей.

Фуражное довольствіе составляло самую оживленную статью полкового хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ больное мѣсто нашей кавалеріи. Закупку фуража бралъ на себя или самъ полковой

Видъ Ситхи (съ англ. грав. на деревѣ).

командиръ, или же передавалъ его въ эскадроны, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ происходилъ торгъ между начальникомъ и подчиненными о величинѣ скидки со справочныхъ цѣнъ въ пользу экономическихъ капиталовъ полка [2]). Чаще всего довольствіе оставалось за эскадронными командирами, такъ какъ при этомъ условіи они болѣе заботились о тѣлахъ лошадей.

Въ каждой отдѣльной части войскъ имѣлась цѣлая масса своихъ мастерскихъ: швальня, сапожная, оружейная, слесарная, плотничья, столярная, басонная, лакировальная, кузница, а въ гвардіи даже султанная. Все необходимое дѣлалось въ полкахъ своими средствами, даже ружейные замки и ложа изготовлялись въ полковыхъ мастерскихъ. Но исполненіе такой массы работъ требовало прикомандированія къ мастерскимъ большого количества

---

[1]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.

[2]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520. Аничковъ. „Военное хозяйство“. Военн. Сб. 1858 г., № 3, „О состояніи кавалеріи“.

людей изъ строя, которымъ приходилось и работать въ мастерскихъ и проходить весь искусъ строевыхъ ученій и смотровъ.

Такая постановка полкового хозяйства имѣла много вредныхъ сторонъ. Въ лицѣ начальника части получалось нежелательное совмѣщеніе обязанностей и расходчика и контролера, при чемъ его произволу представлялся широкій просторъ. Полковые командиры и нѣкоторые изъ офицеровъ были къ тому же сильно отвлечены отъ своего прямого назначенія, количество нестроевого элемента въ полкахъ было очень велико; упущенія по хозяйственной части, неудовольствія и жалобы подчиненныхъ подрывали авторитетъ начальника. Страдающимъ лицомъ при всемъ этомъ являлся солдатъ: его пища не всегда была хороша, его обмундированіе служило черезчуръ длинные сроки... Часто встрѣчались командиры, которые слишкомъ заботились о наружномъ блескѣ своихъ частей въ ущербъ статьямъ болѣе существенной важности [1]).

Ротное хозяйство ограничивалось продовольствіемъ нижнихъ чиновъ. При сосредоточеніи войскъ въ казармахъ или на тѣсныхъ квартирахъ продовольствіе производилось изъ котла, въ противномъ же случаѣ — приваркомъ отъ жителей.

Продовольственныя средства роты составляли провіантъ, приварочныя деньги, отчисленіе изъ денегъ амуничныхъ, наградныхъ за смотры, заработанныхъ на вольныхъ работахъ и др. Имѣвшіеся, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ частяхъ огороды составляли существенное подспорье въ хозяйствѣ. Но огороды въ армейскихъ дѣйствующихъ частяхъ были исключеніемъ, а приварочныя деньги были весьма незначительны; высшая категорія ихъ для арміи составляла по 12 руб. въ годъ на человѣка. Такимъ образомъ одинъ только провіантъ, отпускавшійся въ роты полностью, долженъ былъ давать остатокъ, который и помогалъ сводить концы съ концами при улучшенномъ довольствіи войскъ во время сбора ихъ въ лагери и во время усиленныхъ занятій [2]).

Но существеннымъ средствомъ для покрытія всѣхъ расходовъ ротнаго хозяйства являлось довольствіе солдатъ приваркомъ отъ жителей.

При расположеніи на широкихъ квартирахъ обыватели обязывались кормить солдатъ горячею пищею, за что, по закону, должны были получать весь провіантъ (крупу и муку), отпускав-

---

[1]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.
[2]) Св. В. П. 1838 г., ч. IV, кн. 4, ст.ст. 86—154. Аничковъ. „Военное хозяйство".

шійся казною на довольствуемыхъ ими солдатъ. Приварочныя же деньги въ этомъ случаѣ оставались въ полкахъ. Жители, иногда по доброй волѣ, иногда подъ давленіемъ общиннаго и войскового начальства [1]) жертвовали въ большей части случаевъ полагавшійся имъ провіантъ въ пользу войскъ. Иногда же населеніе, по бѣдности или другимъ причинамъ, отказывалось кормить войска, и тогда роты собирались на тѣсныя квартиры, гдѣ уже довольствовались изъ котла.

Такая система довольствія порождала совершенно нежелательныя отношенія между солдатами и обывателями. Пища солдата находилась въ полной зависимости отъ степени зажиточности жителей и притомъ въ такой мѣрѣ, что продовольствіе отъ обывателей вліяло на распредѣленіе цифры смертности въ войскахъ по временамъ года [2]).

X.

Въ военное время войска продовольствовались при помощи запасовъ, сосредоточенныхъ въ магазинахъ внутри страны и на базисѣ, а также при помощи подвижныхъ войсковыхъ запасовъ и средствъ самаго театра войны.

Наши войска выступали въ походъ, имѣя при себѣ провіанта на 10 дней (на 4 дня въ ранцахъ и на 6 дней въ полковыхъ провіантскихъ телѣгахъ) и въ подвижномъ магазинѣ на 20 дней. Зерновымъ фуражемъ кавалерія была обезпечена на 3—4 дня, а артиллерія и обозы на 6 и болѣе дней.

При передвиженіяхъ вблизи и вдали отъ непріятеля войска расходовали свой 10-ти дневный запасъ, пополняя его немедленно изъ мѣстныхъ или подвижныхъ магазиновъ, а въ крайнемъ случаѣ и реквизиціями. Ранцевый же запасъ позволялось расходовать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, съ особаго разрѣшенія начальства. Приваркомъ преимущественно полагалось довольствоваться отъ жителей.

Реквизиціи по нашимъ законамъ допускались лишь для сбора предметовъ, имѣвшихся у жителей въ количествѣ, превышавшемъ ихъ собственную потребность, и допускавшихъ уравнительную между ними раскладку. Разрѣшеніе на производство реквизицій

---

[1]) Аничковъ. „Военное хозяйство".
[2]) См. ниже „Смертность въ войскахъ".

давалось только властью главнокомандующихъ и въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ частными начальниками.

Хлѣбопеченіе въ военное время производилось частью самими войсками въ полевыхъ печахъ, частью же обывателями. Для приготовленія пищи возились въ полковомъ обозѣ большіе котлы, по двадцати штукъ на роту. Въ войскахъ Кавказскаго корпуса были малые котелки, на трехъ человѣкъ каждый, носившіеся на ранцахъ, вмѣсто манерокъ.

Указанные выше подвижные магазины предназначались для подвоза продовольствія къ войскамъ, когда мѣстныхъ средствъ оказывалось недостаточно. Они формировались при приведеніи арміи на военное положеніе съ такимъ расчетомъ, чтобы могли поднять, кромѣ мяса, 20-ти дневный запасъ продовольствія, необходимый для войскъ, для которыхъ они предназначались.

Подвижные магазины формировались при приведеніи арміи на военное положеніе въ размѣрѣ, вызываемомъ величиною арміи и богатствомъ мѣстныхъ средствъ, и состояли главнымъ образомъ изъ обывательскихъ пароконныхъ повозокъ, получаемыхъ реквизиціоннымъ способомъ или наймомъ [1]).

Подвижнымъ магазинамъ полагалось слѣдовать за войсками въ одномъ-двухъ переходахъ. Возимый въ нихъ провіантъ могъ расходоваться только въ случаяхъ крайней необходимости и долженъ былъ немедленно пополняться.

Войсковой обозъ подраздѣлялся на комиссаріатскій, артиллерійскій и инженерный.

Къ первому относился аптечный вьюкъ и четырнадцати видовъ повозки, предназначавшіяся для возки патроновъ, провіанта, больныхъ и прочаго хозяйственнаго имущества, необходимаго войскамъ на войнѣ.

Артиллерійскимъ обозомъ назывались орудія, запасные лафеты, зарядные ящики, инструментальныя полуфурки, роспуски и вообще повозки для артиллерійскихъ принадлежностей.

Инженернымъ обозомъ назывались повозки разнаго наименованія для возки шанцевого и мастерского инструмента, гальваническихъ принадлежностей и чертежныхъ дѣлъ.

Обозомъ были снабжены всѣ дѣйствующія войска; резервныя же и запасныя части имѣли его въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Число и родъ повозокъ, полагавшихся въ раз-

[1]) Подробнѣе см. прилож. № 175.

ныхъ войсковыхъ частяхъ, видны изъ приложеній №№ 180 и 181.

Въ казачьихъ войскахъ обоза, кромѣ ящика для письменныхъ дѣлъ, не было; всѣ же тяжести перевозились на вьючныхъ лошадяхъ, которыхъ полагалось имѣть по одной на 10 казаковъ.

Почти весь обозъ [1]) имѣлъ троечную оглобельную упряжку, что составляло одинъ изъ главныхъ его недостатковъ. Такая упряжка была сложна, тяжела, дорога, набивала спины лошадямъ и не позволяла распредѣлять груза равномѣрно между ними.

Всѣ телѣги были очень тяжелы на ходу; самая легкая вѣсила 32 пуда, а самая тяжелая—аптечный ящикъ—42 пуда. Общій вѣсъ повозокъ съ полною укладкою составлялъ отъ 66 до 90 пудовъ [2]), такъ что на лошадь приходилось отъ 22 до 30 пудовъ. По дурнымъ дорогамъ лошади едва тащили этотъ чрезмѣрный грузъ, и коренныя быстро набивали себѣ спины.

Вообще же всѣ повозки, благодаря своей конструкціи и большому мертвому грузу, были мало вмѣстительны; это, въ свою очередь, вызывало увеличеніе числа повозокъ и влекло за собой увеличеніе глубины походныхъ колоннъ.

Число полагавшихся подъ обозъ дѣйствующихъ частей подъемныхъ лошадей [3]) указано въ приложеніяхъ №№ 183, 184 и 185. По штатамъ мирнаго времени полагалось содержать лошадей только подъ патронные и аптечные ящики и провіантскія телѣги [4]). Въ резервныхъ и запасныхъ частяхъ число лошадей, содержимыхъ въ мирное время, было совершенно незначительное [5]); да и въ случаѣ приведенія резервовъ „въ полный составъ для движенія“ число полагавшихся имъ лошадей на каждую повозку было менѣе, чѣмъ въ дѣйствующихъ войскахъ.

Для управленія повозками назначались фурштадтскіе рядовые, которыхъ полагалось въ военное время по одному на повозку. Въ мирное же время эти рядовые содержались только при томъ обозѣ въ войскахъ, при которомъ всегда полагалось имѣть подъемныхъ лошадей; остальные же фурштадтскіе чины считались въ отпуску [6]).

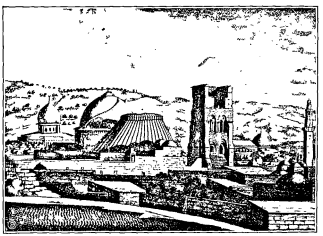
---

[1]) Болѣе подр. свѣд. объ обозѣ см. прил. № 182.
[2]) Аничковъ, „Военное хозяйство“, изд. 1860 г.
[3]) Св. В. П. 1838 г., ч. IV, кн. 4, по 9 прод. прил. къ ст. 244 и Пр. В. М. 1849 г., № 87.
[4]) См. приложеніе № 184.
[5]) См. приложеніе № 181.
[6]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, ст. 25097. Выс. повел. 5 апр. 1851 г.

XI.

Леченіе воинскихъ чиновъ въ мирное время производилось въ военныхъ госпиталяхъ, полковыхъ лазаретахъ и, за неимѣніемъ ихъ, въ „градскихъ“ больницахъ.

Постоянные или непремѣнные военные госпитали раздѣлялись, по числу имѣвшихся въ нихъ мѣстъ, на шесть классовъ и включали отъ 10 офицерскихъ и 150 солдатскихъ мѣстъ (1-й классъ) до 50 офицерскихъ и 2500 солдатскихъ мѣстъ (6-й классъ).



Внѣшній видъ церкви Гроба Господня (съ голл. грав. конца XVII ст.).

Управленіе госпиталями было сосредоточено въ двухъ различныхъ вѣдомствахъ, комиссаріатскомъ и медицинскомъ; мѣстное же военное начальство имѣло только общее наблюденіе за ними.

Внутреннее управленіе каждаго госпиталя состояло изъ старшаго врача, смотрителя и прочихъ чиновъ, которые всѣ вмѣстѣ составляли „контору“ госпиталя; всѣ хозяйственныя дѣла рѣшались конторой коллегіальнымъ порядкомъ.

Къ 1 января 1853 года состояло всего 183 госпиталя и ихъ отдѣленій съ 1096 офицерскими и 40.662 для нижнихъ чиновъ мѣстами [1]). Это число не удовлетворяло общей потребности нашей арміи, и до 85.000 человѣкъ ежегодно должны были пользоваться въ больницахъ гражданскаго вѣдомства.

Кромѣ того, въ мирное время полагалось при комиссаріатскихъ комиссіяхъ имѣть запасъ госпитальныхъ вещей на 165 офицеровъ и 12.000 нижнихъ чиновъ, перевязочныхъ припасовъ и медикаментовъ на 12.950 чел., всего на сумму 364.580 руб.

[1]) Арх. К. В. Мин. по сн. в., 1856 г., секр. д. № 71.

Въ дѣйствительности же къ 1 января 1853 г. изъ этого количества не хватало вещей на сумму около 300.000 руб. [1]).

Госпитальныя средства эти къ 1 мая 1853 года были распредѣлены по районамъ государства слѣдующимъ образомъ [2]): для района Прибалтійскаго края имѣлось мѣстъ 230 офиц. и 10.205 нижн. чин., для дѣйствующей арміи — 161 и 7732, южной и крымской арміи — 392 и 10.895 и отдѣльнаго Кавказскаго корпуса — 313 оф. и 11.830 нижн. чин. [3]).

Общее состояніе госпиталей было весьма неудовлетворительное. Излишняя централизація госпитальнаго управленія въ двухъ различныхъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ, плохой составъ чиновниковъ, неопредѣленность правъ и обязанностей главныхъ въ госпиталѣ лицъ, крайне сложная и неудовлетворительная отчетность при полномъ отчужденіи отъ всего этого дѣла строевого элемента были тому причиной.

Полковые лазареты содержались въ частяхъ только въ мирное время въ объемѣ соразмѣрно штатной величинѣ части, при чемъ одна кровать полагалась на 28—37 человѣкъ штатнаго числа [4]).

На содержаніе полковыхъ лазаретовъ отпускалось въ годъ по 28$^{1}/_{7}$ коп. на каждаго штатнаго нижняго чина. Лазареты, какъ и всѣ прочіе отдѣлы хозяйства, находились въ прямомъ вѣдѣніи командировъ частей, которые и распоряжались лазаретной суммой на коммерческомъ основаніи.

Въ полковыхъ лазаретахъ уходъ за солдатами былъ вообще лучше, чѣмъ въ госпиталяхъ, и содержаніе ихъ обходилось дешевле; кромѣ того, лазареты имѣли большое значеніе при широкомъ расквартированіи нашей арміи, когда многіе полки занимали районы до 250 верстъ въ поперечникѣ, и до госпиталей было далеко. Недостатокъ существованія полковыхъ лазаретовъ заключался въ томъ, что они усложняли управленіе полкомъ и представляли значительную матеріальную часть, которая должна была перевозиться за полкомъ при всѣхъ его передвиженіяхъ.

При выступленіи въ походъ войска, кромѣ лазаретовъ по положенію, имѣли перевязочные припасы на себѣ каждый третій

---

[1]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1852 г.

[2]) Арх. К. В. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 71.

[3]) Эти цифры на 10.000 мѣстъ меньше, чѣмъ указанныя во всеподданнѣйшемъ отчетѣ военнаго министра за 1852 годъ, но должны быть признаны болѣе достовѣрными.

[4]) Св. В. П. 1838 г., т. X, кн. IV.

солдатъ: бинтъ въ 4 арш., компрессъ въ 1 арш. и корпіи 12 золотн. [1]).

Комплектованіе войскъ врачами производилось выпускомъ изъ медико-хирургической академіи и изъ медицинскихъ факультетовъ университетовъ. Академія давала ежегодно около 30 врачей, а университеты около 50.

Фельдшера и фармацевты выпускались изъ фельдшерскихъ школъ, состоявшихъ при нѣкоторыхъ госпиталяхъ и комплектовавшихся кантонистами. Число тѣхъ и другихъ было недостаточно, и образованіе ихъ было ограниченное [2]).

Къ 1 января 1853 года по штатамъ полагалось имѣть 2020 врачей, налицо же ихъ состояло 1814 человѣкъ; примѣрно такой же недостатокъ ощущался и въ фельдшерахъ [3]).

Съ приведеніемъ арміи на военное положеніе недостатокъ въ медицинскомъ составѣ долженъ былъ еще больше увеличиться, вслѣдствіе формированія врачебныхъ заведеній военнаго времени, комплектовавшихся преимущественно изъ госпиталей. Недостатокъ этотъ въ военномъ вѣдомствѣ былъ къ тому же трудно пополнимъ при недостаткѣ врачей вообще въ Россіи, когда на 200.000 душъ въ уѣздѣ полагался 1 штатный врачъ и 1 фельдшеръ [4]).

Въ *военное время* для пользованія больныхъ и раненыхъ воинскихъ чиновъ служили [5]):

Полевые временные госпитали, которые учреждались на коммуникаціонной линіи въ тѣхъ случаяхъ, когда отправка больныхъ и раненыхъ въ другіе госпитали была затруднительна. Число и размѣры этихъ госпиталей опредѣлялись въ зависимости отъ потребностей арміи; они раздѣлялись на нѣсколько линій и при движеніи арміи впередъ перемѣщались на новыя мѣста, ближе къ ней.

Для образованія военно-временныхъ госпиталей въ мирное время содержались госпитальные кадры, которыхъ къ 1 января 1853 года состояло 53 на 15.000 человѣкъ [6]).

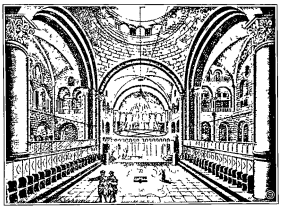
Подвижные госпитали, которые имѣли цѣлью подавать первоначальную помощь раненымъ и внезапно заболѣвшимъ до

---

[1]) Арх. К. В. Мин. по сн. в., 1856 г., секр. д. № 71.
[2]) Богдановичъ. „Истор. очеркъ военн. упр. въ Россіи за 1855—1880 гг.*.
[3]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1852 г.
[4]) Военн. Сборн., 1867 г., № 6.
[5]) Затлеръ. „О госпиталяхъ въ военное время*.
[6]) Арх. К. В. Мин. по сн. в. 1853 г., секр. д. № 71.

отправки ихъ въ другіе госпитали; на нихъ же въ нѣкоторыхъ случаяхъ возлагалась перевозка больныхъ изъ одного госпиталя въ другой.

Подвижныхъ госпиталей полагалось по одному въ 600 кроватей на каждый корпусъ; кромѣ того, резервный подвижной госпиталь такого же состава состоялъ при главной квартирѣ. Въ этихъ же госпиталяхъ имѣлись запасы перевязочныхъ матеріаловъ, медикаментовъ и другихъ госпитальныхъ вещей для расходованія ихъ во время сраженій и для экстреннаго пополненія полевыхъ запасовъ.



Внутренній видъ храма Гроба Господня (съ франц. грав. нач. XVIII ст.).

На походѣ, вдали отъ непріятеля, подвижные госпитали слѣдовали за корпусами и подбирали отсталыхъ и заболѣвшихъ; вблизи же противника они должны были находиться возможно ближе къ главнымъ силамъ корпуса. При выдѣленіи изъ главныхъ силъ самостоятельныхъ отрядовъ къ нимъ въ случаѣ надобности прикомандировывались отдѣленія подвижныхъ госпиталей [1]).

Къ 1 января 1853 года въ вѣдѣніи комиссаріата состояло 8 подвижныхъ госпиталей, каждый на 10 офицерскихъ и 300 мѣстъ для нижнихъ чиновъ [2]).

Недостатокъ организаціи подвижныхъ госпиталей заключался въ томъ, что они придавались къ очень крупнымъ частямъ — корпусамъ, которымъ вмѣстѣ рѣдко приходилось дѣйствовать. По этому подвижные госпитали приходилось дробить по частямъ для придачи ихъ дивизіямъ и болѣе мелкимъ отрядамъ и тѣмъ нарушать ихъ органическую связь.

Этапные госпитали, которые устраивались на короткое время, преимущественно послѣ сраженій. Для нихъ не существовало установленныхъ штатовъ, а размѣры ихъ въ каждомъ дан-

---

[1]) Управл. арм. въ военн. вр., 1846 г.
[2]) Арх. К. В. М. по сн. в., 1852 г., д. № 19 и 1853 г., д. № 31.

номъ случаѣ опредѣлялись въ зависимости отъ обстоятельствъ и имѣющихся средствъ.

Для снабженія арміи медикаментами учреждались: *временные запасные аптекарскіе магазины, главныя подвижныя аптеки, передовыя аптеки и вспомогательныя аптечныя заведенія.*

Всѣ госпитали въ военное время находились въ вѣдѣніи директора госпиталей, который былъ непосредственно подчиненъ дежурному генералу и находился внѣ зависимости отъ интендантства и генералъ-штабъ-доктора арміи.

Въ смыслѣ удобства пользованія больныхъ и раненыхъ на войнѣ играетъ большую роль быстрая эвакуація ихъ въ тылъ, а если возможно, такъ и совсѣмъ съ театра военныхъ дѣйствій. Могущественное средство, существующее для этой цѣли въ настоящее время, — желѣзныя дороги въ то время не существовали, и вопросъ объ эвакуаціи больныхъ и раненыхъ въ Восточную войну находился въ самомъ печальномъ состояніи; въ особенности это относилось, какъ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ, къ Крымской арміи.

Первоначальную помощь раненые получали на перевязочныхъ пунктахъ, которые учреждались въ тылу полей сраженія; отсюда ихъ немедленно перевозили въ подвижные госпитали, открывавшіеся по возможности ближе къ перевязочнымъ пунктамъ. Подвижные госпитали не назначались собственно для пользованія больныхъ и раненыхъ, а потому при первой къ тому возможности они эвакуировали ихъ въ ближайшіе временные госпитали или въ мѣстныя лѣчебныя заведенія, а сами слѣдовали за войсками. Если состояніе больныхъ не допускало ихъ передвиженія, то на мѣстѣ подвижного госпиталя открывался временной или этапный, куда и передавались всѣ больные; подвижной же обязательно слѣдовалъ за арміей [1]).

Полевые временные госпитали первой линіи, въ свою очередь, оставляли на излѣченіе лишь только такихъ больныхъ, которые подавали надежду на скорое возвращеніе въ строй; остальныхъ же отправляли въ госпитали второй и третьей линій. Эти послѣдніе при первой возможности эвакуировали ихъ въ постоянные госпитали.

Что касается до *болѣзненности въ войскахъ* того времени, то за десятилѣтіе съ 1841 по 1852 годъ среднимъ числомъ на

[1]) Уст. для управл. арм. 1846 г.

1000 человѣкъ приходилось въ годъ около 692-хъ заболѣваній и 38 умершихъ, которые такимъ образомъ составляли 3,8% всего наличнаго состава войскъ [1]). Такая смертность оказывалась втрое больше смертности среди населенія Россіи соотвѣтствующихъ возрастовъ.

Смертность въ другихъ европейскихъ арміяхъ той же эпохи была значительно ниже нашей и составляла около 20 чел. на тысячу—всего вдвое больше, чѣмъ въ населеніи.

Причины большой смертности арміи зависѣли отчасти отъ ея организаціи, а также отъ способовъ комплектованія, системы продовольствія, расквартированія и медицинской части.

Наибольшій процентъ смертности давали люди старшихъ возрастовъ и рекруты. Эти послѣдніе испытывали въ первое время послѣ поступленія на службу слишкомъ крутую перемѣну въ жизни и, попадая въ суровую школу военной муштровки, умирали еще въ большемъ процентѣ, чѣмъ старослужащіе. Расположеніе арміи по обывательскимъ домамъ и довольствіе нижнихъ чиновъ приваркомъ отъ жителей также вліяло на увеличеніе смертности, такъ какъ при своей усиленной работѣ солдаты должны были вмѣстѣ съ жителями терпѣть лишеніе въ неблагопріятное для довольствія нашего крестьянина время, а именно весною. Наибольшая смертность въ арміи и совпадала именно съ этимъ временемъ года.

---

[1]) Богдановичъ. „Истор. оч. военн. упр. въ Россіи за 1855—1880 гг.".

Глава XII.

I.

Обращаясь къ разсмотрѣнію *тактическаго устройства войскъ*, считаемъ необходимымъ оговориться, что, затрогивая здѣсь эту важную отрасль лишь относительно въ общихъ чертахъ, мы болѣе подробное обозрѣніе уставовъ и тактики нашихъ войскъ того времени помѣщаемъ въ приложеніи [1]).

Пѣхота. Рота въ строевомъ отношеніи раздѣлялась на 2 взвода, а каждый взводъ на 2 полувзвода. Боевыми строями роты и баталіона были развернутый строй, колонны, каре и разсыпной строй.

Развернутый строй (въ 3 шеренги) главнымъ образомъ предназначался „для частой и сильной пальбы".

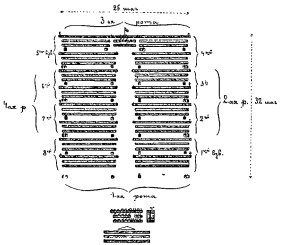
Боевыми колоннами баталіона служили такъ называемыя густыя колонны, дивизіонныя, взводныя и полувзводныя, имѣвшія между первыми шеренгами дистанціи въ 4 шага, и колонна къ атакѣ; изрѣдка примѣнялись также ротныя колонны, первообразъ нынѣшняго строя баталіона поротно.

Для расположенія на мѣстѣ и маневрированія наиболѣе удобной признавалась густая полувзводная колонна изъ середины, занимавшая по фронту 25, а въ глубину 32 шага. Для атакъ холоднымъ оружіемъ, изъ которыхъ преимущественно и состоялъ пѣхотный бой того времени, лучшей считалась колонна къ атакѣ, т.-е. взводная изъ середины, разомкнутая на полувзводныя дистанціи; баталіонъ въ этой колоннѣ по фронту занималъ

[1]) См. прилож. № 186.

50 шаговъ, а въ глубину 40 шаговъ. Недостаткомъ всѣхъ боевыхъ колоннъ была излишняя глубина ихъ, происходившая отъ построенія развернутаго строя въ 3 шеренги. Колонна къ атакѣ, напримѣръ, состояла изъ 12 шеренгъ; очевидно, что такое количество ихъ было безполезно для штыкового удара, а большая глубина строя вела къ напраснымъ потерямъ отъ огня.

Ротныя колонны состояли изъ ротъ баталіона, построенныхъ каждая во взводную густую колонну и разведенныхъ другъ отъ друга по фронту и въ глубину на нѣкоторое незначительное (100—150 шаг.) разстояніе. Ротныя колонны, сохраняя возможность дѣйствовать холоднымъ оружіемъ и помогать другъ другу, были очень хорошо примѣнимы къ мѣстности и мало страдали отъ огня.



Баталіонъ въ густ. полувзв. кол. изъ серед.

Каре исключительно предназначалось для отраженія кавалерійскихъ атакъ и представляло изъ себя строй квадратной или прямоугольной формы, способный дать отпоръ во всѣ стороны.

Вообще же различныхъ формъ сомкнутаго строя было слишкомъ много, всевозможныя перестроенія совершались по весьма точнымъ правиламъ устава, которыя самымъ подробнымъ образомъ указывали мѣста и движенія каждаго человѣка. Большая часть уставовъ была посвящена этимъ эволюціямъ въ сомкнутомъ строѣ, слишкомъ сложнымъ и требовавшимъ много времени, а потому и не всегда пригоднымъ въ настоящемъ бою.

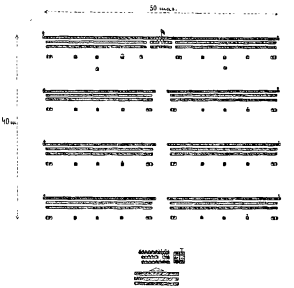
Разсыпной строй, предназначавшійся исключительно для стрѣльбы, состоялъ изъ застрѣльщичьей или стрѣлковой цѣпи и ея резервовъ и былъ двухъ родовъ: 1) когда цѣпь состояла изъ однихъ застрѣльщиковъ, и 2) когда въ цѣпь высылались и прочіе люди части.

Застрѣльщиками назывались 48 лучшихъ стрѣлковъ въ каждой ротѣ, которыхъ особо обучали стрѣльбѣ и дѣйствіямъ въ разсыпномъ строю. Кромѣ того, въ каждой ротѣ было по 6 шту-

церныхъ, которые въ стрѣлковой цѣпи располагались между застрѣльщиками.

Въ стрѣлковой цѣпи люди становились для взаимной защиты попарно на разстояніи между парами отъ 3-хъ до 15-ти шаговъ. Резервъ цѣпи располагался за нею шаговъ въ 100 — 150 и въ такомъ же разстояніи отъ сомкнутаго строя.

Разсыпной строй изъ ротныхъ колоннъ представлялъ изъ себя развитіе цѣпи застрѣльщиковъ и употреблялся въ тѣхъ случаяхъ, когда однихъ застрѣльщиковъ для дѣйствія огнемъ признавалось недостаточно. Въ такомъ случаѣ въ первой линіи становились три роты во взводныхъ колоннахъ, которыя и высылали отъ себя „въ стрѣлки“ столько людей, сколько было нужно, а гренадерская или карабинерная рота составляла боевой резервъ и располагалась въ 100 — 150 шагахъ за серединою первыхъ трехъ ротъ.



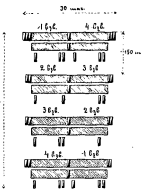
Баталіонъ въ колоннѣ къ атакѣ.

Въ стрѣлковой цѣпи не требовалось строгаго равненія и интерваловъ; люди должны были примѣняться къ мѣстности, могли стрѣлять какъ на мѣстѣ, такъ и въ движеніи по установившейся между парами очереди, а въ каждой парѣ по очереди между людьми, ее составлявшими. Такой порядокъ стрѣльбы назначался съ цѣлью имѣть всегда въ каждой парѣ одно ружье заряженнымъ. Движеніе цѣпи производилось нѣсколько ускореннымъ шагомъ; бѣглый же шагъ употреблялся только въ исключительныхъ случаяхъ.

Вообще же уставныя положенія о разсыпномъ строѣ во многихъ отношеніяхъ вполнѣ удовлетворяли современнымъ взглядамъ на это дѣло, но, къ сожалѣнію, онъ игралъ второстепенную роль въ боевыхъ дѣйствіяхъ того времени. Разсыпной строй большею частью употребляли, какъ средство вспомогательное — передъ фронтомъ своихъ сомкнутыхъ частей, для противодѣйствія непріятельскимъ стрѣлкамъ, или же когда

стрѣльба изъ развернутаго строя становилась почему-либо затруднительной.

Самое распредѣленіе застрѣльщиковъ въ частяхъ было мало приспособлено къ формированію стрѣлковой цѣпи и затрудняло широкое пользованіе ею. То же можно сказать и о лучшихъ стрѣлковыхъ силахъ въ войскахъ, о штуцерныхъ. Они, какъ извѣстно, распредѣлялись по ротамъ и въ бою стрѣляли только штуцерные тѣхъ ротъ, отъ которыхъ были вызваны застрѣльщики; такимъ образомъ бо̀льшая часть штуцерныхъ не принимала участія въ огнѣ, лишая армію содѣйствія и того небольшого числа нарѣзного оружія, которое въ ней имѣлось.



Дивизіонъ въ колоннѣ къ атакѣ.

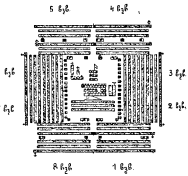
Изъ развернутаго строя стрѣльба производилась или залпами, или рядами (батальный огонь); въ этомъ послѣднемъ случаѣ ряды поочередно стрѣляли одинъ за другимъ съ такимъ расчетомъ, чтобы по возможности огонь былъ непрерывенъ. Вообще стрѣльба изъ развернутаго строя производилась очень медленно, какъ по сложности заряжанія ружей, такъ и по способу производства ея въ строю. Пальба залпами была особенно медленна, и только исключительно хорошо обученныя войска производили ее въ бою безъ замѣшательства и безъ того, чтобы она не переходила въ пальбу рядами. Въ виду изложеннаго чаще употреблялся этотъ послѣдній видъ стрѣльбы.

Боевой порядокъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты состоялъ изъ двухъ боевыхъ линій и резерва [1]). Баталіоны 1-й линіи становились преимущественно въ колоннахъ къ атакѣ, на интервалахъ отъ 100 до 300 шаговъ, или въ развернутомъ строю, а иногда въ ротныхъ колоннахъ, при чемъ этотъ, очень выгодный, строй примѣнялся, къ сожалѣнію, въ исключительныхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Баталіоны 2-й линіи располагались въ 100—300 шагахъ отъ первой въ колоннахъ къ атакѣ, а баталіоны резерва, въ который назначалось отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ всѣхъ войскъ, въ полувзводныхъ колоннахъ изъ середины, въ 400—500 шагахъ отъ второй линіи.

Такой боевой порядокъ, при условіи примѣненія его къ мѣстности и свободы различнаго сочетанія баталіоновъ и интер-

[1]) См. чертежи боевыхъ порядковъ.

валовъ между ними въ зависимости отъ складывающейся обстановки боя, могъ бы удовлетворить всѣмъ тактическимъ требованіямъ. Онъ давалъ возможность подготовить атаку огнемъ, произвести сильный первый натискъ, поддерживать баталіонами второй линіи баталіоны первой, а въ значительномъ резервѣ имѣлъ всѣ средства для довершенія успѣха и парированія случайностей. Но бѣда заключалась въ томъ, что выгодныя стороны боевыхъ порядковъ не замѣчались, ими никогда не пользовались, а все вниманіе обращалось исключительно на самое точное сохраненіе интерваловъ и дистанцій и на равненіе линій. Это, въ свою очередь, придавало боевымъ порядкамъ характеръ чего-то неуклюжаго, мертваго, почти всегда не соотвѣтствовавшаго ни мѣстнымъ условіямъ, ни складывавшейся обстановкѣ.



Каре баталіона изъ полувзв. кол. изъ серед.

Боевыя дѣйствія пѣхоты состояли изъ наступленія и обороны.

При наступленіи боевой порядокъ строился въ такомъ разстояніи отъ непріятеля, „чтобы послѣдній не могъ „напасть на выстраивающіяся войска раньше, чѣмъ они займутъ „свои мѣста“.

Первая линія въ большинствѣ случаевъ и въ особенности, когда была вѣроятность рукопашнаго боя, строилась въ колоннахъ къ атакѣ съ высланными впередъ застрѣльщиками, которые на мѣстности ровной выдвигались не далѣе 200 шаговъ.

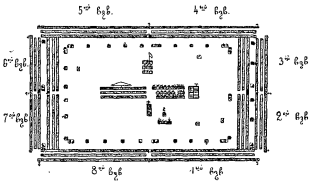
Выстроенный боевой порядокъ подвигался впередъ большею частью всей линіей; допускаемое уставомъ движеніе уступами или въ шахматномъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ огня частей, остававшихся на мѣстѣ, на практикѣ, по своей сложности и опасности, почти не примѣнялось. При движеніи боевыхъ порядковъ обращалось особое вниманіе на строгое равненіе баталіоновъ и точное сохраненіе между ними дистанцій и интерваловъ.

Подойдя къ непріятелю на разстояніе вѣрнаго выстрѣла (250 — 300 шаг.), застрѣльщики открывали огонь и, наступая впереди баталіоновъ, старались оттѣснить стрѣлковую цѣпь противника и разстроить огнемъ его сомкнутыя части.

Собственно атаку или движеніе въ штыки полагалось производить, когда противникъ будетъ ослабленъ нашимъ огнемъ

„до нѣкоторой степени". Ударъ производился или всею линіей одновременно или частями ея, подъ покровительствомъ огня застрѣльщиковъ, которые собирались въ интервалы между баталіонами.

Особенность тактики того времени заключалась между прочимъ въ смѣнѣ боевыхъ линій. Баталіоны первой линіи, въ случаѣ ихъ разстройства или утомленія, смѣнялись баталіонами второй линіи, а эти послѣдніе — резервомъ. Для производства такой замѣны въ бою были установлены точнѣйшія правила, которыя указывали въ какихъ колоннахъ и съ какой стороны



Каре баталіона изъ колонны къ атакѣ.

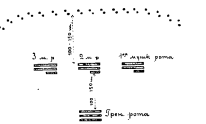
баталіоны одной линіи должны обходить баталіоны смѣняемой линіи.

Этой особенности устава никоимъ образомъ нельзя привѣтствовать. Она, во-первыхъ, лишала войска, введенныя въ дѣло и надѣющіяся на смѣну, необходимой энергіи и, во-вторыхъ, узаконяла преступную, съ военной точки зрѣнія, систему введенія войскъ въ бой по частямъ, а не полное напряженіе силъ всего отряда для достиженія конечнаго успѣха дѣла.

Оборонительный бой пѣхоты велся на тѣхъ же общихъ основаніяхъ, какъ и наступательный. Первая линія, если она была построена развернутымъ фронтомъ или въ ротныхъ колоннахъ, встрѣчала непріятеля огнемъ, и если огонь этотъ не задерживалъ наступленія непріятеля, то вторая линія проходила сквозь первую и встрѣчала атаку атакой; первая же свертывалась въ колонны къ атакѣ. Такой способъ былъ нѣсколько рискованъ, такъ какъ въ случаѣ неудачной атаки второй линіей, непріятель врывался на ея плечахъ на позицію въ то время, когда первая линія не

успѣвала перестраиваться въ колонны къ атакѣ, а резервы не успѣвали пододвинуться впередъ. Если первая линія была построена въ колоннахъ, то она не выжидала удара на мѣстѣ, а какъ только противникъ оттѣснялъ застрѣльщиковъ, баталіоны этой линіи тотчасъ же встрѣчали атаку атакой.

Атаки кавалеріи отбивались изъ каре, которыя всегда располагались въ шахматномъ порядкѣ. Кавалерія встрѣчалась преимущественно батальнымъ огнемъ съ 40—50, рѣдко со 100 шаговъ, а иногда и залпами, послѣ чего люди брали на руку. Въ рѣдкихъ случаяхъ каре разрѣшалось наступать противъ кавалеріи, если она была расположена далеко, и если ее надо было заставить отойти еще дальше.



Баталіонъ въ ротн. колонн. съ разсыпанн. полувзводами.

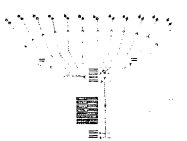
Кавалерія. Какъ изложено выше, въ составъ нашей арміи входили кавалерійскіе полки разныхъ видовъ. Кирасиры, комплектовавшіеся изъ рослыхъ людей, посаженныхъ на рослыхъ коней, предназначались главнымъ образомъ для нанесенія сильныхъ ударовъ въ сомкнутомъ строю; гусары и уланы, составляя легкую кавалерію, преимущественно предназначались для дѣйствій, требующихъ быстрыхъ передвиженій на далекія разстоянія, и пріучались вести бой, какъ въ сомкнутомъ, такъ и въ одиночномъ строю. Драгуны представляли изъ себя, такъ сказать, среднюю кавалерію, назначавшуюся для дѣйствія въ сомкнутомъ конномъ строю и для спѣшиванія.

Строи кавалеріи состояли изъ: развернутаго для производства атакъ, колоннъ для маневрированія на полѣ сраженія и походныхъ движеній, разсыпного—для разсыпной атаки, когда требовалось достигнуть не столько силы удара, сколько быстроты нападенія, и, наконецъ, строя для фланкированія [1]). Этотъ послѣдній строй состоялъ изъ высланныхъ впередъ полуэскадроновъ, которые разсыпали цѣпь, оставляя въ тылу, въ разстояніи около 100 шаговъ, отъ каждаго взвода маленькія поддержки; остальные полуэскадроны составляли резервы, двигавшіеся въ сомкнутомъ строю шаговъ въ 100 за поддержками. Назначеніе фланкеровъ состояло въ дѣйствіи огнемъ съ коня противъ одиночныхъ всадниковъ

[1]) Подробнѣе см. въ приложеніи № 186.

непріятеля, съ цѣлью не допустить ихъ до нашего сомкнутаго строя, въ осмотрѣ передъ атакою мѣста передъ фронтомъ своей кавалеріи, а иногда и въ заблаговременномъ осмотрѣ расположенія противника. Навряд ли уставное построеніе, предназначавшееся для фланкеровъ, способствовало выполненію всѣхъ этихъ задачъ; дѣйствіе же послѣднихъ цѣпью съ частой стрѣльбой съ коня являлось какъ бы увлеченіемъ кавалеріи стрѣльбою въ разсыпномъ строю.

Спѣшиваніе легкой кавалеріи примѣнялось очень рѣдко и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Для этой цѣли спеціально употреблялись драгуны, изъ 10 эскадроновъ которыхъ спѣшивалось 8, составляя въ пѣшемъ строю 8 взводный баталіонъ.



Батал. съ 2-мя взвод. разсып. застрѣльщ.

Въ отношеніи построенія для боя и боевыхъ дѣйствій кавалерія разсматриваемой эпохи мало отличалась отъ современной; необходимыя детали читатели найдутъ въ приложеніи [1]). Здѣсь же отмѣтимъ только одну особенность устава, сравнительно съ нынѣшними требованіями. Въ боевыхъ порядкахъ кавалеріи того времени 2-я линія располагалась не уступомъ за 1-й, какъ это принято нынѣ, когда она имѣетъ фронтъ открытымъ для дѣйствія противъ непріятеля, а въ затылокъ ей, и предназначалась такъ же, какъ и въ боевыхъ порядкахъ пѣхоты, для смѣны 1-й линіи въ случаѣ ея неудачи.

Вообще же кавалерійскій уставъ временъ Крымской войны такъ же, какъ и пѣхотный, былъ очень сложенъ, включалъ массу совершенно ненужныхъ построеній и старался предусмотрѣть многія случайности, подробности и утонченности, совершенно не примѣнимыя въ бою.

Артиллерія [2]) состояла изъ батарей пѣшихъ 12-ти орудійнаго въ военное время состава и конныхъ 8-ми орудійнаго состава.

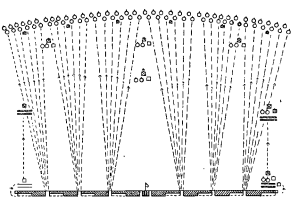
Пѣшія батареи, въ свою очередь, состояли изъ батарейныхъ, вооруженныхъ шестью 12-ти фунтовыми пушками и шестью ½ пудовыми единорогами, и легкихъ — изъ восьми 6-ти фунтовыхъ пушекъ и четырехъ ¼ пудовыхъ единороговъ. Конныя батарей-

---

[1]) Подробнѣе см. въ приложеніи № 186.
[2]) Подробнѣе см. въ приложеніи № 186.

ныя батареи состояли изъ восьми ½ пудовыхъ единороговъ, а легкія — изъ четырехъ 6-ти фунтовыхъ пушекъ и четырехъ ¼ пудовыхъ единороговъ.

Такой разнообразный составъ батарей объясняется тѣмъ, что пушки, дѣйствуя хорошо ядрами и на большія разстоянія, были неудобны для дѣйствія картечью; единороги же, удобные для стрѣльбы гранатами и картечью, вовсе не стрѣляли ядрами, и къ тому же на большія разстоянія дѣйствіе ихъ было слабое. Значительное число единороговъ въ конной артиллеріи вызывалось желаніемъ стрѣльбы по кавалеріи преимущественно снарядами



Разсып. застрѣльщ. непосред. изъ строя.

съ разрывнымъ дѣйствіемъ. Большимъ недостаткомъ разнообразія калибровъ въ составѣ одной батареи являлась затруднительность въ снабженіи ихъ снарядами.

Строи артиллеріи были двухъ родовъ; уставъ, сравнительно съ нынѣшнимъ, никакихъ рѣзкихъ особенностей не представлялъ.

Огонь полагалось открывать съ разстояній вѣрнаго выстрѣла, т.-е. съ 400-500 саж. и только по густымъ колоннамъ допускалась стрѣльба съ 600 саж.

При расположеніи на позиціи нѣсколькихъ батарей въ резервъ преимущественно назначались легкія, какъ болѣе подвижныя, батареи. Въ боевой линіи батарея отъ батареи располагалась на разстояніи картечнаго выстрѣла; батарей не позволялось дробить, но не разрѣшалось и соединять по нѣсколько вмѣстѣ. Нельзя сказать, чтобы въ то время не признавалась польза массированія артиллеріи въ большія группы, но препятствіемъ къ такому массированію считались: малая дальность огня, ограничивающая кругъ

дѣйствій соединенной батареи, трудность прикрытія ея, при существовавшей системѣ построенія боевыхъ порядковъ, другими войсками и, наконецъ, нежеланіе ослаблять прочіе пункты боевого расположенія.

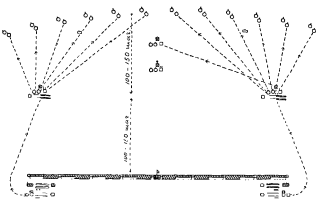
II.

Для совокупныхъ дѣйствій различныхъ родовъ оружія были установлены такъ называемые нормальные боевые порядки пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій съ ихъ артиллеріей. Эти порядки не только опредѣляли общее расположеніе войскъ въ бою, но и точно устанавливали всѣ интервалы и дистанціи между ними, стараясь охватить наиболѣе типичные случаи боя.

Можетъ-быть, въ основѣ своей идея установленія нѣсколькихъ нормъ боевыхъ порядковъ, объемлющихъ характерныя свойства современнаго боя и пользованія сильными сторонами различныхъ родовъ оружія, и имѣла свои положительныя стороны; они даже были необходимы, какъ полезное пособіе при томъ ничтожномъ военномъ кругозорѣ, которымъ отличалось подавляющее большинство начальствующихъ лицъ въ нашей арміи. Но узкій взглядъ на назначеніе уставныхъ боевыхъ порядковъ, которымъ были проникнуты даже самые выдающіеся представители нашихъ военно-начальниковъ, обратилъ ихъ въ мертвую рутину, которая въ бою стѣсняла природный инстинктъ и сковывала лучшія намѣренія многихъ изъ генераловъ. Они смотрѣли на боевые порядки, какъ на нѣчто неподвижное, связанное ненарушимыми цифрами и долженствовавшее въ сраженіи непремѣнно быть перенесеннымъ на мѣстность, ни чуть не отступая отъ уставнаго чертежа.

Выгодная безспорно сторона боевыхъ порядковъ заключалась въ томъ, что они давали въ руки начальниковъ отряды, вполнѣ сплоченные, умѣвшіе превосходно маневрировать на поляхъ сраженія съ точнымъ сохраненіемъ интерваловъ и дистанцій. Мы жили еще воспоминаніями Наполеоновскихъ войнъ, когда маршалъ Ланъ считался совершенствомъ, потому что онъ неподражаемо „умѣлъ „маневрировать съ 30-ю тысячнымъ корпусомъ на полѣ сраженія“; жили воспоминаніями нашихъ побѣдъ надъ первымъ полководцемъ въ мірѣ, которыя приписывались искусству вожденія сплоченныхъ массъ. Подготовить армію къ умѣнью маневрировать въ со-

вершенствѣ, добиться, чтобы она при всякой обстановкѣ двигалась на непріятеля въ стройномъ порядкѣ, въ ногу, и сохраняя равненіе, считалось самымъ труднымъ и необходимымъ дѣломъ, на которое у насъ было обращено особое вниманіе. „Одно изъ важнѣйшихъ военныхъ знаній“, писалъ въ 1853 году генералъ-адъютантъ Ростовцовъ Наслѣднику Цесаревичу, „безъ „котораго всѣ прочія остаются непримѣнимыми, а именно умѣнье „маневрировать въ значительныхъ массахъ безъ замѣшатель„ства, доведено въ нашихъ войскахъ несравненно до высшей „степени, чѣмъ въ какой-либо другой арміи“.



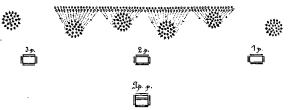
Баталіонъ съ 2-мя полувзв. застрѣльщ.

Но громаднымъ большинствомъ нашихъ генераловъ выгодная сторона боевыхъ порядковъ не понималась, и въ своемъ одностороннемъ увлеченіи они иногда доходили до смѣшного. Цѣль уставныхъ боевыхъ порядковъ видали, напримѣръ, въ томъ, что, благодаря имъ, старшій начальникъ будетъ избавленъ отъ необходимости отдавать подробныя приказанія каждой части, гдѣ и въ какомъ строѣ стать, а что онъ можетъ ограничиться только командой: „По такой-то части, въ такой-то боевой порядокъ стройся!“

Въ могущественную силу уставныхъ боевыхъ порядковъ вѣра была такъ велика, что во время Венгерской войны фельдмаршалъ князь Варшавскій и генералъ Панютинъ, донося о побѣдахъ послѣдняго надъ венграми, приписывали ихъ, дѣйствительно или умышленно, построенію Панютиныхъ войскъ въ первый боевой порядокъ, а не чему-либо другому [1]). „Государь хвалилъ боевые

[1]) Рукоп. записки одного изъ современниковъ.

„порядки", занесъ въ свой дневникъ за 1849 годъ Н. Н. Муравьевъ, „говоря, что фельдмаршалъ описываетъ ему пользу ихъ „на практикѣ. — Стало быть", продолжалъ Государь, „все, что „мы нынѣ въ мирное время дѣлаемъ при образованіи войскъ, „правильно и необходимо для военнаго времени. Я отвѣчалъ, что „всякій боевой порядокъ, употребляемый въ дѣлѣ противъ непрія„теля, болѣе или менѣе уподобляется первому и второму боевому „порядку: двѣ боевыя линіи и резервъ. — *Съ примѣненіемъ къ „мѣстности,* сказалъ Государь"... „Стало быть", пишетъ Н. Н. Муравьевъ въ другомъ мѣстѣ, „они увѣрены, что эти боевые



Встрѣча кавал. атаки (3 взв. въ цѣпи).

„порядки суть настоящія изображенія военныхъ дѣйствій, и что „тотъ только воинъ, кто знаетъ равненіе, дистанціи и интервалы. „Государь убѣжденъ по ложнымъ и грубо льстивымъ донесеніямъ „фельдмаршала, что войска вступали въ дѣло въ предписанномъ „уставомъ строѣ боевыхъ порядковъ".

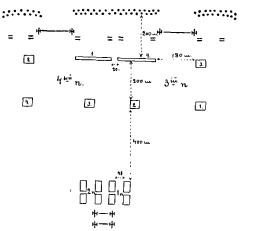
Вотъ въ чемъ коренилась причина ненормальнаго отношенія войскъ къ уставнымъ формамъ; вотъ отношеніе къ дѣлу знаменитаго „отца-командира", который въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ, совмѣстно съ фельдмаршальскимъ жезломъ, бо́льшую и лучшую часть нашихъ вооруженныхъ силъ. Вполнѣ понятно, что при содѣйствіи такихъ помощниковъ, широкій безспорно военный взглядъ Государя или вполнѣ парализовался, или выливался на практикѣ въ то ненормальное положеніе, которымъ жила наша армія.

Для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій пѣхоты съ артиллеріей существовало 4 боевыхъ порядка [1]) и одинъ резервный. Каждый изъ этихъ боевыхъ порядковъ состоялъ изъ различнаго сочетанія баталіоновъ въ двухъ боевыхъ линіяхъ и въ резервѣ; артиллерія распредѣлялась равномѣрно по фронту 1-й боевой линіи нѣсколько

[1]) Подробнѣе см. въ приложеніи № 186.

(100 - 150 шаг.) впереди ея, подъ прикрытіемъ застрѣльщичьихъ цѣпей, а часть ея оставалась при резервѣ.

Первый боевой порядокъ предназначался для обороны, а также для тѣхъ случаевъ боя, когда обстановка еще не выяснена; это было сосредоточенное расположеніе, которое давало возможность сильно дѣйствовать огнемъ и сохранять половину войскъ въ резервѣ. Второй боевой порядокъ также предназначался для начала дѣйствій, при невыясненной еще обстановкѣ, когда дивизія должна была занять большое протяженіе по фронту или должна была начать бой наступленіемъ; сохраняя половину войскъ въ резервѣ, этотъ порядокъ располагалъ боевыя линіи шире и въ строяхъ, удобныхъ для движенія. Третій боевой порядокъ соотвѣтствовалъ уже выяснившейся обстановкѣ; въ боевыя линіи въ немъ назначалось три полка, при чемъ первая линія была способна открыть сильный, но, къ сожалѣнію, равномѣрный по всему фронту огонь. Четвертый боевой порядокъ преимущественно предназначался для удара въ штыки; онъ имѣлъ въ боевыхъ линіяхъ три полка, построенныхъ въ колоннахъ къ атакѣ, и въ резервѣ одинъ полкъ.

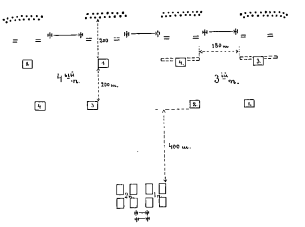


1-й боевой порядокъ пѣх. дивизіи.

Уставныя требованія, сопровождавшія эти боевые порядки, требованія, понимаемыя къ тому же исполнителями до нельзя узко, уничтожали все хорошее, вложенное въ суть ихъ, и обратили ихъ въ тотъ рецептъ веденія боя, слѣпое слѣдованіе которому такъ дорого стоило нашей арміи.

Уставъ точно указывалъ, какимъ полкамъ и бригадамъ стоять впереди и какимъ сзади; баталіоны размѣщались по старшинству номеровъ, а самые боевые порядки на ученіяхъ строились по жалонерамъ, и только въ бою этого не требовалось; для примѣненія же къ мѣстности баталіоны разрѣшалось передвигать не болѣе, чѣмъ на 50 шаговъ. Въ боевыхъ линіяхъ разрѣшалось держать опредѣленное число баталіоновъ, и строго проводилась идея равномѣрности силъ по фронту.

До чего такой характеръ уставныхъ требованій и вліяніе извѣстной системы обученія вошли въ плоть и кровь даже лучшихъ представителей изъ начальствующихъ лицъ того времени, можно судить по интересному донесенію командира 5-го пѣхотнаго корпуса генерала Лидерса въ 1852 году въ Военное Министерство [1]), что „при корпусномъ штабѣ нѣтъ никакихъ правилъ для „употребленія состоящаго при корпусѣ стрѣлковаго баталіона", при чемъ генералъ Лидерсъ просилъ указанія мѣстъ для него „на церемоніальномъ маршѣ, „на общихъ линейныхъ уче- „ніяхъ и въ боевыхъ по- „рядкахъ". Очевидно, что Высочайшее повелѣніе отъ 30 апрѣля 1844 года, по которому „стрѣлковые бата- „ліоны не должны имѣть „опредѣленнаго мѣста въ „линіяхъ боевыхъ поряд- „ковъ, но должны нахо- „диться въ непосредствен- „номъ вѣдѣніи команди- „ровъ корпусовъ и т. д.", не удовлетворяло современныхъ исполнителей, привыкшихъ держаться устава, какъ каменной стѣны.



2-й боевой порядокъ пѣхотн. дивизіи.

Для дѣйствія кавалеріи съ конной артиллеріей также было установлено три боевыхъ порядка, подробное описаніе которыхъ помѣщается въ приложеніи [2]). Общій характеръ ихъ носилъ тотъ же отпечатокъ, какъ и въ пѣхотѣ. Тѣ же точно опредѣленныя формы, слишкомъ стѣснявшія инициативу частныхъ начальниковъ и тормозившія находчивость, то же равномѣрное распредѣленіе силъ по фронту и та же симметричность.

Боевые порядки отрядовъ изъ трехъ родовъ оружія собственно состояли изъ боевыхъ порядковъ пѣхоты и пѣшей артиллеріи, къ которымъ присоединялась кавалерія. Эта послѣдняя при наступленіи высылалась возможно далѣе впередъ для прикрытія перестроенія пѣхоты и для дѣйствія противъ непріятель-

---

[1]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 3, д. № 984 2.
[2]) См. прилож. № 186.

ской кавалеріи; при оборонѣ же она выдвигалась всего на 2-3 версты впередъ или же прямо располагалась въ резервѣ за центромъ или за однимъ изъ фланговъ боевого порядка. Во время боя на кавалеріи лежала обязанность развѣдыванія, охраненія фланговъ, а, при удобномъ случаѣ, и атаки противника.

Характеръ наступательнаго и оборонительнаго боя въ общихъ чертахъ сводился къ слѣдующему.

При наступленіи боевой порядокъ подходилъ къ непріятелю на разстояніе дальняго пушечнаго выстрѣла, 400-500 саж., откуда начиналось артиллерійское состязаніе сторонъ. Это время служило для производства рекогносцировки противника и окончательнаго видоизмѣненія боевого порядка въ зависимости отъ собранныхъ свѣдѣній. Послѣ болѣе или менѣе продолжительной артиллерійской стрѣльбы боевой порядокъ двигался впередъ и, подойдя къ противнику на 300-350 саж., вновь пріостанавливался для подготовки въ данномъ случаѣ атаки огнемъ. Артиллерія съ этой позиціи продолжала дѣйствовать по артиллеріи, а застрѣльщики завязывали бой съ разсыпанными частями непріятельской пѣхоты и, оттѣснивъ ихъ, обстрѣливали непріятельскую артиллерію и сомкнутыя части непріятельской пѣхоты. При дальнѣйшемъ наступленіи пѣхоты впередъ съ ней двигалась и артиллерія до дистанціи картечнаго выстрѣла (400-500 шаг.), откуда и покровительствовала пѣхотной атакѣ своимъ огнемъ.

При движеніи въ атаку требовался строгій порядокъ—равненіе, нога, интервалы и дистанціи. Въ этомъ полагался залогъ успѣха; считалось, что если баталіоны доведены до того, что идутъ въ атаку въ ногу и соблюдаютъ всѣ остальныя правила движеній сомкнутаго строя, то никто изъ солдатъ не оставитъ рядовъ, и въ то же время приближеніе стройной массы должно производить на противника подавляющее впечатлѣніе. Самое движеніе производилось ускореннымъ шагомъ, безъ стрѣльбы; не доходя 20-30 шаговъ до противника, люди бѣгомъ бросались въ штыки.

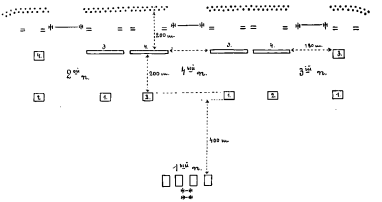
Вторая линія безостановочно слѣдовала за первой съ цѣлью поддержать ее при успѣхѣ и смѣнить при неудачѣ.

Въ случаѣ успѣшной атаки батареи выѣзжали еще впередъ для дѣйствія по отступающему, а въ случаѣ неудачи онѣ занимали позицію нѣсколько позади, для прикрытія своимъ огнемъ отступленія отбитыхъ частей.

Оборона въ общемъ велась такъ, какъ изложено выше, при разсмотрѣніи боевыхъ дѣйствій пѣхоты.

Общій обзоръ тактическаго устройства нашей арміи того времени показываетъ, что отличительными чертами нашей тактики были: стремленіе къ дѣйствіямъ большими сомкнутыми массами; взглядъ на разсыпной строй, какъ на средство вспомогательное; твердость формъ боевыхъ порядковъ; малая ихъ гибкость и примѣняемость къ мѣстности; большая приверженность къ точнымъ цифровымъ даннымъ; малая подготовка атаки огнемъ и пренебреженіе къ мѣрамъ, уменьшающимъ потери отъ огня.

Безспорно, что одной изъ причинъ неудачнаго для насъ исхода Восточной войны была и наша тактика съ ея нормальными



3-й боевой порядокъ пѣхотн. дивизіи.

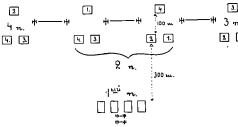
боевыми порядками и способомъ дѣйствій, требующимъ стройности движеній и совершенно ровныхъ мѣстъ. Въ эту же войну намъ преимущественно приходилось дѣйствовать на мѣстности пересѣченной, гдѣ наши боевые порядки были непримѣнимы, а наши войска и военно-начальники другихъ способовъ дѣйствій не знали.

Дивизіи генерала Соймонова въ Инкерманскомъ сраженіи, напримѣръ, назначено было строиться въ первой боевой порядокъ, а въ сущности, попавъ впотьмахъ на мѣстность крайне пересѣченную, она вступила въ бой безъ всякаго порядка. Кавалеріи за всю войну представлялся въ Балаклавскомъ сраженіи единственный случай выстроить уставной боевой порядокъ, но и тутъ она не могла этого сдѣлать за недостаткомъ времени и мѣста [1]).

---

[1]) Герсевановъ. „О причинахъ тактич. превосходства въ кампанію 1854—1856 гг.". Изд. 1856 г.

Тактическое устройство и образованіе иностранныхъ армій было несравненно выше. Лучше вооруженныя, лучше обученныя стрѣльбѣ, онѣ широко пользовались разсыпнымъ строемъ. Французы около двадцати лѣтъ воевали съ арабами и кабилами, и это сильно повліяло на развитіе у нихъ разсыпного строя и на приданіе должнаго значенія огню. Они уступали намъ въ мѣткости стрѣльбы артиллеріи и штуцерныхъ, но превосходили въ быстротѣ всѣхъ движеній и атакъ и въ умѣніи примѣняться къ мѣстности. Англичане, хотя въ теченіе всей войны и отличались непомѣрною медленностью движеній, но по стрѣльбѣ стояли также много выше нашихъ войскъ.



4-й боевой порядокъ пѣх. дивизіи.

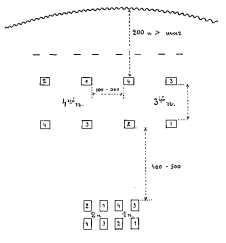
Въ самомъ началѣ войны, въ Алминскомъ сраженіи, французы для опыта впервые примѣнили двухшереножный строй и, видя его выгоды, продолжали дѣйствовать въ немъ во время всей кампаніи; мы же продолжали нести безполезныя потери и даромъ держать людей въ третьихъ шеренгахъ до окончанія кампаніи.

Во всѣхъ сраженіяхъ въ полѣ наша армія, соблюдая главнымъ образомъ стройность движенія въ массахъ, несла огромныя потери. Застрѣльщики, больше привыкшіе къ сомкнутому строю, заботились въ цѣпи почти исключительно о сохраненіи интерваловъ, дистанцій и даже равненія, совершенно забывая о мѣткой стрѣльбѣ и примѣненіи къ мѣстности. Наши колонны лишались массы начальниковъ и людей, далеко еще не доходя до противника. Ольтеница, Инкерманъ, Черная свидѣтельствуютъ объ этихъ печальныхъ особенностяхъ нашей тактики.

И какимъ диссонансомъ съ только-что очерченной тяжелой картиной тактическаго устройства нашихъ войскъ звучатъ собственные взгляды Государя Николая Павловича на характеръ тогдашнихъ уставныхъ требованій при примѣненіи ихъ къ военнымъ дѣйствіямъ.

Прочитавъ описаніе дѣла подъ Ольтеницей, Государь собственноручно сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія по поводу весьма точнаго примѣненія генераломъ Данненбергомъ уставныхъ требо-

ваній въ этомъ бою [1]): „1) двухъ батарей было мало“, пишетъ Государь, „чтобы уничтожить артиллерію укрѣпленій; 2) атака „пѣхотою, вопреки всѣмъ правиламъ, ведена колоннами къ атакѣ въ „почти сплошномъ построеніи; 3) слѣдовало въ помощь артил„леріи имѣть цѣпь всѣхъ штуцерныхъ бригады, которымъ сосре„доточивать свой огонь по амбразурамъ; 4) переднюю линію вести „ротными колоннами, со стрѣлками „въ интервалахъ“ и т. д.



Боев. пор. пѣх. див. изъ 4-хъ батал. полковъ.

Отсюда видно насколько отличался взглядъ Государя отъ существовавшаго тогда общаго взгляда на букву уставныхъ тактическихъ формъ!

„Впрочемъ“, писалъ вслѣдъ за этимъ военный министръ князю Горчакову [2]), „Государь Императоръ „увѣренъ, что вы приняли мѣры, „дабы тактическія правила, утвер„жденныя уставомъ, соблюдались „во всей точности“.

Трудно было исполнителямъ сочетать взгляды Государя съ узкой рамкой, даваемой его министромъ, а также фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ.

„Его Свѣтлость“, писалъ князь Горчаковъ генералу Лидерсу 20 апрѣля 1854 года [3]), „полагаетъ, что, въ случаѣ боя двумя „вашими дивизіями, всего выгоднѣе принять слѣдующее распре„дѣленіе войскъ: каждую дивизію для боя имѣть въ 12-ти ба„таліонномъ составѣ съ тѣмъ, чтобы оныя строились, имѣя по „4 баталіона въ первой и во второй линіи и по 4 баталіона „въ резервѣ, а изъ остальныхъ 8-ми баталіоновъ, присоединивъ „къ коимъ стрѣлковые, составить особый резервъ. Кавалерію „же держать между симъ резервомъ и боевыми дивизіями“.

Дѣйствительно, въ уставѣ вѣдь не было чертежа и точныхъ цифръ построенія цѣлаго корпуса для боя, и фельдмаршалъ, среди своихъ обширныхъ боевыхъ заботъ, считаетъ необходимымъ

---

[1]) Собств. Его Вел. библ., Рук. отд., шк. 115, порт. 14.
[2]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3333.
[3]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

прійти въ этомъ отношеніи на помощь лучшему изъ корпусныхъ командировъ. Онъ, очевидно, не сознавалъ всего вреда даваемыхъ имъ генералу Лидерсу за нѣсколько сотъ верстъ точныхъ указаній, какъ строиться для веденія боя въ неизвѣстной обстановкѣ, на неизвѣстной мѣстности и не будучи совершенно знакомъ съ предположеніями непріятеля.

III.

На боевыя качества арміи оказываютъ вліяніе не только современныя уставныя и тактическія требованія, но и характеръ проведенія этихъ требованій въ жизнь, способъ надлежащаго обработыванія силъ, мыслей и привычекъ каждаго отдѣльнаго бойца, а въ особенности лицъ, которымъ ввѣрено въ бою руководство себѣ подобными.

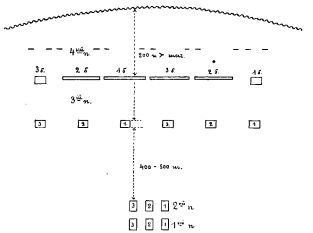
Война представляетъ изъ себя такой калейдоскопъ измѣняющихся различныхъ положеній, разнообразной обстановки, состоянія физическихъ и нравственныхъ силъ войска; она находится въ самой тѣсной зависимости отъ умѣлаго пользованія слабыми сторонами противника, который всегда желаетъ ускользнуть отъ нашего вліянія и итти наперекоръ нашимъ намѣреніямъ. Успѣшное веденіе войны поэтому требуетъ столь же полнаго и всесторонняго напряженія всѣхъ умственныхъ, физическихъ и нравственныхъ силъ арміи и столь же разносторонней гибкости ея, какъ гибки въ своихъ измѣненіяхъ тѣ силы и обстоятельства, противъ которыхъ и при посредствѣ которыхъ арміи приходится дѣйствовать.

Въ достиженіи положительныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ имѣютъ значеніе не только установившіяся въ арміи уставныя и тактическія формы, но и въ особенности соотвѣтственно направленное ея *образованіе*.

Уставы, какъ бы они ни были несовершенны, всегда дадутъ возможность правильно веденной и обученной арміи выказать необходимую на войнѣ гибкость, даже не нарушая формъ устава, и, напротивъ, для арміи, обученной и воспитанной въ фальшивомъ направленіи, самыя широкія уставныя формы не помогутъ оказаться побѣдоносной. Эти послѣднія могутъ быть измѣнены однимъ взмахомъ пера, но то, что входило въ плоть и кровь войскъ въ теченіе долгихъ лѣтъ мирной жизни — образованіе и воспитаніе каждаго отдѣльнаго лица, можетъ измѣниться только

годами или кровавыми уроками, стоящими Государству десятковъ лѣтъ жизненнаго застоя и многихъ испытаній.

Длинные промежутки мира всегда кладутъ свой нежелательный отпечатокъ на качества армій всѣхъ націй. Всѣ элементы войны настолько разносторонни, многіе изъ нихъ до того неуловимы, до того не подлежатъ реальному подсчету разума, что въ мирное время невольно забываются и при подготовкѣ арміи не принимаются въ расчетъ. Съ другой стороны, впечатлѣніе побѣдоносной войны всегда заставляетъ искать причинъ успѣха въ какихъ-нибудь новыхъ, особо ощутительныхъ обстоятельствахъ,



Боевой порядокъ 6-ти пѣхотныхъ полковъ.

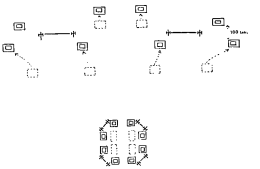
безъ обращенія должнаго вниманія на всю совокупность происходившаго. Эти обстоятельства привѣтствуются, какъ единственные виновники побѣды, они проводятся въ жизнь въ теченіе послѣдующаго продолжительнаго мирнаго періода. Арміи воспитываются въ духѣ этихъ мнимыхъ исключительныхъ вершителей судебъ народовъ, забывая все остальное, и горе тѣмъ отдѣльнымъ смѣльчакамъ, которые осмѣлились бы поднять голосъ противъ общаго увлеченія. Таковъ законъ природы, такова сила вещей, которые всегда оказывали и будутъ оказывать вліяніе на мирную подготовку армій.

Обстановка, въ которой обучалась и подготавливалась наша армія временъ Крымской войны, была очень неблагопріятная. Выдающіеся дѣятели войнъ за освобожденіе Европы, вдохновленные идеями великаго Суворова, давно сошли со сцены, а завѣты ихъ позабыты; незначительныя войны, Персидская и Польская, увѣн-

чали дешевыми лаврами новыхъ героевъ, поставленныхъ волею судебъ во главѣ нашихъ вооруженныхъ силъ на послѣдующій долгій періодъ мира. Привычные имъ образцы военныхъ дѣйствій, подтвержденные успѣхами подъ Эриванью и Варшавой, сдѣлались руководящими въ нашей арміи до Крымской войны включительно.

Тонъ всему образованію войскъ безспорно даютъ начальствующія лица, верхи арміи.

Рѣдко кому изъ государственныхъ дѣятелей приходилось выдерживать столько упрековъ ближайшаго потомства въ неудачахъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, какіе выпали на долю Императора Николая Павловича. Полагали, казалось, что, подобно тому, какъ могучая натура Николая I несла на одномъ себѣ въ теченіе тридцати лѣтъ все бремя государственной жизни Россіи, память о немъ приметъ на себя всю вину его ближайшихъ сотрудниковъ.



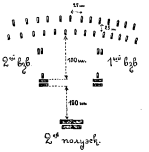
Встрѣча кавал. атаки пѣхотн. дивизіей.

Личность Императора Николая Павловича должна была бы играть первенствующее значеніе въ дѣлѣ образованія нашей арміи. Его прирожденные военные таланты, здравый взглядъ, его любовь къ военному дѣлу и къ своей арміи должны были бы служить порукой успѣшному веденію дѣла, но въ дѣйствительности этого не оказалось. Военная дѣятельность Императора Николая Павловича служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, насколько благія намѣренія монарха могутъ оказаться безполезными, если онъ одинокъ въ своей работѣ.

Всѣ тѣ отдѣльныя военныя мысли Государя, которыя вышли въ разное время изъ-подъ его пера, заставляютъ признать въ немъ широкій военный взглядъ, далеко оставившій за собой понятія даже лучшихъ представителей своего времени, и правильное пониманіе сути военнаго дѣла. Сужденія Государя о разныхъ военныхъ вопросахъ, разбросанныя въ его собственноручныхъ письмахъ и замѣткахъ; та самостоятельность, которую Государь предоставлялъ своимъ главнокомандующимъ на войнѣ, осторожно дѣлая имъ намеки изъ боязни стѣснить даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ дѣйствія достойны были явнаго осужденія;

мѣры его для развитія маневровъ и военной игры съ цѣлью надлежащей подготовки начальствующихъ лицъ,—все это съ успѣхомъ можетъ удовлетворить самыя строгія современныя требованія.

Но, къ сожалѣнію, проведеніе въ жизнь всѣхъ мыслей Императора Николая Павловича очень часто выливалось въ невозможную форму. Ближайшіе его сотрудники не схватывали идей Государя въ полномъ ихъ объемѣ, не вникали въ ихъ суть, а ограничивались лишь ихъ буквою, которую и прививали къ арміи, совершенно извращая общій смыслъ [1]).



Эскадронъ съ высланными фланкерами.

Мирная обстановка обученія армій давала возможность Государю на своихъ смотрахъ обращать вниманіе и повѣрять только то, что можно схватить въ короткое время Высочайшаго смотра, и что бросалось въ глаза, т.-е. показную сторону: дисциплину, сплоченность, умѣніе сноровисто маневрировать и пр. На эти-то внѣшніе признаки только и обращалось исполнителями вниманіе, и въ нихъ видѣли залогъ дешеваго успѣха смотра.

Такая постановка дѣла порождала двойную бѣду. Съ одной стороны, Государь, видя, какъ всѣ требованія его быстро прививаются къ войскамъ, и слыша только льстивые отзывы о нихъ, все болѣе и болѣе вѣрилъ въ выполнимость и пользу имъ требуемаго и все болѣе увлекался въ одномъ направленіи; съ другой же стороны, армія воспитала цѣлое поколѣніе начальствующихъ лицъ въ фальшивомъ взглядѣ на военное дѣло.

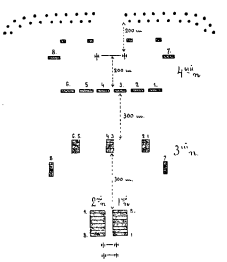
Къ характернымъ особенностямъ Государя Николая Павловича слѣдуетъ отнести унаслѣдованную имъ съ дѣтства, со временъ Императора Александра I, любовь къ техникѣ солдатскаго ремесла; стойку, маршировку, ружейные пріемы, все это Государь зналъ въ совершенствѣ и любилъ, какъ привычку, вкоренившуюся съ юношескаго возраста. Такое маленькое пристрастіе Государя оказало также большое вліяніе на образованіе нашей арміи. Корпусные командиры строили на чистотѣ этой техники, которой хотѣли блеснуть на Царскихъ смотрахъ, свои служебные

---

[1]) Къ этому выводу насъ привело изученіе всей переписки Государя, а также рукописныхъ дневниковъ кн. Меншикова, Муравьева и др.

успѣхи, а ихъ требованія, катясь по наклонной плоскости, увеличивались, какъ комъ снѣга, и воплощались въ уродливое одиночное обученіе солдатъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Считая свою армію на высотѣ совершенства, тяжело было Государю такъ глубоко ошибиться въ этомъ въ послѣдніе годы своей жизни. „Теперь сбираемся воевать“, писалъ онъ князю Варшавскому 25 іюля 1852 года изъ Петергофа [1]), „командую „противъ Ридигера, продолжится, думаю, 8 дней. Посмотримъ, „что будетъ. Чужестранцы просто „осовѣли, они остолбенѣли здорово!“ И это всего за годъ до войны!



1-й боевой порядокъ легкой кавалер. дивизіи.

Императоръ Николай отличался большимъ довѣріемъ къ своимъ приближеннымъ, которое онъ сохранялъ до тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда несомнѣнные факты убѣждали его въ ошибкѣ. Этой отличительной чертой Государя многіе пользовались, и она была причиной тому, что истинное положеніе дѣлъ до Государя не доходило; всѣ отрасли государственной жизни ему представлялись въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности. Довѣренныя лица Государя очень часто не имѣли гражданскаго мужества сознаться въ непорядкахъ подвѣдомственныхъ имъ частей, и рѣдко доходило до Государя слово правды [2]).

„При изученіи срочныхъ отчетовъ“, всеподданнѣйше доносилъ генералъ Глинка 20 іюня 1856 года [3]), „проявляется тотъ рази„тельный фактъ, что всѣ они суть ничто иное, какъ хвалебныя „рѣчи о безпримѣрномъ во всѣхъ отношеніяхъ благоустройствѣ „и благосостояніи войскъ и управленій. Если въ отчетахъ, посту„пающихъ отъ низшихъ инстанцій, и замѣчаются нѣкоторые

---

[1]) Собств. Его Вел. библ., Рук. отд., шк. 115, портф. 14.

[2]) „Фельдмаршалъ (князь Варшавскій)“, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ современниковъ, „давно уже сказалъ и повторяетъ: „У меня нѣтъ безпорядковъ и зло„употребленій“. А на докладъ о злоупотребленіяхъ губернатора А. онъ сказалъ, что будетъ „и долженъ его защищать, потому что А. губернаторомъ у него уже пятнадцать лѣтъ“. Восп. ген.-м. Докудовскаго. Рязань, 1898 г.

[3]) Общ. Арх. Гл. шт., отд. 2, ст. 2, 1856 г., д. № 252.

„оттѣнки, то они сглаживаются и исчезаютъ по мѣрѣ восхожденія, „такъ что въ отчетахъ, представляемыхъ высшими инстанціями, все „подводится въ уровень и облекается въ какія-то общепринятыя „формы, нисколько не поясняющія настоящаго положенія дѣлъ“ [1]).

Рядомъ съ величественной фигурой Императора Николая въ дѣлѣ образованія арміи стоитъ и фигура знаменитаго „отца-„командира“, „славы царствованія Николая, исторіи Царя цар-„ствующаго“ [2]).

Не только какъ фельдмаршалъ русской арміи, находившійся въ теченіе тридцати лѣтъ во главѣ бо́льшей части нашихъ полевыхъ войскъ или такъ называемой дѣйствующей арміи, но какъ военный наставникъ Государя, какъ человѣкъ, пользовавшійся его неограниченнымъ довѣріемъ и полнымъ на него вліяніемъ, князь Паскевичъ долженъ былъ играть большую роль въ дѣлѣ образованія арміи. И въ то же время мы затрудняемся сказать, въ чемъ собственно выразилось его вліяніе на усовершенствованіе нашей арміи и, пожалуй, не ошибемся, если скажемъ, что ни въ чемъ.

Безспорно талантливый генералъ, но заурядный главнокомандующій, Паскевичъ имѣлъ счастье или несчастье въ молодыхъ относительно годахъ, въ первыя пять лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича, достигнуть небывалой для простого смертнаго славы. Дальнѣйшая его дѣятельность не имѣла уже активнаго направленія; она исключительно сосредоточилась на сохраненіи пріобрѣтеннаго имъ и на зоркомъ надзорѣ за тѣмъ, чтобы кто-либо не затемнилъ военной славы фельдмаршала.

Паскевичъ не обладалъ тѣмъ широкимъ, всеобъемлющимъ умомъ, который способенъ былъ оставить въ исторіи слѣды его дѣятельности. Какъ полководецъ, онъ застылъ на основахъ, примѣненныхъ имъ въ счастливой для него Персидской войнѣ, но войнѣ, веденной въ особыхъ, исключительныхъ условіяхъ. Въ этихъ основахъ вылился весь его военный кругозоръ, обрисовавшійся въ двухъ аксіомахъ — въ держаніи войскъ въ кулакѣ и въ солидномъ обезпеченіи ихъ продовольствіемъ.

Неоспоримо, что и то и другое являются весьма существенными данными въ дѣлѣ военнаго успѣха, но во всякомъ случаѣ не въ нихъ однихъ заключается вся суть военнаго искусства.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи интересны также факты, приводимые въ запискахъ флигель-адъютанта Аркаса (Истор. Вѣстн., 1901 г., № 4).

[2]) Собственныя слова Императора Николая Павловича.

Въ войнахъ Венгерской и Восточной намъ жестоко пришлось поплатиться за такія воззрѣнія фельдмаршала, который по своимъ способностямъ скорѣе былъ годенъ для роли знаменитаго интенданта, чѣмъ главнокомандующаго.

Какъ руководитель образованія арміи, Паскевичъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ обычной среды современныхъ генераловъ. Можно думать, что онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ того направленія обученія арміи, которое процвѣтало у насъ въ царствованіе Императора Николая Павловича; по крайней мѣрѣ не имѣется никакихъ данныхъ полагать иначе. Паскевичъ въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ были затронуты его личные интересы, отстаивалъ свое мнѣніе и противился волѣ Государя [1]); въ дѣлѣ же обученія арміи

2-й боевой порядокъ легкой кавалерійской дивизіи.

такихъ особыхъ мнѣній и противорѣчій установившемуся порядку не удалось отмѣтить.

Паскевичъ былъ первымъ руководителемъ Императора Николая Павловича въ дѣлѣ военнаго образованія. Еще въ 1815 году юный Великій Князь познакомился съ генераломъ Паскевичемъ, и они вмѣстѣ занимались разрѣшеніемъ на бумагѣ разныхъ стратегическихъ вопросовъ [2]). Здѣсь зародились та дружба и то вліяніе, которымъ Паскевичъ пользовался до Венгерской войны. Неудачныя дѣйствія его въ этой войнѣ нѣсколько усомнили Императора Николая въ выдающихся военныхъ способностяхъ князя Варшавскаго [3]), но безкровная сдача арміи Гёргея вновь возвеличила его до высоты отдачи ему войсками Царскихъ почестей. На этой высотѣ князь Варшавскій держался до „Силистрійскаго его сидѣнія“, этой лебединой пѣсни „современнаго героя“.

---

[1]) Это въ большей части случаевъ касалось желанія Паскевича собрать побольше войскъ тамъ, гдѣ онъ начальствовалъ самъ, и мы увидимъ ниже, какъ во время Крымской войны настойчивыя требованія фельдмаршала удовлетворялись Государемъ помимо его личной воли и въ ущербъ успѣху дѣла. Н. Н. Муравьевъ въ своемъ рукописномъ дневникѣ также неоднократно упоминаетъ о громадномъ вліяніи Паскевича на Государя.

[2]) Глава I.

[3]) Рукоп. дневникъ Муравьева, 1849 г.

Въ рукахъ Паскевича такимъ образомъ было придать то или другое направленіе образованію нашей арміи. Какъ довѣренное лицо Государя, какъ фельдмаршалъ и какъ главнокомандующій дѣйствующей арміей, онъ имѣлъ полную возможность проводить свои взгляды въ жизнь, и мы не ошибемся, если скажемъ, что излагаемая ниже система образованія русскаго войска находилась въ неразрывной связи съ характеромъ, взглядомъ и способностями князя Варшавскаго.

„Всѣ эти правила", писалъ князь М. Д. Горчаковъ въ своемъ руководствѣ для боя противъ турокъ, составленномъ имъ въ 1853 году, „не выдуманы мною, а были постановлены и всегда „соблюдаемы генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ въ „знаменитыхъ походахъ его противъ Персіанъ и Турокъ. Намъ „остается только слѣдовать его примѣру" [1]).

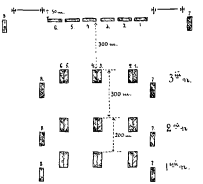
IV.

Общій характеръ обученія арміи сводился исключительно къ выработкѣ изъ солдатъ и офицеровъ составныхъ единицъ тѣхъ массъ войскъ, которыя предполагалось двигать на поляхъ сраженія. Все вниманіе обращалось на обученіе дѣйствіямъ въ сомкнутомъ строю, и въ этомъ отношеніи наша армія доходила до совершенства. Но для достиженія такого совершенства забывалось все остальное; солдатъ и офицеровъ старались почти нечеловѣческими трудами и усиліями обратить въ машины, забивая въ нихъ все то живое, чѣмъ полно военное дѣло. Занятій, развивающихъ нѣкоторый кругозоръ войскъ, поднимающихъ нравственную ихъ сторону, подготавливающихъ ихъ, наконецъ, къ самостоятельной разумной дѣятельности на войнѣ, въ ту эпоху совершенно не встрѣчалось.

Уставы, изученіе которыхъ и составляло собственно всю премудрость военнаго дѣла, такъ какъ бо̀льшихъ познаній отъ офицеровъ и не требовалось, представляли изъ себя весьма объемистые томики; уставъ баталіоннаго ученія, изд. 1848 г., имѣлъ, напримѣръ, 342 страницы убористаго шрифта (нынѣшній—около 20 страницъ). Лишь весьма незначительная часть этихъ уставовъ

[1]) Арх. Канц. Военн. мин. за 1853 г., секр. д. № 52.

относилась собственно къ боевой, тактической сторонѣ дѣла; все остальное было наполнено техническими мелочами о томъ, какъ командовать, гдѣ стоять, куда кому повернуться, сколько шаговъ отойти въ многочисленныхъ до безконечности построеніяхъ и перестроеніяхъ. И такими мелочами были наполнены многія сотни страницъ во всѣхъ уставахъ, начиная съ одиночнаго ученія и кончая боевыми порядками. Является вполнѣ понятнымъ поэтому, что, можетъ-быть, иногда и правильныя основныя положенія уставовъ ускользали отъ вниманія исполнителей, благодаря той массѣ мелочей, которымъ ближайшіе руководители обученія войскъ придавали первенствующее значеніе.



3-й боевой порядокъ легкой кавал. дивизіи.

Не малое вліяніе на дѣло обученія войскъ имѣли также: расположеніе большей части арміи по квартирамъ въ деревняхъ, частыя передвиженія войскъ съ одного мѣста на другое и многочисленные смотры, которые вносили много суеты въ боевую подготовку нашей арміи. Зато, съ другой стороны, продолжительные сроки службы давали возможность достигнуть своего рода совершенства въ тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявлялись войскамъ.

Большая часть нашей арміи была расквартирована мелкими частями по деревнямъ, при чемъ баталіоны были разбросаны на десятки верстъ. Все обученіе велось, при отсутствіи манежей и какихъ-либо крытыхъ помѣщеній, на открытомъ воздухѣ, безъ общаго руководства и направленія со стороны баталіонныхъ и полковыхъ командировъ [1]).

Лишь на короткое время лѣтомъ полки, а иногда и дивизіи собирались на тѣсныя квартиры, въ лагерный сборъ, въ теченіе котораго производились совмѣстныя занятія баталіоновъ и полковъ. Но и этотъ незначительный промежутокъ времени, въ который войска только и могли научиться чему-нибудь, очень часто

---

[1]) „Меня огорчаетъ видѣть то живое удовольствіе“, пишетъ одинъ изъ современниковъ въ своемъ дневникѣ, „которое ощущаютъ начальники войскъ по случаю возвращенія ихъ на „зимнія квартиры. Уже слышу о разныхъ порядкахъ прежняго времени, противныхъ военному „устройству войскъ, но необходимыхъ по требованіямъ мирнаго времени; попрежнему пой„дутъ ружейные пріемы и равненіе“. Рукоп. Отд. Муз. Сев. обор.

прерывался смотрами, и тогда начиналась та суета, которая доводила войска до полнаго разстройства [1]).

Поступавшіе на службу рекруты первоначально обучались или въ своихъ частяхъ или же при резервныхъ баталіонахъ и при образцовыхъ полкахъ. Послѣдніе два способа, по свидѣтельству современниковъ, приносили войскамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Собранные при резервныхъ частяхъ рекруты плохо обучались и плохо кормились, такъ какъ мѣстное начальство фактически не несло за нихъ никакой отвѣтственности. Въ конецъ изнуренные, они отправлялись, наконецъ, въ полки въ видѣ обученнаго, но въ дѣйствительности сырого матеріала, съ надломленными уже силами для дальнѣйшей службы [2]).

Подготовка рекрутъ при образцовыхъ войскахъ, главное назначеніе которыхъ было служить правильнымъ разсадникомъ для арміи всѣхъ тонкостей фронтовой службы, отличалось тѣми же неудобствами, какъ и при резервныхъ частяхъ, но, кромѣ того, тамъ рекруты еще болѣе страдали отъ непосильно тяжелыхъ занятій.

„Въ Царскомъ Селѣ, на смотру обучаемыхъ при образцовомъ „полку рекрутъ“, писалъ Муравьевъ, „Государь казался веселъ „и доволенъ, хвалилъ рекрутъ, но не замѣчалъ существеннаго не„достатка этихъ 5000 человѣкъ, готовящихся при образцовомъ „пѣхотномъ полку, гдѣ у нихъ нѣтъ попечителя о благосостояніи „ихъ, и далеко не достаетъ учителей для образованія ихъ. Госу„дарь не знаетъ, что у рекрутъ 500 больныхъ, и въ теченіе лѣта „40 человѣкъ бѣжало, а 10 повѣсилось или застрѣлилось вслѣд-

---

[1]) „Готовясь къ предстоящимъ смотрамъ въ присутствіи Великаго Князя“, записалъ Муравьевъ въ своей дневникъ за 1853 годъ, „я сдѣлалъ расписаніе по числамъ занятіямъ въ „каждой дивизіи, начавъ съ баталіонныхъ ученій и переходя постепенно къ полковымъ линей„нымъ и, наконецъ, къ боевымъ порядкамъ. На занятія каждаго рода едва доставалось войскамъ „по два дня. Необходимо было для насъ заняться этими ученіями, въ коихъ еще ни одного „раза не упражнялись со времени выступленія полковъ съ зимнихъ квартиръ, но не тутъ-то „было: получено изъ Штаба Великаго Князя измѣненное расписаніе его ученіямъ, и намъ „оставалось представиться безо всякихъ предварительныхъ приготовленій“...

„Постоянные смотры и приготовленія къ нимъ“, значится въ запискѣ о состояніи нашей кавалеріи (Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. 520), „берутъ столько времени, что эскадронъ „врядъ ли успѣетъ продѣлать всѣ построенія, которыя ему нужно знать“...

„Все сосредоточилось въ смотрахъ“, пишетъ другой современникъ, „безъ смотровъ не „было спасенія. Солдатъ заботился только о томъ, что требовалось на смотру: чистота, вы„правка, темпы“. Русск. Арх., 1867 г. „Изъ зап. Севастопольца“.

[2]) „Жалкое состояніе, въ которомъ рекруты сіи находятся“, пишетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ современниковъ, „есть послѣдствіе этого несчастнаго учрежденія запасныхъ и ре„зервныхъ войскъ. Сиротство изнуренныхъ людей этихъ, конечно, прекратится съ поступле„ніемъ ихъ въ полки, но зачѣмъ было мучить ихъ въ чуждой имъ и прямой службѣ образ„цовомъ полку и резервной дивизіи, и сколько ихъ погибло до поступленія въ дѣйствующія „войска!“ Рук. Отд. Музея Севаст. обороны.

„ствіе усиленныхъ занятій. Много было лжи и обмана на этомъ „смотру! Люди, не носившіе еще амуниціи, не знающіе никакого „начальства и чуждые необходимымъ пріемамъ солдатскаго быта, „считаются готовыми стать въ строй. Что за несообразность „образовывать рекрутъ внѣ своихъ командъ толпами, безъ над„лежащихъ начальниковъ! Ихъ обираютъ и морятъ“ [1]).

Въ полкахъ одиночное обученіе рекрутъ, да и вообще нижнихъ чиновъ лежало исключительно на обязанности вахмистровъ, унтеръ-офицеровъ и такъ называемыхъ дядекъ, изъ старыхъ солдатъ, которые приставлялись къ каждому рекруту. По установившемуся въ войскахъ обычаю, младшіе офицеры не принимали почти никакого участія въ дѣлѣ одиночнаго обученія нижнихъ чиновъ; ротные же и эскадронные командиры имѣли много другихъ занятій, а потому также мало вмѣшивались въ зимнее время въ обученіе своихъ частей.

Очевидно, что унтеръ-офицеры и дядьки учили нижнихъ чиновъ тому, что требовалось на смотрахъ, т.-е. маршировкѣ, стойкѣ и ружейнымъ пріемамъ. Хотя правила „рекрутской школы“ и предписывали начинать обученіе рекрута „съ развитія его по„нятія вообще и съ детальнаго ознакомленія съ ружьемъ, заставляя „сбирать и разбирать его по частямъ“, но въ дѣйствительности это правило никѣмъ не исполнялось. Учителя хорошо знали, что̀ будутъ смотрѣть лѣтомъ, и потому все время силы солдата напрягали на уразумѣніе премудрости тихаго учебнаго шага въ три пріема, стойки и щегольскихъ ружейныхъ пріемовъ.

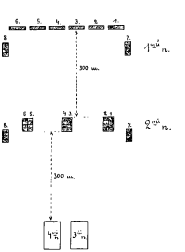
Такой тонъ занятій поддерживался всѣмъ составомъ офицеровъ до высшихъ начальствующихъ лицъ включительно. Въ ружейныхъ пріемахъ, равненіи и маршировкѣ видѣли не средства сплотить часть и подготовить ее къ боевымъ дѣйствіямъ, а цѣль всѣхъ трудовъ, всю суть военнаго искусства. Увлеченіе ружейными пріемами и стойкой, по свидѣтельству современниковъ, доходило до куріозовъ.

Хлопотали единственно о блескѣ солдатъ, о разныхъ тонкостяхъ въ маршировкѣ и ружейныхъ пріемахъ и больше ни на что не смотрѣли. Точность выправки, писали современники, доходила до того, что команды: „Подай впередъ корпусъ тѣла между „5-й и 6-й пуговицей“ и др., слышались постоянно. Въ ружейныхъ пріемахъ нашли возможность кокетства и граціи; при мар-

[1]) Рук. дневн. Н. Н. Муравьева. Архивъ Гр. Гр. Черткова.

шировкѣ требовали уха въ носкѣ и т. п. [1]). И чувствовалъ себя нашъ солдатъ въ строю на своемъ мѣстѣ только тогда, когда чувствовалъ локтемъ товарища [2]).

Обученіе каждаго отдѣльнаго солдата маршировкѣ также отнимало массу времени. Сначала шло обученіе первому учебному шагу въ три пріема, потомъ учебному шагу въ два пріема; послѣ этого уже начиналось обученіе обыкновенному шагу, который, въ свою очередь, дѣлился на тихій (отъ 70 до 72 шаговъ въ минуту), скорый учебный шагъ въ одинъ пріемъ, скорый шагъ (въ минуту 110 шаговъ) и вольный шагъ.



Боевой порядокъ кавал. дивизіи изъ 8-ми эскадронныхъ полковъ.

Дальнѣйшее обученіе пѣхоты состояло въ ротныхъ, баталіонныхъ, полковыхъ ученіяхъ, и вѣнцомъ всего были боевые порядки. Все вниманіе при производствѣ этихъ занятій было исключительно обращено на достиженіе полнаго однообразія въ движеніяхъ, на чистоту уставныхъ построеній, равненіе, твердый шагъ и опять-таки на ружейные пріемы. Стройность и однообразіе сомкнутаго строя были доведены до того, что цѣлыя дивизіи передвигались въ ногу.

Каждое ученіе обязательно полагалось заканчивать церемоніальнымъ маршемъ, доведеннымъ до совершенства. Церемоніальный маршъ полковыми колоннами называли „зрѣлищемъ боговъ“ [3]). Дѣйствительно, нужно было время и невѣроятныя усилія сколотить колонну въ 2500 человѣкъ такъ, чтобы все это двигалось, какъ натянутыя струны. Маршъ полковыми колоннами былъ апоѳеозомъ учебнаго шага; къ нему подготовлялись исподволь и имъ завершались лѣтнія занятія [4])....

---

[1]) Русск. Арх. 1867 г. „Изъ записокъ Севастопольца“.

[2]) Зап. Алабина, стр. 1—8.

[3]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 1584. „Изъ записокъ Севастопольца“.

[4]) „Вообще говоря, ни солдаты, ни офицеры не знаютъ своего дѣла“, пишетъ одинъ изъ современниковъ, „и ничему не выучены толкомъ. У насъ всѣ помѣшались, что называется „исключительно на маршировкѣ и правильномъ вытягиваніи носка“.

„Куда же дѣвались люди способные?“ пишетъ Н. Н. Муравьевъ. „Способности остались, „но онѣ забиты многими годами обращенія съ выправкою людей и маршировкою по прави„ламъ устава. Тутъ и народъ пропадаетъ, оттого и побѣги!“.....

Ученіе боевымъ порядкамъ, къ сожалѣнію, также сводилось къ соблюденію мельчайшихъ правилъ линейнаго ученія и всѣхъ тонкостей сомкнутаго строя. Никто изъ старшихъ начальниковъ, а тѣмъ паче изъ младшихъ не старался вникнуть въ основную идею Государя, смотрѣвшаго на боевые порядки лишь съ точки зрѣнія болѣе выгоднаго суммированія свойствъ оружія и строевъ, а видали въ нихъ только новую головоломную форму сомкнутаго строя со всѣми присущими ему особенностями. Масса времени тратилась на то, чтобы баталіонные командиры одновременно останавливали свои баталіоны при вводѣ ихъ въ линію, чтобы команды подавались подъ ту или другую ногу, чтобы начальники равнялись при всѣхъ положеніяхъ частей и пр.

Немудрено, что при такомъ взглядѣ на дѣло, боевые порядки явились камнемъ преткновенія для начальствующихъ лицъ и источникомъ мученій для подчиненныхъ и нижнихъ чиновъ. Вмѣсто пользы дѣлу, они принесли много вреда, безцѣльно утомляя войска и отбивая у офицеровъ всякое пониманіе смысла того, что они дѣлаютъ, а, слѣдовательно, и охоту къ этому дѣлу [1]).

Даже въ 1854 году въ то время, когда на Дунаѣ уже выяснились многіе недочеты нашего обученія, мы [2]) не могли отказаться отъ плацъ-парадовъ [3]).

Разсыпному строю обучались въ каждомъ полку только застрѣльщики и штуцерные. Многіе полки его совсѣмъ не знали и впервые начали обучаться ему во время стоянія на Алминской позиціи [4]); но такъ какъ уставъ былъ построенъ на устарѣлыхъ и трудно примѣнимыхъ основаніяхъ, то войска попрежнему теряли только попусту время и ничему не выучились [5]).

Упражненія войскъ въ полевой службѣ совершенно не производилось, хотя этотъ отдѣлъ обученія входилъ въ уставы и требовался какъ Государемъ, такъ и Наслѣдникомъ. И офицеры

---

[1]) Русск. Арх. 1884 г., кн. 6. „Записки кн. Н. К. Имеретинскаго“.

[2]) Русск. Арх. 1884 г., кн. 6. „Записки кн. Н. К. Имеретинскаго“.

[3]) Даже въ августѣ 1854 года, уже послѣ оставленія нашими войсками Княжествъ и, слѣдовательно, послѣ года войны, во всѣхъ донесеніяхъ князя Горчакова Государю о смотрахъ войскъ, на первомъ планѣ ставится стойка, равненіе и церемоніальный маршъ. До чего въ этомъ отношеніи были намуштрованы войска, показываютъ слѣдующія строки, относящіяся до смотра 2-й бригады 6-й пѣхотной дивизіи и ея артиллеріи: „Равненіе и стройность въ сихъ „войскахъ при церемоніальномъ маршѣ подивизіонно и сомкнутыми колоннами были до того хо„роши и отчетливы, что люди казались приготовленными къ параду, тогда какъ они въ этотъ день „прошли отъ 20 до 30 верстъ и прибыли на мѣсто только къ самому смотру“. Всеподд. отчетъ князя Горчакова 30 августа 1854 г., Яссы. Архивъ Канц. Военн. мин. 1854 г., секр. д. № 52.

[4]) Русск. Арх. 1890 г., кн. 1. „Записки Г. Д. Щербачева“.

[5]) Русск. Арх. 1884 г., кн. 6. „Записки кн. Н. К. Имеретинскаго“.

и нижніе чины терпѣть не могли этихъ занятій, на которыя смотрѣли, какъ на источникъ излишнихъ мученій, такъ какъ они не подлежали повѣркѣ на смотрахъ. Войска обыкновенно ограничивались разстановкой постовъ и пикетовъ на плацу при помощи устава, безъ всякаго объясненія цѣли этихъ упражненій и безъ примѣненія къ мѣстности. Результатомъ такого взгляда на этотъ важный отдѣлъ образованія войскъ было то, что во время Крымской кампаніи многіе баталіонные командиры не разумѣли отличія между аванпостной и боевой цѣпью и напрасно морили цѣлые баталіоны, выставляя совершенно ненужную боевую цѣпь для охраненія бивуковъ [1]).

Что касается до обученія стрѣльбѣ, то этотъ важный отдѣлъ военнаго ремесла какъ бы совершенно находился въ загонѣ и вызывалъ больше, чѣмъ какой-либо другой отдѣлъ, нареканій современниковъ. На стрѣльбу смотрѣли, какъ на излишнее, никому ненужное бремя, и даже производимые ежегодно Государемъ и Наслѣдникомъ смотры не помогали дѣлу. Смотры эти почти всегда бывали удачны и даже черезчуръ.

Стрѣльбѣ никогда не учили толкомъ, систематически; назначенный для этого порохъ не употребляли по назначенію, а топили въ водѣ, раздаривали знакомымъ помѣщикамъ или продавали жидамъ [2]). Одиночныя, робкія попытки разумнаго обученія не приводили ни къ чему. Онѣ были преждевременны и безсильны, такъ какъ почва къ этому совершенно не была подготовлена. Принимаемыя съ 1848 года мѣры для увеличенія числа обученныхъ стрѣльбѣ изъ штуцеровъ людей оставались въ теченіе многихъ лѣтъ мертвою буквой даже въ Петербургѣ, въ гвардіи, на глазахъ у Царя [3]).

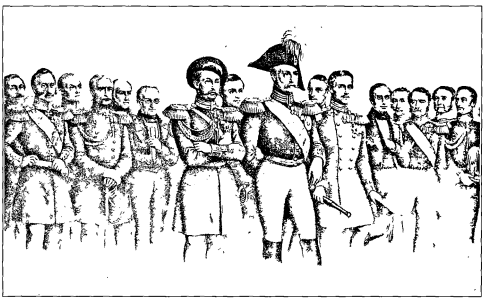
Для упражненій въ стрѣльбѣ обыкновенно выбиралось время, предназначаемое для отдыха. На нее смотрѣли, какъ на отбытіе номера; офицеры, если и дѣлали замѣчанія стрѣлявшимъ, то исключительно съ точки зрѣнія чистоты пріемовъ для заряжанія, а солдаты, выпуская свои три пули, думали только о томъ, чтобы не получить сильнаго удара въ щеку. Многіе изъ нижнихъ чиновъ ухитрялись избѣгать скучныхъ занятій стрѣльбою, и на это начальствомъ смотрѣлось сквозь пальцы.

---

[1]) Герсевановъ. „О прич. такт. прев. союз. въ кампанію 1854—1856 гг.“.
[2]) Алабинъ, стр. 1—8.
[3]) Прик. по гвард. пѣх. дивизіямъ. Записки кн. Н. К. Имеретинскаго (Русск. Арх., 1884 г.).

„Послѣ нѣсколькихъ занятій съ унтеръ-офицеромъ“, пишетъ Давыдовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Самаринѣ [1]), „мы съ Са„маринымъ полюбопытствовали, умѣетъ ли самъ учитель стрѣлять, „и, къ удивленію нашему, узнали, что онъ, до малѣйшихъ подроб„ностей знающій все искусство метанія ружьемъ, никогда не „стрѣлялъ!“

Гораздо чаще практиковалась и болѣе нравилась баталіоннымъ командирамъ стрѣльба залпами холостыми патронами, при



Николай I и его сподвижники въ 1854 году (съ франц. лит.).

чемъ въ чистотѣ залповъ цѣлыми баталіонами хотѣли достигнуть такого совершенства, какъ въ ружейныхъ пріемахъ и равненіи. На маневрахъ въ 1850 году, напримѣръ, вся 12-я дивизія усиленно стрѣляла изъ колоннъ залпами [2]).

Что касается до стрѣльбы штуцерныхъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ, то это дѣло было у насъ поставлено основательно, и обѣ эти категоріи войскъ стрѣляли отлично [3]).

---

[1]) Русск. Арх. 1877 г., кн. 5.

[2]) Записки И. Н. Муравьева.

[3]) „Я осмотрѣлъ“, доноситъ князь Горчаковъ 10 іюля 1853 года, „стрѣльбу въ цѣль „застрѣльщиковъ и штуцерныхъ трехъ баталіоновъ Люблинскаго и Замосцскаго егерскихъ „полковъ: застрѣльщики на 300 шаговъ стрѣляли очень дурно; штуцерные на 800 шаговъ „порядочно: попала 5-я пуля“.

Для обученія стрѣльбѣ на каждаго пѣхотнаго и драгунскаго солдата до 1853 года отпускалось всего по 10 боевыхъ патроновъ въ годъ, и только съ 1853 года былъ увеличенъ отпускъ боевыхъ патроновъ [1]) для частей, вооруженныхъ Литтихскими штуцерами до 200, а для прочихъ до 15 патроновъ въ годъ.

Бою на штыкахъ полагалось обучать во всей арміи только однихъ застрѣльщиковъ.

На обученіе кавалеріи Государь, самъ отличный кавалеристъ, обращалъ особое вниманіе, но и въ этомъ отношеніи его взгляды, на много опередившіе современныя отъ кавалеріи требованія, не могли надлежащимъ образомъ проникнуть въ массу нашей арміи. Восточная война, кромѣ Балаклавскаго сраженія, не даетъ матеріала для сужденія о подготовкѣ и правильности обученія этого рода оружія. Она только отмѣчаетъ общій для всей арміи фактъ неподготовки къ своему дѣлу большей части командная элемента.

Государь требовалъ отъ своей кавалеріи большой подвижности [2]), лихого движенія по пересѣченной мѣстности [3]); онъ настаивалъ на томъ, чтобы кавалерія не сидѣла на носу своей пѣхоты, а смѣло выдвигалась впередъ [4]), чтобы кирасирскіе полки въ послѣднюю минуту боя пѣхоты довершали своимъ ударомъ пораженіе непріятеля [5]). Настоянію же Государя принадлежитъ установка правильныхъ аллюровъ, которые до этого были такъ коротки, что „любая пѣхота", какъ говорилъ Императоръ Николай Павловичъ, „въ состояніи обогнать идущую галопомъ „кавалерію". Онъ же на малыхъ маневрахъ и смотрахъ старался неожиданно даваемыми задачами развить находчивость и сообразительность офицеровъ [6]); обращалъ вниманіе на надлежащую

„Посылалъ я", доноситъ онъ же Государю Императору отъ 11 сентября 1853 г., „смо„трѣть ученія полковъ 11-й и 12-й пѣхотныхъ дивизій. Восьмирядныя ученія были очень „правильны, но стрѣльба въ цѣль частью нехороша, частью посредственна. По прибытіи на „новыя квартиры я разрѣшу войскамъ употребить еще нѣсколько боевыхъ патроновъ на „стрѣльбу въ цѣль, дабы эта важная часть обученія, согласно воли Вашего Императорскаго „Величества, была непремѣнно доведена до надлежащей степени". Арх. Канц. Военн. Мин. по снар. войскъ 1853 г., секр. д. № 852.

[1]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1852 г.

[2]) Кавалерійскіе сборы подъ Воскресенскомъ въ 1835 году и Красносельскіе маневры 1851 и 1853 гг. въ описаніи ихъ Н. Н. Муравьевымъ.

[3]) „Послѣ трехчасовой скачки по кочкамъ, кустамъ и ямамъ", описываетъ Муравьевъ одинъ изъ кавалерійскихъ маневровъ въ присутствіи Государя, „маневръ окончился".

[4]) „Я принужденъ былъ", съ грустью описываетъ Муравьевъ Красносельскіе маневры 1853 г., „выслать кавалерію впередъ, такъ какъ въ этомъ заключается непремѣнное требо„ваніе Государя".

[5]) Рукоп. дневникъ Н. Н. Муравьева.

[6]) Изъ исторіи Л.-Гв. Уланскаго Имп. Алекс. Ѳеод. полка.

постановку упражненій въ полевой службѣ и дѣйствій кавалеріи массами [1]).

Государь былъ большой поклонникъ драгунъ и придавалъ важное значеніе этому роду кавалеріи. Сформированіемъ особаго драгунскаго корпуса, предназначеннаго для выполненія цѣлаго ряда стратегическихъ задачъ, онъ на много опередилъ взгляды современниковъ. Къ сожалѣнію, этотъ корпусъ, участвуя въ двухъ войнахъ, ни разу не былъ примѣненъ въ дѣло по неумѣнію главнокомандующихъ надлежащимъ образомъ использовать его положительныя свойства.

Но какъ же на практикѣ привились такія требованія Государя?

Въ одиночномъ образованіи кавалериста, какъ это ни странно, важную роль играли пѣшая выправка, ружейные пріемы и маршировка. Люди проводили иногда цѣлые дни на пѣшихъ ученіяхъ, дѣлали всевозможные ружейные пріемы, маршировали тихимъ, скорымъ и бѣглымъ шагомъ.

Увлеченіе пѣшимъ строемъ въ кавалеріи иногда доходило до того, что цѣлыя кавалерійскія дивизіи усиленно обучались пѣшему стрѣлковому ученью и старательно строили кучки противъ кавалеріи [2]). Даже въ образцовомъ кавалерійскомъ полку не избѣжали этого увлеченія. Полкъ этотъ давалъ отличныхъ пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ, но ни одного кавалерійскаго. Иначе и быть не могло. Туда отправлялись молодые солдаты красивой наружности, хорошо маршировавшіе и порядочно дѣлавшіе ружейные пріемы. По отношенію къ знанію верховой ѣзды требовалось только, чтобы эти нижніе чины не падали и держали, какъ говорилось, посадку на хорошо выѣзженной лошади. Въ образцовомъ полку ихъ сажали на отлично уже обученнаго кадровымъ унтеръ-офицеромъ коня, совершенствовали до тонкости пѣшую выправку и, нашивъ галуны, отправляли обратно [3]).

На обученіе людей ѣздѣ большое вліяніе имѣла заботливость эскадронныхъ командировъ о тѣлахъ лошадей.

Люди обучались почти исключительно манежной ѣздѣ; болѣе всего требовалась красивая посадка на длинныхъ стременахъ, а

---

[1]) „На военномъ полѣ", пишетъ Муравьевъ о маневрахъ 1853 года, „была собрана для „ученія вся гвардейская и часть армейской кавалеріи. Никто не сумѣлъ бы справиться съ „такой массой, кромѣ Государя, который поистинѣ съ изумительнымъ искусствомъ это сдѣлалъ".

[2]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.

[3]) Военн. Сборн. 1858 г., № 5. „О состояніи кавалеріи".

управленіе конемъ и владѣніе оружіемъ стояли на второмъ планѣ. Лучше другихъ ѣздѣ были обучены карабинеры (фланговые ряды во взводахъ, вооруженные штуцерами), на которыхъ лежала фланкерская служба. На ѣзду ихъ было обращено особое вниманіе; ихъ освобождали отъ всѣхъ пѣшихъ командировокъ, которыя ложились такимъ образомъ всею тяжестью на остальныхъ людей эскадрона, и рѣдкому изъ этихъ послѣднихъ приходилось въ теченіе зимы сидѣть на конѣ болѣе 20 разъ [1]).

Ученія эскадронныя, полковыя и болѣе крупныхъ частей дѣлались обыкновенно на ровной мѣстности и на учебныхъ пла-

Видъ Вивлеема (съ франц. грав. Дартуа, начала XVIII столѣтія).

цахъ. Все вниманіе было обращаемо на стройность движенія массъ, правильность посадки, чистоту уставныхъ перестроеній и церемоніальный маршъ.

Изрѣдка выводимые на ученіе полки пропускались справа по одному, водились церемоніальнымъ маршемъ по ровной мѣстности какого-либо плацъ-парада; все производилось чинно, натянуто, безъ удали, безъ лихости. Такимъ образомъ смолоду усыплялась въ офицерѣ та лихость, безъ которой кавалерійское дѣло невозможно; сонливость эта переходила въ характеръ его и сообщалась всему войску [2]).

Всѣ отдѣлы полевой службы кавалеріи, какъ не подлежащіе смотрамъ, были, по крайней мѣрѣ въ армейской кавалеріи, въ совершенномъ забросѣ.

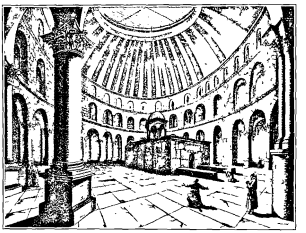
---

[1]) Военн. Сборн. 1858 г., № 5. „О состояніи кавалеріи".
[2]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.

Аванпостной службѣ людей обучали съ изумительной небрежностью, и незнаніе этого дѣла было замѣтно даже въ старшихъ офицерахъ нашихъ легкихъ полковъ. Офицеры не знали своихъ обязанностей и не понимали устава [1]).

Фехтованію на сабляхъ и палашахъ полагалось обучать только нижнихъ чиновъ гвардейской кавалеріи. Обученіе же всей кавалеріи сабельной рубкѣ и фланкировкѣ пикою сводилось къ согласному дѣланію пріемовъ цѣлыми эскадронами [2]).

Въ артиллеріи и въ инженерныхъ войскахъ обученіе велось въ общемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ пѣхотѣ и кавалеріи—много времени тратили на достиженіе стройности движеній и отличнаго церемоніальнаго марша. Но хорошій составъ офицеровъ, преимущественно изъ воспитанниковъ артиллерійскаго и инженернаго училищъ и кадетскихъ корпусовъ, позволилъ этимъ родамъ оружія не забывать и своего главнаго назначенія. Какъ артиллеристы, такъ и саперы, по своему образованію, стояли во время Крымской войны вполнѣ на высотѣ современныхъ требованій, а инженерныя войска стяжали сверхъ того своимъ искусствомъ неувядаемую славу при оборонѣ Севастополя и минной около него войны.



Внутренній видъ храма Гроба Господня (съ голл. грав., по рис. Н. Де-Брюинь).

---

[1]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.

[2]) Закончимъ нашъ очеркъ обученія кавалеріи характеристикой ея, сдѣланной адмираломъ княземъ Меншиковымъ въ письмѣ его къ военному министру князю Долгорукому 4 іюля 1854 года изъ Севастополя. (Арх. К. Военн. Мин. по сн. в. 1853 г., секр. д. № 72). Какъ ни странно, что мы приводимъ свидѣтельство адмирала, а не кавалерійскаго генерала, но князь Меншиковъ былъ безспорно отличный кавалеристъ и большой любитель этого спорта. До самой глубокой старости онъ ежедневно ѣздилъ въ манежѣ нѣсколько лошадей. (Его неизданный дневникъ).

„Les chevaux, l'habillement, le harnachement et, en général, tout le matériel sont dans l'état „le plus satisfaisant", пишетъ князь Меншиковъ о гусарской бригадѣ, присланной ему въ Крымъ. „Il m'a paru que les sous-officiers étaient en grande partie mieux à cheval que les officiers, quoi- „que plusieurs de ces derniers m'ont fait l'effet d'être de bons cavaliers. Un défaut qu'on ren- „contre souvent dans notre équitation militaire c'est une longueur démesurée des étrivières. Pour „ne pas perdre ses étriers, l'homme se tient sur l'enfourchure, fausse (?) son équilibre et le perd

Стрѣльба артиллеріи была въ хорошемъ состояніи [1]). Отпускъ огнестрѣльныхъ припасовъ для учебной стрѣльбы доходилъ въ годъ отъ 54-хъ до 120-ти снарядовъ (смотря по образцу) на орудіе.

Если въ чемъ артиллерію и можно было упрекнуть, такъ это въ недостаточной подвижности [2]).

Нѣсколько болѣе мрачную картину рисуютъ современники объ обученіи крѣпостной артиллеріи. „Артиллеристы", доносилъ контръ-адмиралъ Матюшкинъ генералъ-адмиралу [3]), „офицеры, „какъ и нижніе чины, люди, не имѣющіе понятія ни о возвы-„шеніи, ни о дальности полетовъ; люди, которые до сихъ поръ „учились только ходить по плацамъ и мѣтать ружьемъ".

Грамотностью въ войскахъ совершенно не занимались, хотя грамотныхъ на службу поступало не болѣе 5%.

V.

Что касается до обученія офицеровъ, то первоначально отмѣтимъ тѣ мѣры, которыя были приняты Государемъ для надлежащей ихъ подготовки.

Сюда слѣдуетъ отнести широкое развитіе ученій съ обозначеннымъ противникомъ, малыхъ и большихъ маневровъ, установленіе военной игры, въ которой принималъ участіе и самъ Государь, и, наконецъ, военныя бесѣды по тактикѣ офицеровъ Генеральнаго штаба съ строевыми офицерами [4]).

Но всѣ эти начинанія падали на совершенно неподготовленную почву и не приносили никакой пользы.

„ou quitte ses étriers au mouvement irrégulier du cheval. Un inconvénient de plus encore, c'est „que le cavalier perd la faculté de s'élever pour bien appliquer un coup de sabre... Les mouve-„ments que les deux régiments ont exécutés, l'ont été avec précision et avec un alignement des „plus satisfaisants à mon point de vue; les attaques ont été faites avec beaucoup d'impulsion. „Mais par contre le service des troupes légères comme: avant-postes, patrouilles qui doivent être „intelligentes, reconnaissance, etc. sont quasi inconnus à ces régiments".

[1]) „Смотрѣлъ практическую стрѣльбу 12-й полевой артиллерійской бригады", доноситъ кн. Горчаковъ Государю 11 сентября 1853 года (Арх. Канц. Военн. Мин. по сн. войскъ 1853 г., секр. д. № 47), „стрѣльба была отличная".

[2]) Письмо кн. Меншикова военн. министру 5 іюня 1854 г. Арх. Канц. Военн. Мин. по сн. в., 1853 г., секр. д. № 72.

[3]) Арх. Морск. Мин., Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 45. Донесеніе о состояніи Свеаборгской крѣпости отъ 26 сентября 1854 г.

[4]) Исторія Л.-Гв. Уланскаго Гос. Имп. Алекс. Feод. полка.

На военную игру и на маневры приближенные Государя смотрѣли какъ на пустую забаву, какъ на даромъ потраченное время [1]). И, дѣйствительно, маневры того времени были далеко не совершенны и полны куріозовъ [2]); но виною этому были, какъ новизна самаго дѣла, такъ и отношенія къ нимъ высшихъ начальствующихъ лицъ въ арміи.

Отличительная черта этихъ маневровъ заключалась въ томъ, что, кромѣ Государя и Наслѣдника, всѣ на нихъ смотрѣли не только какъ на безполезное, но какъ на вредное дѣло, какъ на прихоть Государя, и своимъ отношеніемъ къ маневрамъ, дѣйствительно, отняли отъ нихъ всю пользу. Маневры почти всегда производились въ присутствіи Государя и даже при его близкомъ участіи. Это вносило суету въ дѣло; каждый думалъ не о томъ, чтобы получить пользу отъ такихъ дорого стоящихъ упражненій, а чтобы въ лучшемъ видѣ показаться Государю, приноравливаясь съ внѣшней стороны къ его требованіямъ, не сознавая и не стараясь вникнуть въ ихъ суть.

Такіе исполнители дѣлали то, что никто изъ офицеровъ, даже начальники крупныхъ войсковыхъ частей не понимали, въ чемъ состоитъ маневръ, что отъ нихъ требуютъ, и всю суть ихъ видѣли все въ той же чистотѣ перестроеній и мелочномъ сохраненіи дистанцій.

Военныя познанія большинства старшихъ генераловъ арміи были въ высшей степени ничтожны или, вѣрнѣе, совсѣмъ отсут-

---

[1]) Записки кн. Н. К. Имеретинскаго (Русск. Арх. 1884 г.); записки Н. Н. Муравьева.

[2]) Для иллюстраціи приведемъ одинъ изъ куріозовъ, бывшихъ на маневрахъ того времени и записанныхъ Н. Н. Муравьевымъ.

Въ 1853 году на маневрахъ съ обозначеннымъ противникомъ подъ Краснымъ Селомъ, которыми руководилъ самъ Государь, онъ послалъ одному изъ начальниковъ дивизіи повелѣніе наступать прямо, пока не получитъ новаго приказанія Государя. Случайно дивизія этого генерала ко времени полученія приказанія Государя стояла подъ прямымъ угломъ къ направленію, въ которомъ разыгрывался маневръ. И дивизія въ такъ называемомъ резервномъ боевомъ порядкѣ двинулась по направленію къ Петербургу. Первое препятствіе, которое ей пришлось преодолѣть, былъ полигонъ, что на военномъ полѣ; не измѣнивъ ни на шагъ взятаго направленія, не разомкнувъ даже интерваловъ, дивизія стройно поднялась на валы и преодолѣла ровъ полигона. Миновавъ лабораторію, которая, къ счастію, оказалась нѣсколько въ сторонѣ отъ взятаго дивизіей направленія, она встрѣтила другое живое препятствіе—всю пѣхоту гвардейскаго корпуса, которая, имѣя во главѣ Наслѣдника, шла въ атаку въ перпендикулярномъ дивизіи направленіи. Столкновеніе было неминуемо, и Наслѣдникъ послалъ приказаніе дивизіи остановиться и пропустить его.—Передайте Его Высочеству, отвѣчалъ генералъ, что во всякомъ другомъ случаѣ я безпрекословно исполню его приказаніе, но нынѣ я получилъ повелѣніе Его Величества итти прямо и остановиться только по его приказанію.—Наслѣдникъ своевременно остановилъ свой корпусъ, и дивизія прошла передъ нимъ, смявъ только цѣпь застрѣльщиковъ гвардейской пѣхоты. На седьмой верстѣ пути марширующую дивизію заставалъ отбой маневра.

И подобными куріозами полны воспоминанія современниковъ.

ствовали. Государь отлично это сознавалъ, но ничего не могъ подѣлать. Многія изъ писемъ его къ князю Варшавскому наполнены похвалой войскамъ и жалобой на никуда негодныхъ генераловъ [1]). „На маневрахъ", писалъ онъ 28 іюня 1852 года, „войсками былъ очень доволенъ, но не начальниками, и съ горестью вспоминалъ наши разговоры; увы, ума въ нихъ не видишь, а правду имъ выговаривать довольно тяжело, хотя и необходимо!"

Святыя мѣста на Кедронѣ близъ Іерусалима (съ голл. грав., по рис. Н. Де-Брюнь).

Жалобы на отсутствіе знающихъ генераловъ слышались отовсюду и до войны и во время ея [2]).

„Не столь отрадны безпечность и безтолковость начальства, которымъ только и приписать можно всѣ бывшія неудачи", писалъ Государь князю Горчакову [3]).

„C'est un rude métier que de commander sur une ligne de six cents verstes, avec des généraux dont la majeure partie ou bien ne connaît pas la guerre, ou bien l'a oubliée", въ свою очередь, писалъ князь Горчаковъ [4]).

„Dans le Nord nous n'avons pas non plus, comme Vous le savez, des généraux armés d'expérience. C'est triste à dire, mais c'est vrai", сознавался военный министръ [5]).

Очевидно, такой составъ высшаго командногo элемента долженъ былъ положить и извѣстный отпечатокъ на направленіе

---

[1]) Собств. Его Величества библіотека. Рукоп. отд., шк. 115, порт. 14.

[2]) „Производилъ маневры", записалъ князь Меншиковъ въ своемъ дневникѣ 24 августа 1854 года. „Увы, какіе генералы и какіе штабъ-офицеры! Ни малѣйшаго не замѣчаю понятія о военныхъ дѣйствіяхъ, о расположеніи войскъ на мѣстности, объ употребленіи стрѣлковъ и артиллеріи. Не дай Богъ настоящаго дѣла въ полѣ!"

[3]) Собств. Его Величества библіотека. Рук. отд., шк. 115, порт. 14. Письмо отъ 11 декабря 1854 года.

[4]) Арх. К. В. Мин. по сн. в. 1853 г., секр. д. № 57. Письмо къ военн. мин. 3 января 1854 года.

[5]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4328. Письмо къ князю Горчакову 30 сентября 1854 года.

дѣятельности всего корпуса офицеровъ нашей арміи въ мирное время. Не только ничего не было сдѣлано для умственнаго развитія или для воспитанія ихъ въ духѣ разумнаго примѣненія частной иниціативы, столь необходимой въ военное время, но, напротивъ, все было сдѣлано къ тому, чтобы сузить до послѣдней степени умственный и служебный кругозоръ офицеровъ, чтобы окончательно отбить у нихъ охоту къ военному дѣлу.

Безспорно, что большинство офицеровъ русской арміи, по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своему желанію принести пользу Отечеству и той службѣ, которой они себя посвятили, отличались всегда присущими русскому дворянству доблестями; они доказали это всему свѣту въ начавшейся вскорѣ войнѣ. Но какъ воспользовались начальствующія лица этими положительными сторонами нашего корпуса офицеровъ? Они убили у одной части любовь къ военному дѣлу, а другую обратили въ отличныхъ фельдфебелей и вахмистровъ [1]).

На младшихъ офицеровъ не обращалось никакого вниманія, и они больше цѣнились по ихъ личнымъ качествамъ въ строю. Поле дѣятельности этихъ офицеровъ на всѣхъ ученіяхъ и маневрахъ было сужено до крайности [2]), они являлись только механическими передатчиками приказаній старшихъ. Вся дѣятельность ротныхъ и эскадронныхъ командировъ была направлена къ тому, чтобы лучше пройти церемоніальнымъ маршемъ и хорошо представить манежную ѣзду, по успѣхамъ которыхъ на смотрахъ судили и о достоинствахъ командировъ. Военная же наука ограничивалась познаніями, получаемыми въ учебномъ заведеніи, безъ примѣненія ихъ къ дѣлу.

Малые маневры, которымъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ начали придавать большое значеніе [3]), имѣли своимъ недостаткомъ то, что они развивали у офицеровъ и солдатъ страхъ отвѣтственности и страхъ начальства. Въ понятіяхъ офицеровъ они вообще стояли ничуть не выше фронтовыхъ ученій. Войска, совершенно не понимая сути маневровъ, наступали, отступали, дѣлали обходы

---

[1]) „Отъ сихъ занятій и незнаній", пишетъ Муравьевъ въ своемъ дневникѣ, „начальнику „какъ приняться за малѣйшее дѣло. Старателенъ и усерденъ Н., но не умѣетъ сдѣлать ника„кого распоряженія. Таковы и дивизіонные начальники, и съ этими орудіями должно гото„виться къ военнымъ дѣйствіямъ!"

[2]) Зап. кн. Н. К. Имеретинскаго, Русск. Арх. 1884 г. Восп. лейбъ-егеря Г. В. Карцева. Рукописный отд. Музея Севастопольской обороны.

[3]) Русск. Арх. 1884 г., кн. 6. Изъ зап. кн. Н. К. Имеретинскаго.

и заботились только о томъ, чтобы не спутать какихъ-либо построеній [1]).

Характеръ смотровыхъ требованій также давалъ соотвѣтственное направленіе занятіямъ офицеровъ. Вотъ какъ описываетъ Алабинъ въ своихъ запискахъ смотры одного изъ корпусныхъ командировъ въ лагерномъ сборѣ подъ Луцкомъ [2]). Сегодняшній день, пишетъ онъ, корпусный командиръ употребилъ на пригонку въ каждой ротѣ касокъ на три типичныхъ головы, слѣдующій день былъ употребленъ на такую же пригонку мундировъ, потомъ одиночная ѣзда пѣхотныхъ офицеровъ, обязанныхъ быть верхомъ, смотръ всѣмъ музыкантамъ, пѣсенникамъ и даже ротнымъ балагурамъ; за симъ слѣдовалъ детальный осмотръ тамбуръ-мажоровъ, а въ ненастное время людямъ приказано было лежать въ палаткахъ и всѣмъ вмѣстѣ кричать: „Здравія желаемъ, ваше-ство! Ура!“ чтобы выработать въ этомъ крикѣ выраженіе восторга и одушевленія. Эта живая картинка съ натуры, въ которой рельефно обрисовывается вся среда служебнаго круговорота нашихъ офицеровъ, ясна безъ всякихъ комментарій.

Донесенія высшихъ начальствующихъ лицъ о произведенныхъ ими смотрахъ является также мѣриломъ современныхъ требованій.

„Церемоніальный маршъ былъ вообще хорошъ, шагъ пра„вильный, но въ держаніи ружья замѣчена еще неровность . . . . „Войска одѣты хорошо, стойка вѣрна, шагъ правильный, равненіе „и держаніе ружей на церемоніальномъ маршѣ хорошо“... Вотъ суть спеціальныхъ донесеній князя Варшавскаго Государю Императору о произведенныхъ имъ смотрахъ [3]) въ 1852 году — и больше ничего. А вотъ и разборъ княземъ Варшавскимъ произведенныхъ имъ маневровъ: „Дистанціи вообще были соблюдены, „и войска нигдѣ не сходились ближе того, какъ по положенію „о маневрахъ постановлено. На маневрѣ этомъ вообще войска „исполняли всѣ движенія съ должной отчетливостью“.

„Войска представились въ отличномъ видѣ“, доносилъ генералъ Лидерсъ 22 мая 1853 года [4]); „проходили церемоніальнымъ „маршемъ очень удовлетворительно и на произведенномъ мною „маневрѣ дѣлали всѣ построенія совершенно отчетливо“.

---

[1]) Алабинъ, стр. 1—8.
[2]) Тамъ же.
[3]) Арх. Канц. Военн. Мин. 1852 г., д. № 3.
[4]) Арх. Канц. Военн. Мин. по сн. в., 1852 г., д. № 11, ч I.

Наступившая война заставила, впрочемъ, нѣсколько измѣнить взглядъ на характеръ обученія войскъ, и въ отчетахъ того времени на ряду съ указаніями о повѣркѣ церемоніальнаго марша появляются и свѣдѣнія о произведенныхъ смотрахъ стрѣльбы; въ инструкціяхъ же для веденія занятій начинаетъ понемногу отвоевывать себѣ мѣсто и цѣльная стрѣльба, но отнюдь не въ ущербъ церемоніальному маршу [1]). Впрочемъ, князь Варшавскій и въ это время продолжалъ доносить исключительно о церемоніальномъ маршѣ, хорошемъ шагѣ и равненіи [2]).

Князь М. Д. Горчаковъ
(съ лит. Дарленгъ, по рис. Гиллерь).

Такова была почва, которая подготовила къ наступившей войнѣ генераловъ и офицеровъ, большая часть которыхъ не рисковала самостоятельно шага сдѣлать, не умѣла ни выбирать позицій, ни двигать войскъ на поляхъ сраженій, ни охранять и развѣдывать. Это развило среди начальствующихъ лицъ тотъ гнетъ, который убивалъ у нихъ всякую энергію, заставлялъ ихъ итти не иначе, какъ на помочахъ, парализовалъ въ нихъ инстинктивное иногда желаніе дѣйствовать такъ, какъ подсказывалъ имъ здравый смыслъ. И что всего ужаснѣе, такъ это то, что всѣми этими качествами, какъ увидимъ ниже, были съ особымъ избыткомъ одарены руководители нашихъ армій во время Восточной войны.

Кампанія эта, полная подвигами высокаго мужества и беззавѣтной преданности своему долгу всѣхъ нашихъ войскъ, начиная

---

[1]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3310 и Русск. Арх. 1884 г., кн. 6.
[2]) Арх. Канц. Военн. Мин., 1853 г., секр. д. № 44.

отъ генерала до рядового, даетъ намъ въ то же время болѣе примѣровъ живой, активной дѣятельности со стороны младшихъ начальниковъ и молодыхъ офицеровъ, которыхъ не успѣла окончательно засосать еще душная атмосфера мирнаго обученія, или же со стороны такихъ лицъ, какъ генералъ Хрулевъ, который до Венгерской кампаніи семнадцать лѣтъ былъ внѣ строя, чѣмъ со стороны старшихъ начальниковъ [1]). Среди этихъ послѣднихъ общественное мнѣніе того времени указывало на двухъ генераловъ, способныхъ стать во главѣ армій, это на Лидерса и на Н. Н. Муравьева, но, по странной случайности, первый изъ нихъ въ теченіе всей кампаніи занималъ мѣсто второстепенное, а послѣдній былъ призванъ къ дѣятельности лишь во вторую ея половину.

Какъ на слѣдствіе и какъ въ то же время на причину такой подготовки начальствующихъ лицъ, слѣдуетъ указать и на тѣ оригинальныя инструкціи, которыми въ обиліи снабжалъ князь Горчаковъ на Дунаѣ и въ Крыму командировъ корпусовъ и прочихъ начальниковъ отрядовъ. Цѣлыя сотни страницъ были исписаны главнокомандующимъ съ этой цѣлью, при чемъ князь Горчаковъ съ поразительнымъ усердіемъ старался указать начальникамъ отрядовъ, находящимся за нѣсколько сотъ верстъ отъ него, не только всѣ подробности какъ дѣйствовать въ случаѣ столкновенія съ непріятелемъ, но даже какіе полки въ какую линію ставить. Очевидно, что генералы, начальники отрядовъ, привыкшіе въ мирное время только слѣпо повиноваться, болѣе заботились о томъ, чтобы въ точности исполнить данныя главнокомандующимъ указанія для построенія войскъ къ бою, чѣмъ разбить непріятеля, и приходили въ полное недоумѣніе, что имъ дѣлать, когда противникъ велъ себя не такъ, какъ ему это было предписано княземъ Горчаковымъ. Напримѣръ, въ одной изъ такихъ инструкцій, данной начальнику Мало-Валахскаго отряда генералу Бельгарду, князь Горчаковъ, совѣтуя въ подробности, какъ расположить въ боевомъ

---

[1]) „Разсказываютъ", пишетъ кн. Одоевскій (Русск. Арх. 1874 г., стр. 311), „что подъ „Кинбурномъ замерзли англійскія суда—и безъ снарядовъ. Начальникъ берегового отряда не „осмѣлился ихъ атаковать безъ позволенія корпуснаго, потому что ему въ инструкціи пред„писано было защищать лишь берегъ. Корпусный нашелъ нужнымъ спросить дозволенія глав„нокомандующаго. Между тѣмъ англичане обрубили вокругъ судовъ леаъ и спасли ихъ. „Этотъ анекдотъ, вѣрный или невѣрный, возбуждаетъ сильное негодованіе. Указываютъ на „него, какъ на примѣръ вреда бывшаго устройства администраціи, говорятъ про начальника „берегового отряда: Il n'est pas coupable: il a été stylé pour n'être qu'une machine sans „intelligence".

порядкѣ каждый баталіонъ и батарею, кончаетъ свое поученіе слѣдующимъ образомъ: „Надобно, чтобы войска знали заранѣе, „въ какомъ боевомъ порядкѣ имъ драться. Посему надлежитъ „не только имъ это объяснить, но немедленно по прибытіи на „мѣсто сдѣлать непремѣнно нѣсколько репетицій и показать, какъ „будете употреблять резервъ въ случаѣ нападенія на ваши фланги „или тылъ, сообразно съ даннымъ вамъ руководствомъ“ [1]).

Закончимъ характеристику обученія нашей арміи мнѣніемъ принца Нидерландскаго, присутствовавшаго на Красносельскихъ занятіяхъ 1853 года [2]): „C'est très bien à voir ces exercices ame- „nés à un tel état de perfection. Nul doute, que ce n'est qu'avec „des troupes parfaitement exercées, qu'on peut parvenir à une telle „régularité dans les mouvements, mais je pense, que si l'on voulait „essayer de ces formations et de ces changements de front en pré- „sence de l'ennemi, on ne se trouverait pas bien. Tout ce que je „vois faire ici, me semble, ne servira qu'à mettre des bornes à „l'entendement humain“.

Но подобная фальшивая система обученія нашей арміи не была дѣломъ только ея строевого состава. Напротивъ того, она пустила глубокіе корни и въ разсадникѣ военныхъ познаній среди русскихъ войскъ въ нашей Академіи Генеральнаго штаба. Современные профессора были далеки отъ правильнаго пониманія веденія боя и залогъ успѣха видѣли не въ изученіи и изслѣдованіи дѣйствій великихъ полководцевъ, не въ опытѣ, который въ мирное время даетъ основательное знакомство съ военной исторіей, а въ Красносельскихъ лагерныхъ упражненіяхъ [3]). Совѣтъ великаго Наполеона, говорившаго, что для того, чтобы стать хорошимъ военно-начальникомъ, необходимо изучить тридцать сраженій, замѣнился постановленіемъ конференціи Академіи, что не въ опытахъ военной исторіи надо искать познаній военнаго дѣла, а на военномъ полѣ Краснаго Села съ его знаменитыми coups d'œil во главѣ. Эти „кудѣльки“, какъ ихъ называли солдаты, состояли въ томъ, что по окончаніи ученія или маневровъ всѣ войска быстро собирались къ одному пункту и строились въ глубокія колонны, послѣ чего съ музыкой и барабаннымъ боемъ проходили 1 - 1½ версты, изображая этимъ послѣдній актъ боя,

---

[1]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3429.

[2]) Рукоп. отд. Муз. Севаст. обороны.

[3]) Изъ журналовъ конференціи Николаевской Академіи Генеральнаго штаба за сороковые года прошлаго столѣтія.

тотъ молотъ, который наносилъ окончательный ударъ предполагаемому противнику [1]).

Такимъ образомъ описанная система обученія войскъ не была дѣломъ рукъ отдѣльныхъ личностей, а она пустила глубокіе корни во всѣхъ руководящихъ военныхъ сферахъ, и правильное и неуклонное примѣненіе ея съ каждымъ годомъ приносило все болѣе и болѣе обильные плоды, уклоняя нашу армію въ ложномъ направленіи.

Сатир. изобр. полит. полож. Европы въ концѣ XVIII столѣтія (съ англ. грав. Голландр).

Но эта система не была слѣдствіемъ Николаевской эпохи; она была привита нашей арміи при Павлѣ, культивирована при Александрѣ и, какъ тяжелое наслѣдіе, перешла къ Николаю. Современники послѣднихъ годовъ царствованія Александра Павловича рисуютъ состояніе нашей арміи въ ту эпоху въ тѣхъ же мрачныхъ краскахъ, съ которыми мы отчасти встрѣчаемся и во времена Крымской войны [2]). „Муштровка войскъ", пишетъ одинъ изъ изслѣдователей Александровской эпохи [3]), „доводилась до поэтическаго восторга. „Войска выводились на ученье задолго до назначеннаго часа. „Измученные долгимъ ожиданіемъ, валившіеся подъ грузомъ „ранца, подавленные тяжестью туго надѣтаго кивера, съ колы„хающимся отъ вѣтра почти аршиннымъ султаномъ, затянутые „до удавленія туго застегнутымъ воротникомъ и скрещенными „на груди ремнями, солдаты съ напряженнымъ вниманіемъ испол„няли команды, требовавшія отъ нихъ бодрости и быстраго „исполненія".

Совершенно въ иномъ положеніи въ отношеніи боевой подготовки находились наши Кавказскія войска. Заброшенныя на окраину, они не испытали ни той ломки, которой подвергались

---

[1]) Изъ рукописныхъ записокъ Н. Н. Муравьева.
[2]) Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Николай Первый".
[3]) „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка", Н. Дубровинъ. Русск. Стар., Декабрь 1901 г.

войска Европейской Россіи въ концѣ восемнадцатаго и началѣ девятнадцатаго столѣтій, ни мелочей фронтовой службы мирнаго времени и такимъ образомъ сохранили въ себѣ духъ Румянцевскихъ и Суворовскихъ полковъ.

Князь М. С. Воронцовъ
(съ лит., по рис. Генсенъ).

„Кавказскій полкъ", говоритъ Фадѣевъ [1]), „являлся „цѣлымъ организмомъ, про„никнутымъ однимъ духомъ, „одними понятіями и обы„чаями, высоко цѣнящій свои „преданія, выработавшій свой „особенный боевой характеръ. „Находясь лицомъ къ лицу съ „противникомъ отважнымъ, „ловкимъ и хитрымъ, кавказ„скій солдатъ поневолѣ, для „собственнаго сохраненія, дол„женъ былъ стать такимъ же. „Служба на передовыхъ постахъ и въ секретахъ, въ боковыхъ „цѣпяхъ на походѣ, дѣйствія небольшими партіями и даже въ „одиночку должны были развить въ немъ въ высшей степени „индивидуальныя боевыя качества. Эта обстановка выдвигала „людей выдающихся, раскрывала душу каждаго; въ началь„ствующіе не могли попасть люди по случайному выбору рот„наго командира, а попадали, дѣйствительно, достойные, нрав„ственно вліяющіе на своихъ товарищей. Здѣсь нельзя было вы„служиваться — надо было заслужить. Эти же условія выработали „въ Кавказской арміи столь же славный офицерскій составъ. Въ „Кавказскихъ полкахъ, гдѣ каждый солдатъ не разъ стоялъ ли„цомъ къ лицу со смертью, не могло быть и страха смерти, и, „дѣйствительно, въ бою никакой огонь не могъ ихъ остановить. „Кромѣ рѣшительности удара, Кавказскія войска въ высокой сте„пени обладали иниціативой. Въ бою каждый дѣлалъ свое по„сильное дѣло, не ожидая приказаній свыше; ротнаго командира

[1]) Письма съ Кавказа Р. Фадѣева и его же „60 лѣтъ Кавказской войны".

„замѣнялъ младшій офицеръ, его фельдфебель и даже рядовой, и „заминки при этомъ не бывало. Дѣйствуя въ горахъ, лѣсахъ, гдѣ „часто приходилось топоромъ прорубать дорогу, и гдѣ изъ-за „каждаго камня или дерева можно было ожидать вражеской пули, „войска эти въ бою всегда умѣли примѣняться къ мѣстности. „Размыканіе подъ огнемъ, смыканіе передъ ударомъ дѣлались, „по свидѣтельству очевидцевъ, какъ бы инстинктивно безъ „приказаній. Между родами оружія существовала самая тѣс- „ная связь.

„Славный Нижегородскій драгунскій полкъ, выручая пѣхоту, „врѣзывался въ непріятельскія каре, несмотря на самый сильный „батальный огонь, атаковалъ подъ картечью и бралъ непріятель- „скія батареи. Донскіе линейные и Черноморскіе неустрашимые „одинокіе всадники во всѣхъ бояхъ съ честью восполняли недо- „статокъ у насъ регулярной кавалеріи и въ бояхъ, наравнѣ съ „нею, прославились сомкнутыми атаками на разстроеннаго не- „пріятеля. Въ артиллеріи матеріальная часть была въ плохомъ со- „стояніи: старыя пушки, деревянные лафеты, плохая сбруя; зато „среди батарей и отдѣльныхъ орудій существовало соревнованіе „въ мѣткости стрѣльбы, и въ этомъ отношеніи иногда достига- „лись результаты поразительные.

„Какъ въ походѣ, гдѣ ее выручала пѣхота, такъ и въ бою, „гдѣ ей приходилось выручать пѣхоту и конницу, она никогда „не отставала. Отступить съ позиціи ранѣе пѣхоты, не выручать „своей конницы считалось позоромъ, и никто не ставилъ въ вину „потерю орудій, когда ей приходилось умирать, давъ послѣдній „картечный выстрѣлъ въ упоръ.

„Дѣйствуя въ бою, артиллерія не приковывалась къ одной „позиціи, а сама искала для себя наилучшихъ задачъ, переѣзжала „съ одного пункта поля сраженія на другой и часто, опережая „свою пѣхоту и кавалерію, подскакивала къ непріятельскимъ каре „на картечный выстрѣлъ“.

VI.

Современники эпохи царствованія Императора Николая оставили послѣ себя немного матеріаловъ, которые помогли бы надлежащимъ образомъ обрисовать нравственный обликъ арміи. Обширная же литература конца пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ

прошлаго столѣтія, имѣющая характеръ обличительнаго направленія, безспорно не отличается полной безпристрастностью.

Окончаніе Крымской войны и вступленіе на престолъ молодого, мягкаго Государя, искавшаго въ общественномъ мнѣніи страны какъ бы содѣйствія къ проведенію въ жизнь тѣхъ реформъ, которыя созрѣли въ предшествующее царствованіе, дало какой-то неимовѣрный толчокъ къ публичному самоуниженію. Появилась цѣлая масса обличительныхъ статей, хулящихъ порядки и обычаи минувшаго царствованія и въ особенности касающихся состоянія нашей арміи. Съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ спѣшили сообщить и вынести наружу все то неприглядное, что въ обиліи существовало и въ каждой другой націи и въ каждой арміи; все же хорошее было позабыто, и о немъ никто не смѣлъ обмолвиться. Обличители какъ бы забывали, что армія есть продуктъ самой націи, что ея обычаи и бытъ служатъ отголоскомъ того, чѣмъ живетъ и мыслитъ населеніе всей страны и въ особенности ея интеллигенція.

Въ настоящее время, смотря на прошедшія событія съ высоты истекшихъ пятидесяти лѣтъ, невольно задаешься вопросомъ, что если, дѣйствительно, все было такъ плохо, какъ описываютъ это очевидцы, составлявшіе свои воспоминанія и записки много лѣтъ спустя; если армія, дѣйствительно, не имѣла воинскаго духа, не знала чувства чести, была деморализована, повиновалась только чувству страха палки, то какимъ же образомъ она могла выставить въ Крымскую войну столько безпримѣрныхъ героевъ, которымъ справедливо дивились союзники?

Передъ нашими глазами длинной вереницей проходятъ имена особо отличившихся нижнихъ чиновъ въ спискахъ, которые, по волѣ Императора Николая, представлялись ему, и которые нынѣ хранятся въ нашихъ военныхъ архивахъ.

Рядовой Полѣновъ, бросающійся, послѣ сильнаго рукопашнаго боя въ одиночку съ цѣлой толпой англичанъ, со скалы въ пропасть, чтобы только избѣжать позора плѣна; рядовой Нечаевъ и Шелкуновъ, гуляющіе послѣ отступленія нашихъ войскъ подъ градомъ пуль противника и собирающіе нашихъ раненыхъ; Павловъ и Бѣлоусовъ, спасающіе генерала Хрущева; неизвѣстный рядовой, валящій на землю инженеръ-капитана Дельсаль и прикрывающій его собою, пока не разорвется упавшій вблизи снарядъ [1]),—

[1]) Изъ разсказовъ покойнаго ген. Дельсаль.

развѣ всѣ они не суть продукты той же арміи, въ которой находили только дурное, развѣ это не есть доказательство и существованія въ арміи высокаго чувства чести и воинскаго духа и полнаго отсутствія деморализаціи?

Да не подумаетъ читатель, что мы подобрали исключительные, рѣдкіе примѣры. Именами „рядовыхъ Полѣновыхъ“ исписаны многіе десятки страницъ; изъ нихъ состоитъ исторія обороны Севастопольской. А сколько тысячъ такихъ рядовыхъ остались еще совершенно неизвѣстными, такъ какъ русскій простолюдинъ не видитъ въ подобныхъ подвигахъ чего-либо особеннаго и дѣлаетъ ихъ не на показъ, не для славы, а по чувству совѣсти и внутренняго нравственнаго долга.

Оберъ- и унт.-офицеръ Камчатск. егерск. полка (Интендантскій Музей).

Армія жила и воспитывалась въ обстановкѣ крѣпостного права, обычаи котораго невольно переносились и въ войска [1]). Наша интеллигенція, проливавшая слезы при чтеніи „Бѣдной Лизы“ Карамзина и безпощадно засѣкавшая въ то же время своихъ крѣпостныхъ за самые маловажные проступки; наши помѣщики, проводившіе свое время между охотой съ борзыми, карточнымъ столомъ и коннымъ заводомъ и чуждые какихъ-либо умственныхъ интересовъ, наконецъ, наше чиновничество, законно смотрѣвшее на взяточничество и всѣ свои способности напрягавшее къ усовершенствованію и развитію этого спорта, — вотъ та среда, въ которой жила наша армія, и элементами которой она пополнялась. Нѣтъ сомнѣнія, что эта мрачная картина не включала въ себя лучшихъ представителей русскаго общества, но таковъ былъ общій фонъ, а онъ характеризуетъ эпоху.

---

[1]) „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“. Н. Дубровина. Русская Старина, декабрь 1901 года.

Надо было имѣть силу генія, чтобы въ кратковременный періодъ человѣческой жизни окончательно измѣнить упругія свойства народной массы; но геніи являются разъ въ нѣсколько столѣтій, а потому на медленное поступательное движеніе смягченія нравовъ и развитія общества, а вмѣстѣ съ нимъ и арміи, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на непреложный законъ природы.

Эпоха, предшествовавшая столькимъ кореннымъ реформамъ и преобразованіямъ царствованія Императора Александра II, не могла имъ не содѣйствовать, не служить, такъ сказать, подготовительной переходной стадіей. Броженіе въ этомъ направленіи велось скрытно, постепенно, въ извѣстной послѣдовательности, но оно безспорно велось и въ нѣкоторой степени подготовило наше Отечество къ принятію реформъ Александра II.

Вступленіе Императора Николая на престолъ застало армію гордой воспоминаніями о побѣдоносныхъ войнахъ Наполеоновской эпохи, но почившей на своихъ лаврахъ. Одиннадцать лѣтъ мира и окраска Аракчеевскаго управленія наложили свой отпечатокъ на внутренній складъ арміи. И въ воспитаніи и въ обученіи ея замѣчался характеръ односторонности, свойственной тому времени суровости и непомѣрнаго увлеченія муштровкой, унаслѣдованной Императоромъ Александромъ I со временъ царствованія Императора Павла Петровича и доведенной имъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Походы за границу не способствовали смягченію нравовъ вообще, а вліяніе ихъ ограничилось лишь развитіемъ нѣкотораго свободомыслія среди общества офицеровъ. Либерализмъ пустилъ довольно глубокіе корни съ тѣхъ поръ, какъ общественное воспитаніе и образованіе были построены на принципахъ, чуждыхъ нравамъ, правительству и религіи страны. Военные, которые провели довольно долгое время во Франціи, незамѣтно усвоили себѣ привычки и взгляды, не соглашавшіеся со строгой дисциплиною русской арміи; вообще во всѣхъ классахъ общества замѣчалось стремленіе къ независимости, вызвавшее потрясеніе, которое не могло остаться безъ послѣдствій [1]). Но либеральный образъ мыслей большинства не былъ, къ сожалѣнію, употребленъ ими на смягченіе нравовъ и на правильное направленіе воспитанія въ предѣлахъ тѣсныхъ рамокъ ихъ служебныхъ обязанностей.

Большинство генераловъ, отмѣченныхъ опытомъ прошлыхъ войнъ, къ этому времени сошло уже со сцены; остались лишь

[1]) Русск. Стар., мартъ 1901 года. „Записки Рунича".

немногія единицы, которыя не могли дать надлежащаго тона арміи. Ихъ мѣста заняла новая категорія лицъ, служаки мирнаго времени, дѣтища графа Аракчеева, прошедшія суровую школу этого унижавшаго личность, забивавшаго все живое грознаго временщика.

„Dans plusieurs de mes rapports précédents", доносилъ графъ Дибичъ Императору Николаю Павловичу [1]), „j'ai eu occasion de „soumettre à Votre Majesté toute la gêne que m'impose constam- „ment le manque d'aides capables de bien diriger une opération ou „un commandement isolé. Parmi mes généraux, sans en excepter „même les chefs de corps, la grande majorité remplie de bravoure „personnelle et même de très bonne volonté, se trouve dénuée „soit de moyens, soit de l'habitude de toute disposition et sur- „tout de toute combinaison militaires. Une fois soumis à une „direction supérieure ils pensent que leur devoir se borne unique- „ment à obéir et exécuter; pour tout objet soit grave, soit peu „important, ils attendent des ordres, sans même les demander, et „toute mesure, tout détail que les instances du chef n'auraient point „prévus restent négligés".

Общій уровень офицеровъ того времени производилъ далеко не отрадное впечатлѣніе. Усердные служаки, они „не имѣли ни „малѣйшаго понятія объ европейскомъ просвѣщеніи того вре- „мени" [2]). Графъ Ланжеронъ называлъ ихъ въ своихъ запискахъ невѣждами, считавшими лишнимъ заниматься военными науками. По словамъ же графа Ѳ. П. Толстого, познанія большинства генераловъ ограничивались „вытяженіемъ носковъ", ружейными пріемами и полковыми ученіями [3]). Да, впрочемъ, и служебное ихъ положеніе много содѣйствовало такой отсталости.

„Офицеры, кромѣ лагернаго времени, жили во весь годъ „порознь, въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ скука, проистекающая „отъ уединенія, праздности и недостатка въ воспитаніи, а слѣдо- „вательно, и въ занятіяхъ, заставляли ихъ прибѣгать къ крѣп- „кимъ напиткамъ" [4]).

На сохраненіе силъ солдата не обращалось никакого вниманія. Церемоніальному маршу, напримѣръ, тихимъ и скорымъ шагомъ солдатъ обучали ежедневно часовъ шесть или семь [5]). Обра-

---

[1]) Русск. Стар., іюль 1900 г.

[2]) Русск. Стар., октябрь 1900 г. „Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго за 1824 г.". Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Николай I".

[3]) „Русск. жизнь въ началѣ XIX в." Н. Дубровина. Русск. Стар., декабрь 1901 г.

[4]) „Воспом. Михайловскаго-Данилевскаго за 1824 г.". Русск. Стар., октябрь 1900 г.

[5]) Русск. Стар., октябрь 1900 г. „Воспом. Михайловскаго-Данилевскаго за 1824 г.

щеніе съ ними было до крайности суровое; невыносимый гнетъ и неестественная выправка, по словамъ Мольтке, стали нѣсколько смягчаться лишь въ 1829 году [1]). Барклай де-Толли, съ своей стороны, предостерегалъ старшихъ начальствующихъ лицъ въ арміи отъ неумѣренности въ наказаніяхъ и отъ изнурительныхъ ученій. Онъ упоминалъ о закоренѣломъ въ войскахъ нашихъ обыкновеніи основывать дисциплину и военное обученіе на тѣлесныхъ и къ тому же жестокихъ наказаніяхъ [2]).

Маневры
(съ англ. грав. на стали).

Таково было въ общихъ чертахъ внутреннее состояніе русской арміи ко времени вступленія на престолъ Императора Николая Павловича.

Двадцативосьмилѣтній періодъ времени царствованія Императора Николая I, ознаменовавшійся къ тому же въ первые свои годы событіями, которыя должны были наложить тяжелый отпечатокъ на характеръ и образъ мыслей молодого Государя, былъ очень незначителенъ вообще, чтобы измѣнить въ корнѣ внутреннее состояніе арміи, и пятидесятые года въ этомъ отношеніи даютъ картину почти тождественную той, которая была и въ концѣ двадцатыхъ годовъ.

Въ основу поддержанія дисциплины ставилось не развитіе личности солдата и его нравственныхъ силъ, не выработка въ немъ чувства долга и воинской чести, а чисто внѣшнія мѣры, основанныя исключительно на страхѣ наказанія [3]), и, при существовавшей въ то время суровости нравовъ населенія, наказанія эти, конечно, должны были отличаться особой жестокостью.

Въ ряду карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ по суду, жестокія тѣлесныя наказанія имѣли преобладающее значеніе [4]) и изъ нихъ

---

[1]) Русск. Стар., мартъ 1901 г.

[2]) „Русск. жизнь въ началѣ XIX в." Н. Дубровина. Русск. Стар., декабрь 1901 г.

[3]) Воспом. Лейбъ-егеря Карцева. Рукоп. отд. Музея Севаст. обороны.

[4]) „Зап. Г. В. Щербачева". Русск. Арх. 1890 г. „Изъ зап. Севастопольца". Русск. Арх. 1867 года.

преимущественно наказанія шпицрутенами. Почти всѣ подсудимые нижніе чины податного сословія, признанные по суду виновными, были подвергаемы этому наказанію, какъ самостоятельному. Такъ какъ число тяжкихъ преступленій относилось къ незначительнымъ сравнительно проступкамъ, какъ 1:38 [1]), то, слѣдовательно, большинство наказываемыхъ нижнихъ чиновъ подвергалось этому позорному взысканію за маловажные проступки. Несмотря на большую жестокость наказанія шпицрутенами (прогнаніе сквозь строй черезъ 500—1000 человѣкъ до шести разъ и болѣе), оно нисколько не вело къ уменьшенію преступности и къ поддержанію дисциплины. Напротивъ того, оно способствовало ослабленію нравственности между нижними чинами, униженію сознанія собственнаго достоинства и поселяло въ нижнихъ чинахъ неуваженіе къ своему званію. Наказаніе это дѣйствовало унизительно не только на виновныхъ, но и на безпорочно служащихъ нижнихъ чиновъ, которые были вынуждаемы исполнять при этомъ обязанности палачей.

Но еще болѣе невыгодныя и вредныя послѣдствія для службы и дисциплины имѣла тогдашняя система дисциплинарныхъ тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ властью начальниковъ.

Въ числѣ исправительныхъ взысканій, которымъ могли подвергаться, по усмотрѣнію начальниковъ, всѣ провинившіеся нижніе чины податного сословія, было наказаніе розгами до 300 ударовъ. Этою властью, не подлежавшею никакому контролю, начальники пользовались въ высшей степени неумѣренно, не заботясь объ изысканіи иныхъ исправительныхъ мѣръ, болѣе дѣйствительныхъ и соотвѣтствующихъ проступкамъ провинившихся [2]).

И, дѣйствительно, наказаніе вошло въ плоть и въ кровь солдатскаго ученія; оно было просто и невозмутительно ни въ какихъ размѣрахъ и ни въ какихъ разновидностяхъ [3]).

На солдатъ смотрѣли не какъ на людей, а какъ на неодушевленные предметы, которые должны были, не разсуждая, исполнять всѣ приказанія начальства [4]).

---

[1]) Собств. Его Имп. Вел. библ., Рукоп. отд. Имп. Александра II, № 200. Всеподд. докл. Вел. Кн. Константина Николаевича.

[2]) Собств. Его Вел. библ., Рук. отд. Имп. Александра II. Всеподд. докл. Вел. Кн. Константина Николаевича.

[3]) Русск. Арх., 1867 г. „Изъ зап. Севастополыца".

[4]) Русск. Арх., 1890 г. „Изъ воспом. Г. Д. Щербачева".

Этимъ способомъ хотя и обратили большинство солдатъ въ машины, ничего не понимавшія и ни о чемъ не разсуждавшія, но между ними нерѣдко встрѣчались такія личности, которыя не въ состояніи были выносить тяготѣвшаго надъ ними гнета и выражали свой протестъ очень крупными нарушеніями дисциплины [1]).

Но входила ли въ мысли законодателя такая безпощадная строгость наказаній за самыя мелкія провинности?

„Береги войска, сколько можно“, писалъ Государь Николай Павловичъ князю Горчакову [2]), „смотри за строевымъ порядкомъ „и не дозволяй ни въ чемъ ослабленія службы. За проступки „противъ подчиненности или самовольства строжайше взыскивай“. Такимъ образомъ Государь какъ бы подчеркивалъ тѣ проступки, которые подлежали строгому наказанію.

„Мнѣ прискорбно было узнать“, писалъ Государь ему же [3]), „про постыдные побѣги въ арміи. Я сего не ожидалъ, признаюсь, „при постоянномъ увѣреніи, что добрый духъ въ войскахъ со„хранялся доселѣ въ желаемой степени. Сколь не больно мнѣ, „но мѣры строгости признаю и я совершенно необходимыми, „чтобы позоръ этотъ остановить страхомъ. Но, признаюсь тебѣ, „я ищу причину побѣговъ и во внутреннихъ безпорядкахъ, въ „самихъ полковыхъ начальствахъ. Не одна наружность, сохраняе„мая въ выводимыхъ на смотръ частяхъ, можетъ увѣрить, что „все въ порядкѣ“.... И здѣсь у Государя проглядываетъ сожалѣніе о необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, а также и безсильное пониманіе причинъ, откуда происходитъ все зло.

Уже въ сороковыхъ годахъ въ полкахъ, подъ давленіемъ свыше, начала понемногу прививаться привычка больше обращать вниманія на нравственность солдата [4]), а въ началѣ пятидесятыхъ годовъ встрѣчаются жалобы на ослабленіе со стороны Государя и Наслѣдника въ накладываемыхъ взысканіяхъ и опасеніе, что „если перейдутъ изъ одной крайности въ другую и не будутъ „спрашивать даже должнаго, то многіе перетолкуютъ снисхожденіе „слабостью, и тогда не будетъ никакой управы съ войскомъ“ [5]).

---

[1]) „Зап. Г. Д. Щербачева“. Русск. Арх., 1890 г.

[2]) Собств. Его Имп. Вел. библ., Рукоп. отд., шк. 115, порт. 14. Письмо отъ 18 сентября 1853 года.

[3]) Тамъ же. Письмо отъ 28 августа 1854 года.

[4]) Матеріалы для истор. русск. арм. Походы 64 пѣх. Казанскаго полка. Составили Борисовъ и Сытенко.

[5]) Рукописный дневн. Н. Н. Муравьева за 1850 годъ.

Кромѣ общихъ суровыхъ нравовъ и обычности въ житейскомъ обиходѣ того времени тѣлесныхъ наказаній, причиной строгихъ въ войскахъ взысканій былъ до нѣкоторой степени также и составъ арміи.

Въ солдаты поступали не только люди съ безупречнымъ прошлымъ, но также и преступники, а въ особенности бродяги. Никакое нравственное воздѣйствіе не могло, разумѣется, имѣть вліянія на такихъ лицъ, и только страхъ жестокаго наказанія могъ отчасти удерживать ихъ отъ совершенія новыхъ преступленій, а чаще всего отъ побѣговъ. Мало того, что начальству трудно было справиться съ этой категоріей лицъ, но они дѣйствовали самымъ развращающимъ образомъ на большинство добронравныхъ молодыхъ солдатъ, отличавшихся слабымъ характеромъ, и, пользуясь ихъ тоской по родинѣ въ первое время поступленія на службу, подбивали ихъ къ побѣгамъ. По словамъ самихъ солдатъ, нижніе чины изъ бродягъ и преступниковъ разрушающимъ образомъ дѣйствовали на молодыхъ, не окрѣпшихъ еще рекрутъ, и ихъ дурному вліянію слѣдуетъ приписать большинство преступленій, а въ особенности побѣговъ [1]).

Секретъ
(съ англійск. гравюры на сталп).

Подобному дурному вліянію преступныхъ нижнихъ чиновъ въ значительной степени содѣйствовалъ и способъ расквартированія войскъ не въ казармахъ, гдѣ возможенъ строгій надзоръ и рядъ предупредительныхъ мѣръ, а въ деревняхъ, по квартирамъ у жителей.

По офиціальнымъ даннымъ преступность въ войскахъ выражалась слѣдующими цифрами:

За первое двадцатипятилѣтіе царствованія Императора Николая Павловича [2]) число подсудимыхъ офицеровъ относилось къ

[1]) Всеподд. зап. Н. Н. Муравьева въ 1835 году съ собственноручн. помѣтками Государя. Военн. Сборн., 1903 г., № 2.

[2]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1825—1850 гг.

общему ихъ числу, какъ 1:213; число подсудимыхъ нижнихъ чиновъ къ общему числу таковыхъ же, какъ 1:118, при чемъ большая половина подсудимыхъ судилась за побѣги. Наименьшій процентъ подсудимыхъ былъ въ гвардейскомъ корпусѣ—1:735, наибольшій въ корпусѣ внутренней стражи—1:45.

Въ 1852 году подсудность офицеровъ опредѣлялась пропорціей—1:163, въ 1853 году, т.-е. въ первый годъ войны,—1:178.

Подсудность же нижнихъ чиновъ за эти года выразилась въ 1852 году—1:133 и въ 1853 году—1:137 [1]), при чемъ въ оба года большая половина подсудимыхъ также судилась за побѣги. Въ общемъ же число судившихся за побѣги въ 1852 году было 4586 человѣкъ, а въ 1853 году—4377 человѣкъ.

Эти цифры даютъ возможность заключить, что за послѣдніе годы царствованія Императора Николая Павловича преступность въ войскахъ ни коимъ образомъ не увеличилась, а, напротивъ, значительно уменьшилась, за исключеніемъ, впрочемъ, офицеровъ, преступность которыхъ за эти года увеличилась. Въ годъ войны замѣчается нѣкоторое уменьшеніе сравнительно даже съ предшествовавшимъ годомъ числа попавшихъ подъ судъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, а также уменьшеніе числа судившихся за побѣги.

Не даютъ ли эти факты права заключить, что позднѣйшія записки нѣкоторыхъ современниковъ объ отсутствіи у нашихъ солдатъ воинскаго духа, чувства военной чести, привязанности къ родинѣ, увѣреніе, что итти противъ врага ихъ заставляла лишь боязнь палки и проч., въ высшей степени преувеличены, и въ нихъ единичные, можетъ-быть, печальные факты приписаны всей арміи. Въ годъ начала войны не только не видно увеличенія числа подсудимыхъ и бѣжавшихъ, но, напротивъ, нѣкоторое уменьшеніе ихъ. Такимъ образомъ война удержала подъ знаменами даже многихъ изъ любителей свободы мирнаго времени. Это несвойственно арміи, въ которой нижніе чины идутъ проливать кровь за Отечество исключительно изъ-за страха жестокаго наказанія.

Но зато вышеприведенныя цифры указываютъ и на одинъ прискорбный фактъ, а именно, что процентъ подсудныхъ офицеровъ сравнительно немногимъ уступалъ проценту подсудныхъ

[1]) Всеподд. отч. Военн. Мин. за 1852 и 1853 гг.

нижнихъ чиновъ. Это заставляетъ предполагать, что нравственная сторона корпуса офицеровъ не находилась на той высотѣ, которая соотвѣтствовала бы воспитательному его значенію.

VII.

Какъ характеръ взысканій, налагаемыхъ на офицеровъ, такъ и, въ свою очередь, отношеніе офицеровъ къ дѣлу должны были на много ослабить ихъ воспитательное вліяніе на нижнихъ чиновъ.

Кромѣ сажанія на гауптвахту, практиковавшагося въ весьма обширныхъ размѣрахъ не только относительно оберъ-офицеровъ, но также и штабъ-офицеровъ, для офицеровъ существовалъ еще особый видъ ареста на хлѣбѣ и водѣ [1]). Очевидно, что этотъ родъ взысканій не могъ не умалять офицерскаго достоинства. Въ приказахъ того времени встрѣчаются также факты официальнаго разслѣдованія ночного поведенія офицеровъ, предписывается подъ угрозой строгаго взысканія не допускать никакихъ странностей въ усахъ, высылать изъ фронта офицеровъ, у которыхъ въ одеждѣ окажется что-либо не совсѣмъ точно соотвѣтствующее установленной формѣ, дѣлать осмотръ офицерскимъ вещамъ и много другого въ такомъ же родѣ.

Отношеніе начальниковъ къ подчиненнымъ было большей частью въ высшей степени грубое [2]). Какого-либо нравственнаго руководства старшихъ товарищей надъ молодыми офицерами не существовало. Отъ нихъ такъ же, какъ и отъ нижнихъ чиновъ, требовалось исключительно механическое исполненіе отдаваемыхъ командъ и приказаній.

Офицеры смолоду пріучались къ тому, что начальники всегда должны представлять свои части, такъ сказать, казовымъ концомъ. Они въ корпусѣ уже свыклись съ обманчивою системою удачныхъ смотровъ. Плохо кончивши курсъ наукъ, въ пользѣ которыхъ они не были убѣждены даже желательной строгостью на экзаменахъ, они являлись въ полкъ и уже врядъ ли имѣли случай не только заняться какимъ-либо ученіемъ, но даже не находили нигдѣ возможности достать себѣ книгу для чтенія хотя бы отъ скуки [3]).

---

[1]) Приказы по 2-й бриг. 23-й пѣх. див. за 1841 г.
[2]) „Походн. зап. Обнинскаго". Русск. Арх., 1891 г.
[3]) Арх. К. В. У. К. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.

Наибольшимъ значеніемъ въ полкахъ пользовался тріумвиратъ изъ адъютанта, казначея и квартермистра; на должности эти обыкновенно выбирались не офицеры, выдающіеся своими положительными качествами, а офицеры, удобные или угодные командиру части [1]).

Какого-либо интереса къ усовершенствованію въ военномъ искусствѣ или къ развитію своего умственнаго кругозора вообще не замѣчалось; напротивъ, по мѣрѣ отдаленія отъ школьной скамьи нравы офицеровъ грубѣли, кругъ ихъ общихъ познаній уменьшался и ограничивался въ концѣ концовъ знаніемъ буквы тѣхъ уставовъ, которые болѣе требовались на смотрахъ. Если вѣрить разсказамъ Н. А. Обнинскаго [2]), то онъ служилъ съ командиромъ полка, который вовсе забылъ грамоту.

Казачья вышка
(съ грав. Ф. Брокгаузъ, по рис. съ нат.).

Обстановка, въ которой приходилось жить большинству армейскихъ офицеровъ, мало съ своей стороны содѣйствовала смягченію ихъ нравовъ и умственному развитію. Разбросанные чуть ли не поодиночкѣ по деревнямъ, они въ теченіе почти цѣлаго года были лишены всякаго общества и зачастую принуждены были жить въ одной избѣ съ крестьянами, не видя по цѣлымъ мѣсяцамъ никого, кромѣ унтеръ-офицеровъ и сельскихъ старостъ [3]).

Тяжелое въ этомъ отношеніи положеніе офицеровъ сознавалъ болѣе чѣмъ кто-либо Императоръ Николай Павловичъ, который считалъ необходимымъ ежегодно собирать войска въ лагери къ большимъ городамъ, чтобы хоть на короткое время дать офицерамъ возможность развлечься, повеселиться, какъ говорилъ Государь [4]).

Такое безцвѣтное существованіе было невыносимо, такъ что у рѣдкаго изъ молодыхъ людей доставало терпѣнія дослужить во фронтѣ до званія ротнаго или эскадроннаго командира; все,

---

[1]) Записки докт. Генерици. Русск. Стар., 1878 г., т. XXII.
[2]) Русск. Арх., 1891 г., кн. 3. „Походн. замѣтки".
[3]) Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520 и Рукоп. дневникъ Н. Н. Муравьева.
[4]) Собственн. зам. Государя на зап. Мур. о сост. войскъ. Рукопись.

что получше, пообразованнѣе, удалялось къ другимъ мѣстамъ, доставлявшимъ имъ возможность жить въ городѣ и видѣть свѣтъ.

Эскадронные и ротные командиры большею частью служили, долго не подвигаясь въ чинахъ, и завѣдывали своими частями лѣтъ по 10 и 12, потому что армейскіе штабъ-офицеры никогда въ кандидаты на полковыхъ командировъ не зачислялись [1]).

Обращеніе офицеровъ съ нижними чинами вполнѣ соотвѣтствовало общему состоянію нравовъ того времени и духу дисциплины.

Но что слѣдуетъ признать наибольшимъ бичемъ въ арміи того времени, такъ это завѣдомо недобросовѣстное иногда отношеніе къ дѣлу и въ особенности къ войсковому хозяйству, которое замѣчалось не только среди младшихъ начальствующихъ лицъ, но, къ сожалѣнію, и среди старшихъ.

Ротные, а въ особенности полковые командиры смотрѣли на ввѣренныя имъ части, какъ на свое собственное имущество, какъ на данныя имъ на „прокормленіе“.

Нижніе чины, по ихъ понятіямъ, раздѣлялись на двѣ почти ровныя половины: одна предназначалась для службы Отечеству, а другая для ихъ частной службы. Огромныя командировки отъ строя были положительнымъ бѣдствіемъ арміи. Командиры полковъ успѣвали устраивать себѣ цѣлыя хозяйства при помощи нижнихъ чиновъ. Наличность полковъ показывалась всегда гораздо выше дѣйствительности, и эта разница была въ особенности велика въ военное время [2]). Интересенъ, напримѣръ, фактъ всей переписки князя Горчакова съ военнымъ министромъ за лѣто 1855 года [3]). Князь Горчаковъ постоянно жаловался на недостатокъ войскъ подъ Севастополемъ, указывая боевую цифру полковъ; по свѣдѣніямъ же Военнаго Министерства цифра эта на бумагѣ была на много значительнѣе. Всѣ старанія Главнокомандующаго и его штаба усчитать дѣйствительное состояніе полковъ такъ и не привели къ положительнымъ результатамъ, настолько трудно было бороться съ сильно укоренившейся привычкой.

„Едва ли три четверти полка несутъ постоянно службу“, значится въ одномъ изъ официальныхъ донесеній 1856 года [4]), „потому что, несмотря на строгость и надзоръ высшаго началь-

---

[1]) Зап. о сост. нашей арміи 1856 г. Арх. В. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.
[2]) Очерки Восточн. войны кн. Урусова (не издано).
[3]) Секр. Арх. Канц. Воени. Мин. за 1855 г.
[4]) Арх. В. У. К. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.

„ства, всѣ, кто только приказывать могутъ, начиная отъ полко-
„вого командира до фельдфебеля, непремѣнно скрываютъ людей
„сверхъ положеннаго на расходы и командировки числа нижнихъ
„чиновъ. Учесть эти командировки и наблюсти за вѣрностью
„расходовъ нѣтъ никакихъ средствъ. Закоренѣлая привычка, такъ
„сказать, красть людей не искоренилась".

„Офицеры", пишетъ князь Урусовъ въ своихъ очеркахъ, „произ-
„вольно прикомандировывали къ себѣ строевыхъ, какъ и сколько
„заблагоразсудится; командиры утопали въ роскоши. Дрались во-
„обще превосходно, но всѣ ли дрались, всѣ ли выходили въ строй?
„Теперь сдѣлается, можетъ-быть, понятнымъ, почему на Алмѣ не
„было войска, подъ Инкерманомъ опять не было и т. д.".

Наибольшей степени эти безпорядки достигли на Кавказѣ, при слабомъ управленіи князя Воронцова [1]), когда положительно цѣлыя части войскъ таяли, расходясь исключительно на хозяйственныя потребности [2]).

Безпорядочное отношеніе къ имущественному состоянію войскъ процвѣтало еще въ большихъ размѣрахъ [3]). Борьба съ этимъ зломъ была непосильна и въ особенности потому, что оно вкоренилось во всѣ инстанціи, до самыхъ высокихъ включительно [4]).

Система хозяйства войскъ, основанная на удовлетвореніи необходимыхъ потребностей одной категоріи путемъ экономіи по другимъ категоріямъ, и способъ контроля во многомъ способствовали такому порядку вещей.

О злоупотребленіяхъ въ войскахъ открыто говорилось въ официальной перепискѣ военнаго министра съ обоими главнокомандующими [5]), но, къ сожалѣнію, все ограничивалось одними соболѣзнованіями, безо всякихъ мѣръ строгости или пресѣченія зла со стороны этихъ сановниковъ [6]).

---

[1]) Кн. Урусовъ и Рукоп. дневникъ Н. Н. Муравьева.

[2]) Выдержки изъ дневника Н. Н. Муравьева. Приложеніе № 208.

[3]) „27-го", пишетъ Муравьевъ въ своемъ дневникѣ, „я осмотрѣлъ стоявшій въ Брестѣ „карабинерный полкъ—долги, безотчетность и слава корыстолюбія. Командиру полка я предо-„ставилъ время до весны, чтобы поправить финансовыя дѣла полка".

[4]) Рукоп. дневн. Н. Н. Муравьева.

[5]) Арх. В. У. К. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

[6]) „Les aveugles de la 13-e division", писалъ князь Меншиковъ военному министру 24 іюня 1854 года, „se trouvant à Simphéropol dans le plus grand dénuement et à la lettre „mourant de faim. On dit que c'est pitié de voir ces malheureux privés de la vue et amaigris „faute de nourriture suffisante".

О недугѣ своекорыстія нашей арміи среди начальствующихъ лицъ и офицеровъ подтверждаетъ и ген. Глинка въ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 20 іюля 1856 года. Общ. Арх. Гл. шт., отд. 2, ст. 2, 1856 г., д. № 252.

Личная безпрестанная забота Государя Николая Павловича о поддержаніи солдатскаго благосостоянія мало могла помочь дѣлу, такъ какъ до свѣдѣнія его рѣдко доходили подобные безпорядки; но зато въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда Государю удавалось убѣждаться въ корыстолюбіи начальниковъ, кара его была безпощадна, безъ разбора лицъ и положенія [1]).

Что касается до высшихъ войсковыхъ начальниковъ, то обстановка, въ которой воспитывалась, служила и жила офицерская среда, вырабатывала и соотвѣтствующихъ ей начальствующихъ лицъ, которыя, въ свою очередь, дѣйствовали въ томъ же духѣ на подготовку молодого состава. Происходилъ такимъ образомъ постоянный кругооборотъ, нарушить который, влить въ него новую, живую струю было не по силамъ одному человѣку. Для этого было недостаточно и времени, а необходимо было потрясеніе всего военнаго организма, каковой и произвела неудачная война. Кого винить въ этомъ? Полагаемъ, что причиной всему — это особенность военнаго дѣла, которое даетъ возможность провѣрить всѣ свои недочеты и увлеченія лишь кровавымъ путемъ войны. Что касается до командная состава, то мирныя увлеченія въ этомъ отношеніи особенно легки, но и особенно страшны.

Казаки въ походѣ (съ грав. на стали).

Геройскіе личные подвиги русской арміи въ Крымскую кампанію послужили лишь могущественнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ чувства народа и арміи, которые съ гордостью могутъ вспоминать всѣ эпизоды продолжительной войны на всѣхъ обширныхъ окраинахъ нашего Отечества. Но нельзя, къ сожалѣнію, сказать того же о тѣхъ случаяхъ, гдѣ, кромѣ личной храбрости, требовалось общее руководство операціями. Здѣсь истекшія событія рисуютъ мрачную картину полной неподготовленности генераловъ, непониманія и незнанія всѣхъ элементовъ войны и неразрывно связанныя съ этимъ незнаніемъ нерѣшительность и растерянность.

[1]) Русск. Арх., 1888 г., кн. 9, стр. 173.

Не въ плохомъ вооруженіи, не въ отсталыхъ тактическихъ формахъ заключалась главная причина нашихъ неудачъ, а въ полномъ отсутствіи руководителей войскъ, знакомыхъ съ тѣмъ, что предстояло имъ дѣлать на войнѣ. Всѣ мысли и усилія сильнаго духомъ и твердаго волею Монарха и геройскаго народа были безсильны и въ конецъ парализовались этимъ отличительнымъ свойствомъ нашей арміи. Справедливое Провидѣніе, говорятъ, не одѣляетъ одну націю въ ущербъ другимъ всѣми благими качествами; каждая изъ нихъ имѣетъ и свой традиціонный недостатокъ, котораго можно и не страшиться, если знать его.

Бюрократическія начала и поверхностный взглядъ на дѣло процвѣтали, къ сожалѣнію, и въ нашемъ центральномъ военномъ управленіи.

Во главѣ Военнаго министерства въ то время стоялъ князь Василій Андреевичъ Долгорукій. Человѣкъ высокой честности и отличныхъ душевныхъ качествъ, князь Долгорукій былъ совершенно не подготовленъ къ этой трудной должности, былъ плохой администраторъ, очень мало знакомъ съ боевымъ дѣломъ и „могъ „проявлять только честность, преданность и усердіе, но умѣнье „было ему не подъ силу“ .... [1]).

Муравьевъ, близко соприкасавшійся по своему служебному положенію съ центральными учрежденіями въ послѣдніе передъ войной годы, рисуетъ въ своемъ дневникѣ общую неприглядную картину.

„Удивительно, съ какою суетою и безтолочью здѣсь дѣла „дѣлаются“, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ. „Ежечасно я здѣсь „(въ Новгородѣ) получаю бумаги и все съ надписью „о само- „нужнѣйшемъ“, о справкахъ по дѣламъ, имъ уже представлен- „нымъ, которыя они не хотятъ взять труда у себя поискать. „Никто, впрочемъ, о дѣлѣ, кажется, не заботится, и никому ни „до кого, какъ до себя, дѣла нѣтъ“ .... „Та же суетливость“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „въ распоряженіяхъ высшаго на- „чальства, та же безтолочь, тѣ же противорѣчія. Если все это „ожидаетъ насъ и въ случаѣ военныхъ дѣйствій, то добра ожи- „дать нечего ..... Что бы было“, продолжаетъ онъ нѣсколько ниже, „если бы непріятель былъ передъ нами! Ни количество „войскъ, ни качество оныхъ, никакія силы человѣческія, ни- „какое устройство не могутъ устоять противъ распоряженій,

[1]) Кн. В. П. Мещерскій. „Мои воспоминанія“, ч. I, ст. 28. Спб., 1897 г.

„какія я ежечасно здѣсь получаю. Надобно бѣжать отсюда безъ „оглядки“ [1]).

И нельзя признать мнѣнія Муравьева пристрастнымъ, если вспомнить, напримѣръ, что ударныя ружья, въ числѣ достаточномъ для всей пѣхоты, лежали въ складахъ, а войска были вооружены кремневыми; что войска не были снабжены картами театра войны и многими другими припасами, какъ это будетъ изложено ниже, въ своемъ мѣстѣ. По провѣркѣ по подлинникамъ многихъ цифровыхъ данныхъ въ свѣдѣніяхъ, представлявшихся во время войны Государю Императору по личному его требованію, оказалось, что цифры эти почти всегда отличались отъ дѣйствительныхъ. Что же можно было ожидать въ другихъ дѣлахъ, если такая небрежность замѣчалась въ личныхъ докладахъ къ „строгому“, но, къ сожалѣнію, чрезмѣрно довѣрчивому Императору Николаю Павловичу.

VIII.

Но могутъ ли всѣ эти временные недостатки нашей арміи бросить на нее какую-либо тѣнь? Такіе недостатки въ большей или меньшей степени свойственны арміямъ всего свѣта, періодически увеличиваясь и уменьшаясь. И если мы не скрываемъ ихъ, то потому, что высоко цѣнимъ и вѣримъ въ тѣ прирожденныя свойства русскаго народа и арміи, которыя позволяютъ имъ смѣло сознавать свои отрицательныя стороны и успѣшно бороться съ ними. „Наши недостатки малы и ничтожны“, говоритъ одинъ изъ военныхъ писателей [2]), „наши достоинства неоцѣнимы“, поэтому намъ нѣтъ надобности скрывать подъ витіеватымъ блескомъ излишняго самовосхваленія присущія всему человѣчеству ошибки и погрѣшности.

Крымская война положила въ нашей арміи предѣлъ почти шестидесятилѣтнему слѣдованію прусской мелочной выправкѣ и увлеченію парадной стороной мирнаго военнаго искусства, которыя столь несвойственны нашему характеру, но которыя были привиты нашей арміи въ теченіе короткаго царствованія Императора Павла и особенно развиты въ царствованіе Императора Александра I.

---

[1]) Дневн. за 1849—1854 гг. Рукопись.
[2]) Куропаткинъ. „Ловча, Плевно и Шейново“.

Историческимъ путемъ сложившееся, вошедшее въ плоть и кровь русскаго народа обожаніе къ своимъ Монархамъ, глубокая преданность Престолу, патріархальныя отношенія крѣпостного права, перенесенныя и въ армію, гдѣ нижній чинъ смотрѣлъ на начальника не какъ на офицера, а какъ на своего „барина", и особый чисто религіозный взглядъ нашего простолюдина на смерть, который заставляетъ не бояться ея, составляли исключительныя условія характера нашей арміи, дѣлавшія ее отличной отъ всѣхъ прочихъ. Эти условія придавали ей ту стихійную силу, которой въ защитѣ Престола и Отечества не было ничего невозможнаго, которая пойдетъ всюду за своими офицерами, лишь бы они знали, куда и какъ ее вести.

Принадлежность огромнаго большинства нашего населенія къ одному славянскому племени вносила въ составъ арміи то единство, которое является залогомъ взаимной выручки и духа товарищества въ войскахъ. Сельскохозяйственный характеръ страны давалъ арміи физически крѣпкихъ, здоровыхъ солдатъ, а суровый климатъ, неизнѣженный образъ жизни и спокойный, присущій русскому простолюдину, характеръ дѣлали ее способной стойко переносить даже тѣ невзгоды военной жизни, которыя являются окончательно не подъ силу арміямъ западныхъ націй. Продолжительные сроки службы, кромѣ того, что они давали возможность втянуть людей во всѣ тягости военнаго ремесла, пріучали ихъ къ своей части, которая становилась для нихъ какъ бы другой семьей; они жили преданіями своей части и зорко оберегали честь родного полка. Храбрость и выносливость русской арміи не требовали для поддержанія этихъ качествъ ни блеска успѣха, ни присутствія тѣхъ сорока вѣковъ, которые съ высоты египетскихъ пирамидъ должны были бы рукоплескать ея побѣдамъ; она спокойно дѣлала свое дѣло не напоказъ, а при всякой обстановкѣ, свято выполняя свой долгъ. И сила духа русскаго войска, его грозное спокойствіе и безпримѣрная стойкость особенно проявлялись въ минуту тяжелыхъ испытаній, когда для него наглядно была затронута честь Русскаго Государства, или когда ему приходилось встрѣчать врага на своей землѣ. Здѣсь русскій солдатъ проявлялъ ту непреодолимую мощь, которая одинаково показала себя и въ Отечественную войну и въ Крымскую кампанію.

„Идеальныя войска наши", писалъ баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ графу П. Д. Киселеву изъ Севастополя 16 февраля

1855 года [1]), „исполнены изумительнаго терпѣнія, усердія и „самоотверженія. Это гладіаторы храбростью, но съ тою раз„ницею, что гладіаторы-идолопоклонники жаждали рукоплесканія „весталокъ и другихъ зрителей, а наши, подвизаясь за вѣру, „Царя и Отечество, ожидаютъ Царства Небеснаго".

„Генералы наши, исключая единицъ, не соотвѣтствуютъ офи„церамъ и солдатамъ. Я не говорю о личной храбрости, которая „одна недостаточна для генерала".

„Скажу только", читаемъ мы въ письмѣ адмирала В. И. Истомина къ его брату отъ 23 ноября 1854 года изъ Севастополя [2]), „что не могу надивиться на нашихъ матросовъ, солдатъ и офице„ровъ. Такого самоотверженія, такой геройской стойкости пусть „ищутъ въ другихъ націяхъ со свѣчей".

---

[1]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. I, д. № 1039.
[2]) Русск. Арх. 1877 г., кн. I, стр. 135.

Глава XIII.

I.

Задачи, которыя вообще могутъ быть возлагаемы на флотъ въ военное время, заключаются: 1) въ пораженіи огнемъ артиллеріи непріятельскаго флота и его прибрежныхъ пунктовъ; 2) въ нанесеніи вреда непріятельской морской торговлѣ и въ обезпеченіи своей торговли; 3) въ производствѣ береговыхъ десантовъ собственными средствами флота и частями сухопутныхъ войскъ; 4) въ прикрытіи своихъ береговъ и прибрежныхъ пунктовъ отъ поползновеній непріятельскаго флота, и, наконецъ, 5) въ крайнемъ случаѣ въ рукопашной схваткѣ съ непріятельскими судами.

Такимъ образомъ флотъ предназначается не только для боевой защиты Государства, но и для служенія его торговымъ интересамъ. Такая зависимость невольно вліяетъ на развитіе военныхъ флотовъ въ тѣхъ странахъ, которыя ведутъ большую морскую торговлю. Для нихъ могущественный военный флотъ является необходимымъ. Большія траты на его содержаніе вполнѣ окупаются уничтоженіемъ риска огромныхъ потерь въ торговлѣ. Съ другой стороны, военный флотъ имѣетъ въ торговомъ, въ случаѣ надобности, большую поддержку для достиженія нѣкоторыхъ изъ своихъ цѣлей.

Что касается въ частности до русскаго флота временъ Крымской войны, то задачи, на него возлагаемыя, были болѣе узкія: онъ предназначался почти исключительно для военныхъ цѣлей и долженъ былъ не уступать въ своей силѣ флотамъ сосѣднихъ съ нами державъ. Ничтожная морская торговля не вызывала потребности сообразовать величину нашего военнаго флота съ интересами коммер-

ческими, и заботы нашего правительства, какъ можно судить, были направлены лишь къ тому, чтобы въ Балтійскомъ морѣ имѣть болѣе сильный, преимущественно своей артиллеріей флотъ, чѣмъ соединенный флотъ шведскій и датскій, а въ Черномъ морѣ — чѣмъ турецкій [1]). Эта основная идея, выраженная впервые въ утвержденномъ Императоромъ Павломъ I въ январѣ 1798 года докладѣ особаго Комитета, оставалась неизмѣнной и въ теченіе царствованія его двухъ ближайшихъ преемниковъ.

Привалъ
(съ англ. грав. на стали).

Для выполненія всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ задачъ, которыя возлагаются на морскія вооруженныя силы, онѣ должны включать въ себѣ многочисленную и большихъ калибровъ артиллерію, большой личный составъ, обширныя перевозочныя средства для помѣщенія на нихъ, какъ всего необходимаго на время долгаго плаванія флота, такъ и перевозимаго десанта, средства для перевозки десанта на берегъ и быстроходныя суда для погони за непріятельскими торговыми судами и для выполненія разныхъ, требующихъ быстроты, порученій.

Всѣ предъявляемыя военному судну условія невозможно было въ достаточной мѣрѣ соединить въ одномъ какомъ-либо типѣ. Такихъ типовъ, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшихъ по своимъ качествамъ разновидности требованій, предъявлявшихся военно-морскимъ силамъ государства, должно было быть нѣсколько.

Главные элементы морскихъ вооруженныхъ силъ составляли: артиллерія для нанесенія непріятелю вреда огнемъ; боевыя суда для передвиженія артиллеріи и десанта и, наконецъ, личный составъ для управленія судами, для стрѣльбы изъ орудій, для рукопашнаго боя и для производства десанта.

Передъ Крымской войной матеріальная сила военныхъ судовъ и морской артиллеріи была почти одинакова во всѣхъ Европей-

[1]) Полн. Св. Зак. Росс. Имп., Кн. Штат.

скихъ государствахъ; если они и отличались другъ отъ друга, въ зависимости отъ цѣлей, для которыхъ предназначался военный флотъ каждой страны, то только бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ судовъ вообще и различіемъ ихъ категорій въ частности.

Военныя суда въ разсматриваемую эпоху подраздѣлялись по способу ихъ передвиженія на парусныя, паровыя (колесныя и винтовыя) и гребныя.

Парусныя суда передвигались при помощи вѣтра и находились въ полной отъ него зависимости, такъ что отсутствіе вѣтра дѣлало судно совершенно неспособнымъ къ движенію.

Колесныя паровыя суда, очень удобныя для рѣчного судоходства, были мало пригодны для движенія по морю въ бурную погоду. Открыто же расположенныя колеса были легко поражаемы огнемъ непріятельской артиллеріи, и одинъ удачный выстрѣлъ могъ сдѣлать колесный пароходъ не пригоднымъ для дальнѣйшаго движенія. Поэтому колесные пароходы вообще не могли замѣнить собою парусныхъ военныхъ судовъ, и въ особенности они не замѣняли большихъ парусныхъ кораблей, способныхъ носить многочисленную артиллерію большого калибра.

Этому недостатку колесныхъ паровыхъ судовъ помогли изобрѣтенные въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія винтовые корабли, которые въ большомъ количествѣ начали вводиться первоначально во Франціи, потомъ въ Англіи и въ единичномъ числѣ у насъ.

Двигателемъ въ винтовыхъ судахъ былъ гребной винтъ, который помѣщался въ кормовой части корабля, ниже ватерлиніи, и приводился въ движеніе паровой машиной до 800-1000 лошадиныхъ силъ. Въ случаѣ же попутнаго вѣтра, машина переставала дѣйствовать, винтъ, чтобы не мѣшать ходу судна, подымался наверхъ, и корабль могъ двигаться уже только при помощи парусовъ.

Наконецъ, къ гребнымъ судамъ принадлежали суда, двигавшіяся при помощи веселъ.

По своимъ размѣрамъ и числу носимой ими артиллеріи военныя суда были самой разнообразной величины и силы и носили отъ 8 до 120 пушекъ. Наибольшимъ разнообразіемъ отличался парусный флотъ, какъ главная составная единица тогдашнихъ морскихъ вооруженныхъ силъ.

Представителями морского могущества были *корабли,* самыя большія трехмачтовыя военныя суда, вооруженныя орудіями большого калибра. Главное назначеніе ихъ было переносить много-

численную и большихъ калибровъ артиллерію. Корабли собственно и составляли военную морскую силу, которая рѣшала участь морскихъ сраженій. Они назывались *линейными кораблями,* такъ какъ во время боя обыкновенно располагались въ линію де-баталіи. По числу орудій корабли подраздѣлялись на 120-ти, 110-ти, 100, 90, 84-хъ и 74-хъ пушечные, при чемъ они отличались по рангамъ, въ зависимости отъ числа орудій, находившихся на ихъ вооруженіи. Длина кораблей доходила отъ 178 до 240 футъ, ширина отъ 48 до 60 футъ, а въ водѣ они сидѣли своей кормой до 23-29 футъ.

Артиллерія на корабляхъ была расположена на особыхъ батареяхъ или на палубахъ въ нѣсколько ярусовъ, при чемъ верхняя батарея была открытая, а остальныя закрытыя и назывались *деками.*

Корабли 120-ти, 110-ти и 100 пушечные имѣли четыре яруса батарей, изъ которыхъ три яруса помѣщались въ закрытыхъ палубахъ, и такія суда назывались *трехдечными.*

Корабли съ меньшимъ числомъ орудій имѣли по три яруса батарей, изъ которыхъ два въ декахъ, и назывались *двухдечными.*

Какъ было сказано выше, главная сила кораблей заключалась въ носимой ими артиллеріи. Съ этой точки зрѣнія казалось бы, что, чѣмъ больше орудій будетъ на кораблѣ, и чѣмъ большаго они будутъ калибра, тѣмъ и лучше. Но въ дѣйствительности чрезмѣрному увеличенію калибровъ орудій, т.-е. чрезмѣрному увеличенію вѣса носимой кораблемъ артиллеріи препятствовали морскія качества корабля. Орудія большого калибра были очень тяжелы для деревяннаго корпуса корабля, занимали много мѣста и требовали много прислуги. Необходимость сохранить за кораблемъ хорошія морскія качества налагала извѣстный предѣлъ въ отношеніи величины и числа орудій большихъ калибровъ, предназначавшихся для вооруженія кораблей.

За измѣреніе силы военнаго судна принимали вѣсъ выбрасываемаго изо всѣхъ орудій снаряда въ одинъ залпъ.

Надлежащее размѣщеніе артиллеріи на самомъ суднѣ имѣло очень важное значеніе для качества судна.

Орудія самыхъ большихъ калибровъ помѣщались обыкновенно въ нижнемъ декѣ, который назывался *гонь-деком*ъ и находился надъ кубрикомъ, т.-е. самой нижней палубой судна. Расположеніе болѣе тяжелыхъ орудій внизу переносило центръ тяжести судна ниже и дѣлало его болѣе остойчивымъ.

Въ среднемъ, *мидель-декъ,* помѣщались слѣдующія по калибру орудія, за которыми шли располагавшіяся въ верхнемъ или *оперъ-декъ,* а на открытыхъ батареяхъ ставились орудія самыхъ малыхъ калибровъ изо всѣхъ, состоявшихъ на вооруженіи корабля.

На нашихъ корабляхъ гонъдеки вооружались примѣрно двумя 2-хъ пудовыми или 68-ми фунтовыми бомбовыми пушками, 4-мя пудовыми единорогами и 36-ти фунтовыми длинными пушками. Въ мидель-декахъ ставились 36-ти фунтовыя короткія пушки; въ оперъдекахъ—36-ти фунтовыя короткія пушки или 36-ти фунтовыя пушкокаронады; на открытой же батареѣ располагались 36-ти фунтовыя каронады, 24-хъ фунтовыя пушко-каронады и 24-хъ фунтовыя каронады [1]). Впрочемъ, нѣкоторые корабли нашего флота были вооружены однокалиберною 36-ти фунтовою или 30-ти фунтовою артиллеріей [2]).

Полковой цырюльникъ (съ англ. грав. на стали).

Хорошія морскія качества корабля достигались его конструкціей, правильною нагрузкою, снаряженіемъ, вооруженіемъ и соотвѣтствующей подготовкой экипажа къ парусному дѣлу, а способность его выполнять всѣ цѣли на войнѣ—надлежащимъ снабженіемъ боевыми припасами и продовольствіемъ.

Боевыми припасами корабли снабжались по расчету отъ 75 до 100 боевыхъ выстрѣловъ на каждое орудіе. Продовольственныхъ запасовъ наши корабли могли вмѣстить на весь экипажъ на 6 морскихъ мѣсяцевъ (въ мѣсяцѣ 28 дней), кромѣ сухарей, которыхъ такъ же, какъ воды и дровъ, брали на 3 или 4 мѣсяца.

---

[1]) Выгода имѣть на кораблѣ однокалиберную артиллерію заключалась въ особенности въ томъ, что этимъ избѣгалось возможное перепутываніе во время боя снарядовъ, подаваемыхъ въ разные деки. Вотъ почему верхніе деки предпочитали вооружать пушко-каронадами и каронадами такого же калибра, который имѣли пушки на вооруженіи нижнихъ дековъ.

[2]) Военн. Энцикл. лексик., изд. 1855 г., тт. III и VII.

Величина экипажей опредѣлялась количествомъ и калибромъ орудій и величиною самаго судна. Такимъ образомъ, по положенію пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, экипажъ нашего 120-ти пушечнаго корабля состоялъ изъ 989 человѣкъ, 110-ти пушечнаго — изъ 915 человѣкъ, 84-хъ пушечнаго — изъ 763 и 74-хъ пушечнаго — изъ 627 человѣкъ.

Что касается до количества десантныхъ войскъ, которое корабли могли подымать на себѣ, то оно было весьма различно, въ зависимости отъ внутренняго размѣщенія судна, а также отъ разстоянія, на которое перевозится десантъ, отъ свойства моря, отъ времени года и т. п.

Въ зависимости отъ этихъ обстоятельствъ, 100 пушечные корабли могли поднять отъ 1000 до 1500 человѣкъ десанта, 84-хъ пушечные—отъ 650 до 1000 человѣкъ и 74-хъ пушечные—отъ 500 до 780 человѣкъ.

Для свозки десанта съ парусныхъ судовъ пользовались судовыми гребными лодками, а съ пароходо-фрегатовъ—десантными ботами. Самые *большіе* корабли имѣли по два 20-ти или 23-хъ весельныхъ *баркаса,* по два 14-ти весельныхъ *полу-баркаса,* по два 10-ти или 12-ти весельныхъ *легкихъ катера,* по двѣ *гички* или *вельбота* и по одной или по двѣ маленькихъ *шлюпки.*

Баркасы и полу-баркасы имѣли на носу по одной 24-хъ фунтовой и 18-ти фунтовой каронадѣ и по два малыхъ фальконета; катера были вооружены только фальконетами.

Баркасы поднимали 140 человѣкъ десанта въ полной амуниціи, полу-баркасы по 60, катера по 30 человѣкъ. Такимъ образомъ гребныя суда 100 пушечнаго корабля поднимали сразу 460 человѣкъ десанта [1]).

Винтовые корабли въ общемъ по своей конструкціи были сходны съ парусными; ихъ только приходилось немного удлинять для помѣщенія котловъ и машины.

Суда, слѣдовавшія по своей величинѣ и важности въ военномъ отношеніи за кораблями, были *фрегаты.* Они были нѣсколько менѣе кораблей и имѣли только одну закрытую батарею, съ меньшимъ числомъ орудій.

По своему рангу фрегаты раздѣлялись на 60-ти, 52-хъ, 44-хъ, 36-ти пушечные.

---

[1]) По данным Арх. Морск. мин., корабли Черноморскаго флота имѣли средства высадить въ одинъ рейсъ до 500 человѣкъ въ полномъ вооруженіи.

Длина ихъ корпусовъ была отъ 136 до 176 футъ, ширина отъ 43 до 48 футъ, а въ водѣ своей кормой они сидѣли отъ 18½ до 21½ фута.

Вооружены фрегаты были артиллеріей меньшаго калибра, чѣмъ линейные корабли. Въ ихъ декѣ ставились обыкновенно 24-хъ фунтовыя пушки, а на открытой батареѣ 24-хъ фунтовыя каронады.

Боевыми припасами фрегаты снабжались по расчету 75 боевыхъ выстрѣловъ на каждое орудіе. Продовольственныхъ запасовъ они вмѣщали на весь экипажъ на 4 или 4½ мѣсяца, воды и дровъ на 3 или 4 мѣсяца.

Величина экипажа фрегатовъ колебалась отъ 440 до 500 человѣкъ. Десантныхъ войскъ они могли взять отъ 300 до 500 человѣкъ.

Фрегаты почитались лучшими боевыми судами паруснаго флота. Уступая кораблямъ въ боевой силѣ, они требовали меньше экипажа и отличались лучшими морскими качествами: ходили круче къ вѣтру, были поворотливѣе и быстроходнѣе. Поэтому фрегаты обыкновенно предназначались для поисковъ за непріятелемъ, для крейсерства, для конвоированія купеческихъ судовъ, транспортовъ и для выполненія прочихъ порученій, требовавшихъ при достаточной силѣ судна болѣе быстраго хода. Во время же сраженія они обыкновенно находились во второй линіи, поддерживая линейные корабли, помогая слабымъ и заступая иногда ихъ мѣста.

Во Франціи и въ Англіи въ составъ военныхъ флотовъ ко времени Крымской войны входили и винтовые корабли и фрегаты, имѣвшіе паровую машину отъ 800 до 300 лошадиныхъ силъ. Машина эта служила пособіемъ при штилѣ и вообще, когда паруса были мало дѣйствительны, при чемъ силы паровъ и вѣтра, какъ двигателей, были соединены самымъ удачнымъ образомъ.

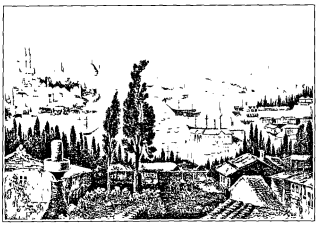
Остальныя парусныя военныя суда меньшихъ ранговъ не имѣли закрытой батареи или дека, и орудія ихъ располагались на открытой палубѣ. Сюда принадлежали 24-хъ, 20-ти, 18-ти, 16-ти, 14-ти, 12-ти, 10-ти и 8-ми пушечныя суда; они по большей части были вооружены каронадами.

Всѣ эти суда различались своей величиной и вооруженіемъ. Главными изъ нихъ были: *корветы,* сходные по вооруженію съ фрегатами, и *шлюпы,* оба трехмачтовые; *бриги* и *шхуны,* оба двухмачтовые; *люгера* и *тендеры,* которые ходили

весьма близко къ вѣтру и потому были самыми удобными судами для посылокъ.

Къ числу паровыхъ судовъ, бывшихъ въ то время въ нашемъ флотѣ, принадлежали, какъ было сказано выше, колесные пароходы, снабженные въ незначительномъ количествѣ артиллеріей большого калибра.

По своей величинѣ и силѣ машины они подраздѣлялись на *пароходо-фрегаты* и *пароходо-корветы* или просто пароходы. Первые имѣли машины отъ 220 до 600 и болѣе лошадиныхъ силъ и самое разнообразное вооруженіе; вторые были малосильнѣе и имѣли меньшее вооруженіе.



Видъ Перы.

При парусномъ флотѣ пароходы предназначались для развѣдывательной службы, для крейсерованія, а также для выбуксированія во время боя поврежденныхъ кораблей или для ввода ихъ въ линію во время штиля. Отсюда видно, какое большое значеніе для паруснаго флота имѣло обиліе сильныхъ пароходовъ.

Къ гребнымъ судамъ принадлежали вообще мелкосидящія въ водѣ суда. Главными представителями ихъ были *канонерскіе боты* и *канонерскія лодки*. Они были вооружены 2-3 пушками большого калибра, поставленными въ носу и въ кормѣ, и имѣли, какъ вспомогательное для движенія средство, одну или двѣ мачты съ четырехугольными парусами. Лодки бывали иногда палубныя.

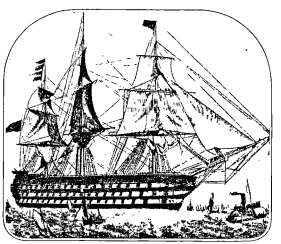
По своему устройству гребныя суда были неспособны къ выдерживанію крѣпкихъ вѣтровъ, и, имѣя малое пространство для провизіи и воды, они не могли удаляться далеко отъ берега[1]). Плаваніе ихъ ограничивалось только рѣками, шхерами и берегами морей. На гребныхъ судахъ перевозился десантъ, дѣлались высадки,

---

[1]) Письмо князя Горчакова князю Меншикову 17 іюня 1853 г. Арх. Военн. Уч. Ком. Главн. шт., отд. 2, д. № 4253.

обстрѣливались берега, а иногда они вступали въ бой съ большими парусными судами, стараясь взять ихъ на абордажъ.

Къ военнымъ судамъ того времени слѣдуетъ отнести также *бомбардирскіе корабли* и *плавучія батареи,* предназначавшіеся для бомбардированія крѣпостей и защиты береговъ. Первые были вооружены одной или двумя мортирами и нѣсколькими пушками, а вторыя — четырьмя-девятью орудіями большого ка-



Англійскій линейный корабль (съ грав. на деревѣ).

либра, поставленными на палубѣ, по серединѣ судна, на платформахъ, дававшихъ имъ возможность стрѣлять въ разныхъ направленіяхъ.

Желѣзныхъ военныхъ судовъ въ то время еще не существовало; всѣ они строились изъ дерева. У насъ для главныхъ частей судна употреблялись дубъ и лиственница; обшивка же судовъ и палубы чаще всего дѣлались сосновыя. Снаружи подводная часть судовъ, для предохраненія отъ морскихъ животныхъ и растеній, легко прилипавшихъ къ дереву и могшихъ замедлять ходъ судна, обшивалась мѣдными листами.

Иногда при *тимберовкѣ,* т.-е. значительной передѣлкѣ старыхъ кораблей, съ нихъ снимали одинъ декъ, и тогда стопушечный корабль обращался въ двухдечный, а двухдечный во фрегатъ.

Рангоутъ судна, т.-е. мостки и ихъ продолженіе вверхъ (стеньги и брамъ-стеньги), назначеніе которыхъ было носить паруса, дѣлался изъ легкаго, гибкаго и прямоствольнаго лѣса; у насъ преимущественно изъ сосны.

Такелажъ или снасти, входившія въ снаряженіе судна, имѣвшаго рангоутъ, дѣлался изъ смоляныхъ пеньковыхъ веревокъ.

Паруса состояли изъ пеньковой ткани, называемой парусиной, которая выдѣлывалась различной толщины. На нижніе паруса употреблялась самая толстая парусина, а по мѣрѣ повышенія ихъ парусина бралась болѣе тонкая.

Выше были уже указаны причины, заставлявшія вооружать военныя суда артиллеріей разныхъ калибровъ.

Изъ описанія вооруженія боевыхъ судовъ усматривается все разнообразіе орудій, для этого употреблявшихся.

Желаніе наносить дѣйствительное пораженіе на дальнихъ дистанціяхъ и необходимость быстраго и сильнаго по своимъ результатамъ огня на близкихъ дистанціяхъ заставляли включать въ составъ морской артиллеріи самые разнообразные калибры орудій, отъ очень большихъ до самыхъ маленькихъ.

Въ этомъ отношеніи артиллерія военнаго судна имѣла очень много общаго съ артиллеріей крѣпости, но съ тою только разницею, что въ крѣпости находили для себя соотвѣтственное примѣненіе и орудія устарѣлыхъ системъ, на военномъ же суднѣ артиллерія должна была удовлетворять послѣднему слову военной техники. Даже калибры орудій, употреблявшихся во флотѣ, были почти тѣ же, которые употреблялись въ крѣпостной войнѣ.

Морская артиллерія эпохи Крымской войны состояла изъ слѣдующихъ орудій:

Бомбовыя пушки 10-ти дюймовыя, 2-хъ и 1½ пудовыя и 68-ми фунтовыя, позволявшія производить прицѣльную стрѣльбу разрывными бомбами.

Длинныя пушки 36-ти, 30-ти, 24-хъ, 18-ти, 12-ти, 8-ми, 6-ти, 3-хъ и 1 фунтовыя.

Короткія пушки 36-ти, 24-хъ и 18-ти фунтовыя, 48-ми фунтовыя полу-пушки, встрѣчавшіяся на вооруженіи нашихъ судовъ очень рѣдко.

Единороги одно- и полу-пудовые.

Каронады 96-ти, 68-ми, 48-ми, 36-ти, 24-хъ, 18-ти, 12-ти, 8-ми и 6-ти фунтовыя.

Пушко-каронады 36-ти, 24-хъ и 18-ти фунтовыя.

Фальконеты 3-хъ и 1 фунтовые и мортиры 5-ти, 3-хъ и 2-хъ пудовыя и малыя 8-ми фунтовыя кугорновы мортирки.

Объ орудіяхъ, одноименныхъ съ употреблявшимися въ крѣпостной, осадной и полевой артиллеріи, было сказано въ своемъ мѣстѣ, поэтому въ данномъ случаѣ отмѣчаются лишь характерныя особенности остальныхъ образцовъ.

Бомбовыя чугунныя пушки въ Балтійскомъ флотѣ употреблялись 2-хъ пудовыя (калибръ 9,65 дюйма) и $1^1/_2$ пудовыя (калибръ 8,75 д.). Вѣсъ всей системы перваго образца доходилъ до 290 пудовъ, а второго до 230 пудовъ.

Въ Черноморскомъ флотѣ бомбовыя пушки были 10-ти дюймовыя и 68-ми фунтовыя (калибръ 8 д.). Вѣсъ системы 10-ти дюймовыхъ былъ около 327 пудовъ, а 68-ми фунтовыхъ—около 250 пудовъ.

Дальность полета бомбъ двухпудовыхъ пушекъ при 12° возвышенія доходила до 1069 саж. и полуторапудовыхъ при 11° возвышенія—до 915 саж.

Дѣйствительность стрѣльбы изъ этихъ орудій была хороша до 800 саженей даже въ такую незначительную цѣль, какъ щитъ шести-футовыхъ размѣровъ. При стрѣльбѣ же на болѣе далекія разстоянія огонь былъ невѣренъ, особенно при малѣйшемъ движеніи судна [1]).

Относительно скорости стрѣльбы изъ бомбовыхъ пушекъ можно судить по тому, что два 68-ми фунтовыхъ орудія давали возможность въ три минуты выпускать 6 бомбъ [2]).

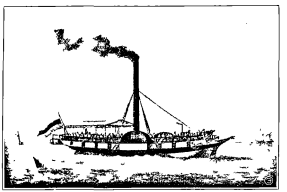
Производились у насъ опыты по вооруженію кораблей и 3-хъ пудовыми бомбовыми пушками, но эти орудія были признаны неудобными, такъ какъ они вѣсили до 450 пудовъ и требовали 20 человѣкъ прислуги [3]).

Пушки нѣкоторыхъ калибровъ употреблялись на судахъ длинныя и короткія. Различіе между ними заключалось въ томъ, что при одинаковомъ калибрѣ первыя имѣли бо́льшую дальность прицѣльнаго выстрѣла. Кромѣ того, при стрѣльбѣ изъ длинныхъ орудій боковая качка судна была спокойнѣе, а также дымъ и пламя, появлявшіеся у дула, находились далѣе отъ борта, чѣмъ при стрѣльбѣ изъ короткихъ пушекъ; это послѣднее составляло для кораблей довольно важную выгоду. Невыгоды длинныхъ пушекъ заключались въ томъ, что онѣ занимали мно́го мѣста на палубѣ.

---

[1]) Арх. Морск. Мин., Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 42. Донес. ген.-адъют. Корнилова.
[2]) Арх. Морск. Мин., Техн. свѣд. о Черном. флотѣ.
[3]) Военн. Энц. лексик., изд. 1853 г.

Каронады отличались меньшимъ относительнымъ зарядомъ и меньшей дальностью. Онѣ были особенно выгодны для употребленія на корабляхъ, такъ какъ при одинаковомъ калибрѣ съ пушками, каронады были гораздо легче ихъ вѣсомъ, требовали меньше прислуги и меньше занимали мѣста. Это давало возможность имѣть на судахъ каронады большого калибра и на близкомъ разстояніи наносить ими болѣе вреда, но зато на большомъ разстояніи онѣ на много уступали въ силѣ огня пушкамъ и въ особенности длиннымъ.



Первый Невскій пароходъ (съ лит., по рис. Карделли).

Наши каронады [1]) превосходно дѣйствовали на одинъ кабельтовъ (100 саж.), а на бо́льшее разстояніе были невѣрны и негодны.

Пушко-каронады представляли изъ себя среднее между короткими пушками и каронадами. Дальность ихъ прицѣльнаго выстрѣла и мѣткость значительно превосходили эти же свойства каронадъ. Такъ, 36-ти фунтовая пушко-каронада имѣла полетъ при 8° возвышенія свыше 1000 саж. [2]).

Вообще же наши моряки того времени признавали, что на корабляхъ не должно было имѣть пушекъ болѣе 36-ти фунтового и каронадъ болѣе 68-ми фунтового калибровъ.

Что касается до орудій мелкихъ калибровъ, то въ сухопутной артиллеріи мы не встрѣчались только съ фальконетами и кугорновыми мортирами. Оба эти типа орудій отличались легкостью своего вѣса и малой дѣйствительностью выстрѣловъ; они предназначались исключительно для содѣйствія десантамъ.

Изъ артиллерійскихъ снарядовъ, примѣнявшихся спеціально въ морской артиллеріи, существовали дрейфъ-гагелы, которые представляли изъ себя родъ картечи, употреблявшейся для стрѣльбы по такелажу судовъ.

---

[1]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адмир., 1853 г., д. № 24.
[2]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адмир., 1853 г., д. № 23.

О дѣйствительности стрѣльбы того времени можно судить по приводимому въ приложеніи № 187 отчету генералъ-адъютанта Корнилова о стрѣльбѣ въ цѣль судовъ Черноморскаго флота на Севастопольскомъ рейдѣ съ 16 по 25 октября 1852 года. Изъ отчета этого между прочимъ усматривается, что въ цѣль, соотвѣтствовавшую длинѣ военнаго судна среднихъ размѣровъ, успѣхъ стрѣльбы кораблей на 400 саженей разстоянія превосходилъ отъ 50% до 82% попаданій числа выпущенныхъ снарядовъ, а на 350 саженей 120-ти пушечный корабль далъ 90% попаданій. Фрегаты же на разстояніи въ 300 саженей давали отъ 80% до 90% попаданій.

Всеподданнѣйшій докладъ Великаго Князя Константина Николаевича отъ 4 октября 1852 года [1]), въ свою очередь, даетъ слѣдующія данныя о дѣйствительности и скорости стрѣльбы изъ орудій въ Балтійскомъ флотѣ: „На приготовленіе къ бою упо„треблялось $1\frac{1}{2}$ минуты, на перевозъ всей батареи на одинъ „бортъ—6 минутъ, на перемѣну станка по разнымъ способамъ— „отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ минутъ, на заряжаніе и пальбу изъ каждаго орудія— „отъ $4\frac{3}{4}$ до $7\frac{1}{4}$ минутъ. При этомъ попадало снарядовъ въ щитъ „при стрѣльбѣ съ якоря на разстояніи 6 кабельтовыхъ (600 саж.) „изъ 55 выстрѣловъ — 33, т.-е. 60%, и при стрѣльбѣ подъ „парусами, при ходѣ отъ $1\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ узловъ и въ разстояніи „$4\frac{1}{2}$ кабельтовыхъ (450 саж.) изъ 96 выстрѣловъ—51, т.-е. $53\frac{1}{2}$%".

По положенію 1842 года на суда была назначена слѣдующая артиллерія: на 84-хъ пушечный корабль — 6 бомбическихъ орудій, 26—36-ти фунт. длинныхъ, 28—24-хъ фунт. длинныхъ и 6 короткихъ пушекъ, 14—24-хъ фунт. каронадъ и 4 пудовыхъ единорога; на 74-хъ пушечный корабль—4 бомбическихъ орудія, 24—36-ти фунт. и 28—24-хъ фунт. короткихъ пушекъ, 16—24-хъ фунт. каронадъ и 2 пудовыхъ единорога и на 44-хъ пушечный фрегатъ—26—24-хъ фунт. короткихъ пушекъ, 16—24-хъ фунт. каронадъ и 2 пудовыхъ единорога.

Впослѣдствіи число бомбическихъ орудій было увеличено, и 84-хъ пушечный корабль долженъ былъ имѣть ихъ на нижнемъ декѣ 10, 74-хъ пушечный—6 и фрегаты по 2. Дѣйствіе этихъ орудій было губительнѣе остальныхъ, такъ какъ они не только поражали своими осколками послѣ разрыва бомбъ, но и зажигали деревянный корпусъ непріятельскаго корабля; ядра же,

[1]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адмир., 1852 г., д. № 11.

выпущенныя изъ остальныхъ орудій, приносили пользу только тогда, когда сносили у непріятеля мачты или дѣлали подводныя пробоины.

Черноморскій флотъ, подъ вліяніемъ адмирала Лазарева, перевооружался скорѣе Балтійскаго и носилъ на своихъ декахъ болѣе сильную артиллерію.

Съ 1841 года корабль „12 Апостоловъ“ имѣлъ на нижнемъ декѣ 28—68-ми фунт. бомбическихъ орудій и былъ сильнѣйшимъ кораблемъ своего времени; другіе корабли этого флота, какъ-то „Храбрый“, „Парижъ“, „Великій Князь Константинъ“, имѣли всю нижнюю батарею изъ 68-ми фунт. бомбическихъ пушекъ. Черноморскіе фрегаты и корветы имѣли 24-хъ фунтовую артиллерію; вооруженіе пароходо-фрегатовъ было разнообразное и опредѣлялось крѣпостью корпусовъ и родомъ службы; бриги имѣли 18-ти фунт. каронады и 6-ти фунт. пушки; тендера—любимыя мелкія суда Лазарева—12-ти фунт. каронады и 3-хъ фунт. пушки; канонерскія лодки—по три 24-хъ фунт. пушки или каронады.

II.

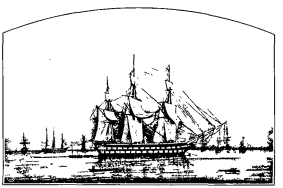
Развитіе нашихъ морскихъ вооруженныхъ силъ со времени ихъ основанія не шло въ постоянныхъ, правильныхъ и постепенно прогрессировавшихъ размѣрахъ, какъ это было въ сухопутной арміи. Континентальное положеніе Государства, незначительность имѣвшихъ важное значеніе морскихъ границъ, а, главное, малое развитіе морской торговли отодвигали флотъ на второстепенное мѣсто въ ряду мѣръ, способствовавшихъ военному могуществу нашего Отечества.

За все время двухсотлѣтняго существованія нашихъ правильно организованныхъ морскихъ вооруженныхъ силъ, значеніе ихъ выдвигалось какъ бы скачками, въ зависимости отъ складывавшихся политическихъ комбинацій или цѣлей, преслѣдуемыхъ царствующими монархами. Эпохи, слѣдовавшія за такимъ возвышеніемъ флота, влекли за собою обыкновенно реакцію, и на него обращали мало вниманія до наступленія новыхъ политическихъ комбинацій, когда флотъ вновь призывался къ кипучей дѣятельности.

Непреклонное желаніе Петра Великаго положить прочное основаніе своему могуществу на берегахъ Балтійскаго моря и

сосѣдство сильной морской державы, Швеціи, заставило его обратить особое вниманіе на устройство Балтійскаго флота, который выполнилъ свою задачу, предоставивъ Россіи преобладающее вліяніе на Балтійскомъ морѣ.

Въ послѣдующее полустолѣтіе роль флота какъ бы умалилась. Новыхъ цѣлей для него не предвидѣлось, а сохраненіе нашего вліянія на Балтійскомъ морѣ не требовало, въ виду полной слабости сосѣднихъ Государствъ, съ его стороны почти никакого



84-хъ пушечный корабль „Императрица Марія".

напряженія. Война Императрицы Екатерины II со Швеціей окончательно утвердила наше на немъ могущество.

Но зато въ царствованіе этой Государыни для насъ открылись новые политическіе горизонты, которые потребовали содѣйствія сильнаго флота на югѣ Имперіи и повлекли за собою основаніе Черноморскаго флота.

Необходимость обезпеченія нашихъ южныхъ предѣловъ въ связи съ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса въ томъ видѣ, какъ онъ представлялся Великой Императрицѣ, опредѣляли значеніе и силу Черноморскаго флота.

Основаніе его организаціи и устройству положилъ такой выдающійся администраторъ, какимъ былъ князь Потемкинъ.

Черноморскій флотъ тотчасъ же вслѣдъ за его сформированіемъ началъ свою боевую дѣятельность и съ успѣхомъ принялъ участіе во второй Турецкой войнѣ Императрицы Екатерины.

Въ 1798 году четырнадцатилѣтній по возрасту Черноморскій флотъ завоевалъ уже себѣ, подъ флагомъ адмирала Ушакова, европейскую извѣстность. Слава черноморцевъ распространилась

по всему Средиземному и Черному морямъ, а блестящее покореніе Корфу и освобожденіе отъ французовъ Неаполя „заставили самого „Нельсона завидовать ему и интриговать противъ черноморцевъ“ [1]).

Но нравственное могущество Черноморскаго флота не соотвѣтствовало его матеріальной силѣ. Насущныя и неотложныя политическія задачи заставили Потемкина, думавшаго только о томъ, чтобы скорѣе пустить суда въ бой, строить ихъ наспѣхъ, изъ сырого матеріала, и адмиралъ Ушаковъ одерживалъ въ Средиземномъ морѣ свои побѣды съ флотомъ, состоявшимъ изъ кораблей старыхъ, гнилыхъ, не обшитыхъ мѣдью, не способныхъ къ зимнему плаванію и самыхъ плохихъ ходоковъ [2]).

Въ 1800 году адмиралъ Ушаковъ сошелъ со сцены, и Черноморскій флотъ надолго осиротѣлъ. Въ начавшейся съ 1806 года войнѣ съ Турціей онъ почти совсѣмъ не заявлялъ о своемъ существованіи и не принималъ никакого участія въ дѣйствіяхъ нашей арміи.

Въ царствованіе Императора Александра нашъ флотъ вообще пришелъ въ упадокъ. И политическія и военныя обстоятельства этого царствованія не вызывали настоятельной потребности въ дѣйствіи флота. Въ первыя пятнадцать лѣтъ всѣ наши интересы были прикованы къ борьбѣ противъ Наполеона, а въ послѣднія десять—къ поддержанію установившагося порядка вещей на континентѣ Европы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ нужна была сухопутная армія, а на флотъ не обращалось никакого вниманія [3]).

И, дѣйствительно, всѣ современники рисуютъ положеніе его въ эту эпоху въ очень неприглядныхъ краскахъ [4]).

Такъ предложенное, напримѣръ, на Веронскомъ конгрессѣ содѣйствіе союзныхъ державъ королю Фердинанду Испанскому въ борьбѣ его съ возставшими испанско-американскими колоніями

---

[1]) Рукоп. зап. Адм. Асланбекова.

[2]) „Долгомъ своимъ поставляю донести“, писалъ онъ въ концѣ 1798 года графу Кушелеву, „что корабли и фрегаты въ прошлую войну строились съ великою поспѣшностью, „только чтобы поспѣвали въ военное дѣло. Отъ такого поспѣшнаго построенія не такъ „крѣпки, а часто и многія гнилости уже въ членахъ показываются. Артиллерія на всей эскадрѣ „весьма тяжелая, посему всегда, когда хожу я на моръ, стараюсь для сохраненія судовъ „избѣгать крѣпкихъ вѣтровъ и уходить въ закрытіе къ берегамъ“.

[3]) „Правительство, какъ кажется, довольствовалось только тѣмъ“, писалъ въ январѣ 1854 года вице-адмиралъ Меликовъ Великому Князю Константину Николаевичу, „что оно „имѣло флотъ для случайностей, которыя иногда могутъ представиться“. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 24.

[4]) Декабристъ Штенгель въ письмѣ къ Императору Николаю Павловичу отъ 11 января 1826 года такъ рисуетъ состояніе нашего флота Александровской эпохи:

„Корабли ежегодно строились, отводились въ Кронштадтъ и нерѣдко гнили, не сдѣ„лавъ ни одной кампаніи. И теперь—болѣе 4 или 5 кораблей, которыхъ нельзя выслать въ

оказалось фактически неисполнимымъ, въ виду плохого состоянія кораблей русскаго флота, появившагося для этой цѣли въ Кадиксѣ.

По существовавшимъ штатамъ въ Балтійскомъ флотѣ полагалось имѣть 27 кораблей и 26 фрегатовъ, но дѣйствительное число судовъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I далеко не достигало этихъ цифръ и дошло до того, что при воцареніи Императора Николая Павловича было годныхъ къ службѣ въ Балтійскомъ флотѣ только 5, а въ Черноморскомъ флотѣ 10 изъ 15 кораблей [1]). Самые большіе калибры орудій, употреблявшихся во флотѣ, были 36-ти фунтовыя пушки и 24-хъ фунтовыя каронады.

Общее штатное число чиновъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ простиралось до 90.000 человѣкъ, но по причинѣ ограниченной морской дѣятельности въ дѣйствительности до штатнаго числа не доставало 20.000 человѣкъ. Некомплектъ этотъ почти исключительно ложился на строевыя команды, такъ какъ число нестроевыхъ даже превышало комплектъ.

Преступное отношеніе къ сохраненію казеннаго интереса было развито въ высшей степени. Въ портахъ торговля всѣми принадлежностями флота велась совершенно открыто, и доставка краденаго въ лавки большими партіями дѣлалась не только ночью, но и днемъ. Флигель-адъютантъ Лазаревъ, производившій уже въ 1826 году разслѣдованіе по этому поводу, обнаружилъ въ одномъ Кронштадтѣ въ 32 лавкахъ казенныхъ вещей на 85.875 рублей [2]).

Въ такомъ положеніи засталъ нашъ флотъ вступившій на престолъ Императоръ Николай Павловичъ. Онъ посмотрѣлъ иначе на назначеніе нашихъ морскихъ вооруженныхъ силъ и видѣлъ въ нихъ солидный оплотъ Государства на сѣверѣ и, кромѣ того, средство для поддержанія своего, историческимъ путемъ сложившагося, законнаго и необходимаго вліянія на ближнемъ Востокѣ. Въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія этого Государя

„море, ибо мачты для сего переставляются съ одного корабля на другой. Прочіе, хотя число „ихъ немалое, не имѣютъ вооруженія. Итакъ, переводится послѣдній лѣсъ, тратятся деньги, „а флота нѣтъ. Но въ царствованіе блаженной памяти родителя вашего въ 1797 году выходило „27 кораблей *всѣмъ снабженныхъ*, а въ 1801 году готовилось 45 вымпеловъ! Можно сказать, „что прекраснѣйшее твореніе Великаго Петра уничтожено совершенно. Теперь на случай войны „некого и не съ чѣмъ выслать въ море". Русск. Арх., 1895 г., кн. 1.

[1]) Морск. Сб. 1896 г., № 7. „Русскій флотъ" Н. Коргуева.

[2]) Морск. Сб. 1896 г., кн. 7. „Русскій флотъ" Н. Коргуева.

замѣтны его постоянныя заботы о поддержаніи флота на должной высотѣ.

Однако, всѣ мѣры, принимаемыя Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, показываютъ, что Государь никогда не предполагалъ придавать своему флоту силы, способной успѣшно бороться съ

Великій Князь Константинъ Николаевичъ
(съ портрета масл. краск., Севастопольскій Музей).

соединенными флотами двухъ могущественнѣйшихъ морскихъ державъ въ Европѣ. Балтійскій флотъ имъ содержался въ предѣлахъ, необходимыхъ для обезпеченія столицы и Балтійскаго побережья, и долженъ былъ быть сильнѣе соединеннаго датскаго и шведскаго флотовъ, а Черноморскій флотъ, кромѣ охранительныхъ началъ, сообразовался и съ необходимостью вести успѣшную наступательную войну противъ Оттоманской Порты.

Греческій вопросъ и ожиданіе войны съ Турціей заставили Императора Николая тотчасъ же по вступленіи на престолъ обратить особое вниманіе на флотъ.

Наибольшее содѣйствіе въ разрѣшеніи возможныхъ политическихъ комбинацій могъ принести Черноморскій флотъ; Балтійскій же находился внѣ сферы дѣйствій того безпокойнаго вулкана, который представляла изъ себя Турція съ обширными провинціями угнетенныхъ, но подававшихъ признаки жизни христіанскихъ племенъ. Кромѣ того, всегдашнее желаніе Императора Николая дѣйствовать въ союзѣ съ Англіей еще болѣе отодвигало на задній планъ всякую мысль объ активномъ значеніи Балтійскаго флота [1]).

Съ самаго начала своего царствованія Государь обнаружилъ кипучую дѣятельность по усовершенствованію флота. Уничтоженіе вкоренившихся злоупотребленій, установленіе прочныхъ штатовъ, организація морскихъ вооруженныхъ силъ и порядка обученія, устройство морскихъ сооруженій, зоркій надзоръ за кораблестроеніемъ и, наконецъ, развитіе и правильная постановка учебныхъ заведеній—до всего этого коснулась всеобъемлющая дѣятельность Императора Николая Павловича, который вникалъ во всѣ мелочи морского дѣла. Полтора же года боевой жизни, проведенные имъ среди Черноморскаго флота, сроднили его съ морской средой, которая пользовалась неуклоннымъ его вниманіемъ до самой кончины. Только въ безпримѣрномъ поведеніи Черноморскихъ моряковъ Государь нашелъ утѣшеніе въ послѣдніе тяжелые годы своей жизни.

---

[1]) Вице-адмиралъ Меликовъ въ своемъ докладѣ Великому Князю Константину Николаевичу такъ характеризуетъ дѣятельность Императора Николая Павловича по содержанію флота въ *надлежащемъ* видѣ:

„Со времени вступленія на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора началась „новая эпоха для нашего флота. Принимая во вниманіе, что отъ сего времени дѣйствія „морскихъ силъ будутъ необходимы во всякой европейской войнѣ, Его Императорское Вели„чество съ самыхъ первыхъ дней своего царствованія изволилъ изъявить непремѣнную волю „на счетъ приведенія флота въ такое положеніе, чтобы оный былъ дѣйствительнымъ оплотомъ „Государства и могъ содѣйствовать всякимъ предпріятіямъ, къ чести и безопасности Имперіи „относящимся.

„Къ осуществленію этой мысли со стороны Государя Императора было сдѣлано все, „что нужно. Для флота изданы были штаты въ размѣрахъ, соотвѣтственныхъ величію Россіи, „и морскому начальству преподаны были всѣ средства къ приведенію нашихъ морскихъ силъ „въ размѣры, предписанные штатами. Бюджетъ Морского Министерства былъ увеличенъ болѣе „чѣмъ вдвое; учебныя заведенія увеличены въ количествѣ и поставлены на степень совершен„ства; для обезпеченія нашихъ адмиралтействъ навсегда въ лѣсномъ матеріалѣ назначено было „передать въ морское вѣдомство всѣ лѣса Имперіи; наконецъ, всѣ предположенія морского „начальства, которыя могли приисти къ ближайшему исполненію воли Его Величества, всегда „были принимаемы во вниманіе".

Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 24.

Морскую дѣятельность Императора Николая можно раздѣлить на двѣ рѣзко отличающіяся эпохи. Первое десятилѣтіе было посвящено преобразовательной работѣ, и за это время флотъ сдѣлалъ небывалый со временъ Императрицы Екатерины шагъ впередъ. Но, доведя морскія силы до желаемаго совершенства, Государь въ послѣдующія двадцать лѣтъ перенесъ центръ тяжести своей кипучей дѣятельности на другія отрасли управленія и поручилъ поддержаніе флота на достигнутой высотѣ ближайшему исполнителю его предначертаній, лицу, пользовавшемуся его полнымъ довѣріемъ, князю А. С. Меншикову.

Политическія обстоятельства этой эпохи не потребовали активнаго участія Балтійскаго флота, который, ежегодно совершая свои обычныя практическія плаванія, все болѣе и болѣе увлекался въ сторону исключительно показныхъ, смотровыхъ требованій. Наружный порядокъ былъ доведенъ въ немъ до совершенства, и Государь, увѣренный въ своихъ помощникахъ, находилъ, при ежегодныхъ посѣщеніяхъ Кронштадта и флота, все въ блестящемъ видѣ [1]).

Всеподданнѣйшіе отчеты князя Меншикова за эти двадцать лѣтъ также были наполнены описаніемъ блестящаго состоянія всѣхъ дѣлъ по управленію морскимъ вѣдомствомъ и восхваленіемъ существовавшаго порядка. Лишь только въ 1853 году всеподданнѣйшій отчетъ вступившаго въ управленіе Морскимъ министерствомъ Великаго Князя Константина Николаевича впервые показалъ Государю, что въ дѣйствительности не все обстоитъ такъ благополучно.

Нѣсколько въ иномъ положеніи за этотъ періодъ времени находился Черноморскій флотъ. Крейсерская служба, которую ему постоянно приходилось выполнять у восточныхъ береговъ Чернаго моря, а также выдающаяся личность адмирала Лазарева, стоявшаго во главѣ этого флота и соединявшаго съ обширными морскими дарованіями и опытностью таланты воспитательные и горячую любовь къ своему дѣлу, образовали изъ Черноморскаго флота свѣтлое пятно на общемъ фонѣ тогдашняго состоянія нашихъ вооруженныхъ силъ [2]).

---

[1]) Письмо Вел. Кн. Конст. Никол. къ кн. Меншикову отъ 15 іюля 1853 года. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 13.

[2]) Состояніе нашихъ флотовъ передъ Крымской войной болѣе подробно мы изложимъ нѣсколько ниже.

Интересно прослѣдить взглядъ самихъ современниковъ на назначеніе нашего флота, высказанный ими въ официальной перепискѣ въ предвидѣніи, но еще до начала военныхъ дѣйствій съ англо-французами.

Графъ Литке.

„Злость англичанъ выше „всякой мѣры, равно какъ „ихъ дерзость и безстыд„ство“, писалъ Государь князю Варшавскому 16 декабря 1853 года, послѣ Синопскаго сраженія [1]), „но „мѣриться съ ними на морѣ „было бы неблагоразумно „по превосходству силъ ихъ, „хотя моряки наши только „того и желаютъ“.

Въ мнѣніяхъ о возможномъ дѣйствіи Балтійскаго флота, собранныхъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ еще въ январѣ и февралѣ 1854 года, современные адмиралы высказались такъ [2]):

Генералъ-адъютантъ Литке: „Если непріятель появится „весною въ Балтійскомъ морѣ, то появится, конечно, въ такихъ „силахъ, противъ которыхъ намъ въ открытую борьбу не„возможно будетъ вступать. Слѣдственно нашей ближайшей „цѣлью должно быть воспрепятствованіе непріятелю достигнуть „той, которую онъ имѣетъ въ виду, и потомъ наносить ему „возможный вредъ.

„Это будетъ война оборонительная, но по предполагаемому „преимуществу силъ непріятельскихъ мы и не можемъ вести на „морѣ иной“.

Князь А. С. Меншиковъ: „Цѣль Балтійскаго флота должна „быть: прикрывать свои порты и поражать непріятеля, если онъ „раздѣлится на части или будетъ слабѣе нашего“.

---

[1]) Собств. Его Вел. библ., Рук. отд. Имп. Николая I.
[2]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 24.

Князь М. Д. Горчаковъ [1]): „Ce que Vous m'avez fait dire que, „dans le cas où l'Angleterre et la France prendraient sérieusement „parti contre nous, ce seront elles qui seront maîtresses de la mer „Noire, je n'en ai jamais douté. Ce serait folie de supposer que „Vous puissiez tenir la mer avec 14 vaisseaux, contre les flottes de „l'Angleterre, de la France et de la Turquie. *Je crois que personne „ne se fait illusion là-dessus* [2]).

Наши морскія вооруженныя силы передъ Крымской войной состояли изъ двухъ флотовъ: *Балтійскаго* и *Черноморскаго* и четырехъ флотилій: *Дунайской, Архангельской, Каспійской* и *Камчатской*.

Судовой составъ Балтійскаго паруснаго флота былъ опредѣленъ особымъ штатомъ, утвержденнымъ въ 1826 году, по которому въ Балтійскомъ морѣ полагалось имѣть 27 линейныхъ кораблей, 22 фрегата, 25 бриговъ, шхунъ и транспортовъ, 159 гребныхъ канонерскихъ лодокъ, 10 плавучихъ батарей и бомбардъ, 78 яхтъ, іоловъ, ботовъ и другихъ мелкихъ судовъ. Кромѣ того, было положено имѣть въ Петербургѣ и Кронштадтѣ 8 колесныхъ пароходовъ [3]).

При опредѣленіи этихъ штатовъ Морское вѣдомство разсчитывало, что „это число судовъ будетъ, съ одной стороны, безъ „отягощенія Государству въ разсужденіи содержанія, а, съ другой, „и весьма достаточно не токмо къ оборонѣ нашихъ портовъ и „границъ, но и для нападательныхъ военныхъ дѣйствій въ случаѣ „надобности въ оныхъ“ [4]).

Этой предначертанной программой Морское вѣдомство руководствовалось въ своей судостроительной дѣятельности въ Балтійскомъ флотѣ въ теченіе всего царствованія Императора Николая Павловича, и къ началу 1853 г. нашъ Балтійскій флотъ имѣлъ 206 готовыхъ судовъ всѣхъ ранговъ съ 3144 орудіями [5]). Кромѣ того, имѣлось старыхъ и тимберовавшихся судовъ 31 съ 1174 орудіями.

Изъ числа этихъ судовъ было годныхъ къ выступленію въ море 25 линейныхъ кораблей съ 2077 орудіями, 11 пароходо-

---

[1]) Письмо къ кн. Меншикову отъ 8 іюня 1853 года. Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

[2]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[3]) Морск. Сб. 1880 г., кн. 7. „Русск. военн. судостр.“ П. Мордвинова.

[4]) Всеподд. докл. отъ 6 февраля 1826 года.

[5]) Собств. Его Вел. библ., Рук. отд. Имп. Алекс. II, № 200. Всеподд. отч. В. Кн. Конст. Ник. по Морск. вѣд. за 1855—1880 гг. Ср. со всеподд. отч. В. Кн. Конст. Ник. за 1853 г. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 16.

фрегатовъ съ 105 орудіями, 12 малыхъ пароходовъ съ 74 орудіями и прочія мелкія суда; кромѣ того, находилось въ постройкѣ одинъ винтовой корабль, два винтовыхъ фрегата и два парохода.

Подробное исчисленіе судовъ какъ Балтійскаго флота, такъ и остальныхъ нашихъ флотовъ и флотилій помѣщено въ приложеніи № 188.

Въ началѣ царствованія Императора Николая (въ 1829 году) Черноморскій флотъ состоялъ изъ 245 судовъ, въ числѣ которыхъ имѣлось 17 линейныхъ кораблей, 4 фрегата, 4 парохода, 98 гребныхъ судовъ, а остальные были разныя малыя парусныя суда [1]).

Къ началу же 1853 года флотъ этотъ съ Дунайской флотиліей состоялъ изъ 178 судовъ съ 2572 орудіями [2]), могущихъ выступить въ море, и 13 судовъ съ 328 орудіями, старыхъ и тимберовавшихся.

Въ общемъ числѣ судовъ было: 14 линейныхъ кораблей съ 1410 орудіями, 7 парусныхъ фрегатовъ съ 376 орудіями, 7 паровыхъ фрегатовъ съ 45 орудіями, 21 малый пароходъ съ 78 орудіями и прочія мелкія суда [3]).

Сверхъ того, для Черноморскаго флота строилось 2 корабля и 2 винтовыхъ корвета, для которыхъ механизмы были заказаны въ Англіи [4]).

Архангельская флотилія состояла изъ 9 мелкихъ судовъ съ 40 орудіями, въ томъ числѣ 2 пароходовъ.

Каспійская флотилія состояла изъ 30 мелкихъ судовъ съ 73 орудіями, въ томъ числѣ 8 пароходовъ и Камчатская — изъ 10 мелкихъ судовъ съ 62 орудіями, въ томъ числѣ одной винтовой шхуны.

Но одно перечисленіе судовъ флота, а также калибровъ и количества орудій, которыми они были вооружены, не даетъ полной картины современнаго его состоянія. Необходимо ознакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ нашихъ морскихъ силъ.

Всѣ свидѣтельства современниковъ проводятъ большую грань между состояніемъ судовъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ и далеко не въ пользу перваго изъ нихъ.

---

[1]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1851 г., д. № 5.

[2]) Ср. съ всеподд. докл. В. Кн. Конст. Ник., Собств. Его Вел. библ., Рук. отд. Имп. Александра II, № 200.

[3]) Подробнѣе см. въ прилож. № 37. Ср. всеподд. дон. кн. Меншикова отъ 4 февраля 1854 г., № 248. Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4251.

[4]) Подробныя данныя о нашихъ пар.-фрег. Балт. и Черноморск. флотовъ см. въ приложеніи № 189.

О неблагонадежномъ состояніи Балтійскаго флота Императору Николаю Павловичу пришлось узнать слишкомъ поздно, лишь только въ 1853 году, изъ всеподданнѣйшаго отчета вступившаго въ этомъ году въ управленіе Морскимъ министерствомъ, за отсутствіемъ князя Меншикова, Великаго Князя Константина Николаевича.

„Суда Балтійскаго флота", писалъ Великій Князь [1]), „были боль-„шею частью сосновыя, изъ сырого лѣса, слабой постройки и „весьма посредственнаго вооруженія, и при каждомъ учебномъ

М. П. Лазаревъ
(съ портр. масл. красками, Севаст. Музей).

„плаваніи по портамъ Финскаго залива весьма многія изъ нихъ „подвергались разнообразнымъ поврежденіямъ. Не было возмож-„ности составить изъ нихъ эскадры для продолжительнаго плаванія „въ дальнія моря, и съ большимъ трудомъ можно было отыскать „нѣсколько отдѣльныхъ судовъ, которыя почитались способными „совершить переходъ изъ Кронштадта къ берегамъ Восточной „Сибири... Изъ всего числа линейныхъ кораблей Балтійскаго флота „нѣтъ ни одного благонадежнаго для *продолжительнаго* [2]) пла-

[1]) Арх. Морск. мин., Военн. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.
[2]) Курсивъ въ подлинникѣ.

„ванія въ *отдаленныхъ* моряхъ. Совершить переходъ изъ Балтій-
„скаго моря въ Средиземное могутъ 11 кораблей. Остальные въ
„состояніи плавать не далѣе Нѣмецкаго моря, вблизи своихъ
„портовъ. Собственно боевая сила Балтійскаго флота состоитъ
„изъ 11 парусныхъ линейныхъ кораблей, которые могутъ соста-
„вить эскадру и итти противъ равнаго въ числѣ непріятеля за
„предѣлы Балтійскаго моря. 25 кораблей, считая въ томъ числѣ
„и помянутые 11, могутъ вступить въ бой съ непріятелемъ въ
„нашихъ водахъ, но итти на войну
„далѣе не въ состояніи. Посему,
„сравнительно съ общимъ числомъ
„вымпеловъ, собственно боевая
„сила Балтійскаго флота и число
„судовъ, годныхъ для дальняго
„плаванія, т.-е. для настоящей
„морской службы, весьма незна-
„чительны“ ...

Русскій морской ополченецъ 1854 г. (съ лит. Шевалье).

Съ офиціальнымъ докладомъ Великаго Князя о состояніи Балтійскаго флота сходятся и всѣ показанія частныхъ лицъ.

Корветъ „Наваринъ“, избранный осенью 1852 года, какъ самый надежный, для кругосвѣтнаго плаванія [1]), не могъ итти далѣе Голландіи, гдѣ долженъ былъ быть проданъ по своей негодности. Флигель-адъютантъ Аркасъ, командированный для осмотра „Наварина“, такъ описываетъ въ своемъ дневникѣ впечатлѣніе, произведенное этимъ осмотромъ [2]):

„При подробномъ осмотрѣ корвета, у котораго мѣстами
„была вскрыта обшивка, я былъ совершенно пораженъ его ужас-
„нымъ положеніемъ. Гниль оказалась во всѣхъ мѣстахъ; можно
„сказать, что ни одного шпангоута не было вполнѣ здороваго.
„Все держалось на наружной обшивкѣ, которая прикрѣплялась,
„вмѣсто цѣльныхъ мѣдныхъ болтовъ, только головками ихъ сна-

[1]) Арх. Морск. мин., Военн. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.
[2]) Рукопись.

„ружи, а съ внутренней стороны также коротенькими концами „болтовъ съ расклепками. Обманъ преступный!“

Справедливость сказаннаго Аркасомъ подтверждается и слѣдственнымъ дѣломъ, хранящимся въ Архивѣ Морского министерства.

Лѣтомъ 1854 года Государь отправилъ Балтійскій флотъ въ море практиковаться въ плаваніи. Дойдя до Красной горки, флотъ встрѣтилъ сильный вѣтеръ, далеко не доходившій, по показаніямъ современниковъ, до степени шторма, и на четвертый день вернулся въ Кронштадтъ съ многочисленными поврежденіями. Не было ни одного корабля, который не имѣлъ бы значительныхъ поврежденій въ рангоутѣ и въ корпусѣ; у нѣкоторыхъ же кораблей были свернуты головы у рулей и топы [1]) въ мачтахъ, требовавшія ихъ перемѣны. На производство всего этого надо было не мало времени, между тѣмъ непріятель грозилъ ежеминутнымъ нападеніемъ [2]).

Что касается до состоянія артиллерійской части, то она также не всегда была удовлетворительна. Чугунъ, изъ котораго отливались орудія, былъ недоброкачественный, а почти полное отсутствіе практики въ боевой стрѣльбѣ не давало возможности своевременно обнаружить этого недочета. При пробной стрѣльбѣ въ 1854 году многія орудія иногда послѣ перваго, а иногда послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ разрывались [3]).

Совершенно иное впечатлѣніе на современниковъ производилъ Черноморскій флотъ [4]), который находился въ блестящемъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи.

По свидѣтельству многихъ современныхъ дѣятелей, онъ не только не уступалъ лучшимъ представителямъ англійскаго и французскаго флотовъ, но и превосходилъ ихъ [5]), и это при постоянной крейсерской службѣ у восточныхъ береговъ Чернаго моря!

Корабли Черноморскаго флота, созданные покойнымъ адмираломъ Лазаревымъ, были отличной постройки, имѣли хорошее

---

[1]) Средняя часть мачты.

[2]) Рап. адм. Рикорда В. Кн. Конст. Ник. 27 августа 1854 г., № 671. Арх. Морск. мин., Инсп. Деп., I отд., 2 ст., 1854 г., д. № 437 и рукоп. дневн. фл.-ад. Аркаса.

[3]) Рукоп. дневн. фл.-ад. Аркаса. Севаст. музей.

[4]) Письмо Крылова П. С. Лутковскому 16 іюля 1853 г. Севаст. музей.

[5]) Въ приложеніи № 190 мы помѣщаемъ сравнительную вѣдомость главныхъ измѣреній и элементовъ парусныхъ кораблей и фрегатовъ русскаго, англійскаго и французскаго флотовъ, принимавшихъ участіе въ Крымской войнѣ. Сравненіе данныхъ этой вѣдомости показываетъ, что черноморскія суда ни по своимъ размѣрамъ, ни по боевымъ элементамъ не уступали иностраннымъ.

вооруженіе и были комплектованы опытными въ морскомъ дѣлѣ экипажами [1]). Впрочемъ, боевой опытъ показалъ, что и въ Черноморскомъ флотѣ система установки орудій на судахъ имѣла нѣкоторыя практическія неудобства [2]).

Превосходство судовъ Черноморскаго флота надъ судами Балтійскаго Великій Князь Константинъ Николаевичъ [3]) объяснялъ какъ излишнимъ отпускомъ денегъ на первый изъ названныхъ флотовъ, такъ и тѣмъ, что адмиралъ Лазаревъ подготовилъ для своего флота отличныхъ мастеровъ за границею, чего администраціей Балтійскаго флота не дѣлалось [4]).

Такое различіе зависѣло также и отъ личныхъ качествъ руководителей обоихъ нашихъ флотовъ: въ то время, какъ во главѣ Балтійскаго флота за все царствованіе Императора Николая Павловича стоялъ князь Меншиковъ, который при всѣхъ, можетъ-быть, и очень обширныхъ своихъ дарованіяхъ, не выказалъ ни административныхъ, ни воспитательныхъ талантовъ, во главѣ Черноморскаго флота стояли поочередно адмиралы Грейгъ и Лазаревъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Самой характерной особенностью морского дѣла въ эпоху Крымской войны былъ тотъ радикальный переломъ, который происходилъ въ судостроеніи всѣхъ націй и сводился къ введенію во флотѣ парового двигателя, вмѣсто паруснаго.

Парусныя суда достигли тогда въ военныхъ флотахъ всѣхъ европейскихъ державъ той степени совершенства, какъ въ отношеніи ихъ боевой силы, такъ и въ отношеніи мореходныхъ качествъ, какой только можно требовать отъ этого рода судовъ.

---

[1]) Арх. Морск. мин., Военн. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.

[2]) Рап. ген.-адм. Корнилова 7 ноября 1853 г., № 335. Черн. Центр. арх. въ Никол., кн. 23, оп. 1854, д. № 1763, св. 61.

[3]) Всеподд. записка В. Кн. Конст. Ник. См. прилож. № 191.

[4]) „Посѣтилъ насъ", писалъ В. П. Лазаревъ А. И. Веревкину 23 сентября 1841 года, „главный кораблестроитель англійскаго флота сэръ Вильямъ Саймондсъ, желавшій видѣть, въ „какомъ положеніи у насъ флотъ и кораблестроеніе. Онъ хорошо былъ принятъ Государемъ „въ Петербургѣ и имѣлъ разрѣшеніе побывать въ Черномъ морѣ. Тутъ пришлось, показавъ „ему все, что есть у насъ въ Николаевѣ, отправиться съ нимъ въ Севастополь. Тамъ онъ „видѣлъ нашъ флотъ и посѣщалъ почти всѣ военныя суда и, кажется, сверхъ ожиданія „своего, нашелъ все въ гораздо лучшемъ и большемъ размѣрѣ, нежели онъ полагалъ найти, „молчалъ, закусывая губы. А послѣ изъ писемъ его къ англійскому въ Одессѣ консулу я „увидѣлъ, что онъ относился въ весьма лестныхъ для насъ выраженіяхъ. „Тамъ пахнетъ", „говорилъ онъ, „морскою нашей, чего въ Балтикѣ и не замѣтилъ, и ежели правительство под„держитъ, то морская часть въ Черномъ морѣ въ скоромъ времени очень усилится". Онъ „судами нашими очень любовался и всѣмъ, что на нихъ есть, какъ-то: красивою постройкой, „покроемъ парусовъ, рангоутовъ, гребными судами, кузнечною работою и отдѣлкою вообще". Русск. Арх., 1883 г., кн. 6.

Но изобрѣтеніе въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія винтового двигателя положило предѣлъ не только дальнѣйшему развитію паруснаго флота, но и самому существованію его, какъ боевой силы.

И этотъ переломъ въ военно-морскомъ судостроительномъ дѣлѣ совпалъ фатальнымъ для Россіи образомъ со временемъ тяжелой ея борьбы съ двумя морскими Европейскими державами, затратившими сотни милліоновъ на дорогіе опыты со введеніемъ винтового двигателя въ военныхъ судахъ [1]).

За истекшее послѣ Крымской войны пятидесятилѣтіе у насъ въ обществѣ глубоко вкоренилось убѣжденіе въ отвѣтственности

Видъ Батума (съ франц. грав. на деревѣ).

нашего правительства за отсталость отъ западныхъ державъ въ судостроительномъ дѣлѣ.

Но въ этомъ скорѣе слѣдуетъ видѣть вполнѣ естественное послѣдствіе только-что свершившагося введенія новаго фактора, и печальный опытъ Крымской войны скорѣе доказываетъ, что государство, призванное играть первенствующую политическую роль, не должно жалѣть никакихъ затратъ на содержаніе своихъ вооруженныхъ силъ на высотѣ его политическихъ задачъ.

Первые основательные опыты приспособленія винтовыхъ двигателей къ судамъ во Франціи и Англіи начались всего за 10 лѣтъ до Крымской кампаніи. Въ 1844 году въ Англіи былъ построенъ военный пароходъ „Ратлеръ“, на которомъ и началось испытаніе винтовъ разныхъ системъ.

Послѣ этого Великобританія стала затрачивать огромныя суммы на производство опытовъ съ винтовымъ двигателемъ, на уплату привилегій изобрѣтателямъ, на сооруженіе заводовъ, до-

---

[1]) Опытъ кратк. сравн. изслѣд. морск. бюдж. англ. и франц. 1846—1852 г. Рейтерна. Морск. Сборн. за 1854 г.

ковъ и всего необходимаго для постройки и оборудованія вновь нарождавшагося винтового флота. Морской бюджетъ Англіи, а за ней и Франціи, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ увеличился почти вдвое, при чемъ увеличеніе это имѣло преимущественной цѣлью опыты и подготовку средствъ адмиралтейства ко введенію винтовыхъ судовъ [1]).

Самое изобрѣтеніе винтовыхъ двигателей въ то время не внушало еще довѣрія большинству современнаго европейскаго общества.

Во Франціи и въ Англіи нерѣдко упрекали правительство за дорого стоившіе и не всегда удачные опыты [2]).

Даже въ 1853 году около половины англійскихъ моряковъ скептически относились къ винтовому флоту и стояли за парусный. Нашъ посолъ въ Лондонѣ баронъ Брунновъ и морской агентъ капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ свидѣтельствовали, что только осенью этого года англійское общественное мнѣніе вполнѣ склонилось на сторону винтового флота, качества котораго „пора„зили упрямыхъ защитниковъ старой системы“ [3]).

Наши руководящія сферы не относились, съ своей стороны, безучастно ко введенію на военныхъ судахъ винтового двигателя.

Уже въ 1848 году, т.-е. въ то время, когда опыты въ Англіи стали на болѣе или менѣе реальную почву, у насъ былъ спущенъ на воду первый паровой фрегатъ „Архимедъ“, который въ самомъ началѣ своей службы потерпѣлъ крушеніе. Существовавшій у насъ особый пароходный комитетъ близко слѣдилъ за ходомъ усовершенствованій по части примѣненія пара къ военному судостроенію, но „тяжелой машинѣ нашей тогдашней морской администраціи „требовалось очень много времени, чтобы при посредствѣ без„численныхъ письменныхъ и другихъ формальностей довести „каждое предположеніе до исполненія“ [4]). Притомъ мы ожидали дальнѣйшихъ усовершенствованій, послѣдняго слова въ теоріи и практикѣ и не рѣшались рисковать затратою денегъ. Однако, въ 1851 и 1852 годахъ у насъ было приступлено къ постройкѣ

---

[1]) Опытъ кратк. сравн. изслѣд. морск. бюдж. англ. и франц. 1846—1852 г. Рейтерна. Морск. Сборн. за 1854 г.

[2]) Морск. Сборн. 1854 г., № 1.

[3]) Письмо кап.-лейт. Шестакова къ В. А. Корнилову изъ Лондона отъ 3/15 августа 1853 г. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., д. № 14 и донес. бар. Бруннова канцлеру отъ 15/27 августа 1853 г., № 234. Арх. Мин. Ин. д. Londres, 1853.

[4]) Собств. Его Вел. библ., Рук. отд. Имп. Александра II, № 200.

двухъ винтовыхъ фрегатовъ и къ передѣлкѣ трехъ парусныхъ кораблей въ винтовые [1]).

Но наше Морское вѣдомство имѣло мало средствъ какъ для постройки винтовыхъ судовъ, такъ и для ихъ эксплоатаціи. Для Балтійскаго флота мы имѣли возможность строить вообще только одинъ корабль каждые два года въ АрхангельскѢ и одинъ каждые три года въ Петербургѣ и притомъ строить ихъ поспѣшно, что было крайне вредно для прочности работы [2]). Наши доки были малы для громадныхъ паровыхъ судовъ: мы не имѣли ни мастерскихъ, ни машинъ, ни мастеровъ для изготовленія собственными средствами необходимыхъ механизмовъ: ихъ приходилось заказывать за дорогую цѣну въ Англіи такъ же, какъ приходилось довольствоваться большею частью наемными машинистами иностранцами.

Такое положеніе вещей очень неблагопріятно отразилось на насъ при самомъ началѣ непріязненныхъ дѣйствій съ Англіей. Заказанные для винтовыхъ судовъ механизмы были конфискованы, а иностранные механики отказались служить, и мы во время войны не могли употребить въ дѣло тѣхъ немногихъ винтовыхъ судовъ, которыя могли бы къ этому времени быть въ составѣ нашего флота.

Для того, чтобы имѣть винтовой флотъ, Россіи надо было еще нѣсколько лѣтъ кипучей дѣятельности и затратъ многихъ милліоновъ.

Замѣчательно, что и въ заботахъ о заведеніи у насъ парового флота Императоръ Николай Павловичъ былъ впереди своихъ современниковъ. Собственноручныя замѣтки Государя являются прямымъ этому доказательствомъ.

Еще 3 іюля 1835 года на докладѣ флигель-адъютанта Бутенева со свѣдѣніями объ англійскомъ флотѣ и съ мнѣніемъ о необходимости назначить суммы на пріобрѣтеніе плановъ и моделей судовъ и пароходовъ Государь написалъ: „Весьма любо„пытно; за деньгами нечего останавливаться, лишь бы полезное „достать!“ Въ іюлѣ 1838 года Государь писалъ князю Меншикову: „Шанцъ прибылъ изъ Америки съ весьма важными от„крытіями по паровой части. Онъ меня ждетъ въ Теплицѣ, и „ежели по словамъ его подтвердится то, что я читалъ въ при„везенныхъ имъ бумагахъ, то я немедля его отправлю въ Аме-

[1]) Всеподд. отч. Вел. Кн. Константина Николаевича по Морск. вѣд. за 1855—1880 гг.
[2]) Морск. Сборн. 1880 г., кн. 8. „Русск. военн. судостр.“ П. Мордвинова.

„рику для заказа и привода одного парохода, *ибо времени „нечего терять*“ [1]).

Посѣтивъ въ сороковыхъ годахъ на Невѣ суда отряда лейтенанта Аркаса, предназначенныя для провоза по рѣчнымъ системамъ въ Астрахань на усиленіе Каспійской флотиліи, Государь далъ ему такую инструкцію: „Когда ты пойдешь пароходомъ „своимъ по рѣкамъ, то я желаю, чтобы ты останавливался на „пути во всѣхъ болѣе значительныхъ торговыхъ городахъ и „показывалъ пароходъ тамошнимъ судовладѣльцамъ и богачамъ, „которые еще не видали тамъ пароходовъ. Объясни имъ пользу

Видъ Редутъ-Кале (съ франц. грав. на деревѣ).

„и выгоду введенія паровыхъ судовъ, вмѣсто того, что они „имѣютъ, и даже не затрудняйся показывать имъ на опытѣ эту „пользу“ [2]). Наконецъ, уже въ пятидесятыхъ годахъ Государь писалъ князю Меншикову по полученіи свѣдѣній отъ нашихъ морскихъ агентовъ въ Лондонѣ: „Очень жалѣю, что мы еще „ни одного корабля не снабдили винтомъ; очень бы пора, и не „полагаю, чтобы и трудно было. Прошу мнѣ представить ваши „соображенія безотлагательно“ [3]).

Упомянемъ еще о полномъ отсутствіи у насъ помощи военнымъ цѣлямъ со стороны торговаго флота. Въ то время, какъ Франція и въ особенности Англія располагали огромными частными пароходными средствами для постоянной и быстрой перевозки войскъ, провіанта и всякаго рода другихъ тяжестей, у насъ совершенно не существовало частныхъ пароходныхъ компаній. Развитіе въ Россіи казеннаго пароходства шло въ то время значительно впереди частной пароходной дѣятельности — фактъ,

---

[1]) Морск. Сборн. 1896 г., кн. 7. „Русскій флотъ“ П. Коргуева.

[2]) Собств. дневн. фл.-адм. Аркаса. Рукопись.

[3]) Мы очень жалѣемъ, что лишены были возможности просмотрѣть эти интересные документы въ подлинникахъ.

совершенно противоположный тому, который представляла намъ западная Европа и Сѣверная Америка того времени.

Вообще же въ эпоху Крымской войны главную боевую силу военныхъ флотовъ все-таки составляли парусныя суда; паровыя же имѣли въ общемъ только значеніе вспомогательной силы для парусныхъ судовъ. Но отношеніе этой паровой силы къ парусной было неодинаково въ различныхъ флотахъ, при чемъ въ русскомъ флотѣ это отношеніе было особенно не въ пользу паровыхъ судовъ [1]).

III.

Въ строевомъ и административномъ отношеніяхъ отдѣльныя суда соединялись въ эскадры, которыя, въ свою очередь, входили въ составъ морскихъ дивизій. Эти высшія соединенія судовъ соотвѣтствовали, какъ увидимъ ниже, и организаціи личнаго состава флота.

Суда Балтійскаго флота были раздѣлены на три дивизіи: 1-ю, 2-ю и 3-ю, а Черноморскаго флота—на двѣ дивизіи: 4-ю и 5-ю. Каждая дивизія состояла изъ девяти кораблей, шести фрегатовъ и прочихъ приписанныхъ къ ней судовъ и дѣлилась на три эскадры, состоявшія каждая изъ трехъ кораблей. Исключеніе составляла лишь 3-я эскадра 5-й дивизіи, которая была нѣсколько меньшаго противъ другихъ эскадръ состава [2]).

Флотиліи Дунайская, Каспійская, Камчатская и Архангельская, въ виду своего незначительнаго состава, на эскадры не подраздѣлялись [3]).

Дунайская гребная флотилія, принимавшая участіе въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ, состояла изъ двухъ баталіоновъ, въ составъ которыхъ входило 4 парохода, 32 канонерскихъ лодки, 2 баржи и 2 бота, всего 40 судовъ съ 108 орудіями, 140 фальконетами и около 2000 экипажа [4]). Въ дѣйствительности же

---

[1]) Собств. Его Вел. библ., Рукоп. отд. Имп. Александра II, № 200. Изъ всеподд. отч. Вел. Кн. Конст. Ник. по Морск. вѣд. за 1855—1880 гг.

[2]) Подробный составъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на дивизіи и эскадры, помѣщенъ въ приложеніяхъ №№ 192 и 193.

Вооруженіе каждаго отдѣльнаго судна Черноморскаго флота, принимавшаго наиболѣе активное участіе во время войны, указано въ приложеніи № 194.

Дѣйствительное состояніе судовъ какъ этого флота, такъ и Балтійскаго и годность ихъ къ службѣ видны изъ вѣдомостей, помѣщаемыхъ въ приложеніи № 195.

[3]) Подробный составъ этихъ флотилій см. въ приложеніи № 196.

[4]) Подробности см. въ приложеніи № 197.

наличный составъ морскихъ чиновъ на этой флотиліи едва доходилъ до 850 человѣкъ [1]).

Обезпеченность судовъ Черноморскаго флота порохомъ и снарядами указана въ приложеніяхъ [2]).

Боевую силу личнаго состава флота составляли *морскіе экипажи,* служившіе административной единицей.

Всего у насъ было 48 экипажей, 1 гвардейскій и 47 флотскихъ.

Гвардейскій и №№ 1—28 комплектовали суда Балтійскаго флота, №№ 29—45—Черноморскаго флота, № 46—Каспійской и № 47—Камчатской флотиліи.

Штатами, установленными въ началѣ царствованія Императора Николая Павловича, численность экипажей вмѣстѣ съ нестроевыми была около 1000 человѣкъ.

Каждый экипажъ подраздѣлялся на 8 ротъ, силою въ 100 рядовыхъ каждая. Къ экипажамъ были приписаны одно или нѣсколько судовъ, команда которыхъ и набиралась изъ соотвѣтствующихъ экипажей.

Высшимъ административнымъ соединеніемъ личнаго состава флота являлись *бригады,* составлявшіяся изъ трехъ экипажей каждая, за исключеніемъ 6-й бригады Черноморскаго флота, въ которой было два экипажа, и *дивизіи* — изъ трехъ бригадъ каждая.

Такимъ образомъ въ Балтійскомъ флотѣ было 9 бригадъ, соединенныхъ въ три дивизіи, 1-ю, 2-ю и 3-ю, и въ Черноморскомъ флотѣ шесть бригадъ, входившихъ въ составъ 4-й и 5-й дивизій.

Соединеніе флотскихъ экипажей въ бригады соотвѣтствовало соединенію судовъ въ эскадры, и бригадный командиръ обыкновенно являлся и начальникомъ соотвѣтствующей эскадры. Такой мѣрой было достигнуто объединеніе административнаго управленія личнымъ составомъ флота съ боевымъ управленіемъ имъ въ морѣ.

Кромѣ флотскихъ экипажей, входили въ составъ морскихъ вооруженныхъ силъ также экипажи *ластовые* и *рабочіе.*

Первые формировались изъ чиновъ, не способныхъ къ линейной службѣ въ флотскихъ экипажахъ, и употреблялись для разныхъ береговыхъ службъ при портахъ, а также для комплекто-

---

[1]) Арх. Военн. Уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4258.
[2]) См. приложенія: №№ 198, 199 и 200.

ванія нѣкоторыхъ портовыхъ судовъ. Всего было пять ластовыхъ экипажей: три для Балтійскаго и два для Черноморскаго флотовъ.

Рабочіе экипажи состояли изъ мастеровыхъ для кораблестроенія и для другихъ адмиралтейскихъ работъ, но чины этихъ экипажей на время морскихъ кампаній назначались также и на военныя суда. Въ Балтійскомъ флотѣ такихъ экипажей было 10 и въ Черноморскомъ 9, носившихъ общую нумерацію отъ 1-го до 19-го.

Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ учебныхъ морскихъ экипажахъ, по одному для Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ, о

Галлиполи (съ голл. грав., по рис. Н. Де-Брюинь).

штурманскомъ полуэкипажѣ въ Балтійскомъ флотѣ и штурманской ротѣ въ Черноморскомъ.

Первые исполняли обязанности образцовыхъ частей военно-морского вѣдомства, а послѣдніе, какъ показываетъ и само ихъ названіе, предназначались для подготовки штурмановъ.

Остальныя части морского вѣдомства здѣсь не перечисляются, такъ какъ онѣ имѣли исключительно административное и хозяйственное назначеніе. Онѣ переименованы въ приложеніи, указывающемъ квартирное расположеніе частей нашего флота [1]).

Численный составъ флота былъ опредѣленъ штатами, установленными еще въ началѣ царствованія Императора Николая Павловича; онъ равнялся—90.000 офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Этотъ штатъ былъ сохраненъ и до Крымской кампаніи. По спискамъ 1853 года у насъ числилось въ Балтійскомъ флотѣ 2275 штабъ и оберъ-офицеровъ и 50.571 нижній чинъ и въ Черноморскомъ флотѣ 1472 штабъ и оберъ-офицера и 36.667 нижнихъ

[1]) Квартирное расписаніе частей нашего флота къ январю 1853 года см. въ приложеніи № 201.

чиновъ; всего же было 3747 офицеровъ и 87.238 нижнихъ чиновъ, что въ общей сложности составляло 90.985 человѣкъ [1]).

Но этотъ наличный составъ былъ далеко недостаточенъ для надобностей флота 1853 года. Въ одной первой флотской дивизіи до штата недоставало 66 офицеровъ и 712 нижнихъ чиновъ [2]). Въ Черноморскомъ флотѣ этотъ некомплектъ на судахъ былъ еще больше. На судахъ Дунайской флотиліи, напримѣръ, находилась только половина личнаго состава, полагавшагося по штату [3]).

Такой недостатокъ въ личномъ составѣ нашего флота отчасти зависѣлъ отъ увеличенія числа судовъ сравнительно съ ихъ числомъ, существовавшимъ во время утвержденія штатовъ.

Въ Черноморскомъ флотѣ [4]), напримѣръ, число вооружавшихся для плаванія судовъ увеличилось съ 69 до 125, а для комплектованія ихъ оставались все тѣ же 17 экипажей. Недостающихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ приходилось, при снаряженіи судовъ въ море, пополнять съ оставшихся безъ плаванія, а также и вольными матросами [5]). Но въ 1853 году, при общемъ движеніи Черноморскаго флота, укомплектованіе судовъ и особенно линейныхъ кораблей и фрегатовъ наличными средствами экипажей было совершенно невозможно, а потому пришлось отказаться отъ вооруженія многихъ мелкихъ судовъ и ихъ экипажами докомплектовать корабли и фрегаты.

Самой же коренной причиной недостаточной численности личнаго состава флота было чрезмѣрно большое число людей, изъятыхъ изъ строя и находившихся на нестроевыхъ должностяхъ [6]).

Боевую силу флота къ этому времени [7]) составляли только 50.000 человѣкъ [8]), кромѣ безсрочно-отпускныхъ. Остальные

---

[1]) Всеподд. отч. Ген.-Адм. за 1853 г.; Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 46 и Инсп. Деп., 1 отд., 2 ст.; 1855 г., д. № 389; Арх. Морск. мин., Инсп. Деп., 1 отд., 2 ст., 1855 г., д. 389.

[2]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 24.

[3]) „Votre flottille", писалъ по этому поводу князь Горчаковъ князю Меншикову 23 іюля 1853 г. (Арх. Военн. Уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253), „n'a que la moitié de son personnel. „Je serais heureux si Vous pouviez la compléter Vous-même. Mais je crois que Vous ne le „pouvez pas. Dans ce cas je pense écrire au Ministre de la guerre pour le prier de la faire „compléter".

[4]) Арх. Военн. Уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4258. Записка Ген.-Адъют. Корнилова 30 ноября 1853 г.

[5]) О вольныхъ матросахъ см. ниже.

[6]) Впервые противъ такого ненормальнаго положенія вещей возсталъ Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ въ своемъ Всеподд. отчетѣ за 1853 г.

[7]) Арх. Морск. Военн. пох. канц. 1853 г., д. № 155/84.

[8]) Ср. Арх. Морск. мин., Инсп. Деп., 1 отд., 2 ст., 1855 г., д. № 389 и Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 46.

38.000 нижнихъ чиновъ находились въ рабочихъ и ластовыхъ экипажахъ, въ корпусѣ инженеровъ морской строительной части, портовыхъ госпитальныхъ ротахъ, межевой ротѣ топографовъ корабельныхъ лѣсовъ, въ учебномъ морскомъ, рабочемъ и первомъ морскомъ учебномъ экипажахъ.

Благодаря этому, въ однихъ только флотскихъ экипажахъ въ 1853 году недоставало 289 офицеровъ и 4043 нижнихъ чина, но зато въ побочныхъ отрасляхъ морской службы ихъ былъ излишекъ.

Въ канцеляріяхъ и управленіяхъ морского вѣдомства, кромѣ указаннаго выше числа военныхъ чиновъ, находилось еще 1500 гражданскихъ чиновниковъ и около 1300 писарей, т.-е. около 2800 человѣкъ. Такимъ образомъ на каждые 25 человѣкъ боевого состава флота приходилось по одному лицу, занимавшемуся дѣлопроизводствомъ [1]).

Матросами флотъ нашъ пополнялся при помощи рекрутскихъ наборовъ на общихъ основаніяхъ съ сухопутной арміей; въ составъ его также вступали на правахъ матросовъ и прочія лица, перечисленныя въ отдѣлѣ комплектованія нижними чинами нашей арміи. До 1853 года рекруты во флотъ назначались безъ опредѣленнаго порядка; съ этого же года порядокъ комплектованія флота матросами былъ нѣсколько измѣненъ въ выгодную для него сторону.

По положенію 1853 года, флотъ началъ комплектоваться рекрутами лишь изъ нѣсколькихъ назначенныхъ для этого губерній, жители которыхъ занимались преимущественно судоходствомъ и рыболовствомъ [2]).

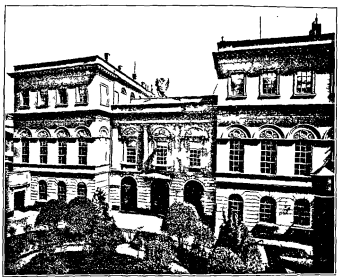
Сроки службы нижнихъ чиновъ флота, увольненіе ихъ въ безсрочные и годовые отпуска и въ отставку были также въ общемъ тождественны съ сухопутной арміей, а потому мы на нихъ и не будемъ останавливаться.

Незначительное отличіе флота въ этомъ отношеніи заключалось въ существованіи такъ называемыхъ *вольныхъ матросовъ*. Это были особые цехи или матросскія общества, въ которыя могли добровольно поступать молодые люди изъ мѣщанъ, вольноотпущенныхъ и разночинцевъ. Цѣль учрежденія ихъ состояла въ подготовкѣ для купеческаго флота хорошихъ матросовъ.

---

[1]) Всеподд. отч. Великаго Князя Константина Николаевича.
[2]) Морск. Сборн. за 1853 годъ.

Поступившіе въ вольные матросы освобождались отъ платежа разныхъ податей и повинностей, за что обязывались прослужить не менѣе 10 лѣтъ. При этомъ въ первыя пять лѣтъ они служили для практики на нашихъ преимущественно мелкихъ военныхъ судахъ и за это время получали вещевое и провіантское довольствіе наравнѣ съ линейными матросами, отъ которыхъ отличались только отсутствіемъ якорей на погонныхъ пуговицахъ.



Русское посольство въ Константинополѣ (съ фот. съ натуры).

Первоначально цехи вольныхъ матросовъ были учреждены въ 1834 году для Черноморскаго флота въ Алешкахъ Таврической и Никополѣ Екатеринославской губерній, а черезъ десять лѣтъ изъ питомцевъ Воспитательнаго дома былъ учрежденъ въ Кронштадтѣ цехъ вольныхъ матросовъ для Балтійскаго флота.

Число вольныхъ матросовъ было весьма незначительно. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Черноморскомъ флотѣ ихъ числилось налицо всего 1600 человѣкъ, а въ Балтійскомъ лишь 100 человѣкъ [1]).

Количество безсрочно отпускныхъ во флотѣ было крайне незначительно. Въ 1853 году ихъ по спискамъ числилось всего 6245 человѣкъ [2]) на весь флотъ, при чемъ эта категорія людей отличалась тѣми же недостатками, какъ и безсрочно отпускные сухопутной арміи: престарѣлый возрастъ, болѣзненность, а потому и большой процентъ неявлявшихся на службу; призывъ 1854 года вполнѣ оправдалъ это предположеніе. Изъ всего числа отпуск-

[1]) Военн. Энцикл. словарь. Ср. зап. Ген.-Адъют. Корнилова. В. Уч. Арх. Гл. шт., отд. 2, д. № 4258.

[2]) Всеподд. докл. Ген.-Адм. за 1853 и 1854 года. Канц. Ген.-Адм., д. № 23, рап. Адм. Берга 26 ноября 1853 г., № 20799. Военн. Уч. Арх. Гл. шт., отд. 2, д. № 4258.

ныхъ флота не явилось къ призыву, по болѣзни, дряхлости и смерти, 2000 человѣкъ.

Безсрочно отпускные нижніе чины были расписаны по флотамъ, а въ каждомъ флотѣ по портамъ, куда они и должны были являться въ случаѣ призыва [1]). Впрочемъ, въ началѣ войны часть отпускныхъ Балтійскаго флота была направлена въ порты Черноморскаго флота.

Пополненіе флота унтеръ-офицерами по большей части производилось изъ нижнихъ чиновъ учебныхъ морскихъ экипажей, а также и производствомъ въ это званіе достойныхъ матросовъ.

Учебныхъ экипажей, какъ сказано выше, у насъ было два: первый — въ Кронштадтѣ для надобностей Балтійскаго флота и второй — въ Николаевѣ для Черноморскаго флота. Пополнялись они преимущественно кантонистами [2]).

Обученіе молодыхъ людей въ учебныхъ морскихъ экипажахъ состояло изъ преподаванія имъ общеобразовательныхъ предметовъ, строевыхъ занятій и практическаго плаванія на судахъ.

Ихъ обучали Закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ, включая тройное правило, а наиболѣе способныхъ, подготовлявшихся въ морскую артиллерію, и начальной геометріи. Строевыя занятія состояли изъ практическаго ознакомленія съ предстоящей имъ дѣятельностью на кораблѣ и изъ ученій фронтового, до баталіоннаго включительно, а также стрѣлковаго и изученія гарнизоннаго устава. Лѣтомъ же старшіе ученики ходили въ практическое плаваніе на судахъ флота, а младшіе на особомъ практическомъ суднѣ. Обучаемые, по достиженіи ими 20-ти лѣтняго возраста, выпускались, если они окажутся достойными по поведенію и ученію, во флотъ унтеръ-офицерами, по мѣрѣ потребности въ послѣднихъ.

Достоинства и недостатки учебныхъ морскихъ экипажей соотвѣтствовали вообще всѣмъ учрежденіямъ такого рода. Они давали флоту унтеръ-офицеровъ безусловно теоретически хорошо подготовленныхъ, но молодыхъ, практически неопытныхъ, совершенно незнакомыхъ съ бытомъ матросовъ и потому не могшихъ оказывать на нихъ необходимаго нравственнаго воздѣйствія. Да, наконецъ, и теоретическая подготовка ихъ во многомъ зависѣла отъ того направленія занятій, которому придерживались въ учеб-

[1]) Военн. Уч. Арх. Гл. шт., отд. 2, д. № 4258. Расп. о сборѣ запасн. Балт. и Черном. флотовъ.

[2]) Военн. Энцикл. слов., изд. 1852—1858 гг.

ныхъ экипажахъ. Увлеченіе сухопутнымъ строевымъ образованіемъ въ Балтійскомъ флотѣ и короткіе періоды практическаго плаванія клали особо неблагопріятный отпечатокъ на подготовку унтеръ-офицеровъ этого флота.

Съ другой стороны, обширность и разнообразіе требованій, предъявляемыхъ унтеръ-офицерамъ флота, дѣлали очень затруднительной надлежащую подготовку унтеръ-офицеровъ въ самыхъ частяхъ.

Подготовка офицеровъ для флота производилась почти исключительно въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ. Незначительный контингентъ офицеровъ пополнялся, впрочемъ, и производствомъ юнкеровъ флота по выдержаніи ими установленнаго офицерскаго экзамена по программѣ, соотвѣтствовавшей программѣ Морского корпуса, и при условіи плаванія на военномъ суднѣ не менѣе двухъ кампаній.

Что же касается до производства въ офицеры нижнихъ чиновъ, поступившихъ по набору и дослужившихся до званія унтеръ-офицеровъ, то они предназначались лишь для укомплектованія нелинейныхъ командъ и нестроевыхъ должностей [1]). Требованія, предъявляемыя этой категоріи лицъ для полученія офицерскаго званія, приравнивались въ общемъ къ требованіямъ отъ унтеръ-офицеровъ сухопутныхъ войскъ.

Въ юнкера флота поступали юноши привилегированныхъ сословій, но съ болѣе высокимъ уровнемъ образованія, чѣмъ юнкера сухопутныхъ войскъ, такъ какъ образовательный цензъ для офицеровъ флота былъ болѣе высокій и соотвѣтствовалъ требованіямъ, предъявлявшимся офицерамъ спеціальныхъ родовъ оружія нашей арміи.

Въ Черноморскомъ флотѣ юнкера для лучшей подготовки къ офицерскому званію собирались, по иниціативѣ генералъ-адъютанта Корнилова [2]), въ Николаевъ въ особую школу, гдѣ и обучались назначенными для этого преподавателями. Въ 1852 году эта частная иниціатива адмирала Корнилова была узаконена учрежденіемъ въ Николаевѣ училища флотскихъ юнкеровъ, впослѣдствіи переименованнаго въ гардемаринскую роту.

Морской кадетскій корпусъ имѣлъ характеръ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній того времени. Но нахожденіе его въ столицѣ

---

[1]) Арх. Морск. Мин. Военн. пох. канц. 1853 г., д. № 155/84.
[2]) Русск. Арх. за 1902 г. Къ исторіи Черноморскаго флота — Афанасьева.

и на глазахъ у Государя, отличавшаго это заведеніе своимъ особымъ вниманіемъ, позволили обставить въ учебномъ отношеніи Морской кадетскій корпусъ, этотъ почти единственный разсадникъ офицеровъ флота, очень роскошно.

Поступали въ корпусъ преимущественно дѣти флотскихъ офицеровъ и дворяне. Курсъ наукъ продолжался шесть лѣтъ и

Видъ Кронштадта.

состоялъ изъ кадетскаго или общаго курса и гардемаринскаго. По своей программѣ Морской кадетскій корпусъ въ общемъ приравнивался къ программамъ артиллерійскаго и инженернаго училищъ. Въ гардемаринскомъ же или спеціальномъ курсѣ преподавались, кромѣ общихъ наукъ и трехъ иностранныхъ языковъ, теоретически и практически всѣ предметы, относящіеся до морского искусства. Лѣтомъ кадеты выходили въ практическое плаваніе на судахъ, приписанныхъ къ корпусу. Сверхъ того, кадеты въ достаточной степени обучались фронтовой службѣ [1]).

[1]) Воєнн. Морск. энц. слов., изд. 1852—1858 гг. Кротковъ. „Исторія Морского корпуса".

Штатъ Морского корпуса состоялъ изъ 600 воспитанниковъ, подраздѣленныхъ на пять ротъ, изъ которыхъ старшая называлась гардемаринской.

Кадеты, окончившіе успѣшно курсъ, выпускались, въ числѣ около 70 человѣкъ ежегодно, во флотъ мичманами.

Съ 1827 года при Морскомъ корпусѣ былъ учрежденъ офицерскій классъ, въ который изъ каждаго выпуска поступало до 10 лучшихъ офицеровъ. Курсъ офицерскихъ классовъ былъ трехлѣтній.

IV.

Такъ какъ въ будущемъ намъ придется касаться боевыхъ дѣйствій флота, то скажемъ нѣсколько словъ о морской тактикѣ того времени.

Всякій порядокъ флота, въ которомъ корабли располагались для совершенія какого-либо дѣйствія, назывался *строемъ* или *ордеромъ*. Въ парусномъ флотѣ такое расположеніе находилось въ полной зависимости отъ направленія дующаго вѣтра.

Расположеніе флота для сраженія называлось *боевымъ строемъ* (ордеромъ баталіи, линіей баталіи). Въ этомъ строю корабли располагались въ одну линію, подъ остр̀ымъ угломъ къ направленію вѣтра (бейдевиндъ), съ правой или лѣвой стороны и шли одинъ другому въ затылокъ (въ кильватеръ).

Остальные строи флота должны были давать возможность скоро и удобно перестраиваться въ боевой строй.

Для движенія флота въ походѣ, для крейсерства и въ ожиданіи встрѣчи съ непріятелемъ примѣнялись *походные строи* или *ордеры марша*. Наиболѣе употребляемыми изъ нихъ были два слѣдующіе строя: въ первомъ корабли располагались на одной изъ двухъ линій бейдевинда, т.-е. на линіи подъ острымъ угломъ къ дувшему съ той или другой стороны вѣтру, но шли въ томъ направленіи, которое имъ было указано. Во второмъ походномъ строѣ корабли становились по линіи, перпендикулярной къ вѣтру, но такъ же, какъ и въ первомъ строю, шли въ направленіи даннаго имъ курса.

Первый строй примѣнялся въ томъ случаѣ, когда было извѣстно, какой стороной придется принять бой, а второй—когда это условіе не было еще опредѣлено.

Оба эти строя давали возможность скоро и легко перейти въ боевой порядокъ, но оба они имѣли весьма важный недостатокъ, состоявшій въ томъ, что кораблямъ, идущимъ въ шахматномъ порядкѣ, было очень трудно удерживать свои мѣста.

Когда флотъ состоялъ изъ большого числа кораблей, то онъ двигался на походѣ въ двухъ или трехъ колоннахъ, при чемъ соотвѣтствующіе корабли колоннъ должны были находиться на линіи вѣтра, или на траверсѣ курса.

Отступавшій отъ сильнѣйшаго непріятеля флотъ или флотъ, составлявшій конвой транспортовъ, располагался на двухъ линіяхъ бейдевинда, угломъ къ вѣтру, и всѣ корабли шли произвольнымъ курсомъ; адмиралъ находился въ вершинѣ угла. Этотъ строй назывался *отступнымъ строемъ* или *строемъ конвоя*.

Всѣ движенія флота для приведенія его въ порядокъ или для перехода изъ одного строя въ другой назывались *морскими эволюціями*. Эта была самая существенная часть морской тактики, и флотъ, искусный въ морскихъ эволюціяхъ, всегда имѣлъ преимущество надъ необученнымъ непріятелемъ.

Главныя эволюціонныя движенія были слѣдующія:

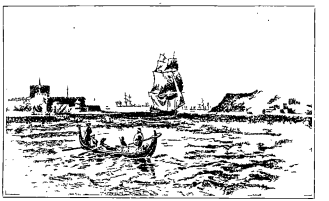
1) Приведеніе флота въ какой-либо строй, если онъ еще не былъ выстроенъ, или, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, строй этотъ нарушился. Каждый корабль въ такомъ случаѣ старался достигнуть своего мѣста кратчайшимъ путемъ, наблюдая, чтобы не мѣшать одинъ другому, не проходить передъ носомъ другого корабля и проч.

2) Переходъ съ одного галса на другой, съ сохраненіемъ того же строя. Эта эволюція состояла въ томъ, что флотъ, двигавшійся подъ извѣстнымъ угломъ къ вѣтру, который дулъ, напримѣръ, съ лѣвой стороны, сохранялъ тотъ же строй, но вѣтеръ уже дулъ подъ тѣмъ же угломъ съ противоположной стороны. Переходъ флота съ одного галса на другой былъ совершаемъ или послѣдовательнымъ движеніемъ кораблей или же одновременнымъ. При послѣдовательномъ движеніи каждый корабль поворачивалъ въ той точкѣ, въ которой поворотилъ передовой корабль. При этомъ слѣдовало принимать во вниманіе разстояніе между кораблями, качества ближайшихъ судовъ, ходъ корабля, состояніе моря и силу вѣтра. Одновременный поворотъ могъ удобно производиться только при большемъ разстояніи между кораблями.

3) Исправленіе строя при перемѣнѣ вѣтра. Такъ какъ линіи, на которыхъ располагался флотъ, вполнѣ зависѣли отъ направле-

нія вѣтра, то при перемѣнѣ его флотъ находился уже не въ томъ строю, въ которомъ былъ расположенъ ранѣе, а потому приходилось, какъ только устанавливалось новое направленіе вѣтра, исправлять строй. Дѣлалось это исправленіе, смотря по обстоятельствамъ, по передовому, среднему или заднему кораблю.

4) Переходъ изъ одного строя въ другой. Число этихъ эволюцій во флотѣ было безконечно велико. Изъ каждаго строя флотъ могъ переходить во всѣ остальные четырнадцать строевъ, что при различныхъ соединеніяхъ давало 210 разнообразныхъ построеній; но такъ какъ многія построенія можно было дѣлать на тотъ или другой галсъ и почти каждое построеніе производилось послѣдовательнымъ или одновременнымъ движеніемъ, то число этого рода эволюцій увеличивалось еще болѣе. Впрочемъ, на практикѣ число перестроеній значительно уменьшалось тѣмъ обстоятельствомъ, что избѣгали переходить изъ одного сложнаго строя непосредственно въ другіе, а переходили въ простые и болѣе необходимые строи, изъ этихъ же строевъ переходили уже въ требуемое сложное построеніе.



Дарданеллы.

Эволюціи исполнялись по сигналамъ съ адмиральскаго корабля, при чемъ каждое судно старалось прибавкою или убавкою парусовъ соразмѣрить свой ходъ съ разстояніемъ, которое ему нужно было пройти.

Одно перечисленіе всѣхъ строевъ и эволюцій флота показываетъ насколько морское дѣло того времени зависѣло отъ состава экипажа и его подготовленности къ своему сложному ремеслу.

Что касается до правилъ *морской тактики* паруснаго флота, то они подраздѣлялись на двѣ части—дѣйствія при встрѣчѣ съ непріятелемъ отдѣльныхъ судовъ и цѣлыхъ эскадръ и флотовъ.

Отдѣльное судно, завидя на горизонтѣ непріятеля, сравнивало силу своихъ данныхъ съ противникомъ, т.-е. силу артиллеріи и скорость хода, и, сообразно съ полученными результатами,

соображало свои движенія такъ, чтобы скорѣе соединиться съ непріятелемъ или же удалиться отъ него.

Приближаясь къ непріятелю, судно подготовлялось къ сраженію. По тревогѣ, всѣ занимали назначенныя каждому по боевому расписанію мѣста, раскрѣпляли орудія, приготовляли артиллерійскія принадлежности и абордажное оружіе. Принимались мѣры къ лучшему обезпеченію вооруженія корабля отъ непріятельскаго огня, подготовляли запасный рангоутъ и такелажъ и дѣлали прочія, необходимыя для боя, приготовленія.

Подойдя къ противнику на разстояніе пушечнаго выстрѣла, судно старалось занять наиболѣе выгодное положеніе и открывало преимущественно одиночный весьма частый огонь, избѣгая стрѣлять залпами, которые разрушительно на него дѣйствовали. Капитанъ, внимательно слѣдя за ходомъ боя, наблюдалъ движеніе непріятельскаго судна и старался предугадать эти движенія, чтобы воспользоваться всѣми ошибками противника. Если было основаніе полагать, что бой можетъ скорѣе и съ лучшими результатами кончиться при помощи рукопашной схватки, или если обстоятельства заставляли суда сойтись, тогда вызывали стрѣлковую и абордажную партіи и быстро бросались на непріятельское судно, стараясь имъ завладѣть и обезоружить команду. Когда одно изъ сражающихся судовъ приводилось, благодаря потерѣ рангоута или открывшейся течи, въ невозможность ни уклониться отъ боя, ни продолжать его, то оно или сцѣплялось съ непріятельскимъ судномъ и взрывало и его и себя на воздухъ, или же признавало себя прекращеніемъ пальбы и спускомъ флага побѣжденнымъ.

Эскадра или флотъ для лучшаго управленія раздѣлялись на три части: авангардъ, главныя силы и арьергардъ, которыя при обиліи судовъ, въ свою очередь, подраздѣлялись, на общемъ основаніи, на эскадры. Въ небольшихъ эскадрахъ такое подраздѣленіе не было обязательнымъ. Командующій флотомъ имѣлъ свой флагъ на самомъ сильномъ или лучшемъ кораблѣ и посредствомъ сигналовъ управлялъ всѣми движеніями флота. Отъ благоустроеннаго флота требовалось, чтобы, по сигналу адмирала, онъ могъ въ самое короткое время выстроиться въ предназначенный строй и производить быстро и сноровисто всѣ эволюціи.

При встрѣчѣ съ непріятелемъ все вниманіе адмирала обращалось на то, чтобы вступить въ бой въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ и противоставить непріятелю сплошную линію артиллерій-

скаго огня. Такъ какъ въ морскихъ сраженіяхъ имѣло большое вліяніе на ходъ всего дѣла положеніе враждующихъ сторонъ относительно вѣтра, то каждый изъ адмираловъ старался искусными движеніями выиграть у непріятеля вѣтеръ. Такое положеніе представляло въ боевомъ отношеніи много выгодъ. Навѣтренный флотъ выбиралъ время для начала боя, рода атаки и, представляя изъ себя нападающую сторону, могъ перемѣнами своего положенія безпокоить и утомлять непріятеля. Въ техническомъ отношеніи также было много выгодъ на сторонѣ навѣтреннаго флота: онъ меньше страдалъ отъ огня, дымъ не мѣшалъ стрѣльбѣ, легче было избѣжать пожара отъ своихъ выстрѣловъ и проч.; но зато въ случаѣ неудачи навѣтренному флоту было трудно уклониться отъ непріятеля, не подвергнувшись совершенному пораженію: поврежденные корабли сносились на непріятельскую линію, при крѣпкомъ вѣтрѣ и сильномъ волненіи часто было невозможно стрѣлять изъ орудій нижнихъ батарей, въ виду сильнаго крена судна.

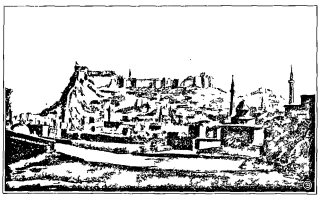
Введеніе винтовыхъ судовъ въ составъ паруснаго флота западныхъ державъ заставило нѣсколько измѣнить взгляды на морскую тактику.

Прежній боевой строй въ одну линію признавался при новыхъ условіяхъ годнымъ только для небольшой эскадры, примѣрно въ пять кораблей; при большемъ же числѣ предполагали болѣе удобнымъ корабли строить для боя въ двѣ колонны на линіи галфвинда (т.-е. вѣтеръ дуетъ подъ прямымъ угломъ), или при особенной надобности выигрывать вѣтеръ на линіяхъ бейдевинда. Пароходы же имѣть на обоихъ флангахъ между колоннами. Таковой порядокъ во многомъ уничтожалъ выгоды, которыя непріятель могъ имѣть отъ винтовыхъ кораблей, лишая его возможности быстро ставить этими кораблями наши передовые навѣтренные корабли въ два огня. Особая забота о сохраненіи линіи при встрѣчѣ съ флотомъ, въ составъ котораго входили и винтовыя суда, не имѣла значенія. Рекомендовалось только держаться въ плотномъ строю, чтобы часть эскадры не могла быть атакована превосходными силами безъ надежды на помощь остальныхъ судовъ. Отъ пароходовъ требовалась всегдашняя готовность подать кораблямъ буксиры. Атаку на непріятельскій флотъ также предлагалось вести двумя колоннами, имѣя пароходы у заднихъ фланговъ. При такихъ условіяхъ современные адмиралы считали винтовые корабли не столь страшными, какъ они казались по своей

новизнѣ [1]). Однако, слабая артиллерія парусныхъ судовъ на кормѣ и носу давала возможность винтовымъ судамъ разстрѣливать ихъ съ этой стороны почти безнаказанно.

Генералъ-адъютантъ Корниловъ, выходя 28 октября 1853 года во главѣ эскадры въ крейсерство по Черному морю, резюмировалъ свои тактическіе взгляды въ слѣдующихъ словахъ приказа по эскадрѣ [2]):

„Я не считаю нужнымъ излагать какихъ-либо наставленій. Дѣй-„ствовать соединенно, помогая другъ другу, и на самое близкое „разстояніе по-моему — „лучшая тактика".



Видъ крѣпости Карса (съ рис. тушью съ натуры Н. Черкецова, 1829 г.).

Кромѣ сраженія подъ парусами, флотъ могъ принять бой и на якорѣ. Результаты такихъ сраженій бывали обыкновенно самые рѣшительные и кончались полнымъ уничтоженіемъ одной изъ сторонъ (Наваринъ, Синопъ).

Если флотъ рѣшался по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, а чаще всего въ виду своей сравнительно съ непріятелемъ слабости, принять сраженіе на якорѣ, то онъ старался расположиться подъ прикрытіемъ приморскихъ крѣпостей, береговыхъ батарей или вообще старался обезпечить свои фланги мѣстными преградами. Суда располагались такимъ образомъ, чтобы они могли лучше сосредоточить свои выстрѣлы по подходящему флоту, а крѣпость или береговыя батареи могли имъ содѣйствовать. Иногда ставшій на якорь флотъ ограждался бонами или затопленными въ проходахъ судами, а между судами протягивались кабельтовы (стосаженной длины канаты), чтобы такимъ образомъ воспрепятствовать непріятелю вести атаку съ двухъ сторонъ.

---

[1]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм. за 1854 г. Сводъ мнѣній адмираловъ о дѣйствіи Балтійскаго флота. Мнѣнія контръ-адм. Глазенапа и Мофета.

Распор. ген.-адъют. Корнилова. Николаевск. Черном. центр. военн. морск. арх. кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130.

[2]) Шханочн. журн. 120-ти пушечн. кор. „Три Святителя" за 1853 г.

Адмиралъ Корниловъ рекомендовалъ, напримѣръ, для встрѣчи непріятеля на якорѣ строить флотъ въ двѣ линіи [1]) въ шахматномъ порядкѣ, нѣсколько уступомъ внутрь отъ той преграды, которая должна была прикрывать фланги. Въ первой линіи должны были помѣщаться корабли, а во второй — фрегаты и пароходы. Подъ угломъ къ линіи кораблей, между ними и преградой, обезпечивающей фланги, ставить нѣсколько судовъ въ уступномъ порядкѣ. Такое расположеніе давало возможность встрѣтить непріятеля сильнымъ фронтальнымъ огнемъ, а по приближеніи его и перекрестнымъ.

Атакующій флотъ могъ дѣлать нападеніе на флотъ, стоявшій на якорѣ, троякимъ образомъ: въ движеніи, не становясь въ свою очередь на якорь, а обстрѣливая на ходу стоявшій флотъ; становясь самъ на якорѣ противъ оборонѣющихся кораблей, и, наконецъ, атаковать противника при помощи брандеровъ. Первый и третій способы *никогда* не давали значительныхъ результатовъ, второй же способъ, хотя и требовалъ большой рѣшительности, но очень часто кончался истребленіемъ того или другого флота.

V.

По свидѣтельству всѣхъ современниковъ, замѣчалось рѣзкое различіе между Балтійскимъ и Черноморскимъ флотами въ ихъ обученіи, воспитаніи и бытѣ. Оно не было слѣдствіемъ различія качественнаго состава офицеровъ и матросовъ обоихъ нашихъ флотовъ. Одинъ и тотъ же русскій простолюдинъ шелъ на комплектованіе матросовъ и въ Балтійскомъ и въ Черномъ моряхъ; одна и та же молодежь, получившая однообразное морское воспитаніе и образованіе, комплектовала офицерскій составъ. Но различныя условія службы обоихъ флотовъ и различный характеръ лицъ, стоявшихъ во главѣ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ, дѣлали подготовку ихъ неодинаковой.

Отличіе подготовки Черноморскаго флота признавалось и съ высоты трона. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и записки современниковъ [2]) и офиціальныя данныя.

---

[1]) Арх. Военн. Уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4259.
[2]) Рукоп. дневн. ген.-адъют. Аркаса.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ свою всеподданнѣйшую записку о причинахъ плохого состоянія Балтійскаго флота [1]) прямо начинаетъ, какъ мы упомянули выше, съ сравненія его съ Черноморскимъ флотомъ. Въ этой же запискѣ августѣйшій генералъ-адмиралъ останавливается и на нѣкоторыхъ причинахъ отсталости Балтійскаго флота.

„Многіе морскіе офицеры и командиры", пишетъ онъ, „не „имѣютъ надлежащей опытности и знанія дѣла, но это потому, „что они бываютъ въ морѣ слишкомъ короткое время, а морская „служба требуетъ долговременной практики, и, чтобы имѣть хоро„шихъ морскихъ офицеровъ, надобно посылать постоянно эскадры „въ море на нѣсколько лѣтъ".

„Въ Черномъ морѣ крейсерство у Абхазскихъ береговъ и „очередное постоянное плаваніе нѣсколькихъ судовъ въ Среди„земномъ морѣ доставляло необходимую практику. Здѣсь же еже„годное плаванье въ Финскомъ заливѣ, въ продолженіе нѣскольк„кихъ недѣль, только уменьшаетъ охоту къ морской службѣ, но „пользы не приноситъ" [2]).

Въ Балтійскомъ флотѣ за послѣднее двадцатилѣтіе царствованія Императора Николая Павловича чувствовался какой-то застой; на его дѣятельность какъ бы ложился отпечатокъ характера жизни и обученія сухопутной арміи того времени.

Какъ было уже упомянуто выше, самъ Государь, поставивъ въ первые десять лѣтъ своего царствованія флотъ на должную степень, передалъ управленіе имъ князю А. С. Меншикову и свое участіе въ этомъ дѣлѣ ограничилъ лишь ежегодными смотрами, которые не могли дать ему настоящей картины состоянія флота. Печальная истина начала всплывать наружу только съ 1853 года, когда ставшій во главѣ морского вѣдомства Великій Князь Константинъ Николаевичъ энергично принялся за порученное ему дѣло.

Личность князя А. С. Меншикова должна была оказывать почти такое же вліяніе на состояніе нашего флота, какое лич-

---

[1]) См. приложеніе № 191.

[2]) Почти такого же мнѣнія придерживается и Н. Коргуевъ въ своей статьѣ „Русскій флотъ". Морск. Сборн., 1896 г., кн. 7.

„Для Черноморскаго флота", пишетъ онъ, „условія были лучшія, чѣмъ для Балтійскаго. „Незамерзающее море и война съ горцами, веденная во все царствованіе Императора „Николая I, представляли Черноморскому флоту обширное поле для дѣятельности, а крейсер„ство у кавказскаго берега служило отличною школою для черноморскихъ моряковъ. Если „присоединить къ этому, что во все то время во главѣ Черноморскаго флота стояли адмиралы „сначала А. С. Грейгъ, потомъ М. П. Лазаревъ, то преимущества его передъ Балтійскимъ „флотомъ являются вполнѣ понятными".

ность князя Паскевича оказывала на состояніе арміи. Князь Меншиковъ такъ же, какъ Паскевичъ, пользовался полнымъ довѣріемъ и дружбою Государя, но не имѣлъ, однако, на него такого исключительнаго вліянія; да, кромѣ того, Паскевичъ болѣе дѣятельно проводилъ въ жизнь свои взгляды на дѣло обученія и воспитанія арміи, Меншиковъ же, по самому своему характеру, относился болѣе равнодушно ко всему тому, что было поручено его вѣдѣнію.

Баши-бузуки въ Шумлѣ (съ англ. рис. съ натуры).

Дѣятельность Балтійскаго флота временъ князя Меншикова въ общемъ отличалась неподвижностью, замкнутостью, и флотъ составлялъ какъ бы особый міръ. Всѣ понятія, порядки, черты и распоряженія въ немъ носили характеръ рутины, доходившей до монотонности, которая въ особенности увеличивалась рѣдкостью заграничныхъ плаваній, семимѣсячнымъ стояніемъ флота въ гавани и безсодержательною береговою службою [1]).

Въ обученіи Балтійскаго флота значительное мѣсто въ зимнее время отводилось парадной и строевой сухопутной сторонѣ этого дѣла [2]) въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, и въ этомъ отношеніи добивались, чтобы матросы ничуть не отстали отъ сухопутныхъ солдатъ [3]).

Караульная служба, подготовка ординарцевъ, ружейные пріемы и маршировка отнимали почти все время береговой жизни нашихъ моряковъ и до того впитались въ плоть и кровь начальствующихъ лицъ, что иногда сухопутныя понятія переносились въ полномъ объемѣ и на воду. Для канонерскихъ лодокъ, напримѣръ, былъ почти цѣликомъ передѣланъ уставъ баталіоннаго ученія, и ихъ на водѣ подъ веслами заставляли продѣлывать, подъ многочисленные сигналы барабана и горна, разныя построенія и перестроенія полувзводныхъ и взводныхъ колоннъ и разныя захожденія плечомъ.

---

[1]) В. А. Стеценко. „Образцы и примѣры прошлаго". Морск. Сб., 1880 г., кн. 10.

[2]) Восп. Гр. И. Филипсона. Русск. Арх., 1883 г., кн. 6.

[3]) Рукоп. дневн. фл.-адъют. Аркаса. Всеп. отч. Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 23.

Только въ 1854 году Государь, лично произведя смотръ гребной флотиліи, убѣдился въ полной несообразности такой постановки дѣла и приказалъ измѣнить уставъ [1]).

Обученіе Балтійскаго флота собственно морскому дѣлу производилось зимою въ манежѣ, при обстановкѣ, совершенно извращавшей понятіе о настоящей работѣ на судахъ. Для этого въ манежѣ была поставлена маленькая мачта и съ десятокъ небольшого калибра орудій, которыхъ совершенно не существовало на вооруженіи судовъ. Только въ 1853 г., по волѣ Государя, несоотвѣтствующая мачта и орудія были убраны изъ манежа [2]).

Характеръ такого обученія, какъ и должно было ожидать, далъ самые печальные результаты [3]). Когда лѣтомъ 1854 года Государь собралъ на кораблѣ „Петръ I“ военный совѣтъ изъ старшихъ адмираловъ и высказалъ необходимость выхода нашего флота въ море для нападенія на союзный, то между другими причинами невозможности этого выхода адмиралы заявили, что наши команды мало подготовлены къ бою и вообще по управленію парусами слабы.

Офицерскій составъ Балтійскаго флота также не находился на высотѣ своего положенія. Лишь немногимъ изъ нихъ удалось въ продолжительныхъ морскихъ кампаніяхъ свыкнуться и сродниться съ моремъ и пріобрѣсти необходимую опытность. Большая часть нашихъ офицеровъ провела службу свою въ строевыхъ занятіяхъ зимою и въ короткихъ практическихъ плаваньяхъ лѣтомъ и, надобно удивляться, что тягостная и однообразная служба эта въ нихъ не подавила окончательно любви къ морю и къ своему трудному ремеслу [4]).

Взгляды руководящихъ сферъ Балтійскаго флота на обученіе и воспитаніе мало отличались отъ взглядовъ современныхъ имъ сухопутныхъ генераловъ. Все вниманіе ихъ обращалось на выправку, пригонку обмундированія и умѣнье хорошо подойти на ординарцы. Въ воспитаніи проглядывала та же суровость и произволъ въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. На развитіе офицеровъ, на

---

[1]) Рукоп. дневн. фл.-адъют. Аркаса. Всеподд. отч. Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 23.

[2]) Рукоп. дневн. фл.-адъют. Аркаса. Выдержки изъ этого дневника помѣщены нами въ Истор. Вѣстн. 1901 г., кн. 4.

[3]) Всеподд. отч. Вел. Кн. *Константина Николаевича за 1853 г. Арх. Морск. мин., Канц.* Ген.-Адм., 1853 г., д. № 23.

[4]) Всеподд. отч. Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 23.

поддержаніе среди нихъ любви къ своему тяжелому ремеслу и на выработку въ нихъ необходимой самостоятельности не обращалось никакого вниманія [1]).

О такой подготовкѣ Балтійскаго флота свидѣтельствуютъ и другіе современники.

Во всеподданнѣйшемъ обзорѣ за 1861 годъ генералъ-адъютантъ Краббе писалъ по этому поводу [2]): „Личный составъ офи„церовъ и нижнихъ чиновъ не соотвѣтствовалъ назначенію флота, „какъ морской военной силы Государства. Плавая въ теченіе „короткаго лѣта на слабо выстроенныхъ судахъ, офицеры не „чувствовали ни призванія, ни любви къ морскому дѣлу.... По„этому во всемъ сословіи былъ общій упадокъ духа".

Генералъ-адъютантъ Литке [3]), съ своей стороны, находилъ, что главная и существенная наша слабость заключалась въ неопытности капитановъ. „Кто изъ нынѣшнихъ командировъ ко„раблей нашихъ", писалъ онъ, „бывалъ въ морскомъ сраженіи? Во „многихъ ли изъ нихъ можно предположить ту вѣрность взгляда „и сноровку, ту рѣшительность и самоувѣренность, которыя тео„ріей не даются и безъ которыхъ бѣда въ морскомъ бою, гдѣ „капитанъ есть властелинъ своихъ дѣйствій".

Служба нашего Балтійскаго флота имѣла еще ту невыгодную сторону, что офицерамъ и матросамъ приходилось проводить каждый годъ все весеннее время въ тяжеломъ и усиленномъ трудѣ по вооруженію двухъ флотскихъ дивизій для того, чтобы, пробывъ только нѣсколько недѣль въ морѣ, опять провести всю осень въ работахъ разоруженія. Послѣ этого прямо переходили на всю зиму къ занятію фронтовою частью, чтобы усиленными ученіями вознаградить потерянное лѣтомъ для фронта время и сравняться съ армейскими солдатами.

Эта особенность службы чиновъ Балтійскаго флота имѣла слѣдствіемъ неимовѣрную болѣзненность и смертность между матросами и стараніе офицеровъ переходить въ другія вѣдомства. Стремленіе оставлять флотъ было столь значительно, что въ продолженіе 15 лѣтъ (съ 1840 по 1854 годъ) изъ одного

---

[1]) Письма контръ-адм. Васильева къ кн. Меншикову въ сент. 1852 г. Арх. Морск. мин. Оп. кн. Меншикова, № 298.

Восп. Севастопольца Д. В. Ильинскаго. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1.

Всеп. отч. Вел. Кн. Константина Николаевича по Морск. вѣд. за 1855—1880 гг. Собств. Его Вел. библ., Рукоп. отд. Императора Александра II.

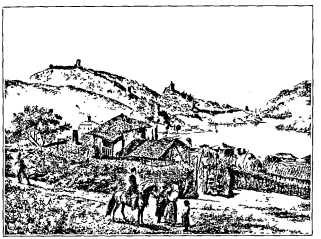
[2]) Морск. Сборн., 1896 г., кн. 3. „Старое и новое" В. Стеценко.

[3]) Арх. Морск. мин. Мнѣніе это въ своемъ мѣстѣ будетъ приведено въ полномъ объемѣ.

Балтійскаго флота вышло въ отставку и перешло въ другія вѣдомства 1062 офицера [1]).

Болѣзненность и смертность были такъ велики, что въ послѣдніе 15 лѣтъ (съ 1840 по 1854 годъ) среднимъ числомъ въ Балтійскомъ флотѣ было въ теченіе года:

больныхъ офицеровъ—2133, т.-е. 100% всего числа,
„ нижн. чин.—43.082, т.-е. 80% всего числа;
умерло офицеровъ — 39, т.-е. 19% всего числа больныхъ,
„ нижн. чин.—2340, т.-е. 18½% всего числа больныхъ [2]).



Видъ Балаклавы
(съ лит. Лемерсье, по рис. Раффе).

Черноморскій флотъ началъ вновь возвышаться съ 1816 года, когда во главѣ его сталъ адмиралъ Грейгъ.

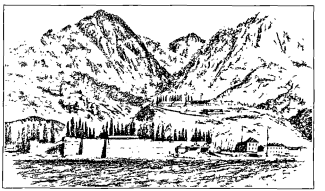
Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ въ продолженіе семнадцатилѣтней своей дѣятельности въ званіи главнаго командира Черноморскаго флота принесъ ему много пользы. Усиленное судостроеніе, начало постройки доковъ, заботы о развитіи образованія среди офицеровъ, обращеніе вниманія на практическое обученіе моряковъ въ морѣ—все это было дѣломъ рукъ адмирала Грейга [3]).

Однако, къ концу его управленія флотъ былъ далекъ отъ совершенства [4]). Наиболѣе страдалъ его офицерскій составъ. Современники упрекали Грейга въ излишнемъ пристрастіи къ грекамъ, которые вошли въ довѣріе къ главному командиру и положительно заполонили собой весь флотъ. Доходило до того, что въ каютъ-компаніяхъ русскій языкъ былъ рѣдкостью, и молодые люди, окончившіе курсъ морского корпуса, съ большой не-

[1]) Всеподд. отч. Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 23.
[2]) Рукописн. зап. адмирала Асланбекова.
[3]) Рукописн. зап. адмирала Асланбекова.
[4]) „Къ Исторіи Черноморскаго флота"—Афанасьева. Русск. Арх. за 1902 г.
[4]) Русск. Арх., 1894 г., кн. 2. „Изъ зап. Муравьева".

охотой шли въ Черное море [1]). Въ отношеніи обученія также требовалось достигнуть еще многаго.

Управленіе флотомъ Грейга представляло только легкій и небрежный абрисъ, къ которому для того, чтобы сдѣлаться картиной, необходимо было прикосновеніе другой, болѣе рѣшительной, кисти [2]). Къ счастію, начатое Грейгомъ дѣло попало въ руки человѣка, способнаго не только довершить работу своего предшественника, но и довести Черноморскій флотъ до того нравственнаго и матеріальнаго совершенства, до котораго могъ



Видъ Сухума (съ франц. грав. на деревѣ).

доходить парусный флотъ. Такимъ человѣкомъ былъ адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ.

Рѣдко кому изъ государственныхъ дѣятелей выпадала такая завидная доля признанія заслугъ современниками, ближайшимъ потомствомъ и исторіей, какая выпала адмиралу Лазареву. Сколько дѣятелей были чрезмѣрно возвеличены современниками и низвергнуты впослѣдствіи судомъ безпристрастной исторіи; заслуги скольких изъ нихъ, наоборотъ, замалчивались ближайшимъ потомствомъ, и только позднѣйшее поколѣніе отдавало имъ должное.

Лазаревъ составляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе. Значеніе и заслуги Михаила Петровича цѣнились друзьями и врагами во время его жизни. Всѣ мелкія людскія страсти не могли поколебать положенія его, жившаго по мѣсту своей службы вдали отъ Двора, въ глазахъ Государя, и Императоръ Николай Павловичъ предоставилъ ему широкій просторъ въ

[1]) Разсказы и записки многихъ современниковъ. Филипсонъ. Русск. Арх., 1883 г., кн. 6. Ильинскій. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1.

[2]) Русск. Арх., 1867 г. „Изъ зап. Севастопольца".

примѣненіи въ дѣло его талантовъ, какъ администратора, какъ моряка и какъ воспитателя. Насколько цѣнили его наши враги, можно судить изъ того факта, что въ Лондонѣ, когда туда пришло извѣстіе о смерти адмирала, англичане, не скрывая своего злораднаго чувства, поздравляли другъ друга со счастливымъ для нихъ событіемъ [1]).

Два года спустя послѣ его кончины, началась война, и имя Лазарева съ благоговѣніемъ повторялось его ближайшими сотрудниками и на волнахъ Синопскаго рейда и на бастіонахъ Севастопольскихъ. Не приписывали они себѣ всей славы побѣды и геройства безпримѣрной обороны, а относили все это къ заслугамъ своего незабвеннаго учителя.

„Ты пишешь, что вся Россія привѣтствуетъ меня съ Синоп„ской побѣдой", писалъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ своему двоюродному брату 19 марта 1854 года [2]); „я же долженъ со„знаться, что добрымъ состояніемъ духа нашихъ командъ, прекрасной „матеріальною частью флота Россія обязана покойному благодѣтелю „Черноморскаго флота адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву. „Мнѣ же остается благодарить Всевышняго, что Онъ даровалъ „мнѣ пожать плоды неусыпной заботливости и постоянныхъ трудовъ „бывшаго нашего начальника и друга."

И, наконецъ, теперь, когда наступило время для исторіи высказать свой правдивый приговоръ, въ капитальной статьѣ контръ-адмирала Афанасьева [3]) адмиралъ Лазаревъ предсталъ въ томъ же ореолѣ величія и славы, въ какомъ онъ казался современникамъ и ближайшему потомству.

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ прошелъ всестороннюю теоретическую и практическую школу морского дѣла. Въ званіи гардемарина, по окончаніи морского корпуса, онъ служилъ волонтеромъ въ англійскомъ флотѣ въ лучшія времена этого флота, во времена Нельсона, и участвовалъ съ нимъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ. Эта суровая пятилѣтняя школа развила въ немъ, кромѣ серіознаго знанія морского дѣла, строгое сознаніе обязанностей и рѣдкую любовь къ порядку. Въ дальнѣйшей своей службѣ Лазаревъ совершилъ три кругосвѣтныя плаванія, участвовалъ, командуя кораблемъ „Азовъ", въ Наваринскомъ бою, гдѣ своимъ искус-

---

[1]) Русск. Арх., 1887 г., кн. 5. „Адм. Унковскій"—В. К. Истомина.
[2]) Русск. Стар., 1901 г., кн. 5.
[3]) Русск. Арх., 1902 г., „Къ исторіи Черноморскаго флота"—Афанасьева.

ствомъ и мужествомъ обратилъ на себя особое вниманіе и, наконецъ, въ 1833 году былъ назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота. Тридцать лѣтъ службы на морѣ и участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ имѣли большое значеніе въ отношеніи подготовки Лазарева къ его дальнѣйшей дѣятельности.

Для него не существовало другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ моря; въ нихъ сосредоточивались его честолюбіе, помыслы, надежды, весь смыслъ его жизни.

Все вниманіе Лазарева было обращено на одновременное развитіе тѣла и духа Черноморскаго флота [1]).

Онъ обладалъ незамѣнимой въ руководителѣ массъ способностью отличать талантливыхъ молодыхъ офицеровъ, воспитывать ихъ и выдвигать, сообразно ихъ способностямъ. За столомъ адмирала всегда присутствовало по очереди нѣсколько молодыхъ офицеровъ. При такой обстановкѣ адмиралъ знакомился съ ними и своей увлекательной бесѣдой, а иногда и другими способами, дѣйствовалъ на гибкую душу молодежи и вырабатывалъ изъ нихъ отличныхъ служакъ и любящихъ свое дѣло моряковъ [2]).

Въ дѣлѣ воспитанія офицеровъ Лазаревъ не прибѣгалъ къ какой-нибудь шаблонной мѣрѣ, а соразмѣрялъ средства съ личными особенностями каждаго, но, впрочемъ, всегда старался дѣйствовать на нравственную сторону, старался разбудить въ офицерѣ тотъ священный огонекъ и любовь къ дѣлу, которые должны быть неотъемлемой принадлежностью каждаго, посвятившаго себя военной и въ особенности морской спеціальности. Для лицъ, не удовлетворявшихъ этимъ требованіямъ, Лазаревское направленіе было невыносимо; они сами по себѣ оставляли ряды флота, и поэтому ко времени Восточной войны корпусъ офицеровъ Черноморскаго флота былъ, дѣйствительно, образцовымъ.

Лазаревъ хорошо понималъ, что долгое держаніе офицеровъ на неотвѣтственныхъ должностяхъ притупляетъ ихъ энергію и любовь къ морю, а потому заботился объ увеличеніи числа судовъ малаго размѣра, чтобы дать бо́льшему количеству возможность самостоятельной и отвѣтственной работы [3]).

Характеръ всего обученія флота былъ чисто практическій, боевой; занятій безцѣльныхъ, притуплявшихъ умъ и сердце, не

---

[1]) Къ Исторіи Черноморскаго флота—Афанасьева. Русск. Арх. за 1902 г.
[2]) Разск. адмираловъ Перелешина, Асланбекова и др.
[3]) Восп. Г. И. Филипсона. Русск. Арх., 1883 г., кн. 6.

было; все было направлено къ тому, чтобы изъ каждаго сдѣлать опытнаго и безстрашнаго моряка.

Лазаревъ умѣлъ развить среди офицеровъ своего флота общественное мнѣніе въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Всѣ разговоры въ каютъ-компаніяхъ вертѣлись исключительно на морскомъ дѣлѣ; каждый офицеръ зналъ, что входъ его на рейдъ или уходъ въ море, а также практика въ самой бухтѣ, обсуждались и критиковались не только адмиралами, капитанами и всѣмъ обществомъ офицеровъ, но также и всѣми жителями Севастополя, всей его интеллигенціей, не исключая и дамскаго общества. Графская пристань въ Севастополѣ всегда, а въ особенности ко времени прихода и ухода эскадръ и шлюпочнаго катанья, была полна народомъ. Всѣ слѣдили напряженнымъ и опытнымъ глазомъ за движеніемъ каждаго судна, и горе было тому офицеру, который не выказывалъ привычной для черноморца ловкости [1]).

Перевозъ баши-бузуковъ.

Особенность морского ремесла и полная зависимость успѣха дѣйствій паруснаго флота отъ точности, аккуратности, быстроты и умѣнья экипажа судна заставили адмирала Лазарева обратить также особое вниманіе на обученіе технической сторонѣ дѣла. Во всѣхъ построеніяхъ и судовыхъ ученіяхъ требовались точность, тишина и скорость безъ торопливости. Аккуратность на судахъ была доведена до крайняго предѣла [2]). Несправедливо было бы видѣть во всемъ этомъ мелочность, излишество. Лазаревъ отлично понималъ, что въ судовой обстановкѣ морского плаванія и боя нѣтъ мелочей, и что только такой точностью и педантичностью можно добиться механической и сноровистой работы въ какихъ бы то ни было критическихъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Къ Исторіи Черноморскаго флота—Афанасьева. Русск. Арх. за 1902 г. Д. В. Ильинскій. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1.

[2]) Къ Исторіи Черном. флота—Афанасьева. Русск. Арх. за 1902 г.

Въ этомъ отношеніи адмиралъ былъ неумолимо строгъ, но строгость эта не была безцѣльна и не уменьшала къ нему любви и уваженія всѣхъ его подчиненныхъ [1]). И въ морской мелочной техникѣ Михаилъ Петровичъ сумѣлъ вызвать во всѣхъ соревнованіе, желаніе отличиться другъ передъ другомъ [2]): она не влекла за собой того гнета, который давитъ все живое.

Въ то время, какъ князь Паскевичъ за двадцатитрехлѣтній срокъ своего фельдмаршальства не подготовилъ для Россіи и не оставилъ въ наслѣдство арміи ни одного выдающагося генерала, способнаго стать во главѣ ея, адмиралъ Лазаревъ за свое семнадцатилѣтнее управленіе Черноморскимъ флотомъ подготовилъ цѣлую массу лицъ, способныхъ съ достоинствомъ продолжать его работу и съ пользой служить родному дѣлу. Среди нихъ особую славу заслужили адмиралы Нахимовъ и Корниловъ.

Въ выработкѣ изъ этихъ двухъ замѣчательныхъ лицъ, знаменитыхъ впослѣдствіи адмираловъ, играли большую роль умѣнье Михаила Петровича распознать людей, отсутствіе въ немъ мелкаго самолюбія, мѣшающаго дать ходъ талантливымъ помощникамъ, и неустанная работа въ распространеніи среди нихъ всего того, чѣмъ богато одарила его самого талантливая натура и обширный опытъ.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ 19-ти лѣтнимъ мичманомъ поступилъ на фрегатъ „Крейсеръ“, отправлявшійся, подъ командою Лазарева, въ кругосвѣтное плаваніе. Эта случайная встрѣча имѣла вліяніе на всю послѣдующую жизнь и службу Нахимова, который сдѣлался самымъ преданнымъ почитателемъ своего перваго руководителя на морскомъ поприщѣ [3]).

Нахимовъ обладалъ рѣдкой способностью отличать всѣ тонкости наклонностей своихъ подчиненныхъ, снисходить къ ихъ слабостямъ, заглядывать въ ихъ душу, взвѣшивать ихъ побужденія [4]). Этотъ неоцѣненный даръ сдѣлалъ его чрезвычайно вліятельнымъ на сослуживцевъ. Благодаря своему умѣнію и любви говорить съ матросами и своей способности подмѣчать оттѣнки каждаго изъ нихъ, Нахимовъ сдѣлался знатокомъ человѣческаго достоинства, умѣлъ дѣйствовать на слабую сторону своихъ подчиненныхъ, говорить съ ними по душѣ, трогать и направлять

---

[1]) Восп. Г. И. Филипсона. Русск. Арх., 1883 г., кн. 6.
[2]) Къ Исторіи Черноморскаго флота—Афанасьева. Русск. Арх. за 1902 г.
[3]) Восп. Севастопольця. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1.
[4]) Русск. Арх. за 1902 г. „Къ Исторіи Черноморскаго флота“.

ихъ своимъ логичнымъ словомъ. Такой способъ сближенія съ подчиненными не уменьшалъ его видимой требовательности въ служебномъ отношеніи и внушалъ къ нему одинаковыя чувства любви и уваженія со стороны всѣхъ его подчиненныхъ.

Отличительная черта характера Нахимова и его служебныхъ воззрѣній состояла именно въ томъ, что онъ въ каждомъ матросѣ видѣлъ прежде всего человѣка, а не машину; онъ старался, какъ и адмиралъ Лазаревъ, взятый имъ во всемъ за образецъ, развить прежде всего духовную силу человѣка [1]).

Нахимовъ хорошо сознавалъ, что одна техническая сторона дѣла, хотя бы доведенная до тонкости, не поддержитъ чести флага въ тѣ критическія минуты, которыя требуютъ полнаго подчиненія чувствъ человѣка высшимъ чувствамъ защитника чести и славы своей родины и флота [2]).

Нахимовъ считался лучшимъ морякомъ обоихъ нашихъ флотовъ. Только одной этой чести онъ и добивался, а на все остальное смотрѣлъ съ равнодушіемъ философа [3]).

Такой характеръ и система Павла Степановича дали ему ту нравственную силу, которая двигала обожавшихъ его матросовъ на подвиги неимовѣрные. Сказочная оборона Севастополя перестанетъ быть легендарной, если принять во вниманіе, кто стоялъ во главѣ защитниковъ города, кто воспиталъ ихъ, сумѣвъ воз-

---

[1]) Фрегатъ „Бальчикъ". Морск. Сборн. за 1856 г.

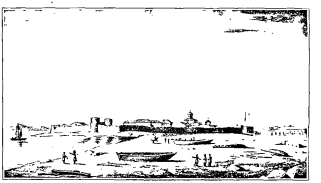
[2]) Мы подтвердимъ нашу характеристику нѣсколькими монологами самого Нахимова, взятыми изъ разсказа „Фрегатъ Бальчикъ", посвященнаго его памяти.

„Мало того, что служба представится намъ въ другомъ видѣ", говорилъ онъ, „да сами-„то мы совсѣмъ другое значеніе получимъ на службѣ, когда будемъ знать, какъ на кого „нужно дѣйствовать. Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всѣми и, въ видахъ „поощренія, бичевать всѣхъ безъ различія словами и линьками. Подобное однообразіе въ „дѣйствіяхъ начальника показываетъ, что у него нѣтъ ничего общаго со всѣми подчиненными, „и что онъ совершенно не понимаетъ своихъ соотечественниковъ.... (Пора намъ перестать „считать себя помѣщиками, а матросовъ крѣпостными людьми. Матросъ есть главный двигатель „на военномъ кораблѣ, а мы только пружины, которыя на него дѣйствуютъ.) Все сдѣлаетъ „матросъ, если мы, *начальники*, не будемъ *эгоистами*, если не будемъ смотрѣть *на службу*, „какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени „для собственнаго возвышенія. Вотъ кого намъ нужно возвышать, учить, возбуждать въ нихъ „смѣлость, геройство, если мы не себялюбцы, а дѣйствительные слуги отечества. Вы помните „Трафалгарское сраженіе? Какой тамъ былъ маневръ, вздоръ-съ! Весь маневръ Нельсона „заключался въ томъ, что онъ зналъ слабость непріятеля и свою силу и не терялъ времени, „вступая въ бой. Слава Нельсона заключается въ томъ, что онъ постигъ духъ народной гордости „своихъ подчиненныхъ и однимъ простымъ сигналомъ возбудилъ запальчивый энтузіазмъ въ „простолюдинахъ, которые были воспитаны имъ и его предшественниками. Вотъ это воспитаніе „и составляетъ основную задачу нашей жизни. Вотъ чему я посвятилъ себя, для чего тружусь „неусыпно и видимо достигаю своей цѣли: матросы любятъ и понимаютъ меня, и я этой „привязанностью дорожу больше, чѣмъ отзывами какихъ-нибудь чванныхъ дворянчиковъ-съ".

[3]) Д. В. *Ильинскій*. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1. *Филипсонъ*. Русск. Арх., 1883 г., кн. 6.

будить въ нихъ тѣ возвышенныя чувства массъ, которыя двигаютъ міромъ и не поддаются матеріальному подсчету холоднаго разсудка.

Совсѣмъ съ инымъ оттѣнкомъ характера былъ другой помощникъ Лазарева, Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ. Человѣкъ блестящихъ способностей, образованный [1]), честолюбивый, энергичный, Корниловъ въ молодости своей стоялъ на распутьи между свѣтской жизнью столицы и служебной карьерой. Счастливый случай столкнулъ его въ минуту этого перелома съ Михаиломъ Петровичемъ Лазаревымъ, и съ тѣхъ поръ имена ихъ обоихъ



Керченская крѣпость (съ лит., по рис. П. Мариньи).

стали неразрывны. Корниловъ не только былъ обязанъ Лазареву своимъ перерожденіемъ, но и своимъ воспитаніемъ, морскимъ образованіемъ и движеніемъ по службѣ. Лазаревъ намѣтилъ въ Корниловѣ преемника своей дѣятельности и приложилъ всю силу своего таланта и ума, чтобы подготовить достойнаго по себѣ намѣстника [2]).

Изъ Владиміра Алексѣевича образовался отличный администраторъ, превосходный морякъ и человѣкъ, умѣвшій повелѣвать и вліять на массы. Но вліяніе это было основано на нѣсколько иныхъ началахъ, чѣмъ у Павла Степановича Нахимова. Его воздѣйствіе не исходило изъ глубины его сердца, а было слѣдствіемъ выработанной системы, непоколебимой энергіи и природнаго таланта повелѣвать.

Владиміръ Алексѣевичъ не легко подчинялъ свои убѣжденія волѣ и власти другого человѣка, который не раздѣлялъ съ нимъ

---

[1]) Восп. Г. И. Филипсона. Русск. Арх., 1883 г., кн. 6.

[2]) Письмо Лазарева къ кн. Меншикову 11 ноября 1848 г. Русск. Арх., 1883 г., кн. 2.

его мнѣній и воззрѣній, и въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ Лазарева и Нахимова [1]).

Корниловъ обладалъ умѣніемъ употреблять съ пользой. способности и самолюбіе подчиненныхъ; каждый офицеръ имѣлъ у него на кораблѣ свое мѣсто и свою обязанность, съ личной отвѣтственностью. Въ обученіи матросовъ онъ требовалъ аккуратности и скорости во всѣхъ работахъ. Тишина и порядокъ на кораблѣ были примѣрные [2]). При артиллерійскомъ ученіи все производилось методически, какъ-то: умѣніе и быстрота заряжанія, вѣрность прицѣливанія, скорость подачи зарядовъ, удобство всѣхъ приспособленій въ бою.

Вся система обученія у Корнилова была совершенно иная. Онъ ни въ чемъ не хотѣлъ отстать отъ Нахимова, но достигалъ этого равенства усиленнымъ и очень часто чрезмѣрнымъ утомленіемъ людей, заставляя ихъ чуть ли не десятки разъ продѣлывать какое-нибудь трудное упражненіе [3]).

Въ служебныхъ отношеніяхъ съ офицерами Корниловъ отличался необыкновенной требовательностью. Отъ его зоркаго взгляда не ускользалъ малѣйшій промахъ, который всегда ставился виновнику на видъ словесно или письменно и иногда въ довольно жесткой формѣ [4]).

„Контръ-адмираловъ у насъ много“, говорилъ Лазаревъ о Корниловѣ [5]), „но не легко избрать такого, который соединялъ бы въ себѣ и познанія морского дѣла и просвѣщеніе „настоящаго времени, и которому безъ опасенія можно было бы „въ критическихъ обстоятельствахъ довѣрить и честь флага и „честь націи“.

Въ рукахъ Лазарева, Корнилова и Нахимова, людей, отмѣченныхъ особыми талантами, любовью къ своему дѣлу, посвятив-

---

[1]) Русск. Арх., 1893 г., кн. 1. „Изъ восп. и замѣт. Севастопольца“.

[2]) Матеріалы для исторіи обороны Севастополя — А. П. Жандра. Д. В. Ильинскій. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1.

[3]) Русск. Арх. за 1902 г. Къ Исторіи Черноморскаго флота — Афанасьева.

[4]) „Такое управленіе шлюпкою“, писалъ онъ 8 марта 1854 года, „доказываетъ совершенное отсутствіе морскихъ познаній и случается на судахъ, на коихъ командиры не наблюдаютъ за подчиненными и не дѣлаютъ имъ надлежащихъ наставленій... На многихъ гребныхъ судахъ офицеры сидѣли закутанными въ шубы, вѣроятно, полагая, что, бывъ назначены въ партіи для береговыхъ дѣйствій, управленіе шлюпкою до нихъ не касалось. Прошу командировъ посылать офицеровъ съ такими жалкими понятіями о службѣ на шлюпкахъ не иначе, какъ для черныхъ работъ, гдѣ ихъ взглядъ на свои обязанности вреда дѣлу причинить не можетъ, и т. д“. Черном. центр. военн. морск. арх. въ Николаевѣ. Кн. опис. 15, оп. 66, д. № 6, св. 1.

[5]) Русскій Арх., 1883 г., кн. 2. Письмо М. П. Лазарева кн. Меншикову отъ 11 ноября 1848 г.

шихъ ему всѣ свои физическія и моральныя силы, наконецъ, людей, выработавшихъ строгую программу своей дѣятельности, находилось воспитаніе и обученіе Черноморскаго флота. Эти дѣятели, при помощи цѣлой массы подготовленныхъ ими въ долгіе годы совмѣстной службы достойныхъ помощниковъ, дружной семьей работами надъ усовершенствованіемъ роднаго имъ Черноморскаго флота и достигли въ этомъ отношеніи совершенства.

Полк. гори. Сьвскаго пѣхотн. полка (Интенд. Музей).

Выше было уже выяснено то блестящее состояніе, въ которомъ находилась матеріальная часть флота. Въ такомъ же состояніи, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, находилось и его обученіе, воспитаніе и внутренній бытъ [1]).

Обученіе было направлено исключительно въ сторону боевыхъ требованій безъ какихъ-либо увлеченій мирнаго времени [2]); въ воспитаніи старались развить въ офицерахъ и матросахъ чувство человѣческаго достоинства [3]), сознательное исполненіе долга, необходимую самостоятельность, отнюдь не попуская строгой дисциплины того времени; въ бытовой сторонѣ господствовала забота о хорошемъ содержаніи и пищѣ матроса [4]), о своевременномъ удовлетвореніи его всѣмъ полагающимся отъ казны содержаніемъ, объ умственномъ развитіи офицеровъ [5]) и общественной ихъ жизни [6]).

---

[1]) Русск. Арх., 1890 г., т. I. „Восп. Г. Д. Щербачева" и друг.

[2]) Письмо Крылова П. С. Лутковскому 16 іюля 1853 г. Севаст. музей.

[3]) Всеподд. зап. Гр. А. Ф. Орлова 16 мая 1854 г. Собств. Его Величества библ., шк. 115, пар. 14.

[4]) Л. Ухтомскій. Морск. Сборн., 1864 г., кн. 6.

[5]) Изъ восп. Д. В. Ильинскаго. Русск. Арх., 1893 г., кн. 1.

[6]) Тотчасъ послѣ Крымской войны военному министру была подана записка, въ которой между прочимъ описывалось дурное состояніе нашей арміи. Авторъ коснулся также и состоянія Черноморскаго флота, который рѣзко отличался по своему составу отъ остальныхъ частей нашихъ вооруженныхъ силъ. Эта характеристика Лазаревскаго флота, особенно интересна тѣмъ, что она составлена не моряком, а потому не можетъ быть заподозрѣна въ пристрастности.

„Адмиралъ Лазаревъ и послѣдователи его, Корниловъ и Нахимовъ", писалъ авторъ, „умѣли же развить въ офицерахъ Черноморскаго флота то высокое чувство собственнаго „достоинства, привязанности къ своему ремеслу и обязанности честнаго офицера, помощью „которыхъ этотъ бѣдный флотъ шелъ исполинскими шагами къ усовершенствованію, которому „мы обязаны громкимъ подвигомъ одиннадцатимѣсячной обороны Севастополя. Нельзя сказать,

„Jamais cette flotte n'a été aussi forte et aussi belle“, писалъ не щедрый на похвалы князь Меншиковъ графу А. Ф. Орлову [1]).

„Севастополь держится“, писалъ онъ же князю Горчакову [2]), „благодаря геройскому мужеству морскихъ экипажей, „которые служатъ при пушкахъ и весело подвергаютъ себя „смерти: это для нихъ праздникъ!“

Въ этомъ отличіи воспитанія и обученія Черноморскаго флота былъ залогъ славы Черноморцевъ, которую они стяжали на Севастопольскихъ окопахъ, и которая имъ принадлежитъ навѣки.

Дѣти одной и той же русской семьи, они ничѣмъ не отличались по своимъ внутреннимъ качествамъ отъ остального состава нашихъ вооруженныхъ силъ, но были иначе ведены, иначе воспитаны, и плодотворные результаты работы руководителей этого флота говорятъ сами за себя.

„чтобы въ этомъ флотѣ служили люди, отборные по своему образованію, по своимъ познаніямъ, „нѣтъ, вы тамъ встрѣтите офицеровъ съ очень обыкновенными способностями; командировъ „даже мало спеціальныхъ. Морской кадетскій корпусъ не можетъ считаться отличнѣйшимъ „учебнымъ заведеніемъ, какъ, напримѣръ, наше артиллерійское училище; корпусъ этотъ „посылалъ въ Черноморію не лучшихъ своихъ воспитанниковъ. Но каждый офицеръ, тамъ „служившій, былъ человѣкъ энергичный, любящій свое дѣло, гордившійся своимъ званіемъ, „уважавшій своихъ начальниковъ, которыхъ онъ, пожалуй, и не любилъ за строгость и „взыскательность ихъ. Постоянная возможность общественной жизни въ Севастополѣ и Николаевѣ поддерживала въ молодежи свѣтское образованіе; богатая библіотека доставляла каждому „возможность читать и учиться. Это была огромная семья, которая весело жила въ кругу „своихъ постоянныхъ занятій, непрестанныхъ полезныхъ трудовъ.

„Мишуры въ ученьи и работѣ не было. Все постоянно клонилось къ дѣлу; всякій „созерцалъ и понималъ цѣль своей службы, домогался успѣха, умѣлъ различить способности „отъ недостатковъ. Матросъ, любимое дѣтище своего, хотя строгаго, командира, трудился день „и ночь, жилъ въ достаткѣ и, сознавая свое превосходство, гордо взиралъ на всякаго, кто „не имѣлъ чести принадлежать къ Черноморскому флоту.

„Вотъ что утвердило во мнѣ мнѣніе, что черноморцы составляютъ типъ русскаго „войска, типъ, созданный М. П. Лазаревымъ, для возобновленія котораго нѣтъ иного средства, „какъ подражаніе достойному адмиралу, имя котораго озарено неувядаемою славою“. Арх. Воени. Уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. 520.

[1]) Собств. Его Величества библ., Рукоп. отд. Императора Николая I, письмо отъ 18 іюня 1853 г.

[2]) Русск. Стар., 1875 г., кн. 2, письмо отъ 15 октября 1854 г.

Глава XIV.

Въ Восточной войнѣ 1853—1856 годовъ намъ пришлось дѣйствовать противъ армій четырехъ государствъ: Франціи, Англіи, Турціи и Сардиніи. Сдѣлаемъ поэтому краткій очеркъ состоянія вооруженныхъ силъ этихъ странъ ко времени начала войны.

I.

Центръ тяжести боевой силы французской арміи заключался въ полевыхъ войскахъ; на резервныя и запасныя части было обращено очень мало вниманія. Это давало возможность сразу выставить однообразную, сильную и хорошо обученную армію, но зато вслѣдъ за ней въ государствѣ уже не оставалось правильно организованныхъ силъ.

Французская *пѣхота* [1]) подраздѣлялась на линейную и легкую и состояла изъ полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ различнаго наименованія. Всего въ ней числилось 106 полковъ (75 линейныхъ, 25 легкой пѣхоты, 3 полка зуавовъ, 2 иностраннаго легіона и 1 алжирскихъ стрѣлковъ) и 26 отдѣльныхъ баталіоновъ (20 егерскихъ, 3 легкой африканской пѣхоты и 3 баталіона туземныхъ войскъ).

Полки линейной и легкой пѣхоты въ мирное время состояли изъ 3-хъ баталіоновъ восьмиротнаго состава каждый, которые въ военное время переформировывались въ четырехбаталіонный

[1]) Organisation générale de l'armée depuis la Révolution jusqu'à nos jours. Paris. Impr. nationale. 1902.

составъ и, кромѣ того, изъ нихъ выдѣляли небольшія части, оставшіяся на мѣстѣ для подготовки призываемыхъ подъ знамена запасныхъ и рекрутъ. Егерскіе баталіоны состояли каждый изъ 10 ротъ, включая въ это число по 2 роты, предназначенныя для службы въ Алжирѣ.

Французскій гренадеръ (съ акварели А. Марселли).

Полки зуавовъ состояли изъ 3-хъ баталіоновъ девятиротнаго состава каждый, а баталіоны африканской пѣхоты были десятиротнаго состава. Полки иностраннаго легіона имѣли по 3 баталіона восьмиротнаго состава; такого же состава были и туземные баталіоны [1]). Роты вообще имѣли незначительный составъ: 99 рядовыхъ при 14 унтеръ-офицерахъ и 3 офицерахъ.

Численность всей пѣхоты доходила до 330.000 человѣкъ.

Французская *кавалерія* подраздѣлялась на: 1) резервную или тяжелую (2 полка карабинеръ и 10 полковъ кирасиръ); 2) линейную (12 драгунскихъ и 8 уланскихъ полковъ); 3) легкую (12 полковъ шассеровъ и 9 гусарскихъ полковъ), и 4) на предназначавшуюся исключительно для службы въ Африкѣ (4 полка африканскихъ шассеровъ и 3 полка спаговъ).

Тяжелая кавалерія назначалась для производства сильныхъ ударовъ, и въ нее выбирались самые крупные люди и лошади; карабинеры отличались отъ кирасиръ лишь формой одежды.

Полки тяжелой кавалеріи состояли изъ 6 эскадроновъ и 1 депо каждый. Сила эскадрона—около 170 сабель, включая сюда 27 унтеръ-офицеровъ, 6 офицеровъ и 4 трубача.

Всего этого рода кавалеріи было до 15.000 сабель.

---

[1]) Французскій гвардейскій корпусъ былъ сформированъ лишь въ 1854 году по образцу старой гвардіи первой Имперіи.

Линейная конница составляла какъ бы переходъ отъ тяжелой къ легкой. Она также имѣла по 6 эскадроновъ въ полку. Численный составъ эскадрона нѣсколько превосходилъ только что описанный и состоялъ изъ 7-8 офицеровъ, 28 унтеръ-офицеровъ, 4 трубачей и 148 рядовыхъ, всего 183 сабли. Въ общей сложности линейная кавалерія насчитывала до 22.000 всадниковъ. Несмотря на заботливое отношеніе Наполеона III къ этой части конницы, ему не удалось поставить ее на должную высоту, и въ ней часто встрѣчались лошади, мало пригодныя для службы въ полѣ.

Третью разновидность кавалеріи составляли легкіе полки—шассеры и гусары, которые преимущественно предназначались для дѣйствій во флангъ и для производства разсыпныхъ атакъ. Каждый полкъ легкой кавалеріи также состоялъ изъ 6 эскадроновъ и 1 депо; сила эскадрона—8 офицеровъ, 27 унтеръ-офицеровъ, 4 трубача и 159 рядовыхъ, всего 193 сабли. Этого рода кавалеріи насчитывалось до 24.000 сабель.

Четвертая группа конницы исключительно назначалась для службы въ Алжирѣ. Во время африканскихъ экспедицій выяснилось, что французская кавалерія была безсильна противъ выносливой легкой туземной конницы, что и вызвало необходимость обратить особое вниманіе на конныя части, назначавшіяся для службы въ Африкѣ. Въ эти полки посылались охотники изъ самыхъ ловкихъ всадниковъ французской кавалеріи и иностраннаго легіона, а лошади пріобрѣтались мѣстныхъ породъ. Африканскіе шассеры и спаги также имѣли по 6 эскадроновъ въ полку, но полки спаговъ превосходили шассеровъ величиною эскадроновъ: въ 3 полкахъ первыхъ считалось около 3600 сабель, тогда какъ въ 4 полкахъ шассеровъ было только 3240 человѣкъ.

Всего французская кавалерія считала въ своихъ рядахъ около 68.000 сабель и относилась къ пѣхотѣ, какъ 1 къ 5.

Французская армія гордилась своей *артиллеріей,* которой молодой императоръ, самъ артиллеристъ, удѣлялъ особое вниманіе.

Она состояла изъ 7 полковъ линейной артиллеріи, 4—конной и 5 полковъ пѣшей артиллеріи для обслуживанія позиціонныхъ орудій.

Каждый полкъ линейной артиллеріи состоялъ изъ 15 ѣздящихъ батарей и 1 депо для обученія рекрутъ; полкъ конной артиллеріи—изъ 8 батарей и 1 депо и пѣшей артиллеріи изъ 12 батарей. Всего такимъ образомъ было 197 батарей. Батареи состояли изъ 6 орудій каждая (12-ти или 8-ми фунтовыхъ и длинныхъ гаубицъ), кромѣ батарей пѣшей артиллеріи, имѣвшихъ

сверхъ того по 6 орудій въ резервномъ паркѣ. Къ артиллеріи причислялись: понтонный полкъ изъ 12 ротъ и 12 ротъ мастеровыхъ. Общій составъ артиллеріи достигалъ 1182 орудій.

Этотъ родъ оружія комплектовался на выборъ лучшими людьми; конскій составъ былъ хуже, чѣмъ въ кавалеріи, почему французская артиллерія и не отличалась особой подвижностью.

Инженерныя войска состояли изъ 3 инженерныхъ полковъ, подраздѣлявшихся каждый на 2 баталіона, состоявшихъ изъ 9 полевыхъ ротъ и 1 депо.

Рота состояла частью изъ саперъ, частью изъ минеровъ и была численностью въ 152 человѣка, въ томъ числѣ 4 офицера и 22 унтеръ-офицера. Къ инженернымъ же войскамъ относились обозная рота и двѣ роты рабочихъ, по 400 человѣкъ.

Кромѣ перечисленныхъ войскъ, во французской арміи имѣлись войска для устройства тыла, 6 ротъ санитаръ и многочисленный корпусъ жандармовъ въ составѣ около 24.000 человѣкъ.

Численность всей французской арміи въ случаѣ войны доходила до 500—550.000 человѣкъ при 1182 полевыхъ орудіяхъ.

Высшимъ соединеніемъ войскъ въ мирное время служили дивизіи; въ корпуса войска соединялись только на время войны, и соединеніе это носило случайный характеръ. Корпусъ обыкновенно состоялъ изъ 2-3 дивизій пѣхоты съ ихъ артиллеріей и 1 дивизіи или бригады кавалеріи.

Франція, сдѣлавшая во время республики и первой Имперіи первый шагъ ко всеобщей воинской повинности, отказалась отъ нея послѣ паденія Наполеона. Но примѣръ Пруссіи, которая съ замѣчательной настойчивостью проводила въ жизнь военные принципы своего геніальнаго врага, вскорѣ заставилъ французское правительство вновь перейти ко всеобщей воинской повинности, которая вплоть до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія примѣнялась скорѣе по буквѣ, чѣмъ по духу. Нужно было сильное потрясеніе всего организма, въ родѣ неудачной войны 1870-1871 годовъ, чтобы побѣдить природную нелюбовь французовъ къ поголовной службѣ подъ знаменами и дать всеобщей повинности широкое и полное примѣненіе.

Въ 1853 году во Франціи дѣйствовалъ еще законъ Журдана 1832 года [1]). Согласно этому закону, французская армія

[1]) Historique des diverses lois sur le recrutement depuis la Révolution jusqu'à nos jours. Paris. Impr. nationale. 1902. Loi du 21 mars 1832 sur le recrutement de l'armée.

комплектовалась только природными французами и пополняла свои ряды двумя способами: призывомъ подъ знамена всѣхъ молодыхъ гражданъ, которые къ 1 Января минувшаго года достигли 20-ти лѣтняго возраста, и пріемомъ на службу волонтеровъ.

Ежегодный контингентъ призывныхъ опредѣлялся законодательнымъ порядкомъ и доходилъ примѣрно до 80.000 человѣкъ въ годъ. Разверстка контингента по департаментамъ опредѣлялась Императорскимъ декретомъ, пропорціонально числу призывныхъ. Призывъ исполнялся особымъ органомъ изъ пяти членовъ и одного врача (ревизіоннымъ совѣтомъ), подобнымъ нынѣшнимъ нашимъ губернскимъ и уѣзднымъ по воинской повинности присутствіямъ; кому изъ призванныхъ итти подъ знамена опредѣлялось старшинствомъ вынутаго жребія. Принятые молодые люди тотчасъ же передавались въ рекрутское или резервное депо.

Французскія и англійскія войска (съ франц. грав. на деревѣ).

Однако, описанный выше общій порядокъ совершенно искажался массой льготъ и изъятій отъ военной службы, которая отнимала отъ французской системы всѣ преимущества всеобщей воинской повинности.

Наибольшій вредъ составу арміи принесла одна особенность устава, заключавшаяся въ правѣ замѣстительства лица, вынувшаго жребій для службы подъ знаменами, другимъ лицомъ, по обоюдному между ними соглашенію. Вредъ состоялъ въ томъ, что, благодаря системѣ замѣстительства, армія въ значительной мѣрѣ комплектовалась старослужащими, которые, отслуживъ свои сроки, охотно оставались на службѣ за другихъ, получая за это значительное денежное вознагражденіе. Однако, это имѣло и свою положительную сторону, такъ какъ давало арміи отличный составъ сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ.

Молодые люди, не попавшіе подъ знамена, но годные для военной службы, зачислялись въ резервъ, во время нахожденія

въ которомъ они оставались совершенно не обученными и ни разу не собирались въ учебные сборы [1]).

Срокъ службы въ войскахъ былъ опредѣленъ въ 7 лѣтъ для всѣхъ родовъ войскъ одинаково. При опредѣленіи срока службы руководствовались не тѣмъ наименьшимъ временемъ, которое было необходимо для обученія, а временемъ потребнымъ, чтобы изъ рекрута сдѣлать хорошаго солдата. Послѣ семилѣтней выслуги нижніе чины совершенно увольнялись отъ военной службы и только желающіе могли, при извѣстныхъ условіяхъ, остаться на сверхсрочной службѣ на 2, 3, 4 или 5 лѣтъ.

Второй способъ комплектованія арміи, а именно пріемомъ волонтеровъ, мало отличался отъ перваго и состоялъ въ томъ, что молодые люди отъ 17 до 30-ти лѣтняго возраста добровольно изъявляли желаніе служить подъ знаменами не менѣе 7 лѣтъ; въ военное время этотъ обязательный срокъ сокращался до двухъ лѣтъ.

На пополненіе арміи хорошими *унтеръ-офицерами* [2]) во Франціи было обращено особое вниманіе; ихъ выбирали съ большой осмотрительностью изъ наиболѣе способныхъ солдатъ, отличившихся личными качествами и основательнымъ знаніемъ службы. Отличнымъ для этого матеріаломъ были нижніе чины изъ замѣстителей, которые и занимали большинство унтеръ-офицерскихъ вакансій; меньшую часть составляли молодые люди общаго срока службы, изъ которыхъ унтеръ-офицерскаго званія чаще всего достигали волонтеры, послѣ соотвѣтствующаго испытанія.

Для подготовки унтеръ-офицеровъ во всѣхъ полкахъ существовала цѣлая система школъ. Главными изъ нихъ были: 1) школа первой степени для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ и 2) школа второй степени, гдѣ проходились: грамматика, ротное и эскадронное дѣлопроизводство, географія, военная исторія Франціи, элементарная геометрія, начала полевой фортификаціи и съемки плановъ. Въ этихъ школахъ обучались всѣ нижніе чины, за исключеніемъ получившихъ высшее образованіе или оказавшихся неспособными. Кромѣ того, существовали школы стрѣльбы, фехтованія, гимнастики и плаванія.

---

[1]) Указанный выше способъ комплектованія арміи не позволялъ имѣть среди населенія, на случай военнаго времени, значительнаго запаса обученныхъ нижнихъ чиновъ.

[2]) Résumé des modifications successives apportées aux règles de l'avancement dans l'armée. Paris. Impr. nationale. Mars, 1880.

Офицерскій составъ французской арміи пополнялся двоякимъ путемъ:

1) изъ воспитанниковъ военныхъ школъ и 2) изъ унтеръ-офицеровъ арміи.

Послѣдняя категорія состояла, какъ изъ выслужившихся нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу по призыву, такъ и изъ волонтеровъ, большею частью образованныхъ молодыхъ людей.

Такимъ образомъ корпусъ офицеровъ французской арміи состоялъ изъ двухъ рѣзко отличавшихся группъ: первая—воспитанники военныхъ школъ, къ которымъ присоединялись болѣе образованные волонтеры, произведенные въ офицеры послѣ 2-4 лѣтъ службы въ войскахъ въ званіи нижнихъ чиновъ, и вторая—офицеры, вышедшіе изъ общей массы унтеръ-офицеровъ [1]). По своему образованію они мало отличались отъ прочихъ унтеръ-офицеровъ; отсутствіе воспитанія и грубые инстинкты ихъ проявлялись въ томъ, что они смотрѣли на службу исключительно, какъ на средство пріобрѣтенія матеріальныхъ выгодъ. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, такіе офицеры представляли въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ очень удобный для арміи матеріалъ; они основательно знали службу, относились къ ней добросовѣстно и съ точностью исполняли всѣ ея требованія; вмѣстѣ съ тѣмъ они хорошо знали быть солдата и являлись для нихъ отличнымъ примѣромъ.

Для подготовки офицеровъ первой группы существовала обширная система военно-учебныхъ заведеній:

1) Императорская Политехническая школа съ двухгодичнымъ курсомъ, которая, впрочемъ, предназначалась не только для подготовки офицеровъ.

2) Сенъ-Сирская спеціальная военная школа съ курсомъ въ 2-3 года; изъ нея выходили офицеры въ пѣхоту, кавалерію и во флотъ.

3) Императорскій военный Пританей съ семилѣтнимъ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній; онъ служилъ подготовительной школой для первыхъ двухъ заведеній.

4) Императорская кавалерійская школа съ двухгодичнымъ курсомъ, для усовершенствованія въ своей спеціальности офицеровъ и нижнихъ чиновъ кавалеріи.

---

[1]) Ихъ, какъ бы въ насмѣшку, нижніе чины и офицеры первой категоріи часто называли „troupier“.

Французскій гвард. стрѣлокъ (съ аквар. А. Марселли).

5) Императорская образовательная школа для артиллеристовъ и инженеровъ съ 2-3-хъ годичнымъ курсомъ.

6) Императорская военно-медицинская и фармацевтическая школа.

7) Нормальная стрѣлковая школа.

8) Нормальная гимнастическая школа.

9) Императорская школа для подготовки офицеровъ Генеральнаго штаба съ двухгодичнымъ курсомъ.

Въ зависимости отъ двойственнаго, сильно различавшагося по своей подготовкѣ состава офицеровъ во французской арміи существовала двоякая система повышенія въ офицерскихъ чинахъ: по старшинству и по избранію.

Производство по избранію, начиная съ самыхъ малыхъ чиновъ, практиковалось въ широкихъ размѣрахъ и касалось почти исключительно офицеровъ, выпущенныхъ изъ военно-учебныхъ заведеній. Они занимали въ войскахъ всѣ высшія должности, начиная съ баталіонныхъ командировъ, и представляли собою молодыхъ, энергичныхъ и отлично подготовленныхъ руководителей войскъ.

Ко времени Крымской войны большинство изъ нихъ прошло, кромѣ того, боевую школу въ Алжирѣ.

Высшія командныя должности въ арміи преимущественно доставались лицамъ, прошедшимъ строевую карьеру, и лишь часть изъ нихъ предоставлялась офицерамъ Генеральнаго штаба. Это придавало извѣстный оттѣнокъ большей части руководителей французской арміи. Обладая хорошимъ общимъ, но очень рѣдко высшимъ военнымъ образованіемъ, они въ дѣлѣ веденія и маневрированія войскъ были мало свѣдущи и нуждались въ руководствѣ свыше; но зато обладали ловкостью, отлично знали службу, отли-

чались ревностнымъ къ ней отношеніемъ и были хорошими военными практиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ они, какъ французы вообще, были энергичны, самостоятельны и всегда подавали отличный примѣръ своимъ подчиненнымъ. Продолжительная боевая школа, пройденная многими изъ нихъ въ Алжирѣ, не осталась безъ благопріятнаго на ихъ качества вліянія.

Французская маркитантка (съ аквар. А. Марселли).

Пѣхота линейная была *вооружена* легкимъ, гладкоствольнымъ ружьемъ съ ударнымъ замкомъ и штыкомъ [1]); у легкой пѣхоты и зуавовъ ружья были нѣсколько короче; сигналисты и саперы носили карабины; егеря были вооружены особымъ, укороченнымъ нарѣзнымъ ружьемъ, съ примыкавшимся къ нему ножомъ для дѣйствія холоднымъ оружіемъ. Дальность гладкихъ ружей была 300-500, а нарѣзныхъ ружей — до 1200 шаговъ.

Кавалерія была вооружена холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кирасиры и карабинеры имѣли длинный, прямой, заостренный палашъ для укола и пистолеты. Драгуны, кромѣ такихъ же палашей, имѣли еще длинные карабины, а уланы, вмѣсто этого, имѣли пики и пистолеты. Легкая, такъ же какъ и африканская кавалеріи были вооружены кривыми саблями и карабинами.

Артиллерія имѣла 12-ти и 8-ми фунтовыя пушки (послѣднія главнымъ образомъ у конной артиллеріи) и по 2 гаубицы на батарею. Орудійная прислуга была вооружена фашиннымъ ножомъ и карабиномъ. Ножъ носился на поясѣ и, при надобности, могъ служить штыкомъ. Такъ же были вооружены инженерныя войска.

Снаряженіе пѣхоты состояло изъ: ранца, покрытаго телячьей кожей, патронташа и штыковыхъ ноженъ на поясномъ ремнѣ,

[1]) Favé (capitaine). Des nouvelles carabines.

штиблетъ, походнаго котелка и другихъ мелкихъ вещей. Пригонка была очень удобная. Подобно пѣхотѣ были снаряжены артиллерія и инженерныя войска. Кавалерія была снаряжена тѣми же предметами съ присоединеніемъ конскаго снаряженія, при чемъ вещи всадника укладывались въ сѣдельный вьюкъ.

Обмундированіе линейной пѣхоты [1]) составляли: широкій, удобный мундиръ темносиняго сукна съ красными выпушками и эполетами, длинные красные панталоны (за исключеніемъ егерей, имѣвшихъ панталоны сѣро-стального цвѣта), длинная шинель свѣтлосѣраго сукна, низкій кэпи темносиняго сукна съ чехломъ, штиблеты или укороченные сапоги и гамаши изъ сукна или бѣлаго холста. Зуавы были одѣты въ своеобразную форму восточнаго покроя; одежда эта отличалась пестротой и состояла изъ куртки и широкихъ шароваръ. Легкая африканская пѣхота была обмундирована, вооружена и снаряжена на подобіе зуавовъ.

Кирасирская форма состояла изъ синяго, короткополаго мундира съ разноцвѣтными, по полкамъ, воротниками, красныхъ рейтузъ, обшитыхъ снизу до колѣнъ кожей, металлической каски съ висѣвшимъ сзади конскимъ хвостомъ; грудь и спину покрывала металлическая кираса; перчатки съ крагами; шинель свѣтлосѣраго сукна, длиной до пятокъ. Драгуны были одѣты такъ же, какъ и кирасиры, только мундиръ былъ зеленаго сукна. У уланъ были мундиры свѣтлоголубые, и, вмѣсто касокъ, они имѣли маленькія шапки съ разноцвѣтными шнурами. Зеленые мундиры шассеровъ были украшены шнурами, а головнымъ уборомъ имъ служила мѣховая шапка. Гусары отличались разноцвѣтными ментиками и свѣтлоголубыми рейтузами, при чемъ головнымъ уборомъ они имѣли кэпи. Африканскіе шассеры были одѣты въ свѣтлоголубые мундиры съ желтыми воротникомъ и обшлагами, имѣли красныя кэпи, такіе же рейтузы и длинные бѣлые плащи, въ родѣ бедуинскихъ бурнусовъ. Одежда спаговъ носила чисто восточный характеръ. Форма артиллеристовъ состояла изъ безполыхъ мундировъ темносиняго сукна съ красной отдѣлкой и широкихъ темносинихъ шароваръ съ красными лампасами; на головѣ кэпи съ краснымъ окольшемъ и шнурами. Мундиры инженерныхъ войскъ были тоже темносиніе съ черной отдѣлкой.

---

[1]) Jannet-Lange. Uniformes de l'armée française. 1848.

II.

Пѣхотный и кавалерійскій уставы въ своихъ основахъ остались прежніе — эпохи конца XVIII столѣтія [1]). Великій мастеръ военнаго дѣла ихъ не измѣнилъ, но дополнилъ указаніями о разсыпаніи въ цѣпь и о построеніи колоннъ. Ордонансы министра Сульта 1832 года также мало измѣнили эти уставы, вслѣдствіе чего ихъ нужно признать устарѣлыми; они отличались неподвижностью и сложностью. Педантичныя, мало подвижныя формы строя, благодаря живому характеру французскаго солдата, усвоивались нехотя и поверхностно.

Взводъ въ ротѣ дѣлился на 2 отдѣленія, отдѣленіе состояло изъ двухъ ½ отдѣленій. Пѣхотный строй былъ двухшереножный, но при формированіи каре строились въ 4 шеренги.

Обыкновенно въ цѣпь разсыпались роты вольтижеровъ и гренадеръ, но могли быть разсыпаемы и другія роты или даже цѣлые баталіоны.

Отъ взводовъ высылали сначала въ цѣпь по отдѣленію, при чемъ каждые 4 человѣка составляли группу, которая не разъединялась и держалась одна отъ другой не далѣе 20-40 шаговъ. Люди въ группахъ расходились одинъ отъ другого не болѣе 5-6 шаговъ, и одна изъ группъ назначалась направляющей. Вторыя отдѣленія взводовъ слѣдовали за цѣпью въ 150 шагахъ и служили поддержкой. Къ каждому офицеру въ разсыпномъ строѣ назначался конвой изъ 4 нижнихъ чиновъ и 1 горниста, служившій также для передачи приказаній. Управленіе разсыпнымъ строемъ производилось посредствомъ командъ, сигналовъ и свисткомъ. Противъ кавалеріи формировались кучки различной величины. При отозваніи цѣпи группы собирались въ отдѣленія, а отдѣленія во взводы и роты; если нужно было быстро очистить фронтъ, то всѣ группы возвращались бѣгомъ и пристраивались на фланги баталіона. Сомкнутыя части баталіона слѣдовали за цѣпью въ возможно близкомъ разстояніи. Роты въ цѣпи дѣйствовали самостоятельно.

Баталіонъ строилъ слѣдующія колонны: 1) взводную, 2) дивизіонную (фронтъ колонны равнялся протяженію фронта раз-

---

[1]) Les évolutions de ligne par bataillons par le colonel Lavelaine. Paris. 1852. Ordonnance du 6 décembre 1829 sur l'exercice et les évolutions de la cavalerie. Paris. Impr. royale.

Французскій сапёръ (съ аквар. А. Марселли).

вернутой роты) и 3) колонну изъ середины, при чемъ вольтижеры и гренадеры находились въ хвостѣ колонны.

Особенностью французскаго пѣхотнаго строя было вогнутое каре, которое строили съ цѣлью усиленія огня, такъ какъ это давало возможность употреблять перекрестный огонь противъ атакующаго.

Для совокупныхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ уставъ почти не давалъ указаній, и войска руководствовались неофиціальной инструкціей маршала Бижо, изданной въ 1846 году. Основныя мысли этой инструкціи были слѣдующія:

„Съ дальнихъ разстояній стрѣ„ляетъ только плохая пѣхота, хо„рошая же скупа на огонь; по„этому она должна упражняться, „чтобы стрѣлять увѣренно. Завя„зывать бой какъ при оборонѣ, „такъ и при наступленіи должны стрѣлковыя цѣпи, послѣ чего „ихъ слѣдуетъ отводить въ сторону отъ пункта атаки. Ничего „не можетъ быть глупѣе безцѣльной стрѣльбы. При отступленіи „слѣдуетъ храбро драться и переходить въ наступленіе для под„нятія нравственныхъ силъ людей; слѣдуетъ беречь огнестрѣльные „припасы и отходить быстро, если нужно, бѣгомъ, такъ какъ „смѣшно задерживаться подъ непріятельскими пулями. Поэтому „пѣхоту нужно учить наступать бѣгомъ на фланги врага и от„ступать даже въ безпорядкѣ, но затѣмъ быстро возстановлять „порядокъ.

„Кавалерійскую атаку пѣхотѣ слѣдуетъ выжидать спокойно, „зарядивъ двѣ пули; отбитую конницу провожаютъ залпомъ и „спокойно выжидаютъ повторенія атаки. Въ рѣшительныя минуты „всегда нужно стараться захватить иниціативу. Оборона всегда „должна быть наступательной. Фланговыя атаки и ударъ съ тыла „дѣйствуютъ сильно на моральныя чувства врага.

„Колонны болѣе годны для марша и эволюцій, чѣмъ для „боя; громадныя колонны въ 3—12 баталіоновъ (какъ при „Ваграмѣ, Люценѣ, Бауценѣ и Ватерлоо) доказываютъ непони- „маніе военнаго искусства.

„Наилучшій строй пѣхоты для боя это развернутыя линіи, „такъ какъ онѣ даютъ возможность примѣнить лучшее ея боевое „средство — огонь. Эта форма строя удобна и для движенія въ „сферѣ артиллерійскаго огня. Линіи удобны даже, когда жела- „тельно атаковать противника въ колоннахъ. Перемѣна фронта „подъ огнемъ должна совершаться всегда съ движеніемъ впередъ. „Позади каждыхъ трехъ баталіоновъ въ одной линіи слѣдуетъ „оставлять небольшіе резервы въ колоннахъ, изъ $^1/_2$ или цѣ- „лаго баталіона, для заполненія образовавшагося разрыва и для „производства охвата какъ при атакѣ, такъ и при оборонѣ. „При атакѣ противника въ облическомъ направленіи войска „слѣдуетъ располагать уступами, что способствуетъ нанесенію „удара въ любомъ направленіи и даетъ возможность парировать „случайности. Стрѣльба во время наступленія невыгодна, слѣ- „дуетъ стремиться пройти скорѣе раздѣляющее противниковъ „разстояніе".

Бижо рекомендовалъ обращать особое вниманіе на сторожевую службу.

Мы уже упоминали, что новобранцы, послѣ принятія ихъ на службу, поступали въ полковое депо, гдѣ ихъ обучали гимнастикѣ, подъ руководствомъ капитана и нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ. Въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ всѣхъ новобранцевъ учили плаванію и танцамъ. Фехтованіе на палкахъ, рапирахъ и *сабляхъ было поставлено серіозно, и люди обучались ему* цѣлый годъ [1]). Упражненія въ стрѣльбѣ производились съ большою тщательностью и педантичностью.

На ученьяхъ и при тактической подготовкѣ придерживались взгляда учить только тому, что придется дѣлать на войнѣ. Французы хорошо сознавали, что въ мирное время слѣдуетъ учить лишь тѣ тактическія формы и эволюціи, которыя быстро и легко исполнимы и которыя отвѣчаютъ данной обстановкѣ, и ихъ ученья отличались простотой, всѣ движенія производились быстро, при чемъ требовалось больше общее согласованіе, чѣмъ однообразіе

[1]) На дуэль смотрѣли, какъ на средство, способствующее развитію сознанія чести, почему она и допускалась даже между нижними чинами.

въ исполненіи. Въ выносливости при маневрированіи и въ одиночномъ бою французы достигли почти совершенства.

Бой въ разсыпномъ строю вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру французовъ; его вели преимущественно вольтижеры, въ то время какъ роты центра оставались въ сомкнутомъ строю. При атакѣ вольтижеры шли впереди вразсыпную, гренадеры же становились въ головѣ атакующей колонны. При ученіи въ сомкнутыхъ массахъ равненіе и направленіе соблюдались мало; ровнаго шага тоже не было.

Легкая конница упражнялась главнымъ образомъ въ полевой службѣ, втягивая при этомъ лошадей исподволь въ работу. Тяжелая кавалерія училась преимущественно въ сомкнутомъ строю, при чемъ главное вниманіе обращалось на ровный и спокойный аллюръ при продолжительномъ маневрированіи. Рысь была крупнѣе, чѣмъ въ другихъ арміяхъ. Равненіе соблюдалось тщательнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ. Манежной ѣзды не было.

Обученіе артиллеріи [1]) велось съ большой тщательностью и соотвѣтствовало тому высокому значенію, которое придавалось этому роду оружія во французской арміи. Практическія стрѣльбы производились съ пользою и большимъ умѣніемъ, при чемъ особенное вниманіе обращалось на быстрый выѣздъ на позицію и немедленное открытіе огня.

Оцѣнивая вооруженныя силы Франціи, слѣдуетъ упомянуть, что армія ея славилась строгою исполнительностью и примѣрной дисциплиной, которая была основана на сознательномъ отношеніи къ службѣ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, считавшихъ позоромъ нарушать требованія дисциплины. Все обученіе солдатъ съ первыхъ дней службы велось въ этомъ духѣ [2]).

Одушевленная сильнымъ національнымъ духомъ, французская армія обладала и хорошими и дурными сторонами своего народа.

Она жаждала славы, дѣятельности и борьбы; будучи мужественной и отважной, она выказывала часто чудеса храбрости.

---

[1]) Règlement provisoire sur les manœuvres de l'artillerie. 1848. Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie par le prince L.-Napoléon. Paris. 1851.

[2]) Во Франціи военные законы весьма строго карали преступленія противъ дисциплины. Военные суды присуждали къ смертной казни за такія преступленія, за которыя въ Пруссіи наказывали 10-ти лѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости, а въ Австріи—пропусканіемъ черезъ строй въ 500 человѣкъ 8-10 разъ. Даже незначительные проступки, какъ: опозданіе на повѣрку, изъ отпуска, невниманіе на ученіи и проч. наказывались во французскихъ войскахъ безпощадно. Полковые и ротные командиры наказывали своихъ офицеровъ чаще, чѣмъ въ другихъ арміяхъ. Тѣлесныя наказанія были запрещены и не примѣнялись. Виды арестовъ были разнообразны, ежечасныя явки въ походномъ снаряженіи, назначенія на службу не въ очередь, наряды для чистки оружія — все это были наказанія, къ которымъ прибѣгали часто. Въ Алжирѣ существовали еще особыя наказанія.

Природная подвижность и выдающаяся интеллигентность отдѣльныхъ лицъ дѣлали войска неутомимыми, выносливыми и способными переносить всякія лишенія.

При развитомъ самолюбіи, увѣренности въ себѣ и тщеславіи французовъ въ войскахъ проявлялось постоянно общее стремленіе къ движенію впередъ. Каждый жаждалъ побѣды, и никто не сомнѣвался въ успѣхѣ. Французскій солдатъ былъ самостоятеленъ, ловокъ въ бою, а на походѣ и бивакѣ отличался умѣніемъ примѣняться къ обстановкѣ и практичностью. Война была нормальнымъ явленіемъ для французской арміи, и короткіе промежутки мира не давали ей возможности усвоивать, сопряженныя съ нимъ, пагубныя привычки.

III.

Сухопутныя силы *Великобританіи* состояли изъ: 1) постоянной арміи, 2) милиціи, 3) ополченія и 4) колоніальныхъ войскъ.

Занимая островное положеніе, Англія не нуждалась въ многочисленной постоянной сухопутной арміи, и, какъ мы увидимъ, таковая ко времени Восточной войны далеко не соотвѣтствовала міровому значенію этой великой державы. Для защиты собственной территоріи отъ непріятельскихъ нападеній и для поддержанія внутренняго порядка въ распоряженіи Англіи имѣлась милиція, численность которой измѣнялась въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами. Законами страны предусматривалось также формированіе поголовнаго ополченія, въ которомъ числились всѣ лица мужского пола до 60-ти лѣтняго возраста.

Слѣдуетъ отмѣтить, что, по существовавшимъ законоположеніямъ, милиція и ополченіе могли быть употребляемы для службы лишь въ предѣлахъ Соединеннаго Королевства.

Къ колоніальнымъ войскамъ относились какъ собственно англійскія войска, такъ и туземныя части, численность которыхъ была особенно значительна въ Индіи.

Постоянная армія состояла изъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ.

Въ составъ *пѣхоты* входили полки: 3 гвардейскихъ (7 баталіоновъ), 84 линейныхъ и 13 легкихъ (фузилерныхъ). Армейскіе

полки были однобаталіонные [1]), по 10 ротъ въ баталіонѣ, со штатной численностью въ 1000 человѣкъ.

Легкая пѣхота отличалась отъ линейной только названіемъ.

Такимъ образомъ дѣйствующая пѣхота состояла изъ 103 баталіоновъ, изъ которыхъ 41 находился въ различныхъ колоніяхъ [2]).

Роль резервныхъ частей выполняли роты выступившихъ въ походъ полковъ, которыя, оставаясь въ мѣстахъ квартированія [3]), формировали полковое депо для обученія вновь завербованныхъ нижнихъ чиновъ и подготовки молодыхъ офицеровъ [4]).

Общая численность дѣйствующей пѣхоты доходила до 111.000 человѣкъ.

Кавалерія дѣлилась на тяжелую и легкую. Первая состояла изъ 3-хъ гвардейскихъ, 9-ти драгунскихъ и 1-го карабинернаго полковъ. Легкую же конницу составляли: 4 легкихъ драгунскихъ, 4 уланскихъ и 5 гусарскихъ полковъ. Такимъ образомъ всего имѣлось 26 полковъ, при чемъ полкъ дѣлился на 3-4 эскадрона, а эскадронъ на 2 роты. Численность чиновъ была въ полкахъ неодинакова и колебалась въ предѣлахъ отъ 400 до 800 человѣкъ на полкъ [5]).

Въ общемъ можно было считать, что англійская конница составляетъ отъ 10 до 11.000 сабель. Такъ же, какъ и пѣхота, часть кавалеріи находилась въ колоніяхъ.

Артиллерія дѣлилась на пѣшую и конную. Вся пѣшая составляла артиллерійскій полкъ, раздѣлявшійся на 12 баталіоновъ, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ 8 батарей (ротъ); всего было 96 пѣшихъ батарей. Батареи были 6-ти и 4-хъ орудійнаго состава, въ зависимости отъ величины калибра пушекъ. Всего въ пѣшей артиллеріи насчитывалось при 270 орудіяхъ до 13.500 нижнихъ

---

[1]) Кромѣ двухъ полковъ (1-го линейнаго и 71-го легкаго), состоявшихъ изъ 2-хъ баталіоновъ, по 10 ротъ въ каждомъ, трехъ полковъ (12, 21 и 23), по 2 баталіона шестиротнаго состава каждый.

[2]) Изъ этого числа 20 баталіоновъ было въ Индіи, 6—въ Южной Африкѣ, 2—въ Канадѣ, 4—на Гибралтарѣ, 5—въ Австраліи и 4—въ Америкѣ, Китаѣ и Гвинеѣ.

[3]) Большинство баталіоновъ выступало въ походъ въ 8-ми ротномъ составѣ.

[4]) Система организаціи резервныхъ депо была измѣнена во время кампаніи. Въ виду необходимости спѣшной подготовки и скорѣйшей отправки на Востокъ командъ пополненія, въ ноябрѣ 1854 г. было рѣшено сформировать передовое резервное депо (4 роты) на о-вѣ Мальта, куда высылались для усовершенствованія рекруты, обученные въ резервныхъ депо въ Англіи. „Third Report", №№ 14473 и 14477.

[5]) Изъ десяти кавалерійскихъ полковъ, отправленныхъ изъ Англіи на Востокъ въ 1854 году, лишь одинъ 6-ой драгунскій полкъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ 317 нижнихъ чиновъ; численный составъ прочихъ 9 полковъ былъ слабѣе. „Third Report". Army before Sebastopol. Прилож. №10/4, стр. 472.

чиновъ. Около $^1/_3$ этого полка было расположено въ колоніяхъ. Конная артиллерія была сведена въ бригаду 7-ми батарейнаго состава; въ батареяхъ было по 6 орудій.

Инженерныя войска состояли изъ 28 саперныхъ и минерныхъ ротъ, насчитывавшихъ въ своихъ рядахъ до 2000 нижнихъ чиновъ [1]). Военно-инженерныхъ офицеровъ было до 300 человѣкъ, большая часть коихъ занималась сооруженіемъ крѣпостей и строительными работами, и лишь самое незначительное число считалось на службѣ при инженерныхъ войскахъ.

Типы франц. войскъ (съ франц. рис.).

Для наступательной войны въ Европѣ Англія располагала арміей въ 140.000 человѣкъ при 200 орудіяхъ.

Въ военное время полки сводились въ бригады, бригады въ дивизіи. Всѣ эти соединенія были импровизированными, такъ какъ организовались въ случаѣ надобности, и основано на вербовкѣ охотниковъ. Въ этомъ крылся главный недостатокъ англійской арміи, хотя, впрочемъ, милиція и ополченіе (іомены), въ случаѣ опасности непріятельскаго вторженія, могли быть пополняемы посредствомъ обязательнаго набора по жребію.

Численность полковъ, входившихъ въ ихъ составъ, было различное. Кавалерія также сводилась въ дивизіи; къ каждой дивизіи придавалась конная батарея.

Высшее управленіе военно-сухопутными силами Англіи находилось въ рукахъ военнаго статсъ-секретаря и главнокомандующаго, при чемъ первый главнымъ образомъ завѣдывалъ хозяйственной частью, а второй — строевою [2]).

Комплектованіе англійской арміи нижними чинами было

---

[1]) Численность инженерныхъ войскъ при англійской арміи въ Крыму за все время кампаніи не превышала 450 нижнихъ чиновъ. Генералъ Бургойнь настаивалъ на увеличеніи этого числа до 1200 человѣкъ, указывая на милицію, какъ на источникъ пополненія. Journal of the Operations conducted by the Corps of R. Engineers. Часть I, стр. 152 и ч. II, стр. 599.

[2]) Назначенія на должности высшихъ военныхъ чиновъ представлялись Королевѣ на утвержденіе главнокомандующимъ, но не военнымъ статсъ-секретаремъ. „Third Report". Army before Sebastopol, стр. 109, № 14348 и слѣд.

Офицерами армія пополнялась путемъ покупки офицерскихъ дипломовъ лицами состоятельныхъ классовъ общества. Первоначальное обученіе подобные офицеры получали въ депо при полкахъ. Очевидно, что офицеры, получившіе такую подготовку, мало были знакомы съ военнымъ дѣломъ, и все ихъ достоинство заключалось въ томъ, что они умѣли храбро умирать въ борьбѣ съ врагомъ [1]). Особыхъ военно-учебныхъ заведеній для подготовки пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ не существовало, но зато офицеры артиллеріи и инженерныхъ войскъ получали отличное спеціальное образованіе въ училищахъ, артиллерійскомъ въ Вуличѣ и инженерномъ въ Чатамѣ. Для несенія службы Генеральнаго штаба къ штабамъ временно прикомандировывали офицеровъ разныхъ родовъ войскъ, по выбору начальства.

Пѣхота была *вооружена* гладкоствольными ружьями, кромѣ нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ и линейныхъ частей, имѣвшихъ нарѣзныя ружья системы Минье. Нарѣзныя ружья превосходили гладкоствольныя въ баллистическомъ отношеніи въ 3 раза и отличались прекрасной выдѣлкой. Къ ружьямъ примыкался штыкъ для рукопашнаго боя. Кавалерія была вооружена саблей и пистолетомъ. Полевая артиллерія имѣла на вооруженіи 6, 9, 12 и 18-ти фунтовыя пушки.

Въ *обмундированіи* англійской арміи преобладалъ красный цвѣтъ; такъ, въ пѣхотѣ мундиры, въ видѣ долгополыхъ фраковъ, были краснаго сукна, а головные уборы, тяжелыя и неудобныя шляпы, были некрасивы. Лишь стрѣлки имѣли обмундированіе темнаго цвѣта. Шотландская бригада отличалась тѣмъ, что, вмѣсто штановъ, имѣла клѣтчатую юбку, не доходившую до колѣнъ, а, вмѣсто шинели—большой пледъ.

Обмундированіе конницы было такъ же непрактично, какъ и одежда пѣхоты. Всюду преобладалъ красный цвѣтъ. Артиллерія и инженерныя войска были одѣты болѣе цѣлесообразно, какъ по формѣ, такъ и по цвѣту обмундированія. Слѣдуетъ отмѣтить,

---

[1]) „Въ англійской арміи господствовали формализмъ и строгое соблюденіе чиновъ. Съ „окончаніемъ строевыхъ занятій и службы, всякое общеніе между офицерами и нижними чи„нами прекращается. Въ то время какъ офицеры другихъ армій, находясь постоянно среди своихъ „солдатъ, заботятся объ удовлетвореніи ихъ потребностей, англійскіе офицеры въ этомъ отно„шеніи совершенно бездѣйствуютъ, считая это обязанностью правительства. Между тѣмъ „англійскіе солдаты весьма похожіе на своихъ офицеровъ: отлично дерутся въ бою, но плохо „исполняютъ сторожевую службу и слабые работники; для лагерныхъ работъ арміи нужны „наемные рабочіе. Въ силу этого англичане превосходны въ бою, но не способны переносить „лишеній. Организація англійской арміи плоха, такъ какъ административная часть недостаточно „разработана". Pictorial History of the Russian War, стр. 294.

что ни въ одной изъ европейскихъ армій предметы вооруженія, снаряженія и обмундированія не изготовлялись изъ такого отличнаго матеріала, какъ въ англійской арміи [1]).

Организованнаго обоза при арміи не существовало, и для каждаго отдѣльнаго случая вырабатывались, сообразно обстоятельствамъ, особые штаты [2]).

При снабженіи войскъ придерживались системы заготовленія тѣхъ или другихъ предметовъ, когда въ нихъ начинала уже ощущаться потребность [3]).

Медицинская часть была поставлена въ войскахъ очень солидно; въ однобаталіонномъ полку состояли 1 старшій врачъ и 3 младшихъ [4]), а при штабахъ дивизій были аптечные склады для пополненія полковыхъ медицинскихъ запасовъ [5]).

Высшею *тактическою единицею* въ пѣхотѣ былъ баталіонъ, въ кавалеріи—полкъ и въ артиллеріи—батарея. Баталіонъ состоялъ изъ 8 ротъ и строилъ боевой порядокъ въ 2 крыла по 4 роты въ каждомъ. Для атаки употребляли построенія въ колоннахъ и въ арміи почти не знакомились съ подготовкой къ одиночному бою. Огонь пѣхоты былъ спокойнымъ и мѣткимъ. Ударъ въ штыки примѣнялся, но осмотрительно; начальники больше разсчитывали на силу огня. Движенія и перестроенія исполнялись медленнымъ и спокойнымъ шагомъ. Уставъ былъ очень сложный.

Англійская кавалерія сидѣла на прекрасныхъ полукровкахъ, но лошади эти были изнѣжены, не втянуты въ работу и не пріучены къ трудамъ походной жизни. Подвижность и легкость англійскихъ всадниковъ не были на должной высотѣ, а въ фехтованіи саблей они значительно уступали французскимъ кавалеристамъ; зато въ сомкнутой атакѣ англійская конница могла состязаться съ лучшей кавалеріей въ мірѣ.

Англійская артиллерія во всѣхъ отношеніяхъ стояла на высотѣ современныхъ требованій.

Въ отношеніи качествъ Великобританской арміи слѣдуетъ замѣтить, что нравственный уровень вербованныхъ солдатъ былъ низокъ, и лишь суровая дисциплина сдерживала необузданныя

---

[1]) Пѣхотный ранецъ съ полной укладкой вѣсилъ 20 ф. „Second Report", стр. 103, № 1932.

[2]) Нормы для войсковыхъ обозовъ разсчитывались широко. Такъ, напр., для дѣйствій въ полѣ 25-ти тысячнаго корпуса считалось необходимымъ имѣть обозъ изъ 2000 повозокъ и 5 тысячъ вьючныхъ муловъ. „Third Report", стр. 14, №№ 13419 и 13422.

[3]) Third Report. Army before Sebastopol, стр. 96, № 14238.

[4]) Second Report. Army before Sebastopol, стр. 403, № 8136.

[5]) Тамъ же, стр. 403, № 8142.

натуры, попадавшія въ армію за невозможностью устроиться на другой службѣ. Англійскій солдатъ былъ крѣпокъ тѣломъ и отваженъ, если предварительно выспался, поѣлъ и выпилъ; его мужество было болѣе физическое, чѣмъ нравственное. Будучи избалованъ казарменнымъ комфортомъ, онъ вовсе не былъ способенъ переносить лишеній. На бивакахъ онъ относился къ обстановкѣ апатично и, какъ противоположность французскому солдату, не умѣлъ приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ.

IV.

Турецкая армія не имѣла правильной организаціи до 1836 г., когда, по проекту офицера Прусскаго Генеральнаго штаба фонъ-Мольтке, начаты были ея преобразованіе и организація, которыя Турція не успѣла закончить къ началу Восточной войны.

По новой организаціи военныя силы Турціи раздѣлялись на [1]):

1) регулярную дѣйствующую армію (низамъ), 2) резервъ (редифъ), 3) вспомогательные контингенты и 4) войска иррегулярныя. Дѣйствующая армія состояла изъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ.

Пѣхота состояла изъ 6 гвардейскихъ и 31 армейскаго полковъ. Въ каждомъ полку было по 4 баталіона, которые раздѣлялись на 4 роты, а въ ротѣ было по 2 взвода. Въ ротѣ было 104 нижнихъ чина. Всего 148 баталіоновъ, силой до 62.000.

Кавалерія состояла изъ 4-хъ гвардейскихъ и 18 армейскихъ полковъ, при чемъ полки были шестиэскадронные. Эскадронъ дѣлился на 4 взвода, и штатная численность его была 120 нижнихъ чиновъ. Всего было 131 эскадронъ или 16.000 сабель.

Артиллерія состояла изъ 1 гвардейскаго и 4 армейскихъ артиллерійскихъ полковъ и двухъ батарей. Полкъ раздѣлялся на 12 батарей (8 пѣшихъ, 3 конныхъ и 1 горную). Батареи были шестиорудійныя. Всего 62 полевыхъ батареи съ 372 орудіями. Крѣпостной артиллеріи было 6 баталіоновъ съ 4000 нижними чинами.

Инженерныя войска состояли изъ саперной бригады двухбаталіоннаго состава, въ которой числилось до 1600 человѣкъ.

---

[1]) Обзоръ В. Уч. Арх., отд. 2, д. № 4250.

Резервныя войска имѣли въ мирное время лишь кадры офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которые должны были производить по временамъ ученія съ запасными нижними чинами. Кромѣ того, чины резерва являлись одинъ разъ въ 7 лѣтъ для участія въ большихъ маневрахъ. Съ наступленіемъ же военнаго времени ре-

Формы французскихъ войскъ (съ англ. грав. на деревѣ Л. Хюаръ).

зервъ формировалъ 6 корпусовъ такого же состава, какъ и дѣйствующіе.

Вспомогательные контингенты, выставляемые вассальными владѣніями Турціи, носили характеръ милиціонныхъ войскъ, на которыя государство не всегда могло разсчитывать. Такъ, Боснія и Герцеговина должны были выставлять 30.000, Сербія 20.000, Молдавія и Валахія 8.000, Албанія 10.000, Египетъ 40.000 и Триполи съ Тунисомъ 10.000; всего 118.000 человѣкъ.

Иррегулярныя войска состояли изъ пѣшихъ и конныхъ жандармовъ, полевой стражи, татаръ Добруджи и Малой Азіи, иностранныхъ легіоновъ, баши-бузуковъ и некрасовцевъ. Общая численность иррегулярныхъ войскъ доходила до 80.000 человѣкъ.

Такимъ образомъ вооруженныя силы Турціи въ военное время достигали внушительной цифры въ 400.000 человѣкъ.

Уже въ мирное время полки были сведены по два въ бригады; бригады, въ пѣхотѣ по 3 и въ кавалеріи по 2—въ дивизіи. Наконецъ, 1 пѣхотная и 1 кавалерійская дивизіи съ однимъ артилерійскимъ полкомъ соединялись въ корпуса, которыхъ всего было въ Турціи 6, и которые именовались по мѣсту своего расположенія [1]).

Главное командованіе всѣми вооруженными силами принадлежало сераскиру (военному министру). Для рѣшенія военно-административныхъ вопросовъ въ Константинополѣ засѣдалъ верховный военный совѣтъ; при штабахъ корпусовъ имѣлись также совѣты.

Комплектованіе арміи нижними чинами производилось ежегодными наборами рекрутъ изъ магометанскаго населенія провинцій, въ которыхъ власть правительства достаточно окрѣпла. Подлежали набору по жребію всѣ мусульмане, достигшіе 20-25-ти лѣтняго возраста. Освобождалось отъ призыва по закону лишь духовенство. Съ 1850 года повелѣніемъ султана всѣ христіанскіе подданные Турціи обязывались военной службой наравнѣ съ лицами магометанскаго вѣроисповѣданія. Общій срокъ службы былъ 12-ти лѣтній, изъ коихъ на дѣйствительной службѣ 5 и въ резервѣ 7 лѣтъ. Рекрутскіе наборы, вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія численности османскаго племени и неповиновенія прочихъ племенъ, производились съ малымъ успѣхомъ, почему въ рядахъ арміи образовывался значительный некомплектъ.

Особенно упорно сопротивлялись наборамъ курды, бедуины и друзы. Чаще же всего наборы производились въ Румеліи и Анатоліи; къ началу 1850 года они были распространены на Боснію, Герцеговину и нѣкоторыя части Сиріи. Для правильнаго производства наборовъ вся территорія государства была раздѣлена на 6 округовъ по числу корпусовъ, при чемъ каж-

---

[1])

Названіе корпусовъ.	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	Человѣкъ.
Гвардейскій	24	24	72	22.000
Константинопольскій . .	24	24	72	21.000
Румелійскій	28	24	72	32.000
Анатолійскій	24	24	72	19.000
Аравійскій	24	19	72	16.000
Иранскій	8	4	12	8.000
Всего	132	119	372	118.000

дый округъ дѣлился на участки, комплектовавшіе опредѣленные полки.

Въ случаѣ надобности, сверхъ рекрутскихъ наборовъ, вербовалось за деньги иррегулярное пѣшее и конное ополченіе (баши-бузуки), въ ряды котораго чаще всего вступали албанцы, арнауты, курды и туркмены. Ополченіе это состояло въ вѣдѣніи гражданскаго начальства.

Унтеръ-офицерами армія пополнялась путемъ производства въ это званіе расторопныхъ рядовыхъ, безъ прохожденія какого-либо опредѣленнаго курса, такъ какъ полковыхъ школъ въ турецкой арміи не существовало.

Комплектованіе офицерами происходило двоякимъ путемъ: 1) производствомъ изъ нижнихъ чиновъ и 2) выпускомъ изъ военныхъ училищъ.

Офицеры изъ нижнихъ чиновъ мало чѣмъ отличались отъ простыхъ солдатъ; болѣе удовлетворяли своему назначенію офицеры, кончившіе кадетскій корпусъ и инженерно-артиллерійскую школу. Для высшаго военнаго образованія была учреждена военная академія, подготовлявшая офицеровъ Генеральнаго штаба, артиллеристовъ и военныхъ инженеровъ.

Вооруженіе пѣхоты состояло изъ гладкоствольнаго ружья со штыкомъ и тесака. Въ немногихъ гвардейскихъ полкахъ и саперныхъ баталіонахъ имѣлись штуцера съ ударнымъ замкомъ.

Кавалерія была вооружена саблей и парой пистолетовъ; въ каждомъ полку, кромѣ того, 4 эскадрона имѣли пики, а 2—карабины.

Обмундированіе всѣхъ родовъ войскъ было почти одинаковое; куртка и шаровары темносиняго сукна съ алыми выпушками, а въ гвардіи съ краснымъ воротникомъ. Лѣтомъ пѣхота имѣла полотняные брюки. Головной уборъ былъ общій—красная феска съ мѣдной бляхой. Обувь въ пѣхотѣ состояла изъ башмаковъ, а въ прочихъ войскахъ изъ сапогъ. Шинель строилась для пѣхоты изъ сѣраго, а для кавалеріи и артиллеріи изъ синяго сукна съ капюшономъ.

Въ дѣйствующей и резервной турецкой арміяхъ *при обученіи войскъ* придерживались уставовъ: въ пѣхотѣ и конницѣ—французскаго, а въ артиллеріи—нѣмецкаго.

Въ пѣхотныхъ полкахъ одинъ изъ баталіоновъ считался стрѣлковымъ, но, кромѣ того, въ каждомъ баталіонѣ имѣлись нижніе чины, обученные прицѣльной стрѣльбѣ и разсыпному

строю. Строевое образованіе не стояло на должной высотѣ; въ построеніяхъ и движеніяхъ не было быстроты, правильности и равненія. Въ кавалеріи лошади были плохо выѣзжены и еще хуже содержаны. Вообще кавалерія значительно уступала прежней многочисленной, быстрой и смѣлой турецкой конницѣ. Лучшимъ родомъ оружія была артиллерія [1]), быстро двигавшаяся и мѣтко стрѣлявшая, но имѣвшая тотъ недостатокъ, что не была пріучена къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ прочими родами войскъ. Недостатокъ этотъ былъ, впрочемъ, общій, что и сказалось въ неумѣніи сохранять и поддерживать связь при дѣйствіяхъ и въ совершенномъ непониманіи значенія взаимной выручки; ни конница, ни артиллерія не умѣли выручать своей пѣхоты, пѣхота же не поддерживала ни артиллеріи, ни кавалеріи и, видя ихъ пораженіе, часто обращалась въ паническое бѣгство, хотя при оборонѣ укрѣпленій выказывала чрезвычайную стойкость, упорство и презрѣніе къ смерти. Сторожевая и развѣдывательная службы исполнялись турецкими войсками плохо, и исключеніемъ въ этомъ отношеніи были некрасовцы, которые несли эту службу не хуже нашихъ казаковъ.

Нравственный уровень турецкой арміи былъ невысокъ. Офицеры отличались крайнимъ невѣжествомъ и не пользовались должнымъ авторитетомъ передъ своими подчиненными, тѣмъ болѣе, что очень немногіе изъ нихъ получили удовлетворительное военное образованіе.

Турецкій солдатъ былъ выносливъ, довольствовался самою ограниченною пищею, былъ храбръ и обладалъ хорошими боевыми качествами. Подъ руководствомъ опытныхъ и толковыхъ военачальниковъ онъ часто проявлялъ свои отличныя качества, но общимъ недостаткомъ турецкихъ войскъ была ихъ малая дисциплинированность; случаи неповиновенія своимъ офицерамъ, переходившіе иногда въ военные бунты, были нерѣдки, хотя часто вызывались самими начальниками, систематично грабившими своихъ подчиненныхъ.

---

[1]) Сентъ-Арно доносилъ военному министру о состояніи арміи Омеръ-паши: „Войска „дурно вооружены, дурно одѣты и въ особенности дурно обуты, но имѣютъ видъ воинственный „и хорошо маневрируютъ. Лошади конницы по большей части малаго роста, но хороши и „выносливы. Что есть лучшаго — это артиллерія: упряжь прочная, орудія хорошо содержатся, „артиллеристы также хорошо маневрируютъ, какъ и наши; я былъ пораженъ мѣткостью „артиллерійской стрѣльбы". (Парижскій Архивъ Военн. мин. Письмо С.-Арно военному министру отъ 21 мая 1854 г. изъ Шумлы).

V.

Сардинская армія [1]) состояла изъ войскъ дѣйствующихъ, резервныхъ и милиціи, называвшейся національной гвардіей.

Дѣйствующая армія имѣла въ своемъ составѣ пѣхоту, кавалерію, артиллерію, инженерныя и обозныя войска.

Пѣхотныя части были слѣдующія: 2 гвардейскихъ и 18 армейскихъ полковъ, 1 полкъ берсальеровъ и 1 баталіонъ вольныхъ стрѣлковъ. Гвардейскіе полки и берсальеры были 4-хъ баталіонные, прочіе же полки въ мирное время имѣли по 2, а въ военное—по 3 баталіона [2]). Баталіоны состояли изъ 6 ротъ [3]). Въ ротѣ по штатамъ военнаго времени [4]) было 5 офицеровъ и 135 нижнихъ чиновъ. Всего пѣхота состояла изъ 67 баталіоновъ, силой до 57.000 штыковъ.

Кавалерія дѣлилась на тяжелую и легкую. Къ первой принадлежали 2 кирасирскихъ и 2 уланскихъ полка, легкую же составляли 2 егерскихъ, 2 гусарскихъ, 1 жандармскій [5]) полки и корпусъ карабинеровъ [6]). Въ мирное время каждый полкъ состоялъ изъ 6 эскадроновъ [7]), при чемъ въ эскадронѣ числилось 118, а въ военное время 166 сабель. Число эскадроновъ въ полку увеличивалось въ военное время до 8, съ тѣмъ, чтобы полки выступали въ 6-ти эскадронномъ составѣ. Всего въ военное время имѣлось 74 эскадрона, силой до 12.000 сабель.

Артиллерія состояла изъ двухъ полковъ, раздѣлявшихся каждый на 6 полевыхъ и 2 конныхъ батареи. Въ батареяхъ было по 8 орудій [8]). Всего въ военное время было 16 батарей съ 128 орудіями.

Инженерныя войска въ военное и мирное время составляли 1 полкъ въ 2 баталіона. Въ составъ каждаго баталіона входили 3 саперныя и 1 минная роты. Рота насчитывала въ своихъ рядахъ до 154 человѣкъ. Всего въ инженерномъ полку было 1900 человѣкъ.

---

[1]) Corsi Carlo. Del esercito piemontese e della sua organizzazione. Torino. 1851.

[2]) 1 баталіонъ егерскій и 2 линейныхъ.

[3]) 1 гренадерской, 1 стрѣлковой и 4 фузилерныхъ.

[4]) По штатамъ мирнаго времени въ ротѣ было 4 офицера и 110 нижнихъ чиновъ.

[5]) Жандармскій полкъ (10 эскадроновъ) былъ расположенъ на о-вѣ Сардинія. Численность его доходила до 1600 человѣкъ.

[6]) Корпусъ карабинеровъ насчитывалъ въ своемъ составѣ 2400 человѣкъ.

[7]) Въ томъ числѣ 1 учебный и 1 эскадронъ-депо.

[8]) Въ батареѣ состояло въ мирное время 124 чел., а въ военное—224 человѣка.

Обозныя части состояли изъ 6 обозныхъ дивизіоновъ и 4 дивизіонныхъ провіантскихъ обозовъ.

Всего въ дѣйствующихъ войскахъ въ военное время было около 80.000 человѣкъ.

Резервныя части состояли изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Резервныхъ пѣхотныхъ полковъ было 21 (по числу дѣйствующихъ) двухбатальоннаго состава. Въ мирное время въ полку состояло 1355 человѣкъ [1]. Всего въ резервной пѣхотѣ числилось 31.000 человѣкъ. Кавалерійскихъ резервныхъ полковъ было 8 и 1 эскадронъ. Всего 17 эскадроновъ съ общей численностью въ 2400 человѣкъ. Резервная артиллерія состояла изъ двухъ полковъ, по 8 батарей въ каждомъ. Въ военное время въ батареяхъ было по 8 орудій. Всего 16 батарей при 128 орудіяхъ. Итого въ резервныхъ войскахъ состояло 38.000 человѣкъ.

Сардинская артиллерія (съ лит. Бурь).

Кромѣ того, имѣлись части вспомогательнаго назначенія, какъ-то: 2 баталіона инвалидовъ и ветерановъ, 4 роты дворцовой стражи и операціонный артиллерійскій полкъ, состоявшій изъ 7 ротъ [2]).

Въ сардинской арміи имѣлись учебныя части для подготовки новобранцевъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ. Для этой цѣли было 21 учебный кадровый баталіонъ [3]) (по одному на каждый пѣхотный полкъ), а для артиллеріи учебная бригада—депо [4]).

Какъ видно изъ приведеннаго перечня, организація сардинской арміи представляла стройную систему, при чемъ особеннаго вниманія заслуживали многочисленныя резервныя войска и учебныя части.

---

[1]) Въ резервномъ полку берсальеровъ состояло 3920 человѣкъ.

[2]) Въ числѣ которыхъ были: 1 рота фейерверкеровъ, 1 рота лаборатористовъ, 1 рота оружейниковъ и 2 роты понтонеровъ.

[3]) Въ каждомъ кадровомъ баталіонѣ было по 156 человѣкъ, всего 3276.

[4]) Въ учебной бригадѣ состояло около 400 человѣкъ.

Въ пѣхотѣ и кавалеріи полки были сведены по 2 въ бригады, а двѣ бригады съ двумя батареями, баталіономъ берсальеровъ и саперной ротой составляли дивизію. 5 батарей артиллеріи, не приданныхъ къ дивизіямъ, назывались позиціонной артиллеріей. Всей арміей командовалъ маршалъ.

Военная служба была обязательна для всѣхъ гражданъ безъ различія сословій и образованія [1]). Ежегодно призывались къ жребію всѣ молодые люди, достигшіе 20-ти лѣтняго возраста, и жребьеметаніемъ рѣшалось, кому служить подъ знаменами; срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ былъ восьмилѣтній и въ запасѣ (безсрочномъ отпуску) столько же, всего 16 лѣтъ. Запасныхъ призывали въ учебные сборы на 1 мѣсяцъ. Резервныя войска комплектовались такимъ же образомъ, но общій срокъ службы въ нихъ былъ 9-ти лѣтній, изъ коихъ въ строю 2 и въ безсрочномъ отпуску 7 лѣтъ. Безсрочно-отпускные резервисты призывались дважды въ учебные сборы. Вынувшіе высшіе номера по жребію и не попавшіе въ ряды войскъ зачислялись въ милицію (національную гвардію), назначавшуюся для пополненія въ военное время полевыхъ и резервныхъ войскъ, а также для гарнизонной службы.

Для подготовки рядовыхъ къ унтеръ-офицерскому званію существовали: школа въ Ракониджи и полковыя учебныя школы.

Офицерами армія комплектовалась главнымъ образомъ воспитанниками военно-учебныхъ заведеній и частью производствомъ достойнѣйшихъ унтеръ-офицеровъ, прошедшихъ двухлѣтній курсъ въ нормальныхъ пѣхотномъ или кавалерійскомъ училищахъ. Для подготовки первой категоріи офицеровъ существовали: 1) военная академія въ Туринѣ, кадетскій корпусъ со спеціальными классами, откуда воспитанники выпускались въ артиллерію и инженерныя войска, 2) пѣхотное нормальное училище въ Іорею и 3) кавалерійское нормальное училище въ Пиньеролѣ.

Пѣхота была вооружена [2]) гладкоствольнымъ ружьемъ съ примкнутымъ штыкомъ. Часть пѣхоты и берсальеры были вооружены нарѣзными штуцерами системы Минье съ прицѣломъ на 800 шаговъ. Вооруженіе конницы состояло изъ сабли, кромѣ которой тяжелая кавалерія имѣла пику, а легкая — карабины. Въ артиллеріи батарейныя батареи имѣли 12-ти фунтовыя, а легкія 6-ти фунтовыя пушки; въ каждой батареѣ имѣлось еще по двѣ гаубицы [3]).

---

[1]) Legge direclutamento 20 Marzo 1854. Giornale militare an. 1854, atto № 9, pag. 161.
[2]) Giornale militare, pag. 622—1080.
[3]) Armamento, munizionamento, materiale, ecc. del corpo reale di artiglieria. Torino, 1855.

Обмундированіе [1]) сардинскихъ войскъ было простое, не щеголеватое, но отвѣчало требованіямъ удобства въ походѣ и прочности. Въ пѣхотѣ и конницѣ короткій мундиръ и шинель свѣтлосѣраго сукна, брюки такіе же. Обувью служили башмаки. Головнымъ уборомъ являлось кепи синяго цвѣта. Артиллерійское обмундированіе шилось изъ синяго сукна съ желтыми воротниками. Снаряженіе было ранцевое, при чемъ имѣлись сухарные мѣшки, котелки, фляги и походныя палатки. Патронныя сумки вмѣщали только по 10 патроновъ.

Въ тактическомъ отношеніи рота дѣлилась на 2 взвода, а взводъ на 2 полувзвода. Огонь изъ строя [2]) примѣнялся двухъ родовъ: залпы (взводами, ротой) и звеньями (главнымъ образомъ

Турецкая артиллерія (съ франц. рис. съ нат.).

при отраженіи атаки кавалеріи). Атака была тоже двухъ родовъ — самостоятельная и контръ-атака. Передъ производствомъ контръ-атаки рота давала залпъ, послѣ чего съ крикомъ „Савойя“ бросалась на врага. Для отраженія внезапнаго нападенія строили ротныя каре. На стрѣлковое дѣло обращалось большое вниманіе. По пересѣченной мѣстности баталіоны двигались повзводно рядами. Уставъ 1853 года былъ очень сложенъ [3]), и въ немъ многое было удержано изъ линейныхъ порядковъ.

Для пріученія къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ различныхъ родовъ войскъ были установлены лагерные сборы. Выработанный порядокъ и распредѣленіе занятій были направлены къ обученію тому, что приходилось бы дѣлать на войнѣ, и къ пріученію солдата переносить труды походной жизни.

---

[1]) Vestiario ed equipaggiamento. Giornale militare 1855, pag. 451.
[2]) Regolamento di esercizi e di evoluzioni della fanteria. 1852.
[3]) Такъ, напр., заряжаніе ружья производилось въ 24 пріема.

Войска сардинскія были воспитаны въ истинно военномъ духѣ; нижніе чины были выносливы, трезвы, расторопны и скромны, а офицеры отличались усердіемъ къ службѣ и преданностью долгу; несмотря на свой энтузіазмъ къ идеѣ независимости и объединенія Италіи, на что смотрѣли какъ на призваніе арміи, они энергично боролись съ проникавшимъ въ армію вліяніемъ соціалъ-демократической партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ немалое значеніе, въ дѣлѣ воспитанія и обученія войскъ, имѣлъ опытъ, хотя и неудачной кампаніи. Изъ беззавѣтной преданности и строгаго отношенія къ службѣ вытекала превосходная дисциплина, что составляло одну изъ лучшихъ сторонъ сардинской арміи. Все это были черты, которыя не могли не придать особой цѣнности этой маленькой арміи.

Какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы, вооруженныя сухопутныя силы союзниковъ достигали солидной цифры, составляя въ общей сложности почти милліонную армію.

	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	Численность.
Франція . .	456	360	1182	430.000
Англія . . .	103	90	312	150.000
Турція . . .	150	131	372	290.000 [1])
Сардинія . .	111	93	256	118.000
Всего . .	820	674	2122	988.000

VI.

Оцѣнивая вооруженныя силы союзниковъ, слѣдуетъ принимать въ расчетъ громадный флотъ, находившійся въ ихъ распоряженіи. *Великобританія* постоянно содержала многочисленный флотъ, и въ этомъ отношеніи, со времени уничтоженія непобѣдимой армады Филиппа II, ей принадлежало первенство. Обладая вмѣстѣ съ тѣмъ обширнѣйшимъ торговымъ флотомъ, въ которомъ по англійскимъ законамъ не менѣе $^3/_4$ экипажа должны были состоять изъ великобританскихъ подданныхъ, Англія имѣла возмож-

[1]) Въ это число вошли вспомогательные контингенты вассальныхъ государствъ 118 т. и иррегулярныя войска 80 т.

ность комплектовать личный составъ флота, какъ и сухопутныя войска, путемъ вербовки [1]).

Тѣмъ не менѣе, сознавая необходимость значительнаго резерва опытныхъ моряковъ, Англія вела списки всему прибрежному ея населенію, которое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, было обязано выставлять опредѣленное число лицъ для военной морской службы.

Кромѣ того, въ экипажахъ судовъ береговой обороны состояло нѣкоторое число волонтеровъ, которыхъ правительство по закону могло привлекать къ службѣ лишь въ прибрежныхъ водахъ, на разстояніи не далѣе 150 миль отъ береговъ Англіи [2]).

Въ 1852 году англійское правительство ввело новыя правила укомплектованія флота нижними чинами, отмѣнивъ насильственную вербовку, что, конечно, значительно улучшило составъ экипажей; по новому положенію нижніе чины флота вербовались на пятилѣтній срокъ, по истеченіи котораго вербовочный договоръ могъ быть возобновленъ; на службу принимались какъ взрослые, такъ и юноши 15-16-ти лѣтняго возраста—юнгами [3]).

Корпусъ офицеровъ великобританскаго флота пополнялся преимущественно молодыми людьми, окончившими Портсмутскій Королевскій морской колледжъ, основанный въ 1729 году, а также тѣми нижними чинами флота, которыхъ капитаны—командиры судовъ—могли, на основаніи древняго закона, производить въ мичмана [4]).

Морскія силы Англіи къ 1854 году раздѣлялись на три совершенно отдѣльныя эскадры: средиземную, эскадру канала—состоявшую изъ судовъ, находившихся въ портахъ Соединеннаго Королевства—и западную, предназначавшуюся для усиленія первыхъ двухъ [5]). Средиземная и западная эскадры, находясь постоянно въ плаваніи, превосходили эскадру канала какъ въ отношеніи боевой готовности, такъ и по подготовкѣ личнаго состава. Особенно плохо была поставлена въ англійскомъ флотѣ стрѣльба, такъ какъ, по свидѣтельству Джемса [6]), были такія суда, на кото-

---

[1]) Шпабе доносилъ въ началѣ 1854 года Великому Князю Константину Николаевичу: „Не рѣшаясь разбирать, до какой степени основательно увѣреніе тѣхъ, которые видятъ въ „*укомплектованіи произвольнаго числа англійскихъ судовъ вопросъ единственно денежный*, я „считаю долгомъ прибавить, что прибѣгнули въ послѣднее время къ мѣрѣ, доселѣ въ Англіи „не слыханной набираютъ на флотъ взрослыхъ людей, никогда не бывшихъ въ морѣ, лишь „бы они соединяли въ себѣ физическія условія, требуемыя суровою службою. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., д. № 24, 1853 г.

[2]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., д. № 24, 1853 г.

[3]) Die Heere und Flotten der Gegenwart, von Zepelin. T. II, стр. 383 и слѣд.

[4]) Исторія военныхъ флотовъ. Шабо-Арно, стр. 384.

[5]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., д. № 24, 1853 г.

[6]) Исторія Великобританскаго флота. T. VI, стр. 112 и 113.

рыхъ для обученія ей иногда за три года не сжигали и одного фунта пороха. По дѣйствовавшей инструкціи дозволялось тратить въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ плаванія не болѣе трети ядеръ, нужныхъ для залпа изъ орудій верхняго дека, а по прошествіи первыхъ шести мѣсяцевъ только половину этого количества. Заключая, что адмиралтейство было противъ учебной стрѣльбы, какъ лишней траты пороха и ядеръ, или увѣренные, что при ограниченныхъ средствахъ для упражненія въ стрѣльбѣ всѣ старанія будутъ тщетны, многіе командиры стрѣляли ядрами только въ непріятеля, употребляя свободное время на обученіе крѣпленія парусовъ и на щегольскую чистоту.

Передъ Восточной войной англійскій флотъ состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ [1]):

	Парусныхъ судовъ.								Паровыхъ.				Всего.			
	Кораблей.					Фрегатовъ.		Мелкихъ.								
	100 пушекъ.	90 и 80 пушекъ.	74 пушки.	Всего орудій.	Команды.	Судовъ.	Команды.	Судовъ.	Команды.	Корабли.	Фрегатовъ 400-500 силъ.	Яхтъ 60-500 силъ.	Команды.	Судовъ.	Орудій.	Команды.	Механическихъ силъ.
Всего. . .	6	9	4	1666	11.175	50	5585	67	5434	11	32	71	16.593	220	4673	38.787	30.573
Въ эскадрахъ:																	
Средиземной . . .	2	6	—	740	6740	1	500	1	145	2	10	10	4490	32	1208	11.875	8092
Канала . .	—	1	—	90	820	—	—	—	—	2	7	1	4106	11	541	4926	4030
Западной.	2	—	1	274	1358	—	—	6	422	2	4	7	1073	22	497	2853	3258

Всего 220 судовъ, на которыхъ было 4673 орудія и состояло 38.787 человѣкъ команды.

Французскій флотъ до сороковыхъ годовъ XIX столѣтія не могъ оправиться отъ удара, нанесеннаго ему подъ Трафальгаромъ, и значеніе его, какъ морской силы, было невелико; но уже съ 1839 года началось поспѣшное его усиленіе, подъ дѣятельнымъ руководствомъ принца Жуанвильскаго. Хотя развитіе французскаго

[1]) Архивъ Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., № 27, 1853 г.

флота не встрѣчало столькихъ благопріятныхъ условій, какъ въ Англіи, но, благодаря принятымъ правительствомъ мѣрамъ, къ началу Восточной войны французскій флотъ занималъ, послѣ Англіи, второе мѣсто какъ по величинѣ его, такъ и по числу паровыхъ судовъ.

Особенное значеніе въ развитіи французскаго флота имѣла постоянная учебная Эволюціонная эскадра, собранная вскорѣ послѣ войны за независимость Греціи въ Левантѣ, подъ начальствомъ адмираловъ де-Риньи и Гюгонъ; теоретическое и практическое обученіе личнаго состава было доведено до совершенства и способствовало объединенію взглядовъ на морское дѣло среди чиновъ французскаго флота, поддерживая также въ нихъ драгоцѣнныя боевыя традиціи.

Эскадра эта, въ серединѣ XIX столѣтія, состояла изъ 5-ти большихъ кораблей, 1 паруснаго фрегата и 6-ти паровыхъ судовъ и являлась грозной боевой силой.

Къ пятидесятымъ годамъ большинство судовъ французскаго флота [1]) были новыя, усовершенствованной конструкціи, съ прекраснымъ рангоутомъ и такелажемъ, хорошо вооруженныя.

Одновременно съ прекраснымъ паруснымъ флотомъ совершенствовался и паровой флотъ, хотя къ началу войны во Франціи преобладалъ еще взглядъ, что винтъ есть средство лишь вспомогательное, отъ котораго можно ожидать, для парусно-паровыхъ судовъ, въ тихую погоду отъ 3 до 4 узловъ ходу въ часъ [2]).

Въ 1853 году французскій флотъ состоялъ изъ 25 кораблей, 38 фрегатовъ и 108 пароходовъ различнаго типа, всего 171 судно съ 35.000 человѣкъ команды.

Комплектованіе флота нижними чинами производилось изъ приморскаго населенія Франціи и лицъ, обитавшихъ близъ устьевъ рѣкъ, въ сферѣ морского прилива, которыя были обязаны нести военную морскую службу, состоя на дѣйствительной службѣ около 3-хъ лѣтъ. Хотя общая численность нижнихъ чиновъ флота съ запасными достигала солидной цифры въ 96.000 [3]), но при трехлѣтнемъ срокѣ дѣйствительной службы они не могли быть одновременно хорошими матросами, артиллеристами и стрѣлками [4]).

---

[1]) Исторія военныхъ флотовъ. Шабо-Арно, стр. 380 и слѣд.
[2]) Revue des deux mondes. 1852, avril. C-te de Williometz.
[3]) Изъ нихъ дѣйствительныхъ матросовъ 60 тыс. и коммерческихъ 36 тыс.
[4]) Морской Сборникъ, 1853 г., февраль, стр. 138.

Такъ какъ на французскихъ судахъ ощущался недостатокъ въ хорошихъ комендорахъ, то при королѣ Луи-Филиппѣ было назначено и вооружено нѣсколько корветовъ, чтобы дать возможность французскимъ матросамъ пріобрѣсти недостававшія имъ, въ виду краткосрочной дѣйствительной службы, знанія и опытность [1]).

Что касается офицеровъ, то ихъ для военнаго времени не хватало, принимая во вниманіе, что многіе изъ адмираловъ и капитановъ, вслѣдствіе очередного производства по линіи, были стары и дряхлы [2]).

Алжирскія туземныя войска (съ франц. лит.).

Обширный кредитъ, вотированный французской палатой, позволилъ энергично подвинуть портовыя работы, для приведенія морскихъ станцій въ состояніе, удовлетворявшее современнымъ требованіямъ.

Турецкій флотъ къ 1853 году состоялъ изъ 7 кораблей (130—74-хъ пушечныхъ), 6 фрегатовъ (64—52-хъ пушечныхъ), 10 корветовъ (44—18-ти пушечныхъ), 14 бриговъ (18—12-ти пушечныхъ), 6 пароходовъ и 28 меньшихъ судовъ,—всего до 70 судовъ съ 4000 орудіями и 15.000 команды.

Начиная съ 1833 года, замѣчается усиленное его развитіе, и въ короткое время онъ, подъ руководствомъ англійскихъ инструкторовъ, настолько совершенствуется, что, по свидѣтельству современныхъ морскихъ авторитетовъ [3]), уже въ пятидесятыхъ годахъ приближается на пути прогресса къ флотамъ европейскихъ державъ.

Несмотря на неблагопріятныя условія восьмимѣсячной стоянки на якорѣ въ Босфорѣ, при полномъ бездѣйствіи, внутренній порядокъ на судахъ, система обученія и дисциплина на турецкихъ военныхъ судахъ были хорошо поставлены. Въ дѣлѣ подготовки турецкаго флота въ пятидесятыхъ годахъ громадное значеніе имѣлъ

---

[1]) Исторія военныхъ флотовъ. Шабо-Арно, стр. 381.

[2]) Морской Сборникъ, 1853 г., февраль, стр. 136.

[3]) Морской Сборникъ, 1853 г., № 9. Записки Аркаса. Lettres sur la Turquie, par Ubicini, изд. 1851 г.

англичанинъ Слэдъ, бывшій начальникомъ Турецкаго морского штаба и инспекторомъ Морского корпуса, который особенное вниманіе обращалъ на благоустройство кораблей, на обученіе личнаго состава и на артиллерійское дѣло.

Комплектованіе флота нижними чинами производилось на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сухопутныхъ войскъ, при чемъ срокъ всей службы во флотѣ былъ 15-ти лѣтній, изъ коихъ на дѣйствительной—8 и въ резервѣ (редифъ) флота—7 лѣтъ [1]).

Для подготовки морскихъ офицеровъ и инженеровъ существовалъ съ 1770 года морской корпусъ, подъ названіемъ математической школы, съ 9-ти лѣтнимъ курсомъ.

Кромѣ матросовъ, у турокъ имѣлась еще морская бригада, численностью до 4000 нижнихъ чиновъ, подъ командой сухопутнаго генерала, предназначавшаяся главнымъ образомъ для занятія карауловъ въ учрежденіяхъ морского вѣдомства и для десантныхъ операцій.

Машинистами на турецкихъ паровыхъ судахъ служили большею частью англичане, что весьма стѣсняло какъ командировъ судовъ, такъ и адмиралтейство, въ виду того, что самое незначительное число турокъ подготовлялось практически на судахъ къ замѣщенію должностей машинистовъ.

По свидѣтельству англійскихъ морскихъ офицеровъ постройка турецкихъ судовъ была превосходна, а машины ихъ пароходовъ изготовлены въ Англіи по новѣйшимъ образцамъ. Артиллерія въ хорошемъ состояніи, несмотря на то, что она не подверглась коренному измѣненію; обученіемъ стрѣльбѣ турки занимались много и усердно [2]).

---

[1]) Арх. Военно-Учен. Комитета, отд. 2, № 4250.
[2]) Морской Сборникъ, 1853 г., № 9, стр. 32.

Глава XV.

I [1]).

На военное могущество государства въ значительной степени вліяетъ, кромѣ величины и устройства его сухопутныхъ и морскихъ силъ, протяженіе и очертаніе его границъ, а также мѣры, предпринятыя для ихъ защиты.

Протяженіе всѣхъ границъ Россійской Имперіи доходило до 20.000 верстъ, при чемъ она соприкасалась съ владѣніями свыше десяти самостоятельныхъ государствъ. Болѣе двухъ третей всей пограничной линіи приходилось на долю морскихъ границъ и около трети на долю сухопутныхъ.

Невыгодная сторона существованія громадной пограничной линіи нашего Отечества уменьшалась тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть границы проходила по мѣстамъ, совершенно недоступнымъ, или же соприкасалась съ государствами слабыми и, такимъ образомъ, не требовала для своей охраны ни войскъ, ни крѣпостей.

Наша сѣверная граница, омываемая на всемъ своемъ протяженіи Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и его морями, являлась почти совершенно недоступною для непріятельскаго вторженія, какъ по свойствамъ этого океана, такъ и благодаря необитаемой на многія сотни верстъ въ глубину прибрежной полосѣ.

Лишь только западная ея часть, Бѣлое море, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ была доступна для вторженія непріятельскихъ флотовъ.

---

[1]) Арх. В. У. К. Гл. шт., отд. 2, дд. №№ 4272, 4321 и другія.

Здѣсь, на всемъ протяженіи отъ Варангерфіорда или отъ Норвежской границы до устья Сѣверной Двины, т.-е. на протяженіи 900 верстъ, была только одна *Новодвинская крѣпость* [1]), построенная у устья Сѣверной Двины, въ 18-ти верстахъ ниже Архангельскаго порта, для обезпеченія этого послѣдняго. Крѣпость эта состояла изъ четырехугольнаго редута съ бастіонами, вооруженными 54 орудіями. Самый фарватеръ рѣки защищался Новодвинскомъ слабо, и для успѣшной обороны подступовъ къ Архангельску необходимо было построить впереди крѣпости батареи, при отсутствіи которыхъ непріятель могъ почти безнаказанно произвести высадку [2]).

Турецкая пѣхота
(съ грав. на дер., по рис. Раффе).

На крайнемъ востокѣ русскія владѣнія соприкасались на Курильскихъ островахъ съ японскими и въ Америкѣ съ англійскими. Эти страны были мало населены и въ военномъ отношеніи не имѣли значенія ни для Россіи, ни для ея сосѣдей. Мы здѣсь имѣли лишь нѣсколько полевыхъ укрѣпленій у *Петропавловскаго порта,* послужившихъ единственнымъ полемъ дѣйствій во время Восточной войны.

На югѣ, на протяженіи многихъ тысячъ верстъ, мы соприкасались съ Китайской Имперіей, при чемъ отъ Великаго океана до сліянія рѣки Аргуни съ Шилкою граница не была даже точно опредѣлена и шла по горамъ сѣвернѣе рѣки Амура. Отъ сліянія рѣки Аргуни съ Шилкою границу составляли рѣка Аргунь, горы Саянскія и Алтайскія, до верховьевъ рѣки Иртыша, и горы Ала-Тау южнѣе озера Исыкъ-куль.

На всемъ этомъ пространствѣ, къ востоку отъ верховьевъ Иртыша, мы непосредственно соприкасались съ китайцами, миролюбіе которыхъ не вызывало никакой необходимости имѣть здѣсь укрѣпленія, и русскія владѣнія въ достаточной степени обезпечивались естественными преградами и постами отъ Сибирскихъ войскъ. Но къ западу отъ верховьевъ Иртыша, вдоль границы

---

[1]) Арх. К. В. мин., 1856 г., секр. д. № 71.
[2]) Арх. В. У. К. Гл. шт., отд. 2, д. № 5519.

кочевали киргизскія племена, и, для обезпеченія нашихъ владѣній отъ набѣговъ кочевыхъ азіатовъ, были устроены, на протяженіи трехъ съ половиной тысячъ верстъ, двѣ укрѣпленныя линіи: *Оренбургская* — отъ Каспійскаго моря, по рѣкѣ Уралу и другимъ рѣчкамъ, до Орской крѣпости и далѣе по рѣкѣ Тоболу и *Сибирская* — отъ форпоста Песчанаго, черезъ Петропавловскъ и Омскъ, по рѣкѣ Иртышу, до Бухтарминской станицы. Эти линіи состояли изъ нѣсколькихъ малыхъ крѣпостей и укрѣпленій и охранялись постами, выставляемыми Уральскими, Оренбургскими и Сибирскими казаками.

Въ Средней Азіи мы соприкасались съ ханствами Кокандскимъ и Хивинскимъ, граница съ которыми не была въ точности опредѣлена никакими трактатами, и русскія владѣнія здѣсь распространялись отъ форта Перовскаго, по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, черезъ Аральское море и далѣе до Каспійскаго моря приблизительно по параллели 44° сѣверной широты.

Исключительное господство на Каспійскомъ морѣ было предоставлено русскому флоту, при чемъ, на основаніи Туркманчайскаго мира 1826 года, Россія обязывалась охранять берега Персіи отъ туркменскихъ морскихъ разбойниковъ. Такимъ образомъ Каспійское море являлось внутреннимъ русскимъ моремъ и имѣло лишь значеніе кратчайшаго сообщенія съ Закавказьемъ. Берега его особаго охраненія не требовали, и на немъ имѣлись только двѣ слабыя крѣпости *Дербентъ* и *Баку* и укрѣпленіе *Ленкоранское*.

Совершенно иное значеніе имѣли наши границы на западѣ, а также и на югѣ, въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа. Здѣсь мы соприкасались съ сильными Европейскими государствами и воинственными племенами Кавказа, поддерживаемыми въ своей борьбѣ съ нами Оттоманской Портой, и въ то же время эта часть границы не представляла для вторженія непріятеля, кромѣ Кавказа, никакихъ серіозныхъ естественныхъ преградъ.

Очевидно поэтому, что все вниманіе Правительства было обращено на приданіе большей обороноспособности нашей границѣ съ Европейскими Государствами и Турціей.

И въ этомъ отношеніи Россія многимъ обязана Императору Николаю Павловичу, который впервые положилъ прочное основаніе стройной системѣ обороны границъ Государства, существующей и по настоящее время [1]). При его же дѣятельномъ участіи у насъ

---

[1]) Въ приложеніи № 202 помѣщается собственноручная записка Императора Николая объ укрѣпленіи западной границы, относящаяся къ 1843 году.

образовался отличный корпусъ инженерныхъ офицеровъ, который за время царствованія Императора Николая выдвинулъ изъ своей среды много выдающихся дѣятелей, а во время Восточной войны вполнѣ оправдалъ заботы о себѣ своего основателя.

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія вся наша западная граница была почти совсѣмъ открыта, и на протяженіи отъ Балтійскаго до Чернаго морей имѣлось всего семь крѣпостей. Кронштадтъ къ этому времени состоялъ изъ столѣтнихъ Петровскихъ укрѣпленій, пришедшихъ въ совершенную ветхость, а въ Севастополѣ имѣлось лишь нѣсколько земляныхъ батарей, устроенныхъ по распоряженію разныхъ флотскихъ начальниковъ безъ какого-либо общаго плана.

Государь не только лично принималъ самое дѣятельное участіе въ начертаніи общаго плана обороны Государства, но и въ утвержденіи проектовъ каждой крѣпости. Къ началу Восточной войны, однако, планъ Государя не былъ окончательно приведенъ въ исполненіе, и къ этому времени мы имѣли на западной границѣ только одну вполнѣ законченную крѣпость, а именно Новогеоргіевскую.

Эта часть границы также не на всемъ своемъ протяженіи имѣла для насъ одинаково важное значеніе.

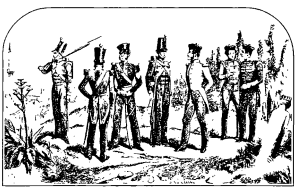
Отъ Ледовитаго океана до Ботническаго залива мы соприкасались со Швеціей; граница здѣсь проходила по мѣстности, мало населенной и не имѣвшей въ военномъ отношеніи какого-либо значенія.

Далѣе границу составляло Балтійское море, омывавшее наши предѣлы отъ Торнео до Либавы, на протяженіи около трехъ тысячъ верстъ, и составлявшее самую важную для насъ морскую границу. Здѣсь находилась столица Государства, здѣсь же была сосредоточена большая часть нашего военнаго флота и нашей заграничной торговли. Но, къ сожалѣнію, въ военномъ отношеніи Балтійское море, въ особенности при борьбѣ съ врагомъ, имѣвшимъ болѣе сильный флотъ, предоставляло для насъ очень много невыгодныхъ сторонъ.

Финляндскій берегъ, имѣвшій протяженія болѣе 1200 верстъ, образовалъ со своими многочисленными островами и шхерами цѣлую массу удобныхъ для высадки мѣстъ и требовалъ для обороны большого количества войскъ и мелко сидящихъ судовъ шхерной флотиліи. Южный или Прибалтійскій берегъ, хотя и имѣлъ въ своей восточной части незначительное число пунктовъ,

удобныхъ для высадки, но по мѣрѣ удаленія къ западу, у береговъ Эстляндіи и отчасти Лифляндіи, число такихъ пунктовъ значительно увеличивалось.

Выходы изъ Балтійскаго моря не находились въ нашихъ рукахъ, благодаря чему, Прибалтійскій край могъ всегда сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій. Превосходный въ силахъ непріятельскій флотъ, занявъ центральное положеніе, имѣлъ возможность почти безнаказанно угрожать намъ высадкой въ любомъ направленіи, такъ какъ быстро сосредоточить войска ко всякому пункту длинной линіи Балтійскаго побережья, при отсутствіи



Англійскія войска (съ грав. на дер., по рис. И. Отто).

къ тому же желѣзныхъ дорогъ, было для насъ дѣломъ невозможнымъ.

Искусственныя мѣры для увеличенія обороноспособности Балтійскаго моря и его побережья въ 1853 году сводились къ слѣдующему:

Центромъ всей обороны и убѣжищемъ для Балтійскаго флота служила *Кронштадтская крѣпость,* расположенная въ 30 верстахъ отъ Петербурга, въ Финскомъ заливѣ, на островѣ Котлинѣ, прикрывая такимъ образомъ столицу и входъ въ устье Невы. Въ ней были сосредоточены арсеналы, мастерскія, склады и разныя другія учрежденія морского вѣдомства; весь Балтійскій флотъ легко укрывался за укрѣпленіями Кронштадта. Отъ Финляндскаго берега до крѣпости считалось около 9 верстъ и отъ Ораніенбаумскаго — около 6 верстъ.

Усиленныя мѣры для приведенія Кронштадта въ видъ, соотвѣтствовавшій современнымъ требованіямъ, были приняты только въ царствованіе Императора Николая.

И самъ Государь, и лица, близкія къ нему, считали укрѣпленія Кронштадта непреодолимыми [1]). Военный министръ князь Долгоруковъ находилъ даже, что при взглядѣ на Кронштадтъ, нельзя не прійти въ восхищеніе, настолько общій видъ его производитъ въ высшей степени внушительное впечатлѣніе [2]), но въ дѣйствительности крѣпость эта далеко не представляла изъ себя той грозной силы, которую въ ней предполагали.

Къ 1853 году Кронштадтскія укрѣпленія заключали въ себѣ сухопутные верки, морскіе форты и батареи.

Сухопутные верки были расположены на островѣ Котлинѣ и состояли изъ бастіонныхъ фронтовъ съ казематированными башнями и оборонительными казармами.

Форты, защищавшіе южный фарватеръ, были расположены въ двѣ линіи; въ первой—гранитные форты „Императоръ Александръ I“ и „Императоръ Павелъ“, во второй—„Императоръ Петръ I“, „Кроншлотъ“, съ четырьмя каменными бастіонами, и „Князь Меншиковъ“—четырехъэтажная казематированная батарея. Купеческая гавань была защищена купеческою стѣнкой, состоявшей изъ двухъ каменныхъ стѣнъ, приспособленныхъ къ оборонѣ.

Къ 1854 году многія изъ укрѣпленій далеко еще не были закончены постройкой, а въ томъ числѣ и важнѣйшіе форты „Павелъ I“ и „Александръ I“. Многіе верки имѣли въ чисто инженерномъ отношеніи весьма большіе недостатки [3]): толщина сводовъ казематированныхъ батарей была слишкомъ мала, непомѣрная высота нѣкоторыхъ фортовъ вредила ихъ прочности; въ обезпеченныхъ отъ навѣснаго огня крытыхъ помѣщеніяхъ для запасовъ пороха и продовольствія ощущался недостатокъ [4]).

Но, кромѣ того, и въ самой системѣ Кронштадтскихъ укрѣпленій существовали весьма важные промахи.

---

[1]) „Государь сказалъ, отмѣтилъ князь Меншиковъ въ своемъ рукописномъ дневникѣ „5 марта 1837 года, что изъ опытовъ, произведенныхъ въ Кронштадтѣ, онъ удостовѣрился „въ невозможности пробраться мимо фортовъ“.

[2]) Военный министръ князь Долгоруковъ сообщалъ князю Меншикову 8 мая 1854 года (А. В. У. К. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254), что „hier j'ai été voir Kronstadt avec Sa Majesté. „Il est impossible de ne pas être émerveillé de tout ce qui y a été fait. L'ensemble a un aspect „des plus imposants“.

[3]) Арх. В. У. Ком. Гл. шт., отд. 2, № 4322.

[4]) Въ Кронштадтѣ имѣлось помѣщенія на: 8293 чел., 12.100 четв. пров. и 11.916 пуд. пор. Арх. К. В. мин., 1856 г., секр. д. № 71.

Сѣверный фарватеръ считался нашими инженерами недоступнымъ по глубинѣ для непріятельскихъ судовъ [1]), а потому былъ совершенно открытъ и не обезпеченъ отъ бомбардированія съ моря.

Между тѣмъ онъ, „вопреки существовавшему мнѣнію, оказался удобнымъ для прохода непріятельскихъ судовъ“ [2]). Преграждавшіе южный рейдъ форты „Императоръ Павелъ I“ и „Александръ I“ были приспособлены лишь для ближней обороны. Будучи выдвинуты отъ Купеческой гавани всего на 900 саженей, они могли сосредоточить сильный перекрестный огонь на близкомъ разстояніи, но что касается до обстрѣливанія фарватера вдоль, то это возможно было лишь въ самой слабой степени. Такимъ образомъ въ разстояніи около 2000 саженей отъ фортовъ непріятель могъ почти безнаказанно сосредоточить свой флотъ.

Пятиверстное пространство между фортомъ „Императоръ Павелъ I“ и Ораніенбаумскимъ берегомъ оставалось почти безъ обороны, а между тѣмъ съ этой стороны легко могли прорваться мелкосидящія суда.

Западный фронтъ главной крѣпостной ограды утратилъ, вслѣдствіе близости гавани къ городу, свое первоначальное значеніе, и, для воспрепятствованія непріятелю произвести высадку на косѣ, необходимо было укрѣпить ее вынесенною впередъ новою оборонительною линіей. Въ противномъ случаѣ, непріятель легко могъ тамъ высадиться и, утвердившись на узкомъ перешейкѣ, вести правильную осаду. Это для Кронштадта представлялось тѣмъ болѣе невыгоднымъ, что съ его верковъ нельзя было ни дѣйствовать противъ фланговъ непріятеля, ни предпринять вылазки [3]).

Хотя въ нашихъ офиціальныхъ сферахъ [4]), пробужденныхъ надвигавшейся грозой, и надѣялись, что Кронштадтъ будетъ въ состояніи оказать упорное сопротивленіе даже самой сильной атакѣ флота, но въ то же время сознавали, что необходимо было при-

---

[1]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1853 г., д. № 24.—Донесеніе кн. Меншикова генералъ-адмиралу въ январѣ 1854 года, въ которомъ онъ между прочимъ писалъ: „Распо„ложеніе кораблей между Кронштадтомъ и Лисьимъ носомъ по одну или другую сторону „загражденія невозможно, по недостатку глубины, и въ этомъ отношеніи 1809 годъ не можетъ „служить примѣромъ. Корабли того времени были меньшихъ размѣровъ, многіе 60-ти пушеч„наго ранга, не вполнѣ вооруженные; они подходили ближе къ блокшифамъ, чѣмъ къ море„ходнымъ судамъ“.

[2]) Рукоп. дневн. фл.-ад. Н. А. Аркаса.

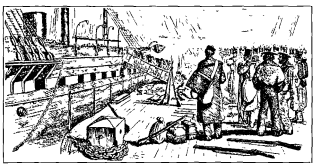
[3]) Шильдеръ. „Графъ Тотлебенъ“, біограф. очеркъ, изд. 1886 г.

[4]) Арх. В. У. К. Гл. шт., отд. 2, д. № 4276.

нять серіозныя мѣры для усиленія обороны, какъ возведеніемъ новыхъ промежуточныхъ батарей и укрѣпленій, такъ и улучшеніемъ существовавшихъ верковъ.

Въ 1854 году на всѣхъ Кронштадтскихъ укрѣпленіяхъ, приведенныхъ въ оборонительное положеніе, было 1022 [1]) орудія, изъ числа которыхъ на фортѣ Павелъ I—171, на фортѣ Александръ I—123, на батареѣ князь Меншиковъ—44 и на Купеческой стѣнкѣ—113 [2]).

Важнѣйшимъ послѣ Кронштадта пунктомъ на Балтійскомъ морѣ была крѣпость *Свеаборгъ*, прикрывавшая Гельсингфорсъ и



Англійскія войска въ походной формѣ (съ англ. грав. на дер.).

лучшій рейдъ, который могъ служить главнымъ мѣстомъ стоянки нашей шхерной флотиліи [3]). Кромѣ того, нашъ флотъ, сосредоточенный въ Свеаборгѣ, имѣлъ возможность дѣйствовать во флангъ и тылъ непріятельской эскадры, грозившей Кронштадту, и во всякомъ случаѣ заставлялъ непріятеля отдѣлить противъ него часть своихъ силъ. Наконецъ, Свеаборгъ имѣлъ значеніе и въ смыслѣ удобства маневрированія нашего флота, представляя для него сильный опорный пунктъ [4]).

Но, къ сожалѣнію, къ началу Восточной войны крѣпость далеко не была въ томъ видѣ, въ какомъ ей надлежало быть, въ виду огромнаго значенія въ отношеніи нашей обороноспособности. Общая система Свеаборгскихъ укрѣпленій оставалась почти неизмѣнною съ 1809 года, и до 1853 года ничего не было предпри-

---

[1]) Арх. Канц. Военн. мин., 1856 г., с. д. № 71; по Богдановичу, по Шильдеру—969 орд.

[2]) Таблицу состоянія крѣпостей см. въ прилож. № 203.

[3]) Арх. Канц. Военн. мин., 1856 г., секр. д. № 71.

[4]) Мнѣнія адмираловъ, представя. Вел. Кн. Константину Николаевичу въ январѣ 1854 г. Арх. Морск. мин.

нято для ея усиленія и улучшенія. Стѣны главныхъ Свеаборгскихъ укрѣпленій (Густавсвердскихъ) были до того ветхи, что комендантъ, генералъ Сорокинъ, не рисковалъ даже произвести съ нихъ лѣтомъ 1854 года пробную стрѣльбу, увѣряя, что отъ перваго выстрѣла стѣны разрушатся. И, дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ пробныхъ выстрѣловъ стѣны рухнули, въ виду непріятельскаго флота. Острова, съ которыхъ можно было бы обстрѣливать непріятеля, и которые давали ему возможность скрытно произвести высадку, нами не были совершенно заняты, и только лѣтомъ 1854 года, благодаря анонимному донесенію Государю, было приступлено къ ихъ укрѣпленію [1]). Профили укрѣпленій по своей тонкости не могли выдержать сотрясенія бомбическихъ орудій, и „если бы непріятель зналъ, что у насъ „въ Свеаборгѣ было только 9 бомбическихъ орудій, если бы „онъ зналъ состояніе стѣнъ, малость и малочисленность нашей „артиллеріи, несовершенство ихъ вооруженія, то еще осенью „1854 года разрушилъ бы все. Но фальшивая слава Свеаборга „заставила его отложить свое намѣреніе до собранія положи„тельныхъ свѣдѣній“ [2]).

Однако, попытка союзнаго флота противъ Свеаборга, произведенная имъ въ слѣдующемъ году, не увѣнчалась, какъ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ, положительными для союзниковъ результатами.

Крѣпость занимала шесть небольшихъ гранитныхъ острововъ въ двухъ верстахъ отъ Гельсингфорса, отдѣленнаго отъ нея заливомъ [3]).

Фронтальная оборона была слаба и состояла исключительно изъ земляныхъ батарей, пришедшихъ въ большей своей части въ совершенную негодность [4]). Главнѣйшее вниманіе строителей было обращено на оборону со стороны рейда, но и эта часть крѣпости если и была достаточно сильна, то только противъ парусныхъ судовъ стараго времени, когда корабли были вооружены орудіями не болѣе 30-ти фунтового калибра. Самыя фортификаціонныя сооруженія имѣли очень мало казематированныхъ помѣщеній для

---

[1]) Донес. контръ-адм. Матюшкина ген.-адм. отъ 26 сент. 1854 г. Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 45; Журн. Военн. сов. 16 іюня 1854 г., по привед. Свеаборгской крѣпости въ надлежащій видъ. Арх. Морск. мин., Инсп. Деп., I отд., 2 ст., 1854 г., д. № 167; Рукоп. дневн. фл.-ад. Аркаса.

[2]) Изъ донесенія к.-адм. Матюшкина отъ 26 августа 1854 года.

[3]) Арх. Канц. Военн. мин., 1856 г., секр. д. № 71.

[4]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 45.

гарнизона и пороховыхъ запасовъ [1]). Островъ Скансландъ, ближайшій къ крѣпости и командовавшій ею, вовсе не былъ укрѣпленъ, такъ же какъ и тѣ два острова, о которыхъ упоминалось выше; непріятелю представлялась возможность проникнуть на рейдъ, атаковать крѣпость съ тыла и бомбардировать оттуда Гельсингфорсъ [2]). Безопасность Свеаборгскаго рейда и самой крѣпости требовала какъ укрѣпленія нѣсколькихъ сосѣднихъ острововъ, такъ и обезпеченія Гельсингфорса отъ атаки съ сухого пути. Между тѣмъ съ этой стороны не было никакихъ укрѣпленій, и Гельсингфорсъ не былъ обезпеченъ отъ бомбардированія.

Во всякомъ случаѣ Свеаборгъ не могъ бы устоять противъ соединенной атаки, веденной одновременно съ моря и съ суши.

На вооруженіи крѣпости къ 1854 году состояло 333 орудія, изъ которыхъ 9 бомбическихъ, 10—36-ти фунтовыхъ, 91—30-ти фунтовыхъ и остальныя меньшаго калибра [3]).

Слѣдующее по важности на Финляндскомъ берегу мѣсто принадлежало крѣпости *Выборгъ*, расположенной въ 120 верстахъ отъ Петербурга на перешейкѣ между Финскимъ заливомъ и Саймінскимъ озеромъ, черезъ который проходили важнѣйшіе пути изъ Финляндіи въ Россію. Въ этомъ заключалось значеніе Выборга.

Крѣпость была старинной шведской постройки и къ началу войны состояла изъ девяти бастіонныхъ фронтовъ, окружавшихъ городъ, предмостнаго укрѣпленія и древняго замка. Всѣ они содержались въ порядкѣ. Прибрежныя же укрѣпленія на островахъ, оборонявшихъ проливъ, были совсѣмъ запущены и возобновлены только въ 1854 году, съ приведеніемъ Выборга въ оборонительное положеніе [4]).

Далѣе по Финляндскому берегу для прикрытія болѣе значительныхъ заливовъ и рейдовъ существовали укрѣпленія *Роченсальмское, Свартгольмское* и *Гангеудскія* [5]). Всѣ эти укрѣпленія по своей слабости могли играть роль не болѣе какъ наблюдательныхъ постовъ; существованіе ихъ и занятіе войсками приносило намъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ пунктовъ не могъ выдержать атаки даже одного флота безъ десантныхъ войскъ. Большая ихъ часть была упразднена еще до

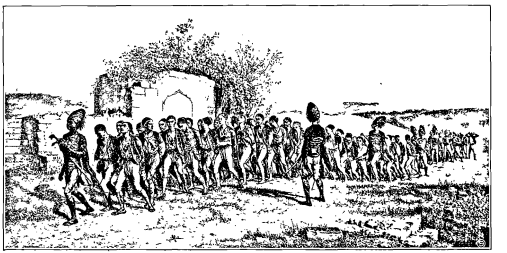
---

[1]) См. прилож. № 203.
[2]) Арх. В. Уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4321.
[3]) Арх. Морск. мин., Канц. Ген.-Адм., 1854 г., д. № 45. Ср. съ прилож. № 203.
[4]) Вооруженіе см. въ прилож. № 203.
[5]) Вооруженіе см. прилож. № 204.

войны (кромѣ Гангеудскихъ), а остальныя были нами разоружены и разрушены во время самой войны [1]).

Нѣсколько иное значеніе имѣли *Аландскія* укрѣпленія, расположенныя на островахъ того же имени у входа въ Ботническій заливъ.

Идея этихъ укрѣпленій всецѣло принадлежала Императору Николаю Павловичу и главнымъ образомъ заключалась въ образованіи опорнаго пункта внѣ Финскаго залива для активнаго дѣйствія нашего флота и для поддержанія господства его на Балтійскомъ морѣ. Такъ на нихъ смотрѣли и



Сборъ турецкихъ рекрутъ (съ лит. Лемерсье, по рис. Раффе).

англичане, протестуя противъ намѣренія Государя укрѣпить Аландскіе острова [2]).

Проектъ Аландскихъ укрѣпленій былъ составленъ лично Государемъ еще въ 1831 году; тогда же было приступлено и къ работамъ. Для прикрытія порта предполагалось построить одинъ главный фортъ на 2500 человѣкъ и пять большихъ отдѣльныхъ каменныхъ башенъ; кромѣ того, на окружающихъ гавань мелкихъ островахъ предполагалось построить еще семь башенъ. Но къ 1853 году была готова только большая оборонительная казарма съ горжевымъ капониромъ, двумя офицерскими оборонительными зданіями, одна башня къ западу отъ казармъ при Бомарзундѣ

[1]) Пр. Военн. мин., 1851 г., № 82. Арх. К. В. У. К. Гл. шт., отд. 2, д. № 4321.
[2]) См. главу VII.

и три отдѣльныя оборонительныя башни у мыса Нотвика и на островѣ Престъ-Э [1]). При орудіяхъ и подъ ружьемъ къ этому времени состояло не болѣе 1600 человѣкъ, орудій же было 112 [2]).

Какихъ-либо данныхъ о томъ, былъ ли Государь лично въ Бомарзундѣ, въ особенности въ послѣднее передъ войной время, не имѣется, но, судя по дневнику флигель-адъютанта Аркаса [3]), онъ въ 1854 году считалъ эту крѣпость „превосходной, сильной „и хорошо снабженной".

Нельзя и въ этой идеѣ выдвинутаго впередъ порта не отмѣтить правильнаго военнаго взгляда Императора Николая, при чемъ и самые проекты укрѣпленій вполнѣ соотвѣтствовали состоянію артиллерійскаго и инженернаго искусства эпохи ихъ составленія. Но бѣда въ томъ, что они явились на судъ исторіи двадцать три года спустя и въ размѣрѣ только одной пятой части проектированнаго въ 1831 году, безъ всякаго примѣненія къ новымъ даннымъ артиллерійской техники и при обстоятельствахъ, уничтожавшихъ возможность активнаго дѣйствія флота.

Что касается до обороны Эстляндскаго побережья, на которомъ находилось наибольшее количество удобныхъ для высадки мѣстъ, то какихъ-либо сильныхъ опорныхъ пунктовъ на немъ не имѣлось. Существовавшія укрѣпленія *въ Ревелѣ, Ригѣ съ Динамюнде* [4]) и въ особенности *въ Нарвѣ* не представляли изъ себя крѣпостей, которыя могли бы выдержать осаду, хотя бы только въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Ревель былъ единственнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ для защиты Эстляндіи. Крѣпость представляла изъ себя древнія сухопутныя укрѣпленія, окружавшія Вышгородскій замокъ.

Укрѣпленія были совершенно запущены, и оборонять Ревельскій рейдъ могла только береговая батарея, а для прикрытія города могъ служить только одинъ бастіонный фронтъ и Вышгородская цитадель. Съ сухопутной стороны Ревельская крѣпость была окружена командующими высотами, и, кромѣ того, непріятель могъ лишить гарнизонъ и жителей воды [5]).

---

[1]) Арх. Канц. Военн. мин., 1856 г., с. д. № 71 и Морск. Сборн., 1895 г., № 11. „О сооруж. порта Императора Александра III" Жаринцова. Шильдеръ. „Графъ Тотлебенъ".

[2]) См. прилож. № 204.

[3]) Рукоп. отд. музея Севаст. обороны.

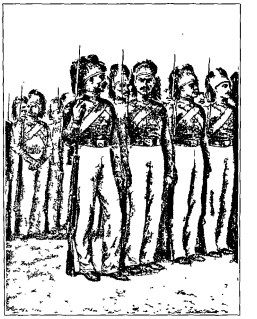
[4]) См. прилож. № 203.

[5]) Арх. Канц. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, дд. №№ 4323 и 4272.

Впрочемъ, такое состояніе Ревеля вполнѣ соотвѣтствовало и существовавшему взгляду на его назначеніе [1]). „Ревель не есть „крѣпость“, писалъ Государь въ 1854 году, „ибо давно брошена „по безполезности. Ревель есть „позиція и сильная позиція для „защиты тыла порта“ [2]).

Въ 1854 году на сухопутныхъ и приморскихъ укрѣпленіяхъ Ревеля было 556 орудій [3]).

Динамюнде, расположенный при впаденіи Западной Двины въ Рижскій заливъ, въ 15-ти верстахъ отъ Риги, преграждалъ доступъ къ этому городу съ моря.



Турецкая пѣхота
(съ лит. Лемерсье, по рис. Раффе).

Крѣпость состояла изъ шести тѣсныхъ бастіоновъ съ пятью равелинами, съ каменными эскарпами и водянымъ рвомъ. Со стороны моря она была въ удовлетворительномъ состояніи и могла обстрѣливать фарватеръ, но съ сухого пути не могла выдержать осады [4]). Входы въ Двину не были загораживаемы [5]).

Нарвская крѣпость была расположена на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, въ 4-хъ верстахъ отъ впаденія ея въ Финскій заливъ, на единственномъ въ то время сухомъ пути сообщенія Петербурга съ Остзейскимъ краемъ. Она имѣла назначеніемъ охранять, при содѣйствіи корпуса войскъ, отъ непріятельскихъ десантовъ близкое къ столицѣ прибрежье [6]). Укрѣпленія Нарвы состояли изъ 8-ми земляныхъ бастіонныхъ фронтовъ съ двумя древними замками. Крѣпость была запущена и находилась въ такомъ состояніи, что не могла оказать сопротивленія даже открытому нападенію. Устья рѣки не были обезпечены укрѣпленіями отъ доступа съ моря [7]).

---

[1]) Состояніе Ревеля ко времени войны и значеніе его лучше всего видны изъ письма генералъ-адъютанта Берга къ военному министру, которое помѣщается въ приложеніи № 205.
[2]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4276.
[3]) См. приложеніе № 203.
[4]) См. приложеніе № 203.
[5]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4272.
[6]) Арх. Канц. Военн. мин., 1856 г., секр. д. № 71.
[7]) Вооруж. см. приложеніе № 203.

Чтобы окончить обзоръ Балтійскаго побережья, слѣдуетъ упомянуть еще о *Петропавловской крѣпости* въ С.-Петербургѣ, которая никакого военнаго значенія не имѣла и могла развѣ служить редюитомъ временныхъ укрѣпленій, построенныхъ въ Восточную войну въ устьяхъ Невы.

II.

Отъ мѣстечка Полангена, что на Балтійскомъ морѣ, и до устья Дуная на Черномъ морѣ проходила наша наиболѣе важная и опасная сухопутная граница. Здѣсь мы на протяженіи 2200 верстъ соприкасались съ Пруссіей, Австріей и Дунайскими княжествами, при чемъ на всемъ этомъ протяженіи граница не имѣла значительныхъ естественныхъ преградъ.

Характерную особенность упомянутой сухопутной границы составлялъ глубоко вдающійся въ предѣлы Пруссіи и Австріи четырехугольникъ, образуемый такъ называемыми Привислянскими губерніями. Для наступательныхъ дѣйствій противъ обоихъ поименованныхъ государствъ эта выдающаяся часть нашей границы представляла большія удобства, но совершенно иное значеніе она имѣла при оборонѣ. Непріятель движеніемъ въ тылъ легко могъ отрѣзать войска, тамъ расположенныя, отъ прочихъ силъ Государства.

Такъ какъ къ тому же, въ случаѣ войны съ западными сосѣдями, Привислянскія губерніи при всякой политической комбинаціи должны были сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій, то на оборонительную силу этого участка западной границы нашимъ Правительствомъ было обращено особое вниманіе.

Въ теченіяхъ рѣкъ Вислы и перпендикулярно впадающихъ въ нее Буго-Нарева и Вепржа съ ихъ болотистыми долинами мы имѣли готовый опорный пунктъ, въ которомъ наша армія могла удерживаться противъ превосходнаго въ силахъ противника. Но этотъ сильный по своимъ мѣстнымъ свойствамъ участокъ былъ, кромѣ того, обезпеченъ рядомъ возведенныхъ крѣпостей: *Новогеоргіевскъ, Александровская цитадель* въ Варшавѣ, *Ивангородъ* и *Брестъ Литовскій*.

Новогеоргіевская крѣпость была расположена при впаденіи рѣки Наровы въ Вислу. Къ 1853 году она была вполнѣ отстроена

и, удовлетворяя почти всѣмъ требованіямъ военно-инженернаго искусства того времени, была безспорно лучшей изъ нашихъ первоклассныхъ крѣпостей [1]).

Александровская цитадель въ Варшавѣ по своей слабости не могла собственно считаться крѣпостью, способной выдержать правильную осаду, и имѣла значеніе больше, какъ опорный пунктъ Варшавы [2]).

Ивангородъ былъ расположенъ на правомъ берегу Вислы при впаденіи въ него Вепржа. Крѣпость не представляла изъ себя достаточнаго оплота противъ правильной осады, не была еще закончена постройкой и требовала усиленія своихъ верковъ [3]). По мнѣнію генералъ-адъютанта Сумарокова, Ивангородъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ уже въ 1855 году, т.-е. послѣ приведенія его въ оборонительное положеніе, не могъ бы выдержать и двухъ недѣль правильной осады [4]).

Брестъ-Литовская крѣпость составляла тылъ четырехугольника, защищаемаго Буго-Наревомъ, Вислою и Вепржемъ. Она состояла изъ цитадели и главной ограды, образуемой тремя отдѣльными укрѣпленіями. Къ 1853 году была окончательно достроена только цитадель, и обезпечено отъ нечаяннаго нападенія одно изъ трехъ главныхъ укрѣпленій [5]). Вообще крѣпость для того, чтобы быть въ состояніи выдержать правильную осаду, требовала большихъ работъ для ея усиленія [6]).

Къ этой же группѣ крѣпостей слѣдуетъ отнести и незначительную крѣпость *Замостье,* находившуюся въ узлѣ дорогъ, на правомъ берегу притока р. Вепржа, въ болотистой и лѣсистой мѣстности.

Начиная примѣрно отъ Брестъ-Литовска, вдоль теченія бассейна рѣки Припети, образуется большое лѣсисто-болотистое пространство, въ видѣ треугольника, съ вершиной у Брестъ-Литовска и съ основаніемъ въ 300-400 верстъ по Днѣпру между Кіевомъ и Могилевомъ. Это пространство, извѣстное подъ именемъ *Полѣсья,* совершенно неудобно, по своей малонаселенности и непроходимости, для какихъ-либо въ немъ воен-

---

[1]) См. приложеніе № 203.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Арх. канц. Военн. мин. по сн. в., 1855 г., д. № 75/и а. (Письмо г.-ад. Сумарокова военн. мин. отъ 12 октября 1855 г.).
[5]) См. прилож. № 203.
[6]) Арх. канц. Военн. мин. по сн. в., 1855 г., д. № 75/и а.

ныхъ дѣйствій. Непроходимыя свойства Полѣсья все болѣе и болѣе увеличивались по мѣрѣ движенія внутрь страны, т.-е. къ Днѣпру.

Такія свойства Полѣсья подраздѣляли нашу пограничную полосу на два совершенно самостоятельныхъ отдѣльныхъ театра—къ сѣверу и къ югу отъ него.

Сѣверная часть имѣла значеніе только въ случаѣ войны съ Пруссіей. Оборонительными линіями здѣсь служила рѣка Нѣманъ

Формы франц. войскъ (съ англ. грав. на дер. Л. Ховаръ).

и далѣе, по направленію къ Петербургу, рѣка Западная Двина съ крѣпостью *Динабургъ*, а по направленію къ Москвѣ—линія Днѣпра и его притоковъ съ крѣпостью *Бобруйскъ* [1]).

Южная часть, отъ Полѣсья до Чернаго моря, могла быть театромъ борьбы съ Австріей и съ Турціей, въ случаѣ наступательныхъ ея дѣйствій со стороны Дунайскихъ княжествъ. Все это пространство было беззащитно. Прутъ и Днѣстръ не составляли серіозныхъ преградъ, а находившіяся здѣсь крѣпости *Измаилъ*,

[1]) См. приложеніе № 203.

Килія, Бендеры и *Хотинъ* были совершенно слабы и находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Крѣпость Хотинъ, напримѣръ, имѣла въ іюнѣ 1854 года обвалившіеся верки и треснувшія стѣны [1]). Только *Кіевъ* могъ представить нѣкоторое препятствіе, но постройка этой крѣпости, какъ увидимъ ниже, не была закончена.

Измаильская крѣпость находилась на лѣвомъ берегу сѣвернаго рукава Дуная, въ 67 верстахъ отъ его устья, противъ острова Четала. Она состояла изъ 11-ти бастіонныхъ и 2-хъ тенальныхъ фронтовъ съ каменными эскарпами и контръ-эскарпами и сухими рвами. Мнѣнія всѣхъ генераловъ и офицеровъ, осматривавшихъ крѣпость въ 1854 году, сводились къ тому, что она требовала производства многихъ исправленій и улучшеній. Блиндированныхъ помѣщеній было недостаточно, нѣкоторые верки имѣли слишкомъ слабую профиль, эскарпы были плохи и ненадежны и нуждались въ укрѣпленіи ихъ во рву палисадами; на валгангѣ орудія и прислуга не имѣли прикрытій [2]).

Къ 1853 году крѣпость имѣла 130 орудій, изъ которыхъ только 99 были штатныхъ калибровъ, тогда какъ ихъ полагалось имѣть въ это время 118 [3]). Но даже изъ существовавшихъ орудій далеко не всѣ могли быть поставлены на валгангахъ по неимѣнію и плохому состоянію лафетовъ [4]). Къ тому же нѣкоторые изъ лафетовъ, на которыхъ уже стояли орудія, были совсѣмъ гнилые и отъ первыхъ выстрѣловъ должны были развалиться [5]).

Что касается до артиллерійскихъ запасовъ, то къ октябрю 1853 года даже по охранительному вооруженію ихъ не хватало въ размѣрѣ 32.950 готовыхъ снарядовъ и 2544 пудовъ пороха; для оборонительнаго же вооруженія не хватало снарядовъ 71.220 и пороху 7620 пудовъ. Артиллерійскій же гарнизонъ Измаильской крѣпости былъ очень незначителенъ, и въ іюлѣ 1853 года за всѣми расходами приходилось менѣе двухъ человѣкъ прислуги на орудіе [6]).

---

[1]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3473.
[2]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., 1856 г., д. № 3339; Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., д. № 1, ч. I и № 73а. Всеподд. отч. Военн. мин. за 1852 г.
[3]) См. приложеніе № 203.
[4]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, дд. №№ 3472 и 3473.
[5]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, дд. №№ 3472 и 3480.
[6]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, дд. №№ 3339 и 3473.

Крѣпость Килія была расположена на лѣвомъ берегу сѣвернаго (Килійскаго) рукава Дуная, въ 25-ти верстахъ отъ его устья. Это была маленькая четырехугольная бастіонная крѣпостца съ каменными эскарпами и контръ-эскарпами и водянымъ рвомъ. Блиндированныхъ помѣщеній было слишкомъ мало, и они требовали значительныхъ исправленій. Передъ войной крѣпость находилась въ очень запущенномъ видѣ; каменные эскарпы и контръ-эскарпы были ветхи и не вполнѣ надежны, прислуга и орудія на валгангахъ не имѣли прикрытій и проч. [1]). Артиллерійскихъ орудій въ крѣпости имѣлось только 49, вмѣсто полагавшихся 79 [2]), да и тѣ по большей части были неисправны; огнестрѣльныхъ припасовъ не хватало даже для орудій охранительнаго вооруженія. Артиллерійской прислуги за всѣми расходами приходилось менѣе одного человѣка на орудіе.

Бендерская крѣпость была расположена на правомъ берегу рѣки Днѣстра, въ 60-ти верстахъ отъ Кишинева. Она состояла изъ 10-ти бастіонныхъ фронтовъ стариннаго начертанія. Верки находились въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, и эскарповыя стѣны мѣстами обрушились [3]). Въ крѣпости, вмѣсто 127 орудій, имѣлось 79, для которыхъ существовало только 25 лафетовъ.

Крѣпость Хотинъ, расположенная на правомъ берегу Днѣстра, вблизи Австрійской и Турецкой границъ, была важна въ военномъ отношеніи, но по своей слабости могла имѣть значеніе лишь предмостнаго укрѣпленія. Вообще эта крѣпость была такъ слаба, что даже въ 1854 году, по приведеніи ее въ оборонительное состояніе, она не могла бы выдержать и самой кратковременной осады.

Такое плачевное состояніе пограничныхъ съ Турціей крѣпостей объясняется тѣмъ, что мы никогда не предполагали вести противъ турокъ оборонительной войны.

Кіевская крѣпость состояла изъ цитадели съ тремя люнетами, двухъ отдѣльныхъ укрѣпленій и системы оборонительныхъ казармъ и отдѣльныхъ казематированныхъ башенъ; въ большей части крѣпости оборона была основана почти исключительно на артиллеріи казематированныхъ казармъ, между тѣмъ какъ эти послѣднія были

---

[1]) Всеп. отч. Военн. мин. за 1852 г. Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3492. Арх. Канц. Военн. мин. по сн. в., 1853 г., д. № 1, ч. 1.

[2]) См. прилож. № 203.

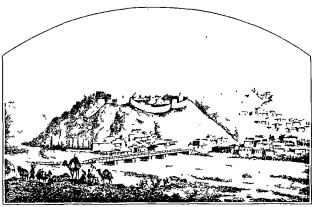
[3]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/37 и Всеп. отч. за 1852 г.

совершенно открыты съ поля. Крѣпость была въ запущенномъ состояніи, верки мѣстами даже обрушились [1]).

Штатное вооруженіе состояло изъ 554 орудій; имѣлось въ крѣпости 412 орудій и къ нимъ всего 177 лафетовъ [2]).

Южная граница Россіи шла отъ устьевъ Дуная Чернымъ моремъ до Кавказскихъ его береговъ и далѣе въ Малой Азіи по Аджарскимъ горамъ, по рѣкамъ Арпачаю и Араксу, черезъ гору Араратъ и по Карадагскимъ горамъ.

Берега Чернаго моря имѣли въ предѣлахъ Россіи болѣе



Городъ Ахалцыхъ.

2600 верстъ протяженія, представляли много мѣстъ для высадки непріятеля и были очень слабо укрѣплены.

Отъ устья Дуная до Очакова имѣлось только слабое *Ольвіопольское* укрѣпленіе, служившее скорѣе предмостнымъ укрѣпленіемъ на рѣкѣ Днѣстрѣ.

Одесса была почти не укрѣплена, а близлежащія удобныя для высадки мѣста вовсе не были укрѣплены.

Къ марту 1854 года Одесскія укрѣпленія состояли изъ городскихъ приморскихъ батарей, расположенныхъ въ двухъ мѣстахъ, на оконечностяхъ мола карантиннаго и практическаго. Въ каменныхъ парапетахъ карантиннаго мола было прорѣзано 48 амбразуръ, а практическаго 33 амбразуры. Сооруженія эти были возведены изъ мягкаго и мелкаго камня, который не могъ противостоять дѣйствію снарядовъ, такъ что въ случаѣ военныхъ

---

[1]) Всеподд. отч. за 1852 г.
[2]) См. приложеніе № 203.

дѣйствій надо было снять весь парапетъ и устроить защиту изъ мѣшковъ, насыпанныхъ землею.

Вооруженіе батарей состояло изъ 20 орудій 24-хъ фунтового калибра. На всѣ эти орудія имѣлось только 4 лафета, построенные къ тому же тридцать лѣтъ тому назадъ и пришедшихъ въ совершенную негодность.

Комплектовъ зарядовъ имѣлось по 190 на орудіе. Команда гарнизонной артиллеріи состояла изъ одного офицера и 25 нижнихъ чиновъ [1]).

Для обороны Бугскаго лимана и прикрытія Николаева, одного изъ самыхъ главныхъ пунктовъ на Черномъ морѣ съ верфями и запасами для Черноморскаго флота, а также Херсона и Берислава съ большими складами, существовала только крѣпость *Кинбургъ* и слабое *Никольское укрѣпленіе,* единственно оставшееся отъ всѣхъ упраздненныхъ въ 1852 году Очаковскихъ укрѣпленій [2]).

Кинбургская крѣпость была расположена на косѣ при входѣ въ Днѣпровскій лиманъ, ширина котораго между Кинбургскою косою и Очаковымъ была около $3^1/_2$ верстъ.

Къ началу Восточной войны крѣпость находилась въ томъ же видѣ, въ какомъ она была послѣ укрѣпленія ея Суворовымъ въ 1788 году, и состояла изъ 5-ти бастіоновъ и 2-хъ полубастіоновъ. Фронты, обращенные къ лиману, были снабжены оборонительными казармами со сводами въ 3 фута толщиною и земляною насыпкою въ 1 футъ. Внутреннее пространство въ крѣпости было очень тѣсно и совершенно загромождено казематами и другими воинскими зданіями, которые по малой толщинѣ стѣнъ не могли служить укрытіями. Для уширенія внутренняго пространства крѣпости пришлось валганги сузить до такой степени, что дѣйствовать изъ орудій было крайне неудобно [3]). Наружные верки были удалены отъ фарватера болѣе чѣмъ на 1000 саженъ, и непріятельскій флотъ могъ въ виду ихъ легко прорваться черезъ лиманъ къ Николаеву [4]).

На вооруженіи крѣпости имѣлось 68 штатныхъ орудій, вмѣсто полагавшихся 74 [5]); лафетовъ же для нихъ было 33, такъ что

---

[1]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3316.
[2]) Прик. Военн. мин. 1852 г., № 5.
[3]) Военн. Сборн., 1858 г., № 7.
[4]) Арх. Канц. Военн. мин. по сн. в., 1853 г., д. № 73 и № 1; Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3392.
[5]) Арх. Канц. Военн. мин. по сн. в., 1853 г., д. № 1.

Кинбургскій комендантъ принужденъ былъ забаррикадировать свободныя амбразуры дровами, чтобы „гарантировать себя отъ вся-„кихъ сюрпризовъ“ [1]). Иное впечатлѣніе эта крѣпость произвела лѣтомъ 1855 года на генерала Лидерса, который находилъ ее въ порядкѣ, но считалъ, что она подвергнется особой опасности, если непріятель будетъ бомбардировать ее съ моря [2]).

Очаковское или, вѣрнѣе, укрѣпленіе Никольское было расположено въ полуверстѣ отъ города Очакова и состояло изъ одного кронверка, обращеннаго фронтомъ къ сухому пути и примыкавшаго крыльями къ турецкому замку. Все укрѣпленіе было удалено отъ фарватера болѣе чѣмъ на три версты и потому не доставляло ему никакой обороны; оно не могло препятствовать также десанту. Артиллерія была ненадежна, орудія (ихъ было 19) старыя и въ самомъ ветхомъ состояніи [3]). Лафеты во время практической стрѣльбы разсыпались.

Эти-то приморскія крѣпости, какъ увидимъ ниже, и доставили дешевые лавры могущественнымъ союзникамъ.

Вообще Кинбургъ и Очаковъ не могли помѣшать противнику войти въ лиманъ. Гораздо болѣе могла препятствовать этому самая мѣстность—трудный входъ въ лиманъ и большая извилистость фарватера, по которому послѣ снятія указателей почти невозможно было пройти.

На всемъ Крымскомъ полуостровѣ единственнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ былъ *Севастополь*, главный нашъ военный портъ на Черномъ морѣ и стоянка всего Черноморскаго флота. На долю Севастополя выпала роль быть ключемъ всей войны; онъ одиннадцать мѣсяцевъ привлекалъ на себя взоры всего цивилизованнаго міра и притянулъ къ себѣ всѣ силы нашихъ многочисленныхъ враговъ. Состояніе Севастопольскихъ укрѣпленій къ началу войны будетъ изложено въ отдѣлѣ описанія борьбы подъ стѣнами этого города.

Керченскій полуостровъ, прикрывавшій входъ въ Азовское море, важное въ торговомъ отношеніи и въ отношеніи обезпеченнаго морского сообщенія Крыма и Кубанскаго края со внутренними губерніями Россіи, вовсе не былъ обезпеченъ, такъ же, какъ

---

[1]) Письмо кн. Меншикова военн. министру 4 февраля 1854 года. Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

[2]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3392. Донесеніе ген. Лидерса кн. Горчакову отъ 21 іюля 1855 года.

[3]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3392.

Курды, переходящіе рѣку Араксъ.

не было обезпечено и самое море какими-либо укрѣпленіями. Здѣсь находился лишь рядъ упраздненныхъ крѣпостей, изъ которыхъ важнѣйшія: Керчь, Еникале и по Азовскому морю: Арабатъ, Геническъ, Маріуполь, Таганрогъ, Азовъ и Ейское укрѣпленіе [1]).

Впрочемъ, среди нашей высшей администраціи господствовало убѣжденіе, что Азовское море вполнѣ обезпечено отъ вражескаго нападенія мелководностью Керченскаго пролива, который позволяетъ войти въ Азовское море только мелкосидящимъ пароходамъ [2]). Лишь во время самой войны былъ принятъ рядъ запоздалыхъ мѣръ къ усиленію этихъ важныхъ пунктовъ.

III.

Совершенно въ обособленномъ положеніи находилась передъ войной наша граница на Кавказѣ, да и весь этотъ край, бывшій полемъ полувѣковой упорной войны съ горцами и безспорно долженствовавшій служить важнымъ театромъ военныхъ дѣйствій въ случаѣ нашего столкновенія съ Турціей.

Кавказъ представлялъ изъ себя такой горючій матеріалъ, которымъ враги наши неминуемо должны были воспользоваться. Съ другой стороны, и мы, имѣя тамъ отличную двухсоттысячную армію, могли бы развить съ этой стороны обширныя наступательныя операціи, которыя не смутили бы Европы, ревнивой къ нашимъ успѣхамъ на западной сторонѣ Чернаго моря. А между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, двухсоттысячная кавказская армія могла

---

[1]) Арх. Канц. Военн. мин. по сн. в., 1856 г., секр. д. № 71.

[2]) „Je pense", писалъ князь Меншиковъ военному министру 13 марта 1853 года, „que „la navigation de la mer d'Azow est suffisamment garantie par le détroit de Kertch. Nos vapeurs „de guerre ne peuvent pas le traverser et par conséquent ceux de l'ennemi qui ont plus de „tirant d'eau que les nôtres. Pour le cas cependant où des pyroscaphes de moindre dimension „voudraient y pénétrer, ceux de la ligne sont là pour les combattre". Арх. Канц. Военн. мин. по сн. в., 1853 г., с. д. № 72.

въ 1853 году выставить для дѣйствія въ полѣ противъ девяностотысячной турецкой арміи только 30.000 человѣкъ, а въ самомъ рѣшительномъ бою этой кампаніи, Башкадыкларскомъ, только 9000 человѣкъ.

Императору Николаю постоянно приходилось слышать просьбы кавказскаго начальства о присылкѣ свѣжихъ войскъ, что вызывало справедливое недоумѣніе Государя. Присылка въ 1854 году новыхъ подкрѣпленій мало помогла дѣлу, и въ кампаніи этого года противъ стотысячной турецкой арміи мы могли выставить въ полѣ только 45.000, изъ которыхъ въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара приняли участіе лишь 17.000 человѣкъ.

Характеръ военныхъ дѣйствій на кавказскомъ театрѣ во время Восточной войны 1853—1856 годовъ опредѣлялся всѣмъ нашимъ положеніемъ въ этой странѣ и зависѣлъ отъ той борьбы, которую мы вели съ горскими племенами. Это заставляетъ насъ нѣсколько подробнѣе остановиться на описаніи Кавказской границы, мѣста будущаго театра военныхъ дѣйствій, а также сдѣлать краткій историческій очеркъ распространенія въ этомъ краѣ русскаго владычества и его утвержденія [1]).

Движеніе русскихъ къ границамъ Кавказа началось въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда, послѣ присоединенія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, явилась необходимость обезпечить наши предѣлы отъ вторженія горцевъ. Съ этой цѣлью въ трехъ верстахъ отъ Каспійскаго моря, на Терекѣ, была заложена крѣпостца, Терскій городокъ, которая способствовала сильному развитію нашихъ торговыхъ сношеній не только съ Персіей, но со средней Азіей и Индіей, а также и заселенію предгорій Кавказскихъ горъ русскими выходцами, которые образовали Гребецкое казачье войско.

Великій преобразователь Россіи, въ своемъ неудержимомъ стремленіи завязать прямыя торговыя сношенія съ Востокомъ, обратилъ вниманіе на упроченіе нашего владычества на Каспійскомъ морѣ и присоединилъ къ Россіи все прибрежье Дагестана, а также области Гилянъ, Мозандерянъ и Астрабадъ. Царствованіе Анны Іоанновны остановило наше наступательное движеніе на

---

[1]) Романовскій. „Кавказъ и Кавказская война“ (публичн. лекціи); Фаддѣевъ. „Письма съ Кавказа“; Дубровинъ. „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“; Зиссерманъ. „Фельдмаршалъ князь Барятинскій“ (Русск. Арх. 1888 г.); Потто. „Кавказская война“; Bodenstedt. „D. Völker d. Kaukasus u. ihre Freiheits Kämpfe gegen die Russen“. Исторіи полковъ. Дневникъ Н. Н. Муравьева (рукопись) и др.

Кавказѣ, а трактатъ съ Персіей 1734 года даже вернулъ насъ за Терекъ.

Существованіе въ Закавказьѣ единовѣрнаго намъ Грузинскаго царства заставило, однако, въ 1770 году наше правительство протянуть ему руку помощи и вновь перейти въ наступленіе. Русскія войска перевалили Кавказскій хребетъ черезъ Дарьяльское ущелье, подчинили русской власти Кабарду, Мингрелію и Имеретію, и Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ нашей границей со стороны Кавказа была установлена рѣка Кубань.

Это дало возможность продолжить линію русскихъ поселеній отъ низовьевъ Терека вплоть до Чернаго моря заселеніемъ Кубани, на низовьяхъ которой образовалось Черноморское казачье войско, а въ верховьяхъ—Кавказское линейное казачье войско.

Такимъ образомъ, отъ моря до моря, на всемъ тысячеверстномъ протяженіи наши выходцы стали лицемъ къ лицу съ мусульманскимъ населеніемъ сѣвернаго склона Кавказскихъ горъ, и съ этихъ поръ между ними началась безпрерывная борьба. Постоянная опасность и частыя боевыя столкновенія способствовали развитію среди русскихъ поселенцевъ тѣхъ высокихъ боевыхъ качествъ, которыми и понынѣ отличаются кавказскіе казаки, а также и знакомству съ характеромъ своего противника. Въ ожиданіи нечаянныхъ нападеній всѣ станицы постепенно обращались въ укрѣпленные пункты, между которыми, въ разстояніи 5 - 7 верстъ другъ отъ друга, строились укрѣпленные посты.

Появленіе среди горцевъ Шахъ-Мансура, возбуждавшаго ихъ къ религіозной съ нами войнѣ, и возможность для Турціи дѣйствовать противъ насъ со стороны Анапы, заставили Императрицу Екатерину постепенно усиливать Кавказскую линію регулярными войсками, а принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи и просьба ея въ оказаніи помощи вынудили преемника Императрицы передвинуть съ линіи въ Закавказье 15-й егерскій (нынѣ лейбъ-Эриванскій) и Кабардинскій полки съ пятью орудіями. Присоединеніе же въ декабрѣ 1800 года этого государства къ Россіи сдѣлало необходимымъ постоянное пребываніе тамъ нашихъ войскъ. Приходилось утвердить въ Грузіи нашу власть, обезпечить новыя владѣнія отъ внѣшнихъ нападеній и установить прочное ихъ сообщеніе съ Россіей, закрѣпивъ обладаніе Военно-Грузинской дорогой.

Въ послѣдующіе годы владѣнія наши въ Закавказьѣ стали быстро расширяться, что вызвало столкновеніе съ Персіей, а по-

томъ и съ Турціей. Однако, русскія войска успѣшно выходили изъ своего затруднительнаго положенія, и, примѣрно, къ 1813-му году сохранили свою независимость только двѣ группы горныхъ племенъ, раздѣленныхъ Военно-Грузинской дорогой; къ западу отъ нея, еще номинально признававшіе власть Турціи, такъ называемые Закубанскіе народы, черкесы, къ которымъ принадлежали племена абадзеховъ, убыховъ, катухайцевъ и другихъ, а къ востоку, между Кавказскимъ хребтомъ, рѣчкою Сунжею и Дагестаномъ, чеченцы и въ Нагорномъ Дагестанѣ—лезгины.

Наибольшее затрудненіе для нашихъ войскъ въ ихъ экспедиціяхъ противъ непокорныхъ горцевъ представляли дѣйствія въ

Ѣзда на почтовыхъ въ Валахіи.

Дагестанѣ, какъ въ отношеніи топографическомъ и климатическомъ, такъ и благодаря особымъ военнымъ дарованіямъ лезгинъ и цѣлому ряду выдающихся предводителей, вышедшихъ изъ ихъ племени. Нашимъ войскамъ приходилось вести ужасную горную войну съ храбрыми, привыкшими къ мѣстной обстановкѣ, племенами, которыя не только оспаривали каждый шагъ, но просто были неуязвимы для регулярныхъ частей. Лишь продолжительный опытъ давалъ возможность бороться съ мѣстными аборигенами, но эта борьба требовала неимовѣрнаго труда, много времени и войскъ [1]).

Трудность борьбы съ горцами и все болѣе и болѣе расширявшіяся задачи въ Закавказьѣ вызывали необходимость увеличенія тамъ нашихъ войскъ, такъ что къ 1816 году мы имѣли уже, кромѣ поселенныхъ казачьихъ полковъ, 58 баталіоновъ, 96 орудій, 1 драгунскій и 9 донскихъ казачьихъ полковъ.

---

[1]) Въ приложеніи № 206 мы приводимъ выдержки изъ записки генерала Пассека, рисующія общій характеръ дѣйствій нашихъ войскъ противъ горцевъ.

Съ этими силами приступилъ къ упроченію нашего положенія на Кавказской линіи и въ Дагестанѣ новый главнокомандующій, генералъ Ермоловъ. Онъ хорошо сознавалъ, что дѣло замиренія Кавказа потребуетъ энергичныхъ, а, главное, систематичныхъ дѣйствій въ теченіе многихъ лѣтъ и старался обезпечить и въ будущемъ эту систематичность отъ иныхъ взглядовъ новыхъ главнокомандующихъ. Результатомъ заботъ Ермолова былъ указъ Императора Александра I, которымъ повелѣвалось какъ ему, „такъ и всѣмъ, могущимъ впредь заступить его мѣсто, утвер„диться на Сунжѣ, населять казаковъ и вообще покорять горскій „народъ постепенно, занимая лишь то, что за собою удержать „можно; не распространяться иначе, какъ ставъ твердой ногой и „обезпечивъ занятое пространство отъ покушеній непріязненныхъ".

Для достиженія этой цѣли генералъ Ермоловъ въ теченіе десятилѣтняго управленія краемъ занимался постройкой передовыхъ, впереди Кавказской линіи, укрѣпленныхъ пунктовъ, которые служили опорой для наступательныхъ дѣйствій, устройствомъ между ними и въ тылу прочныхъ сообщеній, выселеніемъ непокорныхъ горцевъ далѣе въ горы и экспедиціями для наказанія оказавшихъ сопротивленіе. Имъ за это время былъ усиленъ Назрановскій редутъ, для прикрытія дороги изъ Владикавказа въ Моздокъ, и поселены близъ него ингушевцы, всегдашніе враги чеченцевъ; построены для обезпеченія линіи Терека крѣпости Грозная и Внезапная съ промежуточными укрѣпленіями у Аксай и Исти-су, а также укрѣплены Староюртъ, Ташъ-Кичу и Амиръ-Адже-Юртъ на сообщеніяхъ этихъ крѣпостей съ Терекомъ; сооружена крѣпость Бурная, на берегу Каспійскаго моря, и начаты просѣки на Колкалыковскомъ хребтѣ и въ Шалинкскомъ лѣсу; построенъ рядъ укрѣпленій въ Кабардѣ у подошвы Черныхъ горъ, отъ Владикавказа до верховьевъ Кубани, а также на рѣчкахъ Урукъ, Кальчикъ и Ваксанъ.

Вторженіе въ 1826 году персовъ, возстаніе, охватившее большинство горскихъ племенъ, и, главное, замѣна Ермолова Паскевичемъ отвлекли насъ отъ продолженія программы, обѣщавшей относительно скорое умиротвореніе Кавказа.

Ко времени управленія этой страной генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ относится важная административная мѣра, а именно раздѣленіе Кавказской линіи на четыре части—Черноморію, правый флангъ, центръ, лѣвый флангъ и учрежденіе новой, лезгинской линіи; при этомъ связью между лѣвымъ флангомъ и лезгинской

линіей служилъ Прикаспійскій край [1]), въ которомъ спокойствіе поддерживалось покорностью намъ населенія многихъ округовъ, а позднѣе и усиленіемъ тамъ нашихъ войскъ и постройкой укрѣпленія Темиръ-ханъ-Шура.

Такимъ образомъ горцы были окружены почти сплошнымъ кольцомъ нашихъ постовъ и отрядовъ; оставалось только сомкнуть это кольцо по берегу Чернаго моря отъ Абхазіи до устья Кубани.

По Туркманчайскому трактату Россія пріобрѣла отъ Персіи ханства Нахичеванское и Эриванское, а по Адріанопольскому мирному договору къ намъ были присоединены отъ Турціи Ахалцыхскій и Ахалкалакскій округа, крѣпости Поти и Анапа, и, кромѣ того, Турція навсегда отказалась отъ своихъ правъ на Черноморское побережье. Такимъ образомъ горскія племена западнаго Кавказа, признававшія номинально власть Порты Оттоманской, были окружены нашими владѣніями и должны были быть подчинены нашему вліянію, но они естественно тяготѣли къ Турціи, съ которой ихъ связывали интересы религіозные, торговые и въ особенности контрабанда оружіемъ, боевыми припасами и живымъ товаромъ.

Наше правительство вынуждено было принять рядъ особыхъ мѣръ для противодѣйствія такимъ преступнымъ сношеніямъ горцевъ съ Турціей.

Съ этой цѣлью, кромѣ охраненія, такъ сказать, активнаго характера, выражавшагося въ постоянномъ крейсерованіи у восточныхъ береговъ Чернаго моря судовъ нашего Черноморскаго флота, правительствомъ были приняты и охранительныя мѣры, въ видѣ расположенія вдоль морского берега цѣлаго ряда отдѣльно стоящихъ незначительныхъ фортовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Черноморской береговой линіи.*

Линія эта была основана въ 1840 году именно съ цѣлью пресѣченія контрабандной торговли горцевъ съ турками и прекращенія подвоза горцамъ оружія и боевыхъ припасовъ, такъ какъ одного крейсерства для этой цѣли признавалось недостаточнымъ.

„Къ пресѣченію подобныхъ сношеній", сообщалъ военный министръ командиру кавказскаго корпуса генералу Головину [2]), „крейсерство военныхъ судовъ, неослабно продолжавшееся, ока„залось совершенно недостаточнымъ, и никакого не оставалось

---

[1]) Раздѣленіе Кавказской линіи на участки подробнѣе обозначено въ приложеніи № 207.
[2]) Морск. Сборн., 1862 г., № 9. Письмо отъ 22 февраля 1840 года, за № 1131.

„средства, дабы положить имъ предѣлъ, какъ занятіе самаго „берега съ устройствомъ укрѣпленій въ главнѣйшихъ якорныхъ „мѣстахъ. Правительство никогда не считало этой мѣры доста- „точной для окончательнаго усмиренія горцевъ, но принятіемъ „оной и неослабнымъ продолженіемъ ея исполненія достигаетъ „двоякой цѣли, въ послѣдствіяхъ своихъ одинаково важной: во- „первыхъ, лишаетъ горцевъ всякихъ внѣшнихъ пособій, во-

Видъ Рущука (съ аквар., съ нат Шуберта).

„вторыхъ, заставляетъ ихъ обратить всю торговлю въ наши пре- „дѣлы. Независимо отъ сего въ мѣрѣ сей заключается и нрав- „ственное для горцевъ убѣжденіе о положительномъ и непоколе- „бимомъ намѣреніи Правительства привести ихъ къ покорности".

Такимъ образомъ береговыя укрѣпленія не должны были имѣть какого-либо постояннаго значенія, а на нихъ надо было скорѣе смотрѣть, какъ на учрежденія временныя, служившія лишь средствомъ къ достиженію извѣстной цѣли.

Въ дѣйствительности укрѣпленія береговой линіи, владѣя вокругъ себя пространствомъ не далѣе пушечнаго выстрѣла, не содержали берега въ нашей власти и имѣли лишь значеніе, какъ опорные пункты гребной Азовской флотиліи [1]).

[1]) Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

Паскевичъ, занятый во время своего пребыванія на Кавказѣ внѣшними войнами съ Персіей и Турціей, не могъ правильно продолжать дѣла утвержденія нашего владычества въ этомъ краѣ, а рядъ слѣдующихъ за нимъ главнокомандующихъ забылъ установленную Ермоловымъ послѣдовательную систему постепеннаго замиренія Кавказа. Дѣйствія тамъ носили случайный характеръ, безъ опредѣленнаго плана, и состояли въ рядѣ набѣговъ и экспедицій, направленныхъ къ занятію такихъ пунктовъ, которыхъ удержать въ своихъ рукахъ, не обезпечивъ заблаговременно сообщеній, мы не могли. Результатомъ такихъ дѣйствій были не только громаднѣйшія потери нашихъ войскъ и умаленіе нашего вліянія среди горцевъ, но и быстрый успѣхъ на Кавказѣ мюридизма [1]), при помощи котораго всѣ группы восточныхъ, а отчасти и западныхъ горцевъ сплотились въ одно цѣлое, подчиненное волѣ одного лица, которое было проникнуто ненавистью къ гяурамъ и одушевлено идеей священной войны съ нами. Не могли мы помѣшать и усиленію власти и значенія такого фанатика мюридизма, каковымъ былъ Шамиль, успѣвшій сдѣлаться самостоятельнымъ деспотическимъ владѣтелемъ большей части горскихъ племенъ, среди которыхъ онъ ввелъ стройное внутреннее управленіе и военную организацію.

Лишь только со времени вступленія въ управленіе краемъ графа (впослѣдствіи князя) Воронцова мы съ 1846 г. вновь переходимъ къ выполненію программы Ермолова, и новый главнокомандующій являлся поборникомъ идеи генерала Вельяминова [2]), который высказалъ слѣдующій взглядъ на Кавказскую войну: „Кавказъ

---

[1]) Въ мусульманствѣ мюридизмъ не есть какая-либо особая секта, онъ выражаетъ собою лишь особую степень религіозности. Первую степень составляетъ исполненіе шаріата, обязательное для всѣхъ правовѣрныхъ, слѣдующую—тарикатъ, уже требующую въ жизни подражанія пророку, наконецъ, третью—хакикатъ, требующую особо благочестивой вѣры, ведущей къ достиженію лицезрѣнія Магомета. Для достиженія послѣдней степени нужно отречься отъ всего земного и предаться исключительно служенію и созерцанію Бога, а потому и отказаться отъ воинственности. Желавшій ее достигнуть долженъ былъ обратиться къ какому-нибудь извѣстному праведнику—шейху, сафію, мюршиду (учителю), самъ же онъ съ этого момента именовался мюридомъ, ученикомъ. Основнымъ положеніемъ мюридизма являлось полное подчиненіе воли мюридовъ своимъ духовнымъ наставникамъ, съ другой стороны, полное равенство ихъ всѣхъ, несмотря на сословіе. На Кавказѣ, благодаря плохому знакомству горцевъ съ догматами религіи, цѣлому ряду энергичныхъ и честолюбивыхъ проповѣдниковъ удалось воспользоваться воинственнымъ духомъ населенія и однимъ изъ догматовъ мюридизма объявить газаватъ, т.-е. священную войну противъ невѣрныхъ, противъ обложившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ русскихъ. Идея эта вполнѣ отвѣчала настроенію возбужденнаго противъ насъ населенія, и въ нѣсколько лѣтъ мюридизму удалось изъ разрозненнаго горскаго населенія образовать одно сплоченное цѣлое, съ ненавистью устремившееся на насъ.

[2]) Командовавшаго въ тридцатыхъ годахъ войсками на Кавказской линіи.

„можно уподобить сильной крѣпости, чрезвычайно твердой по „мѣстоположенію, искусно огражденной укрѣпленіями и оборо- „няемой многочисленнымъ гарнизономъ. Одна только безразсуд- „ность можетъ предпринять эскападу противъ такой крѣпости; „благоразумный полководецъ увидитъ необходимость прибѣгнуть „къ искусственнымъ средствамъ, заложитъ параллели, станетъ по- „двигаться впередъ силою, призоветъ на помощь мины и овла- „дѣетъ крѣпостью. Такъ, по моему мнѣнію, должны поступить „съ Кавказомъ, и если бы ходъ сей не былъ предварительно „начертанъ, дабы постоянно сообразоваться съ нимъ, то сущность „вещей вынудитъ къ сему образу дѣйствій; только успѣхъ будетъ „гораздо медленнѣе по причинамъ частыхъ уклоненій отъ истин- „наго пути".

Съ 1846 года набѣги стали примѣняться только для наказанія непокорныхъ, или чтобы очистить отъ нихъ извѣстную зону. Постепенное, прочное занятіе присоединенныхъ частей Кавказа сдерживало непокорныхъ въ горахъ, и черезъ желѣзное кольцо русскихъ войскъ, опиравшихся на укрѣпленія, вторженіе горцевъ въ наши предѣлы сдѣлалось почти невозможнымъ.

IV.

Къ 1853 году укрѣпленія Кавказа и нашей пограничной тамъ линіи съ Турціей и Персіей представлялись въ такомъ видѣ:

Черноморскую береговую линію составляли 25 отдѣльныхъ укрѣпленій и фортовъ. Изъ нихъ важнѣйшими были изъ укрѣпленій перваго разряда: *Анапа, Новороссійскъ, Сухумъ-Кале, Редутъ-Кале* и *Поти* и изъ укрѣпленій второго разряда: *Геленджинкъ, Вельяминовское,* фортъ *Св. Духа, Пицундра, Бомбары* и постъ *Св. Николая* [1]).

Наибольшее значеніе изъ этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ имѣли расположенные на оконечностяхъ береговой линіи: Анапа и Новороссійскъ—на сѣверной и Сухумъ—на южной.

Съ занятіемъ первыхъ двухъ непріятель пріобрѣталъ двѣ удобныя бухты, вблизи Крымскаго берега и Азовскаго моря, въ которыхъ военныя суда его нашли бы въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году спокойную стоянку.

---

[1]) Арх. Канц. Военн. мин. по сн. в., 1856 г., с. д. № 71.

Сухумская бухта также доставила бы противнику удобный рейдъ для зимовки флота, и, кромѣ того, изъ Абхазіи онъ могъ бы угрожать Имеретіи и сообщеніямъ Гурійскаго отряда.

Всѣ укрѣпленія были заняты малочисленными гарнизонами, не соотвѣтствовавшими потребности для обороны края и не имѣвшими между собою сухопутнаго сообщенія. Такъ, въ Анапѣ находилось только 1½ баталіона, вмѣсто необходимыхъ для выдержанія осады 6 тысячъ человѣкъ, въ Новороссійскѣ—3 баталіона, въ Геленджикѣ—2, при недостаточномъ къ тому же числѣ артиллеріи. Въ случаѣ блокированія берега непріятельскимъ флотомъ, гарнизоны оказывались бы разобщенными другъ отъ друга и могли бы держаться только до израсходованія провіанта. Существованіе береговой линіи возможно было только до тѣхъ поръ, пока нашъ флотъ господствовалъ на Черномъ морѣ.

Во всѣхъ укрѣпленіяхъ было 268 орудій, при чемъ главныя изъ нихъ были вооружены крайне недостаточно. Въ Анапѣ, напримѣръ, вмѣсто полагавшихся только для охранительнаго вооруженія 33 орудій, имѣлось всего 18 орудій; въ Новороссійскѣ ихъ было—13; въ Геленджикѣ—8, въ Сухумѣ—17, при чемъ болѣе половины орудій были малыхъ калибровъ.

Наша сухопутная граница въ Малой Азіи сильна естественными преградами, но на всемъ своемъ протяженіи въ 800 верстъ имѣла только одинъ пунктъ, который могъ быть названъ крѣпостью, а именно *Александрополь* (Гумры). Хотя въ числѣ пограничныхъ крѣпостей и считались также *Ахалцыхъ*, *Эривань* и *Шуша*, а въ числѣ укрѣпленныхъ пунктовъ *Ахалкалаки* и *Ленкорань*, но всѣ они не могли представить никакого серіознаго сопротивленія правильной осадѣ.

Въ бассейнѣ Ріона, который составлялъ особый театръ военныхъ дѣйствій и былъ болѣе другихъ подверженъ нападенію съ моря, не было ни одного укрѣпленнаго пункта.

Взглядъ намѣстника Кавказа князя Воронцова на силу его сухопутныхъ крѣпостей можно видѣть изъ письма его къ военному министру отъ 21 августа 1853 года [1]).

„Sur toute la ligne depuis la mer Noire", писалъ онъ, „nous „avons quatre points fortifiés, sans compter le petit fort de St-Nicolas, „près de Poti. Ahalzich, Achalkalahy, Alexandropol et Erivane sont „ces quatre points importants. Les trois premiers ne courent aucun

[1]) Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6562.

„risque, mais leurs faubourgs, si les Turcs font une opération bien „combinée, ne pourront pas être bien défendus. Erivane, comme vous „le savez, est dans un mauvais état de défense, et le projet d'amélio„ration discuté depuis l'année 1837 et qui a été dernièrement confirmé „par Sa Majesté l'Empereur, ne peut s'effectuer immédiatement".

Александрополь, расположенный на самой границѣ, на берегу рѣки Арпачая, прикрывалъ кратчайшую и лучшую дорогу изъ Эрзерума и Карса въ Тифлисъ. Его укрѣпленія состояли изъ главной ограды бастіоннаго начертанія, двухъ земляныхъ верковъ и двухъ отдѣльныхъ батарей. Къ 1853 году нѣкоторые наружные верки не были еще достроены.

Ахалцыхъ—крѣпость старинной турецкой постройки—былъ расположенъ на дорогѣ изъ Ардагана въ Тифлисъ, на утесахъ лѣваго берега рѣки Пасховъ - Чая. Она состояла изъ двухъ частей, верхней или цитадели, командовавшей надъ всѣми укрѣпленіями, и нижней.

Ахалкалаки—на сосредоточеніи дорогъ изъ Карскаго пашалыка въ Грузію. Крѣпость состояла изъ каменной стѣны съ двумя башнями и каменной цитадели внутри.

Эривань—на главной дорогѣ изъ Тифлиса въ Тавризъ. Съ западной стороны крѣпость прилегала къ высокому обрывистому берегу рѣки Занга, а съ остальныхъ имѣла двойныя каменныя стѣны съ 56-ю башнями и двумя равелинами. Укрѣпленія были обнесены рвомъ съ палисадомъ.

Упомянемъ еще о существовавшихъ въ то время сухопутныхъ кордонныхъ линіяхъ на Кавказѣ, исключительное назначеніе которыхъ сводилось къ борьбѣ съ горцами, имѣло цѣлью охранять наши предѣлы отъ ихъ набѣговъ и служить опорными пунктами наступательныхъ противъ горцевъ дѣйствій нашихъ войскъ.

Къ 1853 году существовали слѣдующія сухопутныя кордонныя линіи: *Черноморская* по р. Кубани, изъ крѣпости Екатеринодара и 6 укрѣпленій; *Правый флангъ Кавказской линіи,* изъ 19 укрѣпленій, 16 постовъ и 8 станицъ; *Центръ Кавказской линіи,* изъ 10 укрѣпленій и 2 постовъ; *Владикавказскій округъ,* изъ 6 укрѣпленій и 2 постовъ; *Лѣвый флангъ Кавказской линіи,* изъ 18 укрѣпленій и 3 постовъ; въ *Дагестанѣ и Каспійской области* 19 укрѣпленій и 1 постъ; *Лезгинская линія,* изъ 10 укрѣпленій и 4 постовъ, и передовая *Чеченская линія,* изъ 5 укрѣпленій.

Посты представляли изъ себя небольшія укрѣпленія, чаще четырехугольные редуты съ земляными брустверами и рвами.

Многіе изъ нихъ были вооружены артиллеріей и имѣли внутри избы, вмѣщавшія гарнизонъ изъ 50 до 200 казаковъ, въ зависимости отъ важности поста.

V.

Въ отношеніи оборонительной силы Государства имѣютъ также большое значеніе пути сообщенія. Въ особенности это касается нашего отечества, огромные размѣры котораго и большое протяженіе открытой для вторженія непріятеля границы дѣлаютъ Россію особо чувствительной къ хорошимъ путямъ сообщенія.

Къ сожалѣнію, Восточная война застала насъ въ этомъ отношеніи въ самомъ печальномъ положеніи. Мы не только не имѣли желѣзныхъ дорогъ, но имѣли очень мало шоссированныхъ путей, и на всемъ обширномъ протяженіи приходилось почти исключительно пользоваться грунтовыми дорогами.

Вопросъ о проведеніи желѣзныхъ дорогъ началъ интересовать наши правительственныя сферы еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, и Императоръ Николай Павловичъ сразу сталъ убѣжденнымъ сторонникомъ пользы желѣзныхъ дорогъ, предугадывая ихъ будущее значеніе для Россіи. „Читалъ съ большимъ „вниманіемъ", написалъ Государь на первомъ проектѣ желѣзнодорожной сѣти, представленномъ ему въ 1835 году, „и убѣжденъ, „какъ прежде, въ пользѣ сего дѣла".

Но взглядъ Государя расходился со взглядомъ его ближайшихъ сотрудниковъ и въ особенности со взглядомъ обоихъ главноуправляющихъ путями сообщенія, графа Толя и графа Клейнмихеля, которые считали желѣзныя дороги по меньшей мѣрѣ безполезными для Россіи [1]).

Въ результатѣ къ началу 1853 года мы имѣли желѣзную дорогу только между Петербургомъ и Москвою, если не считать незначительныхъ линій Царскосельской, Варшаво-Вѣнской и

---

[1]) Кислинскій. Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива комитета министровъ.

„Вечеромъ собранъ былъ у Государя комитетъ", занесъ также въ свой рукописный дневникъ за 13 января 1842 года князь А. С. Меншиковъ, „для обсужденія пользы желѣзной „дороги отъ Петербурга до Москвы. Кромѣ прожекторовъ, всѣ были противъ, но Государь „повелѣлъ быть дорогѣ".

участка С.-Петербургъ-Гатчино. Всего желѣзныхъ дорогъ мы имѣли 979 верстъ [1]).

Что касается до шоссированныхъ путей, то въ царствованіе Императора Николая было обращено особое вниманіе на развитіе сѣти шоссе, но время его царствованія было слишкомъ незначительно для того, чтобы покрыть шоссированными путями хотя бы только главныя направленія въ Европейской Россіи. Первоначальное вниманіе правительства было обращено на нашу западную, какъ наиболѣе опасную, границу, и центръ западнаго края, Варшава, былъ соединенъ шоссе съ Петербургомъ и Москвою; на югъ же шоссе доходило отъ обѣихъ столицъ только до Орла. Къ 1855 году мы имѣли отстроенныхъ шоссированныхъ дорогъ 5397 верстъ и неоконченныхъ 1838 верстъ [2]). Все же остальное пространство Европейской Россіи, за исключеніемъ Привислянскихъ губерній, имѣло только грунтовыя дороги.

Слѣдуетъ упомянуть еще о водяныхъ путяхъ. Искусственныхъ водяныхъ путей, въ видѣ каналовъ, существовало къ 1855 году 579,5 верстъ; естественныхъ же рѣчныхъ путей съ искусственными сооруженіями было до 6623 верстъ.

Недостаткомъ водяныхъ путей служили ихъ замерзаемость въ теченіе большей половины года, обмелѣніе въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ и направленіе главныхъ водяныхъ артерій въ сторону отъ наиболѣе важныхъ границъ [3]). Въ самомъ худшемъ положеніи относительно путей сообщенія находился Кавказъ.

Закавказье связывалось съ Имперіей при посредствѣ Военно-Грузинской дороги, которая въ то время не представляла ничего похожаго на нынѣшнее прекрасное сооруженіе. Морское же сообщеніе, по неимѣнію на Кавказскомъ берегу хорошихъ портовъ и частныхъ пароходныхъ компаній, было также затруднительно.

Сообщеніе береговъ Чернаго моря съ центромъ Закавказья производилось только по одной крайне неудовлетворительной грунтовой Военно-Имеретинской дорогѣ.

Внутренніе пути Кавказа находились также въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Какъ на сѣверномъ Кавказѣ, такъ и въ Закавказьѣ не было ни одной шоссированной дороги [4]).

---

[1]) Собств. Его Вел. библ., Рукоп. отд. Имп. Александра II. Всеп. отч. по вѣд. Путей сообщ. 1855—1880 гг.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

Электрическихъ телеграфовъ въ описываемую эпоху у насъ почти не существовало. До 1854 года таковые имѣлись только отъ Петербурга до Москвы, Царскаго Села и Гатчины. Между Петербургомъ съ одной стороны и Варшавой и Кронштадтомъ съ другой для нуждъ правительства существовали оптическіе телеграфы. Скорость передачи извѣстій при помощи этихъ телеграфовъ доходила, при сообщеніи Петербурга съ Варшавой, до $2\frac{1}{2}$ часовъ времени.

Съ 1854 года количество линій электрическаго телеграфа у насъ стало быстро увеличиваться, при чемъ во время войны преимущественно устанавливались линіи, необходимыя въ военномъ отношеніи [1]).

Болгарскіе поселяне.

Въ зависимости отъ большей или меньшей естественной силы границъ Государства и ихъ значенія была сдѣлана и соотвѣтствующая группировка расположенія въ мирное время нашихъ полевыхъ войскъ [2]).

Важное значеніе столицы, Балтійскаго побережья и Царства Польскаго вызывало необходимость сосредоточивать у этихъ пунктовъ и большую часть нашихъ полевыхъ войскъ. И, дѣйствительно, въ началѣ 1853 года, т.-е. въ то время, когда наше правительство было далеко отъ мысли о скорой Европейской войнѣ, мы имѣли расположенными:

Въ Финляндіи—14 батал. и 6 сот.

Въ Прибалтійскомъ краѣ, включая сюда столицу и ближайшія къ нему губерніи,—76 батал., 102 эск. и 29 батарей.

Въ Литовскихъ губерніяхъ, противъ Прусской границы—50 батал., 32 эск. и 14 батарей.

Въ Царствѣ Польскомъ — 101 батал., 124 эск. и сот. и 38 батарей.

Въ Юго-Западныхъ губерніяхъ, противъ Австрійской и Турецкой границъ—62 батал., 32 эск. и 18 батарей.

---

[1]) Таблица устроенныхъ линій помѣщается въ прилож. № 209.
[2]) См. карту и прилож. № 172.

На побережьѣ Чернаго моря—38 батал., 50 эск. и сот. и 10 батарей (изъ нихъ—въ Крыму 12 батал. и 4 батар.).

На Кавказѣ—124½ батал., 263½ эск. и сот. и 21 батар.

Кромѣ того, внутри Государства, между Тверью и Новороссійскимъ краемъ было сосредоточено 50 батал., 194 эск. и 26 батарей, которые могли считаться резервомъ выдвинутыхъ къ границамъ вооруженныхъ силъ.

Такимъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать, большая часть нашихъ вооруженныхъ силъ въ мирное время была расположена на нашихъ западной и сѣверо-западной границахъ, гдѣ мы соприкасались съ болѣе могущественными сосѣдями, и гдѣ сосредоточивались наши наибольшіе интересы.

Глава XVI.

I.

Все усиливавшееся двуличіе Турціи и видимое преобладаніе на берегахъ Босфора вліянія западныхъ державъ въ ущербъ вліянію Россіи и Австріи, совмѣстно съ общимъ безпокойствомъ, вызваннымъ провозглашеніемъ Имперіи во Франціи, привели въ концѣ 1852 года Императора Николая къ убѣжденію въ необходимости прибѣгнуть по отношенію къ Портѣ Оттоманской къ особо внушительнымъ дипломатическимъ мѣрамъ.

Съ этой цѣлью, какъ сказано выше, рѣшено было отправить въ Константинополь чрезвычайнаго полномочнаго посла, облеченнаго особымъ довѣріемъ Государя, при чемъ выборъ палъ на свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова.

Такое энергичное дипломатическое воздѣйствіе на Турцію, при наличности въ ней сильной борьбы вліяній между морскими и континентальными державами, вызывало необходимость поддержать это воздѣйствіе и боевой готовностью, на случай неудачи миссіи князя Меншикова.

Съ какими чувствами приступалъ Государь къ принятію необходимыхъ мѣръ военной предосторожности, лучше всего видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ Императору Австрійскому Францу-Іосифу послѣ того, какъ до Петербурга дошли извѣстія о неудачномъ исходѣ посольства графа Лейнингена.

„Я не знаю“, писалъ Николай Павловичъ [1]), „каковы твои „намѣренія, но каковы бы они ни были, ты можешь быть заранѣе „увѣренъ, что въ случаѣ твоей войны съ Турціей это будетъ

[1]) Письмо отъ 11 (23) февраля 1853 года. Госуд. Арх.

„равносильно, какъ если бы турки объявили мнѣ войну. Я „поручаю князю Меншикову объявить это въ Константинополѣ, „а пока привожу на военное положеніе 4-й и 5-й корпуса, такъ же „какъ и Черноморскій флотъ, и мы будемъ готовы.

„Но я очень сожалѣю объ этой печальной необходимости, „такъ какъ если Оттоманская Имперія рухнетъ, что очень воз- „можно, то послѣдствія „этого могутъ быть не- „исчислимы“ [1]).

Видъ Босфора
(съ франц. грав. начала XVIII столѣтія).

Первыя военныя распоряженія Государя относятся къ 15 декабря 1852 года. Въ этотъ день онъ далъ собственноручное повелѣніе о сборѣ резервныхъ и запасныхъ частей 5-го пѣхотнаго корпуса, 5-й артиллерійской дивизіи и 5-го сапернаго баталіона и о приготовленіи всего необходимаго для сбора по первому требованію такихъ же частей 4-го корпуса и запасныхъ эскадроновъ и конныхъ батарей 4-й и 5-й легкихъ дивизій [2]).

Одновременно съ этимъ Императора Николая начала заботить и мысль о томъ, какимъ образомъ будетъ въ крайнемъ случаѣ лучше всего воздѣйствовать на Турцію въ военномъ отношеніи, чтобы заставить ее скорѣе подчиниться нашимъ требованіямъ.

Широкій, правильный военный взглядъ Государя выказался и въ этомъ отношеніи въ его собственноручной запискѣ отъ 7 января 1853 года [3]), въ которой Николай Павловичъ излагалъ свои военныя предположенія, не стѣсненныя еще никакими дипломатическими тонкостями. Эта записка является крайне интересной еще и въ томъ отношеніи, что показываетъ, насколько въ на-

---

[1]) Переводъ съ французскаго. Подлинникъ смотрѣть въ приложеніи № 103.

[2]) Арх. Канц. Военн. мин. по сн. в., 1852 г., секр. д. № 11, ч. 1.
4-й и 5-й пѣхотные корпуса начали приводиться на военное положеніе Высочайшими повелѣніями отъ 15 и 19 декабря 1852 года.

[3]) Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

ступившей затѣмъ войнѣ, благодаря сложившейся обстановкѣ и вліянію окружавшихъ лицъ, личныя мысли Государя подверглись измѣненію и, надо полагать, не въ нашу пользу.

Разбирая цѣли, которыя слѣдуетъ поставить нашимъ военнымъ дѣйствіямъ, Императоръ Николай полагалъ, что „чѣмъ „разительнѣе, неожиданнѣе и рѣшительнѣе нанесемъ ударъ, тѣмъ „скорѣе положимъ конецъ борьбѣ". Всякая же медленность и нерѣшительность позволитъ туркамъ опомниться, приготовиться къ оборонѣ и, кромѣ того, дастъ время и французамъ вмѣшаться въ это дѣло. „Итакъ, быстрыя приготовленія", заключалъ Государь, „возможная тайна и рѣшительность въ дѣйствіяхъ необходимы „для успѣха".

Обращаясь къ средствамъ выполненія поставленной цѣли, Государь полагалъ, что „сильная экспедиція съ помощью флота „въ Босфоръ и Царьградъ можетъ все рѣшить весьма скоро".

Николай Павловичъ вошелъ въ разборъ и необходимыхъ подробностей для выполненія своего задуманнаго плана.

Даже, при условіи поднятія нашимъ Черноморскимъ флотомъ въ одинъ рейсъ лишь 16.000 человѣкъ съ 32 полевыми орудіями, необходимымъ числомъ лошадей и при двухъ сотняхъ казаковъ, Государь считалъ возможнымъ овладѣть, при неожиданномъ появленіи, не только Босфоромъ, но и Царьградомъ.

Для десанта предназначались 13-я и 14-я дивизіи съ прикомандированными къ нимъ частями. Для скорости онѣ должны были выступить въ трехбаталіонномъ составѣ, доведя ихъ до полнаго комплекта на счетъ четвертыхъ баталіоновъ. Артиллерія должна была имѣть по одному запряженному зарядному ящику на орудіе, а остальные ящики должны быть перевезенными безъ лошадей.

13-я дивизія, въ составѣ 12-ти баталіоновъ, при 32-хъ орудіяхъ, предполагалась къ посадкѣ въ Севастополѣ, а 14-я, въ такомъ же составѣ, съ прибавленіемъ 5-го стрѣлковаго баталіона и двухъ сотенъ казаковъ, должна была собраться въ Одессѣ и, если хватитъ судовъ, то также сѣсть на присланную за ней эскадру.

И въ Севастополѣ, и въ Одессѣ предполагалось десанты посадить въ одинъ и тотъ же день и итти на соединеніе къ Босфору. Ежели бы въ это время турецкій флотъ вышелъ въ море, то предполагалось сначала его разбить, а потомъ уже входить въ Босфоръ. Если бы флотъ не вышелъ, то тогда слѣдовало приступить непосредственно къ прорыву въ Босфоръ или высадкой въ тылъ батареямъ или прямой атакой мимо нихъ на самый

Царьградъ. Первое изъ этихъ средствъ Государь полагалъ болѣе удобнымъ, второе болѣе отважнымъ, но не невозможнымъ.

Въ случаѣ удачнаго прорыва предполагалось стать передъ городомъ и требовать безусловной сдачи; въ противномъ случаѣ приступить къ бомбардировкѣ и высадкѣ десанта.

Одновременно съ этимъ Государя безпокоилъ вопросъ, можемъ ли мы удержаться въ Константинополѣ въ случаѣ появленія въ Дарданеллахъ европейскаго враждебнаго флота, и полагалъ, что появленіе его можно и должно предупредить быстрымъ занятіемъ Дарданеллъ.

Въ такомъ способѣ дѣйствій Императоръ Николай видѣлъ лучшее средство къ скорому примиренію съ Турціей [1]).

Однако, вскорѣ Государь призналъ необходимымъ не ограничиваться однимъ десантнымъ отрядомъ, а приготовить еще и сухопутный отрядъ, состоявшій изъ всего 4-го корпуса, 15-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей, 5-й легкой кавалерійской дивизіи, 3-хъ, а впослѣдствіи 6-ти казачьихъ полковъ и прочихъ прикомандированныхъ къ нимъ частей.

Цѣль дѣйствій этого сухопутнаго отряда не была первоначально точно установлена, но въ общемъ предполагалось, что онъ займетъ Придунайскія княжества, а, можетъ-быть, и Болгарію по Трояновъ валъ или до Кюстенджи, а далѣе будетъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ [2]).

Десантный отрядъ Государь требовалъ приготовить немедленно [3]), а сухопутный къ тому времени, когда, по времени года, признано будетъ возможнымъ его движеніе [4]).

Вопросъ о величинѣ десанта и скорости его перевозки зависѣлъ исключительно отъ подъемной силы и боевой годности нашего Черноморскаго флота, такъ какъ малое развитіе торговаго мореплаванія дѣлало невозможнымъ пользованіе въ значительномъ размѣрѣ частными судами. Черноморскій флотъ при нормальныхъ условіяхъ могъ поднять и перевезти въ одинъ рейсъ цѣлую пѣхотную дивизію со всѣми тяжестями, собственно ей принадлежавшими [5]).

---

[1]) Смотрѣть записку Императора Николая въ приложеніи № 210.

[2]) Арх. Канц. Военн. мин. по сн. в., 1852 г., секр. д. № 11, ч. 1.

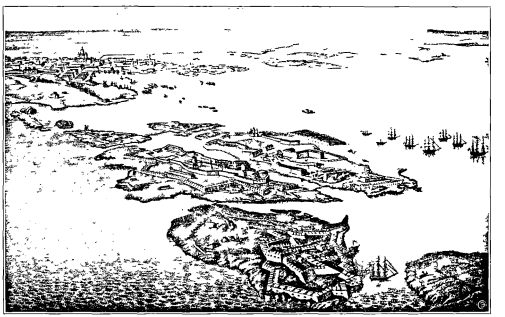
[3]) Этотъ отрядъ, при отдачѣ распоряженій о сборѣ запасныхъ въ половинѣ февраля, могъ быть собранъ въ 4-хъ баталіонномъ составѣ полковъ въ Севастополѣ и Одессѣ къ 1 апрѣля. Тамъ же.

[4]) Тамъ же. При тѣхъ же условіяхъ къ 1 апрѣля 15-я дивизія могла быть сосредоточена въ 3-хъ баталіонномъ составѣ полковъ.

[5]) Тамъ же.

Но при извѣстномъ напряженіи флотъ этотъ могъ поднять и болѣе значительный десантъ. Генералъ-адъютантъ Корниловъ вложилъ и въ это дѣло всю присущую ему энергію и уже въ февралѣ 1853 года представилъ въ Военное министерство вѣдомость перевозочныхъ способовъ Черноморскаго флота безъ ослабленія крейсерства у восточнаго берега и средствъ обороны Черноморской береговой линіи [1]).

Согласно этой запискѣ, черноморцы могли поднять въ одинъ рейсъ: на боевомъ отрядѣ судовъ изъ 28 вымпеловъ 16 батал.,



Видъ крѣпости Свеаборга и Гельсингфорса (съ шведской литогр.).

4 батареи при одномъ зарядномъ ящикѣ на орудіе и 100 казаковъ и на перевозочномъ отрядѣ изъ 33 вымпеловъ 10 батал., 2 батареи, остальные незапряженные зарядные ящики и 100 казаковъ. Такимъ образомъ наибольшая сила всего десантнаго отряда, перевозимаго въ одинъ рейсъ, опредѣлялась въ 24 батал. пѣхоты, 1 стрѣлковый, 1 саперный баталіоны, 6 батарей восьмиорудійнаго состава и 200 казаковъ съ ихъ лошадьми [2]).

---

[1]) Арх. Канц. Военч. мин. по сн. в., 1852 г., секр. д. № 20.
Арх. Морск. мин., Дѣла кн. Меншикова, № 291.

[2]) См. приложеніе № 211; см. также отнош. Военн. мин. къ ген.-адъют. Лидерсу отъ 14 февраля 1853 г., № 142. Арх. Канц. Военн. мин. по снар. в., 1852 г., секр. д. № 11, ч. 1.

Во исполненіе этой Высочайшей воли былъ составленъ подробный докладъ, лично разсмотрѣнный и исправленный Государемъ Императоромъ, съ предположеніями о снаряженіи десантнаго и сухопутнаго отрядовъ для дѣйствія въ Турціи [1]). Для осуществленія этого плана въ составъ десантнаго отряда включались 13-я и 14-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріей, 5-й стрѣлковый баталіонъ, три роты 5-го сапернаго баталіона, 2 гарнизонныя артиллерійскія роты и прочія мелкія части. Общая численность отряда, при выступленіи полковъ въ трехбаталіонномъ составѣ, опредѣлялась въ 32 тысячи, а въ четырехъ баталіонномъ въ 40 тысячъ при 64-хъ орудіяхъ [2]).

Сборными пунктами десантныхъ отрядовъ назначались: Севастополь для 13-й дивизіи и Одесса для 14-й дивизіи; они могли собраться сюда въ полной готовности къ 1 апрѣля, но только въ трехбаталіонномъ составѣ. При войскахъ долженъ былъ быть шестинедѣльный запасъ продовольствія и фуража.

Вообще, по общему подсчету, для Севастопольскаго десанта предназначалось судовъ всевозможныхъ размѣровъ, какъ военныхъ, такъ и частныхъ, 124, которыя могли высадить на шлюпкахъ въ одинъ разъ 4250 человѣкъ, и для Одесскаго—146 судовъ, высаживавшія въ одинъ разъ 4710 человѣкъ [3]).

По предварительному расписанію сухопутныя войска садились на суда, по возможности, цѣлыми строевыми частями, при чемъ войска, назначаемыя для первыхъ боевыхъ дѣйствій, по преимуществу предполагалось посадить на фрегаты, чтобы при высадкѣ весь десантъ могъ быть въ два рейса на берегу [4]).

Одновременно съ этимъ дѣлались распоряженія и по сформированію сухопутнаго отряда. Въ составъ его предназначались остальныя части 5-го пѣхотнаго корпуса и весь 4-й корпусъ съ прикомандированными къ нимъ частями. Если бы потребовалось скорое начало военныхъ дѣйствій, то сухопутный отрядъ частью

---

[1]) См. прилож. № 212.

[2]) По приведенному выше, въ приложеніи № 212, подсчету перевозочныхъ способовъ Черноморскаго флота, можно было на немъ помѣстить при наличности 26-ти баталіоновъ только 6 батарей или 48 орудій. Приведенныя же въ текстѣ данныя взяты изъ вѣдомости, имѣющейся въ Арх. Канц. Военн. мин. по снар. в., 1852 г., секр. д. № 11, ч. 1. Этотъ составъ разсчитанъ, съ принятіемъ въ соображеніе и тѣхъ частныхъ судовъ, которыя могли быть наняты для перевозки десанта. Вообще во всѣхъ документахъ по предполагаемой морской экспедиціи въ Турціи встрѣчаются мелкія разногласія, не имѣющія почти никакого значенія.

[3]) Военн. Уч. Арх. Гл. шт., отд. 2, д. № 3321.

[4]) Тамъ же.

долженъ былъ выступить въ трехбаталіонномъ составѣ полковъ и въ восьмиорудійномъ составѣ батарей.

Онъ подраздѣлялся на авангардъ или *передовой отрядъ* (изъ частей 5-го корпуса), силою въ 12¼ баталіоновъ, 32 пѣшихъ орудія, 32 эскадрона, 18 сотенъ, 16 конныхъ орудій и понтонный паркъ, общей численностью около 25.000 человѣкъ, и *главныя силы* (4-й корпусъ), силою въ 50 баталіоновъ, 144 пѣш. орудія, 32 эскадрона, 36 сотенъ, 16 конн. орудій и понтонный паркъ, общей численностью около 75.000 человѣкъ [1]).

Нельзя не остановиться на этомъ первомъ грандіозномъ по идеѣ и рѣшительномъ по замыслу военномъ планѣ Императора Николая. Возможность перекинуть въ три дня на берега Босфора десантъ въ 32—40 тысячъ человѣкъ съ цѣлью бомбардированія, а, можетъ-быть, и занятія Константинополя—это та конечная цѣль, которая должна была соотвѣтствовать предназначенію нашего Черноморскаго флота, а также оправдывать затраты на его содержаніе, и въ то же время цѣль, которая была по силамъ нашимъ черноморцамъ того времени. Быстрая, одновременная перевозка войскъ изъ Одессы въ Севастополь и изъ Севастополя на Кавказъ при далеко не полномъ напряженіи силъ нашего флота, имѣвшая мѣсто осенью 1853 года [2]), служитъ этому лучшимъ доказательствомъ.

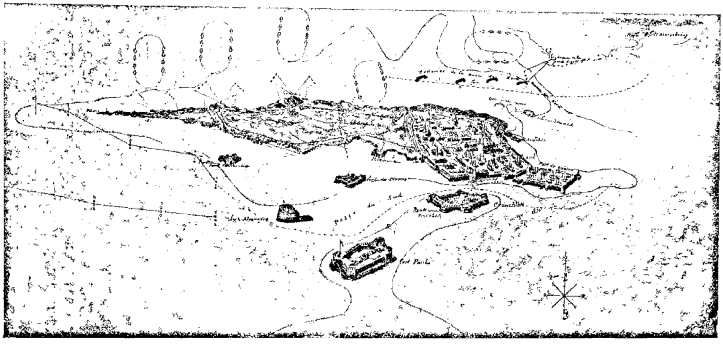
При неожиданности самаго предпріятія, нравственномъ и матеріальномъ превосходствѣ русскаго флота надъ турецкимъ, плохомъ состояніи укрѣпленій Босфора и существовавшемъ еще въ большой мѣрѣ разногласіи между западными державами планъ Императора Николая нельзя не признать рѣшительнымъ, и даже рискованнымъ, какъ и всякое подобное предпріятіе, но рискованнымъ въ такихъ предѣлахъ, когда рискъ не преобладаетъ надъ расчетомъ; за то въ случаѣ удачи этотъ планъ могъ быть самымъ плодотворнымъ по своимъ результатамъ.

То состояніе, въ которомъ въ началѣ 1853 года находилась еще совершенно не подготовленная къ войнѣ Турція, внушительная сила нашего десанта, поддержаннаго всѣмъ Черноморскимъ флотомъ, и занятіе нами Дарданеллъ дѣлали почти вѣроятнымъ прекращеніе русско-турецкой распри въ самый короткій срокъ и ставили нарождавшихся союзниковъ Порты, также не подготовлен-

---

[1]) Подробный составъ этихъ отрядовъ помѣщенъ въ приложеніи № 213.
Въ передовомъ отрядѣ полки считались 3-хъ баталіоннаго, а батареи 8-ми орудійнаго состава, въ главныхъ же силахъ 4-хъ баталіоннаго и 12-ти орудійнаго состава.

[2]) Объ этомъ будетъ сказано ниже, въ своемъ мѣстѣ.



Общій планъ Кронштадта (съ наброска англійскаго офицера, Парижскій военн. архивъ).

ныхъ еще къ борьбѣ, въ печальную необходимость примириться съ существовавшимъ уже фактомъ. Если бы даже западныя державы и объявили намъ войну, то мы имѣли бы въ своихъ рукахъ отличную позицію, которую, до сосредоточенія союзниками своихъ силъ, могли достаточнымъ образомъ укрѣпить и усилить. Не даромъ князь Варшавскій, хотя и нѣсколько поздно, находилъ мысль Государя занять Босфоръ великою, полагая, что „такимъ образомъ не только война сразу была бы окон-„чена, но можно было бы сдѣлать и завоеванія въ Европей-„ской Турціи“ [1]).

Однако, изложенный выше планъ не встрѣтилъ поддержки со стороны князя А. С. Меншикова. Ознакомившись ближе съ положеніемъ дѣлъ на самомъ мѣстѣ предполагаемыхъ дѣйствій, князь Александръ Сергѣевичъ въ письмѣ отъ 12 (24) марта изъ Константинополя [2]) сообщалъ Государю, а генералъ-адъютантъ Корниловъ 19 марта—Великому Князю Константину Николаевичу для всеподданнѣйшаго доклада свои мысли о затруднительности морского предпріятія непосредственно на Босфоръ [3]).

Признавая турецкій флотъ мало способнымъ для дѣйствія на морѣ, но могущимъ быть употребленнымъ въ числѣ 5 кораблей и 7 фрегатовъ для защиты проливовъ, а укрѣпленія Босфора легко проходимыми при благопріятныхъ условіяхъ для нашего Черноморскаго флота, авторъ записки полагалъ, что нашъ флотъ можетъ отстоять Дарданеллы отъ какого угодно непріятельскаго флота, занявъ при помощи десанта Дарданельскія укрѣпленія и имѣя примѣрно дивизію на полуостровѣ Гелеспонтъ. Что же касается до сухопутной высадки для занятія Босфора, то князь Меншиковъ и В. А. Корниловъ полагали для этого подходящими

---

[1]) Всеподданнѣйшая записка кн. Варшавскаго отъ 24 марта 1853 года. Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

[2]) Подлиннаго письма этого намъ найти въ архивахъ не удалось, хотя Императоръ Николай и упоминаетъ о немъ въ своей перепискѣ. Въ Военн. Уч. Арх. Гл. шт., отд. 2, д. № 4261 имѣется донесеніе Великому Князю Константину Николаевичу отъ 19 марта съ помѣткой, что оно отправлено въ приложеніяхъ отъ ген.-адъют. Корнилова, но безъ подписи. Самый текстъ донесенія заставляетъ предполагать, что оно составлено Корниловымъ, сопровождавшимъ князя Меншикова въ Константинополь именно съ цѣлью обрекогносцированія Босфора. Нѣтъ сомнѣнія, что мысли, изложенныя княземъ Меншиковымъ въ письмѣ къ Государю и Корниловымъ въ докладѣ Великому Князю, были одинаковы, но цитированіе А. Петровымъ („Война Россіи съ Турціей. Дунайская кампанія 1853 и 1854 гг.“. Т. I, стр. 67—69) фразъ этого документа, какъ принадлежащихъ исключительно князю Меншикову, не имѣетъ за собой достаточныхъ данныхъ; ихъ слѣдуетъ признать принадлежавшими и Меншикову и Корнилову.

[3]) См. приложеніе № 214.

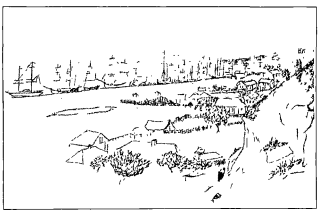
только два пункта—около Буюкъ-Дере и, въ случаѣ особой надобности, близъ с. Киліосъ. Это послѣднее селеніе, находящееся на Европейскомъ берегу, верстахъ въ шести отъ входа въ Босфоръ, открыто для господствующихъ сѣверныхъ вѣтровъ, которые могутъ сдѣлать высадку невозможной. Что касается до закрытаго рейда Буюкъ-Дере, то онъ не представлялъ такихъ неудобствъ, но требовалъ предварительнаго овладѣнія береговыми укрѣпленіями, какъ для входа на рейдъ, такъ и для удержанія его при помощи флота въ своихъ рукахъ. А это, въ свою очередь, требовало, по мнѣнію князя, сильнаго десантнаго отряда.

Какъ обязательное условіе успѣха предпріятія противъ Константинополя, князь Меншиковъ считалъ необходимымъ сохраненіе глубокой тайны и даже распусканіе ложныхъ слуховъ, но, прибавлялъ онъ, турки уже слышали о нашихъ приготовленіяхъ къ экспедиціи въ Босфоръ и принимаютъ рядъ мѣръ къ укрѣпленію пролива, для котораго природа сдѣлала все, чтобы малѣйшее толковое распоряженіе могло затруднить всякое предпріятіе.

Одновременно съ этимъ авторъ указывалъ другой планъ дѣйствій, а именно произвести высадку въ Варнѣ или Бургасѣ, откуда дѣйствовать на Константинополь и съ сухого пути и съ моря. Варненскій рейдъ былъ знакомъ нашимъ морякамъ еще съ кампаніи 1828—29 гг., что же касается до Бургаса, то князь Меншиковъ особо рекомендовалъ его для этой цѣли. Удобное мѣсто для высадки и рядъ отличныхъ по направленію къ Босфору боевыхъ позицій для нашего флота на рейдахъ Чингане, Искамеи и Фаросѣ, „на которыхъ можно безбоязненно ожидать атаки „какого угодно сильнѣйшаго непріятеля“, особенно привлекали свѣтлѣйшаго князя. Овладѣть же Константинополемъ въ такомъ случаѣ предполагалось съ сухого пути движеніемъ нашего корпуса черезъ Айдасъ, при чемъ подвозъ для войскъ всего необходимаго обезпечивался бы нашимъ флотомъ.

Предложеніе произвести, взамѣнъ форсированія Босфора, высадку въ Варнѣ или Бургасѣ, для дальнѣйшаго наступленія на Константинополь сухимъ путемъ, безспорно отнимало отъ первоначальной мысли Императора Николая весь рискъ задуманнаго предпріятія, но зато и окончательно лишало его тѣхъ плодотворныхъ результатовъ, къ которымъ оно могло привести. Высадка въ Варнѣ и даже въ Бургасѣ не могла произвести на Блистательную Порту такого внушительнаго впечатлѣнія, какъ неожиданное

появленіе нашего флота съ большимъ десантомъ непосредственно подъ стѣнами Константинополя, и трудно предположить, чтобы только одинъ фактъ подобной высадки, принимая въ особенности во вниманіе стараніе европейскихъ совѣтчиковъ Порты, заставилъ бы турокъ подчиниться нашимъ требованіямъ. Въ перспективѣ, слѣдовательно, былъ походъ къ Константинополю, требовавшій времени, уменьшавшій боевую силу нашего десанта и дававшій туркамъ время опомниться отъ перваго впечатлѣнія и приготовиться къ сильной оборонѣ. Но главный недостатокъ предложеннаго плана заключался въ томъ, что онъ давалъ возможность западнымъ державамъ принять, до нанесенія нами туркамъ рѣшительнаго удара, активное участіе въ нашей распрѣ и оставлялъ Черное море открытымъ для входа ихъ судовъ. Непосредственное форсированіе Босфора и занятіе Дарданеллъ были собственно единственной комбинаціей, которая дѣлала въ будущемъ невозможной Крымскую экспедицію, сохраняла въ нашихъ рукахъ Черное море и сводила почти на ничто преимущество парового флота морскихъ державъ надъ нашимъ паруснымъ. Планъ Императора Николая былъ, дѣйствительно, рискованъ, но великіе результаты на войнѣ не достигаются безъ риска, и въ данномъ случаѣ невольно приходитъ на умъ свидѣтельство Наполеона I, что онъ считалъ для себя обстановку очень удачной, когда въ своихъ военныхъ комбинаціяхъ могъ двѣ трети разсчитать и лишь треть оставить на долю риска. Наврядъ ли это отношеніе отклонялось въ планѣ Императора Николая слишкомъ сильно въ сторону риска!



Видъ Тульчи
(набросокъ каранд. съ натуры Стааля).

Такъ или иначе, но мнѣніе такихъ, пользовавшихся полнымъ довѣріемъ Государя, лицъ, какъ князь Меншиковъ, подготовлявшійся стать во главѣ всего предпріятія, и Корниловъ, должно было оказать воздѣйствіе на Императора Николая, и онъ не безъ грусти отказался отъ той цѣли, къ которой безспорно подготавливалъ

въ своихъ мечтахъ Черноморскій флотъ на случай роковой необходимости быстро обезпечить интересы Россіи на берегахъ Босфора.

II.

Съ этой минуты начинаются постепенныя уклоненія Николая Павловича отъ своего первоначальнаго плана, постепенныя уступки Государя мнѣніямъ своихъ довѣренныхъ совѣтниковъ, уступки, дѣлаемыя не безъ особаго труда. Здравый военный взглядъ Императора Николая ясно сознавалъ искусственность той обстановки, въ которую приближенныя къ нему лица мало-по-малу старались облечь военныя операціи, и которая въ концѣ концовъ вылилась въ форму безцвѣтнаго почти годового сидѣнія въ княжествахъ, энергично поддерживаемаго иниціаторомъ его, свѣтлѣйшимъ княземъ Варшавскимъ, и давшаго созрѣть пагубной для насъ Крымской экспедиціи союзниковъ.

Тотчасъ вслѣдъ за полученіемъ вышеупомянутаго письма князя Меншикова Государь вновь собственноручно начерталъ измѣненный планъ военныхъ операцій. Въ немъ не было уже той сознательной опредѣленности въ выборѣ средствъ для нанесенія врагу удара, который неминуемо долженъ былъ сломить его сопротивленіе. Въ этой и послѣдующихъ запискахъ Государя какъ бы проглядываетъ невольная уступка представленнымъ ему мнѣніямъ, нѣкоторое недовѣріе къ предполагаемымъ имъ самимъ новымъ предположеніямъ и ясное сознаніе опасности вмѣшательства въ военныя дѣйствія со стороны западныхъ державъ. Такое настроеніе автора проекта дѣлало, очевидно, этотъ проектъ недолговѣчнымъ и было лишь первымъ шагомъ къ дальнѣйшему измѣненію плана военныхъ операцій, который, катясь по наклонной плоскости, вылился, наконецъ, въ форму самую нерѣшительную, а потому и самую вредную.

„Изъ краткаго предварительнаго донесенія князя Меншикова", начиналъ свою записку Императоръ Николай [1]), „заключить слѣ„дуетъ, что предполагавшееся, въ случаѣ разрыва съ Турціей, „морское предпріятіе на Царьградъ или весьма трудно, или даже „невозможно. Затѣмъ надо обратиться къ другой мысли, т.-е.

---

[1]) Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 4.
Числа на этой запискѣ не имѣется, но ее слѣдуетъ отнести къ 22-23 марта.

„моремъ же овладѣть Варной и потомъ укрѣпленіями залива „Бургасъ".

Въ овладѣніи Бургасомъ и Варной Государь не предвидѣлъ затрудненій, но это вызывало, въ свою очередь, необходимость быстраго вступленія нашего сухопутнаго отряда въ княжества съ цѣлью переправы черезъ Дунай гдѣ-либо ниже Силистріи и наступленія на Козлуджи для соединенія съ десантнымъ отрядомъ, который долженъ былъ оставить въ Варнѣ необходимый гарнизонъ, примѣрно въ 3 баталіона.

Сухопутный отрядъ, по предположенію Государя, долженъ былъ оставить для занятія княжествъ одну дивизію съ ея артилеріей и двумя казачьими полками, при чемъ для наступленія за Дунай въ немъ оставалось бы три пѣхотныхъ, двѣ кавалерійскихъ дивизіи и четыре казачьихъ полка съ соотвѣтствующей артилеріей. Въ этомъ же отрядѣ должны были слѣдовать и обозы десантныхъ войскъ.

Дальнѣйшій ходъ дѣйствій соединенныхъ въ Козлуджи отрядовъ долженъ былъ зависѣть отъ того, сосредоточатъ ли турки армію подъ Шумлой, или нѣтъ.

Въ первомъ случаѣ, если турецкая армія не будетъ избѣгать сраженія, предполагалось ее разбить и далѣе дѣйствовать въ зависимости отъ того, куда она отступитъ. Въ случаѣ отступленія ея въ Шумлу, Государь признавалъ крайне опаснымъ наше дальнѣйшее наступленіе, такъ какъ турецкая армія будетъ висѣть у насъ на правомъ флангѣ, откуда постоянно будетъ угрожать и безъ того довольно затруднительнымъ нашимъ сообщеніямъ. Наоборотъ, ежели бы турецкая армія не обратилась къ Шумлѣ, а укрылась бы за горы, то намъ слѣдовало продолжать движеніе впередъ. Послѣ достиженія Варны и Бургасскаго залива наши войска должны были базироваться на оба эти пункта.

Обращаясь къ дѣйствіямъ флота, Государь указывалъ ему не допускать турецкій флотъ въ Черное море, уничтожить его въ крайнемъ случаѣ и прикрывать подвозъ всего необходимаго къ нашей арміи морскимъ путемъ.

По достиженіи Бургаса, нашъ сухопутный корпусъ долженъ былъ усилиться частью войскъ, перевезенныхъ моремъ въ этотъ пунктъ, что, принимая во вниманіе необходимую убыль, позволитъ разсчитывать имѣть для дальнѣйшихъ дѣйствій подъ ружьемъ въ пѣхотѣ около 34 тысячъ человѣкъ, а съ кавалеріей и артилеріей не болѣе 45 тысячъ человѣкъ.

„Съ этимъ числомъ войскъ", заканчивалъ Государь, „слѣдовать „далѣе къ Царьграду было бы неосторожно; это явно доказы„ваетъ, что, отказываясь отъ намѣренія атаки съ моря на Царь„градъ, другой образъ войны необходимо требуетъ назначенія „еще одного корпуса".

При такихъ условіяхъ одинъ корпусъ занималъ бы княжества и прикрывалъ правый флангъ арміи со стороны Силистріи или Шумлы, а два корпуса были бы обращены для дѣйствія за Балканами [1]).

Сулинскій рукавъ Дуная (съ англ. грав. на стали).

Результатомъ такого предположенія было Высочайшее повелѣніе отъ 23 марта о немедленномъ приведеніи 3-го пѣхотнаго корпуса и его резервовъ на военное положеніе при условіи готовности къ выступленію не позже 15 мая.

Свои предположенія Государь прежде всего сообщилъ на заключеніе своему „отцу-командиру", князю Варшавскому, вызванному въ это тревожное время въ Петербургъ. Легкое нездоровіе знаменитаго сотрудника Императора Николая заставило его изложить свое мнѣніе письменно и такимъ образомъ сохранить его для исторіи.

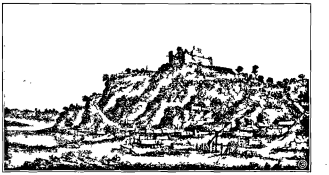
Князь Иванъ Ѳедоровичъ [2]) вполнѣ соглашался съ Государемъ въ недостаточности для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана двухъ корпусовъ и въ необходимости мобилизаціи и третьяго корпуса. При такихъ условіяхъ онъ считалъ возможнымъ, хотя и не безъ труда, занять Адріанополь и Кирклиссе, пунктъ, имѣющій важное значеніе какъ въ отношеніи обезпеченія нашей коммуникаціонной линіи на Варну и Бургасъ, такъ и для связи съ флотомъ, но затѣмъ для похода на Константинополь у насъ оставалось бы свободными отъ 3½ до 4 дивизій, численностью всего не болѣе 45-50 тысячъ, „которыя только-что достаточны

[1]) Записка Императора Николая помѣщена въ приложеніи № 215.

[2]) Всеподданнѣйшая записка отъ 24 марта 1853 года. Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

„для того, чтобы взять Константинополь“. Свои предположенія Паскевичъ, кромѣ того, основывалъ на условіи, что мы владѣемъ Чернымъ моремъ, такъ какъ, по его мнѣнію, армія не могла итти за Балканы безъ флота, который снабжалъ бы ее боевыми и продовольственными запасами.

Признавъ такимъ образомъ возможность овладѣнія Константинополемъ съ сухого пути, князь Варшавскій не упустилъ случая нарисовать Государю то затруднительное положеніе, въ которомъ будетъ находиться Россія послѣ выполненія этой, видимо несимпатичной ему, операціи.



Видъ Систова
(съ акварели съ натуры Шуберта).

Онъ считалъ, что наши три корпуса должны будутъ оставаться въ Турціи по крайней мѣрѣ три-четыре года, пока ихъ можно будетъ хоть отчасти замѣнить отрядами, сформированными изъ туземныхъ христіанскихъ племенъ. Отдѣленіе трехъ пѣхотныхъ корпусовъ на столь продолжительное время очень безпокоило его на случай европейской войны. Видимо, князь Иванъ Ѳедоровичъ серіозно разсчитывалъ въ этомъ случаѣ на окончательное паденіе Турецкой Имперіи.

Все это заставило князя Варшавскаго посмотрѣть на турецкія дѣла „съ другой точки зрѣнія“, и тогда, по его словамъ, можно было бы „за неисполненіе турецкимъ правительствомъ заключенныхъ трактатовъ прежде всего занять княжества и объявить, „что они до тѣхъ поръ не будутъ очищены, пока Турція не „выполнитъ своихъ обязательствъ“.

Такимъ образомъ традиціонный, но никогда не приводившій къ положительнымъ результатамъ способъ нашего воздѣйствія на Турцію вновь выступалъ на сцену и на этотъ разъ въ устахъ опытнаго вождя, человѣка, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ на Императора Николая, знаменитаго „отца-командира“, князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго.

Авторъ предложенія о занятіи княжества не пожалѣлъ красокъ, чтобы представить заманчивую картину такого способа дѣйствій.

И войскъ для этого мало потребуется, и содержаніе ихъ почти ничего не будетъ стоить; кромѣ того, мы тамъ найдемъ 10 тысячъ мѣстнаго регулярнаго войска, которое слѣдуетъ увеличить до 20 тысячъ. Это войско послужитъ зерномъ христіанскаго ополченія въ Турціи. Болгары и даже сербы, для которыхъ вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ есть дѣло священное, сами будутъ переходить къ намъ за Дунай. Христіанское ополченіе будетъ формироваться въ баталіоны, вооружаться доставленными нами ружьями и употребляться въ видѣ стрѣлковыхъ частей.

Князь Варшавскій не упустилъ подкрѣпить свои доводы историческими примѣрами, между прочимъ и изъ своего боевого опыта, и въ концѣ концовъ перешелъ къ разсмотрѣнію возможнаго въ этомъ случаѣ поведенія Турціи и иностранныхъ державъ. Первой, по его словамъ, оставалось или согласиться на исполненіе всѣхъ условій трактатовъ, или собрать свою армію и рѣшиться на сраженіе. „Тѣмъ лучше", продолжалъ Паскевичъ; „турки сильны „въ крѣпостяхъ: въ полѣ мы должны ихъ разбить и однимъ „ударомъ разсѣять ихъ арміи. Тогда все пространство очистится „и даже съ небольшими силами можно зайти далеко". Что же касается иностранныхъ державъ, то онѣ „принуждены будутъ „найти сіе условное занятіе княжествъ справедливымъ возмездіемъ „за неисполненіе турками трактатовъ" [1]).

Мысли, изложенныя княземъ Варшавскимъ, легли въ основу нашихъ дѣйствій на Дунаѣ въ 1853 году. Печальная дѣйствительность не замедлила въ самомъ скоромъ времени показать, какъ жестоко ошибался князь Иванъ Ѳедоровичъ во всѣхъ пунктахъ своихъ предположеній.

Однако, Императоръ Николай не сразу и не легко отказывался отъ своего первоначальнаго намѣренія имѣть предметомъ военныхъ дѣйствій Константинополь. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его собственноручная записка отъ 8 апрѣля 1853 года [2]).

„Дознанная невозможность", писалъ онъ, „предполагавшейся „на случай разрыва съ Портой морской экспедиціи прямо на „Босфоръ и Царьградъ невольно приводитъ къ необходимости „сообразить иной способъ дѣйствій. Желательно, однако, сохра„нить вновь избираемому характеръ первоначально предполагав„шагося, т.-е. неожиданность".

---

[1]) Записка князя Варшавскаго помѣщена въ приложеніи № 216.
[2]) Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

Поэтому Государь полагалъ, обезпечивъ при помощи части флота Черное море отъ входа туда турецкихъ судовъ, перевезти въ теченіе мѣсяца въ Бургасъ въ нѣсколько рейсовъ 38 баталіоновъ, 96 орудій и около бригады кавалеріи, а въ то же время 4-й корпусъ двинуть въ княжества и расположить въ Валахіи, оставивъ необходимые гарнизоны въ Молдавіи. Дунайская же флотилія наша вмѣстѣ съ приготовленнымъ для переправы черезъ эту рѣку мостомъ будетъ подыматься вверхъ по Дунаю до Гирсова и, если возможно, даже далѣе. Этими мѣрами Государь предполагалъ отвлечь вниманіе и силы турокъ отъ намѣченнаго для главныхъ дѣйствій пункта.

Окончательная перевозка десанта и занятіе княжествъ могли быть окончены одновременно въ концѣ іюня мѣсяца.

Дальнѣйшія дѣйствія для овладѣнія собственно Константинополемъ представлялись въ двоякомъ видѣ. Или же наступать всѣмъ высадившимся корпусомъ непосредственно изъ Бургаса къ Царьграду, или же, воспользовавшись тѣмъ, что высадка въ Бургасѣ привлечетъ туда большую часть турецкихъ силъ, посадить неожиданно десантъ на флотъ и итти на прорывъ къ Босфору, овладѣть имъ и явиться передъ Константинополемъ. Первое требовало достаточнаго количества перевозочныхъ средствъ для поднятія провіанта по крайней мѣрѣ на 20 дней, что было затруднительно, второе же Государь считалъ возможнымъ, но зависящимъ отъ вѣрности расчета и положительныхъ свѣдѣній.

Однако, весь этотъ планъ Императоръ признавалъ выполнимымъ лишь въ томъ случаѣ, если западныя державы не вступятся за турокъ, и флоты ихъ не войдутъ въ Черное море. До выясненія обстановки въ этомъ отношеніи Государь склонялся къ предварительному занятію княжествъ 4-мъ корпусомъ; морскую же экспедицію онъ предполагалъ предпринять только тогда, когда наша армія подойдетъ къ Дунаю, когда будутъ получены вѣрныя свѣдѣнія о сосредоточеніи на этой рѣкѣ турецкой арміи, и мы убѣдимся, что Англія и Франція не вмѣшаются въ дѣло вооруженной силой [1]).

Такимъ образомъ отказъ отъ первоначальнаго, вполнѣ опредѣленнаго и сообразованнаго съ обстановкой плана и все большая и большая запутанность политической обстановки, благодаря Константинопольскимъ переговорамъ князя Меншикова, роковымъ

[1]) Записка эта помѣщена въ приложеніи № 217.

образомъ влекли Императора Николая къ принятію плана, котораго онъ менѣе всего желалъ, и который, какъ предчувствовалъ Государь, долженъ быть наиболѣе пагубнымъ для Россіи. А между тѣмъ развязка приближалась. Князь Меншиковъ долженъ былъ покинуть Константинополь, не достигнувъ положительныхъ результатовъ.

Одновременно съ этимъ Николай Павловичъ начерталъ новое и на этотъ разъ окончательное предположеніе о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1853 году, вышедшее изъ-подъ пера Государя по предварительному соглашенію съ „отцомъ-командиромъ“ [1]).

Видъ Бухареста (съ франц. грав. на стали).

„Желая всегда избѣгать войны съ Турціей“, начиналъ Государь свою записку [2]), „по гибельнымъ ея послѣдствіямъ для войскъ, „призываемымъ для дѣйствія въ тамошнемъ край, отъ климати„ческихъ условій и, сверхъ того, по неопредѣленности цѣли дѣй„ствій, ежели избѣгнуть хотимъ конечнаго ниспроверженія Турец„кой Имперіи, полагаю раздѣлить военныя дѣйствія на нѣсколько „*эпохъ* или *раздѣловъ*“.

Первая эпоха заключалась въ занятіи княжествъ въ *залогъ*, если турками будетъ отвергнута послѣдняя попытка къ примиренію въ видѣ ультиматума, отправленнаго графомъ Нессельроде Решиду-пашѣ [3]). Эту операцію предписывалось исполнить 4-му пѣхотному корпусу съ частью 15-й пѣхотной и 5-й легкой кавалерійской дивизій съ возможной быстротой, выславъ впередъ кава-

---

[1]) Собств. Его Велич. библіотека. Письмо Императора Николая отъ 17 (29) мая 1853 года.

[2]) Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 58. Записка эта относится къ 16-17 мая. Г. Петровъ ошибочно относитъ ее къ январю 1853 года.

[3]) См. гл. X.

лерію, поддержанную на близкомъ разстояніи пѣхотнымъ авангардомъ. Нашу границу на нижнемъ Дунаѣ предполагалось не оголять отъ войскъ, чтобы обезпечить ее отъ набѣговъ со стороны турокъ. Войска должны до послѣдней крайности избѣгать военныхъ дѣйствій противъ турокъ и вступать съ ними въ бой лишь тогда, когда они, перейдя на лѣвый берегъ Дуная, не отступятъ передъ нашими войсками, или сами начнутъ нападеніе.

Флотъ въ это время долженъ былъ оставаться у береговъ, кромѣ легкихъ крейсеровъ, которые будутъ наблюдать за движеніемъ турецкаго или иностранныхъ флотовъ, не вдаваясь, однако, съ ними въ дѣло.

„Въ этомъ положеніи", писалъ Государь, „держа войска въ „здоровыхъ мѣстахъ въ лагеряхъ, имѣя по Дунаю только наблю„дательные казачьи посты и въ избранномъ мѣстѣ резервъ или „авангардъ—будемъ мы ждать, *какое впечатлѣніе занятіе сіе произведетъ на турокъ*" [1]).

Вторая эпоха наступаетъ тогда, когда и послѣ занятія княжествъ Турція будетъ продолжать упорствовать въ своемъ сопротивленіи. Она должна была выразиться въ блокадѣ Босфора, въ разрѣшеніи, можетъ-быть, брать нашимъ крейсерамъ турецкія суда, въ предложеніи Австріи занять Герцоговину и Сербію и въ объявленіи Турціи, что, въ случаѣ ихъ упорства, Государь объявитъ независимость княжествъ и Сербіи. Переходить Дуная не предполагалось и въ этотъ періодъ.

И, наконецъ, *третья эпоха* заключалась въ приведеніи выше перечисленныхъ угрозъ въ исполненіе, чтобы признаніемъ независимости княжествъ положить начало разрушенію Оттоманской Имперіи. „И тогда врядъ ли Турецкая Имперія устоитъ, и, вѣро„ятно, будутъ вездѣ бунты христіанъ, и настанетъ послѣдній часъ „Оттоманской Имперіи" [2]).

Переходить Дуная и приступать къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ Государь не былъ намѣренъ и послѣ этого. „Развѣ", прибавлялъ онъ [3]), „Имперія (Турецкая) рушится, да и тогда скорѣе пошлю „флотъ, для чего держу его въ готовѣ". 13-я и 14-я дивизіи оставлялись поэтому въ сборѣ въ Севастополѣ и Одессѣ [4]).

---

[1]) Курсивъ всюду принадлежитъ подлиннику.

[2]) Собств. Его Велич. библіотека. Письмо къ кн. Варшавскому отъ 17 (29) мая 1853 года.

[3]) Тамъ же.

[4]) Собственноручная записка Государя помѣщена въ приложеніи № 218.

16 мая Высочайше повелѣно было войскамъ сосредоточиться на исходныхъ для занятія княжествъ пунктахъ, не переступая, однако, границы. 3-й корпусъ въ то же время долженъ былъ пододвинуться къ предстоящему театру военныхъ дѣйствій на смѣну 4-го корпуса [1]).

Одновременно съ этимъ, подъ вліяніемъ тяжелаго чувства неудачныхъ переговоровъ, Государь собственноручно начерталъ то сообщеніе, которое должно было быть сдѣлано Портѣ Оттоманской и австрійскому правительству [2]).

„1. Рѣшительное внушеніе (injonction péremptoire) турецкому „правительству заключить требуемый трактатъ, а въ противномъ „случаѣ немедленное занятіе княжествъ.

„2. Если Турція, несмотря на это, будетъ упорствовать, „блокада Босфора и *признаніе независимости* княжествъ [3]).

„3. Если она будетъ все-таки продолжать упорствовать— „*признаніе независимости Сербіи.*

„4. Просить у императора австрійскаго нравственной под- „держки въ первомъ случаѣ, сосредоточенія его войскъ на гра- „ницѣ Буковины и Сербіи во второмъ случаѣ и занятія этихъ „провинцій въ третьемъ, а также признанія съ его стороны „*независимости* сопредѣльныхъ съ нами провинцій.

„Обѣщать императору на условіяхъ взаимности дѣйствовать „въ полномъ согласіи во всемъ, что можетъ касаться нашихъ „интересовъ въ отношеніи сосѣдей, такъ какъ таковые тожде- „ственны.

„Разумѣется, съ моей стороны полное покровительство въ „Турціи католикамъ такое же, какъ я ожидаю и со стороны „императора по отношенію къ православнымъ“ [4]).

Сообщенію этому не суждено было увидать свѣта.

Такимъ образомъ до поры до времени конечная цѣль нашихъ военныхъ операцій состояла не въ нанесеніи Турціи рѣшительнаго пораженія, а въ оккупаціи княжествъ, въ видѣ залога въ исполненіи ею нашихъ требованій. Войска наши должны были даже избѣгать вооруженнаго столкновенія съ турками и лишь

---

[1]) Арх. Канц. Военн. мин. по сн. в., 1852 г., секр. д. № 11, ч. 2. Собственноручная записка Императора Николая отъ 16 мая 1853 года.

[2]) Записка Императора Николая отъ 17 мая 1853 года. Арх. Мин. Ин. д., Докл. 1854 года.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) Переводъ съ французскаго.

отражать ихъ нападеніе на насъ и попытки появленія ихъ на лѣвомъ берегу Дуная.

Это собственно не былъ въ тѣсномъ смыслѣ слова планъ кампаніи, а полу-военная, полу-дипломатическая мѣра, ставившая, какъ и всякая полумѣра, армію въ самое фальшивое положеніе. Въ такой двойственной роли нашего оккупаціоннаго корпуса, возложенной на него до окончательнаго разгрома турецкой арміи, которая, подъ прикрытіемъ Дуная, могла сво-

Видъ Перекопа (съ русск. грав., по рис. Де-Пальдо).

бодно усиливаться и производить свое стратегическое сосредоточеніе, и заключался зачатокъ будущихъ нашихъ неудачныхъ дѣйствій на Дунаѣ.

Военный инстинктъ Императора Николая ясно сознавалъ невыгоду подобнаго образа дѣйствій, и Государь снизошелъ до него рядомъ постепенныхъ уступокъ, подъ вліяніемъ окружающихъ лицъ и въ видѣ дани разнымъ политическимъ ухищреніямъ, приведшимъ, по словамъ Государя, къ „неопредѣленности цѣли дѣй-„ствій, ежели избѣгнуть хотимъ конечнаго ниспроверженія Турец-„кой Имперіи“ [1]).

Князь А. С. Меншиковъ въ секретномъ письмѣ къ князю М. Д. Горчакову [2]) дѣлалъ слѣдующія предсказанія о возможныхъ результатахъ предпринятаго нами плана:

---

[1]) См. выше.

[2]) Изъ Николаева отъ 14 іюня 1853 года. Военн. Уч. Арх. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

1) „Турки позволятъ намъ спокойно занять княжества, не „начнутъ военныхъ дѣйствій и не вызовутъ ихъ, вѣря въ заступ- „ничество великихъ державъ. Заступничество, обѣщанное лордомъ „Редклифомъ.

2) „Въ случаѣ открытой войны, ихъ планъ дѣйствій, какъ „кажется, будетъ заключаться въ задержаніи насъ насколько „возможно осадою крѣпостей, въ уклоненіи отъ боя и въ сосре- „доточеніи, постепенно отступая, самой сильной обороны при „помощи иностранныхъ эскадръ вокругъ столицы.

3) „Ударъ на Босфоръ безъ поддержки арміи очень рискованъ „и становится невозможнымъ въ присутствіи англійскаго и фран- „цузскаго флотовъ, находящихся у входа въ Дарданеллы.

4) „Мало вѣроятія, чтобы Австрія раздѣлила наши взгляды „на мирное занятіе части турецкой территоріи, развѣ только, чтобы „принять участіе въ случаѣ дѣленія пирога. Въ особенности Сербія „не можетъ быть занята безъ кровопролитія; въ ней пять крѣ- „постей имѣютъ турецкіе гарнизоны, которые захотятъ защищаться.

5) „Блокада Босфора имѣетъ то неудобство, что она подо- „рветъ благосостояніе нашихъ южныхъ губерній, продукты кото- „рыхъ не могутъ быть вывозимы. Заграничныя требованія хлѣба „очень значительны и будутъ выполняться въ теченіе всей нави- „гаціи этого года.

6) „Возстаніе христіанскихъ народностей можетъ имѣть мѣсто, „но имъ нужно оружіе. Греки для этого менѣе пригодны; что же „касается до духовенства, включая сюда и патріарховъ, то я думаю, „что оно предпочтетъ турецкое владычество, которое дозволяетъ „имъ злоупотребленія, самыя вопіющія.

7) „Плодъ недостаточно созрѣлъ, чтобы быть раздѣленнымъ „между желающими; война съ рѣшительной цѣлью будетъ затруд- „нена офиціальными и заинтересованными посредниками и затя- „нется безъ конца. Надо такимъ образомъ ожидать мирнаго „разрѣшенія разногласій; разрѣшенія, которое можетъ быть по- „четнымъ, если мы устоимъ въ твердомъ тонѣ“ [1]).

Таковъ былъ наканунѣ разрыва съ Портой образъ мыслей нашего чрезвычайнаго посла въ Константинополѣ, человѣка, безусловно освѣдомленнаго на мѣстѣ съ *политической обстановкой*, которымъ онъ секретно дѣлился съ командующимъ войсками на Дунаѣ, при вступленіи его въ эту должность.

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

Князь Варшавскій, съ своей стороны, успокаивалъ Государя, что миролюбивое занятіе княжествъ „должно показать Европѣ „снисходительную умѣренность Вашего Величества и вмѣстѣ про„извести важное вліяніе на судьбу Турецкой Имперіи“ [1]).

Что касается до предположеній нашихъ относительно дѣйствій на Кавказѣ, то, относя подробный разборъ ихъ къ соотвѣтствующему отдѣлу, упомянемъ только, что внутренняя борьба съ горцами, поглощавшая многочисленныя войска Кавказскаго корпуса, заставила Императора Николая согласиться съ мнѣніемъ Кавказскаго намѣстника князя Воронцова пока придерживаться тамъ

Видъ стараго базара въ Керчи.

строго оборонительнаго образа дѣйствій, продолжая приводить въ исполненіе ранѣе установленный планъ замиренія этого края [2]).

Такое рѣшеніе вполнѣ соотвѣтствовало общему взгляду Императора Николая на характеръ принудительныхъ мѣръ противъ Порты Оттоманской.

III.

Первыя приготовленія турокъ или, вѣрнѣе, ихъ будущихъ союзниковъ къ войнѣ съ Россіей относятся къ 1849 году.

Французскій посолъ въ Константинополѣ, генералъ Опикъ (Aupick), при помощи цѣлой группы французскихъ офицеровъ ознакомился съ состояніемъ турецкой арміи, съ предстоящимъ

[1]) Письмо отъ 20 мая 1853 г. Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 44.

[2]) Письмо князя Воронцова военному министру отъ 28 февраля 1853 года, № 4 и резолюція на немъ отъ 16 марта. Арх. Военн. Уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6564.

театромъ войны, состояніемъ населенія и укрѣпленныхъ пунктовъ и выработалъ планъ военныхъ операцій на случай наступательной противъ турокъ войны со стороны Придунайскихъ княжествъ. Мысли генерала Опика тогда же любезно были препровождены для руководства военному министру Порты [1]). Эти мысли съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями легли въ основу дѣйствій турецкаго главнокомандующаго осенью 1853 г. и весною 1854 года.

По мнѣнію автора записки, срытіе турецкихъ крѣпостей на лѣвомъ берегу Дуная отодвинуло главный центръ обороны Балканскаго полуострова отъ Дуная къ Балканамъ.

Трудно доступные по мѣстнымъ условіямъ проходы черезъ эти горы должны были быть еще болѣе усилены при помощи цѣлаго ряда фортификаціонныхъ сооруженій и упорно обороняться дѣйствующей арміей. У южнаго подножья Балканъ, подъ прикрытіемъ дѣйствующихъ войскъ, должны были формироваться резервы, и чѣмъ упорнѣе будетъ оборона первыхъ, тѣмъ прочнѣе будетъ организація послѣднихъ. Адріанополь имѣлъ значеніе, какъ главный складочный пунктъ арміи, а Константинополь, въ виду большаго удаленія его отъ возможнаго театра военныхъ дѣйствій, надо было занять самымъ незначительнымъ числомъ войскъ. Очевидно, французскій совѣтникъ Порты уже въ то время имѣлъ въ виду защиту Царьграда флотами западныхъ державъ отъ нашихъ поползновеній со стороны Босфора.

Что касается до Дуная, то генералъ Опикъ смотрѣлъ на него, какъ на сильную передовую преграду, на которой, разумѣется, желательно было задержать наши войска возможно долѣе, но отнюдь не нарушая дѣйствіями на Дунаѣ всего плана войны, который основывался на завлеченіи русской арміи въ глубь страны и на затягиваніи кампаніи.

Французскій генералъ отрицалъ вѣроятіе нашей переправы въ Добруджѣ и, какъ пунктъ для таковой, намѣтилъ окрестности Силистріи. Онъ почему-то объяснялъ это опять-таки срытіемъ крѣпостей лѣваго берега Дуная, но, вѣрнѣе, надо полагать, что расчетъ его былъ основанъ на входѣ въ Черное море союзныхъ флотовъ.

Вслѣдъ за переправой, по словамъ автора записки, мы немедленно должны были начать осаду Силистріи, которая пред-

---

[1]) Note remise par le général Aupick au ministre de la guerre de Turquie en 1849. (Парижъ. Архивъ Военнаго министерства).

назначалась имъ служить главной базой нашей арміи при дальнѣйшемъ ея наступательномъ движеніи.

Оборонять крѣпость онъ рекомендовалъ очень упорно, такъ какъ это дастъ возможность лучше укрѣпить Балканы. Поэтому гарнизонъ Силистріи опредѣлялся генераломъ Опикъ не менѣе 10-12 тысячъ человѣкъ.

Что касается до поведенія полевой арміи турокъ въ этотъ періодъ войны, то она не должна была рисковать боемъ даже при выгодныхъ условіяхъ, и хотя бы это потребовалось для спасенія крѣпости. „Побѣда не окончитъ войны", писалъ генералъ Опикъ, „пораженіе погубитъ все". Туркамъ рекомендовалось во время осады Силистріи постоянно тревожить нашу осаждающую армію, угрожать ей нападеніемъ и утомлять ее; при этомъ не слѣдовало вдаваться, однако, въ серіозныя дѣла, а ограничиваться, при полной надеждѣ на успѣхъ, лишь частными стычками, сначала одной кавалеріей, а потомъ и отрядами изъ трехъ родовъ оружія.

Послѣ взятія Силистріи усилія наши должны были направиться на линію Шумла—Варна, и генералъ Опикъ съ особенной настойчивостью рекомендовалъ обратить вниманіе на укрѣпленіе этихъ двухъ пунктовъ. На Шумлу онъ смотрѣлъ, какъ на центръ всей обороны къ сѣверу отъ Балканскаго хребта, въ которомъ должны были быть сосредоточены главная масса турецкихъ войскъ и главный складочный пунктъ всего необходимаго для арміи. Здѣсь долженъ былъ быть устроенъ сильный укрѣпленный лагерь [1]). Варну также слѣдовало хорошо укрѣпить и имѣть гарнизонъ въ 10.000 человѣкъ, „такъ какъ русскій флотъ могъ „появиться тамъ изъ Севастополя въ 48 часовъ времени".

Послѣ взятія нами Силистріи одна часть турецкой арміи должна была отступать на Шумлу, а другая къ Балканскимъ дефиле, которыя и защищать съ подошедшей туда резервной арміей.

Если же русской арміи удастся прорваться черезъ Балканы, то вся надежда, какъ патетически восклицалъ генералъ Опикъ, будетъ заключаться „въ отчаянной храбрости безнадежной за„щиты". Но и въ этотъ послѣдній періодъ онъ рекомендовалъ болѣе всего избѣгать открытыхъ сраженій—„единственной

---

[1]) См. также: „Note sur les provinces Danubiennes, extraite des ouvrages et mémoires les „plus récents, pour le service de l'armée, par le colonel Blondel". (Парижъ. Архивъ Военнаго министерства).

„надежды непріятеля“, а стараться, ведя малую войну, выигрывать время.

Въ отношеніи поведенія христіанскихъ народностей Турціи во время войны французскій посланникъ придавалъ особое значеніе сербамъ, „въ которыхъ турки найдутъ вѣрныхъ союзниковъ“, могущихъ не только обезпечить ихъ лѣвый флангъ, но и угрожать правому флангу русской арміи и заставить ее отдѣлить въ эту сторону значительный корпусъ войскъ. „Надо только привлекать „сербовъ и ихъ сосѣдей на свою сторону благорасположенной и „разумной администраціей“, внушалъ генералъ Опикъ. Несмотря на это, всѣ путешествовавшіе въ то время по Турціи французскіе офицеры свидѣтельствовали объ ужасномъ положеніи христіанъ,

Прибытіе египетскихъ войскъ въ Европейскую Турцію (съ нѣм. рис. съ нат.).

лишенныхъ всякихъ человѣческихъ правъ и переданныхъ въ полное распоряженіе злонамѣренной, корыстной, ни передъ кѣмъ не отвѣтственной мусульманской администраціи.

Такимъ образомъ, согласно нашимъ и турецкимъ предположеніямъ, театромъ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи, въ случаѣ наступательной съ нашей стороны войны, должны были служить долина Дуная и восточная часть Балканскаго полуострова, примѣрно до линіи Рущукъ—Адріанополь.

Вплоть до 1850 года укрѣпленные пункты Балканскаго полуострова оставались почти въ томъ же положеніи, какъ мы покинули ихъ послѣ Адріанопольскаго мира, если не считать естественнаго разрушенія, которое послѣдовало за прошедшія съ того времени двадцать лѣтъ. Съ пятидесятаго года началось, насколько можно судить, подъ вліяніемъ французскаго посольства въ Константинополѣ, постепенное улучшеніе наиболѣе важныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, какъ-то: Шумлы, Варны, Силистріи и отчасти

Рущука и Виддина, и то эти работы производились съ тѣмъ равнодушіемъ, которое отличаетъ оттоманскую націю. Лишь съ января 1853 года Турція начала дѣятельно готовиться къ войнѣ, и ея энергія въ этомъ отношеніи возрастала все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ открытому съ нами разрыву. Лихорадочная дѣятельность особенно усилилась послѣ вступленія арміи князя Горчакова въ княжества. Цѣлыя массы христіанскаго населенія, подъ руководствомъ опытныхъ иностранныхъ офицеровъ [1])

Французскій посолъ въ Константинополѣ генералъ Барагэ д'Илье.

и многочисленныхъ выходцевъ изъ Венгріи и Польши, работали надъ укрѣпленіемъ горныхъ проходовъ черезъ Балканы, а также надъ возведеніемъ временныхъ укрѣпленій по берегу Дуная. Всѣ эти пункты богато снабжались артиллеріей и боевыми припасами, и въ теченіе того цѣлаго года, который мы дали туркамъ спокойно готовиться къ войнѣ, Балканскій полуостровъ преобразился въ достаточно грозный оплотъ.

По правому берегу Дуная, начиная отъ запада къ востоку, турками было обращено особое вниманіе на слѣдующіе пункты:

Виддинъ, обезпечивавшій лѣвый флангъ оборонительной линіи Дуная и находившійся вблизи Сербской границы, имѣлъ

[1]) Подполк. Діё (Dieu) генералу Барагэ д'Илье. 25 (13) марта 1854 г. (Парижъ. Архивъ Военнаго министерства).

30 тысячъ жителей. Крѣпость, пятиугольной формы, древней постройки, состоящая изъ каменной стѣны, безъ присыпаннаго вала. Два фаса, обращенные къ Дунаю, состояли изъ зубчатой стѣны, около 5 саж. высотою, фланкируемой башнями, вооруженными орудіями. Впереди города, въ 150 саженяхъ, былъ построенъ фортъ, который предназначался для замѣны Калафата, разрушеннаго въ 1828 году. Выше и ниже города было также построено по одному форту. Фасы, прикрывавшіе городъ со стороны поля, были бастіоннаго начертанія; на нихъ обращалось очень мало вниманія. Вооруженіе крѣпости состояло изъ 200 орудій. Виддинъ былъ богато обезпеченъ всякаго рода запасами, которые подвозились въ теченіе всей зимы.

Рахово и *Никополь* имѣли значеніе, въ случаѣ наступленія на Плевну и Софію. Оба были плохо укрѣплены, но французскій майоръ Маньянъ (Magnan) усилилъ ихъ полевыми укрѣпленіями. Однако, со времени занятія нами княжествъ на эти пункты также было обращено вниманіе. Для защиты Рахова было построено 6 батарей, вооруженныхъ 8-ю орудіями, и, кромѣ того, противъ устья р. Жіо были возведены редутъ, вооруженный 7-ю орудіями, и батарея на 3 орудія. Верки Никополя были приведены въ исправность и вооружены 24 орудіями. Для обстрѣливанія устья р. Ольты было сооружено нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, вооруженныхъ 15-ю орудіями. Въ обоихъ пунктахъ устроивались большіе склады продовольственныхъ запасовъ.

Систово, противъ Зимнича, имѣло нѣсколько наскоро сооруженныхъ батарей.

Рущукъ до 1853 года оставался въ полуразрушенномъ состояніи. Съ этого времени начали приводить его въ сильное оборонительное состояніе, какъ возобновленіемъ старыхъ верковъ, такъ и постройкой отдѣльныхъ укрѣпленій. Особенное вниманіе было обращено на усиленіе обороны крѣпости со стороны Дуная, которая основывалась на цѣломъ рядѣ временныхъ фортовъ и отлично примѣненныхъ къ мѣстности отдѣльныхъ укрѣпленій, соединенныхъ между собою траншеями. Полнаго развитія всѣ эти фортификаціонныя постройки достигли къ марту 1854 года, при чемъ многія изъ нихъ воздвигались въ зависимости отъ нашихъ работъ на лѣвомъ берегу Дуная и на прилежащихъ островахъ. Число крѣпостныхъ орудій въ Рущукѣ доходило до 200, размѣщенныхъ, какъ на веркахъ крѣпости, такъ и на отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ.

Туртукай былъ укрѣпленъ лишь нѣсколькими отдѣльными батареями, возведенными послѣ занятія нами княжествъ.

Силистрія, которая, по плану генерала Опика, имѣла первенствующее значеніе, оставалась въ развалинахъ до 1849 года. Съ этого же времени начались заботы о приведеніи ея въ должный видъ постройкой сильной цитадели и отдѣльныхъ фортовъ.

Крѣпость состояла изъ 10 фронтовъ старой постройки, длиною каждый отъ 150 до 170 саженей, съ каменными эскарпами (высотою около 14 ф.) и контръ-эскарпами, цитадели и 4-хъ отдѣльныхъ фортовъ, вновь возводимыхъ на высотахъ, командующихъ городомъ. На вооруженіи крѣпости и фортовъ находилось 212 орудій [1]).

Что касается до старыхъ крѣпостей, прикрывавшихъ со стороны Дуная Бабадагскую область, то у *Гирсова, Мачина, Исакчи* и *Тульчи* былъ построенъ рядъ временныхъ укрѣпленій, приспособленныхъ къ затрудненію нашего перехода черезъ Дунай, и отчасти были возобновлены старыя постройки.

Французскіе офицеры, осмотрѣвшіе работы турокъ по берегу Дуная, нашли ихъ болѣе приспособленными къ содѣйствію перехода турецкой арміи на лѣвый берегъ рѣки, чѣмъ къ затрудненію нашей переправы.

Внутри Балканскаго полуострова было обращено вниманіе на укрѣпленіе горныхъ проходовъ черезъ Балканы и городовъ Шумлы и Варны.

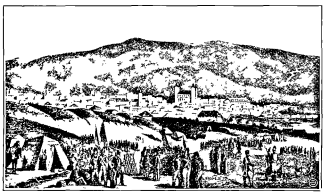
Шумлу полковникъ Блондель называлъ настоящею столицею Турціи, имѣющей 30 тысячъ жителей, ревностныхъ мусульманъ. Ей придавалось значеніе, какъ главному опорному пункту при борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ, а потому и на укрѣпленіе ея было обращено особое вниманіе. При дѣятельномъ участіи иностранныхъ офицеровъ турки сдѣлали изъ Шумлы въ имѣвшійся въ ихъ распоряженіи годъ времени обширный, отлично примѣненный къ мѣстности, укрѣпленный лагерь, состоявшій изъ нѣсколькихъ фортовъ съ каменными эскарпами и контръ-эскарпами и множества временныхъ и полевыхъ укрѣпленій, имѣвшихъ на вооруженіи свыше 150 орудій большого калибра, не считая полевыхъ. Здѣсь же сосредоточивались огромные запасы, артиллерійскіе парки, госпитали и пр.

---

[1]) Болѣе подробное описаніе укрѣпленій Силистріи отнесено къ описанію нашихъ дѣйствій подъ этой крѣпостью.

Единственнымъ недостаткомъ этого лагеря была его чрезмѣрная величина, которая, впрочемъ, не мѣшала, по мнѣнію маршала С.-Арно, защищавшей его 45-ти тысячной арміи надолго удержать всѣ дальнѣйшія поползновенія противника [1]).

Варна, отличный рейдъ на Черномъ морѣ. Городъ былъ окруженъ непрерывною оградою съ 16-ю неправильными бастіонами, съ каменными эскарпами и контръ-эскарпами. Кромѣ того, крѣпость была усилена пятью отлично примѣненными къ мѣстности отдѣльными сильной профили укрѣпленіями съ фланкировавшимися



Видъ гор. Яссы (съ франц. грав. на сталн).

рвами. На вооруженіи находилось 230 орудій. По мнѣнію французскихъ офицеровъ, для упорной обороны Варны требовался гарнизонъ въ 10-12 тысячъ человѣкъ.

Для прохода черезъ Балканы на участкѣ между Варной и Шумлой существовало только три дороги: 1) отъ Варны по берегу моря на Бургасъ, 2) отъ Праводы на Айдосъ и 3) отъ Шумлы на Карнабадъ. Дальнѣйшими предметами дѣйствій при наступленіи на Адріанополь являлись города Карабурнаръ и Китримлія.

Вся эта мѣстность, по словамъ генерала Опика, представляла много средствъ для обороны „твердому и мужественному народу“ [2]).

Согласно всѣмъ свѣдѣніямъ, собраннымъ при посредствѣ нашихъ консуловъ, въ началѣ 1853 года въ Европейской Турціи находилось свободныхъ для дѣйствія противъ насъ войскъ не болѣе 20.000 человѣкъ. Но съ этого времени турецкое правительство

---

[1]) Le Mal St-Arnaud au Mal Vaillant, 19 mai 1854. (Парижъ. Арх. Военн. мин.).

[2]) Кромѣ перечисленныхъ выше источниковъ, см.: [1]) Письма подполковника Діе къ генералу Барагэ д'Илье (Парижъ. Арх. Военн. мин.); [2]) Арх. Военн. Уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5741; [3]) Арх. Канц. Военн. мин., 1853 и 1854 гг., секр. д. № 35 и др.

приняло рядъ самыхъ энергичныхъ мѣръ для увеличенія своей арміи и для передвиженія къ угрожаемымъ пунктамъ дѣйствующихъ частей, замѣняя ихъ въ тылу формируемыми резервами. Изъ Румеліи, Албаніи и Босніи войска, послѣ разрыва съ нами дипломатическихъ сношеній, быстро направлялись къ Дунаю; на службу призывались редифы, и былъ объявленъ наборъ со всего магометанскаго населенія Турціи. Кромѣ того, правительство приняло самыя дѣятельныя мѣры къ сбору баши-бузуковъ, въ составъ которыхъ вступила бо́льшая часть полицейскихъ всѣхъ пашалыковъ Европейской Турціи. Сверхъ того, были потребованы сильные контингенты изъ Египта и Триполи.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ было быстрое усиленіе турецкой арміи на берегахъ Дуная и въ Болгаріи.

Къ серединѣ іюня число войскъ, назначенныхъ для дѣйствія противъ насъ, доходило уже до 58.000 человѣкъ [1]); къ августу мѣсяцу оно возросло до 75.000 человѣкъ и къ половинѣ октября до 143.000 человѣкъ [2]). Съ этого же приблизительно времени значительное передвиженіе войскъ черезъ Варну на сѣверъ прекратилось [3]), т.-е. стратегическое сосредоточеніе арміи окончилось, и турки, какъ извѣстно, начали военныя дѣйствія [4]).

Во главѣ турецкой арміи на Европейскомъ театрѣ войны былъ поставленъ, съ званіемъ главнокомандующаго, Омеръ-паша, бывшій австрійскій подданный по фамиліи Латасъ и по происхожденію кроатъ. Пройдя математическій курсъ наукъ, онъ поступилъ на службу въ корпусъ австрійскихъ инженеровъ путей сообщенія, имѣвшихъ въ то время военную организацію. Въ 1830 году, замѣшанный въ какой-то исторіи, онъ бѣжалъ изъ Австріи въ Турцію и принялъ исламизмъ.

Судьба покровительствовала молодому ренегату, и ему удалось пристроиться при знаменитомъ сераскирѣ Хозревъ-пашѣ въ самый разгаръ дѣятельности послѣдняго по реорганизаціи турецкой арміи. Къ этой отрасли занятій и былъ привлеченъ молодой Омеръ, который вскорѣ выказалъ большія способности, какъ организаторъ и воспитатель войскъ. Вмѣстѣ съ этимъ и подъ покровительствомъ

---

[1]) Донесеніе консула Коллы отъ 13 іюня 1853 года.

[2]) Свѣдѣнія дипломатической канцеляріи командующаго арміей отъ 21 октября 1853 г.

[3]) Французскій историкъ Guérin (T. I, p. 46) опредѣляетъ силу турецкой арміи въ 120 тыс. человѣкъ.

[4]) Госуд. Арх., Разр. XI, № 1226; Арх. Мин. Иностр. дѣлъ; Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 35; Арх. Военн. Уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5741 и др.

не разсчитывая на силу нашего флота, и что наша армія вторгнется въ центръ Болгаріи, полагая обосновать дальнѣйшія свои дѣйствія на симпатіяхъ христіанскаго населенія [1]).

Но турецкій главнокомандующій отлично воспользовался нашимъ бездѣйствіемъ въ княжествахъ и добровольно принятымъ на себя обязательствомъ не переходить Дуная. Это дало ему полную возможность не только безопасно сосредоточить и организовать свою армію, но придать ей въ теченіе всей зимы необходимую боевую спайку, держать въ постоянной тревогѣ наши войска и при помощи услужливой прессы раздуть въ глазахъ Европы свою славу и славу своей арміи. И надо отдать полную справедливость Омеру-пашѣ, что въ выполненіи этихъ цѣлей онъ достигъ самыхъ положительныхъ результатовъ.

Пользуясь, по выраженію англійскаго историка [2]), Дунаемъ, „какъ политическимъ барьеромъ, который покровительствовалъ „туркамъ противъ русскихъ", онъ смѣло пренебрегалъ всѣми военными предосторожностями, перекидывая войска съ низовьевъ Дуная на западъ и обратно, и безнаказанно организовалъ цѣлый рядъ попытокъ противъ лѣваго берега рѣки, производимыхъ очень часто одновременно на разныхъ, удаленныхъ другъ отъ друга, пунктахъ.

Хорошо освѣдомленный о расположеніи въ княжествахъ русскихъ войскъ, Омеръ-паша клалъ въ основу своихъ частныхъ попытокъ къ переходу въ наступленіе полную осторожность, обезпечивая себя къ тому же значительнымъ превосходствомъ въ силахъ. Для своей арміи турецкій главнокомандующій видѣлъ въ этихъ наступательныхъ операціяхъ лучшее средство къ боевой подготовкѣ неопытныхъ войскъ, къ ихъ сплоченности и къ развитію, благодаря обезпеченности успѣха, вѣры въ самихъ себя.

Основательныхъ надеждъ развить успѣхъ по ту сторону Дуная Омеръ-паша, какъ можно полагать по всѣмъ даннымъ, никогда не имѣлъ. Если иногда, подъ вліяніемъ частныхъ удачъ, у него и являлись, сродныя его натурѣ, военныя и политическія иллюзіи, то онѣ тотчасъ же уничтожались его природной осторожностью и нерѣшительностью [3]).

---

[1]) Консулъ Неаль (Neal) — лорду Стрэдфорду 17 іюня 1853 года изъ Тырнова. (Oestern papers, ч. 1, стр. 381).

[2]) „L'invasion de la Crimée" par Kinglake. Т. II, p. 51.

[3]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ переписка подполковника Діё (Dieu) съ генераломъ Барагэ д'Илье и въ частности письмо отъ 25 (13) марта 1854 года. (Парижъ. Арх. Военн. мин.).

всемогущаго Хозрева началось быстрое повышеніе его по ступенямъ служебной іерархіи. Въ 1846 году удачнымъ усмиреніемъ возставшаго Курдистана Омеръ-паша обратилъ на себя вниманіе султана; въ 1848 году онъ отлично исполнилъ свою миссію, какъ начальникъ турецкихъ войскъ въ Молдавіи и Валахіи, при совмѣстной съ русскими войсками оккупаціи княжествъ. 1851-й годъ былъ самой блестящей эпохой военной карьеры Омера-паши. Назначенный командующимъ войсками въ Босніи, населеніе которой отказывалось признать новую организацію Оттоманской Имперіи, онъ съ незначительными силами успѣшно разбилъ плохо организованные отряды возставшей провинціи. Послѣ этого онъ былъ назначенъ командиромъ 30.000 корпуса, предназначеннаго для дѣйствія противъ Черногоріи, но, какъ извѣстно, попытка эта была своевременно пріостановлена дипломатическимъ вмѣшательствомъ Австріи при сильной поддержкѣ Россіи.

Послѣ Венгерскаго возстанія Омеръ-паша принялъ подъ свое покровительство всѣхъ выходцевъ изъ Венгріи и Польши и являлся самымъ горячимъ заступникомъ ихъ передъ султаномъ [1]).

Ко времени назначенія главнокомандующимъ Дунайской арміей Омеру-пашѣ шелъ 52-й годъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ звѣрскимъ, но выразительнымъ лицомъ, грубый въ обращеніи и жестокосердый по характеру. Въ достаточной степени односторонній и очень самолюбивый, онъ въ своемъ военномъ поприщѣ особенно любилъ отрасль обученія войскъ; присутствуя по большей части лично на ученіяхъ, онъ, по свидѣтельству современниковъ, сдѣлалъ турецкую армію неузнаваемой [2]).

Что касается до талантовъ Омера-паши, какъ военачальника, то они во многомъ уступали талантамъ организатора. Маршалъ С.-Арно характеризовалъ его слѣдующими словами [3]): „У насъ „онъ не былъ бы личностью выдающеюся, но для Турціи онъ тѣмъ „болѣе замѣчателенъ и полезенъ, что не найдется никого другого, „который могъ бы его замѣнить. Омеръ-паша въ высокой степени „обладаетъ военными познаніями, и это настоящій солдатъ. Какъ „военачальникъ, онъ иногда бываетъ не лишенъ хорошихъ и „здравыхъ мыслей, но наравнѣ съ этимъ увлекается проектами „неисполнимыми и невѣроятными политическими намѣреніями.

---

[1]) Изъ иностранныхъ газетъ того времени.
[2]) Автобіографія А. О. Дюгамеля. (Русск. Арх., 1885 г., кн. 7).
[3]) Le Mal de St-Arnaud au Mal Vaillant. Varna, 19 mai 1854. (Парижъ. Арх. Военн. мин.).

„Вообще же эта твердая и основательная голова во многихъ „обстоятельствахъ нуждается въ руководствѣ“ [1]). Прибавимъ съ своей стороны, что въ военныхъ операціяхъ противъ русской арміи Омеръ-паша выказалъ въ большой степени осторожность и нерѣшительность.

Что касается до турецкихъ плановъ въ кампанію 1853 и начала 1854 годовъ, т.-е. до прихода на Балканскій полу-

Омеръ-паша.

островъ экспедиціоннаго корпуса англо-французовъ, то въ основу ихъ легъ вышеприведенный планъ, выработанный генераломъ Опикомъ еще въ 1849 году. Строго оборонительныя дѣйствія на Европейскомъ театрѣ, съ отнесеніемъ главной обороны съ береговъ Дуная на Балканскій хребетъ, и наступательная война на Азіатскомъ театрѣ [2]). Турецкій главнокомандующій ждалъ нашей переправы черезъ Дунай и былъ того мнѣнія, что мы избѣгнемъ дальнѣйшаго наступленія вдоль берега Чернаго моря,

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Это подтверждается и письмомъ Озерова къ князю Меншикову отъ 17 сентября 1853 года. (Госуд. Арх., Разр. XI, № 1252).

„Онъ отлично сознаетъ", писалъ маршалъ С.-Арно [1]), „что „онъ не можетъ одинъ противостоять русскимъ; вступить же съ „ними въ открытый бой, это значитъ желать полнаго разстройства „своей арміи, которая достойна лучшей участи" [2]).

Къ началу октября мѣсяца армія Османа-паши была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: на Дунаѣ отъ устья и до Виддина включительно около 80 тысячъ, въ Шумлѣ около 40 тысячъ, въ Варнѣ и Праводахъ около 8 тысячъ, для обороны Балканскихъ проходовъ къ западу отъ Шумлы и въ окрестностяхъ Софіи около 15 тысячъ. Сверхъ того, въ Константинополѣ находилось 15 тысячъ султанской гвардіи, и около 10 тысячъ было разбросано по остальнымъ пунктамъ Европейской Турціи. Канонерская ихъ флотилія на Дунаѣ состояла изъ 6 канонерскихъ лодокъ, вооруженныхъ тремя орудіями каждая, и одного парохода, вооруженнаго шестью орудіями [3]).

Изъ войскъ, расположенныхъ по Дунаю, примѣрно около 20 тысячъ занимало Бабадагскую область, группируясь преимущественно около Исакчи, около 25 тысячъ между Силистріей и Систово, имѣя большую часть въ раіонѣ между Силистріей и Рущукомъ, и около 30 тысячъ между Систово и Виддиныѵъ; большая часть послѣдней группы была сосредоточена на крайнемъ лѣвомъ флангѣ турокъ у Виддина [4]).

Въ зависимости отъ подраздѣленія войскъ, расположенныхъ по Дунаю, на три группы, они были ввѣрены тремъ отдѣльнымъ начальникамъ. Въ Бабадагской области начальствовалъ Мустафа-паша, въ центрѣ — Ахметъ-паша и на лѣвомъ флангѣ — Измаилъ-паша. Самъ главнокомандующій съ главной квартирой находился въ Шумлѣ, но, въ дѣйствительности, онъ большую часть времени проводилъ на берегахъ Дуная, переѣзжая съ одного мѣста на другое, при чемъ наибольшее вниманіе онъ обращалъ на Виддинскій отрядъ [5]).

Такимъ образомъ около половины всѣхъ войскъ находилось въ четырехугольникѣ крѣпостей Рущукъ, Силистрія, Варна и Шумла, составляя главныя силы и центръ арміи; на крайнемъ

---

[1]) Le Mal St-Arnaud au Mal Vaillant 19 mai 1854. (Парижъ. Арх. Военн. мин.).

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Составлено на основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ слѣдующихъ дѣлахъ: Арх. Канц. Военн. мин., 1853 г., секр. д. № 35; Арх. Военн. Уч. Ком. Гл. шт., отд. 2, дѣла №№ 4253 и 5741; Госуд. Арх., Разр. XI, д. № 1226 и Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

[4]) Точнаго распредѣленія войскъ по Дунаю установить нельзя, какъ по недостаточности источниковъ, такъ и по тому, что эта часть турецкой арміи очень часто передвигалась съ мѣста на мѣсто.

[5]) Guérin. T. 1, p. 46.

лѣвомъ флангѣ сильнѣе другихъ былъ Виддинскій отрядъ, правый же флангъ главнымъ образомъ охранялся отрядомъ у Исакчи.

Такое распредѣленіе войскъ вполнѣ соотвѣтствовало и принятому турецкимъ правительствомъ плану дѣйствій. Относительно сильный отрядъ на правомъ флангѣ отчасти объяснялся желаніемъ заставить князя Горчакова растянуть свои войска, а главнымъ образомъ опасеніемъ нашей переправы въ этомъ пунктѣ. Что касается до Виддинскаго отряда, то Омеръ-паша придавалъ ему большое значеніе, какъ долженствовавшему оттянуть часть нашей арміи на 300 верстъ въ сторону отъ главныхъ объектовъ дѣйствій,

Воззваніе муллы къ населенію
(съ англ. грав. на деревѣ, по рис. съ натуры).

и разсчитывалъ постоянной угрозой наступленія отсюда во флангъ русской арміи затруднять ея операціи въ другихъ болѣе важныхъ пунктахъ. Опасенія, которыя, какъ увидимъ ниже, князь Горчаковъ выказывалъ за свой правый флангъ, и сформированіе Мало-Валахскаго отряда убѣдили Омера-пашу въ правдивости его предположеній, и въ теченіе всей зимы онъ очень умѣло пользовался этой слабой струнокой нашего командующаго войсками. Но можно почти навѣрно утверждать, что вплоть до переправы русской арміи черезъ Дунай намѣренія Омера-паши атаковать насъ съ этой стороны никогда не выходили изъ области мимолетныхъ фантазій [1]).

„Омеръ-паша", сообщалъ французскій министръ въ Константинополѣ маршалу Вальяну [2]), „не имѣетъ увлеченій относительно

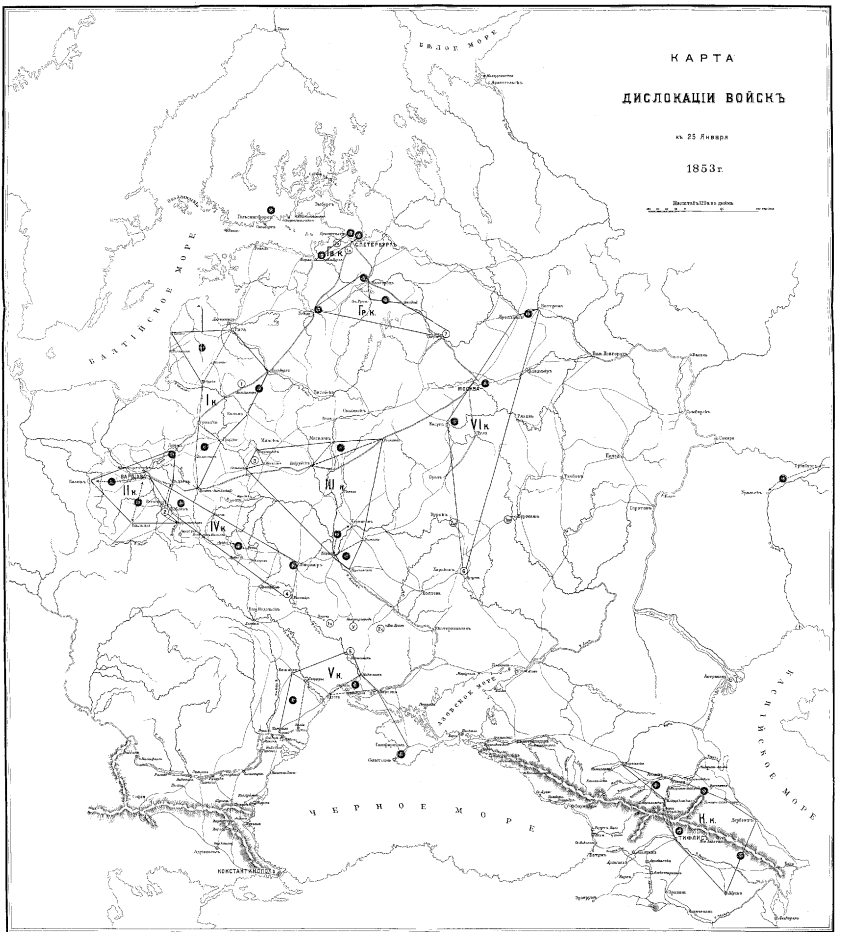
---

[1]) Подполковникъ Діё — Барагэ д'Илье отъ 25 (13) марта 1854 года (Парижъ. Арх. Военн. мин.) и онъ же маршалу Вальяну 26 декабря 1853 г. (Арх. мин. Ин. дѣлъ, Кард. Paris, 1854 г.).

[2]) L'ambassadeur à Constantinople au Ministre de la Guerre le 5 février 1854. (Парижъ. Арх. Военн. мин.).

„способностей своихъ генераловъ, которыхъ, однако, считаетъ „храбрыми и преданными. Онъ часто говоритъ, что сраженія подъ „Ольтеницей, Калафатомъ и Мачинымъ, а также мелкія аван- „постныя дѣла, которыя имѣли мѣсто до сихъ поръ и будутъ „продолжаться до начала серіозныхъ дѣйствій, есть превосходная „школа, весьма полезная для усовершенствованія организаціи и „обученія его офицеровъ и солдатъ".

Въ концѣ сентября прекратилось передвиженіе турецкихъ войскъ черезъ Варну, и такимъ образомъ закончилось стратегическое развертываніе ихъ арміи. Съ этимъ же временемъ совпадаетъ и переходъ ихъ къ открытымъ враждебнымъ противъ насъ дѣйствіямъ.


КАРТА
ДИСЛОКАЦІИ ВОЙСКЪ
къ 25 Января
1853г.
Масштабъ 120 въ дюйм.
Бѣлое море
Балтійское море
Черное море
Каспійское море
Каспійскій море
Петербургъ
Москва
Константинополь
Севастополь
Одесса
Кіевъ
Варшава
Берлинъ
Вѣна
Парижъ
Лондонъ
Стокгольмъ
Копенгагенъ
Неаполь
Персія
Индія
Китай
I к.
II к.
III к.
IV к.
V к.
VI к.
Гв. К.
1 Гв. К.
Н к.